

Г. Н. Трубецкой

ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОГО ДИПЛОМАТА

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2020

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 20-19-00159 в рамках Конкурса проектов 2020 года
по изданию научных трудов, не подлежит продаже.

Трубецкой Г. Н.

Т 77 Воспоминания русского дипломата / сост., вступит. ст., коммент. К. А. Залесского. —
М: Издательство «Кучково поле», 2020. — 800 с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-907171-13-8

Автор воспоминаний — дипломат и известный публицист князь Григорий Николаевич Трубецкой. Его воспоминания охватывают период с 1914 по 1920 год. Во время Первой мировой войны он был русским посланником в Сербии, где имел возможность наблюдать внутреннюю жизнь Сербии в условиях войны, обстановку в правительственных кругах, в армии, в народных массах. После революции он стал одним из руководителей подпольного Правого центра, а затем и видным белым политиком на Юге России. Эта книга — своеобразный синтез воспоминаний и историко-дипломатического исследования. Воспоминания Г. Н. Трубецкого впервые публикуются на его родине и впервые — в полном объеме. Текст сопровождается предисловием, подробными комментариями, научно-справочным аппаратом и др.

The author of the memoirs is a diplomat and well-known publicist prince Grigory Nikolaevich Trubetskoy. His memoirs cover the period from 1914 to 1920. During the World War I he was the Russian ambassador to Serbia, where he had the opportunity to observe Serbia's internal life of in war conditions, the situation in government circles, in the army, among the masses. After the revolution he became one of the underground Right-wing center's leaders and then the prominent White politician in the South of Russia. This book is a kind of synthesis of memories and historical and diplomatic research. Grigory Trubetskoy's memoirs are being published for the first time in his homeland and for the first time in full. The text is accompanied by a preface, detailed comments, scientific reference apparatus, etc.

УДК 94 (47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907171-13-8

Заказ №....

Тираж 300 экз.

© Заика-Войвод Е. С., текст воспоминаний, 2020
© Залесский К. А., вступит. ст., коммент., 2020
© ООО Издательство «Кучково поле»,
оригинал-макет, издание, 2020

Оглавление

Россия на переломе глазами дипломата	7
Памяти кн. Г. Н. Трубецкого	21
Облики прошлого	23
Семья моего отца	26
Семья моей матери	40
Дядя Сережа	51
Мои родители	72
Папá	73
Мамá	79
Калуга	88
Наши друзья	102
Гимназия	114
Калужское общество	116
Сергиевское	121
Брат Сережа	124
Москва. Пресня	131
Московский университет (1892–1896 годы)	163
Старый Восток (Отрывки воспоминаний)	201
I	201
II	205
III	209
Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах	215
Глава I	217
Глава II	234
Глава III	252
Глава IV	259
Глава V	266
Глава VI	275
Глава VII	280
Глава VIII	283
Глава IX	289
Глава X	293
Глава XI	306
Глава XII	314
Глава XIII	330
Глава XIV	341
Глава XV	348
Глава XVI	363

Глава XVII	379
Глава XVIII	393
Глава XIX	405
Глава XX	412
Приложение	435
Годы смут и надежд	439
Глава I. Выборы патриарха	441
Глава II. Создание Добровольческой армии	447
Глава III. Поездка в Москву и в Сергиевское	470
Глава IV. Москва	492
Глава V. Украина	509
Глава VI. Письмо Милюкова	526
Глава VII. Дон. Атаман Краснов	540
Глава VIII. Кубань. Екатеринодар	547
Глава IX. Крым. Великий князь Николай Николаевич	554
Глава X. Екатеринодар. Генерал Деникин и «союзники»	563
Глава XI. Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования	577
Часть 1	577
Часть 2: эвакуация Одессы	603
Часть 3: эвакуация Севастополя	613
Глава XII. Екатеринодар. Ставропольский собор	624
Послесловие М. Г. Трубецкого	637
Красная Россия и Святая Русь	639
О книге князя Трубецкого	641
О князе Г. Н. Трубецком	643
I	645
II	647
III	649
IV	655
V	659
VI	663
VII	664
VIII	666
IX	668
X	675
Примечания	687
Именной указатель	727

Россия на переломе глазами дипломата

Выход в России полных мемуаров князя Григория Николаевича Трубецкого — событие, переоценить которое невозможно. Блестящий русский дипломат, талантливый публицист и общественный деятель, член подпольной антибольшевистской организации, член белого правительства, активный участник православного движения... Все это об одном и том же человеке. Если бы он проявил свои таланты лишь на одном из этих поприщ, то этого уже было бы недостаточно, чтобы заинтересоваться его мемуарами! Впечатления и оценка непосредственного свидетеля и участника событий, потрясших Россию (и весь мир) на переломе эпох — в конце XIX — начале XX века — бесценны. А если к этому добавить, что в князе Трубецком счастливо сочетались административный талант государственного деятеля, пытливый ум высокообразованного человека, крепкая вера в Бога и блестящее владение русским языком, то можно понять, почему представленные в этой книге мемуары занимают особое место среди литературы, которую в России не совсем правильно принято называть эмигрантской.

Когда почти 40 лет назад, в 1981 году, в Канаде сын Григория Николаевича готовил к изданию одну из частей данной книги («Годы смут и надежд»), он обратился к русскому писателю и мыслителю Александру Исаевичу Солженицину с просьбой написать небольшое вступление. И сегодня мы должны признать: в такой короткой заметке сложно настолько четко дать характеристику воспоминаниям. Александр Исаевич написал: *«Все воспоминания Вашего отца всегда очень интересно читаются, и так же читал я нынешнюю рукопись. <...> Записки, написанные временно, в 1919, часть документов 1918, — очень высокой ценности. Первичная добротность изложения видного деятеля того времени. Как свойственно Григорию Николаевичу — высокий уровень понимания и изложения проблем, четкая политическая и бытовая обстановка, четкие образы исторических деятелей. Много дают для общего понимания гражданской войны, Добровольческой армии, казачества, союзников и чудесные картинки помещичьего быта 1918 года. С изданием этих записок уже опоздано на 60 лет, и я желал бы ему успеха»*¹.

¹ Трубецкой Г. Н. Годы смут и надежд. 1917–1919 гг. Монреаль, 1981. С. 5. — Здесь и далее примечания автора статьи, если не указано иное.

Было бы некорректно со стороны издательства опустить и помещенное в той же книге вступление «От издательства», которое было написано сыном князя Трубецкого Михаилом Григорьевичем. Оно не было помещено в основной текст, поскольку несколько выбивалось из общего стиля, но ничто не мешает привести его здесь, во вступлении, прежде чем перейти непосредственно к личности Г. Н. Трубецкого.

«Согласно традициям мемуары или воспоминания публикуются либо при жизни автора, либо 100 лет спустя. Но за это время столько произошло бурных перемен в жизни рядового человека в любой стране мира, что наш век может быть свободно удвоен.

Иначе говоря, 60 лет, которые нас отделяют от этих воспоминаний, спокойно могут считаться столетней давностью.

Я очень благодарен А. И. Солженицыну за его предисловие. Оно доказывает, что как бы нас не делили на три волны, — мы все же дети того же народа.

Записки моего отца начинаются с ноября 1917 года. В это время происходили выборы патриарха, в которых мой отец принимал деятельное участие, и его речь в Соборе была решительной для восстановления патриаршего престола.

Ввиду этого я дополняю его воспоминания о Добровольческой армии его речью в Соборе и прилагаю маленькую статью, написанную им уже в 1924 году, о том, как эти выборы происходили.

Иногда в газетах появляются статьи об ужасном и недопустимом отношении Франции к Добровольческой армии. Об этих отношениях пишет и мой отец, вопрос, который дополняется брошюрой, изданной “совершенно секретно” в Екатеринодаре в мае 1919 года: “Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования”. Очерк предназначался для членов Особого совещания, и экземпляр моего отца, возможно, является единственным уцелевшим.

Не может русский человек его прочесть без великого негодования и возмущения. Этот очерк является очень ценным историческим документом. Ввиду этого я его перепечатаваю, как и другие документы, точно так, как они были написаны, с сохранением старой орфографии, в то время как воспоминания моего отца были, к сожалению, уже перепечатаны по новой орфографии. В данное время все издательства “затоварены” и новые книги издаются с трудом. Поэтому я решил приняться за дело самостоятельно и восстановить в память моего отца книгоиздательство “Русь”, которое было им основано в Вене, в 1921 году, для выпуска на русском языке книги П. Жильяра: “Император Николай II и его семья”»¹.

Особенность полного издания воспоминаний Г. Н. Трубецкого в том, что они охватывают чрезвычайно обширный период и посвящены практически всей жизни мемуариста. Первая часть, которая носит название «Облики прошлого» и никогда ранее не публиковалась полностью (лишь несколько неболь-

¹ Там же. С. 9–10.

ших отрывков), посвящена семье Трубецкого, его родителям и многочисленным родственникам, а также его жизни и работе на дипломатической службе до первых лет нового XX века. Эти записки являются одним из лучших примеров отечественной «мирной» мемуаристики, то есть посвященной не периоду мировых катаклизмов, а мирной жизни России в последнее царствование.

Вторая часть, как следует из названия «Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах», освящает события, в которых Трубецкой непосредственно участвовал, будучи посланником в Белграде. Она особенно интересна тем, что, с одной стороны, автор описывает сложную дипломатическую ситуацию, сложившуюся вокруг Сербии, и предпринимаемые для ее разрешения шаги, а с другой, как очевидец рассказывает об одном из наиболее трагических событий в истории сербского народа и сербской армии, — отступления в 1915 году и эвакуации на остров Корфу. Эта книга была издана в Канаде^I, однако при подготовке данного издания использовалась не она, а машинописный текст, хранящийся в архиве потомков Г. Н. Трубецкого.

Своеобразным продолжением служит третья книга мемуаров «Годы смут и надежд», как уже говорилось выше, также увидевшая свет в Канаде (для подготовки этого издания также была использована оригинальная рукопись мемуаров). Она посвящена печальным событиям «года русской катастрофы» и последующим событиям: здесь и выборы патриарха, в чем Трубецкой принимал непосредственное участие, и создание Добровольческой армии, и работа в московском подполье, и белый Юг России — Кубань и Крым.

Наконец, последнюю часть составляет книга Трубецкого «Красная Россия и Святая Русь»^{II}, написанная им в 1922 году. И хотя это не в прямом смысле слова мемуары, она как нельзя лучше подходит для того, чтобы завершить том воспоминаний. Это своего рода размышления о судьбе России, о судьбе православия и Православной церкви и вообще христианства. Это своеобразное завещание князя Трубецкого, его обращение к потомкам.

* * *

Григорий Николаевич Трубецкой родился 14 (26) сентября 1873 года^{III} в имении Ахтырка Митинской волости Дмитровского уезда Московской губернии^{IV}. Поместье, получившее свое название по церкви Ахтырской иконы

^I Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.

^{II} Трубецкой Г. Н. Красная Россия и Святая Русь. Париж, 1931.

^{III} Эту дату дает Большая российская энциклопедия (См. БРЭ [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4205661; дата обращения: 20 сентября 2019 года) и составленный по некрологам справочник: Незабываемые могилы. Русское зарубежье: некрологи 1917–2001. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 475. В то же время достаточно часто в отечественных публикациях можно встретить дату 17 (29) сентября (без ссылки на источник), а в зарубежных, вообще, 5 сентября (17 сентября).

^{IV} Ныне деревня (в составе городского поселения Хотьково) Сергиево-Посадского района Московской области.

Божией Матери, принадлежала князьям Трубецким со 2-й четверти XVIII века, когда президент Юстиц-коллегии и камергер князь Иван Юрьевич Трубецкой Меньшой (1703–1744) приобрел ее у Василия Никитича Татищева. В 1820-х годах прадед автора воспоминаний князь Иван Николаевич Трубецкой (1766–1844) возвел здесь, на берегу реки Воря, большую усадьбу в стиле московского ампира (архитектор, предположительно, Д. Жилярди), новый камерный храм, а также множество хозяйственных построек.

Усадебный дом в Ахтырке подробно описал Н. Я. Тихомиров: «Двух-этажный корпус главного дома объединялся галереями с одноэтажными флигелями. Центральная часть здания, увенчанная большим куполом, со стороны парадного двора была обработана торжественным шестиколонным портиком ионического ордера, которому с противоположной стороны, обращенной к пруду и парку, отвечала полукруглая колоннада с обширной террасой и балконом над ней. Порттики боковых флигелей завершались парапетами. Помимо монументальных, простых и строгих в пропорциях основных архитектурных масс, дом привлекал внимание и своей лепниной, которая раньше не так часто встречалась на фасадах жилых зданий XVIII века. Лепной фриз узкой полосой обрамлял карниз портика и полуротонды, лепной герб Трубецких, увитый лентами, заполнял поле фронтона, лепные венки украшали стены над окнами первого этажа, а барельефные медальоны с гирляндами и факелами, помещенными на стене за торжественной колоннадой, завершали убранство центральной части дома. Каждому декоративному пятну здесь было найдено свое место, все было строго уравновешено и композиционно закончено»¹. Ахтырка перешла деду автора воспоминаний князю Петру Ивановичу в 1852 году, после смерти его матери Натальи Сергеевны, урожденной княжны Мещерской. С тех пор усадьба стала главной резиденцией ветви рода Трубецких, идущей от Ивана Юрьевича.

Род Трубецких был древним и славным: они вели свою историю от удельного князя Брянского и князя Стародубского и Трубчевского Дмитрия Ольгердовича (конец XIV века), внука великого князя Литовского Гедимина. Его потомки до 1566 года правили Трубчевским удельным княжеством, от названия которого, собственно, и получили свою фамилию. Потомки Гедимины — Гедиминовичи — играли в России большую роль, в ряде случаев обходили по службе и знатности самих Рюриковичей, особенно представителей младших ветвей удельных княжеских родов. Их фамилии были у всех на слуху: Трубецкие, Голицыны, Куракины, Хованский, Чарторыйские...

Князь Петр Иванович Трубецкой — генерал от кавалерии и сенатор — был женат на дочери генерал-фельдмаршала князя П. Х. Витгенштейна и имел обширную семью: у четы родилось пятеро сыновей и три дочери. При чем Ахтырка досталась третьему сыну — Николаю, отцу автора мемуаров.

¹ Тихомиров Н. Я. Архитектура подмосковных усадеб. М., 1955. С. 268.

Князь Николай Петрович родился 3 октября 1828 года, прожил 71 год и скончался 19 июля 1900-го тайным советником, почетным опекуном Московского присутствия Опекунского совета ведомства учреждений императрицы Марии, управляющим московской больницы императора Павла I и членом Совета Елисаветинского института по хозяйственной части. В мемуарах «Облики прошлого» Григорий Трубецкой подробно останавливается на личности отца, матери и других своих родственников — а их у него было очень много. Николай Петрович был человеком хорошо образованным (у него за плечами был Пажеский корпус), много занимался самообразованием, много сделал для развития музыки в России, был известным меценатом, занимался благотворительностью — в общем был милейшим человеком. Но, конечно же, у него не было предпринимательской жилки: часть состояния он потратил на благотворительность, часть — на содержание многочисленной семьи. Приходилось ему поддерживать еще и родственников: один брат уехал в Италию и там стал двоеженцем, другой крупно играл в карты. В конце концов, родовое гнездо — Ахтырку — пришлось продать¹.

Николай Петрович был женат дважды и имел от двух жен двенадцать детей (позже у него родились 30 внуков и 23 внучки). Все они являются действующими лицами «Осколков прошлого», и поэтому необходимо о них кратко упомянуть, прежде чем остановиться на личности самого Григория Трубецкого.

В 1853 году князь женился на своей ровеснице Любви, дочери лихо-го казачьего генерала графа Василия Васильевича Орлова-Денисова. У супругов родилось трое детей (на следующий день после родов дочери Марии 25 февраля 1860 года княгиня Любовь Васильевна скончалась):

— Софья (16 ноября 1853 — 27 сентября 1930), мужем которой был известный октябрист, член Государственного совета по выборам от съезда землевладельцев Ставропольской губернии Владимир Петрович Глебов (1850–1926); у них родилось четыре сына и четыре дочери;

— Петр (5 ноября 1858 — 4 октября 1911), егермейстер и Московский губернский предводитель дворянства (1892–1906); от брака с княжной Александрой Владимировной Оболенской (1861–1939) он имел двух сыновей и четырех дочерей;

— Мария (24 февраля 1860 — 29 марта 1926), которая вышла замуж за Григория Ивановича Кристи (1856–1911), тайного советника и егермейстера, Московского губернатора (1902–1905) и сенатора (с 1905); у них родилось три сына и одна дочь.

¹ Ныне это 4-я городская клиническая больница Департамента здравоохранения города Москвы.
^{II} В годы советской власти усадьба Трубецких была практически полностью уничтожена: в 1922 г. сгорел господский дом, постепенно пришли в негодность и были разобраны хозяйственные постройки, в 1937 г. закрыли церковь.

Вторым браком князь Трубецкой женился в 1861 году на Софии Алексеевне (1841–1901), представительнице чрезвычайно разветвленного рода Лопухиных. У ее отца, действительного статского советника и камергера Алексея Александровича Лопухина (1813–1872) было три сына и четыре дочери. От второго брака Николай Петрович имел девятерых детей¹:

— Сергей (23 июля 1862 — 29 сентября 1905), известный философ, статский советник, профессор и ректор Московского университета; от брака с княжной Прасковьей Владимировной Оболенской (1860–1914) он имел дочь и двух сыновей;

— Евгений (23 сентября 1863 — 5 февраля 1920), также философ и публицист, профессор Московского университета, член Государственного совета по выборам от Калужского губернского земства; от брака с княжной Верой Александровной Щербатовой (1867–1942) он имел дочь и двух сыновей;

— Антонина (1 сентября 1864 — 4 марта 1901), которая вышла замуж за Федора Дмитриевича Самарина (1858–1916), члена Государственного совета по выборам от дворянских обществ; у них родились сын и трое дочерей;

— Елизавета (15 августа 1865 — 4 августа 1935), ставшая женой Михаила Михайловича Осоргина (1861–1939), действительного статского советника в звании камергера, Тульского губернатора (1905–1907); у них родились три сына и четыре дочери;

— Ольга (8 мая 1867 — 12 января 1947);

— Варвара (25 июля 1870 — 6 июля 1933), которая была замужем за Геннадием Геннадиевичем Лермонтовым (1865–1908), дипломатом, камер-юнкером, 1-м секретарем Российского посольства в Риме (1906–1908); у них родились два сына и дочь;

— Александра (18 апреля 1872 — 1 сентября 1925), вышедшая замуж за Михаила Федоровича Черткова (1878–1945); у них родился один сын;

— Григорий, автор представленных здесь мемуаров;

— Марина (29 августа 1877 — 14 августа 1924), которая состояла в браке с князем Николаем Викторовичем Гагариным (1873–1925); у них родилось четыре сына и четыре дочери.

Таким образом, Григорий был одним из самых младших детей в этой большой семье. Поэтому первые его детские воспоминания связаны не с Ахтыркой, а уже с Калугой, куда его отец уехал вице-губернатором, когда Григорию было всего три года. Там он провел счастливые детские годы до 1886-го, то есть до 13 лет. В «Обликах прошлого» автор подробно останавливается на особенностях жизни их семьи, а также подробно описывает места их проживания: дом Квасникова, дом Кологривова, губернаторскую дачу в Загородном саду и др. Из Калуги Трубецкие переехали в Москву, поскольку глава семьи

¹ Еще одна дочь, Маргарита, родилась 13 июля 1868 г. и на следующий день скончалась.

получил назначение в Опекунский совет. Правда, срок исполнения Николею Петровичем обязанностей вице-губернатора истек в конце сентября 1886 года, а в Москву они прибыли только летом 1887-го года (Григорий Трубецкой подробно описывает, как они до этого гостили в имении у М. М. Осоргина). Трубецкие поселились в квартире в бельэтаже в доме князя Николая Сергеевича Оболенского на Кудринской улице. Ближе всего, на углу Большой Молчановки и Поварской, располагалась 5-я Московская классическая гимназия¹, в которой учился Григорий. Тем более что гимназия была на хорошем счету, там было очень серьезно поставлено изучение древних, а также иностранных языков. О том, что преподаватель был достаточно сильный, говорит, например, тот факт, что ее директором состоял действительный статский советник филолог и преподаватель греческого Александр Николаевич Шварц, будущий министр народного просвещения, а историю и географию преподавал статский советник Михаил Иванович Владиславлев, до этого занимавший пост ректора Санкт-Петербургского университета.

Приведенные в данной книге воспоминания Трубецкого фактически являются лучшей его биографией, поскольку исходят из первоисточника, в связи с этим нет никакой необходимости подробно останавливаться на этапах его жизни в предисловии. Вполне достаточно конспективно проследить дальнейший путь Григория Николаевича.

Итак, осенью 1892 года Григорий поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в своих записках он подробно разбирает и оценивает преподавательский состав, а слушать лекции ему довелось у таких известных профессоров, как П. Г. Виноградов, В. И. Герье, В. О. Ключевский, Ф. Е. Корш. В конце учебы он успешно защитил кандидатскую работу: *«Я избрал темой своего кандидатского сочинения историю положения 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостного права»*¹.

Выбор места будущей службы, как пишет сам мемуарист, *«вопрос трудный для птенца, росшего в теплом родительском гнезде и не знавшем жизни»*^{II}. Но надо иметь в виду, что в Российской империи, как и в чиновном мире, очень многое держалось на личных связях: *«Ну как не порадеть родному человеку!»*, по словам Фамусова. А уж для столь многочисленной семьи Трубецких-Лопухиных нужные связи должны были найтись. Так и получилось: сестра матери князя Григория Эмилия Лопухина в свое время вышла замуж за графа Павла Алексеевича Капниста, позже ставшего попечителем Московского учебного округа, который таким образом приходился молодому выпускнику дядей. У графа было несколько братьев, один из которых, граф Дмитрий

^I В 1920-х гг. на базе 5-й гимназии и в ее здании была открыта школа № 91, старое здание было снесено в 1950-х гг., а рядом выстроено в 1956 г. новое, которое существует и по сей день.

^{II} См. с. 166 данной книги.

^{III} См. с. 189 данной книги.

Алексеевич, был хорошо знаком с семьей Трубецких. Он как раз с 1891 года занимал пост директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, и посоветовал молодому человеку поступить на службу в его ведомство. Сам Трубецкой отмечает: «Вступление в Азиатский департамент связывалось для меня с перспективой службы в Константинополе и за границей. Я имел об этом скорее смутное представление, но сама неизвестность казалась заманчивой, интересной»^I. Григорий подал соответствующее прошение, каких-либо возражений не нашлось: молодой человек с хорошим образованием, князь, Гедеминович, да еще и родственник своего будущего начальника. В октябре 1896 года Трубецкой был зачислен на службу в Азиатский департамент. Ему предстоял переезд в столицу империи, Санкт-Петербург.

Однако тем не менее для службы во внешнеполитическом ведомстве молодые люди проходили серьезный отбор, одним из элементов которого была сдача специального дипломатического экзамена: иностранные языки (французский, английский, немецкий), знание международного права, истории дипломатии и др. Трубецкой в декабре того же года экзамен успешно сдал, став полноправным сотрудником Азиатского департамента.

В январе 1897 года граф Капнист оставил работу в министерстве (он был назначен сенатором), однако какое-то влияние у него оставалось, и он его задействовал, чтобы отправить Трубецкого за границу. К тому же в судьбе Григория приняли участие баронесса М. П. Будберг, урожденная Убри, дочь и жена крупных дипломатов, а кроме того, бабушка князя Николая Гагарина, женатого на сестре Григория Трубецкого... В общем, в марте 1897 года «открылась должность причисленного к посольству секретаря консульства в Ускюбе»^{II}. — Фактически назначенный на эту должность не ехал в Ускюб, но оставался в Константинополе и причислялся к посольству»^{III}.

В Константинополе Трубецкой провел примерно шесть лет: сначала он занимал должность помощника секретаря посольства, а с 1901 года — 2-го секретаря. Как отмечает в своей статье Ю. А. Писарев^{IV}, Трубецкой занимался не только своими непосредственными обязанностями, но много времени уделял самообразованию: он выучил новогреческий и турецкий, а позже еще сербский и болгарский языки.

Во время службы в Константинополе изменилось семейное положение Трубецкого. Во время своего пребывания в Москве 28 апреля 1901 года в храме Спаса Преображения на Бору состоялось бракосочетание князя Григория и Марии Константиновны (23 февраля 1881 — 30 октября 1943), дочери

^I Там же.

^{II} Скопье — город, ныне столица Северной Македонии.

^{III} См. с. 201 данной книги.

^{IV} Писарев Ю. А. Русский дипломат князь Г. Н. Трубецкой о начале Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1990. № 5.

графа Константина Аполлинариевича Хрептовича-Бутенёва. Как вспоминал Осоргин: «Гриша стал женихом Маши Бутеновой. Она ему до того отказала, а потом, тронутая его несчастьем при кончине матери, сама, при посредстве общего их дяди Сергея Алексеевича Лопухина, вызвала его и дала ему слово»¹. В браке у Трубецких за 10 лет родилось шесть сыновей:

- Константин (7 марта 1902, Москва — 17 апреля 1920, Перекоп, Крым);
- Николай (9 сентября 1903, Константинополь — 9 ноября 1961, Монреаль, Канада);
- Михаил Григорьевич (13 мая 1905, Константинополь — 1989, Монреаль, Канада);
- Сергей Григорьевич (15 декабря 1906, Москва — 26 октября 2003, Нью-Йорк, США);
- Петр Григорьевич (2 января 1910, Москва — 28 октября 1966, Франция);
- Григорий Григорьевич (родился и умер в 1912).

В историю князь Григорий Николаевич вошел, прежде всего, как дипломат и как светский деятель Православной церкви, но его личность была настолько многогранной, что он не мог ограничиться только этими областями приложения своих знаний. Обремененный семьей, он решил кардинально изменить свою жизнь и осенью 1905 года оставил службу во внешнеполитическом ведомстве. Это его решение было связано в том числе и с трагическими событиями в семье Трубецких: в конце сентября на приеме у министра народного просвещения скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг старший брат Григория профессор Московского университета князь Сергей Трубецкой. Именно с Сергеем другой его брат — Евгений — в это время как раз готовился начать издание нового общественно-политического журнала, уже фактически были найдены деньги на издание: их обещала дать известная московская меценатка, представительница богатейших купеческих фамилий Маргарита Кирилловна Морозова, урожденная Мамонтова. Евгению теперь действительно требовался помощник, им то и стал князь Григорий.

Новое издание, получившее пока ничего не говорящее название «Московский еженедельник», было, как было модно в середине 1910-х годов, либерального толка, в противном случае интерес к нему «образованного общества» был бы довольно низок. Но авторитет Евгения Трубецкого сыграл свою роль, и либеральная общественность крайне тепло приветствовала выход нового журнала. Кроме, собственно, Евгения Трубецкого, редакционная статья которого открывала каждый номер журнала, а также князя Григория, который не только сосредоточился на редактировании текстов, но сам оказался не чужд журналистике, в издании стали активно публиковаться такие известные в то

¹ Осоргин М. М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни, 1861–1920. М., 2009. С. 553.

время либералы, как: Николай Астров, Николай Львов, Петр Струве, Сергей Булгаков и другие. Таким образом, журнал, который позже назовут неофициальным органом Партии мирного обновления, находился на правом фланге либерального политического спектра, занимая позицию левее октябристов, но правее кадетов. Как аккуратно будут писать эмигрантские источники, князь Григорий Николаевич участвовал в издании журнала, «стремившегося найти творческий синтез между русской государственностью и интеллигентской мыслью. Не примыкая всецело ни к правительству, ни к оппозиции, “Московский еженедельник” приобрел в свое время значительный нравственный авторитет»^I.

Постепенно Григорий Николаевич стал больше внимания уделять не журналу, а новому увлечению: уже в 1908 году он совершил длительную — почти четырехмесячную — поездку на Балканы, вновь увлекшись вопросами международной политики. По ее результатам он опубликовал ряд статей, среди которых особенно выделялась «Россия как великая держава»^{II}, датированная им 17 октября 1910 года. Ее он завершил словами: «На полях Маньчжурии наши солдаты показали, как и в старину, свою способность умирать; от нас требуется теперь другая способность — умение жить и устраивать жизнь нашего отечества. В этом уменье заключается разгадка всех наших проблем — подъема просвещения и производительности, внутренней и внешней политики, государственной обороны, словом всего того, что для нас определяется одним общим лозунгом: Великая Россия»^{III}. Статья имела большой успех и даже была переведена на несколько языков.

К этому времени «Московский еженедельник» благополучно приказал долго жить, а его вдохновитель князь Евгений Трубецкой в следующем году в числе 130 университетских профессоров подал прошение об отставке в знак протеста против увольнения трех коллег Министерством народного просвещения^{IV} и уехал в Медынский уезд Калужской губернии, в имение Бегичево. Григорий Николаевич остался в Москве без какого-либо определенного занятия и теперь получил известность как эксперт по внешней политике и славянскому миру, критиковавший действия правительства с точки зрения национальных интересов Российской империи.

Как уже говорилось выше в чиновном мире Российской империи и Санкт-Петербурга в целом, а в Министерстве иностранных дел в частности, личные связи играли колоссальную роль. И вновь они оказали влияние на дальнейшую карьеру Трубецкого. Дело состояло в том, что еще в детские годы,

^I Ольденбург С. С. Памяти князя Г. Н. Трубецкого // Россия и Славянство. 11 января 1930.

^{II} См.: Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам / ред.-изд. В. П. Рябушинский. М., 1910. С. 21–137.

^{III} Там же. С. 137.

^{IV} К удивлению профессуры министр Л. А. Кассо на попятную не пошел и прошение об отставке подписал.

во время пребывания в Калуге, он познакомился с сыном и дочерью местного воинского начальника барона Фабиана Густавовича Шиллинга. Прошли годы и товарищ детских игр Трубецкого барон Маврикий (Мориц) Шиллинг стал статским советником и в 1911 году занял пост начальника Канцелярии министерства иностранных дел С. Д. Сазонова, став его особо доверенным лицом. Сам Григорий Николаевич вспоминал: *«Шиллинг решил непременно вновь меня привлечь в дипломатическую карьеру, и я уверен, что это по его совету и настояниям, я получил от Сазонова предложение занять место начальника отдела Ближнего Востока Министерства иностранных дел. Это предложение, мною принятое, было поворотным этапом моей жизни, которым я считаю себя обязанным в значительной степени Шиллингу»*^I. Вернее надо отметить, Трубецкой был принят курировать вопросы Ближнего Востока (и Балкан), а его пост официально именовался вице-директор 1-го (Азиатского) департамента Министерства иностранных дел (при том, что пост директора департамента был вакантным), при этом князь носил чин надворного советника и одновременно был назначен состоять в звании камергера. О своей деятельности и взаимоотношениях по службе с руководством Трубецкой подробно рассказывает в своих мемуарах, уделяя много внимания как личностям своих коллег, так и своей позиции. Можно лишь процитировать его слова, что: *«Я отвык от служебной лямки, привык к независимости, и меня смущала перспектива подчинения и чиновничества»*^{II}.

Наконец, при очередной реорганизации структуры Министерства иностранных дел князь Трубецкой был 1 июля 1914 года назначен советником (то есть начальником) 2-го (Ближневосточного) политического отдела. Он занимал в ведомстве несколько своеобразное и исключительное положение. Вот как его описывает хорошо знавший князя по службе управляющий Юрисконсульской части МИД барон Б. Э. Нольде: *«Его новая роль не вызвала ни малейшего удивления, настолько этот москвич, “либерал” и конституционалист, в котором не было никаких следов петербургского чиновника, казался призванным, по праву и справедливости, взять в свои руки важный рычаг русской государственной машины [...] он сознательно принес в работу на государственном станке свои собственные, свободно выросшие мысли, свое собственное понимание русских государственных задач, мысли и понимание, которыми он никогда не поступился бы и которые ни при каких условиях он не принес бы в жертву никаким выгодам и никакой “карьере”. При малейшем конфликте между инерцией государственного аппарата и своей собственной внутренней свободой, он — все это знали — спокойно и вежливо ушел бы из петербургского служебного кабинета и уехал в Москву и в Васильевское»*^{III}.

^I См. с. 104 настоящей книги.

^{II} См. с. 342 настоящей книги.

^{III} Нольде Б. Э. Кн. Г. Н. Трубецкой. 1873–1930 // Далекое и близкое. Исторические очерки. Париж, 1930. С. 226–227. (Электронную версию см.: URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/22483-nolde-b-e-dalekoe-i-blizкое-istoricheskie-ocherki-parizh-1930>; (дата обращения: 2 декабря 2019 года).)

Впрочем, это назначение можно было рассматривать как временное, поскольку Сазонов еще до назначения уже рассматривал Трубецкого как желательную кандидатуру для представительства России за рубежом. Ему даже уже было предложено отправиться в Тегеран чрезвычайным министром и полномочным посланником при Персидском дворе, однако князь взял паузу: ему явно не очень нравилось подобное назначение, поскольку ближе ему был славянский мир, а не специфический азиатский. Вопрос, впрочем, решился сам по себе: во время предшествовавшего началу Первой мировой войны Июльского кризиса 10 июля 1914 года у русского чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе короля Сербии гофмейстер Николая Генриховича Гартвига во время беседы с австро-венгерским посланником генералом Гизлем фон Гизлингом не выдержало сердце. В результате обширного инфаркта он скончался. Место было предложено Трубецкому и он немедленно дал свое согласие и 13 июля назначение состоялось. Впрочем, Григорию Николаевичу пришлось задержаться в России: выехать он смог лишь в конце ноября 1914 года.

Во время Первой мировой войны на долю Трубецкого пришлось сложнейшие дипломатические переговоры и маневры, попытки привлечь на свою сторону Болгарию, он сопровождал сербскую армию и правительство в изгнание. Все эти события подробно описаны им в мемуарах, в части «Русская дипломатия 1914–1917 годов и война на Балканах», написанных по горячим следам (их князь закончил уже 25 января 1917 года). С марта 1916-го он находился в отпуске, успев получить свое последнее повышение по службе: 10 апреля 1916 года он был произведен в действительные статские советники.

1917-й год стал, с одной стороны, возвращением Трубецкого на государственную службу, а с другой — возможно, имевшей большее значения для князя, открыл для него новую сферу деятельности. Являясь с марта 1917 года временно исполняющим обязанности директора Дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем¹, он принял активнейшее участие в работе Всероссийского поместного собора, членом которого он был избран от действующей армии, и сыграл важную роль в восстановлении в Русской православной церкви патриаршества. Хотя, конечно, религиозная тема не была новой для Трубецкого: он был глубоко верующим человеком и всегда принимал нужды Церкви близко к сердцу. Теперь его работы, в том числе и те, что были написаны в эмиграции, стали носить более ярко выраженный философский, религиозный и мировоззренческий характер. Русский философ Николай Арсеньев так писал о Трубецком: «*Веруйте в Свет, да будете сынами*

¹ В октябре планировалось назначить Трубецкого послом в Лондоне, однако назначение фактически так и не состоялось.

Света! — вся жизнь князя Григория являлась осуществлением этих слов, она была свидетельством о Свете, которому он служил, о высшем Свете. Поэтому-то так очищались и укреплялись люди духовно от соприкосновения с ним. Это был светильник, горевший тихо и ровно, и вместе с тем светло и ярко, и не только в семье своей, но и для приходивших извне»¹.

Князь Трубецкой не просто не остался в стороне от смутных времен, обрушившихся на Россию в 1917 году, от наступившей пятилетней Смуты, он принял самое активное участие в борьбе с властью, которую он считал богорборческой, противной сути русского народа и России. Свою позицию он никогда не скрывал и всячески обосновывал в своих работах, в том числе и в тех, что собраны в этой книге. В отличие от многих «общественных деятелей» уже в начале 1918 года покинувших Россию и писавших гневные статьи в тиши парижских кафе, Трубецкой уже в ноябре 1917 года вошел в состав подпольного антибольшевистского «Правого центра», став одним из наиболее деятельных его членов. По делам Центра он несколько раз съездил из Москвы в Петроград, и при этом успевал участвовать в заседаниях Поместного собора, выступать перед делегатами. Его авторитет постоянно рос и, как следствие, 8 декабря 1917 года он был избран заместителем члена Высшего церковного совета от мирян. Но в конце того же месяца Трубецкой покинул Москву и уехал на Дон, где разворачивалась антибольшевистская борьба. Оттуда ему пришлось вернуться в Москву за семьей, а затем вновь пробираться на Юг России. Перипетии жизни князя Трубецкого в годы Гражданской войны также подробно описаны им в мемуарах, вошедших в состав данного издания.

Теперь уже Трубецкой считался известным не только дипломатом и политиком, но и церковным деятелем. Его избрали товарищем председателя Юго-Восточного русского церковного собора (май 1918 года) — единственного мирянина, а затем он встал во главе им же созданного Временного управления по делам исповеданий (август 1918 года), став, таким образом, «обер-прокурором» в Особом совещании при главкоме Добровольческой армии. Сложно охватить все направления деятельности Трубецкого в годы Всероссийской смуты, одно лишь перечисление его постов и должностей поражает (не говоря уже о том, что за каждой из них стоит колоссальный объем деятельности): главноуполномоченный по делам беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, заместитель начальника и начальник Управления иностранных сношений в правительстве при бароне П. Н. Врангеле — последний министр иностранных дел Белой России...

А потом была эмиграция, где вновь блеснула звезда князя Трубецкого, ставшего заметной фигурой русского сообщества в Европе. В Вене он осно-

¹ Арсеньев Н. С. Памяти князя Г. Н. Трубецкого // Россия и Славянство. 18 января 1930.

вал издательство «Русь», и что показательно, первой книгой, выпущенной издательством, стала книга П. Жильяра «Император Николай II и его семья»...

Трубецкой скончался 6 января 1930 года в Кламаре, небольшом городке в 10 километрах к юго-западу от Парижа.

Наверное одна из лучших эпитафий князю Григорию Николаевичу Трубецкому принадлежит Николаю Бердяеву: *«Он был человек смертельно раненый революцией, но в сердце его не было злобы и мести, которые терзают столь многих... Более всего поражала в личности князя Г. Н. Трубецкого необыкновенная его цельность в самую расколотую и разорванную эпоху, органичность его типа»*¹.

К. А. Залесский

---

¹ См. с. 22 настоящей книги.

Памяти кн. Г. Н. Трубецкого¹

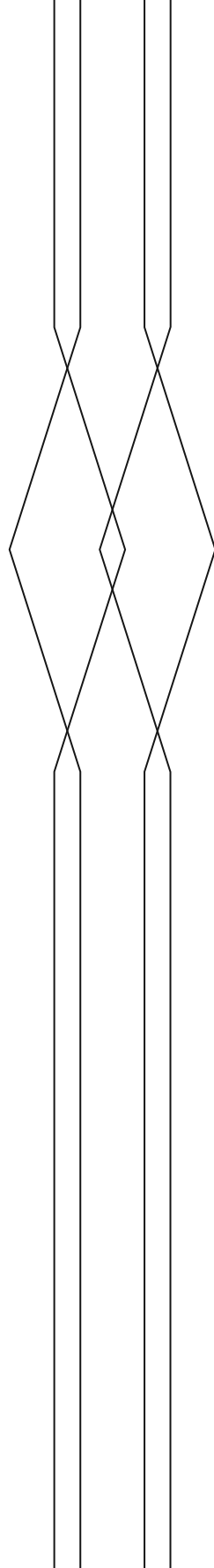
Умер благороднейший представитель старой России. Князь Г. Н. Трубецкой принадлежал к редкому у нас типу высококультурных, либеральных консерваторов. Если бы русский консерватизм был таков, как у князя Г. Н. Трубецкого, то, вероятно, Россия избежала бы многих катастроф. Враг крайностей, обладавший даром меры, он противился разрыву времен. Непримируемый противник революции — он никогда не был сторонником черной реакции. Он любил, прежде всего, Православную церковь и Россию и хотел служить этим вечным ценностям. Но ценность религиозная для него всегда стояла выше ценности политической, что не так часто встречается в эмоциональной атмосфере эмиграции. Дипломат в прошлом, потом активный участник Белого движения, он в последние годы был занят главным образом церковной деятельностью. Член Церковного собора, человек очень влиятельный в церковных кругах, он был горячим сторонником патриарха Тихона, о котором писал на страницах «Пути», и всегда старался поддерживать церковное единство. Стремление к церковному миру и единству, боязнь борьбы в Церкви делали трудным его положение в момент церковной распри. Как бы мы ни относились к взглядам князя Г. Н. Трубецкого, мы должны признать, что они всегда были очень искренни, всегда определялись его стремлением к правде, его любовью к Церкви и России. Я давно знал князя Г[ригория] Н[иколаевича], более двадцати лет. Еще ближе знал его брата, покойного философа князя Е. Н. Трубецкого. Семья Трубецких — одна из самых культурных русских семей. Редко бывает, чтобы в одной и той же семье два брата были замечательными философами, как то мы видим в лице князей С. и Е. Трубецких. В первые годы после моей высылки из России мы были в довольно близком общении с князем Г. Н. Трубецким, несмотря на расхождение во взглядах. Но в последние годы, после Карловацкого раскола, мы идейно очень разошлись и редко встречались, что не мешало мне сохранять глубокое уважение к князю Г. Н. Трубецкому. Благородство характера князя Г[ригория] Н[иколаевича] выразилось в том, что он готов был сознать свою частичную неправоту. Так, в одно из последних наших свиданий он поразил меня тем, что сознал свою неправоту в вопросе об отношении Церкви в эмиграции и Церкви внутри России. К этому

¹ Опубликовано: Путь. 1930. № 21 (апрель). С. 94–96.

сознанию привело его изучение антирелигиозной пропаганды в России, безбожной литературы и вызванного этими явлениями религиозного движения. С большим сочувствием относился он к христианскому движению молодежи и принимал в нем участие в качестве друга и советчика. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] очень болел расколом христианского мира, и его очень интересовало движение к сближению Церквей и вероисповеданий. Он принимал горячее участие в интерконфессиональных собраниях русских православных и французов католиков и протестантов, устраиваемых по русской инициативе. За несколько дней до своей внезапной смерти, он участвовал в интерконфессиональном собрании, на котором читал доклад отца С. Булгакова о Православной церкви, и участвовал в прениях. У него всегда был большой интерес и симпатия к католицизму и стремление к сближению, но с сохранением твердости и крепости православия. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] был человеком крепкого православного быта. Он сохранил его в условиях эмиграции. В его усадьбе в Кламаре была устроена православная церковь, которую мы жители Кламара всегда посещаем. У такого бытового православного интерес к сближению Церквей был показатель религиозной чуткости и отсутствие замкнутости. Князь Г[ригорий] Н[иколаевич] соединял крепкую веру и традиционализм с полным отсутствием фанатизма, с большей терпимостью. Это — очень редкое сочетание свойств, особенно в атмосфере, в которой нам приходится жить. Влияние его на окружающую среду было облагораживающее и умеряющее. Традиционализм князя Г[ригория] Н[иколаевича] был очень культурным, умеренным, терпимым, по-своему свободолюбивым. Таких людей у нас очень мало, и утрата таких людей очень болезненна и чувствительна. Даже когда князь Г[ригорий] Н[иколаевич] был неправ и несправедлив, в нем не было злой воли, не было злой страсти, не было ненависти. Он был человек смертельно раненный революцией, но в сердце его не было злобы и мести, которые терзают столь многих. В жизни поражал он той необыкновенной простотой и бытовым демократизмом, которые свойственны лишь истинному аристократизму. Простота и скромность были его добродетелями. С ним связано было обаяние его личности. Возможно, что высший слой русского дворянства, окончательно разбитый революцией, не будет уже рождать такого благородного типа. Класс, пораженный революцией и оттесненный из истории легко озлобляется. После таких катастроф поколение детей может потерять уже высокое благородство породы и культуры отцов. Но память о таком благородном типе, выработанном длительным культурным процессом, должна всегда сохраняться. Память сама всегда есть признак благородства, забвение же признак неблагородства. Более всего поражала в личности князя Г. Н. Трубецкого необыкновенная его цельность в самую расколотую и разорванную эпоху, органичность его типа. Такой цельной, в лучшем смысле, детской была его вера. Таким людям легко умирать. И нелегко терять их оставшимся в живых в самую мучительную эпоху русской истории.

Н. А. Бердяев

ОБЛИКИ ПРОШЛОГО

На днях (осенью 1925 года) мне попалось следующее место из «Дневника писателя» Достоевского¹: «Любопытно, что у нынешней молодежи, у нынешних детей и подростков будет драгоценного в их воспоминаниях и будет ли... Главное, что именно... Какого рода...

Что святыне воспоминания будут и у нынешних детей, сомнения, конечно, быть не может, иначе прекратилась бы живая жизнь. Без святого и драгоценного, унесенного в жизнь из воспоминаний детства, не может и жить человек... Но что именно будет в этих воспоминаниях, что именно унесут они с собою в жизнь, как именно сформируется для них этот дорогой запас — все это, конечно, и любопытный и серьезный вопрос...

Современное русское семейство становится все более и более случайным семейством. Именно *случайное семейство* — вот определение современной русской семьи. Старый облик свой она как-то вдруг потеряла, как-то внезапно даже, а новый... в силах ли она будет создать себе новый, желанный и удовлетворяющий русское сердце облик... Иные, и столь серьезные даже люди говорят прямо, что русского семейства теперь “вовсе нет”. Разумеется, все это говорится лишь о русском интеллигентном семействе, то есть высших сословий, не народном. Но, однако, народное-то семейство — разве теперь оно не вопрос тоже...»

Эти строки написаны в 1877 году. К этому времени относятся первые мои воспоминания, и я чувствую, что пришла пора мне привести их в порядок, для себя и для своих детей. Пусть они узнают, что в этом отношении опасения Достоевского не совсем оправдались, что были в то время, как они есть и сейчас и в России и за рубежом, не одни только «случайные семейства», но крепкие, органически выросшие и связанные с прошлым русские семьи. Пусть они прочтут эти страницы, в которых я хочу передать, как умею, «святыне воспоминания», вынесенные мною из детства, и все, что моя память сохранила о дорогом прошлом, частью по рассказам — о членах семьи моих родителей, но главным образом из личных впечатлений и переживаний.

Я плохо помню года, факты, я не берусь писать семейной летописи и рассчитываю, что ее напишет сестра Ольга, если ей удастся получить собранные ею письма и документы. Я же постараюсь, как могу, восстановить хотя бы главные облики прошлого. Памятью о них я живу. Сумею ли я передать другим то, что мне дорого — это вопрос. Но то, что я пишу, это не литература, а пережитая жизнь. Я хотел бы, чтобы мои дети любовью связали с нею свою начинающуюся жизнь.

Семья моего отца

В своих очерках «Из прошлого»² мой брат Евгений художественно изобразил два типа старой дворянской России, к коим принадлежали семьи моего отца и моей матери: семья Трубецких — старого барского и военно-служилого покроя, где дети с малолетства получали военное воспитание. Мой дед князь Петр Иванович Трубецкой был таким типичным генералом Николаевской эпохи; его несколько карикатурно изобразил Лесков в своих рассказах, а брат мой восстановил в человеческих формах и как представителя крепкого старого уклада жизни. Порой он мог казаться самодуром, хотя, по существу, был добрым человеком. Военная выправка и феодальные традиции рода определяли его жизненный кодекс и быт жизни. Это своеобразно сочеталось порою со склонностью писать сентиментальные стихи — эпиграфий и посвящения. Это была цельная фигура генерала-князя-помещика старой дореформенной России, которую он пережил на 10 лет, скончавшись в 1870 году³, 72 лет от роду. В молодости он был адъютантом фельдмаршала князя Витгенштейна и женился на его дочери⁴. У меня висел прекрасный портрет ее в молодости, кисти Доу, в соломенной шляпе с открытой длинной шеей, мечтательно согнутой и с кисейными открытыми рукавами. Но мечтательное выражение не было характерным для бабушки в зрелом возрасте. Она была энергичной, деятельной управительницей обширных поместий, по которым разъезжала и успешно хозяйничала, потому что дедушка занят был службой. Немка по происхождению, она, по-видимому, без труда превратилась в помещицу патриархального уклада — превращение, которое заставляет вспомнить портрет Лариной из «Евгения Онегина». Когда нужно было, она умела вспомнить, что она дочь фельдмаршала, ездила в Петербург и с большой энергией добивалась при Дворе чего хотела.

Все сыновья дедушки⁵, в том числе и мой отец, с семилетнего возраста отдавались на воспитание в Пажеский корпус⁶. Оттуда они писали старательным почерком письма своим родителям, поздравляя

«любезного Папеньку» и «любезную Маменьку» с днем их рождения и именин, и приезжали домой на короткую побывку летом. Семейной жизни настоящей у них не было. Кончая Пажеский корпус, они поступали в Гвардию, служили в Петербурге, в то время как дедушка был военным губернатором в Харькове, Орле, а под конец жизни первоприсутствующим сенатором в Москве.

О нравах в Пажеском корпусе я сохранил отрывочные воспоминания из рассказов моего отца. Мальчиков, провинившихся в течение недели, наказывали по субботам. Самым обычным наказанием была порка. Мой отец был в корпусе вместе со своим братом Павлом. Оба почти еженедельно подвергались этому наказанию. Иногда, один брат ручался за другого, и тогда в случае провинности одного, секли обоих. Между воспитателями был один немец, придумавший такую характерную шутку. В субботу, когда его окружала кучка учеников, между которыми предстояло распределять наказания, он вынимал дырявый носовой платок и сморкался в отверстие. Те, на кого попадало, считались счастливыми и освобождались от наказания.

Конечно, такие педагогические приемы типичны для того времени, но только по ним нельзя выносить окончательное суждение о тогдашнем Пажеском корпусе. Были у него и хорошие стороны. В нем воспитывалось крепкое товарищеское чувство на всю жизнь. Я видел тому примеры на некоторых товарищах по корпусу моего отца, с которыми ему пришлось вновь встретиться лишь на склоне лет. И товарищеские узы оказывались так сильны, что один для другого старались сделать все, что могли. Школа, вырабатывающая такой товарищеский дух, не может не иметь хороших сторон. В нее поступали дети лучших дворянских семей с крепкими семейными традициями, и она со своей стороны укореняла в своих питомцах чувство служебного долга и преданности монархии. Для всего поколения, воспитавшегося в тогдашних военных школах, обаяние императора Николая Павловича было особенно сильно. С его личным ореолом связывалось представление о мощи России.

В общем, однако, старорежимная система воспитания, отрывавшая детей от семьи чуть ли не с младенческого возраста и построенная на внешней дисциплине, предоставляла этих детей в значительной степени самим себе, игре их добрых и худых наклонностей. Это сказалось на судьбе моего отца и его братьев.

Отец мой имел от природы добрую чистую душу. Это был Божий дар, который спас его от всех соблазнов и опасностей, которые были на пути всякого в его положении, кончавшего Пажеский корпус и пускавшегося в омут светской полковой жизни с ее кутежами и увлече-

ниями. Тоже можно сказать о его брате-сверстнике Павле Петровиче^I, с которым он был особенно дружен в детстве.

Старший брат князь Петр Петрович^{II} был блестящий красивый гвардейский офицер. Расчетливая мать отпускала сыновьям деньги на скромное существование. Денег этих не хватало. Делались долги. Тогда дедушка решил женить сына на богатой невесте, нашей однофамилице, княжне Варваре Юрьевне Трубецкой, очень добродетельной и столь же некрасивой. Сын не захотел жениться, тогда дедушка отправил его служить на Кавказ, чтобы он там образумился. Молодому офицеру это скоро надоело. Он написал в Москву: «готовьте обезьяну», приехал и женился.

Разумеется такой брак не сулил прочности. Через несколько лет, когда у него были уже от этого брака две дочери⁷, князь Петр Петрович увлекся знаменитой в то время американской певицей^{III} и бросил свою жену. Последняя не соглашалась дать развод, что не помешало князю Петру Петровичу заключить новый брак за границей. Обстоятельство это, однако, заставило его экспатриироваться, потому что Государь Александр II запретил ему, как двоеженцу, возвратиться на родину, и в семье не признавали вторую жену. Князь Петр Петрович купил виллу в Италии⁸ и поселился там навсегда. Ему пришлось испытать тяжелое порою одиночество, потому что ни жена, ни дети не знали России. Впрочем, вторая жена князя Петра Петровича была, по-видимому, талантливой незаурядной женщиной. От этого брака у него родились три сына, из которых старший *Pierre* приобрел известность в Англии и Америке, как художник-портретист, второй *Paolo* всемирно известный скульптор, и наконец третий Джиджи — инженер.

Из всех сыновей Петра Петровича я лично знаю только *Paolo*. В конце 90-х годов прошлого [XIX] столетия он уже составивший себе довольно большую известность за границей, приехал в Россию и явился к нам. Было странно познакомиться с этим полуитальянцем-полуамериканцем, в котором было столько семейного сходства и общих черт характера.

Paolo был художником Божией милостью. В своем художественном творчестве он также решительно отрицал всякую науку. Благодаря этому, почти все его произведения отмечены самыми элементарными промахами и недостатками, часто резкой несоразмерностью частей. В маленьких статуэтках эти недостатки порою менее заметны, но как только приходилось небольшую модель увеличивать во много раз, так во

^I Иване Петровиче (1825–7.11.1887). [Другие братья Николая Петровича (1828–1900)]: кн[язь] Сергей Петрович (1827–1832), кн[язь] Павел Петрович (25.12.1835–16.11.1914). — *Примечание старшей сестры автора Ольги Николаевны Трубецкой (1867–1947).*

^{II} (1822–1892). — *Примеч. О. Н. Трубецкой.*

^{III} Имеется в виду пианистка Ада Винанс. — *Здесь и далее примечание редактора, если не указано иное.*

столько же раз выростали все ее дефекты. В сущности, все его произведения были гениальными эскизами.

Отрицая всякую науку, рассудочное знание, Paolo признавал в искусстве только непосредственное восприятие жизни. Уловить и воспроизвести жизнь — вот единственная задача художника, которую он признавал. У Paolo какая-то своя религия жизни. Для него всякое посягательство на жизнь — грех. Поэтому он вполне последовательный вегетарианец, и всех, кто ест мясо он называет *animaux carnivores*^I, *cimetières ambulants*^{II}. Его тяготило, что к гипсу примешивается животное сало, и он успокоился только когда нашел итальянца, заменившего сало растительным маслом.

Поклоняясь жизни, Paolo бессознательно искал и поклонялся в ней правде. Самая лучшая и самая сильная сторона его творчества есть действительно та правда жизни, которую ему удавалось уловить в жесте, выражении. Задравший хвост теленок, жеребенок, жмующийся к своей матке, мать с ребенком (моя сестра Марина), заснувший извозчик в санях, с ключей, опустившей понуро голову под снегом — все это движения, выхваченные из жизни. Безо всякой тенденции и какого-либо желания создать обобщающий образ — в силу одного стихийного таланта Paolo воспроизводил в лучших своих вещах образы материнства, или животной радости жизни, или, наконец, народный облик простоты, смирения и покорности судьбе в лице этого извозчика.

Его статуэтка [Льва] Толстого в русской рубашке с босыми ногами, или статуя императора Александра III на грузной лошади, которую придавил под собой могучий всадник, в котором чувствуется какая-то черноземная сила былинного богатыря⁹ — все это прекрасные идейные образа, хотя художник не преследовал никакой идеи, а хотел уловить только правду жизни. То же самое можно сказать о его статуе Данте¹⁰, которая дышит средневековой мистикой. Все это постигалось художником внутренним чутьем, хотя он был абсолютно лишен всякого образования, всякого рассудочного синтеза. Толстой очень ценил в Paolo его непосредственность и первобытность.

Вне области искусства у Paolo только одна наследственная страсть — к игре. Все, что он зарабатывает — он проигрывает, играя целые ночи напролет. А зарабатывает он значительные суммы. Никаких других интересов у него не существует. Его разговор поражает в этом отношении скудностью своего содержания и однообразием из года в год того, что он говорит. Встречаясь с Paolo с большими перерывами, иногда

^I Плотоядные животные (франц.).

^{II} Передвижные кладбища (франц.).

по несколько лет, я всегда слышал от него те же шутки и анекдоты, большей частью мои собственные, которые я ему рассказал 25 лет назад, а он их вспоминает. И все разговоры неизменно заканчиваются: *tu es un carnivore, un cimetiere ambulant*¹, и т. д.

Другой брат моего отца, Иван Петрович, или как иначе его звали дядя брат Иван — был отчаянный неисправимый игрок. Он был женат на Екатерине Петровне Мельгуновой, которая имела большое состояние. Среда, из которой она вышла, была должно быть невысокая по культуре, разговоры и понятия ее были такие, какие могли бы быть у нянюшки. Когда она была богата, то имела страсть к туалетам, и заказывала их в огромном количестве, причем многие платья никогда не надевала, потому что так панически боялась микробов и почему-то воображала, что они поселились в ее туалетах.

Дядя брат Иван был большой любитель музыки. Он имел свой оркестр из дворовых, который исполнял даже симфонии Бетховена. Он жил в Симбирске, который был дворянским помещичьим городом в дореформенное время, и там вел широкую хлебосольную жизнь, закатывая балы и пиры на всю губернию. Его не возлюбил за это губернский предводитель, как опасного соперника, и однажды подвел под него опасную интригу. Это было, кажется, во время Крымской войны¹¹. Дядя брат Иван занимал какую-то должность по сбору ополчения, но продолжал свой прежний образ жизни. Предводитель возбудил дело о том, что он не находится на месте службы. Дядя сказался больным, была назначена медицинская комиссия, чтобы его свидетельствовать. Он слег в постель, как-то сумел выдать себя за больного, может быть пустил в дело для этого какие-нибудь убедительные аргументы, во всяком случае, получил свидетельство о болезни. Тогда его мать, моя бабушка, подняла страшный шум, как смели заподозрить ее сына — внука фельдмаршала, и предводитель не знал, как выбраться из каши, которую заварил.

Впрочем, мой дед сам вовсе не склонен был мирволить сыновьям, и однажды в ту же эпоху, будучи начальником обширного округа по сбору ополчения и имея в подчинении своего сына, он решил его проучить: дядя брат Иван задавал какой-то бал. В разгар бала к крыльцу его дома подъехала тройка с фельдъегерем, который привез приказ отца к сыну: немедленно сесть в тройку и ехать к нему с докладом. Пришлось бросить бал и гостей, и катить за сотни верст к отцу, который в вопросах дисциплины шутить не любил.

Вот этот самый благодушный и беспечный дядя брат Иван был, как я уже сказал, отчаянный игрок. Однажды он выиграл в Монте-Карло

¹ Ты — плотоядный ходячий кладбищенец (франц.).

миллион. Это и было несчастьем его жизни. После этого его страсть к игре все время подогревалась надеждой на выигрыш. Он спустил все свое состояние.

Братья заплатили его долги, потом в складчину обеспечили его новым порядочным состоянием, но он вновь спустил в игре все, что ему было передано, и братьям удалось сохранить только небольшую часть, проценты с коей выплачивали ему и его семье. Вдова его Екатерина Петровна доживала свои дни во Вдовьем доме¹² и по соседству часто приходила к нам на Пресню. У нее были необыкновенные рассказы, которые она говорила грустным и убежденным голосом. — «Представь себе, у нас во Вдовьем доме есть старушка такая древняя, что она помнит Александра Македонского». — «У нас во Вдовьем доме есть собака, которая вбежала в церковь и съела причастие. С тех пор, как позвонят к вечерне, она воет». Когда я кончал университет, она тем же грустным голосом советовала: «Попроси твоего папá устроить тебя смотрителем Вдовьего дома. Прекрасное место, квартира, и много можно получать на дровах. Только одно скучно — на Пасху надо христосоваться со всеми старушками, и некоторые подходят по два и по три раза». И все это говорилось необычайно грустно.

У дяди брата Ивана были сыновья, которые женились и имели свои семьи¹³. Круг их знакомых и друзей был свой, и мы совсем их не видали, но отец мой и тетушка Марья Петровна Зиновьева много о них заботились. Особенно много хлопот моему отцу доставлял «Женька» (Иван). Мой отец с редкой добротой пекся о нем, но приходилось прибегать к самым своеобразным приемам. Женька был добрый малый, но беззаботный кутила-пьяница. После долгих хлопот моему отцу удалось устроить ему службу на Кавказе. Перед отъездом для верности, чтобы он не закутил, мой отец просил генерал-губернатора посадить его на гауптвахту. Женька не протестовал, но когда мой отец посетил его на гауптвахте, то застал Женьку в одних штанах, остальную часть костюма он спустил, — и заливался песнями с гитарой. Тогда Женьку решили отправить на Кавказ в сопровождении верного человека, управляющего, чтобы не давать ему денег на руки. Управляющему было сказано, чтобы он расплачивался в пути за все, что пускай спрашивает себе еды, сколько хочет, но никаких напитков не оплачивать. Женька и тут нашелся. Сошелся в дороге с каким-то теплым малым, спрашивал двойную порцию еды для себя и для него, а попутчик за то поил его водкой... Так он доехал до Тифлиса, где главноначальствующий [гражданской частью на Кавказе] Шереметев и его помощник Татищев были оба товарищи моего отца по Пажескому корпусу. Татищев принял к сердцу Женьку и, в свою очередь, проявил самую большую

заботливость о нем, предупрежденный моим отцом о свойствах его характера.

Бедному Женьке не повезло. Он был назначен офицером пограничной стражи. Однажды во время погони за контрабандистами, он упал с лошади, получил удар копытом в грудь; у него сделалась скоротечная чахотка и он умер.

Сверстник моего отца князь Павел Петрович^I рано оставил военную службу, он был, по тогдашнему времени, скорее либерального (особенно в понятиях дедушки) направления. Он был гласным и Московским уездным предводителем дворянства, составил очень хорошую справочную книгу всех узаконений по предметам, с которыми приходилось иметь дело предводителям. Во время коронации императора Александра III он заменял губернского предводителя. По церемониалу надо было встречать Государя у заставы верхом. Павел Петрович взял себе на этот случай лошадь из цирка, рассчитывая, что будет всего спокойнее ехать на хорошо выезженной лошади. Каков его был ужас, когда в ту минуту, как он подъезжал к Государю, грянул оркестр, и лошадь пошла испанским шагом... Бедный Павел Петрович не знал что делать, но ему помогли справиться с лошадью.

После смерти своей жены (рожденной Иловайской)^{II} Павел Петрович переехал на юг, и жил то в имении Подольской губернии, то в Одессе, где купил дом. Его сын Саша страдал астмой и не мог жить на севере. Павел Петрович завел у себя в имении образцовую опытную станцию, которая приобрела известность. Он приезжал изредка в Москву. Он довольно сильно оглох с годами. Нас детей поражала ловкость, с которой он управлялся своим пенсне: от одного щелчка пенсне летело и садилось ему прямо на нос; от чуть заметного движения головы пенсне летело прямо в его боковой карман.

Павел Петрович был очень добрый и почтенный человек и смерть его уже в преклонных годах вызвала общее сочувствие и сожаление.

Был еще брат у моего отца — князь Александр Петрович^{III}, Харьковский губернский предводитель дворянства. Он был женат, если не ошибаюсь на Ивановской¹⁴. У него было две дочери¹⁵ — одна Маруся, вышедшая замуж за гусара фон дер Лауница, впоследствии Петербургского градоначальника, убитого революционером. Другая дочь [Эмилия] трагически погибла, при условиях, о которых дальше будет речь.

^I 7 лет разницы! [Князь Павел Петрович Турбецкой родился в 1835 г. и был на 7 лет моложе Николая Петровича Трубецкого (1828–1900)]. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} Марии Григорьевны (в первом браке Иловайской). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{III} (1830–24.02.1872). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

Были и сестры у моего отца: Ольга Петровна^I, вышедшая замуж за князя Дмитрия Николаевича Долгорукова^{II}. От этого брака родились две дочери — Ольга, вышедшая замуж за Волжина, предпоследнего царского обер-прокурора Святейшего Синода, и Эмилия. Последняя была очень благочестива, часто ездила к Троице (Троице-Сергиевская лавра). В это время там славился старец Варнава, к которому многие обращались, как к руководителю во всех решениях, которые приходилось принимать в личной жизни.

Эмилия была у него как-то, кажется перед Пасхой. В это же время в Троицу приехал Алексей Алексеевич Хвостов, орловский помещик, тоже на поклон к о. Варнаве. Последний решил женить своих духовных чад, и сделал каждому из них соответствующее внушение. Они женились и были страшно счастливы. Алексей Алексеевич был губернатором, кажется в Чернигове. Он был у Столыпина во время взрыва его дачи на Аптекарском острове^{III} и совершенно оглох от этого взрыва¹⁶. У них родился сын, который так же, как и родители, в беженстве поселился в Сербии. Кажется, он слегка ненормален¹⁷.

Другая дочь дедушки Елизавета^{IV} вышла замуж за управляющего своего имения —^V Винклера^{VI}, швейцарца по происхождению. От этого брака было двое детей: Ольга, в замужестве Шадурская, потерявшая мужа во время эвакуации в Сербию, и сын которой^{VII}, будучи совсем молодым человеком, заболел и впал в идиотизм. Его поместили в лечебницу в Швейцарии. Во время одного посещения своей матери, он ударил ее так сильно в грудь, что у нее от этого удара развился рак, и она скончалась^{VIII}.

Мне остается сказать о самой близкой сестре моего отца, которую мы горячо любили — Марье Петровне Зиновьевой.

История ее брака тоже характерна для этого поколения. В ранней молодости она была кем-то увлечена, но родители не сочувствовали предмету ее увлечения и запретили о нем помышлять. Тогда она объявила, что никогда и ни за кого не выйдет замуж. Между тем ее полюбил Зиновьев и открылся в своем чувстве дедушке. Последний благоволил

^I (1841–30.03.1876). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} Ошибка автора: имеется в виду князь Алексей Юрьевич Долгоруков.

^{III} Сергей Алексеевич Хвостов (муж А. И. Унковской) был убит при взрыве на Аптекарском острове. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{IV} (1838–4.10.1908). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^V сына домашнего врача Александра Эрнестовича. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VI} (1838–23.02.1909). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VII} Александр. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{VIII} От воспаления легкого (которое при раке не прощает) по счастью без страданий. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

Зиновьеву и посоветовал ему поступить в Сенат в Москве, где он сам был первоприсутствующим.¹ Каждый день утром по делам службы Зиновьев являлся к дедушке с докладом. Он заставлял мою тетю в столовой за утренним кофе, и та угощала его, в ожидании предстоящего доклада. Видя в Зиновьеве маленького чиновника, подчиненного своего отца, тетя была с ним мила и любезна в противоположность к другим молодым людям, на которых враждебно смотрела, как на возможных своих претендентов. Так незаметно они сблизились, Зиновьеву удалось покорить ее сердце, и она вышла за него замуж.

Я узнал ближе тетю Зиновьеву, когда мы переехали из Калуги в Москву. Тетя давно уже овдовела и была бодрой свежей старушкой-бабушкой. Она на четыре года старше была моего отца и оба горячо любили друг друга.

Это было добрейшее существо с крепким складом души, старого закала и воспитания. Чувство долга было в ней непреклонно. Она никогда не позволила бы себе уклониться от него ни на йоту. Она выросла и умерла в старых простых понятиях беззаветной преданности престолу, считая священной особу Государя и всякую критику или осуждение его грехом. Она была религиозна и набожна тоже по-старому. Те же понятия руководили ею и в семейной и общественной жизни. При всей доброте, она была очень вспыльчива и не стеснялась высказывать свое негодование, когда была кем-нибудь недовольна. Она жила в типичном барском особняке в Борисоглебском переулке на Поварской. Передняя вела в огромный двусветный зал с хорами. Зал отделялся от гостиной аркой. Там всегда сидела за рукодельем тетя Маша в типичной обстановке [18]40-х годов с развешенными по стенам картинами-копиями собственной кисти. В зале и гостиной вдоль стен стояли всякие замысловатые часы с двигающимися фигурами и птицами. Это всегда занимало всех детей, которых к ней приводили.

Доброе горячее сердце, живость и отзывчивость — все это в соединении с большим семейным сходством с моим отцом, внушало и нам, его детям, нежное чувство к старой тете, хотя мы всегда немного посмеивались над нею. Тетя это как-то заметила, в начале нашего пребывания в Москве, и немного обиделась, но потом все это сгладилось; она неизменно добра была к нам, и мы имели к ней искреннюю горячую привязанность.

Муж моей тети скончался давно. Я его никогда не видел. Знаю только, что в свое время он был попечителем учебного округа, кажется

¹ Дедушка был губернатором в Орле, а Зиновьев был у него чиновником особых поручений. —
Примеч. О. Н. Трубецкой.

Харьковского. От этого брака родились сын¹ Николай Павлович и две дочери — Эмилия Бельгард и Марья Шамшева.

Молодость Николая Павловича была отмечена трагическим событием. Он был влюблен в свою двоюродную сестру, дочь князя Александра Петровича Трубецкого [Эмилию]. Мать долго не разрешала ему брака, как противного канонам церкви. Наконец, время и постоянство одержали верх и тетя согласилась. Николай Павлович полетел в деревню, где жила его невеста. Та, в ожидании жениха, надела белое платье. Внезапно у нее сделался молниеносный дифтерит^{II}. Она задыхалась. Позвали неопытного местного доктора. Тот решил, что необходимо немедленно облегчить дыхание, вскрыв опухоль в горле, и сделал это так неудачно, что у нее сделалось сильнейшее кровотечение и она скончалась. Когда Николай Павлович с радостным нетерпением влетел в дом, он нашел свою невесту уже на столе в том самом белом платье, которое она надела, чтобы его встретить.

Такой трагический исход романа произвел, конечно, сильнейшее потрясение в бедном Зиновьеве. Через некоторое время он уехал за границу. Если память не изменяет, у него была какая-то глазная болезнь. В семье доктора, у которого он лечился, он познакомился с Пашковским учением (баптизмом)¹⁸ и говорил, что «вместе с светом физическим он увидел свет духовный».

Вернувшись в Россию, Николай Павлович поселился в своем имении Орловской губернии и стал страстным хозяином. Все свои доходы он тратил на расширение и улучшение хозяйства, покупку скота, округление владения и т. д. Хозяйство Зиновьева приобрело известность. Вместе с тем он стал убежденным сектантом, и на почве пропаганды своей веры имел столкновения с местной администрацией, ибо в ту пору это строго воспрещалось.

Когда мы переехали в Москву из Калуги, Бельгарды жили с тетей Зиновьевой в ее доме в Борисоглебском переулке. Он был предводитель дворянства Ефремовского уезда Тульской губернии. Мы, дети, всегда прежде всего схватывали смешные стороны новых знакомых и родственников. Александр Карлович Бельгард, всегда необыкновенно корректный, звавший наших родителей «дядинька» и «тетенька», смеявшийся деревянным приличным смехом, выражавший тем, что говорил и шутил и всем своим существом крайнюю благонамеренность, был для нас неисчерпаемым поводом к передразниванию и смеху. Помню, как он, одна-

^I Два сына Николай и Петр Павловичи. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} У Эмилии был нарыв в горле, а не дифтерит. Она сильно страдала, но в последний момент надела белое платье. Земский врач предложил проткнуть нарыв и сделал это восковой свечой. Гной хлынул [неразборчиво] Эмилия задохнулась. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

жды, развеселившись, перешел со мною, гимназистом, на «ты» и, выпив брудершафт, сказал: «Пошел вон, свинья» и засмеялся своим приличным деревянным смешком. Я много раз повторял эту сцену сестрам. Только позднее, когда я стал старше и перестал судить людей по маленьким смешным сторонам, я понял, каким прекрасным благородным человеком был Бельгард. И он и жена его, моя двоюродная сестра, были редкой доброты, и кажется были просто неспособны кого-либо обидеть. Это была семья старомодного дворянского уклада с такими же простыми крепкими взглядами на все, какими жила моя тетя Зиновьева. У них были две дочери, обе высокие, крупные. Старшая, Маня, была скорее красива, *une belle fille*^I. Девушкой она имела успех. В нее был влюблен внук поэта Пушкина¹⁹. Не знаю, стал ли он ее женихом, или только рассчитывал на взаимность, но когда она предпочла ему князя Святополк-Мирского (Дмитрия Николаевича), Пушкин застрелился, и я помню, какое тяжелое впечатление это на всех произвело. Она может быть вела себя с ним легкомысленно по молодости, но по существу была хорошая, и счастливо прожила со своим мужем. Я почти не знал последнего. Он был членом Государственной думы, крайне правым, и соединял большую образованность с ретроградством, доходившим до парадоксальности. Он в Думе оплакивал уничтожение крепостного права. Мирский редко выступал, но когда говорил, то все его слушали, потому что его мнения были всегда оригинальны и занимательны. Вторая дочь Эмилия не вышла замуж и жила с родителями. Революция в своем вихре сломала всю эту семью. Александр Карлович и обе его дочери в разное время скончались, но кажется все^{II} от сыпного тифа²⁰. Осталась моя двоюродная сестра в Москве, одиноко заканчивающая жизнь, которая была так полна счастьем для нее до последних лет. Она живет со своей сестрой Шамшевой. Весной 1929 года получил известие, что Эмилия выехала из Москвы и проживает в Польше, в имении брата ее зятя князя Михаила Николаевича Святополк-Мирского.

Если кто возбуждал вечно нашу смешливость, то это, конечно, супруги Шамшевы, своей феноменальной глупостью, каждый по-своему. У них были голоса еще более глупые, чем то, что они говорили. Они были помещиками Орловской губ[ернии], зиму проводили в Орле и только наезжали в Москву. У них было много детей. Маша Шамшева была более, чем легкомысленного поведения, но была так добродушна и глупа, что с нее нечего было взять. Ее муж, Петр Иванович^{III}, любил бла-

^I Красивая девушка (франц.).

^{II} Александр Карлович скончался от грудной жабы [стенокардии] в Москве, куда приехал с женой после кончины дочерей, которые скончались друг за дружкой: [Мария Святополк-]Мирская в Кишиневе, а Эмилия в тюремном лазарете в Ростове. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{III} Автор ошибается: Петр Николаевич Шамшев (1868–1943).

гонамеренно рассуждать. Помню, как однажды, тетя Зиновьева, всегда необыкновенно терпеливая и никогда не позволявшая себе ни на минуту распусться, пожаловалась на ревматическую боль, должно быть действительно изводящую, если она о ней сказала. «Но маменька, — заметил благонамеренный Петр Иванович, — физические страдания не могут сравниться с нравственными». — «Кто тебе говорит о нравственных страданиях», — вспылила на него добрая тетя, и так на него прикрикнула, что Петр Иванович совсем смешался. Он никак не рассчитывал на такой эффект своего благонамеренного замечания.

Старшая дочь Шамшевых вышла замуж за графа [Сергея] Комаровского, отец коего [Леонид] был профессором международного права в Москве. Это была также очень благонамеренная и правая семья. Другая дочь вышла замуж за Мостового. Сын Петушок женился.

Кроме потомства моего деда у нас были менее близкие родственники по моему отцу. В Москве проживала вдова князя Алексея Ивановича Трубецкого (брата моего деда) — княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, рожденная княжна Святополк-Четвертинская. Она дожила свой век в нижнем этаже дома, принадлежавшего раньше ее мужу в Знаменском переулке²¹, но проданного им купцу Сергею Ивановичу Шукину²², который занимал большой нарядный бельэтаж, с крупными гербами Трубецких на плафоне. У него была большая галерея современной французской живописи вплоть до кубистов. Княгиня Надежда Борисовна была красивая старуха с тонкими благородными чертами лица. Нас детей возили к ней на поклон на Рождество и на Пасху, и кроме того, она появлялась на семейных свадьбах. Ее «подымали» как семейную Иверскую. Умерла она 93 лет от роду.

Другой такой же представительницей старой Москвы была другая старая тетка моего отца, Прасковья Алексеевна Муханова, жившая в старом особняке на косогоре во дворе в одном из переулков Пречистенки. Прасковья Алексеевна, казалось, сходила из рамок старинного портрета на праздники. Начиная с двора, казалось, что попадаешь в какое-то давно отжившее время. Впечатление это усиливалось при входе в переднюю. Дверь отворял древний лакей, на деревянной длинной скамье лежала мягкая подушка, на которой, очевидно, он только что отдыхал. Особый запах, тоже старинный, стоял в доме. Прасковья Алексеевна в белом чепце сидела в креслах и размеренным старческим голосом вела разговор такой же, какой в свое время вела, вероятно, ее бабушка, когда она сама в молодости ходила к ней на поклон. Помню ее рассказ, как к ней ночью в спальню залез вор через окно, перепугал ее до смерти, обобрал все, что попало под руку. Бедная старушка неподвижно и беспомощно на все это смотрела, но главная гадость вора заключалась в том, что он не

закрыл за собой окна и простудил Прасковью Алексеевну. Она даже не позвонила, потому что все ее слуги были ее современниками, и не проснулись бы на звонок. *Depuis lors j'ai pris à mon service un jeune homme de soixante ans*^I, — добавила она. Прасковья Алексеевна, ее дом и слуги были словно уголок Грибоедовской старой Москвы. По своей смерти Прасковья Алексеевна завещала свой дом под какую-то богадельню²³.

Была еще многочисленная семья Шаховских. Дочь князя Николая Ивановича Трубецкого^{II}, другого брата моего деда, которого звали *le pain jaune*^{III} и который ведал Кремлевскими дворцами, [Наталья Алексеевна] вышла замуж за Шаховского. У них было прекрасное состояние, которое Шаховской совершенно расстроил неудачными комбинациями. У него было, если не ошибаюсь, около 2 миллионов рублей. Он решил каждому из детей оставить состояние такой же ценности, для чего прибег к очень простой комбинации: покупал крупное имение, закладывал его, на эти деньги покупал другое имение, и т. д. В результате на его имениях лежал крупный долг, оборотного капитала для ведения хозяйства не было никакого. Неудивительно, что такой способ ведения дел привел к полному разорению. Шаховские были очень стеснены в средствах и захудали.

Одна из дочерей вышла замуж за архитектора Родионова. Он был хороший человек, но недалекий и довольно бездарный архитектор и не очень толковый. Мой отец, бывший почетным опекуном и ведавший Елисаветинским институтом и Павловской больницей, устроил его архитектором, кажется, в институте. Родионов часто являлся по утрам с докладом к моему отцу, который относился к нему всегда заботливо, но нередко сердился на его бестолковость. Родионов был не без претензий на «изящные» манеры, а в дворянском собрании всегда был в партии крайних консерваторов^{IV}. Благодаря протекции, ему была поручена архитектурная реставрация Успенского собора перед коронацией императора Николая II, и он навлек на себя большое негодование ревнителей старины, пробив окно в стене Собора для коронации.

Была еще у моего отца двоюродная сестра Всеволожская^V, жившая с мужем в Петербурге. Кроме того, было родство со стороны бабушки, рожденной Витгенштейн, в Италии, Германии и Австрии. Мы их совсем

^I С тех пор я взяла молодого человека шестидесяти лет (франц.).

^{II} В данном случае имеется в виду не Николай, а другой его брат Алексей Иванович Трубецкой.

^{III} Желтый карлик (франц.).

^{IV} [Родионов] остался в Москве при большевиках и в 1925 [г.] заведовал Нескучным дворцом [Александринским дворцом в Нескучном саду], где организовал «Музей стула» [Музей мебели]. Туда была перевезена лучшая мебель из Гагаринской [усады] на Новинском бульваре. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^V Екатерина Николаевна Всеволожская (дочь Николая Ивановича Трубецкого, *le pain jaune*). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

не знали. Живя в Москве и будучи очень русской семьей, дружной и многочисленной, мы, естественно, утратили связи с иностранцами.

В Уши подле Лозанны²⁴ жила княгиня Леонилла Ивановна Витгенштейн, рожденная княжна Барятинская. Она была сестрой фельд-маршала Барятинского и вышла замуж за брата моей бабушки [Льва Витгенштейна]. Будучи в Швейцарии в 1905 году я познакомился с нею на склоне ее лет. В молодости она слыла знаменитой красавицей, ее портрет изображали на разных предметах. Она сама однажды в гостинице увидела ковер со своим изображением. Муж ее вернулся в Германию, где был владетельным князем²⁵. Выехавши с ранних лет за границу, Леонилла Ивановна перешла в католичество. В старости она сохранила красоту и была *grande dame* в полном смысле этого слова. Она была необыкновенно живая, отзывчивая, всем интересовавшаяся. Россию она покинула в царствование императора Николая Павловича, который был в числе поклонников ее красоты. Она продолжала живо интересоваться тем, что делалось в России. Когда в 1905 году мой старший брат Петр, бывший одновременно с нами в Швейцарии, приехал к ней, она расспрашивала его про политическое движение, приведшее к Манифесту 17 октября. Мой брат не был из крайних правых, но тетушка, которой в это время было 89 лет, нашла его недостаточно передовым. Помню, что когда потом в Москве я рассказал это моей тете Зиновьевой, которая приводилась ей племянницей, в доказательство того, какую свежесть она сохранила, тетя Зиновьева спокойно заметила: «Бедная тетя, я думала, что она действительно свежа, а она просто впала в детство». Княгиня Леонилла Ивановна пережила и тетю Зиновьеву и все поколение моего отца, и скончалась 102 лет, в 1918 году. В первый раз у нее заболел зуб, когда ей было 96 лет, она позвала зубного врача, но тот ей сделал больно, и она прогнала его. Она помнила императора Александра I. По дороге в Таганрог, где он скончался, император останавливался в великолепном поместье Барятинских — Ивановском. Леонилле Ивановне было 9 лет, и она живо помнила, как Государь гулял с нею утром по их парку. Ей минуло 100 лет в 1916 году, в разгар войны. Она торжественно отпраздновала свой юбилей, принимала депутации и свое потомство до взрослых правнуков включительно и получила в этот день поздравления по телеграфу от Государя, императора Вильгельма (II) и от Папы (Бенедикта XV). До кончины она сохранила всю ясность духа и живость сердца.

Я был у ее дочери княгини Киджи в Риме, в великолепном Дворце Киджи¹, где висит знаменитая деревянная лампа, работы Рафаэля, из анге-

¹ Ныне этот дворец продан итальянскому правительству и в нем помещается Министерство иностранных дел. — Примеч. автора.

лов и прекрасная картинная галерея. Из рода Киджи бывали Папы и эта семья сохранила наследственные прерогативы в Ватикане. Когда собирается Конклав для выбора Папы, то всегда старший представитель этой семьи запирает кардиналов и освобождает их, только когда выбор кончен.

Другие члены семьи Витгенштейн, как я уже сказал, имеются в Германии и Австрии. Двоюродная сестра моего отца, Витгенштейн вышла замуж за канцлера Гогенлоэ, который был в родстве с императором. Ей принадлежали громадные поместья в Минской губернии и великолепный дворец под Вильной «Верки». Когда я служил в нашем посольстве в Берлине в 1901 году, мне пришлось познакомиться с одним из сыновей канцлера Гогенлоэ — моим троюродным братом.

Семья моей матери

Постараюсь теперь записать все, что помню о семье и родстве со стороны моей матери, рожденной Лопухиной. Мой дед и бабушка Лопухины так же, как и Трубецкие, скончались до моего рождения, и я знаю о них только по рассказам. Как я жалею теперь, что не больше расспрашивал о них всех. В молодости эти вещи не так близко затрагивают, и не заботишься о сохранении воспоминаний. А потом, когда отношение меняется, то оказывается уже поздно. Свидетели минувшего уже ушли, и живые события и черты быта предаются бесследному забвению. Если б беспечная молодость знала, как грустно становится, приближаясь к старости, этот разрыв с прошлым, то она, может быть, не упускала бы этих нежных и дорогих связей с теми, кому идет на смену. Это и побуждает меня занести на бумагу хотя бы обрывки прошлого, сохранившегося в памяти по рассказам.

По счастью, мой брат Евгений, который помнил по личным воспоминаниям тех, кого я уже не застал, начертил такие прелестные их образы, что я не буду повторять и ухудшать нарисованные им портреты, а только постараюсь дополнить фактическими подробностями.

Трубецкие были представителями сановного военного барства старого уклада, Лопухины принадлежали к среднему помещичьему дворянству, состоя, однако, в близкой родственной связи со знатью, по Оболенским. Бабушка, Варвара Александровна Лопухина, была рожденная Оболенская. В этой семье получал иллюстрацию афоризм Кузьмы Пруткова²⁶: «В Петербурге живем мы, а в Москве живут наши родственники». Этот афоризм был характерен для кичливого, придворного и чиновничьего Петербурга, который считал, что в нем соль земли, он двигает государственной жизнью, он это — «мы», а Москва — провинция,

милая, почтенная, но не имеющая веса старушка. О ней вспоминали на коронации, во время дворянских выборов, приездов царской семьи. Было хорошим тоном по временам послушать Кремлевские колокола или приехать на похороны почтенной тетушки, особенно если после нее оставалось хорошее наследство, но это была не настоящая жизнь; последняя была только в Петербурге. И питомцы старых родовитых семей, получив воспитание в Москве, ехали служить в Петербург, в Гвардию, дипломатию или министерства и быстро усваивали себе отношение к Москве, выраженное Прутковым.

Между тем, в свою очередь, истые москвичи не терпели этого отношения Петербурга и презирали чиновников и придворных, считая, что настоящее независимое общественное мнение и люди в Москве, что в ней вообще настоящая Россия, а Петербург не видит ее из своих канцелярий и среди суеты и интриг, которые принимает за подлинную жизнь. Доля правды была у обеих сторон. При той чудовищной централизации, которая была в основе старого государственного строя, Петербург правил Россией, диктовал ей законы, формировал администраторов, словом задавал тон государственной жизни. Зато, конечно, не в Петербурге, а в Москве билось сердце России, зарождался и развивался голос народной совести и сознания. И антагонизм двух городов был антагонизмом правительства и общественности, правящих и управляемых. Петербург был огромной канцелярией, а Москва центром производительности и промышленности, и вообще историческим, религиозным, национальным, и всяческим центром живых народных сил. Поэтому москвичи думали, что с большим основанием могут говорить про себя: «мы», а про Петербург — «они», или «наши родственники». Нужно ли добавить, что и те и другие создавали себе иллюзию, принимая себя за всю Россию, и что была еще сама Россия, загадочная, стихийная, спящая, и грозная в своих просыпаниях. Эту Россию старый Петербург и старая Москва проглядели, пока не разнуздали сами народную стихию, в которой потонули.

Но я вернусь к семье Лопухиных.

Они жили в типичном особняке на Молчановке¹ (впоследствии принадлежавшем Н. А. Хомякову). Дом их был олицетворением Тургеневского дворянского быта, всей прелести и романтизма, взрожденного в усадьбе. И такой подходящей усадьбой было прелестное подмосковное Меншиково, куда семья перекочевывала летом. Небольшой парк с поэтическим оврагом, спуск с лугом к реке, вьющейся под холмистым берегом, горизонт с полями и деревушками по ту сторону реки, свои миниа-

¹ Видимо, дом № 7 по Большой Молчановке, в настоящее время не существует.

тюрные поля, с березовыми рощами, их окаймляющими. «Посибириха», Рожай и «Сонина горка», прозванная в свое время по имени моей матери и бывшего с ней приключения, как она будучи еще девочкой, носилась верхом на лошади по этой горке. Трудно найти более подходящую иллюстрацию к этому милому быту больших, небогатых, дворянских семей. В старом доме полно молодежи, беспритязательного веселья, атмосфера романа, и во всех углах гости, которые довольствуются диваном с приставным креслом для ночевки, или просто сеновалом.

Такой усадьбой традиционно из поколения в поколение было Меньшово (название Меньшово произошло вследствие того, что эта скромная усадьба в семье Оболенских раньше обычно переходила меньшому брату²⁷), и тем же духом полна была Молчановка. Пять дочерей и три сына в течение многих лет, пока сменяли друг друга в качестве взрослой молодежи, поддерживали в доме настроение веселья и романтизма.

Я опять отошлю тех, кто будет читать эти строки к воспоминаниям моего брата, который так хорошо отметил разницу семейных укладов Трубецких и Лопухиных и дал почувствовать всю прелесть интимной совместной жизни родителей и детей в доме Лопухиных.

Тот же дух перешел наследственно и в последующие поколения.

Для моих детей я хочу сказать несколько слов о судьбе каждого из членов этой семьи, из коих многие стали родоначальниками других многочисленных семей.

Старший сын Александр кончил, еще по-старому, Пажеский корпус²⁸, но он стал на ноги в эпоху реформ императора Александра II и избрал судебную карьеру, проложив путь остальным братьям. Он был красив, с седыми волосами в самом расцвете молодости, жизнерадостный и талантливый и быстро продвигался вперед в новой карьере, которая привлекла столько живых талантливых людей. Реформы императора Александра II, пролагая пути молодому поколению, создали особые культурные типы людей — земца, судебного деятеля. Люди земли, привязанные к родному поместью, могли находить полное удовлетворение в широкой земской деятельности, — в обязанностях гласного уездного и губернского, в должности предводителя дворянства, которая получала такое широкое поле деятельности, ибо предводитель был и председателем земских собраний, и местного учебного комитета, и воинского присутствия, по делам только что введенной всеобщей воинской повинности.

Люди, которым была нужна служба, как источник существования, получали возможность подвизаться на благородном поприще судебной деятельности, наиболее независимой, в принципе, из всех государственных служб, наиболее идеалистической, поскольку шла речь

о чистом служении правосудию, и в то же время вводившей в соприкосновение с народной совестью в лице нового тогда учреждения суда присяжных. Эта же деятельность имела огромное воспитательное значение для народных масс, ибо она была проводником начал права и обязанности в народном сознании.

Судебная реформа была делом исключительно просвещенных идеалистически настроенных деятелей и задавала исполнителям самые высокие требования, которые, в общем, были с честью выполнены. Последующие года, связанные с революционным брожением в обществе и реакционными течениями в правительстве, создали значительные отклонения в Судебном уставе 1864 года, нарушая порою судебную независимость и вводя элемент некоторого приспособления и подчинения юстиции требованиям внутренней политики. Конечно, это было прискорбно, ибо колебалось начало незыблемости права в народе, только что освободившемся от крепостной зависимости и в котором нужно было упорно и последовательно укреплять уважение к праву.

Во всяком случае, в ту пору, о которой я говорю, судебная реформа привлекла лучшие и благороднейшие элементы среди нового поколения. Судебные деятели были проводниками либерального консерватизма, который был так важен в противовес беспочвенной интеллигенции и классовой реакции. Вот почему всего более подготовленными к такой деятельности были представители просвещенной части дворянства.

Александр Алексеевич Лопухин был женат на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой. От этого брака он имел пять сыновей, но к сожалению, супружеское счастье их не было прочным. Елизавета Дмитриевна мало подходила веселой живой и увлекающейся натуре своего мужа. Сама она была членом семьи совершенно иного и несколько тяжеловесного уклада, и мало сходилась с семьей Лопухиных. Она говорила каким-то особенно чистым русским языком, называя сестер своего мужа — «золотка Маша», а братьев «деверь Сережа». В молодости, улавливающей прежде всего то, что кажется смешным, ее словечки и длинные необыкновенно обстоятельные рассуждения, вызывали смех или нагоняли скуку. Она не сумела закрепить за собою чувство своего более легкомысленного мужа и делала ему сцены ревности, иногда резкие и может быть грубые, которые имели результат обратный ее ожиданиям. Она гораздо серьезнее и глубже относилась к своим обязанностям, чем муж, который, в конце концов, ее бросил. Елизавета Дмитриевна не давала развода мужу.

После Русско-турецкой войны 1878 года Ал[ексей] Ал[ександрович] был назначен в Константинополь по делам, связанным с претен-

зиями к турецкому правительству пострадавших от войны русских подданных. Ал[ексей] Ал[ександрович] воспользовался пребыванием в Константинополе, чтобы получить развод от патриархии и женился на предмете своего увлечения в Греческой церкви. Потом, вернувшись в Россию, он через некоторое время был председателем судебной палаты, кажется, в Одессе, но развод и новый брак не имели законного признания в России, и это неправильное семейное положение заставило в конце концов покинуть службу²⁹. Он кончил свою жизнь, как присяжный поверенный. Елизавета Дмитриевна осталась в Орле с сыновьями. Семья Лопухиных признала виновным Алексея Александровича и потому продолжала сохранять родственные отношения с каждым из супругов. Елизавете Дмитриевне можно было поставить в упрек тяжеловесность, быть может дурной характер в молодости, но она заслуживала полного уважения своей безупречной жизнью, которую посвятила воспитанию сыновей. Я ближе увидал ее уже под конец ее жизни, когда она возвращалась морем кажется из Франции, проехала через Константинополь, где мы жили после свадьбы с женой. Характер ее смягчился тогда. Рассуждала она все так же длинно и обстоятельно, но мы ее искренно полюбили, и потом бывали у нее в больнице в Москве, когда она заболела раком, от которого и скончалась хорошей христианской кончиной.

Двое старших сыновей — Алексей и Дмитрий, были сверстниками моих старших братьев, годом или двумя моложе их, и одновременно были студентами Московского университета. Алеша студентом был милым малым, покучивал. Кончив университет, он пошел по судебной части, и скоро выдвинулся своими способностями. Он быстро шел по служебной лестнице, может быть, для него было бы даже лучше, если бы не имел такого успеха, который возбудил в нем честолюбие. Он довольно рано женился на княжне Екатерине Урусовой, во время одного из первых своих служебных этапов в Ярославле, где в то же время начинал свою профессорскую деятельность мой брат Евгений в Демидовском лицее. Помню в своем детстве приезд двух стройных хорошеньких девиц Урусовых в Калугу, где жили их родственники. Они выросли в провинциальной ярославской атмосфере, не особенно культурной, но в почтенной семье. Жена Алеши Лопухина имела к нему чувство, которое в трудные времена, через которые им пришлось пройти, было всепоглощающим и помогло ей поддержать мужа в его испытаниях. Но в будничное время она была самой будничной женщиной. Ее прозвали у нас «фигура», потому что она очень любовалась своей фигурой и, сравнивая себя с другими, говорила: «А у меня фигура лучше ее». Такая жена не повышала требований мужа к самому себе. Карьера мужа льстила ее самолюбию, и она оценивала его служебную деятельность с этой внешней сто-

роны. Повышаясь каждые три года в должности, Алеша был [в] 40 лет уже прокурором судебной палаты в Харькове. Это было в 1903 году. В это время вице-губернатором там был мой бо-фрер^I М. М. Осоргин, а губернатором Ив[ан] Мих[айлович] Оболенский, прославившийся, как представитель твердой власти. Он подавил крестьянский бунт, перепоров массу крестьян. Иван Михайлович был большой балагур, в семье его любили, но не считали серьезным человеком. Он сам пустил про себя сомнительную остроту: «Какое сходство между хорошим шампанским и мною... — Оно sec^{II} и я сек». Репутация представителя твердой власти, имя и богатство — все это создало Оболенскому большое положение. Его, чего никогда не делали, Государь произвел в генералы по адмиралтейству, потому что в молодости Оболенский был моряк, сделал генерал-адъютантом и назначил генерал-губернатором в Финляндию. Карьера его бесславно кончилась на этом посту в 1905 году, когда, сдав все позиции сепаратистам, он должен был покинуть Финляндию на броненосце «Слава». Он скончался после тяжелой болезни, которую переносил с большим терпением, сознавая приближение конца. У него остались две дочери: старшая вышла замуж за [Дмитрия Ивановича] Звегинцева, младшая за Петрика Оболенского, имела от него двух сыновей, развелась и вышла замуж за ...³⁰

Оболенский очень оценил Алешу Лопухина, с которым к тому же был в родстве, и способствовал его дальнейшему служебному продвижению. В это время, однажды через Харьков проезжал министр внутренних дел Плеве. Оболенский обратил его внимание на Лопухина, и последний ему очень понравился. Он предложил ему место директора Департамента полиции.

В то время это был один из самых видных и крупных постов в России. Плеве сам раньше занимал это место. Не знаю, чем и как он соблазнил Лопухина покинуть ту благородную и чистую карьеру, в которой он шел прямо к высшей карьере и, наверно, впоследствии был бы министром юстиции. Прельстил объем власти и открывавшихся возможностей. По-видимому, Лопухин надеялся, что, обращаясь к нему — прокурору [Харьковской судебной] палаты, Плеве желает поставить дело Департамента полиции в рамках законности и права, и что он в состоянии будет провести эти начала в жизнь.

Из попытки этой ничего хорошего не вышло. Он восстановил против себя тогдашнего министра юстиции Муравьева, был встречен несочувственно всеми прежними его товарищами по судебной деятель-

^I От франц. beau frère — здесь: зять, муж сестры.

^{II} Сухое (франц.).

ности. Министерство Плеве, как известно, было одиозно в обществе, которое волновалось и революционизировалось изо дня в день. Лопухину ни в чем не удалось изменить практику политического сыска и административного произвола; Департамент полиции оказался гораздо сильнее своего нового директора, а между тем он нес на себе ответственность за осуществление самых непопулярных мер. В конце концов, Плеве убили, Лопухина назначили губернатором в Ревель, где он был в революционное время 1905 года и проявил чрезмерный либерализм, по мнению тогдашнего правительства. Добровольно, или вынужденно, не помню, он покинул этот пост³¹ и ему больше не суждено было вернуться на государственную службу.

Однажды сбивший с правильного пути, он не сумел найти твердой почвы и думал искупить прежнюю свою службу в Департаменте полиции новоявленным радикализмом. Видимо, он уверовал в революцию. Во время первой Думы он сблизился с Милюковым, который едва не сделался премьером. Лопухин играл при нем роль спеца и составлял ему проекты различных мероприятий, которые должны были осуществиться, как только Милюков будет призван к власти. Он же помогал своему бо-фреру [Сергею] Урусову, попавшему в Думу, в составлении нагнетавшей тогда речи о «вахмистрах по воспитанию», правящих в России. Под этим разумелся тогдашний временщик Д. Ф. Трепов.

Все это поведение восстановило против Лопухина его товарища по детству в Орле — П. А. Столыпина, с которым раньше он был в самых дружеских отношениях.

После разгона первой Думы³² наступил период реакции. К этому времени относится загадочный случай в жизни Лопухина, имевший для него фатальные последствия. Его старшая дочь Варя бесследно пропала в Лондоне и нашлась только на третий день. Вскоре после того было опубликовано сенсационное разоблачение о том, что один из главных вожakov партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] за границей, член их Центрального комитета, Азеф, принимавший деятельное участие в организации террора, является одновременно с этим служащим Департамента полиции. Разоблачение это было опубликовано Бурцевым, который специализировался на такого рода слежке, а получил он его от... Лопухина, во время разговора в вагоне, будто бы врасплох³³.

В то время некоторые говорили, что разоблачение это должно рассматриваться, в сущности, как услуга правительству, ибо оно дискредитировало среди самих с.-ров их партию, свидетельствуя о крайней степени разложения их ЦК, раз в нем нельзя отличить революционера от агента полиции. Но Столыпин посмотрел на это совершенно иначе, а именно как на злоупотребление служебной тайной. В своем возмуще-

нии на этот поступок он пересолил, ибо приравнял этот поступок к революционному действию. Лопухин был арестован и посажен в тюрьму в ожидании особого суда, который был назначен над ним, под председательством сенатора Варварина. Суд этот состоялся. Оппозиционная печать приняла сторону Лопухина и окрестила этот суд «Варвариным судом». Лопухин был присужден к лишению всех прав состояния и ссылке в Минусинск. За время этих испытаний жена его как-то выросла духовно и была ему неизменной и верной поддержкой. По истечении некоторого времени Лопухин был помилован и возвращен из ссылки. Он ушел в дела, поступил в частный банк и там вскоре проявил свои выдающиеся способности, которые заставили специалистов высоко ценить его³⁴. Он оставался в России при большевиках и покинул ее чуть ли не в 1923 году³⁵, переселился в Париж и здесь занялся банковским делом.

Алексей Александрович внезапно скончался в Париже [1 марта 1928 года]. Незадолго до кончины он сказал своим близким, что не желает быть похоронен по православному обряду и просил, чтобы тело его сожгли. Вдова сочла долгом в точности исполнить волю покойного мужа. Никто из нас не присутствовал при этих гражданских похоронах, но я поехал проститься с его прахом, когда он еще лежал на постели, на которой привязана была старая семейная икона. Едва ли он был воинствующий противник Церкви, и, скорее всего, слова, которые он сказал жене, вырвались у него под влиянием случайного настроения.

Старшая дочь [Варвара], о которой шла речь, вышла замуж за какого-то большевика, чуть ли не чекиста, и родители перестали ее принимать. Вторая дочь, Маруся, ничем таким себя не проявила, вышла замуж, развелась и вновь вступила в брак. Я вижу их настолько редко, что не знаю в подробностях судьбу членов семьи.

Совсем другим типом был второй брат Алеши — Митя. Насколько мягкий Алеша был типичным Лопухиным, настолько Митя был весь в Голохвастовых. Он говорил тем же нарочито русским языком, каким говорила его мать. Когда он был в университете, студенты не носили формы, Митя ходил в безрукавке с русской красной рубашкой. Он был, как говорится, кровь с молоком — румяный, с черными как смоль волосами, сверкающими глазами, говорил басом и любил слушать свой голос. Он не имел талантов своего брата, но любил рассуждать об умных вещах; он перерывал своим сочным басом, очень довольный его звуком и круглыми фразами, которые катились у него, как будто на крепких рессорах. Помню, Митя как-то обедал у нас в Петербурге и стал кругло и сочно говорить о евреях, считая их виновниками всех зол всегда и повсюду и поголовно. Пока я слушал плавное течение его речи, наша мама кипела, и, наконец, не выдержала, прервав его голосом, пол-

ным негодования: «А Бурнабо...» — «Бурнабо...» Митя приостановился на минуту — ему этот звук понравился: «Ну что-же, что Бурнабо — Был один и обчелся». — «Митя — спросил я, — а ты знаешь, кто был Бурнабо...»³⁶ — «Признаться, запамятовал, но видно был хороший человек, уж больно жена твоя хвалит». И речь его снова покатила на рессорах. Со всем тем он был благородный малый и прямая натура, военная по существу. И вполне последовательно он выбрал военную службу и вышел в лучший из тогдашних армейских полков — Нижегородский³⁷, который стоял на Кавказе. Там он женился на дочери Султан-Крым-Гирея, и с ней приехал к нам, познакомить ее, в Меньшово. Она всем понравилась. У нее был свой шарм, она как-то очень быстро и просто вошла в обширную семью мужа. Отец ее был почему-то католиком, и сама она поэтому была крещена в католичество, хотя ей было гораздо ближе православие. Кажется она впоследствии и присоединилась к православию, но пока она еще была католичкой, это обстоятельство, как ни странно, помещало Мите быть принятым в Академию Генерального штаба. Оказывается, в свое время опасались жен-полек, и так как поляк и католик считались синонимами, то было издано правило о том, что офицер, женатый на католичке, не может быть принят в академию. Пока недоразумение было выяснено, прошел год, и только на следующий год Митя упорством добился своего, поступил в академию и кончил ее двухлетний курс.

Во время Японской войны он выдвинулся, как начальник штаба отряда генерала Мищенко, который делал лихие набеги в северной Корее. Перед последней войной Митя был командиром не помню какого армейского уланского полка. Он был настолько на виду, что для него сделали исключение — назначили командиром лейб-гвардии Конно-гренадерского полка³⁸. В это время его единственный сын Георгий только что кончил Николаевское кавалерийское училище. Это было счастливейшее семейство, тесно спаянное между собой. Родители души не чаяли в своем сыне. После трудной армейской лямки, Митя стал генералом, командиром славного гвардейского полка. Сын — любимец и гордость родителей, вышел в офицеры.

В это время вспыхнула война. Георгий вышел в Конно-гренадерский полк и уехал с отцом на войну. Мать приехала в Петербург, чтобы поступить сестрой милосердия в какой-нибудь отряд, где она могла бы быть ближе к мужу и сыну, и, как они, отдаться войне.

Прошло каких-нибудь две недели с небольшим, и в Петербург пришло известие, сначала туманное о бое при Гумбиннене (если не ошибаюсь 6 августа 1914 года)³⁹, в котором среди многочисленных потерь Гвардии, был убит Лопухин, но было еще не выяснено — отец, или

сын. Братья отца, в числе их Боря [Лопухин], особенно близкий к семье Мити, не решались сказать это своей бель-сёр¹, ибо неизвестность усугубляла тяжесть известия. Наконец удалось установить, что был убит Георгий пулей в лоб... Легко себе представить, каким тяжелым ударом для родителей была эта гибель единственного сына. Митя за короткое время успел снискать к себе любовь и уважение офицеров своего полка своей мужественностью, прямоотой, справедливостью и доброй душой. Постигший его удар поразил его прямо в сердце, но он ни на минуту не уклонился от исполнения своего воинского долга и ответственных обязанностей командира полка на войне. Наружно, на службе он был все тот же, но один из полковников рассказывал мне, что ему пришлось невольно подслушать его рыдания ночью. Бедный Митя. Он всего на несколько месяцев пережил своего сына. Он был ранен пулей или снарядом в живот. На месте нельзя было сделать операции. Его повезли по тряской дороге куда-то далеко, и он скончался в больших страданиях⁴⁰.

От всей семьи осталась одна мать и жена Лили Лопухина, сохранившая свою молодость до 50-летнего возраста. Уже после большевистского переворота, в 1918 или 1919 году, она вновь вышла замуж за какого-то человека^{II}, который имел к ней долголетнее чувство.

На несколько лет моложе старших братьев был Боря, у которого в юности молотилкой оторвало правую руку. Младший в семье был Юша, между ними еще Вика. Боря и Юша остались старыми холостяками. Боря служил одно время в Западном крае уездным предводителем дворянства по назначению. Юша служил по судебной части. Оба были средних способностей, но большие добряки. Оба немножко сентиментальны и немножко смешны. Боря в молодости легко увлекался, легко обижался, вскипал, внезапно, как кофейник, и потому его любили поддразнивать. Помню, как он взволнованно рассказывал про одно свое увлечение: «Она сидела на скамейке и читала, а я ... я испекся». Последние годы во время войны оба брата поселились в Москве. Иногда они устраивали маленькие обеды. Боря сам готовил и умел приготовить невероятно вкусные и совершенно новые блюда. Они были оба очень радушны, и все ценили эти их обеды. Оба брата после большевистского переворота оставались в Советской России, в Орле. Наступление деникинских войск застало их там, но перед самым входом в Орел этих войск, оба брата были убиты.

Вика был наименее близок нам. В юности он был очень красив, и столь же легкомыслен. Будучи гимназистом, он однажды, в Орле, в цирке взобрался на слона и направил его на губернаторскую ложу. Его

^I Belle soeur (франц.) — здесь невестка, жена брата.

^{II} Ротм[истр] Стеценко. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

чуть ли не выслали за это из Орла. Помню его красивым юнкером Николаевского кавалерийского училища. Потом он перешел на гражданскую службу, женился на какой-то еврейке⁴¹, впрочем не плохой женщине, был губернатором, но тоже, что-то у него не вышло, и он вынужден был покинуть службу⁴². Эту бедную женщину, страстно любившую своего мужа, постигла трагическая участь. Оба они, и муж и жена, были уже совсем пожилые, когда Вика, увлекшись другой женщиной, бросил свою жену, к тому же совсем глухую⁴³. Это было при большевиках. Летом Вика жил на даче под Москвой. Верная его жена решила пойти хоть издали взглянуть на него. Денег у нее не было, и она отправилась пешком по шпалам железной дороги. Вследствие глухоты, она не услышала поезда, который шел, и была убита на месте.

Когда братья Лопухины были молоды, у них была привычка постоянно напевать какой-нибудь полюбившийся им мотив, и я изображал их, как лейтмотив каждого. Алешин мотив был — вся мягкость: Пуари, пуари, пуари пуай, пуари, пуари, пуари. — Митя мрачно пел: *Il est mort pour avoir aimé*^I — рипой, причем *mort* он выговаривал так, как будто после «р» стоял твердый знак. Боричка пел: «О, Роберт, святое провидюэнье». Юшин мотив: «Он фуармазон, он пьет уодно стакааном красное вюнно»^{II}.

Милые Боря и Юша. Какие оба были уютные, и типичные в своем роде, москвичи орловского происхождения. Я сохранил к ним нежное чувство.

Следуя порядку своих воспоминаний, упомяну о втором сыне дедушки Лопухина — Борисе Алексеевиче. Он был женат на Вере Ивановне Батуриной⁴⁴. У него были типично выраженные семейные черты Лопухиных и сравнительно мало развитая индивидуальность. Он всю жизнь прожил в провинции, исключая последних лет жизни, когда они переселились в Петербург на какое-то спокойное место. Жена его была скучная и с претензиями. Несмотря на очень скромные средства, она хотела, чтобы все было не хуже, чем у других. У них было два сына — Володя и Женька, и очень толстая сестра^{III}. Володя совсем юным женился на младшей княжне Урусовой (Ярославской) сестре «фигуры», жены Алеши Лопухина. Когда я начинал службу в Петербурге, помню его старательным чиновником министерства. Она была глупое и добродушное существо. Они производили впечатление двух голубков, но счастье их было недолговременно. Она бросила своего мужа и вышла за кого-то замуж^{IV}, Володя, в свою очередь, вновь женился, и последнее время перед

^I Он умер за то, что любил (франц.).

^{II} (под звуки вальса). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{III} (не вполне нормальная). — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{IV} Второй муж — Михаил Анатольевич Толстой (ум. 1951), инженер путей сообщения.

большевистской революцией был директором Департамента личного состава и хозяйственных дел Министерства иностранных дел. Его ценили за добросовестность и трудоспособность. Женька имел способности к математике, и был, кажется, учителем гимназии в Петербурге. О толстой сестре ничего не помню и не знаю.

Дядя Сережа

Гораздо более яркой личностью был младший в семье сын моего деда и мой дядя Сергей Александрович Лопухин. Он был типичный Лопухин, характерный представитель того дворянского культурного типа, который олицетворялся этой семьей. В нем прежде всего отразился быт среды и эпохи — московского особняка на Молчановке и Меншиховской усадьбы, быт, в котором переплетались многолетние традиции старой дворянской семьи, романтизм и уют и новые веяния просвещенного либерализма, начавшиеся в [18]60-х годах. От природы живой ум, блестящее остроумие, благородство, неисчерпаемое добродушие, веселость, недурной голос и приятная внешность — все в молодости создавало ему успех и делало его общим любимцем. Он кончил курс юридического факультета Московского университета, потом отбывал повинность в Сумских гусарах^I и был на Турецкой войне^{II}. Вскоре после войны он женился на графине Александре Павловне Барановой. Родители ее далеко не сразу согласились на этот брак. Граф Баранов был генерал-адъютант и близкий человек императору Александру II. Брак их дочери-красавицы с молодым Лопухиным, у которого почти ничего не было за душой, казался родителям не слишком блестящей партией для дочери. Но чувства молодых людей превозмогли над возражениями Барановых, давших свое благословение на брак. Одно из первых воспоминаний моего детства — это приезд в Калугу моего дяди молодым гусаром со своей невестой, или женой, — этого я не помню. На меня, конечно, большое впечатление произвел мундир с блестящими шнурами и ментик, может быть, поэтому так и врезалось в память их посещение. Помню, как они пришли пить чай к нашей няне Федосье Степановне, и помню, какую красивую пару они представляли.

Мой дядя покинул военную службу, от которой он на всю жизнь сохранил солдатский Георгиевский крест⁴⁵, и пошел, как и братья, по судебной части. Много лет он провел в Туле, проходя там первые должно-

^I В 1-м Сумском гусарском наследного принца Датского полку.

^{II} Имеется в виду война 1877–1878 гг. за освобождение Болгарии от власти Османской империи.

сти. Очень скоро Бог благословил его большой семьей. Всего у него было 10 человек детей — 5 мальчиков и 5 девочек. Помню, когда пришло известие о рождении одиннадцатого ребенка, мой отец предлагал послать дяде Сереже телеграмму: «Поздравляем дорогую половину одиннадцатого».

Я сказал, что Бог благословил моего дядю большой семьей, но я добавлю, что он благословил его и редким счастьем. Залог этого счастья мой дядя имел уже в самом себе — в своей ясной уравновешенной душе, которая всегда была так живо открыта на встречу всем восприятиям и радостям жизни. Никто не умел так наслаждаться как он всем, что жизнь может дать тому, кто умеет ею пользоваться и относиться ко всему с открытым умом и сердцем. Он был идеальный семьянин и, казалось, был поглощен своим семейным счастьем — женой, которая души в нем не чаяла, детьми; в жизнь и личность каждого из них он вникал с поразительной чуткостью и легкой любовной насмешливостью, мягко и безобидно давая каждому верный камертон, ибо никто не умел так чутко отличить всякую малейшую неестественность и позу, а эти недостатки ему органически претили. Никто, с другой стороны, не мог с такой же живостью переживать увлечения и интересы своих детей, — в этом он был схож с моей матерью, когда дети стали взрослые и вступили в пору романов и серьезных чувств, приводивших к бракам, никто не переживал так живо всех перипетий их жизни, как их отец. Вместе с дочерьми он увлекался героями их романов, но вместе с тем невольно ревновал их к женихам и молодым мужьям. Все дочери нашли отличных мужей, и отец, конечно, отдавал вполне им должное и любил их, но это не мешало ему подтрунивать над каждым из них и даже порою на них раздражаться. Старшая дочь Анночка вышла замуж за Мишу Голицына, которого дядя Сережа конечно любил, потому что нельзя было не любить такого хорошего человека. Но Миша также раздражал его. У него была привычка часто сомневаться и находить преувеличенными оценки, которые высказывались, по разным вопросам, и он говорил: «Едва ли». Это «едва ли» имело способность сердить дядю Сережу и он в его честь прозвал одну свою кобылу: «Едва ли». Но все, входившие в семью Лопухиных, попадали под чары этой семьи, влюблялись не только в свою невесту, но и в ее семью, и через своих жен проникались такой любовью к новым родителям, что легко и безропотно переносили насмешки своего тестя, принимая их с должным уважением.

Средства Лопухиных были самые ограниченные, потребности росли с каждым годом по мере увеличения числа детей и их роста. Но никогда материальные заботы не омрачали счастья этой семьи, и к недостатку денег мой дядя относился с невозмутимым спокойствием.

ем и благодушием. Тем более не будучи избалованы, они умели ценить всякое удовольствие. Мой дядя страстно любил природу, — в этом было также семейное сходство его с моей матерью. Он черпал в ней всегда новый источник наслаждений. Когда он обзавелся своей усадьбой и скромным клочком земли в Тульской губернии, то он и его милая любящая жена и дети страстно полюбили свое Хилково⁴⁶. Дядя увлекался хозяйством в поле и в саду и никуда не хотел уезжать летом из Хилкова. Его трудно было выманить из его семейного гнезда, в котором его сердце жило полной жизнью. Мы, племянники и племянницы, обожали его. Когда он попадал в круг молодежи, он тотчас становился ее средоточием. Он был всегда так чуток, так отзывчив, так мил, так весел и остроумен, что мы готовы были вперед смеяться всему, что он скажет и радовались всему, что от него исходило. Но эти посещения были редки, потому что он слишком полон был своей семьей и, как бы ему хорошо ни было в другом месте, он все же чувствовал себя в гостях, немножко рыбой, вынутой из воды, и полноту своей жизни находил только в своей семье, которая как будто излучалась из него и была его продолжением и восполнением. Он не мог долго жить без своей жены, тети Саши, которую вечно добродушно чем-нибудь поддразнивал, стараясь вызвать с ее стороны замечания на свои шутки. Этим замечаниям тетя Саша тщетно старалась придать характер серьезного и достойного напоминания о хороших манерах. Дядя Сережа только этого и ждал и больше всего любил, чтобы она делала ему эти замечания, принимал их как ребенок, заставлял свою жену рассмеяться и целовал ее руку. А она жила его жизнью так всецело, как может жить кажется только русская любящая женщина, однажды и на всю жизнь отдавшая свое сердце мужу и детям, находящая полный расцвет своей жизни в полном самоотречении. Мало, кто был так избалован в этом отношении, как дядя Сережа.

Если у него был какой-нибудь более крупный недостаток — то это был недостаток тоже типичный для быта, из которого он вырос, — это была лень, дворянская лень, навеянная уютом и удовлетворением простыми все теми же искони веков условиями жизни, которые укрепляли привычки. Дядя Сережа чувствовал себя вполне хорошо, в сущности, только в ночных туфлях, да еще когда мог порою расстегнуть ворот, чтобы ничто не теснило. Лень соединялась у него с некоторым налетом добродушного скептицизма, связанного с его природным большим здравым смыслом. Он видел, что люди увлекаются то тем, то другим. В каждом увлечении он тотчас видел его крайность и ту полуправду, которая обычно ему присуща. И он предпочитал сохранить роль благожелательного и добродушно-насмешливого наблюдателя. «Чего люди мнут...» и «перемелется, мука будет» эти два изречения, которые я от-

нюдь ему самому не приписываю, как будто по существу были сродни его натуре, восполняя друг друга. Это не значит, чтобы он был «к добру и злу постыдно равнодушен». Со своей чуткостью он всегда отзывался душой на все доброе, благородное и прекрасное. Скептицизма на него навивала только реализация в жизни тех или других, в принципе, прекрасных начал, ибо прикосновение к жизни всегда связано с некоторым опошлением, а его чуткая, но не очень деятельная душа болезненно чувствовала малейшую фальшь и дисгармонию.

Этой ленцой и малодетельностью натуры объясняется, почему с таким широким открытым умом, с такими большими способностями дядя Сережа дал гораздо меньше, чем мог, в государственной и общественной жизни. Он не тихо, но и не скоро проходил судебную карьеру. Его знали, уважали и ценили, но он не выдвигался вперед так, как того заслуживали его способности, и никогда ничего не предпринимал для этого. После сравнительно долгого пребывания в Туле, [где] он был прокурором, или председателем окружного суда в Орле, потом прокурором судебной палаты в Киеве. Там его застала первая революция 1905 года. В этом же году в его служебной карьере едва не случилось крупной перемены. После Манифеста 17 октября Витте, стоявший во главе Кабинета [министров], ощупью выбирал свой курс, колеблясь между реакцией и сдвигом влево. В это время кто-то ему рекомендовал дядю Сережу в качестве кандидата на пост министра юстиции. Дядя был вызван в Петербург, но пока он ехал, настроения наверху изменились. Лопухин никакого участия в политике не принимал принципиально, как судебный деятель. Но в качестве такового он был сторонник[ом] строгой законности и независимости суда. С точки зрения реакционной это одно уже могло считаться левым. Между тем в связи с назревавшими революционными настроениями в обществе, в правящих кругах усиливалось течение в пользу твердой власти, поддерживавшееся министром внутренних дел Дурново. Такому направлению отнюдь не отвечал выбор С. А. Лопухина.

Приехав в Петербург, он облекся в мундир и поехал представляться Витте. Тот его любезно принял, заметил Георгиевский крест на груди, справился, по какому случаю он получил, и, поговорив на самые общие темы, отпустил дядю. Тот без особого огорчения собрался обратно в Киев. По дороге он остановился в Москве у [стариков] Бутеневых, у которых эту зиму проводили и мы, только что покинув Константинополь и дипломатическую службу. В это время разразилось так называемое вооруженное восстание в Москве, в декабре 1905 года. Лопухины, дядя и тетя, застряли у Бутеневых. Наступили кошмарные дни бунта и расстрела Пресни. На улицу трудно было выходить, потому что шла

бессмысленная и беспорядочная стрельба, строились баррикады и порою появлялись отряды, требовавшие от прохожих, чтобы они спешно убегали по домам. В эти томительные и тяжелые дни мы почти безвыходно сидели дома, и только прислушивались к пушечным выстрелам и трескотне пулеметов, которые порою доносились с Пресни.

Чтобы как-нибудь сократить время, мы попросили дядю Сережу почитать нам что-нибудь вслух. Он согласился, и стал читать Лескова... но как читать! — Я никогда, кроме разве у актера Ленского, не слышал такого мастерства в чтении. Читал он необыкновенно просто, но люди вставали как живые, и не только слышались их голоса, но казалось, что видишь их перед собою. Московское сидение так и осталось навеки связанным для меня контрастом двух переживаний: бессмысленной смуты и пушечных выстрелов на улице, и художественным наслаждением от чтения Лескова, которое помогало как порою забыться от окружавшего нас кошмара.

Литература, как и природа, была источником, из которого дядя Сережа черпал полной грудью наслаждения. Он был тонким ценителем подлинной правды и красоты. В [18]80-х и [18]90-х годах, когда он жил в Туле, там было небольшое, но очень приятное общество близких друзей и родственников, которые друг друга видали чуть не ежедневно. Прокурором, а потом председателем суда был двоюродный брат дяди Сережи — Николай Васильевич Давыдов. Мне вероятно придется еще говорить о нем, если я успею довести свою повесть до моих зрелых лет, но и теперь, скажу несколько слов в связи с Тульской жизнью Лопухиных. Николай Васильевич был из семьи, родственной Лопухиным, и во многом схожей, во всяком случае, по своему быту, укладу и понятиям. Это был живой, веселый, неизменно добродушный человек, общий любимец и всюду душа общества. Он был довольно легкомыслен, женился на танцовщице, но глядя на жену его Екатерину Михайловну, невозможно было сказать, чтобы она когда-нибудь могла быть танцовщицей. Она была простая, скромная русская женщина, вид которой вызывал представление скорее о маленьком одноэтажном особнячке во дворе какого-нибудь переулочка губернского города, чем о театральных подмостках. Она предана была душой и телом своему легкомысленному Кокоше, которого считала существом высшего порядка, посвящала ему все свои заботы и все ему прощала. А было что прощать, ибо жизнерадостный и легкомысленный Николай Васильевич, любивший свою жену и уважавший все ее достоинства, не удовлетворялся тем, что давало ему дома общество скромной его жены и некрасивой дочери Соняши, насчет прелести которой он впрочем имел некоторые иллюзии. Он не мог обходиться без общества, как рыба без воды, любил покутить, и не удер-

живался от увлечений. У него была даже, по-видимому, вторая семья на стороне. Не прочь он был и выпить в обществе таких же веселых и остроумных собеседников, как и сам он. Однажды, вернувшись домой ночью в весьма веселом виде, он решил сделать вид, что ничего не случилось. Вошел в спальню, разделся, и перед тем, чтобы лечь спать, стал на молитву. «Кокоша, — раздался голос жены, которая молча, в кровати, наблюдала за мужем, — все это очень хорошо, но почему ты молишься в цилиндре...» Эффект благоразумного поведения, на который рассчитывал Николай Васильевич, решительно не удался... Николай Васильевич был редко добрый человек. К нему вечно обращались со всех сторон с просьбами похлопотать о получении места, помещении в больницу, смягчении наказания. Все знали, что он общий любимец и, благодаря редко приятному нраву, имел самые обширные и разнообразные дружеские связи. Николай Васильевич никогда никому не отказывал, с редкой мягкостью и деликатностью входил в положение каждого, был всегда со всеми совершенно ровен и мил, невзирая ни на чье общественное положение. Неудивительно, что всюду и всегда он был самый популярный и любимый человек, член бесчисленных обществ и кружков, где всюду был необходим. Другим младшим сослуживцем дяди Сережи был брат его жены граф Николай Павлович Баранов. В то время он был холостяк, и семья сестры заменяла ему его собственную. Он был любимым дядей детей Лопухиных, которые считали его своей собственностью, и он их любил и находил в этом доме весь домашний семейный уют, которого ему не доставало. Николай Павлович был очень начитан, у него была прекрасная библиотека. Он был скромный благородный, чистый сердцем человек, и очень приятный сожитель, любил и понимал шутки, сам умел шутить и бывал *pince sans rire*^I. Он женился уже совсем не молодым на Анне Алексеевне Олениной^{II}, которая лет на 30 была его моложе^{III}. Этот неравный по годам брак, быть может, ускорил его кончину.

В Тулу наезжал иногда сверстник Николая Васильевича и родственник его и дяди Сережи — Федя Сол[л]огуб. Это был в своем роде человек далеко незаурядный. По натуре он был художник — поэт, живописец и немного актер. Он был очень талантлив, но был слабый человек, несчастливый в семейной жизни. Ему нужна была твердая опора в жизни, а в своей семье он не мог ее найти. Мать его была почтенная Мария Федоровна из крепкой старозаветной семьи Самариных, со слишком густым для такого человека, как Федя Сол[л]огуб, укладом жизни, являвшимся чем-то вроде продолжения Домостроя. Жена его была умная, хо-

^I Pince sans rire (франц.) — насмешник.

^{II} Автор ошибочно приводит отчество Олениной, правильно: Александровна.

^{III} Граф Н. П. Баранов родился в 1852 г., его жена А. А. Оленина — в 1874 г.

лодная красавица с темпераментом и нравами Екатерины Великой. У них родились две девочки, но счастье их было непрочно⁴⁷. Своей жене, когда он был еще женихом, Сол[л]огуб посвятил прелестное стихотворение:

Паутина

Нас с тобой связали грезы,
Летней ночи сумрак жаркий,
Да зарниц над рожью спелой
К полуночи отблеск яркий
Нас связали гроз раскаты...
Запах спеющей малины...
Да колеблемые ветром
Нити зыбкой паутины.

Разочарование в жене было ударом, исковеркавшим всю жизнь Феде Сол[л]огуба. Свое горе он прикрывал и потопил в шутке, которая стала чем-то вроде маски в его жизни. Со своей женой он сохранил шуточно-дружеские отношения. Однажды при ней в тесном кругу друзей он сказал:

«Хотите я вам скажу экспромпт про мою жену...

Моя жена родилась в ночь,
Она же сукина и дочь.
Рождена бароном Боде
Или кем-то в этом роде».

Вообще при искрившемся остроумии, Сол[л]огуб обладал даром экспромтистов. Однажды говорили о романах и о том, можно ли до бесконечности разнообразить их сюжеты и положения. Сол[л]огуб слушал и сказал:

«А, по-моему, все романы резюмируются одним известным стихотворением:

Их было две: она и он,
Оне выходят на балкон.
— Как мило светит нам луна, —
Внезапно молвила она.
— Недурно, — отвечал ей он,
И вдруг... нарушили закон».

Вообще, Сол[л]огуб сделался каким-то прислучным острословом, и весь разговор, начиная с самого голоса, был всегда пародией. Так

он разменял на блески и мелочи несомненный дар Божий, которым обладал. А будь он в других условиях и главное обладай характером по-тверже, из него в любой области искусства мог бы выйти художник с именем, ибо душа его мягкая и незлобивая таила в себе Божью искру. Эта душа вылилась в немногих серьезных его стихотворениях, в которых сказывается нежное и чуткое чувство красоты:

Созвездие

Когда твой взор задумчивый и чистый
Поднимешь ты к далеким небесам,
И встретишь свет созвездья серебристый, —
Столь памятного нам —
Ты помолись о том, кто молчаливо
Любил тебя болящею душой,
Кому была ты в жизни сиротливой
Господнею росой.

Огромное большинство других произведений Сол[л]огуба шуточного характера. В них на каждом шагу расточено столько блеска, остроумия и в такой прекрасной стихотворной форме, что по ним можно судить о размерах размененного им на эти мелочи таланта, вкуса и образования. У Сол[л]огуба было большое влечение к театру, и в этой области, как декоратор, он проявил присущий ему вкус и талант. Он первый, задолго до Библибина, создал русский лубок и был настоящим новатором в этом деле.

Понятно, что такой человек находил удовольствие в обществе своих тульских друзей, живых, веселых, остроумных и талантливых. От этого времени сохранилось его стихотворное послание Н. В. Давыдову:

Дон Кокон

Дон Кокон, привесив шпаги,
Мы по Тульским площадям
Будем полные отваги
Обижать прохожих дам.

С закругленными усами,
Шляпы на бок накреля,
Завернувшись епанчами,
Громко шпорами звеня.

Мы пройдем по стогнам Тулы
Нагоняя всюду страх,

Разворачивая скулы
В обывательских щеках.

Это кто... — передовые...
На погонах серебро...
— В миг к...алы роковые
Под девятое ребро.

Это кто... — исправник здешний...
— Шпаги наголо. И вот
Он хватается сердешный
За распоротый живот.

И когда разбив трактиры
И насытившись борьбой,
Возвратим ножнам рапиры
И воротимся домой.

Видя грозные фигуры,
Каждый молвит, кто не глуп:
— Это цвет прокуратуры,
С ним бесстрашный Сол[л]огуб.

Семья Лопухиных была притягательным центром для родных и друзей. В Туле поселились одно время Бутеневы. Жена моего тестя, урожденная гр[афиня] Баранова¹, была родной сестрой тети Саши Лопухиной. Дети Лопухина и Бутеневы были сверстники и вместе учились. Домашним учителем у Лопухиных был Василий Семенович Георгиевский, впоследствии принявший монашество и ставший митрополитом Евлогием. Он был очень любим детьми. Моя жена училась у него Закону Божьему.

Другая сестра тети Саши, Евгения Павловна (тетя Женя), была замужем за известным земским деятелем в Тульской губернии. Рафаилом Алексеевичем Писаревым. Я хорошо помню, как в первый раз услышал о ней и увидел ее на свадьбе моего брата Петра в 1884 году. Я был на этой свадьбе мальчиком с образом и сидел рядом с моей тетей Александрой Павловной Самариной. Помню, как она кому-то сказала: «А вы видели Женю Писареву, как она сияет своим счастьем». Эти слова почему-то меня поразили, я хотел посмотреть, кто это и как сияет, и вскоре

---

¹ Вторая жена К. А. Бутенева — графиня Екатерина Павловна Баранова.

к моей тете подошла высокая молодая прелестная женщина, и я тотчас понял, что это она сияет.

Если мой тесть (ваш дедушка) [Константин] Бутенев вносил в Тульскую среду Лопухиных элемент европейского воспитания и культуры, которого у них не было, то Писарев представлял другую стихию, которой тоже недоставало немного городской дворянской жизни, укрытой от соприкосновения с жизнью простого народа. Для дворян на государственной службе деревня была главным образом дачей, местом отдыха, для людей земли настоящая жизнь и настоящая Россия были в деревне, а город был надстройкой этой жизни. Это характерное противоположение так метко схвачено Толстым в разговоре братьев Левиных.

Р. А. Писарев был горячим, убежденным земским работником, тогда только еще начинавшим работу на этом поприще. До свадьбы он был веселый красивый молодой человек, любивший развлечения. Толстой взял его облик для своего Васеньки Весловского в Анне Карениной. После свадьбы он поселился с молодой женой в своем поэтическом родовом гнезде Орловка Епифанского уезда. Как человек увлекающийся, он немного пересаливал в начале «сев на землю», и в старый двухсветный зал своего дома стал ссыпать картошку. Эти крайности молодости потом обошлись; осталось непрекращавшееся до смерти увлечение земской работой, которая давала выход горению его души, жаждавшей отдать себя служению малым сим, простому народу. До конца жизни он сохранил юношеский жар души и несокрушимый идеализм, и эти свойства его характера создавали особенно притягательную силу и обаяние его личности. Его увлечение заражало молодых начинающих деятелей, как Георгий Львов, впоследствии Миша Голицын, Петя Раевский. Все они были отчасти его учениками.

В 12 верстах от Тулы была Ясная Поляна Толстого. Совершенно естественно эта близость поддерживала живой интерес к Толстому в Лопухинском обществе. Многие из них почаству бывали в Ясной Поляне. Помимо обаяния великого писателя, Толстой подкупал своей простотой, приветливостью, личным шармом. Дядя Сережа ценил в нем, конечно, исключительно великого художника, и со своим ясным и трезвым умом оценивал по достоинству его рассуждения. Он наслаждался всеми проявлениями художественной натуры Толстого, процессом его творчества и личным общением с этим, несомненно, обаятельным человеком. Он участвовал в первом представлении «Плодов просвещения» и живо рассказывал, как Толстой сам увлекался репетициями и вносил поправки в свой текст⁴⁸.

Далеко не все обладали тем же трезвым критическим чутьем, и личное обаяние Толстого оказывало на многих влияние в смысле пол-

ного или частичного восприятия толстовства, или в форме опрощения, или в усвоении его учения ее непротивлении злу. Увлекались этим часто люди чистые сердцем и в то же время недалекие или полуобразованные люди, не привыкшие разбираться в отвлеченных построениях. А таких людей всегда было у нас большинство, и Толстой справедливо считается сыгравшим против своей воли ту же роль в нашей революции, какая принадлежит Руссо во французской.

Если художественный интерес Лопухина находит питание в Ясной Поляне, то умственным его запросам могло давать удовлетворение общение с другим человеком — его родственником и моим крестным отцом — Петром Федоровичем Самариным.

Это имя будит во мне самые дорогие, самые интимные воспоминания моего детства и юности, и я не хочу целиком предвосхищать этих воспоминаний, которым место, когда я дойду до истории нашей семьи и своей личной жизни. Но незаметно для меня самого воспоминания о дяде Сереже Лопухине заставили меня захватить ряд его современников и сожителей по Тульской губернии. Когда вспомнишь всех этих близких людей, которых не стало (и каждый из коих заслуживал бы отдельного жизнеописания), то невольно удивляешься культурному богатству, таившемуся в серой русской провинции. Конечно, как всегда и всюду, выдающиеся люди были оазисами. Однако сколько незаурядных талантливых русских людей было в одной Тульской губернии 40–30 лет тому назад.

Раз я уже упомянул Петра Федоровича Самарина, то скажу теперь же несколько слов о нем, о его жене и имении, где они жили.

Петр Федорович принадлежал к древней московской семье Самариных, которую мне пришлось уже упоминать, с которой у нас были родственные связи по Оболенским, от которых происходила семья моей матери. Старший брат Юрий Федорович был известный писатель, один из столпов старого славянофильства, известный деятель освобождения крестьян. Семья Самариных отличалась крепкими устоями и православным духом, и в то же время высоким основательным усвоением западной культуры. Юрий Федорович недаром признавал, что Германия была как бы вторым его отечеством. При этом они были воспитаны в том поколении, когда считалось недостаточно просто знать иностранные языки, но нужно было уметь ими и пользоваться так, как это делали просвещенные люди, каждый на своем родном языке. Отсюда то непередаваемое изящество и благородство, которое сказывалось, говорили ли они на французском, немецком или родном языке. Это была печать высшего духовного аристократизма. Лев Николаевич Толстой принадлежал тому же поколению. Поэтому его французские разговоры и пись-

ма в «Войне и мире» отличаются таким совершенством, и сам он, хотя бы и в рабочей блузе и при всем его стремлении опроститься, производил впечатление такого барина в лучшем смысле этого слова.

Петр Федорович был младшим в своей семье. Он родился в 1828 году и женился на двоюродной сестре моей матери Александре Павловне Евреиновой. В эпоху освобождения крестьян он принадлежал прогрессивному меньшинству Тульского дворянского комитета, потом вместе с известным деятелем князем Вл[адимиром] Ал[ександровичем] Черкасским поехал в Польшу и работал с ним по установлению нового порядка вещей после Польского восстания. Вернувшись из Польши, Петр Федорович служил по выборам и был Тульским губернским предводителем дворянства, но он был слишком просвещенным человеком для тогдашнего крепостнического большинства тульского дворянства и поэтому не сохранил своей должности. Дворяне предпочли ему другого, более подходившего их уровню человека Арсеньева, кандидатура коего на последующих выборах одержала верх. Это было большим ударом Петру Федоровичу. Он с тех пор покинул общественную деятельность и поселился сначала в деревне, потом переселился в Ялту, где построил дом; там и скончался.

В таких общих внешних чертах сложилась жизнь этого замечательного человека. Конечно, не этими рамками определяется внутреннее содержание этой жизни и его личности.

Он был типичным и в то же время своеобразным представителем семьи Самариных. Глубоко и основательно образованный, как и все его братья, Петр Федорович был человеком выдающегося природного ума, превосходя в этом отношении быть может даже своего знаменитого брата. Но у него, сильнее, чем у Юрия Федоровича, который, однако, болезненно сознавал в себе этот недостаток¹, был развит рефлекс. Сомнения и скептицизм, как последствия такого постоянного анализа, парализовали деятельность, приводили к мучительному бесплодию в жизни. Эта болезнь, в течение многих поколений поражавшая русских людей, приобщившихся к культуре более высокой, чем окружающая среда, была своего рода крестом в жизни Петра Федоровича. Его сомнения и скепсис вытекали из крайней добросовестности, доходившей до мнительности, столь характерной для Самариных. Он принадлежал к разряду тех людей, которые сознают, что лишены веяния благодати и страдают этим, и бессильны бороться против разъедающего анализа, парализующего волю. Вместе с тем это был мнительно благородный и чистый

¹ Помнится, что в полном собрании сочинений Ю. Ф. Самарина есть одно замечательное письмо его к Гоголю, в котором он говорит о мучительной внутренней трагедии, которую переживал. — Примеч. автора.

человек. Никакая мелкая мысль, никакое тщеславие, никакая пошлость не имели доступа в его душу. И все мучительные для него недостатки растворялись без остатка в отношении к детям и молодежи. Его влекло к свежей непосредственности молодежи. С нами, детьми, он совершенно преображался. Это была неисчерпаемая доброта, благодушие и веселость. Он готов был на четвереньках ползать и играть с маленькими детьми, разделять забавы подростков, от души хохотать с молодежью, принимая самое живое участие во всех играх и затеях. Старшие и чужие могли бояться его саркастического взгляда, но мы с раннего детства до возмужалой молодости никогда ни капли не боялись дядю Петю и любили его больше всех. Впрочем мы не разделяли его ни в мыслях, ни в чувствах с его женой Александрой Павловной Самариной, нашей любимой из всех тетей Линой. Если дядя Петя был сложная гамлетовская натура, то тетя Лина была воплощенная простота и доброта.

В молодости она была красива и привлекательна. Я ее помню только пожилой и не менявшейся за 20 лет на моей памяти. С красивым лицом, короткой шеей, она задыхалась от полноты. Конечно, ни о какой красоте в то время не могло быть речи, но для нас не могло быть лица более привлекательного, так все оно дышало добротой и лаской. Никто не умел так баловать, как тетя Лина. Она умела угадывать, что каждому может доставить наибольшее удовольствие, и никогда не ошибалась в выборе. Мы были очень неизбалованы и неприхотливы в детстве. И каждый приезд Самариных был событием в нашей жизни. Глаза разбегались от подарков и угощения, и все это сопровождалось такими добрыми взглядом и смехом, что мы чувствовали, что попадаем как будто в какую-то полосу сказки, где все возможно и все хорошо. Особенно сильно это чувство бывало, когда мы приезжали в Молоденки¹.

Это была усадьба и имение, создание рук Самариных. Они были бездетны, богаты. Они купили имение, не представлявшее ничего красивого, выстроили большой каменный дом с террасами и балконами, насадили парк и рощу. Дядя Петя увлекался розами и выписывал всевозможные сорта. Дом был устроен со всеми удобствами, нам детям, казалось, с роскошью. У дяди Пети был огромный кабинет, кажется двухсветный, весь обставленный шкапами с книгами. Этот кабинет казался нам святая святых, мы туда не смели входить без зова, и этот кабинет усугублял в наших глазах таинственный престиж дяди Пети. На другом конце дома и полной противоположностью кабинета был низенький и небольшой будуар тети Лины, весь убранный русскими вышивками. Там мы чувствовали себя гораздо свободнее.

¹ Епифанского уезда Тульской губернии, в настоящее время Кимовский район Тульской области.

Молоденки — это было волшебное царство, и в нем царили мы — дети, а Самарины только старались все время, что бы еще придумать, какое новое баловство и удовольствие.

Все наше детство, юность, молодость согреты лучистыми любящими глазами тети Лины и полным доброты прищуренным взглядом дяди Пети. Как живые они стоят передо мною, и я не знаю, как передать мне их милые дорогие образы. Тетя Лина, отдававшая всем свое сердце, в то же время, казалось, безраздельно жила жизнью дяди Пети. Она предугадывала малейшее его желание, она поворачивалась всем существом в его сторону, когда он грустил, тосковал, или был нездоров. Она знала своим любящим и простым сердцем, что единственное лечение от сухости, разочарования в людях, от сомнений и анализа — это дети и доброта. То, чем она и дядя Петя были для окружающих, вся доброта, которую они источали, — это было в то же время для него санаторий. Я не видал более полного и безраздельного олицетворения доброты, чем тетя Лина. Правда она не всех любила. Некоторых она не переваривала, и середины в чувствах она не знала. Она вечно кипела, как самовар. Ничего легче не было заставить ее вскипеть, и дядя Петя любил ее поддразнивать и заставлять вскипеть, причем, по мере того, что она волновалась и кипела, он становился все более невозмутим. Мы, дети, были убеждены, что он видит три аршина под каждым из нас, и что от него невозможно укрыться. Не нужно было ни одного слова с его стороны, чтобы укрепить в нас это убеждение; достаточно было увидеть его умный прищуренный взгляд — две щелочки сквозь пенсне. Этот человек все видел и все понимал. И как он добродушно хохотал от наших рассказов, и как умел возбудить эти рассказы, создать оживление.

Боже мой! Когда я вспомню и увижу перед собой эти бесконечно милые дорогие близкие лица, слышу их голоса, их смех, клекотанье тети Лины, передо мной мелькает рой светлых воспоминаний, и я молодую душой. Как сейчас чувствую тетю Лину, всю над собой, когда меня постигло первое большое горе в моей жизни, умер мой отец, и вот она, не говоря ни слова, вся склонилась надо мной, и оставалась так... И я слышу ее частое дыхание, я чувствую, как вся душа ее исходит любовью ко мне, и чувствую, как эта любовь, в которую я погружаюсь, держит меня и укрепляет... В такие минуты жизнь как будто приостанавливает свое течение.

Секрет прелести и обаяния тети Лины заключался в ее простоте и в том, что она слушала только свое сердце. Я вспоминаю рассказ старших из дней ее молодости. Тяжело болел Николай Алексеевич Милютин, известный деятель освобождения крестьян. Его пришли навестить и старались развлечь его умными разговорами Иван Сергеевич Аксаков

и княгиня Ек[атерина] Ал[ексеевна] Черкасская. Больной слушал, но, видимо, не отвлекался от тяжелых мыслей. В это время вошла в комнату молодая, красивая и жизнерадостная Александра Павловна Самарина. Она села и стала болтать о всяких пустяках, не заботясь ни об умных людях, ни об умных вещах. И больной просиял, смотрел и слушал ее. И, конечно, не то, что она рассказывала, было ему интересно и приятно. Но она внесла с собою в комнату жизнь и простоту и ласку, и оба гостя переглянулись между собою, без слов сказавши: вот что ему нужно.

Я отвлекся в сторону. О Самариных я надеюсь еще много говорить и вспоминать, теперь же я коснулся их в связи с семьей Лопухиных. Нужно ли говорить о том, сколько вся эта семья почерпала в Молоденках ласки и баловства, а С. А. Лопухин — питания умственного из общения с Петром Федоровичем, к которому относился не без робости.

Раз я заговорил о друзьях семьи Лопухиных в Туле, то скажу и о других из числа выдающихся людей, с которыми сталкивала их жизнь. Это даст мне возможность помянуть их.

Когда Лопухины переехали в Орел, губернским предводителем дворянства там был Михаил Александрович Стахович. Милюков в некрологе говорил о нем как одном из лучших представителей дворянской культуры, которая так долго представляла почти всю культуру России. Богато одаренный, прекрасно образованный, с несомненным талантом красноречия, Стахович был, действительно, типичным представителем дворянского либерально-консервативного просвещения. Его отец уже был просвещенный человек и причастный литературе. Он написал известные в свое время сцены: «Ночное».

Михаил Александрович был общественный деятель, либерально настроенный. Наиболее известные его выступления были в защиту свободы совести в реакционную эпоху министерства Плеве и против террора в I Думу, членом коей был выбран от Орла. Речь его была всегда благородна и изящна. Если в его красноречии был недостаток, — то это может быть некоторая нарочитость. В нем сказывался блестящий салонный «козёр»¹, любивший красивые эффекты. Одну из своих речей в Орле он начал обращением: «Господин орловское дворянство». Он любил и понимал литературу, был под личным обаянием Льва Толстого, у которого постоянно гостил в деревне. Влияние Толстого сказалось, между прочим, в том протесте, который вызывало в нем всякое насилие — будь то стеснение свобод совести правительством или революционный террор.

Когда началось образование политических партий, Стахович был одним из учредителей Союза 17 октября⁴⁹, но он недолго ужил там.

¹ Causeur (франц.) — человек, умеющий увлекательно разговаривать на разные светские темы.

В основании этой партии участвовала естественная реакция против увлечений и теоретизма кадетской партии, но не было внутреннего пафоса, кроме того, который мог внушаться национализмом. Союз 17 октября, создателем коего был реалист-политик А. И. Гучков, был слишком глубоко-реалистичен для таких людей, как Стахович, граф П. А. Гейден и Шипов. Совершенно так же кадетская партия своей партийной прямолинейностью была слишком груба для тонкой аристократической натуры Н. Н. Львова. Все эти люди объединились в эпоху I Думы и образовали новую партию, которую кажется окрестил Стахович — это была Партия мирного обновления⁵⁰.

Широкого распространения эта партия никогда не получила. Про нее говорили, что все ее члены умещаются в купе вагона. Ее основатели не имели настойчивости и аппетита власти. Они были, быть может, для этого слишком «баринами». Но, образуя аристократическое меньшинство, каждый из них в силу личного уважения, которое внушал, заставлял к себе прислушиваться. Эта маленькая группа была чем-то вроде голоса общественной совести. Впоследствии эта роль перешла «Московскому еженедельнику»⁵¹.

Таким благородным просвещенным баринком, немножко легкомысленным, немножко дилетантом, *bon-vivant*¹, незаменимым собутыльником, гастрономом и добрейшим чистым человеком жил и умер Михаил Александрович. Во время последней революции он как-то мимолетно был Финляндским генерал-губернатором, причем, кажется, не принимал всерьез своей должности. Мне рассказывали, как однажды он явился на заседание Временного правительства совершенно пьяным. Потом осенью 1917 года он был назначен послом в Мадрид, но не успел доехать до места своего назначения, когда случился большевистский переворот. Он застрял в Париже. Здесь я встретился с ним осенью 1920 года, когда произошел крах армии Врангеля и эвакуация Крыма. Русские общественные организации интриговали, ссорились, озлобленно обвиняли друг друга. Стахович хотел стряхнуть с себя этот дурман. Он как-то позвал меня вместе с молодыми [Владимиром] Писаревыми обедать и угостил в хорошем ресторане. Он умолял не говорить о политике, и, в свою очередь, она мне претила. Стахович был в ударе. Он был очаровательный хозяин-хлебосол и с блеском делился воспоминаниями о Тургеневе и Толстом... Один из его рассказов был про посещение Ясной Поляны известным рассказчиком Ив[аном] Фед[оровичем] Горбуновым. После его отъезда Толстой признался, что боялся, не будет ли ему стыдно за Горбунова, когда он будет рассказывать. Но когда Горбу-

¹ Бонвиван, кутила, любитель жизни (франц.).

нов начал, Толстой весь отдался наслаждению. Он был поражен именно тем, как у Горбунова не было ни одной фальшивой ноты. «Так же весело его слушать, как смотреть на работу настоящего костромского плотника, когда у него стружки летят». Это был кажется последний раз, что я его видел. Вскоре он стал терять зрение, хворал, говорил, что для него осталось только «прочее время живот в мире и покаянии скончати». Он умер, если не ошибаюсь, осенью 1923 года и похоронен близ Парижа в *Saint Germain en Laye*¹.

Кроме Стаховича, Лопухины застали в Орле Сергея Николаевича Маслова, молодого еще земца, который несколько трехлетий подряд выбирался председателем земской губернской управы.

С чуткой, нежной, я бы сказал женственной душой, Сергей Николаевич был кристально чистый благородный человек. Он был холостяк, как Стахович, но он совсем не был жуиrom. Он был предан земскому делу так, как на то способен был только хороший русский дворянин, который с молоком матери впитал в себя долг служения государству и народу. И Орловское земство было во многих отношениях образцовым, обращавшим общее на себя внимание. Сергей Николаевич был хозяин и человек земли, поэтому он не мог разделять увлечений кадетов. Он был также либеральным консерватором в лучшем смысле этого слова. Они оба с моим дядей Сергеем Алексеевичем очень ценили друг друга и их оценки событий и людей обычно совпадали.

Сергей Николаевич не был создан для бурного времени, для борьбы. Вихрь революции закрутил его хрупкую нежную натуру и преждевременно свел в могилу.

Он был членом Особого совещания в правительстве Деникина⁵² и стоял во главе Управления продовольствия, где я ближе его узнал. Ко времени эвакуации Новороссийска он заболел сыпным тифом и его перевезли чуть ли не в бессознательном состоянии, на пароходе, в Александрию. Там он поправился, был представителем Земского союза в Египте, очень тяготился своей оторванностью от близких. Было совсем решено, что он приедет во Францию. Но Бог судил иначе, и Сергей Николаевич скончался и был похоронен в Александрии в начале 1925 года. В его лице ушел один из самых прекрасных представителей старого земства и той дворянской культуры, которая создала это единственное в своем роде учреждение, высоко державшее заветы бескорыстного и самоотверженного служения народу, сочетая его с крепкими устоями людей земли, а не беспочвенного идеализма.

¹ Имеется в виду город Сен-Жермэн-ан-Лэ в департаменте Ивелин, на реке Сена, в 19 км к западу от Парижа.

Я не буду следить за всеми этапами передвижения семьи Лопухиных. Из Орла они попали в Киев, где жил в то время мой брат Евгений с семьей. Он часто читал дяде Сереже свои статьи. В Киеве же был в это время генерал-губернатор[ом] знаменитый Драгомиров. Вскоре после поездки в Петербург по приглашению Витте дядя Сережа был назначен сенатором и переехал с семьей в Петербург, сначала на Васильевский остров, где ему удалось найти совсем не Петербургскую квартиру, а нечто вроде помещичьего дома. Здесь его дочь Маша стала невестой Володи Трубецкого, сына моего брата Петра, который за год до того также переехал из Москвы в Петербург. Свадьба состоялась в январе 1907 года в Москве, а через три года, февраля 1910 года⁵³ дядя Сережа скончался, недолго побыв до того. Он недомогал не более года. Ни один из членов этой семьи не доживал до 60-летнего возраста. Моя мать нам всегда это говорила, и сама скончалась за неделю до того, что ей должно было минуть 60 лет, а дядя Сережа был младший и умер последним из детей моего деда. Он похоронен в Донском монастыре в Москве. Мне придется вероятно не раз упоминать его в связи с событиями моей личной жизни, которой я пока не касался.

Мне придется теперь говорить о сестрах моей матери, но я сделаю это вкратце, чтобы не повторяться впоследствии. У меня еще смутное воспоминание детства — тетя Маша-старушка — сестра моего деда⁵⁴, которую мы так звали в отличие от тети Маши — сестры моей матери, а ее племянницы. В памяти почему-то врезалась — небольшая комната, круглый стол, за которым сидят мои дяди и тети и щипят корпию¹; подле стола — тетя Маша-старушка. Воспоминание это, верно, относится к началу турецкой войны. О тете Маше-старушке знаю между прочим, что в нее был влюблен поэт Лермонтов и у нее хранилась целая шкатулка писем от него, которые, по ее распоряжению, были сожжены после ее смерти.

Сестры моей матери: прежде всего, две оставшиеся незамужними и жившие вместе — тетя Маша и тетя Лидя. Тетя Маша была слегка горбата, с круглым красным лицом очень Лопухинского типа. Это была добрейшее существо. Про нее мой брат Сергей говорил то, что занесено в воспоминаниях вашего дяди Жени [Е. Н. Трубецкого], что он считает ее гораздо более великим человеком, чем Наполеона и других героев истории, потому что вся жизнь ее посвящена самоотвержению и любви. Эту любовь и нежную заботливость испытали на себе мои братья, когда, кончив гимназию в Калуге, переехали в Москву, где поступили в уни-

¹ Корпия — нащипанные из старой полотняной ткани нитки, который в те годы использовались в медицине вместо ваты.

верситет. Они жили с тетушками под их крылом, на Кисловке¹, и конечно моя мать могла быть спокойна за них. Они были предметом самого нежного попечения. Тетя Маша умерла первая, и тогда тетя Лидия переехала к Капнистам. У нее был нервный удар, от которого она никогда не оправилась и при ней состоял целый штат — две старые девушки, и человек Иван, который катал ее в креслах. Когда мы переехали из Калуги в Москву, то на лето мы переселялись в Менъшово и туда на лошадях переезжала тетя Лидя. Менъшово принадлежало ей. Мой отец выстроил там довольно поместительный деревянный дом. Все мы племянники очень любили тетю Лидю. Она с доброй улыбкой следила за молодежью, и не двигаясь со своего места в комнате, или саду участвовала в общей жизни. К ней поминутно прибежал кто-нибудь и держал ее в курсе событий, и она с той же улыбкой добродушными словечками определяла положение. В ней была молодость души и Лопухинская способность к «экзальтации», благодаря чему она могла со своими племянницами переживать их увлечения, живо воспринимать все интересы молодежи, и с поощрительной улыбкой следить за развитием романов, которые иногда переплетались и никогда не переводились в Менъшово. Для нас детей и молодежи так уютно было чувствовать над собой старшее поколение, которое смотрело на нас, как благожелательные зрители из ложи на действующих лиц. Тетя Лидия прожила с нами лет пять и скончалась в Москве у Капнистов от повторного удара.

Была еще младшая сестра — тетя Ольга, красивая, привлекательная, долго не выходявшая замуж. Она была моей крестной матерью. Помню целое лето, проведенное у нас в Калуге, когда моя мать утомившись многими годами забот и хлопот о многочисленной семье, должна была, по совету докторов, уехать на 2 или 3 месяца к Самариным в Молоденки, на полный отдых. У меня сохранилось воспоминание о кротком и женственном облике тети Ольги. Она довольно много занималась со мною, давала уроки. Мне было тогда вероятно лет семь. Уже не первой молодости, лет 37-ми, она вышла замуж за своего троюродного брата Андрея Сергеевича Озерова.

Озеровы жили в Петербурге. Это была семья очень близкая Двору. Софья Сергеевна была фрейлиной императрицы Марии Федоровны, очень приближенной. Один из братьев Сергей Сергеевич был флигель-адъютантом, а сам Андрей Сергеевич был приближенным адъютантом, а потом гофмаршалом великого князя Михаила Николаевича. Старуха-мать Екатерина Андреевна⁵⁵ не желала для своего сына брака с бедной кузиной, и не скоро дала свое согласие. Счастье было недолговечным.

¹ Имеется в виду Большой Кисловский переулоч.

Бедная тетя Ольга не перенесла родов и скончалась. После ее кончины, ее муж из году в год приезжал к нам летом в Меньшово, дорожа всем, что было связано с ее памятью.

Была еще одна сестра у моей матери, которую я приберег на конец, потому что она, ее дети и муж были нам особенно близки. Об ней придется часто вспоминать потом, но и здесь отдельно хочу о ней сказать. Это была моя тетя Эмилия Капнист. Она была значительно моложе моей матери, была еще девочкой, когда моя мать выходила замуж. В молодости она имела прелестную внешность и много прелести. Она была удивительно женственна и на всю жизнь сохранила привлекательность. Муж ее граф Павел Алексеевич Капнист в молодости был весельчак, любил покутить и сохранил широкий размах. Он был человеком выдающегося ума и практической государственной складки, был прекрасно образован, ибо не только кончил Московский университет, но еще учился в Германии. С большими способностями и знаниями он соединял не меньшую самоуверенность. Он мог говорить о вещах, о которых имел самое слабое представление, так авторитетно, что люди более скромные не смели вступать с ним в пререкания. Он начал с судебного ведомства, был директором Канцелярии министра юстиции графа Палена [в 1874–1877 годах], потом очень молодым был назначен [в 1877 году] прокурором Московской судебной палаты. После этого он переменил карьеру и был назначен попечителем Московского учебного округа. В этой должности он пробыл 14 лет, до 1895 года. В это время генерал-губернатором в Москве был великий князь Сергей Александрович. Капнист ему не понравился, и был назначен сенатором I департамента, одного из самых живых и значительных Департаментов Сената, где рассматривались жалобы и протесты против действий административных властей. Последние годы бедного дяди Капниста были омрачены материальными тяжелыми передрыгами. Внезапно обнаружилось, что у него крупные долги, которые он не в состоянии уплатить. Ему помогли его братья — посол в Вене граф Петр Алексеевич, женатый на очень богатой графине Стенбок, и бездетный и холостой брат граф Дмитрий Алексеевич, бывший директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел, внушениям и содействию которого я обязан выбору своей дипломатической карьеры, что считаю для себя во всех отношениях счастливым и за что на всегда сохранил благодарную память графу Дмитрию Алексеевичу.

У Капнистов была дочь Соня, приблизительно моя сверстница, рано умершая, потеря которой осталась на всю жизнь раной для тети Эмилии, и было два сына: старший Алексей был на два года старше меня; мы были с ним почти сверстниками, товарищи и друзья. Млад-

ший Дмитрий, был на 6 лет моложе меня, и был товарищем игр моей сестры Марины, которая была старше его на два года. Алексей с детства имел какое-то влечение к морю. Родители потребовали, чтобы он окончил гимназию и поступил в университет. Но когда он перешел на 2-й курс, ему разрешили удовлетворить свое влечение. Он был принят в Морской корпус по особому разрешению Государя, которое состоялось даже при не совсем обычных условиях. Государь Александр III был в Ливадии, когда вместе с другими бумагами, он получил и прошение об определении Капниста в Морской корпус. Государь для скорости вложил прошение со своей резолюцией в конверт, адресовал его морскому министру, наклеил почтовую марку и бросил в ящик. Почерк Государя узнали на почте и почт-директор лично отвез письмо морскому министру, прося его дать ему конверт, как уникаму.

Капнист довольно много плавал, потом был в числе первых профессоров Морской академии, когда ее открыли. Очень недовольный порядками во флоте, он ушел в отставку в 1908 или 1909 году, поселился в деревне, был предводителем дворянства в Полтавской губернии⁵⁶. Призванный на службу, когда началась война в 1914 году, он был назначен помощником начальника Морского генерального штаба, а в конце войны был уже контр-адмиралом и начальником штаба⁵⁷. После большевистского переворота семья его переехала в Кисловодск. Он последовал туда же, но там, во время захвата Кисловодска большевиками, был схвачен, посажен в тюрьму и зверски убит в числе многих погибших тогда. Это был редко хороший благородный человек с чисто младенческой душой. Об нем не раз придется мне вспоминать.

Его младший брат Дмитрий рос одиноко среди старого поколения своих родителей и дяди Дмитрия. Он мало привык к обществу сверстников и всегда казался в нем немножко стариком. В детстве одно время он долго болел, и тогда сам завел бумагу с чертежом, где черными и красными чернилами аккуратно вел записи своей температуры и рисунков кривой колебаний. Он любил приставать к старшим, чем впрочем отличаются почти все мальчишки известного возраста. Помню как он на своем детском велосипеде разъезжал по коридору верхнего 3-го этажа Капнистовского дома в Москве (огромная казенная квартира попечителя учебного округа была как раз против Храма Христа Спасителя) и развозил по комнатам молодежи — студентов-племянников, всегда живших у Капнистов, — квитанции на право ночевать в собственной комнате. Помню, как он долго и упорно одним пальчиком стучался в дверь Бори Лопухина, пока последний не вылетал из нее совершенно разъяренный. Этого только и нужно было Дмитрию, который удирал от него на своем велосипеде. Борьба с ним была невозможна. Как младший, он был бало-

ванным Веньяминчиком, и если старшие молодые люди жаловались его матери, она говорила им: «Бедные, маленькие, вас Димитрий обидел». Однажды мы с моим другом Семеном Ивановичем Унковским поймали его в саду и тут же изобразили военный суд, причем были и прокурором, и адвокатом, и судьями. Приговорили обвиняемого к порке и тут же произвели не особенно сердитую экзекуцию. Нам потом здорово досталось от тети Эмилии, но свое удовольствие мы получили. Бедный Дмитрий. Он был и остался очень хорошим малым, благородным, добросовестным, необычайно трудоспособным, но он как-то засох, и у него никогда не было молодости в характере. А между тем он с ранних лет всегда был кем-нибудь увлечен, и всегда избирал своим предметом самую молодую, красивую, привлекательную и жизнерадостную девицу. Если у него был хороший вкус, то сам он не обладал прелестями, которые могли нравиться, и которые в таких случаях важнее серьезных достоинств, кои у него были. Он так молча и упорно преследовал предмет своего увлечения, что обычно становился ему в тягость. Он оставался верен своим увлечениям, пока они не выходили за кого-нибудь замуж, тогда он переносил свое чувство на другую. Так он действовал с ранних лет почти до 40-летнего возраста, когда судьба над ним сжалась и он женился на Ольге Бантыш, совсем молоденькой и не выдавшей жизни. А он уже был членом Государственной думы, после того, что проделал судебный стаж, участвовал в сенаторской ревизии Туркестана графа К. Палена и был предводителем [дворянства] Золотинского¹ уезда Полтавской губернии.

О родителях его сознательно не вдаюсь в подробности, потому что это слишком близкие для меня люди, и я буду говорить о них, когда буду рассказывать о себе, если только память позволит мне повести связную повесть о моей семье и себе самом, и я успею это сделать.

Мои родители

Я хотел занести сюда хотя бы в самых общих чертах то, что мне припомнилось о семьях моего отца и моей матери, отчасти по рассказам, отчасти по личным воспоминаниям. Я думаю все время о моих детях. Мне хотелось бы, чтобы они не были безразличны к памяти тех, кто мне дороги и близки. И теперь я подошел к тому, что ближе всего лежит моему сердцу, что может быть всего труднее передать так, как хотелось бы. Я знаю заранее, что мои слова не удовлетворят меня. Я буду говорить о моих родителях.

¹ Правильно: Золотоношского уезда.

И здесь поперек моим попыткам лежит ужасный недостаток памяти. Вот откуда выглядывает на меня лик смерти, когда хочешь и не можешь вызвать к жизни то, что так недавно трепетало всеми красками. Да помогут мне близкие дорогие мне души вдохнуть в эти страницы воспоминаний живую память о себе, или хотя бы дуновение своей личности.

Мне стыдно, что я знаю так мало подробностей о жизни моих родителей до той минуты, когда они попадают в поле моих личных воспоминаний.

Папá

Мой отец родился [3 октября] в 1828 году, и, как я уже говорил, воспитывался в Пажеском корпусе. Впоследствии от старой княжны Тани Гагариной, скончавшейся в Баден-Бадене, я знаю, что в это время он бывал иногда по воскресеньям у них в доме в Петербурге. Мой отец вышел в [лейб-гвардии] Преображенский полк, некоторое время был адъютантом полка⁵⁸. От этого времени у меня остался почему-то в памяти его рассказ, как в полковой праздник было такое разливанное море, что даже в стойла лошадям лили шампанское. Мой отец участвовал в Венгерской кампании 1848 года¹, по крайней мере, я помню бронзовую медаль в память этой войны⁵⁹ в числе его орденов. Он был адъютантом командующего гвардией генерала Арбузова, потом князя А. И. Барятинского⁶⁰. Последний предложил моему отцу ехать с ним на Кавказ, когда был назначен туда наместником, но мой отец остался в Петербурге. Он женился первым браком на графине Л. В. Орловой-Денисовой. От этого брака у него было трое детей: старшая Софья Николаевна Глебова, вторая Марья Николаевна Кристи и сын Петр Николаевич. Они унаследовали крупное состояние своей матери и ее сестры графини Толстой, которая после ее смерти взяла к себе всех трех детей и воспитала их. Все трое имеют в настоящее время большое потомство. Моя сестра Глебова — прабабушка^{II} и сохранила до сих пор (декабрь 1925 года) поразительную живость и подвижность. Не всякий молодой за ней угоняется^{III}.

Мой отец рано овдовел, покинул военную службу и жил в Москве. Он страстно любил музыку. В это время великих реформ для русской музыки также наступила знаменательная эпоха. Перед тем, неза-

^I Имеется в виду поход русских войск в Венгрию на подавление восстания, который проходил в апреле — августе 1849 г.

^{II} Среди ее внуков — народный артист СССР П. П. Глебов.

^{III} Добавлено от руки: скончалась 7 сент[ября] [19]36 г[ода].

долго, проявился гений Глинки. Громадный толчок в музыкальном развитии России дали братья Рубинштейны, — в Петербурге Антон, в Москве Николай. Я не буду повторять того, что сказано о значении Николая Рубинштейна в воспоминаниях моего брата Евгения. Его гений и его музыкальная деятельность были своего рода откровением музыки. Он разбудил природные дремавшие способности и врожденную у нас музыкальность и дал этим способностям и силам должное направление. Его усилия падали на благодарную почву и приносили богатые плоды. В Московском обществе нашлись просвещенные и чуткие ценители музыки, которые сплотились вокруг него и помогли ему создать Императорское Музыкальное Общество и Консерваторию с кадром крупных даровитых профессоров и артистов. А симфонические концерты, которыми он дирижировал, и камерные вечера стали широкой музыкальной школой, привлекая тысячи слушателей во всегда полные залы. Концерты эти были своего рода событиями, и ими жила музыкальная Москва. Я помню атмосферу какого-то светлого торжества, которая чувствовалась в залах Дворянского собрания, когда бывал хороший концерт и особенно когда выступал Антон Рубинштейн. Николая я не застал и помню его только в моем раннем детстве, но дух Николая Рубинштейна был живуч долгие годы в Москве. Вплоть до революции сохранились старые верные его поклонники и последователи, которые оставались неизменными посетителями симфонических концертов.

Мой отец был в числе друзей и почитателей Николая Рубинштейна и деятельно помогал ему во всех его начинаниях, будучи одним из основателей Музыкального общества⁶¹. В то время хор, выступавший в концертах, составлялся из любителей. Отец мой был в числе постоянных участников, и здесь на спевках он встречался и сблизился с моей матерью, которая была очень музыкальна и, как я слышал, была любимой ученицей Фильда. Таким образом общее увлечение музыкой сыграло решающую роль в жизни моих родителей.

Я снова прибегаю здесь к воспоминаниям «Из прошлого» моего брата. Читайте и перечитывайте эту книгу, если хотите понять сердцем, кто были мои родители и чем была для них музыка.

Мой брат был на 10 лет старше меня. Он описал годы семейной жизни моих родителей, когда меня не было еще на свете. Для меня Ахтырка, в которой я родился, существует только по рассказам, а не по личным воспоминаниям. В памяти моей от этого времени запечатлелись отдельные отрывочные сцены, сами по себе незначительные, но почему-то врезавшиеся в детскую память. Мои более связные воспоминания начинаются с переезда нашего в Калугу. Переезд этот был обусловлен материальными затруднениями, которые стали испытывать мои родите-

ли. Они вынудили моего отца с большим горем пойти на продажу родового поместья Ахтырки, содержание коего стало ему не по средствам, и он продал это имение за гроши. Еще раньше, чем решиться на этот шаг, отец мой стал искать государственной службы, и был назначен в Калугу вице-губернатором в 1877 году⁶². Здесь протекли счастливейшие годы нашей семейной жизни.

Я не помню своих родителей иначе, как пожилыми. И все мои воспоминания с самой ранней поры моей жизни складываются вокруг бережной нежной и всепоглощающей любви моего отца к матери. Он не мог жить без нее, он молился на нее, и когда у себя в кабинете он садился в кресло читать газету, он пододвигал ее портрет так, чтобы видеть ее каждую минуту, когда глаз отрывался от чтения; после его смерти мы нашли его письмо к нам детям, в котором он писал: помните, что вы обязаны Маме больше, чем жизнью...

У нас детей сложилось твердое представление о Папе, что на нем почивало особое благословение Божие. За несколько лет до кончины моего отца, в Москву приезжал известный о. Иоанн Кронштадтский и служил молебен, если не ошибаюсь, в Елизаветинском институте, хозяйственной частью коего ведал мой отец, как почетный опекун. Разговорившись с моим отцом после молебна, о. Иоанн сказал ему, что на нем благословение Божие, и что пока он жив, в его семье все будут живы. Предсказание это сбылось, и мой отец скончался, не зная горя семейных потерь.

Я никого не знаю, кто был бы таким счастливым человеком, как он. Источником этого счастья была его душа младенчески чистая, ясная и добрая. Физически он был редко здоровый человек и никогда не хворал. Моя мать всегда говорила, что переезд в Калугу сохранил моему отцу много лет здоровья, ибо, конечно, в Москве нельзя было бы установить такого правильного, ничем не нарушаемого образа жизни. Он вставал всегда в один и тот же час в 8 часов утра, пил два стакана чая, потом шел в кабинет, где ему давали маленькую чашку кофе, которую он выпивал, наскоро прочитывая известия в «Московских ведомостях», потом ехал на службу. После завтрака опять уезжал на службу, потом по делам и визитам, перед обедом ложился отдыхать, тотчас засыпал и просыпался ровно через 1/4 часа, после обеда иногда занимался и почти ежедневно кончал вечер партией в винт, у нас дома или у кого-нибудь из друзей. Во все перерывы в течение дня он забегал к моей матери, рассказать где был и кого видел и обо всем посоветоваться.

Мой отец был необыкновенной доброты и незлобивости. Он вечно за кого-нибудь хлопотал и, если о ком заботился, то он уже обдумывал его во всех подробностях. Личные свои дела он не умел вести.

Его неисправимой доверчивостью к людям нередко злоупотребляли. Он готов был поверить явному мошеннику, если тот обещал не надуть его. Он был совершенно не способен сердиться или обижаться на кого-нибудь, и поэтому у него не было и не могло быть врагов. При этом никогда никакое мелкое чувство и мелкая мысль не имели доступа в его чистое сердце. Ему органически чужды были тщеславие и зависть. Ему даже была простота от Бога. Это был в своем роде цельный самородок. Только получившие дар Божий чистоты сердца могут быть так просты и непосредственны, как дети, быть так цельны и настолько чужды мысли и старания чем-то такое казаться, а не просто быть. Изю всех детей моего отца в наибольшей мере этот дар непосредственности был унаследован моим братом Евгением.

Ко всем этим счастливым качествам у моего отца присоединялась способность удовлетворяться и находить удовольствие в самых скромных условиях жизни. Он, который смолоду привык к богатству и даже к роскоши, наслаждался разведением самых скромных грядок у себя в саду, и с таким же интересом относился к хозяйству в Меншове, где урожай мог поместиться в двух ваннах, как в былое время в крупных имениях. Но главным его интересом и его страстью была музыка. Ради нее он готов был обо всем забыть. Для чистых душ музыка это та же молитва, конечно, не пошлая веселенькая или чувственная музыка, которая является грубой материализацией искусства, а та музыка, которая уносит над землей, «всякая ныне житейския отложив попечения», та небесная музыка, которая как благодать сходит на композитора и исполнителя и заражает и уносит слушателей в иной мир. Вот эта музыка-молитва звучала в чистой душе моего отца так же, как и моего брата, который так умел передать эти переживания, говоря о 9-й симфонии Бетховена. И та же музыка уносила мою мать в надзвездные пространства.

Главным лишением для моего отца, когда он переехал в Калугу, было, конечно, удаление от симфонических концертов и музыки, связанной с Николаем Рубинштейном, невозможность принимать деятельное участие в Императорском Музыкальном Обществе. Но мой отец тотчас основал музыкальное общество и музыкальную школу в Калуге. Он создал даже оркестр из любителей и устраивал концерты, с целью пропагандировать музыку и в то же время для усиления средств Братства борьбы с расколом⁶³, которое он также организовал. В Калужской губернии было много старообрядцев, и с ними устраивались собеседования и велась проповедь.

Мой отец приглашал на концерты в Калугу своих друзей — артистов. Мне было лет 6, когда к нам приехал Николай Рубинштейн. Хорошо помню это посещение, как к нему приехал с визитом, чтобы благо-

дарить за участие в концерте в пользу Братства его руководитель Архимандрит Мисаил. Оба они стояли в столовой у входа в гостиную, куда мне нужно было пробраться. Они разговаривали и кланялись друг другу. Потеряв надежду, что они покинут это место, я на четверинках пополз между ними, и они, продолжая свои поклоны, с удивлением увидели меня у своих ног. Мне было очень страшно, но все обошлось благополучно. Помню также, как старшие не решались просить Рубинштейна сыграть что-нибудь и меня послали к нему с нотами. Мне тоже было страшно идти, но Рубинштейн добродушно принял ноты и сел играть. Я, конечно, не мог тогда оценить его игры, мне только передалось благоговейное напряжение всех слушавших.

Приезжал также давать концерт профессор Консерватории пианист Пабст, отличавшийся блестящей и сильной игрой, и молодая в то время певица Климентова-Муромцева. С ее приездом связаны забавные воспоминания. Мой отец был феноменально рассеян. Когда он решил ее выписать, то написал не только ей, но и моему брату Петру: «Скажи этой дуре, чтобы не вздумала ломаться и приезжала». Он перепутал конверты, и Муромцева получила письмо, предназначавшееся моему брату. Она очень добродушно отнеслась к этой ошибке и возвращая брату письмо, которое ему предназначалось, сказала: «Напиши в Калугу, что дура не будет ломаться и приедет». Перед концертом мой отец командировал за ней в Москву огромного жандарма Степанова с большой рыжей бородой и рядом медалей на груди. Степанов участвовал в любительском оркестре, играя на флейте. Ему было поручено привести артистку. Появление огромного жандарма в доме Муромцевых произвело переполох. Муж Марьи Николаевны был известный, в то время считавшейся левым, профессор университета, впоследствии председатель I Государственной думы. Муромцев был начеку, ожидая всяких неприятностей от властей. Поэтому когда появился жандарм, он решил, что это по его душу пришли. Но вскоре все выяснилось, и Марья Николаевна с удовольствием признала в жандарме своего коллегу.

О феноменальной рассеянности моего отца я припоминаю некоторые случаи, кроме тех, которые привел мой брат. Так, однажды, придя к знакомым, он совершенно забыл, что находится в гостях, а не дома, и все ждал, когда же, наконец, уйдет его собеседник, а хозяин, в свою очередь, недоумевал, почему так долго сидит мой отец. В конце концов, последнему надоело сидеть, он извинился, что ему надо выйти, и только когда вышел на воздух, понял свою ошибку и вернулся домой. Никто не коверкал так имен, как мой отец. Однажды ему нужно было видеть по делам директора одного из департаментов Министерства финансов г[осподина] Тухолку. Он поехал к нему на квартиру, позвонил

у двери. Дверь отворил ему какой-то господин. Мой отец спросил его: «Здесь ли живет г[осподин] Падалка...» — «Здесь нет г[осподи]на Падалки, здесь живет директор департамента Тухолка» — был ответ. — «Ну не все ли равно Падалка или Тухолка, — сказал мой отец, — «Мне его нужно видеть». — «Это я Тухолка», — с достоинством возразил господин, и моему отцу пришлось извиниться, по счастью он попал на необищивого человека. Такие недоразумения случались с ним постоянно, но мой отец был так известен своей рассеянностью и так было очевидно, что он не хочет никого обижать, что на него и не обижались. В последние годы его жизни его рассеянностью воспользовался один мошенник, предложивший моему отцу выгодные условия закладной под дом, которым владел на Смоленском рынке. Дом выходил на две улицы и значился под двумя номерами. Мой отец осмотрел один дом, а закладная была составлена на совсем другой дом под теми же номерами, но в другом порядке. Этот дом совершенно не стоил тех денег, которые дал мой отец. В конце концов жулик перестал платить за него проценты, дом пошел с торгов, и так как никто не хотел купить его, то он достался моему отцу с приплатой в пять рублей к сумме долга.

Помнится, когда сделка еще не состоялась и нельзя было ожидать такой именно проделки, я все же, хотя был еще молод, решил высказать свои сомнения, ибо владелец имел определенную репутацию мошенника. Но мой отец ответил мне: «Он обещал мне, что не обманет меня». Что можно было делать, при такой доверчивости... Моему отцу долго пришлось возиться с этим жуликом. У него было несколько домов, которыми он спекулировал, и он подкупал полицию. Поэтому когда его искали, будто бы, чтобы вручать повестки в одном участке, он проходил в соседний свой же дом, значившийся в другом участке, и таким образом оставался недосыгаем. Однажды я был в кабинете моего отца, когда он пришел в связи с какими-то своими махинациями. Его разговор был явно жульнический, и он старался доказать, что по закону он чист. Я тогда, при нем же, сказал моему отцу: «Я удивляюсь, почему ты не обратишься к великому князю [Сергею Александровичу] (генерал-губернатору), чтобы принять административные меры. Ведь его могут в 24 часа выслать из Москвы». Нужно было видеть, как изменился в лице и как совершенно иначе заговорил этот мошенник. Но мой отец, после его ухода, только упрекнул меня за то, что я обидел этого человека.

Моя мать была на 12 лет моложе моего отца. В ту пору, что я их помню обоих, кроме последних двух лет жизни моего отца, когда он начал заметно дряхлеть, я совершенно не замечал разницы в их возрасте. Каждый из них сохранил до конца необыкновенную свежесть и молодость духа. Мой отец никогда не задавался отвлеченными вопросами

и интересами. Его долг ему был ясен и долг этот ему подсказывал не только рассудок, но и сердце. Покинув военную службу в молодых годах, он сохранил в душе ту внутреннюю дисциплину, которая составляет суть военного призвания. Он вырос в крепких устоях старого дворянства, которое не разделяло Престола и Отечества и считало своим долгом и делом чести служить им не за страх, а за совесть. Император Николай Павлович, его царственный и рыцарский облик сохраняли обаяние для людей его поколения, воспитавшихся и прошедших военную службу в его царствовании. Портреты его, в том числе известная гравюра Сверчкова⁶⁴ — Николая Павловича в санях, в одиночке — висели всегда у него в кабинете.

Поступив на гражданскую службу, мой отец продолжал так же честно и нелицеприятно служить Государю и Отечеству, как он это делал будучи военным. Не надо думать, что это заставляло людей его воспитания быть формалистами и прямолинейными. Отнюдь нет. Сердце участвовало в их служении не меньше, а иногда и больше, чем рассудок, и иногда это бывало большое сердце. Люди поколения и понятий моего отца были прямыми продолжателями того служилого и боярского класса, на костях которого сложилась и выросла Россия. И когда понятия эти стали разлагаться, то и основы империи дали трещину.

Как мой отец был на службе, таков он был и в жизни, с прямой, ясной, чистой душой. Характер моей матери был сложнее, потому что и сама она выросла в другой среде, более открытой новым запросам.

Мама́

В юности своей мама́ была веселая, живая, шалунья, верхово-дившая среди молодежи, музыкальная, чуткая и с той способностью увлекаться чем-нибудь, «экзальтироваться», как говорил мой отец, которую она сохранила до конца.

Выйдя замуж, ставши матерью, она прониклась чувством ответственности, на нее выпавшей. Это была великая и горячая душа, пламеневшая любовью к Богу и людям. И весь смысл ее существования сосредоточился для нее в семье, в детях. Если оба мои старшие братья вышли замечательными людьми, то это потому, что мама́ вложила в них всю свою душу.

Однажды, когда моей сестре Марине было лет 9, к ней обратилась не без ломания одна молодая дама: «Скажите, как вас воспитывает ваша мама́, что вы такие все хорошие...» Марина ей ответила: «Нас мама́ совсем и никогда не воспитывает». Дама пришла в восторг от «прелестного» ответа.

И Марина была права, потому, что мамá никогда не приставала к детям с тем, что обычно разумелось под воспитанием — хорошие манеры, регламентация всех мелочей жизни, а между тем вся душа ее горела в детях. Первой основой воспитания у нее было самовоспитание, личный пример. Она понимала, что в душу ребенка с первыми проблемами сознания западают семена, определяющие ее на всю жизнь, и что нет ничего более святого, чем эта младенческая душа, нет ничего более ответственного, чем подход к ней. Как же можно к ней подойти, чтобы бросить в нее эти семена добра... — Только самому очистившись и с молитвою и любовью наклонясь над колыбелью. Ангел Божий, охраняющий ребенка, сообщает ему один драгоценный дар, который потом так часто растрачивается в жизни: чутье правды и искренности. Никакие нравоучения и строгие внушения, не согреты искренними убеждениями, не могут пробиться к душе ребенка. Они могут создать только внешнюю дисциплину. Ее польза и даже необходимость несомненны. Это, как помочи, которые научают первым шагам. Но еще важнее воспитание духа. Оно дается только полной искренностью, полной правдивостью и любящей материнской душой.

Я знаю по рассказу самой мамы такой случай. Мой старший брат Сережа был еще совсем маленький. Она была с ним в детской. В это время пришла прислуга доложить, что кто-то пришел с визитом. — «Скажите, что меня нет дома» — ответила мамá. — Сережа вытарашил глаза: «Как мамá, ты говоришь неправду!» — Мамá густо покраснела, и сказала: «Я ошиблась, я хотела сказать, что сейчас уйду из дома», и тотчас поднялась и ушла из дома, хотя раньше никуда не собиралась. Она измерила расстояние между условным кодексом правды и душой ребенка, не воспринимающей этой условности, для которого несовместима неправда и его мамá.

На внешнюю сторону воспитания мамá обращала меньше внимания, предоставляя ее гувернанткам, зато она сосредоточивала все внимание на совесть и душу. Можно сказать, что все ее воспитание было как будто приготовлением к говению. В вопросах совести у нее не существовало пустяков, и она всегда это говорила: вся жизнь складывается из «пустяков», и человек незаметно катится вниз, если не серьезно относится к своему долгу, своим обязанностям. У мамы были любимые притчи, которые она всегда напоминала, и которые врезывались нам детям в память. Одна из них была про лодочника, которому нужно было переехать реку прямо против того места, откуда он отчалил и который забирал далеко вперед. «Зачем ты это делаешь» — спрашивает его мальчик, и лодочник показывает ему, как течение относит лодку в сторону, как сильно нужно грести и забирать вперед, чтобы пристать к намеченной

цели... «Забирайте же и вы повыше, гребите сильнее, чтобы жизнь не отнесла вас далеко назад. Только так вы можете достигнуть вашей цели».

Еще одно место из Гоголя особенно любила мамá. Она всегда выписывала его и читала нам. И я выпишу его здесь. Это известное лирическое отступление по поводу Плюшкина: «И до какой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! Мог так измениться! И похоже это на правду... — Все похоже на правду, все может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое, ожесточающее мужество, — забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: “здесь погребен человек”; но ничего не прочитаешь в холодных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости».

Мамá читала эти вещи, когда имела задушевный разговор, в котором будила совесть, пробуждала раскаяние, возбуждала стремление к исправлению. Никто не умел так, как она, вызывать эту внутреннюю исповедь у своих детей. Она сама была нашей живой совестью. Сколько раз я останавливался перед дурным поступком не потому, что это было не хорошо, а потому, что это огорчит мамá или возмутит ее. Останавливала не только любовь к ней, но и страх перед ней, — страх не наказания, не внешних последствий, а страх, внушаемый ее нравственной личностью. Такой страх перед матерью не есть ли тот же страх Божий... — Мамá нам импонировала, мы все ее боялись, я может быть больше других в своем детстве и отрочестве. Одно время у меня это было слишком сильное и неправильно выражавшееся чувство. Я боялся, и это вызывало во мне скрытность, но все же это происходило не от страха наказаний, ибо не в этом была сила воздействия мамá, а в нравственном авторитете. Потом это ненормальное чувство прошло, осталось другое, которое мы испытывали все и до конца. Мамá нам импонировала, и когда у нас являлось сомнение, так ли мы поступили — мы боялись ее, потому что в ней олицетворялся суд живой неподкупной совести, который болел за каждый наш грех сильнее нас самих, но никогда не смягчал зла, никогда не выдавал серого за белое. Нам детям приятно было видеть, что мамá импонировала не только нам, но и своим сестрам и братьям и вообще всем, кто ближе стоял к ней, а особенно нашим гувернанткам, которые смертельно боялись ее. И это было более чем удивительно, потому что она не только ничего не делала, чтобы внушать такое чувство, но искренно огорчалась, когда видела, например, что это создавало одно время расстояние между ею и мною. Впрочем, это рас-

стояние ей удалось заполнить своей материнской любовью, ибо ничего не действовало на нас так сильно, как ее огорчение, когда мы сознавали себя виновными в нем.

Мама́ была великая молитвенница. Все свои заботы, мучения и недоуменные вопросы она несла Богу и слагала у Престола его. Она молилась о каждом из нас так, как может молиться любящая и верующая мать, раскрывая перед Богом свои заботы, радости и огорчения.

Однажды, когда тетя Саша Лопухина, жена любимого ее младшего брата, поделилась с нею острым беспокойством о ком-то из своих детей, Мама́ написала ей письмо, в котором старалась ее успокоить и привела пример из собственного опыта, как однажды ее мучительно тревожила забота о здоровье ее сына Жени. Он сильно рос, у него были слабые легкие и доктора находили, что ему нужно лечение на юге. Между тем в это время средства были расстроены. В это время в Калуге жил почти столетний Семен Яковлевич Унковский, крайне почтенный хороший старец, который очень любил мама́. Нуждаясь в нравственной поддержке она поверила ему свою тревогу, и старик сказал ей: «Что вы такое, чтобы рассчитывать на свои силы и свой разум... Скажите себе, раз навсегда, что вы ничего не можете, положитесь во всем на милость Божию. Помните слова псалма: “Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж”» (126 псалом).

И мама́ вспоминала, как она поверила тогда этому совету, и как ребенок матери, передала Богу свои заботы и Господь все устроил. И потом всегда в жизни мама́ помнила этот совет и никогда не обманывалась в своем последнем прибежище. Это не был фатализм, не было желанием отогнать свои заботы, пока билось ее любящее сердце, заботы эти не иссякали, но это была детская и вместе с тем пламенная вера в Бога и сознание своей личной немощи, беспомощности человека без Бога.

О чем просила мама́ у Бога для своих детей... На мое счастье у меня есть под рукою одно письмо мама́, написанное своим сестрам тете Маше и тете Лиде Лопухиным, когда у них жили мои старшие братья — студенты в Москве. В этом письме ответ на поставленный вопрос. В феврале 1882 года Женя заболел сильнейшей ветряной оспой, сопровождавшейся большим жаром. Он видел тогда не то сон, не то бред, связанный с концом мира. Тут были и фейерверки, пускавшиеся известным в Калуге пиротехником Перовым, который давал им самые затейливые названия, вроде например: «двухъярусный дамский каприз». Эти фейерверки в бреду как бы олицетворяли для Жени пошлость. И тот же бред завершался какой-то небесной музыкой, в которой участвовал хор ангелов. Мама́ писала по этому поводу своим сестрам 27 февраля

1882 года из Калуги: «...Обе вы мои дорогие сестры! Обнимаю вас от всего моего благодарного и любящего сердца и благодарю вас благодетельниц моих за все, что вы понесли и потерпели за моего больного Женю. Я знаю, что вы не нуждаетесь в благодарности, так как и сами в некотором роде матери моих сыновей, но чувствую потребность высказать вам, что чувствую к вам, голубушки мои дорогие. Скажи Жене, что мы с большим интересом читали его описание сна или полубреда. Меня сначала очень беспокоила эта музыка, которую слышал Женя, по воспоминанию о Пете Ростове; но я вспомнила, что и со мною бывало нечто подобное. В этой ночи у Жени резюмировалось все то, что его волновало за эти 4 года, и дай Бог, чтобы во всю жизнь, при всех невзгодах и тревожностях житейских, надо всем для него возносилось славословие ангелов. Я помню, как первые сомнения сыновей возникли от сопоставления пошлости людской с величием Бога. Они искали образ Бога в человеке, и, не находя, сомневались в Боге, но Бог открылся им, по обещанию: “Ищите и найдете, стучите и отворят вам”. И вот теперь, в этой кончине мира, Женя осязательно как бы видел, что пошлость людская не умаляет величия Божия. Представление Перова “Венецианская ночь” не мешала чудным явлениям и силы небесные все покрывали.

Благодарю Бога ежедневно за Его милость ко мне, что услышана моя молитва, хотя самая недостойная она была и продолжает быть. Еще до рождения детей, во время беременности, я молилась и особенно любила слова: “Даруй им души всеразумные к прославлению Имени твоего”. Дай Бог, чтобы до конца жизни сыновья мои продолжали искать света и совершенствовались по возможности. Высшего счастья нет на земле. Я мечтаю о том, чтобы со временем они были миссионерами. Но миссионерами не в Японии и даже в России, а в своей собственной среде. Лишь бы гордость не примешалась к желанию распространения истины. Если двигателем будет сознание обязанностей, возлагаемых на них, тем сокровищем веры, которое дано им от Бога, тогда нет места гордости»...

Господи Боже мой! Когда я читаю это письмо, по неизреченной милости Божией сохранившееся в копии у меня здесь в беженстве, — слезы умиления и благодарности проступают у меня в душе, и я думаю: Может ли погибнуть страна, где есть такие матери, которые так думают, так чувствуют и так молятся... Пусть все рухнет, что тлен, пусть отгорят все фейерверки человеческой пошлости. Огнем познается всякое дело. Но не умрет и не погаснет то, чем из века в век жила Россия. Молитвы русских матерей и молитвы русских праведников не останутся не услышаны перед Престолом Господа, и да оправдают их дела сыновей. Пусть же и моя молитва, меня грешного и недостойного будет услышана, и не

по моим грехам, а по представительству моей матери, сыновья мои так же, как и их дяди будут иметь души всеразумные, к прославлению имени твоего Святого.

Молитва моей матери была услышана. Мои братья были миссионерами в том лучшем смысле, в каком это понимала мамá. Они и жизнью и трудами своими проповедовали до конца Добро и Правду, и всегда связывали свое дело с именем мамá. Я меньшего прошу для своих детей. Не всем дано быть замечательными людьми и мыслителями, но всем можно и должно быть христианами. Мамá всегда говорила мне: «все равно, какую дорогу ты выберешь. Не в этом суть дела. Все пути могут быть почтенны. Но на всяком пути и во всяком положении, будь христианином. К этому стремись, а не к славе и не к успеху, и все прочее приложится тебе». Вот и мой вам завет. С ним идите в путь и с ним готовьтесь вернуться в Россию, и все прочее приложится вам. «Лишь бы гордость не примешалась к желанию распространения истины».

Я также лично получил завет моей матери, который передаю моим детям. Мне было лет 15. Я плохо учился, ленился и огорчал мамá. Когда наступила Страстная неделя — обычное время нашего говения, мамá имела со мной один из тех разговоров, секретом коих она обладала, когда она глубоко заглядывала в душу и пробирала до основания. После этого она подарила мне Новый Завет, и на первой странице написала место из апостола, которое приходилось на этот день. Вот оно: «Радуйтесь всегда в Господе, и еще говорю радуйтесь. Крепость ваша да будет известна всем человекам. Господь близко. Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом; И мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердца ваша и помышления ваши во Христе Иисусе. Наконец братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте» (Ап. Павел, Филип. IV, 4–8).

Трудно лучше передать то настроение, которое мамá всегда стремилась внушить нам. Оно отвечало вере, руководившей ее собственным повелением во всю ее жизнь. И что бы я дал, чтобы мои сыновья следовали этим заветам в своей жизни.

Прав был мой отец, когда напоминал нам в своем посмертном завете, что мы обязаны мамá больше, чем жизнью. Во всяком случае, я чувствую, что каждым добрым своим движением, всем своим духовным содержанием обязан ей и наследственно своему отцу. Но мамá развивала в нас не только религиозные и нравственные стороны души, но и отзывчивость на все запросы духа.

В ней была редкая чуткость к красоте в самых разных ее проявлениях — в музыке, в природе, в литературе. Первые воспоминания детства связаны у меня с музыкой. Я вижу перед собой детскую в загородном доме, где стоят две кровати: моей сестры Марины, которая была моложе меня на 4 года и моя. Два больших окна выходят в сад. У другой стены кровать няни. Над ней икона Св. Николая Угодника с очень темным ликом, и перед иконой лампада. Комната во втором этаже. Мы улеглись в свои кровати. Комната погружена в полумрак, освещаемый лампадой, от которой падают световые пятна сквозь шнуры, окружающие кровати, на подушку и простыню. Внизу, в зале-столовой мамá играет «Лунную сонату» Бетховена, и звуки ее сливаются с этими световыми пятнами на постели от лампы или от луны, порою выплывающей из облаков. Эти звуки грустные и сладостные, полные каких-то волшебных чар. От них замирает сердце, и так уютно, тепло лежать в кровати и слушать мамá, и кажется, что и видишь и слышишь запах ее пальцев от ее любимого мыла Опопонакса⁶⁵ и хочется целовать эти тонкие розовые пальцы. И понемножку, незаметно погружаешься в детский сон, где звуки, грезы и действительность перемешаны между собою, и музыка незаметно переводит из одного мира в другой.

«Лунная соната» Бетховена осталась для меня на всю жизнь связанной с обликом мамá, ее мечтательным романтизмом, мягкой женственностью и полетом в заоблачный мир, и ни одна интерпретация этой сонаты никогда не удовлетворяла меня так вполне, как ее: она восходила на суд моих детских воспоминаний, а какая самая прекрасная действительность может выдержать сравнение с этим миром грез светлого детства... — Помню, как однажды я невольно вспоминал игру мамá, и это при самых необыкновенных условиях. В начале моей дипломатической карьеры я плыл на русском пароходе из Константинополя в Афины. И вдруг я услышал в кают-компании знакомые звуки «Лунной сонаты». Техника страдала, но интерпретация унесла меня в далекое детство. Я справился, кто играет. Это был русский флотский офицер. Мне сказали, что он потерял жену и с тех пор единственное, что играет и умеет играть — это андантэ «Лунной сонаты», а на всех остановках парохода ходит только на кладбища.

Наша семья была так многочисленна, и было столько девочек разного возраста, учившихся играть на фортепьяно, что весь день раздавалась музыка разного качества, и на меня не хватало времени. К большому моему сожалению, когда я стал взрослым, — меня в детстве не учили музыке, а между тем, как все мои братья и сестры, я жадно воспринимал ее. С разными музыкальными пьесами невольно связывались разные ассоциации воспоминаний, и теперь иногда услышишь

какую-нибудь вещь и сразу пахнет какой-нибудь эпохой детства или юности, когда эту вещь разучивали сестры, или играла мамá. Старшие сестры с мамá или между собой играли часто в четыре руки. Нам с детства были хорошо знакомы все симфонии Бетховена, Шумана, Гайдна, Моцарта, не говоря о сонатах и вещах, написанных для фортепиано. Позднее, мы пережили увлечение Чайковским и русской музыкой.

Так же, как музыку, мамá воспринимала красоту природы. Когда она уезжала куда-нибудь в деревню, она могла целые страницы посвящать описанию весны, леса, солнечного заката. Она почти совсем не путешествовала в своей жизни. Впечатления ее сосредоточивались в Московской, Тульской и Калужской губерниях, но от этого они были не менее сильны и захватывающи. Только выдав сестру Лизу замуж, она попала в Крым и в первый раз увидела море. Потом она несколько раз повторяла эти поездки, когда Самарины основались в Ялте, и мы у них останавливались. Здесь мамá положительно сходила с ума от восторга. Сестра ее посмеивалась над ней: «семнадцатилетняя Соня» увлечена морем. Мамá проводила у моря целые дни. Она не могла насмотреться на него, налюбоваться солнцем, лазурью, разлитой в воздухе, всей красотой юга. Каждый день и час готовил ей сюрпризы переменой освещения, переливами красок. Она, как ребенок, увлекалась собиранием ракушек и камушков, подбирала целые коллекции, и потом вернувшись в Москву, зимой любила поливать их водой и вспоминать связанные с ними переживания. Письма ее были целые поэмы моря и солнца. Она с волнением передавала свои впечатления. Никто из дочерей не мог поспеть за ней в этих увлечениях, но некоторые из них унаследовали ее восприимчивость к природе, например, моя сестра Марина, которую я также часто называл «семнадцатилетней». Вообще, у нас в семье женщины положительно молодеют иногда с годами в отношении восприимчивости к красоте. Да это отчасти и понятно. В молодости столько своей личной жизни, что она не позволяет впечатлениям извне заполнить ее.

Мамá ничего не умела переживать наполовину. Она бывала вся охвачена тем или другим впечатлением, интересом или привязанностью. Поэтому ей удавалось и на детей воздействовать в желательном направлении. У нее были свои коронные вещи в литературе, которые она всегда сама читала детям с тем, чтобы внедрить в них какую-нибудь основную мысль, заставить их пережить известное нравственное состояние. Одной из таких вещей было «Муму» Тургенева. Мамá в своей юности видела и знала крепостное право и его отмену. Это было одним из сильных переживаний ее жизни. Она не могла мириться с низведением человека до вещи, которой владеют. Не пошлый либерализм, а глубокое христианское чувство живо было в ее душе. И в детях она хотела

глубоко укоренить святое и бережное отношение к душе каждого из малых сих. При ней никто не смел проявлять тщеславия и гордости, потому что чувствовал заранее один взгляд мамá, которым был бы пристыжен до корней волос.

Мамá не обладала таким исключительным талантом чтения, воспроизводившего интонации живых людей, какой был у ее брата дяди Сережи Лопухина и отчасти у тети Эмилии Капнист. Зато она умела передавать тот пафос, который возникал сам собою в ее душе от столкновения нравственных идей и переживаний. И в меня неизгладимыми чертами врезался образ крепостного раба с такими трогательными человеческими чертами и грубое попрание его личности госпожой, для которой он был только раб и вещь. Забывается фабула рассказа, но не забывается это впечатление, живо пережитое детской душой, с чередованиями сострадания, жалости, симпатии и возмущения. И во всем этом выделялось то центральное впечатление, которое мамá хотела внедрить в нас — человеческая душа должна быть свята для нас. Когда мы были постарше — детьми 12–13 лет, мамá всегда читала нам «*Les Misérables*» Victor Hugo¹. Роман сам по себе был увлекателен, но при чтении его мамá умела совершенно искусственно, без скучных и ненужных комментариев обратить внимание на то, что хотела, и сосредоточить в этом максимум впечатления.

Способность живо увлекаться и уходить всецело в предмет своего увлечения была сильно развита у мамá. Об этом пишет мой брат Евгений, вспоминая, как папа говорил с нежной насмешливостью: «А мамáшинька опять заэкзальтировалась».

Она всех людей любила и говорила, что у нее нет любимцев, и, конечно, сама искренно хотела в это верить, но, конечно, также, у нее всегда были любимцы, и мы все это чувствовали. Главные ее любимцы и притом самые естественные, были в разное время — старший первенец ее мой брат Сережа и младшая дочь Марина. Я буду говорить о каждом из них отдельно в свое время и непрерывно с ними о мамá. Здесь же только скажу, что в известные эпохи жизни мамá вкладывала как будто всю свою душу в чувство к своему любимцу, и тогда все, что с ним было связано, совершенно оттесняло всю ее личную жизнь. Но спешу оговориться, что хотя остальные дети это видели и понимали, они не могли пожаловаться, чтобы мамá забыла о них. Мы ее так любили, все, что исходило от нее, было для нас настолько неоспоримо хорошо, что мы признавали полную законность ее предпочтений и мы хотели только, чтобы и на долю каждого из нас выпадало немножко ее ласки и любви, и мамá была такая мо-

¹ «Отверженные» Виктора Гюго.

литвенница, что я не сомневаюсь, в ее молитвах сглаживался всякий элемент возможной несправедливости и фаворитизма, и она вкладывала свою материнскую душу в молитву о каждом из своих детей.

Как спокойно жилось под кровом этой молитвы! И каким верным компасом она была для нас. Достаточно было ее увидеть, чтобы понять степень своего отклонения от правильного пути. Я помню, как я сильно это испытывал, всякий раз как возвращался домой, зажив самостоятельной жизнью. Все равно, как вступив на паркет, чувствуешь комки грязи, прилипшие к подошве, так, возвращаясь в родительский дом, я от одного прикосновения с ним чувствовал всю приставшую ко мне наносную пошлость.

Я хотел дать общие облики моих родителей раньше, чем приступить к воспоминаниям о нашей семейной жизни и своей личной. Воспоминания эти, конечно, будут все время переплетаться с ними. Я не знаю, как, вообще, удастся мне воссоздать историю нашей жизни без писем под рукой и с такой плохой памятью. Может быть сестра Ольга восполнит этот пробел и напишет семейную хронику по имеющимся у нее документам. Что бы я дал, чтобы прочесть старые письма Мамá, увидеть ее почерк, который мы так любили, ее «фиолетовые» письма!

Калуга

Мои первые более ясные воспоминания связаны с Калугой. Мне было 4 года, когда мы туда переехали, моей сестре Марине было всего несколько месяцев.

В детстве я не ценил красоты и живописности места, где мы находились. Много, много лет спустя, попав уже немолодым в Калугу, я испытал волнение, знакомое всякому, кто посещает место, где прошло его счастливое детство, и я вновь пережил забытые впечатления, связывавшиеся в детстве с каждым уголком и всеми подробностями, которые показались мне такими знакомыми. Но к этим впечатлениям прибавилось еще новое незнакомое в детстве любованье красотой и живописностью Калуги. Весь облик этого старого дворянского города сохранился в 1918 году, когда я там был последний раз, таким же, как и 40 лет перед тем. Та же главная улица Никитская с магазинами и старыми прекрасными дворянскими домами, площадь с рядами, Собор [Троицы Живоначальной], присутственные места екатерининской [по]стройки, живописный овраг видом на Оку с моста, чудный дом Кологривовых, известный по воспроизведениям, потом улица, на которой мы жили, дальше Загородный сад и в конце его летняя губернаторская дача — деревянный двухэтажный дом тоже Екатерининского времени. Там всегда жили мы.

За домом обрыв, внизу коего извилистая Яченка, впадающая в Оку. За нею луг и большой густой бор, а направо Пафнутьевский¹ монастырь, «Железники» Деляновых. В городе много старых церквей и отдельные хорошие дворянские дома эпохи ампир. Калуга — не промышленный город, в нем остатки старого дворянского быта и управление губернией. На нем лежит печать мирной идиллической провинции, особенно на окраинах, улицах, близ Загородного сада, где как будто выросли в землю низенькие, иногда полуразвалившиеся мещанские домики, с окнами, в которые с улицы вваливаются свиньи, вместе с ребятишками. На перекрестках «тетки», торгующие яблоками. На одной из нижних улиц, сходящих к Оке, был трактир и на нем вывеска, на которой изображены были двое мужиков за столом, один со стаканом, другой с бутылкой, и под этим надпись: «Васи-лей, Евлам-пей».

В центре города стоял городской театр — деревянное здание, украшенное резьбой в лжерусском вкусе. Перед театром был луг, на котором мирно паслось стадо с очень сердитым быком. Нам всегда говорили, чтобы мы остерегались подходить близко к этому стаду, потому что бык этот будто бы однажды поднял какого-то актера на рога.

Во время Турецкой войны в Калуге жило много пленных турок. Это были добродушные солдаты, и к ним отношение было также самое добродушное. Никакой враждебности не чувствовалось ни с одной из сторон. Помню одного замечательного акробата-турка, ходившего по канату, и с высокого шеста бросавшегося в воду в Яченку, сидя по-турецки со скрещенными руками, и так же выплывавшего на поверхность. Помню, как меня подводили к нему ребенком во время представления. Мне он казался каким-то сверхъестественным существом.

Другое воспоминание, связанное с войной, — это торжественная встреча Киевского гренадерского полка, возвращавшегося на свою постоянную квартиру в Калугу. Мы смотрели из окна дома Яковлевых на Никитской. Нас была большая семья — девять человек детей моих родителей. (Старшие полусестра и полубрат жили у своей тети Толстой.) Мой старший брат Сергей был на 11 лет меня старше. За ним следовал брат Евгений, меньше, чем на год его моложе. Потом сестры Тоня, Лиза и Ольга. Это было старшее поколение. Ольга была немножко по середине, но мы ее считали в числе старших. Наш «второй пяток», как называла нас няня, начинался с сестры Вари, которая на три года была моложе Ольги, Лина^{II}, я и младшая Марина, которая была на 4 года моложе меня и приехала в Калугу грудным младенцем.

^I [Свято-]Лаврентьев. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

^{II} Имеется в виду Александра.

Я помню своих братьев в старших классах гимназии. Когда они кончили ее, они поехали в Москву и первые годы жили там зимой, но потом они убедились, что хождение в университет и слушание лекций только отнимает у них время, между тем как они со всем пылом юности занимались философией не по университетской программе, и они стали жить и зимой в Калуге подолгу. Старшие сестры также зимой ездили в Москву, жили у Капнистов и выезжали в свет. Пока братья были еще в гимназии, и потом, когда все возвращались домой, мы жили дружной жизнью большой семьи, наслаждаясь своим многолюдством. Конечно, каждый пяток имел свой мир и свою особую жизнь.

Проникнем в этот мир, а для этого войдем в двухэтажный (низ каменный, а верх деревянный) дом Кологривова на [Золотаревской]⁶⁶, куда мы водворились после кратковременного [2-летнего] проживания в доме Сперанских¹. Вход со двора. Тогда нам дом казался большим, потому что в детстве все кажется больше, но теперь, вспоминая, вижу, как он был тесен для большой семьи.

Из передней лестница вела в верхний этаж, где жили родители и были приемные комнаты. У подножия лестницы стояла высокая пальма, доходившая до верха дома. Направо была дверь в нижний этаж, где было наше царство. Маленькая проходная комната, где стоял большой шкаф, а за шкапом был наш детский потайной уголок. Сюда мы спасались от преследований, прятались от гувернанток, во время огорчения и во время игр, здесь выжидали события и порою, замирая сердцем, слушали чьи-нибудь шаги, когда нас искали, и здесь же мы устраивали заставы для нападений. Словом, этот уголок был полон для нас таинственного значения и играл большую роль в нашей жизни.

Из проходной комнаты мы входили в узкий коридор между стеной и матерчатой перегородкой, которая с двух сторон отгораживала спальню трех старших сестер. В коридорчике между окон стоял старый красивый туалетный стол с трюмо красного дерева ампир, очевидно, вывезенный из Ахтырки. Дальше дверь в комнату, которая была классной и где стояли у окон письменные столики с этажерками старших сестер, а посредине большой стол, обитый клеенкой, за которым происходили уроки. Это была половина старших сестер. Если вы не шли в комнату сестер, а поворачивали вдоль перегородки их спальни, то вы натыкались на дверь. Пройдите в эту дверь и затворите ее за собою, и вы очутитесь уже в нашей половине — второго пятка, где мы царствовали безраздельно. Прежде всего вы попадали в настоящий коридор, по обе стороны которого были слева сундуки, а справа шкапы. Дверь направо вела в ком-

¹ Квасникова на Воскресенской улице. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

нату гувернантки, другая дверь налево в девичью. Из девичьей дверь вела в сенцы и черную людскую кухню. В сенцах было холодно, но когда отворялась дверь из людской кухни, то оттуда всегда несло теплом и приятным запахом черного хлеба и щей. Как мы любили бегать в людскую кухню и доставать там горбушку горячего черного хлеба, который пекли дома. Особенно любили мы соленый черный хлеб. В маленькой девичьей жила горничная, служивавшая старшим сестрам. Это была та самая Анна Васильевна, которая потом, как обломок минувшего, оставалась при тете Ольге в Москве.

Из коридора снова дверь в другую часть коридора. Налево была комната няни Федосьи Степановны с образами и лампадой в углу. Здесь, когда мы были совсем маленькие, жил я с сестрой Мариной. Небольшой темный коридорчик вдоль няниной комнаты замыкался снова дверью, которая вела в угловую комнату, служившую классной для нас — младшего пятка. Наконец, из классной направо была дверь в спальную, примыкавшую к комнате гувернантки, с которой не было прямого сообщения. Это было очень важно для нас, ибо когда мы шалили и шумели, гувернантка могла только стучать в стену и не могла внезапно нагрянуть к нам. Ей предстояло совершить все описанное мною путешествие через коридор, разделенный дверями, и в эти экстренные случаи мы могли успеть спрятать все концы в воду. В спальне были кровати Вари, Лины и там же спал и я, когда вырос из младенцев, но не дорос до гимназического возраста.

К нашей детской классной примыкал еще чулан, где спала наша детская горничная «Надя расторопная», как ее звали. Из ее чулана шла лестница на чердак.

Покажется странным, почему я вдаюсь в такие подробности, но каждая из них была полна значения для нас, вокруг них вертелась вся наша детская жизнь. Недаром я, при всей своей ужасной памяти, вижу перед собой все до мелочи, каждое окно и дверь. Многочисленные двери и переходы в наше царство играли огромную роль, они совершенно обособляли наш детский мир и создавали огромное расстояние между детской и верхним этажом, немножко чужим и страшным, особенно когда мы боялись грозы за наши шалости.

Я, однако, говорил, что гувернантки боялись мамá не меньше нас, и потому не всегда решались идти к ней жаловаться на нас, а мы этим, конечно, пользовались. Помню одну очень глупую швейцарку m-lle Portalès. Она была очень жадная, и мы хорошо знали ее недостаток. Когда она считала, что ее средства педагогического воздействия были исчерпаны, она направлялась решительными шагами наверх жаловаться мамá. Но нужно было пройти длинный путь коридорами. Я бежал за

ней и кричал: *Mselle, Mselle, voulez vous des pommes?*^I и протягивал ей маленькие очень сладкие яблочки, которые покупал на углу по пятаку десяток. М-лле Portalès продолжала молча и непреклонно идти быстрым шагом, но в проходной комнатке перед передней она внезапно останавливалась, вперяла в меня убийственный взгляд и говорила: «*Mon petit, vous voulez m'acheter?!*»^{II}» Когда она это говорила, я уже знал, что мое дело выиграно, и совал ей энергично мои яблоки. М-лле Portalès торжественно принимала их и с достоинством возвращалась в свою комнату, а я бежал к себе, не обращая больше на нее никакого внимания.

Но вооружимся бóльшим мужеством, чем м-ль Порталэс, и проникнем по лестнице во второй этаж.

Лестница кончалась небольшой площадкой — передней, где висели шубы. Тут же, когда мне было лет 10, соорудили некоторые приспособления для гимнастики, которой меня обучал унтер-офицер по утрам. В передней была кафельная печь. Из передней — дверь в залу-столовую. Мы любили по утрам, когда пили молоко, выбегать на лестницы, вынимать один из медных прутьев, которыми держался ковер на ступеньках лестницы, и воткнув на него кусок хлеба, поджаривать в печке в передней.

Другая дверь из верхней передней вела в узкий продолговатый кабинет папá, всегда сильно накуранный. Стены были увешаны портретами предков и многочисленными фотографиями. Из портретов особенно памятен портрет графа Брюса напудренный и подрумяненный, герцогиня [Морни], рожденная княжна Трубецкая, портрет Бетховена, принадлежавшие раньше Глинке, а потом как-то перешедший моему отцу, помнится с трогательной надписью какого-то Булгакова, подарившего его папá, большие портреты масляными красками родителей моего отца и его деда фельдмаршала Витгенштейна. Мебель была самого старинного и оригинального покроя, обтянутая зеленым сафьяном, кресла были неказисты, но необыкновенно удобны.

Из столовой, где стоял большой стол и большое фортепьяно, был вход в гостиную. В столовой мы бывали несколько раз в день для принятия пищи, а в гостиную не ходили без надобности и проникали не без опаски. Особенно неприятно бывало, когда нас наказывали и ставили там в угол, на более или менее долгое время, в зависимости от проступка. Всегда страшно было, что войдет кто-нибудь чужой до того, что мамá отпустит, — и увидит позорное наказание. Когда мы уехали из Калуги, хозяева долго сохраняли на стене надписи карандашом, которые мы де-

^I Мадмуазель, мадмуазель, не хотите ли яблок? (франц.).

^{II} Мой маленький, ты хочешь меня купить?! (франц.).

ляли от нечего делать, на память о своем наказании. В гостиной в простенках стояли зеркала и перед ними бронзовые часы в стеклянных колпаках. На стенах висели хорошие картины. Все это убранство казалось мне холодным и чужим.

Рядом с гостиной была спальня мамá с такими знакомыми принадлежностями: серебряным туалетным и умывальным сервизом, секретер, за которым она писала свои фиолетовые письма. Там же стояла маленькая школьная парта, за которой я по утрам брал у нее уроки, когда мне было 7–8 лет. К спальне мамá примыкала комната, где жила ее горничная Анна Сергеевна и еще более старая экономка Елизавета Петровна, впоследствии переселившаяся во флигель на том же дворе, где жили старшие братья, а внизу была господская кухня и людские комнаты. В верхнем этаже была еще одна довольно просторная^I комната, где спал папа,^{II} и в самом конце буфет с лестницей на двор, через который проносили блюда. Были еще конюшни, каретный сарай, кучерская, где жили кучера, сначала Никита, потом Егор, который долгие годы продолжал служить нам в Москве, а потом был у сестры Ольги. При доме, за внутренним двором был небольшой и довольно запущенный сад. Им мало пользовались, потому что на лето переезжали в загородный дом.

Жизнь протекала зимой необыкновенно правильным размеренным порядком, один день, как другой. Кроме домашних игр в будни не было никаких развлечений. Десять лет нам полагалось первое жалование 50 копеек в месяц, кроме того на именины и рожденья мы получали от папá и мамá по рублю, и столько же на Пасху в яичке. Но и знали же мы цену денег! Пятачок были деньги. На них можно было купить порою десяток яблок, или палочку шоколада или нуги. Бакалейная лавочка Большакова рядом с нашим домом была главным нашим поставщиком. На пятак можно было купить разноцветной почтовой бумаги, которую мы считали верхом роскоши, и ходили покупать ее и декалькомани^{III} в магазин Савинова или Кудрявцева в рядок. Я вижу перед собой Савинова с черной бородкой и седовласого Кудрявцева. Раньше всех из нашего пятака начала получать жалование Варя, и она выдавала Линочке и мне по 5 копеек в месяц. Мы вообще считали ее капиталисткой и прибегали к ней в трудные минуты жизни. Она обладала талантом вспоминать какие-то давние наши долги и помогала нам их взыскивать, иногда 15–20 копеек по частям — целое состояние! Однажды мы с Линочкой реши-

^I Небольшая. — Примеч. О. Н. Турбецкой.

^{II} Более просторная в 2 окна, где жили братья. — Примеч. О. Н. Турбецкой.

^{III} Переводные картинки для сухого переноса на бумагу, картон, керамику при помощи высокой температуры или давления.

ли на ее именины поднести ей кулебяку и потребовать за это с нее на чай. Дали людской кухарке 15 копеек. На эти деньги она нам изготовила маленькую кулебяку. Мы ее поднесли, но наша комбинация не прошла, Варя вознегодовала, что мы требуем с нее на чай за подарок и отказалась его дать и вернуть нам кулебяку, которую мы хотели, по крайней мере, за то разыграть. Самая безденежная была всегда Линочка. Однажды я предложил ей за пятак проткнуть себе ухо иголкой с ниткой. Она это сделала, и бегала за мной с ухом, из которого висела нитка, а я отказывался ей платить, ибо никогда не рискнул бы такой суммой, если бы поверил серьезно, что она проткнет себе ухо. Когда мы уехали из Калуги, Линочка так и осталась должна Большакову 3 копейки за какой-то товар, отпущенный ей в кредит. Она не знала потом, как вернуть этот долг.

В раннем детстве я был тихий мальчик, с большой головой, за которую меня прозвали: головастик. Старшие сестры таскали меня на куркушках^I, тискали, мяли, приговаривая: «головашеку». Сообразительностью я не отличался. Мой первый детский роман относится еще к Ахтырке. У наших соседей Карповичей была девочка Варя, немножко меня моложе. Однажды мне очень понравился суп, который нам давали за обедом. Я решил отнести его своей приятельнице, чтобы ее угостить, и налил суп себе в карман. Я был неповоротлив и слушался беспрекословно сестры Линочки, живой и стремительной девочки, которая была старше меня на 1½ года. Однажды во время прогулки мы проходили мимо лужи. Линочка только повелительно сказала мне: «Гриша» — и я немедленно бросился в лужу. Когда меня стали бранить, я сказал: «Рина мне прикажара, я и попрыр» — я говорил «р» вместо «л»^{II} в детстве. Во время Турецкой войны она написала письмо Черняеву⁶⁷, которое даже каким-то путем попало в газеты. Она любила загадывать слова, говоря первый слог. Раз она дала такую загадку Николаю Рубинштейну: «фор». Тот ничего не понимал. «Ну, на чем ты играешь — топиана». Рубинштейн много смеялся.

Самая рассудительная и спокойная из нас была Варя, и самая практичнейшая. У нее было много способностей и талантов, которыми мы не обладали. Она рисовала, любила сложную механику. Помню, как из старой коробки конфет она сооружала винтовой пароход. Она пользовалась среди нас некоторым авторитетом, особенно в раннем моем детстве, когда меня легко было затуркать. Я всего боялся, и больше всего мамá. За столом я сидел около нее совершенно окаменевший, не отвечая ни на один вопрос и в полной неподвижности. Однажды, чтобы вывести

^I На закорках.

^{II} И «ж» вместо «з». — Примеч. О. Н. Трубецкой.

меня из оцепенения, мамá положила мне на голову маленькую тарелку, на нее ложку. Все на меня обратились, смотрели, смеялись, я страдал, но еще больше окаменел, не роняя ни звука.

Таким я был лет до шести, и потом няня и сестры рассказывали, что в один прекрасный день со мной совершилась внезапная перемена: меня повели к парикмахеру стричься, и я вернулся от него преображенный — стал буйным шалуном. Няня прозвала меня «круговой отец». Впрочем у нее для всех детей были свои прозвища. Варю она звала «круговая мать», Линочку «самодерга», «зубной нерв». У нас между собой были также свои прозвища, смысл которых был непонятен, и казался нам подходящим по звуку. Ольгу звали «Мапсентий», Лизу «Звателькина», маленькую Марину, смуглую с золотистыми кудрями — «Жыд».

В эту пору детства, когда я развернулся, меня перевели спать в комнату Вари и Лины. По вечерам я облакался в рыжий халат, и перед тем, чтобы ложиться спать, выходил торжественно шлепая в туфлях на середину комнаты и говорил: «Простите меня, отцы и братия, я вас всех прощаю», потом бросался в свою постель, и тут часто начиналась веселая баталия. Мы перекидывались подушками, гувернантка стучала в стену, няня нас унимала, а иногда взывала даже к помощи мадемуазель, однако больше чтобы нас напугать, а не для того, чтобы она пришла: «Матмазель, матмазель, уберите¹ приблизительно Линочку». Если матмазель, потеряв терпение, появлялась, мы, заслышав ее шаги, завертывались в одеяла, на все ее ворчания отвечали храпом, а сами тряслись от смеха. Мы знали, что ночью наказывать не будут, а утро вечера мудренее.

Ближе всех к нашему пятку была разумеется няня. Ее достаточно описал мой брат Евгений. Как младший мальчик в семье, я был ее любимцем, и трудно сказать, какое большое место она занимала в жизни нас, детей, до самой своей кончины, когда я был уже студентом 1-го курса.

Мы любили няню и мы знали, что она нас любит не так, как другие старшие, то есть безо всякой педагоги. Мы в ней видели нашего естественного союзника и защитника, прежде всего против гувернанток. Мы могли все поставить верх дном, няня на нас кричала, но мы ее нисколько не боялись, и она была всегда на нашей стороне против всех строгостей гувернанток. Уже к самому существованию гувернанток она относилась с предубеждением, потому что от нее, из ее опеки брали ее птенцов, притом гувернантки были все-таки не настоящие люди — нехристи. Они могли научить французскому языку и манерам — и только, но няня была убеждена, что они не могут «понять» ребенка, и поэтому

¹ Позовите к себе. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

она считала своим долгом противодействовать им, чтобы они не забирали слишком много форсу.

Как сейчас вижу перед собой доброе лицо нашей няни Федосьи Степановны со всеми морщинками, седыми волосами из-под чепца и очками, золотая оправа коих внушала нам большое уважение. После родителей это был самый близкий нам человек. Ее облик сопутствует всем воспоминаниям первой пробуждающейся жизни, младенчества, отрочества и юности. Может быть от няни я воспринял первый трепет перед мамá, как перед высшим существом. С няней связаны первые молитвы перед темным ликом, освещенным лампадой. Няня внушала нам необыкновенно высокое представление о нашей семье: была наша семья — и все остальные. Это нас обязывало. Показывая кому-то мою младшую сестру Марину, она говорила: «Ведь вот из самого последнего можно сказать материала сделана, а какая девочка». В связи с превозношением нашей семьи у нее было особенно высокое понятие о себе самой, которое мы также разделяли. Няня Трубецких — это было в ее глазах какое-то звание, создававшее права. Она признавала равноправными только еще двух нянь — Оболенских и Щербатовых, и мы с особым уважением относились к этим старушкам, потому что наша няня признавала их ровнями. Она иногда шутя говорила, как она явится на тот свет, и как Василий Великий скажет: «Кто эта почтенная дама...» А ему ответят: «Это потомственная няня Трубецких». Тогда Василий Великий скажет: «Проведите эту даму в первый ряд». У няни были свои изречения, — многие из них привел мой брат, давний ее облик. Эти изречения, смешные по форме, показывают ее мудрость и сметку, например ее завет мне, ее любимцу:

«До 19 лет молодой человек должен любить только одну истину».

«Будь по рождению князь, а по заслугам граф».

«Держи себя почище» — это был самый последний любовный ее завет мне, только что кончившему гимназию, когда она в больнице умирала от рака.

Самое любимое наше время, когда мы стали постарше, было приходиться к няне пить чай в 3 часа. Это любили и наши друзья, но не все этого устаивались. Бывало, когда мы уже переехали в Москву, и я был в старших классах гимназии, я прямо от учения шел к ней. «Ну что, Гришенька, как ты учился, кого видел...» — спрашивала няня. «Я встретил по дороге генерала, и дал ему в рrrrrr...ыло!» Няня закрывала уши и в отчаянии вопила: «Замолчи, у меня сейчас зубы заболят». Это повторялось каждый день.

Раз в год, 29 мая, день ее рождения и именин, няня устраивала грандиозный чай с угощением. Чего тут только не было. Мы всегда жда-

ли этого чая. Няня затеяла одно время писать свое жизнеописание. Она озаглавила его: «Колесо моего счастья» и диктовала лакею Константину с рыжими усами. Ее воспоминания начинались с дома Обольяниновых, где она была еще в качестве крепостной девочки. Константин любил приукрасить рассказ. Например, когда она описывала смотрины перед своей свадьбой, она продиктовала, что было человек 15 гостей. «Напишем 30, так красивее», говорил Константин, и няня соглашалась. Кажется, он и присоветовал няне дать такое заглавие своим воспоминаниям.

Я бы мог много и долго говорить о няне, но самые меткие штрихи приведены моим братом, и я бы только испортил сделанный им портрет. Мне только хотелось высказать свое личное чувство любви и благодарности ее памяти, неразрывно связанные с картиной детства. Когда ее не стало, что-то оторвалось, какая-то последняя нить, связывавшая молодость с младенчеством, и осталось большое пустое место. Не стало существа с беззаветной и ничего не требующей любовью и нежностью смотревшего на нас, не стало Няни, для которой мы и до старости оставались бы детьми, если б она жила. А только с годами понимаешь, как грустно становится, когда редееет круг старшего поколения и нет больше тех, к кому можно прийти сдать с души и получить ласку и поддержку.

Первым товарищем моего раннего детства была моя сестра Марина. Мы с ней последние оставались на всецелом попечении няни, и спали в ее комнате. Передо мной ее портрет, когда ей было года 4, в платьице, подаренном тетей Линой Самариной, с пелеринкой, мелкими квадратиками коричневого цвета, с ее золотистыми кудрями и большими кроткими глазами. Больше всех ее напоминает маленькая Диди Осоргина, ее внучка, и лицом, и обликом, но такой очаровательной девочки, какой была Марина, я никогда не видал, и не может быть. Ее прелесть с младенческого возраста была та же, какая осталась во всю ее жизнь: она была вся кроткая, мягкая и любящая женственность, ангел Божий, слетевший с неба.

Я был мальчишкой на 4 года ее старше, и уже я над ней куражился и командовал ею. А она кротко, безропотно и слепо мне повиновалась. Получив однажды на именины деньги, я купил синего коленкора, золотые пуговицы, все это, как сейчас помню, на значительные деньги — 70 копеек, и дома девушки сшили для Марины военный мундир. Ружье и каска у меня были, так что у нее было полное обмундирование. В таком виде я командовал ею, заставлял маршировать и выделять различные ружейные приемы, которые мы видели на учении солдат. У Марины долго хранилось свидетельство, выданное ей мною, как рядовому Тишкину. Я замыслил сшить Марине фрак, но это мне не позволили, и даже мундир ее, к моему негодованию, подарили маленькому

Дмитрию Капнисту, приезжавшему вместе со своими родителями и братом Алешей погостить к нам. Кротость Марины была безмерна. Однажды во время игры колечко ее кудрей запуталось у меня вокруг пуговицы. Я дернулся и вырвал у нее клочок волос. Мама́ на меня накричала, а Марина только сказала: «Мама́, ведь это мои волосы», как будто значит ничего не случилось. По вечерам мы играли и бегали с ней вокруг стола в столовой. Помню, как раз я треснулся на полу, упав прямо на подбородок, причем, имея большую голову, я всегда держал руки назад, за спиной, для равновесия. У меня даже отлетел кусочек подбородка, вышло много крови, но я не пикнул, потому что рядом в гостинной сидела мама́.

У нас была какая-то бессмысленная игра, которая составила́сь, наверно, из отдельных услышанных слов, которые мы связали. Один из нас становился в самом краю столовой. Другой подходил на некоторое определенное к нему расстояние, и начинался такой диалог: «Тишкин!» — «Кто там?» — «Я здесь». — «Зачем?» — «Я пришел ниточку из вас випорол, штанишки себе зашить» — это мы говорили почему-то подражая какому-то воображаемому немцу. После этого тот, кто подходил, начинал удирать, а Тишкин его преследовать до его дома на другом конце комнаты.

Но самые любимые наши игры были общесемейные, особенно в коршуны. Один из старших братьев был коршун, другой matka, за которой цеплялись все остальные — цыплята. Коршун бросался из стороны в сторону, чтобы урвать цыпленка, которого защищала matka. Визга, беготни и волнения было много. Другая наша игра происходила за столом, во время завтрака или обеда, когда удавалось получить разрешение мама́. Это была игра в железную дорогу. Подражали всем звукам до отхода поезда. Звонки по стаканам, свистки обер-кондуктора, паровоза, и поезд приходил в движение сначала тихо, выпуская пары, потом все скорее и скорее, и с большим шумом. Весь стол дрожал, а мы все работали и руками и ногами, а брат Женя подражал и свисткам, и пару, и лязгу колес. В это мы играли долго, когда братья уже были взрослые.

Когда после зимнего пребывания в Москве братья и сестры возвращались на лето домой, мы любили по воскресеньям утром всей семьей идти к обедне, а потом мы шли в ряды, где у знакомых теток покупали яблоки, груши, крыжовник и всей семьей (одни дети) возвращались гуськом, шествуя посреди мостовой. Я снимал шляпу перед всеми свиньями и гораздо менее учтив был с знакомыми, попадавшимися навстречу.

Самой приятное порой жизни было, конечно, лето, когда было меньше уроков, больше свободы и простора, и вся семья бывала в сборе. Переезд бывал обыкновенно в мае месяце, когда тепло. Это было всегда событие, приятное и радостное. С раннего утра появлялись арестан-

ты, которые нанимались, чтобы перенести все вещи. От дома Кологривовых до загородного дома было недалеко, и обыкновенно большая часть вещей переносилась на руках, а часть перевозилась на лошадях. Арестанты были самые мирные добродушные люди, к ним не чувствовалось ни малейшего недоверия, и они сами, видимо, охотно исполняли эту не тяжелую работу, вносящую разнообразие в их существование и дававшее им заработок. От самого раннего моего детства в Калуге у меня осталось смутное и тяжелое воспоминание о позорной колеснице, на которой возили по городу преступников с названием их вины, которое вешали им на грудь. Это зрелище, внушавшее нам ужас, по счастью было отменено. Это позорище так не отвечало жалости и доброте, с которой у нас всегда в России относились к осужденным, на которых смотрели, как на несчастных. Весь день перетаскивали и переставляли вещи, и в этот день не имели времени особенно присматривать за нами, что тоже было приятно. Как всегда было интересно переезжать на новое место, и в нем находить все, что было забыто с прошлого года.

От дома Кологривовых надо было пройти небольшую улицу, потом тянулся довольно большой или казавшийся таким публичным Загородный сад, открытый публике, и в котором устраивались гуляния. К этому общественному саду примыкал отделенный от него низким деревянным забором наш приватный сад, в котором расположена была казенная дача — Загородный дом, в котором мы жили. Из общественного сада, конечно, можно было наблюдать за тем, что у нас происходит, но это нам как-то не мешало. В будни публики почти не было, и вообще все было патриархально, и об этом просто не думали.

Загородный дом еще как-то ближе и роднее сердцу, чем дом Кологривовых, может быть потому, что лето вообще считалось временем отдыха и удовольствия, а суровая зима и переезд на зимнюю квартиру заставлял подтягиваться и напоминал об обязанностях.

Это была очень старая, покосившаяся и типичная деревянная дача. В ней жил когда-то губернатор Смирнов со своей известной женой, рожденной Росетти, воспетой Пушкиным. Во флигеле дачи гостил у них Гоголь и даже по преданию писал там «Мертвые души». В этом флигеле жили старшие братья. Въезд в дачу шел мимо этого флигеля, сзади которого была прачечная и службы. Между флигелем и главным домом был огромный разросшийся куст сирени, занимавший целую лужайку. Несколько ступенек на подъезде, и вы выходили в круглый стеклянный тамбур, где была передняя. Из нее вход в залу — столовую. Направо из передней первая дверь направо была в просторную комнату — спальню моего отца, вторая дверь, также направо, вела в гостиную, служившую одновременно кабинетом. Посредине стеклянная дверь открывалась на

террасу и часть сада, скрытую от глаз публики. Тут была площадка для тенниса, а в левой более отдаленной части сада — огород. Из гостиной прямо была дверь в спальную мамá, где за серой перегородкой помещалась ее постель и умывальник, а у окон были наши детские парты и тут же была кушетка и кресла и письменный стол мамá. К комнате ее примыкала небольшая комнатка ее горничной Анны Сергеевны и Елизаветы Петровны. Из столовой были еще две двери — одна на крытый стеклянный балкон на столбах с двумя боковыми лестницами в сад, обращенный в сторону общественного сада, другая дверь была в довольно темную комнату старших сестер с окнами на крытый балкон, почему и было темновато. Затем, две комнаты рядом: первая — гувернантки, вторая — экономки Александры Ивановны — обе комнаты проходные. Из второй комнаты дверь в стеклянный фонарь, куда выходила такая дверь с другой стороны дома из комнаты Анны Сергеевны. Из фонаря — лестница вниз и лестница вверх в нашу детскую половину. Это было такое же наше отдельное верхнее царство, как в зимнем доме было нижнее.

Верхний этаж — мезонин состоял из четырех комнат. Направо жила Надя расторопная, прямо две детские: первая с окнами на большой Загородный сад, где спали няня и я с Мариной, рядом комната Вари и Лины с окнами на другую сторону сада и в отдалении на бор и рядом еще комната гувернантки с дверью, выходившей на лестницу. Из комнаты Вари и Лины небольшой верхний балкон. Наконец, из нашей комнаты дверь на верхнюю лесенку и чердак. Дом был такой старый, что однажды сестра Тоня, спасаясь от погони Жени, взлетела на этот чердак и там провалилась прямо над комнатой мамá, которая внезапно увидела над собой провалившиеся сквозь потолок две ноги Тони, которая отчаянно барахталась и не знала как выкарабкаться из своего неприятного положения. В нашей детской был такой покатый пол, что я обыкновенно приставлял к стене деревянную лошадку на колесиках и окатывался на ней к окнам. Как мы любили эту комнатку и сколько было с ней воспоминаний и впечатлений! Я уже говорил про музыку по вечерам, которую мы слушали из своих кроваток. Сама кроватка казалась порою целым миром. Она была с высокой решеткой и шнуровыми стенками. Как мы любили накрыть верх одеялом, так, чтобы казалось, что это домик под крышей, и нам представлялось, что мы укрыты от всего мира. Когда няня выйдет или отвернется, мы босыми ногами перебежали от одной кроватки в другую, в гости друг к другу и сидели, или лежали, не шевельнувшись, чтобы нас не обнаружили.

По воскресеньям в большом саду часто бывали гулянья. Сад был иллюминирован разноцветными фонарями. Днем на средней площадке разыгрывалась лотерея-аллегри. Мы всегда мечтали выиграть корову

или самовар и любили брать тоненькие билетки, свернутые в трубочку с крошечным колечком, которое нам очень нравилось. Раз я выиграл сахарную голову и был очень доволен.

В саду гремела полковая музыка, а вечером, когда нас уже укладывали спать, зажигался фейерверк на этой же средней площадке, от которой прямая аллея была прямо перед нашими окнами. Мы, конечно, не спали, и, затаив дыхание, старались не пропустить начало.

Тут уже, невзирая ни на какие запрещения, мы босыми ногами в одних рубашонках бежали к окнам смотреть на фейерверк. Римские свечи, ракеты, солнца, водопад все это приводило нас в восторг. О фейерверке заранее оповещалось в больших афишах и всегда обещались новые сюрпризы, которые выдумывал пиротехник Перов, мною уже упомянутый в связи с Жениным сном. Нам, детям, он казался волшебником, и мы верили в его неисчерпаемую изобретательность. Когда начинали разрываться бураки, шел треск и оркестр начинал играть марш «Бок[к]ач[ч]о», мы знали, что наступает конец, и спешили бегом в свои кровати, чтобы нас не застигла Няня, которая нарочно, вероятно, уходила куда-нибудь, чтобы мы могли без нее насладиться недозволенным удовольствием. Когда мы стали постарше, нам позволяли дожидаться фейерверка, а иногда и водили на площадку, где он пускался.

Наш сад рядом с домом был полон всяких закоулков, которые имели большое значение. Против стеклянного фонаря так же, как и против тамбура, был огромный куст сирени, или, вернее сказать, целый круг кустов с пустотой посередине. Этим воспользовалась сестра Ольга, которая создала себе там укромную беседку. Она вырыла яму, устроила земляное сидение, обложила это все досками, на сидение и спинку приделала подушки. Вышло очень уютно. Это был ее кабинет, где она проводила весь день. Туда не доходили ни солнце, ни дождь, и снаружи нельзя было заметить укромный уголок. Все завидовали ее изобретательности, и когда Ольги не было, любили пользоваться ее ямой. Можно было, конечно, такую же яму соорудить против подъезда, но ни у кого не хватало терпения и настойчивости, чтобы все так хорошо устроить.

Я уже говорил, что Загородный дом, как показывает самое его название, находился на краю города. Наш сад отделялся плетнем от лужайки над обрывом, откуда открывался чудесный вид на извилистую Яценку, впадавшую в Оку, за ней луг и старый сосновый бор, который был местом наших постоянных прогулок. Мы там собирали грибы, особенно маслята, произраставшие в огромном количестве. В сентябре мы ходили с большими корзинами по орехи. Мы очень любили пикники в лесную сторожку. Раз в лето мы отправлялись на богомолье в Тихонову пустынь в 17 верстах от Калуги. Подавалась большая линейка, в которой

умещались мы все дети, родители ехали в коляске. Волнений и суматохи перед отъездом для нас детей было много и начинались они еще накануне в ожидании того, какая будет погода. Я по многу раз бегал на конюшню, которая была в отдельном дворе, подле усадьбы, смотреть, как закладывают и когда подадут экипажи.

Ехали по песчаному большаку, дорога шла все время бором. Пока могли, мы шли пешком. В Тихонову пустынь попадали обыкновенно к вечерне. Тотчас для нас ловили рыбу в пруду и готовили уху. Старшие купались в колодце, освященном Св. Тихоном, там была очень холодная вода. В общем, у меня осталось поэтическое впечатление от монастыря, службы, пруда с карасями и длинного пути. Мы возвращались домой в темноту, весело, шумно с песнями, но нас одолевала приятная усталость, и иногда мы не спали таким богатырским сном, как после таких поездок.

Наши друзья

У нашего младшего пятка были свои друзья. Главнее из них были Сытины. Семья Сытиных жила в небольшом домике, как раз против Загородного дома. Владимир Аполлонович с рыжими сидящими баками был губернский нотариус, жена его Ольга Ивановна была из многочисленной старой калужской семьи Кологривовых. У них было много детей. Старшие сыновья Коля и Володя были гимназисты, по «несправедливости учителей» туго продвигавшиеся в науках, но Коля имел для нас большой авторитет. Мы его считали изобретателем. Володя не имел никаких талантов. Из него вышел типичный провинциальный интеллигент третьезащитчик⁶⁸; впоследствии я встретился с ним в Москве, когда он был студент с большой бородой, он говорил об «узком горизонте наших правителей». Третья Анюта, немножко косившая, была большим другом Вари и Лины, она училась в местной женской гимназии. Четвертый мальчик Аполя был мой сверстник с короткой ногой, он ходил на костылях. Были еще два маленьких Шура и Леня, и кажется еще совсем маленькая девочка. Одно время Владимир Аполлонович предложил мне давать начальные уроки латинского языка. Я приходил к Сытиным и брал уроки совместно с Анютой и Аполем. Семья была многочисленная, средства весьма скромные. За маленькими не всегда было кому присмотреть, и я помню, как младший Леня в огромных штанах, в которых путался, ходил по комнате, привязанный веревкой ко столу, чтобы далеко не мог уйти.

Уроки эти были сплошной шалостью. Я пользовался тем, что дома меня никто не контролировал, никогда ничего не готовил, а во время уро-

ков мы обменивались гримасами и корчили всякие рожи за спиной почтенного Владимира Аполлоновича. У Сытиных была гувернантка, так же швейцарка, как и наша. Поэтому мы часто гуляли вместе. Самым большим нашим зимним развлечением была большая ледяная гора, которая ставилась в Загородном саду. Раскат был во всю длину сада. У каждого из нас были свои излюбленные салазки. Это было очень веселое и здоровое развлечение, которому мы с упоением предавались, особенно на Рождество.

Рождество была, вообще, заветная пора елок и детских балов; месяца за два мы считали до него дни и готовились к елке, клеили цепи, картонами и всякие украшения. Нам давали на устройство елки 10 рублей, потом увеличили кредит до 25 рублей, и чего только не накупили мы на эти деньги, и как мы веселились. Мне казалось, что никогда последующие поколения, избалованные подарками и удовольствиями, не умели так ценить, как мы, все, что выходило за рамки строго размеренной будничной жизни. И в нашем веселии принимали от души участие старшие, что усугубляло его. Все поколения Сытиных, Кологривовых, Унковских были тесно сплочены между собою и умели вместе радоваться и веселиться. Рядом с Сытиными жили их родственники Яков Семенович и Софья Ивановна Унковские, бездетные старики, которые также устраивали елку для многочисленных племянников и их друзей. Обыкновенно за фортепиано садился маленький горбун Дмитрий Семенович Унковский и играл вальсы и польки, подпрыгивая на стуле. Со стариками Унковскими жила мать Софьи Ивановны Анна Петровна Кологривова, родоначальница всего многочисленного потомства Кологривовых и Сытиных. Один из сыновей Анны Петровны Александр Иванович купил чудный старинный дом, известный под его именем в иллюстрациях. Уже после большевистского переворота, я, проезжая через Калугу от Осоргиных, пошел к Кологривовым. Дверь отворила мне хозяйка Екатерина Ивановна, которая в последний раз видела меня свыше 30 лет перед тем, когда мы уезжали из Калуги, и мне было 13 лет. Она тотчас узнала меня.

Летом Сытины уезжали к себе на дачу на берегу Оки. Для нас было особое наслаждение ездить к ним в гости с ночевкой на один или два дня. Для нас это была деревня. У Аполи был ослик и тележка, в которой мы катались. Кроме того, Ока и купанье в ней доставляли много удовольствия. Дача Сытиных была совсем почти против Калуги, немножко дальше в бору было небольшое имение Унковских Анненково, более похожее на деревню. Когда мы приехали в Калугу, мы застали еще старика Семена Ивановича¹ Унковского, умершего в около 100-летнем возрасте. Его очень любила и уважала моя мать. С ним жили незамужние дочери.

¹ Автор ошибается: Семена Яковлевича Унковского (1788–1882).

Помню одну из них Авдотью Семеновну, которая делала абажуры с букетами засушенных цветов между бумагой, что казалось нам верхом искусства и красоты. Они всегда баловали нас, когда мы появлялись.

Были у нас и другие приятели: Станкевичи, Труневы, Шевичи и Шиллинги. Изо всех этих детских дружб самой прочной оказалась дружба с Морисом Шиллингом. Когда мы с ним познакомились, отец его барон Фабиан Густавович Шиллинг был уже вдовец (его жена была рожденная графиня Нирод). Он был назначен воинским начальником в Калугу. У него было двое детей: Морис и Рита, и при них состояла гувернантка m-lle Bienaimé. Мы считали их благонаправными немчиками. От первого посещения его мне запомнилось, как он [Морис] с пафосом рассказывал про какой-то подарок: *un poulet tout plein de friandises différentes*^I. Его отца прозвали барон Имшто, потому что, затрудняясь говорить по-русски, он прибавлял к каждому слову: имшто я нахожу, имшто и т. д. По-французски он был не более красноречив и говорил *que c'est que ça*^{II}, и повторял это иногда без конца. По существу, это был один из типичных представителей рыцарского балтийского дворянства, честный и кристально благородный человек, беззаветно преданный России. Таким же по наследству стал впоследствии его сын Морис. Жизнь постоянно сводила меня с ним. Наши дороги встречались. Шиллинги так же, как и мы, переехали в Москву, где Морис кончил гимназию и потом университет. Затем они переехали в Петербург, где он поступил в Министерство иностранных дел, потом служил за границей и долго в Риме, в миссии при Папе. Здесь он тесно сблизился с С. Д. Сазоновым. Последний назначил его директором своей канцелярии, как только был назначен министром иностранных дел⁶⁹. Я в это время был в отставке, писал в «Московском еженедельнике» и не помышлял вернуться на службу, но Шиллинг решил непременно вновь меня завлечь в дипломатическую карьеру, и я уверен, что это по его совету и настояниям, я получил от Сазонова предложение занять место начальника отдела Ближнего Востока⁷⁰ Министерства иностранных дел. Это предложение, мною принятое, было поворотным этапом моей жизни, которым я считаю себя обязанным в значительной степени Шиллингу. Но я сильно забегаю вперед от воспоминаний детства. В эту пору детства нельзя было еще предвидеть, что самой прочной на всю жизнь будет дружба с Морисом Шиллингом. Тогда это было только знакомство. Настоящая дружба была с Сытиными. С ними связывало соседство, общие интересы, удовольствия и переживания.

^I Цыпленок, полный разных лакомств (франц.).

^{II} Вот так и так (франц.).

В нашей правильной, как часовой маятник, жизни большое место занимали совместные прогулки, а также церковные службы по субботам, воскресеньям и особенно Великим постом, на Страстной неделе, когда мы говели.

Мы все встречались в Георгиевской церкви. Она была двухэтажная: нижний зимний и верхний летний храм. Постом служба шла в нижнем храме. Помню его во всех подробностях. Низкий, сводчатый он был в форме креста. Мы стояли впереди налево у медной решетки, отделявшей солею, подле клироса, на котором стоял согбенный старый дьячок с большой седой бородой и волнистыми седыми кудрями в больших черепашных очках, в длинной рясе — фигура летописца Пимена. Голос у него был такой же волнистый, как и длинные кудри, и все это гармонировало с синими волнами кадильного дыма, особенно когда он пел за преждеосвященной литургией: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою». Мы особенно любили, как он это пел дьячковским распевом. Его исполнение казалось нам верхом совершенства, особенно когда выходили петь трио: он, сын батюшки Извеков¹, ученик Консерватории и Коля Сытин.

Испокон века у каждого в церкви было свое место, которое считалось его неотъемлемой собственностью. Сзади нас у стены стояла старушка Анна Петровна Кологривова, окруженная своим нисходящим потомством, на правой стороне стояло семейство Станкевичей, отец был церковный староста, а его благочестивая патриархальная семья была чем-то вроде калужских Самариных со старозаветным крепким укладом. Священник о. Извеков с красивым строгим лицом внушал нам детям некоторый страх. Страстную неделю мы, в сущности, жили в церкви. Длинные службы происходили три раза в день. Каждая служба казалась такой насыщенной, и последовательность их передавалась как одна цельная религиозная драма. Конечно, мы дети не могли выдерживать от начала и до конца одно религиозное настроение, как бы глубоко оно не захватывало нас. Усталость и детство брали свое. Мы устраивали свой уют около решетки, постилали на пол свои теплые шубы, подбитые овчиной, и, иногда, опускаясь на эти шубы, расшаливались и тряслись от беспричинного и безумного смеха. Особенно выходя на улицу шумной гурьбой после продолжительной всенощной, иногда со свечами в руках, мы шумели, гоготали, и нас иногда останавливал окрик Владимира Аполлоновича Сытина почему-то на сомнительном французском языке: «*Entants, rappelez-vous d'où ce que vous venez*»¹. Но эта неизбежная реакция происходила как-то сама собой, помимо нашей воли, неумышленно. Никогда во

¹ Дети, помните, откуда вы вышли (франц.).

всю последующую жизнь говенье не переживалось нами так глубоко и захватывающе. Чтение паремий на часах, особенно повести об Иове с продолжением на следующий день, «да исправится молитва моя», «Господи и Владыко живота моего» — каждый из этих моментов так и врезался в душу. А когда между паремиями раздавался возглас священника: «Повелите — Свет Христов просвещает всех», и все мы повергались ниц, не смея поднять голов, то у нас детей было в эту минуту несомненное убеждение, что вместе со священником и в дыме кадильном, сам Христос прошел через Царские врата. Трепет и страх Божий как перед видением Божественным наполнял душу. В кадильном дыме как будто виделась реально молитва, восходящая к небу. Вечером пели певчие. Как мы ждали «Чертог твой», «Се жених». И тоже никогда впоследствии не воспринималась так реально, так по-настоящему картина брачного Чертога и трепетное сознание своей позорной одежды греха. В таком настроении жили мы три дня до исповеди и причастия. Никогда впоследствии, когда рассудком сознавал все свое убожество и недостойнство, я не переживал такое глубокое потрясение всей души от сознания своей греховности, раскаяние, жажду исправления, как в эти годы перехода от младенчества к отрочеству, и, конечно, эти детские впечатления остались животворящим источником на всю остальную жизнь, и если терния и волчцы не окончательно не заглушили доброго семени, то этой детской молитве и тем, кто внушил мне ее, я этим всецело обязан. Мама́, как ангел хранитель, стояла над нашими душами. Для нее не было пустяков. Она искренно проникалась нашим настроением, ибо сама создавала его, сама обладала детской чистотой души, усиленной пламенем веры и молитв. И как ужасны и скверны казались нам наши грехи, как проникались мы притчей о талантах и сознанием, которое внедряла в нас мама́, что «кому много дано, от того много и взыщется». А мы так были убеждены, что никому не могло быть дано столько, сколько нам, потому что ни у кого не могло быть такой матери, как у нас, что мы с полным убеждением повторяли перед причастием слова священника: «Еще верую, яко Ты пришел спасти грешныя, из них же первый есмь аз».

Были и смешные вещи. Перебирая все свои грехи перед первой исповедью, я находил самым постыдным грех против 7-й заповеди: прелюбодеяние. Я был убежден, что это грех против любви, и что я в нем виновен перед своей няней, которую постоянно сержу, в то время как она нас так любит. Помню изумление нашего духовника, законоучителя гимназии о[тца] Александра Ростиславова, когда я, сильно заминаясь и не решительно, стал каяться [в грехе] против 7-й заповеди: «Как это... С кем это, дитя мое...» — «С няней», — прошептал я. «Объясните», — сказал батюшка. — Я объяснил, а батюшка, сохраняя, вероятно, с трудом

серьезность, пристыдил меня. Когда потом после исповеди я опускался на колени и я чувствовал, что меня всего покрывает епитрахиль, в то время как священник отпускает грехи, какое чувство облегчения и блаженной легкости я испытывая в темном кабинете моего отца, куда по очереди нас вызывали для исповеди. Как приятно было вечером выпить чаю с горячими бубликами, и как я бросался в постель, чтобы поскорее заснуть и поменьше успеть нагрешить до причастия. Потом уже после говения, вторая часть Страстной недели переживалась легче, а суббота вся проходила в краске яиц и ожидании Светлого праздника. В моих калужских воспоминаниях всего больше запомнилось говение, а Пасха в Москве, в Кремле вытеснила впечатление этого праздника в Калуге.

Кажется, не о чем рассказывать о нашем детстве, и, может быть, все это для меня интересно. Жизнь шла изо дня в день с однообразной правильностью, но для нас она была вся соткана из интересов и событий, представлявших огромное значение. Я сохранил от этого времени убеждение, что нет ничего более здорового и нормального для воспитания детей, как такой правильный, даже немного суровый, образ жизни в провинции, вдали от суеты и развлечений большого города. Зато всякое отступление от обычного темпа жизни вырастало в большое событие, и навсегда врезывалось в память.

Таким событием была поездка в Москву летом 1882 года. Мама взяла с собой Варю и меня, чтобы посоветоваться с докторами, — у нее были какие-то гланды, у меня болели глаза. Мы были очень рады нашим болезням. Бедная Линочка была здорова, и ее оставили. Это было первое передвижение наше по железной дороге после приезда в Калугу, которого я не помню. Все для нас было ново и интересно. В этом году была к тому же Всероссийская выставка в Москве⁷². У нас глаза ото всего разбегались. Помню большого белого медведя из булавок, большой бюст императора Александра II из шоколада, фонтаны в саду выставки. Московские улицы также поражали нас, особенно белые электрические фонари близ Храма Спасителя — это был первый опыт электрического освещения инженера Яблочкина. Потом нас повезли в Узкое, имение граф[ини Софьи Васильевны] Толстой, впоследствии перешедшее моему брату Петру⁷³. В этот год праздновали день его рождения — ему минуло 25 лет. Было много народу.

В числе гостей был Тертый Ив[анович] Филиппов с женой и сыном, когда-то бывший у Толстых домашним учителем, а потом дослужившийся до государственного контролера. Его сын был на 2 года меня старше и сильнее и пользовался этим, чтобы куражиться. Я его возненавидел и помню, как мне трудно было оберегать мое достоинство от его задираний. Варя мне всячески помогала и разделяла мои чувства.

Когда мы вернулись в Калугу, мы спохватились, что не привезли Линочке никакого «сувенира» из Москвы. Мы ее не застали дома, ее в виде утешения отправили гостить к Сытиным на дачу. Мы пошли с Варей покупать ей сувенир, и купили рассказ, который потом читали с увлечением. Он назывался — «Лэди Анна». Это был рассказ о дочери какого-то лорда, похищенной и потом, после многих приключений, найденной своим отцом. Когда мы подарили книжку Линочке, я помню, что не видя достаточного восторга с ее стороны, показал ей как будто нечаянно пальцем надпись — цена 1 рубль на книжке.

В следующий раз мы попали в Москву через 2 года на свадьбу сестры Тони, выходявшей замуж за Ф. Д. Самарина. Это было первое большое семейное событие. Из нашей большой дружной семьи выбывал на сторону первый птенец.

В юности Тоня была большая шалунья и большая дразнилка. Она изводила в особенности Ольгу, у которой в числе разных прозвищ было: «Крыу-Рыу». Тоня была малокровна, куталась в оренбургский платок. Проходя мимо Ольги, она неудержимо хватала ее холодными пальцами за подбородок и говорила ей: «Маленькая». Ольга приходила в раж, они сцеплялись, и Ольга, хотя и младшая, сильно поколачивала Тоню. Тоня была очень насмешлива, и когда она что-нибудь подмечала, у нее начинал дрожать подбородок от сдерживаемого смеха. На нее нападали приступы шалости. Она любила изводить гувернанток, и раз как-то во время общей чинной и скучной прогулки внезапно вскочила в проезжавшего извозчика, крикнула нам всем, чтобы мы сделали то же, и гувернантка не успела опомниться, как извозчик, сразу вошедший во вкус этой шалости, хлестнул лошадь и поскакал. Сзади нас преследовали раскаты негодования, но на первом же повороте — дело было ранней весной и все улицы были в рытвинах, — пролетка опрокинулась, и мы все упали в лужу. И ей, и нам сильно попало за это.

Эта свадьба была событием не только в нашей семье, но, пожалуй, еще больше в патриархальной семье Самариных. Женился старший сын. Дмитрий Федорович хотел даже устроить венчание в Храме Спасителя, но, кажется, это оказалось невозможным, потому что Храм Спасителя не был приходским храмом и венчаний там не совершалось.

Свадьба была в приходе Самариных — церкви Св. Бориса и Глеба на Поварской⁷⁴. Интересно, что дьяконом был в ней тогда ушедший вскоре потом в монахи в Зосимову пустынь и ставший впоследствии известным старец Алексей, который принял затвор, но в 1917 году был избран членом Московского Всероссийского Собора и во исполнение послушания вышел из затвора. Ему было поручено вынуть жребий из ковчега, где лежали три записки с именами кандидатов на патриарха.

Свадьба была кажется в июне. Одним из шаферов был только что кончивший гимназию С. В. Самарин, а другим А. Д. [Самарин], который был еще гимназистом. Они были очень милы с нами, детьми.

После свадьбы молодые поехали за границу. Каким событием было каждое письмо Тони, в котором она, ничего раньше не видевшая, описывала свои впечатления из-за границы, которая казалась нам какой-то особой планетой. Эти письма по многу раз читались, потом сестры размножали их на гектографе и рассылали их тетушкам. Как ждали у нас возвращения Тони. Она появилась совсем новая для нас. Ей особое удовольствие составляло обновить чепчики, которые тогда носили молодые дамы, как какое-то звание, отличавшее их от девиц. Ей приятно было показаться в этом взрослом положении в гостях, у себя в родном доме, где уж она не слышала замечаний, а ей только радовались. Какое удовольствие ей было всех одарить. Она каждому купила за границей подарок с трогательной заботливостью, и нам эти подарки казались великолепиями, особенно я помню разрезные ножи из слоновой кости.

В это же лето мы в первый раз попали в Молоденки. После этого мы неоднократно там бывали. С Молоденками связана целая полоса счастливых детских воспоминаний.

Дома было хорошо, но дома вся жизнь была построена на дисциплине и обязанностях, в которые мы от себя вносили конечно целый мир шалостей, но все это было не позволено и за это надо было отвечать.

В Молоденках нас встречало такое море доброты и баловства со стороны дяди Пети и тети Лины, что мы вступали в какое-то волшебное царство. Каждая наша шалость и глупость встречались таким добродушным клокотанием тети Лины и смехом дяди Пети, что мы чувствовали себя какими-то героями.

В это лето у них жили Евреиновы — родные племянники тети Лины. Мы о них раньше слышали как о примерных детях; и потому относились с некоторым предубеждением к ним. За год до того мамá, по совету докторов, уехала, чтобы отдохнуть от переутомления, в Молоденки, где провела почти все лето. Вернувшись, она нам рассказывала, какие примерные и воспитанные дети Евреиновы, и как нам далеко до них. Нам часто ставили в пример других детей, и мы искренно считали, что нет детей более распушенных и хуже воспитанных, чем мы. Иногда мамá с грустью говорила нам, как Бог наказывает родителей, когда дети плохи, и рассказывала нам, какая судьба постигла Пророка Самуила за детей, которых он не сумел воспитать, и как он упал со стула, сломав себе спину. Мы серьезно беспокоились за мамá, как бы ее не постигла такая же участь, и иногда со страхом смотрели, когда она садилась на кресло. Но детей примерных все-таки не любили, и с большой критикой отнеслись к Евреиновым.

Познакомившись с ними, мы увидели, что они ничего себе, но мы сразу остро возненавидели их гувернантку, рыжую мисс Робертс, решив, что в ней корень зла. Особенное негодование наше она возбуждала тем, что позволяла себе даже давать пощечины детям. Мы поспешили поделиться нашими впечатлениями с Евреиновыми и старались восстанавить их против мисс Робертс. Их, действительно, держали очень строго, особенно их мать, которой в это время не было еще в Молоденках. И вот мы подбили их на шалость, в сущности, довольно невинную, но которая даже неожиданно для нас была воспринята чуть ли не как преступление. Мы условились тайком на заре пойти в лес — «Красную Рощу». Мы привели в исполнение наш замысел. Утром нас хватились, и тут произошел колоссальный переполох. За нами послали искать верховых. Нашли нас, конечно, очень скоро, но тетя Лина, чувствовавшая себя ответственной за всех детей, оставленных на ее попечение, переполошилась не на шутку, и нам здорово досталось. Это был единственный раз, что я видел рассерженным дядю Петю, который беспокоился за волнение тети Лины, и он на нас накричал. А дети Евреиновы были в полной панике. Мало того, что их наказали и на них свирепо накинута мисс Робертс, но они со дня на день ожидали приезда своей матери и новой грозы. Когда она приехала, то мы почувствовали, что она нас невзлюбила и не поощряет новой дружбы своих детей. Я очень сдружился с Володей Евреиновым, и, расставаясь, мы условились переписываться и сообщать взаимно о всех шалостях случившихся и предполагаемых. Мое чуть ли не первое письмо было перехвачено и Володе было приказано прервать со мною всякие письменные сношения.

В Молоденках все было не так, как у нас дома, и казалось необыкновенно. Утром мы пили молоко в глиняных кружках, а кувшин с молоком был с птичкой на ручке. К молоку подавали соленые теплые крендели и к ним масло — баловство, к которому мы не привыкли дома.

На речке была лодка, на которой мы сами могли грести. В Молоденках мы научились теннису, который на долгие годы и в молодости был нашим любимым развлечением. И во все игры дядя Петя умел вносить особенное оживление. Когда мы играли в теннис, он кричал: «Линочка, вся Европа смотрит на тебя». А в день моего рождения он устроил какое-то особое состязание и кричал: «в одиннадцать лет — первый промах!» Потом следовали второй, третий, и так далее промахи. Он умел расшевелить нас и привести в полный азарт, а сам добродушно покатылся смехом.

А поездки в Молоденках! Как это бывало весело! — Мы ездили к соседям, где всюду были наши сверстники, иногда, если это было далеко, то с ночевками, что было особенно весело. Мы ездили к Раевским,

Философовым, Бежчевым. Эти дети приезжали, в свою очередь, к нам в Молоденки. Устраивались хоры, игры, беготня и танцы. Это было шумное детское и юношеское царство, и казалось, что все и все существуют для нас. А когда мы приезжали осенью, то мы любили поездки в поле — охотиться на хорьков. С нами выезжала большая бочка с водой. В полях было много хорьковых подземных ходов. Обыкновенно выслеживали два выхода. В один лили воду из бочки, из другого выскакивали рыжие хорьки, на которых набрасывали мешок, и возвращались домой, когда вода вся уже вышла и в большой плетеной корзине с крышкой было несколько хорьков.

В этот же год осенью меня повезли в Москву на свадьбу Пети брата, у которого я был «мальчиком с образом». Мне купили какой-то морской костюм с серебряными пуговицами и галунами, который я возненавидел, потому что его надо было носить с голыми коленями и я считал это в высшей степени унижительным для себя. Я помню, что этот костюм я прозвал из-за галунов «суета сует». Все эти переживания вполне понимались и разделялись младшим пятком. Я рос среди сестер, которые всегда держали мою сторону, и это нередко возмущало моих старших братьев, которые считали, что я балуюсь, а я умел, действительно, укрываться, когда угрожала опасность, под защиту сестер.

Нас было 9 человек детей. Вместе с родителями и двумя педагогами (одно время у меня был учитель летом) нас садилось за стол 13 человек. Все комнаты были густо заселены. Тем не менее всегда находилось место для приезжавших летом к нашим старшим братьям и сестрам — их друзьям, и дом наполнялся оживлением и весельем. Приезжали братья Лопухины Алеша и Митя, Маня Хитрово со своей матерью Марьей Ив[ановной], рожденной Ершовой, сверстницей и приятельницей моей матери, и братом Сергеем. Приезжал товарищ братьев по университету Николай Андреевич Кислинский и много старше их, но всегда любивший и любимый в молодом обществе Сол[л]огуб.

В Москве у Капнистов ставили шарады, сочинявшиеся Сол[л]огубом и моим братом Сергеем. Иногда это бывали целые представления в стихах и музыкой, которую сочинял Кислинский, который был очень музыкален и остроумен в музыке. Те же удовольствия переносились к нам летом, причем рассчитывали и на нас детей при постановке представлений.

В первый раз, когда приехал Кислинский, мой брат сочинил пьесу для детей. Она называлась: «Симеон-злочестивец». Кислинский был маленького роста, он играл самого Симеона. Мы с Линочкой играли роли добродетельных детей — Ростислава и Леониллы.

Симеон пел на мотив Марсельезы:

Не хочу повиноваться
Не хочу, не хочу рачить
Книги выброшу в окошко
Буду Няню обижать.

В это время мы, добродетельные дети, плясали перед Симеоном, и, тыкая перед ним пальцем, пели:

Ростислав: Я пожалею папаше
Леонилла: Я мамашеньке скажу
Вместе: Тотчас отношения наши
С вами разорву.

Во время пьесы происходил урок. Я отвечал учителю басню: «Юный Дуб», которую мой брат написал на меня же, потому что я всегда любил обо всем спорить и упорно отстаивать какую-нибудь глупость:

Юный Дуб

Однажды юный дуб,
Под сенью старого стоявший
И географии не знавший,
Сказал отцу:
«Зачем отец, ты сению своей
От перпендикулярных солнечных лучей
Меня в час полдня ограждаешь...
«Ты мне светило застилаешь!»
Но старый дуб с усмешкой отвечал:
«Мой сын, доселе не видал
Лучей я перпендикулярных
В странах полярных.
Коль местом здесь ты недоволен,
Отсель идти ты волен!»
— И юный дуб остался... в дураках.

Пьеса кончалась посрамлением Симеона-злочестивца и гимном добродетели, который пелся на мотив «Менуэта» Моцарта:

Добродетель ты прекрасна
Как сияние дня,
Я к тебе стремлюся страстно
И люблю тебя.

Будем жить для добродетели,
Будемте прилежны,
Чтоб родные то заметили
И к нам были нежны.

Представление удалось. Пьеса была сочинена и срепетирована в три дня. Тогда решили на следующий год поставить что-нибудь более грандиозное. И в результате поставили оперетку: «Последнее слово Науки, или Альфонсо XXV-ое». Это представление и все лето так живо описаны моей сестрой Ольгой, что я не буду все это вспоминать. Старый загородный дом наполнился веселым молодым оживлением. На балконе кроили костюмы, мастерили декорации. Все со своими ролями зубрили их, потом дважды в день считки и репетиции. Шум, гам и романы. И мы дети веселимся во всю вместе со взрослыми на товарищеских началах. Словом, страшно весело. Мой брат и Кислинский в перегонки сочиняли текст и музыку. Характер действующих лиц прилаживался к тем, кто намечался в качестве исполнителей. Например, роль Жепансе предназначалась одному офицеру Киевского полка, глупому и серьезному, Амалию играла обворожительная в то время Варетт Жилинская, у которой было прекрасное колоратурное сопрано. Кислинский писал соответствующие арии. Монолог бациллы был написан для Марины, которая была прелестна с крылышками. Она с особенным выражением произносила стихи:

Один Директор клиники мне руку предлагал,
Но я с большим презрением отвергла этот план.

Ольга описала также помолвку и свадьбу Лизы в то же лето. Мне ярко врезались в память следующие подробности. Осоргин должен был приехать для решительного разговора 8 июля, в день Казанской Божией Матери. Я ничего не подозревал, но сестра Лиза просила меня в этот день пойти с ней к ранней обедне. Мы пошли в церковь Одигитрии. Вдруг, у выхода внезапно вырос Осоргин, который уезжал в деревню. — «Мих[аил] Мих[айлович]! Какими судьбами... — Ранней пташке жирный червячок!» — так я приветствовал его с большой развязностью, которую я приобрел вращаясь все время среди старших.

Мы вернулись домой. После завтрака я пошел брать урок латинского языка с братом Сережей — я готовился к гимназии. Мы сидели в спальне, папа рядом со столовой. Вдруг отворяется дверь и входит вся малиновая Лиза и целует Сережу. Я чувствую, что что-то большое совершилось. Лиза говорит: «Я невеста Осоргина». Бежим в гостиную. Папа обнимает еще такого чужого нам всем Осоргина, и вдруг видит через его

плечо корову в цветнике. Несмотря на волнение, он тут же прямо в ухо ему кричит: «Пошла вон!» Я тоже попадаю в объятия Осоргина и чувствую необыкновенно жесткую бритую щеку.

Немедленно начинается блаженный сумбур и суматоха, сопутствующие всем жениховствам. Каждый день мы едим конфеты, которые приносит Осоргин. Очень скоро решают, что женихам надо ехать в Москву, а нас детей решают пока, на это время, отправить к Самариным в Молоденки.

Лиза была первой моей наставницей. Она выучила меня грамоте. Мы младшие особенно ее любили и льнули к ней. Жаль было уезжать от жениховства, от последних дней ее в семье, от веселого сумбура и конфет, но Молоденки имели для нас магнетическую силу.

Гимназия

Большим событием в моей жизни было поступление в 3-й класс гимназии осенью 1885 года.

Странно вспомнить, какой дореформенной стариной была в то время Калужская гимназия. Директор Овсянников, как я потом только узнал, приезжал спрашивать моего отца, как он желает, чтобы меня звали: Ваше сиятельство, или только по фамилии. Сам он преподавал у нас в классе историю и числился нашим классным наставником. На одном уроке, чтобы дать нам наглядное представление о Наполеоне, он выразился так: «Наполеон обходился с королями, ну вот как я с надзирателями: Алексеев принести то-то, Петров сходить туда-то». Мы конечно, по-своему воспринимали такое сравнение и ни в грош не ставили надзирателей, которые были нашим самым непосредственным начальством. Нравы в гимназии были крайне распущенные, особенно в пансионе при гимназии. Как раз перед тем, что я поступил туда, произошел крупный скандал, обнаруживший, что пансионеры были лишены всякого надзора и между ними процветали такие грубые нравы, о которых я даже не буду здесь писать. В начале я еще жил некоторым запасом знаний, полученных домашней подготовкой, но вскоре окончательно распустился, перестал что бы то ни было делать и выкидывал отчаянные шалости. К нам в гимназию поступил только что окончивший университет молодой преподаватель географии Трейтер очень маленького роста. Однажды после урока, когда он задержался в классе и ученики его обступили, меня почему-то неудержимо потянуло к беленькой точке на середине его головы, откуда расходятся волосы, и я дал ему легкий щелчок, так ни за что ни про что. Трейтер вернулся к кафедре и записал меня

в книгу в разряд так называвшейся черной доски и три раза подчеркнул мою фамилию. Мой безобразный поступок был ничем не вызван, тем более что Трейтер был самый скромный и милый человек. Наш класс его любил и заставил меня на следующем уроке извиниться перед ним. Я сознавал, что совершил неблагоприятный поступок, и со страхом ждал кары. Через некоторое время меня вызвали к директору. Я отправился в очень неприятном настроении духа. После некоторого ожидания вышел директор. Увидев меня, он спросил: «Да, а почему, бишь, вас вызвали ко мне». Я ответил: «Не знаю. Вероятно это учитель географии записал меня». — «Ах да, вы нашалили. Это не хорошо. Вы не должны так делать впредь, идите».

Формально так все кончилось. Дома я ничего об этом никому не сказал. Мама́ в это время была в Москве, но по городу стали говорить о моей выходке, и когда мама́ вернулась в Калугу, то до нее дошли об этом слухи. Мама́ я боялся куда больше директора и всех возможных последствий, но когда она притянула меня к допросу, я, как это бывало со мной в подобных случаях, заперся в упорном молчании и упорном отрицании совершенно несомненных фактов. Мама́ это страшно огорчало. Я страдал и не знал как выбраться из нелепой позиции, но ей ничем не удавалось пробить этого непонятного упорства. Отказавшись вынудить у меня признание в совершенном факте, мама́ удалось перевести разговор на общую почву и произвести такую глубокую нравственную встряску, какую только она умела делать. Я долго оставался лентяем и шалуном, но такие встряски имели свое внутреннее огромное воздействие и подготавливали исподволь переработку характера.

О товарищах у меня осталось смутное воспоминание. Я ни с кем из них неособенно сближался, кроме одного — Беляева; первым учеником в IV классе был Саввин, который потом был профессором всеобщей истории в Московском университете.

Любимой игрой у нас были тогда бабки (кости свиных ножек). Особенно ценилась хорошая бита, которую наливали свинцом. Самое приятное время было весной, во время экзаменов, когда не было уроков, были свободные дни, и мы, гимназисты, ходили на бульвар над Окой, играли в кегли, а иногда нанимали лодку и гребли на Оке.

Когда я был в III классе, со мною познакомился мальчик много старше меня, кажется шестиклассник, Швимбах, отец коего, доктор, приезжал иногда лечить папа электричеством. Этот Швимбах повадился провожать меня каждый день домой из гимназии. Он, очевидно, стремился попасть к нам в дом, но я почему-то очень стыдился показывать дома своих товарищей и ни за что не хотел доставить ему этого удовольствия. Швимбах даже таскал мой ранец, что я охотно предоставлял ему

делать, но все старания его так и не увенчались успехом. Наверно, он считал меня или моих родителей гордецами, не считавшими его общество для меня подходящим. На самом деле, это был только ложный стыд с моей стороны и ничего больше. Кроме того, сам он, по правде сказать, был очень мало интересен и слишком явно подлизывался ко мне только, чтобы попасть в хорошее общество.

От Калужской гимназии у меня сохранилось мало хороших воспоминаний. Ничего, кроме отрицательных навыков, распущенности и обманывания учителей я из нее не вынес. Я пробыл в ней 2 года, и хорошо для меня, что мы не позже уехали из Калуги.

Калужское общество

Перед тем чтобы окончательно проститься с Калугой, я хочу вспомнить еще некоторых добрых знакомых и друзей моих родителей и местные типы, которые у нас бывали и к которым водили нас детей. Когда мы приехали в Калугу, губернатором был Иван Егорович Шевич, очень порядочный и недалекий человек. Он любил играть в четыре руки с мамой на фортепиано. Когда он уходил, — его, кажется, назначили сенатором, у нас был торжественный обед в его честь. Мы, дети, с большим интересом смотрели сквозь скважину дверей на то, что делалось в столовой. В своей ответной речи Шевич назвал моего отца «Рыцарем без страха и упрека». У нас в это время были две лошади: Рыцарь и Красавчик, и мы больше любили Красавчика. Марина была недовольна речью Шевича, почему он назвал папу Рыцарем, а не Красавчиком.

На главной калужской улице — Большой Никитской — был хороший дом Яковлевых. Это была старая дворянская семья. Она состояла из старика Семена Павловича, сестры его покойной жены Феланиды Александровны и детей уже пожилых. Семен Павлович почему-то особенно любил меня. У меня была большая голова, и вероятно, вследствие этого, что бы я ни сказал, притом я едва ли говорил что-нибудь особенное, умное, Семен Павлович всегда с восхищением восклицал: «Бисмарк! Вот вы увидите, он будет Бисмарком!» Феланида Александровна была старуха, выжившая из ума. Она всему верила и потом повторяла необыкновенные вещи, которыми ее дурачили.

У Семена Павловича была дочь — старая дева, жившая с ним, Софья Семеновна. Она бывала у нас постоянно, была неизменным партнером моего отца, входила в подробности нашей семейной жизни и любила выворачивать все городские новости и сплетни. Это была типичная состарившаяся в кругозоре губернского города дама, но добрая, милая

к нам детям, и мы ее любили. Ее сестра, круглая как шарик, Зинаида Александровна^I была замужем за Тобизеном, прибалтийским немцем с красивыми манерами. Они жили некоторое время в Калуге. Впоследствии он был губернатором в Харькове и потом сенатором. У него были дети^{II}: старшая Ольга, сверстница сестры Вари, одно время дружила с ней.

Были две старые девы княжны Горчаковы Жюли и Софи. У них был племянник, который иногда к ним приезжал и которым они любовались и гордились, Сережа Горчаков. Он был сверстник моих старших братьев, студент Московского университета, приятно играл на виолончели и обладал шармом. Впоследствии он был губернатором в Калуге, лет через 20 после того, что мы оттуда уехали.

В Калуге жила старуха Сухозанет, вдова военного министра при Николае Павловиче. Нас водили к ней с поздравлениями на Рождество и Пасху. Мы ее боялись. На вид она нам казалась старой ведьмой. Нос и подбородок сходились у нее. Она ходила в бархатной душегрейке, с клюкой. Хотя она была очень древняя, но сохраняла до конца бодрость, колола дрова и играла в волан с дворником для моциона. Она слыла богатой и скупой старухой. При ней жили уже пожилые дочери — Ермолова, Извольская — обе матери будущих министров^{III}, и необыкновенно уродливая Павла Ивановна, которая уже лет пятидесяти вышла замуж за типичного старого холостяка Сорокина. Мне эта свадьба памятна, потому что это была первая, на которой я присутствовал, и притом в качестве мальчика с образом при невесте. Я надевал ей башмачок, в котором для меня лежал золотой. Это было в деревне. Я был один в своем роде. Не только не было детей, но помнится не было и молодежи. Новобрачным было вдвоем за 100 лет. Меня повели в оранжерею, где я поглотил неисчислимое количество персиков и олив. За обедом кричали «горько» и молодые целовались. Сорокины жили очень близко от нас. Они прожили очень счастливо и были очень благодущные и милые старички.

В Калуге стоял Киевский гренадерский полк, которым командовала полковник Маклаков. Это был тип военного служачи, у которого все интересы и понятия поглощались воинским долгом и своим полком. Он любил произносить речи с особым армейским бурбонским красноречием, которое отвечало настроению офицеров и было понятно солдатам, ибо его мотив был всегда один и тот же: беззаветное исполнение долга

^I Ошибка автора, надо читать Семеновна.

^{II} У Тобизенов были дочери София, Ольга и Зинаида и сын Иван.

^{III} Автор путается в информации. Матери будущих министров А. П. Извольского и А. С. Ермолова — Евдокия Григорьевна и Мария Григорьевна — действительно были сестрами, но они носили девичью фамилию Гележинские, а брак военного министра Н. О. Сухозанета с княжной Е. В. Яшвилъ был бездетным.

перед царем и Отечеством и повиновение начальству без рассуждений, ибо рассуждения вообще штатское, а не военное дело. У Маклакова было два сына, немного моложе меня. Дружба у нас как-то не клеилась, потому что слишком разная была среда и все навыки, но все мы очень любили ездить летом в лагерь полка, особенно к вечерней заре, когда играли «Коль славен» и весь полк пел Отче Наш. Из офицеров самым любимым был Петр Иванович Погорелов, командир роты, где мой брат Евгений отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося. Если Маклаков был полковой отец, то Погорелов был ротный отец. Оба были хорошие русские люди и прекрасные представители того серого армейского офицерства, которое всю жизнь честно и мужественно тянуло служебную лямку и привыкло просто отдавать свою жизнь на служение чести и величия России. Петр Иванович отличался добродушием, здравым смыслом и юмором, солдаты его любили и ценили его художественное умение ругаться. Совсем другим типом был батальонный командир поляк Эдмонд Рудницкий, с большим самолюбием и претензиями на светскость. В нем не было никакого добродушия. Он считал себя выше своих полковых товарищей по воспитанию и общественному положению, и не был любим за эти претензии.

Жандармский полковник Константин Федорович Шрамм с сидящими баками, громким голосом и густыми серебряными эполетами был каким-то *pendant*^I к Маклакову. Всегда их вместе приглашали. Это был добрый порядочный человек и дамский кавалер. Он то же любил произносить застольные речи, в которых было больше чувства, чем ораторского искусства.

Несколько отдельно от этого губернского общества стоял Николай Сергеевич Кашкин, человек более высокой культуры и склада. В молодости он увлекся революционным движением, был вместе с Достоевским судим за принадлежность к обществу Петрашевцев. Ему, как и Достоевскому, был вынесен смертный приговор, и перед самым приведением его в исполнение, было даровано помилование. Тогда же от нервного сотрясения у него сделался тик в лице, который сохранился на всю жизнь. Николай Сергеевич был *земец*^{II}, типичный либерал 60-х годов. Он был несменным земским главным с самого введения земства до конца своей жизни, пережив полувековой юбилей земских учреждений. Вместе с тем это был глубоко религиозный человек. У него был единственный страстно любимый им сын, которого он потерял. Помню замечательное письмо, которое он написал мамá после кончины моей

^I Предмет, парный другому (франц.).

^{II} Председатель окружного суда. — Примеч. О. Н. Трубецкой.

сестры Тони о том, что нельзя роптать, когда умирают люди молодые, ибо один Господь знает, кто и когда созрел в этой земной жизни для жизни вечной, и тогда падает, как зрелое яблоко с дерева, и что в этом сказывается Его благодать. У меня врезалось в память это письмо. Как всегда бывает, самые простые мысли действуют всего сильнее, когда они рождены не рассудком, а внутренним опытом. Весь облик Николая Сергеевича дышал старомодным дворянским благородством, и он жил в «Тургеневском» доме — сером деревянном с былыми лепными венками и лирами на карнизе и колоннами.

Другими представителями дворянского быта были Деляновы, которые жили в прелестной старинной усадьбе «Железники», совсем рядом с Калугой, между бором и Пафнутьевым монастырем. Николай Давыдович Делянов, брат министра народного просвещения, был безобидный скромный старичок *рамоли*¹, с которым только здоровались, но не вступали в разговоры. Хозяйкой была его жена Елена Абрамовна, рожд[енная] Хвощинская, сохранившая следы былой красоты. Она была добрая, приветливая, всеми любимая хозяйка, и у них был всегда открытый дом. Старшие дочери были замужем и их мужья были потом сановниками — старшая Мария Николаевна вышла за Акимова — впоследствии председателя Государственного совета. Вторая кн[ягиня] Софья Николаевна Голицына, из всех дочерей напоминавшая свою мать, в молодости красавица, потом *бельфам*², добрейшее существо с младенчески чистой душой, веселая, простодушная, редко благожелательная к молодежи, всеми любимая. Кажется у нее никогда не было и не могло быть врагов. Она была безобидно легкомысленна, что помогало ей до конца счастливо прожить, у нее были свои безобидные недостатки, но все они искупались добротой и благожелательством. О семье Голицыных и о муже ее, бывшем Московском губернаторе, а потом Московском городском голове, мне еще придется вероятно говорить. Третья дочь Ольга Николаевна была первым браком за своим двоюродным братом Хвощинским, а потом овдовев, вышла замуж за А. Г. Булыгина, с которым познакомилась, когда он был в Калуге молодым губернатором. Впоследствии он был губернатором в Москве, а потом министром внутренних дел, творцом первого проекта Государственной думы, так называемого Булыгинским. — Когда мы приехали в Калугу, у Елены Абрамовны оставалась только одна дочь — девица Катя, которая вышла замуж не очень удачно за некоего Мясоедова, и скончалась от первых родов. Мясоедов написал роман, в котором описал свою свадьбу и кончину жены. Я также фигурировал на этой свадьбе

¹ *Ramolli* (франц. расслабленный) — человек, страдающий размягчением мозга, паралитик.

² *Belle femme* (франц.) — красивая женщина, красавица.

мальчиком с образом у невесты, помню, что когда ее благословляли, то просыпалась соль и это произвело впечатление неприятного предзнаменования. Свадьба эта в моей памяти осталась иллюстрацией старого дворянского быта. Приехало много гостей из Москвы и Петербурга, и после свадьбы в большом двухсветном зале в Железниках начался веселый бал, гремела музыка. Для меня этот бал остался долго памятен по «унижению», которое я испытал. Мне было 10 лет. В Калуге проживало в это время легендарное семейство бригадного генерала Мольского. У него была жена и две дочери, все крошечного роста, причем жена была таких же размеров в ширину, как и в высоту, красная, с двойным подбородком, совершенная просвирка. Я считал себя совершенно зрелым и что только по игре природы мне всего 10 лет. И вдруг, госпожа Мольская взяла мою руку и несмотря на мое отчаянное сопротивление, поцеловала ее!! Я не знал, как пережить свой позор и возненавидел эту старуху, а она еще заставила меня танцевать со своей дочерью, которая вероятно тоже с ненавистью, как мне казалось, вынуждена была танцевать со мной десятилетним мальчиком, с которым была одного роста, хотя я был очень невелик. На этом балу я познакомился с моим будущим бо-фрером Осоргиным, который был молоденьким кавалергардским офицером.

Семейство Мольских было легендарно своим враньем. Одна из дочерей рассказывала, как во время пожара «Папа одной рукой выбросил из окошка демирояль».

В числе представителей старого быта не могу не припомнить приходившуюся нам сродни княгиню Наталью Петровну Оболенскую, сестру декабриста, тоже Оболенского. Она жила со вдовой своего брата [Варварой], который женился на ней в Сибири. Она была самого простого происхождения. У нее была дочь Оленька, прыщавая интеллигентка, которая кажется потом стала чуть ли не революционеркой. Наталья Петровна жила в небольшом домике, живописно расположенным над самым обрывом оврага, проходившего посреди Калуги к Оке. Она имела вид предки с портрета в белом чепце и была действительно очень древняя. Нас водили к ней на поклон в день ее именин 26 августа и в большие праздники.

Для полноты картины упомяну еще о семье Петра Ивановича Ланга¹, прокурора окружного суда, который жил в своем доме прямо против нас. Старшие сыновья были возраста промежуточного между моими старшими братьями и мною. Младшие были — почти слабоумный мальчик Паша — мой сверстник и сестра его Верочка. Мы часто встречались в прогулках в раннем детстве, и наша няня не пропускала случая доказывать няне Ланг наше превосходство. Напротив Лангов через переулоч

¹ Автор ошибается: Петра Осиповича Ланга.

и наискосок от нас жила в маленьком домике полоумная старая пьяница Марья Яковлевна. Когда она напивалась, то она на всю улицу поносила всевозможными ругательствами Петра Ивановича Ланга. Помню, как она выходила на улицу с непокрытой головой, как развевались ее седые волосы, и она с бутылкой в руках извергала свои ругательства и угрозы. Когда она умерла, то няня нам объяснила, что она столько выпила спирта в течение жизни, что она загорелась синим огоньком и вся сгорела и стала как уголек. Это произвело на нас большое впечатление.

От того ли, что нам жилось как-то особенно счастливо и хорошо, и что мы чувствовали, что наших родителей все любят и уважают, но у меня сложилось впечатление от калужского общества, что оно состояло большей частью из хороших и почтенных людей, дружно живших между собою, хотя, в общем, и не очень интересных. Гимназические воспоминания не испортили общей светлой памяти о Калуге, в которой прошло все мое счастливое детство. Я покинул Калугу, перейдя с грехом пополам в V класс. Кончился первый детский период моей жизни, и начался другой, более сознательного отрочества.

Там в Калуге памятно мне празднование серебряной свадьбы моих родителей 30 апреля 1886 года — вся семья была в сборе, приехала и сестра Тоня Самарина с мужем, и событие это запечатлено общей группой. — За обедом и вечером играл оркестр Киевского полка, исполнявший и одно произведение молодости моего отца, — стремительный марш-галоп, в котором изображено и битье посуды и пробка, вылетающая из бутылки шампанского. — Перед обедом на тройке въехал во двор Алексей Дмитриевич Оболенский, младший двоюродный брат моей матери, Козельский предводитель дворянства, живший в своем имении Заречье, близ Оптиной пустыни, и привезший огромный букет цветов. Помню Маклакова и Шрамма, слегка идилического под влиянием шампанского. — Хороший светлый семейный праздник с жатвой первых семейных плодов в лице старшего уже взрослого пятка, и нас еще детей, начинающих подрастать.

Мы начинаем выступать на авансцену уже по переезде в Москву.

Сергиевское¹

Мы покинули Калугу в начале лета 1887 года и поехали в Сергиевское к Осоргиным. Сергиевское было в 45 верстах от Калуги на высоком берегу Оки. Сообщение было пароходом. От берега до усадьбы было

¹ Рукописная помета: Смотри сперва с. 130а рожд. Миши, потом с. 170 рождение Сережи.

еще две версты. Усадьба состояла из огромного 3-этажного каменного дома, построенного ген[ералом] Каром, когда он воевал против Пугачева; от дома шли два низких флигеля, потом был двор со службами. К дому примыкал парк, кончавшийся обрывом и рощей опускавшейся к Оке. Верхний этаж никогда не был отделан, комнат было и без того достаточно много в первых двух этажах, и в них могло поместиться несколько семей, что бывало зачастую. Снаружи дом был несколько казарменного вида, но сменявшиеся поколения внесли столько тепла и уюта в каждую комнату, что стены его были дороги Осоргиным, и они любили свое Сергиевское как близкое родное существо, не представляя себе, чтобы на свете могло быть что-нибудь более прекрасное. И впоследствии, куда бы ни попадали дети Осоргины, за границу, они все неизменно сравнивали с своим Сергиевским и не могло быть выше похвалы, как сходство с Сергиевским. И правда, если дом был мил его обитателям, потому что каждое пятно на его стенах было связано с каким-нибудь воспоминанием, то местоположение Сергиевского было красиво и привлекательно само по себе. Прямая старая аллея в $\frac{3}{4}$ версты вела от лужайки перед домом через парк прямо к обрыву, у которого начиналась роща. С этого обрыва у скамейки открывался восхитительный вид на луга и извилистую Оку, по ту сторону коей виднелось село с колокольней. Во всякое время дня и года этот вид приобретал новую красоту и новое освещение. Я был в Сергиевском зимой, когда белоснежный саван покрывал огромную даль и казалось ей нет конца и вся она сверкала алмазами под лучами солнца.

Я был там раннею весной, когда река синела и начинался ледоход, огромные льдины нагромождались одна на другую и вся река бурно оживала после долгого зимнего сна. А потом луга затоплялись и огромный водный простор расстилался перед глазами. А что может сравниться с русской весной, с этой истомой в воздухе, пробуждением земли и всей природы, когда как будто слышишь сок, который подымается в деревьях и каждый день и каждый час приносит новое волшебство, новое преображение всей твари, и чувствуется разливающаяся в ней радость и победное торжество жизни! И когда молод, чувствуешь в себе то же пробуждение сил, истому и рвущиеся из сердца мечты, грезы надежды. А прозрачный трепет березовой рощи, пронизываемой лучами заходящего солнца, когда мелкие клейкие листочки чуть-чуть дрожат на тонких ветках и белые стволы так четко выделяются на небе! А эта симфония звуков и запахов, подымающаяся от черной душистой земли, комары, жуки, бабочки, птичий гомон, каждый день, увеличивающийся новыми голосами, и молчание ночи, в которой раздается первая трель соловья! И наконец лето, насыщенное зноем и работой

природы, расцветом цветов, спением хлебов, созревaniem плодов. И надвигающаяся осень, «в багрец и в золото одетые леса», чудной порою начало октября, когда

«Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны небеса».

Невольно вдаешься в поэзию. Что лучше, что ближе сердцу русской природы... С чем можно думать без страха, когда представляешь себе Россию... — Природу большевикам не удастся испакостить, а в ней — дары возрождения так же, как и в русском живом языке, который тщетно хотят изуродовать новой орфографией.

Весь расцвет этой природы я впервые увидел, как следует, в Сергиевском, и там же простился с Россией перед тем, чтобы начать свои скитания беженца. И потому Сергиевское мне дорого, как бывает дорога первая и прощальная любовь. И никакие последующие впечатления не затмили во мне его поэзии.

Семья Осоргиных была патриархального уклада. Мой бо-фрер незадолго до свадьбы покинул Кавалергардский полк, где прослужил несколько лет по окончании Пажеского корпуса. Он с увлечением исполнял обязанности земского начальника. Хозяйством занимался его отец, Михаил Михайлович, высокий подвижной старик с длинной бородой, покрывавшей все его туловище. Жена его Марья Алексеевна была, как и он, добрейшее существо. Кажется доброта была отличительным свойством их обоих. Оба они обожали своего сына и готовы были в кредит любить всех, кто был ему близок, т[о] е[сть] не только его жену, но даже всю ее семью. А моих родителей они как-то особенно любили и не знали, как лучше устроить, что придумать более приятного. Такое же радушие и ласку распространяли они и на нас, детей. У Марьи Алексеевны была жива еще ее мать кн[язиня] Волконская, неподвижно сидевшая в креслах, тоже добрейшая старушка. Домочадцы и слуги были также старого покроя. Старая гувернантка, швейцарка Нюничка, воспитавшая моего бо-фрера и старшую сестру его Варвару Михайловну Жилинскую¹, жившую в Петербурге. При старушке Волконской состоял еще древний калмык, определявший свой возраст так, что при Павле Петровиче ему на-

¹ Муж ее был впоследствии начальником Генерального штаба, потом Варшавским генерал-губернатором, и в начале войны главнокомандующим Западного [Северо-Западного] фронта. Карьера его оборвалась после сражения при Сольдау, хотя едва ли можно было возложить на него ответственность за поражение. В конце войны он был военным представителем Государя во Франции, а при большевиках таинственно пропал и погиб, ненадолго пережив свою жену. — *Примеч. автора.*

чали нравиться барышни. Он клеил картонные коробочки и готовил домашние фейерверки. Жил еще старый почтенный садовник, помнивший Пугачева. Слуги и горничные были старые пережитки крепостного права, преданные своим господам и жившие с ними одной большой дружной семьей. Замечательно, что потом, когда эти старые слуги умирали и их заменяли новые, вплоть до самой революции, — патриархальный строй отношений между господами и слугами оставался неизменным. Сергиевское было крепким старозаветным гнездом. Господ знали в далекой округе, их привыкли любить и уважать, они срослись глубокими корнями с родной землей, и свои крестьяне отстаивали их как могли во время революции. Но я забегая вперед...

В милом живописном Сергиевском мы провели лето до Москвы. Здесь родился первый сын, внук и правнук — Михаил Михайлович Осоргин 3-й, 30 июля 1887 года. Мне памятен этот день. В первый раз пришлось хоть издали присутствовать при появлении на свет человека. Помню, как мой бо-фрер вышел из спальни в длинный коридор, в котором я стоял, и разрыдался, и помню, какое впечатление на меня это произвело, я еще понятия не имел об ожидании и страданиях, коими сопровождаются роды, и не реализовал всего значения такого события вообще.

Чтобы подготовить меня к московской гимназии, где, конечно, приходилось считаться совсем не с теми требованиями, что в Калуге, мне взяли в качестве репетитора — студента Василия Ивановича Флерова. Это было добродушное и флегматичное существо, нрав коего я скоро раскусил и ничего не делал. Иногда я с ним фехтовался, но фехтование это заключалось главным образом в том, что я бил Василия Ивановича плашмя рапирой, а он добродушно поворачивался, как медведь. Математике меня обучал мой бо-фрер с большим рвением, но я мало отвечал его стараниям. Я был рассеян и ленив и не любил математику, где нельзя было заменять знания верхоглядством. В середине августа меня повезли в Москву учиться. Эти ранние отъезды из деревни, когда стоит чудная погода и лето в разгаре, всегда бывали очень тягостны. Так неуютно втягиваться в лямку уроков и думать о счастливицах, оставшихся в деревне. Но что же было делать...

Брат Сережа

Переезд в Москву совпал с большим событием в нашей семье. Мой старший брат Сережа стал женихом Паши Оболенской.

Брат Сережа занимал совсем особое положение в семье. Мама могла уверять себя и других, что у нее нет любимцев, что для нее все дети равны, но, конечно, ее первенец, ее Сережа был для нее совсем осо-

бое отдельное существо, и его она любила так, как никого не могла любить. И я уже говорил, нам казалось это совершенно справедливым и естественным. Сережа был тоже наш общий любимец и существо высшего порядка.

Что было в нем в эту пору детства, юности и молодости особенно привлекательно и что, впрочем, осталось у него до конца — это необыкновенно живая чуткая отзывчивая на все и любящая душа. Его душа и ум были всегда открыты на все, и никогда не затемнялись какими-нибудь предубеждениями и предрассудками. По своей природе, но вернее, по складу он во всем и в каждом видел всегда то положительное, что в нем было, движущую им искру Божию. При этом сам он сохранил полную трезвость души и суждения. Ему чужда была всякая сентиментальность. Душа глубоко целомудренная, он таил в себе свое святая святых и свои чувства не расточал на ветер, не потому, что он был себе на уме — этого совсем не было, так же как не было скрытности, а именно из целомудрия. И так как он весь искрился талантом и остроумием, то он часто примешивал самые смешные шутки к тому, что для него было всего дороже. Он мог покоробить хорошего, но неповоротливого мозгами человека. Вместе с тем какое нужное прикосновение было у него к чужой душе! Никто не мог подойти так легко, так деликатно, с таким сердечным участием и простотой к чужому горю, мучительным сомнениям, разочарованию. А сам он, когда ему бывало всего тяжелее на душе, тут-то и становился наружно как будто всего веселее, всего остроумнее, заражал всех этим блеском и веселостью. В нашей семье была вообще большая чуткость ко всему показному и не настоящему. Малейшая попытка кого-нибудь из нас порисоваться, принять позу, словом, что мы называли ломанием, немилосердно осмеивалось и пресекалось в корне. С той же быть может преувеличенной чуткостью помечались все казавшиеся нам смешными и неестественными повадки, манера говорить и держать себя посторонних, и мы их передразнивали, в чем особое мастерство обнаруживала Ольга. Это имело свои отрицательные стороны, ибо порою обижало людей, которые могли перехватить насмешливые взгляды, а кроме того, в нас самих порою развивало ложный стыд и самолюбие. Во мне лично до известного возраста эта черта выработала большую скрытность. Настоящее движение сердца пряталось из страха, что покажется сентиментальным. Но в общем такая постоянная семейная самокритика имела много хорошего, ибо делала невозможной всякую позу. В этом отношении, как и в других, Сережа задавал тон и был самым чутким, но он же старался проникнуть во внутреннюю жизнь каждого из нас младших. Он был на 11 лет меня старше, и, конечно, внутри я почитал его и он был для меня авторитетом. Однако попробуй он навязать

мне этот авторитет внешним путем, — из этого ничего бы не вышло. Гонору было у меня, хоть отбавляй, с раннего детства. Он все это отлично понимал и подходил ко мне умеючи. Благодаря этому он сыграл огромную роль в моем развитии.

Когда я поступил в 3-й класс гимназии, мамá уехала в Крым, куда после свадьбы отправились молодые Осоргины. Я был оставлен на попечение Сережи. Я сразу натолкнулся на грубые нравы и грубые разговоры, и, возвращаясь домой, повторял иногда ужасные слова, смысл которых не понимал. Сережа понял, что меня надо заранее оградить от скверного влияния и имел со мной один из тех разговоров, секрет коих он унаследовал от мамá. Он расшевелил мою детскую душу до самой ее глубины, он сумел внушить и укоренить во мне сознание святости целомудрия и создать во мне внутреннюю броню против всех покушений в будущем на это святая святых. Это влияние так же, как и облик моей матери, в которой я видел олицетворение чистоты и который я боялся оскорблять, предохранили меня в самые опасные для меня годы от нечистых воздействий и влияний. Я мог быть шалопаем, распушенным, лентяем, порой лгунишкой, я мог слушать и повторять сальные анекдоты, которые были в ходу в гимназии, но это все-таки не задевало какой-то внутренней моей душевной сути, не вносило органической порчи в душу, ибо она была предохранена броней, созданной во мне мамá и Сережей. Ибо в облике мамá и в словах Сережи чувствовалась не мораль, не педагогия, а святость внутренней чистоты.

Сережа в это время работал над неоконченным юношеским своим трудом о Святой Софии и Вселенских Соборах. Он иногда читал мне отдельные места оттуда. Видимо, у него была мысль, что тайны, недоступные отвлеченному мышлению, могут быть открыты младенцам. Он с таким серьезным убеждением хотел передать мне свои мысли, что я напрягал величайшие усилия, чтобы понять его, но, конечно, мне это было недоступно. После обеда, до приготовления уроков, мы играли с ним в домино, причем за каждый проигранный point¹ надо было отсчитать 10 подсолнухов. Проигрывал, конечно, всегда я, и мне приходилось отсчитывать несколько сотен, иногда больше тысячи. Замечательно, что я, не готовивший уроков и старавшийся содрать, что мог, для заданного, добросовестно отсчитывал эти подсолнухи и мне и в голову не приходила возможность в этом надуть Сережу. И все это потому, что там была педагогия, а здесь игра на равных основаниях.

Сережа воздерживался от всякой «педагогии». Когда нам нужно было чего-нибудь добиться от мамá и мы не рассчитывали на свои силы

¹ Очко (франц.).

или не решались приступить к ней, мы подсылали его. И Сережа умел добиваться, умел и любил приставать к ней и побеждать ее отказы, вырывать у нее согласие. При этом он также немножко побаивался мамá, т[о] е[сть] она импонировала ему, как и всем нам, что не мешало ему, а впоследствии и всем нам, когда у нас прошел внешний страх перед мамá, приставать к ней изо всех сил и находить наслаждение в том, чтобы добиваться от нее согласия на то или другое, с чем мы к ней приставали. Было бы менее весело и приятно добиться ее согласия без приставания.

Помню, как в том же 3-м классе учитель русского языка Рождественский задал нам на Рождество написать святочный рассказ. Я придумал какую-то невероятную ерунду из жизни Индии, и Сережа, безо всякой педагоги, помогал мне придумывать различные подробности. К моему удивлению, рассказ имел успех, и учитель только спросил, самостоятельно ли я его придумал.

И вот этот самый Сережа, наш любимый старший брат, стал женихом и уходил из семьи. Его невеста показалась нам сначала такой чужой и далекой. Как часто в дружных семьях, свадьбы вызывают сначала ревнивое предубеждение против человека, который вырывает из семьи одного из ее членов, притом любимого.

Нам, младшему пятку, Оболенские были совсем чужие, хотя брат Петя уже женился на одной из сестер, но старшие братья с детства дружили с ними. Роман брата Сережи длился годами, и Паша несколько раз отказывала ему. Как раз, когда у нас шло шумное веселье, и Сережа ставил свое «Последнее слово науки», ему было всего горче на душе.

Сестры Оболенские рано осиротели. У них была сестра много старше их от общей матери, но от другого отца. Это была гр[афиня] Апраксина, жившая в Петербурге, в свое время известная красавица, муж ее имел огромное состояние и был флигель-адъютантом императора Александра II⁷⁵. Отец их кн[язь] Владимир Андреевич Оболенский был двоюродным братом моей бабушки В. А. Лопухиной, так что сестры Оболенские приходились троюродными сестрами моей матери, хотя были поколения ее детей.

У Владимира Андреевича было четыре дочери. Старшая Соня молодой девушкой сошла с ума и умерла уже при большевиках. Это была вечная забота-обуза, которую свято несли сестры. Кроме нее, были три сестры Паша, Татя и Лиза. Старшей Паше минуло 16 лет, когда скончался отец, и они остались полными сиротами. С ними поселилась их двоюродная тетка княжна Аграфена Александровна Оболенская, которую все знали под именем «тетя Груша». Были даже привычные извозчики, которые знали, кто тетя Груша и везли к ней. — Иногда к ее имени прибавляли: «безсемянка» — «тетя Груша безсемянка».

Тетя Груша была добрейшее существо и очень добродушное. Она требовала к себе респекта, и все охотно оказывали его ей. Она была почтенным патроном своих племянниц, но, конечно, не могла оказывать на них особенного влияния, она была для этого слишком проста и другого поколения. Племянницы сами себя воспитали.

Старшая Паша имела необыкновенно тонкий, благородный и аристократический облик, как внешний, так и внутренний. Она была болезненна, малейшее прикосновение к спине было для нее мучительно, и она всегда держалась необыкновенно прямо, *elle paraissait raide*^I. Я слишком привык к ее внешности, чтобы сказать, что это ее портило, ибо с другой стороны, это так подходило ей. У нее было редко прекрасное лицо, точеное, мраморное, с нежным румянцем, легким пушком и поразительной правильностью и благородством всех линий. Глубокие глаза казались еще больше, благодаря синеве, которой были окружены. Она могла быть привлекательна, как никто, и она же могла совершенно оттолкнуть и заморозить человека резкостью и гордостью.

В ней было все обаяние очаровательной женственности, блестящего тонкого женского ума, художественной и музыкальной натуры, с горячим сердцем и страстным темпераментом. И рядом с этим могла быть убийственная насмешливость, леденящее презрение и сокрушающий гнев.

Такая женщина могла или отталкивать или внушать безумную страсть. В ней не было тени вульгарности. Она была цветком аристократизма, и она была аристократкой по убеждению и по плоти, цельная, в крупном и мелочах. Она могла быть очень мила и добра с людьми низшего происхождения, но она органически не признавала их такими же людьми, как она сама, и когда «парвеню» с претензиями пытались с ней завязать более близкое знакомство, то они не могли не чувствовать ее леденящего презрения. Гордость у нее была непомерная. Она никогда ни от кого не согласилась бы ничего принять, и скорее умерла бы с голоду. Она не допускала фамильярности с людьми низшей породы. Резкость тона усиливалась иногда ее болезненностью, так же, как и ее *raideur*^{II}. Но этот внешний облик только подчеркивал основную непримиримую прямоту ее характера. Она неспособна была покривить душой, неспособна была даже удержать своих резких прямых суждений и говорила их прямо в лицо людям. Она могла быть крайне бестактна, оскорблять людей, но если она кого-нибудь любила, то также не умела любить наполовину, но со всем пылом своей души. Она была первоклассная музы-

^I Она казалась жесткой, негибкой (франц.).

^{II} Негибкость, жесткость (франц.).

кантша. Она не любила играть в большом обществе и вообще для других, но делала это для немногих, кого любила, и в музыке выражались все обаятельные стороны ее характера — женственность, благородство, тонкость, блеск и темперамент. Она была исключительно образована и могла разделять все философские и религиозные интересы своего мужа. При этом она обладала тонким критическим чутьем и была незаменимым для него цензором.

Такую обаятельную и исключительную со всеми своими качествами и недостатками женщину полюбил мой брат, и ему нескоро удалось победить гордую красавицу. Во многих отношениях он был совершенно другой человек.

Внешней гордости, внешнего аристократизма в нем не ночевало. Он относился с полным равнодушием ко всему, что отвечало аристократическим вкусам и оценкам предмета его любви. Насколько она была резка и *gaïde*, настолько он был воплощенная мягкость, человечность и деликатность. Его шутки и остроумие, несмотря на весь свой блеск, также могли коробить ее аристократизм. Наконец, он не имел средств, и в будущем не мог удовлетворить тем представлениям о подobaющем *train de vie*¹, которые у нее были. Словом вся внешность была против него.

Но мой брат был еще гораздо более исключительный человек, еще более существом высшего порядка, чем она. Это была такая высокая чистая душа, и его жизнь была непрерывным духовным полетом, он был так обаятелен, талантлив, умен, обладал такой художественностью, остроумием, живостью, отзывчивостью и добротой, что его нельзя было не любить, и нельзя было не почувствовать счастья быть им любимым. В нем был высший духовный аристократизм, утверждавшийся вне и выше всяких сословных перегородок и предрассудков. Его чистота и благородство коренились выше. Если гордости в нем не было и не могло органически быть, то в нем естественно и просто, сама собою, сказывалась хорошая кровь, и, конечно, недаром он был потомком рода, связавшего свое имя с историей России. Может быть высший аристократизм и требует именно того, чтобы все это было и чувствовалось само собой, без стараний и внешнего доказательства.

Свадьба нелегко далась моему брату. С характером Паши ей трудно давалось сближение с семьей своего жениха, и бедной мамá, которая так исключительно любила Сережу, и так хотела любить его будущую жену, пришлось, можно сказать, выстрадать это сближение раньше, чем оно состоялось. Конечно, и Сереже, для которого обе они были

¹ Образе жизни (франц.).

дороже всего на свете, приходилось нелегко. Характер Паши был с надрывом, и счастье их было более сильное, чем спокойное. Но для такого, как он, незаурядного человека, нужна была и незаурядная жена, и такой конечно была Паша. Можно сказать, что оба они не останавливались в своем духовном росте, и у нее с годами все сильнее росло к нему чувство, особенно, когда она сознала, как приходилось беспокоиться за него. Беречь себя — этой мысли он не допускал, когда дело шло о служении Богу, родине и людям, и она, как бы остра не была у нее тревога за здоровье мужа, была слишком самоотверженной и героической натурой, чтобы не поставить долг выше всего.

Кроме трудностей психологических, у Сережи была другая мучившая его забота, связанная со свадьбой. Он был слишком церковный человек, чтобы легко обойти каноническое запрещение двум братьям жениться на двух сестрах. Его мучило сознание, что он нарушает канон, установленный Церковью, и он нелегко победил свои сомнения. Его совесть успокоило другое древнее церковное постановление, которое он вычитал в церковных актах: разрешение ввести в церковь стадо, застигнутое бурей в поле, если рядом нет другого помещения. Если из сострадания к бессловесной твари Церковь позволяла нарушение святости помещения храма, то неужто нельзя рассчитывать на милосердное снисхождение ее к формальному нарушению канона в таком важном случае, когда идет речь о судьбе двух человеческих существ, ищущих ее благословения своему союзу... Закроет ли она им свои двери, когда они в них стучатся...

В то время на правильность канонических условий при совершении брака смотрели вообще гораздо строже, чем впоследствии, когда по циническому замечанию еп[ископа] Антония Храповицкого, бывшего членом Синода (ныне митрополита) «если нам черного борова прикажут обвенчать, так мы и его обвенчаем». (Писано в 1925 году.) Поэтому решили венчание сделать в тесном семейном кругу, в Сергиевском, и пригласить для совершения его священника Киевского гренадерского полка. Полковые священники не были подведомственны местной епархиальной власти, и потому вообще легче относились к каноническим неправильностям.

«Самых близких» было, однако, достаточно много, чтобы наполнить весь поместительный Сергиевский дом. Свадьба состоялась в начале октября. Кроме всей нашей семьи, были Самарины (дядя Петя и тетя Лина), сестры Оболенские, тетя Груша, Василий Васильевич Давыдов, который был посаженным отцом у Паши, ее двоюродная сестра и самый большой ее друг Груша Панютина, преданный Оболенским кузен, Сережа Озеров, шафер Паши, и наконец свежеиспеченный студент Боря Лопухин, только что приехавший из Орла, сентиментально и бла-

гонравно самодовольный и пристававший к «кузиночкам» и «тетичкам», вследствие чего тетя Лина Самарина клокотала и еле переносила его. В Сергиевском доме на три дня почувствовался «клан Оболенских», противопоставленный семье Трубецких.

За час до свадьбы прибежал взволнованный брат Женя с известием, что священник вдруг в церкви разыграл сцену терзания совести, как он будет венчать такой неправильный брак. Решили, что успокоение его совести требует прибавки 100 рублей вознаграждения. Узнав, что полковой священник ломается, старый заштатный священник Сергиевской церкви заявил, что он будет венчать, если тот откажется. Оба аргумента оказали воздействие, и совесть полкового священника успокоилась. Этот неприятный инцидент был скоро забыт. Я в первый раз был шафером на свадьба и должен был держать венец над Пашей, потому что по росту это мне было легче, и мне было обидно, что Сережа Озеров не давал мне держать венец, как следует.

После свадьбы молодые уехали через Москву за границу. Я ехал тем поездом, порученный попечению В. В. Давыдова, который возвращался в Москву. На какой-то станции мы зашли к ним в купе, Паша лежала в гамаке и поразила меня своей хрупкой красотой...

Москва. Пресня

Переездом в Москву начинается новый период нашей семейной и моей личной жизни.

Старшие члены семьи все вылетали из родительского гнезда, женились и жили своими семьями, кроме брата Жени, но он тотчас после окончания университета и трехмесячного отбывания воинской повинности в Киевском полку, был назначен приват-доцентом в Демидовский лицей в Ярославле и жил там. Он приезжал домой только на праздничные каникулы и летом. Старшей оставалась Ольга, которая была как раз посередине между старшими и младшим пятком. До тех пор мы, дети, чувствовали что настоящая жизнь семьи сосредоточена в старших, а мы представляем из себя нечто вроде питомника. А теперь растения из питомника были пересажены в горшки.

Переезд в Москву был обусловлен переменой служебного положения моего отца. Он был назначен почетным опекуном для молодого поколения; поясню, что это была за должность. Существовало особое ведомство Учреждений Императрицы Марии Федоровны, в память основанной его вдовы императора Павла I. Ведомство это включало ряд женских институтов, больниц и Воспитательный дом, в Петербурге и Мо-

скве. Учреждения эти состояли в подчинении императрице. Каждое из них ведалось одним или двумя почетными опекунами, которые вместе входили в состав регулярно собиравшегося Опекунского совета. Кроме того, в Петербурге собиралось Особое присутствие из петербургских и московских почетных опекунов. На должности эти назначали обыкновенно людей, занимавших ответственные места и уходивших на покой от активной деятельности. В Москве они были верхним слоем служилой знати. Мой отец отдавался всей душой возложенным на него обязанностям по заведованию Павловской больницей и хозяйственной частью Елисаветинского института. Он был в дружественных отношениях с директрисой этого института кн[яжной] Ливен, которая была замечательной в своем роде женщиной (впоследствии кн[яжня] Ливен была директрисой Смольного института в Петербурге и на этой должности скончалась) с большим характером. Воспитанницы боготворили ее и трепетали перед ней. В таких же дружеских отношениях мой отец был со своим коллегой графом Алексеем Васильевичем Олсуфьевым, который был почетным опекуном, заведовавшим учебной частью Елисаветинского института.

О нем стоит сказать несколько слов. Он был кавалерийский генерал в отставке, маленького роста, красный с седыми усами, плотно облегавшем его мундире Гродненского гусарского полка, которым когда-то командовал¹. Он катился круглый, как шарик, и громко кричал, когда разговаривал, даже тогда, когда воображал себе, что говорит шепотом, на ухо.

Он был необыкновенно горяч и вспыльчив, при этом добрейший человек. Что совсем не вязалось с его внешностью старого гусара, он великолепно владел латинским языком и любил читать классиков. Еще у него была слабость — он любил играть на флейте, и воображал себя большим музыкантом. На этой почве у него произошел комичный инцидент. Его сверстник, тоже генерал, граф Анатолий Владимирович Орлов-Давыдов уверил его, что играет на скрипке и предложил сыграть трио. Олсуфьев обрадовался. Они съехались, взялись за инструменты. Олсуфьев начинает свою партию. Пора вступать Орлову-Давыдову, тот молчит. Олсуфьев кипит: «Когда же вы начнете...» — Тот говорит: «Пропустите, я дальше вступлю». — Опять пауза. — «Когда же вы заиграете...» — Орлов-Давыдов издает какие-то невероятные звуки. Оказывается, он никогда не брал в руки скрипки. — Тогда Олсуфьев вскипел окончательно, и вызвал своего партнера на дуэль. Насилу его умилили, и Орлов-Давыдов извинялся за свою шутку.

¹ В 1865–1872 гг.

Мы поселились на Кудринской улице, почти рядом с Зоологическим садом и Пресней, почему наш дом для сокращения все привыкли называть: Пресня. Под этим именем у всех нас сохранилась память об этом периоде жизни. Наискосок от нас был дом, когда-то принадлежавший моему деду Трубецкому, где он жил со своей семьей. Дом этот сгорел в 1905 году. Мы занимали второй этаж дома, в нижнем этаже жил хозяин — старый почетный опекун кн[язь] Николай Сергеевич Оболенский с женой и дочерьми. Старик приходил к нам часто по вечерам играть в винт, а младшая дочь Нина была сверстницей моей сестры Ольги. Другие старшие сестры были дружны с моей бель-сёр Пашей, с которой были в родстве. Так как Оболенских было вообще много, то их отличали прозвищем: рыжутки.

Наш дом по расположению комнат отчасти напоминал Кологривовский дом в Калуге. Та же зала-столовая из передней, дальше смежная с ней гостиная и спальня моей матери. Другой ход из залы в коридор, огибающий лестницу. Рядом со спальней Мамá по коридору комната побольше, где сначала помещались братья, и рядом маленькая моя комната. Впоследствии обе комнаты перешли в мое обладание. А пока моя маленькая комната была смежна с буфетом, что было не совсем приятно, потому что каждое слово прислуги было у меня слышно, и обратно. Из коридора с двух сторон — со стороны зала и рядом с буфетом две лестницы вели на антресоли, где жили мои сестры, няня, гувернантка и горничная, вообще это был женский верх. Комнаты наверху были очень низкие. У Вари с Линой была в глубине общая спальня и маленькая гостиная прямо с лестницы. Стены этой комнаты они оклеили сушеными разноцветными травами, которые собирали осенью. У Ольги была своя комната с ходом с другой лестницы. Няня помещалась в небольшой проходной комнате рядом с гостиной сестер. У Марины и гувернантки были комнатки в самой глубине верха за девичьей.

Как я уже говорил, мы переехали в Москву в самую суматоху и волнения Сережиной свадьбы. К этому присоединялись хлопоты, сопряженные с переездом, налаживанием новой жизни, и суетой и толкотней московской жизни, где было столько близких своих родных, друзей и знакомых.

Мною лично мало занимались. Меня отдали в одну из лучших классических гимназий — Пятую, которая была к нам ближайшей. Она помещалась в самом начале Поварской, близ Арбатской площади¹. Это было все-таки порядочное расстояние от нашего дома. Приходилось пройти всю Кудринскую улицу, Кудринскую площадь и всю Поварскую.

¹ Здание снесено в начале 1950-х гг.

Калужская гимназия была конечно много ниже по уровню преподавания и требований. В ней я получил только навыки безделья и шалостей. С такой подготовкой и настроением я вступил в 5-й класс московской гимназии. В первые же дни моего поступления умер директор Басов и новым директором был назначен профессор классических языков Александр Николаевич Шварц (впоследствии министр народного просвещения).

В Калуге я ни с кем особенно не сходил. Здесь у меня сразу завелись друзья, с которыми мои родители были хорошо знакомы домами, что облегчало сближение.

Самым большим моим другом скоро стал Сеня Унковский, или Семен Иванович, как мы его звали. Его отец год или два перед скончался. Он был почтенный адмирал, уже старых лет, современник Крымской кампании. Он был сыном того старца Семена Ивановича^I Унковского, которого мы еще застали в Калуге и которого любила моя мать. Сын — адмирал, скончался более чем 70-летнего возраста^{II}. Он был первоприсутствующим Опекунского совета и очень хлопотал о назначении моего отца почетным опекуном, уверенный, что мой отец деятельно и с любовью отнесется к своему делу. Вдова адмирала, Анна Николаевна была значительно его моложе. Она жила с детьми в своем доме на Смоленском бульваре, обожала своего Сеничку, но совершенно не умела и не могла следить за ним.

Семен Иванович был прелестный мальчик. Его нельзя было не любить за его добродушие, милый нрав, веселость и доброе товарищество, но это был очень легкомысленный малый, рано предоставленный самому себе и познавший то, чего не следовало. Какая-то тетка оставила ему хорошее состояние. Конечно, он еще им не распоряжался, но знал, что у него есть свои деньги, и что поэтому нет ничего зазорного их тратить. Мать смотрела как-то сквозь пальцы на фантастические счета, которые предъявлял ей Сеничка, сверх тех 10 руб[лей], которые он получал в месяц и которые были ровно в 10 раз больше того, что давали мне.

Еще раньше, чем встретиться с Унковским в гимназии, я познакомился с ним у своего двоюродного брата Алеши Капниста, с которым они были друзья. Алеша был двумя классами старше нас и учился в 1-й гимназии, но годами он был сверстник С. И. — У Алеши с раннего детства было совершенно определенное влечение к морю и морской службе. Он выписывал «Морской сборник» и читал все книги по этой части, какие ему попадались. Он возымел в этом отношении влияние на

^I Ошибка автора: Яковлевича..

^{II} В возрасте 64 лет: родился в 1822-м, умер в 1886 г.

С. И., который сам по себе едва ли увлекся бы морской службой, хотя и был сыном славного адмирала, и наверно предпочел бы карьере гвардейского кавалерийского офицера, тем более, что очень любил лошадей и верховую езду.

Алеша был серьезнее и зрелее нас. Это был вообще человек с золотым сердцем, прямой и благородный. Он был высокого роста, сутуловат, некрасив, беспрестанно моргал, рассуждал, бормоча каким-то невнятным полусшепотом, сквозь зубы, или порою заливался нелепым смехом, причем иногда буквально до слез. Поэтому в эту пору юности у него была несуразная внешность. Мы очень любили дразнить его, и он сердился, но так, как сердятся добрые люди, без злобы и отходчиво, никогда не тая ни на кого обид. Мы все, и товарищи, и мои сестры и я его очень любили и сохранили с ним дружбу на всю жизнь. Из всех детей больше всех на него похожа его дочь Емилка, хотя она хорошенькая, а он был некрасив. Она напоминает его и сутуловатостью и манерами невнятно рассуждать и нелепо смеяться и также милыми чертами своего характера, которые от него унаследовала.

Третьим приятелем моим был мой одноклассник Митя Истомин, или, как мы его прозвали, Мимра. Он был членом многочисленной семьи. Его отец, «Папочка» — Владимир Константинович служил при покойном отце Унковского, а в это время был директором канцелярии генерал-губернатора кн[язя] В. А. Долгорукова. Он был хороший и талантливый человек, несколько лет перед тем издававшей прекрасный детский журнал «Детский Отдых», который мы очень любили в детстве. Он недурно писал и был приятным козёром¹, но когда говорил о «Монархе» или на патриотические темы, то впадал в напыщенный тон, над которым мы посмеивались, особенно над «Мимрой», который был глупее своего отца, но подражал его тону. Жена Истомина^{II}, «Мамочка», была добрая, но совсем глупая женщина, боготворившая своего «Владимира» и повторявшая его изречения с таким убеждением, которые превращали их в безобидные карикатуры. За Мимрой следовали две прехорошенькие сестры, потом еще братья и сестры, всех их было 7 человек. Все они были хорошие, но немножко смешные. Всем семейством мы звали «Мамочки».

Мы с Мимрой были большие друзья, но всегда над ним потешались. Изю всех нас он был единственный благонравный и любил с пафосом рассуждать, но мы не давали ему спуска. За всеми этими смешными сторонами оставалось то, что Истомины были достойные и прекрасные

^I Козёр (от франц. *causeur*) — человек, умеющий увлекательно разговаривать на разные светские темы; хороший собеседник.

^{II} Наталия Александровна Реми.

люди и Мимра тоже. Из всех них выделился впоследствии один из младших братьев — Петя, который во время войны был товарищем обер-прокурора А. Д. Самарина, а потом директором канцелярии наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, который сохранил к нему самую добрую память.

Были и другие одноклассники, с которыми я чаще видался, хотя и не был так близок, как с этими друзьями. Это был Митя Померанцев, который ближе был с Алешей Капнистом, и длинный с глупым лицом Володичка Львов (впоследствии печальной памяти обер-прокурор Временного правительства). Во всю мою жизнь я не встречал более законченного типа дурака, притом с большими претензиями. Мы постоянно его морочили, он готов был поверить самой невероятной истории, потом раздуть ее, прибавив всякие отсебятины и распространять, как очевидец. Мы собирались у Унковских по субботам. У Семена Ивановича были две сестры — Катя, сверстница моей сестры Лины, или моя, и Оля — сверстница сестры Марины. Были и две старших сестры, одна вышла рано замуж, Анна Ивановна Хвостова. Муж ее был земец, кажется председатель Земской управы в Орле¹. Она ежегодно имела детей. Другая — Варвара Ивановна была сверстницей моей сестры Ольги. По субботам у Унковских собиралась молодежь всех возрастов, — друзья Сени и приятели и приятельницы его сестер. Между старшей молодежью бывали Боря Лопухин и неразлучный в то время с ним его товарищ Митя Загоскин. У Сени было ружье «Монте-Кристо», из которого мы иногда по вечерам тушили фонари на улице. И вот, в едину от суббот, является Володичка Львов, видит ружье, и почему-то страшно заинтригованный, и как всегда глупый, спрашивает, пылливо на нас глядя: «Что это тако...» — Я еще не успев ничего придумать, отвечаю: «Как, разве ты ничего не заметил...» — «Нет», и я вижу, что любопытство и желание обнаружить проницательность так и выпирают из Володички. — «Боря... и Загоскин... Ты разве не заметил, что они почти не разговаривают между собой». — «Неужели...» — На этом разговор кончился, и мы о нем все забыли. Володя Львов в это время уже перешел из 5-й гимназии в Поливановскую².

На следующий день, вернувшись домой, я застал всех своих в переполохе. «Ты был вчера у Унковских...» — «Был». — «Что произошло между Борей и Загоскиным...» — «Ничего». — «Как ничего... Володя Львов там был и при нем Боря снял с своей руки перчатки, вложил

¹ Председатель Орловской губернской земской управы в 1894–1900 гг.

² Частная мужская гимназия, открытая в Москве в 1868 г. педагогом, литературоведом и общественным деятелем Л. И. Поливановым. С 1876 г. располагалась на Пречистенке (д. 32). Учились, в основном, отпрыски дворянских фамилий.

в нее свою визитную карточку и бросил в лицо Загоскину. Они дерутся на дуэли». — Тогда я рассказал в свою очередь, как было дело и как мы потешились над глупым Володичкой Львовым. А он оказывается рассказывал целую историю своим товарищам, которые, вернувшись домой, каждый разукрасив ее, поднесли своим родителям, и создавалась круговая сплетня. Моя мать решила, что так как я так или иначе ее виновник, то я должен немедленно идти к Львову в Поливановскую гимназию, где позже кончались занятия, и пресечь в корне все расказы. Я так и сделал, но при этом случае, выругал Львова, как следует за то, что он такой дурак. Володичка жестоко на меня обиделся и даже в следующее свидание перешел со мною на вы. Мы редко с ним видались. Всего глупее, что он запомнил эту историю. Много лет спустя, я встретился с ним, когда он был членом Государственной думы, и он с любезной улыбкой, сказал мне: «Мы с Вами повздорили во времена юности», как бы великодушно прощая мне за прошлое. Еще позднее пришлось с ним встретиться уже во время революции, когда из благонамеренного правого он внезапно превратился в буйного радикального демагога, словно кто-то его ошпарил. Его слабый рассудок совершенно не выдержал испытания переворота и он стал каким-то одержимым. К сожалению в это время царил повальное сумасшествие. Только этим можно объяснить, что такой безмозглый и агрессивный дурак стал членом Временного правительства, что ему предоставили хозяйничать в Церкви на его усмотрение и что вообще могли с ним считаться. Но о всех перипетиях этого времени и о печальной роли Владимира Львова я написал отдельные воспоминания, еще до выезда из России. Надеюсь, что когда-нибудь они там найдутся.

Обилие новых друзей и товарищей, и в особенности дружба с Унковским не слишком успешно влияли на мои занятия в гимназии. Каждый день мы с Семен Ивановичем придумывали новые шалости. Начиналось с того, что оба мы регулярно опаздывали к урокам. Надо было прийти к 8 час. 45 мин. утра. После этого входная дверь запиралась и все запоздавшие ждали на морозе, пока не пройдет утренняя молитва, с чтением Евангелия перед уроками. Дверь открывалась, нас всех переписывали и оставляли на час после уроков. Когда нас не оставляли за опоздание, то наказывали за какую-нибудь шалость, причем всегда наказывали обоих. Инспектор, чех Пехачек говорил со своим акцентом: «Всякая дружба умилительна; ваша вызывает во мне нэгодование». Во время уроков греческого языка Н. Н. Хмелева (впоследствии гласного и городского деятеля) я читал Анабазис Ксенофонта с такими интонациями, что весь класс покатывался со смеха. Во время уроков русского языка добродушного и талантливого С. Г. Смирнова, мы с Унковским перебрасывались через весь класс, а раз даже через голову учителя, пи-

рожками. Особенно мы изводили немца Франца Ивановича. Помню, как однажды, он диктовал какой-то рассказ для перевода на немецкий язык, а потом слова к нему, причем давал почти каждое слово. В рассказе было многоточие. — «Франц Иванович, а как перевести многоточие на немецкий язык...» — «Что...» — «Как перевести многоточие...» — «Что-о...» «Как перевести...» — «Идите к господину дирэктору». — «Зачем, Франц Иванович... Мне это не так интересно. Я как-нибудь сам переведу». — «Идите к господину дирэктору». — Франц Иванович, я вас уверяю, мне это не нужно. Если хотите, вы сами у него спросите, а мне ненужно». — «Идите к господину дирэктору!», кричал весь побагровевшей немец. — Я вышел, и совершенно не собирался удовлетворять свою любознательность у директора, но только что я вышел, как в коридоре увидел величественного директора Шварца, который шел мне навстречу. Мы все перед ним трепетали. — «Что вы делаете здесь...» — «Меня прислал к вам Франц Иванович узнать, как перевести многоточие на немецкий язык». — «Что... Вечно какие-нибудь глупости. Пойдемте». Директор направился со мною в класс. Он обратился по-немецки к учителю с вопросом. Возбужденный красный Франц Иванович начал ему что-то путанно объяснять. Среди объяснений, совершенно не педагогически, директор не выдержал и вдруг засмеялся, ничего не понял, махнул рукой, и сказал мне голосом, которому тщетно хотел придать строгость: «Вечно придумываете какие-нибудь шалости. Чтобы этого больше не повторялось!» — Так я легко и счастливо отделался на этот раз, когда ожидал большого наказания.

Зато некоторые гораздо более невинные на наш взгляд шалости встречали гораздо более строгое отношение. 1-го апреля мы решили с С. И., переодеться итальянцами-шарманщиками и с шарманкой и лотереей ходить по знакомым дворам. Мы взяли извозчика и доезжали за несколько домов до знакомых, слезали, оставляли шинели, надевали широкие шляпы и шли на знакомый двор. Это было очень весело, тем более, что во многих местах нас не узнавали. Но кто-то из начальства увидел наше переодевание, и сказали нашим родителям, что на этот раз не станут поднимать истории, потому что за нее по существу следовало бы нас исключить из гимназии.

Едва ли вообще мне удалось бы кончить гимназию и избежать исключения, если бы у меня не было протекции в лице дяди Капниста — попечителя учебного округа. Впрочем Шварц, несмотря на строгость, был идеальный и по существу человеческий педагог. Иногда только он увещевал меня: «Вам не нравятся классические науки. Вы бы уговорили своего папашу отдать вас в артиллерию, из пушек стрелять». — «Я бы и рад, Александр Николаевич, но папаша не хочет» — отвечал я,

чтобы подразнить директора. Под конец, когда я изменился, Шварц положительно благоволил ко мне, и я сохранил к нему теплую благодарную память.

В результате всего поведения за первый год у меня были такие плохие отметки по четвертям и годовые, что меня не допустили до экзаменов и оставили на второй год, но и следующий год я учился не лучше. При этом я систематически обманывал мою мать и гимназию. В настоящем бальнике, который надо было давать на подпись родителям, расписывался я сам, а для дома я фальсифицировал другой бальник, в котором ставил другие отметки и давал на подпись мамá. Меня очень мучил этот обман и я не знал, как из него выйти, и каялся на духу священнику. Нашим духовником был прекрасный старый настоятель церкви Вдовьего дома. К сожалению он скончался, когда я был кажется в 6-м классе. Уже совсем больной, лежа в кровати, он исповедовал. Ему трудно было говорить, но я помню напряженное внимание во взоре, которым он выражал может быть лучше, чем словами, то, что хотел сказать.

Самое плохое в моем поведении за эти первые два года гимназии были не те шалости, которые я проделывал с моим другом, но те тайные наклонности к обману и нечестности, которые во мне развивались. Кроме того, далеко не все шалости были невинные. Осенью и весной, когда семьи уезжали, а мы оставались в городе, мы покупали вино и устраивали попойки. Помню, с каким отвращением я глотал дешевые крепкие напитки. Была только прелесть запрещенного плода и мальчишество. Когда я был второгодником 5-го класса, то несмотря на плохие отметки, всякими правдами и неправдами я был допущен к экзаменам, ибо иначе пришлось бы меня исключить. Я жил у Капнистов, которым предоставлено было весной дворцовое помещение в Нескучном саду. Однажды мы затеяли какую-то попойку на Воробьевых горах. Я купил себе какую-то невозможную жокейскую фуражку. По дороге мы с Семёном Ивановичем зашли в аптеку и спросили средства, чтобы не пахло вином «для нашего кучера-пьяницы». Нам дали фиалковый корень. Мы не только напились, но у меня сделались сильнейшая колики, и возвращаясь домой, я не вытерпел и сделал свои дела в штаны. Идем домой, и вдруг из окна меня увидел дядя Капнист «Попечитель», которого я здорово боялся. Он напустился на меня за мою фуражку. Как я смею ходить в неформенной фуражке. Ни жив, ни мертв, я доплелся в свою комнату, и стал снимать штаны. В это время в комнату вторгся «Попечитель» и ну продолжать ругать меня за фуражку. — «Дядя, я болен», пролепетал я. «Попечитель» тут только сгоряча заметил, что в комнате стояла такая вонь, что хотя беги. Он остановился в своем красноречии. Послали за доктором, который очевидно все понял и прописал мне немного красно-

го вина, но я сподличал и сказал, что не выношу вина. — «Ах так, — ну я вам пропишу микстуру, по столовой ложке через час». — Микстура была отвратительная, но негодный Алеша Капнист заставлял меня глотать ее, и я подчинялся.

Скверно, что все эти штуки стоили денег, которых у меня не было, и я ставил ложные счета моей матери. Словом я был на плохой дороге, и мог бы совсем свихнуться. Наша дружба с милым, но беспутным Семеном Ивановичем была действительно мало полезна для нас обоих. По счастью мать его решила, что в гимназии для него толку не будет, и его решили определить юнкером во флот.

Эти переломные годы, почти всегда не авантажные в жизни мальчиков, я жил в значительной степени предоставленный самому себе, да по правде сказать, и трудно родителям следить в этот период за жизнью своих мальчиков, если они находятся в учебном заседании. Внешний контроль, если его усиливать, только обостряет самолюбие мальчика перед товарищами. Самой большой обидой являются поддразнивания, что «тебе дома не позволяют того или другого», «ты не посмеешь», и тогда создается обстановка для бравады и обмана, тем более, что обманывать родителей считается какой-то молодцеватостью. Что делать в таких условиях... — Мне кажется только то, что делала моя мать. Дать переболеть мальчику трудный возраст и действовать на него не столько внешним принуждением и контролем, сколько нравственным авторитетом и духом семейного очага. Мальчишки могут временно грубеть и огорчать своими замашками и поведением, но если они продолжают любить свою мать и в глубине души почитать ее образ, как святыню, то в конце концов — перемелется мука будет, и мать вымолит своего мальчика у Божьей Матери.

Если я не свихнулся на скользком пути, то это потому, что «много может молитва Матери у благосердия Владыки», а также спасала общая домашняя атмосфера. Бедная мамá не мало мучилась моим поведением и плохими успехами. Она обратилась даже к известному в то время детскому доктору и чудному человеку Нилу Федоровичу Филатову, чтобы посоветоваться с ним, нет ли тут физических причин. Филатов меня осмотрел, и в результате велел вынести мягкий диван из моей комнаты, к страшному негодованию Семена Ивановича, который один пострадал от этой меры. Когда он со мной приходил из гимназии, я валился на свою постель, а он на диван; теперь ему пришлось сидеть на венском стульчике.

Нам, младшему пятку, жилось очень весело. В эти первые московские годы сказывалась разница лет между мной и младшей сестрой Мариной. Она была на четыре года моложе меня, и была еще ребенок.

У нее были свои друзья и развлечения, у меня с сестрами другие. Марина была очень дружна с Дмитрием Капнистом. У них были гувернантками родные сестры, поэтому они встречались ежедневно на прогулках, вместе играли. Кроме того Марина была дружна со старшими детьми Глебовыми, которые приходились ей сверстниками, хотя были нашими племянниками. Я же наоборот дружил с товарищами, которые годами были все старше меня, и Сеня Унковский и Мимра Истомин и Алеша Капнист. Мы составляли компанию с сестрами. У нас бывали очень веселые танцклассы, которые кончались настоящими танцами, кроме того мы разыгрывали шарады, в которых изощряли остроумие, не всегда удачное, но нас удовлетворявшее. Главными друзьями нашими были Унковские, Сеня и его сестра. Катя была хохотунья и уютнейшее существо. К этим играм присоединялись позднее и Марина с Ольгой Ивановой. Собирались и у Унковских.

Когда Варя, которая была старше меня на 3 года, минуло 18 лет, она стала ездить в свет с Ольгой, но она не пренебрегала нашей компанией. Она не только не большилась, но для нее трудным событием в жизни было, когда в 16 лет ей вместо косы сделали высокую прическу. Это была целая история, и мамá пришлось ей строго приказать, раньше чем она с этим примирилась. Не менее тяжело ей было в первый раз надеть открытое бальное платье. Она прямо страдала, так ей было совестно и неловко. Когда теперь маленькие девочки с удовольствием надевают открытые платья с голыми руками, то это показывает, как за последние 30 лет общая жизнь сдвинулась со здоровых основ, и утратилась внешняя стыдливость. Эти девочки привыкли видеть своих матерей мало одетыми, вот почему у них притупляется стыдливость. На Московском соборе 1917 года присутствовал вышедший для этого из затвора схимник о. Алексей. Он выехал из Москвы 35 лет перед тем, и говорил мне, как его поражает бесстыдство женской одежды и обращение на улицах.

В эти первые московские годы происходили различные семейные события на Пресне. Отчасти благодаря им и общему размаху московской жизни, моя личная жизнь ускользала от наблюдения и контроля. Кроме того, в этом возрасте я был склонен к скрытности и тщательно оберегал подход к личной интимной жизни, на которые больше всего покушался мой бо-фрер Мишан Осоргин, который был на 13 лет старше меня. Он вообще любил мальчиков-подростков, любил разговаривать с ними по душам, и сам вкладывал всю свою милую и горячую душу в эти разговоры. Он всегда хотел вызвать на исповедь. Я любил эти уютные задушевные разговоры. В них чувствовался такой согревающий любовный интерес к тому, с кем он разговаривал, но я всегда подпадал искушению немного подразнить доброго Мишана. Иногда я врал ему кучу

вещей, иногда шутками и смехом отстаивал подходы к своим тайникам. Я никогда бы не решился покаяться в том, что меня самого мучило.

Осоргин приехал осенью 1888 года к нам по случаю ожидавшихся родов моей сестры Лизы. Они приехали заблаговременно и прожили довольно долго. Родился второй сын Сережа. В памяти у меня осталось, как он целыми днями кричал. Осоргины жили в большой комнате, откуда меня выселили рядом в маленькую, так что я получал полную порцию крика.

В эту же зиму, но позднее, брат Женя стал женихом. Старшие братья были как-то неразлучны в нашем представлении. Трудно себе представить более дружных и духовно близких братьев, чем были они оба. С гимназической скамьи у них были общие переживания, общие интересы, общие увлечения. Студентом, когда Сережа был увлечен Пашей, Женя одновременно был влюблен в ее младшую сестру Лизу. Он со всем пылом свежего молодого чувства бурно переживал свое увлечение. Ему было очень трудно и тягостно пережить то, что он принял за окончательный отказ с ее стороны, но что на самом деле было, по-видимому, результатом раздумья и сомнений, которые так часто предшествуют у молодых девушек серьезному чувству. Так ли это было в данном случае или нет, но Женя воспринял ее отношение, как удар. Он был очень молод и этот первый роман не был для него трагическим. Когда он переболел свое чувство, у Лизы Оболенской пробудилось сожаление, и это чувство приняло у нее гораздо более длительную острую форму. Она не могла простить себе и другим, что пропустила свое счастье, но Женя не только выздоровел совершенно, но и считал себя прозревшим: он не мог понять, как мог ею увлечься. Бедная Лиза осталась на всю жизнь каким-то искалеченным существом. По существу она была доброй благородной душой, но с каким-то изломом, органическим недостатком простоты, который делал ее внешне смешной. Она всегда принимала какую-то позу и сидела боком на одной половинке; и голос и жесты и разговор ее были какие-то вычурные и ненатуральные, которые скрывали истинное ее существо, хорошее и несчастное. Она напоминала птицу, выпавшую из гнезда и сломавшую себе одно крыло. Так всю жизнь она летала как-то на бок одним крылом, возбуждая насмешливость тех, кто не проникали глубже в трагедию ее жизни, не только трагедию неразделенной любви, но и какого-то органического излома ее существа, рано осиротевшей девочки, которую могла бы выправить только любящая мать.

Отъезд Жени в Ярославль, как только он кончил университет, обуславливался желанием покинуть Москву.

Оба брата, такие дружные и близкие, вместе в гимназии еще пережившие период религиозных сомнений, и засим возвращения

к вере и увлечения философией, были вместе с тем совершенно различными натурами. Сережа живой, отзывчивый на все, Женя — однодум, всецело с головой уходивший в то, чем интересовался в данную минуту, рассеянный и ничего не замечавший, что делается вокруг него. Почему-то в юные года братьев, мамá и ее сестра думали, что у Сережи одного настоящее призвание философа, а Женя по существу должен быть общественным деятелем, и будто увлечение философией у него наносное, от Сережи. Это глубоко задевало Женю и было совершенно неверно. Занятие философией переживалось им не менее глубоко, чем Сережей, и ощущалось им, как основной двигатель жизни, в том же религиозном освещении, которое было присуще обоим братьям. Последующая жизнь и того и другого была достаточным оправданием верно понятого каждым из них призвания.

Оба брата имели души чистые, пламеневшие Богу, оба были одарены, но у каждого был свой характер дарования. Чуткий Сережа всеми порами воспринимал жизнь и отзывался на нее. Это составляло его особенную свойственную ему прелесть и налагало печать на характере его творчества, полный созвучия с окружавшим его миром и людьми. Женя уходил в себя и в своей душе находил источник своего вдохновения. У него может быть меньше было в этом отношении коррективов против односторонностей в оценках живой действительности. Его ум был более отвлеченный. Увлекаясь какой-нибудь идеей, он иногда не замечал фактов, которые ей противоречили. Но он был человеком высокого духовного склада, и поэтому нередко его взгляды и оценки находили оправдание в более отдаленной исторической перспективе, чем в применении к текущей действительности.

Оба были просты, без всякой позы, но у Жени была какая-то своя особая простота — дар Божий. Он был похож на великолепную неотесанную глыбу гранита. Он и в обществе сидел всегда так, как если бы кругом никого не было. Он был немножко первобытным человеком. Никакие впечатления и мысли никогда не были скрыты у него. Один, или в обществе он продолжал жить поглощавшей его мыслью, и на его лице слишком ясно написана бывала скука и желание отсидеть положенный срок, если общество, в котором он находился, не отвечало его интересам. Высокие думы, которыми он жил, накладывали какую-то важность и сосредоточенность на его облик; он был высокого роста, красив, с тонкими благородными чертами лица и прекрасными голубыми глазами, но никогда не сознавал себя красивым и в молодости не чувствовал впечатления, которое производил, как вообще не замечал того, что вокруг него делалось. Он всегда и всюду жил своей внутренней жизнью, и в нем органически отсутствовала всякая деланность, эту простоту и непосредствен-

ность он унаследовал от Папа. Зато, когда ему бывало весело, то он показывался со смеха, иногда сгибаясь до колен. Где бы он ни сидел, у него почему-то всегда одна из штанин подымалась почти до колена; он левой рукой чесал правое ухо, словом трудно было представить себе более цельного непосредственного человека, со счастливой ясной и чистой душой.

Живя в Ярославле, он не имел там никого, с кем бы мог отвести душу по наиболее дорогим для него вопросам. И он приезжал в Москву, полный накопившегося запаса мыслей. Поздоровавшись со всеми, он мог прямо из вагона живо заспорить с Сережей на интересовавшую его тему. Когда он приезжал к нам, он приглашал иногда к нам обедать своих друзей добродушного милого Льва Михайловича Лопатина и Владимира Соловьева. После обеда они удалялись к себе в ту смежную с моей маленькой спальней комнату, где останавливался он, когда приезжал, и жили Осоргины. И сразу подымался крик. Все говорили зараз, и всегда почему-то Соловев и мой брат сцеплялись с Лопатиным. Оба они были большие друзья обоих моих братьев, я их видал постоянно у брата Сережи, и летом они часто гостили у него.

Владимир Соловьев обладал замечательной внешностью, которая выделяла его из всех окружающих. Скорее высокого роста, но сторбленный, с длинными седеющими локонами, длинной бородой, он напоминал обликом Моисея Микель Анджело⁷⁶. У него было изможденное лицо, освещенное большими черными глазами. Когда он одушевлялся, его глаза горели, и он был прекрасен — весь лик его как-то одухотворялся и голос, какой-то глубокий, сдавленный, звучащий из нутра, вдохновенно звенел. Густые усы скрывали большой рот, смягчая побеждаемую духом сильную чувственную природу. Я сказал, что он напоминал Моисея Микеланджело, но его прекрасная голова могла бы еще более служить образцом для головы Иоанна Крестителя. Внешность его была так необычна и так духовна, что кто-то из детей спросил раз про него: «Это — Боженка...», приняв его за священника. К необычности его наружности присоединялся также совершенно необычный смех, напоминавший немного крик осла. В обществе он мог быть исключительно блестящ, весел, остроумен, сорит блестящими талантами. В мужской компании и в переписке например с моим братом Сережей он отпускал самые рискованные шутки, и заливался своим заразительным смехом с раскатами. Но иногда он казался каким-то отсутствующим, внешность его приобретала суровый аскетический вид, и глубокий взгляд был обращен куда-то вглубь внутри себя. Он был тогда феноменально рассеян. Его облик художественно очерчен моим братом Евгением в 1-й главе его труда о мирозерцании Владимира Соловьева. Насколько облик Владимира Соловьева был яркий и необыденный, настолько наружность Льва

Михайловича Лопатина как будто возвращала вас одним своим видом к действительности. Небольшого роста, светло-русая борода метелкой, в больших золотых очках, сквозь которые лукаво-добродушно улыбались светлые глазки, — наружность профессора или доктора, он был типичный москвич, плоть от плоти и кость от кости ее быта. Он им был пропитан. А между тем это был незаурядный человек. У него был тонкий критический ум, большая разносторонняя культурность, широкая образованность, он имел интересную самостоятельную философскую систему и большой здравый смысл в суждении о широких общественных и политических вопросах. При всем добродушии, он тонко проникал в людскую психологию, мог давать самые меткие оценки и характеристики. В житейском отношении он был совершенный младенец, абсолютно беспомощный. Он был членом почтенной старой московской семьи, жившей в прелестном особнячке [18] 40-х годов в Гагаринском переулке. Отец его Михаил Николаевич был всеми уважаемый председатель Судебной палаты. У них еженедельно собиралось по вечерам все, что было наиболее интересного в московском обществе — ученые, профессора университета, актеры Малого театра. Лев Михайлович жил с раннего возраста в комнате, которая называлась «детская», где он и кончил свои дни, и до поздних лет за ним ходила его няня. Московский быт крепко втянул его. Он был очень ленив, и не признавал никакого порядка. Он мог бы бесконечно больше дать по своей даровитости, чем дал на самом деле, но он рано отвык от упорного научного труда, не следил достаточно за наукой, и в последние года довольствовался подробным изложением той или иной новой книги, которое ему делал совсем не даровитый, но основательный профессор Веньямин Михайлович Хвостов. Благодаря большим способностям он мог такими урывками создавать себе достаточное представление о новых течениях, которые были ему менее симпатичны. Мне кажется, например, что он удовлетворялся таким путем, чтобы ознакомиться с философией Когена, которая в начале этого столетия увлекала некоторых молодых ученых.

Лев Михайлович вставал поздно, ездил на уроки, лекции и по знакомым, всегда на одном и том же старом извозчике с клячей, потом ложился спать. Настоящая его жизнь начиналась часов в 12 ночи, когда он ехал на вечера к знакомым, потом ужинать в Художественный кружок, и возвращался часа в 3–4 ночи. Всюду его появление радостно встречалось. Всюду его окружал и втягивал родной ему московский быт, которым дышала вся его фигура. Он поразительно художественно рассказывал страшные рассказы. Когда он приезжал давать уроки в женскую гимназию, воспитанницы приставали к нему, чтобы вместо урока он им что-нибудь рассказал. То же повторялось, когда в 12 часов ночи он появ-

лялся куда-нибудь к ужину, и Лев Михайлович не умел отказывать и добродушно подчинялся общим просьбам. Он не прочь был и выпить, и становился все милее и благодушнее. Революция его пугала. Он чувствовал отвращение ко всему грубому и резкому. Он не понимал оппозиции дальше добродушного подтрунивания над правительственными мероприятиями. Когда воцарился покойный Государь, сохранивший полковничью форму, чтобы не расставаться с вензелями покойного отца на погонах, и когда вскоре после того проявился на роли чуть ли не железнодорожного диктатора полковник Вендрик¹, Лев Михайлович сказал, что мы вступаем в «полковничий период русской истории». Это была одна из характерных для него добродушных шуток.

Лев Михайлович появлялся в самых различных домах, в каждой среде он был свой человек, всегда всюду ему были рады, он для всех был представителем родной Москвы, и он разделил участь стольких даровитых русских людей, расточавших порою свое дарование в обстановке добродушия и уюта, ужинов и вина.

В ту же эпоху, о которой я сейчас пишу, он был помоложе, не весь еще ушел в быт. Для моих братьев это был верный добрый друг и незаменимый собеседник, который мог понять и разделять все их интересы, хотя сам по своему философскому мирозерцанию занимал самостоятельную позицию. Он не был мистиком и совсем не был церковным человеком. Он уважал чужие религиозные интересы, хотя сам не разделял их. Соловьев и братья неизменно подтрунивали над Левом, а он добродушно отшучивался. Годами он был сверстник Соловьева и старше моих братьев.

Я заговорил о Соловьеве и Лопатине попутно, по поводу приезда и помолвки Жени в начале 1889 года. Когда он только что приехал и зачастил к Щербатовым, я конечно это заметил, и так как был в самом неслышном приставажном возрасте, то порядочно изводил бедного Женю. Я говорил ему, передразнивая какую-то актрису из театра Корша, драматическим голосом: «Женя, ты любишь Веру... — Да, да, ты любишь Веру!» Кроме того, неизменно по утрам я напевал ему:

Ах, окажи мне Женишочек,
Отчего ты мой горшочек,
Поздно ложисся...

Все это повторялось много и часто, безо всяких вариантов, с единственной целью известить, и достигало своей цели.

¹ Правильно: Вендрих.

Женя сделал предложение на приемном дне у Щербатовых, и вечером должен был получить ответ. Родители это знали. Обед (в 6 часов вечера) прошел в молчании и каким-то напряженным волнении, так что все мы чувствовали, что что-то происходит, и Марина сказала своей гувернантке: «Je crois qu'il y a un mariage dans l'air»¹.

Вечером Женя пошел к Щербатовым, вернулся сияющий и нас всех туда вызвали. Мы поехали в совсем чужой для нас дом, где мы дети раньше никогда не бывали. Там все ликовали. Верочка была младшая дочь, и, как всегда, к младшей дочери была особая нежность со стороны родителей.

Семья Щербатовых была такая же старинная почтенная московская семья, как и семья Самариных, с которыми они были в дружбе. Князь Александр Алексеевич Щербатов был ровесник моего отца, оба родились в 1828 году. Это была хорошо знакомая всем москвичам и любимая всеми крупная фигура старого барина. Всегда в просторном сюртуке, с белыми баками вокруг бритого подбородка с лицом, на котором были неизменно написаны благожелательство, приветливость, прямота, благородство, независимость и доброе старое барство. Это был израильтянин, в котором не было лукавства. Он весь был наружу. Его внешность отвечала внутреннему содержанию. Он был олицетворением доброй старой Москвы. — Он был ученик Грановского в Московском университете, ровесник и друг Бориса Николаевича Чичерина, вместе с ним был московским городским деятелем и заменил его на посту Московского городского головы. Князь Щербатов никогда не служил на государственной службе, и был типичным общественным деятелем эпохи великих преобразований императора Александра II. У него было крупное родовое состояние и он был большой барин. Он жил с семьей в своем большом доме на Б[ольшой] Никитской, где они давали приемы и балы на всю Москву. Старый Князь любил хорошо покушать и был хлебосол. Его любили и самые простые люди, и прислуга, и молодежь и взрослые люди всех званий и состояний и его крупная грузная фигура всегда всюду приветствовалась радостно и почтительно. Особенно памятно мне его сияющее лицо на Пасху, когда он со всеми, женщинами и мужчинами радостно христосовался и был каким-то олицетворением Московского Светлого праздника со звоном колоколов и хлебосольными розговенами. Старая княгиня, рожденная Муханова, когда-то красавица, была по матери полька (гр[афиня] Мостовская). Она была очень любезная светская женщина, умевшая давать *des reparties* — неожиданные находчивые ответы. Так однажды к ней в приемный день пришел Лев Толстой в своей

¹ Кажется, в воздухе пахнет свадьбой (франц.).

рабочей блузе и спросил ее: «Est ce que mon costume ne vous choque pas?» — «Non, cher comte, — отвечала княгиня — mais pourtant je regrette pour vous: auparavant on parlait de votre talent, aujourd'hui on parle de votre costume»^I.

Две старшие дочери были давно замужем. Они были такие же крупные и грузные, как их отец: Софья Александровна Петрово-Соловово и Мария Александровна Новосильцева. Была еще незамужняя тогда, а позднее вышедшая замуж за старика Веневитинова — Воронежского губернского предводителя дворянства, Ольга Александровна вскоре после того заразившаяся при посещении какой-то богадельни черной оспой и скончавшаяся.

Воспитание у Щербатовых было основательное и полагалось уметь говорить и занимать гостей не банальными разговорами. Это было целое обучение искусству — *la conversation*. Они много читали и полагалось потом *causer* на тему чтения. У всех сестер и почтенных, и прекрасных (про каждую из них говорили *qu'elle est un colosse moral*^{II}, что было верно и в прямом и переносном смысле слова) развелась какая-то болезненная говорливость. *La conversation ne devait jamais tarir*^{III}, и гость все время слышал непрерывно переливающийся голос, причем у них была семейная привычка по два по три раза повторять те же слова и фразы, только бы не было паузы в разговоре. Особенно этим отличалась Софья Александровна. При всем уважении к ней, могу сказать, что от ее разговора я иногда испытывал мучительное чувство сначала какого-то беспокойства, потом нараставшего желания как-нибудь проскользнуть сквозь малейшую щелочку, которая могла остаться в этой разговорной ограде, в которой я чувствовал себя безнадежно пойманным.

Та же привычка была и у других сестер, которые при этом явно не щадили своих сил в служении разговорному долгу, но у Марьи Александровны эта несчастная привычка покрывалась таким морем доброты и уюта, которые излучались из ее существа, что не испытывалось никакой тяжести, а только иногда беспокойство за усталость, которой она себя подвергает.

Мы прозвали Марью Александровну: Храм Спасителя. Это название как-то подходит к ее облику чего-то обширного, крепко сложенного, не очень красивого, но милого, уютного, московского. Трудно себе представить более безбрежную доброту и нравственную непоколебимость. Она действительно оправдывает характеристику — *colosse moral*.

^I — Мой костюм вас не шокирует? — Нет, милый граф, однако, я сочувствую вам: прежде обсуждали ваш талант, а сегодня обсуждают ваш костюм (франц.).

^{II} Она — моральный колосс (франц.).

^{III} Беседа никогда не должна была иссякать (франц.).

Счастливая жена и мать, она потеряла мужа и двух сыновей, которых обожала, и осталась той же излучающей на всех любовью, бесконечно благодарной Богу за все, что Он ей дал в жизни, и перенесла всю свою любовь на дочерей и внучат, в которых для нее повторяется жизнь ее мужа и сыновей. Полное личное самозабвение и светлое христиански радостное восприятие жизни с трогательной простотой и жизненностью, благодаря коим она продолжает ценить и вкусные вещи и природу и всякую радость в жизни. И ее любви хватает на всех и каждого, с кем связывают ее воспоминания прошлого или вновь сталкивает жизнь. Она остается тем же очагом света, тепла и силы и только духовно крепнет с годами с светлым взглядом на смерть близких, как на временную разлуку, с непоколебимой верой и убеждением в живую связь ушедших и оставшихся, которые дают ей силу продолжать свой земной удел, пока Богу не угодно будет призвать к Себе. Такими русскими праведными душами крепка Россия.

У Щербатовых продолжала жить старая гувернантка, всех их воспитавшая — Fräulein Kämpfer — преданное существо, член их семьи. От нее осталась у всех них привычка к порядку и добросовестному труду — немецкая основательность. В это время она еще отчасти продолжала опекать единственного младшего сына семьи — Сережу, который на год был меня моложе, и был предметом особого обожания своих родителей. Старый князь мечтал, что Сережа будет продолжателем его общественного служения и добрых крепких традиций семьи. Сережа в раннем возрасте сам рос в убеждении, что он обязан что-то продолжать, хотя для него не особенно ясно было — что именно. Старшие сестры укрепляли его в этом убеждении. В эту пору он был милый чистый мальчик, немножко наивный под окружавшей его со всех сторон опекой семьи и фрейлейн Кемпфер. Я думаю, что мое сообщество могло скорее пугать семью, но мы виделись в это время с ним не часто; мы учились в разных гимназиях и у каждого из нас были свои друзья. Всего ближе он был с детства с будущим моим бо-фрером Николаем Гагариным.

Свадьба состоялась 10 февраля 1888 года, в церкви Рождества Богородицы в Кремлевском дворце. Как сейчас вижу милое взволнованное лицо старого князя, который вел под руку свою дочь в подвенечном платье по красному пушистому ковру коридора, ведущего в церковь. Помню также поразительно красивую в этот день Пашу в светло-сером тяжелого шелка платье с длинным треном, на который я нечаянно наступил, причинив ей вероятно страданье и помню, как на меня крикнул Сережа, и я ужаснулся, услышав, как что-то треснуло в платье. После свадьбы поздравления были на Пресне, а вечером молодые уехали в Ярославль, куда раньше ездил Папа, чтобы устроить им квартиру.

Наш дом на Пресне был украшен для свадебного приема и по этому случаю решили воспользоваться этим устройством, чтобы дать небольшой бал для старших сестер — Ольги и Вари, но мы младшие были также допущены. На этом балу мне запомнилась высокая красавица Соня Мещерская, впоследствии вышедшая за князя В. А. Васильчикова¹, и не такая красивая, но полная шарма сестра ее Муфка (впоследствии гр. Толстая). Дирижировал танцами тогдашний дирижер всех московских балов Александр Нейфардт. Больше всего мы любили самые простые незатейливые вечера, которые устраивали в своей компании. Однажды мы пригласили гостей танцевать под шарманку, но мамá, боясь, что из этого ничего не выйдет, позвала кроме того тапера. Поэтому мы устроили пляс в двух этажах: внизу таперка, наверху в комнатах сестер шарманка, и Боря Лопухин, дирижировавший танцами, заставлял нас бешено низвергаться сверху вниз и скакать обратно. Это был может быть самый веселый наш бал. Танцевали также у Капнистов, Унковских, Истоминых, и всегда и всюду веселились до упаду.

Московская зимняя жизнь проходила в суете и какой-то постоянной суматохе. В этом отношении летний перерыв был благодетелен. Мы переезжали в Меньшово. Я попадал туда обычно только в начале июня и оставался до половины августа, когда возобновлялось учение в гимназии. Всего два месяца, но в эти годы все в жизни кажется значительным, и потому время как будто не так скоро идет, как потом в зрелые и старые годы, когда привыкаешь к жизненным впечатлениям и дни нанизываются один на другой, как четки на руке. Времени хватало на все — и на удовольствия и на внутреннюю жизнь. Потому что несмотря на всю распущенность гимназической жизни у меня была своя внутренняя жизнь. Я тщательно запирал подходы к ней для всех и замыкался в себе, вел дневник. Там было много самокопания и не мало самолюбования. Вот почему такие дневники в юные годы мне кажутся вредными. В них всегда самоуничижение паче гордости, размазываются чувства и делается из них третьесортная литература. Четырнадцати лет, я, прочитав статью Шишкина о механическом мирозерцании в вопросах философии и психологии, решил, что я также должен выработать свое мирозерцание и упражнялся в этом дневнике. Но туда же я заносил и выписки из прочитанных книг, иногда весьма серьезных, и стихотворения на всех языках, которые мне особенно нравились (больше всего Тютчев) и обрывки разговоров и собственные мысли. И все-таки я скажу, что этот детский вздор был перемешан и с радостями и страданиями, и что в общем у меня была довольно сильная внутренняя жизнь

¹ Правильно: Б. А. Васильчикова.

с массой разнородных интересов и жаждой всестороннего знания, хотя все это не было упорядочено, потому что я наслаждался самолюбивым одиночеством. Мои любимые стихи были:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.
Пускай в душевной глубине
И всходят и зайдут оне
Как звезды ясные в ночи.
Любуйся ими и молчи.
Есть целый мир в душе Твоей
Таинственно волшебных дум.
Их заглушит наружный шум,
Дневная оглушит молва
Питайся ими, и молчи...

И я воображал себе, что у меня в душе всходят такие звезды. А если б я не был так самолюбиво скрытен и беседовал бы с братом Сережей, сколько этих звезд оказалось бы блуждающими огоньками! Впрочем, когда начинается прилив сознания, то хочется и верится, что все можешь и должен делать сам и что тебя никто не может понять. В этих самостоятельных исканиях есть конечно и много доброго, и во всяком случае лучше, чтобы было это, чем ничего. Никогда не нужно торопить созревание внутренних процессов в молодых душах, и всегда надо себе говорить: перемелется, мука будет.

Меньшово обвеяно светлыми грезами юности не только для меня, но и для многих поколений молодежи, в нем чередовавшейся. Последние, кто в нем жили, были Гагарины. У них была великолепная усадьба в Звенигородском уезде, но они не могли расставаться с Меньшовым, где все было верхом простоты и скромности, не было ванны и были самые элементарные удобства.

Когда мы переехали на житье в Москву, мой отец построил просторный деревянный дом, заменивший когда-то стоявшие там два каменных дома. Снаружи дом был выкрашен в темно-красный цвет, внутри стены далеко не всюду были оштукатурены, а была частью деревянная обшивка, частью бревна с паклей. На всем лежала печать самой большой простоты. Ничего для вида, а все только то, что нужно, чтобы жить. И жилось необыкновенно уютно.

Прелестью Меньшова было его местоположение. От въезда шел скат — луг к извилистой и живописной речке Рожая. С другой стороны дома был сад, куда выходила внизу крытая стеклянная терраса, а над

нею балкон. Сад был не очень обширный, как все в Меньшове, но поэтический, с оврагом посередине и узенькими аллеями и тропинками, где было много тени и много заветных уголков, куда можно было уйти с книгой, положить ее рядом с собой, лечь на спину и мечтать и забываться, глядя на небо сквозь листву лип и берез.

Из сада ход в поле, где было сосредоточено миниатюрное Меньшовское хозяйство, дававшее много радости и волнений моему отцу, а потом сестре Ольге. С этих полей тети Лопухины — прежние хозяйки Меньшова — собирали урожай, умещавшийся в двух ваннах. Но поэзии и прелести было много в этом поле, заканчивавшемся высоким обрывом над рекой. Особенно вечером, после обеда было приятно ходить туда, когда рожь была уже высока. Узкая дорога вдоль обрыва, потом между двумя колыхавшимися стенами ржи вела в прелестную березовую рощу — Посибириху, где было много белых и березовых грибов. Иногда мы на лодке огибали Посибириху, которая спускалась к реке прелестными цветущими лужайками, где синели незабудки весной, а летом пестрели колокольчики и любийш-не-любийш. Повороты реки открывали все новые и новые милые перспективы, которые мы знали наизусть и так любили. Вот три березки, грациозные и одинокие среди лужайки, вот густые поросли тростника, неньюферы и деревья, свисающие над водой и вдали Тургеневская плотина с шумом падающей воды и осенью мельничного колеса, издавала слышных. А по ту сторону реки холмистые поля и близкий горизонт. Все это невелико, миловидно, ласкает взор, обвеяно прелестью Левитановских пейзажей и музыки Чайковского, особенно его романсов с усадьбнным и дачным романтизмом.

Меньшово была дача — место летнего отдыха, где текла не самая жизнь, а ее праздничный летний перерыв, приволье для детей и молодежи, покой для старых с молодой душой, где время шло празднично и беззаботно. Помню, как-то приехал к нам мой двоюродный брат скульптор Паоло Трубецкой. Он работал над заказанными ему статуэтками, помню даже одну из них — в[еликую] кн[ягин]ю Ел[изавету] Феодоровну — из белого мрамора; особенно воздушно у него выходило накинутое на плечи боа из страусовых перьев. Паоло работал на террасе, и тут же за столом сидели дядя Петя и тетя Лина Самарины, и другие старшие, и благодумствовали. — Паоло внезапно остановился и захохотал: *Voilà, je vois, c'est très agréable de ne rien faire comme vous*¹. И верно, в Меньшово было как-то особенно естественно и просто ничего не делать и благодумствовать. Всегда в этом занятии находились приятные компаньоны. Дом обыкновенно был битком набит постоянными и временными

¹ Вот! Я вижу: это очень приятно ничего не делать, как вы (франц.).

жильцами, и никогда не возникало сомнений, можно ли и как разместить приезжих. Езды по железной дороге было от 40 мин[ут], до часу от Москвы до станции, по Курской жел[езной] дороге. От станции до Меньшова было 12 верст. Постоянно все лошади были в разгоне, чтобы привозить и увозить гостей, но кроме того приезжие, если не предупреждали, то нанимали лошадей на станции. В последние годы близко от Меньшова прошла еще другая жел[езная] дорога и тогда вопрос сообщений еще упростился. Спали, как Бог пошлет. Иногда, когда бывали съезды, то на маленьких диванчиках, с приставными стульями, калачиком, а то и просто на полу. Никто не жаловался и все бывали довольны.

Одним из летних меньшовских завсегдатаев эти первые годы был Николай Андреевич Кислинский. Сверстник моих старших братьев, он был в студенческие годы необходимым сотрудником Сережи в устройстве шарад, для которых сочинял музыку, и сам же ее исполнял на фортепьяно. По окончании университета он поехал в Петербург и поступил в канцелярию Комитета министров. Он хорошо себя поставил и все сулило ему хорошую карьеру. Музыкальная талантливость также помогала светским успехам. Музыка была у него на втором плане, поскольку не мешала тому, что для него было главным делом, но он любил ее, у него был благородный музыкальный вкус, и мы ему обязаны тем, что он знакомил нас со всем, что было нового и интересного в этой области. Он заставил нас оценить Мусоргского и Бородина и Римского-Корсакова, а кроме того пел и старых классиков. Голоса у него не было никакого, но был слух и музыкальность, и он умел передать суть вещи, которую исполнял. Как часто бывает, попав в дом, где было много женской молодежи, Кислинский влюбился в семью вообще. С начала он был увлечен моей сестрой Лизой, и когда она стала невестой, он трагически исполнял «Der arme Peter»¹. Потом через несколько лет его увлечение перешло на Варю, когда ей было всего 16 лет. У нас были свои, иногда совершенно детские развлечения, и бедняку Кислинскому трудно было поспевать за нами, но он всячески старался, изводился и страдал. Я его звал «Национальный» — сокращение от «наш национальный композитор», и когда он нетерпеливо ждал, когда придут сестры играть в теннис, я кричал: «Идите, Национальный рвет и мечет». Этот зов повторялся много раз в день. Кислинский изводился, когда кто-нибудь или что-нибудь отвлекало от общих развлечений, или Варя уходила. Через два года после нашего отъезда из Калуги, к сестрам приехала их подруга Анюта Сытина, которую Варя считала особенным своим другом. Этот приезд особенно волновал и сердил Кислинского, как отвлечение. Два

¹ «Der arme Peter» («Бедный Петер») — баллада Р. Шумана на слова Г. Гейне.

года в этом возрасте было много. За это время Калуга ушла в какую-то даль, и сестра новыми глазами, с удивленным разочарованием, в котором не хотела признаться, взглянула на свою прежнюю подругу. Все в ней казалось не то, и когда в первый вечер, тотчас после чая сестры встали, увлекая Анюну с собою на верх, и она исчезла в дверях, сделав глубокий плонжон^I всему обществу, Кислинский безмолвно упал в мои объятия, — он не сомневался, что его соперница потоплена.

Бедная Анюта! Ей выпала трагическая судьба. Она сошла с ума, потом поправилась, и однажды со своим братом Володей поехала верхом в лес. Она сидела на кобыле, и когда они проезжали мимо табуна на лугу, из него выскочил жеребец и понесся за нею. Брат растерялся, оба поскакали, Анюта была сброшена и при падении была убита.

Близкими соседями нашими по Меньшово были Ершovy. Они жили в прелестной старинной усадьбе — Воробьеве, верстах в 1 1/2 от нас. Большой красный кирпичный дом с белыми колонками был начала XIX века. Через усадьбу проходили войска Наполеона при его походе на Москву. Они не только ничего не тронули, но оставили в усадьбе много старых гравюр, захваченных вероятно в другом месте. Эти гравюры украшали стены Воробьевской усадьбы.

Старуха Варвара Сергеевна Ершова, рожденная кн[язна] Вяземская, была сверстницей моей бабушки Лопухиной, и звала мою мать и ее сестер уменьшительными именами. Она ходила в допотопном белом чепце-капоре, с лентами, говорила «эфтот», и была бы страшна своей внешностью бабы-яги, если бы не доброе приветливое выражение ее лица.

Моя мать была дружна с ее старшей дочерью Марьей Ивановной Хитрово, которая летом всегда жила в Воробьеве. Ее дети были сын Сергей, студент Казанского университета, принимавший участие в Калуге в нашей оперетке, где он исполнял роль алхимика. Впоследствии он женился на Молоствовой, имел много детей, был одно время главным почт-директором. Ближе к нашей семье была его сестра Маня, приятельница Ольги, веселое и беззаботное существо, всю жизнь остававшаяся такой же, с теми же жантильесами^{II} и кокетливым тоном, которые могли нравиться в 18 лет, и были совершенно несвоевременны в 50 лет, но покрывались большим добродушием. Она вышла замуж за Боби Голицына, математика и исследователя землетрясений, впоследствии академика и директора Экспедиции государственных бумаг. Была еще старая дева, когда-то красивая Вера Ивановна Ершова, недалекое и доброе

^I От *plongeon* (франц.) — книксен.

^{II} От *Gentillesse* (франц.) — любезность.

существо, ревнивая блюстительница всех старых обычаев и традиций Воробьева.

Главным хозяином и центром Воробьева был Владимир Иванович Ершов, живший там со своей семьей. Он был предметом обожания, гордости и преклонения своей матери и всех окружающих.

Он начал свою карьеру лейб-гусаром, был флигель-адъютантом, потом короткое время московским губернским предводителем дворянства, и наконец оренбургским наказным атаманом.

Это был человек, у которого были разные фасады в жизни. В полку его не очень любили. Он имел репутацию скупого и расчетливого человека, который был не прочь давать взаймы под большие [проценты], что конечно совершенно не вязалось с укладом традиций и размахом лейб-гусарского полка. Я знал только другой его фасад, самый интимный и симпатичный. Он был не только общим любимцем в своей семье, но и мы, исконные соседи и друзья Воробьева все его очень любили, и сам он распускался в полном благодушии деревенской усадебной обстановки. Он любил «шутить», и его шутки были всегда какие-то необыкновенные.

Например, по какому-то случаю в Воробьеве был устроен бал. Владимир Иванович сговорился в городе с тапером, который видел его в гусарском мундире. Тапер приехал в Воробьево рано утром. Владимир Иванович ждал его за кофеем на террасе, и сидел в капоте и шляфоре своей матери, повязав вокруг шеи бантики. Все такие шутки Владимир Иванович проделывал с самым невозмутимым видом, как ни в чем не бывало. Бедный тапер не знал, как ему смотреть, и смущение его увеличилось, когда на террасе появилась Варвара Сергеевна в таком же капоте, чепце и бантами, как и Владимир Иванович. — Последний невозмутимо подошел здороваться с матерью и Варвара Сергеевна в свою очередь совершенно растерялась и приняла достойный вид, а Владимир Иванович наслаждался произведенным впечатлением и как ни в чем не бывало, вел чинный разговор.

Иногда он придумывал сложные и долго длившиеся шутки. Так он рассказал старухе, жившей у них на покое, что в лесу рядом с садом появился святой старец и поселился в шалаше. Старушка собралась к старцу, нашла его и имела долгую беседу на благочестивые темы. Потом условилась прийти к нему на исповедь. В назначенный час она явилась, и начала выкладывать, что было на душе, как вдруг к ее ужасу, старец сорвал с себя седую бороду, и перед ней предстал... Владимир Иванович. Бедная старуха еле пришла в себя, но потом все простила, потому, что Владимира Ивановича она, как и все домочадцы, обожала.

Владимир Иванович любил ловить летучих мышей, одевал на них что-то вроде фрака, прицеплял картон, на котором писал дату, и от-

пускал на волю, его занимала, попадетсЯ ли вновь та же мышЬ. Раз он наловил их целую кучу, запихал в большую банку от варенья и подарил в день именин тоже какой-то старухе. Та была растрогана и со слепу, не разобравши, открыла банку. Не трудно себе представить, что пережила бедная старуха, получив в лицо все содержимое банки.

Когда Вл[адимир] И[ванович] стал московским предводителем, то на его именины в Воробьево съезжались друзья и служащие в дворянских учреждениях. Помню Егора Егоровича Серебрянского, которого каждое трехлетие выбирали секретарем Дворянства. Это был типичный корректный старичок, посевший в канцелярии и сменивший на своем веку много предводителей. Наступает время завтрака, традиционной кулебяки. Серебрянского посадили почему-то рядом с молодой жеманной полькой, графиней Комаровск[ой]. Вдруг лакей приносит огромный поднос, на котором расположены клистирная трубка, кружка, кувшины и все принадлежности, и ставит между Егором Егоровичем и его соседкой. При общем молчании Владимир Иванович кричит через стол: «Егор Егорович, если Вам нужно, попросите графиню поставить Вам клистир. Графиня прекрасно умеет это делать». Бедный Егор Егорович, красный как рак, смеется «шутке», а Варвара Сергеевна, привыкшая к неожиданным выходкам своего любимчика, принимает достойный вид. Я уверен, что большинство своих шуток Вл[адимир] И[ванович] проделывал чтобы увидеть этот достойный вид матери, которая не знала, как иначе реагировать.

Некоторые шутки Вл[адимира]. Ив[ановича] были совсем упрощенные. Например, одно время он приучил маленькую дворовую девочку приходить на террасу, когда приходил кто-нибудь в гости. Гостю предлагалось спросить девочку: «Как тебя зовут...» — Та отвечала, что-то вроде: «Букушка», и со всего размаха давала при этом пощечину, самым серьезным видом. Гость редко ценил соль этой остроты, зато Вл. Ив. получал полное удовольствие.

У Владимира Ивановича была жена Елена Михайловна ([у]рожд[енная] Леонтьева) — безответное, кроткое существо, дышавшее мужем. Были и дети — три сына и две дочери. Младший был самый милый — Валериан. Назвал его Вл[адимир] Ив[анович] так, потому, что встретив какого-то приятеля в Петербурге, перед рождением младенца, он сказал ему: «Я ожидаю прибавление семейства; если будет сын, я назову его в Вашу честь Валерианом, *parce que vous ne valez rien*¹. Все сыновья рано умерли, и теперь остались только дочери. Старшая Маха, замужем за Шателеном. Все Ершовы и старшее и младшее поколение, шепелявили, их разговору искусно подражала моя сестра Ольга.

¹ Потому что вы ничего не стоите (франц.).

Владимиру Ивановичу принадлежала другая усадьба, Скобеевка, в пяти верстах от Меньшова. Ее снимали тетя Груша, жившая с Лизой Оболенской. С ними жил старый домашний доктор Оболенских Павел Яковлевич Майор, в то время уже совсем дряхлый старик на покое. Мы ездили к обедне, то в Воробьево, где была крошечная домовая церковь в саду, то в Скобеевку. В обеих церквях служил тот же священник. Гораздо реже бывали в своей приходской церкви в Акулиное. Сношения между Скобеевкой и Меньшовым оживились, когда туда приехала Соня Евреинова. Отец ее, Александр Павлович, жил в Харькове, рано овдовел, и не знал хорошенько, как ему распорядиться с тремя детьми. Он был еще молод, красив и легкомыслен, и дети ему скорее мешали. Свою старшую дочь Соню, которой минуло 16 лет, он рад был подкидывать тете Груше, которой приходился племянником по своей матери. Соня только что кончила институт. Она была сверстница моей сестры Лины. Как только я ее увидел, я в нее влюбился. Она представлялась мне верхом красоты, и правда она была очень красива, с огромными синими глазами, смуглая с вьющимися черными волосами. Это был мой первый роман, какой может быть у мальчика между 14–18 годами. Я никогда не решился признаться в своей любви, хотя мне этого очень хотелось и Соня этого добивалась из кокетства и для забавы, потому что сама она была уже барышня, а я еще безнадежный мальчишка гимназист, и никаких чувств с ее стороны не могло быть, кроме веселой *samaraderie*¹. А веселились мы очень, и притом весьма не сложными развлечениями, в прогулках, катаниях на лодке, всяких шалостях. Когда нечего было делать, то она просто делала глазки, расширяла свои огромные зрачки. Я ей говорил: «Пятачок», Соня была хохотунья; я показывал ей палец, и она не могла удержаться от смеха. Старшие с сожалением и вздохами смотрели на такое времяпрепровождение, но нам от этого не было скучнее. Я был готов в огонь и воду ради Сони, и когда ее не было, предавался сладким мечтам. Так длилось несколько лет, пока я не поступил в университет. В этом году Соня вышла замуж в Харькове за Бантыша, а у меня появились новые интересы, оттеснившие воспоминание о первой любви.

Весело и беззаботно проходила юность, и с каждым годом как-то веселее и полнее била ключом жизнь. Два старших класса гимназии были для меня переломные, в том отношении, что я все-таки сравнительно созрел и более сознательно стал ко всему относиться. Страх перед мамá у меня прошел совершенно, и то, что я любил больше всего, это было поздно вечером, когда она ложилась спать за своими занавесками, расположиться у нее в комнате на кушетке, и начинать бесконечные

¹ Приятельства, товарищества (франц.).

разговоры обо всем и обо всех. И было так приятно, как-то немножко по-равному разговаривать с мамá, и болтать всякий вздор, на который она добродушно смеялась. Я любил, когда она расчесывала свои длинные серебряные волосы на ночь. У мамá была такая молодая душа, что с нами молодыми она говорила нисколько не прилаживаясь и разделяя все наши интересы, становясь на нашу точку зрения. Я видел это и потом, какое наслаждение для подрастающих детей, когда они могут по-товарищески говорить с родителями. Этого нельзя делать искусственно, нельзя прилаживаться, потому что тогда ничего не выходит. Это может выходить только само собой, и требует чуткости. И такая фамильярность, а иногда нежная грубость, делали мамá такой близкой нам. Мне трудно передать, как мы ее любили, и как ни разу мысль не останавливалась на возможности, что когда-нибудь ее не будет и мы останемся без нее. В молодости, счастливой молодости такие мысли вообще не приходят и не омрачают светлой радости жизни. Когда мамá нам про это говорила, мы считали, что она говорит «жалкие слова» и бросались скорее целовать ее, чтобы прогнать подальше такие тени. Эти отношения с мамá и ночные разговоры длились до конца ее жизни, никогда не утрачивая своей прелести. Когда я вспоминаю мамá, мне больше всего припоминаются эти часы, и распущенные серебряные волосы, которые она расчесывает черепаховой гребенкой, в длинной ночной сорочке, и вся она белая, чистая, лучезарная...

В гимназии у меня также пошло дело иначе. Надо сказать, что Шварц был на редкость просвещенный и культурный человек. Он умел привлекать в 5-ю гимназию лучших преподавателей. У него был престиж старого профессора университета, и всем было лестно получить от него приглашение сотрудничать. В числе талантливых преподавателей, которые умели заинтересовать и даже порою увлечь своих учеников был Сергей Григорьевич Смирнов, преподававший историю русской литературы. Особенно интересно он умел поставить писание сочинений и разбор их в классе. Молодой талантливый учитель греческого языка, рано погибший от чахотки Владимир Германович Аппельрот, сумел раскрыть нам прелесть древней греческой поэзии. Я до сих пор помню наизусть некоторые сапфические оды и анакреонтические стихотворения. Он читал с нами Эдипа-Царя¹, и даже это произведение было поставлено 5-й гимназией, совместно с ученицами гимназии Фишер⁷⁷. Космографию увлекательно преподавал проф[ессор] университета Болеслав Корнелиевич Млодзиевский, очень милый и умный человек, которого я встречал много лет спустя у Н. В. Давыдова. Но самые интересные уро-

¹ Видимо, имеется в виду трагедия древнегреческого драматурга Софокла.

ки, какие мне вообще когда-либо пришлось иметь — это были уроки самого Шварца. Он был нашим классным наставником, когда я был в 8-м классе, и разделил преподавание латинского языка на две части — поэзию и прозу. Первую (оды Горация) он поручил не помню кому — основательному, но мало талантливому к сожалению преподавателю — педанту, а сам читал с нами Тита Ливия. Никогда, ни до этого, ни после, в университете, мне не пришлось слушать ничего более интересного. Здесь разворачивались все блестящее разностороннее образование Шварца, его тонкий литературный вкус и просвещенное педагогическое чутье. Мы чувствовали, что он уже не смотрит на нас, как на маленьких мальчиков, что мы для него юноши накануне зрелости, на перепутье, перед тем, чтобы выбрать свой жизненный путь. Из «Грозы» он превратился в просвещенного руководителя с огромным внутренним авторитетом. Тит Ливий давал ему повод делать сопоставления исторические, филологические и литературные в масштабе мировой истории и словесности. Попутно он затрагивал самые общие и животрепещущие темы. И все это было не на фуфу, а делалось знатоком классического языка и древностей. В результате, уроки Шварца повлияли на меня в выборе филологического факультета, и дали вкус к классической древности и языкам, который я и теперь чувствую, хотя к сожалению мало поддерживаю практикой. На всю жизнь я сохранил благодарную память Александру Николаевичу Шварцу.

В начале осени, когда наши заживались в Меньшове, или весною, когда они туда переезжали, а мне приходилось жить в городе, я поселялся либо у Капнистов, либо у одного из братьев. Дважды я провел по месяцу, если не больше, у моего старшего брата Пети. Он был тогда еще московским уездным предводителем дворянства и жил на Знаменке, в огромном доме Бутурлиных. Он был весь в общественных интересах дворянских и земских. Для меня это была атмосфера совсем новая и интересная. У него бывали его приятели и сослуживцы. В это время, чуть ли не каждый день, бывал молодой Георгий Львов (впоследствии известный земский деятель и глава печальной памяти Временного правительства), у которого было много шарма. Он служил тогда земским начальником в Московском уезде. Дети были еще совсем маленькие. Я любил ходить к ним играть в их просторные детские. Была одна игра, которая очень нравилась их толстой добродушной няне. Я прятал каждого из детей в его кровать, уверяя, что один другого ищет, и по очереди, когда «опасность миновала», из кровати выскакивал то Володя, то Соня или Люба, потом опять прятались, и так с большими волнениями они долго играли в прятки, а няне было спокойно. Она находила это развлечение гениальным.

Живал я также у брата Сережи, и пребывание у него имело большое влияние на общее мое развитие и направление моих интересов.

В начале 1890 года он выпустил первый свой большой труд: «Метафизика в древней Греции» — печатание этого труда было большим семейным событием. Корректуры держала мамá. Ее способность всецело отдаваться увлечению данной минуты казалось тут со всей силой. Мамá прямо жила этой книгой, впивала в себя каждую страницу. Это были поистине какие-то духовные роды. Вся ее жизнь была полна этим, и когда работа кончилась, для нее было тяжелым переживанием оторваться от интереса, который всецело захватил ее.

Теперь уже 36 лет прошло с того времени, как вышла эта книга. И как давно уже нет в живых тех, кто близко принимали к сердцу ее появление. И я, тогда едва начинавший мыслить птенец, остаюсь теперь один из последних, и переживая прошлое, измеряю пройденную жизнь и думаю о том недалеком свидании, которое воскресит для меня этих близких.

Во внутреннем росте Сережи «Метафизика в Древней Греции» обозначила пору духовной возмужалости. Когда его знаешь так близко и хорошо, как мне кажется я его знал, то в этой книге проступает весь он как живой, и обидно, что другие не могут увидеть его таким же живым, и что для них это просто книга, а не то живое, в чем мне светится его душа.

Прежде всего «Метафизика» — серьезная научная работа, потребовавшая большого пристального труда. Все что могло дать тщательное самостоятельное изучение текстов, археологических изысканий, последних трудов ученых-историков и философов, — все это легло в основание его работы, в которой он был вооружен трезвым критическим чутьем и полной самостоятельностью суждения.

Объективности и добросовестности последователя несколько не противоречило определенное и целостное мирозерцание, которым он был проникнут и которого он не скрывал, как свой Standpunkt¹, как основной критерий жизнепонимания, применяя его и в данном случае. Молодая честность мысли побуждала его даже с самого начала выложить основы того мирозерцания, которое легло в основу его исследования. Технически — это было недостатком молодости, ибо нельзя на протяжении менее 50-ти страниц введения обосновать свой философский подход к избранной теме, но для меня, которому сквозь призму книги дороже всего живой человек, этот недостаток понятен и дорог, как выражение крайней искренности. Если Бог даст мне силы и време-

¹ Точка зрения (нем.).

ни, и у меня будут материалы под рукой, я бы мечтал попробовать дать характеристику общего религиозно-философского стимула жизненной задачи обоих братьев. Конечно для этого нужно было бы иметь общее философское образование, которого у меня нет. Зато я чувствую ту внутреннюю близость к ним, которую не имеют другие и которую не могут заменить другие методы постижения.

Самый выбор предмета для своего первого большого труда, в качестве магистерской диссертации, был сделан Сережей далеко не случайно. В греческой философии был для него ключ для основных проблем философии, религии и истории человечества. Он изучал ее как своего рода Ветхий Завет христианского откровения и придавал особое значение оценке Св. Иустина мученика, который называл Сократа и Платона христианами до христианства. Изучить все, что могло дать человеку естественное откровение, все до чего могла дойти вершина самой совершенной языческой культуры и гениальной человеческой мысли и прозрения, предоставленная себе самой, показать, какое место в истории заняли эти искания и достижения, как с высшей логической необходимостью они должны были предшествовать пришествию Спасителя — все эти стимулы налицо, в этой книге, хотя и не все высказаны. Но та же красная нить проходит через следующий труд Сережи, появившийся через 10 лет после первого — «Учение о Логосе в его истории». Вместе с тем греческая философия в своем примитивном цикле завершила весь повторяющийся крут человеческого мышления, выдвинула все вековые проблемы философии, материализма, скептицизма, нигилизма, идеализма, мистицизма и наконец эклектиков. Эти проблемы варьируются, углубляются, развиваются в новые акты драмы человеческой мысли, но вечно повторяются в своей основе, отвечая неизменным стимулам человеческой души и природы, и потому для основательного философского образования — древняя философия представляет незаменимое опытное поле, в то же время, как и необходимый исторически первоисточник.

Вместе с тем все эти философские системы только условно получают клички отвлеченной терминологии. Каждая из них воплощает жизненную драму своего творца, у нее есть свои плоть и кровь, и задача историка воссоздать художественный ее образ. Это отвечало всем запросам и таланту Сережи, и высшего достижения достигло в духовном образе Сократа, который является вообще гениальной синтетической фигурой древней философии.

Припоминая свою юность, я могу сказать, какое глубокое поворотное влияние в моем внутреннем духовном и нравственном развитии имел облик Сократа. Может быть ни одна книга в жизни не оказала на

меня такого влияния, как книга Alfrède Fouillée: *La philosophie de Socrate*¹, которую дал мне прочесть Сережа. Он сам очень высоко ценил ее. Я хотел бы проверить свое впечатление: отвечала ли эта книга тогдашним общим моим настроениям, или она действительно является таким прекрасным возбудителем духовных и философских запросов для пробуждающегося юношеского мышления.

В моем дневнике того времени подробно записаны были все перипетии диспута Сережи. К сожалению дневник этот, как и другие бумаги, оставался в шкапу в Васильевском, и конечно погиб во время пожара. Мне не жаль самих дневников, но жаль некоторых страниц, как те, на которых я заносил, стараясь быть точным, то, чему был свидетелем. Помню успех диспута, слабые, как мне казалось, возражения оппонентов, что и не мудрено, ибо трудно, особенно в России найти двух специалистов по одному и тому же предмету, и часто оппоненты мучаются необходимостью найти серьезные возражения в вопросе, к которому мало подготовлены. Помню также трогательное волнение брата Жени, который интенсивно переживал за Сережу все подробности диспута.

Если не ошибаюсь, осенью 1890 года Сережа с семьей уехал в Берлин и там провел всю зиму. Эта зима была полна для него самого живого интереса. В это время были еще живы и процветали такие столпы науки, как Курциус, Момсен^{II}, Диль. Сереже удалось не только познакомиться с ними, но и войти и сблизиться с этим обществом. Иногда он слушал их лекции. Всего более заинтересовало его знакомство с Гарником. Интересы его всецело разделяла Паша, которая знакомилась с жёнами ученых и профессоров, которые впрочем были далеко не так интересны, как их мужья. От того времени сохранились интереснейшие ее письма, и более редкие письма Сережи. В Берлине он со свойственной ему чуткостью вдыхал в себя атмосферу западной науки и просвещения, проверял свои прежние выводы, сохраняя вполне независимую оценку новых впечатлений. Поездка в Берлин была для него как бы завершением духовной и культурной возмужалости.

А я тем временем приближался к тому значительному перелому, который отделяет юность от отрочества, когда кончаются расчеты с гимназией и вступаешь в университет. Я ждал, не дождался этого дня, и мне иногда казалось, что я никогда не в состоянии буду осилить экзаменов зрелости. На самом деле они сошли довольно благополучно, и на русском сочинении я даже блеснул многочисленными цитатами на память на всех

^I Альфред Фуйе «Философия Сократа» (франц.).

^{II} Имеется в виду Теодор Моммзен.

языках, которые я держал про себя на всякий случай. — Сколько удовольствия доставляет студенческая фуражка и китель, которыми спешили обзавестись! В это время наша няня умирала от рака в Павловской больнице. Она исхудала, пожелтела, изменилась от тяжелой неизлечимой болезни. Чувствовалось, что дни ее сочтены; она счастлива была увидеть меня студентом! «Гришенька, держи себя почище» — было ее последнее наставление. Она скончалась, кажется в июне и похоронена была в Даниловом монастыре, недалеко от Павловской больницы. На могиле ее сделали надпись: «Няня семьи Трубецких». Она всегда гордилась этим званием. С ней вместе отрывался целый период жизни, период счастливого детства, но и то, что наступало, манило вперед ожиданиями и надеждами.

Московский университет (1892–1896 годы)

Я поступил в университет осенью 1892 года. Вспоминая свои первые университетские впечатления, я переживаю то обаяние, которое имело для только что испеченного студента то огромное и таинственное учреждение, членом и песчинкой в коем я себя чувствовал. Университет казался действительно храмом науки, и я проникал в него, как какое-то святилище.

Вместе с тем, я, как и мои товарищи, имел самое слабое представление о том, что в действительности представляет из себя университет. Выбор факультета определялся для огромного большинства самыми общими и смутными представлениями. Я не имел какого-нибудь исключительного интереса к той или другой отрасли знания. Может быть я мог бы глубже заинтересоваться философией, под влиянием старших братьев, но с другой стороны меня удерживала и реакция против следования их примеру — желание самому пробить свой путь. Философия представляла для меня интерес не как самодовлеющая цель, а как проектор, который должен осветить мне жизненный путь и помочь в нем разобраться. Шварц разбудил во мне вкус к древности; с другой стороны, по совету и указаниям моего бо-фрера Ф. Д. Самарина, я прочел некоторые серьезные книги по русской истории и делал выписки.

В университете в начале меня потянуло ко всему зараз, и ни к чему в особенности. Я слушал с увлечением лекции милого старого приват-доцента Степ[ана] Фед[оровича] Фортунатова, который всегда увлекал первокурсников. Он читал историю конституции Сев[еро]-Америк[анских] Штатов, закрывал глаза и пел как соловей про историю самого свободного государства и народа. В то время, к этому примешивалась прелесть впервые вкушаемого запретного плода. Научной ценности

эти лекции разумеется не представляли. Это был так сказать десерт, но в юности десерт ценится больше питательной пищи.

Греческую историю читал Павел Гаврилович Виноградов. Наружно он был фатоват, у него была пошловатая самодовольность в голосе, он отдавал некоторую дань либеральной популярности, но несмотря на все это он был настоящий большой и талантливый ученый. Лекции его были прекрасны, но самой поучительной частью его преподавания был семинарий по древней истории. Одним из первых рефератов, на котором мне пришлось присутствовать, имел своим предметом разбор недавно открытого нового произведения Аристотеля «Государство афинян». Референтом был студент IV курса, известный всему университету Васенька Маклаков. Диспут его с Виноградовым производил блестящее впечатление. Видно было, что он основательно изучил вопрос, и талантливо защищал свою точку зрения. Я также взялся написать реферат по какому-то вопросу Гомеровского эпоса, но еще слишком близок был к гимназии и гимназическим требованиям и меркам, и для меня этот реферат имел только то значение, что когда я его написал, то сам воочию увидел свою несостоятельность, и устыдился своего произведения.

Римскую историю читал старый профессор Владимир Иванович Герье. С большой окладистой бородой, степенной профессорской важностью, он был человеком старого поколения, сверстником Б. Н. Чичерина, хранил традиции Московского университета, преемственную связь Грановского, Станкевича. Он читал скучным монотонным голосом, никогда не гонялся за эффектами, был основательным и почтенным педагогом; я лично чувствую себя обязанным ему больше, чем кому-либо из других университетских преподавателей. Он заставлял работать студентов. Если в его лекциях было мало игры, зато все курсы, которые мне пришлось у него прослушать (римская история, история Возрождения, Французская революция) были основательно и серьезно составлены, изложение его было всегда стройным и продуманным. Кроме того он заставлял студентов проделывать серьезную научную работу над первоисточниками, применяя все методы исторической критики. Эти принудительные занятия могли казаться стеснительными для немногих, посвятивших себя уже с первого курса специальному научному интересу, но для рядовых студентов с ленцой они были в высшей степени полезны. Герье воспитывал в студентах навыки критического исследования, обучал их научным приемам, требуя всестороннего изучения текста и основательной добросовестной работы. Эти методы нужны были не только одним будущим ученым. Сколько раз, впоследствии, на службе, когда мне приходилось изучать какое-нибудь дело с целым ворохом документов, я о благодарности поминал Герье, который учил, как надо

разбираться в документах, чтобы по ним доискаться до сути дела, освобождая ее от тенденция, ее затемняющих. Герье был строг и требователен и мы не очень любили приглашения вечером к нему на квартиру для чтения рефератов. Он угощал нас чаем и предлагал лимон: «хотите лимона...» — таким скрипучим голосом, в котором чувствовались капли лимонного сока. Мы его боялись, но вместе с тем он пользовался общим уважением среди профессоров и студентов, и чувствовалось, как вся жизнь и все интересы этого почтенного старика сосредоточены в дорогом для него Московском университете.

Самым блестящим лектором и ученым был, конечно, Василий Осипович Ключевский. Прежде всего это был совершенно замечательный художник и актер. Его аудитория была всегда полна до отказа, и нужно было заранее пробраться, чтобы заручиться местом. Всегда много народа стояло. Существовало литографированное издание его лекций, но сам Ключевский не признавал его, и только в самые последние годы своей жизни выпустил в свет печатное издание, над которым много и тщательно работал. Эти лекции дают результаты его многолетней работы по русской истории. По ним можно судить, каким крупным ученым был Ключевский, скольким обязана ему русская история, каким критическим чутьем и каким художественным талантом он обладал. Но чтение его лекций совершенно не может восполнить читателю впечатление, которое производило его живое слово. Из года в год, когда он делал свои характеристики, он повторял те же словечки, совершенно так же их произносил, и всякий раз получалось впечатление великого художника-актера. Его манера говорить, его мимика были непередаваемы; он создавал живые образы, воскрешал быт, иногда воспроизводил целые сцены в лицах. История буквально жила в его изображении. Никогда и ни у кого мне не пришлось видеть и слышать ничего подобного по художественному мастерству воспроизведения прошлого. Сам он напоминал старого дьяка, поседевшего в Московском приказе. Как сейчас вижу его перед собой, невысокого сухенького старичка с седой козлиной бородкой, в золотых очках, спешной сгорбленной походкой пробирающегося в аудиторию. Он не поднимался на кафедру, а становился рядом с ней. Ему как будто нужно было откуда-то выглядывать, пока он говорил. Перед тем, чтобы пустить словечко, его голубые глазки щурились и загорались лукавым огоньком. Говорил он немного глухим сдавленным голосом с духовным говором, немного на «о». Язык его был — языком русского книжника. В нем слышались и летописи и древние грамоты и житие святых, и разговор московских площадей. Лекции Ключевского доставляли высокое и незабываемое художественное наслаждение. Талант бил из него ключом. Вместе с тем то, что казалось внезапным

и блестящим экспромтом, было вырабатываемо годами. Долгая кропотливая работа предшествовала этому художественному завершению.

Мне пришлось, как студенту, иметь личное общение с Ключевским. Я избрал темой своего кандидатского сочинения историю положения 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян от крепостного права. До этого мне пришлось составить несколько предварительных рефератов по изучению положения о государственных крестьянах, выработанного гр[афом] Киселевым⁷⁸. Всякий раз, как я передавал свои работы Ключевскому на его отзыв, это давало ему повод сыпать блеском самых интересных и тонких мыслей и замечаний. Это был настоящий фейерверк, который меня ошарашивал. Этот живой и вдохновенный ключ бил щедро и неудержимо, но была и обратная сторона медали. Профессор увлекался своими мыслями и забывал выслушивать ученика. Я приходил с обоими вопросами и уходил обыкновенно так и не имев случая и возможности поставить их. Поэтому Ключевский влиял на своих учеников, но не воспитывал их, и ученики только самостоятельно могли докопаться до его методов.

Был еще один редко одаренный профессор на нашем факультете — Федор Евгеньевич Корш. Его специальностью были древние языки. На первом курсе он вел семинарий по латинскому языку. Для зачета семестра надо было представить перевод небольшого рассказа на латинский язык. Совместно с Николаем Гагариным мы взяли какую-то не то народную сказку, не то басню, и представили наш перевод. Мы не перевели, а, что называется, переперли слово за словом текст, но Коршу это давало повод, в течение двух месяцев прочесть ряд блестящих лекций, разбирая каждое слово, сопоставляя два быта, два фольклора — древнерусский и римский. В числе выражений было: «не все коту масленица, придет и Великий пост». Корш пригласил старого профессора Иванова, знатока римских древностей и вместе с ним советовался каким бытовым понятиям у римлян могли бы соответствовать наши масленица и Великий пост. От нашего перевода разумеется ничего не осталось, и Корш прозвал нас латинскими мадам Курдюковыми⁷⁹.

Впоследствии мне пришлось ближе познакомиться с Ф. Е. Коршем. Это был человек исключительных дарований и непомерной лени. Он впитал в себя культуру классическую и всяческую, и был духовным сибаритом. Его забавляло проделывать такие фокусы, как например, переводить отрывки из «Евгения Онегина» на древнегреческий язык, или переводить греческие стихи на древнеперсидский язык. Все это он делал шутя, для удовольствия, он был тончайший филолог, но он совершенно не способен был приложить усилий на большой и серьезный труд. В жизни он был необыкновенно приятный, милый и остроумный

собеседник, и большой скептик. Наружность его не обличала ученого, сизый нос указывал на вкусы ничего общего с наукой не имевшие. Но он был хороший благородный человек, не способный ни на что мелкое и прожил, как прожило столько талантливых русских людей благодушно погружаясь в быт, представлявший такую опасность засасывания для чистых сердцем, но слабовольных людей.

В период моего студенчества в университете, начинала восходить звезда моего брата Сергея. Он читал лекции по истории древней философии, а кроме того по Ветхому Завету, приблизительно в том порядке и по тому замыслу, который лег впоследствии в основу его книги о Логосе. Лекции эти пробуждали религиозный и философский интерес среди молодежи и привлекали довольно большое количество слушателей, если принять во внимание, что курс был необязательный и требовал довольно высокого уровня развития. — Кроме того он стал во главе студенческого общества, ставившего себе задачей разработку научных тем по самым различным отраслям знания — религии, философии, истории, права, экономических наук. К руководству отделами были привлечены наиболее живые и талантливые профессора. Начинание это вызвало самый живой отклик среди молодежи, как что-то новое, свежее, построенное на личном общении профессоров и студентов, вне формальных рамок. Чуткая отзывчивая и светлая фигура моего брата делала его естественным руководителем молодежи, в которой он умел пробуждать лучшие благородные чувства, и увлечь за собой в чистый мир духовных исканий.

В числе руководителей отделов студенческого общества состоял одно время приват-доцент Милюков. В течение года он заменял по кафедре русской истории Ключевского, командированного читать лекции великому князю Георгию Александровичу, который заболел чахоткой и проводил зиму в Аббас-Тумане, где и скончался. Милюков был популярен, как левый. Мне пришлось однажды в связи с работой, которую я вел, по истории освобождения крестьян, пойти к нему на квартиру вечером. На мой звонок дверь отворил сам Милюков, имевший немного смущенный вид. Он попросил меня обождать в передней и прошел в соседнюю комнату, где с моим входом как будто притихло находившееся там общество. — «Не беспокойтесь, это не жандармы, а студент», — объявил Милюков, и раздался общий смех, очевидно не вполне спокойно почувствовавшего себя собрания. Помню, что Милюков по поводу моей работы сделал, между прочим, мне намек, которого я тогда не понял, что вся оценка может быть иная, если подходить с иным пониманием титула собственности, но он не настаивал, увидя мое недоумение. Он конечно имел в виду новое только что начинавшее нелегальными путями проникать в Россию течение марксизма. Вскоре, не помню уже в связи с какой исто-

рией, его выслали из Москвы в Рязань. Этого было достаточно, чтобы создать ему популярность, и в Рязань потянулось паломничество. Оппозиционное настроение только начиналось тогда, в связи с голодным годом и работой общественных организаций в деревне в 1892 году.

У меня осталось воспоминание о Милюкове, как о второстепенном ученом и лекторе. Слишком невыгодно было для него сопоставление с Ключевским. Самостоятельных вкладов в изучение русской истории он не внес. Его мысли были вообще подражательны, и книга его по истории русской культуры в значительной степени заимствована из лекций того же Ключевского по русской историографии. Только оценка окрашена плоским позитивизмом, которого не было в изложении Ключевского. Покойный М. С. Соловьев называл Милюкова «Смердюковым русской истории». Это может быть слишком сурово было бы для общей его характеристики, ибо Милюков обнаруживал не раз подлинный патриотизм и другие не Смердюковские черты. Мне кажется, Милюков ведет свое происхождение от Базарова, здорового разночинца-нигилиста с аппетитом жизни. Он плотью и кровью демократ, требующий своего места на солнце, и считающий пережитком дворянскую культуру, романтизм старого быта, а заодно и религию. К этому присоединяется доктринерство самодовольного позитивиста и темперамент и задор матерого волка, зубами привыкшего прочищать себе путь. Таков Милюков. Ключевский был человеком совсем другого склада, не боевая и не сильная волей натура, но гораздо тоньше и богаче одаренная. Он также был в значительной степени позитивистом, но на его счастье художник и русский человек в нем был часто сильнее позитивиста, и он органически не мог свести всю историю к счетной книжке. Ключевский был соткан из противоречий. Он был позитивистом не нарочно. Духовный скептицизм сидел в нем вроде какого-то внутреннего рака, подтачивавшего цельность его натуры и ослаблявшего ее продуктивность. Рядом с этим у него было другое восприятие, которое влекло его в совершенно другую сторону: он чувствовал красоту православия и созданного им быта. Был ли он верующий или нет — трудно сказать, чужая душа потемки. Я думаю, он принадлежал к тем, кто мог говорить: «Верую Господи, помоги моему неверию». Речь его о Преп[одобном] Сергии написана человеком, которому Господь помог в его неверии. Он ходил в Храм Спасителя, преподавал в Духовной академии. Вместе с тем никогда не забуду одного спора его с моим братом Сергеем.

Мой брат, будучи глубоко религиозным человеком, отстаивал возможность объективного научного исследования в истории Ветхого и Нового Завета. Ключевский, предпослав все типичные для него ого-

ворки — крючки, что он не затрагивает область веры, высказывал мнение, что факты веры не могут входить в область научного изучения. На самом деле чувствовалось, что его мысль идет дальше, и что он считает, что есть столкновение между верой и наукой. «Какая может быть наука в присутствии утверждения верой факта Воскресения Христова...»

Во время этого спора присутствовал другой историк — позитивист Михаил Сергеевич Корелин, который наслаждался словесной дуэлью. «Разве вы не чувствуете, что он ни во что не верит...» — шепнул он моей бель-сёр про Ключевского. — Теперь, когда из свидетелей и участников спора остался только я в живых, я не примкну к заключению Корелина. Ключевский остается для меня человеком с внутренне-раздвоенной душой, и я думаю, что этот моральный недуг отразился на его жизни и творчестве. Он мог бы по своим исключительным дарованиям дать неизмеримо больше того, что дал. При всем уважении и благодарной памяти к нему, я все-таки скажу, что он был из тех, про кого можно сказать, что «он был сам себе по колено». Примеры таких русских людей, к сожалению, не редки.

Раз я упомянул Корелина, то скажу и о нем несколько слов. Он был профессором всеобщей истории, написал диссертацию о Возрождении. Он был не очень даровит, но был прекрасный человек, честный, горячий, убежденный, один из тех, для кого Московский университет были святынями, и который своим личным примером поддерживал чистый дух уважения к этим святыням среди молодежи. Он рано умер, вызвав всеобщее сочувствие и сожаление. Я помню, как он возмущался, когда однажды, на его семинарии по средневековой истории, я доказывал возможность использовать исторические материалы для диаметрально противоположных выводов.

Я ничего не говорю здесь о других профессорах, с которыми приходилось иметь дело больше на экзаменах, чем в течение учебного года. На другие факультеты я не ходил, но один год усердно посещал курс лекций проф[ессора] Тимирязева в Политехническом музее, если память мне не изменяет, о физиологии растений. Он прекрасно читал и у него всегда была полная аудитория. Он умел сочетать научную содержательность с доступностью изложения.

В общем, университет мне много дал, в смысле общего развития, расширения горизонтов и навыков к приемам научной критики. Ученого из меня не вышло, я слишком разбрасывался в своих интересах и от гимназии унаследовал и не отделался от привычек верхоглядства и недостатка дисциплины в работе. Всю жизнь я сознавал эти недостатки средней школы. От них не излечил меня университет, но у меня сохранилось о нем гораздо более приятное и благодарное воспоминание,

чем о гимназии. Бывало учение в гимназии казалось бесконечным и я не раз спрашивал себя неужели когда-нибудь я одолею экзамен зрелости и кончится это мучение. В университете было совершенно наоборот. Хотелось задержать время, было жаль думать, что годы проходят, чувствовалось, что потом, когда что-то придется начинать новое, будет разрыв с этим счастливым неповторимым периодом жизни.

Университетские интересы охватывали, конечно, только часть содержания общей жизни за студенческие годы. Появились новые друзья и знакомства. Но прежде всего несколько слов о внешних условиях нашей жизни для молодежи, выросшей в условиях беженства.

Мои родители, и мы, дети, считали, что у нас очень скромные средства, и это было так, в сравнении со многими семьями, нам близкими, Гагариными, Щербатовыми, Самариными, и другими. Мой отец был плохой хозяин, и не преумножил, но значительно уменьшил свое состояние, и вследствие непрактичности, и помогая разорившемуся брату.

С детства нас приучили к большой простоте и умеренности, поэтому мы умели ценить каждое скромное удовольствие. С 16 лет мне стали давать 3 рубля в месяц, а студентом я получал всего 10 рублей, хотя сейчас по беженским расчетам это показалось бы еще не так плохо.

Рядом с этим, мы жили в скромной по тогдашнему мерилу, но отличной квартире; у меня, студента, была и маленькая спальня, и кабинет. У нас были 3 пары лошадей, два кучера, большой штат прислуги, два лакея, повар для нас, кухарка для прислуги; из имения в Пензенской губ[ернии], которое не приносило, а уносило, ибо доход клал себе в карман управляющий, мы получали всякую живность, индеек, гусей, кур, что считалось принадлежностью самого скромного ежедневного стола с обедом из 4-х блюд. Все относительно на белом свете, и то, что до войны казалось минимумом, то показалось бы теперь, в беженстве, неслыханной роскошью, например, скромный ужин по вторникам после винта: осетрина, рябчики и пирожное человек на 80, и все в таком роде...

Одновременно со мною на филологический факультет поступил Николай Гагарин. Мои сестры уже раньше сблизились с его сестрами и бывали друг у друга. В голодный 1892-й год устраивались вечера, во время коих московские девицы шили и вязали всякие носильные вещи для голодающих. Гагарины достали на фасон рубашку и штаны у жены городского, стоявшего у них на перекрестке, но я помню, что почему-то сшитые ими штаны имели вид пирамиды, что вызывало немало шуток. Сомнительно, чтобы голодающие получили существенную помощь от этих *soirées de couture*¹, на которые допускались и молодые люди для со-

¹ «Швейных вечеров» (франц.).

действия в этом добром деле. Я изредка только встречался с Николаем до совместного поступления в университет, которое нас сразу сблизило. Способствовало этому и наше близкое соседство. Мы жили на Кудринской ул[ицы], а от Кудринской площади начинался Новинский бульвар, где жили Гагарины в своем чудном старинном доме.

Николай был единственный сын, наследник и продолжатель Гагаринского рода, — любимец, надежда и гордость семьи, предмет обожания своих родителей, сестер и теток. Он рос избалованный отношением всей своей семьи и в привычках большой роскоши. В эту пору он был необыкновенно живой, жизнерадостный, впечатлительный и с повышенной нервной отзывчивостью на все юноша. Толстый, бородатый с 15-летнего возраста, он поражал солидностью своей внешности и несолидностью обращения: он прыгал и носился, как теленок, задравший хвост, с раскатами смеха, которые потрясали всю его корпуленцию. Первый раз что я его увидел — это было на балу взрослых и подростков у них дома. Он был в черном сюртуке со своей бородой, ему было всего 15 лет, те кто этого не знали, находили «невозможным этого господина», только младенческие глаза выдавали его возраст.

Чудный дом Гагариных был полон прекрасных старинных картин и произведений искусства. Это собиралось поколениями и представляло традицию утонченной аристократической изнеженной культуры.

Отец Николая князь Виктор Николаевич, воспитанный большей частью за границей, отбыв службу в Кавалергардском полку, женился на дочери тогдашнего нашего посла в Париже барона Будберга, вышел в отставку и жил уединенной жизнью, довольствуясь обществом и дружбой немногих друзей детства, из которых самым большим был, кажется, отец моей жены, — дедушка Бутенев, «L'excellent Costi»¹ и «добрый Виктор» так они говорили друг про друга. Виктор Николаевич жил замкнутой семейной жизнью, отдаваясь главным образом художественным интересам⁸⁰, и проводя время между за границей и Россией, где у него было два очаровательных и великолепных дома в Москве на Новинском, и в подмосковном поместье — в Никольском. Жил он с самыми скромными личными потребностями и барским размахом в то же время. Он был нелюдим, очень застенчив, отвык от общества, и нелегко возобновил знакомства и приемы, когда подросли дети и надо было вывозить дочерей в свет. В нем была смесь эгоизма и горячей сердечности, тяжелого деспотического и подозрительного характера с самой милой и веселой приветливостью и личным шармом. А в общем он был прелестный человек, которого нельзя было не любить. От своих наслед-

¹ Превосходный Костя (франц.).

ственных семейных недостатков, перешедших и к последующим поколениям, он больше всего страдал сам, так же как впоследствии его потомство. Казалось, все было дано Гагариным для приятной счастливой и безмятежной жизни, но часто своим тяжелым характером они портили собственное свое благополучие. К семейным чертам их характера надо еще прибавить болезненно повышенную восприимчивость к мелочам, из которых сотканы отношения между людьми. Они способны были возненавидеть человека, который «не так» держит вилку, или чем-нибудь смешен, или обнаружил какой-нибудь мелочный недостаток. Такой человек погибал в их глазах. Рядом с этим они могли внезапно и совершенно неизвестно почему, незаслуженно увлечься и превозносить до небес кого-нибудь. Очень часто этот фаворит терял свое обаяние и с таким же преувеличением за ним начинали отрицать малейшие качества и достоинства. «О-о-о-о» подвывали Гагарочки, сестры Николая, приступая к характеристикам, в которых никогда не хватало никаких превосходных степеней для выражения их чувств, или предполагаемых чувств их собеседников.

Кн[ягиня] Марья Андреевна маленькая, толстая, с тонким длинным носом и мелкими чертами лица — была совсем другого уклада. Она жила всю свою жизнь за границей; родным языком ее был французский, на котором она умела писать так, как писали люди старого поколения. Она по вкусам и привычкам была светская дама, любила общество. Она была наблюдательна и подмечала маленькие смешные стороны людей, что так часто бывает у светских людей, привыкших каждому человеку ставить мысленно его пробу, по тому, как он вошел, сел, поклонился. Вместе с тем она была добрейшее существо, вся отдававшаяся любви к своему мужу, Николаю и дочерям.

Мари и Софи были погодки, сверстницы моих сестер, Лина была младшая в семье, года на 4 их моложе. Мари была воплощением пылкого сердца. Она ни к чему не относилась равнодушно, все преувеличивала, но это было прелестное, чистое любящее существо, созданное для семейного счастья, которого ей не было послано в жизни. Она не была красива, но привлекательна с чудными голубыми глазами, которые каждую минуту готовы были вспыхнуть. Ее сестра Софи, была совсем некрасива, но была не без претензий на ум и тонкость, хотя в общем это были безобидные претензии; обе сестры были очень дружны. Третья сестра Лина была неудавшаяся красавица, с тонкими чертами красивого лица, но некрасивым толстым сложением. Замкнутость семьи, и может быть чрезмерная чувствительность к внешней стороне затрудняли сближение с ними. Вышла замуж только Лина и притом за итальянца — камердинера своего отца. Старшие сестры так и остались старыми девами.

Между нашими семьями установилась все возраставшая близость и дружба. Николай бывал у нас ежедневно. От природы весьма увлекающийся, он увлекся всей нашей семьей. Варя и Лина были уже взрослые барышни. Варя была почти красавица, спокойная и бессознательная, в которой бродили или скорее находились под спудом неведомые ей силы. Она была умна, талантлива, с художественным чутьем, с сильным сердцем, которое пока дремало, но было способно на героизм. Она была воплощенная простота, уравновешенная, но иногда способная вскипать и вся загораться негодованием и протестом против какой-нибудь несправедливости или гадости. И никто не мог с такой любовью согреть, приласкать, пожалеть и обдумать другого. Это было большое сердце себя еще вполне не сознавшее; требовалось, чтобы жизнь пробудила ее силы. Она была высокого роста, с чудным цветом лица, огромными голубыми глазами, и большой седой прядью в волосах, которая еще отмечала ее красоту. Она имела большой успех, и многие ею увлекались. Брат Сережа составил даже акrostих из слова «Москва» по начальным буквам ее поклонников: Мимра, Отелло, Сергей, Кудрявый молодой человек, Врач, Адъютант.

Мимра Истомин погибал окончательно. В конце концов, он сделал неожиданное для Вари предложение, которое она отвергла, совершенно не разделяя его чувств. Отелло — это был Ваня Раевский, старший из трех братьев, которые приходились нам троюродными братьями. Они жили в Москве со своей матерью тетей Лелей, которая в молодости была дружна с мамой. У нас бывали двое старших — Ваня и Петя, третий Гриша почему-то не бывал. Ваня был огромный, красивый, но с каким-то темным цыганским огнем, который был и в его брате Пете. Он надвигался как туча, на Варю, и она боялась его, как боялся быка, который может забодать, боялась в нем какой-то стихийной силы, которая заставляла его темнеть, когда он к ней приближался. Каждое его движение в ее сторону заставляло ее отодвигаться от него, и эти маневры бесплодно проводились им иногда целый вечер.

Раз на каких-то похоронах, в монастыре, Варя стала около брата Сережи. Ваня стал по другую его сторону. Когда он выдвигался немного вперед, она отступала назад, тогда он отступал, чтобы на нее смотреть, она продвигалась вперед. Так длилось долго. Сережа все это видел, и вдруг бухнулся на колена, головой об пол, скрывая неудержимый смех, а Варя лишилась защитной позиции. Сережа прозвал его Отелло по тем страстям, которые в нем клокотали.

Сергей — это был великий князь Сергей Александрович, который восхищался Варей, и одно время, можно сказать, увлекался, просяживая с ней длинные мазурки и с жаром разговаривая с нею обо всем на

свете. Все видели это увлечение, носившее, впрочем, конечно, самый невинный характер и в атмосфере маленького московского Двора это создавало Варе какое-то положение. Все адъютанты за ней ухаживали.

Кудрявый молодой человек был придуман скорее для счета. Это был совершенно лысый адъютант Струков, с которым Варя танцевала на балах.

Врач — был молодой Мамонов, только что приехавший в Москву из Петербурга и начинавший свою практику. Его отец [Николай Еврафович] был известный в свое время доктор и друг нашей семьи. Вот почему сын, приехав в Москву, явился к нам.

Адъютант Гадон, состоявший при великом князе, очень красивый и неглупый человек со светским поверхностным умом, любивший легкие словесные дуэли с дамами.

Конечно, кроме первых двух, никто из этих вошедших в акростих не увлекался серьезно Варей. Они пришли к слову и для поддразнивания, но у нее было немало других поклонников, к которым она относилась с одинаковым равнодушием.

Эти годы были расцветом другой моей сестры Лины. Она была очаровательна в пору между 18 и 20 годами, но у нее была более хрупкая прелесть, чем у Вари, прежде всего потому, что у нее не было ее здоровья и невозмутимого спокойствия.

У нее были прелестные голубые глаза, нежный румянец и вся она искрилась живостью, ходуном ходила. Она веселилась вовсю и гораздо менее, чем Варя, была забронирована от увлечений. Ею восхищался старик Щербатов и даже в ее честь дал у себя бал. Бедная Линочка обожгла свои крылышки.

В это время (когда я только что поступил в университет) вернулись из кругосветного плаванья, произведенные в мичманы Алеша Капнист и мой друг Сеня Унковский. Конечно, он у нас бывал ежедневно, и прежняя детская дружба перешла в более серьезное чувство особенно со стороны Лины. Семен Иванович был все тот же прелестный малый, добрый, простой, хороший товарищ, израильтянин, в котором не было лукавства, но легкомыслия в нем не убавилось за эти годы морской службы, а наоборот предоставленный сам себе, вне влияния семьи и хорошей среды, он приобрел привычку к кутежам и особенно пьянству. Когда он был в Москве он кутил, но знал меру. Мать свою он привык обманывать, хотя любил ее; наша семья оказывала на него благотворное влияние, и конечно большой сдержкой было чувство его к Линочке. Но это предохраняло его ненадолго, и по слабости характера он не мог противостать товарищам, увлекавшим его на путь кутежей и пьянства.

После плавания он служил в Кронштадте и тут спивался чуть ли не до белой горячки. С ним происходили курьезные истории. У него было недурное состояние, но вследствие беспорядочной жизни делал долги. Находясь однажды в затруднении, он обратился к какому-то жиду-ростовщику, который дал ему займы деньги на довольно льготных условиях, но в расписке не поставил срока уплаты долга, сказавши на словах, что не потребует денег раньше 3 месяцев. Вместо того, он явился через две недели, ссылаясь на внезапно наступившее затруднение и требуя уплаты. У Семена Ивановича, конечно, не было денег. Тогда жид согласился переписать вексель в двойном размере, снова без срока, и снова обещая, что на этот раз это будет продолжительный срок. Через неделю жид повторил ту же историю. Тогда Семен Иванович сообразил, что жид затягивает над ним петлю и отказался платить. Он вспомнил, что в то время градоначальником в Петербурге был некий Вальц⁸¹, когда-то подчиненный его отца и сохранивший о нем благодарную память. Недолго думая, С[емен] И[ванович] облекся в парадную форму и отправился к градоначальнику. Тот принял его очень мило, выслушал подробный рассказ о жиде, и отправил домой, обещав принять меры.

Через некоторое время С[емен] И[ванович] получил вызов к градоначальнику. В приемной у него он увидел жида и испугался, решив, что эта встреча не предвещает ничего доброго и что жид на него нажаловался. Через некоторое время Сем[ена] Ив[новича] требуют в кабинет. Вальц дружески здоровается с ним, разговаривает о разных посторонних предметах. Потом звонит, спрашивает, здесь ли жид, и приказывает вести его в кабинет. — «У вас вексель, выданный вам г[осподином] офицером...» — «При мне его нет, Ваше Прев[осходительст]во». — Вальц звонит: «Вызвать фельдегеря. — Я вас отсюда без заезда домой вышлю из Петербурга за ростовщичество без права возвращения»⁸². — «Ваше Прев[осходительст]во, кажется вексель при мне». — «Давайте его». — Жид протянул вексель. Вальц взял и разорвал его. — «Сколько вы взяли у него фактически денег...» — «Столько-то...» — «Когда можете отдать...» — «Через месяц Ваше Превосходительство». — «Дайте ему в этом расписку, но без %, чтобы ему не повадно было». — «Теперь можете идти» — отпустил он жида. Оставшись с Унковским, градоначальник все же разнес его и предостерег от возможности повторения подобной истории, ибо второй раз он не сможет выручить его подобным способом. Расправа была действительно, хотя и справедливая, но чересчур патриархальная.

Другой раз С[емен] И[ванович] попался в историю, которая могла кончиться гораздо хуже. Я гостил у Истоминых, которые проводили лето в небольшом доме, принадлежавшем Дворцовому ведомству на Бо-

родинском поле, близ Можайска. Было уже довольно поздно, когда внезапно появился Сеня из Москвы. От него пахло вином, и он имел нервный растерянный вид. Оставшись с Мимрой и мной, он стал рассказывать, как последние три дня проводил время. Он был на скачках и там познакомился с какими-то сомнительными господами, которые завлекли его в непросыпный кутеж. Он хорошенько не помнит, где был и что делал, ибо все время пьянствовал и играл в карты, смутно помнит, что подписал какие-то бумаги, векселя и завещание. Потом все это кончилось ссорой и решением драться на американской дуэли; кто вынет жребий, должен ночью застрелиться, и оставить записку, чтобы в его смерти никого не винули. Жребий, конечно, вытянул он, и этой ночью должен застрелиться... Все это он рассказывал отрывочно, бессвязно, словно с полупохмелья после пьяного бреда. Насилу мы убедили его, что он попал в руки мошенников, которые хотели его окрутить, и что с его стороны было бы нелепо застрелиться, что тут нет никакого вопроса чести, а уголовное преступление. Сеня волновался, долго не поддавался нашим внушениям. Однако какое-то бессознательное здоровое чутье привело его к Истоминным, и понемногу у него стало прочищаться в мозгах. Мы его уговорили подождать стреляться, пока не выясним с кем он имел дело, и каков повод дуэли, что ему самому было неясно, настолько он находился все время в невменяемом состоянии. Сеня остался ночевать, и как только лег в постель, захрапел богатырским сном. Тем временем мы рассказали все Истомину-отцу, а тот поспешил снестись по телефону с обер-полицмейстером. К утру все выяснилось. Оказалось, что Сеня попал в общество какого-то выгнанного из полка офицера, нелегально проживавшего в Москве. Полиция все время следила за ним, и какой-то агент находился в том же зале, где происходил кутеж. Когда он узнал, что его разоблачили, то он притворился, что все происходило под пьяную руку и был счастлив вернуть документы, при условии, чтобы истории не было дано официального хода.

Бедный беспутный Сем[ен] Ив[анович] не мог бороться со своим слабоволием. Моя мать, которую он чтит, и которая его любила и жалела, сказала ему, что он не может и думать о согласии на браке с Линочкой, пока не докажет, что бросил пить. Бедная Линочка много перестрадала, но она верила мамá и подчинилась ей. Кончилось все тем, что его под пьяную руку женила на себе дочь скрипача Ауэра, которой, видимо, нужно было его состояние. Она была очень неглупая и ловкая девица, но совершенно беспринципная. Она скоро стала изменять своему мужу, а тот в свою очередь убежал с ее сестрой, на которой и женился, получив развод от первой жены. Вторая оказалась добродушнее и, по-видимому, любила бедного Сеню. В это время он был уже в отставке и жил в своем

семейном поместье Колышеве — Калужской губ[ернии]. Алкоголизм преждевременно состарил его. В 40 лет он уже казался слабеньким старичком. До конца, несмотря на свою беспутную жизнь, он сохранил то же чистое благородное сердце. Он не мог совладать со своей слабой волей, в свое время допился до того, что в воздухе ловил о[тца] Иоанна Кронштадтского, мог предаваться всякому распутству, а душа у него оставалась младенческой — вся эта грязь как-то шла мимо и не задевала ее, и на что он органически не был способен — это совершить что-нибудь подлое, бесчестное. Я думаю, что этот беспутный Сем. Ив. способен был бы и на геройство, если бы пришлось. — У него был конский завод, он всегда очень любил лошадей. Когда наступил большевистский режим, у него остался только один рысак, и он сделался извозчиком-лихачом в Калуге. У него был компаньон из простых извозчиков, который заболел сыпным тифом. Семен Иванович посетил его, заразился и умер. — Царствие ему Небесное! Я верю, что за его чистое и доброе незлобивое сердце ему отпустятся его грехи.

Воспоминания мои отрывочны и бессвязны. Они скорее похожи на галерею портретов, чем на повесть о прожитой жизни. В них есть тот же внутренний недостаток зрения, как и тот, которым я страдаю с малолетства: близорукость. Я вижу без очков общие контуры, фигуры людей, но пропадает масса ярких мелких подробностей, игра жизни. Что делать... — Буду продолжать свою галерею, как умею и могу.

Среди новых друзей, на втором году моей студенческой жизни у меня прибавился еще один, с которым я очень сблизился. Это был Никс Голицын. Через него я сблизился и с его семьей.

Голицыны были старой коренной московской семьей. В старшем поколении было четыре брата. Старший Иван Михайлович был при Дворе близким человеком императрицы Марии Федоровны. Считалось, что у него особый талант чтения. В патриархальной Голицынской семье, как старший и важный, он пользовался особым почетом. Следующий за ним был в мое время уже старик, красивый и живописный Александр Михайлович, казавшийся старомодным, выходцем XVIII века; он был молчалив и мне всегда казалось, что он как будто с вежливым пренебрежением смотрит на всех окружающих — людей не того воспитания и духа, какого был сам, что делало его каким-то одиноким. По взглядам он был крайний консерватор и славянофил. Среди молодежи я слышал, что ежегодно он ездил в Будапешт, имевший репутацию одного из самых веселых городов, а потом, возвращаясь, отправлялся в Троицу замаливать грехи. Если это верно, то это было бы довершением его типа — московского маркиза, каким он дожил до большевиков, скончавшись в 80 лет.

Следующим братом был Михаил Михайлович — элегантный гвардейский генерал, маленький стройный с седенькой бородкой, всегда в безукоризненном мундире или военной тужурке дома, со звоном шпор и французским грассирующим говорком. *L'année quarante quatre m'a vu naître*¹. Он был вдовец, прожил долю своего состояния и жил со своей дочерью Надей, уже немолодой, но умной и бойкой девицей, впрочем доброй и хорошей — у своего младшего брата Владимира Михайловича. Старший брат Александр также жил с ним.

Князь Владимир Михайлович был женат на Софье Николаевне Деляновой — дочери нашей калужской знакомой Елены Абрамовны. Когда мы приехали в Москву, он был совсем молодым московским губернатором. Он был необыкновенно моложав, так что я помню, как, попав гимназистом в первый раз к ним на вечер, я не догадался, что он хозяин дома. В то время генерал-губернатором был князь В. А. Долгоруков. Его оценил великий князь Сергей Александрович, и тогда и Голицын почему-то оказался в опале. Его перевели губернатором в Полтаву, но он туда не поехал и вышел в отставку.

Через некоторое время, как — это секрет московских нравов — он из бывших губернаторов стал общественным деятелем и был выбран московским городским головой, с соответствующей дозой умеренного либерализма.

Теперь (пишу в марте 1926 года), когда жизнь завершила для него свой круг, и он доживает свой одинокий век, потеряв жену, в Москве, окруженный лаской и попечением в семье своего старшего сына, я с любовью и благодарностью вспоминаю и о Владимире Михайловича и о всей его семье.

Он был жизнерадостный добрый и хороший человек. Не очень умный, немного легкомысленный, также, как и его жена Софья Николаевна. У него могла быть иногда торжественность. Он любил всю церемониальную приветственную часть своих обязанностей. И проделывал ее с теми округленными красивыми и немного старомодными манерами, которые были вообще у Голицыных. Любил и поухаживать, и вообще любил и понимал все удовольствия жизни. Но все это было как-то легко и безобидно, и отвечало совершенно такому же настроению его жены, что не мешало им дружно жить и иметь кучу детей.

Софья Николаевна была в молодости красавицей и сохранилась и до старости красивой женщиной. Она, может быть, была еще более жизнерадостна и молода душой, чем муж, отплясывала на балах, когда была уже бабушкой, страшно мила была с молодежью, с необыкновен-

¹ Я родился в сорок четвертом году (франц.).

ным добродушием относилась ко всем ее проказам и затеям и способствовала всегда ее увеселениям.

На нее легко влияла обстановка и условия жизни. Пребывание великого князя создавало в Москве атмосферу маленького Двора, усиливало светскую жизнь, вводило в московский быт чуждое ему соревнование в общественном положении. В свое время этот налет коснулся и Софьи Николаевны, как и многих других. Владимир Михайлович, которому, конечно, также по старым навыкам эта атмосфера и эти вкусы были всего более сродни, в то же время выдерживал безобидную либеральную оппозиционность в рамках, совместимых с участием в придворной жизни.

Все это можно было в Москве, ибо на все это через лупу никто не смотрел, и все покрывалось московским благодушием. Голицыны были коренные москвичи, это было главное. А благодаря своему воспитанию, жизнерадостности и порядочности Владимир Михайлович мог бывать во всех кругах и всюду быть любимым. Также и Софья Николаевна. Врагов, я думаю, у них быть не могло и не было. А за этой веселой легкой внешностью скрывались насквозь хорошие люди. Таким они себя показали в испытаниях, которые бодро переносили несмотря на свои старые годы.

Моим сверстником был собственно старший сын Миша, но он был юрист, а я филолог, — в университете мы были в разных зданиях, имели разные интересы. Я гораздо ближе сошелся со вторым его братом Никсом, близким товарищем Сережи Щербатова, с которым вместе он поступил на филологический факультет, через год после меня. Никс остался для меня на всю жизнь олицетворением московского студента-идеалиста, какие бывали в эпоху Станкевича-Грановского и повторялись всегда. Тихий, скромный, молчаливый, как все Голицыны, серьезный так же, как все дети веселых и легкомысленных родителей Голицыных, с ясно выраженным семейным типом наружности и красивых старомодных манер, он был любим всеми товарищами. Никто не умел так уютно молчать как он, просиживая целыми часами у друзей-товарищей. Он приходил обыкновенно ко мне вечером. За чаем у нас всегда сходилась много молодежи, и нередко я спешил отводить своих товарищей к сестрам, а сам возвращался к себе читать какую-нибудь занимавшую меня книгу. Когда все расходились, Никс приходил ко мне. Это уже бывало после 18 час[ов] ночи. Я при нем же укладывался в постель, иногда тушил лампу, Никс глубоко усаживался в кресло и начинал говорить. В ночной темноте у него развязывался язык и он говорил душевным мечтательным голосом, который тихо звенел, о самых высоких предметах. Иногда мы спорили, иногда он говорил один, а я засыпал. Когда Никс замечал, что я храплю, он вставал, и, натываясь в темноте на стулья и стены, выходил из комнаты, пробирался коридором через столо-

вую вниз. Он уходил иногда около 3 час[ов] ночи. Мы не думали тогда, каково было лакею, спавшему внизу под лестницей, вставать, чтобы затворять дверь за ночными посетителями. Но нрав и времена были другие, и сами они и не думали роптать.

Голицыны жили в большом старом доме на Б[ольшой] Никитской. Никс помещался в нижнем этаже, в небольшой комнате под сводами, которая напоминала келью и очень подходила к его облику. Он был добросовестный труженик, любивший копошиться в старых книгах, рукописях и архивной пыли. Он был любитель библиотек.

За Никсом шли две сестры-погодки. Старшая Соня скоро стала выезжать в свет и вскоре же вышла замуж за Константина Львова. Вторая Вера — сверстница моей сестры Марины, была еще подростком и выполнила обещание быть красавицей. Было еще два мальчика и две маленькие девочки Эли и Таня, которые гуляли всегда с пуделем.

В доме Голицыных всегда была толчея, было шумно и весело, масса молодежи и знакомых родителей. Бывали и художники. Софья Николаевна приветливо и шумно принимала, Владимир Михайлович был радушен и либерально-оппозиционен, конечно в очень умеренных тонах, Михаил Михайлович элегантно звякал шпорами и приударял за молодыми дамами, отпуская закругленные французские словечки, Александр Михайлович глядел старым маркизом, выходцем прошлого века, скептически относясь к брату-либералу и ко всем, не так родившимся и воспитанным, как он. Под благодушным покровительством Софьи Николаевны молодежь веселилась и шумела без стеснения и все как-то беззаботно себя чувствовали; всех и вся обнимала милая старая Москва, ко всем благожелательная, приветливая, успокоительная, словно старая нянюшка, или добрая предобрая тетушка. Эта атмосфера принимала вас, как только вы входили в дом, где вас приветствовали старые слуги, обыкновенно знавшие всю вашу родню и подноготную. И у Голицыных был необыкновенно уютный типичный старичок-швейцар, очевидно выросший и умерший в их доме.

Помню у них веселый любительский спектакль, под режиссерством актера Малого театра Правдина. Я играл незначительную роль старого слуги, но считки и репетиции создавали веселую атмосферу, сближали между собой исполнителей, вместе переживавших волнительное ожидание спектакля. В числе действующих лиц участвовала молодая хорошенькая блондинка г-жа Егорова, за которой ухаживали одновременно элегантно звякавший шпорами князь Михаил Михайлович Голицын и я студент 3-го курса. Спектакли были в моде, и на следующий год Самарины поставили у себя под режиссерством того же Правдина две пьесы Тургенева: «Где тонко, там и рвется» и «Вечер в Сорренто».

Все это было очень весело, и у нас на Пресне была тоже атмосфера молодости, веселья, беззаботности и романтизма. Кроме двух старших сестер незаметно подросла и третья — Марина, прямо из детской превратившаяся в очаровательную молодую девушку, скоро ставшую невестой, не успев почти вырасти и окрепнуть.

Марина... для меня это часть меня самого, такое близкое для меня существо, что мне трудно о ней писать, трудно о ней вспоминать, потому что со смертью ее для меня оторвалась что-то от самого сердца, как у старого дерева, у которого буря вырывает большой сук и оставить дупло, которое не может зарости и в который льет дождь и точит его...

Пусть я буду пристрастен. Я не боюсь этого, и хочу верить в любящее сочувствие тех, для кого я пишу эти строки — моих детей. После моей матери, из тех, кого мне пришлось пережить, не было для меня существа, которое в той же мере озарило бы все мое детство и юность и с которым у меня были бы такие же кровные узы, как Марина. И что за прелестное создание она была!

Это была сама кротость, мягкость и женственность. Вижу ее очаровательным младенцем с большими карими глазами и золотистыми каштановыми кудрями, лет четырех, пяти. Потом девочкой с косичкой с веселыми глазками, любимица тети Лины Самариной, которая смотрит на нее с обожанием. Никогда с самого раннего возраста не способна она была доставить кому-нибудь огорчения и заботу. Она всегда о всех думала, и ко всем повертывалась своей любящей чистой душой. Гувернанткам с ней нечего было делать. Последней гувернанткой при ней была веселая непедagogичная M-me Duburguet, которая ее обожала, как и всю семью. Она разделяла все удовольствия нас, молодежи, была и с нами и с молодежью, которая у нас бывала в отношениях веселой camaraderie. Я ей пел незатейливые куплеты:

Мадам, мадам, мадам Дю-Бюргэ
Не ведите себя, как Адам,
Плюто, плюто мадам Дю-Бюргэ
Soyez, comme un мюгэ¹.

Мадам покатывалась со смеху, была на товарищеской ноге со всеми моими товарищами, интересовалась их похождениями, дразнила их и очень любила делать наблюдения о завязывавшихся романах. Нам все-

¹ Мадам, мадам, мадам Дю-Бюргэ
Не ведите себя, как Адам,
Скорее, скорее, мадам Дю-Бюргэ
Будьте, как ландыш (смесь фр. и рус.).

гда было с нею очень весело, как с добрым товарищем, с которым мы не церемонились, и сама она страшно любила нашу семью, и всегда выделяла ее из других семей, куда заносило ее нелегкое ремесло гувернантки. Впрочем ее любили во всех семьях, куда она попадала, и она настолько обрусела и утратила связи с родиной, что когда после большевистского переворота уехала последняя семья, где она жила, — Наумовых за границу, она осталась в России, где доживает и сейчас свой век, 80-ти с лишком лет.

Когда Марина стала подрастать и ей минуло 16 лет, мамá решила расстаться с мадам, потому что, несмотря на ее милый нрав и сердце, она была неподходящим, слишком шумным шапроном для нее. Бедная мадам Дюбюрге пережила вероятно нелегко эту тяжелую сторону своего ремесла — оторваться от семьи, с которой сблизилась, чтобы вновь искать временное вхождение в другую семью с той же перспективой.

Новой гувернантки не взяла. Зато мамá приняла на себя ближайшее наблюдение за младшей дочерью, и с[о] свойственной ей способностью всецело отдаваться, страстно привязалась к Марине, которая платила ей тем же, раскрывая ей всю свою чистую душу, которая распускалась, как нежный цветок под лучами солнца. — Это было очаровательное время ранней весны ее жизни, когда из маленькой девочки она превращалась в молоденькую девушку. Летом они спали в одной комнате. Мамá руководила ее чтением, играла с ней в 4 руки, ездила с нею в концерты, передавала ей свое увлечение музыкой и природой, по вечерам играла в «Гальму», и была такая же молодая душой, как ее последняя любимая девочка.

Николай Гагарин, который поступил со мною в университет и ежедневно приходил ко мне вечером, вскоре испытал участь очень молодых людей, посещающих дом, где много привлекательных молодых девушек. Он влюбился в дом, в семью, подпал под обаяние мамá, и вскоре увлекся Мариной. Он тоже был музыкален, ездил во все концерты, разделял те же интересы. Он был тем, что по-французски называют *sensitif*, нервный, вибрирующий, как струна, чрезмерно чуткий к малейшему неверному тону, весь живший жизнью чувства, легко увлекающийся, живой, бурно веселый и способный от веселья сразу перейти в состояние крайнего уныния, крайне восприимчивый к женской прелести, всегда увлеченный кем-нибудь и чем-нибудь. Сам он был в то время юный мальчик чистый и милый, из прекрасной семьи, которая его обожала, — баловень судьбы. Все эти юношеские свойства его открытой натуры были по душе мамá. Она к нему благоволила, и, не замечая того, сама как будто патронировала сначала детскую дружбу потом увлечение этих двух больших детей, Николая и Марины.

¹ Чувствительный (франц.).

Пресня и Меньшово того времени были полны весеннего хмеля. Мы все увлекались музыкой. Помню смерть Чайковского, внушившую мне первую статью, которую я с замирающим сердцем отнес Грингмуту, редактору «Московских ведомостей». Она была полна юношеского лиризма, но когда появился № с моей подписью, мне пришлось выслушать упрек моего брата Сергея, который больно отразился на моем самолюбии и я закалялся повторить когда-нибудь такую смелость. Более снисходительным был отзыв дяди Пети Самарина, который сказал, что у меня есть стиль, и что верно я буду хорошо писать.

Я вспоминаю этот незначительный инцидент только по воспоминанию о том, как я тогда его переживал, и как все мы, молодежь в то время, жили в атмосфере музыкальных эмоций, и я бы сказал даже, немного в каком-то чаду романтического настроения. Какое место в нашей жизни занимали тогда концерты, особенно когда приезжал Антон Рубинштейн и давал концерт! Это были душевные потрясения. Я никогда не забуду впечатления [от] 9-й симфонии Бетховена, впервые услышанной мною под его дирижерством. Только в юности можно так сильно воспринимать музыку, как откровение, или экстаз. До сих пор, на всю жизнь, во мне врезалось воспоминание о целом ряде вещей в его исполнении, напр[имер] соната Шопена с Похоронным маршем, в котором чувалось, как ветер гуляет по могилам, Эрлькёниг^I Шумана — это олицетворение романтизма в музыка — бешенная скачка на коне, жуть лесного шума, с которым срастается голос лесного царя и нарастание страха и темпа в музыке. То же нарастание темпа в *Ruines d'Athènes*^{II} Бетховена, гениальный полет, глубина, сила и блеск во всем, что он играл. И до сих пор, слушая любого пианиста, я так и слышу рядом с ним, как ту же вещь играл Рубинштейн. Он остается для меня непревзойденным гением музыки, но я признаю, что в то время наше поколение недостаточно ценило Баха, и если нынешние композиторы ничего не говорят моему воображению, и кажутся мне блуждающими впотьмах и по ложному пути, зато современное понимание Баха дает мне надежду, что те, кто его любят, не могут утратить чувства прекрасного и великого в музыке, и оно выведет их из полосы исканий.

Я отвлекся в сторону в своих воспоминаниях, но музыка всегда играла исключительную роль в нашей семье. С нею связано было, в прошлом, сближение и сватовство моих родителей, — и в той же атмосфере и при участии той же мамá возник роман Марины и Николая. А из атмо-

^I «Erlkönig» («Лесной царь») — баллада Р. Шумана на стихи И. В. фон Гёте.

^{II} «Афинские развалины» (франц.).

сферы городской музыки естественный переход в другую родственную атмосферу природы и милого усадебного быта в Меньшове, с теплыми лунными вечерами в тишине сада, где каждое слово звучит с какой-то волшебной четкостью, после городского шума, когда вдали серебрится Рожай и доносится из него кваканье лягушек; и вдруг, как будто рядом где-то в кустах раздастся громкая дробь соловья, или отдаленное эхо кукушки, и вся преображенная в лунном свете природа как будто сладостно замирает, а колыхание ветерка несет густые запахи цветов вместе с шелестом листьев. И не хочется уходить из сада, хотя тут же так радушно горят красные огоньки ламп в доме, и зовут в столовую, где давно кипит самовар и стоит простокваша, и ждут благожелательные и любовно насмешливые взгляды старшего поколения, тети Лины и все понимающего дяди Пети Самариных, и папа зовет играть в «Акулину».

Непрерывный праздник в Меньшове. Утром кофе на террасе, все встают в разное время, и тут же восседают тетя Лина, которая что-то вяжет, дядя Петя раскладывает пасьянс и наблюдает за жизнью дома и каждого из его обитателей; тут же впоследствии Паоло работал над своими скульптурами, папа хлопочет у цветников со стариком-садовником и громко зовет Ольгу, с которой советуется. Иногда до завтрака чтение вслух — Ольга, Марина, я и присоседившийся к нам Сережа Евреинов, читаем историю реформации Häusser¹. После завтрака мамá с Мариной играют в Гальму. Днем идем в Посибириху. Проходим наш сад, переходим по тонким доскам мост через овраг и выходим в поле с колыхающейся рожью или овсом над речным обрывом, входим в веселую прелестную березовую рощу — Посибириху, где много грибов. Купаемся в Рожаете. Днем часто приезжают из Воробьева Варвара Сергеевна Ершова в допотопном пеньюаре с пелеринкой из белого с черными квадратиками ситца и белом чепце. С нею ее сын Владимир Иванович, или тетя Груша из Скабеевки. В саду, в тени раскладывается ломберный стол и старшие играют в винт. После обеда, который подается в 6 часов, общие игры, катание на лодке, лаун-теннис, для которого не существует часов во дню и всегда находятся партнеры, забегаем в огород, на грядки клубники, или в кусты малины, к неудовольствию экономки и садовника. У каждого свой излюбленный потаенный угол в саду, или роще, куда он уходит с книгой в руках, и столько же читает, сколько мечтает, развалившись на спину в густой траве, откуда так хорошо смотреть на плывущие облака или следить за хлопотливой возней какого-нибудь маленького жука, запутавшегося между былинки.

¹ Имеется в виду работа немецкого историка Людвиг Хойссера (1818–1867), изданная на русском языке в 1882 г. в переводе под ред. В. М. Михайловского.

Постоянные гости из Москвы, о которых возвещает колокольчик на дуге, и масса молодежи.

Незаметно катятся дни, похожие один на другой, но полные своего интереса для каждого из молодежи, для которой в эти годы роста один месяц не похож на другой и все меняется — словно незримое наливание колоса в поле. Незаметно подходит дело к 17 августа. В этом году (1894) Марине в этот день минет 17 лет — девичье совершеннолетие младшей общей любимки. Готовится большое торжество. Ожидается съезд всех частей. Дядя Петя с циркулем в руках на полу террасы чертит и вырезывает огромный транспарант, будет фейерверк. Раскладывается огромный стол в саду, звенят бубенчики с подъезжающими гостями. Нет незаполненного угла в доме. Только Лидию Лопухину оставляют в покое в ее апартаментах, но к ней бегают поминутно сообщать последние новости, и она с улыбкой их слушает и постепенно диктует мне длинное письмо своей сестре тете Эмилии Капнист с описанием хода событий, пересыпая их своими словечками, которые мы все так ценим. В них дается добродушная характеристика действующих лиц и каждый хочет прочесть, что про него написано. Папа утром приехал из города, куда постоянно ездит по делам больницы и института, — где летом обычно производится ремонт, за которым он наблюдает. Он читает газеты у себя в кабинете или возится в цветнике, в чесунчевом или бледно-зеленом полотняном сюртуке, который у него существует с незапамятных времен. И то и дело идет к мамá обо всем с ней советоваться и говорить. Неизменное благодушие старших, и такое спокойствие и беспечность нас детей, под их крылышком и с переложением на них всех ответственных решений. — А для нас беззаботное веселье. Конечно не одно это настроение. У каждого из нас свои вопросы и запросы, подчас сложные, с которыми мы уходим уединяться в сад и лес. Всегда с весны целая программа на лето. То то сделать, прочесть, передумать, изучить. Конечно программа эта остается мало выполненной, но все же, не одно благодушие и безделье наполняют жизнь. Марина сияет в день своего рождения, получая ото всех заранее обдуманые подарки, чувствуя, что все ее любят и что хорошо жить на свете, и заливается от беспричинного смеха, после чего я всегда ей кричу: «Звонче и беспечней» — и она опять смеется. Конечно приехал Николай, но кроме него еще толпа двоюродных братьев и молодежи. Шум, гам, всем весело. За обедом крошка, дыплята, мороженое, ланинское шампанское и многочисленные тосты. Когда темно, зажигается иллюминация, великолепный транспарант и фейерверк. Из деревни пришел народ в сад и раздаются типичные подмосковные песни: Щука — рыба плыла в море, А я девушка в неволе, с неподражаемыми вторыми голосами. Приехали и старшие

брatья, Женя от Щербатовых, где проводит лето с семьей, Сережа с Пашей, которые наняли дачу в нескольких верстах от Меньшова.

Проходит лето. В Меньшова остаются папа, сестра Ольга, которая занята пристройкой к дому двухэтажного помещения, где устраиваются улучшенные удобства вместо прежних весьма примитивных, и Ольга устраивает еще специальную «больничную» комнату с «койкой» на случай холеры. Она оклеивает комнату различными изречениями и правилами, которыми ее дразнят. Над дверью: береженого Бог бережет. Я сочиняю воображаемую проповедь Акулининского батюшки, когда его позовут освящать помещение с удобствами. Батюшка говорит высоким фальшивым фальцетом с большим чувством, и я хорошо подражаю ему.

Мама́ с сестрами и Мариной уехали в Ялту к Самариным. Туда же, в Крым, поспешил, конечно, Николай. Оттуда приходят восторженный письма мама́, влюбленной в море, камушки, небо и солнце. И в этой лазури быстро наступает развязка романа — Марина становится невестой. Хотя это могло быть всего менее неожиданным, мама́ озабочена, ей всего 17, а ему 20 лет, он студент 3-го курса, все это рано слишком, и хотелось бы попридержать. Но ничего не поделаешь. Решено только ждать год, или два, но удастся ли столько ждать с бурным Николаем, которого земля не носит! Родители его счастливы, они любят Марину и главное обожают своего Николая, ни в чем не могут ему отказать и так рады счастью своего первенца. А в письмах из Крыма чередуются поездки в Орианду, Массандру, Лестничество, закаты солнца, переливы моря и песни любви... Марина — невеста! Это трудно реализовать. Для нас она младшая, еще ребенок, и всем она так близка, а ее отнимают от нас. И возникает семейная ревность, и даже не всегда благожелательное чувство к Николаю. Достоин ли он нашей Марины... — У меня, который особенно близок с нею, уже давно острая братская ревность. Я порою не переношу Николая, его частых посещений и того, что он чувствует себя у нас, как у себя дома. Это мешает немного дружбе и товариществу. Я отдаю себе отчет в том, что его винить не за что и что я должен быть рад за Марину, но мне это трудно. — Кому скоро это становится более чем трудно, кто прямо страдает — это мама́. Она так сжилась с Мариной, так следила за каждым ее шагом, и теперь начинает чувствовать, что совершенно неизбежно, при всей своей любви и близости к мама́, Марину охватывает чувство, которое все же отделяет ее, потому что у нее другой центр тяготения. Она другими, его глазами начинает смотреть на многое, он влияет на нее. По-прежнему Марина любит мама́, может быть еще сильнее; по-прежнему поверяет свои невинные тайны, ищет поддержки, но для того, чтобы она научила ее, как лучше войти в его жизнь, стать одно

с ним. Она идеализирует своего Николая, видит в нем все совершенства и сознает себя недостойной его, а в душе мамá настоящая глубокая драма. Она не может не быть счастлива за Марину, но не может, конечно, разделять ее ослепляющего увлечения. В Николае она видит милого чистого мальчика, которого полюбила, но не может заставить себя видеть в нем исполнения всех совершенств. Наоборот, материнским сердцем она прозревает опасности слишком раннего брака с мальчиком не перебившимся и у которого еще столько соблазнов впереди. И в той же мере она, конечно, видит превосходство Марины, но боится за ее чрезмерную способность самоотвержению, радостную готовность распластаться перед тем, кому отдалась раз и навсегда, без всякой мысли и политики и желания подчинить себе будущего мужа. На это Марина не способна. Она всю себя отдает без счета и расчета, беспрекословно, без условий и требований, с сознанием, что она ничто, а он все, и что он делает ей великое счастье, избрав ее женой. Такой Марина родилась, выросла, такой стала невестой и женой — на всю жизнь. Но отдав свою жизнь мужу, она не могла измениться в духовном облике, и она осталась с той же ясной, кроткой, любящей младенчески чистой душой, с какой-то высшей мудростью, которую получила в дар от Бога...

Брат Сережа, ее крестный отец, как-то сказал про нее, что она из тех малых сих, про которых Господь сказал, «что Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца Моего небесного».

Милая, милая Марина! Как она была прелестна и светла своим счастьем. Как они были милы вместе. Какая красивая юная любовь несла их на своих крыльях! — Конечно не выдержали ни двух лет, ни одного года, и венчались 2 июля 1895 года в церкви Рождества Богородицы в Кудрине — приходе Гагариных, в ясный солнечный день, после чего уехали в Меньшово, дорогое им обоим, а все обитатели его на это время поразъехались. Потом, после недели в Меньшове, поехали в Никольское, к Гагариным, где для них, так же, как и в городе, отстроили новый дом. В Никольском был устроен грандиозный праздник для соседних крестьян. Потом осенью поехали в Крым.

Это лето мне памятно. Прямо после свадьбы Марины я поехал в Одессу лечиться на Лиман, потому что у меня болело колено, которое я как-то свихнул, играя в теннис, после чего оно постоянно опухало у меня. Остановился я в Одессе на городской квартире моего дяди кн[язя] Павла Петровича Трубецкого, где никого не было, кроме прислуги. Уехал я из Москвы не запасшись паспортом, и только по приезде в Одессу написал об этом в Москву. Поэтому я пока и не переезжал на Лиман. Я уже прожил так дня четыре, как вдруг внезапно ко мне на квартиру явился квартирный с бумагой от полицеймейстера, в которой говорилось, что

мне дается трехдневный срок для выезда из Одессы ввиду того, что у меня нет паспорта. После подписи значилась приписка: обязан выехать немедленно. — Квартальный объяснил, что ему поручено остаться при мне и проводить на вокзал на поезд, отходивший через 2 часа. Было воскресенье. Градоначальника не было в городе. Оставалось ехать с кварталным к полицмейстеру на квартиру, что я и сделал. — Меня встретил несколько свысока полковник, которому я показал бумагу, обратив его внимание на противоречие текста с припиской и на то, что мне на сбор в дорогу дается всего 2 часа времени, так что я лишен возможности обратиться по телеграфу к великому князю Сергею Александровичу, который как московский генерал-губернатор мог заступиться за меня. — Лицо полковника смягчилось и он с важностью сказал: «Я рад, что моя полиция так нелицеприятно относится ко всем...» — «Простите, г[осподин] полковник, но в данном случае вы довольны сами собой, ибо на бумаге ваша подпись». — Полковник смутился, просил меня указать, кто мог бы поручиться за меня в Москве. Я назвал своего брата, московского губернского предводителя дворянства. Тут уже все приняло другой оборот. Я составил на его имя телеграмму, излагающую в чем дело. Квартального послали отправить эту телеграмму, а мне полицмейстер выдал тут же бумагу, с которой я мог ехать на Лиман и меня никто не должен был тревожить.

Я поселился, если память мне не изменяет, на Куяльницком Лимане в санатории какого-то доктора-поляка, и взял курс грязевых ванн, очень сильных, и довольно весело проводил время, сделавши некоторые знакомства. В общем, однако, для ноги это было скорее бесполезно, а после горячих ванн, я в первый раз узнал, на какой стороне у меня сердце и нажил себе легкий невроз. Засим я отправился в Крым, где застал всех наших, и провел осень у брата Жени, поселившегося на даче Суук-Су, недалеко от Гурзуфа.

Мне оставался год до окончания университета. Предстояли трудные государственные экзамены, писание кандидатского сочинения. Со всем этим я благополучно справился, и Николай Гагарин также; не легко было ему, только что женившемуся, браться за науки. В этот год предстояла коронация, и потому экзамены кончились раньше, к началу мая. — Все москвичи старались сдать свои квартиры под торжества, и нашу квартиру наняло Дворцовое ведомство. Она предназначалась для корейского посольства, которое так и не въехало в нее. Я должен был уехать в Менъшово, но повредил себе колено, и застрял в Москве, ожидая со дня на день корейцев, которые на мое счастье не приехали. В день праздника на Ходынском поле, я было направился туда, но по дороге, встретил ужасные картины: родителей, которые везли на извозчике де-

вочку без головы, повозки, наполненные трупами, еле прикрытых сверху рогожами. Конечно, я повернул назад, ибо все уже знали о случившейся катастрофе, и повозки с убитыми можно было встретить в течение нескольких часов. Впечатление было зловещее для царствования, которое начиналось...

После катастрофы на Ходынке семьи убитых стали подавать заявления о вознаграждении. В простом народе прошел слух, что будут давать не меньше 1000 рублей за убитого. У одной кухарки пропал муж-пьяница, в этот день. Она решила, что он тоже убит. Многих нельзя было опознать. Кухарка поплакала, отслужила панихиду, потом пошла подавать заявление. На четвертый день «убитый» появился... Кухарка, которая успела и погоревать и утешиться, выругала его на чем свет стоит, — за не осуществившуюся надежду получить деньги в кой-то веки за мужа, который только тратил ее жалование.

По поводу того, как мало ценится жизнь в народе, припоминаю, как в им. Щербатовых поезд переехал старика крестьянина, ехавшего на повозке, причем дорога была виновата за то, что шлагбаум не был опущен. Вызывают сына и спрашивают, что он желает получить. — «Лошадь была хорошая — рублей 80 стоила». — «Еще что...» — «Телега крепкая — 30 рублей». — «Чу...» — «Сбруя, мешки, мелочи — 15 рублей». Видно мужик хотел не упустить случая за все получить. — «А отец...» — «Ну да ведь он уже стар был, все равно пора была помирать — прикиньте десятку».

Мои сестры и папа жили у брата Пети на Знаменке, и участвовали на всех торжествах и приемах. У брата был открытый дом, и у него ежедневно завтракали и обедали многочисленные гости, съехавшиеся из Петербурга и отовсюду. Необыкновенно эффектно была иллюминация Кремля и всей Москвы, вечером в день коронации. А во время самого торжества мне пришлось быть на трибуне на Соборной площади, и я хорошо видел выход из Красного крыльца в Успенский собор и обратное шествие, под гул колоколов. Государь был слишком небольшого роста и огромный золотой венец, как будто, придавил ему голову. Сзади него шли огромные великие князья. — Все же общая картина была внушительная.

Куда поступать после университета... — Вопрос трудный для птенца, росшего в теплом родительском гнезде и не знавшем жизни. — В это время в Петербург вернулся на деятельную службу граф Дм[итрий] Алексеев[ич] Капнист, брат моего дяди попечителя Московского учебного округа Павла Алексеевича, и друг моих родителей. Вся его карьера протекала в Министерстве иностранных дел, но несколько лет перед тем он покинул ее, был назначен почетным опекуном в Москву, и следо-

вательно был коллегой моего отца. Он нередко приезжал к нам играть в винт, видал меня еще гимназистом, и всегда звал служить в дипломатию. Когда умер Н. К. Гирс и министром иностранных дел был назначен посол в Вене кн[язь] Лобанов, он на свое место в Вену назначил графа Петра Алексеевича Капниста, а другого брата графа Дмитрия Алексеевича пригласил занять влиятельное место директора Азиатского департамента, который в то время ведал делами всех трех востоков — Ближнего, Среднего и Дальнего. — Дмитрий Алексеевич принял этот пост, и в свое время вспомнил предложение, которое, шутя, делал мне гимназистом, и возобновил его. — Вступление в Азиатский департамент связывалось для меня с перспективой службы в Константинополе и за границей. Я имел об этом скорее смутное представление, но сама неизвестность казалась заманчивой, интересной. Историко-филологический факультет, который я кончил, ни к чему не готовил, кроме разве ученой и преподавательской деятельности, к которой я не чувствовал никакого влечения. Вот почему я принял предложение, съездил в Петербург подать прошение и представиться начальству, и был отпущен до октября. Началю лета я провел в Меньшове, а в августе поехал в Крым, где жил некоторое время один, на даче Самариных.

Я сделал тогда два интересных знакомства в новой для меня среде: Савва Мамонтов и Савва Морозов. Оба были известные Московские купцы, но трудно было найти более различные характеры. У Саввы Мамонтова была природа художника. Он был богатый меценат, человек с настоящим художественным чутьем, выведший в люди Врубеля и Шаляпина. Его дом в деревне (Абрамцеве) и в Москве, на Садовой, за Сухаревой башней, были всегда полны артистов и художников. Он был друг Васнецовых. Первое значительное произведение Серова — был портрет его дочери — прелестной 12-летней девочки, которая сидит летом в столовой, с ярким солнцем, врывающимся в окна⁸³. Мамонтов был основателем первой частной оперы в Москве, где и получил впервые известность Шаляпин. Это был живой, увлекающийся и способный других увлечь за собою человек, на все отзывчивый, культурный, но в то же время не чуждый широты купеческой натуры и размаха.

Савва Морозов был практик. Очень русский, с приятным здравым смыслом. У него было тоже увлечение, совсем в другой области, чем у Мамонтова. Он только что приехал в Ялту отдыхать из Нижнего, где была ярмарка и где он принимал Государя после коронации. Если на коронации, как всегда, дворянство играло первую роль и блеснуло своим балом, на котором был Государь, Двор, иностранные принцы и дипломаты, и где выставлено было лучшее старинное серебро старых московских родов, которым бал обошелся в много десятков тысяч рублей, — то

Нижегородская ярмарка была праздником всероссийского купечества, и его возглавлял Савва Морозов. Это была выставка достижений русской промышленности и в то же время смотр ее сил. Купечество давно ревниво относилось к «первенствующему» дворянскому сословию и считало, что привилегии его отжили свой век. Первые купцы гордились, что их дети были крепостные, выбившиеся в люди¹. Развитие промышленности делало такие гигантские успехи, что купцы с полным основанием подчеркивали государственную важность и значение своего дела.

Савва Морозов вернулся из Нижнего полный нового самосознания политического значения купечества, в первом ряду коего он стоял. Это был представитель старой купеческой семьи. Большинство промышленников восходили не дальше дедов. Тем больше престижа имели немногие старые фирмы, Морозовы, Крестовниковы, Сапожниковы и другие. Это была своего рода купеческая аристократия, всеми признаваемая.

Благодаря тому, что оба Саввы были на отдыхе и благодушествовали, и Ялта еще не была в разгаре сезона, мне пришлось их часто видеть, присутствовать при их разговорах, причем Морозов слегка подтрунивал над увлечениями Мамонтова. Мне было интересно и поучительно познакомиться с новой для меня средой, ибо то общество, в котором я проводил свое время в Москве, носило несколько замкнутый характер. Мамонтов был со своей семьей: жена — почтенная Елизавета Григорьевна, рожденная Сапожникова и две дочери, из которых старшая Вера — прелестная 18-летняя девушка с румяным русским приветливым лицом, послужившая оригиналом для картины Серова в своем детстве.

Дача Самариных была на высокой горе, а напротив нее на другой горе (Аутке) была великолепная дача Барятинских. В день именин своей дочери Мамонтов решил пустить фейерверк с дачи Самариных и купил много ракет и римских свечей. Случилось, что в этот день и Барятинские праздновали своих племянниц и пускали фейерверк, но у них он был гораздо больше и роскошнее. Нужно было видеть отчаяние Мамонтова, не предусмотревшего такой казус, когда после каждой ракеты, которую он пускал, взвивался целый сноп ракет от Барятинских. «Если бы я только это знал, я бы не такой фейерверк достал». Но хороши были оба фейерверка и гулкое эхо переливалось по горам гром разрывов и с обеих гор слышались аплодисменты.

Я попал к Мамонтовым, когда приехал в Москву в отпуск из Петербурга на Рождество. У них была поставлена «Снегурочка» Островского. Все декорации и костюмы были написаны [Виктором] Васнецовым,

¹ Скорее всего автор имеет в виду: что они — дети крепостных, выбившихся в люди.

который играл сам роль Дедушки Мороза. Очаровательны были Снегурочка и Лель — две сестры Свербеевы — Лена [Елена Дмитриевна] и Люба. Лена была красавица, тонкая, стройная с точеным профилем и голубыми глазами, которые порою темнели, и голосом, который как бисер, роняла слова. Она вскоре вышла замуж за сына Мамонтова; Люба высокая, тоже стройная, с огромной женственностью и мягкостью. По молодости лет я увлекся обеими сестрами, не решив, которая лучше. Этот вечер оставил на меня сказочное впечатление, так все было красиво и полно художественного вкуса. И вся эта атмосфера молодого увлечения и артистичности была создана Саввой Мамонтовым, который сам был так молод душой и так умел всех зажечь и повести за собой.

Но я забежал вперед, не простившись с Ялтой, где проводил сентябрь 1896 года. Воспоминания о Крыме обвеяны для меня светом и запахами. Прелестны Ялта и Крым. Чудный легкий воздух, насыщенный розами, кипарисами и буксусом, всплеск моря в заливе и разнообразие освещений, которое так пленяло мою мать: то нежно-голубое, сливающееся с лазурью неба, то стальное, то иногда совсем черное во время бури, оправдывающее свое название. А вечером сверху из дачи Самариных все серебряное, искрящееся сквозь темную зелень кипарисов. И дивные разнообразные прогулки во все стороны, а вдали сказочное Ай-Петри, словно с замком Черномора. Для человека, непривыкшего к морю, кажется, что он попадает в сплошной праздник, от этого простора, света и лазури. Самарины жили на своей даче круглый год и только на летние месяцы приезжали к нам в Меншиово и в Москву повидать близких и друзей.

Но всем праздникам наступает конец, и поживши со своими и Самариными, которые подъехали, я отправился в Петербург, поступать на службу. С этого времени начинается новый самостоятельный период моей жизни. Я поселился в Петербурге на Мойке, в двух шагах от Министерства иностранных дел, вместе с моим товарищем Митей Истоминым, который поступил на службу в Палестинское общество. Мы нанимали две комнаты — общую спальню и столовую, в rez-de-chaussée¹ за 40 рублей в месяц. Жалования для поступающих не полагалось, родители посылали мне деньги. Я старался жить поэкономнее и тратил 125 рублей в месяц. Когда я приехал, Лобанова уже не было в живых. Он умер в царском поезде, сопровождая Государя в Вену. Министерством временно управлял товарищ министра Шишкин. Благодаря тяжелому характеру Дмитрий Алексеевич Капнист был в натянутых

¹ Первый этаж (франц.). Во Франции первый этаж считается «нулевым» (rez-de-chaussée), второй — первым и т. д.

отношениях как с ним, так и с советником министерства гр[афом] Ламздорфом, который играл большую роль. Благодаря этому, он мало показывался. Все выжидали, кто будет преемником Лобанова. У каждого были свои кандидаты — посол в Константинополе Нелидов, посол в вене граф Петр Алексеевич Капнист и другие. Впрочем, на нас начинающих это мало отражалось.

Меня определили в отделение Ближнего Востока, которым управлял тогда А. А. Нератов, но ближайшим моим начальником был столоначальник VIII класса Щекин. Мы должны были старательным каллиграфическим почерком переписывать телеграммы от разных дипломатических представителей, после их расшифрования, на особой бумаге, для посылки на доклад Государю. Нас учили особым правилам: надо было по возможности избегать переноса слов с одной стороны на другую, и отнюдь не дозволялось переносить титулов, например «Императорского Величества», причем все эти титулы должны были писаться крупным шрифтом, в отличие от остального текста. Поэтому надо было выработать эластический почерк, который мог незаметно растягиваться и так же незаметно сжиматься. Нельзя было подчищать слов. Были и другие правила, которые требовалось усвоить. Дела, по настоящему было очень мало, но приходилось являться к 11 час[ам], утра и оставаться до 5–6 часов вечера. Помню, мне было дано как-то поручение: пойти в Генеральный штаб, захватить с собой для важности портфель и будто невзначай зайти к полковнику Жилинскому с каким-то маловажным вопросом. Жилинский был женат на сестре моего бо-фрера Осоргина, я его знал с детства; поэтому, придя к нему, я просто рассказал ему про комедию, которую мне поручили разыграть мой молодой начальник, придумавший ее тоже вероятно по молодости лет, для пущей важности.

Меня довольно тяготило сидение в канцелярии до 5 часов вечера, ничего не делая. Я был довольно одинок, ибо большинство молодых людей, поступивших со мною, были из Царскосельского лицея, все между собою близкие товарищи с детских лет, а разговор старых чиновников казался мне невероятно чуждым, полным каких-то чиновничьих интересов. При департаменте была комната, которую называли «Чадом». За плату в 5 рублей в месяц можно было иметь там чай и холодное мясо к завтраку. Это было нечто вроде клуба, где всегда сидели чиновники. Я спешно выпивал там стакан чая, стараясь выбрать время, когда там почти никого не было. Я слишком мало подготовлен был к новой среде, в которую вступил и мне трудно было принудить себя к сближению с кем-либо, хотя впоследствии, при других условиях мне пришлось ближе познакомиться и сойтись со многими, которые оказались очень милыми молодыми людьми. С самого вступления на службу, я смотрел на

департамент, лишь как на неизбежный этап перед назначением в Константинополь.

В декабре мне пришлось держать дипломатический экзамен. Я его боялся и готовился. Особенно страшил меня французский язык, хотя всю жизнь у нас были французские гувернантки. Я представлял себе, что дипломаты говорят на особо утонченном французском языке и что очень стыдно осрамиться. На самом деле, французский экзамен свелся к тому, что за некоторое время меня послали в архив, где дали какую-то небольшую депешу на французском языке. Надо было изложить письменно ее содержание, а потом на экзамене устно доложить ее. Я для верности переписал всю депешу, принес ее на дом, там мне составили резюме, которое я переписал. Вот и все. — Экзаменаторами были директора департаментов, старички в вицмундирах и звездах. Мы также должны были явиться в вицмундирах. Единственными серьезными предметами были международное право и история трактатов, по которым экзаменовал известный профессор Ф. Ф. Мартенс. Но все экзаменаторы были очень благодущны, и кроме Мартенса и бар[она] Остен-Сакена который ведал Консульским департаментом, остальные сами вероятно затруднились бы ответить на сколько-нибудь сложные вопросы.

Департамент отнимал время и не возбуждал никакого интереса. Но Петербург сам по себе был для меня интересен и во многом приятен.

Самыми близкими мне людьми были мои тетя Эмилия и дядя Капнисты. Они всегда нам были близки. У них жили мои старшие сестры, когда выезжали в свет, а мы жили в Калуге. Оба они всячески баловали их. Когда мы переехали в Москву, мы младшие были очень дружны с Алешей, который был на два года старше меня, а Марина была в дружбе с Дмитрием, который был немного моложе ее. Одно время у него и у нее были гувернантками две сестры-швейцарки. Они совместно гуляли и постоянно виделись. Я не раз, осенью и весной, когда моя семья уезжала в деревню, переселялся на Волхонку, в огромный дом попечителя округа.

Мы все очень любили тетю Эмилию. У ней было много прелестей. Она была такая мягкая и женственная, и так была всегда мила с нами, принимая к сердцу каждого из нас. У нее был один небольшой недостаток, который мог бы быть неприятен у другой, но у нее как-то сходил благодаря ее привлекательности. Она была убеждена, что все преклоняются перед ней и ее мужем. В ее рассказах о людях, которые бывали у нее, часто выходило так, что для нее они готовы на все, почтут счастьем быть ей полезными, а ее муж призван играть особую роль, и все его слушаются. — Впрочем, эти иллюзии помогали ей скрашивать действительность, которая далеко не всегда отвечала такому изображению.

Я уже говорил, что дядя Капнист был человеком незаурядного ума, и конечно мог бы сделать гораздо более видную государственную карьеру, чем та, которая выпала ему в удел. Не знаю хорошенько, что ему помешало... Может быть внешность, нерасполагавшая в его пользу и способная даже внушать некоторые подозрения насчет его образа жизни, ибо у него были слишком красные щеки и нос, хотя он вовсе не был неумеренным ценителем вина. Не все ясно было также в его частной жизни, ибо он еле справился с помощью своих братьев с крупными долгами. Во всяком случае, нельзя не пожалеть, что со своими незаурядными способностями и головой он не пошел дальше должности крупного провинциального администратора, каким был попечитель Московского учебного округа.

Но я предоставляю эти вопросы другим, а сам не могу не упомянуть о самой живой сердечной благодарностью память его и тети за все то добро, которое от них получил, и за любовь их и ласку ко всем членам нашей семьи. Когда я приехал в Петербург, они приняли меня как сына, и обдумывали меня с нежной заботливостью. В их доме я нашел уют, который покинул в Москве. Они жили вместе с графом Дмитрием Алексеевичем в его казенной квартире на Мойке, через два дома от меня. Я к ним забегал почти ежедневно, и во всякое время дня и всегда встречал только ласку. С трогательной добротой относился ко мне и Дмитрий Алексеевич. Многие не любили его, особенно по службе, потому что внешность его была столь же мало располагающая, как и у брата. К этому присоединялся сухой голос, резкость манер, которую принимали за заносчивость и порою такие же суждения. Но я, который ближе его знал в интимном кругу, не могу вспомнить о нем иначе, как с чувством теплой благодарности. Он был *un bourru bienfaisant*¹. Душа у него была предобрая, и он мог своим сухим и резким голосом выражать настоящую заботливость и доброту. Что я был для него... — А между тем, как он старался обдумать мои первые служебные шаги, сколько интереса проявлял ко мне! — Когда, вопреки его и общим ожиданиям, на место Лобанова министром назначен был посланник в Копенгагене граф Муравьев, Дмитрий Алексеевич ушел в отставку и был назначен сенатором. Он съехал с казенной квартиры [и] не мог уже лично продвинуть меня. Это беспокоило его, и он использовал остававшиеся старые связи в министерстве, чтобы добиться назначения моего в Константинополь.

Его упрекали в самодурстве, между тем он обладал трезвым умом, и нельзя не отдать ему справедливости, что при самом зародыше нашей империалистической политики на Дальнем Востоке, когда толь-

¹ Добрый ворчун (франц.).

ко еще возникла идея продолжения Сибирского пути через Маньчжурию для выхода к морю, он предостерегал против опасности авантюры и во многом предсказал последствия, к которым привела нас эта политика.

В тот год, что я был в Петербурге, туда переехал мой двоюродный брат Митя Лопухин, чтобы пройти Академию Генерального штаба. И там же поселился родной брат моей матери Борис Алексеевич Лопухин с семьей, занимавший какую-то должность по Министерству юстиции. Кроме того, неожиданно для меня, в Петербурге оказалось масса родственников — клан Оболенских, которые меня приняли очень мило и радушно.

Центром семьи была тетя Доля Оболенская, кн[ягиня] Дарья Петровна Оболенская, [у]рожденная кн[яжна] Трубецкая, была вдова кн[язя] Дмитрия Александровича Оболенского, брата моей бабушки Лопухиной, жившая в большой квартире в доме графа Протасьева-Бахметева на Невском, 72.

Тетя Доля была маленькая подвижная старушка, очень живая, добрая и оригинальная. У нее была совершенно своеобразная манера выражаться в перемежку русскими и французскими словами, не заботясь о том, что выходит из этой смеси, и все это перебивалось восклицаниями: ах! Она рассказывала как всегда торопливо, что мечтала в деревне купить тройку. «Тройка *c'est très bien*, но вы знаете *je n'avais pas d'argent*, чтобы купить ее, и все мечтала и думала и беспокоилась об этом. Et puis j'ai lu dans l'Évangile: ищите царствия Божия, и все остальное приложится вам. Alors je me suis tranquillisée — il ne faut pas penser à la тройка, mais seulement au Царствие Божие, alors la тройка сама приложится. Et figurez-vous — приложилась!»¹

По воскресеньям у нее собиралась вся семья, сыновья и дочери, и старшие внуки. Тут были Александр Дмитриевич с женой, урожденной Половцовой. Он был тогда обер-прокурором I департамента Сената. Они жили в нижнем этаже своего большого дома на Сергиевской, — верхний этаж занимало австрийское посольство. Жена была серьезная музыканша и, не помню, он или она была одним из директоров Музыкального общества⁸⁴, но она была немного холодная характером. Александр Дмитриевич был добродушный и с большим здравым смыслом, очень приятный человек. В это время их сыновья были еще детьми, и не показывались. Другой брат, Алексей Дмитриевич, незадолго до того же-

¹ Тройка — это прекрасно, но вы знаете, у меня не было денег, чтобы купить ее, и все мечтала и думала и беспокоилась об этом. А потом я прочла в Евангелии: ищите царствия Божия, и все остальное приложится вам. Тогда я успокоилась — надо думать не о тройке, но только о Царствие Божие, тогда тройка сама приложится. И вообразите себе — приложилась!» (смесь франц. и рус.).

нившийся на кн[язне] Салтыковой, — тот самый, которого я с моего детства знал по Калуге, был директором Дворянского банка, в хорошей казенной квартире на Английской набережной, где была очень красивая витая лестница, не помню откуда в свое время вывезенная из Италии. — Он начал идти в гору по служебной иерархии. Третий брат, старый холостяк кн[язь] Николай Дмитриевич, которого все знали под именем Котя. Когда он был моложе, он был очень красив, но потом растолстел и обрюзг. Он был близкий Государю флигель-адъютант и казалось, ему предстояла блестящая придворная карьера. Он был очень добрый человек и, когда мог, помогал другим своим влиянием и связями. Все они были добродушные и приветливые, но с тем отличием петербуржцев от москвичей, что душа у них была на распашку до известного предела, и с открытым добродушием сочетался никогда не покидавший расчет и главное оглядка на двор и карьеру. Даже когда о Дворе никто не говорил, за большинством петербуржцев этого круга за спиной всегда чувствовалось притяжение Двора — он был средоточием помыслов, источников наград и карьеры, и люди и их положение, расценивались по степени приближения к этому центру.

Были и сестры: Варвара Дмитриевна Бибикина, «тетя Авочка», в молодости имевшая большой успех, в то время уже сильно *sur le retour*^I, муж ее Михаил Михайлович, *un brave homme*^{II}, но наружно немного хамоватый и как-то совсем не подходивший к семье Оболенских, которые его немного третировали: у них было два сына; старший был еще лицеистом и слишком похож был на отца, хотя не плохой малый. Старшая дочь Варуса, 18-ти лет, только что кончившая Смольный институт, миленькая своей свежестью — мы в то время были с ней в большой дружбе, впоследствии вышедшая за Бориса Ал[ексеевич] Татищева, и младшая прехорошенькая Даруса, лет 15-ти, с косами, потом вышедшая за Горчакова.

Другая сестра Мария Дмитриевна была замужем за Андреем Григорьевичем Гагариным. Она была маленькая, более всех, пожалуй, похожая на свою мать. Оба были очень милые и простые и не карьеристы. Он был по внешности, немножко блаженный, чудак; оба после свадьбы как-то были у нас в Калуге, проездом в деревню, и на всю жизнь сохранили воспоминание о нашей многочисленной дружной семье и всегда мечтали иметь такую. У них было много детей, мал-мал меньше, все мальчишки, и одна девочка Соня⁸⁵. Ей было года четыре, она была очень мила.

^I Стареющая (франц.).

^{II} Хороший человек (франц.).

Ею восхищался обер-прокурор Синода Победоносцев, который был завсегдатаем у тети Долли. Он сажал ее себе на спину, и на четвертинках катал ее по ковру. Еще была Елизавета Дмитриевна, долго не выходявшая замуж, и уже немолодой вышедшая за Николая Ивановича Новосильцева, тоже немолодого и крайне флегматичного помещика, добродушного и милого. Он был неповоротлив, и другой кузен их Ив[ан] Мих[айлович] Оболенский прозвал его недвижимая собственность Лизы Новосильцевой.

У тети Долли на этих семейных трапезах бывал также ее племянник Валериан Сергеевич Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Он был старый холостяк, директор канцелярии министра внутренних дел, хороший человек, но недалекий и скорее бесцветный. Он был безупречный чиновник, и больше ничего. Помню, как однажды тетя Доля всегда очень любопытная и желавшая раньше других узнавать новости, приставала к нему с вопросом, кто будет назначен послом куда-то. Оболенский отмалчивался. Наконец, он приезжает к тете Долли и говорит, что хотел поделиться с ней интересовавшей ее новостью. Назначен такой-то. — Je vous remercie mon cher neveu, ответила тетушка, mais j'ai lu aujourd'hui cette nouvelle dans le «Правительственный вестник»^I.

К завтраку и после него по воскресеньям съезжались не только дети и родственники, но очень многие. Тут я видел и Победоносцева, и Третья Иванovichа Филиппова, и гр[афа] Алексея Павловича Игнатьева, киевского генерал-губернатора, и кн[язя] Сенди Долгорукова и многих других. Тетя Доля очень блюла карьеру сыновей и считала qu'il faut^{II} поддерживать les связи.

У Валериана Сергеевича Оболенского была сестра — тетя Вера Голенищева-Кутузова. Муж ее одно время был в Берлине светским генералом при германском императоре, а потом гофмаршалом при императоре Александре III, у них была большая семья в то время еще не взрослых детей. Тетя Вера была необыкновенно родственна и приветлива.

В том же доме, что тетя Доля, внизу, проживал в этот год кн[язь]. Иван Михайлович Оболенский, родной племянник ее покойного мужа, впоследствии Финляндский генерал-губернатор. Как он мог дойти до такого высокого поста и из штатских внезапно превратиться в генерал-адъютанты — это своего рода загадка. Это было случайное engouement^{III} Государя, которому понравились его мероприятия по усмирению крестьянского бунта в Харьковской губернии, где он будучи губернатором

^I Благодарю вас, мой дорогой племянник, но я уже прочла эту новость в *Правительственном вестнике* (франц.).

^{II} Нужно (франц.).

^{III} Увлечение (франц.).

перепорол массу народу, вследствие чего на него было неудачное, по счастью, покушение, которое еще возвысило его шансы. Он был женат на Топориной¹, очень милой и простой женщине, которая души не чаяла в своем муже. Она принесла своему мужу крупное состояние. У них было две дочери: старшая Марья Ивановна вышла замуж за Звягинцева и сейчас (1929 год) живет с семьей в Лондоне. Вторая, Ольга, была первым браком за Петриком Оболенским. От этого брака два мальчика — Ваня и Алик. Ив[ан] Мих[айлович] был веселый балагур, приятный собеседник, в общем хороший и добрый человек, которого всегда любили те, кто его ближе знали. Для красного словца, он не жалел ни матери, ни отца, и первым удовольствием его было скандализировать свою мать, почтенную старушку tante Olga^{II}. Помню, как на каком-то костюмированном балу одна дама была в очень рискованном декольте. — Ив[ан] Мих[айлович] сказал про нее, что она изображает «Боярыню Нагую». — После усмирения крестьянского бунта он пустил про самого себя рискованную остроту: «Какая разница между мною и хорошим шампанским... — Шампанское подают sec [сухим], а я крестьян сек».

Добрейшая tante Olga, мать Ивана Михайловича, была родом румынка — кн[язна] Стурдза. Она познакомилась со своим мужем в Вене, где он служил в Посольстве, но мать у нее была ведьма, которая в порывах гнева иногда проклинала свою дочь и ее потомство. Tante Olga вспоминала время, когда она начинала выезжать в свет; император Франц-Иосиф был еще наследник, и на каком-то балу при Дворе она танцевала с ним кадрили, а визави был его брат, будущий император Максимилиан, убитый в Бразилии⁸⁶. Это показывает, какого она была возраста, ибо не могло быть раньше 1847 года.

Tante Olga жила в этот год (1896/97) со своей дочерью Еленой Михайловной Чертковой, которая только что с мужем и детьми переселилась в Петербург. Это была прелестная свежая, нетронутая не петербургская семья. — Ф. Чертков был воронежским помещиком, но дети подросли. Старший сын Михаил Федорович, впоследствии женатый на моей покойной сестре Александре Николаевне, только что кончил гимназию и поступил в университет. Дочь, Муся (впоследствии замужем за гр[афом] Медем, ныне скончавшаяся в советской России) была прелестная 16-летняя девочка. Это были милые простые радушные люди, у которых мне приятно бывало отдохнуть и почувствовать себя в семейном уюте. — С ними же поселилась и сестра Ел[ены] Мих[айловны] — Аграфена Мих[айловна] Панютина, самый близкий человек моей бель-сёр

^I Правильно: Топорниной.

^{II} Тетушку Ольгу (франц.).

Паши, жены брата Сергея. Ее я видал у них часто, она по многу жила у моего брата. Судьба ее трагического замужества заслуживает внимания. Когда она была девицей, за ней очень ухаживал гусар Панютин. Он сделал ей предложение, но она отказала ему. Панютин поехал на Кавказ, хотел забыть свое увлечение, стал ухаживать за Лазаревой, сделал ей предложение, очевидно, *par dépit*¹ и стал женихом. Между тем Груша Оболенская раскаялась, что отказала. Она не знала, по-видимому, что Панютин был уже женихом другой, и дала ему знать, что готова стать его женой. Панютин бросил новую невесту, уехал с Кавказа и женился на Аграфене Михайловне. Но братья Лазаревы вступились за сестру. Один из них вызвал Панютина на дуэль и убил его пулей в живот, на 3-м месяце его женатой жизни. — Так жестоко бедная Груша поплатилась за свое легкомыслие. Она осталась вдовой⁸⁷ и жила всегда со своей матерью, но часто гащивала, как я уже говорил, у своей кузины Паши, которую любила больше всех, после своей матери.

У нее было сильно развитое воображение, и когда она про что-нибудь рассказывала с экзальтацией, надо было с осторожностью принимать точность ее рассказа. У нее был счастливый нрав, благодаря которому она легче чем другая несла выпавшую ей долю одинокой молодой вдовы, только два-три месяца испытывшей счастье. Все свои заботы она перенесла на старую мать, которая иногда понижала диапазон ее воображения, когда она начинала рисовать картины.

Всех не припомню, кого я видал и у кого бывал в Петербурге.

Всюду я встречал неожиданно для себя, самый милый сердечный прием, совершенно не отвечавший моему представлению москвича о холодном Петербурге. Конечно, это была совершенно другая обстановка, чем в Москве, чиновно-придворная, но и более подобранная и полезная, чтобы обтесать молодого провинциала. — В нашем кругу старого дворянства, молодому человеку кончившему университет, если он не шел по ученой части, как мои братья, нечего было делать в Москве. Конечно была общественная, дворянская и земская деятельность, которая находила себе применение в деревне и провинции. Кроме этого была военная и гражданская государственная служба, и самым естественным началом ее была гвардия и министерства в Петербурге. — Первые шаги мои в Министерстве иностранных дел ничего мне не дали по существу, да я и слишком мало пробыл в Азиатском департаменте — всего одну зиму. Но все же некоторую служебную шлифовку я получил, а кроме того самостоятельная жизнь, новые знакомства и наблюдения были мне очень полезны и помогли немного созреть и опериться.

¹ С досады (франц.).

Перед тем, чтобы проститься с Петербургом, я хочу еще воздать благодарную память одной доброй старушке, которая была очень мила ко мне, а именно баронессе Марье Петровне Будберг, матери княгини Гагариной и бабушке моего бо-фрера Николая. Она была вдова нашего посла в Париже и гофмейстерина при великой княгине Марии Павловне, и жила против Спасо-Преображенского собора, Спасская 1, вместе с своей старшей сестрой. Обе были прелестные старушки с точеным профилем и были на редкость добры ко мне, особенно Будберг, которая заботилась о моих первых служебных шагах. Я обязан ей был впоследствии моим первым повышением после назначения в Константинополь. Вообще, я не могу пожаловаться на судьбу — столько добрых людей встречал на своем пути и столько получал от них внимания. Все это благодаря, тому, что все, кто знали моих родителей, были рады помочь их сыну.

В марте месяце в Константинопольском посольстве произошло служебное движение и открылась должность причисленного к посольству секретаря консульства в Ускюбе. — Фактически, назначенный на эту должность не ехал в Ускюб, но оставался в Константинополе и причислялся к посольству.

Я получал 3000 рублей в год (40 000 франков по нынешнему — 1929 года — курсу)⁸⁸; казенную квартиру, и, по установившемуся обычаю, ежедневно обедал у Посла. — По тогдашним ценам, это было прекрасное жалование, вполне обеспечивавшее существование, особенно в Константинополе. Все это я получил, благодаря стараниям добрейшего Дмитрия Алексеевича Капниста, хотя он не состоял уже на службе. — Я поехал тотчас в Москву, где провел с семьей Страстную и Пасху перед отъездом в Константинополь.

Старый Восток

(Отрывки воспоминаний)

I

Когда я кончил университет, как большинство молодых людей, не получивших специального технического образования, я не знал хорошо, какую карьеру выбрать. По понятиям и традициям моей семьи мне не представлялась возможность иной службы, кроме государственной или выборной. Старый друг моих родителей граф Дмитрий Алексеевич Капнист, занимавший крупный пост в Министерстве иностранных дел, уговорил меня избрать дипломатическую карьеру и поступить в так называемый Азиатский департамент, во главе коего он стоял. В то время в этом учреждении были сосредоточены все интересы

России на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке. Впоследствии, по мере роста дел, Азиатский департамент был упразднен и вместо него были учреждены три отдела, для каждого из этих Востоков. Мне пришлось быть много лет спустя начальником отдела Ближнего Востока.

В Петербурге я пробыл всего несколько месяцев и был назначен состоящим при нашем посольстве в Константинополе весной 1897 года.

До тех пор я никогда не был за границей, и знал только Москву и Петербург. Константинополь имел для меня особую притягательную силу. С ним связан был в истории нашей внешней политики и наших войн, на протяжении столетий, особый романтический ореол: мечта о водружении православного креста на куполе Св. Софии, и завладение проливами, которое завершило бы мировое значение Русской империи. Религиозная идея сочеталась с идеей политической. Экономические и торговые интересы России также ставили перед Россией задачу завладения проливами, чтобы получить в наши руки свободный выход из Черного моря. С такими мыслями, кружившими молодую голову, я ехал в Константинополь. Это было в расцвет весны, в апреле месяце. Проезжая через Киев, который я также впервые увидел, я любовался величественной картиной широкого разлива Днепра у подножия древнего холмистого города, сверкавшего старым золотом многочисленных куполов киевских церквей. Зрелище было в своем роде единственное по красоте и тем историческим воспоминаниям, которые будил Киев, эта колыбель и мать русских городов.

Воспоминание о Киеве не было вытеснено у меня даже той волшебной панорамой, которая развернулась перед нами, когда пароход, на котором я плыл из Одессы, вошел в живописный извилистый Босфор. То, что я здесь увидал, казалось какой-то иллюстрацией восточной сказки.

И впоследствии, когда в течение многих лет мне не раз приходилось проделывать то же путешествие, меня всякий раз охватывала красота Босфора и входа в Константинополь, это чередование дворцов, киосков, старых домов с минаретами и поэтичными кладбищами, обрамленными кипарисами. Чудные запахи неслись из садов по обе стороны пролива, разделяющего Европу и Азию. Тысячи маленьких и больших лодок и фелюг разрезывали водное пространство, и воздух оглашался свистом сирен с пароходов. Каждый поворот открывал все новые и новые перспективы, пока наконец, не показывался вдали сказочный Стамбул, со старым Серамм и силуэтом Св. Софии, от которого не могло не биться русское сердце. Вдали виднелись Золотой Рог, Принцевы острова и Мраморное море. И над всем этим в яркую солнечную погоду висела какая-то голубая дымка, довершавшая таинственную и сказанную притягательность царственного города.

Мне пришлось тотчас по приезде окунуться в атмосферу усиленной работы в посольстве. На меня, как самого младшего, ложилась обязанность непрерывно шифровать и расшифровывать телеграммы; иногда вся ночь проходила в работе. Но все это было ново и полно захватывающего интереса. Кончив работу, молодые секретари еще не расходились и вели горячие разговоры о разворачивающихся событиях и возможных их последствиях. В парке посольства заливались соловьи, и южная прятная весна с опьяняющими запахами цветов казалась какой-то сказанной рамкой для грез и мечтаний, в которых смешивались и Стамбул с его минаретами и дворцами, и только что покинутая мною и близкая православная Россия с золотом своих куполов и с ореолом грозной мощи, которая еще сильнее чувствовалась здесь на Востоке, чем у себя дома.

Как прекрасна была весна на Босфоре! Никогда не забуду бала в парке английского посольства в Терапии на берегу Босфора, по случаю юбилея королевы Виктории. Воздух был пропитан мерцанием еусиоли, которые то вспыхивали, то потухали, летая вокруг нас. На судах против Посольского дворца пускались ракеты, отражавшиеся в водах Босфора. Бесчисленные каики бороздили около берега, и теплая южная весна, как вино ударяла в голову. Я видел потом на своем веку много красивых и великолепных праздников, но ничего не могло вытеснить во мне воспоминания об этой ночи на Босфоре.

В редкие свободные дни и часы мы с товарищами делали прогулки и экскурсии. У каждого из нас была своя лодка, или каик на Босфоре. Каик — это самое живописное и приятное средство передвижения. У посла был огромный каик в 12 гребцов, в котором могло поместиться столько же пассажиров. У частных людей было обычно два гребца в бархатных фустанеллах, шитых золотом. По пятницам совершалась прогулка на «Сладкие воды» (eaux douces) на европейском или азиатском континентах. «Сладкие воды» это были просто небольшие извилистые речки. По пятницам они были запружены каиками, с нарядными гребцами и богатыми турчанками в чаршафах^I, которые скрывали их лица. На берегу сплошь также сидели турчанки, торговцы рахат-лукума и «испанских хлебцев» обходили их, порою заливалась дудка, и раздавались звуки восточной мелодии с бубнами и барабаном. Цыганки обходили ряды и предлагали амулеты и гадания на кофейной гуще. Иногда они поразительно умели рассказать семейное положение и предсказать ближайшее будущее. Старые турки в чалмах, с длинными наргилэ^{II} важно сидели на разостланных коврах и пили кофе. Эти прогулки были одним из немногих развлечений, до-

^I Большой платок, в который оборачивалась женщина (турецк.).

^{II} Кальян (турецк.).

зволненных турчанкам. В то время нравы были необычайно суровы, женщин сопровождали огромные евнухи, не только оберегавшие и прислуживавшие им, но и зорко следившие за малейшим отступлением их от их неумолимого закона, отчуждавшего женщин от внешнего мира и оберегавшего их от нескромного взора. За тем же зорко следила полиция и шпионы. Но женская природа бывала сильнее всех запретов и молодые турчанки изощрялись порою в том, чтобы обмануть бдительность своих сторожей и забавиться, хотя бы в возможных размерах, игрою кокетства.

Я помню, как однажды вскоре по приезде, гуляя по набережной Буюк-Дере я обратил внимание на стройную фигуру молодой турчанки, которая гуляла в сопровождении какой-то старухи. Незнакомка это заметила, и, украдкой откинув чаршаф, улыбнулась мне. Я стал следовать за ней по пятам, она не раз проделывала тот же маневр, наконец показала мне жестом на Босфор. В эту минуту она подходила со старухой к поджидавшему их каику, который отчалил, направляясь к Азии. Недолго думая, я бросился к ближайшей лодке и приказал лодочнику следовать за каиком, не отставая от него, за что посулил награду. На воде продолжался тот же немой, но красноречивый разговор. Незнакомка в чаршафе была, вероятно, черкешенкой. О том свидетельствовали большие черные глаза, стройный стан и улыбка. Так по крайней мере рисовалось в моем воображении. Подплыли к берегу.

Незнакомка вспрыгнула на мостик, обернулась и снова пригласила меня следовать с самым многообещающим видом. Мне было 23 года, была весна, и я не задумывался над возможностью попасть в авантюру, не совсем удобную для секретаря посольства. Дорога поднималась вверх, между садов, окруженных толстыми стенами. Это были жилища богатых турок. Постоянно оглядываясь назад, знакомка все увлекала меня вперед, и я видел, как губы ее дрожали от шаловливого смеха. Наконец мы подошли к огромным массивным воротам какого-то большого дома. Старуха дернула звонок и прямо втокнула молодую женщину в калитку, которая быстро захлопнулась. Я стоял перед домом, раздосадованный глупым приключением, когда внезапно раскрылась глухая ставня одного окна, белая ручка послала мне поцелуй, ставня с шумом захлопнулась, за ней раздался смех, а у ворот вырос огромный черный евнух с пистолетами и кинжалом за поясом. Дальнейшая любопытность не предвещала ничего доброго, и я ретировался к лодке. Так невинно кончилась эта встреча, которая могла завершиться только неприятным приключением для меня. Впоследствии я уже не стремился продолжать немые разговоры.

Любители восточного колорита могли по пятницам любоваться живописной церемонией Селямлика. Утром в коляске с посольским ка-

васом^I на козлах ехали в Ильдиз-Киоск, получив предварительно особое именное приглашение от Дворца. Вас привозили в особый киоск, построенный для именитых иностранцев против Дворцовой мечети. Киоск был построен на высоком холме, откуда открывался чудный вид на Мраморное море и Стамбул. У входа в мечеть были построены войска. Дежурный и церемонимейстер встречали гостей, угощая их кофеем, шербетом^{II} и султанскими папиросами, которыми менее церемонные посетители набивали себе карман. За кофейными чашками, украшенными алмазами, зорко следили дворцовые слуги в красных кафтанах, шитых золотом. Кроме приезжих именитых туристов, на Селямлик обычно приезжали послы с своими дрогоманами, когда хотели иметь потом аудиенцию у султана.

Надо было забираться загодя, и не мало времени проходило в ожидании. Наконец сверху из Дворцовых ворот показывался шарабан, запряженный белыми арабскими лошадьми. В нем сидел на переднем месте султан, а перед ним знаменитый герой Плевны Осман-Паша⁸⁹, который один удостоен был чести сидеть перед падишахом. Войска восторженными восточными криками приветствовали своего повелителя, музыка играла гимн. Султан медленно проезжал мимо киоска, отдавая честь дипломатам, которых знал, потом лошади рысью поднимались в гору, а за шарабаном тоже рысью бежали толстые перетянутые Паши-генералы и придворные. Шествие замыкалось рядом карет, в которых сидели жены султана. На них прикрикивал придворный евнух, словно погонщик, выгонявший конюшню лошадей на прогулку. После краткой молитвы в мечети, султан возвращался во дворец. Церемония была кончена. Она была необыкновенно живописна на этом фоне, моря, Стамбула и голубого неба, с пестротой восточного церемониала.

Все это было красиво, интересно, но главную прелесть для меня представляли многочисленные прогулки, особенно на азиатском берегу, где более неприкосновенно сохранился мирный Восток, дремлющий, важный, набожный, со своими садами, фонтанами, кладбищами и огородами, на которых турки ставили кресты, чтобы пугать мусульманских ворон...

II

Более далекими экскурсиями, требовавшими ночевки, были Принцевы острова, ставшие впоследствии столь знакомыми многим русским беженцам. Это был другой Восток — греческий, со своими мона-

^I Жандарм или полицейский в Турции; кавасы обыкновенно приставляются к иностранным посольствам в Константинополе.

^{II} Здесь фруктовый прохладительный напиток (турецк.).

стырями, духовным богословским училищем на Халках и греческими хорами, которые отчасти напоминали итальянские, но сохранили однако свой местный колорит.

О эти черные очи
Они убивают меня...

Лунные теплые ночи, пропитанные запахом явок, лавана и мяты с пением хоров, или одинокой песнью лодочника, оставляющего светлую флуоресцирующую борозду от всплеска волн, крики ночных сторожей, передающих один другому во все концы весть о том, что в таком-то квартале города начался пожар, — наконец эти грандиозные пожары, от которых выгорали иногда целые кварталы загроможденных один на другой деревянных домов, ночные призывы муэдзинов с высоких минаретов, и столько других образов, звуков и запахов, смешиваясь вместе, встают в памяти, воскрешая обаяние восточной ночи...

А дневное очарование!.. Эти огромные мечети с грандиозными дворами и фонтанами, с этими страстными молитвенными призывами муэдзинов, которые прерываются молчанием ритмически повергающихся ниц правоверных. Живописные тюрьмы — остатки старых кладбищ, с усыпальницами султанов, их жен и именитых турок. И наконец Св. София — храм, которому нет подобного в мире, и который для чуткого сердца сохраняет свой великий христианский облик, несмотря на многовековую кабалу Исламу, которой он подчинен. Что осталось в нем, кроме этой дивной архитектурной гармонии, благодаря которой из каждого самого отдаленного угла его можно видеть центр его купола... В этой собранности, в этом стройном единстве заложена великая идея, только отчасти сродная единобожию Ислама, ибо в Исламе идея единства поглощает и как бы упраздняет понятие множества, а в христианстве единство восполняет и предполагает множество. А купол, венчающий Св. Софию, прекрасен не только внутри храма, он прекрасен и тогда, когда вы видите его, возвращаясь с островов и его очертания действительно напоминают небесный свод, и весь он, в лучах заходящего солнца, пронизывающим его окна, кажется светящимся и осиянным каким-то ореолом. Я уже не говорю о тех священных воспоминаниях, которые пробуждаются для нас русских в этом храме, благолепие коего побудило наших предков выбрать для России крещение в православную веру: мы как бы вновь переживаем с ними этот выбор, предопределивший судьбу России более тысячи лет тому назад. Здесь заложен секрет притягательной силы, которую оказывал Константинополь на ряд поколений русских людей, в течение всей нашей истории заставляя их про-

ливать свою кровь ради освобождения креста от ига полумесяца. И пусть не говорят о русском империализме. Не погоня за внешним владычеством и выгодами, не царственное положение Константинополя двигало русский народ к утверждению России на проливах. Это могло входить в расчеты наших политиков, но сам народ подымался ради водворения креста на святом куполе Софии, ради освобождения братьев-христиан и утверждения православного царства на месте ига неверных.

Пусть это все романтизм, пусть это навеки угасшая мечта изжитого периода нашей истории, но пусть не иссякнет тот религиозный двигатель, который определял содержание народного идеала: утверждение Креста — как лозунг народной и государственной жизни...

Я не отвлекся от своих воспоминаний, я передаю то, чем жили многие люди моего поколения, чем горела и моя душа, когда я только что начинал самостоятельную жизнь. Эта мечта не покидала меня и в зрелые годы. Ей отдал я свои лучшие силы. Она вновь ярко вспыхнула во время последней войны, когда вековые соперники наши на Востоке англичане и французы топили свои суда и посылали на смерть своих солдат в Дарданеллы, согласившись помочь осуществлению нашей вековой мечты. Это был только эпизод мировой войны, но эпизод прекрасный, воскресивший традицию крестовых походов и самый невыгодный для идеологии Германии, которой удалось отстоять твердыню ислама против утверждения Креста.

Но я вернусь к 1897 году, и к греко-турецкой войне, которая была в самом разгаре, когда я приехал в Константинополь. Первое отражение событий я испытал уже идя на пароходе из Одессы, ибо на нем плыл отряд русского Красного Креста, командированный в Турцию, и шла партия лошадей, закупленных подрядчиком — турецким греком (!) для нужд турецкой армии.

Неожиданно для многих турки одерживали решительные победы над греками. Последние не обнаруживали особенно военной доблести, о чем свидетельствовали слабость сопротивления и многочисленные раны в спину, которые отмечались в военных госпиталях, куда поступали греки. Рядом с этим нельзя было отказать грекам в искреннем патриотизме. Помню, как один знакомый грек-лодочник на Босфоре, узнав об одном поражении, испытал такое волнение, что через сутки умер, буквально от горя. Но этот легко возбудимый южный народ не был способен на долгое напряжение и выдержку...

Успехи турок озадачили европейские кабинеты. В то время турки нигде не были особенно популярны. У греков было большое преимущество в лице династии, имевшей близкие родственные связи с могущественными монархами России, Германии и Англии⁹⁰. Это побудило

в известную минуту русского и германского императоров сделать совместное представление султану, чтобы остановить его войска. На осторожного и трусливого Абдул-Гамида, всегда строившего свои расчеты на розни между европейскими державами, такое согласованное выступление двух монархов, принадлежавших к противоположным политическим группировкам, произвело должное впечатление. Он ответил согласием начать мирные переговоры и приказал войскам остановить наступление.

Между тем победоносное продвижение турецких войск вскружило головы туркам, приподняло чувства национальной гордости и возбуждало мечты, которых втайне боялся султан, знавший по опыту, что Турции позволено терять, но не позволено приобретать...

Несмотря на фатализм, пассивность и отсталость, у турок проявилось известное общественное мнение и недовольство. Войска и администрация не получали регулярно жалования, казна была пуста. Пока одерживались победы, все готовы были терпеть, но когда ненавистные гяуры остановили успехи Полумесяца, в армии и в столице, и в мечетях Стамбула стало проявляться опасное брожение.

Султан, строивший систему своего управления и внешней политики на донесениях шпионов, которыми кишел Константинополь, насторожился. Он испытывал величайшую тревогу. Абдул-Гамид¹ был типичным восточным деспотом. Он вырос в обстановке дворцовых переворотов и тайных интриг Серала. Он привык никому не доверять и видеть в каждом приближенном возможного заговорщика, способного вонзить ему кинжал в спину. У него было два средства управления и расправы с действительными и мнимыми своими врагами: он или губил того, кто внушил ему подозрение, или задерживал его, чтобы застраховаться от его замыслов. На почве такой психологии разыгрался комичный эпизод, который друг другу передавали в посольских салонах.

У султана во Дворце, в связи с событиями, часто созывался Совет министров. Великим визирем был дряхлый невзрачный старик, выбранный падишахом вероятно вследствие своей незначительности — от такого рамольного старика нельзя было ожидать никаких заговоров.

И вот однажды, когда в назначенный час, в Ильдиз-Киоск прибыли министры, — неслыханная вещь — великий визирь отсутствовал. Те, кто знали нравы старого Востока и султанского двора, легко поймут, каким чудовищным представлялось подобное нарушение этикета. Перед падишахом буквально трепетали все его подданные, знавшие, как легко было переменить положение великого визиря на участь тюремно-

¹ Абдул-Хамид II (1842–1918) — султан Османской империи (в 1876–1909) и 99-й халиф.

го узника или ссыльного в самые ужасные области. Проходит полчаса, час, а визиря все нет. Султан меняется в лице, его начинают разбирать самые мрачные подозрения. Они переходят почти в уверенность: великий визирь участвует в заговоре, жизнь его, султана, в опасности...

Наконец старый визирь приезжает, бледный, смущенный. Он бормочет какие-то извинения. Султан окончательно уверен в измене. Он требует от визиря объяснения его отсутствия, тот колеблется. Султан настаивает, наконец угрожает. Тогда бедный старик, пыхтя и потя, при всех министрах, делает свои признания. Когда он выехал из дома, у него сделались сильнейшие колики. Он надеялся, что это обойдется и почти доехал до дворца, но не выдержал и принужден был повернуть обратно. Слова визиря только усиливают подозрительность султана. Он не верит таким простым объяснениям и вновь обрушивается на него с требованием сказать всю правду. Тогда окончательно растерявшийся старик просит своего повелителя послать осмотреть его карету, в которой остались более чем убедительные доказательства его нездоровья. Султан посылает к подъезду своего гофмаршала. Тот быстро возвращается, подтверждая показания визиря. — Финал: султан приказывает немедленно выдать великому визирю тысячу фунтов. Так в старой Турции, когда никто уже два месяца не получал жалования, старый визирь был щедро награжден за неприятное нездоровье и получил возможность переменить обивку в своей карете.

III

С греко-турецкой войной у меня связано воспоминание об одном происшествии, которое носит яркий колорит Востока. О нем я и хочу здесь рассказать.

В числе моих старших сотоварищей по посольству был П. Б. Мансуров. П[авел] Б[орисович] был один из самых глубоко религиозных людей, каких мне приходилось встречать в жизни. В нем было обаяние чистой прекрасной души. Каждое дело, каждый шаг сопровождался у него внутренней молитвой, которую он творил про себя. При этом ни малейшей тени ханжества. Он был веселый, милый собеседник, которого все любили, хотя и добродушно подсмеивались порой над его рассеянностью, ибо он был человеком не от мира сего, и в житейских отношениях был порою беспомощен и наивен, как дитя. Зато его внутренняя жизнь поражала глубиной и внушала уважение даже скептикам.

П[авел]. Б[орисович] был знатоком в области восточной Церкви, и в этом отношении был незаменимым работником в посольстве, которому порою приходилось заниматься церковными делами, не меньше, чем политическими. Ведь нельзя забывать, что все обаяние старой

России на Востоке было построено на вековой роли ее, как покровительницы Православной церкви и единоверных ей христиан. П[авел] Б[орисович] интересовался не столько злободневной политикой в церковной области, сколько проникновением во внутреннюю жизнь Церкви. Он достаточно владел греческим языком и ему удалось завязать близкие сношения со многими представителями духовенства и иерархии Константинопольской патриархии.

Мансуров был женат. У него было трое сыновей в возрасте между 11 и 14 годами. Старший сын его Алик, незадолго до моего приезда, заболел скарлатиной и умер¹. Горе родителей было сильное. Они переносили его, как верующие люди, находя поддержку в религии. Мансуров был близок с одним священником — настоятелем церкви при греческом кладбище в Скутари — на азиатском берегу Босфора. Священник этот пользовался широкой репутацией среди православных греков. Его знали далеко за пределами его прихода и чтили, как проповедника и человека святой жизни. К нему и обратился Мансуров, желая похоронить своего сына на кладбище, которое он опекал. Это обстоятельство и частые посещения и совместные молитвы еще более сблизили их обоих.

Прошли лето и осень, наступила зима. И вот однажды священник пришел к Мансурову и рассказал ему следующее. Не так давно, обходя кладбище, он задержался на могиле его сына, и молился над ней, как вдруг к нему подошли две женщины, одетые, как турчанки, в чаршафах. Это было дерзкое предприятие со стороны последних, которое могло им стоить жизни. Турки ревниво оберегают своих жен от возможности перехода в христианство, самая мысль о чем-либо подобном представлялась бы им чем-то чудовищным. Только уединение кладбища, скрытого кипарисами, помогло осуществлению столь смелой попытки. Женщины торопливо объяснили священнику, что они родом гречанки, уроженки Фессалии. Во время наступления турок, за несколько месяцев перед тем, местечко, в котором они жили, подверглось разгрому, все их близкие были вырезаны, а сами они — две сестры вместе с двенадцатилетним мальчиком-братом были увезены в Константинополь и попали в гарем богатого паши. Там на них произведено было сильнейшее давление, чтобы заставить их перейти в ислам. Одна из сестер поддалась угрозам и согласилась. Та же участь ожидала другую сестру. Обе они просили священника тут же принять их покаяние и исповедь, и помочь им бежать...

Священник согласился на их просьбу, исповедал их. Он сказал им, что готов сделать все, что может, чтобы содействовать их бегству, но

¹ Через другого своего сына, Сергея, П. Б. Мансуров породнился с автором, поскольку С. П. Мансуров женился на племяннице Г. Н. Трубецкого — Марии Федоровне Самариной (дочери его сестры Антонины).

предварительно должен обдумать, как все это лучше организовать. Было условлено, в какие дни и часы могут повторяться встречи на том же месте.

Рассказывая все это Мансурову, священник советовался с ним, что можно сделать. Оба пришли к заключению, что всякое вмешательство посольства могло бы только погубить бедных женщин. Турки не только не допустили бы подобного вмешательства, но поспешили бы либо убить, либо спрятать их в такое место, где было бы совершенно невозможно разыскать их. При таких условиях помощь могла быть только материальная, если б это понадобилось для организации побега другими способами. Священник обещал держать Мансурова в курсе дела. Другья Мансурова, которых он посвятил в секрет, с нетерпением ждали, что из всего этого выйдет.

Через некоторое время священник вернулся и принес весть, что есть надежда устроить побег. За это взялся один из преданных ему и верных людей — грек, по профессии морской пират, посещавший его во время своих тайных приездов в Константинополь...

Надо перенестись в Константинополь конца прошлого века, чтобы понять возможность подобной комбинации набожного пирата, послушного духовного сына выдающегося греческого священника. Такое явление вытекало совершенно естественно из вековой борьбы христиан с турками. Она создала своеобразный средневековый тип полурыцаря — полуразбойника, борца за народные стремления, защитника слабых единоплеменников от произвола властей. Македония была полна таких борцов, которых звали комитаджи, т[о] е[сть] членов революционных комитетов. Во главе банд выдвигались смелые вожди, приобретающие безграничный авторитет в глазах членов банды. Им помогало население, укрывало от жандармов и войск. Помогала также гористая природа местности, способствовавшая такой непрерывной и безнаказанной партизанской войне. Греко-турецкая война выдвинула значение таких же борцов на море — пиратов. Эти люди были не прочь и разбойничать, особенно когда дело шло о турках, или о богатых купцах, они порою облагали известной данью население, но зато действительно старались защитить его, как могли от притеснений, и жестоко мстили их виновникам.

В Константинополе была сильно развита морская контрабанда табака. Контрабандисты подкупали полицию, ибо нигде взятки не введены в такую систему управления, как в Турции. Нашему пирату было не трудно установить связи с контрабандистами и через них приобрести некоторую благонадежность в глазах константинопольской полиции, которая ловила только тех, кто считал возможным не прибегать к ее помощи. При их помощи и был установлен план побега.

В старой Турции время исчислялось по лунным месяцам, поэтому самые месяцы и некоторые праздники передвигались в разные эпохи года. В этом году месяц Рамазан совпадал с нашим декабрем. Рамазан — мусульманское религиозное установление. В течение этого месяца мусульмане соблюдают днем строгий пост, ничего не едят до первой звезды. Пушечный выстрел возвещал появление этой звезды. Тогда кончался пост. Мечети и весь Стамбул расцветивались иллюминациями. В обычное время, на Босфоре прекращалось всякое движение. Во время Рамазана между берегами непрерывно сновали пароходы и лодки, также горевшие огнями. На улицах царило необыкновенное оживление. Всюду организовывались уличные театры — карагез (своеобразный турецкий Петрушка), сновали торговцы со съестными товарами и сладостями, раздавалась музыка. В мечетях шла непрерывная служба. В домах богатых турок столы были накрыты всевозможными блюдами и двери были открыты для всех. Эти мусульманские розговены носили название ифтары.

Побег был назначен во время Рамазана, как раз в расчете на исключительное ночное оживление. Мы были предупреждены о том, в какую ночь он состоится, и не без волнения вперяли взор в Стамбул, горевший огнями, Золотой Рог и Скутари — этапы через которые надо было пройти беглянкам. Только через три дня пришел священник на квартиру Мансуровых, конечно не в посольстве, и рассказал следующее.

В назначенную ночь обе сестры отпросились в Стамбул, в мечети. Их просьба была охотно удовлетворена. Им удалось отделаться от сопровождения, но они взяли в собою брата. Шел сильный мокрый снег, благоприятный для тех, кто хотели остаться незамеченными. Притом они разделились для предосторожности, и встретились, как было условлено на кладбище, на том самом месте, где произошла первая встреча. Там их поджидали священник и его друг пират. Им были приготовлены мужские костюмы, в которые они переделались, срезав волосы. Потом по маленькой крутой тропинке их свели к берегу моря, где их ожидала большая фелюга. Их спрятали в трюме. Было ясно, что побег двух женщин из гарема поставит на ноги всю полицию. Поэтому пират еще трое суток укрывался со своей фелюгой в маленькой бухте, где она стояла. Ему помогла его политическая благонадежность контрабандиста, за которого он себя выдавал, и друзья из полиции посоветовали прождать три дня, в течение коих тщательно обыскивались все отплывавшие суда. На четвертые сутки ночью, минуя освещенные места, фелюга пустилась в путь...

Много времени прошло потом безо всяких вестей о беглянках. Мы не знали, что и думать о постигшей их судьбе, и не раз думали, что

они вероятно накрыты были в дороге. Прошла зима, мы начали забывать о всей этой истории.

Наступил апрель месяц. В этом году, как сейчас помню, была исключительно ранняя, чудная весна. Зацвел миндаль, начали распускаться глицинии, и чудные запахи понеслись из садов. Мы решили воспользоваться райским солнечным днем, чтобы совершить с Мансуровым прогулку в Скутари, и кстати навестить священника, который долго к нему не показывался. Мне было интересно также поближе увидеть поэтическое кладбище, которое получило в моих глазах романтический ореол. С скромная церковь, рядом с ней два небольших двухэтажных деревянных дома. В одном из них школа, в другом помещались священник и учитель. Мы застали милого старика дома. Он только что оправился от простуды, которая мешала ему выходить. Небольшого роста, с огромной сидящей бородой и большими глазами, в которых написана была доброта и необыкновенная приветливость. Он очень обрадовался Мансурову и тотчас бросился готовить кофе и шербет, без чего не могло в то время обойтись ни одно посещение на Востоке, как у турок, так и у христиан. Общей чертой у них было гостеприимство; нарушение или хотя бы отступление от его обряда было невозможно. Когда все это было принесено и поставлено, и хозяин обменялся обычными приветствиями и расспросами о здоровье, он сказал нам, что получил наконец известия о беглянках, и прочел их письмо...

Оно начиналось взволнованным изъяснением радости за спасение и благодарности священнику. Дальше шла повесть о длинном путешествии, которое им пришлось проделать. Первая часть пути была самая опасная, ибо можно было опасаться, что приказ о поисках беглянок разослан повсюду, но у пирата были всюду свои верные люди и безопасные стоянки, и на фелюге был груз табака, чтобы помочь ему сойти за простого контрабандиста.

В Мраморном море фелюга остановилась на небольшом скалистом острове Кос, который был пристанищем всех пиратов и контрабандистов. Туда не отваживались турецкие военные суда, ибо им пришлось бы выдержать неприятную встречу. На острове имелась небольшая греческая церковь, украшенная паникадилами и лампадами, награбленными из священного каравана, который ежегодно отправлялся турецкими мусульманами из Константинополя в Мекку.

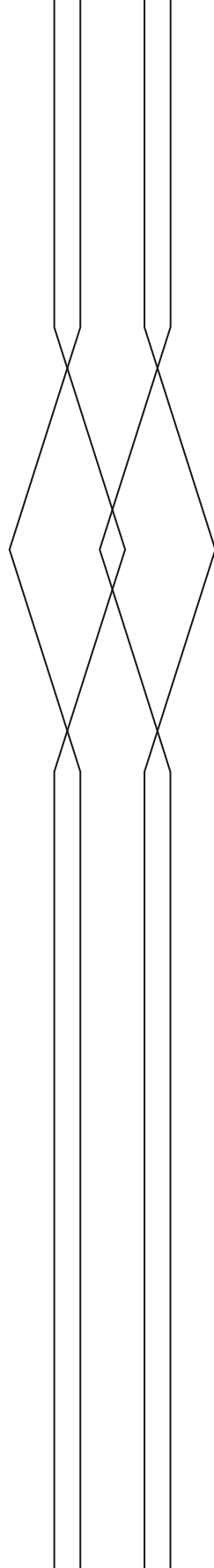
Беглецы прожили там две недели, пользуясь широким гостеприимством пирата и его соратников. Потом небольшими этапами, продолжая соблюдать все предосторожности, они наконец добрались до Архипелага. Что делать дальше... Они не задавались этим вопросом, покидая Константинополь, ибо прежде всего надо было во что бы то ни стало

выбраться из него. Возвращаться на родину... Но того местечка, где они жили, уже больше не существовало, все близкие или убиты, или пропали. Надо было начинать что-то новое. От прошлого остались только тяжелые воспоминания и укоры совести для той, которая, хотя на короткое время, изменила родной вере. И вот обе сестры, которых пират окружал самой трогательной заботливостью и участием, решили, что они оснут маленькую женскую обитель... Их заботила участь брата, но пират предложил им усыновить его, и они писали, что не могли и мечтать отдать его в лучшие руки, таким благородным, мужественным и прекрасным человеком он проявил себя. И свое письмо беглянки заканчивают просьбой сказать, как имя того, на чьей могиле они встретились со священником в первый раз и потом, вплоть до своего побега. Они хотели бы, если им удастся соорудить обитель и храм, посвятить его святому, чье имя носил покойник, на могиле которого они нашли свое спасение, и добавляли, что будут вечно поминать и его самого.

Прошли года, Восток столько раз весь сотрясаясь войной с тех пор. Мощь Полумесяца померкла, но где-то там, на одном из островов Архипелага или в Фессалии основалась обитель Св. Алексея, и две старые монахини быть может до сих пор творят молитву о рабе Божиим отроке Алексее. Редко лучший живой памятник воздвигался на могиле...

О священнике я имел известие уже после недавней войны. Он все еще жил в Скутари и продолжал быть утешением и поддержкой своей паствы, которая смотрит на него, как на святого. Что сделалось с пиратом и его воспитанником... Кто может ответить на этот вопрос... Если обитель и кладбище могли укрыться и уцелеть среди бурного потока событий, то этот поток верно перемолол и унес в своем течении борцов вместе с тем старым живописным Востоком, о котором говорят только кипарисы, покрывающие своей сенью старые и новые могилы...

**РУССКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ
1914–1917 ГОДОВ
И ВОЙНА
НА БАЛКАНАХ**

Глава I

Предлагаемые отрывки на моих воспоминаний относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему минувшей войне. В это время я занимал место начальника Отдела Ближнего Востока Министерства иностранных дел. Это давало мне возможность близко стоять к ходу международных событий. Воспоминания этого периода были записаны мною по свежим следам, когда последующие события не могли еще вытеснить их из памяти. Я закончил их в январе 1917 года, т[о] е[сть] перед самой революцией. Это отразилось на оценке многих фактов, но я предпочитаю ничего не менять в своем рассказе.

* * *

В июне 1914 года я поехал в отпуск в деревню. В мое отсутствие в Петербурге было получено известие о скоропостижной кончине нашего посланника в Сербии, Н. Г. Гартвига⁹¹. Мне было предложено его место. Едва успел я ответить по телеграфу, что принимаю это место, как получил новую телеграмму, срочно вызывавшую меня вернуться в Петербург. Я немедленно выехал, недоумевая о причинах столь спешного вызова. В дороге я купил «Русское слово», в котором был напечатан текст австрийского ультиматума Сербии⁹². Все стало ясно.

В Петербург я приехал, должно быть, 13 июля и сразу попал в атмосферу повышенного настроения. В нескольких словах меня ознакомили с положением дела. Австрийский ультиматум Сербии своей неслыханной резкостью и категорическим тоном требований произвел всюду впечатление разорвавшейся бомбы. Он был воспринят всеми без исключения, как правительством, так и обществом, как вызов, через голову Сербии обращенный к России.

Как это бывает в минуты серьезных катастроф, в которых замешаны жизненные интересы и честь народа, настроение определилось сразу с поразительным единодушием. Россия не могла не ото-

зваться на брошенный ей вызов. Никто не хотел войны, но все понимали, что если Австрия не отрешится от своей непримиримой точки зрения, война неизбежна.

Австрийский ультиматум, дававший Сербии 48 часов на ответ, был вручен в Белграде сербскому правительству в 6 часов вечера 10 июля. Передача его по телеграфу в европейские центры была умышленна задержана австрийцами. Австрийский посол в Петрограде [граф Сапари] сообщил текст ноты русскому министру иностранных дел [Сазонову] через 17 часов после ее вручения в Белграде, т[о] е[сть] днем 11-го июля.

На следующий же день, 12-го июля, было опубликовано правительственное сообщение о том, что императорское правительство в самой высшей степени озабочено последними событиями, и что сербо-австрийский конфликт не может оставить Россию равнодушной. Одновременно было сделано распоряжение о повсеместном возвращении войск из лагерей в городские казармы. Юнкера были досрочно произведены в офицеры.

Я не буду описывать день за день происходивших переговоров, которые в главных чертах известны из опубликованных документов. Из них ясно можно увидеть, что Россия, Франция и Англия старались исчерпать все средства для мирного исхода и готовы были дать возможное удовлетворение Австрии, дабы устранить опасные вопросы самолюбия. Когда в Петрограде был получен ответ сербского правительства, он превзошел все наши ожидания своим умеренным и примирительным тоном⁹³. Иного впечатления он и не мог произвести на людей, не заведомо предубежденных. Это доказывается, между прочим, тем, что австрийский посол в Париже [граф Сечен де Темерин], впервые ознакомившийся с сербским ответом в французском министерстве иностранных дел, невольно выразил удивление, что австрийский посланник в Белграде не счел его удовлетворительным. Мне впоследствии пришлось слышать от итальянского посланника в Сербии, барона Сквитти, заведшего к своему австрийскому товарищу за несколько часов до получения от сербов ответа, что он застал барона Гиссля¹, заканчивавшего укладку своих вещей.

— Зачем Вы укладываетесь, ведь Вы получили удовлетворение?, — сказал Сквитти.

— Откуда Вы это знаете? — тревожным дрогнувшим голосом спросил его Гиссль. — Разве Вы видели кого-нибудь из сербов?

И тут же он добавил, что ему велено выехать, если хоть какая-либо запятая будет изменена сербами в предъявленных им требованиях.

¹ Имеется в виду Владимир Гизль фон Гизлингер. .

В Петрограде¹ в то время еще, разумеется, не знали этих подробностей. С. Д. Сазонов жил (на даче) в Царском Селе, откуда ежедневно приезжал в город. Там же жил и германский посол граф Пурталес. 15-го утром они ехали в том же в вагоне, и Пурталес сказал, что сербский ответ нельзя признать удовлетворительным. Это было первым симптомом крайней серьезности положения, ибо ясно указывало на полное нежелание Германии склонить Австрию к какому-либо приемлемому компромиссу. Лично Пурталес был вполне порядочным человеком. Он дольше всех сохранял оптимизм и был убежден, что дело не дойдет до войны. Он не сомневался, что Россия остановится перед бесповоротным решением и в конце концов уступит. Такое убеждение слалось у него из совершенно неправильного представления вообще о России. Последнему, по-видимому, немало способствовал, между прочим, незадолго до того уехавший из Петрограда советник германского посольства Луциус. Германские дипломаты воображали себе, что Россия накануне революции, и что малейшего внешнего осложнения достаточно, чтобы внутри империи вспыхнули крупные беспорядки. Нам было известно уже и ранее, что такое именно представление о России германцы старались укоренить среди турок. Что сами они искренно этому верили, видно из книги генерала Бернгарди о будущей войне²⁴, где стратегические расчеты основаны, между прочим, на неизбежности революции в России в случае войны¹¹. Как раз перед австрийским ультиматумом в Петрограде происходили стачки рабочих, отчасти поощрявшиеся крайней бездеятельностью полиции. Эти беспорядки только еще больше укрепили германского посла в мысли, что Россия воевать не будет.

Справедливость требует признать, что сам Пурталес старался, насколько это от него зависело, действовать примирительно. Однажды, во время беседы о Сазоновым, в один из этих дней, оба собеседника слишком разгорячились. Пурталес был туг на ухо, в разговоре с ним приходилось повышать голос. Часто это взвинчивало и без того нервного в то время Сазонова, как он сам это признавал, и он говорил или кричал резче, чем хотел. Так было, по-видимому, и на этот раз. Пурталес уехал обиженный. Однако в тот же день он заехал к товарищу министра Нератову, сказав ему, что погорячился, а что в такое время не следует вводить еще личных мотивов; после этого он посетил Сазонова. В личных отношениях они оба, как порядочные люди, относились друг к другу с уважением.

¹ В тот момент город еще назывался Санкт-Петербургом. В Петроград он был переименован уже после начала Первой мировой войны 18 (31) августа 1914 г.

¹¹ Когда я писал эти строки, я еще не знал, как должны были оправдаться расчеты наших врагов, хоть и с опозданием, которое нарушило главную их для них ценность. — *Примеч. автора.*

Оптимизм Пурталеса поколебался лишь за 3 дня до разрыва, когда у нас принято было решение о мобилизации 4-х военных округов, в связи с известием о почти полной мобилизации Австрии и начавшейся бомбардировке Белграда. 16 июля Пурталес, как всегда, пришел к Сазонову. Во время разговора, в котором оба собеседника горячились, Пурталес неожиданно подошел к окну, схватил себя за голову и разрыдался. «Боже мой, неужели мы будем воевать». Мы созданы для того, чтобы идти рука в руку! У нас столько связей династических и политических, столько общих интересов в поддержании принципа монархии и социального порядка!»

— Зачем же Вы даете себя увлечь Вашей проклятой союзницей (*sacrée alliée*)? — горячо перебил его Сазонов.

— Теперь уже поздно, — глухо промолвил посол.

Если искренность Пурталеса едва ли есть основания заподозрить, те последующий ход событий и опубликованные данные, по-видимому, установили непреложность факта, что война была вызвана, пожалуй, в большей степени германскими воздействиями, чем решимостью Австрии.

Правда, со времени Балканского кризиса международный авторитет Габсбургской монархии сильно поколебался, и воздействие этого характера на внутреннее брожение среди ее народностей было настолько ощутительно, что в Вене сложилась поговорка: *Besser ein Ende mit Schrecken, als Schrecken ohne Ende*¹. Вследствие этого, уже с ноября 1912 года в Вене сложился проект восстановить утраченный авторитет энергичным доказательством силы по отношению к Сербии. Предполагалось потребовать от сербского правительства реальных гарантий и, в случае отказа, предпринять карательную экспедицию (*Strafexpedition*), предупредив державы, что Австрия не ищет территориальных приобретений. Этим полагали предотвратить вмешательство России; однако, по мнению сторонников *ein Ende mit Schrecken*, Австрия не должна была останавливаться и в этом случае перед необходимостью так или иначе прояснить положение. План этот доверительно был сообщен нашему послу в Париже А. П. Извольскому австрийским финансистом Адлером, приехавшим из Вены в Париж в конце ноября 1912 года.

Однако от плана до его осуществления было еще далеко. У ответственных руководителей австрийской политики вряд ли хватило бы решимости провести его. Трагическая гибель эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены от руки боснийского серба Принципа послужила толчком к развитию последующих событий⁹⁵.

¹ Лучшее конец со страхом, чем страх без конца (нем.)

Несомненно, что обстановка, в которой совершилось убийство, сильно поразила воображение в Австрии. Начались враждебные сербам манифестации, сопровождавшиеся в некоторых местах погромами. Это, вероятно, внушило некоторым политикам в Вене надежду, что смерть эрцгерцога послужит патриотическому объединению и сплочению монархии, если правительство сумеет показать свою силу и поддержать свое падающее обаяние. С другой стороны, учитывалась поддержка Германии и, быть может, специально рыцарские чувства императора Вильгельма в связи с гибелью австрийской наследной четы, так недавно принимавшей его у себя.

Я представляю себе, что так приблизительно думали кое-кто в Вене¹. На беду, министром иностранных дел был в это время малозначительный граф Берхтольд, а делами в его ведомстве заправлял начальник отдела граф Форгач.

Этот последний незадолго до того должен был покинуть пост посланника в Белграде, сильно скомпрометированный в поднятом им шуме по поводу документов, доказывавших причастность сербского правительства к внутренним проискам в Австрии. Документы, как известно, оказались сфабрикованными. Форгач должен был переменить место и был назначен на незначительный пост посланника в Дрездене. Но там он пробыл недолго. Начальство оценило его изворотливость и несомненные способности, и Форгач попал в Вену.

Понятно, он затаил досаду и питал далеко не дружелюбные чувства к сербам. Честолюбивый, интриган, с еврейской кровью в жилах, Форгач ждал минуту отмстки, и минута эта, как ему казалось, наступила после Сараевского убийства.

В сущности, Форгач не придумал нового плана, а возобновил тот, который сложился уже в 1912 году. Для обоснования ультиматума Сербии он использовал обвинения, которые в свое время стоили ему его места в Белграде. Он явно хотел доказать этим повторением старого приема, насколько и в первый раз он был прав.

Пособника своих видов Форгач нашел, по-видимому, в лице германского посла в Вене графа Чиршского. Этот последний, бывший когда-то советником посольства в Петрограде, и тоже вынужденный отсюда уйти из-за мелочной обиды придворно-светского характера, был нашим убежденным противником.

Уверяют, что ультиматум Сербии был состряпан им в сообществе с Форгачем. Правда, германское правительство, после его опублико-

¹ Воспоминания бывшего тогда начальником австрийского Генерального штаба генерала Конрада фон Хетцендорфа проливают новый свет на значительную роль его в событиях. Конрад сделал все, чтобы добиться согласия императора на карательную экспедицию против Сербии, хотя бы она привела ко вмешательству России. — *Примеч. автора.*

вания, сочло нужным сообщить всем кабинетам, что оно совершенно непричастно к составлению ультиматума и ознакомилось с ним одновременно со всеми. Может быть, это и правда. Это может подтвердить только то впечатление, что поводы к войне создались второстепенными агентами, а не ответственными руководителями, которые вследствие своей посредственности не сумели удержать направление дел в своих руках.

Во всяком случае, опасность войны обострилась с той минуты, когда Германия, признавши, что ультиматум — не дело ее рук, стала, однако, на почву совершившегося факта, утверждая, что не может допустить отступления Австрии от раз занятой позиции, ибо это было бы умалением достоинства ее союзницы и, следовательно, ее самой. Иными словами, ответственные круги, очертя голову, взяли на себя защиту инициативы, которая принята была безответственными вторыми лицами.

Легкость, с которой это произошло, показывает, насколько в Германии распространено было убеждение в неизбежности, рано или поздно, европейского конфликта. Отсюда вытекло заключение, что, куда ни шло, раз дело начато, надо довести его до конца.

В первые же дни стало ясно, что ключ положения в Берлине. Переговоры в Вене только отражали его настроение. Не примечательно ли, что объявление войны последовало из Берлина, а не из Вены, и что после него прошло еще пять дней, пока Австрия решилась сделать тоже самое. А в эти пять дней граф Берхтольд виделся с нашим послом в Вене [Шебеко], последний встречал только любезность и предупредительность в Ballplatz'e⁹⁶ и даже начал было подумывать, уже не хочет ли Берхтольд пойти на попятную...

Но я забегаю вперед.

С того момента, что германская дипломатия санкционировала положение, созданное австрийским ультиматумом, и в Австрии началась мобилизация, ход событий автоматически разворачивался и переговоры были бессильны изменить что-либо. Ежедневно и, можно сказать, ежедневно до нас доходили известия о возрастающих военных приготовлениях Германии. Когда было отдано распоряжение о мобилизации у нас четырех военных округов, наш Генеральный штаб пришел в полное отчаяние. Начальник Генерального штаба [Янушкевич] объяснил, что, если в ближайшие дни придется объявить общую мобилизацию, то неизбежно перепутаются расписания всех поездов в России и наша мобилизация может задержаться на 10 дней. Между тем, нам приходилось дорожить каждым часом, ибо быстрота мобилизации Германии считалась одним из самых главных ее преимуществ перед нами в начальный период войны. Сазонов и другие министры отдавали себе отчет в справедливости этих соображений. Сазонов послал Государю Всеподданнейшую записку,

испрашивая разрешения приехать вместе с Кривошеиным для личного доклада. Государь принял одного Сазонова и спросил его, зачем он хотел приехать с Кривошеиным. Министр ответил, что может осветить вопрос с международной точки зрения, а что Кривошеин может лучше осветить его с точки зрения соображений внутренней политики и быть, поэтому, более убедительным. «Я и вам поверю», — ответил Государь.

На этой аудиенции случайно присутствовал состоявший при германском императоре генерал Татищев¹. Его вызвал Государь, имея в виду послать с ним собственноручное письмо к императору Вильгельму. Желая, чтобы Татищев был вполне в курсе дела, Государь задержал его, когда пришел Сазонов. Последний изложил основания, приводившиеся Генеральным штабом в пользу немедленного объявления общей мобилизации.

— Ваше Величество знаете, что я всегда все делал для сохранения мира, что моя совесть чиста от обвинения в какой-либо воинственности, и теперь, если я считаю своим долгом настаивать перед Вами на необходимости общей мобилизации, то я делаю это исключительно с сознанием той исторической ответственности, которая выпала бы на Вас, если Вы не решитесь своевременно на эту меру.

Сазонов указывал на изумительный подъем духа, который овладел всеми — обществом, армией и штабом, и на ту опасность, которая угрожает подрывом этому настроению, если будут сохранены вредные полумеры. По его мнению, шансов на мирный исход почти не было, и безопасность государства повелительно требовала принятия всех мер для ее ограждения. Горячо и взволнованно он отстаивал свою мысль соображениями военного, политического и даже династического характера. Государь долго не сдавался. Все последние дни перед разрывом у него шла, как известно, оживленная телеграфом переписка с императором Вильгельмом. Ответные телеграммы Государя на английском языке мне пришлось видеть, написанные карандашом рукой императрицы, которой Государь частью, по-видимому, диктовал, частью давал переводить с русского текста. Императрицу обвиняли в это время в том, что она всячески влияет на Государя, чтобы отклонить его от войны. Мне пришлось, однако, в эти же дни слышать из достоверного источника, что императрица сама отклоняла всякую возможность влияния в таком вопросе, но что она не скрывала своих опасений, ибо знала, что только в 1917 году ожидалось завершение мер, которые дали бы русской армии желательную боеспособность.

¹ После отречения Государя, Татищев разделил его ссылку и заточение и заплатил жизнью свою верность до конца царской семье. Это был человек редкой кристальной чистоты души и благородства. — *Примеч. автора.*

Несомненно, что сам Государь пережил немало тягостных минут перед принятием ответственного решения. В один из этих дней он, между прочим, получил по почте письмо, которое заключалось всего в одной фразе: «Побойтесь Бога. Мать». Это письмо произвело на него сильнейшее впечатление. Он подумал о всех русских матерях, перед которыми должен будет дать ответ за жизнь их сыновей.

С другой стороны, Государь не переставал страдать от воспоминания о Портсмутском договоре. Крайнее миролюбие, породившее великодушную, но отчасти сентиментальную утопию о всеобщем разоружении, ужилось в нем с болезненно-чутким отношением ко всему, что задевало честь России. Ирония судьбы захотела, чтобы на долю инициатора Гаагской конференции о всеобщем разоружении выпало вести войны, самые кровопролитные за всю историю человечества.

Доклад Сазонова длился более часа. В конце концов, горячие, искренние слова министра получили перевес. Государь согласился подписать указ о всеобщей мобилизации.

— Вы убедили меня, но это будет самым тяжелым днем моей жизни, — сказал он, прощаясь с министром.

Прямо из Царского Села, как было условлено, Сазонов телефоновал начальнику Генерального штаба [Янушкевичу]. Указ о мобилизации был уже готов, и Государь подписал его в тот же день, 17 июля. Немедленно были сделаны распоряжения об отмене объявленной накануне частичной мобилизации и о назначении общей. Благодаря быстроте распоряжений, путаницы никакой не произошло. Были лишь отдельные случаи недоразумений, легко сгладившихся, и мобилизация прошла с изумительным порядком и быстротой, превзошедшими общее ожидание.

Все время кризиса и первый месяц войны я проводил в министерстве весь день до глубокой ночи. Пока еще была надежда на мирный исход, мы все, близко стоявшие у дела, испытывали чувство, похожее на то, которое бывает у изголовья тяжело больного. С первых же дней надежды на благополучный исход рассеивались одна за другой; вместе с тем росла тревога вследствие известий о том, что в Германии, как и в Австрии, военные приготовления шли усиленным ходом. Вот почему решение произвести у нас общую мобилизацию было встречено всеми нами со вздохом облегчения. 18 июля Пурталес, как и всегда, был в министерстве. В этот день утром на улицах были расклеены объявления о мобилизации. В тот же день поздно вечером, когда Сазонов уже лег спать, а мы все собирались расходиться по домам, приехал Пурталес и потребовал неотложного свидания с министром.

Пока последнего будили, пока он оделся и произошло свидание, от нервной усталости я невольно заснул. Пурталес покинул министер-

ство, кажется, во втором часу ночи. Когда он ушел, мы узнали, что он вручил министру ультиматум с требованием приступить к демобилизации и принять решение до 12 часов следующего дня. Не скоро пришлось лечь спать в эту ночь. Надо было разослать циркулярную телеграмму всем нашим представителям за границей с сообщением о случившемся и снестись с военными властями.

В 7 ч[асов] 10 м[инут] вечера следующего дня, не получив ответа на ультиматум, германский посол вручил министру заявление о том, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией. О том, насколько велики были возбуждение и растерянность как самого посла, так и его сотрудников, на это указывает тот факт, что в тексте ноты остались в скобках варианты выражений, которые были в ее проекте.

В эту ночь министра снова разбудили. Произошел факт, который так никогда и не нашел никакого объяснения, а именно — Государь получил телеграмму от императора Вильгельма. Телеграмма была из Потсдама, на ней не было помечено месяца и числа, а только 10 ч[асов] вечера. Она выражала надежду императора Вильгельма, что русские войска не перейдут границы. Министр, в свою очередь, по телефону разбудил германского посла и спросил его, как объяснить содержание этой телеграммы после объявления Германией войны. Граф Пурталес ответил, что не знает, но высказал предположение, что телеграмма послана была раньше и запоздала в пути.

Так закончилась первая часть исторической драмы. Все, кому пришлось быть в России в это время, никогда не забудут неповторимых минут, того высокого подъема, который охватил безраздельно весь народ. *Ernst und ruhig*¹ — так охарактеризировал австрийский посол [Сапари] то, что совершалось у него перед глазами, в перехваченной нами телеграмме к его правительству. Мы все испытывали гордость и умиление перед своей родиной.

Весь этот первый месяц был каким-то медовым месяцем, когда прекратились разом все разногласия, исчезли все различия между партиями, сословиями и народностями и чувствовалась одна великая Россия.

Тотчас по объявлении войны Германии, Государь созвал Совет министров. Он сообщил им, что уже давно принял решение, в случае войны, стать во главе войск и поэтому теперь созвал министров, чтобы посоветоваться о них, как без себя наладить управление Россией. Один за другим, министры стали высказываться против решения Государя принять главное командование. Они говорили ему, что он не имеет права ограничить свои обязанности чисто военным делом, что он должен

¹ Серьезно и спокойно (нем.).

объединять всю Россию и что, с другой стороны, ему необходимо обещать себя от неизбежной критики, в случае каких-либо наших частичных неудач. В эти первые дни были очень в ходу воспоминания об отечественной войне 1812 года. В Манифесте, который, составил директор Канцелярии Кривошеина И. И. Тхоржевский, была взята целиком фраза из манифеста, подписанного Александром I⁹⁷.

Государь сам увлекся этими воспоминаниями. Министры указали ему, как раз, на пример императора Александра, внявшего совету приближенных — уехать из армии. Все министры говорили горячо и открыто. Величие минуты заставило даже этот Совет министров, который до тех пор был объединен только помещением, в котором они собирались, возвыситься до сознания настоящего своего долга и обнаружить единодушие. Все министры высказались, молчал один Сухомлинов.

— А каково Ваше мнение? — обратился к нему Государь.

— Я присоединяюсь к мнению моих товарищей, — ответил последний.

— Вы недавно не так говорили, — заметил Государь.

Сухомлинов покраснел, однако возразил, что тогда обстоятельства рисовались ему иначе, а что теперь он не может не присоединиться к общему мнению. Закрывая собрание, Государь очень тепло благодарил министров за то, что они так откровенно говорили, и добавил, что, хотя лично ему тяжело отказаться от давно сложившегося желания, однако выслушанные доводы поколебали его.

20 июля состоялось назначение великого князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим всех боевых сил. Это назначение было очень популярно в армии и сочувственно принято в стране. Впрочем, в это время царило торжественное настроение; никто не хотел критиковать и чем-либо нарушить установившееся единодушие.

Странное впечатление производили австрийцы, оставшиеся еще в Петрограде, ибо Австрия, как известно, вручила нам объявление войны лишь пять дней после Германии. Члены посольства были, по-видимому, в сильнейшем волнении. Я встретил как-то на Миллионной проезжавшего на извозчике графа Чернина, советника австрийского посольства. Чернин никогда мне не был особенно симпатичен. Он придерживался взгляда, что с Россией не надо быть уступчивым, и тогда можно всего от нее добиться. Для него, как и для многих других, война была неожиданной развязкой. И вот, этот самый Чернин невольно внушил мне жалость, — столько страдания, которое он не мог видимо победить, выражалось в его лице. И действительно, приехав в министерство, по какому-то текущему вопросу к барону Шил-

линг¹, он у него разрыдался. А первый секретарь посольства, Фюрстенберг, как мне рассказывали, открыто признавался своим русским знакомым в опасении, что после войны уж не будет австрийского посольства, а будет небольшая миссия в Петрограде.

Каждый день молодецкие части, как на парад, шли на войну. Их провожало общее ликование и гордость. И ничто не нарушало спокойной торжественности этой минуты.

Два момента особенно ярко выделились в это время и останутся всегда одними из самых счастливых переживаний моей жизни.

Первый — это Высочайший выход в Зимнем дворце 21 июля. Дворец был полон офицеров гвардии и Петербургского военного округа, хотя некоторые полки уже покинули столицу. После молебна Государь вышел на середину залы и сказал небольшую речь. Содержание ее всем известно, но впечатление той минуты — непередаваемо. Государь говорил с таким горячим воодушевлением, что весь громадный Николаевский зал, в котором никто не шевельнулся, пока звонко раздавалось каждое его слово, задрожал от криков «ура», которое разом вырвалось у всех из груди. Офицеры махали фуражками и платками, почти у всех были слезы на глазах. Энтузиазм был неописуемый, и чувствовалось подлинное всеобщее единение. А к крикам в зале присоединилось громовое «ура» стотысячной толпы, запрудившей площадь перед дворцом.

Вторым торжественным историческим моментом было заседание Государственной думы. Трудно передать волнительную красоту этого дня, когда представители всех партий и всех народностей России один за другим всходили на кафедру, чтобы засвидетельствовать единство чувств и общей цели в сознании единой родины⁹⁸.

Это первое время после объявления войны было полно кипучей работы для нас в Министерстве иностранных дел. Самым волнительным вопросом было — объявит ли войну Англия.

Если в области военной подготовки Германии принадлежало несомненное первенство в Европе, то совершенно иначе обстояло дело в области политической. Германская дипломатия обнаружила самую полную несостоятельность, и на нее в значительной степени может быть возложена ответственность за войну, ибо в Берлине были, по-видимому, совершенно неверно осведомлены о положении. Я уже говорил о заблуждении относительно России, которую немцы считали чем-то вроде разваливающегося Китая. Второе заблуждение состояло в пренебрежительном отношении к Франции и ее армии. На этом была построена вера в возможности раздавить Францию быстрым решительным ударом.

¹ Начальник Канцелярии министра иностранных дел.

План этот, по-видимому, уже давно сложился в Германии. В один из последних дней перед разрывом, когда Пурталес уже начал верить в возможность войны, Сазонов как-то в разговоре спросил его:

— Что же, Вы нападаете на нас?

— Я не знаю, как у нас решат, — ответил Пурталес, — но я думаю, что мы начнем наши действия на Рейне и прежде всего обрушимся на Францию.

Самым роковым заблуждением Германии была оценка английской политики. Немцы переоценивали внутренние затруднения Англии в Ирландском вопросе. Но что всего удивительнее, это, что в своем ослеплении они не отдавали себе отчета в главном стимуле, который всегда и в прошлом побуждал Англию к выступлению, когда появлялась опасность гегемонии на континенте одной державы. «Кошмар коалиции», который преследовал еще Бисмарка, и против которого усиленно боролась Германия со времени Портсмутского мира, не победил в ней надежды, что ей удастся разбить согласие между державами противоположной группы. Эту надежду не поколебала неудача всех предшествовавших попыток в том же направлении. Во время переговоров перед войной все усилия германской дипломатии были сосредоточены на разъединении держав Согласия, которые немедленно осведомляли друг друга об этом.

Сближение между Россией и Англией стало обозначаться со времени Портсмутского мира. Оно могло бы осуществиться и раньше, если бы мы пошли навстречу предложению с которым Англия выступила в январе 1898 года. Англия уже тогда чувствовала потребность закончить свои территориальные расширения и закрепить за собой прочнее свои владения. Это стремление выводило ее на путь соглашений, и такое соглашение она хотела заключить с Россией. В архивах нашего Министерства иностранных дел хранится нота тогдашнего великобританского посла в Петрограде [Петербурге] О'Коннора, в которой намечался проект нашего соглашения. Англия предлагала не более и не менее, как поделить весь мир на сферы интересов между Россией и Англией. В нашу сферу интересов входили, между прочим, проливы с Константинополем и весь Китай. Англия же требовала признания за собой преимущественных интересов в Южном Китае, Аравии, Персидском заливе и т. д. Прими мы тогда предложение Англии, и, быть может, у нас не было бы войны с Японией, и вся история получила бы иной оборот. Но в то время у нас были большие аппетиты. Мы не хотели отказаться от интересов нашей чайной торговли в Ханькоу^I и Ян-це-Киане^{II}. В этом вопросе боль-

^I Город в провинции Хубэй, один из центров чайной торговли; с 1956 г. в составе агломерации Ухань.

^{II} То же, что и Янец-зы-цзян или Янцзы — река в Китае.

шую близорукость показал Витте, Он противился соглашению, потому что оно суживало деятельность Русско-Китайского банка, чего, по его мнению, мы не вправе были делать во внимание к французским капиталистам, вложившим свои деньги в этот банк. Вместо сближения у нас произошло обострение отношений с Англией на почве Дальневосточной политики. Германия, в свою очередь, старалась разжечь этот антагонизм и толкала нас на путь приключений. Так было дело до Портсмутского мира, когда Англия выявила, что ослабление России усиливает Германию в Европе.

Внутренний переворот в России в связи с созданием Государственной думы знаменовал собой прежде всего переворот в международных отношениях. Россия неизбежно должна была устремить свое внимание на внутренние преобразования. Тем самым в области внешней политики главным ее интересом становилось обеспечение мира от внешних посягательств. Путем горького опыта мы приходили к тому пути, на который звала нас Англия в 1898 году. Отныне ничто не препятствовало сближению между обеими державами. В этом направлении работала Франция, уже в 1904 году заключив соглашение с Англией. Этому крайне сочувствовал покойный английский король Эдуард VII. Справедливость требует признать, что уже граф Ламздорф понял желательность сближения с Англией после войны. Последовавшие за ним министры Извольский и Сазонов поставили, каждый, главной своей задачей возможно более тесное сближение с Англией. Извольскому удалось заключить соглашение с ней в 1907 году. С тех пор во всех главных политических вопросах установилась политика тройственного согласия, которая не давала покою Германии.

Превратить согласие в союз — таково было заветное желание руководителей внешней политики во Франции и в России, но традиции и пережитки предубеждений против России останавливали англичан парад решением связать себя. Англия вступила, однако, на путь условных военных конвенций с Францией, а потом отчасти и с Россией. Не заключая союза и предоставляя себе, когда наступит минута, решить, выступит ли она, или нет, Англия согласилась на то, чтобы штабы ее и французский выработали предварительный проект согласованных военных действий в случае совместной войны. На такой же предварительный обмен взглядов между своим Морским штабом и русским Англия согласилась весной 1914 года. Горячего сторонника союза Сазонов нашел в лице английского посла в Петрограде Бьюкенена. Оба понимали, однако, что в таком деле торопливость может только повредить.

Балканский кризис сильно сблизил обе державы. Англия очевидно убедилась в действительном и искреннем миролюбии России.

В ежедневной совместной работе над оглаженным противоречий и изысканием мирных исходов руководители внешней политики России и Англии прониклись взаимным уважением и доверием, а заносчивость Германии еще более сближала их. В январе 1913 года принц Генрих Прусский, по поручению императора Вильгельма, был в Англии и спросил короля Георга [V], какое положение занял бы он в случае войны Германии с Россией. Король Георг ответил, что для Англии решающим будет вопрос: кто окажется нападающей стороной, и предостерег против мысли, будто Англия во всяком случае останется нейтральной. Король весьма доверительно сообщил об этой беседе русскому послу.

Когда русское общественное мнение во время Балканского кризиса упрекало Министерство иностранных дел за недостаточную решительность по отношению к Германии, оно не понимало, что только такой осторожной политикой мы обеспечивали себе поддержку Англии. Последняя не пошла бы на войну из-за нашей неуступчивости в балканских вопросах. Ее можно было бы склонить к этому лишь в том случае, если бы стало ясно, что на почве этих интересов прямо задевается достоинство России, и что ей, как великой державе, нельзя не принять вызова.

Именно такая обстановка сложилась в связи с австрийским ультиматумом в июне 1914 года.

В печати была высказана как-то мысль, что если бы Грей с самого начала кризиса определенно заявил Германии, что Англия вступится в войну, то самая война была бы избегнута. Это предположение, по моему мнению, не лишено доли основания. Почему Грей так не поступил? По следующим причинам: в Англии внешней политикой определенно руководит общественное мнение и парламент. Эволюция от соглашения к союзу еще не завершилась в то время в консервативных головах англичан. А тут приходилось решать вопрос не только о союзе в принципе, но и о фактическом участии Англии в войне, угрожавшей с самого начала стать грандиозней. Для принятия столь ответственного решения за свой страх надо было быть выдавшимся государственным человеком, а Грей им не был. Отсутствие крупных государственных людей в Европе, особенно в Германии и Австрии, было вообще одной из главных причин, почему война не была избегнута. Не нашлось человека, который своим авторитетом сумел бы повернуть только что назревшие события, и потому последние развивались автоматически, в зависимости от хода военных приготовлений и от стихийных импульсов народных настроений.

Возвращаясь к вопросу, почему Англия своевременным выступлением не предупредила возникновение войны, следует к особенностям политического уклада Англии присоединить личность Грея. Мне не пришлось быть лично с ним знакомым, но о его характере, как государствен-

ного деятеля, я составил себе достаточное представление по ежедневным делам и сношениям с английской дипломатке, и еще со времен Балканского кризиса Грей представляется мне типичным министром английского либерального кабинета. На все международные события он смотрел не иначе, как озираясь, что скажет парламент, и как ему удастся оправдаться перед последним. Вследствие этого, он никогда не любил связывать себя слишком определенными конкретными решениями. Когда предполагалось то или иное совместное выступление держав Согласия, Грей всегда вносил поправки в предполагавшиеся формулы. От этого постоянно происходило замедление в общих выступлениях и нередко самое содержание их было заранее обесценено поправками Грея.

При таких условиях неудивительно, что до самого конца ни мы, ни французы не были вполне уверены, выступит ли Англия как союзница на нашей стороне. Все зависело от нарастания настроения в Англии.

Наш посол в Лондоне, граф Бенкендорф, в эти критические дни превзошел себя в удивительно тонком и наблюдательном анализе того, что совершалось в Англии. Мы получали от него раза три в день телеграммы, в коих он час за часом держал нас в курсе всех изменений общественных настроений. Это не всегда было нарастанием одних благоприятных симптомов. Посол умело расценивал полезные и вредные выступления, хотя бы исходившие из лучших побуждений. В один из первых дней «Times» поместил передовую статью, в коей ярко высказаны были славянские симпатии. Граф Бенкендорф не преминул отметить, что это скорее вредно, ибо англичане в общем гораздо более веса придают соображением европейского значения, чем тому, что им кажется небезопасным увлечением.

Вопрос о выступлении Англии должен был решиться в заседании парламента. Телеграф сообщал нам по отдельным кусочкам речь Грея, по мере того, как она говорилась. С лихорадочным нетерпением ждали мы каждой следующей телеграммы, стараясь угадать результат. Характерно, что в этой своей речи Грей ни разу не упомянул имени России, хотя речь шла о выступлении в одном с нами лагере. Это указывает, до какой степени в умах англичан не созрела еще идея союза с Россией, и от какой, следовательно, случайности зависело принятие решения столь мировой важности. Будь на месте Сазонова человек менее осторожный, прояви наша политика меньше сдержанности по отношению германской провокации, и английское общественное мнение могло бы быть неблагоприятно впечатлено по отношению к нам. По счастью, этого не случилось. Англия приняла решение, и с этого момента в сознании союзников поселилось никогда уже не покинувшее их после убеждения, что их ресурсы значительнее германских, и что в конце концов они победят.

Война выдвинула целый ряд вопросов, требовавших неотложного разрешения. На первую очередь становился польский вопрос. Мобилизация в Царстве Польском, как и повсюду, прошла не только с изумительным порядком, но и с воодушевлением. На историческом думском заведении представитель поляков торжественно заявил о полном единении своего народа с Россией в борьбе с вековым врагом. Польский вопрос был столько же международного, как и внутреннего характера.

Уже во время Балканского кризиса мне пришлось составлять записку, которая была передана потом министром Государю, о необходимости изменить нашу политику в Польше. Я обосновал это предположением о том, что общеевропейская война представляется вероятной в недалеком времени, и что нам крайне желательно возбудить к себе сочувствие не только своих, но и зарубежных поляков, особенно в Австрии, где только благодаря союзу с поляками немецкое меньшинство имело преобладание в Рейхстаге. В том же духе была подана записка членами Думы председателю Совета министров Коковцеву и через него — Государю. Государь очень благожелательно отнесся к содержанию обеих записок, но, к сожалению, министром внутренних дел был в то время Маклаков, человек с кругозором провинциального губернатора, которому не трудно было положить под сукно все дело. Так до самой войны ничего не было сделано для удовлетворения поляков.

После заседания Думы 26 июля ст. стилия (8 августа), Польский вопрос снова был поставлен в Совете министров, вероятно по инициативе Сазонова. В последних числах июля, вернувшись из Совета министров перед самым обедом, он вызвал меня к себе и оказал, что в Совете обсуждался вопрос о желательности обратиться к полякам с воззванием, в котором им открывались бы некоторые перспективы. Из его слов я понял, что в происшедшем обмене мнений польский вопрос получал довольно широкую постановку, и записал себе в качестве главных мотивов для воззвания: объединение польских земель, свобода веры, языка, школы и самоуправления. Министр прибавил, что воззванию нужно придать возможно более торжественный тон, и что его надо поскорее составить. Я тотчас же перед обедом написал воззвание и с ним пошел в гостиницу «Франция», где в этот день должен был обедать с Н. Н. Львовым и П. Б. Струве. Я счел возможным поделиться с ними секретом, желая узнать их мнение. Проект воззвания им понравился. Для всех вас было чем-то неожиданным и поражающим своей новизной возможность такой постановки вопросов, которые так наболели и которым раньше не виделось никакого решения. Недавнее прошлое, как будто, с первым выстрелам из пушек, было уже окончательно обречено. Казалось, что должен народиться новый мир, и в нем — новая Россия.

В те дни мы все были полны сознания торжественной исторической минуты и верили, что действительно заря новой лучшей жизни встает для всех. Эти слова были вставлены мной в воззвание, и когда я прочел их Сазонову в тот же вечер, он сказал мне: «Действительно, это так». А для меня, когда я писал это воззвание, это было самым большим нравственным удовлетворением моей жизни. Мне выпало редкое счастье в официальном документе воплотить заветную мечту давних лет, и не только мою личную, но и ту, которая отвечала чаяниям многих лучших русских людей, Чичерина, Соловьева, моего покойного брата.

При этом, я вовсе не сознавал себя полонофилом, но считал, что примирение с поляками есть не только дело совести, но и первостепенного политического интереса для России. Чтобы привлечь сердца польского народа, надо было ему дать лозунги, которые ударили бы по самым чувствительным его струнам. А что могло больше отозваться в нем, чем чаяния народного объединения, свобода, и все это — освещенное видением креста, который всегда являлся излюбленным прообразом польских мессианистов.

Воззвание получило полное одобрение Государя. Великий князь, главнокомандующий, уехал уже в это время в Ставку и подписал его по телеграфу.

Впечатление этого воззвания, когда оно появилось, было очень сильным. Первым с ним ознакомился поляк граф Велепольский, которого Сазонов пригласил с просьбой перевести текст на польский язык. Когда он прочел воззвание, у него неудержимо потекли слезы и он долго не мог ничего сказать. Как это ни странно, но для Совета министров воззвание явилось полной неожиданностью и вызвало среди его членов настоящую бурю. Сазонову ставят в упрек, что он не представил текст на обсуждение своих товарищей; говорили, что воззвание способно только вызвать несбыточные надежды среди поляков. Маклаков восставал по чисто ведомственным узким соображениям и тут же решил, что это воззвание не должно получить никакого осуществления. К сожалению, эта последняя точка зрения немедленно усвоена была администрацией. Во главе гражданского управления в Варшаве стоял помощник генерал-губернатора фон Эссен. Он прямо заявил пришедшей к нему польской делегации, что с воззванием великого князя не приходится считаться. За границей воззвание великого князя произвело большое и самое благоприятное для нас впечатление. Оно помогло рассеять остатки предубеждений. Оно подчеркнуло идейные стимулы войны, которые заключались в утверждении прав народностей и ограждении маленьких государств против угнетения сильных.

На деле, хотя администрация все время сознательно игнорировала воззвание, оно одно поддерживало настроение и бодрость среди поляков, и с этой точки зрения оказалось чрезвычайно ценным, когда нас постигли неудачи.

Вскоре после польского воззвания мне пришлось составить обращение к русскому народу в Червонной Руси⁹⁹. О нем очень хлопотал известный деятель Дудышкевич, часто заходивший ко мне в министерство, и граф Владимир Бобринский, принесший мне проект воззвания, показавшийся мне слишком длинным и витиеватым. Те, кому не понравилось польское воззвание, очень одобрили русское и — наоборот. Никто не думал, что оба воззвания были написаны одним и тем же лицом. Это очень удивляло меня, потому что каждое из них представлялось необходимым: правительство было бы обвинено в пристрастии и несправедливости, если бы с равным уважением не отнеслось к правам каждой народности.

Лозунг уважения к правам народностей был очень важен в сношениях наших с нейтральными государствами; почти у каждого из коих были племенные притязания.

Глава II

Я не задаюсь целью подробного и документального изучения вопросов. Но чтобы обосновать свой взгляд на политическое положение на Балканах, как оно сложилось к началу войны 1914 года, мне неизбежно заглянуть в прошлое, из которого оно выросло.

Нельзя сказать, чтобы русская политика на Балканах отличалась устойчивостью и последовательностью. Она колебалась между утилитарным оппортунизмом, который лежит в основе внешней политики всякого государства, и идеологией, которая в большинстве случаев брала над ним верх.

Сама идеология нашей политики на Балканах, в свою очередь, не была соткана из одного куска. В нее входили два мотива: вероисповедное начало, в силу коего Россия считала себя призванной поддерживать православие на Ближнем Востоке и равномерно покровительствовать единоверным народам, и национальный принцип, в силу коего славянские народности приобретали особое привилегированное положение в наших глазах.

Ни один из указанных принципов не проводился полностью, и по большей части разнообразные стимулы уживались вместе, зачастую в самом незаконном сожительстве.

Вероисповедное начало было по времени первым и основным. С ним связана была идея Третьего Рима — Москвы, преемницы падшей Византии. Национальный принцип, пробуждение коего относится к началу XIX столетия, вполне определенно сказался в отношениях нашей политики к славянскому вопросу лишь после Крымской войны. Оба начала пришли к столкновению в греко-болгарском церковном споре, когда болгары отвоёвывали свои права на Народную самостоятельную церковь, а Вселенская Патриархия отстаивала свои канонические prerogatives.

Как известно, вопрос решился самочинным учреждением Болгарской экзархии в 1870 году, несомненно вразрез с канонами Православной церкви, что вызвало резкий разрыв болгар с Вселенской Патриархией, признавшей их церковь схизматической.

Наша дипломатия не стала ни на ту, ни на другую сторону, но, поддерживая отношения с обеими, не приобрела доверия ни одной.

Шесть лет спустя, сочувствие к угнетаемым славянам стихийным порывом объяло Россию и заставило ее вести войну против Турции. Стихийный элемент сказался в недостатке подготовки к войне и ведении ее. В результате, на Берлинском конгрессе 1878 года нам не удалось отстоять условий мира, которые мы заставили турок подписать в предварительном Сан-Стефанском договоре. Впрочем, особенно сожалеть об этом не приходится, как это выяснилось из последующих событий.

В самом деле, творцы Сан-Стефанского договора носились с идеей Великой Болгарии от моря и до моря. В эту Болгарию входили, как известно, почти вся Македония и некоторые области, присужденные впоследствии Сербии на Берлинском конгрессе. Болгария была нашим любимым детищем, Сербия — забитой падчерицей.

Имела ли такая оценка обоих государств какое-либо серьезное основание по существу дела в их взаимных, племенных и земельных правах, или в особых интересах России?

Любопытно, что главный «творец» Сан-Стефанской Болгарии Игнатъев в одном из своих писем в конце [18]60-х годов отзывался о сербах, как о народе, имеющем государственную будущность, от болгар же не склонен был ожидать ничего особенного. Оценки конечно могут меняться и люди — ошибаться. Как бы то ни было, для меня лично всегда оставалась чрезвычайно спорной и сомнительной возможность доказать исключительные права Болгарии или Сербии на Македонию.

В течение многих лет практически занимаясь этим вопросом, я не нашел достаточно веских данных ни в страстной полемике ученых, ни в донесениях наших консулов, ни наконец в личных путевых впечатлениях по Македонии.

Между тем, Сан-Стефанский договор поставил ясную определенную цель перед Болгарией и освятил народный идеал высшим признанием его Россией — освободительницей. Для достижения этого идеала болгарский народ уже имел в своем распоряжении мощное орудие в лице такой организации, как экзархия. Как известно, в султанском фирмане, учредившем экзархию, содержалась статья, признававшая за болгарам право требовать экзархистской епархии всюду, где за нее выскажутся $\frac{2}{3}$ населения. В умелых руках это стало скоро самым мощным орудием пропаганды, тем более, что на помощь проповеднику и учителю шел комитаджи¹ с винтовкой, а болгарская казна не жалела значительных средств.

Обосновав нашу политику на исключительном покровительстве Болгарии, мы не только обездолили в ее пользу Сербию, но и предоставили Австрии урезать последнюю, согласившись на занятия Боснии и Герцеговины.

Я опускаю здесь всем известные последствия вашей плачевной политики, о которых я не раз высказывался в печати: разочарование в нас Сербии, искавшей при Милане опору в Австрии; фатальное столкновение сербских и болгарских интересов в Македонии, их взаимная вражда; наше разочарование в Болгарии, которая потряхнула тяготевшую над ней русскую опеку. Далее последовало свержение династии Обреновичей в Сербии в 1903 году и воцарение Карагеоргиевичей с определенным поворотом в сторону России¹⁰⁰.

С этой минуты начинаются попытки сближения между Сербией и Болгарией, вначале — малоудачные. Младо-турецкий переворот 1908 года и шовинистическая политика новых правителей Турции сблизила балканские государства на почве борьбы против общего врага. Сближение это не могло бы состояться без деятельного посредничества России, которая после Русско-японской войны вернулась к активной политике в Европе и на Балканах.

Война Италии с Турцией в 1911 году была последним толчком, побудившим балканские государства перейти из области предварительного обмена мнений на почву переговоров и, наконец, заключения союза. Сербо-болгарский договор был заключен 29 февраля 1912 года. К Болгарии и Сербии примкнули Черногория и Греция.

Румыния оставалась в стороне. Берлинский конгресс в свое время оттолкнул от нас Румынию, обиженную на Россию за то, что она настояла на возвращении части Бессарабии, которой мы лишились на Па-

¹ Комитадж — здесь член Внутренней македонской революционной организации, боровшейся вооруженными методами за освобождение Македонии и Фракии.

рижском конгрессе в 1656 году. С тех пор Румыния перешла на сторону Тройственного союза и даже связала себя военной конвенцией с нашими противниками. По отношению к балканским соседям Румыния относилась весьма сдержанно. Умный король Карл не доверял королю Фердинанду. Румыны побаивались болгар и их вождедений на ту часть Добруджи, которую они получили взамен Бессарабии. Кроме того, природная спесь румын заставила их воображать себя аванпостом Европы на Балканах, и они любили говорить, что Румыния — не балканское, а прикарпатское государство.

Время, однако, делало свое дело. Прежнее нерасположение к России с годамиглохло, между тем Австрия не выигрывала в престиже. Обаяние Франции было всегда очень сильно в образованных кругах и среди аристократии Румынии, и симпатии к нашей союзнице влияли и на перемену отношений ее к нам.

Русская дипломатия, со своей стороны, сделала, что могла, чтобы использовать это течение. Наш Генеральный штаб ставил ей, как задачу, добиться, если возможно, такой перемены в направлении румынской политики, чтобы в случае общеевропейской войны можно было рассчитывать на нейтралитет Румынии.

Балканский кризис окончательно подорвал авторитет Австрии в Бухаресте и в той же мере возбудил симпатии к России, хотя у власти был в то время консервативный кабинет Майореску, по традиции враждебный России. За то лидер либеральной партии Братиано, стоявший во главе оппозиции, уверял нашего посланника, что по вступлении во власть поставит своей задачей сближение с Россией; он намекал даже на возможности союза с нами. К соображениям политическим примешивались интересы династические, льстившие самолюбию румын. Им хотелось, чтобы старший сын престолонаследника, принц Карл, женился на одной из дочерей Государя. Этого особенно желала, по-видимому, мать принца, наследная принцесса Мария, которая по своему происхождению питала английские и русские симпатии¹⁰¹. Ей приписывали влияние на мужа, который представлялся скорее незначительным.

Поведение Румынии во время сербо-болгарского конфликта отдалило ее от Австрии, которая явно покровительствовала Болгарии и поощряла вероломный образ действий царя Фердинанда по отношению к своей союзнице. Наоборот, Румыния держала себя крайне корректно. Она выказала примирительность по отношению к Болгарии и с доверием слушалась наших предостережений.

Болгария была в значительной степени обязана нам сдержанностью Румынии, которой мы за то обещали поддержать в Софии весьма умеренные требования ее относительно исправления границы. Легкие

успехи опьянили Данева¹ и одно время крайне обострили отношения Румынии с Болгарией, не желавшей проявить уступчивости. В конце декабря 1912 года конфликт между обоими государствами был предотвращен только благодаря нашему вмешательству. Румыния сдержала себя и подчинилась решению Петербургской преференции относительно исправления границы, хотя притязания ее были далеко не удовлетворены. Когда обозначилась опасность разрыва между Болгарией и ее союзниками, Румыния содействовала всему, что могло предохранить мир.

В Болгарии и отчасти в других странах сложилось представление, будто во время Балканского кризиса мы пристрастно отнеслись к Болгарии, не желали ее увеличения и натравили на нее в конце концов Румынию. Обвинение это совершенно несправедливо. Во все время кризиса мы прилагали все наши усилия примирить союзников. Я уже упомянул о том, как в декабре 1912 года вследствие неуступчивости Болгарии Румыния уже решила было двинуть свои войска, чтобы занять те части пограничной болгарской территории, на которые предъявляла притязания; мы не остановились тогда перед угрозой, чтобы помешать этому.

Вмешательству Румынии в войну между балканскими союзниками предшествовали следующие обстоятельства. Спор между Болгарией, Сербией и Грецией с каждым днем обострялся. В этом споре ни одна сторона не была вполне права. Сербские войска отвоевали часть Македонии, которая бесспорно должна была отойти Болгарии по договору 1912 года. С формальной точки зрения, требование Болгарии о передаче ей этих земель было неоспоримо. Но Сербия противопоставляла этому формальному толкованию понимание договора по существу, а также указывала на необходимость считаться с изменившимися условиями. Вступая в войну, союзники не особенно рассчитывали на территориальные присоединения, а скорее на создание областных автономий в европейских провинциях Турции. Дело приняло иной, более благоприятный оборот, и тогда как у сербов, так и у Болгарии, появились новые притязания. Сербия желала выхода на Адриатику, что могло быть достигнуто только разделом Албании между ней и Грецией. Болгария хотела завоевать всю Фракию и мечтала даже занять Константинополь. Правда, осада Четалджи стоила ей больших жертв, но не помогла занять турецкую столицу. Зато Фракию она завоевала, и благодаря этому Балканская война продлилась значительно дольше, чем этого требовали интересы других союзников. Андрианополь был взят при значительном содействии Сербии, осо-

¹ Данев был и в то время председателем Болгарского народного собрания. На него возлагались чрезвычайные дипломатические миссии. Он разъезжал по Европе, вел со всеми переговоры и возмнил себя маленьким болгарским Бисмарком. — *Примеч. автора.*

бенно — ее тяжелой артиллерии. Болгары настолько сознавали это сами, что предложили сербам оплатить деньгами их участие, но Пашич с негодованием отверг это предложение, добавив, что вопрос о возмещении Сербии станет впоследствии на очередь. Болгары потом утверждали, что по военной конвенции сербы обязаны были оказывать помощь соответственно обстоятельствам безо всякого вознаграждения. Однако не противоречило ли этому их собственное предложение оплатить оказанную услугу?

Все разногласия между Сербией и Болгарией коренились в том обстоятельстве, что результаты войны не отвечали предположениям, при коих заключался союзный договор. Приходилось делить все европейские провинции Турции, Болгария приобретала Фракию, а Сербии пришлось отступить от Албанского побережья, ибо в вопросе этом Австрия и Италия были неуступчивы и дело грозило общеевропейской войной. Под воздействием России Сербия примирилась с этим, но тем крепче в ней укоренилась решимость удержать за собой македонские земли, в которых пролита была сербская кровь.

Неуступчивость эта, к сожалению, нашла потворство со стороны нашего посланника, покойного Н. Г. Гартвига. Всякий раз, как он получал из министерства предписание оказать умиротворяющее воздействие на сербов, он чисто формально выполнял поручение и отписывался в министерство. Убежденный сербофил, Гартвиг нередко с сербами критиковал свое министерство. На этом создавалась крупная популярность его в Сербии. Человек увлекающийся, хотя и несомненно способный, Гартвиг исходил из верной идеи, которую, однако, преувеличивал и для успеха которой был не всегда разборчив на средства. Он с недоверием относился к болгарам, к их стремлению подчинить себе Балканы и, быть может, завладеть Константинополем. Считая увеличение Болгарии противоречащим интересам России, Гартвиг хотел создать ей противовес в лице Сербии. Постольку он отстаивал притязания сербов на македонские области и желание их получить границу, смежную с Грецией. Построение это, повторяю, было по существу верным, но Россия и сам Гартвиг потратили немало усилий на то, чтобы Сербия и Болгария заключили между собой договор. Обе стороны в этом договоре обязались подчинить верховному решению России все споры между собой. Непригоже было нам поощрять одну из сторон к неуважению этого договора. Это не только противоречило нашему достоинству и историческим традициям на Балканах, но в то же время было и не мудро, ибо обостряло вражду между теми, кого вам нужно было соединить, и отталкивало от нас Болгарию в объятия Австрии, которая только этого и ждала.

В силу этих соображений, когда мы полагали, что нам придется осуществить обязанности третейского судьи, предусмотренные сербо-

болгарским договором, у нас сложилось решение твердо стоять на почве этого договора и внести поправки к отдельным частностям разграничения, лишь поскольку этого позволял нам общий смысл договора, признававший наши верховные права арбитра. Сообразно с этим, мы думали несколько спрямить северную границу договорной линии в пользу Сербии и осуществить соединение Сербии с Грецией между Пресбанским и Охридским озерами. Таким образом, Болгарии отходила вся так называемая бесспорная зона, с весьма незначительными поправками.

Сербо-болгарские разногласия обострялись еще конфликтом между Болгарией и Грецией. Между этими общими государствами существовал только военный союз, но ничего не было договорено заранее о взаимном размежевании. Все попытки Венизелоса во время войны прийти к какому-нибудь соглашению встречали в Софии отпор. Болгары наперегонки с греками старались первыми войти в Салоники. Это им не удалось, и все-таки болгарская часть была оставлена в этом городе. В смежных пунктах военного занятия, в южной Македонии, между болгарскими и греками проходили постоянные перестрелки, иногда даже сражения.

Результатом таких отношений явилось сближение между Грецией и Сербией. Обе стороны разработали соглашение военно-оборонительного и политического характера. Оно по-видимому не было подписано, но эта формальность могла быть выполнена в последнюю минуту.

Когда надежда на полюбовное соглашение между союзниками исчезла, мы заявили Сербии и Болгарии, что вступаем в права арбитра, но для выполнения их поставили предварительно следующие условия: 1) равномерная демобилизация, с доведением боевых частей до $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ их состава. Это требовалось нами как обеспечение того, что ни одна из сторон с оружием в руках не воспротивится осуществлению нашего решения и 2) одновременно с нашим арбитражем Болгария и Греция соглашались подвергнуть свои разногласия также решению третейского разбирательства, выбрав, кого хотят, судьями.

Предложение об одновременной демобилизации союзников было в свое время подсказано нам председателем болгарского Совета министров Гешовым, который просил, однако, сохранить в тайне свою инициативу. Гешова в конце кризиса заменил Данев. Этот последний был гораздо более несговорчив, и, кроме того, у него было, как говорится, семь пятниц на неделе. Он постоянно менял свои решения. На демобилизацию ее согласился, при условии, что во все опорные области будут введены болгарские гарнизоны, наряду с сербскими и греческими. При крайнем обострении отношений и постоянных стычках между пограничными отрядами союзников подобное предложение представлялось

недобросовестным, и мы отказались его обсуждать. Видя, что из нашего предложения о демобилизации ничего не выходит, а время не терпит, мы заявили, что оставляем его до съезда балканских премьеров в Петрограде, куда настоятельно приглашали Данева и Пашича. Одновременно мы звали и Венизелоса, чтобы он мог сговориться с Даневым об арбитраже. Данев сначала поставил непременным условием своего приезда обязательство, чтобы мы в семидневный срок произнесли решение. Мы отклонили подобное притязание, добавив, однако, что болгары могут понять и поверить, что у нас нет ни малейшего желания затянуть хотя бы на лишний день решение. На это последовало заявление Данева, что его предложение было последним, и, так как оно не принято, то он прерывает переговоры. Пришедшему с этим заявлением болгарскому посланнику Бобчеву Сазонов сказал, что Болгария явно хочет вступить на путь братоубийственной войны.

Некоторое время перед тем Румыния, если не ошибаюсь, по инициативе Венизелоса, заявила, что она будет против первого нападающего. Со своей стороны, мы одобрили это заявление, как способное отрезвить обе стороны. Когда Бобчев, по поручению своего правительства, справился о том, как мы бы отнеслись к выступлению Румынии, мы открыто заявили ему о нашем взгляде на этот счет и добавили, что пальцем не двинем в защиту Болгарии, если она первая нападет.

Все эти остротки, казалось было, возымели действие. Данев заявил, что был непонят, что он приедет в Петроград, что о назначении срока он просил, а не требовал. В это время отношение Сербии, где усиливалось шовинистическое настроение, почти в той же мере беспокоило нас, как и болгарское. Пашич высказывал, однако, надежду, что ему удастся, хотя и с трудом, справиться с этими трудностями. Несколько дней отделяло нас от приезда премьеров в Петроград. В это время в ночь на 17 июня 1913 года Болгария предательски напала на Сербию и Грецию.

Спокойно разбираясь в причинах, побудивших Болгарию принять столь пагубное для нее решение, приходится прийти к заключению, что дело вовсе не так просто, как его многие себе представляют, и не заключается в одном лишь коварстве короля Фердинанда. Конечно, личность последнего сыграла известную роль в этом деле и особенно в последующих событиях. Вследствие этого, на ней стоит остановиться. Фердинанд скрепя сердце, подписал союз с Сербией, в некоторых статьях своих направленный против Австрии. По симпатиям и по культуре он всегда был и оставался австрийцем и суеверным католиком. Суеверие и трусливость уживались в нем с сильно развитым тщеславием. Иезуит по природе, он в то же время был актером и любил драпироваться в различные роли, изображать себя и в фотографии и в живописи во всевоз-

можных положениях. Он подарил как-то бывшему министру иностранных дел графу Ламздорфу свой портрет в костюме средневекового Мальтийского рыцаря. На этом портрете как-то особенно подчеркнуты изнеженность и вычурность его облика. Он выпустил в Болгарии марки со своими изображениями. На одной из них Фердинанд в парчовом облачении византийского севастократора¹ с аскетически вытянутыми чертами лица, как на древних иконах. На другой марке Фердинанд в форме адмирала болгарского флота. Здесь он, видимо, копировал облик короля Эдуарда, моряка-спортсмена.

Свой народ Фердинанд не любил. Он не стеснялся презрительно отзываться о нем, и мне лично пришлось слышать от него подобные отзывы. Ему претила и грязь и неаккуратность его подданных. После заседаний министров у себя во дворце он тотчас приказывал отворять форточки. Он систематически развращал министров, поощряя легкую наживу и взяточничество. Этим способом он держал их в руках, имея против каждого из них компрометирующие документы. Болгары боялись его, и хотя страна во многом обязана была ему своими материальными успехами, однако никто не любил его. Со своей стороны, Фердинанд вечно боялся какой-нибудь каверзы или возмужания со стороны болгар. К России Фердинанд испытывал чувство непреодолимой антипатии и суеверного страха. Он всегда боялся, что его конец придет отсюда, и не раз высказывал убеждение, что Россия питает замысел лишить его престола. Может быть, его участь будет подобна той, которая выпадает иногда на долю людей, болевающих той болезнью, которой слишком суеверно боятся. Такой человек правил в те время Болгарией. Страх — плохой советчик. А Фердинанд пребывал между самыми различными страхами. Он боялся коалиции союзников и Румынии, боялся возбудить гнев России, но больше всего он, по-видимому, боялся партии македонцев и стоявших во главе ее честолюбивых вождей. Он знал, что они ни перед чем не остановятся, если сочтут это нужным, для осуществления своих планов. Македонцы не допускали мысли о возможности поступиться хотя бы частью Македонии в сербские руки. Они сходились в этом с партией военных, во главе коих стоял генерал Савов, так же, как и они, неспособный брезгать какими-либо средствами для достижения своих целей.

Страх перед этими головорезами, личный страх за свою шкуру пересилили в конце концов все другие опасения и соображения в Фердинанде, который, в конце Балканского кризиса, впал было в полную

¹ Севастократор (благородный владетель) — высший придворный титул в Византийской империи, в ряде случаев трактуется как второй император.

неврастению, колеблясь между различными решениями и стараясь от них отстраниться. Напоследок Савов вынудил Фердинанда подписать указ о настулении.

Таким образом, ответственность за 17 июня может быть возложена главным образом на союз авантюриста Савова с македонцами. Последние получили совершенно несоответственное влияние на направление дел в Болгарии, завоевав такое положение в течение всего предыдущего периода болгарской истории.

В этом отношении сама Россия несет долю ответственности за столь ненормально сложившийся порядок вещей. Я уже упоминал о том, как в эпоху Сан-Стефанского договора мы признали права Болгарии на Македонию, совершенно забыв о Сербии. Такой исключительный фаворитизм Болгарии был совершенно необоснован. Между тем, для Болгарии Сан-Стефанский договор явился лозунгом, которым она с изумительной настойчивостью и упорством руководилась до самой Балканской войны.

Низшее славянское население Македонии было в сущности тестом, из которого можно было вылепить и сербов и болгар, но тонкий слой городской и сельской интеллигенции, в силу пропаганды, тяготел к Болгарии. Многочисленные представители македонской интеллигенции перекочевали в Болгарию. У них появились таким образом как бы две родины. В турецких провинциях борьба велась с кинжалом и ружьем в руках. Те же приемы эти выходцы были не прочь применить, если нужно, в Болгарии. Вот почему Фердинанд не без основания боялся их. Для македонцев Болгария была не целью, а средством, и для них акт 17 июня казался совершенно естественным. И психология сходилась в своих выводах с тем ослеплением и безумием, которые обуяли в это время коренных болгар.

Страна была упоена блестящими успехами в войне с турками. В руководящих кругах маленького народа выросло непомерное самомнение и выступили наружу такие же притязания. Затаенной мечтой их было не только овладеть Македонией, но и добиться гегемонии на Балканах. Их раздражала неподатливость России, заступавшейся за союзников Болгарии и настаивавшей на удовлетворении справедливых желаний румын. Отсюда выросло представление, будто Россия стоит на пути коренных интересов Болгарии. Наиболее честолюбивые мечтали о Константинополе.

Одну минуту мечта эта казалась близкой к осуществлению. Мы, конечно, не могли поощрять подобных притязаний и отступаться от своих прав на Константинополь. Для нас существовала экономическая и военная необходимость не допускать никакого другого государства на

проливы взамен слабой Турции. Болгары отлично знали этот исторически сложившийся мотив нашей политики. В переговорах с ними за несколько лет до войны мы определенно оговаривали свои права на Константинополь и его защитную зону. В последнюю включался, между прочим, и Адрианополь, но Государь был настолько благорасположен к болгарам во время войны, что, как только последние подошли к этому городу, он без малейшего промедления приказал заявить, что Россия не будет противиться присоединению Адрианополя к Болгарии.

Иначе, конечно, обстояло дело относительно проливов. Когда болгары подошли к Читалдже, в октябре 1912 года, мы настоятельно советовали им воспользоваться временной растерянностью турок для выгодного заключения мира. Тем не менее, мы не ставили категорического запрещения для временного занятия болгарами турецкой столицы. На этот случай у нас был приготовлен хотя и небольшой десантный отряд в Севастополе. Наш посол в Константинополе имел полномочие вызывать, сообразуясь с обстоятельствами, Черноморский флот, стоявший под парами. У нас было решено, в случае входа болгар в Константинополь, немедленно послать туда же десант.

В то время можно было, однако, опасаться крупных международных осложнений в случае падения Константинополя, и мы не были ни в политическом ни в военном отношении готовы для разрешения столь крупной задачи¹. Поэтому то мы и старались удержать болгар от намерения войти в Константинополь, где им все равно нельзя было бы остаться. Болгары не внимали, однако, нашим советам. Штурм турецких укреплений стоил им многих бесполезных жертв, но Константинополь спасла не столько стойкость его защитников, сколько неожиданная союзница в лице холеры. Мне пришлось это слышать от генерала Радко-Дмитриева, командовавшей осадной армией. Холера имела молниеносный характер, люди умирали через полчаса после заболевания. Для болгар холера была внове, и она производила среди войск паническое действие. В армии было 22 000 заболеваний. При таких условиях было немыслимо брать Константинополь, по словам Дмитриева.

¹ Я вступил в должность начальника отдела Ближнего Востока в августе 1912 года и тогда впервые познакомился с содержанием Союзного сербо-болгарского договора, заключенного при деятельном нашем участии. У нас почему-то представляли себе, что договор будет иметь главным образом значение оборонительного союза против Австрии. При чтении договора у меня не осталось никаких сомнений, что главная, если не единственная его цель заключается в войне с Турцией. Меня настолько смутило это обстоятельство, что я задавался мыслью, не отказаться ли от места, которое я фактически тогда не занимал. Мне представлялось, что с нашей точки зрения имел бы смысл устраивать балканский союз лишь в том случае, если бы мы сами задавались целью осуществить наши исторические задачи на Проливах. Тогда, при главном водительстве России, союз мог бы не распасться. Но мы не были готовы к выполнению этой задачи, а при таких условиях, можно ли было рассчитывать на прочность союза? — *Примеч. автора.*

Осенняя кампания 1912 года привела, как известно, к переговорам союзников с Турцией в Лондон. Камнем преткновения послужил Адрианополь, который турки не пожелали уступить болгарам, и военные действия возобновились. Еще до взятия Адрианополя в Петроград приехали Данев и Радко-Дмитриев. Последний привез письмо короля Фердинанда, в коем последний просил согласия Государя на выход Болгарии в Мраморное море, с присоединением Родосто к Болгарии. Помню, как меня волновал этот вопрос ввиду особой благожелательности Государя к болгарам. Перед аудиенцией Радко-Дмитриева министр послал Государю всеподданнейшую записку, предупреждая его о предмете беседы и развивая мысль о чрезмерности болгарских притязаний.

В это время ко мне как-то утром зашел болгарский посланник Бобчев и завел разговор о Родосто. Я, не обинуясь, высказал ему свой личный взгляд, а именно, что вам следовало бы не останавливаться даже перед тем чтобы с оружием в руках изгнать болгар из Родосто, если они придут туда. «Я убежден, что Вы не получите нашего согласия», сказал я, «иначе я полчаса не остался бы в этом кабинете». Мои слова произвели видимо впечатление на Бобчева; он благодарил меня и сказал, что в этих вопросах лучше быть откровенным до конца, чтобы не поддерживать ложных иллюзий.

Радко-Дмитриеву было поручено также просить о содействии одного или двух военных судов для бомбардировки Чатадджинских укреплений с тыла. Миссия генерала не имела успеха ни в одной из его просьб. Лично он встречался с большим почетом всюду, где появлялся. Во время пребывания его в Петрограде, 13 марта 1913 года, после 149-дневной осады, пал Адрианополь. Нам казалось, что Фердинанд нарочно послал Радко-Дмитриева в Петроград, давши ему столь щекотливые поручения, чтобы скомпрометировать популярного генерала и приверженца России.

Оглядываясь назад на наши отношения к Болгарии во время Балканского кризиса, хотя я был одним из ближайших участников общего ведения дел и не могу быть беспристрастным, однако все же скажу, что совесть моя спокойна относительно двух главных обвинений, которые выставляли против нас русофобы в Болгарии; они говорили, что Россия натравила на них Румынию и что Россия не хотела создания сильной Болгарии, помешав ей занять Константинополь. В подтверждение первого обвинения они указывают на то, что между Россией и Болгарией существовала военная конвенция в силу коей мы обязаны были защищать Болгарию от Румынии. Такая конвенция действительно существовала, она была заключена еще Куропаткиным в бытность его военным министром. Конвенция была отредактирована очень неудачно, и отдельные статьи ее допускали противоречивые толкования. Тем не

менее, когда в декабре 1912 года Румыния собиралась занять пограничные болгарские земли, мы не остановились перед определенной угрозой. Отдавая себе отчет в возможности серьезных последствий такого рода шага, мы тотчас снеслись с французами, как нашими союзниками. В Париже произошел целый переполох по этому поводу, союзники наши выразили явное неудовольствие по поводу возможности быть вовлеченными в общеевропейский конфликт. Мы, однако, настояли на нашей точке зрения. Подробности эти никому не известны до сей поры, кроме посвященных. Они достаточно убедительно доказывают, что в известную минуту Россия не уклонялась от исполнения своих нравственных обязательств по отношению к Болгарии. Мы не могли, однако, стать на точку зрения болгар, которые шантажировали конвенцией и полагали, что могут ни в грош не ставить наших советов и предостережений, а что мы все-таки должны будем прийти им на помощь. Между тем, совершенно явно, что всякая конвенция о совместных военных действиях вступает в силу, лишь когда достигнуто политическое соглашение об обстоятельствах, которые вызывают эти действия.

В отношении к России болгары, как и другие славяне, усвоили себе убеждение, что на их стороне права, а на стороне России — только обязанности. К сожалению, это убеждение в значительной степени поддерживалось нашей печатью, у которой они всегда находили поддержку в нападках на наше Министерство иностранных дел за недостаточную поддержку их интересов: «Россия обязана» — «Бедная Россия, сколько у нее обязанностей». На эту тему в то время остроумный фельетон написал Дорошевич.

Расчет на то, что Россия выступит против Румынии, в то время как сама Болгария хотела раздавить Сербию и Грецию, показывал только степень крайнего ослепления в Софии, от которого не могли спасти никакие наши предостережения.

Что касается второго обвинения, то мы видели, что Россия приняла решение осуществить арбитраж на почве признания прав Болгарии на Македонию в ее споре с Сербией. Что касается греческих притязаний, то мы признавали права греков только на Салоники с небольшим приземельем, но решительно отвергали все прочие. А что Россия не поступилась Константинополем в пользу Болгарии, это не нуждается в оправдании не только перед русскими, но и перед не предубежденными болгарями.

В том-то и была, однако, беда, что не предубежденного отношения нельзя было ожидать от болгар. Свои грехи и ошибки болгарский народ не хотел видеть. Для него и для его правителей легче было переложить свою вину на чужую голову, особенно при сложившемся убежде-

нии, что Россия все обязана сделать для них. Такова была почва для русофобской агитации в Болгарии. Ею и воспользовались недобросовестные деятели, вроде Геннадиева, Радославова и К^о.

Они обратились к королю Фердинанду с открытым письмом, напечатанным в газетах, в коем обвиняли правительство Гешов-Данева в чрезмерном русофильстве. Этому направлению они приписывали все бедствия, постигшие Болгарию. Их симпатии были на стороне Австрии. Авторы письма были призваны к власти. Это не помешало им обращаться за помощью к России, как в свое время русофил Данев не считал невозможным по временам заигрывать с Австрией. Австрия мало помогла Болгарии в деле прекращения войны с недавними союзниками, которая грозила полным разгромом Болгарии. Что касается до нас, то мы старались сделать все возможное, чтобы умять размеры кары, постигшей Болгарию. По нашему настоянию, Румыния остановила свои войска, направлявшиеся на Софию.

Во время переговоров в Бухаресте мы приложили много усилий к тому, чтобы сократить притязания Сербии и Греции. Мы сожалели, что нам не удалось отстоять для Болгарии Каваллу. Это произошло оттого, что наши союзники французы нас не поддерживали и в вопросе о Кавалле стали на сторону Германии, которая хотела, чтобы Кавалла принадлежала грекам. Мы оказались в этом вопросе в странном единении с Австрией, но это не могло нам помочь, потому что Австрия была настолько скомпрометирована, что ее никто не слушал на Балканах.

Еще в другом вопросе наши старания в пользу Болгарии не увенчались успехом. Мы настаивали на возвращении Болгарии Адрианополя, вновь захваченного турками. Все державы были в принципе согласны с нами, что нельзя допустить своевольного нарушения турками условий, которые незадолго до того были предметом соглашения между турками и теми же державами. Вскоре, однако, выяснилось, что гораздо труднее прийти к соглашению о средствах совместного давления на Турцию. Не порывая с державами, немцы стали отстаивать турок. У нас одно время возникла мысль о единоличном вооруженном давлении на Турцию, вплоть до занятия Трапезунда с моря. Из переговоров с Генеральным штабом выяснилась, однако, недостаточность наших перевозочных средств в то время. Экспедиция могла потребовать значительно отвлечения сил. Между тем, мы не могли быть уверены в том, что, пока мы будем заняты в Черном море, Австрия не воспользуется этим, чтобы надавить на Сербию под видом помощи той же угнетенной Болгарии. Такого оборота дела мы, конечно, не могли желать. К тому же, наше общественное мнение было глубоко возмущено поведением Болгарии и едва ли сочувственно отнеслось бы к жертвам ради нее.

Нельзя не пожалеть, что нам не удалось настоять на своем в Адрианопольском вопросе. Это поддержало бы симпатии к нам Болгарии, но, что еще важнее, оказало бы благотворное воздействие на турок. Легкость, с которой они вернули себе Адрианополь и ослушались держав, окрылила их самонадеянность. В то же время Германия показала себя единственной защитницей турок и за эту услугу сумела найти себе уплату, как мы это впоследствии увидим. Отношения России с Болгарией так и не могли наладиться со времени Бухарестского мира. Посланником в Петрограде был назначен генерал Радко-Дмитриев. Это был столько же русский человек, как я — болгарин. Личные отношения с ним не оставляли желать ничего лучшего, но он сам совершенно не доверял тому правительству, которое стояло у власти в Болгарии. Нашим посланником в Софии был назначен А. А. Савинский. Он надеялся при помощи оппозиции сломить правительство, стоявшее у власти, и думал, что это удастся достигнуть денежным давлением. Болгария нуждалась в займе. Савинский и его французский товарищ Панафье хотели поставить условием займа смену правительства. Когда это не удалось и болгары начали переговоры с германскими банками, оба посланника готовы были отказаться от этого условия, но было уже поздно. Болгарские министры уже успели, по-видимому, обеспечить себя взятками со стороны германских банков, и заем был заключен у последних.

Савинский до конца не порывал тесных отношений с оппозицией, хотя последняя обнаруживала полную неспособность к серьезной, самостоятельной борьбе с правительством. Тем самым он только обострил отношения с правительством и стоявшим сзади него Фердинандом. Так прошел 1913 год и начало 1914 года в Болгарии. Наше положение было испорчено в Софии, а Германия успела заложить первое основание для своего влияния.

Со времени Балканского кризиса с нашей стороны было проявлено старание по возможности сгладить натянутые отношения с Германией. Весной 1913 года Государь поехал в Берлин на свадьбу дочери императора Вильгельма¹⁰². Население германской столицы приняло его с сочувствием, убедившим самого Государя. Немцы поняли, по-видимому, что только благодаря миролюбию русского Государя балканский пожар не охватил всей Европы. Таково было впечатление всех, бывших в то время в Берлине. Царское посещение совпало с обострением болгаро-греческих отношений до междусоюзнической войны. По поводу довольно серьезного пограничного столкновения между болгарскими и греческими войсками оба монарха согласились одновременно послать предостерегающие телеграммы Фердинанду. Это было как бы демонстрацией их дружбы после зимы, проведенной в натянутом ожидании.

Осенью того же 1913 года русский председатель Совета министров Коковцев ездил за границу, побывал в Берлине и вынес самое оптимистическое впечатление от своих бесед с канцлером. Но едва прошло несколько дней с его возвращения, как из Константинополя пришла крупная новость: главным начальником всей турецкой армии назначался германский генерал Лиман фон Сандерс.

Известие это произвело у нас большое впечатление. До тех пор германские офицеры приглашались в турецкую армию в качестве инструкторов, но не командовали строевыми частями. Теперь германский генерал становился фактическим главнокомандующим. С ним вместе приехал целый штат других офицеров на подчиненные должности. В слабой, разбитой Турции водворился германский протекторат. Владея такой экономической артерией, как Багдадская железная дорога, немцы захватывали в руки армию. Они становились господами положения.

Следуя нашей примирительной политике, мы решили исчерпать все средства для разрешения конфликта правами непосредственными переговорами с Германией. Желая отстранить все, что могло бы задеть самолюбие Германии, мы в то же время дали понять в Берлине, что мы не можем допустить, чтобы германский генерал командовал строевой частью в Константинополе. На наш взгляд этим нарушено было бы равенство положений держав в Константинополе. Наша точка зрения была сообщена нами французам и англичанам, и те, в свою очередь, к ней присоединились. Инцидент, к сожалению, сделался предметом горячего обсуждения в печати, и это крайне осложнило примирительную задачу дипломатии.

В начале января 1914 года было созвано особое совещание под председательством Коковцева. На нем было решено исчерпать все способы примирительных решений, но ни под каким видом не допустить, чтобы германский генерал командовал строевой частью в Константинополе.

Мирному разрешению конфликта в значительной степени помогла Англия, явившаяся посредницей между нами и Германией. В конце концов Берлинский кабинет согласился на то, чтобы никакая строевая часть в Константинополе не была подчинена германскому офицеру. Однако немцы все же передернули, и в Скутари, который находится на азиатском берегу Босфора, назначили таки своего генерала командиром дивизии. У нас решили посмотреть на это сквозь пальцы и удовлетвориться достигнутым результатом.

Гораздо успешнее для нас прошел вопрос о реформах в Армении. Во время Балканского кризиса армяне не раз хотели поднять восстание и обращались к России за поддержкой. Мы приложили все усилия, чтобы остановить их. Мы определенно заявили, что Россия настаи-

вает на локализации Балканского кризиса и не дает себя вовлечь в войну с Турцией. При таких условиях восстание в Армении было обречено на неудачу и турки только вновь залили бы страну кровью. Вместе с тем, мы обещали армянам, что тотчас по окончании Балканского кризиса возьмем их дело в свои руки и добьемся для них действительных реформ. Ко мне нередко приходили представители различных армянских партий, в том числе революционной — Дашнакцутюн. За несколько лет перед тем члены этой партии судились у нас и были присуждены по обвинению в сепаратизме и в восстании против России, а теперь представитель этой партии приходил к нам за указаниями.

Справедливость требует признать, что перемена настроения армян произошла в значительной степени вследствие благожелательного отношения к ним наместника Кавказа графа Воронцова-Дашкова.

Мы сдержали свое обещание и в нужную минуту заявили туркам, что считаем необходимым проведение реформ в семи армянских вилайетах при неперменном условии действительного европейского контроля. К этому мы добавили, что промедление в этом деле может вызвать брожение в Армении, и что в этом случае Россия едва ли останется безучастной в смуте в пограничных с нами областях. К обсуждению реформ мы привлекли все державы. Предварительно обсуждение проекта реформ было возложено на посольство в Константинополе, самый же проект был составлен первым драгоманом А. Н. Мандельштамом. Очень скоро выяснились две противоположные точки зрения, одна — представителей держав Согласия в пользу реформ и европейского контроля, и другая — Тройственного союза, туркофильской и сводившей реформы к нулю, устрояя принцип контроля.

Ключ положения находился в Берлине, и мы решили договориться с немцами, чтобы выработать возможный компромисс. Одновременно мы вели переговоры с турками. Немцы старались урезать наше предложение; тем не менее, нам удалось достигнуть очень многого в пользу армян. Основание реформ, на которых мы договаривались, были подписаны великим визирем и нашим поверенным в делах. Это также имело свое значение, являясь актом признания со стороны турок особого права России пещись об армянах.

Последние события на Балканах и усиление деятельности Германии в Константинополе вызвали необходимость подвергнуть отдельному пересмотру вопрос о состоянии наших военных и морских сил в бассейне Черного моря. По этому вопросу состоялось совещание под председательством Сазонова, с участием начальника Генерального штаба и морского министра и находившегося в то время в Петрограде посла в Константинополе М. Н. Гирса. На совещании этом было обращено вни-

мание на необходимость усилить Черноморский флот и создать особый десантный корпус. Начальник Генерального штаба генерал Жилинский шел навстречу этому пожеланию. Более отрицательно к нему отнесся генерал-квартирмейстер Данилов, впоследствии игравший чуть ли не главную роль в Ставке Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Данилов развивал ту мысль, что Константинополь и проливы могут достаться России лишь в результате европейской войны, после того как дело будет решено на нашем Западном фронте. Вследствие этого, со стратегической точки зрения он считал вредным отвлечение каких-либо сил от главного театра войны. В то время был намечен общий план преобразования нашей армии, который должен был значительно ее увеличить. Вследствие этого, Данилов считал излишними отдельные мероприятия в смысле создания отдельного десантного корпуса. Данилову возражали, что все же без самостоятельных операций против Турции мы так ничего не достигнем.

Результаты совещания не успели осуществиться. Они представляют интерес лишь как выражение взглядов за несколько месяцев до общеевропейской войны. Больше последствий этот обмен взглядов имел для усиления Черноморского флота. В этом направлении Министерство иностранных дел беспрестанно оказывало давление на Морское ведомство, где мы находили поддержку особенно среди более молодых офицеров. Опыт войны показал, какое значение для наших действий против Турции получило наше владение морей.

Весной 1914 года, когда Государь был в Ливадии, его приехала приветствовать турецкая делегация, с министром внутренних дел Талаат-беем во главе. Я был также вызван в Ливадию Сазоновым. Талаат-бей считался главным воротилой турецкого правительства. До младотурецкого переворота он был маленьким телеграфным чиновником в Салониках и получал по временам от нашего генерального консула одну турецкую лиру на чай. События выдвинули его на место министра внутренних дел и одного из главных руководителей судеб Турции. Было удивительно видеть, как этот вчерашний телеграфист превратился в сановника, умевшего держать себя спокойно и с достоинством.

Приезд турок в Ливадию совпал с обострением отношений между ними и греками. Турки не хотели признавать отхода к Греции островов, в особенности Лемноса и Милитены. Младотурецкие комитеты искусственно раздували среди населения враждебное отношение к грекам. В некоторых местах Малазийского побережья, близ Смирны, происходили резни и погромы. Пропагандировался сбор на усиление военного флота. Турки видимо только ждали прихода двух военных судов, заказанных в Англии, чтобы начать военные действия против Греции.

Талаат-бей надеялся заручиться в Ливадии невмешательством России в спор Турции с Грецией. Он надеялся этого достигнуть заманчивыми, хотя и туманными, предложениями, вплоть до союза между Россией и Турцией. Он говорил, что отдает себе отчет в интересах России относительно проливов, что весь вопрос заключается, по его мнению, в том, чтобы найти приемлемую формулу. Талаат-бей был принят Государем в особой аудиенции. Государь сказал ему, что отношения России с Турцией зависят всецело от последней. Мы можем быть в самых лучших отношениях с турками, но чего Россия никогда не может допустить, это — хозяйничанья в Константинополе другой державы. В общем, Талаат-бей оставил впечатление малосерьезного человека, не встретил никакого сочувствия своим планам относительно Греции. Вскоре обнаружилась его полная лживость, ибо в Бухаресте, куда он приехал из Ливадии, он уверял, что заручился согласием России на сохранение за Турцией островов.

Глава III

Таково было приблизительно положение на Балканах и в Турции к моменту нашего разрыва с Германией. Первой заботой нашей было предупредить возможность получения Турцией купленных ею судов, которые она ждала со дня на день из Англии. Английское правительство реквизировало их. Это произвело сильное возбуждение в Константинополе. В это время германский крейсер «Гебен» находился в Средиземном море. В самые первые дни войны ко мне заходил один из моих сотрудников В. Н. Муравьев и говорил: «А не боитесь Вы, что “Гебен” может проскользнуть в проливы?» — Мне раньше не приходила в голову эта мысль, но я нашел опасения совершенно правильными и немедленно поехал в Морской генеральный штаб поговорить по этому поводу. В штабе отнеслись сначала к высказанному мной предположению с полным спокойствием, но потом заволновались. Немедленно телеграфировали в Англию с просьбой принять все меры, чтобы не пропустить «Гебен». Англичане согласились. Английский адмирал Трубридж телеграфировал из Мальты, что он сторожит «Гебен» (*I cover «Geben»*).

16 июля (8 августа) в Государственной думе, во время исторического заседания, ко мне подошел совершенно изменившийся в лице помощник начальника Морского генерального штаба Ненюков с известием, что «Гебен» проходит в проливы.

Известие это, к сожалению, подтвердилось. Наши моряки были крайне возмущены против англичан. Мы предупреждали последних,

что приход «Гебена» может совершенно изменить соотношение сил в Черном море. У нас в то время не были готовы еще там новые броненосцы и не было ни одного судна, которое могло бы сравняться с «Гебеном» по скорости хода и артиллерийскому вооружению. По мнению некоторых наших моряков, «Гебен» был пропущен англичанами сознательно, однако нельзя не отметить, что инструкции, данные английскому адмиралу, были недостаточно определенны и решительны. По-видимому, они были даны еще до разрыва Англии с Германией. Трубридж был судим, но оправдан¹⁰³. Мне потом пришлось с ним встретиться в Сербии, куда он был послан, отчасти в почетную ссылку, для заведования минной обороной Дуная в Белграде.

Приход «Гебена» в Константинополь имел роковые политические последствия. Он предопределил выступление против нас Турции. Несмотря на протесты держав Согласия, турки не разоружили «Гебен», а фиктивно приобрели его у Германии. Послы Согласия до конца питали иллюзию, что Турция побоится выступить против нас. Порты принимала все более и более заносчивый тон по отношению к иностранцам, в особенности к русским. Она самовольно отменила капитуляции, без всякого основания арестовывала рускоподданных, реквизировала их магазины без всякого вознаграждения. В сущности, всем этим распоряжались уже тогда немцы. Они же провозили через Румынию и Болгарию людей и материалы, нужные для обороны Турции. Английский адмирал [Лимпус], приглашенный в качестве инструктора турецкого флота, был фактически отстранен от дела и наконец вышел в отставку, считая такое положение несовместимым со своим достоинством. Слабые протесты послов Согласия оставались турками без внимания. Таким образом, туркам дана была возможность в продолжении трех с половиной месяцев усиливать оборону. Когда англичане весной 1915 года предприняли экспедицию в Дарданеллы, то английский адмирал, командовавший австралийскими войсками и которому раньше пришлось побывать в Галлиполи, нашел положение неузнаваемым, настолько серьезные укрепления были воздвигнуты в это время немцами.

Надежды послов относительно турок находили себе опору в том обстоятельстве, что хотя Турция вооружилась и немцы все больше забирали в руки турок, однако среди самого турецкого правительства не было полного единодушия. Военный министр Энвер-паша предлагал нашему военному агенту целый план, при условии осуществления которого он обещал двинуть турецкие войска, куда укажет Россия. Этот план заключался в том, чтобы за Турцией закреплены были все острова в Эгейском море, отошедшие к Греции по Бухарестскому миру 1913 года,

а также захваченные Италией, а также Фракия. Болгария взамен того получила бы Сербскую Македонию, а Греция поделила бы с Сербией Албанию. Помимо того, Россия должна была согласиться на полную отмену капитуляций. Энвер был смелый авантюрист, пользовался обаянием среди младотурецких элементов армии. Серьезно положиться на него было трудно, и сам план его был неосуществим. Тем не менее, с ним велись переговоры, чтобы не оттолкнуть его.

Наш Генеральный штаб настаивал на том, чтобы мы исчерпали все средства, дабы избежать войны с Турцией, и по возможности затянуть разрыв. На Кавказе войск было мало, и лучшие части были переведены оттуда на Западный фронт. Этим и объяснялись наши переговоры в то время. Помимо того, как я уже сказал, в турецком правительстве не было единодушия. Наряду с легко возбудимым Энвером, который с легкостью мог переброситься с одной стороны на противоположную, среди турецких министров были люди, которых пугала мысль о вовлечении Турции в войну. В числе их были морской министр Джемаль-бей и великий визирь принц Саид-Халим. Они колебались между различными решениями и не имели достаточно твердости, чтобы проводить, ту политику осторожности, при помощи коей они хотели бы обеспечить за Турцией возможные выгоды и оградить ее в то же время от опасности войны. Поощряя усиление обороны Турции, они тем самым становились на наклонную плоскость. Незаметно для них руководство ускользнуло из их рук. Изредка у них проскальзывало осознание опасности водворения немецкого господства.

Фантастическим планам Энвера о расширении турецких пределов мы противопоставляли в наших переговорах план экономического освобождения Турции от немцев и укрепления таким путем ее самостоятельности. Благоразумные люди, в том числе турецкий поверенный в делах в Петрограде Фетхи-бей, казалось, внимали этим доводам. Мы предлагали, между прочим, туркам, в случае соглашения с нами, чтобы они завладели Багдадской железной дорогой. В беседах со мной Фетхи-бей откровенно высказывал различные свои опасения: перейти на сторону немцев — это значит подвергнуться всем рискам войны и укрепить у себя господство немцев; но, с другой стороны, не угрожает ли Турции победоносная Россия? Какие гарантии могла бы дать Россия Турции ее территориальной неприкосновенности? — Я отвечал, что, на мой взгляд, мы могли бы обеспечить неприкосновенность Турции, заключив с ней оборонительный союз. — «Ну, а проливы вам нужны?» спросил меня Фетхи-бей. Я отвечал, что, без Согласия, мы оговорили бы наши интересы в этом вопросе, но что Турция осталась бы цела, на самостоятельность ее мы бы не стали посягать, и в конечном счете Турция от

этого больше выиграла бы, чем от неосуществимой мечты о земельных расширениях. Всякий раз Фетхи-бей утверждал, что Турция не будет столь безумной, чтобы вмешаться в войну. Это его убеждение было вполне искренне. Оно отражалось в его телеграммах, в коих он предостерегал свое правительство против опасности столкновения с Россией и даже преувеличивал наши вооруженные силы.

Интриги наших врагов в Константинополе нам были хорошо известны, потому что мы читали телеграфную переписку австрийского посла в Константинополе со своим министром. Из нее мы видели, что наши враги были недовольны нерешительностью турок и опасались ее. Одним из средств давления было золото, которым немцы снабжали турок. Без него должны были бы остановиться военные приготовления, и на это не решились турки. Когда Фетхи-бей говорил мне, что никогда турки не сделают такой глупости, чтобы начать против нас военные действия, я предостерегал его, что немцы, если увидят нерешительность турок, могут поставить их перед совершившимся фактом и воспользуются для этого «Гебеном», который под турецким флагом сохранил немецкую команду. Не нужно было быть пророком, чтобы ожидать такого исхода, однако когда «Гебен» совершил свой разбойничий набег и вернулся в Константинополь, великий визирь был совершенно ошеломлен случившимся, и в оборот была пущена версия, будто мы первые открыли военные действия против турецких судов.

Если немцам удалось усилить оборону Константинополя и проливов, то это лишь благодаря потворству Болгарии и Румынии, допустивших пропуск через свои территории. Тотчас же [после] объявления Германией войны перед нами стала необходимость определить положение Болгарии. Если не ошибаюсь, то уже 20 июля нами послана была телеграмма в Софию, в коей в общих выражениях высказывалась мысль, что для Болгарии представляется случай исправить положение, созданное Бухарестским договором, действуя так, как ей диктовали ее исторические отношения с Россией.

Мы вполне отдавали себе отчет в том, что единственный способ привлечь Болгарию в качестве советницы заключался бы в передаче ей после войны Македонии в границах союзного договора 1912 года. Если бы, однако, Болгария затруднилась выступить с военными силами, то за добросовестный нейтралитет мы считали бы возможным обещать ей территорию до Вардара. Основания эти были сообщены нами сербам, и мы требовали от них соответствующих полномочий для ведения переговоров в Софии. Пашич не согласился на наше предложение. Он высказался против возможности совместных действий Болгарии и Сербии ввиду далеко не улегшегося взаимного ожесточения двух на-

родов. Он высказал убеждение, что никто из сербов не согласится на отдачу Македонии болгарам. Единственное, на что он пошел, это на то, чтобы Россия заявила Болгарии, что она будет вознаграждена земельными приращениями в случае соблюдения доброжелательного нейтралитета. Самые размеры этих приращений он считал желательным не сообщать болгарам, нам же доверительно определил их, однако не до Вардара, а лишь до Брегалници. Ввиду этого, мы вначале заявили болгарам требование лишь о соблюдении «доброжелательного» нейтралитета. Мы полагали, что выступление Болгарии было бы желательно главным образом в случае выступления Турции, а что до тех пор было бы достаточно соблюдение ею такого нейтралитета, который представлял бы угрозу как для Турции, так и для не вполне выяснившейся еще тогда Румынии.

Как только объявлена была война с Германией, болгарский посланник генерал Радко-Дмитриев обратился к нашим военным властям с просьбой принять его в ряды русской армии. Он просил дать ему дивизию, но ему тотчас обещан был корпус. О своем намерении он телеграфировал королю Фердинанду, спрашивая его разрешения, но говорил нам, что будет ждать не больше двух дней ответа. Последний так и не пришел, и Радко-Дмитриев уехал в армию. Его заменил советник миссии Патев. Он постоянно приходил к Сазонову и ко мне, выпытывая, нельзя ли получить какие-нибудь обещания, которые представились бы в Софии заманчивыми. Ему отвечали, что если мы будем уверены в том, что Болгария выступит, когда этого потребуют обстоятельства, то ей может быть обещана Македония.

На место Радко-Дмитриева посланником был вскоре назначен Маджаров из Лондона. Это был очень порядочный человек. Он не раз телеграфировал своему правительству, что пора бросить двоедушную политику и открыто выступить на сторону России. Между тем, софийский кабинет весьма своеобразно понимал «доброжелательный» нейтралитет и соблюдал таковой скорее по отношению к Турции, открывая ей свободный транзит для всего, что Германия везла в Константинополь.

Война с Турцией, казалось, должна была бы послужить новым толчком, чтобы сдвинуть Болгарию в нашу пользу, ибо ей представлялась возможность отвоевать себе Фракию и, воюя с турками, завоевать себе права на Македонию. Болгарскому правительству представлялся случай завоевать наше доверие к себе, но в Софии не было заметно перемен.

Одновременно с Болгарией, было важно определить позицию Румынии. Война захватила ее врасплох в этом отношении. С Россией у нее?? только еще начинались новые дружественные отношения, а с Ав-

стрией и Германией еще далеко не порваны были связи, укреплявшиеся со времени Берлинского конгресса. Старый король Карл был убежденный немец и Гогенцоллерн¹⁰⁴. Лично он был скорее за открытое выступление Румынии в союзе с Германией и Австрией. Когда собрался Совет министров под его председательством, для обсуждения этого вопроса, стало известно, что Италия объявила нейтралитет. Это и повлияло на решение Румынии поступить так же. С тех пор между Италией и Румынией стало намечаться сближение и стремление согласовать свой образ действий во время войны.

Вскоре в Румынии обозначилось сильное движение общественного мнения в пользу России и ее союзников, Франция и ее культура были всегда популярны в Румынии, вся интеллигенция ее воспиталась на французских образцах, а аристократия, которая была очень сильна благодаря обширным земельным владениям, была пропитана преклонением перед Францией. Такое отношение к Франции было сильной поддержкой против возможности выступления Румынии на стороне Германии. Блестящие успехи наших войск в Буковине и Галиции пробудили другое стремление к присоединению четырех миллионов румын в Трансильвании. Этому нельзя было противопоставить указания на Бессарабию, где румын было меньше миллиона. Правда, румыны не прочь были бы получить и то и другое, но сами они никогда не смели открыто высказать нам подобное предположение. Взятие Львова довело возбуждение до крайних пределов.

Король и его правительство, по-видимому, испугались, что общественное мнение заставит их перейти на сторону решительных действий. Братиано начал переговоры о заключении благожелательного нейтралитета и признании за Румынией прав на земли, населенные румынами в Австро-Венгрии, причем Румыния оговаривала за собой также право самой выбрать минуту для занятия этих земель.

Французский посланник в Бухаресте Блондель, девять лет проживший в Румынии и считавшийся знатоком Румынии, весьма не сочувственно относился к этим переговорам. По его мнению, следовало воспользоваться психологическим моментом, чтобы принудить Румынию к выступлению. Заключая соглашение о нейтралитете, мы ослабляли положение сторонников немедленного выступления, ибо Братиано мог сказать им: «Зачем Вы торопитесь, ведь Россия признала за нами право выступить, когда мы сами захотим». Наш посланник в Бухаресте Поклевский-Козелл держался иного мнения. Он отстаивал соглашение о нейтралитете, дабы увериться, что Румыния не может переменить позицию. В то время был еще жив старый король, влияние его на дела было преобладающим, и ввиду его германофильства, соображение это

могло казаться не лишенным основания¹. Сазонов стал на точку зрения Поклевского.

Я лично не особенно сочувствовал этому соглашению и настаивал на том, чтобы по крайней мере было точно определено, в чем заключаются обязанности Румынии, налагавшиеся на нее понятием благожелательного нейтралитета. Для нас важно было, например, заручиться, что Румыния не будет поставлять нашим врагам хлеба и бензина, в коем они весьма нуждались, после того как мы захватили в Галиции богатые нефтеносные источники. Румыны не пошли на определение своих обязанностей. Они обиделись на этот недостаток доверия к ним и в то же время сказали, что не могут брать на себя безусловного обязательства не вывозить ничего во вражеские страны, ибо это возбудило бы против них опасное подозрение. Сазонов дал себя уверить и подписал соглашение. Предсказания Блонделя во многом сбылись, ибо агитация сторонников выступления хотя и продолжалась, однако не особенно тревожила Братиано.

Смерть старого короля оживила надежды сторонников румынского выступления. Известие о его кончине пришло в Петроград одновременно с известием о взятии Антверпена немцами^{II}. В лице короля немцы несомненно утрачивали свою цитадель на Балканах.

О короле Карле у меня осталось личное воспоминание. В 1908 году, частным человеком, я объезжал Балканы. Побывал я и в Бухаресте и был принят королем Карлом в аудиенции, которая длилась около двух часов. Перед тем я перевидал почти всех монархов, и выдающихся деятелей. Ни один из них не оставил мне впечатления столь же выдающегося, умного человека, каким был король Карл. Так же, как и Фердинанд Болгарский, он держал страну в своих руках, но он пользовался своей властью не как простым орудием личного честолюбия, а для разумного блага своего народа.

В России в старину в помещичьих имениях были два типа немцев-управляющих: одни глубоко презирали народ, с которым имели дело, смотрели на него, как на такую же рабочую силу, как скотина. Другие были культуртрегерами в подлинном смысле этого слова, они вносили свет в темную деревню, и в их округе все хозяйство крестьян проникалось новыми приемами. Фердинанд и Карл представляли оба типа

^I Нельзя забывать, что одновременно с блестящими успехами в Галиции, мы потерпели жестокое поражение при Сольдау в Восточной Пруссии. Я никогда не забуду тягостного впечатления, произведенного известием об этом первом испытании, выпавшем на нашу долю. Оно не могло не умалить радости по поводу взятия Львова, с которым почти совпало по времени. За границей и, в частности, в Румынии германские агенты конечно всячески раздували нашу неудачу. — *Примеч. автора.*

^{II} Взятие германскими войсками Антверпена и смерть румынского короля Карла I произошли 10 октября 1914 г.

таких немцев-управляющих на Балканах. Первый завидовал второму, а второй несомненно презирал первого. Фердинанд глубоко презирал болгарский народ, не раз сравнивал его со скотом, не стесняясь перед иностранцами. Король Карл был в Румынии прежде всего разумным управляющим и помещиком. Он завел образцовый порядок в своих имениях, получал с них большие доходы и с любовью говорил обо всем, что относилось к сельскому хозяйству. В земледельческой Румынии, где привыкли к абсентеизму крупных собственников, его пример не мог не быть поучительным.

Крайнюю мудрость он проявил в отношении к политическим партиям в Румынии. Страна была полукультурная, настоящих навыков к политической свободе не существовало, не было также и людей, которые своим нравственным и умственным авторитетом могли бы потягаться с королем. Между тем последний умел править и проводить свою волю так, что при этом совершенно не получалось впечатления личного произвола. Он вовремя умел призывать к власти известную партию и вовремя заменял ее другою. Министры уходили в отставку не вследствие голосования палат, но когда король находил это нужным. Несмотря на это, уважение к нему было так велико, что эти смены никогда не вызывали неудовольствия со стороны уходивших министров. Король Карл никогда не забывал, что он — немец и Гогенцоллерн; он был совершенно убежден в превосходстве того народа, из которого происходил, и мог искренне думать, что благо Румынии побуждает ее к сближению с обоими германскими государствами. Ему раз пришлось поступить против этого своего убеждения, когда во время Балканского кризиса он вопреки настояниям Австрии подписал приказ о мобилизации армии. Он это сделал со слезами на глазах, подчиняясь единодушному давлению общественного мнения.

Король Карл был давно болен. Его крепкий организм был надломлен недугом и волнениями, которые были ему уже не под силу. Он вовремя сошел со сцены, но Румыния без него не могла найти опытного вождя и продолжала оставаться на перепутье.

Глава IV

Турция открыла враждебные действия 16 октября, после чего наше посольство покинуло Константинополь. В октябре началось второе вторжение австрийцев в Сербию, откуда приходили тревожные известия. Под влиянием их было решено, что мне надо поехать к моему посту посланника в Сербии. Советник посольства в Константинополе Гулькевич был назначен начальником отдела Ближнего Востока, которым я в то время управлял.

С самого начала войны с Германией, когда Турция еще не выступала, у всех на уме было, что главной положительной целью нашей в войне должно быть завладение проливами. Поведение самой Турции несомненно в значительной степени обуславливалось сознанием, что вопрос о проливах неминуемо будет выдвинут Россией и что она попытается разрешить его в свою пользу. Это отражалось даже в разговорах со мной осторожного Фетхи-бея, о которых я уже упоминал. Когда Турция произвела свое разбойничье нападение в Черном море, большинство широкой публики у нас обрадовалось этому, понимая, что теперь вопрос фактически будет поставлен. Мне приходилось слышать это от всех, с кем я виделся, — политическими деятелями, простыми обывателями. Я был очень удивлен, когда при Дворе императрицы Марии Феодоровны мне пришлось услышать об этом самые горячие речи. Словом, можно почти сказать, что от хижины до дворца всех волновал вопрос о будущности Константинополя и проливов.

В октябре месяце мне пришлось как-то обедать у князя Алексея Дмитриевича Оболенского вместе с графом Витте. Последний ожесточенно осуждал тех, кто довели Россию до войны, находил ее бессмысленною, говорил, что ради Сербии не пожертвовал бы даже любимой собачонкой. Он резко критиковал воззвание великого князя к полякам, высказывал убеждение, что данные в нем обещания никогда не будут осуществляться. Витте осуждал его и в качестве «консерватора», ибо по его словам в полчаса изменялась политика, которую проводили ряд монархов, что претило его чувству. При этом он конечно забывал, что в свое время не усомнился подать на подпись Государю Манифест 17 октября 1905 года, и не задавался вопросом, как отнеслись бы к этому акту тени государей Николая I и Александра III. Но с Витте невозможно было спорить. Он никогда не выслушивал собеседников и, когда ему представляли доводы, на которые трудно было ответить, он просто обходил их молчанием.

Говоря о бессмысленности войны, Витте, между прочим, сказал: «Вот если бы мы воевали, чтобы получить проливы, тогда — другое дело, я ничего не мог бы возразить; но этого нам никогда не дадут наши друзья англичане, которые будут воевать “до последней капли русской крови”». Витте намекал на словечко, незадолго до того пущенное в оборот бароном Розеном, также обедавшим в тот вечер у Оболенских,

Меня не нужно было убеждать в значении для нас вопроса о проливах. Долгие годы я думал о нем. Он был центральной мечтой всей моей службы и деятельности на поприще внешней политики.

Впервые практически вопрос о проливах стал еще во время Балканской войны, когда мы боялись, что болгары займут Константинополь. Мы не были тогда готовы к войне, понимали, что вопрос этот не может

быть решен один на один с турками, но приведет в движение все великие державы. Поэтому в то время нельзя было думать об окончательном разрешении вопроса. Тем не менее, на случай, если бы болгары вошли в Константинополь и нам пришлось бы послать туда десант, приходилось подготавливать различные комбинации. Мной составлена была 30 октября 1912 года записка, которая в качестве минимального удовлетворения для нас предусматривала утверждение наше на Верхнем Босфоре. Такое решение было бы конечно половинчатым и неудовлетворительным. Оно разрешало бы вопрос обороны Черного моря, но не открывало бы нам доступа к свободному морю. Вот почему я лично в то время надеялся, что болгары не войдут в Константинополь и что решение вопроса будет отложено до более благоприятных для нас обстоятельств.

Записка моя и самый вопрос были предметом суждения в совещании министров, но там предложенное мной решение не встретило тогда сочувствия. Военные и моряки утверждали, что занятие Верхнего Босфора значило бы на военном языке «быть на карнизе», что оно не могло бы быть прочным, что для нашего утверждения требовалось бы занятие значительной территории, для того чтобы развернуть на ней достаточно силы. А такое занятие, включающее всю зону Константинополя, потребовало бы громадных затрат и содержания значительного количества войск. Начальником Морского Генерального штаба был в то время князь Ливен. Это был благороднейший человек, весьма симпатичный, по-видимому — хороший моряк, но не государственный человек. Он пустил в обращение проект «нейтрализации проливов», со срытием на них всех укреплений. Разумеется, такая нейтрализация имела бы силу только в мирное время, а в военное она стоила бы только бумаги, на которой была бы написана. Тщетно я убеждал его в этом, когда пришлось однажды коснуться этой темы. Когда я спрашивал его, на какую же санкцию он рассчитывает того международного соглашения, которое установило бы нейтрализацию проливов, и как обеспечить себе от завладения невооруженными проливами неприятельской державой, в случае если бы она начала с этого войну о нами, Ливен отвечал: «Это уж дело вас, дипломатов, найти гарантии и санкции».

Идея нейтрализации проливов и установления особого международного режима, охраняющего этот порядок, не чужда была и самому Сазонову. Она нравилась и Государю. Последний, во время Балканского кризиса как-то говорил Сазонову, что прежде он сам увлекался мечтой о завладении Константинополем, но что мечта эта поблекла, когда он прочел имеющуюся в его библиотеке переписку императора Николая Павловича с Паскевичем. Государь считал Николая Павловича самым национальным из всех своих предшественников. Между тем, импера-

тор Николай I в своей переписке высказывал, по-видимому, мысль о том, что завладение Россией Константинополем было бы для нее крайне вредно.

Так думал Государь; что касается Сазонова, то он считал, что завладение Константинополем поставило бы перед нами задачи, с которыми мы не в силах справиться, в области культурной, политической и церковной. Он с видимым нетерпением относился к моим доводам, когда я касался этого вопроса.

Когда мне пришло время уезжать из Петрограда, я просил разрешения Сазонова изложить мои взгляды по этому вопросу и не сердиться, пока я буду говорить. Разговор происходил в присутствии барона Шиллинга. Я развивал ему мысль о необходимости для нас завладения всей зоной проливов по линии Мидия-Энос. К удивлению Шиллинга и моему, Сазонов с первых же слов согласился с этой постановкой вопроса. Он по-прежнему лично скептически относился к нашим способностям водворять порядок в новых землях и опасался международных трудностей этого вопроса, однако он не мог не считаться с властным давлением общественного мнения.

Сазонов мало того, что согласился сам, но успел убедить Государя в необходимости подвергнуть вопрос о Константинополе и проливах новой переоценке. В этом я скоро убедился.

Перед моим отъездом в Сербию я был принят Государем. В продолжительной аудиенции я доложил, как понимаю свою задачу в Сербии:

— Наши приобретения в Галиции и Буковине представляются мне скорее обузой, чем реальной выгодой. Весь положительный смысл войны для нас определяется завладением проливами, причем нам необходима вся зона, сухопутная и морская, обеспечивающая нам владение, т[о] е[сть] линия Мидия-Энос, отдававшая нам Константинополь и острова Имброс, Тенедос и Лемнос, защищавшие Дарданеллы с подхода в Мраморное море.

Государь прерывал меня выражениями своего одобрения.

— Если это так, продолжал я, то для нас необходимо заручиться содействием Болгарии, ибо без нее я не вижу, как нам удастся овладеть Константинополем.

Эти последние мои слова видимо не встретили сочувствия Государя.

— У Вас репутация болгарофила, — заметил мне Государь.

Я возразил на это, что на том месте, которое я занимал, можно прослыть филом или фобом, но что лично я считал своей обязанностью исключительно стоять на точке зрения русских государственных интересов. Видимо желая смягчить значение своих слов, Государь стал припоминать,

когда, по его мнению, болгарские симпатии к нам охладели. Это было, когда мы отказали им в просьбе послать наши суда на помощь, чтобы бомбардировать с тыла Чаталджу. Я заметил, что на славянские симпатии вообще трудно полагаться, и что отношения наших клиентов на Балканах напоминают отношения крестьянского мальчика к помещику, который, его окрестил. В понятиях крестьянина, помещик должен за это помогать ему до гробовой доски, а сам он ничего не обязан делать для крестного.

— Кому Вы это говорите, — перебил меня Государь, — у меня столько крестников.

Вернувшись к главному предмету беседы, я вновь высказал убеждение, что вам надо заполучить Болгарию, а этого сделать нельзя иначе, как обещав ей Македонию. Ввиду этого я просил разрешения Государя употребить все усилия, чтобы настоять на этом перед сербами. Государь пожелал мне успеха, но не отозвался на мою просьбу разрешить, чтобы я от его имени настаивал перед сербским престолонаследником.

Далее разговор зашел о Румынии. Я просил разрешения Государя на пути в Ниш остановиться в Бухаресте¹, чтобы ориентироваться в положении.

— Я даже прошу Вас непременно это сделать, — сказал Государь. — Непременно повидайтесь в Бухаресте с Братиано и румынскими государственными людьми. Мы от вас узнаем, что там делается.

В заключение он вновь пожелал мне всяких успехов и поручил передать поклон наследнику и Пашичу.

Я выехал из Петрограда 16 ноября. Дела сербов шли в это время так плохо, что я взял с собой лишь самые необходимые вещи, опасаясь, что мне придется вместе с сербским правительством перекочевывать еще куда-нибудь. В Бухарест я приехал, кажется, 20 ноября рано утром и остановился у Поклевского. Пробыл я там три дня.

Бухарест произвел на меня впечатление шумной и веселой ярмарки. С утра к Поклевскому приходили различные лидеры оппозиции. Я возобновив у него знакомство с Филиппеско, Таке Ионеско и др. Все они выкладывали все последние новости, что кому сказал Братиано, что говорит лидер германофилов Маргиломан и проч. Между прочим, с Маргиломаном я также познакомился в первый упомянутый мной приезд в Румынию, а после этого был у старого короля, который спросил меня, кого из политических деятелей я видел. Когда в числе других я назвал Маргиломана, король Карл^{II} заметил: «Да, у него хорошие лошади».

¹ Бухаресте. Далее в современном написании. — Примеч. ред.

^{II} Автор допускает ошибку: к моменту его приезда в Бухарест (20 ноября) король Карл I умер [27 сентября (10 октября)] и престол занял его племянник Фердинанд. Либо он имеет в виду Фердинанда, либо эти события относятся к сентябрю 1914 г.

По-видимому, других качеств за ним не числилось. Вот этот самый Маргилومان, богатый человек и большой сноб, как, впрочем, многие румыны, сделался предводителем германской партии в Бухаресте и охранителем династических интересов.

В общем, румынские государственные деятели произвели на меня впечатление, как будто по молчаливому согласию они распределили между собой роли. Лидеры оппозиции, кроме Маргиломана, взывали к выступлению. Братиано держался выжидательной тактики, но если бы первые были уже во власти, а последние в оппозиции, то общая картина вероятно не переменилась бы, только взаимные роли распределились бы иначе. Тот же Братиано был весьма воинственен, когда не был у власти. В это время ему приписывали слова, что Румыния вступит в половине февраля.

Теперь, когда я у него был, Братиано мне сказал, что я наверное уже слышал о сроке выступления Румынии, но что он предпочитает не делать предсказаний по календарю. Тем не менее, он очень определенно заявлял себя, в принципе, сторонником выступления в союзе с нами, и в осторожных выражениях сказал мне, что Румыния готова будет уступить Болгарии небольшую часть территории, если это поможет сдвинуть Болгарию в нашу сторону. Он придавал громадное значение выяснению положения Болгарии и уступку с этой целью Сербией Македонии. Со своей стороны, я высказал ему, что в таком случае всего лучше было бы Румынии взять в свои руки инициативу сближения всех участников Бухарестского договора. Румыния, Сербия и Греция могли бы сплотиться в выработке земельных уступок, которые они сообща сделали бы Болгарии, и первая роль в этом деле могла бы принадлежать Румынии, что вновь упрочило бы ее положение на Балканах. Братиано сказал мне, что он совершенно не доверяет Болгарии, а потому опасается вступать с ней в какие-либо непосредственные переговоры. Последние могут стать тотчас известными австрийцам, и тогда нейтралитет Румынии будет скомпрометирован. Между тем, он находит необходимым, чтобы до самой последней минуты, пока Румыния не выступала, наши враги не могли бы серьезно заподозрить ее в этом намерении.

В кабинете Братиано одним из влиятельных членов был министр финансов Костинеско. Он был гораздо более расположен в пользу скорейшего выступления Румынии, а также высказывался за возможность более широких, чем хотел бы Братиано, земельных уступок в пользу Болгарии. Он утверждал мне, между прочим, что ему известно из германских банковских кругов, что между Германией и Болгарией, в связи с займом, заключено не только экономическое, но и политическое соглашение.

Уже в то время определились факторы, влиявшие на выжидательное положение Румынии. Прежде всего, у правительства не существовало твердой веры в собственную армию. Румыния сделала много военных заказов в Германии. Свои заказы она получала с большими промедлениями и с намеренной неисправностью, ибо Германия далеко не доверяла ей. Сообщение с Францией могло быть прервано австрийским наступлением. Этого очень опасался Братиано, но в то же время опасался силой этому помешать. Самый боевой дух румынской армии едва ли внушал к себе полное доверие в самой стране. Мечта о присоединении Трансильвании представлялась конечно очень заманчивой, однако политических деятелей Румынии брало раздумье. Общественный строй Трансильвании был гораздо демократичнее, чем в Румынии. С ее присоединением в королевство вошел бы новый многочисленный класс интеллигенции, которой предъявил бы притязания на участие в политической жизни страны и мог бы вытеснить многих дельцов, привыкших к своему положению.

Если выступление отчасти пугало, отчасти представлялось скачком в неизвестное, то нейтралитет приносил ежедневные громадные выгоды. Немцы не скупились на золото. Это золото они расточали в редакциях газет, среди политических деятелей, дельцов, чиновников и всех, кто не брезгал брать, а таких было немало в Румынии. Кроме того, несмотря на обещанный ею благожелательный нейтралитет, Румыния не стеснялась продавать Германии и Австрии хлеб и бензин. Нездоровая атмосфера легкой наживы царствовала в Бухаресте. Братиано был совершенно прав, когда посоветовал мне не придавать чрезмерного значения тому, что говорят члены оппозиции, и верить, что его политика является наиболее национальной румынской политикой.

Был еще один фактор, существенно влиявший на направление, усвоенное Братиано. Это была Италия. Итальянским посланником в Бухаресте был барон Фашиоти. Это был типичный еврей, и не следует забывать, что в эту войну в итальянской дипломатии было вообще довольно много евреев. Они усилили тот элемент сухой расчетливости, не всегда дальновидной, но построенной на всевозможных комбинациях, коим издавна отличалась итальянская политика. Фашиоти удалось создать себе прекрасное положение в Бухаресте. Он удержал в свое время Румынию и убедил ее последовать примеру Италии, провозгласившей нейтралитет.

В беседе со мной Фашиоти с полной откровенностью изложил свои взгляды. Румыния, равно как и Италия, должны тщательно взвесить, когда для них выгоднее выступить, руководствуясь при этом только своими интересами. Наступит минута, когда обе стороны порядочно

потреплют друг друга. У них понизится качество войск. В такую минуту выступление двух свежих армий Италии и Румынии будет самым выгодным для той и для другой, ибо их удельный вес повысится. Такова была немногосложная мудрость Фашиоти, которую он развивал с циничной откровенностью. Она же была усвоена и Братиано. Он, как другие румыны, очевидно надеялся, что удастся повторить то, что было сделано во время балканской войны.

Глава V

Пробыв три дня в Бухаресте, я, минуя Болгарию, поехал по Дунаю в Сербию. Пока я был в Бухаресте, пришли первые известия о счастливом переломе в военных делах Сербии против Австрии. Я высадился в Прахове и ехал в Ниш по железной дороге с двумя пересадками, потому что в то время не было сплошного одноколейного пути в этом направлении. В Ниш я прибыл 25 ноября. Каждый день приходили известия все лучше и лучше с театра войны, наконец 3 декабря 1914 года сербская армия вошла в Белград. Помощник воеводы Путника, Живко Павлович, телеграфировал в Ниш, что на сербской территории не осталось ни одного австрийца, кроме пленных.

Это было полное торжество, тем более радостное, что оно явилось неожиданным после событий, которые одно время грозили полным крахом Сербии и ее армии.

По единогласному отзыву всех, бывших в то время в Сербии, крупным переворотом в военных делах сербский народ больше чем наполовину был обязан своему престарелому королю Петру. Другим фактором, оказавшим благотворное воздействие, была русская помощь снарядами и обмундированием.

Австрийское вторжение одно время совершенно деморализовало армию. Снарядов не было, армия была разута и раздета. Сербы спохватились очень поздно. Они зывали за помощью к нам, но нам было очень трудно оказать эту помощь. В начале войны наш Генеральный штаб сделал геройское усилие и послал в Сербию 120 000 берданок, хотя мы сами так нуждались в ружьях. Благодаря этим берданкам, пришедшим в последнюю минуту, сербы отразили первое австрийское нашествие. До того у них было так мало ружей, что в бою был вооружен только первый ряд солдат, а второй ряд выжидал, когда убьют или ранят его товарищей, и тогда пользовался их ружьями. Ко времени второго вторжения сербы ощущали, как я уже сказал, острый недостаток в артиллерийских снарядах и обмундировании. У нас было решено послать сна-

ряды из добычи, захваченной нами в Галиции, но относительно обмундирования наше Военное министерство стало в тупик.

В то время я был еще в Петрограде и заведовал Отделом Ближнего Востока. Я зашел к генералу Беляеву, который сказал мне, что делаются невероятные усилия, чтобы снабдить собственную армию достаточным количеством полушубков, и что он не знает, как пособить горю. В приемной у Беляева я, выходя от него, встретил председателя Обще-земской организации князя Г. Е. Львова¹, с которым меня связывали старые дружественные отношения. Я попросил Львова уделить мне несколько минут и в то время, как мы пешком переходили Дворцовую площадь, направляясь в Министерство иностранных дел, я рассказал ему, в чем дело, и спросил, не может ли он помочь нам. Предстояло доставить в Сербию 200 000 комплектов теплого платья. Недолго подумав, Львов согласился. Я тотчас выписал по телефону сербского посланника Сполайковича. Последний просиял, узнавши о том, какой представляется выход. Он горячо поблагодарил Львова, но сказал, что он не может дать ответа, не запросив по телеграфу Пашича. Когда Сполайкович ушел, Львов еще остался у меня и стал писать телеграмму, распоряжаясь о немедленном заказе 50 000 полушубков. Я обратил его внимание на то, что еще нужны сношения с Пашичем. «Мне не нужно, — ответил Львов. — Неужели Вы думаете, что Пашич откажется? А если откажется, то я найду, что здесь с ними сделать. Это чиновники обязаны переписываться и ждать, а мы делаем дело». Ответ Пашича, разумеется, не заставил себя ждать. Он благодарил и просил скорее приступить к отправке.

Сношения с Сербией были установлены по Дунаю. С этой целью была учреждена Экспедиция особого назначения, во главе коей был поставлен флигель-адъютант Веселкин.

Первый транспорт снарядов из России стал приходить в Сербию во второй половине ноября 1915 года, как раз в то время, когда второе австрийское вторжение достигло высшего военного развития. Целый ряд прекрасно укрепленных горных позиций без боя оставлялся сербами, потому что нечем было стрелять. Верховное сербское командование переехало из Вальева в Крашевац, где находился главный арсенал. В некоторых местностях австрийцы, в особенности венгры, произвели ряд жестокостей и насилий над местным населением. Катастрофа казалась неминуемой. В это время старый король покинул свое уединение в Тополе, куда поселился, сдав бразды правления своему сыну королевичу Александру. В Тополе он построил великолепный храм, соорудил склеп для своих предков, а сам жил в маленьком, скромном домике

¹ В 1917 г. председатель Временного правительства. — *Примеч. автора.*

сельского священника, сильно страдая от подагры и ревматизмов, нажитых им еще в молодости, когда он сражался в рядах французской армии против немцев в 1870 году.

Видя всеобщее смятение и слыша со всех сторон, что Сербии грозит неминуемое разрушение и гибель, король решил поехать к своей армии. Тщетно министры отговаривали его. Впоследствии король сам с трогательной скромностью рассказывал мне о своем поступке.

— Про меня рассказывают всякие небылицы, — сказал он мне. — Не верьте им. Я ничего особенного не сделал. Вы видите, что я стар и никуда не годен. Что удивительного в том, что я предпочел бы умереть, чем видеть позор моей родины. Я поехал в окопы и только это и сказал солдатам. Я им говорил: «Пускай, кто хочет, уходит по домам, а я останусь здесь и умру за Сербию». Ах, если бы Вы видели наших солдат. Какие это необыкновенные люди. Они плакали, целовали мое пальто. Все остались и сражались, как львы. Сербам нужно, чтобы кто-нибудь смотрел на них, тогда они делают чудеса храбрости.

И то, что рассказывал король, произошло на самом деле. По отзывам очевидцев, армия переродилась с его приездом. Болгарский военный агент в Нише называл это «казусом военной патологии». Счастливо подоспевшие русские снаряды довершили дело перерождения армии. Войска были к тому же озлоблены зверствами неприятеля. Главное руководство австрийской армией было на редкость бесталанное и медлительное, как мне объяснял тот же военный агент. В результате полный разгром австрийской армии сменил собой ожидавшуюся катастрофу Сербии.

О входе короля в Белград я приведу его собственный рассказ, который мне также пришлось от него выслушать. Бой шел на улицах, когда король [Петр I] въезжал в город, не слушая предостережений тех, кто его останавливал. Толпа народа теснилась вокруг него, стараясь коснуться его, женщины старались просунуть ему в карманы крестики и образочки. Медленно продвигаясь, король остановился у первой церкви, но она оказалась заперта. Тогда он со всеми окружающими направился к собору. Он также был заперт, но из окна увидели, что ключ находится во внутренней скважине двери. Тогда кто-то перелез через окно в собор и отворил дверь. Король вошел, за ним хлынула толпа. «Священника не было. Мы все опустились на колени и так горячо молились, как редко приходится в жизни, и все плакали».

Роль короля Петра, нашедшего простые, от сердца идущие слова, которые зажгли с новой силой упавшую веру в солдатах, его въезд в освобожденный Белград и молитва с простым народом в храме, — все это — кусочек героического эпоса, который далеко уносит нас от совре-

менности. Это — проблески света, на которых отдохнула на минуту измученная душа сербского народа, который так далек был тогда от мысли, что его снова постигнет бедствие, во много раз более тяжкое... Радостное возбуждение царило в Нише и во всей Сербии. Сдалось 70 000 пленных, было взято много вооружения и всякого добра. Ежедневно по улицам Ниша проходили пленные. Большая часть их была из славян и они с пением славянских песен радостно шли по улицам. Отношение сербов из простонародья было самое благодушное. На улицах можно было видеть, как им давали хлеба, оделяли папиросами.

Здание миссии, где я остановился, был старый живописный турецкий канак¹, в котором жил некогда турецкий паша, а потом поселился король Милан. Оно принадлежало его вдове, королеве Наталии. Последняя уступила его нишскому округу; после войны там предполагалось устроить русский женский институт, раньше того помещавшийся в Цетинье.

В этом здании жил весь состав миссии и помещалась канцелярия. Комнаты были высокие, просторные, по середине от входа был громадный зал, в турецкое время отделявший селямлик (мужское помещение) от гаремлика (женского). В некоторых комнатах была прекрасная деревянная резьба и красивые турецкие потолки. Живописность дома довершалась старым тенистым садом, с мраморным фонтаном по середине. Мрамор был украшен тонким орнаментом. Русская миссия была помещена лучше всех прочих. Остальные мои иностранные коллеги поместились в маленьких плохеньких квартирках в городе.

Родина Константина Великого, Ниш, как большинство сербских городов, был живописно расположен, окаймленный на восток горами в направлении к Болгарии, с быстро протекавшей через город рекой Нешавой. Он считался вторым городом в Сербии, и его горожане называли его «гордый Ниш». На самом деле, это был прескверный городишко, грязный, с такими лужами на некоторых улицах, что одну из них, через которую мне ежедневно приходилось проезжать в русскую больницу, мы прозвали Дарданеллы. Однажды, когда мне пришлось проезжать через эти Дарданеллы, мои лошади, которые были в довершение того слепы, ибо других нельзя было достать в Нише в военное время, испугались, начали бить ногами, обдавая меня всего грязью. Положение было критическое, потому что выйти из экипажа значило бы погрузиться по колено в грязные, вонючие Дарданеллы. Я стал взывать о помощи. На мое счастье, поблизости оказался солдат, который с ленивым интере-

¹ Канак (конак) — дворец.

сом следил за тем, как мы барахтались в луже. Он не имел никакого намерения форсировать Дарданеллы, но серебряная монета, которую я показал ему издала, убедила его. Он подошел к коляске, и я на его спине благополучно переправился на берег, а оттуда, весь покрытый грязью, должен был вернуться через город домой. Таков был патриархальный «гордый Ниш».

На мое счастье, приехав в Сербию, я нашел самый удачный состав миссии. Первым секретарем был В. Н. Штрэндман, который был в Сербии уже во время Балканского кризиса и был прекрасно знаком с политической обстановкой и сербскими деятелями. Это был умный и способный молодой дипломат, горячий патриот, который с любовью относился к делу. В сношениях с сербами он проявил много выдержки и такта и составил себе прекрасное положение. Вторым секретарем был Зарин. В состав миссии входили также вице-консул Емельянов и секретарь консульства Якушев. Очень ценным для меня человеком был драгоман миссии Мамулов, кавказец, бывший кавалерийский офицер, уже двадцать лет проживший в Сербии и знавший всю ее подноготную. Он говорил по-сербски, как серб, знал всех и все его знали, и был прекрасный знаток лошадей, что впоследствии сослужило мне немалую службу при нашем отступлении из Сербии. Благодаря этим прекрасным людям, наше тесное сожителство под одним кровом было очень приятно. Мы жили действительно, как дружная единомысленная семья.

Освобождением Белграда от неприятеля закончилась кампания 1914 года. Военные агенты ставили сербам в упрек, что, разбив австрийскую армию, они не переправились тотчас вслед за ней через Дунай, и таким образом не использовали до конца результаты своей победы. Сербь утверждали, что не могли этого сделать, потому что у них не было достаточно сильной для того конницы. Кроме того, армия была сильно утомлена и для новых действий нуждалась в предварительном отдыхе.

Четвертого декабря я вместе с Пашичем и с двумя секретарями миссии выехал в Крагуевац представить мои верительные грамоты престолонаследнику. С нами поехали туда приехавшие в Ниш по своим делам Веселкин и его офицеры. Путь шел по живописной долине реки Моравы.

Я воспользовался путешествием в одном вагоне с Пашичем, чтобы основательно и по душе поговорить с ним о том, что считал главной целью своей миссии, а именно о необходимости уступки Сербией Македонии в пользу Болгарии. Разговор наш носил предварительный характер. Я сказал Пашичу, что в отношениях с ним, как представитель России, я считаю долгом придерживаться самой полной искренности, независимо от того, приятна она или нет в данную минуту. С этой точки

зрения я считал необходимым предупредить его, что у нас не видят иного способа привлечь Болгарию на свою сторону, как обещая ей, в результате победоносной войны, уступку Македонии в рамках договора 1912 года. Конечно, такая уступка не могла быть сделана даром, а лишь в случае выступления Болгарии на нашей стороне против Турции. С другой стороны, я отдавал себе отчет в том, что за жертву, которую требовали от Сербии, последняя имела право рассчитывать на соответствующие земельные вознаграждения. В интересах России было возможное усиление Сербии, и с этой точки зрения наше посильное содействие в деле национального объединения ее с австрийскими сербами было заранее обеспечено. Сербам, конечно, была, крайне важна поддержка России, ибо другие наши союзники — Франция и Англия — не могли с той же горячностью относиться к этому делу; у них могло даже возникнуть сомнение в том, насколько желательно распадение Австрии и чрезмерное усиление Сербии с утверждением ее на Адриатике.

Пашич ответил мне, что я не должен сомневаться в том, насколько Сербия чувствует себя обязанной России, и что если она пойдет на тяжелые для нее уступки, то это будет исключительно ради нас, а не наших союзников. Он сказал мне, однако, что на уступки в объеме договора 1912 года не пойдет ни один ответственный человек в Сербии. Кроме того, он с сожалением относился к тому, что с нашей стороны было уже подано слишком много надежд Болгарии. По его словам, это была плохая тактика; на Болгарию гораздо больше подействовали бы угрозы, что она ничего не получит. Вообще он считал, что требуемые от Сербии уступки особенно тяжелы потому, что Болгария далеко не заслужила их своим поведением, что они все равно не побудят последнюю выступить. Все эти аргументы мне пришлось не раз выслушивать от него впоследствии.

Мы приехали в Крагуевац вечером того же дня и переночевали в вагоне. На следующее утро, 5 декабря, была назначена аудиенция. За мной прислали парадную дворцовую коляску, в которую я сел вместе с гофмаршалом. В другой коляске ехал секретарь. Мы ехали в сопровождении почетного конвоя гвардейских гусар. По улицам маленького городка стояли толпы народа, которые горячо приветствовали представителя России, снимали шапки, махали платками и кричали «живио». Наследник жил в маленьком каменном домике. Когда мы подъезжали к нему, выстроенные на улице войска взяли на караул и музыка заиграла «Боже, царя храни». Одноэтажный домик наследника состоял не больше чем из трех или четырех комнат. Для моего приема ему пришлось вынести свою кровать и превратить спальню в гостиную.

Согласно установленным обычаям, я заранее сообщил Пашичу текст моей речи, для того чтобы он мог заготовить ответ на нее. В обыч-

ное время обмен речей при вручении верительных грамот не содержит в себе ничего, кроме приветствий и любезностей. На этот раз я счел нужным отклониться от протокола. Кроме весьма теплого обращения к Сербии и уверения, что она не будет покинута Россией, я в конце речи добавил, что одной из главных своих задач Россия ставит умиротворение на Балканах и что, принеся много жертв, она ожидает от Сербии содействия своей задаче.

Речь престолонаследника не оставила моего намека без ответа. Наряду с уверениями в горячих чувствах по отношению к России, в ней выражалась готовность оказать полное содействие нашей задаче, но высказывалась надежда, что будут приняты во внимание жизненные интересы Сербии. Обе речи были преданы гласности и оживленно обсуждались в печати у нас и в Болгарии.

Позавтракав у наследника, мы в тот же день выехали в Ниш. Приходилось торопиться, потому что на следующее утро был царский день, торжественное богослужение в соборе, а затем завтрак и прием в миссии.

Между прочими приглашенными был и болгарский посланник Чапрашников, который в тот же день должен был уехать в Софию. В первые же дни после моего приезда в Ниш Чапрашников пришел ко мне и сам завел речь о том, на что может рассчитывать Болгария. Я, не обинуясь, сказал ему следующее:

— Мы прекрасно знаем, что нужно Болгарии. Вы хотите исправления Бухарестского договора и, прежде всего, — Македонии, в рамках договора 1912 года. Я скажу вам, на что вы можете рассчитывать и на что — нет. Македонию вы можете получить. Относительно земель, отошедших к Румынии и Греции, мы можем обещать лишь наше полное содействие к возможно большим уступкам в вашу пользу со стороны этих держав. Все это, конечно, только по окончании войны и при условии, что вы бросите вашу двусмысленную политику, которая вызывает негодование в России, и честно повернетесь в нашу сторону, обещая выступить, когда мы найдем, что минута для этого наступила. Вы получите еще впридачу Фракию по линии Энос — Мидия. Вы будете завоевывать ваши права на Македонию во Фракии, наступая против турок. Вы — человек, близкий королю. Если вам удастся убедить его, то вы сослужите службу не только своей родине, но и ему, ибо король может рассчитывать на упрочение и поддержку своей династии Россией в том случае, если открыто повернется в нашу сторону.

Чапрашников высказал полное удовлетворение по поводу моих слов. Он спросил, между прочим, что, в случае если бы Болгария примирилась с Сербией, не согласились ли бы мы на то, чтобы болгары свели,

как хотят, свои счета с греками. Я ответил ему, что никакая расправа на Балканах не может рассчитывать на потворство с нашей стороны.

Дождавшись царского дня, Чапрашников, как я уже сказал, в тот же день выехал в Софию, выражая надежду, что он скоро вернется и что ему удастся достигнуть благоприятных результатов. О нашем разговоре я телеграфировал в Петроград, откуда получил полное одобрение всему, мною сказанному. Прошло Рождество, Новый год, и только в начале января Чапрашников вернулся. Он пришел ко мне по своему возвращении и сказал, что вынес самые лучшие впечатления из своего пребывания в Софии. На мой вопрос, в чем они заключались, Чапрашников с некоторой запинкой отвечал, что ему не удалось повидать короля, а что министры были крайне заняты спешным рассмотрением бюджета, но что как только праздничные вакации пройдут, вопросы, о которых мы с ним говорили, подвергнутся самому серьезному обсуждению, и тогда наметится решение. Я молча выслушал торопливые объяснения моего собеседника и затем сказал ему:

— Если бюджет представляется более спешным и интересным делом для Ваших министров, чем Македония, то это их дело. Знайте только, что это никого не может ввести в заблуждение, а я предпочитаю всегда прямо говорить то, что я думаю, и больше к этому вопросу с Вами не вернусь, пока Вы сами не заговорите о нем.

Чапрашников неоднократно возвращался к тому же вопросу. Не могу сказать, чтобы я охотно и с верой в результат подобного обмена мнений вступал с ним в эти разговоры.

По приезде в Ниш я неоднократно писал и телеграфировал в Петроград о том, какими условиями мне представлялось необходимым обставить требование от Сербии уступок. Прежде всего, надо было стать на почву равноценных компенсаций. От сербов требовали уступки реальной и конкретной — Македонии, в точно определенных границах договора ее с Болгарией от 29 февраля 1912 года. Чтобы иметь некоторые шансы на успех, надо было противопоставить этой тяжелой жертве не менее определенное обещание точно обозначенных территорий. Сербские пожелания были определены в карте профессора Цвиича, который играл при сербском правительстве роль ученого эксперта, «закройщика» территорий. Он в свое время составлял границу сербо-болгарского размежевания, принятого в союзном договоре, он же и теперь составил карту притязаний Сербии на основании племенного принципа. Карта эта, без сомнения, была составлена с сильным запросом. В нее входило все побережье Адриатического моря вплоть до Триеста и большая часть Баната.

Не нам, конечно, было торговаться с Сербией. Всякое расширение ее на север за счет Австрии отвечало нашим интересам. Приходилось,

однако, считаться с интересами Италии на Адриатике, ибо для союзников представлялось крайне важным вовлечь эту державу в войну. Карту Цвиича я послал в министерство, помнится, 9 января 1915 года. В январе же я убедил и моего французского и английского товарищей послать нашим правительствам торжественную телеграмму, в коей мы точно определяли объем компенсаций, которые желательно обещать Сербии.

Исходя из того же принципа равноценности компенсаций, мы полагали невозможным пытаться склонить Сербию к уступке Македонии до окончания войны. Она могла обещать отказаться от Македонии лишь в обмен и, одновременно, с получением своих компенсаций. При этом нужно было требовать от нее этой условной жертвы за выступление Болгарии на нашей стороне.

Французский и английский посланники, так же как и я, были убеждены в необходимости соблюсти все три указанные условия для предъявления Сербии требования об уступке Македонии Болгарии, а именно: 1) точное определение компенсации Сербии; 2) передача Македонии лишь после войны и когда Сербия получит обещанные территории и, наконец, 3) немедленное выступление Болгарии.

Наше Министерство иностранных дел, со своей стороны, поддерживало мои представления перед союзными правительствами, но со стороны последних, особенно англичан, оно не встретило достаточно решительной поддержки. Грей никак не хотел понять необходимость точно определить обещания Сербии и боялся связывать себя. Каждое предложение о совместном выступлении союзников в Нише, а также и в других балканских столицах, подвергалось медленному обсуждению между Кабинетами. Делались поправки не только по существу, но и по форме, пропускаясь удобное время, заранее выветривалось самое содержание предлагавшегося совместного шага. Все эти переговоры делались достоянием заинтересованных сторон. В балканских столицах создавалось опасное впечатление слабости держав Согласия, недостаточной сговоренности между ними.

Также приблизительно велось дело и в Софии, и в Афинах, и в Бухаресте. Кроме неустановленности взглядов относительно оснований, коими надлежало руководиться в переговорах с каждым из балканских государств между союзниками не достигнуто было и общей системы в ведении этих переговоров. Мои коллеги и я неоднократно обращали внимание наших правительств на необходимость или сначала заручиться согласием Сербии на известные жертвы при известных условиях, или согласием Болгарии на выступление также при тех или иных условиях. Тогда, достигнув успеха в одном месте, можно было сильнее надавить в другом. Между тем представления в Нише и Софии делались одновре-

менно, и содержание их, по местным условиям, тотчас становилось достоянием гласности. После первого шага никогда не следовало второго. Державы не решались нигде проявить настойчивости до конца.

Подробности всех этих переговоров со временем станут достоянием истории. Многие подробности их утратят общий интерес. Здесь я довольствуюсь их самой общей характеристикой. Мне хочется закрепить в памяти лишь общую картину моего пребывания в Сербии, вынесенных мною оттуда впечатлений от столкновения с событиями, людьми и той средой, в которой протекала моя жизнь и деятельность в эти исторические минуты.

Глава VI

С начала войны в Сербии образовался коалиционный Кабинет, в который вошли представители трех партий: старорадикальной, младорадикальной и напредняцкой. Политические партии в Сербии имели некоторое основание в прошлом. В программах партий проводились известные различия, но особенного значения эти различия не имели. В Сербии не было социальной борьбы, которой могло бы обусловиться классовое неравенство и борьба за классовые интересы. Народ селяков, с очень слабо развитой городской культурой, — сербы все были демократами.

Главное различие между партиями было в области внешней политики. После Берлинского конгресса Сербия оказалась в гораздо худшем положении, чем Болгария. Ее охватила с севера полукольцом австрийская граница. Вместе с тем у нее не было выхода к морю. Россия отдавала явное предпочтение Болгарии. Она не сумела или не захотела защитить жизненных сербских интересов и согласилась на военное занятие Австрией Боснии и Герцеговины. Под влиянием этих событий король Милан решил, что ему нечего ждать поддержки от России и лучше столкнуться с Австрией. Он нашел сотрудников в проведении такого направления в лице напредняков и либералов. Результатом австрийской ориентации было заключение Миланом военной конвенции с Австрией.

Направление это никогда не было популярно в Сербии. Непосредственная близость швабов, вечная угроза Белграду, который находился под обстрелом австрийских пушек, наконец, симпатии к зарубежным сербам, — все это создавало почву для неискоренимой вражды и недоверия. Сближение с Австрией могло быть делом рассудка, а не сердца. Наоборот, несмотря на серьезные поводы питать горечь против русской дипломатии, сербский селяк продолжал верить в Россию. Все ошибки нашего правительства относились на счет немецких влияний.

Сама же Россия продолжала сохранять свое обаяние. Это ярко сказалось во время Сербо-болгарской войны 1885 года. Когда Сербия была разбита при Сливнице, Австрия остановила движение болгарских войск. В это время в Белграде австрийским посланником был граф Кевенгюллер. Он с горечью отмечает в своих воспоминаниях, что когда в Белград пришло известие об остановке болгарских войск, на улицах пели «Боже, царя храни».

Народные симпатии нашли выражение в старорадикальной партии¹⁰⁵. Ее вожди, с Пашичем во главе, воспитались в молодости под сильным влиянием русской радикальной литературы. Пашич был учеником революционеров Лаврова и Бакунина. Увлечения молодости прошли, но тяготение к России осталось. Милан видел в старых радикалах своих отдаленных врагов и жестоко их преследовал. Он затеял против них процесс, обвиняя их в покушении против себя. Пашич был посажен в тюрьму. Ему удалось освободиться, но в результате процесса произошел раскол в его партии, и тогда образовалась партия младорадикалов.

Австрийская ориентация не могла долго продержаться в стране. Уже король Александр повернулся в сторону России. Тот же поворот произошел в партии напрядняков¹⁰⁶, вождь которых Новакович пришел в русскую миссию и, с разрешения короля Александра [Обреновича], ознакомил русского посланника с конвенцией, которая была заключена с Австрией. Русофильское направление окончательно утвердилось в Сербии с воцарением Карагеоргиевичей. Самым убежденным его представителем был Пашич.

При новой династии Пашич почти бессменно был у власти, а когда он считал нужным временно отстраниться от власти, то все же за кулисами он продолжал держать в руках все нити. Ему минуло 70 лет в первый год войны. Это был бодрый крепкий старик с длинной седой бородой и с быстрым, лукавым взором в совсем еще молодых голубых глазах. Он вел крайне умеренный образ жизни, не курил, не пил вина, рано вставал, а в 10 ч[асов] вечера обыкновенно уже был в постели. Благодаря такому образу жизни, он сохранил удивительно крепкое здоровье и обладал громадной трудоспособностью. Отличительной чертой его характера была спокойная уравновешенность и выдержка. Я видел его в самых тяжелых обстоятельствах для Сербии. Он оставался все так же ровен и спокоен, и только по его походке можно было догадаться о его душевном настроении.

В Нише Пашич жил на той же улице, что и русская миссия, в маленьком каменном одноэтажном домике. Его жена была добрая и простая женщина, боготворящая и боявшаяся своего мужа. У них были две взрослые дочери и сын¹⁰⁷.

С раннего утра Пашич отправлялся в министерство и с небольшим перерывом сидел там весь день. Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он достигал этого не только благодаря своему официальному положению, но и громадному личному авторитету. В Кабинете у него был только один сверстник по годам — министр финансов Лазарь Пачу. Это был очень умный человек, прекрасный финансист, верный сподвижник Пашича с малых лет. Пашич дорожил его мнением. Пачу заболел и умер в начале отступления сербов осенью 1915 года.

Остальные члены кабинета были много моложе Пашича. Он смотрел на них как на молодых людей, говорил им «ты» и звал по уменьшительному имени. Это было вполне в нравах патриархальной Сербии. В Нише все министры занимались в одной большой зале. Пашич сидел в одном углу, за особым столом, все другие министры помещались в другом углу комнаты за общим столом. Получалось впечатление профессора и учеников. Когда придешь, бывало, к Пашичу по делу, близко касавшемуся одного из министров, он иногда тут же перекликнется и подзовет к себе того из них, кого нужно. Если случалось зайти к Пашичу вечером, когда кончались занятия, то министры подходили к нему прощаться и спрашивали, не понадобятся ли они, а Пашич отпускал их домой.

Я уже сказал, что Пашич добивался многого своим личным авторитетом. Конституция Сербии была такая, что по букве закона власть была связана по рукам и ногам, ибо по воцарении династии Карагеоргиевичей радикалы настояли на том, чтобы прежняя конституция была переработана. Они хотели получить обеспечение против возможности произвола, царствовавшего при короле Милане. Поэтому королевская власть была значительно ослаблена. Кроме того, было проведено начало контроля над исполнительной властью в таком масштабе, который тем самым умалял ответственность отдельных лиц. Недоверие к власти проходило красной нитью во всем законодательстве. От этого происходила крайняя медлительность в ведении дел. По каждому пустяку вопрос передавался в особую комиссию. Эту комиссию трудно было собрать. Я был поражен, приехав в Сербию, найти там в этом отношении полную противоположность порядкам в России, где чрезмерно развиты были полномочия власти. В итоге в маленькой Сербии было не меньше беспорядка, чем у нас.

Много можно было себе испортить крови, когда требовалось получить скорее решение по какому-нибудь делу. В этих случаях выручал один Пашич. В конце концов я обращался к нему решительно по всем делам, — шел ли вопрос о Македонии или о досках в прачечной в нашей

больнице. Пашич писал записочку тому лицу, который сам единолично не мог решить дела без комиссии, и доски выдавались.

Он правил Сербией немножко наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе. Зная всех и каждого, он ловко умел устранять политическое соперничество. Если появлялся какой-нибудь честолюбивый и беспокойный человек, Пашич либо заинтересовывал его в каком-нибудь предприятии, чтобы потом держать в руках, либо назначал его на какой-нибудь пост с этой целью.

Властная натура Пашича мешала развитию других крупных государственных людей. Он так олицетворял свою Сербию, как ни один государственный человек в Европе не олицетворял своей страны. Он знал это и порой злоупотреблял своим авторитетом перед союзниками, угрожая выйти в отставку, если они не сократят своих требований. Этот аргумент имел свое действие, и не раз союзники отказывались от настояний, чтобы не потерять Пашича, ибо его отставка представлялась каким-то скачком в неизвестность.

Между тем было бы несправедливо сказать, что в сербском Кабинете совсем не было бы способных людей. Кроме Пачу, который был сподвижником Пашича, но который был стар и болен, самым выдающимся членом Кабинета был министр путей сообщения Драшкович, лидер младорадикальной партии. Он был еще молодой, чрезвычайно привлекательный искренностью и горящий силой своего патриотизма человек. Вместе с тем он обладал редким в Сербии качеством деловитости; на слова его можно было надеяться больше, чем на слова других. А это много значило в Сербии, где славянская халатность давала себя чувствовать.

Из других министров я отмечу министра внутренних дел Любу Иовановича; он был политический эмигрант, с умным, честным лицом, славившийся как хороший оратор. В Сербии все имеют свои прозвища и гораздо больше известны под этими прозвищами, чем по своим именам. Любу Иовановича звали «патах», что значит лапчатый гусь, потому что он ходил переваливающейся походкой. Министр просвета (народного просвещения) Давидович шел под прозвищем «мрав» («муравей»). Все это были очень милые и простые в обращении сербы. «Европейцем» в Кабинете слыл министр земледелия и торговли Войя Маринкович.

Он был из партии нарядняков — той самой, которая долгие годы держалась австрийской ориентации. Это не мешало ему быть шовинистом. Сербская культура сложилась в значительной степени под воздействием русской литературы и австрийского соседства. Россия была далеко, торговые отношения с ней были слабы. Сербии трудно было избавиться от экономической зависимости от Австрии. Будапешт и Вена были ближайшими европейскими центрами. Туда сербы ездили

торговать, там они часто учились. При всей ненависти к швабам, сербы принимали их навыки, иногда даже их наружный облик. У швабов же они нередко перенимали полупрезрительное отношение к России, как «варварской стране». Маринкович вышел из этой австрофильской среды, но, как умный человек, применился к событиям и вовремя стал русофилом.

Больше всего мне приходилось иметь непосредственных отношений с Йованом Йовановичем. Война застала его сербским посланником в Вене. Пашич сделал его своим помощником по управлению Министерством иностранных дел. Он носил прозвище «пижон», данное ему со школьной скамьи. На самом деле это был человек очень неглупый, образованный, скромный в обращении и умеренный во взглядах. С ним было легко и приятно иметь дело.

Вообще говоря, в деловых отношениях я, как представитель России, встречал всегда предупредительность. В то же время я наталкивался на некоторые свойства сербского характера, которые портили мне немало крови. Ни на чье обещание нельзя было всецело положиться, особенно когда назначался какой-нибудь срок. То же самое происходило, когда дело шло о наведении каких-либо справок. Если справки наводились по одному и тому же вопросу в двух учреждениях, то нужно было заранее быть уверенным, что данные не будут сходиться. Иногда ответы были прямо противоположны. Прежде всего это происходило от отсутствия порядка, но, кроме того, тут играла роль одна особенность сербского характера: серб никогда не отвечал на вопрос, задавая лишь целью возможно правильное и подробнее ответить, но когда его спрашивали о чем-нибудь, то он прежде всего вам задавался вопросом: для чего вы его об этом спрашиваете. Поэтому ответы в большинстве случаев бывали тенденциозны. Это я испытал не только в вопросах, имевших политический характер, но и в таких, которые не имели и отдаленного отношения к политике. Мне кажется, что эта черта сложилась под влиянием той обстановки, в которой испокон века жили сербы. Вся их история происходила в непрерывной борьбе, приучила их быть вечно настороже и хитрить. Так было в их отношениях с турками, с швабами и с болгарами.

В натуре сербов много мечтательности и воображения. Точность отсутствует в их ответах, потому что она отсутствует и в самом их мышлении. Сербь никогда не видят вещи, как они есть, но всегда — или лучше, или хуже действительности. Настроение играло у них огромную роль во время войны. Это так характерно сказалось во время второго австрийского наступления, когда от крайнего отчаяния они перешли к энтузиазму и упоению победой. В этом была слабость, но в этом заключалась и необыкновенная жизненность этого маленького народа.

Глава VII

Из сербских ученых самым значительным был Новакович, который умер в Нише весной 1915 года.

На фигуре Новаковича стоит несколько остановиться. Он был не только ученый, но и политический деятель, вождь партии напредняков. Он бывал и председателем Совета министров и посланником на боевых постах в Петрограде и Константинополе. Его научной специальностью была история и филология. Происходя из бедной семьи, он умер бедным. К чести сербов надо сказать, что высшая политическая деятельность не служит у них средством для обогащения, как в Болгарии. В Нише Новакович помещался в маленькой комнатке, которая служила ему спальней, столовой и кабинетом. Здесь он до последней минуты своей жизни работал над серией статей, в которых излагал свои любимые мысли и мечты о юго-славянской федерации. Крайне умеренный образ жизни помог ему сохраниться совершенно свежим до преклонного возраста. Высокий, худой, с несколько сгорбленной сутуловатой фигурой, он каждый день ходил пешком, быстрым и легким шагом гуляя по берегу Нешавы. Он пользовался уважением даже своих политических противников. Сербы гордились им. В политическом мире его имя проносилось тотчас после Пашича. Последнему он уступал в хитрости и умении ладить с людьми и с обстоятельствами. Он был больше ученый, чем политик, но главным двигателем его жизни был пламенный патриотизм, — в науке и в политике для него существовала одна Сербия.

Во внешней политике он был оппортунистом. После Берлинского конгресса он вместе со своей партией держался австрийской ориентации; потом, когда увидел, что близость с Австрией не отвечает интересам Сербии, он перешел на сторону России; как я уже упоминал, он пришел к русскому посланнику барону Розену, сообщил ему текст конвенции с Австрией. Во всех этих переменах Новакович не был ни австрофилом, ни русофилом, но оставался сербским патриотом. На берегу Дуная, над Белградом, он под конец жизни купил себе маленький виноградник. Там, на холме, он построил себе вышку и любил смотреть оттуда по ту сторону реки, на Бачку, Банат и мечтать о том времени, когда все сербы объединятся. Ему так и не суждено было увидеть осуществления своей мечты. На его похороны сошелся весь Ниш; было решено, что как только война кончится, его тело перевезут в родной Белград.

Новакович был представителем умственной культуры своей страны. Сербы справедливо дорожили им как доказательством того, что они могут возвыситься в лице лучших своих представителей до уровня европейского Просвещения.

Представителем другой высшей стороны культуры, в лучшем духовном ее смысле, был епископ Нишский Досифей.

Я не могу иначе, как с чувством сердечного умиления, говорить о нем. Его образ встает передо мною: маленького роста, щедушный, он казался бы совсем невзрачным, если бы не глубокий, лучистый взгляд его больших черных глаз, в которых всегда светилось выражение духовной силы и необыкновенной доброты. Он жил в маленьком каменном домике, крытом черепицей. Перед домиком был небольшой сад, в котором почти всегда трудился его еще не очень старый отец. Епископу Досифею было лет 35. Его родители были совсем простые люди, может быть, из селяков. Они жили со своим сыном.

Епископ Досифей получил первоначальное воспитание в Белградской гимназии, юношей лет 18 сделался монахом. Дальнейшее образование он получил в Киевской духовной академии, потом поехал в Германию, слушал лекции, кажется, в Лейпцигском университете. Он готовил себя к созерцательной жизни, занимаясь философией и церковными науками. Последние годы своего пребывания за границей он жил в Женеве. Там он сошелся с настоятелем нашей церкви о. Сергием Орловым. С ним и с настоятелем нашей церкви в Берлине протоиереем А. П. Мальцевым, тоже замечательным человеком, который скончался в начале европейской войны, епископ Досифей сохранял самые тесные отношения. Промысел Божий захотел, чтобы он ближе сошелся с этими двумя замечательными представителями нашей Церкви.

Епископ Досифей горячо любил Россию. Она была для него второй духовной родиной. Обратное большинству своих соотечественников, которые, получая образование в России, нередко выносят скорее отрицательные понятия об укладе нашей жизни, епископ Досифей усвоил себе все то, что представляется самым ценным и дорогим в глубине нашей религиозной мысли и веры. Можно сказать, что он действительно чувствовал себя столько же русским, сколько и сербом. Он ценил в России не только ее внешнюю мощь, не только возможность при нашей помощи осуществить свои узкие национальные цели. Он преклонялся перед красотой нашего народного духа, его глубокой приверженностью к Церкви, и он мечтал об объединении своей страны с Россией на почве приобщения ее к сокровищам русской культуры. В моих глазах епископ Досифей представлялся прекрасным выразителем того отношения балканских народов к России, которое должно было бы быть идеалом для них и для нас.

Я скоро с ним сблизился и почти ежедневно приезжал к нему, иногда увлекая его с собой дальше на прогулку за город. Мы почти никогда не говорили с ним о политике, но я поверял ему свои мысли и чув-

ства и в нем находил всегда живой, всегда согретый любовью отклик. Порой им овладевала детская веселость и он звонко смеялся, смех его был в полном смысле слова от чистого сердца. Епископ Досифей был незаменимым для меня и для моей жены, когда она приехала в Ниш, и мы открыли там целый ряд учреждений, о которых речь еще впереди. Он же охотно согласился вести беседы о церковном богослужении с моим старшим сыном Константином. Весь день с раннего утра был занят у епископа Досифея различными делами. Бывало, приедешь к нему, все равно в котором часу, а у него на подъезде уже стоит какой-нибудь бедняк, дожидаясь своей очереди, а сам он толкует еще с кем-нибудь у себя в кабинете. Людей с каким-нибудь достатком или свободным временем он старался приобщить к делам общественного благотворения.

В Сербии удивительно мало развиты были общественные организации. Там не было ничего подобного нашему земству с его духом самоотверженного общественного служения, почти совсем не было сербских сестер милосердия, а те, которые были, редко соглашались ходить за заразными больными или дежурить по ночам в больницах. Еще до того, что мы открыли наши учреждения, немало русских врачей и сестер приехали в Сербию, побужденные не заработком, который был невелик, а бескорыстным участием к Сербии и желанием ей помочь. Эти благородные труженики рисковали своей жизнью, а многие из них и умерли. В то же время со стороны сербов не всегда можно было видеть должное признание их подвигов. В числе немногих благородных сердец был, конечно, епископ Досифей. По свойству своего характера он всегда останавливался только на добрых побуждениях, радовался, когда их можно было подчеркнуть. От мелочей жизни, от дрызг он отворачивался, но всякое зло и некрасивые побуждения действовали на него, как пятна на чистоплотного человека; как он любил указывать сербам на все, что русские несут им, каким теплым чувством было согрето каждое приветствие вновь приехавшему. Все русские шли к нему как к своему, шли к нему и те, кто у себя на родине редко заглядывал в церковь. Всем хотелось согреться и найти у него поддержку.

Епископ Досифей ничего не делал для внешнего эффекта. Он не увлекался политикой, которой отравлены были его соотечественники и которая делала политических деятелей из большинства сербских иерархов. Поэтому в политических кругах на него смотрели как на хорошего, но наивного человека, со снисходительным равнодушием.

У епископа Досифея жил митрополит Сербский Дмитрий, переехавший к нему с самого начала войны. Это был красивый представительный старик. В Нише он жил фактически не у дел. Впрочем, он председательствовал в комитете, ведавшем нуждами разоренных областей

Сербии на пожертвования, получавшиеся главным образом из России. Я изредка заезжал за ним для прогулки по просьбе доброго Досифея. Митрополит был когда-то также епископом в Нише.

Однажды, когда мы с ним катались по перекрестным дорогам в окрестностях Ниша, он мне сказал, что этими дорогами сербы обязаны туркам. Более того, самый собор в Нише был построен в эпоху владычества турок благодаря знаменитому в свое время Митхад-паше. Он неоднократно побуждал жителей Ниша построить храм и стыдил их, что они не удосужились этого сделать. Когда увещания не помогли, он просто назначил, кто сколько должен дать, и таким образом собрал нужные деньги. Я познакомился в Нише с одним стариком, который в то время был еще мальчиком и состоял при паше. Он рассказывал, как паша ходил с ним по городу, стучал палкой в дом, вызывал хозяина и требовал денег на собор. О нем сохранилась добрая память в городе. Вообще удивительно, что от многовекового владычества турок у сербов не сохранилось какой-нибудь вражды к ним. Память о жестокостях быстро изглаживается, может быть, потому что жестокости не составляют отличительной особенности одних турок на Балканах. Между тем способ правления турок не был тяжел. Они не вмешивались в церковную жизнь и их главным образом интересовало получить деньги с подвластных. За все свое владычество турки не создали ничего своего, не оставили никаких следов своей культуры. Они жили каким-то вооруженным лагерьем в Европе и поразительно бесследно исчезли. Те же турки, которые не выселились, всюду сделались верными подданными.

В турецкое время Ниш был довольно значительным городом и насчитывал до 80 000 жителей. При сербах он захудал и население его в мирное время не превышало 23 000 жителей. Турок оставалось немного и их можно было заметить только в праздник Рамазана, когда на верхушке минарета зажигалась иллюминация и они собирались в свою мечеть.

Глава VIII

В Нише не существовало и подобия светской жизни. Этому мешала обстановка маленького городишки, да и простота нравов сербов. Большие семьи ютились в двух-трех комнатах, жены министров сами ходили на рынок и возвращались иногда домой с поросенком в руках. Особенно накануне Рождества весь город прямо оглашался визгом поросят, ибо это было традиционное праздничное блюдо. На площади наискосок от нашего дома стоял гул от толпы. Масса подвод, запряженных волами,

крестьянки в своих красивых нарядах, с цветами, приколотыми к платку на голове, и тут же солдаты, чиновники, офицеры и женщины всех состояний. Было странно видеть, например, старого полковника с поросенком в каждой руке, но, кроме иностранцев, этому никто не удивлялся.

Мое общество большей частью составляли товарищи по дипломатии. Французским посланником был Бопп. Я его знал раньше секретарем посольства в Константинополе. Это был человек, прошедший всю свою служебную карьеру на Востоке, особенно в Константинополе. Был он также генеральным консулом в Иерусалиме. Бопп был умный, образованный человек, много читавший. Он был убежденным католиком, очень интересовался вопросами религиозной политики. Он удивил меня однажды, сказав, что прочел по-русски «Книгу жития моего» Порфирия Успенского. Он был заядлым сербофилом и ненавидел болгар. Поэтому он всячески убеждал свое правительство не настаивать на требовании об уступке Македонии. Он очень томился в разлуке со своей семьей.

Бопп оказывал сильное влияние на английского посланника Де-Гра, который ежедневно бывал у него утром. Де-Гра был милейший человек, и мы с ним впоследствии очень сблизились. Он был старый холостяк, пожилой и не крепкого здоровья. Он был крайне приветливый, деликатный, всегда думавший о других. В общем, — добрейший человек — он в сущности мало понимал общее положение. Поэтому-то он и искал указаний у Боппа. Оба они были довольно робкие, боялись принимать какую-либо инициативу и не всегда решались настаивать на своем перед своими правительствами, и мне трудно было подвинуть их на какое-нибудь совместное представление нашим правительствам, когда мне это казалось нужным.

Итальянским посланником был барон Сквитти, которому было лет 60. Первое время, пока Италия еще не выступала, барон Сквитти жил крайне уединенно и видимо избегал общения с коллегами, вероятно чувствуя неловкость положения. Впоследствии мне пришлось с ним сблизиться. Это был умный и тонкий человек, с юмором, легким приятным скептицизмом и большим тактом. В Нише были еще бельгийский, румынский, греческий, черногорский и болгарский посланники.

Бельгийским посланником был Мишотт. Он был деканом дипломатического корпуса. Он жил с женой, дочерью-подростком и гувернанткой в двух крошечных комнатках.

Черногорский посланник, Лазарь Миушкевич, перед тем чтобы попасть в Сербию был председателем Совета министров у себя на родине. О нем я подробно буду говорить впоследствии. У него была жена — полурусская, полуалбанка, дочь русского консула Крылова. Она была,

вероятно, очень красива в молодости. У них было много детей. О болгарском посланнике Чапрашникове мне уже приходилось упоминать. Он часто приходил ко мне и, видимо, хотел создать впечатление интимности со мною, чтобы этим несколько упрочить свое положение. Он очень старался быть любезным и приятным, но благодаря своей бестактности был почти всеми ненавидим. Мне казалось, что его бестактность происходила не от злого умысла и что он порой искренне желал восстановить нормальные отношения между Болгарией и Сербией, но он плохо за это принимался. Сербские и болгарские газеты наполняли свои столбцы взаимной руганью, иногда переходившей все границы приличия. Чапрашников постоянно бегал ко мне жаловаться на какую-нибудь газету. Я неоднократно через Пашича старался умерить эту взаимную вражду, но убеждался, что своим личным вмешательством болгарский посланник часто только подливал масла в огонь. Он обладал свойством выводить из себя даже сдержанного Пашича.

Полную противоположность ему представлял сербский посланник в Софии Чолак Антич. Так же как Чапрашников, он начал с придворной карьеры, но в противоположность последнему он был действительно воспитанным и очень приятным в общении человеком. При всей ненависти своей к сербам, болгары, я думаю, не могли отказать ему в личном уважении. По крайней мере, с их стороны никогда не слышно было никаких нареканий, тогда как ни один серб не мог равнодушно слышать имени Чапрашникова.

Однообразие жизни в Нише прерывалось приездами и посещениями различных лиц. Из проселочной дороги Ниш стал во время войны на большой магистрали, через которую происходило сообщение между Россией и Европой. В начале войны через Ниш — Салоники в Болгарию и Румынию возвращалась масса русских путешественников, застигнутых объявлением войны за границей. Сербь радушно относились к приезжающим русским и ни с кого не брали платы по железным дорогам; долгое время расписание поездов, приходящих из Салоник в Ниш и отходящих в Софию, не были согласованы. Путешественникам приходилось терять целые сутки в Нише. Между тем в городе решительно некуда было приткнуться. Существовали две гостиницы под названиями «Русский царь» и «Европа». На самом деле это были грязные харчевни, притом каждый угол был в них уже занят. После долгих блужданий по городу путешественники являлись в миссию, измученные и раздраженные. Иногда их удавалось устраивать в частных квартирах. Нештатный драгоман миссии Алтынович почти ежедневно бегал по городу, чтобы разместить как-нибудь проезжих. Иногда приходилось оказывать гостеприимство незнакомым людям в самой миссии. Это было

очень трудно, потому что я взял с собой лишь самое необходимое. Все обитатели миссии в этих случаях делились, кто — своей подушкой, кто — одеялом. Мне пришлось больше двух месяцев настаивать, пока наконец не было изменено железнодорожное расписание.

Вскоре после успешного отражения австрийского вторжения Государь пожелал оказать особые знаки расположения и внимания сербскому королю и армии. В конце декабря в Ниш прибыл свитский генерал Татищев — тот самый, который до войны состоял при императоре Вильгельме. При нем был ротмистр Олив. Они привезли с собой ордена. Королю Петру был пожалован орден Андрея Первозванного с мечами — отличие, которого никто не имел в то время¹, королевичу Александру — Георгия 3-й степени, королевичу Георгию — Георгия 4-й степени; кроме того, четыре Георгия 4-й степени для сербских генералов, по выбору королевича Александра, и много других боевых отличий для сербской армии. Для Татищева была устроена торжественная встреча, и он остановился у меня в миссии вместе с Оливом. В Ниш по этому поводу прибыл король и престолонаследник Александр. Король принял Татищева в отдельной аудиенции. Когда тот передал ему знаки ордена Андрея Первозванного, он благоговейно приложился к ним. После этого был небольшой завтрак, за которым были только король с двумя своими сыновьями и я с Татищевым. Король был так взволнован, что после завтрака он тотчас удалился и с ним сделался легкий обморок, поэтому он не мог участвовать в парадном обеде, состоявшемся в тот же день. Ему было 70 лет, он выглядел то значительно моложе, то значительно старше своих лет. Когда он рассказывал что-нибудь, что его волновало, то он весь оживлялся, в глазах его был юношеский блеск, но затем, когда он кончал, взор его потухал и сам он становился дряхлым осунувшимся стариком. Он очаровывал простотой и приветливостью своего обращения, в нем чувствовался старый солдат. Приближенные его, однако, очень страдали от его раздражительности и вспыльчивости, во время коей пробуждался в нем тот необузданный характер, который, к сожалению, унаследовал от него его старший сын принц Георгий.

Этот последний был красивый молодой человек с тонкими чертами лица. Его можно было принять за кавказского горца, и по своему общему облику он больше всего приближался к такому типу. Безумно храбрый, он был дважды тяжело ранен и жил на излечении в Нише. Он тяготился бездействием, но ему не хотели дать командования даже батальоном, потому что боялись, что он погубит и его, и себя.

¹ Из наших Государей этот орден имел, кажется, только один Александр I. В последний раз, по иронии судьбы, этот орден был пожалован германскому фельдмаршалу Вальдерзее во время Пекинского похода. — *Примеч. автора.*

Королевич Александр был полной противоположностью своего брата. Он не был так красив, как Георгий. Его портили очки и сутуловато приподнятые кверху плечи. Он был таким же скрытным и сдержанным, каким Георгий был порывистым. События сложились так, что королевич скоро стал в ответственное положение. Он сделался наследником неестественным путем¹⁰⁸. Пример его брата был у него всегда перед глазами. Он рано начал наблюдать за собой и выработал в себе сдержанность и скрытность.

Во время балканской войны королевич Александр уже командовал 1-й армией. После этой войны король Петр удалился на покой в местечко Топала, передав бразды правления своему сыну, который получил звание регента, в ожидании удобной минуты, когда ему окажется возможным совсем отказаться от престола. События довершили воспитание королевича Александра. В нем была заметна постоянная работа над собой и он во многом развился и приобрел опыт, хотя постоянно чувствовал пробелы своего образования. Ко мне он отнесся вначале недоверчиво. Мое прибытие в Сербию было предварено слухами о моем болгарофильстве. К тому же после популярного Н. Г. Гартвига, которого сербы считали совсем своим человеком, заместителю его не могло быть легко.

Королевич Александр несколько раз заговаривал со мной о болгарях. Он хотел выпытать мое мнение, но его личная ненависть к болгарам была так велика, что он высказывал ее, не дожидаясь моих слов. Он не раз говорил так, чтобы это доходило до меня, что ни на какие уступки болгарам он не согласится.

Одновременно с Татищевым через Ниш проезжал другой свитский генерал, князь Юсупов, который послан был во Францию, Англию и к бельгийскому королю, чтобы отвезти союзным армиям знаки отличия. Он остановился на один день в Нише и был приглашен на парадный обед, который давался королевичем в честь Татищева. На обеде были все министры и посланники союзных держав. Вечер после обеда и весь следующий день до своего отъезда Юсупов провел у меня в миссии.

Я узнал от Татищева, что ему поручено из Сербии отправиться в Черногорию, чтобы там также вручить ордена. Между прочим, наследному князю черногорскому Даниле предназначался Георгий 4-й степени. Незадолго до того мне пришлось услышать от Пашича, что французский адмирал, командовавший эскадрой в Адриатическом море, обвинял князя Данилу в предательских сношениях с австрийцами и что французы подумывают об отзывании своего небольшого отряда, который в начале войны был переведен из Скутари в Черногорию. Я тотчас телеграфировал в Петроград о том, как неудобно награждать

при таких условиях князя Данилу, который даже и не побывал на фронте, и советовал отозвать Татищева под предлогом крайней трудности путешествия в Черногорию через горы, занесенные снегом. Так и сделали. Тем временем Татищев задержался дольше, чем предполагал, в Нише. Нам всем было очень приятно общество этого милого человека и веселого Олива.

Нашему примеру последовали Франция и Англия, решившие наградить орденами представителей союзных армий. Благодаря этому в Нише мы видели французского генерала По и английского генерала Пэджета, которые из Сербии приехали в Россию и назад возвращались опять через Ниш. Мне было особенно приятно познакомиться с генералом По, который был таким прекрасным представителем французской армии. Он всех обворожил своей милой улыбкой и приветливостью. Подкупала его простота и то горячее патриотическое чувство, которое сквозило в этом старом солдате-герое, лишившемся одной руки во время Франко-прусской войны 1870 года. Я дал завтрак в его честь. За столом он пользовался особым инструментом, который всегда носил с собой: это был нож, на конце которого были зубцы, как у вилки.

Английский генерал Пэджет был один из приближенных своего короля. На возвратном пути из России он остановился в Софии и был принят королем Фердинандом. После этого, проезжая через Ниш, он рассказал о своем посещении королевичу Александру, а последний достоверно передал мне его рассказ. Пэджет убеждал короля Фердинанда присоединиться к державам Согласия и напасть на турок. Он предостерегал его от возможности напасть на Сербию.

— Ну что же Вы в этом случае бы сделали? — спросил его Фердинанд.

— Мы нашли бы способ перевести тысяч двести из Египта в Деде-Агач, — отвечал генерал.

Отвечая на предложение о войне против турок, Фердинанд сказал, что его смущают притязания России на Константинополь. Английский генерал нашел своеобразные аргументы.

— Если Вы этого боитесь, — сказал он, — то войдите сами в Константинополь и оставайтесь там. Для Англии гораздо приятнее видеть в Константинополе болгар, чем русских.

Король Фердинанд ответил на слова своего собеседника театральным жестом.

Несомненно, Пэджет не был в курсе международных вопросов и сам был плохим дипломатом, что доказывается тем, что он все это рассказал сербскому королевичу, не понимая того, что последний менее всего мог сочувствовать мысли о завладении Константинопо-

лем болгарами. Таким образом, слова Пэджета не отражали мнения ответственных английских кругов, но все же он занимал высокое положение в армии и при дворе. Это показывает только, как, несмотря на союз с Россией, предубеждения против нас глубоко укоренились среди англичан. Только длительная тяжелая борьба с Германией может изгладить это предубеждение по пословице «клин клином вышибают».

Глава IX

В Нише по временам появлялись политические деятели из Австро-Венгрии. Самым видным из них был хорватский деятель Супило. Мечты сербов об объединении южного славянства, в частности, мечты о присоединении к Сербии Хорватии, были в сущности весьма неопределенны в вопросе о том, в каких формах должно произойти объединение. Старик Новакович мечтал о создании федеративной Юго-Славии, т[о] е[сть] о крупном славянском государстве, в которое входили бы различные области на автономных началах. Мнение это разделялось немногими. Большинство представляло себе объединение, как присоединение к Сербии славянских областей, отдавая первое место Сербии.

Сербы были большие шовинисты. Они были убеждены в безусловном превосходстве своей культуры. Склонные к оптимизму, они закрывали себе глаза на трудности, не хотели видеть глубоких различий между собой и хорватами. А между тем различия эти были во всем складе жизни обоих народов. Сербы были православные, хорваты — католики. У сербов не существовало никаких сословных различий, в Хорватии была старинная аристократия. Сербы были в сущности народом селяков, у них постоянно можно было встретить в той же семье одного брата крестьянина, другого — офицера, или чиновника, или парламентского деятеля. Хорваты в продолжение столетий находились под воздействием швабской культуры; в грубых чертах можно сказать, что разница между ними и сербами была такая, как между горожанами и крестьянами.

Зато у сербов было большое преимущество долговременного пользования независимостью. Сербия была государством, имевшим все необходимые, хотя, может быть, и несовершенные органы власти, а также и прекрасную армию. Если бы объединение совершилось, то заслуга в этом деле принадлежала бы Сербии, а не Хорватии, цементом его была бы сербская кровь. Это создавало Сербии несомненное право на первенство в будущем государстве. Кроме того, если бы такое государство осу-

ществовалось, перед ним стали бы многочисленные международные задачи, для решения которых потребовалась бы сильная власть. Федеративное государство не могло быть сильным.

С другой стороны, едва ли можно было думать и о простом присоединении. Своими только силами Сербия не могла мечтать о завоевании целых областей у Австро-Венгрии. Вопрос об участии последних мог бы встать практически лишь в конце победоносной войны России и ее союзников с центральными державами. Но в этом случае серьезное значение имел бы вопрос о желании самих хорватов. Пока они находились в пределах австро-венгерской монархии, в мере ненависти к швабам, у них существовало тяготение к Сербии, но как скоро перед этим практически стал бы вопрос о перемене условий существования, отношение к Сербии могло бы измениться, особенно если бы одну зависимость они переменили на другую. Несмотря на одинаковость происхождения, указанная выше разница в складе жизни давала сильно себя чувствовать. Еще не так давно существовал резкий антагонизм между хорватами и сербами в Австрии. В Аграме (Загреб) были сербские и хорватские кафе, куда не допускались сербами хорваты, а хорватами — сербы. Потом политическая жизнь выдвинула идею создания сербо-хорватского блока. В последнем сейме ему принадлежало большинство. Однако наряду с ним еще существовала партия франковцев, т[о] е[сть] непримиримых хорватов, заядлых врагов сербов. Со всем этим необходимо было считаться. Надо было оказать уважение особенностям Хорватии и уверить их в выгодах соединения с Сербией.

Был еще один очень важный фактор в постановке югославянского вопроса, а именно — Италия. Она не могла сочувственно относиться к мысли о создании сильной Сербии. В своем стремлении утвердить господство на Адриатике Италия предъявляла притязания на побережье, населенное славянами. Чем больше приближалась минута постановки этих вопросов, тем сильнее давал себя чувствовать антагонизм между Италией и южным славянством. В частности, относительно Хорватии итальянцы предпочли бы создание из нее самостоятельного государства, чем присоединение ее к Сербии. Они рассчитывали найти сочувствие к этой идее среди хорватской аристократии, но в широких слоях населения эти происки Италии возбуждали возрастающее к ней недоверие, переходившее в ненависть, а тяготение к Сербии от этого не возрастало. Одно время, когда военные действия между Австрией и Сербией временно прекратились, и вместе с тем усилились слухи о предстоящем присоединении Италии к державам Согласия, взаимная вражда между сербами и австрийцами как будто потухла и уступила место ненависти и тех и других к Италии. Австрия надеялась использовать это

настроение и в предстоящей борьбе против Италии опереться на симпатии своих славянских подданных гораздо прочнее, чем это ей удавалось до тех пор в борьбе с Сербией. Мне приходилось слышать в Нише от ответственных политических деятелей злорадные надежды, что австрийцы поколотят как следует итальянцев. Такое настроение не могло не представляться опасным.

Наши интересы, по существу, требовали возможно более благоприятного для Сербии разрешения юго-славянского вопроса. Мы могли только приветствовать возможно большее усиление Сербии, с которой и в будущем у нас были бы общие враги. Мы не могли желать создания самостоятельного хорватского королевства, ибо в этом случае неминуемо создался бы искусственный конфликт интересов между ней и Сербией, но признавая законность сербских интересов, мы не могли стать исключительно на их узкую точку зрения. Привлечение Италии к союзу с нами было настолько важно, что было необходимо считаться с ее интересами и в силу этого идти на некоторые жертвы и ограничения этнографического принципа. Все эти вопросы только еще намечались, когда в Нише в первый раз приехал Супило.

Это был умный, образованный человек; он воспитался на итальянской культуре, был горячим поклонником итальянского *risorgimento*¹, говорил по-итальянски, как итальянец. На нем была, однако, печать, общая большинству политических деятелей в Австро-Венгрии, — он был не только политиком, но и политиканом. Увлекающийся, хитрый и честолюбивый, он не брезгал и маленькими средствами для достижения своих идей, прибегая к лести, интригам и сплетням. Его приезд в Ниш ожил интерес к югославянскому вопросу. Он часто бывал у Пашича и других политических деятелей, виделся с престолонаследником и говорил мне, что получил полное удовлетворение от всего, им услышанного.

В одном отношении я надеялся, что посещение Супило не останется без благотворного воздействия на сербов. Чем шире и заманчивее представлялись перспективы в южнославянском вопросе, тем больше можно было надеяться на уступчивость сербов в македонском вопросе. Нельзя было гоняться за двумя зайцами. Сам Супило мне говорил, что хорваты не могут сочувственно относиться к неговорчивости сербов, которая отвлекала и ослабляла их внимание и силы. По его словам, между хорватами и болгарами издавна существовали симпатии, ибо болгары посылали иногда свою молодежь довершать образование в Аграм^{II}. Говорил ли Супило в этом духе с Пашичем, было мне, однако, неизвест-

^I Рисорджименто (возрождение, обновление).

^{II} Название города Загреб, распространенное во времена Австро-Венгерской империи.

но. Супило был слишком тонкий и изворотливый человек, он не мог желать быть неприятным, вмешиваясь во внутренние сербские дела. В беседе со мной он изливал горячие чувства к России, на нее одну возлагал надежды на осуществление своей национальной мечты. Главное значение он придавал факту объединения с Сербией. Что получится из этого, он предоставлял решить будущему, и говорил, что пускай Россия окрестит, как хочет, будущее государство, которое может назваться или Югославией, или Сербо-Хорватией, или сохранить название Сербии, против чего он лично не возражал.

Супило приехал из Рима, где учредился Южно-Славянский комитет, коего он был представителем. Он рассказывал мне свои беседы с итальянскими государственными людьми. Он развивал ту мысль, что настоящие интересы Италии и самое ее прошлое потребует признания национальных прав южных славян. Установив с ними добрые отношения, она гораздо вернее упрочит на Адриатике свое влияние и торговые интересы. Если, наоборот, Италия будет стремиться к присоединению мест, населенных славянами, и будет мешать их политическому объединению, то она наживет себе с их стороны непримиримую ненависть и войну в будущем. Когда он говорил об Италии, то глаза у него загорались от ненависти и он переходил при этом на всего ближе известный ему итальянский язык. Из Ниша Супило поехал в Петроград. С ним вместе поехал депутат от Боснии, чтобы установить и засвидетельствовать полное единство взглядов между представителями различных славянских областей.

Кроме деятелей славянского происхождения, из числа лиц, проезжавших через Ниш, я назову англичан, братьев Бэкстонов, из коих старший брат [Ноэль] был председателем довольно влиятельного Балканского комитета в Лондоне. Они приехали из Бухареста, где в них стрелял какой-то турок, причем один из братьев был ранен.

Бэкстоны были ярые болгарофилы. Их руководящая мысль была, что Македония должна принадлежать Болгарии. Они стояли за это не менее цепко, чем любой болгарин, и не считались ни с какими трудностями в этом вопросе. Понятно, их аргументы имели мало успеха среди сербов. Посетив меня, они потом писали мне из Македонии, куда поехали, все о том же. Другой англичанин, с которым мне пришлось познакомиться, был Сэтон-Ватсон. Он специально интересовался юго-славянским вопросом и много писал по этому поводу. Он и редактор «Times» Сид, долгое время проживший в Вене и изучивший там национальные вопросы, много помогли сербам, отстаивая перед английской публикой идею юго-славянского объединения и притязания Сербии.

Глава X

Я уже говорил о вспыхнувших в Сербии эпидемиях. Медицинская и санитарная часть были очень плохо поставлены у сербов. В белградском университете не было медицинского факультета. Немногие сербские доктора получили свое образование в России или в Австрии. Общин сестер милосердия вовсе не существовало. Очень немногие сербские женщины посвящали себя во время войны уходу за ранеными.

Я приехал в Сербию в конце ноября, т[о] е[сть] в период ожесточенных боев. По дороге в Ниш, в Зайчарах, меня встретил старший врач отряда Славянского благотворительного общества, работавшего там, Н. И. Сычев. Он сказал мне, в каком тяжелом положении находится дело помощи раненым. Он вместе с сестрами работал, не покладая рук, не только в своем, но и в соседнем сербском госпитале. В последнем был всего только один сербский врач на несколько сот раненых. У него не было помощников. При таких условиях он сам дошел до состояния, близкого к помешательству. Это была только иллюстрация к тому, что происходило во всех городах Сербии.

За ранеными был, хотя и плохо, организованный уход. Гораздо хуже обстояло дело с заразными больными. При своем вторжении австрийцы разорили всю северо-западную часть Сербии. Они совершили там немало зверств. Толпы беженцев загромодили оставшиеся целыми сербские города. Больше всего их сосредоточилось в Нише, потому что они искали помощи у правительства. Ниш, в котором в мирное время жило не более 23 000 человек, насчитывал одно время 147 000 жителей. Помещения для них, разумеется, не хватало. Кафаны¹ были днем наполнены людьми, которые пили кофе или пиво, а ночью в тех же помещениях спали люди на столах, на скамьях и прямо на полу. Более бедные целыми семьями спали прямо на улице. Весь этот народ питался впроголодь.

В одном городе сосредоточены были беженцы и военнопленные, которые сдавались в плен уже изнуренными. Все больницы и здания, которые можно было отвести под больницы, были переполнены ранеными. Немудрено, что при таких условиях с небывалой силой вспыхнули эпидемии.

Обо всем этом я писал в Петроград, а также в Москву моей жене, которая вскоре собиралась приехать ко мне в Ниш вместе со старшим сыном, в то время — двенадцатилетним мальчиком. С дороги я ей послал проект воззвания о помощи сербам. Жена моя напечатала его, а так-

¹ Кафана — небольшое уличное кафе, в котором подают, прежде всего, алкогольные напитки и кофе, а также легкие закуски.

же поместила в газетах небольшое письмо, в котором сообщала, что собирается в Сербию и принимает пожертвования. Успех обращения превзошел все ожидания. Вскоре со всех сторон посыпались пожертвования, от нескольких копеек до десятков тысяч рублей. Московская дума, в начале войны пожертвовавшая в пользу Сербии 50 000 рублей, передала моей жене снова такую же сумму. Ежедневно со всех концов России она получала письма, иногда самые трогательные. Арестант, отбывавший каторгу в тюрьме, прислал 20 копеек. Где-то на Кавказе раненые, возвращавшиеся в поезд с позиции, сделали складчину и прислали 3 рубля 50 копеек. Посылались вещи, белье, сухари, всякая всячина. Каждый день являлись доктора, сестры, студенты, предлагавшие свои услуги и желавшие ехать в Сербию.

Благодаря притоку средств и общественному сочувствию, моей жене удалось подобрать большой отряд численностью около 35 человек, с 4 врачами, сестрами и санитарями. Отряд был прекрасно оборудован; у него имелся рентгеновский кабинет. О своих предположениях моя жена сообщила мне в конце декабря. Главная трудность состояла в поисках подходящего помещения. В центре города стояло незаконченное и не отделанное здание, предназначавшееся для гимназии. Оно было вчерне готово уже два года, но в нем не было ни полов, ни окон, ни дверей, ни крыши. Самое здание было, однако, настолько просторно и светло, что нельзя было желать ничего лучшего для образцовой больницы. Пашич тотчас же согласился принять все меры к скорейшему приведению здания в надлежащий вид, но от обещания до исполнения всюду большое расстояние, а в Сербии — еще большее, чем в других местах. Было крайне трудно найти рабочих. Были поставлены военнопленные из части, наименее пострадавшей от болезни. В течение двух или трех недель из 150 человек рабочих осталось только половина, остальные заболели. Те, которые работали, были так изнурены, что еле держались на ногах и от их работы было мало проку.

Я старался задержать приезд отряда, но это было трудно. Все они рвались к делу, к тому же распоряжения о вагонах, о погрузке в них материалов имели срочный характер и их трудно было откладывать. Из Москвы отряд направился специальным поездом через Румынию и Болгарию. Всюду на пути он встречал полное внимание и сочувствие. Отряд прибыл в Ниш 25 января. Для встречи его на станцию собрались Пашич и другие должностные лица, на паровозе развивался флаг Красного Креста. Из вагонов вышли моя жена с сыном и весь состав отряда, сразу произведший весьма симпатичное впечатление. Это была исключительно молодежь, видимо находившаяся в подъеме духа и одушевленная искренним желанием поскорее приняться за работу. Все они за

время дороги сплотились в дружную семью. За работу им пришлось, однако, приняться не так скоро, как они того хотели бы, потому что помещение гимназии не было еще готово. Временно отряд приютился в одной из сербских больниц.

Надо было спешить с переводом в новое здание отряда, который томился от вынужденного бездействия и теперь особенно стремился к работе. Мы не стали ждать окончания работ и открыли палаты в готовых комнатах. Свежих раневых не было, но в русскую больницу были направлены из других сербских больниц те, кто нуждались в наиболее серьезных операциях и уходе. Во главе отряда стоял С. И. Сироткин, прекрасный хирург. Постепенно, по мере готовности здания, открывались новые палаты и они заполнялись ранеными. Ближайшими помощниками Сироткина были женщина-врач В. В. Семянникова и А. Джуверович, по происхождению — серб. Душой отряда скоро сделалась В. В. Семянникова. Это была молодая еще девушка, но очень разумная, с прекрасным ровным характером. Она сглаживала недоразумения, поддерживала дух тех, кто были более малодушны и боялись болезней. Среди сестер были премилые девушки. Некоторые из них принадлежали к известным и уважаемым в Москве семьям. Это были сестры [милосердия] Марианна Горяйнова и София Горбова. Большинство других были из курсисток. Все они были очень дружны между собой. В числе врачей приехала женщина-врач Н. В. Марцинкевич. Ее специальностью было лечение эпидемических болезней. Первой мыслью моей жены было устройство отдельной больницы для заразных болезней. В этом чувствовалась громадная потребность.

Когда отряд приехал в Сербию, развитие эпидемий достигло прямо стихийных размеров. Вот, что писал впоследствии об этом времени в представленном мне отчете д-р Софотеров, о деятельности коего мне еще придется говорить: «По мере того, как развивались военные события по боевой линии рек Савы и Дуная, неумолимая логика войны выдвигала два фактора, служивших благоприятным моментом для развития болезней. Во-первых, с занятием неприятелем северных уездов Сербии все их население бросилось вглубь страны, главным образом по линии железной дороги Белград — Крушевац — Ниш — Скоплье¹. По этому же пути направлялись десятки тысяч пленных, входивших в соприкосновение с окружающим народонаселением. Во-первых, заразные болезни, как тиф возвратный и сыпной, являясь истинным бичом всех войн, как раз находят себе богатую почву для распространения среди истощенного, полуголодного, скученного в больших массах, в сыро-

¹ Сербское название города Скопье — ныне столица Республики Северная Македония.

сти и тесноте народа. Солдаты, беглецы, пленные — все месяцами не мылись и не меняли белья, одни — сидя в окопах, другие — влача существование в ужасающей обстановке, без крова и угла, совершенно выброшенных из нормальных условий жизни людей. И если солдаты питались более или менее нормально, то беглецы и пленные находились в пути в полуголодном состоянии. Воя эта масса людей, спускаясь в тыл, не подвергалась никакому санитарному контролю. Не лучше обстояло дело и с вывозом раненых: поезда с ними прибывали в Ниш переполненными заболевшими сыпным тифом в дороге. Никакой сортировки раненых от заболевших заразными болезнями не было, да по существу дела и не могло быть при сложившихся обстоятельствах, так как за отсутствием этапных пунктов заболевшего по пути все равно приходилось вывозить до большой станции тыла. По прибытии поезда с ранеными в Ниш раненые и заболевшие развозились по госпиталям на простых телегах, колах, на быках, и уже в госпиталях производилась детальная разборка заболевших от раненых. Был ли переполнен госпиталь, когда в нем на двух кроватях помещалось по 3–4 раненых, которых клали на пол, или же из него просто эвакуировали заразных больных, — единственным способом перевоза были все одни и те же колы. В таких переездах на колах можно было видеть несчастных уже в агонии и даже умерших. На улицах вокруг остановившегося транспорта с больными и ранеными собирались земляки, которые мирно вели беседы с больными, покуривая и обсуждая дела. Был и такой факт с подобным транспортом: из города вывозили в заразную больницу сыпнотифозных, которые за городом в тифозном бреду разбежались с телег, а сопровождавшие обоз старики были настолько дряхлы и стары, что не могли поймать разбежавшихся и должны были звать помощь из города.

В городе в это время были заняты все углы, способные вместить человека. По школам, гостиницам и кофейным были размещены все способные передвигаться раненые; днем эти учреждения вели торговлю, а на ночь принимали раненых, проводивших день в хождении на перевязки. Приехавшему в город в гостинице сдавали стул, на котором он, прибив свою карточку, проводил и день и ночь. Большинство беженцев проводило время на улицах и площадях, ютясь в шалашах из кукурузы.

Контакт здоровых с больными был всегда и везде, начиная с пролеток извозчиков, переполненных насекомыми, и кончая базарами, на которые вместе с продуктами, в одних и тех же колах, привозили в город больных. Выходящие из госпиталей, выздоровевшие раненые получали свою одежду не дезинфицированную с насекомыми и разносили сразу по селам.

Средств для борьбы с эпидемией не было, так как госпитали не имели даже дезинфекционных аппаратов. Сестры самоотверженно старались мыть над тазами прибывших больных, но, разумеется, с массой насекомых на теле и одежде было трудно бороться такими невинными средствами. А насекомых была такая масса, что кто не видал в натуре подобных картин, тот может не поверить: повязки раневых при разрезании хрустели от их массы, а снятое белье положительно шевелилось. Не забуду одного несчастного, все тело которого при первом взгляде казалось покрытым точно тонким пухом, такая была на нем туча насекомых. В госпитале создан какой-то кошмар, о котором даже и теперь вспоминаешь с ужасом.

Общее число умерших за четыре месяца эпидемии, по моим данным, в Нише превышает 35 тысяч человек, из них больше трети приходится на пленных... В девяти каменных конюшнях (кавалерийских казарм), рассчитанных на 1200–1500 лошадей, помещалось от пяти до шести тысяч человек пленных. Всех заболевших сносили в одну из конюшен и предоставляли их своей участи; врач серб к ним не входил, раз в день им приносили пищу и тем самым ограничивали все заботы о них. Один раз в неделю приходили убирать умерших.

При входе в конюшню от сырости и смрада долго нельзя было разобрать все окружающие предметы. На полу на тонкой соломенной подстилке лежали в какой-то бесформенной массе люди, полуодетые, с иссинябледными лицами; одни из них лежали навзничь, другие полусидели и полулежали, точно восковые фигуры; среди них метались в бреду, срывая с себя одежду, больные; некоторые из них, успокоившись, мирно спали, положив голову на труп умершего товарища; умерших много виднелось в яслях, где больные погибали от слабости и дизентерии; разносить пищу было некому и каждый заботился о себе, пока имел силы двигаться. Товарищи сносили умерших к дверям конюшни, где и складывали их в поленицу, которую я при входе принял за груды сложенного тряпья и старого платья. Мертвых убрали только раз в неделю, так как не было достаточного числа людей для уборки даже мертвых. Те, кто был болен дизентерией, все отправления делали здесь же, в конюшне, не имея сил выйти наружу, поэтому атмосфера в ней была ужасна. К этому описанию д-ра Софотерова прибавлю, что отхожие места для пленных были в таком состоянии, что один из этих несчастных, провалившись сквозь гнилой пол, утонул в них.

Это происходило не по жестокосердию, а по полному недостатку средств для борьбы с эпидемиями и по крайней беспечности и халатности сербов. Разумеется, пленные терпели во всем недостаток, но это потому, что у сербов было всего мало. Между тем они пользовались пол-

ной свободой. Из зараженных помещений они выходили и гуляли по всему городу. Иногда они брали хлеб у больных или от умерших и продавали его в город.

Не лучше было положение беженцев. Близ собора стояло двухэтажное каменное здание, где прежде была школа. Туда поместили беженцев. Верхний этаж был занят цыганами, нижний — сербами. Разумеется, комнаты были так набиты народом, что едва можно было перешагнуть через тюфяки, раскладывавшиеся ночью на полу для сна. В нижнем этаже дважды перемерло все население его, по очереди сменявшее прежних жильцов. Каким-то чудом цыгане остались живы. Этот интересный случай невосприимчивости к жесточайшей заразе, к сожалению, не был исследован, ибо некому было этим заняться.

Несмотря на старания заполучить докторов, в начале войны их было всего 540 человек во всей Сербии. Немало было в том числе русских из России, а так же из Швейцарии, из числа эмигрантов, особенно евреев. Из этого числа за 4 месяца умерло 160 человек, а 130 человек лежали больными в госпиталях. В Нише под заразные болезни была отведена особая больница за городом, под названием Челе-кула¹. В эту больницу свозили всех заболевших тифом. Их было так много, что больных клали не только на кроватях, но и под ними. При крайне малочисленном персонале ухода почти не было. Когда заболевшего везли в Челе-кулу, это значило, что его везут на верную смерть. Это все знали и перед отправлением больного, если он не был в бессмысленности, происходили иногда раздирающие сцены. Был и такой случай, рассказанный мне одним французским доктором. Один из врачей Челекульской больницы внезапно пропал. Его стали искать и нашли в самой больнице лежащим на полу, в агонии, среди других больных. При этом его не сразу хватились. Этот случай доказывает, как редко совершался даже простой обход больных.

При таких условиях немудрено, что население старалось утаивать случаи заболевания. Зараза разносилась с каждым днем все больше и больше. По улицам среди дня ехали повозки с трупами. Не хватало досок для гробов, и умерших клали по несколько человек в фуру, плохо прикрывая их дерюгой, из-под которой торчали ноги и руки.

Нельзя было выйти из дома и не встретить носилок с тяжело заболевшими. Гуляя вдоль Нишаны пешком, я ежедневно наталкивался на

¹ Это название значило по-турецки «холм из черепов». Во времена своего владычества турки однажды жестоко подавили восстание среди сербов. Чтобы увековечить память об этом и для устрашения потомства, они сложили пирамиду из черепов убитых сербов. Впоследствии над этой пирамидой была поставлена часовня, носившая приведенное выше название. Возле этой часовни находилась больница, получившая то же название. — *Примеч. автора.*

людей с блуждающим взором, трясущимся телом. Моя жена подслушала однажды на улице разговор двух приятелей:

— Здравствуйте.

— А у Вас, кажется, пегавый (сыпной) тиф?

И друзья продолжали беседу, находя ее вполне естественной. Между тем громадное большинство случаев кончалось смертельным исходом.

Кроме сыпного тифа, был брюшной и возвратный, а также черная оспа, хотя и не в такой сильной степени, как все виды тифов.

Не скоро нашли мы помещение для заразной больницы и нашли его самым оригинальным способом. Однажды во время поисков Н. В. Марцинкевич и сопровождавший ее санитар зашли в помещение Военного санитета¹, где раньше им не могли дать никаких полезных указаний. На их счастье в эту минуту в санитар зашел какой-то офицер, приехавший в Ниш из армии. Услышав, о чем идет речь, он сказал:

— А что же вы не возьмете бараков, которые два года тому назад были построены в Нише возле вокзала, в ожидании холеры?

Наши врачи немедленно отправились согласно указанию офицера. Они действительно нашли бараки, которые были заперты. В одном из них было сложено изрядное количество белья, в котором чувствовалась крайняя нужда в сербских больницах. Если прибавить, что Ниш — крошечный городишко и что подле станции были расположены две больницы, то получится полная иллюстрация халатности сербов, которые могли забыть о бараках и о складе белья в них.

Со всей возможной быстротой и энергией моя жена принялась за оборудование бараков. Она нашла деятельных сотрудников в лице Н. В. Марцинкевич и других членов отряда, но совершенно незаменимым в этом деле был епископ Досифей. Он вложил всю свою душу, чтобы ускорить дело.

Старания эти увенчались успехом, и в заразные бараки вскоре начали доставлять больных. Во главе их стала Н. В. Марцинкевич, а в подмогу ей — пять сестер, изъявивших желание исполнять опасную работу. Скудость помещения не позволяла на первых порах принимать многих, но все, кто попадал к нам, пользовались таким уходом, о котором не могли и мечтать в своих больницах. Н. В. Марцинкевич подавала всем пример своей самоотверженной неутомимой деятельностью. Вскоре заболела одна сестра, за ней — другая. Наконец свалилась сама Н. В.; лежа в постели, в сильнейшем жару, она не переставала заботиться обо всем, что касалось ее бараков, отдавала распоряжения, во все входила.

¹ Војни санитар (сербск.) — Военно-санитарное управление.

Остававшиеся здоровыми сестры работали иногда бесменно в продолжении 36 часов подряд.

Здоровая, крепкая натура Н. В. Марцинкевич взяла вверх над болезнью довольно скоро, и она тотчас, не передохнув, принялась за прежнюю работу.

Наши бараки приобрели скоро большую славу. Все заболевшие хотели непременно туда попасть. Процент смертности, благодаря уходу, был самый ничтожный. Но именно ввиду того, что требовался неослабный уход за больными, а ни мест, ни людей не хватало, бараки могли принять конечно очень немногих.

С каждым днем выяснялись все новые и новые потребности. Надо было расширить бараки. Сербское правительство охотно взяло на себя постройку новых по нашим планам. Наша хирургическая больница, а также бараки открыли у себя бесплатный амбулаторный прием. Это дело сильно разрослось, когда узнали об этом в соседних деревнях. Вскоре от них слух перешел и в более далекие места. Отовсюду ежедневно стекались люди за советом и лекарством. Н. В. Марцинкевич принимала ежедневно, в определенные часы, более 100 человек. Многочисленные благодарственные письма селяков свидетельствовали о пользе, которую приносили наши врачи, и о доверии, которое они сумели внушить.

Бесплатный амбулаторный прием был внове для сербов. Ответственные организации были у них вообще в самом зачаточном состоянии. Мы решили с самого начала поставить дело помощи Сербии на почве сербо-русского сотрудничества с привлечением местных общественных сил. В состав комитета, который ведал всем делом, были, кроме членов Миссии, приглашены епископ Досифей и г-жа Пашич. На совещания приглашались также главные врачи.

Очень скоро мы убедились, что для борьбы с эпидемией только одни больницы недостаточны. Нужно было улучшить санитарные условия города. Инициатором в этом деле явился молодой талантливый и энергичный доктор С. К. Софотеров. Война застала его старшим врачом русской больницы в Салониках. По распоряжению Министерства иностранных дел он был командирован в Сербию и здесь стал во главе одной из сербских больниц, которая получила название «Русского павильона», потому что там были русские сестры и оборудование из России, приобретенное г-жою Гартвиг на средства, пожертвованные в самом начале войны Московской городской думой.

Исходя из мысли о том, что помощь бедному населению может быть плодотворной лишь при условии разностороннего обслуживания его нужд, мы, кроме того, решили открыть столовые, где бы раз в сутки бедняки получали горячую пищу. Нишское городское управление соста-

вило списки наиболее нуждающихся и особые карточки для права получения обедов. В четырех районах города были открыты столовые. Кроме того, близ вокзала было помещение, где всякий проходящий мог получать горячий чай. Кормление населения сослужило немалую службу в деле прекращения эпидемии, ибо среди беженцев немало было людей, несколько месяцев не имевших горячей пищи.

Разорение сербских сел и городов неприятелем выкинуло на произвол судьбы многие сотни детей, потерявших и кров и семью.

По инициативе епископа Досифея, комитет открыл приют, пользуясь помещением при церкви св. Николая на высоком месте на окраине Ниша. Сколько любви и заботы проявил владыка в этом деле. Разумеется, моя жена со своей стороны положила душу на это дело. Круглых сирот, человек 40, приютили в небольшом домике, который был наскоро отремонтирован, а свыше 150 человек было проходящих. Сначала приютом заведовала сербская учительница с двумя дочерьми. Но епископ Досифей находил, что следует внести и русский элемент. В Александрийском госпитале между сестрами нашлась некая сестра Лидия Арс[еньевна] Лебедева, которая пожелала попробовать свои силы. Она никогда раньше не занималась педагогической деятельностью, но внесла в свои занятия с детьми столько теплого и свежего чувства, что вскоре стала их общей любимицей. Под ее руководством дети удивительно скоро приобрели навык к русскому языку, отлично пели русские песни, некоторые могли вести разговор по-русски. Приют был нашим общим любимым детищем. Моя жена бывала там ежедневно; потом, когда она уехала, я почти каждое утро заезжал за епископом Досифеем и ездил с ним туда. Надо было видеть детскую радость этого милого чистого человека, его умиление детьми и удовольствие, что все так хорошо налажено и идет. Порой мы заставляли следующую картину: пленный офицер-чех, любитель-скрипач, обучал сербских детей русскому гимну.

Об этих пленных чешских офицерах стоит сказать несколько слов. Сербы взяли в плен до 700 австро-венгерских офицеров. Они жили в Нише в прекрасном помещении в большом парке. Все они делились на национальные группы, резко враждовавшие между собой, жившие каждая отдельно и пользовавшиеся даже отдельными кухнями. Чехов было свыше 40 человек. Между ними нашелся капельмейстер из Праги, образовавший из своих товарищей прекрасный хор и маленький оркестр. Главным зрителем над ними был сербский майор Шапинац, артиллерист по профессии, сильно контуженный при каком-то взрыве на заводе. Это был очень симпатичный и дельный человек. Пленным жилось прекрасно под его началом, и когда я посетил их, я только мог пожелать, чтобы нашим офицерам, попавшим в плен, жилось бы так же хорошо, как этим.

При содействии Шапинаца мы иногда приглашали чехов в наш госпиталь, где они задавали прекрасный концерт раненым. Но возвращаюсь к нашей работе.

Кроме детского приюта, была устроена детская санатория в окрестностях Ниша, в живописном монастыре Св. Петки¹⁰⁹. Туда посылали преимущественно туберкулезных детей и туда же ездили часто на отдых наши сестры. Все это было устроено, конечно, также при живейшем участии епископа Досифея, который возил нас показывать монастырь и приказал монахам предоставить нужное помещение. К весне эпидемия начала затихать. В это время приехал еще громадный госпиталь Александрийской общины в Москве, оборудованный на средства Терещенко. В нем было 6 докторов и 30 сестер, русские санитары. Госпиталь предназначался для борьбы с разными болезнями. Между тем, благодаря теплему южному солнцу, а также — предыдущей работе русской организации, в Нише число болезней сократилось, и можно только пожалеть, что он не приехал 4 месяца тому назад, когда смерть косила население.

Во главе госпиталя стоял прив[ат]-доц[ент] Спасский, его ближайшим помощником был д-р Рязанов. Оба были прекрасные доктора и милые люди с русской беззаветной готовностью к самоотвержению.

Деятельность нашего комитета сосредоточивалась преимущественно в Нише. Мы не хотели разбрасываться, тем более что в Сербию понаехали англичане, французы, американцы, все с громадными средствами и желанием помочь. Сербия была поделена на секторы, и мы оставили за собой Ниш.

Однако приток пожертвований деньгами и вещами был настолько велик, что нам удалось открыть в Белграде такие же столовые, как и в Нише, на средства, пожертвованные Петроградским городским комитетом. В Белграде было выдано свыше 130 000 обедов. Кроме того, мы послали вагон вещей и деньги нашим консулам в Скопье и Битоли и оказывали помощь серьезным сербским организациям.

Помимо того, были организованы 2 госпиталя, которые были отправлены в Черногорию. Один из них работал на фронте. В нем были неутомимые сестры Энгельгардт и Савримович, самоотверженно работавшие, невзирая на тяжесть условий, не покладая рук. Другой госпиталь был направлен в Дечанский монастырь, настоятель коего и братия были русские. Когда эпидемия там утихла, и выяснилось, что не стоит содержать целого госпиталя, в монастыре был оставлен один фельдшер и две сестры, которые работали там до завоевания монастыря австрийцами.

Вся эта громадная работа, совершенная русскими людьми, могла быть осуществлена только благодаря необыкновенной отзывчивости нашего Красного Креста и различных общественных учреждений, городов,

земств, союзов, от которых мы получали обильные пожертвования. Кроме того, нашлись и подходящие люди для осуществления этих задач. Некоторых я уже назвал. Скажу еще о подполковнике Новикове, который взял на себя всю организационную и хозяйственную часть дела Комитета.

Новиков был офицером Управления военных сообщений, служил комендантом станции Воронеж, до командировки своей в Сербию, куда был прислан для организации перевозки наших военных грузов из Западной Европы, через Салоники — Ниш — Дунай, откуда они шли на транспортах Веселкина.

Когда дело это было налажено, оно уже не требовало много времени. Все свободное свое время Новиков охотно отдал делу русско-сербской помощи. До него у нас весьма несовершенно была налажена денежная и материальная отчетность. Во все это Новиков внес порядок, распорядительность; подтянув кого следует, он сначала вызвал к себе нерасположение, но вскоре все, кому приходилось с ним работать, убедились в основательности и целесообразности его требований. Новиков скоро стал желанным, своим человеком в Московском госпитале. Его содействие для нас было неоценимо.

В Сербию приезжал также в качестве помощника главноуполномоченного нашего комитета Н. О. Езерский. Общественный деятель, в свое время увлекавшийся, член 1-й Государственной думы, Езерский был благороднейший и, в сущности, весьма благоразумный человек, давно расставшийся с увлечениями. Он не был практическим деятелем, необыкновенно быстро и много говорил, что вначале не располагало в его пользу, но потом, присмотревшись к нему, нельзя было не увидеть его ценных качеств и не почувствовать симпатии к его горячему и чистому желанию принести пользу.

Так как в Нише все было налажено, то Езерский поехал в Черногорию, куда по его инициативе и были посланы два госпиталя, а кроме того переведена некоторая денежная сумма на питание населения.

Я остановился несколько дольше на русской помощи Сербии, потому что вся эта страница моего пребывания в Нише согрета для меня особым теплым чувством. Все время мы пользовались самой широкой поддержкой нашего Красного Креста, городов, земств, общественных организаций. Волна сочувствия к страданиям и героизму сербов побудили массу врачей, сестер, студентов-санитаров предложить свои услуги. Подобралась молодежь симпатичная, горячо стремившаяся отдать себя на служение делу, между ними установилось самое теплое товарищеское общение. Были, конечно, и неизбежные трения, но они легко были улаживаемы и не нарушали общего настроения, которое поддерживалось такими отдельными прекрасными личностями, как женщины-врачи Семяннико-

ва, Марцинкевич и сестры Горяинова, Горбова, Родионова и др. Кроме того, большое удовлетворение доставляла совместная работа с сербами, которые научились ценить русских и считали наше дело своим общим.

Не могу не упомянуть также о том утешении, которое нам всем доставила возможность устроить при Московском госпитале домовую церковь. Представитель Славянского общества старик Н. Н. Лодыженский привез еще в начале войны походную церковь, которая лежала без употребления. Ее мы и использовали. Моя жена доделала очень удачно то, что недоставало; Великим постом церковь была освящена и в ней совершалось богослужение. Службы в нашей домовой церкви совершались с большим благоговением. На клиросе часто пели члены отряда. Постоянным гостем был диакон Соборного храма, прекрасный, милый человек, который чувствовал себя столько же русским, как и сербом. Так приятно было поговорить на Страстной неделе в своей церкви и встретить в ней Светлый Праздник.

Настоятелем был иеромонах с Афона, отец Епифаний. С ним вместе было несколько человек монахов. Среди последних был один совсем святой человек, о. Дорофей, который сначала самоотверженно работал в сербском госпитале, обмывая умерших от сыпного тифа, перед тем чтобы положить их в гроб. О[тец] Дорофей сам заболел тифом и был перевезен в наш барак, где, слава Богу, поправился и потом остался при русских учреждениях. Это был необыкновенно кроткий и смиренный человек, который искал всегда самой тяжелой и черной работы. Он ни за что не хотел садиться за стол с врачами и сестрами, хотя был посвящен в иеромонахи епископом Досифеем, оценившим его кроткий нрав. Все без исключения любили этого милого, святого человека.

Беззаветный самоотверженный идеализм был, однако, уделом не только монаха. Я не могу не припомнить одну фигуру, мельком прошедшую среди нас, но оставившую у всех неизгладимое воспоминание своей трагической судьбою.

В разгар эпидемии в Ниш приехал из Швейцарии русский врач Барабошкин. В смутные годы имя его примешалось к какому-то политическому делу. По существу, Барабошкин, по-видимому, ничего особенного не сделал, но он был замешан, — этого было довольно, чтобы сломать всю жизнь, выбросить его за пределы родины; и вот молодой прекрасно начинавший врач должен был бежать в Швейцарию. Не знаю, там или раньше он женился, обзавелся порядочной семьей. Денег нет, заработок в чужой стране нелегкий, к этому примешивалось тягостное нежелание жить на чужой милости и, по-видимому, грызущее чувство тоски по родине. Так невесело складывалась жизнь этого типичного русского интеллигента с ясной детской душой идеалиста.

Когда сербы начали вербовать врачей, Барабошкин, не углубляясь в условия работы, пошел, чувствуя потребность принести свой труд в общей великой войне. Он не подумал спорить, когда, попав в Сербию, он стал получать свое жалование динарами вместо значившихся в контракте франков, хотя это составляло около 40 процентов разницы не в его пользу, не стал спорить и тогда, когда его послали в маленький скверненький городишко Алексинац единственным врачом в больницу, где было 600 человек раненых и больных сыпным тифом.

Проездом в Алексинац, Барабошкин побывал в Московском госпитале у Сироткина. Последний из слов его понял, какой мечтой для него было бы попасть в одно из наших русских учреждений. Сироткин привел его к нам, и на нас также Барабошкин не мог не произвести сразу симпатичного впечатления. В его худой, тощей фигуре насквозь светился единственный в своем роде тип русского интеллигента-идеалиста. В то время свободного места у нас не было, да мне и не очень хотелось сманивать у сербов человека с нужного места. Однако я надеялся, что через некоторое время дело удастся устроить и в Алексинац можно будет найти заместителя.

Барабошкин уехал в Алексинац. Через месяц с небольшим его можно было оттуда вызвать. Он явился радостный, сияющий от возможности работать в русском учреждении. Он был у нас в восьмом часу вечера, потом пошел к Сироткину, играл вечером в карты, а около 11 часов вечера сам определил в себе начало сыпного тифа и отправился в наш заразный барак.

Все усилия врачей спасти его были напрасны. Организм был уже давно надломлен, сил не хватило. Все за короткое знакомство с ним возымели к нему самую теплую симпатию. Барабошкин умирал в кругу таких же русских идеалистов, как он сам. Может быть, это смягчило для него одиночество в смерти. Когда он скончался, мне принесли письмо на его имя от его жены, которое Сироткин решил вскрыть на случай, если бы понадобилось в связи с ним принять какие-либо срочные распоряжения. Ничего такого не оказалось, но письмо только глубже вскрыло всю драму разрушения идеальной семьи, которую несла за собой смерть бедного Барабошкина. Письмо его жены было проникнуто такой нежной любовью к нему, надеждой и гордым удовлетворением по поводу предстоящей ему работы наконец в русском учреждении. За сердце хватили письма детей, но даже сейчас, когда я его пишу, мне немного стыдно, — могу ли я в этих записках, хотя бы им и суждено было лишь через полвека быть прочитанными, сдернуть покров с этой страницы чужой интимной жизни, которую случай поставил на моей дороге.

Мир праху твоему, чистый, хороший русский человек.

Глава XI

В феврале 1915 года началась так называемая Дарданелльская экспедиция англичан и французов¹¹⁰. Впоследствии мой большой друг, кн[язь] Н. А. Кудашев, бывший начальником походной дипломатической канцелярии при Верховном главнокомандующем вел[иком] кн[язе] Николае Николаевиче, рассказывал мне, откуда родилась самая идея этой злосчастной экспедиции.

В одно время (в ноябре — декабре 1914 года) нам приходилось очень туго на Кавказе. Войск там было очень мало, турки предприняли обходное движение, и был момент, когда боялись, что придется очищать Тифлис. Тогда великий князь просил английского и французского военных агентов, которые при нем состояли для связи, телеграфировать своим правительствам, что желательно предпринять какую-либо диверсию против турок, все равно где, — в Смирне или в проливах, если они найдут это возможным. Наше положение на Кавказе, как известно, совершенно поправилось, и на Рождестве 1914 года мы праздновали блестящую победу под Сарыкамышем, где турки были разбиты наголову.

Великий князь успел забыть о диверсии, про которую говорил союзникам, но у англичан эта мысль запала в голову. Может быть, сам факт нашей блестящей победы над превосходными силами турок навел их на мысль, что то, на что нельзя рассчитывать с другими, можно достигнуть с такими противниками. Как бы то ни было, англичане загорелись желанием предпринять форсирование проливов. Они предложили французам послать также свои суда, на что последние согласились, по-видимому, без всякого энтузиазма и только для того, чтобы не отделяться от союзников.

Первые действия союзного флота произвели сильное впечатление на Балканах и, казалось, предвещали быстрый и блестящий успех. В начале марта через Ниш проехал наш морской офицер Смирнов, который в Салониках должен был сесть на военное судно и отправиться к Дарданеллам, дабы служить для связи с нашим Черноморским флотом, пользуясь, разумеется, обходным телеграфным путем. Вскоре он проехал обратно и утверждал, что форсирование проливов есть вопрос нескольких недель. С нашей стороны в действиях против проливов участвовал только крейсер «Аскольд», которому удалось отличиться.

В это же приблизительно время я получил от Сазонова телеграмму, в коей говорилось, что взятие Константинополя считается близким делом и что в этом случае я предназначен быть верховным комиссаром, со стороны России, вместе с такими же французскими и английскими комиссарами.

С самого начала Дарданелльской экспедиции я, разумеется, с непрекращающимся волнением следил за ее развитием. Меня очень удивляло это предприятие, я не мог понять, как оно может считаться осуществимым; однако трудно было оставаться скептиком в присутствии общего доверия к близкому торжеству союзного флота. Я был тем более обрадован частным письмом Сазонова, незадолго до того сообщавшим мне, что союзники согласились на завладение Россией Константинополем и проливами на известных условиях.

Получив телеграмму, я тотчас ответил выражением благодарности, что меня приобщают к такому делу, и готовности отдать за него свои силы.

Неделю спустя я получил по почте целый пакет с обменом телеграмм, заявлений и нот, относящихся к этому делу, а также с бумагой, в коей говорилось, что штат моих будущих сотрудников уже намечен и что мне нужно быть готовым к выезду через Салоники в ту минуту, когда обстоятельства того потребуют.

Когда я прочел присланные мне документы, мое радостное настроение значительно поубавилось. Согласие союзников на завладение нами Константинополем и проливами было, конечно, блестящим дипломатическим успехом, но союзники дали почувствовать цену своей уступки.

Для меня несомненно, что в этом деле громадным фактором было существование Государственной думы. Единодушно выраженное нашими депутатами убеждение в необходимости приобретения для нас проливов было неоспоримым аргументом в руках нашей дипломатии. В свою очередь, союзники поняли, что нам невозможно в этом отказать, не рискуя обесцветить смысл всей войны в глазах громадного большинства мыслящей России. Англичанам это открытие было неприятно, но они приняли его с тем здравым смыслом и порядочностью, которая их отличает, и заявили нам, что готовы признать за нами соответствующие права. К сожалению, французы долго мешкали с таким же заявлением и сделали его, лишь когда увидели, что после согласия англичан приличие не позволяет дальнейшего молчания. Однако они обставили свое согласие целым рядом условий и оговорок.

Константинополь должен был перейти в окончательное владение России лишь после окончания войны и когда союзники получат каждый то, на что он рассчитывает. До окончания войны управление Константинополем должно осуществляться втроем. Кроме того, французы тщательно ограждали все свои права и интересы финансовые, экономические и культурные в Константинополе. Им же принадлежал проект временного управления турецкой столицей тремя комиссарами на равных правах, причем каждая держава получала известный район для

временного занятия своими войсками: мы должны были занимать верхний Босфор и Фанар¹¹¹, где было местопребывание Вселенской Патриархии, французы занимали Перу, англичане, кажется, — Стамбул и Принцевы острова.

Для меня сразу же представилось тяжелое, если не безвыходное, положение, которое мне предстояло. Участвуя в управлении на равных правах с англичанином и французом, я рисковал оставаться всегда в меньшинстве, ибо интересы двух западных держав, которым не предстояло навсегда оставаться в Константинополе, были по существу в противоречии с интересами России; ведь последняя не могла не смотреть на временное положение, как на переходное к окончательному своему утверждению на проливах. Мне казалось, что наши союзники вправе требовать ограждения своих интересов, и что мы должны предоставить им в этом отношении полное обеспечение, но что разница положения представителя России и двух других держав должна быть установлена именно в этом отношении: русский комиссар должен быть признан как представитель новой верховной власти в крае, француз и англичанин должны быть сведены к роли защитников интересов своих правительств.

Я поспешил телеграфировать в этом смысле в Петроград и одновременно настаивал на необходимости туда приехать для личного обмена мнений с правительством и для образования штата сотрудников, по собственному выбору. Кроме затруднений международного характера, я опасался конфликтов между компетенциями военной и гражданской власти, а также разногласия между ведомствами. Со своей стороны, я твердо решил не принимать места, не уверившись, что я буду объединять на месте русскую правительственную власть. Я писал в Петроград, что если чиновник другого ведомства начнет вести свою политику, я в тот же день посажу его на пароход и отправлю в Россию, а что если это не понравится, то готов потом сам уехать со следующим пароходом.

Приезд в Петроград ставился мной как непременно предварительное условие, без которого я не считал возможным принять место. Мне отвечали, что я не успею, что тем временем Константинополь будет взят. Я ответил, что в таком случае прошу искать другого кандидата. Не получая нового ответа, я думал, что вопрос исчерпан и моя кандидатура снята, когда через Ниш проехал, направляясь к своему посту, новый посол в Риме М. Н. Гирс. По моей просьбе, он на сутки остановился в Нише. Из его слов я понял, что в Петрограде все еще рассчитывают, что я приму предложенный пост. В результате мне пришлось вновь подтвердить, что до приезда в Петроград я не могу дать никакого ответа. В результате Штрандмана поторопили возвращением, а я выехал из Ниша в самом начале мая.

В Петрограде мне пришлось убедиться, что основные условия, при коих состоялось согласие союзников на завладение нами Константинополем, формально нами приняты и не могут подлежать пересмотру. Исходя из этого невозможного принципа кондоминиума трех держав (на время до заключения мира), приходилось изыскивать способы, при коих можно было бы хоть несколько сократить трения и по возможности обеспечить себе наши интересы.

Мы принялись за работу вместе с А. М. Петряевым, в то время числившимся номинально генеральным консулом в Албании и прикомандированным к министерству. В общем была намечена следующая схема: три комиссара представляют совместно верховное управление. Исполнительная власть осуществляется подчиненным им советом директоров отделов — внутренних дел, юстиции, финансов, торговли, просвещения, культов. Посты директоров финансов и торговли мы соглашались отдать англичанам и французам, оставляя за собой внутренние дела и юстицию.

Наш проект, по-видимому, так и не получил движения в силу обстоятельств, и этому не приходилось огорчаться, ибо, получи мы Константинополь из рук союзников, мы были бы связаны по рукам и по ногам множеством сервитутов и стеснений. Но в то время мы не могли этого знать, и поэтому естественно, что все эти вопросы волновали и озабочивали меня.

Еще из Ниша я прислал в Петроград записку по вопросу о нашем отношении к Вселенскому Патриарху при занятии Константинополя. В Петроград я написал еще другую об общем нашем отношении к новому будущему владению. Сущность обеих записок сводилась к следующему.

Ввиду многочисленных оговорок и стеснений, коими наши союзники обставляли временное положение Константинополя до заключения мира, нам всего лучше было стремиться к возможному сохранению в то время *status quo* и не допускать стеснительных для нас в будущем нововведений. Такая постановка дела отвечала и характеру тех интересов, которые представлялись для нас и в будущем наиболее существенными. С точки зрения государственной, владение Константинополем было важно для нас главным образом в военно-морском отношении. Нам необходимо владеть проливами. Этот интерес требовал всецелого удовлетворения. Поэтому надлежало прежде всего выделять крепостной район на проливах и его подчинить военно-морскому управлению. Что касается внутреннего района Константинополя, то ввиду его пестрого населения и многочисленных международных интересов мне представлялось наиболее желательным по возможности сохранить его самобытную физиономию и оставить за собой лишь общее

наблюдение за управлением, привлекая к непосредственному участию в нем туземные элементы. Кроме того, мне казалось желательным сделать в Константинополе *porto franco*¹ в целях удержания за этим городом его значения громадного транзитного и складочного пункта между Европой и Малой Азией. Избегая искусственной русификации, я считал в то же время желательным сделать все зависящее, чтобы по возможности ускорить ликвидацию финансовых интересов наших союзников.

Что касается церковного вопроса, то, приступая к нему, я крайне опасался упрощенных решений в националистическом вкусе среди наших иерархов. И в самом деле, мне приходилось слышать, будто в Синоде раздавались голоса, что Вселенский Патриарх может вслед за султаном уехать в Конию, а в Константинополь следует послать русского архиепископа. Не могу поручиться за справедливость слухов о столь невежественных предположениях, но ожидать всего можно было.

Лично я исходил из убеждения, что Константинопольская Церковь, от которой мы в свое время получили крещение, должна сохранять полную самостоятельность, что мы должны прийти в Константинополь, как освободители от ига иноплеменных, и не заменять его опекой, которая душила бы. Нам предстояло на первых же порах успокоить Вселенского Патриарха. Обеспечивая его материально, мы тем самым освободили бы его от тяжелой под час зависимости от греческого светского элемента, в лице местных банкиров и адвокатов. Кроме того, мне казалось, что после завладения нами Константинополем в значительной степени должны были отпасть политические вождедения эллинизма, пользовавшейся патриархией, как орудием: Россия в Константинополе — это было окончательное крушение притязаний эллинизма на этот город. Для сношения между русской и Константинопольской церквами можно было восстановить существовавшее в первые века христианства учреждение апокрисариев — епископов в должности духовных представителей одной Церкви при другой. Присоединение Константинополя должно было получить громадное влияние на всю нашу внутреннюю церковную жизнь, ибо раз в пределы Российской империи включалась независимая Православная церковь, то мы не могли не раскрепостить своей собственной Церкви от влияний и вмешательства светской власти. Кроме того, трудно было предположить, чтобы факт включения епархии Вселенского Патриарха в пределы Российской империи не вызвал восстановления и в нашей Русской церкви патриаршего престола, ибо иначе в сношениях между представителями обеих Церквей не было должного равенства положений.

¹ *Porto franco* (итал.) — свободный порт, порт (или некая зона), пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

Теперь, когда я пишу эти строки¹, все это кажется прекрасной, но почти поблекшей мечтой. Суждено ли ей осуществиться? Весь смысл войны для нас по-прежнему мучительно сосредоточен в этом вопросе. Во всяком случае, хотя бы для истории данного момента, может быть, эти воспоминания не утратят своего интереса.

В Петрограде мне не пришлось выдерживать никакой борьбы с теми представителями правительства, которых я видел, для отстаивания своей точки зрения. Во-первых, никто из наших министров не имел определенного представления о Константинополе; во-вторых, в то время намечалась уже «министерская чехарда», по меткому выражению депутата Пуришкевича. Никто не чувствовал прочности своего положения. Ко всему этому присоединилось наступившее резкое ухудшение в наших военных делах, когда получение Константинополя, хотя бы из рук союзников, представлялось чрезвычайно проблематичным.

Все же раз я предназначался на это дело, что мне казалось, что желательно обеспечить себя возможными гарантиями, если бы провидению угодно было осуществить мечту. Две мои записки были посланы Государю. Накануне своего выезда в Сербию через Ставку великого Князя, я был принят Государем в продолжительной аудиенции. Государь сказал мне, что в общем разделяет высказанные мною соображения, что он и пометил на самой записке об управлении Константинополем. Совершенно так же высказался он и по церковному вопросу, не допуская возможности посягать на самостоятельность патриархии. Когда я обратил его внимание на неизбежные последствия этого для нашей внутренней церковной жизни (восстановление патриархата), он с живостью перебил меня: «Ну что же, и тем лучше, это только хорошо».

Я сказал, что перед отъездом полагаю быть в Ставке, представиться великому князю Главнокомандующему, ввиду необходимости согласовать действия военной и гражданской власти. Государь отозвался на это с полным одобрением.

В тот же день вечером я выехал из Петрограда в Ставку. Ставка в то время находилась на станции Барановичи. Меня выехал встретить мой старый друг Кудашев. У него я и остановился, в небольшом опрятном домике, где помешалась дипломатическая канцелярия. В таких же деревянных домиках были размещены различные управления и квартиры состава штаба. Немного более просторный деревянный дом был отведен под офицерское собрание, куда меня повели завтракать. Мне очень понравилась простота и деловитость, которые чувствовались среди людей, с которыми мне пришлось иметь дело. В собрании было, ме-

¹ Октябрь 1916 г. — Примеч. автора.

жду прочим, вывешено запрещение рукопожатий под угрозой штрафа. Я особенно это оценил в жаркие июльские дни, стоявшие тогда.

Днем мы побывали с Кудашевым у начальника штаба ген[ерала] Янушкевича и генерал-квартирмейстера Данилова. Я знал раньше и того и другого, мне приходилось иметь с обоими деловые отношения.

Янушкевич заменил Жилинского на месте начальника Генерального штаба весной 1914 года¹¹², т[о] е[сть] всего за несколько месяцев до начала войны. Раньше того он был начальником Академии Генерального штаба. Он выдвинулся и сделал блестящую карьеру, как я думаю, совершенно случайно, понравившись Государю, когда встречался с ним на полковых праздниках. Если он чем мог понравиться, то это вкрадчивой готовностью к услугам (качество, благодаря коему у нас были министрами и Сухомлинов и Маклаков). Великий князь Николай Михайлович прозвал его «дамой, приятной во всех отношениях». Впрочем, достигнув власти, Янушкевич остался приятен не со всеми. Он необыкновенно ревниво охранял свое положение и все подступы к великому князю. Великий князь видимо сам строго держался правила никакого дела и лица не пропускать, минуя Янушкевича. По существу нельзя было ничего возразить против правильности такого порядка ведения дела. Единственным, но существенным возражением была личность самого Янушкевича. В военных делах, по-видимому, он был совершенно несведущ, а в общих вопросах обнаруживал несомненную ограниченность и узость кругозора. По отношению к союзникам он применял упрощенные мерки. В его глазах англичане и французы были просто «мошенники, перелагавшие на нас всю тяжесть войны». Он мне так прямо и сказал теперь в Ставке. Наше министерство во главе с Сазоновым он ненавидел. Это было взаимно и не способствовало пользе дела и объединению взглядов и целей.

Едучи в Ставку, я был озабочен одним вопросом, который хотел выяснить. Я слышал, что в Одессу был послан старый генерал барон Каульбарс с поручением сформировать себе штаб и начать изучение и подготовку возможного похода на Константинополь, с тем чтобы стать во главе отряда, который будет для этого предназначен. О Каульбарсе я слышал как о человеке, сохранившем до старости лет юношески смелую отвагу, но в то же время ограниченном. Весь вопрос о нашем участии во взятии Константинополя казался мне столь мало разработанным и столь легковесно обсуждаемым, не говоря уже о том, что я не представлял себе, как могут у меня сложиться деловые отношения с таким самодуром, если Константинополь был бы взят. Но как касаться столь щекотливого вопроса с военными при их болезненно ревнивом отношении ко всему? Я подошел с националистической струны, сказал Янушкевичу,

что в силу моих разносторонних общественных связей мог проверить настроения в самых различных слоях общества и всюду убедился, что вопрос Константинополя и проливов считается самым ценным для нас в этой войне. Поэтому мне казалось существенным подходить с особой осторожностью к выбору лиц, коим будет поручено осуществление великой исторической нашей задачи. Что же скажут в России, если Константинополь поручено будет брать немцу барону Каульбарсу? Разве не довольно другого немца адмирала Эбергарда, которого в силу только его фамилии уже упрекают в измене? Мои слова произвели неожиданное для меня впечатление. Янушкевич стал уговаривать меня, расписывая качества Каульбарса (который, кстати сказать, чуть ли не был с ним в свойстве). Между прочим, думая, что для меня это послужит важным аргументом, он сказал мне, что Каульбарс наверное легко согласится пускать меня первым подходить к кресту. — Я стоял на своем.

После Янушкевича мы были у Данилова. Этот был конечно много выше Янушкевича. Данилов («черный», как его звали, в отличие от «рыжего» [Николая Данилова] и еще какого-то другого Данилова¹) был фактически главным заправилком в Ставке. Он был бесспорно знающий и неглупый человек, но теоретик, человек кабинетный, который все же был не на месте, ибо для главного руководителя войной требовался иной размер дарований и личности. Между тем Данилов был золотой посредственностью. С ним было, однако, приятнее иметь дело, потому что он говорил просто, ясно и по существу. На счет Каульбарса он был совершенно отрицательного мнения.

За час до обеда я был принят великим князем, который жил в вагоне, весьма просто обставленном. Со мной вошел и оставался во время беседы Янушкевич. Великий князь произвел на меня самое лучшее впечатление. Все, что он говорил, было спокойно и разумно. Между прочим, он сказал мне, что Янушкевич доложил уже ему мои соображения о вышем командовании и что они будут в свое время приняты во внимание, что пока Каульбарс останется в Одессе, но когда придет время, он будет заменен. Кроме того, великий князь сказал, что понимает, насколько важно для нас получить Константинополь не всецело из рук союзников, как их подачку, и что он сделает все возможное и даже невозможное, когда настанет минута, чтобы наши силы были на высоте задачи. Он считался с трудностями предстоящей мне задачи и необходимостью не осложнять ее прениями между гражданской и военной властями.

В общем, в деловом отношении я мог быть доволен пребыванием в Ставке, если б не одно обстоятельство, которое до известной степени

¹ Имеется в виду генерал-лейтенант А. В. Данилов (прозв. Данилов-белый).

влияло на уступчивость военных. В это время дела наши шли плохо. Данилов не скрыл от меня, что Варшаву, может быть, нам придется отдать. В перспективе была уже тогда, несомненно, необходимость отступить и отступить. Вот почему разговор о Константинополе был окутан туманом.

Прощаясь со мной, великий князь пригласил у него отобедать. Великокняжеский поезд стоял в сосновом лесу на запасном пути. Против него была разбита нарядная юрта, подаренная киргизами. В нескольких шагах оттуда под большим навесом на деревянных столбах были расставлены маленькие столики на четыре человека, где обедали приглашенные и свита, человек до 40 или 30. Сам великий князь сидел за столом с Янушкевичем и протопресвитером армии и флота отцом Шавельским. К этому последнему Кудашев сводил меня вечером. Я в нем нашел чрезвычайно симпатичного, умного, искреннего священника. Он имел, как говорили, довольно большое влияние на великого князя и отчасти на Государя.

Обед был очень простой. На каждом столе были бутылка белого и бутылка красного вина. Другого не давалось. Разговор шел отдельный за каждым столом, только изредка великий князь перекидывался с кем-нибудь словом. После обеда все сразу опустело и я вернулся к своему милому хозяину Кудашеву.

В общем, впечатление людей, мною виденных, было добропорядочное, но, конечно, живой первостепенной силы, которая все это объединяла бы, не было. Тщетно было искать личность, которой хоть сколько-нибудь была бы по плечу роль, навязанная историей. Еще скорее великий князь, хотя, может быть, и не очень умный, но с рыцарской душой и способный не бояться ответственности, был единственной фигурой, на которой при всех его недостатках можно было с уважением остановиться, будь у него другой начальник штаба. К сожалению, Янушкевич в значительной степени парализовал качества великого князя.

Глава XII

На следующее утро я с поездом, в котором догнала меня жена, покатил дальше. Мы переночевали в Киеве и доехали до Бухареста. В общем, в Бухаресте была все та же картина веселого, беспечного города, сброда аферистов, шпионов, кокоток, шумной ярмарки с распродажей оптом и в розницу муки, керосина, чести и всего вообще, за что можно сорвать деньги.

Благодаря порче пути мы с большим опозданием проехали через Софию и на вокзале пробыли не больше четверти часа. Встретивший

нас там Савинский¹ обещал приехать на этих же днях в Ниш. Нам нужно было обо многом договориться ввиду предстоявшего снова выступления держав, имевшего целью произвести наконец сдвиг на Балканах.

Общее положение в это время складывалось следующим образом. После очень долгих переговоров Италия наконец объявила войну Австрии в середине апреля 1915 года. Выступление дало повод сильному волнению в Сербии, благодаря слухам о чрезмерных притязаниях римского кабинета и о том, что ему удалось добиться согласия наших союзников и нашего на отдачу многих чисто славянских областей. Пашич сильно роптал на то, что ему не нашли нужным и возможным сказать об этом ни слова. В свое время, когда через Ниш проезжал Гирс^{II}, я воспользовался его кратким пребыванием, чтобы свести его с королевичем [Александром] и Пашичем, чтобы дать им некоторое удовлетворение и, в то же время, ознакомить его с сербскими желаниями. Раздражение против итальянцев выливалось в самой резкой, часто неприличной форме. Только благодаря такту осторожного барона Сквитти мелочные уколы и неприятности, которые ему делались на каждом шагу, не были раздуты им до размера инцидентов, способных испортить международные отношения. Раздражение против Италии переносилось и на союзников, и на Россию, с столь легким сердцем торговавших сербскими интересами.

Понятно, что все это не расчищало почвы для новых требований о крупных уступках в пользу Болгарии, с которыми державы думали обратиться к сербам. Переговоры с Италией велись настолько секретно, что их окончание было неожиданностью для всех и в первую очередь для Румынии. С начала войны между Бухарестом и Римом установилось, казалось, самое близкое единение. Нейтралитет, объявленный Италией, имел сильнейшее влияние на Румынию, решившую последовать тому же примеру. Влияние итальянского посланника в Бухаресте было несомненно. В Румынии сложилось убеждение, что обе державы одновременно оставят свой нейтралитет. Сам Братиано держался того же мнения, и для него было известной поддержкой чувствовать солидарность взглядов и интересов с Италией.

Вот почему он был неприятно озадачен, когда узнал о выступлении Италии, как о совершившемся факте. Он был не прочь также выступить, но не желал поступиться ни малейшей выгодой, которую можно выторговать; поэтому он поставил ценой своего выступления не только всю Трансильванию, но и всю Буковину и весь Банат, так чтобы будущая граница с Сербией шла по Дунаю.

^I Посланник в Софии. — Примеч. автора.

^{II} М. Н. Гирс — в то время посол в Риме. — Примеч. автора.

Перед моим отъездом из Сербии в Россию Пашич не раз говорил мне, что не будучи осведомлен о притязаниях румын, он очень озабочен ими и надеется, что хоть в этом вопросе голос сербов будет услышан. Я получил из Петрограда тогда же разрешение сказать ему, что национальные интересы сербов будут приняты во внимание в переговорах с румынами.

Между тем наши союзники все сильнее и сильнее наседали на нас, чтобы добиться от нас уступок в пользу румын, выступлению коих придавалось преувеличенное значение. Наши дела шли в это время, все ухудшаясь. Только что полученное от союзников принципиальное согласие на завладение нами в будущем Константинополем было все время как бы укором и побуждением нас к уступчивости. Вообще считалось, что Константинополь настолько перевешивал чашу весов, что на другую приходилось нам бросать немало уступок. Таким путем от нас исторгли согласие на все, чего требовала для себя Италия, а теперь вымогали такое же согласие на притязания Румынии.

К сожалению, мы усвоили себе самую плохую тактику в этом вопросе. Мы цеплялись за мелочи, соглашаясь на главное. Время шло. У Румынии все меньше оставалось охоты выступать, по мере того как наши неудачи усиливались. Между тем она не прочь была хотя бы, в принципе, добиться от нас уступок в полном размере, оставляя за собою, сообразно обстоятельствам, право определить момент выступления. В этом торге мы запродали и Буковину и Банат, до Дуная, не добившись фактически того выступления Румынии, которое важно было именно в данный момент, а вовсе не вообще и не при всяких обстоятельствах.

В этих переговорах с Румынией лишний раз обнаружился, к сожалению, недостаток единения и близости между Ставкой и министерством. Уезжая из Петрограда, я не знал еще, чем кончатся переговоры. Видя, что мы стали на плоскость уступок, с которой не сойдем, я высказывался в том смысле, что пусть мы дадим румынам, что они требуют, но лишь ценой их немедленного выступления. К сожалению, именно это последнее условие не могло быть достигнуто.

Вскоре мне пришлось уже на личном опыте убедиться, что значило вести переговоры вчетвером.

Еще в то время, как я находился в Петрограде в мае месяце, державы снова повторили совместное представление в Нише и Софии. Сербам было предъявлено требование передать в руки держав полномочие сделать Болгарии за ее счет территориальные уступки в размере, который потребуются обстоятельствами, дабы достигнуть немедленного выступления Болгарии на нашей стороне. Державы не скрывали от Пашича, что под этой общей формулой они разумели Македонию в пределах

договора 1912 года. За это Сербии обещалось в весьма общих выражениях приобретение при заключении мира обширных территорий с выходом к Адриатическому морю. Пашич категорически отклонил требование держав, добавив, что в случае их настойчивости он уйдет в отставку, но что едва ли в Сербии кто-либо согласится принять на себя ответственность за подобные уступки. Представление держав в Софии также не произвело ожидавшегося эффекта, и болгары запросили разъяснений. Так на этом дело пока остановилось, но наши союзники, в особенности англичане, решили довести его до конца.

В Англии росло сильное недовольство против всего, что принято было до тех пор на Балканах. Морская катастрофа, стоившая нескольких броненосцев союзникам, только еще сильнее подчеркнула неудачу всего замысла форсировать проливы, — неудачу, стоившую уже десятки тысяч жизней. В Англии все определеннее складывалось убеждение, что без привлечения Болгарии на нашу сторону все предприятие должно рухнуть. Ставился даже срок — до начала осенних ветров, при коих движение судов, снабжающих десантную армию, должно было крайне затрудниться. Кроме того, в Англии были очень сильны традиционные симпатии к болгарам. Права последних на Македонию признавались непререкаемыми. Англичане сильно упрекали свое правительство в слабости и неумении добиться своего на Балканах.

Во главе оппозиции стояла «Times». В конце концов, чувствуя свое положение шатким, Грей решился на совершенно небывалую меру. На Балканы был послан с официозной миссией бывший редактор «Times»'а Валентин Чироль, блестящие корреспонденции коего из Индии, Дальнего Востока и других мест стяжали ему весьма авторитетное имя. Я раньше познакомился с Чиролем во время поездки делегации английских общественных деятелей в Россию, если не ошибаюсь, в 1911 году и восхищался его статьями в «Times».

Чироль прибыл на Балканы с секретарем из Foreign Office'a¹. Он сносился шифром о Греем, и вся его поездка носила открыто официозный характер. Он проехал в первый раз через Ниш в Софию и Бухарест еще до моего возвращения из России. Я увидел его впервые уже после того, как он на местах набрался впечатлений и обменялся взглядами с руководящими деятелями. Он завтракал у меня, и мне пришлось не раз беседовать с ним об общем положении. О Дарданельской экспедиции он говорил с нескрываемым раздражением и сказал мне, что она была затеяна «с преступным легкомыслием». Было ясно, что так или иначе ан-

¹ Форин Офис — внешнеполитическое ведомство Великобритании; скорее всего имеется в виду Нил Примроуз, парламентский унтер-секретарь Форин Офис.

гличане хотят выйти из тупика, в который зашли, и что они для этого на все готовы. Однако впечатления с мест не сделали Чиролья оптимистом. Из разговоров с Пашичем и наследником он убедился, что добром добиться от них уступки не удастся. С другой стороны, и в болгарях он встретил мало готовности откликнуться на предложения держав и, по-видимому, понял, что корень затруднений вовсе не в одних сербах. Он был настолько умен и порядочен, что признался мне в том, что иначе представлял себе дело и что не знает, что в конце концов выйдет из всей этой каши, которую он, однако, сам, если не заварил, то помог заваривать.

В двадцатых числах июля представители держав Согласия снова получили предписание сделать совместное энергическое представление Пашичу о необходимости уступить Македонию в пределах договора 1618 года. В тексте представления говорилось о громадных жертвах, понесенных союзниками в войне, предпринятой, между прочим, за сохранение независимости Сербии. Сербия должна признать и для себя необходимость жертв для достижения общей цели.

Привлечение Болгарии представлялось существенным фактором; между тем без значительных компенсаций в ее пользу не только нельзя рассчитывать на это содействие, но можно опасаться такого рода действий Болгарии, которые серьезно угрожали бы как общему положению, так и в особенности Сербии. В силу этих соображений союзники признавали себя вынужденными требовать от Сербии согласия на уступку по окончании войны бесспорной зоны Македонии Болгарии, если последняя немедленно окажет вооруженную поддержку союзникам. Последние высказывали готовность обязаться перед Сербией, что она получит за это по заключении мира на Адриатическом море, в Боснии и Герцеговине и в иных местах, обширные компенсации, которые вполне удовлетворят наиболее важные политические и экономические ее вожеления. Уведомляя о своем решении довести до сведения Болгарии о компенсациях, которые она получит как в Македонии, так и во Фракии и других местах по окончании войны, союзники добавляли, что Сербия, в свою очередь, получит то, что ей обещано, лишь при условии, что она не будет препятствовать компенсациям Болгарии. Нота заканчивалась обещанием, что «во всяком случае между Сербией и Грецией будет сохранена общая граница».

Ознакомившись с текстом заявления за три дня до вручения его Пашичу, я телеграфировал в Петроград, что наше выступление, на мой взгляд, заранее обречено на неудачу, ибо державы почти ничего не прибавили к тому, что ими было уже оказано в мае. Мне казалось, что единственный шанс успеха заключался в точном определении тех компенсаций, на которые может рассчитывать Сербия. Мой взгляд опирался на

беседу, которую я имел с Иовановичем, который определенно высказался в этом смысле. Со своей стороны я, конечно, делал все, что только мог, чтобы убедить сербов в необходимости уступки, хотя и трудно было надеяться, что это может удасться.

23 июля мы все четыре посланника по очереди перебивали у Пашича для вручения ему заявления. Я всегда говорил с ним с полной откровенностью и в данном случае не изменил этой привычке. В дружеской, но твердой форме я сказал ему, что отказ на наше требование создаст для него ответственность, гораздо более серьезную, чем та, которую он опасается принять, выразив согласие. Дело идет о будущем Сербии и ее отношений с Россией. Я повторил ему то, что уже говорил Иовановичу, а именно, что надо отдать себе ясно отчет в том, каких жертв требует война от каждого союзника. Аргументы племенных прав, сентиментальные соображения — все это должно ступать перед законом железной необходимости, который правит войной. Если в этой беспримерной войне, начатой из-за Сербии, последняя откажет России в жертве, которая в конце концов необходима для тех же сербов, — ибо они более всех заинтересованы в сдвиге Болгарии, — то какое же оправдание будет иметь для нас союз с Сербией? Ведь не правы ли окажутся те, кто скажут, что Сербия сама доказала свою бесполезность для России. Пашич был крайне взволнован, но, как всегда, сдержан. Он ответил мне, что сознает, что для Сербии стоит вопрос жизни и смерти, но что лучше с честью погибнуть, чем идти на самоубийство. По его мнению, требование держав едва ли окажется возможным удовлетворить, однако вопрос требовал обсуждения с министрами, вождями партий, королем [Петром I] и наследником [королевичем Александром].

На следующий день, утром 23 июля, Пашич пришел ко мне сказать, что он вместе с министрами выезжает в Крушевац к наследнику и в Тополу к королю, чтобы обсудить заявление держав. Он сказал, что, не предрешая результата совещания, он считает главными элементами при обсуждении следующие вопросы: 1) определение компенсаций, на которые может рассчитывать Сербия, столь же точное, как и определение жертв, которые от нее требуют; 2) признают ли державы договорную линию 1912 года как *sine que non*¹, или она может быть изменена? и 3) что разумеют державы под общностью границы между Сербией и Грецией, каково будет протяжение этой границы и где она намечается?

Я ответил, что, разумеется, немедленно по телеграфу передам его вопрос, равно как и просьбу его поскорее на них ответить; лично я убежден, что договорная граница, к сожалению, не может быть изменена,

¹ Необходимое условие (лат.).

в остальных же вопросах Россия постарается сделать все, что может для Сербии. Пашич, видимо, старался смягчить впечатление беседы накануне, когда ему трудно было совладать со своей горечью. Он мне сказал, что во всяком случае все, что сделает Сербия, она сделает только для России, и что глубокие связи о нами познаются в тяжелые дни сильнее, чем в дни благополучия. Его больше всего интересовали вопросы об определении побережья, которое отойдет Сербии в Далмации и Албании, а также размежевание в Банате. Он надеялся, что соглашение с Румынией еще не подписано нами, ибо без обеспечения Белграда сербская держава была бы лишена устойчивости. Он упоминал Бачку и Сирмию, Хорватию и горько жаловался на Италию.

Поездка министров не сразу состоялась. Вместо того в Ниш прибыл престолонаследник [Александр] с помощником начальника своего штаба Живко Павловичем, который был фактически почти полным руководителем армии ввиду болезненного состояния генерала Путника. После совещания с военными и министрами, Пашич видимо стал озабоченнее. Он особенно настаивал на том, что линия 1912 года не может быть принята без изменения. Впрочем, он не говорил последнего слова, ожидая ответа на поставленные им вопросы.

Мои иностранные коллеги собирались у меня ежедневно. Мне удалось убедить их телеграфировать своим правительствам в одинаковом смысле, настаивая на необходимости скорейшего точного определения сербских компенсаций, при том таких, которые говорили бы воображению сербов. Серьезная общая граница Сербии с Грецией могла бы быть достигнута только разделом между ними Албании, за вычетом Валлоны^I с приземельем в пользу Италии. Далее необходимо было обещать Боснию и Герцеговину с прилегающим побережьем, Сирмию^{II}, Бачку, Славонию и Хорватию с побережьем. Весьма сложным представлялся вопрос о Банате, ибо нам не было точно известно, уступлен ли уже он весь безвозвратно румынам. В этом случае представлялось важным сообщить хотя бы о результате, достигнутом этой ценой, ибо сербы придавали большое значение выступлению Румынии. В моих телеграммах в Петроград я высказывал убеждение, что если державы не в состоянии будут, благодаря упорству Италии, предоставить Сербии точное определение указанных выше компенсаций, то сербское правительство, со своей стороны, не сможет, даже если б того хотело, согласиться на требование держав, ввиду настроения армии и широких общественных кругов.

^I Имеется в виду Влёра, город на юге Албании.

^{II} Имеется в виду область Срем в Сербии между Дунаем и Савой.

В самом деле, вопрос стоял очень просто: у Сербии требовали уступки принадлежавшей ей области, за которую было пролито много сербской крови. Уступка эта была вполне реальной. Между тем взамен ее делались обещания, самые туманные, на счет областей, которые еще требовалось завоевать и в которых сталкивались интересы Италии с интересами Сербии. Между тем вопрос шел не только о заманчивости крупных земельных приобретений, но и о племенном объединении южного славянства. Кроме того, Сербия не могла без тревоги смотреть на то, какие невозможные государственные границы сулили ей державы Согласия. В самом деле, на юге совместная граница с Грецией, которой особенно дорожили оба эти государства, как обеспечением против Болгарии, представлялась в виде узкого коридора, окруженного с обеих сторон враждебными элементами. Все стратегическое значение подобной границы сводилось к нулю. Далее, граница с Болгарией, согласно договору 1912 года, по мнению Пашича и военных сербских кругов, представлялась совершенно неудовлетворительной.

Правда, в этом вопросе аргументы сербов страдали одним коренным недостатком: они не могли не признать, что на эту самую границу они в свое время добровольно согласились, заключая договор с Болгарией. Я неоднократно отмечал это Пашичу. Последний возражал, что лично он никогда не хотел принимать ответственности за эту границу и что определенно заявил это покойному Миловановичу, который был главой Кабинета и руководителем переговоров с Болгарией во время заключения договора. Перемена лица, конечно, не могла развязывать государственную власть от принятого на себя обязательства; однако с тех пор договор был разорван по вине самой Болгарии, и сербы могли ссылаться на то, что факты подтвердили их убеждение в необходимости более прочных обеспечений против вожелений Болгарии.

Далее, отдача всего Баната румынам особенно больно отозвалась на сербах. Вся история их отношений с Австрией сложилась под вечной угрозой со стороны последней Белграду, и вдруг вместо этой старой угрозы являлась другая, со стороны Румынии. Между тем Белград был средоточием и хранилищем всей сербской культуры и значительной доли материального благосостояния. Можно было понять, что одним из существеннейших результатов войны в глазах сербов было наконец добиться обеспечения безопасности своей столицы, а тут им пришлось заранее мириться с мыслью, что румынская граница будет подходить вплотную к Белграду, отделяясь от него только Дунаем. Сербским деятелям и королю было особенно больно, что в этом вопросе Россия поступалась, как будто, их интересами.

Оставался вопрос Адриатики, и здесь Сербия наталкивалась снова, как в Албании, на соперничество Италии. Последняя не только выговорила себе присоединение чисто славянских областей, но и видимо заранее старалась всячески обеспечить себя на случай будущей борьбы с Сербией. Та часть побережья, на присоединение коего к Сербии римский Кабинет соглашался, должна была быть нейтрализована. В Боснии Италия приобретала стратегический ключ на случай войны с Сербией. Политикой Италии руководило явно не только желание приобрести преобладающее положение на Адриатике, которого Сербия не могла у нее оспаривать, но и чисто еврейское торгашество и нежелание допустить южнославянское объединение под эгидой сильной Сербии.

При таких условиях происходили переговоры между державами Согласия и Италией об определении компенсаций Сербии. Должен отдать справедливость моему итальянскому коллеге барону Сквитти, что со своей стороны он видимо старался сгладить остроту конфликта и стать на примиряющую точку зрения, несмотря на то, что сербы вымещали на нем досаду мелкими булавочными уколами, которые он переносил с мудрой снисходительностью. С нашей стороны было сделано все возможное, чтобы побудить римский Кабинет к уступчивости.

Положение осложнялось тем, что болгарское правительство, очевидно уже в то время связавшее свою судьбу с центральными Державами или готовившееся это сделать, начало военные приготовления вдоль всей сербской границы под предлогом маневров. Болгарский посланник в Нише, всегда придерживавшийся тактики отрицать самые неоспоримые факты, и в данном случае утверждал, будто вообще никаких приготовлений не делается. Этим, конечно, он только усиливал подозрительность сербов и горечь их по отношению к союзникам, побуждавшим их к жертвам, которые представлялись бесцельными и претили им.

Державы так и не договорились как следует насчет текста заявления Пашичу в ответ на поставленные им мне вопросы. Как ни сокращали союзники объем компенсаций, чтобы добиться согласия на них Италии, последняя все же находила их чрезмерными.

Английскому посланнику было предписано сделать заявление 3/16 августа, хотя бы единолично, если его коллеги не получат к тому времени полномочий. Я таковых еще не получал, но из предыдущей телеграфной переписки видел, что Сазонов, хотя и с явным неудовольствием, был вынужден принять главные поправки Грея к нашему тексту, сделанные им в угоду Риму. Чтобы не усиливать и без того уже давно создавшегося впечатления малой согласованности между союзниками, я присоединился к заявлению англичан и французов. Сущность его состояла в следующем:

п. 2. Под условием, что Сербия примет точку зрения держав в вопросе о Македонии, Сербии в случае благоприятного исхода войны обещались следующие территории.

п. 3. Босния и Герцеговина; Сирмия до линии Дравы и Дуная с Землином и Бачкой; побережье Адриатики от мыса Планки до пункта, расположенного в 10 килом[етров] к югу от старой Рагузы с островами Зироне (Гранде и Пиккола), Буа, Сольта, Брацца, Жаклиан и Каламотра, с полуостровом Сабииончелло. Если союзники будут располагать Славонией, то она предназначена Сербии.

п. 4. От пункта в 10 килом. от старой Рагузы до р. Дрина побережье отойдет Сербии, а частью — Черногории.

п. 5. Побережье от Дрины до Воюссы будет принадлежать независимой Албании.

п. 6. Будущее Хорватии с побережьем от Волосской бухты до границы Далматии, включая Фиуме, будет беспристрастно решено при окончательном заключении мира.

п. 7. Побережье от м. Планка до южной конечности Сабииончелло и побережье от пункта в 10 км к югу от старой Рагузы до р. Вокссы будут нейтрализованы.

п. 8. Державы вынуждены настаивать на линии союзного договора 1912 года, если только Сербия не добьется непосредственно согласия Болгарии на какие-либо изменения.

п. 9. Граница между Грецией и Албанией будет начинаться от будущей границы между Сербией и Болгарией в Македонии, но державы не могут пока определить ее протяжение.

п. 10. Державы ничего не будут требовать для себя в территориях, означенных в пунктах 3, 4, 5, 6, 7.

К торжественному письменному заявлению я добавил на словах от имени России: 1) что мы окажем при заключении мира возможное содействие Сербии к присоединению Хорватии, 2) что если Румыния не выступит, то Сербия получит славянскую часть Баната, и 3) что мы будем содействовать возможно более широкому определению сербо-греческой границы в Албании.

Через день после нас, т[о] е[сть] 4/17 августа, итальянский посланник был уполномочен сделать одинаковое с нами заявление, но в нем исключалось упоминание о Славонии и в одном пункте было допущено небольшое изменение редакции, несколько двусмысленное.

По порядку старшинства, я сделал свое заявление Пашичу после английского и французского посланников. Он уже освоился с сущностью ответа держав, но все же видно было, как он удручен и возбужден. Он сказал мне, что державы облегчили ему задачу ответа на свои требо-

вания. Сербии приходится бороться не только с Австрией, но и со своими союзниками за защиту родной земли и кровных интересов, «если только нас вообще еще считают союзниками, — добавил он. — Сербией распоряжаются и делят ее, как Африканскую колонию».

— Какое право имеете Вы ставить подобные упреки России после всего, что она сделала? — с живостью возразил я.

— Я верю, что Россия сделала все, что могла, для нас, но требовать от нас невозможного она не может, — отвечал Пашич.

Наша беседа не могла быть продолжительной, ибо Пашич торопился на поезд, ехал к королю. Он отметил мне, однако, наиболее бросавшиеся в глаза недочеты сделанного державами заявления: туманное обозначение будущей сербо-греческой границы, причем нельзя было ожидать обеспечений ни со стороны Болгарии, ни со стороны Албании; нежелание держав дать заверения насчет Хорватии; наконец, умолчание о землях, населенных словенцами. Помимо этого, были и другие пункты, которые не могли не вызвать его раздражения, как то необеспеченность Белграда со стороны Баната, о чем в заявлении умалчивалось, и совершенно бесполезное требование о нейтрализации Адриатического побережья, предназначавшегося Сербии. По поводу последнего пункта в беседе со мной итальянский посланник сам сказал, что подобные ограничения не могут на практике удержаться и, конечно, будут разорваны сербами при первом удобном случае, если они вступят в обладание этими землями. Не всего труднее было Пашичу примириться с невозможностью изменить границу 1912 года. В конце концов я ему сказал, что если они всего будут добиваться, то рискуют ничего не получить, и что Сербии предстоит сделать выбор между Македонией и объединением юго-западного славянства. «Мы выберем Македонию», ответил Пашич.

Я опускаю подробности переговоров в последующие дни. 7/20 августа английский посланник запросил согласия Пашича на занятие линии Вардара, как только Болгария заявит о своем согласии выступить против Турции. При этом он разъяснил, что это занятие будет служить обеспечением не только для Болгарии, но и для Сербии в том, что передача Македонии Болгарии состоится лишь одновременно с приобретением Сербией новых земель. Это произвело приятное впечатление на Пашича. Со своей стороны, я ежедневно во всех телеграммах настаивал на безотлагательном занятии линии Вардара союзниками, дабы они стали между сербами и болгарам. Мне казалось, что в этом был единственный шанс предотвращения войны между теми и другими. В то же время для нас было крайне важно применять меры охраны главной линии сообщения между Россией и ее союзниками от Салоник до Дуная.

При этом я указывал, что занятие должно непременно включить Салоники, иначе оно не достигнет своей цели. К сожалению, к этому последнему соображению в Петрограде отнеслись с полным невниманием. Единственное, в чем со мной согласились, это относительно нежелательности участия нашего отряда в союзной оккупации. Мной руководили два соображения: 1) нежелательность вооруженных столкновений наших солдат с болгарскими шайками (если б опасность окончательного разрыва между Сербией и Болгарией была предотвращена) и 2) в случае австро-германского вторжения в Сербию союзные войска могут, если понадобится, сесть в Салониках на суда и отплыть к себе домой, а что мы будем делать?

Перед тем чтобы дать ответ державам, Пашич созвал Скупщину и объяснил ей в общих чертах создавшееся положение. Среди депутатов наиболее резкая оппозиция была со стороны либералов, в свое время отказавшихся войти в состав коалиционного Кабинета и разделить с ним ответственность. Вожаки его партии, у которой до тех пор было мало сторонников, руководились, по-видимому, главным образом личными честолюбивыми побуждениями. Они хотели снискать популярность в рядах армии неуступчивостью и непримиримым шовинизмом. Им, конечно, удавалось создать немало затруднений Пашичу. Я уже говорил, что в основе всех трудностей лежало непобедимое и возраставшее недоверие к Болгарии, которое, к сожалению, было более чем основательно, между тем как мы и союзники питались на этот счет иллюзиями, поддерживавшимися нашими представителями в Софии, с тех пор особенно как осторожный и недоверчивый к болгарам английский посланник Элиот¹ был заменен переведенным из Петрограда в Софию советником. Последний приехал с целью «победить» болгарское правительство и до самого конца принимал свои желания за действительность.

Я как-то зашел к министру путей сообщения Драшковичу. Это был один из вождей младорадикальной партии, наиболее значительный после Пашича член Кабинета, еще молодой, привлекательный своей горячностью, искренностью и в то же время не совсем обычной среди сербов деловитостью. Драшкович с видимым волнением, чуть не со слезами говорил мне о предстоящем решении. В его словах чувствовалось убеждение в том, что требуемая от сербов жертва бесполезна, что болгары не пойдут навстречу союзникам, не нападут на турок, а будут выжидать лишь минуту напасть на сербов. Тщетно я убеждал его, что, даже если это предположение верно, Сербия ничем не рискует, ибо обещание Македонии болгарам обусловлено их выступлением на стороне держав

¹ Имеется в виду Генри Бэкс-Айронсайд.

Согласия и падает в случае их отказа. Драшкович настаивал на том, что единственный способ увериться в Болгарии, это — предъявить ей ультиматум с требованием выступить немедленно, под угрозой вооруженных действий против нее в случае отказа. В сущности, упорство сербов удовлетворить требования держав объяснялось не только безусловным недоверием к Болгарии, но и не полным доверием к самим союзным державам. У сербов все время было опасение, что державы могут ими поступиться и не защищать от насилия болгар.

Я и забыл сказать, что перед совместным заявлением представителей держав в Нише был предпринят еще один шаг: Государь, английский и итальянский короли и президент Французской республики поручили нам передать текст своих личных обращений к королю по тому же вопросу. Сначала было предположено адресовать телеграммы на имя наследника в его качестве регента, но мое представление о том, что лучше связать имя старого короля, чем будущего монарха Сербии, с воспоминанием о тяжелой земельной жертве, было принято во внимание, и все четыре посланника передали Пашичу телеграммы на имя короля 28 июля.

Тексты телеграмм были одинаковы только от Государя и английского короля [Георга]. Итальянская телеграмма невыгодно отличалась от них. Ответы сербского короля были вручены Пашичем каждому из нас 18 августа. Телеграмма на имя Государя была составлена в самых теплых выражениях. В ней король выражал благодарность и признание всех жертв, понесенных Россией ради Сербии, и высказывал готовность сделать все, что было в его силах, в качестве конституционного монарха, чтобы удовлетворить союзников. Вручая мне текст телеграммы, Пашич сказал с довольной улыбкой: «Завтра я передам Вам ответ на предложение держав. Думаю, что Вы будете довольны».

Не знаю, зачем понадобилось старику вводить меня в заблуждение. Вероятно, тут действовала неискоренимая привычка к хитрости. Как бы то ни было, хотя слова Пашича невольно вселили в меня некоторую надежду, однако, передавая их в Петроград, который я старался возможно больше держать в курсе на счет всех перипетий переговоров, я добавлял, что считаю необходимым предостеречь против полной уверенности в благоприятном ответе на наши требования до получения его текста.

Эта предосторожность оказалась, к сожалению, далеко не излишнею. На следующий день, т[о] е[сть] 19-го августа, Пашич вручил нам по частям обширную ноту. Сербь соглашались, но лишь в принципе, на линию 1912 года. Нельзя не признать, что они шли на крупную уступку, о которой раньше и слышать не хотели. Однако в убеждении держав, болгар можно было заманить только линией 1912 года без вся-

ких изменений. Это было для них вопросом еще более самолюбия, чем материального порядка. Между тем сербы выставляли следующие поправки: 1) города Скопье и Овче Поле должны быть ограждены стратегической границей, которая будет определена; 2) Сербия оставляет за собой Прилеп в силу исторических воспоминаний; 3) общая граница с Грецией начинается с высоты Перистера и Суха-Планины, продолжаясь к западу до пункта, который будет определен. Город Битоли остался бы, однако, вне сербской территории.

Свои уступки сербы сопровождали довольно продолжительным пояснением, в коем доказывалось, что уступаемые Сербией земли суть сербские по своей истории, племенному составу и завоеванным на них правам. Было очевидно, что сербское правительство, считая себя вынужденным в данную минуту сделать уступку, тщательно оговаривало свои права в будущем. Кроме того, самая уступка была осуществлена рядом требований, невыполнение коих должно было лишить силы эту уступку.

1) Болгария должна была в кратчайший срок напасть на Турцию и фактически помочь взятию Константинополя и проливов.

2) Державы должны были, сверх всего обещанного, обеспечить Сербии Хорватию с г. Фиуме, заявить, что словенские земли получают право свободно определять свою участь; западная часть Баната, необходимая для защиты Белграда и долины Моравы, должна быть присоединена к Сербии.

Были и другие пункты, касающиеся признания за Сербией, в качестве союзницы, права участвовать в переговорах при заключении мира, регулирования финансовых вопросов, гарантий беспрепятственного транзита сербских грузов к Эгейскому морю. Передача Македонии могла иметь место лишь после того, как Сербия войдет в обладание новыми землями и будут урегулированы вопросы, касающиеся обеспечения прав и интересов сербского населения, которое останется в Македонии.

Сербский ответ подействовал на меня самым удручающим образом. И раньше, конечно, я сознавал, что изо всей этой каши, заваренной англичанами, нельзя ожидать ничего хорошего, но я напрягал все усилия, чтобы добиться невозможного. До последней минуты я не терял надежды, а теперь все рушилось. Я, главное, не мог в душе простить Пашичу его ненужную хитрость со мной накануне, когда он сказал, что я буду доволен его ответом. Чтобы показать ему, насколько я недоволен, я совершенно прекратил мои ежедневные посещения к нему, тем более что они представлялись совершенно бесполезными. По всем делам я обращался к Иовановичу. Конечно, я продолжал телеграфировать, предлагать разные способы воздействия на сербов, но делал это без особого убеждения, а просто по чувству долга. Одно, на чем я продолжал настаивать

со всей силой, но с прежним неуспехом, это — на безотлагательной посылке союзных войск и занятия ими линии Вардара и Салоник. Свои впечатления я изложил в частном письме на имя товарища министра иностранных дел А. А. Нератова¹. Привожу его здесь.

«Я старался возможно подробнее осведомлять министерство о трудностях и условиях, в которых велись здесь переговоры, имевшие пока столь неудачное окончание. Со своей стороны, я, конечно, делал все, что мог. До конца я не терял надежды на благополучное разрешение, хотя и сознавал, насколько слаба эта надежда. Неожиданным для меня сербский ответ был скорее по своей резкой и неподходящей форме, чем по содержанию. Мне очень неприятно, что так плохо справился со своей задачей.

Хотя граница, предложенная сербами, не совпадает с требованиями держав, все же нельзя не признать, что с их точки зрения приносимая жертва действительно велика. Резкость выражений следует приписать накопившейся у Пашича обиде на державы, которые распоряжались интересами Сербии, не справляясь с нею, даже не считая нужным разговаривать с Пашичем, чтобы поставить его в курс своих намерений и решений и дать возможность подготовить общественное мнение. Отдача Румынии всего Баната, после того как Пашичу было положительно обещано соблюсти в этом вопросе сербские интересы, была особенно болезненно воспринята здесь. В конце концов у сербов сложилось горькое представление, что все нейтральные, торгующие и с нашими врагами, и с нашими союзниками, получают премию за свой цинизм, и что чем меньше церемониться с державами, тем больше шансов получить выгоды.

В македонском вопросе Пашич связан, кроме того, личными переживаниями. Он был решительным противником той договорной линии, которая выработана была покойным Милановичем. Он в то время отвергал всякую солидарность с ней и демонстративно покидал заседания, на коих обсуждался этот вопрос, до окончательного заключения договора 1912 года. Приняв власть после смерти Миловановича, Пашич, еще до начала балканской войны, вступил в противоречие с союзным договором; 15/28 сентября 1912 года, за два дня до общеполитической мобилизации, он определял в циркуляре сербским представителям за границей область Старой Сербии и включал в нее Прилеп и Охрид, т[о] е[сть], в сущности, так же, как и в последней ноте. Все это приходится иметь в виду теперь. Пашич старался сделать уступки возможно более широкими, но дальше известного предела он сам не хотел идти. Этим объясняется его заявление, что, в случае дальнейших настояний держав, он уйдет в отставку.

¹ Письмо от 23 августа 1915 г. — Примеч. автора.

Иованович мне говорил, что, по его мнению, державам и специально России Сербия должна уступить, и предлагал лишь вставить в ответ указание на то, что некоторые особенности договорной линии должны подлежать арбитражу России. Его мнение не было, однако, принято.

В то время как я пишу эти строки, державы, может быть, уже остановились на каком-нибудь плане действий и мои соображения явятся запоздалыми. Сегодня я сообщил их вкратце по телеграфу. Они сводятся к тому, что на Сербию еще можно произвести давление обещаниями и угрозой. Если Пашич уйдет, то при нынешних обстоятельствах это еще полбеды. Все равно, с ним мы не добились, чего хотели. Есть, конечно, риск, что бразды правления примет человек, еще более непримиримый. Однако, раз нужно все или ничего, то половинные уступки все равно не могут нас удовлетворить. Для того, однако, чтобы заместитель Пашича, если не он сам, принял бы предложения держав, надо чем-нибудь изменить условия. Ведь нельзя не отдавать себе отчета в том, что сербские сеговоания во многом основательны. Им, правда, обещают обширные территории, но, во-первых, их надо еще завоевать, а во-вторых, если они и будут ими владеть, то объем новых приобретений не устраняет вопроса о невозможных государственных границах, которые созданы с трех сторон. Нынешняя война еще не окончилась, а им уже в перспективе накачивают три войны — с Болгарией, с Италией и с Румынией. Надо же, чтобы хоть где-нибудь Сербия чувствовала себя прочно. И так как самый болезненный вопрос связан с отдачей Македонии болгарам, то естественно, что прежде всего ставится вопрос об общности границы с Грецией и недопущении Болгарии к Адриатике. Гуманные фразы в предложениях держав, разумеется, не могут удовлетворить. Только раздел Албании и граница с Грецией до моря может быть и достаточно соблазнительной и конкретной, чтобы заставить сербов примириться с отдачей Македонии.

Привыкши говорить с полной откровенностью, я не могу не высказать сожаления, что нашим союзникам в балканских вопросах с самого начала была предоставлена слишком широкая инициатива, которой они пользовались без достаточного знания дела и соображения всех сторон балканской проблемы. Последняя решалась как-то по кусочкам. Понадобилось содействие Италии — все было для этого сделано без должного согласования с другими факторами, как-то Сербия и Греция. Понадобилась Румыния — опять Сербии как будто не существовало. Наконец дошла очередь до Болгарии. Тут уж — хочешь, не хочешь — нельзя не спросить Сербию, но даже и здесь поступили, мне кажется, ошибочно. Можно было, продолжая ту же систему приобретения держав по одиночке, уверяться сначала, что ценой известных уступок Болгария будет приобретена, потом с большим убеждением воздействовать на

Сербию, или, наоборот, сначала увериться в том, что можно получить от сербов, а потом уже произвести давление на болгар. Я об этом столько раз писал и говорил в Петрограде. Вместо того сделали зараз два представления, которые теперь не знают, как согласовать. И это сделано, по-видимому, без того, чтобы главные инициаторы — англичане — отдавали себе ясный отчет, что делать, если не удастся убедить сербов. Отсюда и произошел нынешний тупик.

Как из него выйти? Я не вижу иного способа, как приналечь на Италию и заставить ее уступить Албанию, а Сербии заявить об оккупации и тотчас ее осуществить.

На Балканах необходимо составлять представления одновременно двумя давлениями — обещаниями выгод и угрозой непосредственной ответственности. Не иначе, мне кажется, надо потом воздействовать на Болгарию. Сдайте ей все, что можно, но не допускайте, пока можно еще оказать давление, дальнейшего нейтралитета. Иначе будут все скверные последствия полумеры: соседи Болгарии будут считать себя обобранными и обиженными, а нейтральная Болгария в известную минуту перейдет на сторону наших врагов, хотя бы пассивно. Если же одновременно с уступками будет выражено требование немедленного выступления в действие, — и это требование может превратиться в реальную угрозу, — тогда Болгария должна будет подчиниться.

Повторяю, пишу все это, опасаясь, что письмо это запоздает или, еще более, что не все мне известно, и я, конечно, могу сильно ошибиться в общей оценке положения. Не взыщите за это, равно и за откровенное наложение мыслей. Согласованные действия австро-немцев с болгарами кажутся мне весьма возможными. Ведь это было бы равносильно провалу всей нашей балканской политики и грозило бы неисчислимыми последствиями...»

Глава XIII

Положение представлялось с каждым днем все более и более серьезным.

Державы Согласия признавали возможным оказывать давление только на Сербию. По отношению к Болгарии они только заискивали и все время сходили с почвы раз данных обещаний, усиливая их и тем самым только обнаруживая собственную слабость. С места такая политика представлялась явно несостоятельной и опасной.

В тот же день, что я писал Нератову, я телеграфировал в Петроград, повторяя ранее высказывавшиеся мною соображения о желательности

сти сплотить Сербию, Грецию и Румынию на общей программе действий по отношению к Болгарии, с тем чтобы заявить последней, на какие уступки всех своих соседей она может рассчитывать; в то же время державы, как мне казалось, должны были заявить определенно Болгарии, что они не допускают дальнейшего ее нейтралитета. В качестве реальной санкции представлениям держав мне представлялось необходимой безотлагательная оккупация линии Вардара и Салоник. Я добавлял: «Англия завела державы в тупик своей не до конца продуманной инициативой. Выход из него необходим, ибо иначе, в случае возможного отделения части австро-немецких сил для согласованных действий с Болгарией, к моральной неудаче союзников на Балканах может присоединиться серьезное поражение. Установление нашими противниками прямого сообщения с Турцией через Болгарию имело бы последствием не только провал Дарданелльской операции, но и переброску значительных турецких сил против нашего Кавказского фронта, не говоря о невозможности рассчитывать на присоединение к нам в этом случае Румынии».

Увы! Все эти телеграммы не получали ни малейшего отклика. Напротив, англичане продолжали прежнюю игру в Софии, несмотря на то что там гостил в это время герцог [Иоанн Альберт] Мекленбургский, приезжавший установить окончательное согласование действий между Германией и Болгарией. Известный генерал Савов не стеснялся делать печати самые определенные германофильские заявления. Все это происходило в то время, как мы терпели одну неудачу за другой и наши крепости, считавшиеся непреодолимым оплотом, падали после самого короткого сопротивления. Разумеется, не промахи и ошибки растерявшейся дипломатии, а это тяжелое положение было главной причиной, толкавшей Болгарию в стан наших врагов. Тем не менее, не следовало, конечно, пускаться в ход явно несостоятельные приемы, без пользы ронявшие достоинство держав.

В этом смысле я неоднократно телеграфировал. «Если мы не в силах оказать на Болгарию давления, а в то же время подтверждаем ей нашу готовность сделать все уступки за счет Сербии и, быть может, Греции», телеграфировал я 29 августа, «то мы Болгарии не приобретем, а рискуем отчудить от себя расположенные к нам государства. Лучше ничего не делать, чем ослаблять себя заявлениями, за которыми нет санкции силы». — «Необходимо бережно относиться здесь к сохранению морального веса держав», телеграфировал я 2 дня спустя, т[о] е[сть] 31 августа, «наши враги не упускают ни одной из ошибок и неудач союзной дипломатии, стараясь поселить в общественном мнении даже безусловно дружественной доселе Сербии сомнения в конечном успехе союзников и в их отношении к интересам сербов».

Вскоре после вручения Пашичем ответа державам Согласия мне пришлось расстаться с моим милым сотрудником В. Н. Штрандтманом, который был назначен 1-м секретарем посольства в Риме. Как ни жаль было мне лишаться его, но все же я был рад за него и его семью, что они своевременно покидают Сербию и не подвергнутся всем превратностям судьбы, которых можно было ожидать для остающихся. На смену ему в Ниш был прислан Б. П. Пелехин, формально назначенный 1-м секретарем в Черногории. Так как в Цетинье с начала войны поверенным в делах оставался Обнорский, которого не хотели менять, то Пелехин оставался пока в Нише.

Между тем из Софии приходили вести все хуже и хуже. Уже 6 августа Савинский телеграфировал в Петроград, что к нему заходил один депутат, радославист, но преданный России, и конфиденциально передал ему, что Радославов сказал ему, что правительство решило не принимать предложений держав Согласия и напасть на Сербию, для чего и делаются приготовления.

В это время в Болгарии произошла смена военного министра. Генерал Фичев был [19 августа 1915 года] заменен Жековым. Фичев пользовался репутацией порядочного человека, врага авантюры. Когда он был военным министром, он говорил сербам, что при нем им нечего опасаться, и что если он увидит, что правительственная политика сворачивает со своего русла, он уйдет. Понятно, что уход Фичева показался сербам как бы первым предостережением.

И вот новый министр Жеков сказал тому же депутату, что Болгария пойдет против кого угодно, но не против Турции. Савинский писал, что падение Ковны¹¹³ произвело удручающее впечатление на наших друзей и было всячески использовано немцами. Последние с картами в руках доказывали, что наша армия обречена на полное поражение и что Согласие разбито окончательно.

Купленные Германией газеты усиленно раздували известия о неизбежной будто бы революции в России. Лично я уверен, что эти последние известия действовали на воображение болгар еще сильнее, чем вести о наших поражениях. Они поверили, что Россия не выдержит и что разлад между властью и народом у нас окажется сильнее, чем сознание необходимости объединения. Я думаю, что многие болгары рассуждали приблизительно так: Россия не выдержит; в ней начнется революция; мы выступим не против России, а против Сербии, раздавим ее при помощи немцев, отберем у сербов все, что нам нужно, утвердим наше господство на Балканах, а потом повернемся к той же России, в которой будут править новые люди, и скажем им: «Мы боролись не против вас, а против той самой старой официальной России, которую вы свали-

ли, которая одна виновница всех зол и бедствий». Если так могли думать болгары, то король Фердинанд, всегда ненавидевший и боявшийся России, решил очевидно, что пришла минута сбросить маску, стать открыто в ряды наших врагов и при помощи Вильгельма утвердить свой престол в Болгарии и на Балканах, как аванпост германизма.

Тот же Савинский сообщал 8 августа, что как он, так и наш военный агент получают с разных сторон из источников, «обыкновенно, недурно осведомленных», сведения, подтверждающие решимость Болгарии перейти на сторону наших врагов. Рассказывали, что король Фердинанд, посетив Радославова, сказал ему, что настало время для Болгарии принять решение и напасть на Сербию. Он уполномочил Радославова сменить министров, на сочувствие коих нельзя было бы рассчитывать. И несмотря на все это, мысль о том, что Болгария может перейти в лагерь врагов России, казалась такой чудовищной, такой невероятной, что только этим можно объяснить, что тот же Савинский, да и не он один, до конца все еще не хотели верить, все еще надеялись, что болгары «блефируют», чтобы принудить сербов к большим уступкам, а также для того чтобы склонить турок к исправлению в их пользу границы, с тем чтобы получить непрерывное железнодорожное сообщение по болгарской территории между нейтральной Болгарией и Дедеагачем¹.

Я не буду рассказывать здесь о том, что делалось в Болгарии. Сам я был не всегда достаточно полно осведомлен об этом в то время, а теперь у меня нет достаточно материалов под руками, да и не такова моя задача.

Державы сделали 1 сентября торжественное письменное заявление в Софии, подтверждая, что гарантируют передачу Болгарии тотчас по окончании войны бесспорной зоны Македонии, согласно договору 1912 года, но обуславливают эту гарантию заявлением со стороны Болгарии готовности заключить военное соглашение с союзниками о выступлении в ближайшем времени против Турции. Неполучение от Болгарии в короткий срок ответа будет рассматриваться как отказ по взаимному соглашению от сделанного предложения. К этому письменному заявлению посланники добавили на словах, что не упоминают о занятии линии Вардара союзниками «только потому что есть основание думать, что оно неприятно Болгарии. Если б, однако, это предположение оказалось ошибочным, союзники готовы приступить к оккупации».

Посланники так и не дождались ответа на свое заявление. Вместо того, они узнали 8 сентября о железнодорожной мобилизации, а два дня спустя — о военной мобилизации Болгарии, которая заявила,

¹ По условиям Бухарестского мира 1913 г. Дедеагач (до этого принадлежавший Османской империи) был передан Болгарии, а после окончания Первой мировой войны отошел к Греции; в 1920 г. переименован в Александруполис.

что делает это не для наступления, а дабы сохранить «вооруженный нейтралитет»¹¹⁴. И в эту минуту наши товарищи в Софии надеялись еще, что можно предотвратить войну, если Сербия немедленно отдаст болгарам Македонию, и настаивали на том, чтобы сербы отнюдь не принимали на себя почина враждебных действий против Болгарии.

На ту же точку зрения, к сожалению, стали союзные правительства. Уже 8 сентября мне была послана телеграмма из Петрограда, предписывавшая мне «воззвать к испытанному благоразумию Пашича» и советующая сербам «избегать всего, что могло бы быть истолковано болгарским правительством, как вызывающее действие, и даже по возможности уклоняться от принятия боя». Телеграммой от 10 сентября мне поручалось, не дожидаясь получения моими коллегами инструкций, настаивать перед Пашичем на выражении «безусловного согласия» на передачу державам «части Македонии по линии 1918 года на условиях, которые определяют державы сами».

Как только получено было в Нише известие о мобилизации Болгарии, у сербов, как это ни странно, как будто даже отлегло от души. Пашич мне говорил, что это, может быть, все к лучшему, что на Балканах прочистится атмосфера. В Сербии существовало представление о том, что болгарская армия не имеет достаточного боевого снабжения. Кроме того, требовалось известное время для ее мобилизации и сосредоточения, между тем как у сербов все было готово. Совершенно естественно поэтому у них явилось желание предупредить минуту, когда Болгария будет готова, и тотчас напасть на нее. К тому же, они были введены в заблуждение относительно размеров австро-немецких сил, предназначенных для вторжения в Сербию. Заблуждение это поддерживалось французскими летчиками, состоявшими в сербской армии. Впоследствии мне приходилось слышать от французского посланника опровержение этого упрека. К сожалению, однако, он был совершенно справедлив, что доказывается между прочим телеграммой Извольского (нашего посла в Париже) от 10 сентября на имя Сазонова. Извольский сообщал о своей беседе с ближайшим сотрудником тогдашнего министра иностранных дел Делькассэ, г-ном Маржери. Вот дословно, что писал Извольский: «Маркери повторил мне уже известное Вам убеждение Делькассэ, вполне разделяемое генералом Жоффром, что германцы не имеют в виду предпринять в близком будущем серьезных наступательных действий на Балканском полуострове. По получаемым ежедневно из Сербии от французских авиаторов сведениям, в Банате не происходит никаких значительных сосредоточений или передвижений войск. Произведенная австро-германской артиллерией бомбардировка на Дунае имеет вероятно характер демонстрации с целью произвести впечатление на Бу-

харест и Афины, спутать карты на Балканском полуострове и побудить Болгарию к выступлению против Сербии».

Сравнительный оптимизм сербов поддерживался оппозицией, которую заняла Греция или, лучше сказать, Венизелос, стоявший во главе греческого правительства. Как известно, в ответ на болгарскую мобилизацию Греция ответила также мобилизацией. Венизелос обратился с просьбой к союзникам прислать 150 000 войска. Он надеялся, что при этом ему удастся убедить короля [Константина] исполнить союзные обязательства по отношению к Сербии. Франция и Англия согласились и обещали указанную помощь в том случае, если Болгария нападет на Сербию.

При таких условиях сербским представителям при союзных правительствах было поручено хлопотать о скорейшей присылке вспомогательных войск и в то же время доказывать необходимость для Сербии не ждать нападения Болгарии, а возможно скорее открыть против последней военные действия. Эти представления не имели, однако, никакого успеха.

Делькассэ сказал сербскому посланнику [Весничу], что Франция уже заявила Греции о своей готовности послать войска и что «решение это может образумить Болгарию». Ввиду этого сербы должны воздерживаться от всякого вызова. «Если же Сербия не послушается этого совета и окажется первой виновницей столкновения, это может изменить решение Франции и союзных с ней держав» (телеграмма Извольского 10/23 сентября). Еще резче высказался Сазонов Сполайковичу. Когда последний стал доказывать выгоду со стратегической точки зрения немедленного нападения сербов на болгар, Сазонов ответил, что «считал бы почин сербами военных действий против болгар столь же тяжким преступлением, как выступление последних, которое они хотят опередить. Пока они этого не сделали, они обеспечены в помощи союзников, греков и, быть может, также и румын, представляющей в общем внушительную силу. Если же они решатся на непоправимый шаг, им будет отказано в содействии союзников и греков. При таких условиях даже победа над болгарам не может иметь решающего значения для будущего. Они очутились бы, ослабленные борьбой с болгарам, одни против немцев, господство которых было бы обеспечено на Балканах». Мне предлагалось высказаться в этом духе в самых решительных выражениях перед Пашичем (телеграмма Сазонова 12 сентября).

В тот же день, что состоялась беседа Сазонова с Сполайковичем, 12 сентября, Пашич телеграфировал Сполайковичу: «...Нам кажется, что нашим союзникам еще неясно положение на Балканах, как и то, что обозначает мобилизация болгарской армии. То, что наши союзники еще не видят, что Болгария уже присоединилась к Германии и Турции, оше-

ломляет нас»... «Теперь не время колебаться, вести переговоры и давать советы, а момент решительных и быстрых действий, ибо раз нельзя было в течение целого года прийти к соглашению посредством переговоров, трудно предполагать, что теперь переговорами возможно чего-нибудь достичь. Болгария желает выиграть время для концентрации своей армии и поэтому будет показывать желание вести еще переговоры. Мы знаем Болгарию и Балканы, и поэтому предлагаем меры, которые могут достичь цели. Если же державы Тройственного соглашения будут идти и теперь старым путем по отношению к Болгарии, тогда будет все потеряно, и Болгария, следовательно, успеет обмануть всех нас».

Далее Пашич предлагал: 1) предъявить Болгарии в 24 часа ультиматум с требованием отменить мобилизацию; 2) по истечении срока занять Варну, Бургас, Дедеагач; 3) немедленно послать Сербии военную помощь, причем хотя бы одну нашу дивизию — по Дунаю для воздействия на болгар; 4) склонить Румынию к выступлению вместе с Сербией и Грецией. В заключение Пашич добавил, что сербская «Верховная команда слагает с себя ответственность за катастрофу, которая неизбежно наступит, если не будут приняты меры и если ей будут мешать вовремя приступить к действиям. Точно так же смотрит на положение и правительство и просит союзников спешно оценить все вышесказанное.

Мое положение в Нише в это время было невыразимо тяжелое. Я понимал, что сербы правы, что единственный их шанс заключается в предупреждении мобилизации Болгарии. Вместе с моими коллегами я настаивал на необходимости скорейшей присылки войск. Мне глубоко претило по поручению министерства настаивать на отдаче нам Македонии, на недопустимости начать военные действия против Болгарии, не дожидаясь ее почина. То, что поручено было мне, я считал, конечно, своим долгом передавать Пашичу, сознавая, однако, в душе полную бесполезность и вред подобных увещаний. Все это я высказывал в моих телеграммах в Петроград.

Я телеграфировал во все концы, — в Петроград, в Ставку Верховного главнокомандующего, в наши посольства при союзных правительствах — о необходимости скорейшего оказания помощи Сербии. Иначе австро-немцы осуществят легко задачу соединения с Турцией, а Сербия будет окончательно выведена из строя. «Если державы не примут немедленного решения прийти на помощь Сербии», телеграфировал я 11 сентября, «они дадут австро-немцам возможность довести до конца свою тактику бить союзников по одиночке, и сербская катастрофа может иметь самые тяжелые последствия для общего хода европейской войны». Когда я заикнулся о передаче Македонии державам, Пашич ответил мне, что теперь поздно об этом говорить и что, создавая впечатление

о возможности новых уступок, державы отнимают последнюю почву у оппозиции в Болгарии.

На мое представление о том, чтобы Сербия не брала почина в военных действиях 13 сентября, Пашич обещал, что ничего не будет предпринято раньше 8–10 дней; в течение этого срока обозначится, на какую помощь и от кого может рассчитывать Сербия. Пашич надеется, что в это время державы предпримут решительные шаги в Софии и выяснят окончательно вопрос об ответственности.

Не подлежало сомнению, что своими советами державы принимали на себя серьезную ответственность. «Наши настояния вызывают лишь бесполезную горечь, — телеграфировал я 14 сентября, — ибо интересы самообороны все-таки возобладают. Считать, что сербы совершают акт коварства, если не дадут болгарам закончить явно направленные против них приготовления, ясно невозможно. Здесь с горечью отмечают, что мы одни еще не дали согласия на аванс, совершенно необходимый для Сербии, что мы одни не дали принципиального согласия на участие хотя бы небольшого отряда и что, наконец, одни так категорически отрицаем право на то, что сербы признают делом самозащиты. В эту ответственную минуту, вполне сознавая, насколько тяжело признать в болгарях предателей, я считаю нравственным долгом вновь отметить, насколько каждый день дорог и насколько опасно все, что может создать впечатление нерешительности, только укрепляющей правительство Фердинанда. Вследствие сего необходимо ультимативное требование в Софии о прекращении мобилизации со всеми последствиями».

Между тем, время шло. Положение становилось все более и более грозным. Первоначальное бодрое настроение сербов не могло долго удержаться. Румыния явно уклонялась от выступления. Братиано говорил, что если союзники пришлют 400 000 войска на Балканы, тогда можно подумать о выступлении. В Греции с самого начала обозначался конфликт между прямодушным благородным Венизелосом и двуличным королем [Константином], который интриговал против него, не смея сразу обнаружить свои истинные намерения. Он находил поддержку среди военных, которые трепетали перед мощью Германии и видимо боялись, как бы греческая армия не обнаружила полной своей несостоятельности в случае войны. Партия короля мечтала оставаться в стороне от надвигающейся на Балканы катастрофы. На этой почве и родилось произвольное толкование союзных обязательств Греции, которые, будто бы, вступали в силу лишь в случае исключительно балканского характера конфликта, т[о] е[сть] если бы пришлось иметь дело только с Болгарией. Раз же дело шло одновременно о войне с Австрией и Германией, то будто бы тем самым изменялись условия и основания, на которых был построен договор.

Король Константин принял болгарского посланника на другой день после объявления болгарской мобилизации. Все время перед тем германский военный агент в Афинах провел в Софии. В то время как Венизелос занял совершенно определенное положение сторонника держав Согласия, Радославов с уверенностью заявлял, что Болгария совершенно обеспечена со стороны Греции и Румынии. Со своей стороны, король Константин утверждал, что Болгария не тронет Греции. Словом, получалось определенное впечатление греко-германского сговора за спиной ответственного министра. Между тем, до последней возможности король хитрил и порой вводил в заблуждение Венизелоса.

Во всех отношениях Венизелоса с королем проявлялась неизменно одна черта — разность их натур. Венизелос был крупный человек по своим идеалам и стремлениям, по редкому у государственного деятеля благородству и прямоте. Это была цельная фигура. Пламенный патриот, мечтавший об объединении эллинизма и до недавнего времени о тесном союзе балканских государств, он полагался на побеждающую силу своей идеи и потому шел всегда прямым чистым путем. В свое время он примирил Грецию с ее будущим королем — в то время наследником — Константином и вернул его из изгнания. Он это сделал не из какой-либо личной приверженности к династии, но потому что при данных условиях считал, что так полезнее для Греции. Сам — выходец из народа, он был пламенным народолюбимцем. Это и привлекало к нему сердца в народных массах, зажигало веру в него и в торжество его дела. Но это самое претило глубоко королю Константину. Ему также удалось стяжать себе популярность, заставив забыть прошлое. Эту популярность он приобрел во время Балканской войны, когда на долю Греции выпала южная Македония с Салониками и Каваллой, а также Эпир. Народ, не отличающийся боевыми качествами, греки, может быть в силу этого самого, особенно дорожили победными лаврами, которые стяжала их армия, вождем коей был Константин. История разберет впоследствии цену этих лавров. В войне с болгарам в 1913 году греки попали было в положение почти критическое, и только наступление румын на Софию и быстрое заключение перемирия спасли их. Так, по крайней мере, мне приходилось в свое время слышать от осведомленных людей. Как бы то ни было, результаты были блестящи и греки охотно создали своему королю ореол; в их глазах он был чем-то вроде Наполеона.

Король почил на лаврах. Ему хотелось бы безраздельно пользоваться славой, но тут на его пути стоял Венизелос. Греки не могли не сознавать, хотя бы они считали свою армию геройской, а Константина — военным гением, что если Греция добилась блестящих результатов, то в значительней степени она была обязана этим мудрой политике Вени-

зелоса, — одного из творцов балканского союза, а потом — союза с Сербией и Румынией, когда стала обнаруживаться измена Болгарии.

Король, видимо, чувствовал антипатию к народному любимцу, и в этом чувстве его постоянно укрепляла жена, сестра императора Вильгельма, оставшаяся немкой до конца, не могшая простить времени унижения, когда ей с мужем пришлось покинуть Грецию и вернуться только по милости того же Венизелоса.

Чувство зависти — признак мелкой натуры. Король Константин и был, в противоположность Венизелосу, далеко не крупным человеком. Кроме того, он всегда был поклонником Германии, особенно в военном отношении. Жена, конечно, сильно подогревала это чувство.

Нужно сказать, что вся политика держав Согласия на Балканах была настолько полна колебаний и ошибок, что она создавала впечатление гораздо большей слабости, чем это было по существу дела. Наоборот, Германия все свои выступления сопровождала доказательством силы, еще более — кажущейся, чем действительной. С одной стороны, виделся разброд, несогласованность и нерешительность действий, с другой поражала стройная организация, единство плана и действий. Всем этим Германии удавалось импонировать на Балканах. Германский гипноз одержал победу в Болгарии и застилал долгое время зрение в Румынии. Ему же в сильнейшей степени подвержен был король Константин.

Как я уже говорил, он не решался открыто выступить против Венизелоса. Наоборот, он дал ему возможность объявить мобилизацию, сговариваться с союзниками на счет присылки вспомогательных войск. Все это давало повод Венизелосу думать, что его политика восторжествовала. На заседании Палаты он дал себя увлечь настроением, которое находило поддержку в его сторонниках, составлявших большинство. Полемизируя с Теотокисом, он сделал заявление в том смысле, что Греция должна остаться верна своим союзным обязательствам с Сербией даже если в рядах врагов она встретится не только с Болгарией, но и с Австрией и Германией. Как известно, король дезавуировал своего первого министра, и в результате Венизелос подал в отставку¹¹⁵.

По счастью, в это время союзные войска уже прибыли в Салоники, иначе колебания англичан, может быть, одержали бы верх и не было бы положено начало хотя бы будущему восстановлению Сербии, которое одно поддерживало дух этого несчастного народа во всем, что впоследствии выпало на его долю.

Министерский кризис в Греции поверг сербов в крайнее смущение. Им требовалось сильно сдерживать себя, чтобы не выражать открыто охватившего их негодования. Приходилось терпеть, чтобы не умножать без нужды числа открытых врагов. Как утопающий хватается

за щепку, они уцепились за надежду на скорое прибытие французских войск. О том, чтобы предупредить окончание мобилизации Болгарии, была оставлена мысль, ибо оставалась еще тщетная надежда, что в случае если Болгария примет почин враждебных действий, Греция все-таки может выступить. В этом смысле Пашич преподавал советы сербской верховной команде¹.

Белград подвергся ожесточенной артиллерийской бомбардировке и был занят австро-немцами¹¹⁶. Сербь сражались с крайним ожесточением. Даже после занятия неприятелем города бой происходил на улицах, в отдельных домах. Ниш наполнился раневыми. В наших больницах лежали солдаты и комитаджи. Мне пришлось видеть и разговаривать с ними. Один комитаджи, явившись в больницу, первым делом отдал сестре милосердия ручную бомбу на сохранение, — «еще пригодится». Другой, привезенный в бреду, вынул бомбу из кармана и с размаху бросил ее, по счастью, она упала в кучу белья в коридоре и не разорвалась.

Сербь чуть не плакали с досады, говоря о германской артиллерии, благодаря коей неприятель наносил громадные потери с далекого расстояния. Сербские солдаты были убеждены в личном превосходстве и в том, что не будь у немцев артиллерия, они не выдержали бы в штыковой атаке.

Только после взятия Белграда сербь поняли, что были введены в заблуждение относительно действительных сил австро-германцев. А французские войска, ожидавшиеся со дня на день в Нише, все еще не прибывали. Между тем для поднятия настроения город расцветили флагами. Я никогда не забуду впечатления, которое его производило, — как будто какой-то болезненно скривившейся улыбки. Эти флаги, вывешенные числа 23 сентября, оставались дней 10; их не решались как-то убирать, даже когда стало ясно, что французы не придут.

Иллюзии сербов насчет прибытия войск долгое время поддерживались, по-видимому, французским посланником Боппом. Человек умный и обыкновенно осторожный, он в то же время был очень нервным и был способен подвергаться экзальтации или впадать в уныние. Он был большой сербофил, ненавидел болгар, а в данное время мечтал о том, что Франция спасет Сербию. Он считал, что он один вселяет бодрость в сербов, и даже имел слабость осведомлять свое правительство в этом смысле, а всех нас, других посланников, представлять как растерявшихся и испугавшихся. Это крайне возмущало его секретаря, который рассорился с ним и сам поведал моим сотрудникам о том, как его начальник извращает положение. Разумеется, я не подал и виду, что что-

¹ Верховна команда (сербск.) — Верховное командование.

нибудь знаю, и это нисколько не отразилось на моих отношениях с Боппом. Не время было ссориться, и к тому же в это нервное время можно было снисходительнее отнестись ко всяким преувеличениям как грехам невольным.

Глава XIV

Предъявление нами ультиматума Болгарии состоялось, если не ошибаюсь, 21 сентября. После многих неудачных заявлений, наша дипломатия на этот раз нашла настоящий тон, достойный России. «Представитель России, связанной с Болгарией неувядаемой памятью ее освобождения от турецкого ига, не может оставаться в стране, в которой готовится братоубийственное нападение на союзный славянский народ. Императорский посланник получил предписание покинуть Болгарию со всем составом миссии и консульств, коли в двадцатичетырехчасовой срок болгарское правительство не порвет открыто с врагами славянства и России и не примет мер к немедленному удалению из армии офицеров государств, воюющих с державами Согласия»¹¹⁷.

По трагической для него случайности, за несколько дней до этого Савинский заболел острым припадком аппендицита и должен был оставаться недвижимым в постели¹¹⁸. Получив об этом известие, я отправил в Софию одну из опытных сестер милосердия. В это время уже не было железнодорожного сообщения между Нишем и Софией. Сестра была доставлена из Ниша на автомобиле к болгарской границе, оттуда — по железной дороге в Софию. По дороге она немало натерпелась страха, хотя болгары относились к ней с полным вниманием.

В это тяжелое время, когда с каждым днем все сильнее сгущались нависшие над Сербией тучи, до меня все чаще доходили слухи о ропоте и раздражении сербов против союзников и России. К сожалению, нельзя было не понять этого чувства. Лично я сознавал свое бессилие. Конечно, основная причина положения, создавшегося на Балканах, коренилась не в ошибках нашей и союзной дипломатии, как бы они ни были крупны, а в том, что нас только что постигли тяжкие военные неудачи и наша армия действительно могла производить впечатление в то время полной расстроенности. К этому присоединялись и другие причины, лежавшие в существе отношения Фердинанда и его правительства к России и Сербии. Как бы то ни было, но для нас, представителей на местах, посредников и проводников явно несостоятельной политики, задача, выпадавшая на нашу долю, представлялась порой нестерпимой.

Я уже несколько раз критически отзывался здесь о получавшихся мною указаниях и по этому поводу хочу несколько отвлечься назад, чтобы определить мое отношение к тогдашнему министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Это был человек, которого я горячо любил и уважал. С его стороны, к себе я всегда встречал исключительно хорошее отношение. Мне всегда казалось, что Сазонов переоценивал меня. Наши отношения начались с минуты, когда, по его приглашению, я вернулся на дипломатическую службу и стал начальником Отдела Ближнего Востока. Помню, что его предложение тогда было для меня заманчиво, и в то же время мне было очень нелегко на него согласиться. Я отвык от служебной лямки, привык к независимости, и меня смущала перспектива подчинения и чиновничества. Я вернулся на службу как раз, когда началась балканская передряга осенью 1912 года. Ежедневно, по несколько раз в день, мне приходилось подолгу видеться с Сазоновым. Все дела, инструкции нашим представителям за границей, приходившие от них телеграммы обсуждались втроем: Сазоновым, Нератовым и мной. При таких условиях и в такой обстановке можно было работать, только если между всеми участниками работы установится взаимное понимание, уважение и единомыслие. И вот, озираясь назад, я всегда с теплым, благодарным чувством вспоминаю о двух наиболее трудовых годах моей жизни, проведенных в стенах Министерства иностранных дел. Я не могу представить себе более идеальных отношений, чем те, которые в ту пору проникали собой атмосферу кабинета, куда мы ежедневно сходились по утрам.

Сазонов был умный и, главное, просвещенный человек. Чиновник в нем не ночевал. Но главной силой его и обаянием была его нравственная личность, чистая неподкупная русская душа, благородная и честная. Эти качества сделали из него человека, имя которого перейдет истории. Во внутренней политической жизни России он не всегда разбирался. Пока был жив его свояк Столыпин, он на все смотрел его глазами. После смерти Столыпина он стал свободнее в своих суждениях. Будучи либеральным консерватором, он скоро прослыл за левого, чуть не за кадета, в известных кругах, и эта репутация в конце концов и была причиной его удаления от власти. На самом деле — искренний, горячий, чистый, он не уживался и не мог ужиться с большинством своих коллег по Кабинету. Для этого он был слишком европеец, или, лучше сказать, — барин, а по горячей непосредственности и честности своей натуры он не мог сдерживать порой гадливости или раздражения к нечистоплотным людям и приемам.

Если он продержался несколько лет у власти, то это благодаря тому, что Государь, по-видимому, чувствовал, что это — человек, кото-

рый искренне и действительно любил его и был предан ему не по личным интересам, словом, что на него можно было положиться.

Сколько раз Сазонов говорил мне: «Я хочу, чтобы вы узнали и полюбили Государя. Если вы его узнаете, то нельзя его не полюбить. Все его несчастье, это — что он так окружен. А нужно желать и стараться, чтобы около него были хорошие люди».

Должен сказать, что в те разы, когда мне приходилось иногда подолгу говорить с Государем, я понимал, что он имеет обаяние, но что вредит ему слабование и странное свойство: при коренной недоверчивости к людям, способность подпадать по временам под чье-нибудь влияние.

Государь хорошо относился к Сазонову, когда тот был близок к нему, виделся с ним каждую неделю. Но когда он уехал от России в Ставку и стал глядеть на все, что делалось в тылу, как на какую-то скучную надоевшую передрыгу, Государь всецело подпал под влияние периодически навещавшей его императрицы и начал смотреть на все ее глазами. Тогда и возобладали влияния равных проходимцев, втершееся в доверие этой несчастной истерической женщины. Жертвой этих влияний пал Сазонов.

Заслуга Сазонова заключалась в том, что его нравственная личность внушала к себе безусловное доверие в Европе. Он слишком был всегда наружу. В противоположность ходячему представлению об искусстве дипломатии эта его неподдельная искренность была главной причиной его успехов. Ему поверили англичане, при нем растаяли до конца их предрассудки по отношению к России и мнительное подозрение нас в стремлении подчинить себе и «оказачить» весь свет.

Балканский кризис воочию показал всю нашу примирительность и обнаружил агрессивность Германии. При всей порывистости в личных отношениях Сазонов был крайне осторожен. Он помнил и верил в завет Столыпина, что России нужен долгий нерушимый мир. Если в конце концов и он убедился, что от войны нельзя уклониться, то это лишь в ту минуту, когда он убедился, что можно сохранить мир, только потеряв лицо, а тогда и самый мир и безопасность России не могли быть прочными. Кроме того, в июле 1914 года события так быстро сложились и нарастали, что не лица, а стихийная неодолимая сила общественного мнения властно указывала путь, с которого нельзя было свернуть.

Как бы то ни было, история поставила Сазонова в круговорот мировых событий, и он честно выдержал испытание, заслужив справедливо признательность родины за главные линии той политики, которую проводил.

Таковы неоспоримые заслуги этого человека, которого я так горячо люблю. Были у него и свои недостатки, — у кого их нет? Сазонов

сознавал сам, что получил недостаточную политическую подготовку для занятия поста министра иностранных дел. Единственный серьезный пост, который он занимал за границей, был пост советника посольства в Лондоне¹¹⁹. Хотя это не было ответственной должностью, но в Лондоне ему все же приходилось практически сталкиваться со всеми интересами широкой международной политики. Остальное время он провел в Риме, сначала секретарем, потом посланником при Папе¹²⁰. Никогда он не был ни на каком посту на одном из Востоков, не сталкивался непосредственно с тамошними интересами, людьми и обстановкой. Сазонов не знал и не понимал Балканы, ему была чужда психика тамошних деятелей, условия местной обстановки. Отсюда проистекали ошибки. Но и здесь справедливость требует отметить, что были не одни ошибки, но и заслуги, главная из коих заключается сначала в отвлечении Румынии от Тройственного союза, а затем в привлечении ее на нашу сторону. Значение Румынии он, однако, преувеличивал; впрочем, в этом был не он один повинен.

Я уже говорил, что вскоре после начала войны Сазонов понял, что в общественном сознании властно ставится вопрос о проливах, как одна из необходимых целей войны. Сознав это, он сумел использовать поддержку, которую нашел в настроении Думы, и добился от наших союзников признания права России на Константинополь и проливы. В этом также заключается одна из исторических заслуг Сазонова. К сожалению, успех не принес нам тогда же счастья.

Прежде всего, мысль, что Россия может укрепиться на проливах и в Константинополе, была серьезным пугалом для Фердинанда и его присных. До тех пор во враждебных нам кругах Болгарии надеялись, что Англия никогда не допустит осуществления этой вековой мечты России. Приведенный мной в этих записках разговор Фердинанда с генералом Пэджетом довольно характерен в этом отношении. Но, как скоро в Болгарии сознали, что со стороны Англии Россия не встретит препятствий на своем пути, так в умах очень многих, даже не врагов России, возникло разочарование и опасение. Балканская война поставила перед Болгарией очень близко мираж Константинополя, и этого многие не могли забыть. Кроме желания самим утвердиться в Царьграде, у болгар возникло опасение, что Россия, став соседкой Болгарии, начнет давить на нее, посягать на ее самостоятельность. Во всяком случае, мечтам о гегемонии Болгарии на Балканах наступил бы конечно предел, ибо Россия на проливах этого бы не допустила. Так мыслили, повторяю, не одни только убежденные наши враги, каких немало было в Болгарии, но и все те, для кого на первом плане стояли узко понятые национальные интересы. Враги только воспользовались этим настроением в целях ан-

тирусской пропаганды. В конечном итоге я считаю, что, получив теоретическое признание своих прав на Константинополь от союзников, мы тем самым фатально подрывали себе почву для единственно возможного способа практически приблизиться к осуществлению этой цели через Болгарию. Это был как бы заколдованный круг. И, однако, нам, быть может, удалось бы разбить этот круг, если бы военное счастье было на нашей стороне.

К сожалению, с весны 1915 года пошли наши неудачи, которые, развиваясь в течение лета, приняли размер крупного поражения. Это окрыляло наших противников в Болгарии. В то же время наши союзники давали нам, как-никак, чувствовать всю цену великодушной уступки Константинополя, от завоевания коего они были так далеки. В переговорах с Италией, с Румынией, наконец, в сербо-болгарском вопросе они настаивали на своем, требовали от нас уступок. Как нам было с ними бороться, как не отдавать на чашу весов то, чего они добивались, когда на другую чашу был положен Константинополь или хотя бы мираж его!

Так, к сожалению для нас и для общего союзного дела, руководство в балканских делах выскользнуло из рук России, которая по праву должна была бы его иметь, и перешло в руки англичан и французов, ничего в них не понимавших. В особенности Англия обнаружила исключительный дилетантизм как в военной, так и в политической оценке положения на Балканах. Это стоило ей в одних Дарданеллах потери нескольких кораблей и 100 000 армии. При этом Грей обнаруживал упорство и педантизм узкого доктринера.

Когда шел вопрос о территориальных компенсациях, наши союзники быстро откинули громко провозглашенные ими принципы прав народностей. Они кроили земли, как кусок полотна, притом как плохие и расточительные портные, которые мало заботятся о форме выкройки и о величине обрезков. Но и потом, когда пора переговоров с Болгарией кончилась явным крушением всех возлагавшихся на это надежд и расчетов, сколько колебаний, нерешительности, сколько неумения реагировать быстро на создавшееся положение. В этом последнем фазисе и мы взяли грех на душу, так долго отказывая сербам в разрешении использовать единственный с их точки зрения шанс быстрого нападения на Болгарию. Правда, теперь, озираясь на прошлое, надо думать, что их расчеты не оправдались бы. Сербы не могли помешать австро-германцам проложить себе путь в Турцию, потому что они ничего не могли противопоставить их тяжелой артиллерии. Однако если бы им удалось до того разбить Болгарию, — кто знает, какое положение заняли бы румыны и греки, и, наконец, было бы выиграно время для прибытия союзной помощи. Как ни как, мы взяли на себя, без нужды, крупную ответственность.

Мне думалось тогда и теперь, что на политику Сазонова в то время влияние оказал мой заместитель в отделе Ближнего Востока К. Н. Гулькевич, к сожалению — неисправимый болгарофил, который не мог отделаться от иллюзии заполучить Болгарию.

Мне порой бывало так тяжело, когда я видел, что все мои соображения и предложения, которые я излагал неоднократно в телеграммах, остаются безо всякого внимания, как будто бросаются в корзину для ненужной бумаги, что я написал об этом Гулькевичу, а потом и Шиллингу, прося, чтобы меня без церемоний убрали, если не считают нужным считаться с моими мнениями. Если же меня оставляют, то пусть переменят отношение к моим представлениям с места.

За всеми заботами и делами уходило много времени. В свободные часы я заезжал за милым владыкой Досифеем, и мы вместе с ним катались по прелестным окрестностям Ниша. Владыка был для меня неизменной поддержкой во всех тяготах и волнениях. Мы редко говорили с ним о политике, но нависавшая над Сербией опасность была уже не политикой, а действительностью, о которой нельзя было не думать. Между прочим он с самого начала заявил мне, что решил остаться со своей паствой в Нише, что бы ни случилось. Решение его было непреклонно. Он считал своей обязанностью пастыря ободрять, утешать, защищать свою паству, а если нужно, то разделить ее страдания и участь.

Как ни жалко было мне думать о том, что его ожидает, я не мог в глубине души не признать, что святой подвиг, на который он себя добровольно обрекал, был действительно исполнением пастырского долга. И решение свое он принял с трогательной простотой, продолжая до конца сохранять младенческую ясность своей чистой незлобивой души.

Одна из моих любимых прогулок близ Ниша была в маленький монастырь в Грабоваце. Однажды, едуци туда с владыкой, я услышал на холме над дорогой звуки граммофона.

— Здесь живет очень милый молодой доктор, старший врач больницы Челе-куле, недавно туда назначенный и приведший ее в порядок, — сказал мне владыка. — Хотите познакомиться, он — русский воспитанник, очень будет вам рад. Лето он проводит здесь на вершине холма в палатке.

Сказано — сделано. Мы остановились, вышли из экипажа и поднялись на холм, откуда навстречу нам вышел доктор, еще совсем молодой человек в сербской походной форме.

Он ласково приветствовал нас и показал свое незатейливое устройство. В одной небольшой палатке стояла его походная кровать, на которой он спал, в другой помещалась небольшая кухня и жил денщик. Два-три соломенных стула и граммофон довершали обстановку. Это

граммофон он любил заводить под вечер, когда возвращался пешком к себе из больницы. С высокого холма гулко разносилась музыка, и внизу на дороге мужики, ехавшие из города к себе домой, останавливали своих волов и долго слушали импровизированный концерт, пока не наскучит доктору и он не крикнет со своего холма, что на сегодня больше не будет музыки.

Мы разговорились с доктором, который оказался очень милым молодым человеком, воспитанником нашей Военно-медицинской академии. Он был, как мне говорили, женихом дочери русского эмигранта князя Андроникова¹.

— Вы знаете, что наш хозяин — воскресший мертвец, — сказал мне владыка.

— Как так?

— Пусть он расскажет Вам свою историю.

Доктор не заставил себя просить и рассказал мне действительно любопытную историю. Он был врачом в больнице в Вальеве в начале войны. Вальево маленький городок в горах, в северо-западной части Сербии. Там вначале была Ставка сербской Верховной команды.

Под напором австрийцев осенью 1914 года сербы должны были постепенно очистить весь этот угол своей страны. В это первое свое нашествие австрийцы зверски обращались с населением. Поэтому отовсюду хлынули волны беженцев. Немало собралось их и в Вальеве до отступления из этого города. На этой почве и развилась эпидемия сыпного тифа. Одним из очагов его сделалось Вальево.

В конце концов Вальево было очищено еще до взятия его австрийцами. Когда все оттуда ушли, начальник Военного санитета полковник Генчич хватился, что молодого доктора нет. Тогда он послал в Вальево искать его. Посланные вернулись, его не найдя. Генчич принимал большое участие в молодом человеке и снова послал за ним, приказав доставить его живым или мертвым. Санитары дословно поняли приказание. В больнице, где раньше был доктор, не было не только его, но вообще никого из медицинского персонала; видимо, кто заболел, а кто разбежался. Они зашли в мертвецкую и там среди окоченевших уже трупов нашли тело доктора в гробу. Его подняли и понесли, и тут, от качки ли или от свежего воздуха, лежавшее в гробу тело зашевелилось.

¹ Судьба последнего была также примечательна. Андроников был инженером на нашей Сибирской дороге. В смутное время, в 1905 году, он был, кажется, в Чите, в то самое время, как там вспыхнуло движение. Было образовано «Временное правительство». Меня уверяли, что Андроникова чуть ли не заставили стать во главе этого правительства и что он на это пошел, опасаясь худших эксцессов в случае анархии. Как бы то ни было, ему вскоре пришлось скрыться из России, чтобы избежать последствий. Судьба занесла его в Сербию, и он с успехом применял там свои познания в деле железнодорожного строительства. — *Примеч. автора.*

Мертвец стал подавать признаки жизни. Немедленно приняты были, разумеется, все необходимые меры, и понемногу молодой доктор отошел, а потом и выздоровел совершенно. Сам он совершенно не помнил, что с ним происходило во время болезни, был все время в беспамятстве, из которого очнулся только на короткое мгновение: он увидел над собой низкий свод, а рядом с собой лежавшего человека, у которого на губах запеклась кровавая пена. Доктор сообразил, что лежит рядом с мертвецом, эта мысль только промелькнула у него, и он вновь потерял сознание, которое вернулось только, когда он уже был спасен. Рассказывая мне этот редкий случай своего «воскресения из мертвых», доктор добавил, что во время эпидемии уход и наблюдение были настолько ничтожны вследствие полного недостатка врачей и фельдшеров, что сплошь да рядом бывали случаи, когда трупы умерших оживали на кладбище, куда их свозили в повозках, накрытых рогожами, за недостатком гробов. Да, чего только не вытерпела Сербия в эту войну!

Но я отвлекся воспоминаниями об отдельных эпизодах от главного своего рассказа.

Глава XV

В двадцатых числах сентября 1915 года стало ясно, что Ниш долго не продержится. Для нас становился вопрос — куда направится сербское правительство и мы с ним? Мне необходимо было постараться поскорее выяснить этот вопрос, чтобы своевременно распорядиться насчет наших госпиталей и учреждений.

Всего естественнее представлялось направиться на Монастырь^I, где было ближе и естественнее базироваться на ожидавшиеся в Салоники союзные войска и где нельзя было опасаться быть отрезанными, ибо из Монастыря можно было направиться либо в Салоники, либо в Санти-Кваранту^{II}. Осуществлению этого плана помешали соображения не по существу, а психологического характера.

Между Верховной командой и правительством никогда не было вполне хороших и согласных отношений. Во всем, что случалось во время войны, обе власти — военная и гражданская — ревниво следили друг за другом. Страна и армия переживали с начала войны ряд кризисов: вначале — кризис боевого снабжения, потом — неслыханное развитие эпидемии, потом — кризис продовольственного снабжения армии, на-

^I Греческое (и затем турецкое) название города Битола, ныне в Северной Македонии.

^{II} Ныне город-порт Саранда в Албании.

конец переговоры об уступках Болгарии по требованию держав и в довершение всего — обманутые надежды на выступление Греции, на быструю помощь союзников, неправильный учет неприятельских сил, — все это следовало одно за другим; каждое из бедствий, недостатки организации и передвижения, ошибки, промахи, разбитые иллюзии служили предметом взаимных обвинений. Каждая сторона стремилась переложить на другую ответственность за происшедшее. Поэтому также, когда надлежало принять безотлагательное решение, ни одна из сторон не хотела делать этого на свой страх.

Начальником штаба был дряхлый больной генерал Путник, остававшийся у власти только благодаря легенде, сложившейся вокруг его имени и стяжавшей ему популярность среди солдат. Делом заправлял его помощник, молодой еще полковник Живко Павлович, по-видимому не лишенный дарований, но не пользовавшийся достаточным авторитетом ни в глазах старых генералов, командовавших армиями, ни тем более в своих отношениях со стариком Пашичем. Военные агенты, отражавшие настроение Верховной команды, нередко с раздражением отзывались о вмешательстве Пашича в руководство военными операциями.

Отношения между Верховной командой и правительством особенно обострились в последний период перед открытием военных действий в сентябре 1915 года. Военные не могли простить Пашичу, что он помешал им, согласно требованиям держав, напасть на Болгарию, пока она не была готова. Ему ставили в вину все неудачи в переговорах с державами и Грецией.

Когда последняя¹ изменила, пришлось перестраивать все планы. Сопротивляться на два фронта Сербия была не в силах. Самый простой и естественный, с точки зрения военной и политической, план состоял конечно в своевременном отходе армии на юг для соединения с союзниками и приближения к морской базе. Карты смешало отчасти временное колебание французов. Вначале они обещали присылку войск в коренную Сербию. Как я уже говорил, их ожидали в Нише.

Это последнее предположение было, конечно, неосуществимо, ибо переброска значительных сил из Франции в Сербию через Салоники требовала времени. К тому же надо было еще собрать эти силы, а англичане колебались, нужно ли вообще их посылать. Сербам, однако, страстно хотелось, чтобы именно этот план осуществился, чтобы к ним пришли на помощь и теперь же сильные союзные войска. Поэтому, когда в Салоники прибыл генерал Саррайль и сразу отменил распоряжение о посылке передовых частей в Ниш, не считая возможным посылать сла-

¹ Имеется в виду Болгария.

бые войска на верный риск, что они будут отрезаны от своей базы, сербская Верховная команда не захотела примириться с основательностью и окончательностью этого решения. Когда французы говорили сербам: идите к нам на соединение, сосредоточьте все силы на то, чтобы не быть отрезанными, Живко Павлович отвечал, убеждая французов, чтобы они сами шли на соединение к сербам и помогли им задержать вражеское вторжение в старую Сербию.

Здесь сыграл еще роль самый характер сербской армии: это было войско, обладавшее первоклассными боевыми качествами, которые оно не раз показало, но вместе с тем, по своему складу сербская армия имела сходные черты с милицией. Сербский селяк особенно хорошо сражался, когда защищал родное село, близкий ему край. Ради этого достоинства он беззаветно жертвовал жизнью, но в его понятиях не уживалось представление о возможности покинуть хотя бы на время эти родные места, не попытавшись их защищать. Еще менее с этим мирилось воображение населения.

И Пашич, и Живко Павлович считались с этими особенностями, когда не решались признать необходимость идти в новые земли, в Монастырь, с которым ни у населения, ни у армии не было укоренившихся связей, и бросить на разорение колыбель сербского народа, его историческое средостение.

Колебания и нерешительность вызывали промедления. Между тем, как и следовало ожидать, первым делом болгар было прервать железнодорожное сообщение с Салониками и, следовательно, с Монастырем.

Сербь не отвергали идеи соединения с союзниками до последней минуты, только они, как я уже сказал, все хотели, чтобы те к ним пришли.

Не зная окончательных намерений сербского правительства, я не мог своевременно выработать плана эвакуации наших учреждений. Больницы и доктора были более чем когда бы то ни было нужны. Поэтому я не мог в такую минуту их всех отправить в Салоники, как мы о том подумывали. Этого нельзя было сделать также ввиду впечатления, которое произвел бы на сербов отъезд русских. И без того они чувствовали себя всеми покинутыми, без того они роптали на Россию. Нельзя было не поддержать их в такую минуту, и всего больше это лежало на обязанности тех лиц и учреждений, которые прибыли в Сербию для оказания им помощи.

Я был в ежедневных сношениях с нашими докторами. Все они переживали подъем духа, желали всей душой продолжать свою работу. Заразные бараки, устроенные моей женой в начале эпидемии, были нами временно закрыты еще в августе ввиду прекращения эпидемии, а также того обстоятельства, что с тех пор в Нише на средства Терещенко

открылся обширный госпиталь Александрийской общины для лечения заразных болезней. На долю этого госпиталя выпало немного работы, ибо он прибыл в мае, когда эпидемия уже затихла. Между тем, по своему составу и оборудованию, это был первоклассный госпиталь. Старший врач доктор Спасский только что закончил оборудование павильонов для больных. Когда я поставил вопрос об эвакуации, то он, переговорив со своими сослуживцами и сестрами, заявил, что они хотели бы остаться даже в случае занятия болгарами Ниша. К тому же решению пришел доктор Софотеров. Что касается московского госпиталя, то я предполагал, что ему лучше эвакуироваться. Состав сестер был не из профессиональных сестер милосердия, а большей частью из молоденьких девушек, родители коих доверили своих дочерей моей жене. Мне не хотелось оставлять их в Нише; сами они решили работать до той минуты, когда городу будет угрожать непосредственно занятие неприятелем, и тогда направиться туда же, куда и все двинутся. В их распоряжение сербская санитарная команда предоставила грузовой автомобиль. Кроме того, у нас в Нише при санитарной организации имелись повозки и волы, которые предполагалось использовать для перевозки поклажи.

Вопрос о том, оставаться или уезжать из Ниша и куда именно, обсуждался ежедневно в бесконечных и малопродуктивных совещаниях Совета министров. В этой бесполезной болтовне несчастные министры, привыкшие, как и все сербы, очень много говорить, отводили душу. Каждый день они перерешали то, к чему приходили накануне. Иностранные миссии получили из Министерства иностранных дел ноту, приглашавшую их приготовить тяжелый багаж для отправки его 1 октября через посредство министерства по назначению, которое было еще неизвестно. Вначале они было остановились на Монастыре. Я даже телеграфировал нашему консулу в этом городе, чтобы задержать для себя помещение. Отъезд был назначен на 4 октября, но по недостатку вагонов вследствие передвижения войск пришлось отложить. Тем временем болгары, как и следовало ожидать, перерезали железнодорожное сообщение.

Тогда решили эвакуировать миссии и правительственные учреждения временно в Кральево¹, а там дальше — как видно будет. Это половинчатое решение было самое неудовлетворительное, ибо Кральево лежало на узкоколейной дороге и по самой географии могло быть только этапом. Само правительство не решалось еще покинуть Ниш, дабы не усилить еще больше ропот населения, которое сказало бы, что министры думают только о том, как себя спасти.

¹ Имеется в виду город Кральево.

Каждый из них имел в своем распоряжении прекрасный автомобиль, партия коих только что прибыла из Америки. Они говорили, что могут уехать из Ниша за несколько часов до прихода болгар.

Иностранные представители решили разделиться на две партии. Бóльшая часть состава, секретари и драгомань, а также тяжелый багаж были направлены в следующий за Кральевым городок Чачак, потому что в Кральеве не могло хватить для всех места. 5 октября туда уехали Пелехин и Якушев. При мне оставались Сукин и Мамулов. Наш отъезд был назначен на 7 октября.

Накануне вечером, 6 октября, я прощался с нашими докторами и сестрами. Собрались в Московском госпитале. Это была волнительная минута. При каких условиях, где и с кем придется встретиться?

Я передал каждому из наших отрядов икону, благодарил их за всю их самоотверженную работу и готовность до последней минуты оставаться на своем посту.

Отъезд был назначен довольно рано утром 7 октября, но конечно и здесь сказался недостаток организации, и мы уехали лишь днем. Я успел позавтракать в Александринском госпитале, которой находился рядом с остановкой «Красный Крест», куда подан был поезд.

Этот первый отъезд был обставлен с комфортом. Мы ехали в вагон-салонах. К поезду была прилеплена масса товарных вагонов с разным казенным грузом; на вещах, внутри вагонов и на крышах их ехала масса народа — привилегированные, которым удалось получить местечко. Сердце сжалось, когда поезд тронулся и я последний раз увидел тех, кто решил остаться, в том числе милейшего епископа Досифея, который накануне в больнице всех согрел своим теплым ласковым словом и ободрением. По пути мы видели первых болгарских пленных, которые перебежали сербскую границу и сдались, утверждая, что не хотели воевать, узнавши, что их поведут против России.

В Кральеве мне с сотрудниками отвели помещение в доме одного из местных богатеев — буньяка. Это был маленький чистенький одноэтажный домик с парадной гостиной и кабинетом, куда сами хозяева в обыкновенное время заглядывали, только когда у них были гости. По соглашению с моими коллегами я взял с собой моего повара-швейцарца, который должен был кормить всех дипломатов. С этой целью нам удалось найти помещение — довольно большую комнату с отдельным ходом в домике в саду. Там собирались мы все два раза в день. Особого затруднения найти провизию там еще не было. Наш повар отлично нас кормил, и эти сборища положительно поддерживали дух у всех и остались одним из приятных воспоминаний нашего странствования. Изредка нас навещали чачакцы.

Если внешняя сторона жизни для нас была сносно обставлена, зато со времени выезда из Кральева началось непрекращавшееся томление и волнение за весь путь страданий, который только еще начинался для сербов.

С нами послан был в Кральево представитель сербского Министерства иностранных дел Груич, который служил посредником в наших сношениях с правительством. Почти ежедневно мы получали через него сообщения, которые телеграфировали нашим правительствам. Тон их с каждым днем понижался. 9 октября мы передали по телеграфу следующее сообщение: «Положение на нашем Восточном фронте становится все более и более критическим вследствие недостатка войск. Немцы, хотя медленно, но непрерывно продвигаются вперед благодаря превосходству артиллерии. На востоке болгары уже заняли часть железной дороги на Тимоке, Вранью, Кривопаланку, Куманово, Кочаны, Штип, Велее и перерезали сообщение с Салониками. Если не позднее 10 дней на помощь к нам через Салоники придут от 120 000 до 150 000 союзных войск, то, по мнению военных кругов, мы могли бы помешать наступлению болгар и ждать прибытия более значительной помощи для успешного действия. Мы боимся, однако, что союзная помощь не придет своевременно... В случае скорого ее прибытия, Сербию можно спасти из критического положения, которое может стать таким же для союзников, если они дадут Германии и Болгарии время окончательно раздавить нас. Тогда союзникам понадобится гораздо больше войск, чем сейчас, чтобы одолеть врага на Балканах. Мы делаем последний призыв союзникам, и если он не будет услышан, — мы сделали все, что могли, и не в нашей власти сделать больше».

В последних словах слышался крик отчаяния, но они могли вызывать также опасение, как бы изнемогавшая в неравной борьбе, чувствуя себя всеми покинутой, Сербия не решилась пойти на переговоры с врагом об условиях мира. Настроение в этом смысле было довольно сильно. Оно поддерживалось либералами, которые вспомнили свое бывшее австрофильство. В кругах, близких к Верховной команде, раздавались голоса в пользу мира ввиду полной невозможности продолжать борьбу.

13 октября Пашич снова взывал через наше посредство к союзникам о настоятельной необходимости как можно скорее восстановить сообщения между сербской армией и союзной в Салониках. Если этим путем не будет быстро обеспечено снабжение армии и населения, то, по его словам, можно было ожидать «последствий катастрофального характера в стране, которая не может перенести с хладнокровием и нужным спокойствием тяжелые обстоятельства, среди коих находится».

На все это скончался сербский министр финансов Пачу в маленьком курорте близ Кральева. Это был старый сподвижник Пашича,

один из ближайших его друзей и столпов старорадикальной партии, умный и дельный человек. Почти год он проболел водянкой.

Пашич приехал на его похороны во Вранью, а оттуда заехал в Кральево, по общей просьбе нас, посланников. Он поражал своей бодростью и спокойствием. Глядя на него, можно было понять влияние, которое он оказывал на окружающих и Верховную команду, заражая их своей непоколебимой верой в торжество правого дела. Оставшись с ним наедине, я откровенно поставил ему вопрос, как смотрит он на опасное настроение и ропот в населении и на толки об отдельном мире. Пашич, не обинуясь, ответил мне, что если Сербию должна постигнуть участь Бельгии, то и в этом случае лучше все перетерпеть, но не сдаваться, чтобы потом воскреснуть. Лично его всего больше беспокоили колебания Англии относительно присылки войск в Салоники. Эти колебания и нерешительность были действительно роковым недугом не только англичан, но и вообще союзников во всем, что касалось балканских дел.

Как ни крепки были нервы Пашича, однако и он дрогнул. Два дня спустя после того, как он посетил нас, все правительство прибыло в Кральево, но на самый короткий срок, не считая возможным там долго задерживаться. Пашич как-то весь осунулся, похудел. Он все цеплялся за надежду, что союзники помогут отвоевать Скопье и произойдет соединение с ними сербской армии. Критическое военное положение осложнилось еще угрозой острого продовольственного кризиса. Все хлебные запасы были сосредоточены в местностях или уже занятых, или непосредственно угрожаемых неприятелем. В Кральеве был мягкий умеренный климат, и все же осенняя погода и ненастье давали себя чувствовать. Вся страна превратилась в массу кочующих беженцев, которые не находили себе ни крова, ни пищи. Пашич просил союзников заготовить склады продовольствия как в Салониках, куда он не терял надежды, что прорвется армия, так и в Дураццо¹, если бы пришлось базироваться на Албанию.

Я получал самые скудные сведения о том, что полагают предпринять союзники. Редкие телеграммы из Петрограда не давали мне почти никаких данных. Мне говорили, что я должен поддерживать в сербах решимость бороться до конца, что союзники принимают «все меры к тому, чтобы возможно безотлагательно прийти на помощь Сербии», но в чем заключаются эти меры, было мне неизвестно и совершенно неясно.

Наступали жуткие дни. В один из мгlistых сырых вечеров небо вдруг зажглось каким-то зловещим заревом, которое осветило весь город. Я вышел на улицу посмотреть, в чем дело. Близ вокзала горели баки с бен-

¹ Итальянское название албанского города Дуррес.

зином для автомобилей. Пожар произошел, по-видимому, вследствие поджога. Можно было подозревать, что виновниками был кто-нибудь из военнопленных, за которыми был самый слабый надзор. Я не говорю об австро-венгерских офицерах. Их было, помнится, свыше 600 человек. Когда наступила опасность, их отправили из Ниша в Дураццо, а оттуда — в Италию. Что касается пленных нижних чинов, то их направили на различные дороги, по пути отступления, дабы чинить их и по возможности приводить в порядок. Они обыкновенно находились под началом какого-нибудь старика-ополченца, «чичи». С каждым днем становилось труднее кормить их. Многие из них бежали к своим; те, которые оставались и направлялись в Албанию, умирали массами на пути от холода и лишений.

Заговорив о военнопленных, не могу не упомянуть о наших пленных, бежавших из Австрии и Германии, которых мне приходилось видеть в Сербии. Пока мы жили еще в Нише и сообщение между Салониками и Дунаем не было прервано, через Сербию проезжали наши пленные, бежавшие во Францию, в Швейцарию и в Италию. Живое помню некоторых из них. Их рассказы поражали порой фантастичностью приключений, необыкновенной смышленостью, находчивостью и смелостью тех, кому удалось спастись после целого ряда мытарств. Один из таких пленных чуть было не наделал мне хлопот. Это был унтер-офицер, бежавший из Австрии. Он пробыл дня два-три в Нише в ожидании парохода из Прахова (на Дунае) в Россию. Гуляя по городу, он встретил австрийского офицера в форме, гулявшего с какой-то барышней, должно быть — сестрой милосердия. Сам офицер был военнопленный врач-славянин, работавший в одном из госпиталей в Нише.

Недолго думая, наш солдатик взял его, «заарестовал» и повел в комендантское управление. Он был совершенно возмущен. «Посмотрели бы, как австрийцы нас в плену держали. Разве можно позволять австрийцу гулять на свободе с барышнями». Вышла целая обида, не только со стороны пострадавшего, но и администрации госпиталя, жаловавшегося на своеволие нашего солдатика. Но последний был так возмущен, что даже довольно дерзко ответил нашему доктору, сделавшему ему замечание. Но конечно нельзя было не понять этого человека, только что перенесшего целый ряд мытарств, от которых избавился, рискуя жизнью, чтобы убежать от этих самых ненавистных австрийков.

В последние дни пребывания моего в Нише в миссию был доставлен наш солдатик, перебравшийся вплавь через Дунай в Сербию. Когда он уже был на сербском берегу, его увидали сербские часовые.

— Я — русский, — закричал он, поднимая руки.

— Ах, — русский? Так вот тебе, — отвечал часовой, стреляя, очевидно не веря его словам.

Несчастный упал, пуля пробила ему грудь навывлет. Его подняли, понесли и тут признали, что это действительно русский, и тогда, разумеется, окружили заботами. К удивлению, рана оказалась настолько легкой, что раненый выдержал ее на ногах. Его отправили в Россию чуть ли не с последним поездом и пароходом. Сербь всех наших пленных награждали медалями за храбрость.

В числе пленных из Германии меня особенно поразил рассказ одного офицера. Сожалею, что не помню фамилии этого скромного героя. Он был латыш, до взятия в плен имел Георгиевский крест, а попался под Сольдау, в армии генерала Самсонова¹²¹.

Он не стерпел грубого хамского обращения немцев к военнопленным офицерам. В лагере, где он содержался, было два офицерских барака. Там был, между прочим, и командир одного из наших корпусов генерал Мартос. Надзиравший в бараке германский унтер-офицер находил какое-то удовольствие грубо обходиться с пленным русским генералом¹²². Однажды он так сильно толкнул его, что тот чуть было не упал. Наши офицеры пришли в бешенство, и старику Мартосу пришлось уговаривать их, чтобы они не убили грубого немца.

Побег был задуман четверьмя офицерами, которые решили ничего не говорить товарищам, пока не кончат приготовлений, ибо трудно было удержать секрет, если б его долго знали 200 человек. Решено было прорыть подземный ход от печки у стены. Дело было весной, когда печи перестали топить. Рыли месяца три. Трудно было вполне точно определить направление подземной галереи и ее длину. Когда показалось, что она достаточно длинна, решили испробовать. Ночью один из участников полез в галерею. Дойдя до ее конца, он стал ждать, пока не утихнут шаги часового, будка которого находилась в некотором расстоянии от барака. Наконец все затихло. Осторожно пробуравив землю, он выставил из нее палочку с чуть заметным белым флажком. Сам рассказчик должен был наблюдать из окна, где появится флажок. Долгое время он ничего не видел, и вдруг, о ужас, он заметил, что флажок оказался вплотную перед самой будкой, где сидел часовой. Может быть, это и было к лучшему. Часовой ничего не заметил, ибо не смотрел прямо под ноги.

Опыт благополучно сошел с рук, но участники побега решили, что надо еще значительно удлинить подземный ход. Они работали еще недели четыре.

Вдруг однажды в соседнем бараке произвели генеральную чистку. Очевидно, что она имела в виду осмотр. У немцев как будто зародились какие-то подозрения. Нельзя было дольше мешкать, хотя стояли лунные ночи, мало благоприятные для побега. Решено было бе-

жать. Это была ночь 17 августа 1915 года, я помню это число, которое назвал рассказчик. Сказали все товарищам, предлагая желающим присоединиться. Таких нашлось несколько человек. Условились, кто с кем побежит попарно, по разным путям; но пары, по-видимому, перепутались.

Сам рассказчик выполз один из первых. Стал ждать товарища. Часа четыре пролежал под кустом. Дождлся. Поползли вдвоем, останавливаясь сначала каждое мгновение, чтобы избежать малейшего шороха. Наконец пустились в бегство, выбирая леса, залегая в полях, в канавах, между картофельной ботвы, всего что могло служить прикрытием. Шли ночью, днем где-нибудь скрывались. Питались корнями, зерном из колосьев, когда прибереженные корки и куски хлеба стали убывать.

Шли они как-то ночью по горной дороге. Внизу — круча. Вдруг неслышно на них прямо наехали военные велосипедисты, тотчас на них накинувшиеся. Завязалась отчаянная борьба. «Рыжий немец обхватил меня. Тогда я рванулся с ним к краю дороги и мы покатались вдвоем вниз, один через другого, причем он не выпускал меня. Пока мы катились, я увидел у него на шее толстый длинный шнур, на котором висел револьвер. Я стал тянуть и скручивать этот шнур, чтобы душить его. Мне удалось стянуть шнур, немец ослабел, выпустил меня из рук, тогда я с силой толкнул его вниз, в пропасть. Я поднялся кверху на дорогу. Вначале, пока я боролся с немцем, оттуда слышались крики, шла также борьба у моего товарища. Но когда я поднялся, все было уже тихо и на дороге никого не было. Так я и не знаю, чем все кончилось».

Оставшись один, долго скитался, переживая время между постоянными опасностями и волнениями и лишениями, порой изнемогая от голода и слабости. На пути попадались реки, которые приходилось переплывать. Так прошло 18 суток. Наконец однажды дошел до какого-то столба, стоявшего на холме. По всему казалось, что близка уже граница Швейцарии. «Подхожу я к столбу. Стараюсь в темноте разглядеть надпись и вдруг к ужасу моему вижу, что с другой стороны к тому же столбу подходит и совсем близко часовой с ружьем, в каске. Я в него вглядываюсь, а он в меня вглядывается. Я его испугался, но вижу, что и он меня боится. А на мне после всех скитаний в воде и на суше, в колючих кустарниках висят лохмотья, весь я всклокоченный, обросший бородой, с воспаленным взглядом; я понял, что вид у меня ужасный, что молодой парень часовой, встретив меня ночью в пустынном месте, испугался вроде как привиденья. Все это промелькнуло в голове, и я закричал на него ужасным голосом. Немец действительно шарахнулся и в свою очередь закричал и выстрелил в воздух, очевидно призывая помощь. Я бросился с холма, где был столб, вниз в ржаное поле и, пробежав

немного, спрятался во ржи. Скоро мимо меня промчались велосипедисты. Я прождал довольно долго. Потом опять пополз к столбу, хотя он был на холме и меня могли увидеть. Но я должен был узнать, где я. Я полз часа четыре. Наконец достиг столба, прочел надпись. Это была граница Швейцарии. Когда я встретил часового, я был уже на швейцарской территории, а потом от него кинулся на германскую землю, сам того не зная. Теперь я был спасен. Я пошел прямо по дороге до первой деревушки, где заявил, кто я. Оттуда меня доставили в Берн. Прибыв туда, я слег от нервных потрясений и пролежал две недели, потом, оправившись, отправился в Париж, а теперь еду в Россию».

Теперь, вспоминая этот рассказ больше чем год спустя и после стольких событий и впечатлений, я конечно не упомяну и не могу передать подробностей, которые невольно переживались во время рассказа, в котором чувствовалась полная правдивость и простота. Сколько пережил этот человек и какое счастье ждало его на границе России.

Через Кральево проходили все беженцы. Там же я встретил один из наших отрядов моряков, ставивших на Дунае минные заграждения. Моряки задержались на несколько дней. Между ними нашелся один прекрасный сапожник. Я воспользовался этим, чтобы заказать ему валенки. Он мне сделал их великолепно, такие высокие, что закрывали всю ногу и прикреплялись к поясу. В горах это очень пригодилось, когда приходилось ехать. Там же я постарался вообще купить, что мог, для дороги, к которой мы, в сущности, совсем не приготовились в Нише. Одна из самых полезных вещей оказалась шерстяная фуфайка, хотя и дамская. Я в ней проехал всю последующую дорогу. Также весьма пригодился шоколад, который я также нашел в Кральеве.

18 сентября мы, на этот раз вместе с правительством, двинулись дальше в путь, в Рашку.

В распоряжение дипломатов были даны два четырехместных автомобиля и три грузовых. Так как нас всех было свыше 20 человек, то разместиться удалось конечно с грехом пополам. Секретари поехали в грузовых автомобилях, сидя на сундуках.

Мы выехали из Кральева, когда неприятель был от него всего в 25 верстах. Повар-швейцарец пожелал остаться в Кральеве. Главную часть вещей пришлось, разумеется, оставить на произвол судьбы. Так же поступили наши отряды — Московский и Славянского благотворительного общества, пришедший из Крушеваца. Вскоре присоединился и доктор Софотеров с русскими сестрами. В последнюю минуту перед тем, что сербские войска оставили Ниш, произошла путаница в распоряжениях насчет находившихся там отрядов. Сербский военный санитар предло-жил всем докторам и сестрам оттуда уходить. Часть персонала Алексан-

дрийского госпиталя ввиду этого отправилась в Кралеево. В это время начало уже выясняться, в каких тяжелых условиях будет происходить передвижение всей массы людей по неизвестному направлению, не находя ни крова, ни хлеба. Ввиду этого я посоветовал встретившимся мне докторам и сестрам, которые ничего не имели и не подготовили себе для дороги, вернуться в свой госпиталь в Ниш, а сам телеграфировал в Петроград обо всех оставшихся, которым предстояло попасть в плен, чтобы об их участии и освобождении из плена озаботились через нейтральные государства. Начальник санитета предоставил в распоряжение Софотерова грузовой автомобиль. Такой же имелся у нашего Московского отряда. Поэтому им легче было передвигаться.

У сербов исчезли последние следы порядка и организации. Они предоставляли каждому спастись, как кто мог. Ко мне являлись многие русские доктора и сестра, работавшие по вольному найму в различных сербских госпиталях. Я знал про самоотверженную работу некоторых из них, например двух сестер, проводших всю эпидемию в ужасной больнице в Челе-куле. Хотя им предлагали перейти на работу в русские организации, они отказывались, говоря, что чувствуют, что будут более нужны там, где почти никого нет. И вот, когда началась эвакуация, всем этим докторам и сестрам было выдано небольшое пособие и предложено уходить, куда и как — они сами знают. Две сестры, о коих я упомянул, обратились в сербский санитар, предлагая продолжать работать, где им укажут. Начальник ответил им, что сербы теперь нуждаются в русских солдатах, а не сестрах. Конечно, в это время сербы начинали переживать катастрофу; понятно, что они были и нервны и раздражительны, но все же, если кто мог ожидать к себе больше внимания и сердечности при каких бы то ни было обстоятельствах, так это конечно — эти скромные труженики и труженицы, случайно уцелевшие в работе, на которую отдали всю свою душу и которая стоила жизни стольким их товарищам. Очень много было русских докторов и сестер из политических эмигрантов; эти и в пути не являлись ко мне за помощью и сорганизовались самостоятельно. Я поручил, однако, Софотерovu в мере возможности оказывать им поддержку и помощь, конечно не разбирая вопроса об их «легальности». Не об этом можно было думать в таких условиях.

Постепенно до нас доходили слухи о том, как произошло занятие Ниша болгарами. Дня три город никем не был занят. Сербь ушли, а болгары еще не входили. В это время было немало грабежей. Опасаясь насилий со стороны болгар, епископ Досифей вышел им навстречу в облачении. Как говорят, болгарский военачальник сошел с коня и подошел к нему под благословенье. Все обошлось на первых порах мирно, но дня

через два епископа увезли в Болгарию и поместили в монастырь близ Филиппополя^I вместе с верным ему дьяконом. Год спустя епископ написал открытое письмо Штрандтману в Рим, посылая мне поклон. Вот и все, что я о нем знаю пока^{II}. Сам же не решился писать, чтобы не повредить ему.

Путь от Кральева в Рашку был чрезвычайно живописный, между гор. Дороги в пределах старой Сербии были вполне удовлетворительны. По пути мы все время опережали и встречались с пестрой толпой беженцев всех возрастов, положений и национальностей. Мамулов, сидевший со мной и знавший положительно всех в Сербии, поминутно здоровался и называл мне попадавшихся на пути. Тут были депутаты скупщины, чиновники, священники, учителя, купцы, крестьяне; кто — верхом, кто — в повозке на волах, а большая часть — пешком. Тут же шли французские доктора, английские суфражистки, в большом числе работавшие в разных медицинских и питательных отрядах; тут же шагала адмирал Трубридж — тот самый, который в свое время пропустил «Гебен», а потом был послан в Белград для поставки минных заграждений на Дунае. С ним шли моряки. Наши доктора и сестры, славянские беженцы из Австрии, в начале войны перекочевавшие в Сербию. Воздух оглашался говором и криками на всех языках и наречиях. В пути все были объединены общими впечатлениями и переживаниями, но на стоянках каждый норовил перехитрить другого, чтобы добиться ночлега и перехватить какую-нибудь пищу.

Рашка был крошечный городишко, вроде ласточкина гнезда, прилепившегося к подножию горы. Мне с Мамуловым и Сукиным отвели помещение в квартире молодой миловидной сербки. Муж ее был в армии. Сама она была уроженкой из Боснии и, следовательно, восприняла отчасти австрийскую культуру, хотя и ненавидела швабов. Квартирка ее сверкала чистотой, и утром она нам дала настоящий венский кофе со сливками, какого я давно не пивал. Она видимо старалась принять нас со всем радушием, как можно лучше. На кровати для меня было постелено кружевное белье, которое стелется у сербов только в брачную ночь, а потом подается только в самых редких случаях гостям. Я боялся измять все эти кружева, но мне сказали, что я обижу хозяйку, если постелю свое белье. Ей видимо было приятно хлопотать и угощать нас. Раньше кофе, чуть мы проснулись, нам по сербскому обычаю было подано варенье с водой. Варенье было чудное, и наша милая хозяйка, когда мы уезжали, чуть не силой заставила нас взять две банки, «чтобы

^I Ныне город Пловдив.

^{II} Пишу 27 ноября 1916 г. — Примеч. автора.

швабам не досталось». А когда я ее детишкам дал по золотому на игрушки, она покраснела как рак от мысли, что я хочу заплатить ей за гостеприимство.

Дом, где помещалась квартира нашей хозяйки, выходил на небольшую площадь. Это был центр городка. Площадь быстро заполнялась автомобилями и повозками, в которых расположились на ночлег люди. От площади радиусами шло несколько небольших улиц, — это и был весь городок. Нам, дипломатам, нельзя было в нем задерживаться, потому что с часу на час ожидали Верховную команду, каждая комната была уже расписана, и нам просто не хватало места. Поэтому, переночевав там и простившись не без сожаления с нашей хозяйкой и ее чистенькими комнатами, мы пустились дальше в путь, в Митровицу^I. Не я один, но и другие мои коллеги-посланники сохранили самое приятное воспоминание о нашем коротком пребывании в Рашке и о радушии ее обитателей.

Рашка была окраинным городом в пределах старой Сербии. Она отстояла на 25–30 километров от ее границы. Вслед за этим шли новые владения, завоеванные от турок в 1912 году. С тех пор сербы, разумеется, не успели еще привести в порядок дороги. Мы это почувствовали, пустившись в путь. К тому же осенние дожди испортили и размывали местами дорогу, живописно вившуюся вдоль реки Ибара. Мы кое-как проехали в легковых автомобилях и благополучно прибыли в Митровицу, но грузовым автомобилям это было труднее. Один из таких автомобилей, где ехал греческий поверенный в делах, на каком-то повороте опрокинулся. Все сидевшие в нем вылетели, по счастью отделавшись одним испугом, кроме слуги итальянского посланника, который при падении сломал себе ногу. Бедный барон Сквитти, и без того измученный и больной, был окончательно обескуражен. Он не знал, что делать со своим старым слугой, который жил у него много лет. Он не мог бросить его. Ему удалось добиться, чтобы этот слуга был доставлен со всеми предосторожностями в Призрен на попечение тамошнего католического архиепископа. Греческий поверенный в делах, вылетевший из автомобиля, был оскорблен во всех своих чувствах дипломата, проникнутого сознанием своей важности, как представителя Греции. Он закатил настоящую сцену бедному Чолак-Античу за то, что его поместили в грузовике вместе с прислугой.

Я был в Митровице семь лет перед тем в 1908 году, и мне было интересно сравнить тогдашнее и теперешнее впечатления. Тогда, во времена турок, Митровица производила впечатление столицы разбойничьего царства. Господами положения были арнауты^{II}. Они ходили во-

^I Ныне Косовска-Митровица.

^{II} Турецкое название албанцев, из которых Османская империя формировала военные отряды, использовавшиеся для проведения карательных операций против христианского населения.

оруженные с ног до головы, бритые, с чубом на затылке, мрачно сверкавшие глазами, если им приходилось посторониться перед коляской, в которой сидел гяур-европеец. Во всей Митровице тогда только двое носили европейские шляпы — это были русский и австрийский консулы. Я не мог выйти за город, чтобы за мной тотчас не скакал конвой, приставленный для моей охраны, ибо местный губернатор-турок боялся, как бы чего не вышло, за что ему потом придется отвечать. На улицах открыто продавался табак, хотя во всей Турции была запрещена вольная его продажа, — настолько турки не смели заводить какие бы то ни было порядки в Албании. На меня пахло тогда какими-то отдаленными временами, словом это была Запорожская Сечь. И конечно Албания была сплошной вольницей, а Митровица — каким-то разбойничьим гнездом.

Теперь, въезжая в Митровицу, я прежде всего мог заметить, что архитектурный вид города остался без перемен. Прибавилась только новая громадная каменная казарма, выстроенная младотурками незадолго до балканской войны. Те же самые турецкие дома с деревянными решетками в окнах и пузатым вторым этажом, те же узкие грязные улицы с открытыми лавками. В них безмятежно сидели старые турки в белых чалмах. Все так же с ленивой важностью, невозмутимые, они пили кофе и курили трубки, мало заботясь о покупателях и о продаже своего товара, все так же бесстрастно смотрели они на шум и суету, которая творилась вокруг них. Но этим и ограничивалось сходство новой Митровицы со старой.

Прежние господа положения сменились новыми. Я не узнал гордых арнаутов. Куда делись эти молодцы, щеголявшие своими кинжалами, пистолетами и винтовкой? Как потухли их взоры, сверкавшие мрачным пламенем, как поникли их головы! Неужели этой скромной поступью идет вчерашний грозный хозяин и властелин?

Вся эта перемена была достигнута не только завоеванием края у турок, но и суровым беспощадным подавлением албанского восстания после войны, когда целые селения почти поголовно исчезали с лица земли, и пощады не давалось иногда даже детям. Странно было теперь видеть арнаутов, чинящих дорогу под наблюдением прикрикивающего на них старого досмотрщика-серба.

Митровица быстро заполнилась беженцами и солдатами. Порой было трудно протесниться по улице. Мне отвели помещение в доме, где когда-то жил первый русский консул в Митровице Щербина, убитый в двух шагах от города арнаутом, ибо его соотечественники не хотели допустить, чтобы русский консул жил в их Митровице и мешал им расправляться с сербами. Хозяин моего дома был серб, чтивший память покойного Щербины. Помещение, мне отведенное, было довольно просто, но видно было, что это уже не старая Сербия. Чистоты, которая

приятно радовала меня в Кральеве и Рашке, здесь не было. Пришлось принять радикальные меры, чтобы как-нибудь отгородиться от клопов. Они были во всех жилых комнатах. Поэтому я устроился в зале, куда сам хозяин никогда не входил и где по стенам висели портреты Государя и королевы Виктории и стояли венские стулья, дополнявшие европейские просвещенные вкусы хозяина. Зато печей не было, и я первым делом озабочился постановкой железной печи, которую по счастью удалось найти в какой-то лавчонке. Хуже обстояло дело с питанием. Для дипломатов и более чистой публики был отведен лучший «ресторан» в городе, носивший гордое название «Хотел Бристол». Это были две низкие темные комнаты, какие могли бы быть в трактире какого-нибудь небогатого села. Неизменным блюдом было «свинско печение»^I. Все это было жирно, грязно и неприятно. Подавал какой-то запасной солдат, который разрывался на части, никуда не поспевая на крики: «Войниче!»^{II}, которыми его призывали. Кончилось тем, что, обидевшись на какого-то озлобленного посетителя, этот «войниче» отказался служить и был заменен мальчишкой, так что стало еще хуже. Приходилось мириться, и, чтобы чем-нибудь скрасить нашу ужасную пищу, я приносил с собой шампанское, несколько бутылок которого я захватил из своего погреба в Нише.

Мои иностранные коллеги продолжали собираться у меня ежедневно. Мы обменивались скудными сведениями и слухами, до нас доходившими и которые мало способствовали оптимизму. Делать ничего нельзя было. Беспомощность и бессилие, конечно, только усугубляли тяжесть положения. Чтобы не поддаваться настроению, мы усиленно играли в бридж. Неизменным партнером был милейший *sir Ch. Des Gras* [Де-Гра], а также румынский военный агент. Остальные были свои. В Митровице мы встретились с Пелехиным, который приехал туда из Чачака немного раньше нас.

Глава XVI

Военное положение было таково, что нельзя было долго оставаться в Митровице. Но куда идти? Этот вопрос по-прежнему оставался нерешенным. Сербское правительство все еще надеялось на победу над болгарями, на возможность соединения с союзниками и затем на движение на юг к Монастырю. Между тем осень давала себя все сильнее чувствовать. Дожди невероятно испортили дороги. Чинить их было некому, не столько

^I Жареная свинина (сербск.).

^{II} Солдат (сербск.).

даже по недостатку людей, ибо пленные еще имелись, сколько по недостатку организации и отсутствию плана, ибо раз неизвестно было, пойдем ли мы на Монастырь или на Черногорию, то нельзя было сосредоточить все усилия на починку дорог в одном каком-нибудь направлении.

В это время ко мне зашел как-то черногорский посланник Лазарь Миушкович. Он сказал мне, что король Николай принимает очень к сердцу тяжелое положение, в котором мы находимся, специально — я как русский посланник, и что, желая как-нибудь проявить свое участие, он хочет пожаловать мне орден. Я ответил, что очень тронут вниманием короля и что ввиду этого я был бы очень благодарен, если бы он нашел возможным, в случае если нам понадобится уходить из Митровицы и притом, по всей вероятности, в Черногорию, прислать нам лошадей и повозки, полученные минувшим летом из России. Их прислали тогда для того, чтобы по возможности облегчить доставку хлеба, перевозившегося вьючным и частью колесным путем из Митровицы в Черногорию. Я добавил, что, как ему известно, сербы до сих пор не приняли решения, куда идти, но что нужно все подготовить, ибо, когда решение будет принято под давлением обстоятельств, то будет уже поздно подготавливать перевозочные средства. Миушкович с большой готовностью отозвался на мою просьбу, в исполнении коей был одинаково со мной заинтересован. Он телеграфировал в Цетинье, и вскоре в Митровицу приехал бывший черногорский министр финансов Попович, которому поручено было на месте определить, что может быть сделано.

В это время одно было ясно, что куда бы нам ни идти, придется переправляться через горы по самым скверным дорогам и тропинкам. Следовательно, надо было готовиться к неизбежности ехать верхом и идти пешком. Я уже 23 года не садился на лошадь, потому что смолоду повредил себе колено. Кроме того, у меня кружилась голова даже на высоте второго этажа, если, например, приходилось входить на стройку по лестнице без перил. Я решил тренироваться, пользуясь свободным временем.

В первый раз я пошел пешком на высокую гору Свечан, у подножия коей расположена Митровица. Эта гора придает особую живописность всему пейзажу — широкой равнине, расстилающейся внизу, и Митровице, лепящейся со своими белыми домами и минаретами у ее подножия. Гора возвышается острым конусом, на вершине коего остатки старинной крепости и замка, где жил и был удушен король Великой Сербии Стефан Дечанский, причисленный Сербской церковью к лику святых.

Я пошел с полковником Новиковым, В. В. Семянниковой и Соной Горбовой. На полдороге у меня закружилась голова, я почувствовал себя скверно, должен был остановиться и с подлым чувством, извест-

ным всем, у кого кружится голова на высоте, стал спускаться чуть не ползком вниз. Очевидно, надо было это побороть во что бы то ни стало.

На следующий день я решил подняться на Свечан верхом. Мне дали скверную тряскую лошадку. Со мной поехал мой неизменный спутник и профессор верховой езды Мамулов, а также черногорец Попович, который хотел посмотреть, как я поеду и что мне надо приготовить для дальнего пути. Мы подымались по крутым тропинкам, иногда ехали по руслу ручья, словом, это была настоящая репетиция того, что предстояло; конечно, было неприятно, особенно — спускаться; но, в общем, я отлично выдержал экзамен и доехал до самой вершины. С этого дня мы каждый день совершали длинные прогулки верхом с Мамуловым.

Вскоре мы узнали, что коменданту станции Феризовичи было поручено заготовить перевозочные средства для правительства и дипломатов, но что поручение это привело бедного коменданта в такое отчаяние, что он предпочел застрелиться. Такое известие заставило нас призадуматься. Лошади из Черногории также не были под рукой, и в минуту, когда они понадобились бы, мы могли остаться не при чем. Мы стали тогда в наших прогулках посещать окрестные албанские села и торговать лошадой. Сначала дело как будто не клеилось. Казалось, албанцы подозревают, не агенты ли мы сербского правительства и не станем ли попросту реквизируют их лошадей, но мы показывали деньги и проявляли готовность заплатить тотчас же и притом — хорошие деньги. Нам стали приводить лошадей, и понемногу мы приобрели маленький караван — восемь или девять лошадей. Большие сундуки и корзины, которые мы привезли с собой, пришлось оставить. Мы заказали, по указанию того же Поповича, продолговатые деревянные ящики, которые можно было приладить к вьючным седлам по обе стороны лошади.

Вскоре решено было отправить первым транспортом через Призрен на Монастырь всех тех, кто был в Чачаке, т[о] е[сть] часть секретарей, а также бельгийского посланника с семьей, которому не нужно было в той же мере, как нам, обеспечить себя контактом с сербским правительством. К тому же бельгийскому посланнику нужно было очистить помещение для Пашича, ожидавшегося со дня на день в Митровице. Насколько велика была теснота и недостаток помещений, можно судить по следующему. Английский посланник был помещен на квартире какого-то местного служащего в Министерстве земледелия. Он занимал всего одну комнату, а его слуга — другую. В остальных комнатах жили целыми семьями. Как-то хозяин квартиры сказал sir Charles'у [Де-Гра], что он в трудном положении, потому что ему надо поместить куда-нибудь инспектора земледелия, а места решительно нет; есть только вторая кровать двуспального ложа, на котором спал sir Charles. Последний был

величайший добряк. Он согласился выручить из беды хозяина и инспектора и позволил поместить последнего рядом с собой.

Инспектор земледелия оказался деликатным человеком. Он забирался в постель заблаговременно и притворялся или был спящим, когда входил sir Charles, и чем свет без шума исчезал из комнаты.

В качестве представителя сербского правительства и посредника в сношениях с нами состоял бывший посланник в Софии Чолак-Антич, заменивший Груича, который был великим путаником, почему мы и просили дать нам кого-нибудь другого. Чолак-Антич был добрейший и деликатнейший человек, прекрасно воспитанный. С ним было очень приятно иметь отношения, как с добрым знакомым, но он был такой же растерянный, как и мягкий человек и совершенно не способен был что-нибудь устроить и сколько-нибудь облегчить нам условия странствования. Его никто не слушался. С другой стороны, он сам ничего не знал о намерениях сербского правительства и Верховной команды и ни о чем не мог нас осведомить. Между тем до нас доходили слухи все более тревожные.

Неприятель занял уже Ниш и Кральево. Сербской армии грозило быть разрезанной на три части и окруженной. В Рашке происходили ежедневные совместные заседания правительства и Верховной команды, причем продолжался все тот обмен жестокими упреками, от которого дело не подвигалось вперед. Иованович доверительно писал мне, что Верховная команда возлагает ответственность за положение на Пашича, который поручился, что союзники начнут военные действия на выручку Сербии не позже трех недель после болгарского выступления. Между сербской Верховной командой и французским генералом Саррайлем не было установлено прямой связи, и все сношения должны были идти по телеграфу через Париж—Салоники. Сколько раз мне приходилось выслушивать обращенные с мольбой и надеждой вопросы о том, когда Россия выступит. Стороною до меня доходило, будто мы дали обещание сербам поддержать их и не исполняем этого обещания. Я был бессилен что-либо на все это сказать, опровергнуть или утешить и тщетно просил, чтобы меня осведомляли. Самые сношения мои с Петроградом шли круглым путем. Я телеграфировал в посольство в Риме, а оно передавало мои телеграммы в Петроград, куда они приходили, конечно, с сильным запозданием. Таким же путем изредка я давал о себе вести моей семье и получал от жены ответ.

Я съездил в Рашку. Виделся с Пашичем, с наследником, вынес впечатление, что оба хотят бороться до конца, но настроение менялось ежедневно, сменяясь от отчаяния к надежде и наоборот, в зависимости от событий и от слухов. В то время нельзя было не бояться того, какое решение выльется в результате всех переживаний у сербов, и мы, все

посланники, настаивали на необходимости нам быть вместе с правительством. Наконец последнее прибыло в Митровицу 30 октября. В этот же день пришло известие, которое было принято как луч надежды: армия воеводы Степы Степановича задержала на время наступление болгар. Тем самым сербская армия выходила из-под угрозы быть разрезанной и окруженной.

К сожалению, у меня нет под руками телеграфной переписки за последующие месяцы и я буду писать о дальнейшем, полагаясь только на память.

Недолго теплилась у сербов надежда, вызванная удачей Степы Степановича. Не помню, через день или два по прибытии сербского правительства в Митровицу, поздно вечером ко мне вошел наш военный агент Артамонов с известием, что болгары взяли Гальян и могут обойти Кочаник. Необходимо завтра чем свет уходить в Призрен. Вооружившись фонарем, я направился по темным улицам к дому Пашича. Мы встретились там с Боппом, который получил то же известие. Самого Пашича не было дома, он был на совещании с престолонаследником. Мы дождались его. Пашич подтвердил, что Гиляны взяты. На следующее утро мы должны были отбыть по железной дороге до станции Липлян. Бой шел у станции Феризовичей.

Мы отправили лошадей в ту же ночь на Призрен, а сами в 8 часов утра были на вокзале. В поезде было правительство с Пашичем во главе и вся Верховная команда. Было неизвестно даже, удастся ли нам доехать до Липлян, или эта станция также уже в руках болгар. Мы, однако, благополучно добрались до Липлян, а оттуда в автомобилях доехали до Призрена.

Призрен — самый живописный и очаровательный город из тех, что мне удалось видеть во время отступления. Он сохранил свой турецкий облик. Как обычно, он расположен у подножия горы, на которой стоит цитадель и конак. Особую живописность городу придает быстрая горная речка, протекающая посреди города и хорошо носящая свое название Быстрины. Через реку перекинуты живописные мосты. Один из них с лепящимися на нем домиками напомнил мне Флоренцию. Для сербов Призрен всегда окружен был особым ореолом славных воспоминаний, уходящих вглубь истории. Король Николай Черногорский, который несомненно владеет даром затронуть порой за живые струны народного сердца, написал о Призрене стихи, знакомые каждому сербу и которые начинаются так:

«Туда, туда, за эти горы,
Да вижду Призрен!»

Я остановился в доме русского консульства, где сохранилась вся обстановка Н. А. Емельянова, который до войны был там консулом. С нами вместе поместился полковник Артамонов и французский военный агент Фурнье. Хотя последний сильно критиковал сербов за их нерешительность и за то, что они не поставили своей главной целью пробиться на юг, на соединение с союзниками, однако он, в свою очередь, настаивал на том, чтобы Саррайль перешел в наступление. Фурнье считал, что наступила последняя минута, когда положение может еще быть спасено. Он мне говорил, что телеграфирует в этом смысле в Париж и Саррайлю.

Недолго пришлось посидеть нам в Призрене. Мне не удалось даже как следует разглядеть город, потому что погода была неважная, шел снег, и я думал, что еще успею погулять, а пока больше сидел дома и, найдя в библиотеке Емельянова подробное издание «Тысяча и одной ночи», проводил время за чтением этой книги. Навещали меня коллеги. Sir Charles [Де-Гра] оказался помещенным в квартире повивальной бабки. Он понял это только дня через два, когда его стали тревожить по ночам, требуя на практику его хозяйку.

На третий или на четвертый день нашего пребывания Пашич пригласил к себе всех нас, посланников, и сказал, что нам необходимо спешно выезжать в Черногорию, ибо дорога на Монастырь была уже в руках болгар. Он все еще не окончательно потерял надежду на отобрание сербами Скоплье, но полученные им известия видимо давали мало основания сохранять эту надежду. Если это удастся, тогда мы все снова соединимся в Монастыре, если нет, то он полагал, что мы — из Сан-Джiovани-ди-Медуа, а он — через Дураццо проберемся, в конце концов, в Салоники и там соединимся. Когда мы высказали мысль, что, может быть, нам лучше подождать, пока положение не станет более ясным, Пашич ответил, что в случае неудачи он опасается, что все пойдет вверх дном, окончательно исчезнет всякий порядок, и тогда мы, посланники, можем оказаться оставленными на произвол судьбы. Ввиду этого он настаивал на нашем безотлагательном отъезде. Я у него спросил, что же сам он предполагает делать. «У меня есть друзья между албанцами, которые проведут меня тропинками в Дураццо, а оттуда я прямо доберусь в Салоники», — отвечал он.

Как сказано, так и сделано. На следующее утро, это было 7 ноября, мы на рассвете вышли из Призрена.

С нами отряжен был Иванович, который путешествовал с женой и сыном — мальчиком лет 12. Наш путь лежал на Дьяковицу. Мы выехали из Призрена в экипаже. Я взял новенькую коляску, стоявшую у Емельянова. В нее запрягли пару кровных рысаков, принадлежавших

одному богатому сербу, который сам предложил своих лошадей, с тем чтобы мы довели их хотя бы до Дечан. Дорога, благодаря густой грязи, была очень тяжелая. Жаль было видеть прекрасных лошадей, выбивавшихся из сил, чтобы вывезти коляску.

Границей между Сербией и Черногорией была река Белый Дрин. Через нее был перекинут очень живописный и очень неудобный каменный мост, возвышавшийся не круглой аркой, а довольно острым углом посередине. Мост был узкий, без перил. Мы, конечно, вышли из коляски, а лошадей провели под уздцы, и счастье, что они не испугались и не опрокинулись вниз вместе с коляской.

С моста открывался прекрасный вид. Направо, на север, Дрин лежал между отвесными скалистыми берегами; на юг, налево, он уходил в широкую равнину, в которой извивался и сверкал в разных местах. Мы покинули пределы Сербии ровно через месяц после выступления из Ниша, поэтому мне запомнился этот день 7 ноября.

Поздно к вечеру прибыли мы в Дьяково. Это был уже чисто албанский городок, но разглядывать его не довелось, ибо предстояло только переночевать и тотчас дальше пуститься в путь. Улицы были пустынные, дома не освещены. Нас кто-то перехватил на улице и направил к месту, у которого для нас с Мамуловым был приготовлен ночлег. Кмет радушно встретил нас, угостил обильным ужином, а на утро снова с рассветом мы отправились дальше. Нам предстояло в этот день попасть в Дечаны.

Дорога была еще хуже. Я вышел из коляски и прошел верст 25 пешком, пользуясь чудной погодой. Дорога шла все время равниной, иногда переходила через селения. Удивительное впечатление оставляли эти албанские селения. Пустынные улицы, двухэтажные дома из серого камня, обнесенные оградой. Окон на улицу нет, все — во двор и только в верхнем этаже. Окна маленькие. Каждый дом или владение — вроде маленькой крепости. Видно, что окна приспособлены главным образом для стрельбы, а также с расчетом, чтобы осаждающий попадал своей пулей в потолок. Каким-то суровым средневековым отзывалось от этих суровых строений, да и ото всей Албании. Нравы ее обитателей сложились в турецкое время, с плохими дорогами, по которым нелегко провозить артиллерию, с мусульманскими властями, которые не очень и хотели ссориться с этими дикарями, в которых скорее искали союзников против гяуров. Сербские регулярные войска и пушки быстро подавили восстание в крае в 1913 году. Через два года, когда мы проходили Албанские горы, воспоминания о жестокой расправе были еще слишком живучи в населении, еще не прошел трепет, объявивший албанские дома и селения, хотя понемногу албанцы начали подымать головы, понимая,

что перед ними не вчерашние укротители, а люди, бегущие от преследования неприятеля. В этом заключалась опасность положения. Еще в Митровице, как-то однажды, когда ко мне зашел по делу черногорский посланник, он встретился с человеком, у которого торговал лошадь. Миушкович спросил его, кто он такой. «До нынешнего дня я — серб», — отвечал последний. Было ясно, что этот недолго останется сербом.

Перед самыми Дечанами мне пришлось пройти большое албанское селение. Вскоре после него, поворотив налево, я увидел в ущелье между горами Дечанский храм...

Моя давнишняя мечта наконец осуществилась. Дечаны — это самая большая историческая святыня сербского народа, уцелевший чудом уголок минувшей славы и величия, памятник времени до Коссовской битвы¹²³. В этом крае, где так прочно водворилось господство турок и албанцев, где всюду видишь минареты и очень редко — скромно ютящуюся церковь, особенно поражает вид этого великолепного храма разноцветного мрамора, строгого византийского стиля начала XIV века. Его как будто уберегли мощные горы, которые охраняют его, как часовые, прячущие его от нескромных взоров издалека.

В последнее десятилетие турецкого владычества Россия взяла под свою руку охрану Дечанского монастыря. По соглашению с сербами, там поселились русские монахи с Афона, сначала о. Кирилл из Белозерской обители, потом о. Варсонофий с братией. Сколько пришлось пережить нашим монахам за короткое время их сидения в Дечанах. Оставаясь безо всякой защиты, одни в глухой стороне, окруженные разбойниками, наши монахи сумели ужиться при всех передрыгах. Сам о. Варсонофий был необыкновенно сметливый и находчивый русский человек; он умел не потеряться ни при каких самых трудных и даже порой фантастических условиях. Он изворачивался и с албанцами, которых заставил уважать себя и которых умел, когда нужно, задобрить, и с сербами и черногорцами, которые хотели извлечь всевозможные выгоды от пребывания в монастыре русских, но завистливо относились к самому факту утверждения русских монахов в их народном достоянии.

Весной 1915 года, по просьбе о. Варсонофия, моя жена послала в Дечаны небольшой отряд с докторами и шестью сестрами. Незадолго до наступления военных занятий мы решили отозвать этот отряд, потому что дела у него было не достаточно много, и, по мнению доктора, врачебная помощь населению могла быть вполне обслужена одним фельдшером и двумя сестрами. Мы так и сделали. К нашему отряду обращались главным образом окрестные албанцы. Впоследствии это сослужило свою службу. Когда монастырь остался совершенно беззащитным, на него напало полчище албанцев, числом до полутора тысяч. Эти люди, помимо

желания поживиться, хотели отомстить монастырю за то, что после балканской войны ему были возвращены некоторые земли, искони ему принадлежавшие, но захваченные албанцами, которые привыкли смотреть на них как на свою собственность. По счастью, между отдельными албанскими племенами никогда не было согласия, и когда о замысле врагов монастыря узнали другие албанцы, которые жили в дружбе с нашими монахами и последнее время пользовались врачебной помощью в его ограде, они явились в монастырь защищать его. Целую неделю защитники монастыря отражали делавшиеся на него нападения, пока не подошли регулярные болгарские войска. Последние, хотя и захватили монастырь, однако избавили его от потока и разграбления албанской орды.

С самого моего приезда в Сербию я мечтал съездить в Дечаны и не раз говорил об этом с Пашичем, который сам никогда не был в Дечанах. Мы сговаривались с ним совершить эту поездку вместе. Судьба так распорядилась, что Пашичу так и не довелось побывать в Дечанах, а мне пришлось посетить их в самую трагическую для монастыря и для Сербии минуту.

Все мои ожидания от Дечанского монастыря были превзойдены. Прежде всего, трудно представить себе более романтическое месторасположение среди гор. Впечатление усиливалось еще тем, что не только монастырь сам сохранился как обломок седой старины, но вся окружающая его обстановка и условия были те же, что и несколько сот лет назад. Крепкая монастырская ограда была не простым украшением и пережитком минувших веков. Она до сих пор постоянно служила надежным оплотом против врагов. Громадный двор был окаймлен постройками и службами, которые и теперь, как в старину, могли приютить сотни богомольцев в праздничные дни и вместить ищущих защиты, когда нужно, и самих защитников.

Храм сохранился целым и неповрежденным. Всего примечательнее в нем — сама архитектура, — стройная, выдержанная, прекрасная в своей суровой простоте. Прекрасен иконостас и своды, опирающиеся на столбы. Благолепная служба наших монахов довершала впечатление, оставленное не только на нас, но и на иностранцев.

Все помещения монастыря переполнились путешественниками, как и мы, искавшими в нем кров и ночлег. Никому не было отказа. В громадных залах поместились те же англичанки, сербы, французы и мы — русские, словаки, — все те, кому приходилось встречаться все время на пути. Когда наступила ночь, монастырский двор осветился кострами, взошла полная луна, — зрелище было волшебное.

Наутро мы отстояли обедню. Отец Варсонофий повел меня в монастырскую «скрывницу», в которой хранятся сокровища. Нужно было

пролезать в небольшое отверстие, обычно замаскированное. Некоторые предметы представляли первостепенную историческую ценность, между ними — хризовул^I, подписанный королем Душаном, с дарственной записью поместий и угодий монастырю; чаша того же короля, кувшин королевича Марко. Посоветовавшись со мною, о. Варсонофий сказал мне, что он думает эти немногие предметы закопать отдельно в землю, где-нибудь в мусоре, так чтобы не догадались, где искать, все же остальное оставить как есть. Он думал, что тогда будет возбуждено меньше подозрений, между нашими спутниками был маршал Двора старого короля, который вез с собой корону и мантию короля. Он хотел оставить эти предметы в Дечанах — не знаю, исполнил ли он свое предположение. Некоторые парадные придворные кареты попадались мне в пути, их тащили волы.

После обедни, простившись с гостеприимным о. Варсонофием, который отпустил с нами каймака, хлеба, сыру и всякой всячины, мы пустились в путь в Ипек^{II}.

Уже смеркалось, когда мы подъехали к Ипеку. Я подъехал к патриархии, где должен был остановиться. Это было здание XIII века, следовательно — еще старше, чем Дечаны, Меня принял местный епископ Никифор Джурич, получивший воспитание в России¹²⁴. Нашим монахам в Дечанах пришлось, однако, немало натерпеться раньше от него. Он взводил на них различные небылицы и кажется дорого дал бы, чтобы их выжить, хотя, конечно, на их место не нашлось бы черногорских монахов, монастырь был бы заброшен, и служба, без сомнения, не совершалась бы с прежним благолепием.

Меня митрополит встретил очень хорошо. Мы с ним тотчас отправились в храм. К сожалению, было уже темно, и я не мог как следует осмотреть его. Храм интересен, но, конечно, уступает Дечанскому.

Снова пришлось, чем свет, выступать дальше. Это, должно быть, было 11 ноября. Патриархия, где я остановился, была на краю города, и оттуда прямо шел наш путь. Мы выехали верхом, потому что вся дальнейшая дорога шла через горы. Приблизительно через полчаса после Ипека начался крутой подъем в гору. Зрелище было величественное. Внизу бурлил поток, кругом громоздились высокие горы. У меня была славная горная лошадка, умная, смирная. Я предоставил ей самой выбирать путь, хотя и неприятно было, что она, по обычаю горных лошадей, все время норовила идти по самому краю дороги над обрывом. У меня как рукой сняло всякое головокружение. Воздух был чистый, бодрящий.

^I Хризовул, или Золотая булла — монаршая грамота, скрепленная золотой двусторонней печатью.

^{II} Более известен как Печ, в 1912–1916 гг. входил в состав Черногории, ныне — Косова.

Дивная красота окружала нас. По временам мы останавливались, чтобы напиться чудной студеной воды из горных ключей. Особенно нравилось это моей лошадке. К сожалению, у нее от этого сделалось воспаление легких и через день она у меня издохла.

Многое из подробностей путешествия у меня изгладилось уже из памяти. Наши ночевки были самые примитивные. Мы обыкновенно останавливались в каком-нибудь «хане». Ханы эти представляли дощатые строения, которые нельзя было топить. Между тем в горах был снег и стояла настоящая зимняя погода. С большим трудом и за большие деньги доставали мы сена лошадям. Местами дорога была сильно испорчена, местами не было никакой дороги, приходилось ехать по руслам потоков, карабкаться по обледеневшим тропинкам, ведя за уздцы лошадей. Мы приходили под вечер усталые, изнемогающие в хан, где уже часто набивалось столько народа, что продохнуть было трудно. Помню первую свою ночевку в хане «Белуха», вероятно прозванном так от снега, которым покрыта эта местность большую часть года. Подходить к хану приходилось чуть не ползком по мерзлой тропинке. Лошади падали и подымались с трудом. Уже было совершенно темно. Я с трудом двигался от усталости и ото всех отстал. На мое счастье два повстречавшихся сердобольных чешских доктора приняли во мне участие, и я побрел, опираясь на руку то одного, то другого. Впереди нас шел английский секретарь Киллинг. На каком-то косогоре выючная лошадь, которую он вел, упала и не могла подняться. Под косогором прямо — обрыв и поток. Киллинг глядел с каким-то выражением безнадежного отчаяния на то, что происходило. Наконец мы доплелись до хана. Нам указали на второй этаж. Там я нашел в небольшой комнате человек 10 англичан, французов, Йована Йовановича с женой и сыном. Комната ничем не была освещена, нетоплена, в ней не было ни скамей, ни столов, приходилось располагаться на полу, как были, не раздеваясь. Даже сена не хватало, чтобы постелить под себя. Можно было только немного его подложить себе под голову. Я повалился, как пласт, на пол, чувствуя себя не в состоянии что-либо предпринять. Милый английский секретарь Киллинг дал мне чашку бульона, разведенного из таблетки. Этот бульон прямо возродил меня к жизни. Вообще, как он, так и милейший sir Charles Des Gras все время в пути окружали меня самым добрым вниманием. Des Gras говорил мне потом, что чувствовал себя моим старшим братом, обязанным иметь обо мне попечение. Пока я жив, я, кажется, никогда не перестану испытывать благодарное к нему чувство.

Путешествие в необычных условиях создавало простоту нравов. Г[оспо]жа Йованович, не стесняясь, просила своего мужа дать ей бумаги. Выходя из комнаты, она спросила Des Gras, может ли она надеять-

ся найти отхожее место. Des Graz не мог ее обнадежить. Нам всем пришлось выходить на дорогу.

Кульминационным пунктом нашего путешествия была вершина горы Чакор. Достигнув ее, мы расположились завтракать. У нас была с собой припасена бутылка сливовицы из Дечанского монастыря, а известно, что монахи — мастера насчет спиртных напитков. Никогда с большим наслаждением я не пил водки. Чакор отделял новые владения Черногории от старых. Пока мы завтракали, два выстрела, как будто, в наше направление, раздались из-за гор. Немудрено, если в нас стреляли албанцы.

Вступление в пределы старой Черногории не дало себя почувствовать большими удобствами. С Чакора мы спустились, и первой нашей остановкой был хан Велика. Немного впереди нас шли англичане. Сначала мы думали, что придется остаться на ночлег в Велике, но пришли мы туда довольно рано, около двух часов дня, и там нас уверили, что до Андреевицы всего часа три хода. Тогда мы с Мамуловым решили продолжать путь. Мы проехали мимо дома, где остановились Des Graz и Киллинг, и крикнули им, что едем дальше, так как надеемся до вечера быть в Андреевице, но бедный Des Graz был так утомлен, что не решился идти дальше. Много спустя, когда мы уже были на Корфу, он признался мне, что в эту минуту, увидав, что мы проезжаем дальше, он почувствовал себя всеми покинутым, несчастным, и что ему было очень горько и обидно на нас. Конечно, мы этого совершенно не подозревали, иначе, понятно, остались бы в Велике, и это было бы гораздо лучше для нас самих.

Во время нашего путешествия нам не раз пришлось испытать то, что бывает и в России в деревне. Спросишь у прохожего, сколько верст осталось до такого-то места. Он отвечает: четыре. Через час другой прохожий говорит: — шесть, потом — восемь. Так и в Сербии, и в Черногории, только меряют там не на версты, а на часы, в Сербии «сат», с турецкого, в Черногории — «уры», с немецкого. Так было и в данном случае. Мы проехали уже порядочно времени от Велики, и в одном селении думали было заночевать, но какой-то прохожий уверил нас, что до Андреевицы всего полтора часа хода пешком. Часа через три мы продолжали двигаться безо всякой надежды скоро добраться. Наступила темная ночь. Она застала нас на высокой горной тропинке. Налево — гора, поросшая хвойным молодняком, направо — невероятная кручь, пропасть, из глубины коей слышался глухой рокот потока. Дальше двигаться было невозможно. Мы решили заночевать в лесу. Расседлали лошадей, нарубили сучьев, развели костер и, постлав седла в изголовье, ногами грелись у огня. Сначала у меня невольно закружилась голова от этой близости бездны, которую не было видно, но слышно по доносившему-

ся отдаленному шуму воды внизу. Но скоро мы согрелись, закусили. Легши на спину, я любовался чудным звездным небом и с удовольствием сравнивал этот ночлег на чистом воздухе у костра с ночлежкой в душном, грязном и холодном хане.

Через некоторое время послышался шум, и перед нами в свете костра появились в своих белых фустанеллах^I и фесках албанцы, гнавшие куда-то стадо овец. Наши проводники-черногорцы сказали нам, что после этого лучше не задерживаться на дороге, потому что албанцы могут вернуться с неприятными намерениями на наш счет. В первом часу встала луна, и мы двинулись в путь. К этому времени вернулся один из посланных нами вперед погонщиков лошадей, который объявил, что Андреевица недалеко. Пришлось, однако, идти еще часа полтора. Луна светила, когда только с одной стороны был лес, но когда дорога немного отошла от кручи и по обе стороны пошли деревья, то снова стало темно. Между тем дорога кончалась и пошел ручей с крупными камнями, по которым скользили и не хотели двигаться лошади. Пошел мокрый снег. Поздно ночью добрались мы через длинный деревянный мост, перекинутый через реку, в Андреевицу, лежащую на ее берегу. Мы направились к кмету^{II}, у которого ночевали.

От посещения его у меня осталось в памяти удивительные украшения на стенах гостиной. Я часто в маленьких лавочках, торгующих открытыми письмами с картинками, спрашивал себя, кто покупает открытки, где изображен в рамке из цветов молодой человек в зеленом смокинге и цилиндре с розовой дамой на скамейке или в автомобиле. Вот такие открытки украшают дома черногорцев, отражая их понятия о том, что такое утонченная цивилизация. Между прочими украшениями на стене висело искусно вышитое изображение весов: на одной чашке, высоко поднявшейся, было изображено сердце, на другой, низко ее перевесившей, — мешок, на котором начертано 10 000. Над весами так же искусно вышитая надпись: «садашня любав» (нынешняя любовь).

Простившись с гостеприимным кметом, которого коснулась цивилизация, мы на следующее утро снова двинулись в путь, но на этот раз нам удалось достать две телеги с русскими лошадьми. Расположив на них вещи и сами сев на ящики, мы почувствовали себя царями. Встретив в пути перегнавшего снова нас Des Graz и Боппа, мы посадили их на одну из этих телег и так уже дальше совершали наш путь два дня. Местами дороги были совершенно размыты. Я не поверил бы, что можно проехать на повозке по таким камням и потокам, которые нам попадались

^I Фустанелла — традиционная мужская юбка в Балканских странах.

^{II} Кмет — в Сербии сельский староста.

на пути. В этих случаях Мамулов правил и благополучно выкарабкивался, хотя порой от тряски перевертывались ящики и чемоданы.

Можно ли описать охватившее нас чувство, когда наконец, на второй день после Андреевицы, в одном из ханов мы увидели автомобиль, высланные нам навстречу черногорским королем, с провизией, чтобы подкрепиться. В ожидании этого удовольствия, я в повозке положил перед собой одну из последних оставшихся у меня бутылок шампанского, любовно обложив ее снегом.

Какая радость избавления, казалось, настала для нас! Мы с наслаждением пили шампанское, автомобиль казался нам чем-то, существующим только в романах, а не в жизни.

Мы уселись втроем — Бопп, Des Graz и я — в автомобиль и помчались с невероятной быстротой. Мне и раньше приходилось слышать о том, как захватывает дух от езды на автомобиле по черногорским горам, но теперь, после всего пережитого и утомления, ничто нас не удивляло. В этой части Черногории были прекрасные дороги, на сооружение коих король Николай положил лично много стараний и забот, но они были сделаны, когда еще не существовало автомобилей, а потому были довольно узкие и с резкими поворотами. Тамошние шоферы, однако, наловчились править и неудержимо неслись вперед. Перед нами открывались грандиознейшие перспективы.

Существует легенда, что при сотворении мира у ангела, пролетавшего над землей с мешком камней, мешок прорвался над Черногорией, и все камни туда высыпались. Эта легенда невольно вспоминается в этой стране, недаром прозванной Черногорией. Все эти громоздящиеся одна на другой скалы и камни представляют суровую пустыню. Кое-где нанесен на камни крошечный клочок земли, где огород или пашня. Невольно спрашиваешь себя, чем живут там люди. Страна довольно пустынна. Люди, которые встречаются, особенно женщины, — красивы и имеют легкую и гордую поступь. Всего красивее население в недавних областях Турции.

Автомобиль доставил нас поздно вечером в Подгорицу, где мне было приготовлено помещение в доме местного богача. Секретарям был оставлен грузовой автомобиль, но никто не решился ехать в нем ночью, и все заночевали в хане, кроме Мамулова, который, забрав все наши вещи, храбро пустился в путь на грузовике, у которого не было даже фонаря. Когда он мне рассказывал про свое путешествие, то мне казалось, что это — один из самых жутких эпизодов нашей дороги. Им повстречался всадник на коне, в котором Мамулов признал пленного австрийца, служившего в нашей Московской больнице в Нише, а потом сопровождавшего французских докторов во время отступления. Лошадь шарах-

нулась, мгновение — и оба, лошадь и всадник, исчезли в пропасть. Автомобиль остановился, сошли; чудесным образом оказалось, что как раз в этом месте в горе был выступ, лошадь перекувырнулась и встала, всадник остался также невредим.

Все дни, что мы пробыли в Подгорице, мы очень страдали от холода. Помещения не приспособлены к холоду, без печей, и нельзя было найти железной печки в городе. Мы ходили завтракать и обедать в гостиницу, где было довольно сносное питание. Мы встречались там за столом с правителем области Пламенацем, который незадолго до того был министром иностранных дел. Пламенац был представителем одного из лучших родов в Черногории. Человек еще молодой, он прошел школу короля Николая, наложившего свой отпечаток на всех приближенных, коими он пользовался. Свой пост министра иностранных дел Пламенац должен был покинуть в связи с занятием Скутари Черногорией весной 1915 года, против воли союзников и особенно — Италии¹²⁵.

По-видимому, это совершилось не без благосклонного поощрения Австрии. Между австрийцами и черногорцами велась номинальная война. На самом деле обе стороны мало тревожили друг друга. Австрийцам было приятнее, чтобы Скутари было занято Черногорией, неспособной организовать там серьезную оборону, чем Италией, которую трудно было бы выставить, если бы она водворилась в этом городе, крепко связав его с морской базой на о. Джиованни ди Медуа.

В скутарийском вопросе оказалась двусмысленная политика короля Николая. Он так привык всю жизнь обосновывать благополучие своей маленькой страны и свое личное на постоянном балансировании между всеми соперницами-державами, что от этой тактики не мог отказаться и во время Великой войны, хотя на Балканах она приняла ясно выраженный характер борьбы на живот и на смерть между германизмом и славянством. На словах воюя с Австрией, он на деле не прочь был обделывать с ней дела. Кроме того, в скутарийском вопросе отразились возмущавшие негодование и неприязнь юго-западных славян к Италии, на которую не без основания стали смотреть, как на державу, стремящуюся заместить Австрию на Балканах. Скептик по природе, король Николай сомневался в том, чтобы в этой войне нам удалось сокрушить германизм, и он хотел остаться в хороших отношениях с друзьями и недругами.

Настроение короля и его политика были ясны всем в Черногории. Они создали атмосферу деморализации, которая царила в этой стране ко времени отступления сербов и только усилилась с приходом голодной, босой и раздетой сербской армии, опустошавшей на своем пути и без того скудные запасы черногорцев. Все это вскоре стало обнаруживаться все ярче и ярче.

Прибыв в Подгорицу, Бопп, Де-Гра и я решили съездить в Цетинье, чтобы поблагодарить короля за оказанное им внимание. После тяжелых условий нашего странствования было особенно приятно попасть в настоящий дом со всеми удобствами, какие мы нашли в русской миссии в Цетинье, где поверенным в делах был Обнорский, заместивший посланника А. А. Гирса, уехавшего с самого начала войны в отпуск.

Цетинье, в сущности, — деревня, где несколько усадеб средней руки. К числу таких усадеб принадлежал и дворец короля Николая. Мы представились ему в тех одеяниях, какие на нас были в дороге; я был в сером пиджаке и высоких сапогах. Король был очень любезен, но беседа носила самый общий характер, не затрагивая жгучих тем. Только каждому из нас король подчеркнул необходимость как можно скорее прийти на помощь Черногории продовольствием. Консулу Емельянову, который также был им принят, король, любивший эффектные фразы, сказал: *J'ai pu lutter contre la monarchie (Австрия), mais je devrai capituler devant la boulangerie*¹.

Во дворце мы встретили нашего товарища барона Сквитти, который, не останавливаясь в Подгорице, проехал прямо в Цетинье. Он был там посланником до Сербии и была *persona grata* при дворе короля Николая.

После визита королю Николаю мы должны были в тот же день вернуться в Подгорицу, но возможность переночевать в теплом благоустроенном доме, взять ванну, показалась мне настолько заманчивой, что я остался до следующего дня. Дом в Подгорице показался мне еще холоднее и неудобнее.

Впрочем, мы там не засиделись, и 18-го ноября пустились в путь из Подгорицы в Скутари, куда, как мы узнали, иным путем, чем мы, уже пробрался Пашич и ожидался королевич Александр.

Из Подгорицы надо было полчаса ехать в автомобиле до Пламенницы на берегу Скутарийского озера и там пересечь на пароход. Когда мы подъехали к озеру, его окутывал такой сильный туман, что капитан парохода, старый черногорец Бошко, отказался отплыть. Пароход был старый, много раз чинившийся. У него где-то была пробоина, кое-как залитая цементом. Понятно, что при таких условиях плыть было рискованно, тем более, что пароход был сильно нагружен, и он оставался единственным в своем роде на всем озере, не считая небольшой мушки короля. С нами были члены московского отряда. Молодежь находилась в состоянии беспричинного веселья и смеялась решительно всему, что усугубляло мрачное настроение Боппа. К Бошко поминутно приставали:

¹ «Я мог сражаться против империи [Австрии], но капитулирую перед булочной» (франц.).

когда же мы наконец двинемся в путь, но он сошел на берег и разгуливал в невозмутимом спокойствии. Так прошло несколько часов, пока наконец туман стал немного проясняться, и мы отплыли. Никогда не видел я такого количества уток.

Глава XVII

Скутари на первых порах понравилось мне, и я убежден, что если бы пришлось побывать в нем при других условиях, то от этого города у меня осталось бы только приятное воспоминание. В нем много своеобразной прелести вследствие живописной природы и особого впечатления албанской столицы. Кроме главной улицы, своеобразие коей нарушено вывесками магазинов, город состоит из длинных узких переулков, по обе стороны коих тянутся каменные стены, окружающие албанские владения: двухэтажные дома с решетчатыми окнами, сады и дворы. В этих переулках — масса детворы, девочки в широких шароварах с сандалиями на босу ногу и косичками, мальчики в белых фесках. Главная улица всегда запружена народом; черногорцев было сравнительно мало, но очень много албанцев. Женщины в очень живописных нарядах, особенно по воскресеньям. Они наворачивают на себя массу всякой всячины: кожаные штаны, сверх них — тяжелая юбка; на грудь надевается шитая рубашка, на ней — безрукавка из цветного сукна, шитая серебром или золотом и перетянутая тяжелым медным поясом, иногда с крупными камнями. Поверх этого всего надевается нечто вроде суконной цветной мантильи, вышитой причудливыми шелковыми узорами, с длинным воротником, который загибается на голову. В таком костюме албанки ходят с трудом, но хотя он дорого стоит, его имеют самые простые женщины, например, албанка Марья, которая жила при нашем доме и нам прислуживала.

Во время Балканской войны Скутари впервые было занято Черногорией, принужденной покинуть его по требованию держав, боявшихся вмешательства Австрии. После этого в Скутари были введены международные отряды всех держав, кроме России, и установлено международное управление, во главе коего был поставлен английский полковник Филипс. За это время город значительно выиграл и подчинился. Кое-где были сделаны асфальтовые тротуары, исправлены окрестные дороги. На всех улицах появились вывески с их названиями, соответственно району данного отряда. Так, я жил на Кильской улице, а рядом была улица Гебен, — там раньше стояли германские моряки. Была улица Эрнест Ренан в честь французского броненосца, команда ко-

его стояла в Скутари, и т. д. Благодаря иностранным гарнизонам, в магазинах Скутари можно было кое-что найти, чего нельзя было достать в Цетинье. Вообще, Скутари было гораздо значительнее и богаче маленькой черногорской столицы.

Город разделился на две части: центральная, где помещались правительственные учреждения и дома более зажиточных албанцев, и старая часть города, ближе к озеру, где был базар. Над этой частью города на горе высилась древняя живописная крепость, которая была излюбленным местом наших прогулок. Из крепости в хороший солнечный день открывался широкий вид на озеро, на Дрин и Бояну, впадающие в него. Климат в Скутари сравнительно мягкий, но мы попали в самое холодное время — конец ноября и декабрь. В январе же, говорят, уже начинают цвести розы.

Насколько Скутари может произвести чарующее впечатление в мирное время, можно судить по тому, что лет за 20 до нашего прихода туда как-то приехал богатый англичанин Пэджет, купил там дом и тщательно его отделал, думая там поселиться. В Скутари все знали *Villa Padget*. Это был романтический дом из серого камня, сохранивший свой албанский характер, с двумя башнями и красивыми деревянными воротами. Албанцы — мастера по резьбе по дереву. Весь дом был убран со вкусом, которым отличаются уютные и красивые английские обстановки. Когда я туда пошел навестить остановившегося там Де-Гра, то я застал самого Пэджета, который, устроив дом, так никогда в нем и не жил, а теперь приехал через 18 лет после последнего своего посещения, причислившийся к комиссии, которая была прислана из Лондона, чтобы озаботиться делом продовольствия. А между тем в свое время он положил немало труда для исполнения своей прихоти. Особенно красива была большая гостиная с огромным старым венецианским зеркалом во всю стену и большим камином, который придавал много уюта комнате.

Старые башни, обвитые плющом, сослужили свою службу. В них скрывались обитатели дома, когда вскоре Скутари начали посещать неприятельские аэропланы.

Мы прибыли в Скутари 18 ноября. Первые дни город еще сохранил свой обычный вид, но не прошло и недели, как он стал быстро заполняться беженцами и солдатами. Немедленно было дочиста раскуплено все, что еще оставалось в лавках, и сразу ничего нигде нельзя было достать. В какую-нибудь неделю из мирно дремлющего в своих садах и оградах мусульманского города Скутари превратилось в огромный и беспокойный стан оборванных несчастных кочевников.

С самого начала черногорцы крайне недоброжелательно отнеслись к вторжению в их пределы спасающихся от разгрома своей родины

сербов. Король Николай выражал притворное участие, но истинное настроение его не оставляло сомнений. Ему было крайне неприятно, что обстоятельства заставили его покинуть свою покойную двусмысленную политику и сделать выбор между определенными решениями. Разгром Сербии усилил в нем нежелание оказывать серьезное сопротивление Австрии и пугал его перспективой такой же участи своей страны. Он боялся, что сербы останутся в Скутари и что потом их трудно будет оттуда выжить. Кроме того, пока они находились под боком Цетинье, он не мог так же легко, как раньше, пересылаться переговорами с Австрией.

С приходом сербов в Скутари оказались две власти: черногорская и сербская. Черногорским правителем области был дядя короля, старый воевода Негуш-Петрович^I. Посетив его, я нашел маленького старичка в черногорском национальном костюме, к которому как-то не шло *ripe-nez*. Он был очень стар и, кажется, ничем не мог уже деятельно заниматься, постоянно жалуясь на подагру и прострел в пояснице. По облику он походил на тип, выработавшийся при маленьком черногорском Дворе — смесь французского *boulevardier*^{II} с балканским комитаджем, не то — моншер, не то — жуликоватый делец, не то — разбойник на большой дороге.

Более деятельным был начальник черногорских войск в этом районе, молодой и энергичный генерал Вешович. На вид он был совершенный болгарин. В нем не чувствовался *boulevardier*, зато в сильной степени были развиты другие перечисленные мною свойства. Свой выезд по городу он обставлял восточным обрядом: он сидел, колыхаясь в допотопном рыдване, а сзади него скакали с ружьями наперевес какие-то жандармы очень древнего и инвалидного вида.

Сербское правительство обосновалось в бывшем турецком муниципалитете. В городе было два коменданта — черногорский и сербский. Благодаря обилию властей и начальства, которые относились друг к другу с взаимным недружелюбием, в городе водворился самый полный беспорядок.

Отход сербской армии на север, в Черногорию и в Скутари, был совершенно неожиданным, и отступление совершалось безо всякой подготовки. Когда мы прощались с Пашичем в Призрене, он говорил нам, что в случае необходимости армия направится на Дураццо. Сам он думал пробраться туда же. Когда наступит, однако, критический момент выбора между капитуляцией или скорейшим уходом по кратчайшему направлению, то Пашич, по-видимому, сказал: идите какими хотите

^I Имеется в виду Божо Петрович Негош, который, несмотря на свою фамилию, не являлся близким родственником короля Николая I.

^{II} Завсегдатай парижских Больших бульваров.

путями, только не сдавайтесь, а как только вы дойдете до моря, так тотчас вы найдете помощь союзников, потому что они владеют морем.

Пашич считал себя вправе так говорить, потому что уже в октябре месяце, когда сербы еще не совсем покинули свою территорию, английское правительство, по соглашению с французским, заявило ему, что принимает срочные меры для снабжения сербской армии через Медую. Итальянцы, когда сербы просили их о военном содействии, указывали на возможность экспедиции через ту же Медую. Помню, как тогда эти оба предположения были встречены сербами скорее с удивлением. Сами они плохо знали дороги, однако министр путей сообщения Драшкович выражал в то время сомнения в возможности наладить доставку снабжения через Медую, и сербы думали, что Дураццо представил бы для этого больше удобств. Тем не менее союзники не изменили своих взглядов, сербы же полагали, что главная трудность заключается в продвижении по сухопутным дорогам от Медуи вглубь страны, а не в морском пути. Теперь, когда приходилось подойти вплотную к морю, вопрос о сухопутном продвижении грузов значительно упростился. Вот почему сербы не могли не вспомнить о предположении англичан и решили, что на Медую можно идти так же, как на Дураццо.

Ко времени нашего прихода в Скутари в Медую прибыло несколько парусных судов с провиантом и разным товаром, выписанным, кажется, скутарийскими купцами. Сербское правительство немедленно скупило у них все это. Не успело оно, однако, принять меры к разгрузке и перевозке товаров из Медуи, где ничего еще не было налажено, как к Медуе подошли австрийские военные суда, потопили все транспорты с грузами и разгромили те скудные склады, которые имелись в порту. Из Скутари мы совершенно явственно слышали бомбардировку.

Эта первая неудача тяжело отозвалась на настроении сербов. Первоначальная мысль их была остаться в Албании и Черногории. Они были убеждены, что в случае организации подвоза продовольствия, сербские солдаты, привлекаемые слухом о том, что у моря можно найти хлеба, начнут пробираться горными тропинками отовсюду, и что таким образом наберется 150 000 армии, которая в состоянии будет реорганизоваться в Албании и вновь начать оттуда наступление, когда в Салониках, в свою очередь, сосредоточится достаточная союзная армия.

Между тем сербские представители в союзных государствах телеграфировали Пашичу, что среди союзников заметны значительные колебания по вопросу о целесообразности Салоникской экспедиции. В особенности англичане обнаруживали нежелание посылать в Салоники войска. В этом отношении крайне вредную роль сыграл военный обозреватель «Times»'а полковник Репингтон, который неизменно прово-

дил мысль о том, что с стратегической точки зрения всякое дробление сил невыгодно, что балканский театр войны является второстепенным и что посылать войска в Салоники — значит отвлекать их от главной задачи на западном фронте. К Репингтону привыкли прислушиваться в Англии. К тому же его утверждения находили себе подтверждение в печальной Дарданелльской экспедиции, которая стоила англичанам столько бесплодных жертв и в конце концов послужила одним из главных побуждений австро-германского вторжения в Сербию, дабы установить прямое сообщение с турками и спасти Константинополь.

Неудача дилетантского предприятия форсировать проливы не могла, конечно, доказывать целесообразности Салоникской экспедиции, но она поселила в англичанах скептицизм к тому, что им представлялось диверсией¹. Все это становилось известно сербам и усугубляло их подавленное настроение.

22 ноября посланники союзных держав получили от сербского правительства пространное сообщение, сущность коего сводилась к следующему. Сербия со времени мобилизации Болгарии неуклонно следовала указаниям держав Согласия, настоявших на том, чтобы она не брала почина нападения на Болгарию. Союзники обещали прислать в Салоники 150 000 войска. Сербия до конца исполнила свой долг союзницы, несмотря на тяжкие жертвы. После двухмесячной борьбы против неприятеля, превосходившего ее в два с половиной раза, армия сделала отчаянные усилия, чтобы пробиться через Скопье навстречу союзникам, хотя командующий союзными силами в Салониках не счел возможным согласиться на одновременное совместное нападение. Теперь, после неудачи, сербской армии приходится укрываться в горах Албании и Черногории, где решено обороняться, и приступить к реорганизации для продолжения борьбы. Честно и до конца исполнив союзный долг, Сербия считает себя вправе спросить союзников, можно ли верить слуху, будто они намерены предоставить ее своей судьбе, считая балканский театр войны второстепенным?

«Голод надвигается, — телеграфировал я в Петроград 26 ноября. — На дорогах грабежи и убийства. Среди албанцев брожение, которое со дня на день может перейти в восстание. Австрийцы легко и безнаказанно хозяйничают на море, уничтожая в населении надежду на возможность подвоза и убеждая его в слабости союзников. Я не получаю ни данных, ни указаний, которые дали бы мне возможность бороться с опасной подавленностью настроения. Убеждение в неизбежности ка-

¹ В данном случае слово употребляется в устаревшем ныне значении «отвлекающая операция на второстепенном фронте или участке фронта».

питуляции растет здесь с каждым днем. Убедительно ходатайствую о скорейшем отзыве на запрос сербов, считают ли державы балканскую кампанию законченной, а также могут ли они и когда рассчитывать на подвоз продовольствия».

В тот же день, 26 ноября, я встретил престолонаследника [Александра], зашедшего к И. Иовановичу, и услышал от него прямо крик сердца, который передал по телеграфу. «Я сделал все, что мог, — сказал мне престолонаследник. — Я доказал свою готовность бороться до конца, и эта готовность меня не покидает, но я умоляю: дайте хлеба моей армии. Я привел ее сюда. Я отвечаю перед людьми, которые умирают с голода. Первый же транспорт муки изменит все настроение. Если я потерял часть армии, то сюда дошли самые лучшие. Немного хлеба и отдых позволят в короткое время воссоздать снова силу, с которой можно идти вперед. Дайте возможность вновь вдохнуть бодрость в людей, которые заслужили другой участи, чем голодная смерть». С особым раздражением королевич Александр говорил об Италии, которая не хотела ударить палец о палец, чтобы помочь сербам. Как будто она радовалась сербскому несчастью. Он выражал надежду, что мы окажем должное воздействие в Риме и склоним к тому же Францию и Англию.

Я привел две телеграммы, оказавшиеся у меня под рукой. В них я писал то, что на тысячу ладов я телеграфировал иногда по нескольку раз в день. Вскоре в Скутари прибыл наш военный агент Артамонов, поселившийся в моей квартире. Со своей стороны, он стал посылать такие же телеграммы в наш Генеральный штаб. Мы сидели в Скутари, как в лесу. Ни откуда я не получал телеграмм. Я не знаю даже, кто у нас министр иностранных дел, ибо недели три не имел телеграмм за подписью Сазонова, а потому телеграфировал в посольство в Рим, чтобы узнать, — кто у нас министр иностранных дел. Приблизительно в это время имели место отставки Кривошеина, [Н. Б.] Щербатова, [А. Д.] Самарина. Я с ужасом думал, что получу телеграмму за подписью [А. Н.] Хвостова, как одно время, до роспуска Думы, готовился получать телеграммы за подписью Милюкова.

Известия о семье я получал через Министерство иностранных дел, которое передавало мне ответы моей жены в ответ на мои телеграммы. Я получал ответ на десятый или на двенадцатый день. Для меня все-таки было очень успокоительно сознание, что все они здоровы и благополучно проживают в деревне, а не со мной во всех этих передрыгах. Картина бедствия и ужаса с каждым днем все ярче разворачивалась перед нами.

Ежедневно в Скутари прибывали кучки и толпы солдат, то в виде остатков воинских частей, сохранивших еще подобие некоторой

организации, то отбившиеся от своих полков и команд. Все они по большей части утратили воинский облик, были одеты в шинели, превратившиеся в грязные лохмотья. Трудно было себе представить картину большего изнурения и истощения. Многие по нескольку дней ничего не ели. В Скутари положение их оставалось критическим. Им давали сербские деньги, которые были совершенно обесценены, и за эти деньги нечего было купить. Как бледные тени, многие едва держались на ногах; несчастные бродили по улицам, и ни разу мне не пришлось натолкнуться на выражение ропота. С поразительной покорностью судьбе эти люди медленно умирали, не решаясь протянуть руку за милостыней. Сколько раз вид какого-нибудь несчастного, с воспаленными глазами, еле держащегося на ногах, останавливал невольно мое внимание. Когда я спрашивал его, он отвечал, что уже несколько дней не ел, и когда ему подавали милостыню, то это его как будто удивляло. Помню одного мальчика-солдата, который разрыдался, когда я подал ему хлеба. Тут сказались и напряжение, и слабость от всего вынесенного, и благодарность, и стыд за подавание. Все эти солдаты не так давно были зажиточными гордыми сербскими крестьянами, а теперь все у них пропало, и, впад в самую крайнюю степень нищеты, они были как будто ошеломлены и не знали, что делать. А сколько таких людей, получив хлеб и накинувшись на него, умирали, потому что желудок был слишком истощен и не мог справиться с пищей. Все улицы были загажены...

Если людям нечего было есть, то лошадям — и подавно. Сотни лошадиных трупов валялись на всех улицах и площадях, и некому было их убирать. Мой дом выходил на узкий переулок, соединявший его с главной улицей в самом центре. Поперек переулочка несколько дней лежала неубранная лошадь. Тщетно я обращался к властям сербским и черногорским. Дезорганизация была полная. Не было никаких повозок, чтобы убрать падаль. Только после долгих хлопот моих и Артамонова, лошадь выволокли. Всего хуже было, когда обдирали кожи с этих лошадей, оставляя их остовы. Потом стали бросать их в речки и озеро, и тогда мы перестали есть рыбу, которая была главным подспорьем нашего скудного питания. Питались даже мы, привилегированные люди, в Скутари ужасно. Начать с какого-то совершенно прогорклого масла, на котором готовилась пища. По счастью у нас была своя мука. Бедные солдаты покупали небольшой хлеб, испеченный, как лепешка, из маисовой муки, платя за него до 10 и более динар. Сколько раз приходилось видеть, как люди подбирали в грязи обрывок листа от лука, скорлупу от ореха и ели это. Топливо было большой редкостью и продавалось по баснословной цене.

В довершение всего с первых же дней из Каттаро¹ начали прилетать аэропланы. Летая низко над городом, они сбрасывали бомбы над центром города, где мы жили. После нескольких прилетов было организовано наблюдение, и о приближении аэропланов население извещалось колокольным звоном. Появление их вызывало настоящую панику. Сначала люди высыпали на улицы, чтобы посмотреть на них, но когда бомбы причиняли много жертв и разрушений, все стали разбегаться и прятаться.

Так как наш дом был в центре города, то вокруг него было сброшено много бомб. У меня в спальне были выбиты окна, а в правительственных учреждениях не уцелело почти ни одного стекла. Заменить их новыми оказалось невозможным. Пашич сидел у себя в кабинете в пальто и шляпе. У меня в спальне пришлось просто заклеить бумажкой выбитое место. В декабре были, однако, довольно свежие дни и особенно — ночи.

Бывало, проснусь я в своей большой высокой спальне, и не хочется вставать от холода. Скажешь человеку затопить печь, а он отвечает, что дров нет, и еще неизвестно, на чем удастся приготовить завтрак. Утром обыкновенно прилетали аэропланы. Поэтому мы начинали день с прогулки, шли за город и подымались на цитадель. Там расположена была черногорская батарея. Обычно в пути мы уже слышали предупреждающий звон колокола, а когда были наверху, в крепости, то уже появлялся неприятельский «Авиатик» или «Таубе». Работу его мотора можно было слышать раньше, чем он сам показывался. Потом со стороны солнца виднелась маленькая движущаяся черная точка, открывалась безрезультатная стрельба из немногих орудий. Белые облачка, вспыхивающие в направлении полета аэроплана, обозначали более или менее удачное направление рвущейся шрапнели. Из города открывалась беспорядочная и совершенно бесцельная стрельба из ружей и револьверов, почти столь же опасная, как и бомбы, бросаемые летчиками, ибо пули падали обратно в город. Аэропланы видимо обращали очень мало внимания на все эти выстрелы. Они быстро и значительно снижались. Был ясно виден блеснувший огонек, а через несколько мгновений слышался иногда оглушительный треск разорвавшейся бомбы. Накануне католического Рождества бомба разорвалась на самом подъезде конака и убила несколько человек, в том числе французских авиаторов, пришедших с тем, чтобы водворить на крыше конака пулеметы для защиты.

Действия неприятельских аэропланов вызвали сильный ропот албанцев против Австрии, которая насчитывала много приверженцев

¹ Итальянское название черногорского города Котор.

среди католиков в Скутари. Они стали говорить, что «Австрия любит Албанию, но не албанцев». Местный католический архиепископ, несомненно сносившийся с неприятелем, довел, должно быть, об этом до сведения австрийских военных властей и заступился за свою паству; под конец нашего пребывания аэропланы стали реже появляться.

Мы возвращались обычно домой к завтраку. После этого бывал обычно второй прилет аэропланов. Часа в два у меня собирались коллеги. Мы обменивались невеселыми сведениями, доходившими до нас, устанавливали сообща телеграммы нашим правительствам. Между нами не было разногласия в общей оценке положения. После этого я отправлялся на свидание с Пашичем или Иовановичем. Меня встречали вопросом: не знаю ли я чего нового о решении держав. Что я мог им ответить?

Между тем в Скутари прибывали начальники отдельных армий. Начальника штаба всей сербской армии воеводу Путника весь путь несли на носилках. Решено было дать ему долговременный отпуск, так как за старостью и болезнями он уже давно не годился, тем более для новой задачи реорганизации армии, требовавшей свежих сил и энергии. Все прибывшие были настроены крайне пессимистично. Всякая дальнейшая борьба представлялась им совершенно безнадежной. Почти все свои орудия сербы принуждены были оставить. Не имея возможности перетащить их через горы, они сбрасывали их в пропасть, либо портили, как могли. У многих солдат не было ружей. Иногда сербы выменивали у албанцев хлеб на ружья, что создавало новые опасности. Пашич получал известия от Эссада-паши из Дураццо о том, что австрийские и болгарские эмиссары деятельно подготавливают смуту среди албанцев и что сообщение между Скутари и Дураццо может оказаться отрезанным.

В начале декабря стала намечаться возможность восстания мирдитов. В этом случае Скутари оказалось бы отрезанным от Алессии и С[ан] Джованни ди Медуа. С австрийской стороны заметны стали приготовления в Буде. При таких условиях становилось крайне трудным помышлять о реорганизации сербской армии на месте.

Французский штаб убеждал сербов двигаться от Скутари на юг к Дураццо, ввиду того что это облегчило бы задачу снабжения армии. Медуа была слишком близка от Каттаро и потому легко подвергалась обстрелу австрийскими военными судами. Кроме того, порт был совершенно непригоден. Только сравнительно небольшие парусники могли приблизиться к берегу, а средние пароходы болтались в море. При таких условиях правильное снабжение представлялось неосуществимым.

На это сербы возражали, что их обессиленная армия не в состоянии предпринять нового похода. Дороги из Скутари — Алессии в Дураццо никогда не были хороши, теперь же они еще более испорти-

лись от дождей. Существовало два варианта: один путь шел низом вдоль моря, но там местами были такие болота, что лошади увязали по шею и гибли, так как не было никакой возможности их оттуда вытащить; другая дорога шла у подножия горы. Она была так узка, что двигаться можно было только гуськом. В любом месте албанцы с незначительными силами могли там устраивать засады и мешать продвижению солдат. К тому же не существовало никаких переправ через разлившиеся реки, которые предстояло перейти. Ввиду этого сербское правительство настаивало на присылке военных судов в Медую для перевозки армии в Дураццо или поблизости к Салоникам в безопасное место, где она могла бы оправиться и реорганизоваться.

В конце ноября в Скутари приезжал сын короля Николая, князь Мирко, навестить своего двоюродного брата¹²⁶, королевича Александра. Как и все сыновья старого короля, Мирко был в достаточной степени отрицательный тип. Его жена, сербка, урожденная Константинович, была красавицей. Она развелась со своим мужем вследствие его беспорядочной жизни. Мирко в ту пору прикидывался другом сербов и открыто жаловался на царившее в доме его отца австрофильство и тайное стремление к сепаратному миру.

Король Николай усиленно звал в Цетинье Пашича, чтобы договориться об общих делах, но Пашич откладывал свою поездку, надеясь тем временем получить от держав ответ на свой запрос о их намерениях насчет продолжения кампании на Балканах. В Цетинье поехал пока королевич Александр, причем посещение его носило исключительно родственный характер.

В его отсутствие в связи с плохими вестями от Эссада, Пашич обратился через нас, посланников, с конфиденциальной просьбой прислать в Медую военные суда, чтобы увезти в Валлону или Дураццо правительство, чиновников, находившихся в Скутари членов Скупщины и дипломатов. Что касается престолонаследника, то Пашич не знал, пожелает ли он также воспользоваться морским путем или же предпочтет пробить себе дорогу с эскортом.

Королевич Александр ничего не знал об этом предположении. Когда он вернулся из Цетинье, после краткой побывки, между ним и Пашичем произошло, по-видимому, не совсем приятное объяснение. Пашич объяснил нам, что, как выяснилось, правительство не может, уехать, покинув армию, иначе может произойти возмущение последней, которое винит и без того правительство во всем, что случилось. Сам Пашич в это время (начало декабря) казался совсем удрученным создавшейся обстановкой. В доверительной беседе со мной 2 декабря он поставил прямо вопрос: или перевозка морем хотя бы 40 000 армии в Южную Ал-

банию или куда укажут союзники, или капитуляция. Нужно было много выстрадать, чтобы произнести это слово, которое обозначало полное крушение всех надежд, политическое самоубийство Сербии, ибо чего могла она ждать от милости своих врагов? Правда, что Пашич, произнося это слово, имел главным образом в виду потрясти за шиворот союзников, которые продолжали предаваться политике бездарной болтовни вместо деловой организации спасения несчастной сербской армии.

На следующий день, 3 декабря, посланники вновь получили от Пашича сообщение. В нем говорилось, что сербское правительство вынуждено осведомить союзников о критическом положении армии и обратиться к ним, быть может, в последний раз с просьбой о помощи. Армия, отступавшая в борьбе со всевозможными трудностями в надежде, что здесь получит возможность реорганизоваться, ныне дошла до предела своих сил. Без продовольствия, без одежды и военных припасов, она обескуражена, не найдя здесь того, что ожидала. Враг теснит ее от Охридского озера к Эльбассану и от Бульчицы южнее Дибры. Армия истощена и не в силах остановить австро-болгар, которые могут дойти до моря и перерезать ее пополам. Есть два способа избежать ужасной необходимости капитуляции. Первый, самый верный, скорый и наилучший, — перевезти армию морским путем при помощи союзного флота из Медуи в место, которое укажут союзники. Второй способ, это — чтобы союзная итальянская армия безотлагательно заняла линию обороны против австро-болгар, угрожающих с востока отступлению сербской армии через Дураццо и Валлону. Сухопутное отступление представляется, однако, едва ли осуществимым ввиду истощения армии, которая при этом рискует потерять половину своего состава и утратить последнюю силу сопротивления. Ввиду этого сербское правительство просит союзников обеспечить перевозку морем войск не выше 50 000. Если союзники и друзья, столько раз помогавшие Сербии, не придут ей на помощь в эту самую тяжелую для нее минуту, — катастрофа неизбежна. Сербский народ сделал все, что мог сделать народ, который хочет с честью бороться до конца.

...Тяжело и безотрадно встретили мы 6 декабря 1915 года. Этот день в Сербии и Черногории обычно обставлен был большим торжеством. Николин день сам по себе почитается в народе, а тут, к тому же именины Государя и Черногорского короля. Православная церковь в Скутари, находящаяся под покровительством России, была битком набита народом. Присутствовали, конечно, сербские и черногорские власти. Когда кончилось богослужение, священник произнес проповедь на тему о страданиях сербского народа, о том, как он мечтал, что они кончатся, когда он дойдет до Адриатического моря, которое рисовалось ему столь прекрасным... И что же, здесь у берега моря его подстере-

гала голодная смерть. Проповедь кончалась призывом к молитве и к надежде на избавление, но так натянуты были нервы у всех присутствовавших, что упоминание о пережитом исторгало у всех слезы.

Я уже говорил о раздражении против союзников, которое возрастало среди сербов и увеличивало их деморализацию. В начале отступления много жестоких упреков раздавалось и по адресу России, но теперь, когда было ясно, что мы не можем оказать непосредственной помощи сербам своими войсками, и по мере того, как их участь стала зависеть исключительно от того, что предпримут западные союзники, сербы все сильнее стали ощущать разницу в отношении к ним последних и России. Французы и англичане выражали участие, обещали содействие, но совершенно ясно чувствовалось, что сербы для них только известная данная в общих расчетах и что деятельное участие к ним с их стороны проявляется в мере учета сербской силы как фактора, на который можно рассчитывать. Между тем в том печальном положении, в котором находилась сербская армия, было ясно, что на нее еще долго не придется рассчитывать, тогда как на спасение ее потребуется напряжение значительных усилий.

Элемент такого грубого, хотя и недалновидного расчета, несомненно, руководил нашими союзниками, но всего сильнее он проявлялся со стороны Италии. В это исключительно тяжелое для сербов время итальянцы проявили столько сухого и мелочного бессердечия, что возмущали и французов и англичан. В силу своего географического положения они могли бы оказать сербам наиболее существенную помощь, если бы того хотели. На деле они больше всех преувеличивали трудность снабжения морем сербской армии, отказывали в приеме сербских беженцев в Италию, не хотели принять никаких мер к обеспечению сербской армии от возможности нападения со стороны болгар во время продвижения на юг. Но всего хуже они обращались с той частью сербской армии, которая вместе со старым королем Петром направилась в Среднюю Албанию. Французы побуждали сербов продвигаться возможно дальше на юг к Валлоне, где легче было организовать подвоз. Итальянский генерал заявил начальнику сербского отряда, что не остановится перед мерами вооруженного воздействия, если сербы будут переправляться южнее реки Скумбы.

В составе сербских войск были рекруты, завербованные во время отступления, между ними мальчики 15, 16 и 17 лет, которых взяли, чтобы ими не воспользовался неприятель. Эти рекруты совершили тяжелый поход, который отозвался на них еще губительнее, чем на взрослых. Итальянцы и с ними обходились так же сурово, гоня их с места на место. Мне пришлось слышать впоследствии от сербских офицеров, что, в конце концов итальянцы стали обходиться с ними как с военноплен-

ными. Место стоянки их было обнесено колючей проволокой. Им не позволяли его покидать без разрешения. Набралось их тысяч 10, а итальянцы позволяли посылать одновременно не больше 25 человек за дровами. Весьма может быть, в этих рассказах было известное преувеличение. Во всяком случае, вместо того, чтобы выказать расположение несчастным и тем положить основы будущей с ними дружбы, итальянцы, наоборот, возбудили против себя в сербах чувство ненависти и презрения. «Итальянцы опасны не как враги, а как друзья», говорили они.

Крайне бестактно было поведение итальянских властей в Валлоне с королем Петром. Как только он прибыл туда, ему было предложено выехать в Италию на миноносце и остановиться во дворце в Казерте (близ Бриндизи). Предложение было сделано в форме, не допускавшей возражений. Король подчинился необходимости, но, прибыв в Бриндизи, не пожелал воспользоваться предложенным гостеприимством. Он остановился в гостинице и пожелал тотчас же отправиться в Салоники, где находился небольшой сербский отряд, отступивший туда из Монастыря.

Отношение итальянцев к сербам вызвало негодование в Петрограде. В телеграмме нашему послу в Риме Сазонов охарактеризовал его как «чудовищное». М. Н. Гирсу поручалось воздействовать на римский Кабинет, чтобы заставить его изменить недопустимую и ничем не объяснимую антисербскую политику; вопрос о Валлоне бесповоротно решен соглашением от 13/16 апреля, и поэтому неосновательные страхи за эту область не могут оправдать действий кабинеты Саландры. На этой телеграмме Государь написал: «Правильно».

Нужно сказать, что среди постигших их невзгод сербы возлагали больше всего надежд на личное заступничество за них Государя, и они не ошиблись в этом. Государь действительно принял к сердцу все, что с ними произошло, и не раз личным обращением к союзникам оказывал воздействие, без которого дело не двигалось бы вперед.

5 декабря королевич Александр обратился со следующей телеграммой к Государю:

«С надеждой и верой, что Мои войска на Адриатическом побережье могут быть спокойно снабжены и реорганизованы, в чем была мне обещана помощь со стороны союзников, я успел их перевести через бездорожные Албанские и Черногорские горы. Не найдя здесь ничего из того, что им нужно для существования и реорганизации, они ныне находятся накануне самого трагического конца. В эти самые тяжелые минуты я и на этот раз обращаюсь к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, на которого всегда возлагал свои последние надежды, с просьбой о мощном содействии ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в том, чтобы я мог спокойно подготовить свою армию для новых

усилий, которые предстоят как ей, так и союзным войскам. Дабы я мог это осуществить, необходимо, чтобы союзный флот перевез Мою северную армию из Сан-Джованни-ди-Медуа в какое-либо безопасное место недалеко от границ Сербии, лучше всего — в окрестности Салоник, ибо голодные и изнуренные войска после непрерывных боев и маршей, будучи необеспечены от неприятеля, не смогут сухим путем, двигаясь по козьим тропинкам, перейти из Скутари в Валлону, куда союзные Верховные команды предполагают ее отправить. Надеюсь, что эта моя мольба встретит отклик у ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, всегда отечески заботившегося о сербском народе, и что ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО содействует воздействовать на союзников в том, чтобы спасти сербскую армию от незаслуженной, но предстоящей ей катастрофы». Подписал Александр.

На эту телеграмму воспоследовал ответ от 8 декабря, по всей вероятности составленный лично самим Государем. Вот как он гласил:

«С чувством глубокой тревоги я следил за переходом героической сербской армии в Албанию и Черногорию. Выражаю Вашему Королевскому Высочеству мое искреннее восхищение перед искусством, с которым под Вашим водительством она одолела все трудности пути, отражая нападения численно превосходивших ее врагов. Согласно моим указаниям, министр иностранных дел неоднократно призывал союзников принять меры к обеспечению морских сообщений по Адриатическому морю. Настояния эти будут возобновлены, и я надеюсь, что доблестным войскам Вашего Королевского Высочества будет предоставлена возможность покинуть Сан-Джованни-ди-Медуа. Я твердо верю, что они скоро оправятся от перенесенных тягостей и лишений и вновь примут участие в борьбе с общим врагом. Победа над ним и возрождение Великой Сербии послужат Вам и братскому сербскому народу утешением за все пережитое» Подписал Николай.

Царская телеграмма пришла в минуту самого подавленного настроения среди сербов. Ее действие было в буквальном смысле слова как действие яркого луча солнца, мгновенно прорезавшего мрак какого-нибудь подземелья. Наследник, Пашич, все министры не могли говорить о ней без слез. В течение трех дней они переживали каждое слово царского привета, — они так нуждались в поддержке и ободрении, эти несчастные исстрадавшиеся люди. Надо было пережить с ними все, что случилось, чтобы понять это. Я помню, например, как сами мы — Мамулов и я — были тронуты до слез теплым словом участия, которое получили в эти дни от Штрандтмана из Рима. В несчастье всего тяжелее чувство одиночества, и на душе становится легче, когда чувствуешь, что кто-нибудь о тебе помнит и думает.

Глава XVIII

Я не буду вспоминать здесь день за днем историю нашего пребывания в Скутари. Теперь, когда все прошло, многие подробности изгладились из памяти. Осталось общее воспоминание о жуткой картине безвыходного страдания.

В половине декабря 1915 года стали приходить транспорты с продовольствием, хотя и далеко не в достаточном количестве. Мы все время убеждали сербов в необходимости безотлагательно продвигать армию на юг сухим путем, каковы бы то ни были трудности похода. Наши увещания не остались бесплодными. В конце концов сербы сами убедились в невозможности ожидать минуты, когда в Медую начнут приходить большие транспорты за войсками. Кто был посильнее и у кого было хоть немного золота, которое одно охотно принималось в уплату албанцами, тот решался идти в Дураццо пешком. Иностранные врачебные миссии, в том числе и состав наших госпиталей, были вывезены из Медуй морем, и я вздохнул свободно, получив телеграмму о благополучном прибытии их в Рим.

Числа 20 декабря получились наконец ответы союзных правительств на запрос Пашича о дальнейших их видах на счет Сербии. Сколько времени прошло со времени запроса, а ответ получился не один, а четыре; разница между ними была существенная. Русский ответ был конечно самый благоприятный для интересов Сербии. Мы подтверждали все сделанные раньше обещания земельных приращений и решимость добиться их для Сербии. Ответы союзников были менее категоричны, хотя и составлены все в благожелательных выражениях.

Приблизительно в это же время французское правительство предложило сербам перевезти их армию в Бизерту для реорганизации. Правда, вскоре до нас дошло известие, что выбор Бизерты встретил возражения во Франции же со стороны главнокомандующего Жоффра, и что выдвигается мысль выбрать Корфу, которое к тому же ближе и находилось на пути к будущему театру войны сербской армии в Салониках. Ничего определенного, однако, не было еще известно, кроме того, что армия не останется в Албании, а будет куда-то перевезена. Сербь всецело предоставили решение этого вопроса союзникам.

Чтобы как-нибудь убить время в Скутари и не предаваться все тем же мыслям, я организовал у себя ежедневный бридж от пяти до семи часов. Постоянными посетителями были Де-Гра, английский военный агент Филиппс, его итальянский коллега Серра и другие. Кроме того, мы много гуляли; оставалось время и для чтения, и мне было особенно приятно в это время читать перевод Марка Аврелия под редакцией Котляревского, который я получил от него незадолго до ухода из Ниша.

В Скутари я познакомился с женой владетельного албанского бея Пренк-паши¹²⁷. Сам он жил в Цетинье, в обстановке в роде почетного если не ареста, то наблюдения. Черногорцы опасались его влияния на католиков-мирдитов и считали полезным держать его поближе к себе.

Дом Пренка был типичным албанским владением, окруженный обширным садом и двором и с высокой башней, откуда открывался прекрасный вид. Пренк был, как говорили, уже пожилой человек, а жена его была совсем молодая. Она говорила по-итальянски, но понимала и французский язык. Она простодушно, как ребенок, покатывалась со смеху от каждой шутки. Мне было интересно посмотреть имевшиеся в ее кладовой старинные албанские костюмы, и в нашу честь их всех вытащили и показали нам. Между ними были изумительно красивые костюмы деда и прадеда Пренка, малинового и синего бархата, сплошь расшитые золотом. По этим остаткам можно было воссоздать себе живописную роскошь недавней старины.

Между эпизодами нашего пребывания в Скутари одним из памятных осталась поездка Пашича в Цетинье в связи с общей картиной сербо-черногорских отношений. Когда мы были уже в Корфу и я отдавал отчет Министерству иностранных дел о наших странствованиях, я посвятил одно из писем этому вопросу, а потому просто привожу его здесь.

«Корфу, 31 января 1916 года №2

Милостивый Государь, Сергей Дмитриевич,

Отношения между сербами и черногорцами во время пребывания нашего в Скутари были также одной из тяжелых сторон обстановки, в которую попали сербы. О них стоит упомянуть, ибо в исключительных условиях, при коих состоялась встреча обоих народов, вскрылось многое, что не так отчетливо было видно в обыкновенное время.

Насколько мне пришлось присмотреться к различным настроениям в Черногории, они выливались в два главных течения. В народной массе пользовалась сочувствием мысль о слиянии воедино с Сербией. Балканская война ярко обнаружила качества сербской армии и наградила Черногорию лишь тощими лаврами. За Сербией признавалось превосходство более сильной и благоустроенной государственной власти, более твердой национальной политики. Сторонники этого направления в Черногории стояли за борьбу до конца, без компромиссов с австрийцами.

Другое течение разделялось чиновничеством, имело сторонников в офицерской среде. Главным вдохновителем его был король Николай. Люди его образа мыслей боялись и не хотят поглощения Черногории Сербией. На первом плане у них стоят, конечно, интересы династические и личные, ибо черногорские чиновники и офицеры опасаются быть

вытесненными сербами в случае слияния обоих государств. Известную роль играют и племенные обособленность и самолюбие. Серб и черногорец утверждает каждый свое превосходство и приписывает другому различные недостатки, от которых считает себя свободным. Отступление дезорганизованной сербской армии в Черногорию мало способствовало усилению обаяния Сербии среди местного населения. Дисциплина в войсках была сильно подорвана. Голодные солдаты, разумеется, брали все, что попадалось под руку. Пройденный ими путь был обозначен опустошением и подчас разорением и без того с трудом перебивавшегося черногорского населения. Естественно, что все эти условия не создавали благоприятной почвы для сторонников “Великой Сербии”. Они скорее усиливали второе течение, у которого был также свой лозунг — укрепление независимой Черногории и возможно больше расширение ее пределов. Этого всегда добивался король Николай. Занятие Скутари стояло на первой очереди в программе Большой Черногории.

Само по себе, обладание Скутари и Медудей представляет действительно жизненный интерес для населения старой Черногории, в чем нетрудно убедиться, когда находишься на месте, ибо Бояна и Скутарийское озеро создают самое удобное и естественное сообщение для Подгорицы и Цетинье с морем.

К сожалению, обстоятельства так сложились, что союзным правительствам из внимания к интересам Италии пришлось оспаривать право Черногории на занятие Скутари. Наиболее благосклонно отнеслась к этому минувшей весной Австрия. Самое занятие Скутари черногорцами, как известно, состоялось не без содействия австрийского консула в этом городе. Австрия, очевидно, предпочитала видеть там временно черногорцев, нежели допустить более прочное занятие его итальянцами.

При указанных условиях занятие Скутари отразилось на всей дальнейшей политике Черногории и отношениях ее с державами. Оно усилило среди держав Согласия подозрение к политике короля Николая и отбило у наших союзников всякую охоту идти на какой-либо риск для подвоза продовольствия Черногории. Отношения последней с Италией в особенности обострились.

Король Николай, не видя поддержки со стороны союзников и привыкши всю жизнь обделывать свои дела, играя на антагонизме различных держав, все более и более стал склоняться к мысли, что и в настоящей борьбе он может выгадать, осторожно балансируя между союзниками и Австрией, против коей велась скорее показная война.

Когда Сербия, утратив достояние и родную землю, перекочевала в Черногорию и Албанию, король Николай, видимо, решил сам про

себя, что надо избежать подобной же участи для Черногории и, если удастся, получить при этом возможные выгоды. Он, видимо, рассчитывал, что Австрия облегчит ему задачу и согласится за одно прекращение борьбы признать за ним обладание Скутари. Быть может, взамен этого Черногории пришлось бы поступиться Ловченом и частью Санджака, которая снова разделила бы клином Сербию и Черногорию. Если это и противоречило бы интересам сербского объединения, зато в той же мере упрочилась бы независимость Черногории от Сербии и сохранилась бы черногорская династия. В то же время король Николай мог бы сказать, что он сослужил пользу сербскому народу, сохранив неразоренным хотя бы небольшой очаг сербской культуры.

Все эти соображения, исходящие с черногорской стороны, мне пришлось слышать во время нашего сидения в Скутари. Король, видимо, нащупывал почву для такой комбинации, при которой он рассчитывал возможно меньше навлечь на себя гнев России и, если можно, выгадать от Австрии.

В то время как король Николай подумывал о том, как прекратить борьбу с Австрией, союзники облегчали ему задачу приискать благоприятные для сего основания. В Черногорию фактически прекратился подвоз продовольствия. Пароходы и баржи с провиантом для Черногории не пользовались никакой охраной союзного флота на Адриатике, австрийские подводные лодки безнаказанно топили их у самого входа в Меду.

Создавались условия, при которых продолжение борьбы становилось, действительно трудным, что неоднократно подчеркивалось королем. Между тем Италия, которая больше всех остальных держав имела непосредственные основания не желать, чтобы Австрия завладела Ловченом, и которой легче других было бы помочь черногорцам, продолжала дуться на них за занятие Скутари и ничего не сделала, чтобы отнять у короля поводы к прекращению борьбы. Та же политика будирования была усвоена Англией. Мы фактически не могли помочь делу, а французы спохватились, когда было уже поздно; генерал Мондесир посетил Цетинье и Ловчен за два дня до бомбардировки его австрийцами. Благодаря бездеятельности союзников король мог не без основания перекладывать на них заранее ответственность за возможную капитуляцию.

При таких условиях состоялось свидание в Цетинье короля Николая с Пашичем около 10 декабря.

В самые серьезные, можно сказать, трагические минуты, которые мы тогда переживали, эпизод этой встречи занимал нас всех своей бытовой стороной, был некоторым развлечением среди однообразной тяжелой картины, нас окружавшей. Все задавались вопросом, кто из

двух стариков, поседевших на всяких хитростях, перехитрит другого. Я посетил Пашича тотчас по возвращении его из Цетинье и застал его довольным тем, как все прошло. Он рассказал мне свое свидание так живо, что можно было заочно представить себе, как по приезде утром он пошел к королю, как сначала велся разговор, исполненный самой большой предупредительности и горячего участия между двумя собеседниками, из которых ни один не верил ни одному слову другого. После того что этот неизбежный пролог, удлинённый восточным обычаем, был окончен, король Николай приступил к делу. Он спросил Пашича, может ли сербская армия продолжать борьбу и на что он рассчитывает.

Пашич не обинуясь ответил, что положение армии крайне тяжело, и что на серьезное сопротивление ее в случае нападения неприятеля нельзя рассчитывать ввиду полного истощения людей и отсутствия боевого снабжения. Поэтому все расчеты Сербии основаны на помощи союзников, которые не дадут погибнуть сербской армии и доставят ей возможность покинуть Албанию.

— Ну, а если союзники не помогут? — спросил король.

Вопрос был больной, потому что в то время сербское правительство не получило еще ответа на свое обращение к державам, со времени коего прошло уже три недели. Тем не менее, Пашич ответил, что он не верит возможности, чтобы Сербия была покинута союзниками.

— Ну, а если это все же случится, что тогда вы сделаете? — настаивал король.

Пашич вновь ответил, что такая возможность им не допускается, но что если бы она наступила, то было бы время подумать, что предпринять.

В это время доложили, что завтрак подан. Король повел Пашича к своей семье.

— Вот — еще такой же оптимист, как и я, — сказал он, представляя Пашича королеве.

В тот же день вечером, разговаривая о разных эпизодах путешествия, совершенного Пашичем по Албании, король спросил, как бы незначай:

— А вы мне все-таки не ответили на мой вопрос, что же Вы делаете, если союзники не помогут Вам?

Пашич повторил все то, что сказал утром. На следующий день: тот же вопрос, тот же ответ.

— Было ясно, — сказал мне Пашич, — чего он хотел добиться от меня. Если б я сказал, что в случае если союзники не помогут, Сербия принуждена будет сдаться, король мог бы тотчас опереться на мои слова, чтобы оправдать свое убеждение в невозможности продолжать борьбу.

Если б я ответил, что не допускаю ни в каком случае капитуляции, он мог бы потом сказать, что упорство сербов переходит в явное безрассудство и что ему нельзя следовать».

Так королю и не удалось перехитрить Пашича и это благодаря тому, что последнему в силу обстоятельств, приходилось говорить только сущую правду: Сербия слишком много потеряла, она все поставила на карту союзников, ей ничего не оставалось ставить на другую карту. В этом была вся разница ее положения с Черногорией, которая еще ничего не потеряла и надеялась, быть может, выгадать на обеих картах.

После поездки Пашича события пошли быстрым темпом в Черногории. Произошел министерский кризис, подстроенный королем через Скупщину, которой он распоряжается, как хочет и которой пользуется, когда нужно сослаться на общественное мнение.

Министерский кризис должен был подготовить общественное мнение к неизбежности переговоров с Австрией. Вялое сопротивление, оказанное войсками при наступлении австрийцев, по словам самого председателя Совета министров Лазаря Миушковича, объяснялось тем, что солдаты и офицеры считали излишним кровопролитие, убежденные в том, что с Австрией уже состоялось соглашение. Кратковременная бомбардировка Ловчена, занятие высот, которые представлялись неприступными, и, наконец, посылка парламентаров в австрийский лагерь, — все шло как будто по писаному, но в последнюю минуту что-то оборвалось.

В своих подозрениях относительно короля Николая наши союзники и сами черногорцы зашли, по-видимому, слишком далеко. Они полагали, что у короля все заранее подстроено с австрийцами; некоторые утверждали, что знают текст соглашения, даже ссылались на определенные его статьи. Между тем, по-видимому, до наступления последнего кризиса настоящих переговоров между Черногорией и Австрией не было, а были, вероятно, одни разговоры, на которые слишком понадеялся старый король, оправдавший в данном случае пословицу: на всякого мудреца довольно простоты. Австрия, по-видимому, также не решилась ему поверить и поставила условия столь суровые и неприемлемые, что король не мог принять их. Что потом произошло, — очень неясно для нас. Отъезд короля во Францию, заключение мира теми, кто остался в Черногории, — все это издали производит впечатление, что та же игра со ставкой на две карты продолжается; но об этом, без сомнения, вы осведомлены лучше, чем мы в Корфу.

В настоящее время здесь находится около 30 черногорцев, в том числе три генерала, и свыше 1500 герцеговинцев, в свое время прикнувших к черногорской армии. Они, впрочем, перевезены на отдельный маленький остров, ибо единственное, на чем они пока сошлись

с сербами, это — на взаимном желании быть подальше друг от друга. Так сказал мне французский поверенный в делах Г. Буассона, присланный сюда заместить г. Боппа, которому его правительство само предложило поехать отдохнуть во Францию.

Не гадая о том, как сложится в будущем участь Черногории и отношения ее к Сербии, я считал не лишенным некоторого интереса закрепить в памяти эпизод встречи двух народов и двух правителей в минуту, когда сербы решили бесповоротно продолжать выбранный путь, а король Николай все еще надеялся остаться на перепутье.

Примите и пр.
(подл[инно]) Кн[язь] Трубецкой»

В приведенном письме я кратко упомянул о событиях, приведших к развязке наступления австрийцев. Началось оно в сочельник 24 декабря. 26-го в Скутари прибыл Лазарь Миушкович, назначенный председателем черногорского Совета министров. Он приехал проститься с королевичем Александром и Пашичем в качестве бывшего посланника при сербском дворе.

Миушкович посетил меня и в беседе излил много горечи на союзников, которые ни в чем не хотят помочь Черногории и будут ответственны за то, что может произойти. Разговор явно подготавливал к возможности капитуляции Черногории. Ввиду этого я не обинуясь предупредил моего собеседника, что «сесть между двух стульев» я не могу ему посоветовать, что, кроме гибели, это ничего не может принести его отечеству. Миушкович продолжал перелагать ответственность за то, что может произойти, на союзников. В тот же день он уехал обратно, вызванный телеграммой короля.

На четвертый день наступления австрийцам удалось уже занять считавшиеся совершенно неприступными позиции на ловченском направлении, а 29 декабря король Николай послал парламентаров в австрийский лагерь. Австрия поставила условием перемирия сдачу всех черногорских войск и всех сербских войск, находящихся на черногорской территории. Мы узнали об этом 30 декабря после полдня.

В этот день на совещании посланников французский посланник Бопп возбудил вопрос о необходимости нам совместно отправиться к Пашичу, чтобы переговорить о создавшемся положении. Со дня на день можно было ожидать движения австрийцев вдоль моря. В этом случае мы были бы отрезаны и неизбежно попали бы в плен. Необходимо было немедленно покинуть Скутари и для этого просить союзные правительства о присылке в Меду за правительством и дипломатами военных судов.

Мы согласились с Боппом и пошли к Пашичу. Последний согласился с нами относительно серьезности положения. Он настойчиво просил, чтобы союзники немедленно послали флот для бомбардировки побережья. Что касается отъезда, то он сказал нам, что пока хотя бы 30 тысяч войска не будет посажено на суда и не отплывет из Медуи, правительство не может выехать. Тщетно мы представляли Пашичу, что в тех условиях, в каких до сих пор шла морская перевозка, — человек по 300 в день, — понадобится свыше трех месяцев для окончания этой операции. Между тем каждый день дорог. Пашич ответил нам, что вполне сознает опасность, но не может иначе поступить.

Мои коллеги вернулись ко мне и мы снова стали обсуждать положение. Все они были того мнения, что наши обязанности посланников кончаются с минуты капитуляции, и что нет никакого основания нам также сдаваться в плен. Если сербское правительство останется, то нам следует просить наши правительства прислать за нами судно. Я отвечал, что не могу присоединиться к ним, потому что с самого начала получил инструкцию «разделить участь сербского правительства». Мои коллеги возражали, что наши правительства не отдают себе отчета в том, насколько положение критическое, что они выказали немало бездарности в своем неумении принять своевременные меры и что теперь, если мы попадем в плен, то они на нас же свалят вину, что вот мол посланники даже не сумели понять опасность и нас предупредить. В этом рассуждении было несомненно много правды, и я согласился участвовать в коллективной телеграмме, где говорилось, что мы готовы, если правительства признают это нужным, подвергнуться риску плена, но что вопрос этот должен быть решен не нами. Если же, однако, будет признано, что нам не следует попадать в плен, то пусть за нами немедленно пришлют судно в Меду.

Ввиду спешности дела мы просили итальянского посланника за всех нас передать эту телеграмму по радиотелеграфу герцогу Абруццскому, командовавшему союзными эскадрами в Адриатическом море, с просьбой сообщить ее содержание нашим правительствам.

31 декабря утром Пашич прислал просить всех посланников снова собраться у него. Он сказал нам, что после нашего посещения накануне правительство вновь обсудило вопрос и, в связи с новыми вестями о положении дел, решило, что всякое дальнейшее промедление действительно угрожает пленом. Ввиду этого Пашич просил нас срочно телеграфировать своим правительствам, чтобы на следующий же день, 1 января, в Медуе нас ожидали военные суда, на которых могли бы отбыть наследник, правительство, депутаты Скупщины с семьями и дипломаты.

— О чем же Вы думали вчера, когда мы это самое предлагали Вам? — с горячностью сказал ему Бопп.

— Разве вы думаете, что это все так легко и просто устроить в 24 часа?

Пашич только развел руками в ответ. В сущности он был давно того мнения, что правительству следовало покинуть Скутари, но после разногласия по этому вопросу с наследником не мог принять на себя единолично разрешение этого вопроса.

Делать было нечего. Снова посланники собрались у меня и снова итальянский посланник отправил от имени нас всех телеграмму герцогу Абрुццскому о присылке судов. От Скутари до Медуи считалось 52 километра. Нужно было выйти в ночь с 31-го на 1-е, чтобы к вечеру попасть в Медую.

За несколько дней до того нас, русских, пригласили Ферхмины встречать Новый год, но так как предстояла еще укладка и уход чем свет из города, то встреча Нового года была перенесена на обед. За три дня до того на имя посланников пришел груз с продовольствием. Французское и итальянское правительства решили снабдить своих посланников, я же воспользовался этим случаем, чтобы просить выслать провизии и на мою долю. Де-Гра не участвовал в выписке, потому что не вел самостоятельного хозяйства, а столовался на вилле Пэджет, где жило много англичан. Присылки этого продовольствия ждали целый месяц, но получили мы его только 27 декабря. Когда мы собрались к итальянскому посланнику, к которому свезли ящики, то мы радовались совершенно как дети подаркам на Рождество. Каждый ящик вызывал к себе усиленный интерес. Мы угадывали, какой сюрприз в нем заключается. И сколько прелести мы там нашли: ветчина, рис, макароны, масло, сало, бисквиты, вино, коньяк, варенье, яблоки, апельсины — всего не перечтешь.

У нас разгорелись глаза, и мы действительно почувствовали себя школьниками, когда делили всю эту добычу. Де-Гра пришел посмотреть и притворялся равнодушным, но мы ему уделили от всех наших богатств. Присланных припасов могло хватить каждому из нас на два месяца, а нам оставалось пользоваться четыре дня. Мы, конечно, поделились, с кем могли, и в первую очередь с Ферхминными.

В самые последние дни нашего пребывания в Скутари прибыл также груз для целого госпиталя в 100 кроватей, который по моей просьбе наш Красный Крест разрешил приобрести в Риме. Я возбудил об этом ходатайство тотчас по приезде в Скутари, потому что во время отступления все госпитали, разумеется, потеряли все свое имущество, а нужда во врачебной помощи в Черногории была огромная.

Там продолжал работать один из госпиталей нашей организации с сестрами Савримович и Энгельгардт. Отряд этот с честью до конца исполнил свой долг и покинул Черногорию после капитуляции. Было

жаль бросать прекрасное оборудование, над которым немало поработал Штрандтман в Риме. Мы передали его черногорским госпиталям, оставшимся в Скутари, и часть продовольствия, в нем находившегося, передали бедным учителям и учительницам.

В числе груза было много ящиков с вином и коньяком, которые сослужили свою службу. Когда этот груз еще находился в Медуне, туда подошел пароход, на котором были черногорцы, возвращавшиеся из Америки на родину, чтобы принять участие в войне. Были и другие пассажиры. На виду Медуны, в самом близком расстоянии от берега, пароход был потоплен. Люди бросились в воду спасаться вплавь. Большинство погибло. Говорили, будто виной этому было отчасти то обстоятельство, что многие черногорцы, имевшие на себе свои сбережения, накопленные в Америке, не хотели их сбросить, и тяжесть их затрудняла плавание. Кое-кто, однако, доплыл до берега и был спасен на лодках английскими моряками. Комендантом Медуны был английский адмирал Трубридж, тот самый, который пропустил «Гебен», а потом был послан для минной обороны Белграда. Трубридж распорядился вскрыть один из ящиков с вином из госпитального груза на мое имя; спасенных оттирали и отпаивали коньяком и тем, по его словам, сохранили несколько жизней. Это примирило меня с мыслью о том, что не удалось использовать великолепный материал, запоздавший прибытием.

Никогда не приходилось мне встречать Новый год в такой обстановке и с такими чувствами, как на этот раз. Что-то сулил нам самый первый день этого года, который предстояло провести в утомительной дороге, а потом поплыть неизвестно куда. Мы приятно пообедали у Ферхминых, послушали музыку, а потом отправились укладываться. В этом занятии мы встретили Новый год и в третьем часу легли спать, чтобы через три часа встать.

Никогда не забуду этого дня и этого путешествия, самого утомительного из всех наших странствований.

Погода выдалась отвратительная. Дул холодный резкий ветер в лицо. Скоро пошел дождь, перешедший затем в снег. Путь был в общем ровный, не гористый, но от постоянных обозов и обильных дождей, выпадавших за последние дни, дорога сильно испортилась. Она пролегла по равнине, казавшейся унылой и однообразной.

В пути — та же картина, что и в предыдущих странствованиях, — вереница беженцев и солдат, только все они имели вид, еще более истощенный. Сколько попадалось нам людей, едва передвигавших ноги и ложившихся вдоль дороги. Все ли они дошли до моря? Им не у кого было просить и искать помощи — все были в том же положении. На каждом шагу лежали брошенные издыхающие лошади. Они также были так сла-

бы, что многие не могли выдержать ни малейшего напряжения. Если встречалась какая-нибудь неровность или приходилось перевозить повозку через канаву, они тут же падали и издыхали. В некоторых местах нам приходилось переходить канавы по трупам лошадей, увязшим в землю. По обе стороны дороги виднелись свеженасыпанные могилы с крестами. Это были трупы людей, из коих многие долго ждали своего погребения и, видно, дождались его лишь накануне, когда стало известно, что по этой дороге пойдут наследник и дипломаты. Поистине этот путь от Скутари до Медуи мог быть назван крестным путем страданий сербского народа.

От долгого пути в тяжелых условиях я так устал, что под конец еле двигался то верхом, то пешком. К Медуе мы подходили в полной темноте. К тому же, снег залеплял глаза, и ничего не было вредно. Не доходя двух-трех верст, мы наткнулись на возвращавшихся из Медуи в Алесио солдат. Оказалось, что они должны были в этот день отплыть с ожидавшимся для этого транспортом, но ввиду нашего отъезда их отправление пришлось отложить.

Море мы увидели только, когда подошли вплотную к заливу. Где-то вдалеке блестели электрические огни парохода, который нас дождался. Немного отступая от берега, высились горы, и у подножия их виднелось много огоньков. Оттуда слышны были человеческие голоса. Это был лагерь беженцев, которые по три-четыре недели ждали парохода, который бы увез их. Таких беженцев набралось свыше четырех тысяч. У них не было палаток. Они спали под открытым небом, богатые и бедные, все — равные в полной нищете и беспомощности. Женщины снимали с себя верхние юбки, развешивали их на колья, чтобы устроить подобия палаток для детей. Сколько страдались эти несчастные от долгого тщетного ожидания своего избавления, от ежедневного прилета неприятельских аэропланов, сбрасывавших бомбы, от холода, голода, не имея возможности укрыться от ветра и дождя. Когда приходил пароход, происходили раздирающие сцены. Пароходы приходили такие маленькие, что могли забрать 300–350 человек, не больше. Люди бросались вплавь в надежде, что их примут, они цеплялись за борт, их отталкивали. Были случаи сумасшествия, женщины разрешались родами. И сколько нужно было телеграфировать, настаивать, умолять, чтобы наконец прислали за ними пароход. Эти беженцы были вывезены уже после нашего отъезда.

Так как все имеет свой конец, то и мы доплелись до Медуи. Порт, носивший это имя, состоял из трех-четырех лачуг. В одной из них, в маленькой комнате, мы нашли все правительство: Пашича и его товарищей по Кабинету. Один из них, Люба Давидович (министр просвещения) лежал на кровати и корчился от колик, а Пашич давал ему что-то пить. Наследник остался ночевать в Алесио в девяти верстах не доходя Медуи. Он был очень

болен последнее время в Скутари, по-видимому, приступами камней в печени, и сильно страдал. 1 января он должен был в первый раз встать с постели, а тут пришлось сразу совершить такое путешествие. Всю дорогу его несли на носилках, а на следующий день он ожидал крейсера, на котором отплыл в Дураццо, не желая покидать своих войск, пока они были в Албании.

Пока мы теснились в маленькой комнате, куда набралось порядочно народа, пришел адмирал Трубридж звать нас всех к себе обедать. Пашич за усталостью отказался. Пошли английский посланник Де-Гра, Бопп и я. Нужно было из домика, где мы были, и который находился на косогоре, спуститься куда-то вниз, в другое помещение, нечто вроде сарая или склада, где Трубридж устроил столовую. Ветер усилился и положительно срывал с нас платье. Бедному Боппу надуло щеку; она у него вздулась и делала его еще более несчастным. Зато какое наслаждение было съесть горячий обед, показавшийся необыкновенно вкусным, особенно бифштекс, запеченный в тесте. Сам Трубридж был необыкновенно милым и гостеприимным хозяином.

Пообедали мы часов в десять, но пришлось ждать отъезда на пароход. Дело в том, что в Медве был только один паровой катер, и тот испортился. Мы ждали, пока его чинили. Одно время думали, что нам придется отложить отъезд до утра. Трубридж покинул нас, чтобы пойти распоряжаться. Когда мы начали уже терять надежду, он появился и пригласил следовать за собой только министров и посланников. Секретари и все остальные должны были ждать следующей очереди. Мы спустились к морю и кое-как разместились в маленьком катере, куда нельзя было втиснуть ни одной самой небольшой вещи. Мы все сидели, скрючившись от тесноты, хотя нас было не больше 13–15 человек. Катерок сильно качало. До парохода было довольно далеко. Это был «Cita di Bari», — торговый пароход, приспособленный для нужд военного времени. Мне было очень тяжело расставаться с Мамуловым, тем более, что не было никакой уверенности, что он также попадет на этот пароход, не говоря уже о вещах. Трубридж обещал сделать все возможное, чтобы отправить Мамулова на следующий день, если не удастся перевести его теперь же. Еще часа за два пришлось прождать на пароходе. К величайшей моей радости вдруг появился и Мамулов, и не только он, но и все наши вещи. Он и греческий Поверенный в делах энергично добились, чтобы все вещи дипломатов были погружены в баркас и реморкированы катером на пароход. Я вздохнул свободно, увидав Мамулова. Бедный Пашич и его коллеги уезжали, не имея при себе даже дорожной сумки, смелы белья. Свои вещи они получили только через неделю. Но в эту минуту думалось главным образом о том, что сейчас никуда уже больше не придется идти пешком и отдаться своей участи. Это было первым отдыхом.

Мы сидели в ярко освещенной кают-компании, забрызганные грязью, измученные. На море был шторм. Пароход сильно качало. Вот, наконец, мы тронулись. В последние раз в иллюминаторе перед нами мелькнули огоньки Медуи. Мы поплыли в Бриндизи. Но потом? Куда дальше? Мы этого не знали. Не было еще решено окончательно — в Бизерте, во Франции или на Корфу будет место реорганизации сербской армии^I. И тут нам предстала вся необычайность этого путешествия. Мы покидали берега Албании, оставляя за собой далеко Сербию. Тут были министры, генералы, командовавшие армиями, представители держав. Это было начало исхода целого народа, который не переставал верить в свою звезду, которая вернет его в обетованную землю. Я чувствовал себя свидетелем великой исторической драмы, одного из самых трагических ее эпизодов. Маринкович^{II} заговорил первый.

— Что, если 6 год тому назад какой-нибудь романист изобразил подобные приключения, разве не сказали бы, что он отошел от всякой правдоподобности в своем рассказе, *qu'il a manqué de mesure*^{III}? — сказал он.

Я сидел рядом с Пашичем. Он тоже был погружен в думы. И хотя ему было за 70 лет, хотя ему следовало быть более утомленным, чем всем нам, он сохранял свою бодрость. На минуту он остановился на пережитом.

— Да, мы все потеряли, — сказал он, — только образ Сербии сохранили.

Слова, какие бывают при падении занавеса на сцене, когда кончается большой акт драмы. Но говорил их не актер, а человек, их выстрадавший, вождь, увлекший свой народ за этим образом родины, который оставался для него святым, чистым, как маяк, освещающий весь пройденный путь и то, что только еще брезжилось впереди...

Глава XIX

Наш пароход шел тихим ходом, ему приходилось все время делать зигзаги из опасения подводных лодок. В Бриндизи мы пришли 2 января около 5 ч[асов] дня. Пароход ошвартовался на пристани. Среди встретивших нас была жена Пашича. Это была добрейшая женщина, благоговевшая и трепетавшая перед своим мужем. Было приятно видеть встречу этих двух милых стариков.

^I Обо всем этом Пашич должен был узнать по приходе в Бриндизи от французского генерала Мондезир, которому поручено было дело реорганизации сербской армии. — Примеч. автора.

^{II} Вой Маринкович, министр земледелия и торговли. — Примеч. автора.

^{III} Ему изменило чувство меры (франц.).

В этот же вечер мы, посланники, выехали в Рим. Сербские министры остались в Бриндизи, с тем чтобы прямо оттуда ехать на Корфу, куда, как мы узнали, будет направлена сербская армия. Какое-то особое радостное, я бы сказал — молодое чувство испытывалось нами, когда мы сошли на берег и почувствовали осязательно, что все пережитое позади, что мы снова в условиях цивилизации и безопасности, чего так давно не испытывали. Было приятно сидеть на грязном вокзале, ждать поезда.

Нам предстояла пересадка в Бари. Мы с Мамуловым воспользовались ею, чтобы заехать в великолепное подворье, только что выстроенное Палестинским обществом и не совсем еще отделанное. Я нашел там старого своего знакомого, бывшего регента хора посольской церкви в Константинополе, а теперь настоятеля русского храма в Бари, отца Кулакова. И он и вся его семья встретили меня как родного, не знали, как усадить и угостить, вспомнили старые времена в Константинополе. Как был приятен этот радушный прием в милой русской семье. Как будто первая встреча с родиной, по которой мы стосковались. Мы покинули Бари с твердой надеждой вернуться перед возвращением в Россию, чтобы поклониться мощам св. угодника Николая.

В вагоне, во время пути в Рим, произошел маленький инцидент. Было очень жарко. Я встал, чтобы открыть вентилятор; в темноте трудно было его найти. Наконец я нащупал ручку и дернул ее. Вдруг раздался пронзительный свисток. Я зажег спичку и первое, что я увидел, была надпись: «Запрещается под страхом судебной ответственности подавать тревожный сигнал без надобности». Поезд остановился, забежали кондуктора. Я позвал их тотчас к себе и объяснил происшедшее недоразумение. К моему объяснению отнеслись вполне благодушно, и мы уже безо всяких новых инцидентов продолжали путь.

Я надеялся иметь возможность отдохнуть в Риме, даже получить отпуск, но в Петрограде нашли, что мне следует ехать на Корфу. Итальянское правительство почему-то торопило своего посланника туда же. Бопп был так утомлен и болен, что не чувствовал себя в силах продолжать путь с нами и уехал в Париж. Сквитти уехал с сербскими министрами, а Де-Гра и я отправились в Бриндизи и 7 января ночью сели на маленький итальянский миноносец, который должен был доставить нас на Корфу. На другом миноносце поместились Мамулов и Пелехин, с которыми мы встретились и соединились в Риме. Море было гладкое, как зеркало, и мы прекрасно совершили переход; миноносец прошел очень близко около Валоны. Мы прибыли на широкий рейд Корфу под вечер. В порту стояло довольно много союзных военных судов, главным образом французских: три броненосца, крейсера, целый ряд миноносцев и контрминоносец. Нас высадили на шлюпке на берег в таком месте,

где никого не было. Мы пошли пешком в направлении города и нашли *Hôtel St. Georges*, где нам предстояло поселиться.

Здесь прожил я без малого два месяца. Только попав в Корфу, я понял, до чего устал и до чего необходимо мне отдохнуть в обстановке полного спокойствия. Корфу как нельзя лучше отвечал этим условиям. Я поселился в большой угловой комнате в третьем этаже. Когда на следующее утро, проснувшись, я открыл окно, то был невольно охвачен красотой всего, что меня окружало. Гостиница стояла перед широким плацем, на котором совершалось учение солдат. Прямо передо мной, сзади плаца, возвышалась старинная романтическая цитадель, налево — красивый дворец, но все эти вещи получали значение и озарялись красотой в свете лазурного неба и моря, которое было сразу за ними. Ко всему этому присоединялась какая-то особенная тишина и покой от сознания, что некуда спешить, ничего не надо делать, а можно часами сидеть у открытого окна, откуда веяло теплом и лазурью, или ходить вдоль моря, смотреть на него, на снеговые горы Албании на противоположном берегу, с удовольствием глядя на них на расстоянии. Я телеграфировал моей жене, что попал в рай земной.

Дни потекли за днями, приятные в своем однообразии. Моей излюбленной прогулкой было так называемое «канони». Надо было пройти всю городскую набережную, потом за городом начиналась дорога, вся в садах, виллах и через масличную рощу. Из садов выглядывали деревья, покрытые золотыми апельсинами и мандаринами, которые казались отблеском солнца, а бледные лимоны словно отражали на себе лунный свет. Все это благоухало и светилось лазурью и благодатным югом. «Канони» было на повороте острова. Оттуда открывался чудный вид на море с двух сторон и на прелестный романтический островок, взятый Беклином как образец для своего «Острова смерти»¹²⁸. Только я не мог понять, как он мог взять для такого мрачного сюжета такой лучезарный островок, который кажется каким-то букетом, опущенным в море.

Мы совершали иногда и более продолжительные прогулки в автомобиле по очаровательным окрестностям острова; были между прочим и в знаменитом Ахиллесис¹²⁹, который нам показывал французский офицер-стрелок, приставленный к охране дворца. Парк — чудный, великолепные деревья, чудный вид на море, но все, что касается архитектуры и убранства дворца, поражало редкой безвкусицей. Императрица Елизавета, построившая этот дворец, воздвигла памятник Ахиллосу, который изображен полулежащим, раненым в пятую¹. Императору Вильгельму, приобретшему дворец после трагической кончины австрийской

¹ Имеется в виду статуя «Умиравший Ахилл» скульптора Эрнста Гертера.

императрицы, это не понравилось. Он пожелал исправить историю, и тут же соорудил колоссального Ахиллеса, который стоит и возвышается над парком, угрожая ему и, кажется, всему миру. Словом, Ахиллес поступил на прусскую службу. На памятнике написано: «Вильгельм — Ахиллесу»¹.

Ездили мы осматривать сербские лагеря, расположенные внутри острова, в масличных рощах. Когда выбор места для реорганизации сербской армии пал на Корфу, там ничего конечно не было подходящего для размещения такого количества людей. Вместе с тем было столько уже упущено времени, что перевозку армии нельзя было теперь задерживать ни на один лишний день. Вначале не было даже палаток и люди ночевали под открытым небом. В Корфу благодатный климат, и часто в январе днем было тепло, даже жарко. Ночью, однако, температура значительно охлаждалась. В связи с этим и с общей истощенностью вначале среди армии открылась значительная смертность. Особенно много умирало молодых рекрутов. Климат Корфу вызывал перелом в здоровье людей. Одни быстро поправлялись, другие, самые слабые, так же быстро умирали. Всех приезжавших пропускали через осмотр и наблюдение, высаживая сначала на маленький островок Видо, прямо против Корфу. На Видо действовали французские санитарные учреждения и госпитали. В первые дни, когда не было ни бараков, ни палаток и не было достаточного медицинского персонала, на Видо ежедневно умирало по 150 человек. Тела их прямо сбрасывали в море с берега. Только потом был приспособлен особый пароход, который уходил дальше в море и там опускал умерших. Я посетил Видо, когда там уже была налажена организация и госпитали. Во время моего посещения я видел, по счастью, уже немногих — приговоренных к смерти от истощения. Я не думал, чтобы живое человеческое существо могло превратиться в такой, в буквальном смысле слова, скелет, покрытый кожей. У некоторых открывались раны от истощения. По счастью, никаких заразных болезней не развивалось на этой почве вероятно потому, что Сербия за год до того переболела эпидемиями в небывалых размерах.

Я должен отдать дань искреннего уважения тому, как справились французы с громадной организационной работой, которую приняли на себя. Жаль, конечно, что так долго тянулись бесплодные разговоры. Но как только решение было наконец принято и выступили вперед люди дела, так работа закипела у них в руках. Морская перевозка происходила по большей части на французских транспортах. Сначала везли из

¹ Имеется в виду бронзовая фигура Ахилла скульптора Йоханнеса Гётца; надпись гласила «Великому греку от великого немца» (ныне не существует). — *Примеч. ред.*

Медуи в Валонну на маленьких пароходах. Вывезли всех беженцев, которых мы там видели. Почти вся армия добралась-таки пешком до Дураццо. Из Дураццо и Валлоны большие пароходы доставляли людей на Корфу под конвоем французских и итальянских военных судов. Ни один транспорт с людьми не погиб.

Продовольственным делом занимались французы с англичанами. Боевое снабжение посылалось кажется исключительно из Франции. Нелегко было перевезти около 150 000 человек, одеть, обуть, накормить и вооружить их, словом, — измученных и усталых босяков снова превратить в здоровую крепкую армию.

Французы все это сделали, правда, при помощи англичан и итальянцев, однако роль их была преобладающая в этом деле. И поразительно, в какой короткий срок все было сделано.

По утрам я любил спускаться из своей гостиницы вниз в порт. Там кипела работа. Приходили громадные пароходы. Их разгружали на барки и катера, которые подходили к берегу. Груды ящиков со всевозможными вещами сложены были на берег в огороженное место, куда нельзя было проникнуть без особого разрешения. Все было обдумано, делалось планомерно, без спешки. Виден был организаторский талант и умение. Продовольствие и снабжение развозилось на грузовых автомобилях в сербские лагеря. Эта часть была в руках англичан, подчинявшихся, однако, в направлении своей работы генералу Мондезиру.

Последний мне сначала было не понравился напыщенностью и резкостью, которая в нем чувствовалась. Его коробила, а порой и возмущала сербская распущенность, славянская халатность. Вначале он хотел круто за них приняться; по счастью, ближайшие его помощники были спокойные и уравновешенные люди. Сам Мондезир, как человек неглупый, понял, по-видимому, что сербов надо брать, каковы они есть, что в три месяца, да еще в таких условиях, их все равно не переделаешь. Он стал требовать только того, что было необходимо с точки зрения военной дисциплины. С другой стороны, обновившаяся Верховная команда, в лице Бойовича, заменившего Путника, и новый военный министр Терзич искренно пошли навстречу стараниям французов, и общая работа у них отлично наладилась.

Совершенно иной тип, чем генерал Мондезир, был командующий французской эскадрой де Гедон. Один был представителем демократа¹³⁰, дослужившегося в армии до высоких чинов, другой был потомок старой аристократической семьи. Имя, которое он носил, было связано со славными традициями во флоте, и оно было присвоено одному из французских военных судов. Де Гедон был на редкость приятным, можно сказать, обворожительным человеком. Время с ним летело неза-

метно. Он столько видел на своем веку, плавая по белому свету, и так умел подметить и рассказать то, что было интересно. В противоположность напыщенному Мондезиру, он был совсем прост, и, однако же, в нем чувствовалась воля и энергия, и он выглядел старым морским волком, что не мешало ему тонко понимать и ценить искусство.

На месте Боппа был временно прислан г. Буассона, который до войны покинул дипломатическую службу. Будучи призван на военную службу, он был ранен в Дарданеллах, а потом использован снова как дипломат. В нем была какая-то смесь военного с дипломатом. Человек богатый, протестант, Буассона был олицетворением чувства дисциплины во время войны. Вместе с тем он был неглупый человек. Ежедневно он, адмирал и Мондезир сходились вместе и обсуждали организационные вопросы. Сотрудничество этих трех весьма разных людей было, я думаю, весьма полезно для дела.

Перевозка сербской армии на Корфу закончилась в феврале. Когда оставался последний транспорт, на остров прибыл королевич Александр. Ему была устроена торжественная встреча. Был выстроен почетный караул из бравых французских стрелков, которые были посланы с фронта в Корфу на отдых, и сербский батальон. Нельзя было без волнения смотреть на красавцев-молодцов сербов, когда они шли церемониальным маршем, словно ничего и не было. Я видел старого полковника, утиравшего слезы. В возрождении этих людей чулось будущее воскресение самой Сербии.

Время на Корфу проходило однообразно. К сожалению, погода испортилась. Пошли дожди и подул ветер, весьма напоминающий итальянское сирокко, с тем же удручающим воздействием на самочувствие. Греки, если не ошибаюсь, называли этот ветер «гарбис». Мы часто, иногда два раза в неделю, завтракали и обедали в доме русского грека Логофети. Он был довольно богатый судовладелец, жил обыкновенно в Таганроге, но война застала его на Корфу, где у него была прекрасная вилла, и он там и остался. Он был женат на англичанке, а в общем и муж и жена были горячие русские патриоты, хотя и выражались на своеобразном русском языке. Супруги были бездетны, при них жила его племянница, девушка. Они были очень гостеприимны и все время уговаривали меня переехать к ним жить. Я конечно не хотел так далеко пользоваться их гостеприимством, но бывали мы у них часто, и я даже брал у них ванны перед обедом. После обеда обыкновенно бывал бридж, который вообще процветал, ибо, когда это не было у Логофети, тогда играли у меня в гостинице.

За это время я постоянно видался с наследником [Александром], который сильно скучал и чувствовал себя одиноким. Настоящего общества у него не было. Между тем он был еще очень молод и не мог, конеч-

но, посвящать все свое время одним тяжелым мыслям и заботам о будущем Сербии. Мы часто гуляли вместе, разговаривали, и он стал гораздо доверчивее относиться ко мне, чем прежде, когда его не покидало ревнивое опасение, что мы променяем верных сербов на коварных болгар.

Вспоминая, что было еще примечательного на Корфу, назову церковь св. Спиридона, где покоились мощи этого святого, составлявшие собственность семьи графов Булгарис. Один из представителей этой семьи был всегда настоятелем храма. Последний со времени Екатерины Великой состоял под покровительством России, и над дверьми красовался российский государственный герб. В сокровищнице храма хранились очень ценные предметы, между прочим, чаша, которую приписывали Бенвенуто Челлини, большие массивные люстры XVIII века из чистого золота и другие вещи.

Вскоре по своем приезде наследник стал поговаривать о своей поездке с Пашичем в союзные страны. Так как с отъездом их в Корфу ровно нечего было делать, то я воспользовался этим, чтобы самому попроситься в отпуск, который и был мне разрешен. Уезжая, я думал, что пробуду в отсутствии не более четырех месяцев.

Пашич с Иовановичем на несколько дней опередили наследника, а я выехал с последним в сопровождении Мамулова 2 марта 1916 года. Мы шли на французском контрминоносце. Погода нам вполне благоприятствовала. Командир был бравый моряк. В пути вдруг поднята была тревога. Раздалась команда: «Un sous-marin¹». Было интересно видеть, какое впечатление произвело это известие на команду. Все будто чему-то обрадовались и оживились. Я видел матросов, которые весело вприпрыжку бежали по местам, покрикивая: «Un sous-marin, un sous-marin». В какую-нибудь минуту все приготовились оказать должную встречу подводной лодке: орудия были наведены, веревки, коими были привязаны ручные гранаты на особых подставках у борта, были перерезаны. Наш контрминоносец прямо взял курс на видневшийся на поверхности воды перископ. Прошло еще минуты две ожидания того, что будет, пока мы шли полным ходом. Поравнявшись с перископом, убедились, что это — буюк. Надо было видеть неподдельное разочарование команды, которое, впрочем, отнюдь не разделялось сухопутными пассажирами.

Мне пришлось еще раз испытать такую же ложную тревогу при переходе через Ла-Манш. Тогда также был возведен перископ. Я стоял у маленького орудия, которое было наведено и даже дало два выстрела. Первый снаряд прошел близко, второй прямо ударился в палку. Правда, это было близко, однако мы в это время шли ходом в 22 узла. Оба раза

¹ Подводная лодка (франц.).

я мог убедиться в том, какой бравый народ — французские моряки и как они оживляются, когда им кажется, что наступила опасность.

Приехав в Бриндизи, мы с Мамуловым заехали сначала в Бари и остались там сутки, чтобы поклониться мощам св. Николая и поставить по свечке. Мы вспомнили при этом, что, когда уезжали из Скутари, то добрая албанка Марья, которая нам прислуживала, советовала непременно дать обет, что поставим свечи св. Николаю, — тогда ничего плохого с нами не случится.

Нам пришлось проехать Италию насквозь с крайнего юга до северной границы. В Риме мы остановились всего на сутки. Главное наше впечатление от Италии было, — как мало чувствовалась в ней в то время война. Единственное воздействие на нас военного времени состояло в том, что мы убедились в крайне внимательном наблюдении за проезжими в Бари. На улице нас остановили карабиньеры, приметив в нас новых лиц, и подвергли подробным расспросам. В гостинице с той же целью явился сыщик. Вот и все, что нам удалось заметить отличного от мирного времени, если не прибавить еще к этому необычайную дешевизну в гостинице в Риме, объяснявшуюся отсутствием иностранных туристов. Оба раза, что я был в Риме, мне было особенно приятно повидаться с Штрандтманом и его семьей. Наша встреча в первый раз, когда я ехал из Албании, меня прямо глубоко тронула сердечным отношением этих хороших людей.

Глава XX

Если война так мало чувствовалась в Италии, то совершенно иное впечатление я получил в Париже с той самой минуты, когда подошел поезд к вокзалу. Начать с того, что мне пришлось прождать с полчаса, раньше, чем удалось найти носильщика. Улицы были пустынные, мужчин почти не видно. Мы остановились в «Hôtel Continental», выбрав его как по центральности его положения, так и потому, что он выходил окнами на Тюильрийский сад, а ранняя весна так очаровательна в Париже.

В Париже я провел 10 дней. Мне нужно было заказать себе платье, но главным образом меня интересовали результаты военной конференции союзников, которая, кажется, в первый раз собиралась в это время. От этой конференции особенно много ожидали сербы, ибо предстояло обсудить дальнейшую судьбу салоникской экспедиции. В то время никто хорошенько не знал, сколько именно союзных войск в Салониках. Полагали, что их приблизительно 220 000. Будущая сербская армия исчислялась свыше 100 000. Впоследствии оказалось, что обе цифры сильно преувеличены. Все были поражены, когда осенью 1916 года

королевич Александр в телеграмме союзникам сказал, что считает долгом рассеять иллюзии на счет численности войск в Салониках, и определил общую цифру штыков союзников и сербов в 120 000. Такое незнание компетентными кругами столь существенных фактов представляет, разумеется, один из фактов, весьма характерных для способа ведения войны союзной коалицией. Когда численность войск в Салониках стала известна, то я понял, почему генерал Саррайль не мог предпринять никаких активных действий.

Как бы то ни было, но в марте 1916 года мы исходили из ошибочного предположения, что к лету в Салониках союзных войск вместе с сербами будет до 330 000 штыков. Королевич Александр, который сам так думал, говорил, и притом основательно, что этого количества все же недостаточно для успешного наступления и что армию в Салониках надо довести до полмиллиона. Иначе в Салониках им мобилизуется все же значительная армия, и это будет непроизводительной растратой сил. Кроме того, он полагал, что на европейском фронте едва ли можно ожидать значительных успехов ввиду позиционного характера войны. Между тем на Балканах можно было надеяться на решительный успех, который имел бы крупное общее значение, если бы удалось, разбив болгар, пройти на Константинополь. Развивая мне эти мысли, королевич указывал, насколько этот план отвечал интересам России. Со своей стороны, я рад был, что могу всецело примкнуть к этим соображениям и с полным убеждением проводить в мере сил взгляды, отвечавшие одинаково интересам России и Сербии.

В своей гостинице я встретил Я. Г. Жилинского, который был представителем Государя при французской Главной квартире. Пользуясь близкими отношениями с ним, я изложил ему свои взгляды. Мне казалось, что действительно сдвиг общеевропейской войны может произойти исключительно на Балканах, особенно если нам удастся привлечь Румынию и через нее нанести удар болгарам одновременно с наступлением союзников от Салоник. Жилинский и посол А. П. Извольский разделяли те же взгляды и обещали, по мере возможности, проводить их на конференции.

К сожалению, нашим представителям удалось отстоять лишь минимум той программы, которая представлялась желательной. Салоникская экспедиция была совсем не по вкусу Жоффра. В свое время Делькассэ на свой страх обещал грекам и сербам посылку 150 000. Сменивший его Бриан настаивал на энергичной политике и действиях на Балканах. Накануне конференции наши делегаты, только при помощи Бриана, добились от Жоффра обещания отстаивать эту экспедицию. Когда приехали делегаты из Англии и Италии, то сначала состоялось част-

ное совещание русских, французов и англичан. Последние были представлены в лице Китченера и его начальника штаба Робертсона. Англичане стали развивать ту мысль, что войск в Салониках слишком много, чтобы только отсиживаться, и слишком мало, чтобы наступать. Но вместо того, чтобы прийти к выводу о необходимости посылки новых войск, они выразили желание убрать оттуда часть своих. На этот раз они встретили энергичный отпор со стороны Жоффра, который менее всех был расположен один отдуваться за других. Наши делегаты также высказались в смысле невозможности отозвания части войск из Салоник и того ужасного морального впечатления, которое произвела бы подобная мера. Так на этом дело и кончилось. Войска из Салоник решено было пока не убирать.

Итальянцы в то время уклонялись от посылки своих войск, хотя, по общему мнению, имели возможность это сделать, ибо на своем фронте имели меньше половины всей армии, которой располагали. С нашей стороны ожидалась присылка в Салоники бригады.

Общие заседания конференции имели задачей оформить постановления, о которых сговаривались более келейно. Однако совершенно неожиданно Буржуа, который был в числе французских делегатов и представлял левые демократические течения, предложил вынести резолюцию общего характера, в которой характеризовались цели войны. В проекте этой резолюции была одна фраза, обеспокоившая Извольского, ибо в ней, хотя и не была названа Польша, можно было усмотреть признание известных прав, на которое они могли бы опираться как на международную санкцию. Извольский откровенно высказал свои опасения Бриану, и тот сумел с большим тактом обойти возбуждение щекотливого вопроса, предложив переделку всей резолюции.

Польский вопрос давал немало хлопот нашим послам в союзных государствах. Мне пришлось столкнуться с этим вопросом на следующий же день по приезде из Албании в Рим. Ко мне в гостиницу явился один из главных руководителей польского дела, бывший член нашей Государственной думы и лидер Народовой партии¹³¹ Роман Дмовский. С Дмовским мне и прежде приходилось встречаться. В последний раз перед тем я видел его в самом начале войны. Воззвание великого князя было тогда уже составлено, хотя еще не обнародовано. Оно было, однако, уже известно Дмовскому через Велепольского, который перевел его на польский язык. Дмовский излагал мне тогда свои взгляды и мечты. Они были очень широки в территориальном отношении, так как Дмовский находил необходимым, чтобы Познань была присоединена к объединенной Польше. Данциг, по его словам, был необходим для выхода Польши к морю. Вместе с тем он развивал ту мысль, что чем больше

прусских владений отойдет к Польше, тем крепче создадутся гарантии ее тяготения к России, так как все усилия польского народа будут неизбежно направлены на борьбу с немцами и преодоление германизма. Что касается внутреннего устройства будущей Польши, то, хотя он, разумеется, придавал этому вопросу весьма серьезное значение, однако в порядке исторической перспективы ставил на первое место задачу народного объединения и лишь на второе место — вопросы внутреннего устройства.

С мыслями этими нельзя было не согласиться в принципе, и в сущности они и легли в основу воззвания великого князя, ибо и Сазонов и я при составлении воззвания ясно отдавали себе отчет, что лозунг объединения необходимо дать, потому что его может дать только Россия, а Германия не может обещать полякам ничего равноценного. Этот лозунг сохранял свое значение, даже если бы его не удалось осуществить полностью в начинавшейся войне, ибо он давал определенную национальную цель и закладывал ее в основу всей будущей ориентации Польши, так же как в свое время Сан-Стефанский договор предопределил все содержание болгарской государственной жизни после освободительной войны.

Встретившись в Риме, я не узнал всегда сдержанного, холодного политика, позитивиста, каким был Дмовский. С первых же слов его я понял, сколько глубокой горечи, разочарования и раздражения против России накопилось в нем. С трудом и плохо сдерживаясь, он в коротких словах рассказал мне, все, что вытерпели поляки, сначала от беспардонной политики Маклакова¹ и администрации на местах; последняя, как будто нарочно, выискивала способы и предлоги доказать, что воззвание великого князя есть «клочок бумаги», который ни в чем не связывает и ни к чему не обязывает власть. Потом, когда началось отступление, тут произошло нечто гораздо худшее и трудно поправимое. Русские войска, по словам Дмовского, жгли, разоряли, грабили страну и выводили из опустошенных сел и городов население, совершенно не озаботившись тем, как и чем оно будет жить, покинув родные очаги. Такой образ действий, помимо своей грубой жестокости, представлялся совершенно бессмысленным, ибо уводились слабые старики, женщины и дети. Крепкие и здоровые скрывались в леса, а потом возвращались на свои пепелища. «В Польше не могут теперь вздумать без ужаса о возможности возвращения русских войск», — говорил мне Дмовский.

На почве озлобления, вызванного действиями России, наши враги построили целый план. Известный австрийский деятель, социал-демократ Пилсудский, организовавший для Австрии польские легионы,

¹ Министр внутренних дел. — Примеч. автора.

предложил австрийскому правительству образовать армию в 700 000 человек за провозглашение польской независимости. Австрийцы проверили точность сообщенных им данных и пришли будто бы к заключению о возможности набрать до 1 000 000 рекрутов в Польше. Совместно с германцами они решили взять дело в свои руки, не прибегая к посредству Пилсудского. Впрочем, они все еще сомневались в том, насколько можно рассчитывать на лояльность польских солдат. Они принимали меры к тому, чтобы заставить трудоспособных поляков переселяться из Польши вглубь Германии на фабрики и заводы, дабы тем самым освободить для армии германских рабочих. Лучшим средством, чтобы побудить их к этому, они считали подвергать поляков систематической голодовке, обещая заработок и продовольствие у себя на заводах. 150 000 поляков были переманены таким образом вглубь Германии, хотя польские организации делали все, что только могли, чтобы удержать поляков на местах.

Весьма интересно охарактеризовал Дмовский планомерную политику Германии в польском вопросе. Он говорил, что у немцев не одна, а три политики. Одна, в Познани, — абсолютное нежелание признавать этот край польским. Другая политика — в русской этнографической Польше — либеральная, желающая доказать свое превосходство над русским управлением, но все же осторожная и половинчатая. Наконец, третья политика применялась в Литве. Там германцы были наиболее полнофилами, всячески поощряя поляков считать этот край своей отчизной. И однако, говорил Дмовский, хотя немцы предложили в Вильне городскому управлению вести прения и делопроизводство на польском языке, им не удалось ввести в соблазн местных поляков. Верные прежнему соглашению с Россией о пределах этнографической Польши, виленские поляки пользовались для официальных сношений русским языком.

Тем не менее опасность германского соблазна была, по словам Дмовского, весьма значительна. С одной стороны — ужасное воспоминание о русских порядках; с другой — перспектива независимости, хотя бы это был ловкий обман. Одна мысль о возможности увидеть польское знамя, польского короля могла заставить биться сердца впечатлительных поляков. Дмовский говорил мне, что он боится за свой народ, что сам он понимает, что для Польши — гибель, если она поддастся соблазнам Германии, но что измучившиеся люди, оставшиеся там, в Польше, могут этого и не сознавать. Свое изложение он заключил выводом, что спасти положение можно только изданием акта, обеспечивающего будущность Польши, от имени всех держав Согласия. Только таким способом Россия, после своих неудач, умаленная новым ударом, который нанесен ей на Балканах, сможет предотвратить тот ужас, который случил-

ся бы, если бы против нее пошли поляки, усиливая Германию на целый миллион солдат.

Последние слова Дмовского вызвали с моей стороны решительный отпор. Я сказал ему, что, только что покинув Албанию, я решительно ничего не знаю из того, что происходило на белом свете за последнее время, не знаю намерений нашего правительства и говорю за себя одного, как частный человек; но в качестве русского я решительно отвергаю возможность допустить, чтобы решение польского вопроса было не самостоятельным актом России, а навязано ей союзниками. Я не вижу, что выиграли бы сами поляки от иной постановки вопроса. Большая наивность с их стороны — верить в крепость международных гарантий. Никто и пальцем не шевельнет ради вольностей Польши; между тем Россию гораздо больше связало бы данное ей самой слово, чем исторгнутое международным концертом держав. Такого решения не допускает достоинство России.

— Достоинство России! — воскликнул Дмовский, — а Вы ни во что не ставите достоинство Польши, все, что она претерпела унижений от вашего правительства?

Ясно было, что нам с ним не столковаться. Он опять было намекнул об опасности рекрутского набора в Польше. Мне показалось, по совести говоря, что тут уж есть некоторый элемент шантажа, хотя я не хотел бы пользоваться таким грубым словом.

После разговора с Дмовским, который я передал тогда же М. Н. Гирсу, я узнал от последнего, что поляки ведут усиленную пропаганду в Риме, завербовывая сочувствие к себе в демократических кругах. В книжных магазинах, на прилавках, я увидел целый ряд брошюр и книг, посвященных польскому вопросу. То же, если не в еще более сильной степени, происходило в Париже. Французское правительство постоянно сдерживало печать, считаясь с необходимостью избегать неприятных выпадов по адресу нашего правительства. Извольскому не раз приходилось намекать французским министрам, что возбуждение польского вопроса может оказать самое вредное влияние на наши союзные отношения. Как мне потом рассказывал Сазонов, ему пришлось напомнить французскому послу в Петрограде, Палеологу, какое влияние на наши отношения к Франции оказало заступничество ее за Польшу в 1863 году и как это было ловко использовано Бисмарком впоследствии.

Иначе не могли говорить и действовать официальные и ответственные представители России. Это не мешало им понимать, что необходимо, не теряя времени, определенно и точно объявить во всеуслышание, на что может рассчитывать Польша. Это был единственный достойный выход из положения, действительно серьезного и опасного.

Извольский много говорил со мной по этому поводу и не скрывал, что сильно озабочен настроением, которое все труднее и труднее сдерживать, что так наглядно выразилось в инциденте на конференции. Наш посол в Лондоне граф Бенкендорф говорил мне в том же смысле, хотя англичане по природе были гораздо сдержаннее французов и их легче было убедить в том, что не следует подымать щекотливых вопросов, вмешиваясь в чужие дела. Этот аргумент всегда представлялся убедительным для англичан. Оба посла просили меня передать обо всем этом по приезду в Петроград Сазонову. Я, конечно, так и сделал, но мне, понятно, не пришлось ни в чем убеждать последнего, потому что он прекрасно сознавал необходимость принять решение и без замедления огласить его. Но я забегаю вперед в моем рассказе.

Десятидневное пребывание мое в Париже было для меня крайне поучительно и оставило неизгладимое впечатление. Веселый легкомысленный Париж был совершенно неузнаваем. Какая-то глубокая складка серьезности и значительности переживаемых событий отметила собой всю жизнь и весь характер города. Движение, даже на главных улицах города заметно сильно сократилось. Как я уже говорил, на улице трудно было увидеть мужчин призывного возраста, а если такие попадались среди прислуги в ресторанах, то это оказывались швейцарцы. Вечером город еще освещался тусклыми фонарями с темными абажурами сверху для предохранения от аэропланов. Прежние элегантность и франтовство совершенно исчезли. В ресторанах и театрах не видно было ни бриллиантов, ни роскошных туалетов. Фраки как будто исчезли из употребления. Выходя вечером из театра, трудно было найти извозчика и почти всегда приходилось возвращаться в гостиницу пешком.

Нашим военным агентом в Париже был в то время молодой, энергичный, хотя и несколько шумный граф [А. А.] Игнатъев. На его долю выпала громадная задача заведования военными заказами для нас во Франции. И нужно отдать ему справедливость, что, совершенно не будучи к ней подготовлен, не имея в своем распоряжении вначале помощников, он сумел создать прекрасную организацию и дело кипело в его руках. Он предложил мне осмотреть некоторые заводы, специально на нас работавшие. Я, конечно, рад был возможности это увидеть. Игнатъев приставил ко мне французского полковника Шевалье, находившегося в его распоряжении, и последний катал меня в автомобиле с одного края Парижа в другой.

То, что я увидел, произвело на меня сильное впечатление. Меня повезли между прочим на один завод для выделки снарядов. Владелец был, если память не изменяет, некий г-н Citroën. Меня провели сначала в контору, где показали альбом с фотографиями. На первом листе было мирное изображение огорода, а под ней подписано: «Апрель 1915 года».

Следующий лист — в мае, то же место в лесах. Далее, в августе, — готовые корпуса, в сентябре — первые приготовленные снаряды. Ко времени моего посещения завод изготовлял уже 10 000 снарядов в день. Работал он исключительно для России. Я конечно был совсем не компетентным судьей в заводском деле, но все, что я видел, производило на меня впечатление необыкновенного разумного и целесообразного устройства и наилучшего использования сил. Во всем царил образцовый порядок. Из 5000 рабочих на заводе 2000 были женщины. Было любо смотреть, как работа спорилась в их руках, сколько точности и аккуратности было в их приемах. Особенно удачно применялся женский труд в контролировании снарядов. За длинным столом сидело 20 женщин, которые с необыкновенной быстротой передавали из рук в руки снаряды, подвергая его каждая особой проверке. Как мне говорили, многие из них были по профессии швеи и в прежней работе усвоили себе навыки тщательной отделки.

Мне показали заводы, где выделявали тяжелые автомобильные тракторы, свободно переезжавшие канавы, спускавшиеся и поднимающиеся по совершенно обрывистым косогорам. Я видел фабрику автоматических ружей, и при мне производили опыты стрельбы из них. Всюду та же кипучая планомерная работа, порядок, организация. На этих заводах и фабриках чувствовалось лишь в более сгущенном виде то же сосредоточение напряженного народного усилия, какое осязалось всюду кругом. Подлинно Франция делала все, что могла, и притом самыми разумными способами, благодаря врожденному организаторскому таланту, ясности и геометрическому складу латинского мышления.

Уже в то время — это был лишь второй месяц с начала осады Вердена, озарившей Францию бессмертным неувядаемым ореолом — напряжение сил страны было так велико, что оно заставляло серьезно призадуматься многих французов. Готовность бороться до конца не была подточена, но зарождалось опасение — надолго ли хватит людей? На этой почве укрепились мысли о том, что Россия со своим неистощимым, как все думали, запасом людей должна прийти в этом отношении на помощь союзнице.

В Париже было довольно много офицеров нашего Генерального штаба. Одни были присланы по делам заказов, другие состояли при военной миссии генерала Жилинского. В общем, выбор их был довольно удачный. Почти все они приехали с нашего фронта. Из России они уезжали с предубеждением, которое было у нас распространено, против Франции, которую у нас обвиняли в том, что ее армия не довольно активна и вся тяжесть войны падает на наши плечи. По приезде во Францию, по ознакомлении с огромной работой в тылу и организацией фронта предубеждение быстро рассеивалось и те же люди становились чуть ли не энтузиастами Франции. От них я услышал, что конечно в настоящее время

(март 1916 года) французский фронт был главным и значительно превосходил русский, хотя бы по количеству германских сил, которые он к себе приковывал. Наши офицеры говорили, что, только приехав во Францию, они поняли, как должна вестись война, что наши приемы представляются кустарными в сравнении с французскими. Крайняя бережливость в расходовании человеческих жизней, которую в России ставили в упрек Жоффру, была, по их мнению, его величайшей заслугой. Ни одно действие не предпринималось на авось, без самой зрелой подготовки.

Во время моего пребывания на нашем фронте в помощь французам под Верденом у нас было предпринято наступление в Барановичском направлении¹³². Я видел телеграммы, получавшиеся Жилинским из Ставки. Молодой полковник, давший мне их прочесть, был в полном отчаянии. По его словам, мы ничему не научились. Свое наступление мы начали без предварительной достаточной артиллерийской подготовки. После первых успехов мы понесли громадные потери и должны были, ничего не добившись, отступить на прежние позиции. Это была безумная трата людей, способная не принести пользу, а вносить всякий раз деморализацию в войска. Наши военные представители во Франции тщетно доносили в подробностях о приемах выполнения каждой военной операции. В нашей Ставке сохранилось несколько пренебрежительное отношение к французам и видимо не допускали мысли, что у них есть, чему поучиться. К сожалению, даже начальник штаба [Верховного] главнокомандующего генерал Алексеев не чужд был этой слабости пренебрежительного отношения к союзникам.

Исходя из взгляда на французский фронт, как на первостепенный, помощники Жилинского, в том числе упомянутый мной полковник, полагали, что в наших интересах прийти на помощь недостатку Франции в людях и посылать туда наших солдат, как о том просили французы. Я даже слышал от них цифру: по 30 тысяч человек в месяц. Осуществимость такой меры представлялась, однако, сомнительной; главная наша трудность заключалась в недостатке офицеров. Посылать же людей без офицеров, как *chair à canon*¹, которые вливались бы во французские кадры, представлялось едва ли возможным.

Французы просили также о присылке хотя бы рабочих на заводы, ссылаясь на то, что ведь они на нас же работают. Они удивлялись, что это их желание встречает с нашей стороны затруднение, и с недоверием относились к заявлениям, что в России тоже кризис рабочих рук. Нам трудно было это объяснять им без ущерба нашему самолюбию, ибо все дело было в том, что тогда как во Франции каждый человек и каждая рабочая

¹ Пушечное мясо (франц.)

сила находили себе разумное применение, так в России, наоборот, царила бестолковая бесхозяйственность, и масса сил растрачивалась непроизводительно как на фронте, так и в тылу. Выражаясь мягко, можно было сказать, что наше хозяйство было экстенсивно, а у них — интенсивно.

Я довольно часто бывал в посольстве у Извольского, которого нашел постаревшим с того времени, что знал его в качестве министра иностранных дел. Он и его жена очень радушно принимали меня. Извольский охотно и подолгу разговаривал и развивал мне то, что он называл своей «философией политики». Сам Извольский был, несомненно, дипломат с незаурядными способностями, опытный и ловкий в своем ремесле. Он оказал серьезные услуги России в качестве министра иностранных дел. При нем установились хорошие отношения наши с Японией, что сыграло такую важную роль при возникновении европейской войны. Он же заключил соглашение с Англией, словом, ему принадлежала заслуга наметить вехи русской политики после японской войны по новому верному пути. Он же обновил состав Министерства иностранных дел, призвал свежих даровитых сотрудников, реорганизовал само министерство на новых, более целесообразных началах. Все это мог сделать только даровитый человек. При этом, к сожалению, характер у него был не крупный. Он был, по существу, хороший человек, но очень тщеславный. Поэтому всюду, куда он попадал, его менее ценили и любили, чем того заслуживали его положительные достоинства. Со всем тем это был один из наших лучших дипломатов, и мне было поучительно выслушивать различные его оценки и мнения из области не «философии», а практики, в которой он был силен.

Слабость Извольского к аристократизму заставляла его выбирать общество из устарелого и мало интересного Faubourg St. Germain¹, что мало содействовало его сближению с правящими кругами республиканской демократической Франции. Недостаток общения посла с этими кругами восполнял советник посольства Севастопуло.

Грек по происхождению, состоятельный, неглупый и ловкий человек, Севастопуло в свое время не без труда добился того, чтобы его приняли не службу в дипломатическую карьеру. Его назначили атташе посольства под условием, что он не будет рассчитывать ни на какое дальнейшее повышение. Между тем он попал, и довольно скоро, в советники посольства в Париже, т[о] е[сть] на одно из мест, которого многие добиваются. Такт Севастопуло сказался в том, что в Париже он не стал добиваться знакомства и близости с аристократией, а, наоборот, завязал самые лучшие и даже тесные сношения в кругах республиканских и ин-

¹ Фобур Сен-Жермен — аристократическое предместье Парижа.

теллигентских. Меня лично в Париже гораздо больше интересовали последние, чем какие-нибудь дюки и дюшесы. Севастопуло несколько раз устраивал маленькие обеды, на которых мне удалось повидаться с живыми, интересными людьми, в том числе с неким Jacks Berard, про которого говорили, что он восходящая величина в Парламенте, с драматургом Robert de Flers, журналистом «Herbette»; у него же встретился я со стариком Крюппи и его женой. Летом 1915 года они проезжали через Ниш, где я с ними познакомился. Он был когда-то короткое время министром иностранных дел, а теперь — членом Парламента, с которым до известной степени считались. В Сербию он попал, совершая путешествие по Балканам и в Россию в качестве представителя газеты «Matin». Жена его была очень умная и культурная женщина, интересовавшаяся музыкой и искусством. Они выехали в Россию из Ниша одновременно с моей женой, которая оказала им в пути всевозможное содействие, так что Крюппи со своей стороны были очень любезны со мной в Париже.

Между другими лицами, с которыми я познакомился у Севастопуло, была некая г-жа Шимкевич, русская еврейка, в детстве выехавшая из Москвы в Париж, где она вышла замуж за сына известного художника Carolus Duran [Каролус-Дюрана]. Муж ее бросил, увлекшись какой-то негритянкой. Молодая женщина покушалась на самоубийство, но потом в ней приняли участие те же Крюппи. Она отошла, устроила свою жизнь, завязав сношения в кругах политических и журнальных. Так как она была недурна собой и остроумна, то ей удалось иметь у себя нечто вроде салона, куда запросто приходил Бриан и другие деятели. Знала она, кажется, положительно всех.

Новые мои знакомства дали мне возможность заглянуть немного за кулисы французской политической жизни. Я вынес из этого два впечатления. Во-первых, меня поражало необыкновенно глубокое и сосредоточенное переживание войны, о прежнем легкомыслии французов не было и помину. В связи с этим у них усилились запросы на еще лучшую организацию страны и неудовлетворение существующим режимом. Это было мое второе впечатление. Мне пришлось от членов Парламента выслушивать такие отзывы о нем, которые меня удивляли.

— Парламентаризм отжил свой век, — говорили одни.

— Вот, вернутся с фронта солдаты (*les poilus*¹), они нам покажут, — говорили другие.

— Позвольте, господа, — вступался Крюппи, — я столько слышал в России надежд, связанных с парламентаризмом, что, верно, в нем не все так плохо, как нам кажется.

¹ Пуалю (букв.: заросшие, небритые, франц.) — прозвище французских солдат-окопников.

Такие же толки мне приходилось неоднократно слышать с разных сторон, и я не раз вспоминал их потом в России, когда слышал резкую критику наших порядков. Не то, чтобы я признавал ее необоснованной, — нет; к сожалению, все, что делалось у нас в смысле порядков управления, не могло не вызывать резкого осуждения; но, в мере критики, порой вырастали иллюзии на счет качества и совершенства иных, чем у нас, порядков.

Десять дней, проведенных мной в Париже, пролетели незаметно. Я воспользовался предложением сербского наследника выехать вместе с ним в его поезде из Парижа и далее доехать до Лондона. Он стоял в той же гостинице, что и я. Я предпочел не участвовать в официальных приемах в его честь, но порой нелегко было возвращаться в гостиницу, потому что вокруг нее ежедневно собиралась толпа, устраивавшая королевичу сочувственные манифестации.

Переход через Ла-Манш совершился весьма удачно. Погода была прекрасная. Нас конвоировал целый ряд крейсеров и миноносцев, а сверху летали дирижабли, высматривая в воде подводные лодки. Я уже писал, что в дороге была ложная тревога и мы стреляли в какой-то буюк, приняв его за перископ подводной лодки.

Прибыв в Лондон, я, не выходя из вагона, смотрел на торжественную встречу, устроенную сербскому королевичу [Александру]. Его встречал английский наследный принц [Эдуард] и весь Кабинет. Был выстроен почетный караул, а вдали был слышен гул, а потом приветствия толпы. К сожалению, мне можно было провести в Лондоне всего двое суток. Я получил от Сазонова телеграмму, торопившую меня с приездом.

Я, конечно, слишком мало времени пробыл в Лондоне, чтобы иметь возможность составить себе проверенное впечатление. На внешний взгляд мне показалось, что война гораздо меньше задела Лондон и англичан, чем Париж и французов. Не говоря о движении на улицах и о значительном в то время количестве мужчин призывного возраста, которых можно было встретить на улице, пошиб жизни как будто был иной. Я остановился в гостинице «Ritz», — правда, самой лучшей в Лондоне. В Париже в лучших ресторанах я, например, ни разу не видел никого вечером во фраке, ни за чьим столом — бутылки шампанского. Здесь, у «Ритца», все мужчины, без исключения, были во фраках, а дамы в бриллиантах, и не было стола, за которым не пили бы шампанского. Конечно, тут дело было в том, что англичане гораздо консервативнее в своих привычках и вкусах, чем французы, и им труднее отделиться; но главное различие было в положении тех и других. Как-никак, неприятель был менее чем в 100 километрах от Парижа, тогда как ан-

гличан отделяло от него море, и только налеты цеппелинов нарушали иногда покой лондонских жителей.

Я посетил нашего посла графа Бенкендорфа. Раньше мне как-то не пришлось с ним встретиться. Я знал и научился уважать его по его телеграммам и письмам в министерство. Это был дипломат старой школы, аристократ из семьи, издавна близкой ко Двору. Он был полуиностронец, плохо владел русским языком. Телеграфная переписка с ним велась обычно на французском языке. Небольшого роста, сухой, подвижный старик поражал своей живостью. Он быстро говорил, что не мешало ему давать сдержанные меткие характеристики людям и событиям. Одним из главных его качеств был *flair* — верхнее чутье, которым он умел предугадывать, как повернется то или иное событие, чего можно опасаться, на что рассчитывать. Аристократ и джентльмен, граф Бенкендорф за свое долгое пребывание в Лондоне снискал общее доверие и уважение в английских политических кругах. Король его очень любил и однажды сказал Сазонову, что если б ему пришлось лишиться Бенкендорфа, это было бы национальным трауром в Лондоне. Россия многим и очень многим обязана была этому полуиностранцу, с честью ее представлявшему и много сделавшему, чтобы сломить стену предрассудков и предрассудков, отделявших от нас англичан.

Я высказал Бенкендорфу свои мысли по поводу Салоникской экспедиции и значения кампании на Балканах для общего сдвига европейской войны. По его желанию, я посетил Никольсона, товарища статс-секретаря по иностранным делам, бывшего посла в Петрограде, и повторил ему то же самое. Я чувствовал, однако, что хотя Никольсон внимательно отнесся ко всему, мною сказанному, и со многим соглашался, однако едва ли можно на что-либо рассчитывать. Когда я говорил, что совершенно нецелесообразно содержать в Салониках количество войск, недостаточное для наступления, но из которого также нельзя и взять ни одной роты, Никольсон ответил мне: «Да, но откуда нам взять еще солдат?» Между тем, по общему мнению, англичане, конечно, без ущерба для главного фронта, могли отделить несколько дивизий для посылки в Салоники.

В тот же или на следующий день я выехал в Ньюкэстль, откуда мы вышли на пароходе «Юпитер» в Берген. На пароходе мы встретились с русским журналистом, литературным критиком Чуковским, петроградским корреспондентом «Times» Вильтоном. Оба возвращались из круговой поездки русских журналистов во Францию и Англию. В Англию они ездили по приглашению английского правительства. Тут же был известный деятель по сближению русской и английской церковей Бирбек. Чуковский был приятный, очень талантливый и остроумный

человек. Длинный путь до Петрограда показался коротким и занимательным благодаря его неистощимой веселости и всевозможным проделкам. Норвегию и Швецию мы проехали почти безостановочно, только в Стокгольме переночевали.

В Стокгольме на улицах слышна была русская речь; мне говорили, что там проживало до 40 000 русских, в том числе много укрывавшихся от воинской повинности. Настроение шведов внушало некоторые опасения. Армия и аристократия не скрывали своих симпатий Германии. По счастью, демократия и парламентские круги были, по-видимому, настроены определенно в пользу мира. Весна, по мнению некоторых, могла принести неприятные неожиданности. По дороге вдоль железнодорожного полотна мы видели шведские войска, в некоторых местах — провололочные заграждения, но все эти приготовления казались больше для вида, малосерьезными.

26 марта поздно ночью я прибыл наконец в Петроград. Не буду описывать, что я испытал, вернувшись на родину после всех моих скитаний, когда не раз думал, что в лучшем случае попадусь в плен австрийцам. В нескольких словах доскажу то, что было потом со мной, вплоть до той минуты, что я пишу эти строки.

Сазонов отпустил меня домой, к себе на отдых, что я тотчас и сделал. Семья моя была в Москве.

Недели через две-три после меня, на Фоминой, в Петроград приехали Пашич и И. Иованович. Я также приехал на это время в Петроград и представлялся Государю. Считаю долгом сделать все, что мог, чтобы проводить мысль, в верности коей был убежден, что сдвиг на войне может быть достигнут только на Балканах, — одновременно, с нашей стороны через Румынию, а союзниками — от Салоник, я написал в этом смысле письмо Сазонову для представления Государю на аудиенции (прилагается письмо от 23 апреля).

Те же мысли я доложил Государю, когда был принят. Я сказал, между прочим, что, хотя конечно я не вполне осведомлен, но у меня сложилось впечатление, что союзники никогда не подвергали еще всестороннему рассмотрению и переоценке общий план войны; что, по-видимому, сложилось какое-то убеждение, которое не считают подлежащим проверке, что европейские фронты — это главное, остальные же имеют второстепенное значение. Конференция в Париже как будто исходила из непререкаемости этого положения. Поэтому решили, что не следует делить сил на балканский театр войны. Между тем значение последнего для общего сдвига и, в частности, для нас — первостепенное.

— Еще бы, — перебил меня Государь, — успехи на Балканах побудили бы Румынию покинуть нейтралитет и приблизили бы нас к раз-

решению вопроса проливов. Но что Вы хотите, чтобы я сделал? Я лично писал по этому поводу английскому королю; с моего разрешения Алексеев писал дважды, но англичане не поддаются доводам и не хотят посылать войск в Салоники.

Я ответил, что из бесед моих в Париже и Лондоне я вынес впечатление, что союзники могли бы пересмотреть свое отношение к Салоникской экспедиции, если бы они знали, что мы, со своей стороны, готовы сосредоточить силы, чтобы нанести удар с севера Болгарии.

— У нас была уже готова армия осенью, — сказал мне Государь, — но тогда румыны не пропустили ее. Теперь эта армия раскассирована, часть послана на Кавказ, другая пошла на усиление других фронтов. Потребуется месяц или два, чтобы вновь образовать армию, но я сделаю это, если союзники проявят готовность усилить армию в Салониках.

— Ваше Величество, — возразил я, — если Вы разрешите мне высказать мнение, то мне кажется, что нам не следует предоставлять союзникам инициативу в этом вопросе. Одно из двух: или это для нас не важно, тогда не стоит об этом и говорить; или мы придаем кампании на Балканах серьезное значение, тогда мы должны взять дело в свои руки, сосредоточить серьезные силы для нанесения удара Болгарии с севера и требовать усиления Салоникской армии, дабы произвести наступление одновременно с обоих концов.

— Повторяю Вам, — сказал Государь, — я придаю этому вопросу самое серьезное значение и буду за ним следить. В скором времени сюда ожидается Китченер. К сожалению, он сам скорее противник Салоникской экспедиции. Впрочем, положение его пошатнулось в Англии¹.

Разговор коснулся Болгарии.

— В Болгарии сделаны были ошибки, — сказал Государь.

— Да, союзники сделали немало ошибок, — ответил я.

— Не одни союзники, а и мы сделали ошибки.

— Да, мы — также.

— Как, и Вы это думаете? — с живостью спросил государь.

Вопрос его меня кольнул. Мне показалось, что ему приятно, что я как бы косвенно осуждаю Сазонова. Последний говорил мне перед тем, что он чувствует, что Государь не по-прежнему относится к нему.

— Ваше Величество, — сказал я, — конечно, и с нашей стороны были ошибки, но ведь это неизбежно в каждом деле. Между тем я лично глубоко убежден, что выступление Болгарии против нас произошло не вследствие ошибок, совершенных дипломатией, а по гораздо более глу-

¹ Как известно, по пути в Россию пароход, на котором шел Китченер, наткнулся на мину и затонул. На нем погиб Китченер. — *Примеч. автора.*

боким причинам. Главная из них, — та, что болгары не хотели допустить нашего водворения в Константинополе.

— Почему же? Разве Болгария не была бы счастливее в соседстве с нами?

— Болгары так не думали.

— Ну да, — Фердинанд.

— Нет, тут не один Фердинанд. Если б он один так думал, то с этим можно еще было бы справиться, но Фердинанд опирался на многих единомышленников в этом вопросе. Болгары понимали, что если Россия упрочится в Константинополе, то — конец их гегемонии на Балканах. Они уже не в состоянии будут посягать на своих соседей.

— Да, это, конечно, — согласился Государь. — Я выключил Болгарию из своего сердца.

— Да, но чтобы изменить это положение, нам нужно нанести удар болгарам, а это возвращает к тому, что я докладываю Вам.

Аудиенция была довольно продолжительная. Рядом в приемной ждал Трепов, в то время — министр путей сообщения. Он сердился, что не успел ничего доложить. Тут же был министр финансов Барк, принятый раньше меня, и дворцовый комендант Воейков, которому приписывали большое влияние. В приемной пришлось просидеть некоторое время, и я успел сделать малопоучительные наблюдения над незначительностью обоих министров и тем, как они как будто подлизывались перед еще менее значительным Воейковым, который выступал, как павлин, в сознании своей важности. Все это было довольно противно.

Так закончилась моя служебная деятельность в 1916 году. Я уехал в Москву, потом, после поездки по Волге и Каме с женой, двумя детьми, родителями моей жены и четой Ону, мы все отправились к нам в деревню, в Васильевское. Там как громом поразило нас известие об отставке Сазонова и назначении Штюрмера министром иностранных дел. Я было подумывал уйти в отставку, но меня отговаривал от этого Сазонов, и мне казалось, что действительно не может долго продлиться эта бессмыслица руководства внешней политикой человеком, который ничего в ней не понимал и был, к тому же, с такой грязной репутацией. Назначение это, однако, принесло нам немало серьезного вреда. Сазонов слетел на польском вопросе. Он убеждал Государя в необходимости, не теряя времени, дать полякам широкую автономию, обещая ее осуществление тотчас по отвоевании края. Он предупреждал Государя, что если он этого не сделает, то в один прекрасный день он прочтет в газетах, что немцы даровали Польше гораздо больше, и тогда все, что потом он даст, будет иметь характер не добровольного, а вынужденного акта и утратит свою силу. «Если когда-нибудь нужно произволение царской власти, то в таких

случаях “серенькое самодержавие” не говорит воображению никого». Так откровенно и прямодушно высказывался Сазонов, Государь ему поддакивал, мало того, соглашался с тем, что все так и нужно сделать.

Сазонов предупреждал его, что в таком случае это дело нельзя поручить Штюмеру, который защищает противоположную точку зрения. Государь уполномочил Сазонова передать от его имени Крыжановскому повеление разработать соответствующий проект. На этом Сазонов покинул Ставку и поехал на несколько дней отдохнуть в санатории в Финляндию. Там он получил известие о своей отставке и письмо Государя о том, что он долго думал и пришел к убеждению, что ему приходится лишиться его сотрудничества ввиду крупных разногласий его во взглядах с председателем Совета министров, но что доверие его, Государя, к Сазонову осталось непоколебимым и что он всегда ценил его искренность.

Сазонов в ответном письме благодарил Государя за то, что он освободил его от обязанностей, которые ему становилось все труднее исполнять, ибо качество искренности, которое Государю угодно было отметить, подвергалось сильному испытанию в сотрудничестве со своими сочленами по Кабинету.

Отставка Сазонова ошеломила союзников. Французы и англичане через своих военных представителей в Ставке просили Государя, нельзя ли его вернуть, указывая, что его уход будет трудно объяснить общественному мнению. Государь ответил, что он и сам хотел бы этого, но что Сазонов ссылается на здоровье, которое мешает ему продолжать. Зачем понадобилась такая увертка, которая никого не могла ввести в заблуждение, я не знаю. Думаю, что и тут сказалось обычное малодушие Государя.

Назначение Штюмера на место Сазонова произвело на всех более тягостное впечатление, чем отставка последнего.

Штюмера я видел всего пять минут в августе. Я скверно чувствовал себя в то время и решил для лечения сердца ехать в Кисловодск, а потому, заехав к новому министру, сказал ему, что если он считает нужным, чтобы посланник при сербском правительстве был на своем посту, то я прошу его располагать моим местом. Штюмер не имел никакого мнения по этому вопросу, но ему сказали, что нет основания торопить меня отъездом на Корфу, где действительно нечего было делать. На меня он произвел наружно отталкивающее впечатление своей внешностью типичного бюрократа с внушительным фасадом, плохо скрывающим пустоту содержания; высокий, толстый, с бородой-мочалкой и маленькими злыми холодными глазами, он был очень неприятен, несмотря на любезность приемов.

В министерстве стоял стон. Все оплакивали Сазонова, а про Штюмера, отдававшего внешней политике полтора часа в день, сложи-

лось единодушное мнение, что он абсолютно невежествен и в новых для себя вопросах не может и не хочет разобраться. Его интересовала в деле только личная сторона, положение, квартира, которую он занимает, и т. д. Интересы России были ему чужды, хотя я считал необоснованным обвинение его в измене. Он казался мне слишком политически безграмотным, чтобы проводить какую-то свою политику. Он настолько мало знал внешнюю политику, что, очевидно, до своего назначения интересовался ею меньше, чем рядовой читатель газет. Так, он думал, что Салоники искони принадлежали Греции, совершенно не понимал, как там очутились союзники. Он думал также, что в Риме еще проживает германский посол. Словом, он был круглым невеждой во всех вопросах, подлежавших его ведению, и потому придерживался тактики полного молчания с посещавшими его представителями союзных государств. В мою задачу не входит рассказ о печальном четырехмесячном пребывании его министром иностранных дел. За это время слово России за границей конечно утратило долю своего авторитета. Союзники не могли не взглянуть на нас как на восточное государство, в котором возможны всякие эксперименты.

К слову, о Штюмере расскажу любопытный случай, имевший со мной место. Вернувшись из Кисловодска, я в начале октября поехал в Петроград, чтобы узнать, нужно ли мне ехать к месту моего служения. К Штюмеру я не пошел, потому что не стоило, и полагал, что достаточно будет переговорить с А. А. Нератовым, товарищем министра, который фактически вел все дело. В первые дни моего пребывания в Петрограде я встретил старого своего приятеля по Константинополю, С. В. Тухолку, который в это время прикомандирован был к министерству. Тухолка был большой оригинал, чистейшей воды идеалист, прекрасный человек. Судьба заносила его в различные труппы на Востоке, где он служил консулом, и там свой досуг он посвятил изучению оккультизма и магии и даже издал по этим вопросам брошюры, получившие довольно широкое распространение. Незадолго до войны он познакомился в Петрограде с заинтересовавшей его хироманткой и простер свою оригинальность до того, что женился на ней. Встретившись со мной, Тухолка позвал к себе вечером, и я пошел к нему.

Меня радушно встретила его жена, и, хотя я никогда не видал хироманток и ясновидящих, но, взглянув на нее, подумал, что иначе и не мог бы себе представить такого рода женщин. Она была неопределенного возраста, с неопределенным румянцем, который я сначала принял за искусственный, но потом убедился, что она не красилась. Несколькими взъерошенными волосами ее были также неопределенного цвета. Особенно странным был взгляд ее голубых, но каких-то мутных глаз.

Весьма любезно она предложила мне погадать, задавая вопросы. Хотя у меня было неприятное чувство к гаданиям, но я решил задать вопросы, для меня интересные, но не самого первостепенного значения. Она велела мне написать на бумажке два вопроса и потом вчетверо сложить бумажку. Первый заданный мной вопрос был: придется ли мне до Нового года поехать за границу? Второй: долго ли останется Штюрмер министром иностранных дел?

Госпожа Тухолка одной рукой приложила себе ко лбу бумажку с первым вопросом, а другой взяла мою руку и велела думать о том, что я написал. На лице ее написано было напряжение. К ней подошел ее муж, положил ей на голову руку и приказал прочесть мою мысль и затем ответить на нее. После минутного сосредоточения она сказала мне:

— Вы думаете о том, нужно ли вам ехать за границу до Нового года. Нет, лучше не ехать, а после Нового года вам придется поехать, но в очень хороших условиях, вам будет очень хорошо на службе.

На второй вопрос она ответила, закрыв глаза, и стремительно написала: «недолго». Потом, спросив, не желаю ли я более подробного ответа, она снова закрыла глаза и затем, как бы в экстазе, стала рассказывать, что видит:

— Я вижу большой кабинет, в нем большой письменный стол, заваленный бумагами. Вот входит человек, высокий, толстый, с седой бородой; вот он садится за стол. Он занимает высокое положение; Вас интересует, долго ли он будет его занимать. Нет, недолго. Это — Штюрмер, — неожиданно заключила она.

Признаюсь, что все это произвело на меня впечатление. Так же удачно госпожа Тухолка читала мысли других присутствовавших и давала ответы, читала по буквам любое задуманное имя или фамилию. Мне она также сказала вещь, которая надолго оставила на меня самое тяжелое впечатление. Она сказала мне, что в скором времени меня ожидает смерть близкого человека, которая поразит меня. Вернувшись в Москву, я никому, даже моей жене, не рассказал последнего предсказания, пока оно не сбылось: 23 октября скончался мой beau-frère Ф. Д. Самарин. Прибавлю к этому, что я твердо решил впредь никогда не гадать, чувствуя, что в этом любопытстве и вопрошении судьбы есть что-то несомненно нездоровое и прямо греховное.

Вскоре сбылось предсказание о Штюрмере, потом — второе о том, что до Нового года мне не придется ехать за границу. Придется ли ехать в 1917 году, я не знаю, ибо эти строки пишу 25 января 1917 года. В половине декабря я поехал снова в Петербург знакомиться с новым министром иностранных дел Н. Н. Покровским. Последний произвел на меня впечатление полной противоположности со Штюрмером. Если тот был

натянутый и накрахмаленный чиновник, cedивший слова сквозь зубы, — этот был олицетворением простоты и мягкости. Я подумал, что это — тип дядюшки, которого обожают племянники и племянницы. Он не только не был накрахмален, но, глядя на него, думалось: почему он не в пиджаке и не в мягких теплых туфлях?

Наружному различию с Штюрмером соответствовало и внутреннее. Новичок во внешней политике, Покровский не скрывал этого, но добросовестно и всецело отдался изучению новых для него вопросов. Мне он сказал, что, по его мнению, мне незачем ехать на Корфу, но просил меня составить ему записку по вопросам, ближе мне знакомым, чтобы наметить, к каким целям нам желательно стремиться в результате войны. Этой работой я занялся в Васильевском, куда мы поехали с семьей на праздники, и послал ему 2 письма, в коих изложил свои взгляды.

Поехать в Петроград в начале января 1917 года, как я хотел, мне не удалось, ибо в деревне повредил себе колено и должен был задержаться в Москве. Я воспользовался невольным сидением в Москве дома, чтобы закончить эти воспоминания. Но я не хочу положить пера, не рассказавши последнее впечатление, которым закончился для меня 1916 год.

Перед тем как поехать в Васильевское, мы решили с моим старшим сыном съездить в Оптину пустынь. Я давно уже об этом подумывал, а Костя заинтересовался рассказами незадолго до того побывавшего в Оптиной своего приятеля Миши Олсуфьева. В нашем распоряжении было всего два дня, ибо мы хотели к Сочельнику приехать в Васильевское. Эти два дня, проведенные в Оптиной пустыни, оставили, однако, на нас обоих неизгладимое впечатление.

Мы покинули Москву в тяжелом настроении. Только что пришло известие об убийстве Распутина. В вагоне, на всех станциях было только и разговора, что про это событие. Толпа набрасывалась на газеты. Все выражали радость, что уничтожен человек, с именем которого связано было представление обо всем грязном и тяжелом, что делалось наверху и отравляло ядом русскую жизнь. Можно было понять чувство общего удовлетворения, когда такого человека не стало, но я как-то не мог радоваться. Кто бы ни был Распутин, мне казалось, что в нем не корень зла, а только его проявление. Не мог я сочувствовать и факту убийства. Мне казалось, что это — первая, но не последняя кровь, ведущая к разрешению кризиса, а путь таких разрешений мучительных вопросов, того тупика, в который действительно как будто зашла русская жизнь, казался мне предвещающим много тяжелого.

Кошмарное настроение постепенно сгущалось в России, охватывая людей без различия партий, не только левых, но и самых заядлых правых. Все чувствовали, что дальше так идти не может, что внутреннее

положение, усиливая существующую разруху, должно привести нас либо к национальной катастрофе, либо к государственному, или, вернее сказать, к дворцовому перевороту. Об этом говорили все. Было неприятно даже собираться с друзьями, потому что, в сущности, все разговоры сводились неизменно всегда к одному и тому же, а вместе с тем никто из нас не чувствовал в себе моральную силу и оправдание стать заговорщиком. При практическом бессилии особенно сильно являлся запрос на нравственное углубление и укрепление. С такими чувствами я поехал в Оптину пустынь.

И прежде всего, попав в обитель, я почувствовал такой мир и покой, которые не могли не подействовать на самую смятенную метущуюся душу. Здесь, у порога монастырских ворот, утихали земные тревоги. Вокруг этих храмов и келий поколения молитвенников создали атмосферу духовного сосредоточения.

Утром, после обедни, я пошел к старцу о. Анатолию. Он жил в небольшом белом домике с колоннами и с мезонином. Поднявшись на крыльцо с несколькими ступенями, я отворил наружную дверь и вошел в сени, в которых сидело на скамьях вокруг стен довольно много посетителей. Некоторые, за недостатком места, стояли. Тут были люди всякого звания, горожане и крестьяне, странники, монахи и монашенки, но всего больше было баб и мужиков. Были и дальние, и близкие. Все они ожидали выхода старца, некоторые — по несколько часов. В комнате царило молчание, изредка прерываемое каким-нибудь коротким разговором полупшепотом. Какие лица, какие глаза! Мне особенно запал в голову один крестьянин с красивым благообразным лицом, большой русой бородой и глубоким, сосредоточенным взглядом из-под нависших бровей. Видно было, что у него большая забота на сердце, которую он нес старцу. Рядом с ним сидел офицер, должно быть с фронта. Напротив поместился молодой странник с длинными волосами; он глодал краюху черного хлеба. У дверей стояла женщина с городским обликом, должно быть одна из постоянных посетительниц, знающая местные обычаи и распорядки. С ней были дети, в том числе крошечный гимназист, должно быть пригготовительного класса. «В прошлом году мне о. Варнава всякий раз давал яблочко», — сказал он мечтательно. — «Ведь ты был тогда еще маленький», наставительно заметила мать. — «Я теперь и не ожидаю», — с достоинством возразил гимназист, хотя чувствовалось, что очень и очень не отказался бы от яблока. Дверь скрипнула и растворилась. Вышел келейник о. Варнава с удивительно кротким лицом и голосом. Увидав меня, он подошел, справился — откуда и кто я такой. Потом пошел доложить старцу и через минуту попросил меня войти. Я прошел небольшую залу и вошел в маленькую комнату. Только я успел увидеть

старца и хотел поклониться ему, как он обратился к образам и стал молиться, как бы приглашая меня начать с этого. Потом поклонился мне, показал на кресло и сам сел, и тут я разглядел его. Он был маленький сгорбленный старичок с седоватой бородой, мелкими чертами лица, весь в морщинах, миниатюрный и какой-то потусторонний. Когда он заговорил со мною добрым стариковским голосом, я не сразу понял его. Говорил он быстро и шамкая. Все, что он говорил, было совершенно просто и обыкновенно, но помимо слов, которые я от него слышал, нечто гораздо более значительное исходило от его личности. Он предложил мне исповедоваться, читая вслух написанное славянскими буквами исповедание грехов. Поразило меня, что хотя та же исповедь читалась всеми, он внимательно вслушивался в каждое слово и как будто соображал. У него, должно быть, в высшей степени развит был тот внутренний духовный слух, который в деланной и неделанной интонации улавливал настоящие помыслы сердца. В то же время он быстро перебирал груды печатных листков, откладывая некоторые в сторону. По окончании исповеди он дал их мне. Это были листки различного назидательного содержания и, конечно, неодинаковой ценности, но был один, который он потом нарочно отыскал и передал Косте, чтобы мне сообщить. В нем была рассказана исповедь одного странника, и я изумился, прочитав этот листок, — он так отвечал тому настроению, которое я сам испытывал, но не вполне сознал во время исповеди, как будто старец своим прозрением понял, что именно его нужно мне дать. Старец благословил меня образочком.

Днем у него побывал мой сын Костя, потом, на следующий день, уже приобщившись, мы снова зашли к нему, и он принял каждого из нас отдельно и с каждым поговорил. Мне радостно было видеть, каким просветленным и глубоко умиленным выходил от него Костя. На меня второе посещение оставило впечатление еще большее, чем первое. Передать разговор старца невозможно, и он мог бы показаться обыкновенным, неинтересным. Непередаваемо было обаяние его личности, свет, которым он светился. Сначала глаза его казались маленькими, но по мере разговора, по мере сердечного умиления, которое от него передавалось, они как будто вырастали и казались огромными; в его взгляде чувствовалось горение, которое воспринималось. Он проникал в душу и говорил с ней неслышным, но немолчным языком, и я чувствовал то, что очень редко испытывал во сне, общаясь с умершими, когда происходит неизреченное общение и единение душ. Пусть, когда кто-нибудь, когда уж меня не будет в живых, прочитав эти строки, не примет их за преувеличение, плод повышенной фантазии.

Я пишу, стараясь добросовестно вспомнить, осознать и передать испытанное мною, но чувствую, что не могу сделать этого как следует, а потому могу, конечно, погрешить, хотя и не намеренно. Только не хотел бы я чем-нибудь затемнить ясный лучезарный образ старца с его великим, кротким и любящим духом — живое олицетворение завета апостольского, который в свое время моя мать написала на заглавном листе Нового Завета, который мне подарила: «Радуйтесь всегда в Господе, и еще говорю: радуйтесь. Кротость Ваша да будет известна всем человекам. Господь близко...»

Особую прелесть старца представляла его духовная, любовная веселость, и это — то настроение, которое вдохновило Достоевского, когда он создавал старца Зосиму в «Братьях Карамазовых». Виды христианского настроения и христианского делания многообразны. В Оптиной пустыни от одного старца к другому передавалось и сохранилось, как живое и святое предание, радость кроткого, любящего духа, и она ощущается, как великая сила.

Те монахи, с которыми нам пришлось иметь дело, о. Мартимьян, заведовавший монастырской гостиницей, где мы остановились по указанию направившей меня к нему племянницы С. Ф. Самариной; келейник о. Анатолия, о. Варнава; монах, торговавший в книжной монастырской лавке, — все как будто отражали на себе то же любовное доброе настроение, коего живой родник был в келии старца.

Церковное богослужение в Оптиной пустыни было не так хорошо, как можно было бы ожидать. Война коснулась и монастыря, и около 150 послушников были призваны на военную службу, вследствие чего пение и церковная служба не могла исправляться с прежним благолепием. Лучше, более внятно служили в скиту, в моленной. Скит стоял в сосновом лесу. Мы были там ночью. Полная луна освещала высокие сосны, покрытые инеем. Белый снег блестел на дороге и полянах. Вдали, в конце дороги, белела ограда скита. Протяжный колокол призывал в полночь к заутрене.

Все вместе создавало непередаваемую поэзию, высоко настроенную и глубоко народную. А днем, когда я возвращался в свою уютную светелку, я видел, как на паперти монастырского храма старый сгорбленный монах с седой бородой сыпал зерна и со всех сторон слетались голуби, вея как бы нимб вокруг него. Где тут война, где политика и смятение? Мир и покой, но покой не праздный, а насыщенный молитвой и горением духа — вот последний яркий образ тревожного, тяжелого 1916 года, на котором я кончаю, ибо перед чем же и умолкнуть, как не перед этим прообразом умиротворения всего земного, вечного покоя и Божьей тишины.

25 января 1917 года.

Приложение

Письмо посланника в Сербии

Петроград, 22 апреля 1916 г.

Во время своего пребывания в Петрограде Пашич, несомненно, надеется по возможности выяснить отношение России к наиболее жгучим для Сербии вопросам. Вопросы эти можно свести к следующим двум:

1) На какие приобретения в будущем может рассчитывать Сербия? и

2) Какие военные действия будут предприняты на Балканах Россией и союзниками в связи с общим планом войны?

Что касается будущих приобретений Сербии, то, прежде всего приходится отметить, что сербам были в декабре месяце минувшего года подтверждены нами все прежние обещания. Кроме того, в официальных заявлениях держав Согласия Болгарии обещания ей земельных приращении обуславливались ее выступлением на нашей стороне, причем оговаривалось, что в противном случае все обещания держав отпадают.

Таково положение вопроса с формальной точки зрения.

Что касается положения дела по существу, то в настоящее время, когда вся Сербия занята австро-болгарскими войсками и на первой очереди стоит вопрос об ее отвоевании, едва ли возможно пускаться в определение каких-либо точных компенсаций, которые, сверх того, могут быть получены Сербией. Достаточно определить общую основную нашу точку зрения на то, что мы считаем возможным сделать для Сербии, если это дозволит обстоятельства.

Что касается увеличения Сербии за счет Австрии, то не подлежит сомнению, что в наших интересах — добиться возможно большего расширения Сербии и создания на Адриатике сильного славянского государства как противовес германизму.

Гораздо сложнее представляется македонский вопрос. До выступления Болгарии союзные державы настаивали на уступке Сербией болгарам Македонии в границах союзного договора 1912 года. Державы надеялись таким путем приобрести содействие Болгарии и вместе с тем произвести между обоими государствами окончательное размежевание в согласии с этнографическим принципом.

В настоящее время в связи с поведением Болгарии на этой точке зрения оставаться невозможно.

По моему глубокому убеждению, основная причина выступления Болгарии на стороне наших врагов кроется в опасении ее увидеть

Россию на проливах. Прежде всего Фердинанда не покидала мечта самому завладеть Константинополем. Но, помимо того, как он, так и его сторонники отлично сознают, что, если Россия обоснуется на проливах, то мечте о гегемонии Болгарии на Балканах будет положен естественный конец.

Если Болгария не желает сильной России на Балканах, то спрашивается, есть ли у нас какой-нибудь интерес желать усиления Болгарии после ее преступного выступления на стороне наших врагов. Если в противовес этому соображению будет указан этнографический принцип, то на это можно ответить, что Македония по своему племенному составу не может быть названа ни чисто болгарской, ни чисто сербской областью, что славянское ее население представляет нечто вроде теста, из которого можно одинаково вылепить сербов и болгар. Этим и объясняется ожесточенная борьба обоих народов, из коих каждый одинаково убежден в своей правоте.

Если, таким образом, по существу дела нет оснований и даже возможности считать желательным восстановление границы 1912 года за счет Сербии, то все же представляется более осторожным в обмене мнений с сербами не идти дальше в выражении самых общих благожелательных взглядов в связи с дальнейшим ходом военных действий на Балканах и возможностью внутреннего переворота в Болгарии.

В силу высказанных соображений нам следует, мне кажется, избегая предрешения македонского вопроса, ограничиться в настоящее время заявлением сербам, что они могут быть уверены в нашем горячем желании сделать все возможное для восстановления Сербии и возможного ее усиления.

В связи с конечными целями Сербии стоит вопрос о способе их достижения и, прежде всего, о Салоникской экспедиции. В беседах со мною в Париже и Лондоне сербский престолонаследник высказывал следующие соображения.

Едва ли можно надеяться на скорый и полный успех на европейских театрах войны. Неудача немцев под Верденом указывает на сопряженные с попытками наступления трудности и жертвы, которые предстоят и союзникам при переходе их, в свою очередь, в наступление. Совершенно иначе обстоит дело на Балканах, где представляется более осуществимым одержать верх над Болгарией. Военные и политические последствия такого успеха были бы огромны, особенно при условии наступления нашего через Дунай. Наиболее непосредственно заинтересованными в этом вопросе являются Сербия и Россия, ибо мы могли бы добиться при этом главного положительного результата войны, который заключался бы в овладении проливами. Только при соответствующем

развертывании сил мы могли бы рассчитывать на привлечение Румынии и Греции на нашу сторону. Таким образом, сдвиг на Балканах мог бы послужить началом благоприятного для нас сдвига и на европейских театрах войны.

Я не беру, конечно, на себя судить, насколько правильна оценка сербского престолонаследника с чисто военной точки зрения, но в обсуждении дальнейшего направления войны на Балканах нельзя упускать из виду и общих политических соображений, и с этой точки зрения мне представляется, что значение салоникинской экспедиции не было оценено по достоинству нашими союзниками.

В этом деле, в сущности, остановились на полумерах, что, мне кажется, является продолжением той же ошибочной тактики, какая была усвоена державами на Балканах с начала нынешней войны.

В Салониках приблизительно 220–230 тысяч союзных войск. Если туда прибудет сербская армия, то численность всех войск там возрастет до 330–340 тысяч. Этого слишком много для чисто оборонительной задачи и для удержания болгарской армии и слишком мало для наступления. Этого, следовательно, недостаточно и для побуждения Греции и Румынии к переходу на нашу сторону. В итоге получается едва ли целесообразно использование союзниками значительных сил.

В этом отношении поучительным является обратный пример Германии. Чтобы увлечь за собой Болгарию, она не остановилась в свое время перед посылкой на Балканы сил, достаточных для нанесения серьезного удара. Когда основная задача была выполнена, Германия отозвала большую часть войск из Сербии и дала им другое назначение. Не то же ли самое надлежало бы сделать союзникам для привлечения Греции и Румынии и разрешения балканского и турецкого вопросов в желательном смысле?

По мнению сербского престолонаследника, для перехода в наступление в Салониках желательно сосредоточить полумиллионную армию, следовательно, добавить к уже имеющимся там силам около двухсот тысяч, каковую армию фактически могли бы дать англичане, если на них будет произведено должное давление и они отрешатся от предубеждения против Салоникинской экспедиции. Силы эти по надлежащим их использованию могли бы быть равным образом направлены на другие задачи.

Для меня, конечно, представляется совершенно неизвестным, можем ли мы, в свою очередь, предпринять какие-либо действия против Болгарии, если бы, например, было отсрочено наступление на нашем главном театре войны, где мы продолжали бы временно занимать оборонительное положение.

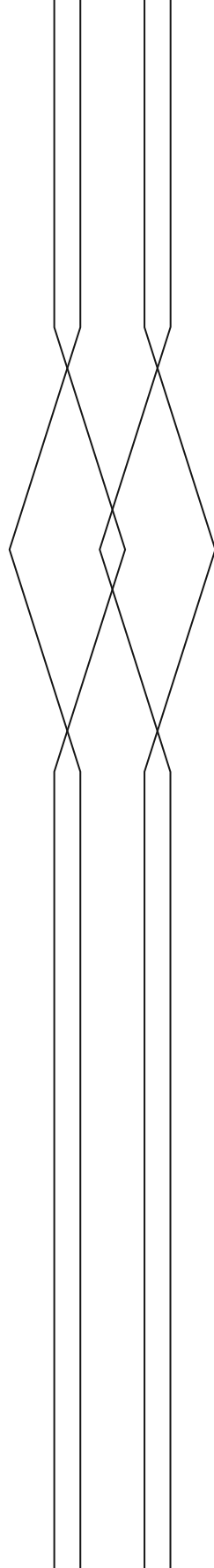
Наше наступление через Дунай, если оно осуществимо, могло бы, конечно, иметь решающее значение в связи с Салоникской экспедицией. Во всяком случае, ввиду развития успехов наших в Малой Азии, усиление Салоникской экспедиции, казалось бы, представляет для нас первостепенную важность, дабы устранить опасность переброски против нас серьезных сил неприятеля на этот театр войны.

Таковы некоторые общие соображения, которыми я позволил себе утрудить Ваше внимание.

Тот или иной ответ на поставленные вопросы представляется необходимым в целях установления определенного общего плана, который может быть положен в основу указаний нашим представителям при союзных государствах и на Балканах.

Примите и проч.
(Подл[инным]) Кн[язь] Трубецкой.

ГОДЫ СМУТ И НАДЕЖД

Прочитав этот столь интересный исторический труд князя Г. Н. Трубецкого можно невольно вынести очень неблагоприятное впечатление о нашем русском казачестве, в особенности казачестве Войска Донского.

Но тут же надо нам указать на то, что если бы князь Г. Н. Трубецкой направил свой умственный прожектор историка на другие области России, то безусловно лучи его освятили бы нам такие же неприглядные картины какие он описывает на Дону. Вся Россия согрешила, вся отступила, вся впала в малодушие и робость, отчего и вся Россия до сего дня страдает и в страданиях своих, мы верим, накапливает новые силы к возрождению. Правда, тогда же, русская молодежь встала как один на защиту русской чести и в боях с большевиками проявляла легендарную храбрость. Кадеты, гимназисты, юнкера, полуголодные, без боевых припасов, часто одними штыками дошли до Орла, тем показали силу духа и ничтожность коммунистов; но по всей вероятности этого порыва молодых сил недостаточно было чтобы очистить нравственное и духовное растрепанное, которое глубоко проникло в русскую душу.

Автор обладает очень точным, красочным и простым понятным языком, отчего вся книга легко читается. Перед нами раскрывается ясная картина этой трагической эпохи начала Русской революции и первой попытки организованная сопротивления большевикам на юге России, в Донской области.

*Архиепископ Восточно-Американский
и Джерзейситский Виталий,
член Синода Русской православной церкви за рубежом*

Глава I

Выборы патриарха

Речь, произнесенная князем Г. Н. Трубецким 22 сентября 1917 года в качестве члена Церковного собора в отделе о высшем церковном управлении Церковного поместного собора:

Вступая одним из последних на эту кафедру, я прошу простить меня, что после стольких сведущих и авторитетных людей отнимаю

ваше внимание. Если я решаюсь все же это сделать, то, во-первых, потому, что полагаю, что и мнение рядового члена Собора, старающегося по мере сил разобраться в поставленных пред нами вопросах, должно быть принято во внимание, а во-вторых, потому, что я убежден, что вопрос о восстановлении патриаршества может быть решен не одними учеными канонистами. Его нельзя не осветить во всей полноте, учитывая и политическое его значение и последствия. Поскольку и я позволю себе высказать свое слово.

Спешу сказать, что не менее, чем другим, мне претит вторжение мирской суеты и политики в область Церкви, но просто отмахнуться от окружающей нас действительности невозможно. Опасность может быть устранена, если к этой действительности мы постараемся подойти не с точки зрения политических страстей и симпатий, а с оценкой, исходящей из религиозного и церковного настроения.

Мне кажется, из прений достаточно выяснилось, что на почве канонов можно без сомнения оправдать и обосновать патриаршество, как согласное с каноническим строем учреждение, но отнюдь нельзя доказать, что оно обязательно необходимо.

Совершенно также нельзя считать убедительным мнение будто патриаршество идет как бы вразрез с началом соборности, утверждение коего объединило здесь, по-видимому, всех говоривших.

Кажется, все сторонники патриаршества согласны в том, что патриарх должен быть первым между равными епископом Церкви и в области церковного управления быть подотчетным поместному Церковному собору.

Восстановление патриаршества встречает со стороны его противников гораздо более сильный отпор чувства, чем возражений по существу. Последние сводятся к опасениям единоличного произвола, злоупотребления высоким положением, умаления начала соборности сильным честолюбивым иерархом. Но разве все это не наследие недавнего прошлого, гипертрофии власти?! Не поэтому ли и на выборах порою боятся поддерживать сильных людей?! От такой мнительной недоверчивости пора нам остеречься.

Ведь разбираясь в том же самом недавнем прошлом, мы должны признать, что именно отсутствие патриарха облегчало, а не препятствовало самому определенному, и в то же время самому отрицательному проявлению единоличного произвола в лице всесильного обер-прокурора, которому, конечно, легче было расправиться с коллегией нескольких лиц, среди коих он мог всегда найти сторонников.

Разве не желание подчинить Церковь светской власти руководило Петром при отмене патриаршества?

Ведь патриарх будет подотчетен Собору, да и самая власть его найдет ограничение в высших церковных учреждениях, которые он будет возглавлять.

С другой стороны какие же гарантии против вторжения суетных побуждений можно найти в другой форме высшей церковной организации, в Синоде и Церковном соборе? — Как человек, имевший возможность довольно близко присматриваться к церковной жизни на Востоке, я утверждаю, что в этом грехе не менее, если не более повинны патриаршие синоды и советы, чем сами патриархи.

Если мы освободимся от чувства подозрительности, которое никогда не бывает творческим, то мы с большей свободой подойдем к вопросу о восстановлении патриаршества.

Я также начну с довода чувства. Нас окружает неприглядная внешняя обстановка. Старые устои рушатся. Тем притягательнее для верующих прибежище Церкви, тем сильнее жаждешь найти в ней не только внутреннюю, но и внешнюю красоту древнего обряда, церковного благолепия и стройности. В наше безвременье, когда массу обуяла горячка ломки всего завещанного отцами, тем сильнее ощущаешь потребность связать дело церковного преобразования с заветами, обычаями и укладом, который дорог был нашим предкам, связать себя с ними, ибо, воистину, Церковь объединяет живых и умерших в надежде воскресения.

Восстановление патриаршества и будет восстановлением старого обряда, той новизной, в которой будет слышаться родная старина. Вспомните, что это выражение по другому совсем поводу было высказано старообрядцами, и я не даром его привел. Ибо, помимо удовлетворения непосредственного стремления к воссозданию старинного русского учреждения, в пользу него говорит, между прочим, как раз и соображение, касающееся старообрядчества.

Мы все молим Бога, чтобы Он сподобил наш Собор совершить великое дело примирения с старообрядцами. Самый верный путь для этого — показать им, что и нам не менее, чем им, дорога седая старина, что мы с любовью и сыновним благоговением относимся к ней и рады восстановить то, что и в старину служило к украшению Церкви.

Но есть и другие соображения в пользу восстановления патриаршества.

Времена изменчивы. Кто поручится, что мы не вступаем в период тяжелых испытаний для Церкви, что ей не понадобится вскоре твердый предстатель, чувствующий особую личную ответственность за внешние сношения, как первоиерарх, обязанный стоять на страже церковного достоинства, чести, достоинства и прав Церкви.

Вспомним, что синодальное устройство привилось как раз в православных странах, где казалось, что Церковь не от кого оберегать, но где власть иногда душила ее в объятиях опеки. А где сохранилось неизблемо патриаршество? — В иноверной Турции, где приходилось бороться, отстаивать Церковь, там, где в недавние времена были патриархи мученики, а их преемнику в наше время угрожали тем же.

Я хочу припомнить пример и ныне, кажется, благополучно здравствующего вселенского патриарха Германа¹³³. Когда он упорствовал в отстаивании прав Церкви, султан Абдул-Хамид¹³⁴ прислал напомнить ему, что он внук султана Махмуда, того самого, который повесил патриарха Григория V¹³⁵. — «Передайте султану, что моя голова в его руках, но права Церкви никогда», отвечал патриарх Герман посланным.

Если в наши дни в Константинопольской церкви находятся такие иерархи, то неужели оскудела наша родная Церковь? Разве не найдутся и в ней мужественные исповедники и поборники, счастливые умереть у ее порога? — Те, кто в этом сомневаются, пусть лучше оставят заботу о преобразованиях в Церкви, ибо никакими юридическими гарантиями не вдохнешь живого духа в мертвый труп.

Говоря о Восточных церквях, я хочу коснуться последнего вопроса, ратующего в пользу восстановления у нас патриаршества. Полнота церковной жизни и вселенского сознания не может быть достигнута без возможно более тесного общения с другими автокефальными церквями. В сношениях с этими церквями я хотел бы видеть нашу родную Церковь равночестно представленной, без хотя бы внешнего ее умаления.

Мы занимаемся делом церковных преобразований на рубеже нашей истории. Никогда мы не были так близки от осуществления нашего исторического завета — водружения креста на Св. Софии¹³⁶, как теперь, когда по грехам нашим эта мечта отошла от нас в далекую даль.

Теперь, когда ослабели узы внешней власти и блекнет обаяние могущества России, теперь более, чем когда либо, вместо того, чтобы падать духом, нам надо воспрянуть, обрести бодрость не во внешних устоях, а во внутренней собранности, в духовной силе, и на новых основаниях, очистившись от своих грехов, строить наши отношения с другими православными Церквями. Не можем мы также не учитывать, что с падением власти императора, который как первый сын Церкви был носителем преемственной идеи покровительства православия на Востоке, положение наше существенно изменяется. Новые течения и направления вторглись в государственную жизнь.

Самосознание православного русского народа не может больше даже и формально совпадать с самосознанием Российского государства. И с этой точки зрения требуются иные, чем прежде, представители и но-

сители чаяний православной России, облеченные властью и возможностью им служить.

Таким преемником идеологии, составлявшей атрибут царской власти в России, не может быть никто лучше и полнее, чем патриарх.

В минуту распада и уныния, когда кажется, что вся Россия превращается в груды обломков, и не за что уцепиться, наша задача — связать лучшие, неумирающие заветы нашей истории с тем основанием, которое мы закладываем для будущего. Пусть Церковь сама за себя стоит и борется. Вместо скипетра и короны, крест и хоругвь да охраняют наше святое святых! И пусть хоругвеносцем наших религиозных заветов будет русский патриарх, как символ того, что с падением царской власти не пала Святая Русь и что не отказалась она от того, что ей всего дороже в ее прошлом, и бесконечно ценнее преходящего внешнего обаяния физической силы.

Подводя итог сказанному, я подаю голос за восстановление патриарха, первого между равными епископами, возглавляющего высшие церковные учреждения и подотчетного вместе с ними периодически созываемому Поместному собору.

Памятный день¹

«У нас нет больше царя. Нет Отца, которого мы могли бы любить, Синод любить невозможно. Поэтому нам нужен патриарх. С этим меня на собор и послали», — так говорил осенью 1917 года член Московского собора, крестьянин, во время жарких прений о том, быть или не быть вновь патриаршеству в России.

Вопрос этот отодвинул тогда на второй план все остальные вопросы. Как известно, до революции восстановление патриаршества далеко не встречало единодушия в церковных кругах. Среди иерархов и строгих ревнителей православия многие высказывались против этого. И на Соборе с [самого] начала определились два лагеря — сторонников и противников патриаршества. Но очень скоро выяснилось, что за восстановление патриаршества стоит огромное большинство, и число сторонников его все возрастало. Совершалась внутренняя соборная работа в этом направлении, и простые бесхитростные слова крестьянина в общем верно отражали господствовавшее настроение.

Когда после долгих прений Собор постановил восстановить сан патриарха, те, кто раньше возражали, преклонились перед этим решением, безо всякой горечи, за немногими исключениями таких людей, которые впоследствии легко перешли в стан живой церкви.

---

¹ Опубликовано: Вечернее время / под ред. Б. А. Суворина. 1924.

Выборы патриарха совпали с большевизским переворотом. На улицах шла пальба, когда приходилось порой через сад, и по лестнице через стену, пробираться на заседания Собора. Кандидаты намечались записками всеми членами Собора. Из этого довольно длинного списка епископы выбирали трех кандидатов¹³⁷. Окончательное решение было предоставлено жребию.

В день Собора Михаила Архангела, 8 ноября¹³⁸, после литургии, в храме Христа Спасителя¹ было совершено торжественное молебствие. Длинной вереницей все более 70 епископов, присутствовавших на Соборе, вышли в мантиях из алтаря и стали по обе стороны от архиерейского амвона на середине храма до самых Царских врат. Накануне в храм перенесена была из Успенского собора икона Владимирской Божией Матери, перед которой в старину всегда совершалось посвящение патриарха. Перед ней поставлен был небольшой ковчег с вложенными в него именами трех кандидатов.

Вынуть жребий должен был старец отец Алексий, покинувший затвор, чтобы исполнить долг послушания и быть на Соборе представителем всего русского монашества.

В моей памяти запечатлелась незабываемая картина: старейший русский иерарх, митрополит Киевский Владимир, по окончании молебствия подходит к иконе Владимирской Божией Матери, берет ковчег, выносит его, и предлагает отцу Алексию подле Царских врат вынуть жребий. Воздев руки, старец сосредоточивается в безмолвной молитве. Взоры иерархов и членов Собора устремлены на него. Весь храм замирает в ожидании.

Три раза перекрестившись, старец вынимает записку, и передает митрополиту Владимиру, видимо, взволнованному. Митрополит прочитывает про себя имя и на лице его написано радостное удовлетворение. Он передает записку протоиакому, который громко провозглашает имя нареченного — митрополита Московского Тихона. Во всем храме отражается настроение, красноречиво изобразившееся на лице митрополита Владимира. Божий избранник — это слово передается из уст в уста.

В это время три намеченных кандидата, митрополит Московский Тихон, архиепископ Харьковский (ныне митрополит) Антоний и архиепископ (ныне митрополит) Новгородский Арсений ждали решения своей участи в Троицком подворье; туда немедленно поехали все иерархи. Митрополит Тихон вскоре отбыл в Троицко-Сергиеву лавру, чтобы молитвенно подготовиться к подвигу своего служения.

Столование^{II} патриарха, по счастью, удалось совершить в Успенском соборе. Оно состоялось в день Введения во храм Пресвятой Богоро-

^I В Успенском соборе спешно производился ремонт пробоины от снаряда, попавшего в купол во время большевизского переворота. — *Примеч. автора.*

^{II} То же что интронизация.

дицы¹ и совершенно было по особому торжественному чину. В составлении последнего, на основании древних обрядов, принимал особое участие архиепископ Кишиневский Анастасий.

Трудно передать все благолепие службы в этих священных стенах, где новопоставленный патриарх начинал свое служение с поклонения мощам первых московских святителей. Никогда не чувствовалась так живо неумирающая преемственность Святой Руси со всем этим сонмом иерархов и верующих. Скольких из них ожидал мученический венец!

Живыми передо мною встают лики священномучеников митрополитов Владимира и Вениамина¹³⁹ и скольких других иерархов, замученных и убиенных, томящихся в тюрьмах и изгнании. И среди них согбенная старческая не по годам фигура нового святителя Русской церкви, принимавшая патриарший жезл, как исповедник принимает крест мученического подвига.

Кроткая благостность и простота, смиренное отречение от всего личного, отвращение к позе, к какой бы то ни было пышности, русский, народный во всем своем облике, такой, каким мог быть любимый народом святитель пятьсот лет тому назад — вот тот Отец, которого нельзя не любить, который так отвечает желаниям крестьянина на Соборе.

Нас лишили всего. Разрушено самое могучее царство в мире, и в священном Кремле мерзость запустения...

Но у нас есть свой церковно-национальный день. Это день столетия патриарха всея Руси. Пусть загонят нас в катакомбы, пусть в темницах и заточении совершают свой крестный путь наши иерархи-исповедники. Когда-нибудь в подвалах чрезвычайек будут воздвигнуты храмы¹⁴⁰. Мученики побеждают мир. И, чтобы ни ждало нас еще впереди, память последнего торжества в Успенском соборе останется навсегда живым символом и лозунгом духовного единства России. Его носителем является наш Отец — патриарх Тихон.

Глава II

Создание Добровольческой армии

Ноябрь и декабрь месяцы 1917 года прошли в бесплодных попытках московского Правого центра¹⁴¹ изыскать крупные материальные силы для поддержки дела создания Добровольческой армии, предпринятой в Новочеркасске генералом Алексеевым¹⁴². Мне пришлось по этому делу дважды ездить из Москвы в Петроград, сначала — одному, по-

---

¹ 21 ноября.

том с Кривошеиным и Д. М. Щепкиным. Мы хотели вступить в связь с союзниками. Иностранные посольства в Петрограде находились в то время в состоянии страха перед Троцким и жалкой растерянности. Дипломаты считали большевиков способными на что угодно и боялись, что с ними, в случае чего, не станут церемониться, но попросту свезут в Петропавловскую крепость. Больше всего эта мысль страшила жену английского посланника Бьюкенена [Джорджиану]; еще весной, после февральской революции, ее пугал этой перспективой приезжавший в Россию французский министр-социалист Альбер Тома¹⁴³.

Бьюкенен отказывался кого бы то ни было принимать или даже видаться в нейтральном месте. Поэтому ни Кривошеину ни мне не удалось с ним видаться. Нас свели в нейтральном месте с английским военным агентом майором Кизом¹⁴⁴. Последний также развивал крайнюю конспиративность. Кривошеину он обещал принципиально крупную материальную поддержку; больше всего его озабочивал вопрос о том, как переправить деньги в Новочеркасск.

В московских финансовых кругах все попытки наши достать крупные суммы ни к чему не привели. Банки и капиталы были терроризированы. Веры в начинавшееся дело было немного, и большинство, несмотря на удары судьбы, все еще держались взгляда: зачем буду давать я, если, может быть, другой даст за меня? Всего-навсего, в Москве собрали несколько сот тысяч рублей. Часть этих денег была истрачена на содержание военной организации в самой Москве, а другая часть послана была генералу Алексееву.

Раньше всех в Новочеркасск уехал инженер Н. Н. Лебеденко, принимавший деятельное участие в вооруженной борьбе, которая предшествовала утверждению большевиков в Москве. Пробыв недели две в Новочеркасске, Лебеденко вернулся на короткое время в Москву с докладом о положении дела на месте.

В Москве существовало розовое представление о Доне и казачестве. Издали казалось, что Дон является твердым консервативным устоем, о который разобьется большевицкая пропаганда, что казаки стоят определенно на почве единой великой России и что у них и от них начнется дело ее возрождения.

По прибытии в Новочеркасск, генералу Алексееву с первых же шагов пришлось убедиться в том, насколько обстановка на Дону сложнее той, которая, может быть, и ему рисовалась до приезда. Донской атаман генерал Каледин принял Алексеева дружелюбно, но просил его сохранять инкогнито. Алексейев жил в вагоне на вокзале. Для офицеров, юнкеров и кадет, бежавших из Москвы и Киева, было предоставлено помещение в городе, но средств не было никаких. Алексейев вынужден был

занять у местного богача Парамонова на короткое время 50 тысяч и был рад получить первые две тысячи из этой суммы, чтобы начать кормить кадры будущей армии.

Каледин считал необходимым проявлять величайшую сдержанность и осторожность, чтобы не всполошить казаков, настроение коих он знал, конечно, гораздо лучше, чем те, кому пришлось пережить впоследствии на их счет горькие иллюзии.

В начале ноября в Новочеркасск приехал председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Из Петрограда он бежал, загримировавшись тяжело больным, в сопровождении сестры милосердия. У себя на Фурштатской¹⁴⁵ он обнаруживал немного храбрости, но прибыв в Новочеркасск, тотчас стал проявлять свой шумный председательский¹⁴⁶ патриотизм. По этому поводу уравновешенный и спокойный Каледин дал выражение резкой досаде и раздражению; Родзянко скоро переругался и с ним, и с Алексеевым и уехал на Кубань.

Так тихо и скромно начиналось дело. Лебеденко резюмировал положение дела двумя требованиями с места: нужны деньги и люди. Люди — не только бойцы, но и организаторы, политики и специалисты. Находясь в конфликте с большевиками, Дон должен был обособиться. Являлся запрос на создание временных государственных функций, для чего не хватало ни людей, ни опыта. Необходимо было считаться с местными самолюбиями. Москвичей предупреждали, что с их стороны требуется много такта, чтобы не запугать донцов, которые не желают засилья со стороны. Была найдена форма сотрудничества: при местном Военно-промышленном комитете¹⁴⁷ в Новочеркасске был создан экономический совет; юридически он был лишь совещательным органом, но предполагалось, что фактически он сделается центральным органом, разрабатывающим все основы организации управления и, быть может, направляющим его.

Вслед за Лебеденко, в ноябре же в Новочеркасск были командированы от Правого центра и от кадетов из Москвы в Новочеркасск князь С. Д. Урусов, Хрущов, М. М. Федоров и Белорусов. Первые два были товарищами министров при Временном правительстве, Федоров — когда-то министром торговли при Витте, потом — редактором газеты «Слово»; Белорусов был журналистом, сотрудником «Русских ведомостей», долгое время политический эмигрант в Париже, вернувшийся в Россию после февральской революции и быстро поправевший в Москве. Все они были посланы с временными поручениями и, кроме Федорова, вернулись вскоре в Москву. Особенно полезной оказалась поездка Хрущова. Проводя принцип, что Временное правительство, хотя и свергнуто фактически, но юридически представляется единственным законным орга-

ном высшего управления, Хрущов предписал местному казначейству выдать донскому атаману 30 миллионов рублей, с тем, чтобы половина этой суммы пошла на донские нужды, а другая половина — в распоряжение генерала Алексеева для Добровольческой армии.

Вернувшись в Москву, посланцы дополнили новыми подробностями общую картину, и вновь подтвердили просьбу о присылке денег и людей. Деньги шли скудно. Мы питались только обещаниями англичан. Самым действительным оказался местный источник, приведенный в действие Хрущовым. Было решено ехать мне и П. Б. Струве. 26 декабря мы выехали с ним. Мы ехали с женой и младшим сыном Петрушей, который только что поправился от скарлатины. С нами ехало несколько молодых людей, переодетых в штатское платье, офицеров. В то время надзор большевиков был очень слабый и мы беспрепятственно наняли целый вагон Международного спального общества¹⁴⁸, в коем разместились совсем по-буржуйному и так и доехали через трое суток в Новочеркасск. По дороге, кажется после Миллеровской, нас осматривала весьма робко большевицкая застава. Войны между большевиками и Доном формально не было объявлено, и обе стороны не оставляли мысли прийти к соглашению. С нами ехал, между прочим, молодой мальчик, вольноопределяющийся в Кавалергардском полку, Владимир Львов, к своим родителям в Кисловодск, а так же П. Б. Струве и его сын Глеб. На большевицкой заставе их задержали и хотели вернуть в Москву, подозревая, что они едут в отряд генерала Алексеева. Тогда я вступился и поручился за Львова, что он едет к родителям. Как это ни странно, но на большевицкого офицера¹⁴⁹, видимо еще совестившегося своим положением, произвело впечатление мое ручательство (я себя назвал), и всех молодых людей пропустили¹.

С нами ехала также известная в то время в широких кругах и популярная «Александра Николаевна», — женщина-казак в военной форме и с Георгиевской медалью в петличке. Не знаю, придется ли о ней упоминать впоследствии, но здесь стоит сказать несколько слов.

Александра Николаевна проявилась в казачьей организации в Москве, вошла в близкое знакомство с семьей моей сестры Гагариной, очень им понравилась своей горячей, разносторонней деятельностью. Она вечно о чем-нибудь и о ком-нибудь хлопотала, и ей много удалось устраивать. Опасаясь за реквизицию своего дома на Новинском бульваре¹⁵⁰, Гагарины передали его Александре Николаевне для казачьей организации, занимавшейся какими-то хозяйственными операциями. Это

¹ По рассказам моего отца, когда советский офицер узнал, что мой отец князь Трубецкой, то он ответил, приложив руку к козырьку. — Если Вы, Ваше Сиятельство за них ручаетесь, то я не возражаю. — *Примеч. М. Г. Трубецкого*

только усилило интимность А. Н. с семьей Гагариных. После большевистского переворота А. Н. деятельно снабжала офицеров и юнкеров штатским платьем и деньгами. Нет сомнения, что она очень много сделала в этом направлении, хотя казалась и неосторожной, и неуравновешенной. За ней замечали, что она порою увлекалась и привирала. При всем том, она быстро сумела завязать большие связи в Москве и на Дону, виделась с генералом Корниловым, имела влияние. И вдруг... через несколько месяцев она пропала с горизонта. За ней обнаружились проделки сомнительного свойства, оказалось, что она всячески эксплуатировала свою близость с Гагариными и нашей семьей и вводила многих в заблуждение. Подверглось сомнению, подлинную ли она носит фамилию баронессы Розен¹⁵¹, за которую она себя выдавала и получила ли когда-нибудь Георгиевскую медаль. Из одной крайности перешли в другую и А. Н. стали подозревать чуть ли не в том, что она состоит агентом большевиков. Разумеется, этого не было. На ней сказались особенности смуты, во время которой усиливается склонность к авантюризму и самозванству. Ими увлекалась А. Н., подстегиваемая легкостью своих успехов. Несмотря на это, она несомненно принесла и немало пользы многим офицерам, юнкерам и их семьям, с полной отзывчивостью приходя им на помощь.

Мы прибыли в Новочеркасск 29 декабря. Хотя в Москве мы были достаточно подготовлены к тому, чтобы не переоценивать стойкости положения на Дону, однако то, что мы нашли, превзошло в этом отношении наши ожидания. В Москве, в широких общественных кругах уже давно чувствовалось отрезвление от политического дурмана. Интеллигенция в значительной степени поправила еще во времена Керенского, и старые радикалы, с идеологией бывшего третьего элемента, уже в августе 1917 года держали порою самые черносотенные речи. Рост дороговизны, голод, хаос и произвол скоро восстановили против большевиков не одну интеллигенцию, но и значительное количество рабочих. Осуществление черных переделов¹⁵² в деревне воочию показало крестьянству всю тщету надежд, которые оно возлагало на переход в их руки помещичьих земель. Местные комитеты, расплодившись в громадном количестве, стали грабить население, кормясь на его счет. Когда я уезжал в конце декабря 1917 года, большевицкое управление далеко еще не показало себя во всей последующей красоте; в то время еще не проявлялся организованный террор, и разруха только еще начиналась.

Тем не менее, было ясно, что страной правит сравнительно небольшая кучка людей, которая удерживается у власти главным образом неслыханными приемами насилия. Социалистические партии, кроме большевиков, утратили всякое значение, многие рядовые члены охладели к иллюзиям, которые недавно разделяли, но вожаки продолжали

оставаться теми же утопическими мечтателями, какими были. Вследствие этого, в общественных кругах произошло расслоение на две группы: с одной стороны, все несоциалисты, которых принято было называть тогда «государственно-мыслящими элементами» страны; с другой — социалисты всех оттенков. Между последними была целая гамма настроений. Так, правые эсеры или члены Плехановской партии «Единства»¹⁵³ высказывали во многом вполне приемлемые, разумные взгляды, особенно с глазу на глаз. Но как только дело доходило до соглашения на известных конкретных условиях, так тотчас проявлялось тяготение даже самого правого крыла социалистов налево; в эту сторону у них существовала наклонная плоскость безо всяких задержек, которая неминуемо вела к повторению уже пройденного пути, вплоть до большевиков. Вот почему настроение Правого центра, коего мы с Струве были представителями, было совершенно определено против соглашательства влево и компромиссов, коими обуславливался паралич власти при [Георгии] Львове и Керенском.

Попав на Дон, мы сразу почувствовали себя в атмосфере, возвращавшей нас к утопическим временам Керенского. Атаманом был генерал Каледин. Это был во многих отношениях человек крупный, выделявшийся головой над всей окружавшей его захолустной провинцией. Он был прежде всего прекрасный боевой генерал, военный до мозга костей, благородный, прямой и честный человек. Своих донцов он хорошо понимал и отлично знал их настоящую цену. Каледин был, несомненно, умный человек, крайне осторожный. Внешне он производил впечатление «заспанного тигра», как его кто-то назвал. Он сидел неподвижно, лицо его никогда не отражало его настроения, и когда он говорил, то он медленно и нехотя ронял каждое слово. Поэтому ко всем его словам прислушивались с удвоенным вниманием. Но... по всему своему прошлому и крепко сложившемуся укладу, Каледин был конечно совсем не подготовлен к политической деятельности. Пока царствовал Керенский, Донской атаман представлялся полным его антиподом. Вместе с офицерством и не разложившимся еще казачеством, он глубоко возмущался систематической разрухой государства и армии, ему противно было непротивленчество и система «уговариваний». Но когда ему самому пришлось активно заняться политикой и он почувствовал, что волна революции начинает захлестывать Дон, Каледин сам стал на тот же опасный путь соглашательства, который в свое время привел Керенского ко всем последствиям такой политики.

Большевицкий переворот заставил Дон обособиться, определить свое положение, создать организацию государственного типа и в то же время выявить свое лицо. Экономически Дон, как и весь юг России,

был совсем в иных условиях, чем север. Прежде всего он был сыт своим хлебом, которого было много. Промышленности в Донской области почти не было. Большевизм реально еще не давал себя чувствовать. Вследствие всего этого на Дону еще далеко не изжиты были иллюзии времен Керенского, особенно в среде местной провинциальной интеллигенции. Помощником Каледина был Митрофан Петрович Богаевский, по профессии — педагог, директор реального училища¹⁵⁴. Он был типичным русским интеллигентом, неисправимым мечтателем. Богаевский легко говорил, и в малоинтеллигентной донской среде с малоповоротливыми мозгами его довольно незатейливое красноречие создало ему первое место. Каледин и Богаевский — оба люди совершенно различного воспитания и среды — сходились в одном: полной политической неопытности. При этом они вступили на путь самых рискованных политических экспериментов.

Дон управлялся казачьим Войсковым кругом. Избирателями и депутатами могли быть только казаки. Между тем в процентном отношении казаков было, если не ошибаюсь, 43 %, а 57 % составляли так называемые иногородние, в число коих входили как жители городов, так и крестьянское население¹⁵⁵. У казаков был обширный земельный фонд, каждый казак обладал известной зажиточностью. Рядом с казачьими хуторами были крестьянские слободы, иногда значительно более многочисленные и крайне стесненные землей. Отсюда происходили скрытый, глубокий антагонизм между казаками и крестьянами. Казаки — глубокие эгоисты и шкурники — ненавидели иногородних, но с появлением большевизма начали сильно опасаться их, ибо у иногородних была готовая почва для развития большевизма. Не знаю, была ли то инициатива Богаевского или Каледина, но последний настоял на том, чтобы для управления Доном было образовано паритетное правительство, пополам из казаков и иногородних. В конце декабря в Новочеркасске состоялся съезд иногородних. Настроение съезда было по существу большевицкое. Съезд высказал протест против присутствия на Дону Добровольческой армии¹⁵⁶, которая ставит себе задачей борьбу с революционной советской армией. Этот самый съезд и выбрал из своего состава семь человек (по числу округов на Дону) в качестве членов паритетного правительства.

Настроение Дона создавало крайне тяжелую обстановку для Добровольческой армии. В самом начале Алексееву пришлось ограничиться заботой о том, чтобы бежавшие на Дон бойцы могли найти в нем хотя бы только убежище и не умерли с голода. Сочувствие, но очень сдержанное, проявлялось лишь немногими деятелями и конкретно не выражалось в каких-либо заботах о беженцах. Вскоре представился случай доказать полезность для Дона приехавших.

В предместье Новочеркасска — Хотунке — были расположены два казачьих полка, которые выказывали все признаки разложения¹⁵⁷. Каледин считал опасным наличие такого гарнизона и решил распустить оба полка, предварительно их разоружив. Однако казачья часть, которой поручено было выполнить это распоряжение, не пожелала его исполнить. Тогда в Хотунок послали офицеров и юнкеров из общежития, в сущности — безоружных. Солдаты были без труда разоружены, а их ружья и патроны перешли добровольцам. В этот день и родилась Добровольческая армия. Сколько раз впоследствии ей приходилось прибегать к тем же способам снабжения. Вся отрадная пора Добровольческой армии была пережита только вооружением за счет противника. У нее не было более верного интенданта, чем большевики.

Первый успех добровольцев обошелся без крови. Вскоре им предстояло выдержать серьезное боевое крещение. Ростов в административном отношении не входил в Донскую область, но близость этого крупного торгового и промышленного центра и географическое его положение делали при новых условиях необходимым объединение управления. Между тем в Ростове большевизм свил себе прочное гнездо.

Большевицкая пропаганда велась открыто, и рабочие вооружались. Явно было, что нельзя дольше терпеть такого порядка. Каледин вначале пробовал решить дело мирным путем, но переговоры ни к чему не привели. Необходимо было проявить силу, но на кого опереться? Казаки были или ненадежны, или сомнительны. Снова на выручку пришли добровольцы. В конце ноября маленький отряд выступил из Новочеркасска. За ним шли казаки. Первые приехавшие в Добровольческую армию, были, разумеется, отборные люди, воодушевленные мужеством и решимостью. Их было мало, но их противники, которых было много, не были организованы, в них не было и подобия того воодушевления, которое помогало добровольцам держать и творить чудеса. Настроение этих героев в отраженном виде подействовало и на казаков. После первых успехов добровольцев они также решились выступить. Ростов был взят¹⁵⁸.

Это была крупная материальная победа, но это была также еще более моральная победа. Добровольцы уверовали в себя и заставили и других поверить в себя. Каледин и Богаевский, которые готовы были в душе сочувствовать им, теперь поняли, что в сущности Дону не удержаться без добровольцев. Понимали это и более широкие казачьи круги, но не могли отрешиться от двойственного и двусмысленного отношения к Добровольческой армии, которое потом продолжало все время омрачать тяжелую обстановку, в которой боролись добровольцы, не только на Дону, но и всюду на Юге России.

Если бы было произведено тайное голосование, то, кроме большевиков, большинство, конечно, высказалось бы за то, чтобы Добровольческая армия оставалась на Дону, увеличивалась и крепла там, где зародилась, ибо с каждым днем становилось яснее, что никто, кроме нее, не будет бороться с большевиками. Но желая использовать полностью кровь добровольцев, их боялись и не любили и всячески не хотели им давать хода. Прежде всего казаки руководились мыслью: «моя хата с краю». Они чувствовали и мыслили в рамках узкого эгоизма. Их патриотизм в большинстве случаев не шел дальше одного края, иногда — хутора или станицы. Взятие Москвы большевиками произвело на них сильное впечатление и значительно охладило тот показной пыл, который обнаруживался порою в речах на Круге. Они хотели отделить свое маленькое дело от общего, надеясь таким образом лучше уберечься самим от беды. Присутствие нарождающейся Добровольческой армии в Новочеркасске было как бы бельмом на глазу, притягивало к Дону внимание большевиков, чего больше всего боялись казаки. Они пытались даже договориться с большевиками, посылали делегацию в Москву, но из этих переговоров ничего не вышло. Казаки двоились между мыслью, что без добровольцев им было бы легче договориться, и опасением, что без добровольцев им не оборониться от большевиков. Потребовался жестокий предметный урок, чтобы исцелиться от иллюзий на счет большевиков, и все-таки двойственное отношение к пришельцам-чужакам никогда не рассеялось окончательно. Надо признать, что поведение добровольческой молодежи тоже не способствовало тому, чтобы рассеять недружелюбие. В постоянной напряженной борьбе, чувствуя себя одинокими, добровольцы ожесточались против окружающих равнодушных или неприязненно настроенных к ним людей. Нравы их грубели. Акты героизма и самоотвержения сменялись днями разгула и своеволия. Многие держали себя бестактно и вызывающе. Надо понять всю тяжесть обстановки и вспомнить все, что пришлось вытерпеть и раньше нервам всех этих людей со времени февральской революции, и тогда нельзя осудить их слишком тяжело за все эти грехи, — неизмеримые перед их подвигами. Когда на улицах Новочеркасска я увидел походную часть, в которой, как простые рядовые, шли старые капитаны, с ружьями и трехцветным знаменем, мною охватило волнение, которого не забуду. Хотелось поклониться до земли этим мученикам-героям, безвестным страстотерпцам за родину.

Вступив на путь соглашательства с левыми, Каледин руководился мыслью, которая не изжита и в ту минуту, как я пишу эти строки (май 1919 года). Он находил необходимым создать сильную власть, но думал, что при данных условиях это возможно только, если будет под нее подведен широкий демократический фундамент. Сам он шел честно

навстречу демократии, и, как человек прямой и благородный, он надеялся найти такое же отношение и у тех, с кем хотел работать, чтобы на основах взаимного доверия и уступок провести принцип сильной власти. Недаром его называли «невольником чести».

Каледин задался мыслью выработать основания, при коих присутствие Добровольческой армии было бы приемлемо для демократии и не вызывало бы с ее стороны подозрительности. В начале декабря в Новочеркасск прибыли бежавшие из Быхова генералы¹⁵⁹: Корнилов, Лукомский, Деникин, Эрдели, Марков, Романовский, Ванновский и другие. Все они жили под чужими фамилиями, ходили в штатском платье; некоторые так изменили свою наружность, что были неузнаваемы. Приехали также общественные деятели. Кроме тех, кого я уже назвал, — Милюков. Появился и Савинков. Против него было сильное возбуждение среди офицеров, и открыто высказывалось намерение его убить.

Со свойственной ему энергией и ловкостью Савинков тотчас принялся обделять свое дело. Прежде всего он подъехал к генералам Каледину и Алексееву и предложил себя в качестве посредника с демократией¹. На первого он произвел [благо]желательное впечатление; к тому же он сумел связаться с представителями демократии на Дону, — П. Агеевым, который был членом Войскового правительства, и С. Мазуренко, представителем иногородних, правым эсером. Через них он оказывал воздействие на Каледина и Богаевского. Генерал Алексеев лично не питал, конечно, никакого доверия к Савинкову, но, не отличаясь силой воли, он уступал перед железной волей всегда спокойного и всегда знающего, чего хочет, Савинкова. Последний окрутил и генерала Корнилова. Хотя было несомненно, что в деле Корнилова Савинков сыграл самую неблагоприятную и провокаторскую роль, однако Корнилов дал себя обойти. Савинков представил ему какие-то объяснения. Не знаю, в чем они заключались, но Корнилов признал себя удовлетворенным, не желая, как он сам потом мне сказал, чтобы его могли упрекнуть, что им руководят какие-либо личные мотивы.

Заручившись поддержкой командного состава, Савинков приделал особую организацию к Добровольческой армии. Был основан «Союз Спасения Родины и Свободы»¹⁶⁰. В Совет этого союза на полонинных началах должны были войти представители командного состава Добровольческой армии и несоциалистических партий и представители демократии. В этот Совет должны были вноситься все вопросы общеполитического значения. Решения его имели, однако, лишь совеща-

¹ Имеется в виду посредником между белыми и представителями «демократической общественности» (то есть антибольшевистскими социалистическими силами).

тельное значение для руководителей Добровольческой армии. Когда мы приехали со Струве, то нам пришлось считаться с уже совершившимся фактом. В состав совета входили из гражданских лиц М. П. Богаевский, Н. Е. Парамонов, Милюков, Федоров; от демократии — Савинков, его сотрудник (бывший комиссар при одной из армий) поляк Вендзегольский, Агеев и Мазуренко. Кроме того, имелось в виду пригласить еще некоторых видных вожakov правого крыла социализма, — Аргунова и др. При первом свидании с генералом Алексеевым, когда он предложил мне и Струве войти в состав Совета, я выразил недоумение. Мы получили такой определенный наказ в Москве, настолько сами отрицательно относились к идее соглашательства, что перед нами становился вопрос: можем ли мы войти в такой Совет и что мы будем в нем делать? Алексеев настаивал на необходимости работать в Совете, чтобы парализовать в нем опасные течения. Он говорил, что Совет был ему навязан Калединым, который считал, что без уступок демократии ему не удастся обеспечить дальнейшее пребывание Добровольческой армии на Дону — это была как бы плата за квартиру. По его словам, другого выхода из положения не было, и с ним приходилось мириться. В конце концов, Совет имел лишь совещательное значение, и все дела вносились в него по усмотрению командования.

Что касается управления Добровольческой армии, то оно также было построено на сложном компромиссе. Во главе его стоял триумvirат: Каледин, Алексеев и Корнилов. Общие принципиальные решения, согласно задуманному плану, должны были решаться этой коллегией трех генералов, причем каждому из них усвоялась своя особая функция и прерогативы: Каледин председательствовал в вопросах, соприкасающихся с управлением Донской области; Корнилов был Верховный главнокомандующий, принимающий самостоятельные решения в области стратегии и руководства военным делом; Алексеев был руководителем политики и распорядителем финансов. Он председательствовал в Совете союза, но окончательные решения этого Совета, как я уже говорил, принадлежали трем генералам, которые все присутствовали на его заседаниях.

С первых же дней нашего пребывания в Новочеркасске обнаружилось, что между Алексеевым и Корниловым существует острый антагонизм. Они взаимно совершенно не переносили друг друга. Редкое свидание между ними обходилось без обострения и без того натянутых отношений. Дело вначале было еще такое маленькое, что ужиться вместе двум таким властным и честолюбивым натурам было совсем невозможно. Инициатором Добровольческой армии был генерал Алексеев. Он первый приехал и первый заложил основания всего дела, которое гораздо обычнее носило тогда название «Алексеевской организации», чем Доб-

ровольческой армии. Уже одно это резало уши Корнилову. Последний не мог никогда простить Алексееву его роли в деле его, Корнилова. Он сам мне однажды это высказал. Как мог Алексей, основатель офицерского союза и всей этой организации в армии, которая имела своей конечной целью произвести военный переворот, как мог он поддержать Керенского, пойти к нему в начальники штаба и поехать в Ставку арестовать его, Корнилова? Нельзя не признать, что в постановке такого вопроса была доля правды. Но нужно принять во внимание, что своим вмешательством Алексей рассчитывал спасти того же Корнилова и его сподвижников и что это ему удалось. Конечно, роль Алексеева была неблагородная, ибо он одновременно выручал Керенского из трудного положения и вскоре должен был уйти, не заслужив благодарности ни с чьей стороны и не прибавив новых лавров к своей репутации. Мне кажется, что он отчасти уступил влечению честолюбия и потребности в деятельности, вне коей он не умел жить. Как бы то ни было, недавнее прошлое служило не к объединению, а к усилению взаимной антипатии между генералами.

Если Корнилов не мог простить Алексееву его роли в августовские дни, то Алексей находил Корнилова опасным сумасбродом, человеком неуравновешенным и непригодным на первые роли. В свое время он отказал наотрез Гучкову, желавшему назначить Корнилова из командующего Петроградским военным округом в главнокомандующего Северным фронтом. Сам Алексей был в то время Главковерхом и заявил, что уйдет в отставку, если назначение это состоится¹⁶¹. Это уже показывает, как, раньше, чем судьба их столкнула, Алексей не доверял Корнилову. Последний, в свою очередь, считал, что Алексей во многом виноват в наших неудачах во время войны, и смотрел на него с тем оттенком презрительности, с какой боевые генералы смотрят на кабинетных стратегов.

Поводов для столкновений было сколько угодно. Алексей, как распорядитель финансами, держал все нити в руках. От природы бережливый и не широкий, он считал денежное положение совершенно необеспеченным и урезывал во всех запросах Корнилова. Между тем время не ждало. В конце 1917 года можно было за самые сравнительно небольшие деньги приобретать ценное боевое снабжение, пользуясь развалом на нашем фронте. Продавались орудия, снаряды, ружья, пулеметы, — все, что угодно. Алексей боялся рисковать и остаться ни с чем и часто упускал неповторяемые случаи. Между обоими генералами происходили резкие сцены. Корнилов требовал в свое безотчетное распоряжение крупные суммы.

Область компетенции между генералами не могла быть точно разграничена. На этой почве также все время происходили трения. В первые же дни нашего пребывания отношения дошли до такого обост-

рения, что пришлось нам, общественным деятелям, перебегать от одного генерала к другому, чтобы как-нибудь предотвратить разрыв между ними. Вырабатывались формулы письменных соглашений. Только что мы успели помирить их, как снова вспыхнула история, которая грозила окончательно их рассорить. Виновником оказался Савинков, который раздул какую-то совершенно несостоятельную сплетню, пущенную из контрразведки, в которой были замешаны имена его¹⁶² и Корнилова. Алексеев крайне неудачно согласился «вывести дело на чистую воду», пригласил Корнилова присутствовать при очной ставке, которую хотел устроить с источниками грязной сплетни. Когда Корнилов, не зная, зачем его приглашают, явился и увидел, в чем дело, он пришел в сильный гнев, почувствовал себя оскорбленным, накричал на Алексеева и вышел, не подав ему руки и хлопнув дверью. По счастью, Савинков скоро уехал.

Все эти печальные истории неприятно вспоминать. Они ниже памяти и Корнилова и Алексеева, которых примирила смерть. Оба заслуживают самой глубокой признательной памяти потомства и оба самоотверженно принесли жизнь отечеству, что же делать, если мне пришлось их обоих видеть в мелких житейских столкновениях. Это последнее показывает только, как тяжело приходилось и тому, и другому, и как порою не выдерживали нервы даже и таких людей. Мне и впредь предстоит неблагодарная роль свидетеля закулисной стороны истории, но я не считаю себя в праве совсем ее обойти, предоставляя будущему историку откинуть хлам и все поставить на свое место.

Обострению отношений между генералами, как всегда, способствовали окружающие их сторонники. Корнилов был по природе доверчив и не разбирался в людях. Этим пользовались разные сомнительные личности. В то время околачивался около него некто Добринский, сыгравший некоторую роль и в подготовке корниловского выступления в августе месяце. Рознь между генералами не оставалась неизвестной в таком маленьком городке, как Новочеркасск. Она передалась и в самую организацию, сделалась предметом толков и пересуд среди офицерства; последнее разделилось на алексеевцев и корниловцев. Рознь эта удручающе действовала на ближайших сотрудников их по командованию. Вместе с нами, Деникин и Лукомский старались сглаживать и примирять разногласия. Одно время Корнилов хотел уйти с армией и со штабом в Ростов[-на-Дону], оставив Алексеева ведать политикой и финансами в Новочеркасске, но последний воспротивился этому и решено было, что оба переедут в Ростов.

Совет союза собирался несколько раз. Оба течения, правое и левое, держались обособленно. Савинков внушал к себе недоверие со стороны правых и чувствовал это. Когда он что-нибудь предлагал, все на-

стороживались и старались отклонить это предложение. Но эта обструкция была поневоле слабой, потому что редко кто из нас вносил, в свою очередь, другое предложение. Между тем, Савинков всегда знал, чего хотел. Он говорил всегда ровным, спокойным голосом, не повышая тона, всегда корректный. Я чувствовал неодолимое отвращение к его холеным рукам, которые невольно притягивали к себе взгляд, — руки террориста-убийцы. Они контрастировали с его энергичным лицом, на котором отразилось движение страсти. В маленьких глазах светился холодный блеск. В нем чувствовалась сила человека, для которого не существует никаких моральных задержек. Казалось, что ему ничего не стоит смахнуть со своего пути всякого кто бы ему мог быть помехой. Террорист, авантюрист, шантажист и патриот, несомненно одаренный и умный, но едва ли способный на великое, потому что лишен всяких нравственных устоев, — таким мне представлялся Савинков, что касается до его левизны, то мне казалось, что она относительна, что демократия нужна главная, как трамплин, для этого честолюбивого и властолюбивого человека.

Сгруппировав вокруг себя левых, Савинков импонировал им своей холодной волей и авторитетом своей репутации. Он подчинил себе без труда слабовольных неврастеничных интеллигентов, вроде местной донской знаменитости, Павла Агеева, который мог играть [хоть какую-то] роль только в захолустном Новочеркасске. И он, и Семен Мазуренко были типичными народниками-третьеэлементцами. Не находя себе применения в Новочеркасске, Савинков решил уехать и добился полномочия Алексеева вести переговоры с левыми, которых он хотел привлечь к участию и в Совете. Он уехал в Москву, но одновременно с ним был отправлен Ладыженский, чтобы парализовать при случае какие-либо опасные его выступления. Заседания Совета, с отъездом Штаба в Ростов, прекратились сами собой; в сущности, общих дел было так мало, что не для чего было собираться и говорить. Сотрудник Савинкова Вендзегольский также уехал; он был командирован в Киев, в помощь члену Государственной думы Иг[орю] Демидову; там уже работал генерал А. М. Драгомиров, находившийся в связи с генералом Алексеевым по военным вопросам. Новые делегаты должны были выполнять политические и наблюдательные функции. Вендзегольский оказался очень порядочным и дельным работником.

У генерала Алексеева был Политический отдел. Ближайшим сотрудником его был некий инженер Серг[ей] Серг[еевич] Петинин, очень энергичный и расторопный человек. Когда я приехал, то, по предложению Милюкова, Алексеев просил меня стать во главе Отдела, но, ознакомившись с делом, я убедился, что там дела-то почти нет, что Алексеев все сосредоточил в своих руках. Убедившись, что я не могу быть полезен

и что все, что нужно, делается и без того, я не стал входить в это дело и отдал несколько больше времени вопросам пропаганды и рекламы. В то время в Политическом отделе работали Вал[ериан] Ник[олаевич] Муравьев (бывший мой сотрудник по Министерству иностранных дел) и Н. С. Арсеньев, молодой приват-доцент Московского университета. Они оба главным образом развивали деятельность по составлению листовок и афиш, которые расклеивались на столбах и на заборах, и одно время заполнили весь Новочеркасск. На одной афише, например, крупными буквами было напечатано: «У кого две руки и две ноги и капля совести — идите в Добровольческую армию», запись — там-то, условия службы — такие-то. Рядом был напечатан длинный диалог между казаком и большевиком, — произведение Муравьева. Еще рядом — стихи, далее — воззвания. Вся эта литература, постоянно обновлявшаяся, вызывала к себе внимание.

Приток добровольцев из России был крайне незначителен и не только не увеличивался, но сокращался, благодаря препятствиям, которые чинили большевики. В самой Москве были устроены ловушки. Люди, переодетые офицерами, встречаясь с теми, в ком подозревали желание ехать в Добровольческую армию, завлекали к себе и потом арестовывали. По дороге, ехавшие подвергались обыскам и задержанию. Только немногие, более ловкие и смелые, успевали проскочить через все препятствия. Тем важнее было организовать вербовку на местах. На Дону установили довольно высокий оклад жалования нижним чинам, кажется, — 150 рублей, и Добровольческая армия установила тот же оклад, хотя, конечно, для офицеров, служивших простыми рядовыми, получаемое ими жалование было ничтожно. Необходимо было усилить идейную пропаганду. На нее чутко откликалась молодежь, особенно кадеты и гимназисты. В Добровольческую армию и многочисленные партизанские отряды шли мальчишки 14–15 лет. Они дрались с наибольшим одушевлением, хотя, конечно, жестоко уставали от беспрестанных боев.

С начала января 1918 года наступила страдная пора для Добровольческой армии. В это время она насчитывала всего каких-нибудь 3000 человек¹⁶³. Между тем, большевики начали железным кольцом сжимать ее со всех сторон. Это были беспорядочные полчища. Добровольцы успешно боролись с ними в отношении один к десяти, но те брали количеством, лезли, как саранча, со всех сторон. В это же время на Дон стали прибывать с фронта казачьи части, зараженные большевизмом. Одни из них расходились по домам, другие примыкали к большевицкой орде. Они были самыми опасными противниками Добровольческой армии, потому что вносили в еще не зараженную казачью среду элементы соблазна и разложения. Особенно вредными вожаками были

казачий офицер Голубов и простой казак Подтелков. Они уверяли казаков, что если решать прогнать Добровольческую армию и свергнуть «буржуазное» правительство Каледина, то большевики предоставят трудовому казачеству самому устраивать свои судьбы. Деморализация в правительственных кругах была так велика, что Подтелкову позволили приехать в Новочеркасск и паритетное правительство целый день вело с ним переговоры. Подтелков настаивал на том, чтобы правительство сложило с себя полномочия и уступило власть военно-революционному комитету. Сам он отрицал свою связь с большевиками, но был уличен в получении от них 3 000 000 рублей. Переговоры ничем не кончились. Они только лишний раз обнаружили мягкотелость власти, приемы коей делали ее обреченной. Тот же Голубов был в декабре [1917 года] арестован и потом выпущен [Митрофаном] Богаевским на честное слово, что он не будет заниматься большевицкой пропагандой. Впоследствии он первый вошел во главе большевиков в Новочеркасск и арестовал атамана Назарова и председателя Круга Волошин[ов]а¹⁶⁴.

Трудно себе представить, чтобы Каледин не видел, к чему ведет его политика соглашательства. На одном из заседаний Совета союза, Миллюков прямо подошел к этому вопросу и, очертив всю опасность соглашательства, настаивал на необходимости переменить курс. Всегда сдержанный Каледин был задет за живое, но не пожелал вступать на почву обсуждения этого вопроса. Я думаю, что, сознавая вполне, на какую наклонную плоскость он вступил, он, вместе с тем, чувствовал себя совершенно бессильным. Во всей фигуре этого «спящего тигра» было что-то обреченное. Несомненно, он переживал тяжелую внутреннюю драму, заранее учитывая ее неизбежный фатальный конец. Я не буду описывать изгладившиеся из моей памяти подробности борьбы добровольцев с большевиками на Дону в этот первый период. Все это найдет место в воспоминаниях непосредственных участников боев в истории, документально оборудованной. Январь месяц 1918 года останется в личных моих переживаниях одним из самых тяжелых и безотрадных. Новочеркасск жил в состоянии хронической паники. Каждый день приносил вести о новом нажиме большевиков. Единственным отрадным противовесом этим вестям было геройство, проявлявшееся добровольцами и партизанами. Невероятно грустно было видеть детей, с милыми счастливыми лицами, которые ежедневно покидали город. Многие ли из них вернулись? Среди равнодушия инертной и запуганной толпы взрослых, эти дети горели святым огнем и радостно умирали за Родину. В них одних можно было искать залогов будущего возрождения России, но смерть беспощадно косила их. Ежедневно по городу ехали дроги. В собор и местные церкви нельзя было войти, не увидав у дверей несколько

крышек гробов. И в каком виде подбирали убитых! — Замученных, источенных, порою со следами кощунственного издевательства над трупами! Жестокая, бесчеловечная междоусобная война! Но все эти ужасы неспособны были запугать молодежь, потушить в ее груди святое пламя. Наоборот! Родители были бессильны удержать своих мальчиков. Я сам испытал это с своим старшим сыном Костей. Ему тогда не минуло еще 16 лет, но каких трудов мне стоило его удерживать, а он мучился между желанием послушаться меня и бежать и боязнью огорчить нас. Под конец я увидел, что дальше нельзя натягивать струны и дал ему разрешение поступить в Добровольческую армию. Не могу иначе, как особой милости Божией, приписать то, что, несмотря на это, ему не пришлось тогда поступить в солдаты. Это было как раз перед отступлением Добровольческой армии, которое тогда еще не было решено. Костя решил раньше поговорить. Мы вместе с ним ходили в церковь. Но в эти самые дни, отступление начало совершаться. Генералы Алексеев и Лукомский, к которым я обратился, сами настоятельно посоветовали ему не поступать, и на этот раз чаша миновала нас. Каково было бы такому мальчику, ни к чему не привыкшему, сразу попасть в условия Ледяного похода, который совершила по своему отступлению Добровольческая армия.

После отъезда штаба и генерала Алексеева в Ростов, я остался в Новочеркасске и продолжал заведывать отделением Политического отдела, которое здесь занималось главным образом вопросами пропаганды. Тут же остались Струве, Муравьев и Арсеньев. Мы жили на окраине города, на Баклановском проспекте¹⁶⁵, в доме старозаветного¹ казака Сербина. Гагарины жили ближе к центру, на Комитетской улице. Видались мы ежедневно с ними и с Лермонтовыми, которые жили неподалеку от нас, вместе переживали волнительные минуты. В это время Сережа Осоргин был женихом Сони Гагариной; жениховство их долго длилось, и хотели обвенчать их, как только подъедут его братья. Но общая обстановка была такая непрочная, что решили, что довольно ждать. В это время из Москвы подъехала успевшая вновь туда съездить Александра Николаевна. Она привезла всякой всячины для свадьбы — шоколаду, сахару и всякого тряпья. Свадьба была назначена на 29 января.

За несколько дней до этого начали поговаривать о том, что Добровольческой армии придется уйти с Дона, так как она истекает кровью под нажимом большевиков, а казаки сами вовсе не расположены воевать. Помнится, 26 января в Новочеркасск приехал генерал Лукомский¹⁶⁶. Каледин решил, что надо окончательно договориться о дальнейших планах и совместных действиях и просил приехать Корнилова, но

---

¹ То есть старообрядца.

последний не решился отлучиться из Ростова, а послал своего начальника штаба Лукомского. Во дворце атамана было создано «правительство». Впрочем, левые паритетчики сначала не были приглашены; однако Агеев, который был от казачества и потому присутствовал, настоял на том, чтобы и тех вызвали. Были приглашены также Струве и я.

В этот день обстоятельства на фронте складывались как будто немного лучше. Не отрицая возможности ухода с Дона Добровольческой армии, если обстоятельства того потребуют, Лукомский заявил, однако, что сейчас это еще не стоит на очереди. Наоборот, в помощь донским партизанам, сражавшимся на севере, был послан один из лучших офицерских отрядов Добровольческой армии. Попутно был поставлен вопрос: что делать, если обстоятельства не изменятся? Как вести дальше борьбу с большевиками? Лукомский сказал, что Добровольческая армия не может ставить своей задачей оборону во что бы то ни стало Новочеркасска и Ростова и что перед ней может возникнуть необходимость покинуть Дон, чтобы на время уйти из области досягаемости большевиков и найти в других местах возможность пополнить свои ряды. Многие из членов правительства поддерживали ту же мысль и говорили, что и Донскому правительству следует считаться с возможностью перенести оборону области по ту сторону Дона, который при предстоящем разливе станет серьезной преградой для большевиков. Последние ведут свое наступление исключительно по линиям железных дорог. В станицах по левую сторону Дона предполагалось найти здоровые элементы, способные усилить оборону.

Против всех этих предположений возражал, один Каледин. Обращаясь к Лукомскому, он предостерегал Добровольческую армию от намерения покинуть Дон, с которым она кровно связалась. Он говорил, что такое решение было бы губительно для обеих сторон. Добровольческая армия превратилась бы в бродячую кучку людей, утратила бы свой престиж и, может быть, не нашла бы нигде пристанища, что касается обороны Дона, то Каледин считал ее неразрывно связанной с обороной Новочеркасска. «Не следует предаваться самообольщению, — говорил он членам своего правительства. — Уход из Новочеркасска, это — смерть Донского правительства. Я говорю “смерть” не в буквальном смысле слова, — спохватился он, — это личное дело каждого. Но правительство, как таковое, перестанет существовать. Оно лишено будет всякой точки опоры и, уйдя из Новочеркасска, не в состоянии будет ничего организовать в другом месте». На меня тогда же произвело впечатление то особое ударе-ние, с которым Каледин произнес слово — «смерть». Нет сомнения, что сам он понимал это уже тогда вовсе не в фигурном, а в прямом смысле, и у него уже определенно сложилось решение покончить с собою, если наступят обстоятельства, которые он раньше предвидел.

Заседание правительства длилось долго. Говорились бесконечные речи разуверившимися во всем усталыми и неврастеничными людьми. Было нудно. Каледин выделялся изо всей кампании. В нем привлекателен был его благородный, честный облик крупного, но несчастного человека, с достоинством несшего свой крест до конца. Остальные были растеряны и не знали, чего хотели. В частных разговорах Агеев то говорил, что если Добровольческая армия может взять энергично палку в руки то пускай это делает, то высказывал сомнение, верны ли рассказы о зверствах и насилии большевиков.

Лукомский уехал после заседания; на следующий же день стали поступать все более тревожные известия с фронта. Некоторые отвечали действительности, другие же, которые гласили о том, что большевики там-то сосредоточивают удар, оказывались порою ни на чем не основанными, но производили свое действие в штабах.

Надо сказать, что организация разведки и штабов была совершенно неудовлетворительна. Наши генералы и офицеры Генерального штаба не привыкли мыслить организацию иначе, как с рамках старой армии, в которой насчитывалось миллионы людей. Вся Добровольческая армия, которая далеко не дошла до размеров полного боевого состава одного пехотного полка¹⁶⁷, имела штаб в 150 человек! Во главе штаба стоял такой умный человек, как Лукомский, но и он не мог отрешиться от привычных ему масштабов. Помню, как однажды генерал Корнилов, под влиянием пресловутой Александры Николаевны, написал резолюцию с требованием сократить штаб на 25%; Лукомский был в полном отчаянии и доказывал, что этого нельзя сделать, не дезорганизовав всего дела. Уже в то время в Добровольческой армии был сильный ропот на штабных, которые устраивают себе безопасные, выгодные места. Конечно, такие разговоры ведутся всегда и во всех армиях, но нельзя было не признать, что в данном случае они имели больше основания и что самый принцип добровольчества должен был бы побудить высшее командование относиться к таким сетованиям с большим вниманием.

Были и другие недостатки в организации штаба и, быть может, в самом ведении войны. В штабе все велось по старым приемам. Разведка была из рук вон плохая, зачастую питались непроверенными паническими сведениями, которые оказывались вымышленными, но иногда являлись в числе решающих мотивов. Так, в самую критическую минуту в конце января в Новочеркасске и Ростове исходили из известия о новом сильном нажиме большевиков со стороны Александровска Грушевского¹. Это известие создало панику, а потом оказалось ничем не обосно-

---

¹ Город расположен в 68 км от Ростова и в 25 км от Новочеркасска. В 1921 г. переименован в Шахты.

ванным. Наши военные, мне кажется, не отдавали себе отчета в том, что в условиях внутренней междоусобной войны разведка должна гораздо больше приближаться к организации полицейской службы, чем той, которая применялась в войне с немцами. Далее, в штабах не умели учиться от легкого распоряжения человеческими жизнями, хотя они были настолько драгоценны в данных условиях. Рядом с этим, не умели пользоваться и партизанскими приемами борьбы, смелыми инициативами, которые не входили в рамки кабинетной стратегии. Начальство продолжало быть далеким от жизни и от людей. Все эти недостатки больно чувствовались в то время всеми нами, которые близко стояли к делу и душой болели за Добровольческую армию. Мне неприятно все это писать и не хотелось бы сгущать отрицательных впечатлений. Вся эта оболочка не должна заслонять светлого облика Добровольческой армии, которая жива была своим неугасимым дерзновением, силой духа. Духом были сильны, а организовать не умели.

Припоминаю такой случай. С нами из Москвы приехал старший сын Струве, Глеб, очень милый юноша 20 лет, который тотчас поступил в Добровольческую армию. Его через три-четыре дня отправили вместе с отрядом, в который он поступил, куда-то по железной дороге на юг, кажется на станцию Кавказская¹. Им было дано поручение вывести оттуда пулеметы и, кажется, пушки, которые, по сведениям, там имелись. Вместе с тем был дан наказ отнюдь не предпринимать военных действий против казаков, ни при каких условиях. Это был тогда общий лозунг: война ведется против большевиков, а не казаков, хотя между последними было гораздо больше большевиков, чем их противников. Молодого Струве не спросили даже, обучен ли он строю, умеет ли владеть винтовкой. Весь отряд состоял из 50 человек. На одной из станций их окружил казачий полк, арестовал и препроводил к большевикам в Новороссийск. Для Струве-отца началось томительное ожидание. Было полное основание опасаться, что все наши будут утоплены большевиками-матросами. По счастью, этого не случилось, но Струве-отец до конца своего пребывания в Новороссийске ничего не знал о судьбе сына, и только по возвращении в Москву его жене Нине Александровне удалось съездить в Новороссийск и вызволить из тюрьмы своего сына. Это был один из инцидентов, характеризовавших то легкомысленное отношение штаба, которое могло стоить жизни отряду, по тогдашним понятиям, значительному.

Свадьба Осоргиных была назначена на воскресенье 29 января. Я был посаженным отцом Сережи Осоргина и потому не выходил с утра из дома, так как благословенье должно было состояться у нас в 11 часов

¹ Узловая станция на хуторе Романовский, ныне город Кропоткин Краснодарского края.

утра. Произошло запоздание. Между тем мне дали знать, что ночью Каледин получил телеграмму от командования Добровольческой армии, что она окончательно решила покинуть Дон. Немного спустя мне сообщили, что под влиянием этого известия происходит правительственный кризис. Атаман и правительство уходят, власть будет передана демократической Городской думе, дабы дать ей возможность договориться с большевиками о сдаче города без кровопролития. Все это сообщали в хлопотах перед поездкой в церковь. Когда все было готово, мы поехали в Никольскую церковь. На той же площади помещался мой Политический отдел. Певчие что-то замешкались; нам пришлось довольно долго ждать в пустой холодной церкви. Перед самой свадьбой в церковь пришли сказать, что Каледин только что застрелился¹⁶⁸...

После заседания правительства он не забыл позвонить по телефону в наш Политический отдел, предупредил, что, ввиду серьезности положения, правительство и он, атаман, уходят, а власть передается Думе. Был и еще звонок от кого-то из офицеров, к нему приближенных, который предлагал арестовать Каледина и увезти его в Добровольческую армию, чтобы предотвратить попытку самоубийства. Разумеется, у нас не было никакой возможности исполнить этот совет. Но и Каледин не медлил. Он вышел в свою спальню, рядом с кабинетом, расстегнул мундир, лег на постель и выстрелил себе прямо в сердце.

Трудно передать впечатление, произведенное этой смертью, на весь город. Как раз за последние дни в Новочеркасске начал собираться вновь избранный Войсковой круг. От него ждали, что он будет очень левым, боялись этого. На самом деле на Кругу, противно всем ожиданиям, сразу определилось твердое и разумное настроение, отчасти благодаря тому, что распропагандированные северные части Донской области были отрезаны большевиками и не могли прислать на Круг своих представителей. Депутаты Круга высказывали полную готовность укрепить власть атамана и провести большую мобилизацию. Смерть Каледина была, как удар грома, который на минуту прошиб даже толстокожих казаков. Многие поняли, что он погиб жертвой тупого равнодушия, из которого не был в состоянии вывести Донское казачество.

После церкви все поехали к Гагариным, где было приготовлено великолепное угощение. Мы со Струве прямо от них отправились на вокзал, чтобы ехать в Ростов. Нам казалось, что надо ухватиться за минуту реакции, наступившей в казачестве, дать время казакам провести мобилизацию и до тех пор не уводить армию. С нами в вагоне ехал член Донского правительства Г. П. Янов, который решил обратиться к генералам с такою же просьбой. Мы прибыли в Ростов вечером, поехали в штаб Добровольческой армии, который помещался в громадном особняке Па-

рамонова¹⁶⁹ на Пушкинской, и тотчас настояли перед генералом Алексеевым на созыве совещания из генералов. Тут были Корнилов, Лукомский, Деникин, Романовский; кроме того, подошли генерал А. П. Богаевский (впоследствии атаман), Ростовский градоначальник Зеелер и Милюков. Пришел также Янов. Все мы, приехавшие, представили генералам, что не утрачена еще надежда пробудить казаков, получить свежую боевую силу на смену усталым бойцам. Кроме того, высказывали опасение за то, как отзовется на самой Добровольческой армии оставление ею Дона и превращение в бродячих кочевников. Наша мысль была поддержана большинством присутствующих. И Корнилов, и Алексеев сами, как будто, сознавали, что лучше повременить и дать казачеству в последний раз случай и возможность показать, на что они способны. Было высказано предположение, что надо успокоить публику, взволнованную слухом об уходе добровольцев, и поддержать в Новочеркасске кандидатуру в атаманы генерала Назарова. По поводу заметки, которую следовало поместить в газетах, между Алексеевым и Корниловым снова произошла резкая перебранка в присутствии всех нас. Алексеев начал было писать текст заметки, а Корнилов напал на него за то, что он вмешивается в его компетенцию и делает заявление от своего имени. Всем нам тягостно было присутствовать при этом. Деникин не вытерпел и со словами: «Черт знает, что такое! В такое время заниматься подобными разговорами!» вышел из комнаты, хлопнув дверью. Это несколько образумило обоих генералов, которые чувствовали себя пристыженными и замолчали. Деникину было потом неприятно, что он нарушил дисциплину. Но, как Корнилов, так и Алексеев оба ценили и уважали его прямоту и понимали, конечно, что сами оконфузились.

Через два дня я вернулся в Новочеркасск. Круг объявил мобилизацию. Самоубийство Каледина, надвигающаяся опасность большевизма — все это, как будто, пробудило на минуту сонное сознание казаков. Из станиц, окружающих Новочеркасск, приходило порою все взрослое мужское население — и стар и млад. Но здесь появилось роковое неумение организовать. Донской штаб в ту пору представлял собою вообще довольно жалкую канцелярию. Никому не пришло в голову, что надо ковать железо, пока оно горячо, что нельзя дать пылу казаков остыть хотя бы на минуту. Их необходимо было немедленно рассортировать и влить в те или другие кадры, поставив сразу под ружье. На самом деле, казаки приходили из станиц и для них не всегда были готовы помещения и пища. Никто о них не заботился, начальство ими не занималось. Зато ими занимались местные большевики и в два-три дня обрабатывали на славу. Им показывали на празднично шатающуюся толпу на Московской и Платовской (главных улицах Новочеркасска), на ярко освещенные по

вечерам кинематографы, куда ломилась эта публика, и им говорили: «Что же вы хотите проливать кровь ради всех этих дармоедов, буржуев? Что вам сделали большевики? Чего вы их боитесь? Они стоят за простой народ, за вас же, а вы будете воевать, чтобы новочеркасские буржуи могли спокойно спать и ничего не делать?» — Под влиянием таких речей пыл скоро охладевал. Бывали случаи, что целая станица, пришедшая с утра, наполовину расходилась к вечеру.

Круг готов был сделать все, чего бы от него ни потребовали. Назаров несколько дней колебался, идти ли ему в атаманы. Случайно я пришел к нему как раз в самую решительную минуту. Его кабинет был в здании Областного управления. Рядом была большая зала, где происходили заседания Круга. Мне сообщили, что Назаров только что отказался баллотироваться в атаманы и что депутаты разбились по кругам, чтобы обсудить положение. Меня поймал старичок-секретарь атамана и настойчиво просил, чтобы я, с своей стороны, всячески воздействовал на Назарова, чтобы он не отказался от атаманства, ибо другого кандидата не было. Назаров при Каледине был походным атаманом. Это был прямой, честный казак, военный человек, что и требовалось. Я прошел к Назарову и стал его уговаривать не отказываться, ввиду серьезности положения и полного отсутствия других кандидатов. В это время кончился перерыв, Круг собрался вновь и Назарова позвали в залу. Я вышел за ним. Председатели округов, один за другим, сообщали постановления своих округов, сходявшиеся в настоятельной просьбе Назарову принять атаманство. Назаров слушал их, нагнув голову и облокотившись на стол. Когда речи смолкли, наступила пауза. Видно было, как нелегко ему было принять решение. Наконец, он поднял голову и сказал: «Хорошо, я исполню свой долг, но и вы должны выполнить ваш долг. Без вашей помощи я не в силах что-нибудь сделать».

Содействие Круга было вполне обеспечено. Между прочим, Круг постановил суровые кары за уклонение от мобилизации, вплоть до расстрела, и вообще готов был на какие угодно решительные меры. Но увы... со всем этим было запоздано. Слова не запугивали, потому что у власти не было силы привести их в исполнение. Назаров принял на себя звание атамана, как тяжелый крест; он был такой же обреченный, как и Каледин, и так же по-солдатски относился к своему долгу, готовый стоять на посту до последней минуты.

В ближайшие же дни выяснилось, что казачья мобилизация провалилась, что все пришедшие разошлись. Совершенно неожиданно вдруг в Новочеркасск вошел конный казачий полк, вернувшийся с фронта. Казалось, что полк этот совершенно здоровый и готов идти, куда его пошлют. Все воспряли духом. Полк угощали, ему держали речи, потом

его отправили на фронт, но казаки разошлись по домам, не обнаружив никакого желания сражаться.

При таких условиях Добровольческой армии не оставалось ничего другого, как вернуться к решению покинуть Дон. К тому же в это время совершенно неожиданно большевики заняли Батайск, в семи верстах от Ростова. Плохая разведка и малочисленность добровольческих отрядов создавали все время возможность подобных сюрпризов. Большевики начали обстреливать Ростов, и снаряды попадали в предместье города, а тем временем в самом Ростове было крайне неспокойно. Местная большевицкая чернь начала подымать голову. По ночам бывала постоянная тревога, и весь штаб становился под оружие. Все это повышало нервность. После неудачного столкновения генерала [С. Л.] Маркова с большевиками на мосту между Ростовом и Батайском, был дан приказ к отступлению.

Глава III

Поездка в Москву и в Сергиевское

Приходилось и нам принимать спешное решение. Выехать со всей семьей из Новочеркасска было немыслимо. Куда и как было ехать? Новочеркасск предполагалось отдать без боя. На него надвигались казаки-большевики, поэтому можно было надеяться, что он не будет подвергнут потоку и разграблению. Но нам, мужчинам, близко стоявшим к организации Добровольческой армии, нельзя было оставаться. Как ни жутко было расставаться с семьей и покидать ее на полную неизвестность, но выбирать не приходилось. Однако в обдумывании всевозможных планов и способов бегства уходило время. Кажется, в ночь на пятницу 9 февраля Добровольческая армия выступила из Ростова на Аксай¹⁷⁰. Струве и Александра Николаевна хотели присоединиться к Добровольческой армии в Аксае и поехали в субботу вечером на вокзал. Но там был полный хаос, и утром они вернулись домой, проведя всю ночь на вокзале и ничего не добившись. Мне казалось, что мы, штатские люди, можем быть только обузой в Добровольческой армии при ее отступлении. В наших услугах она не могла нуждаться, и в бойцы мы не годились. Надо было просто ехать в Москву. Утром 11 февраля моя сестра В. Н. Лермонтова отправилась на базар и подрядилась с казаками, которые возвращались домой с пустыми санями-дровнями, продав муку, чтобы они нас повезли за Дон к себе на хутор; оттуда мы должны были тем или иным путем пробраться на железную дорогу и ехать в Москву. Муравьев решил переждать, чтобы выехать прямо по железной дороге в Москву, ко-

гда придут большевики и восстановится движение. Ехать решили П. Б. Струве, Н. С. Арсеньев и я с сыном Костей, которого я боялся оставить без себя, тем более что ему нужно было сдать экзамен в Москве за шестой класс, а в Новочеркасске ему было опасно оставаться: большевики всюду искали «кадет» и всех, кого подозревали в участии в войне, беспощадно истребляли.

Мы выехали, кажется, в 1 час дня из города, сначала уместившись все вчетвером на одних санях. Потом нагнали другие порожние сани, в которых правил двоюродный брат-односельчанин нашего казака, и разместились шире. В шестом часу вечера мы были на станции Багаевской, если не ошибаюсь, в 29 верстах¹ от Новочеркасска, по ту сторону Дона. Пока мы сидели в хате, давая лошадям отдохнуть, мы узнали, что большевиков ожидают с минуты на минуту, и, действительно, через час они уже заняли мост через Дон. Опоздай мы на один час, и нас бы не пропустили. Двинувшись в путь дальше, мы ночевали на каком-то постоялом дворе. На следующий день мы приближались к хутору Трехъярусному, где жили наши возницы. На этот хутор нельзя было попасть, не проехав через большую слободу Орловскую, населенную иногородними. Нас остановили на краю слободы, которую мы уже почти проехали, какие-то вооруженные люди и потребовали произвести обыск, не найдется ли на нас оружия. Тут мы узнали, что отражения событий уже воздействовали во всей этой местности. Всюду образовались военно-революционные комитеты и были посланы люди завязать отношения с большевиками. На этом решении сошлись как беспокойные элементы, местные большевики, так и люди, которые хотели скорее забежать перед новым порядком и дать новой власти доказательства своей политической благонадежности.

Обыск в Орловке был только предвестником нового настроения, с которым нам скоро пришлось близко познакомиться. Мы остановились в хате нашего возницы, богатого казака. У него были живы старики родители, которые вместе с ним жили. Были они старообрядцы-беспоповцы. В красном углу висели прекрасные старинные образа, которыми я долго любовался. Старик когда-то служил в гвардии. У него висели портреты всей царской семьи, и он и не думал их снимать. Всюду и впоследствии во время нашего путешествия по Донской области мы наталкивались на глубокую разницу между двумя поколениями: старики казаки — убежденные монархисты, религиозные и твердые люди. Второе поколение — сыновья от 25 до 35 лет — сельские буржуи, сложившиеся в обстановке безвременья, шкурники, оппортунисты. Старики

---

¹ Несколько больше — 37,5 км (ок. 35 верст).

негодовали на разруху, которая творилась, на то, что все это попускалось, на ослабление дисциплины и власти. Сыновья не были расположены ничем рисковать и только старались приглядеться вернее — где сила, чтобы суметь вовремя переметнуться на ее сторону. Настоящих большевиков было совсем мало, но большинство, как только почувствовало, что Новочеркасск будет сдан, спешили принять на себя защитный цвет большевизма. Наш возница оказался в неприятном положении. Он сам пригласил нас к себе, брался везти дальше, но все эти уговоры происходили, когда еще не выяснилась новая атмосфера. Теперь, когда он привез нас к себе, он сразу почувствовал тяжесть нашего пребывания. Как большинство зажиточных казаков, он промышлял спекуляцией на муке. Покупал по дешевой, сравнительно, цене муку на месте (в то время, рублей 7–8 на месте за пуд) и перепродавал в Новочеркасске за 24 рубля. Конечно, он возбуждал зависть тех односельчан, которые не имели достаточно денег для торгового оборота. — В самый день нашего приезда у его хаты стали собираться люди, громко ругавшие нашего хозяина за то, что он спекулянт и возит буржуев, которые спасаются из города. Вечером ввалился в хату весь хутор с только что образовавшимся военно-революционным комитетом. Нас подвергли самому мелочному обыску, снимали носки. Я вез 1000 франков золотом. Они были заложены в калошах, надетых на башмаки, в виде бумаги, которая кладется в носок слишком просторных калош. Мне пришлось отгибать калоши, не снимая их, и по счастью золото осталось незамеченным. Его находка могла бы оказаться для нас фатальной. У нас искали оружия и денег. Надеялись их много найти и очень разочаровались, найдя на каждом не более 1500 рублей. Для казаков это были такие пустяки, что они не тронули ни копейки. Я ехал с фальшивым документом, на имя конторщика, гражданина Терентьева. Документ был написан рукою Струве. Он остановил на себе внимание обыскивающих: почему написано — гражданин, а не сказано, как обычно в паспортах, — мещанин такой-то губернии и города. В спор вмешался бывший староста. Он сказал: «На что вы смотрите? Если б ученым людям нужен был паспорт, так они его как следует бы написали; а это, сейчас видно, наш брат, безграмотный писарь написал. Это, скорее, верный паспорт». Стали меня расспрашивать, чем я занимаюсь. Я стал врать, что хотел промышлять тем, чтобы на Дон возить ситец, а оттуда посылать в Москву муку. С трудом отделался от вопросов, почему теперь ситец в Москве. Крайне подозрительно отнеслись к Арсеньеву. Его почему-то приняли за жида. Тщетно мы уверяли, что он из самой православной семьи, что у него два дяди — священники. Наш возница вступился за него, сказав, что Арсеньев всю дорогу рассказывал ему жития святых и ангелов. — «Это они умеют», — заметил председатель ко-

митета. Это был самый злостный из всех допрашивающих. Характерно было, что они прицепились к Арсеньеву, как жиду. В сущности, эта толпа могла одинаково и в еще большей степени проявить активность, если б торжествовало самое черносотенное начало. Это были подлинно «взбунтовавшиеся рабы». Самый критический момент наступил, когда, обыскивая бумаги у Арсеньева, председатель напал на одну, лежавшую отдельно, и, сказав: «А! эту, верно, забыли спрятать», передал одному из членов комитета, молчаливо участвовавшему в обыске. Тот развернул ее и стал читать про себя, и — о ужас!, взглянув через его плечо, я увидел, что то был гимн Добровольческой армии, составленный самим Арсеньевым. Казалось, все пропало. Член комитета долго со вниманием и видимым интересом читал бумагу, потом сложил ее вчетверо и молча вернул Арсеньеву. Когда очередь дошла до П. Б. Струве, председатель прочел по складам его паспорт, в котором значилось, что Струве — профессор Политехнического института; прочитав слово «политехнический», председатель многозначительно перемигнулся с одним из членов и сказал: «Иван, Семеныч, это мы особо разберем».

С нами была целая кипа писем, впрочем, самого невинного содержания. Через несколько времени из соседней комнаты вышел член комитета, которому поручено было просмотреть эти письма. С видом человека, поймавшего нас с поличным, он потребовал, чтобы мы предъявили «наши планы». — «Какие планы?» — «Нам все известно, в одном письме прямо говорится, что у вас есть планы». — Попросили показать письмо. В нем был вопрос о разных предложениях, как провести лето, и, между прочим, спрашивалось: «Какие ваши планы?» Тщетно мы старались объяснить, в чем дело, от нас требовали «плантов». Со мною была карта Донской области. Я полез в пальто, чтобы ее показать, но выручила баба, которую мы подвезли. Она подтвердила, что видела своими глазами, как из этого кармана в дороге выпала бумага, но решила, что бумага — плевое дело, и на это не стоит обращать внимания. Только тогда наши допросчики успокоились.

Перевернув все вверх дном в наших чемоданах, члены комитета ушли. Мы могли лечь спать. Мы было надеялись, что дело кончится, но весь следующий день прошел в полной неизвестности. Нас не за что было арестовывать, но не решались и выпускать. Весь день к хате подходили люди, ругавшие нашего хозяина, по нашему адресу отпускались весьма недвусмысленные угрозы. Настроение, видимо, только еще начинало сгущаться. Наши хозяева не прочь были выбросить нас со всеми пожитками на улицу. Мы просидели этот день в самом скверном томительном ожидании. К вечеру оба наши возницы, посоветовавшись, решили, что ни для нас, ни для них дальнейшее наше пребывание не сулит ничего доб-

рого. Они решились вывезти нас ночью обходными путями, минуя мост через реку Сал, ведущий в слободу Орловскую. Начиналась уже оттепель, и мы с некоторым риском переправились по льду через реку.

Раньше мы предлагали держать путь на юг на станцию Зимовники, чтобы подняться к Царицыну. Наши возницы убедили нас переменить направление и ехать в направлении к станции Константиновской. Рядом с ней был хутор, где жил отец одного из них. Из Константиновской можно было держать путь на север на железную дорогу Лихая — Царицын.

Мы доехали благополучно до хутора, но едва успели выпить чашку чая у нового нашего знакомого, как его хата заполнилась вооруженными людьми, которые пришли за нами, и повели нас в комитет. Последний помещался в здании училища. Две просторных классных комнаты, между которыми растворены были двери, были переполнены народом. Стоял такой галдеж, что ничего нельзя было расслышать. Нам объяснили, что судят четверых офицеров и что нами займется потом. Вина офицеров заключалась только в том, что они были офицеры и куда-то ехали. Из толпы выделялись яростные крикуны, требовавшие, чтобы офицеры были убиты. Рядом с нами стояла молодая женщина, возбужденно сочувствовавшая этим требованиям. Я с ней заговорил, спросил ее, что ей сделали эти офицеры, в чем их вина. Она мне ответила, что вообще все несчастия от «кадет»; так звали в то время всех, кто боролся с большевиками, — и бойцов, и буржуев. В понятии простонародья под этим словом объединялись настоящие кадеты (ученики) и члены к[онституционно-]д[емократической] партии, которая на митингах обычно противопоставлялась социалистам¹. Я начал возражать, и, к удивлению моему, очень скоро она со мною вполне согласилась, и озлобленное волнение ее сменилось участием к невинным людям, которых ни за что, ни про что хотели убить.

Все, что мы видели, складывалось в картину беспросветной темноты. На что только ни способна толпа темного люда под влиянием беспричинного возбуждения, которое потом с трудом может объяснить каждый из участников, охваченных общим настроением.

Толпа шумела, гудела, офицеры пробовали говорить, их прерывали криками. В конце концов, дело так ничем и не кончилось. Самая опасная минута прошла, самосуд не состоялся. Нас увели обратно в хату, приставили караульных, потом днем произвели такой же малоуспешный обыск, как и первый. Здешний комитет также мало знал, как с нами

¹ После Февральской революции кадетская партия осталась единственной несоциалистической партией в России; все, кто были правее, вынуждены были прекратить деятельность, многие правые поступали в ряды кадет. — *Примеч. автора.*

поступить. В конце концов, решили отправить нас под конвоем в военно-революционный комитет в станицу Константиновскую. В бумаге, при коей нас препровождали, значилось, что во время обыска ни оружия, ни чего-либо предосудительного найдено не было, но что, так как мы — буржуи, едушие из Новочеркасска, где укрывались под крылом самоубийцы Каледина, то с нами надо поступать по усмотрению, а по сему нас и препровождают в главный комитет всего округа.

Мы столько натерпелись от предыдущих обысков и задержаний, что сами хотели, чтобы так иди иначе поскорее решилось наше дело, хотя ничего не ждали для себя доброго от главного комитета. Хутор отстоял верстах в девяти от станицы, в которую мы прибыли уже в темноту. Константиновская — маленький городок на косогоре над Доном.

Мы оставили свои вещи на хуторе, чтобы не подвергаться новому обыску. По дороге те, кто встречался с нашими санями, окруженными конвойными, не отказывали себе в удовольствии отпускать на наш счет отборные ругательства, очевидно давая тем самым доказательство собственной благонадежности. Часов в восемь вечера нас доставили в комитет, помещавшийся в местном клубе.

Нас встретил председатель, в тужурке защитного цвета, без погон, очевидно бывший офицер или чиновник. Прочитав бумагу, он спросил, в порядке ли наши документы, взглянул на один из них и сказал, что, раз все в порядке и ничего предосудительного на нас не было найдено, то мы свободны. Наши конвойные хотели нас покинуть, исполнив свое поручение; они, конечно, совсем изменили тон, увидев, как обходится с нами начальство, но тут я потребовал, чтобы они нас дождались и сопровождали нас назад, уже в качестве охраны. Председателя мы просили выдать нам пропуск с печатью, чтобы нас не подвергали новым арестам и обыскам. Он просил подождать, пока придет секретарь Военно-революционного комитета, у которого была печать. Скоро началось заседание комитета. Мы поместились в той же комнате; после нескольких дней нервного томительного мыкания и ожидания всяких гадостей, то, что нам пришлось услышать, казалось чем-то фантастическим и невероятным. Это был не большевицкий комитет, а собрание, наминавшее Партию мирного обновления¹⁷¹.

В заседании обсуждались меры к скорейшему успокоению населения и водворению законности и порядка. Докладывали о том, что у такой то почтенной старушки Марфы Петровны был произведен самочинный обыск, при котором пропало 90 рублей. Члены комитета выражали при этом свое возмущение, и требовали привлечь к ответственности виновника этого обыска. Постановили его арестовать. Потом встал один из членов, явно офицер, и заявил, что комитет третьего дня пору-

чил ему обыскать всех офицеров в городе и отобрать у них оружие. — «Я все-таки не решился привести в исполнение такую крутую меру и предлагаю комитету пересмотреть свое решение. Не лучше ли просто отпечатать объявление, в котором будет предложено г.г. офицерам в трехдневный срок предъявить свое оружие? После этого можно будет отбирать оружие у тех, кто его еще не предъявил». Присутствовавшие поспешили согласиться с докладчиком.

Было очень неожиданно слышать такие речи. Ясно было, что и в главной станице произошло то же самое, что в хуторах. Видя неизбежность утверждения большевиков, местные люди решили сами перекреститься в большевиков, образовать местные военно-революционные комитеты и тем предотвратить опасность вторжения извне настоящих большевиков. На первых порах это им как будто удалось, но только на первых порах. Когда пришли настоящие большевики, то они, конечно, не удовлетворились такой переменной костюма и не отказались ради «законности» от обычных им приемов грабежа и насилия. Это было для них существом дела, а к форме они относились с нескрываемым презрением. К счастью для нас, все это произошло позднее, а в то время как мы попали в Константиновскую, никто не оспаривал власти военно-революционного комитета.

Становилось поздно. Я подошел к председателю и просил, если можно, ускорить выдачу нам пропуска. Секретаря еще не было. Председатель распорядился послать за ним, а комитету предложил, чтобы он от себя сделал выговор секретарю за небрежное исполнение своих обязанностей.

Мы вернулись на хутор, а на следующий день выехали на север. В дороге наступила полная оттепель. Из Константиновской мы выехали на санях, но через какие-нибудь 15 верст нам пришлось бросить сани и переменить их на подводу. Стояла чудная весенняя погода. Ручьи бороздили поля во всех направлениях. Вся земля струилась, и воздух был насыщен теплым паром, жаворонок высоко и прямо, как свеча, взвивался над полем, заводя свою звонкую, веселую песнь. Мы прибыли без особых приключений на станцию Тацинская железной дороги Лихая — Царицын, и оттуда мы выехали на Царицын. Ехали, конечно, в вагоне 4-го класса¹⁷² весь путь вплоть до Москвы. При первом же перегоне наш поезд ночью столкнулся с другим поездом, шедшим ему навстречу. Как это могло произойти — по вине ли стрелочника или иначе, — не знаю, но особых последствий, кроме задержки в пути, от этого не произошло. Поезда шли так тихо, что столкновение конечно можно было предотвратить, но разруха на железных дорогах была полная. Паровозы ударились один о другой очень слабо, вероятно в последнюю минуту, машинисты

дали задний ход, и, сделав «бушки-барашки», поезда отошли один от другого.

Из Царицына мы поехали на Грязи. Вокзал был переполнен, поезда были редки. Поэтому мы, по совету некоторых пассажиров, поехали на Елец, откуда легче было попасть в Москву. Нам говорили, что в Москву требуется особый пропуск; на самом деле его никто не спрашивал, и билет нам выдали без труда.

В вагонах 4-го класса было грязно и душно, было обилие насекомых. Зато было необыкновенно интересно. Круглые сутки шел несмолкаемый разговор. События заставляли все мозги работать, пробудили жажду делиться своими впечатлениями и формулировать выводы. Хотя по облику мы, конечно, отличались от простого народа, заполнявшего вагон, но наше присутствие не стесняло никого в выражении мнений. В этом сказывались последствия пережитого. «Барин» перестал существовать для мужика, как человек, которого нужно опасаться и которому нельзя доверять. Поэтому как к нам относились в вагоне, мы могли судить о разнице настроения на юге и на севере. До Царицына мы ехали в атмосфере большевицкого подъема. Произносились соответствующие речи. К себе мы чувствовали скорее враждебное отношение. От Царицына чувствовалась уже смена настроения, и, чем дальше мы продвигались на север, тем резче и определеннее все едущие были настроены явно против большевиков. К нам, людям образованным, другого круга, относились с вниманием, уступали место; все смолкали, когда мы начинали говорить. Какие только темы не затрагивались! Из почти недельного путешествия в вагоне я вынес впечатлений больше, чем иной раз за несколько месяцев. Теперь, конечно, многое не так уже ярко осталось в памяти, но некоторые встречи и разговоры так меня поразили, что я их не забыл.

С нами из Царицына шел молодой, бойкий малый, рабочий. Он, видимо, пережил уже эпоху безраздельного увлечения большевизмом, видел его отрицательные стороны, но ему не хотелось расстаться с мечтой, что народ может сам устроить свою жизнь по-новому и хорошему. Грехи большевизма он объяснял новизною дела и верил, что все может исправиться. Большинство было скептически настроено, сознавало, что из попыток самим устроиться ничего не вышло. Были люди, потерявшие веру в то, что вообще что-нибудь образуется, потому что и от прошлого у них накопилось столько горечи, что они не могли желать его возвращения. Рядом со мной сидел уже пожилой мужик с большой окладистой бородой, небогато одетый, но его соседи относились к нему с уважением и звали его «Василий Павлыч». Молодой рабочий с увлечением говорил о свободе, о равенстве, о том, что, в конце концов, воцарит-

ся справедливость. Василий Павлыч слушал эти речи; когда рабочий замолк, он сказал: «И все то ты твердишь с чужих слов, а сам ничему не образован. Говоришь о свободе, а читал ты, что сказано в Писании: “истина сделает вас свободными”. А какая у большевиков может быть свобода, когда все у них построено на лжи, а не на истине! — Вот то же и на счет равенства. Ну, скажем, нас с тобой сравняют; и у тебя все возьмут, и у меня. Но ты — дурак, а я — умный человек. Какое же между нами может быть равенство? Завтра же на мне штаны будут, а на тебе — ничего. Вот тебе и равенство». Молодой смешался и не нашелся, что ответить. Мы разговорились с Василием Павловичем. Не веря ни в какие утопии, он отлично понимал, отчего масса так кинулась им навстречу. Слишком много горечи накопилось от прошлого. Он рассказал при этом свою собственную жизнь. «Самое замечательное событие в моей жизни случилось, когда мне было девять лет, — так начал он. — Я шел по дороге и вдруг вижу, что-то лежит. Нагнулся и поднял. Это была книжка в бандероли, крест на крест. Тогда то я этого, конечно, не знал, но я одно понял: что тут знаками обозначено то, что можно прочесть, если научиться грамоте. Это меня всего перевернуло. Я взял бандероль и спрятал, как самую драгоценную для меня вещь, и дал себе зарок, что я выучусь читать и тогда прежде всего прочту, что в этой бандероли сказано. Бог мне помог. Я просил своего дядю, грамотного, учить меня читать. Старался я, что было сил. Выучился читать и первым делом достал бандероль, что было в ней напечатано, я, конечно, не мог понять, как следует, но уже одно то, что я мог прочесть, доставило мне такую радость, какой раньше никогда не чувствовал. Мне было ясно, что для того чтобы понять, что пишут, надо еще учиться. И во мне загорелась жажда найти свет. Каких трудов мне стоило уговорить своих родителей отдать меня в школу, этого не перескажешь. Все-таки удалось их уговорить. Я только и жил тем, чтобы поскорее и получше всему обучиться. Вначале был хороший учитель. Он видел, как я стараюсь и какие успехи делаю, и хотел после школы вести меня дальше — в уездное училище. На грех его сменили. Его место заступила учительница. Эта относилась ко мне совсем иначе. Когда я по вечерам в школе хотел читать, она не давала, говорила: “Зачем попусту керосин тратить?” Отец говорил, что грамоте не надо учиться, что от нее только пьянство идет. Словом, когда я школу кончил, мне не позволил поступать в уездное училище, а послал скотину сторожить, потом — в поле работать. Годы шли, для ученья срок был пропущен. Жизнь проходила в работе; потом я сам женился, стал хозяином. Но все деньги, какие мог, я тратил на книги и читал все, что попадалось под руку. Я много прочел, но чем становился старше, тем больше приходил к одному, что всем книгам книга — Священное Писание, что в нем вся правда

и что, чем больше ее читать, тем больше познаешь истину. Детей нам Бог не дал, и мы усыновили сироту мальчика. О нем я думал так: если Господь не сподобил меня просветиться так, как горело к этому сердце, то, по крайней мере, из этого мальчика я человека сделаю, пусть он получит все образование. Был я крестьянином Тамбовской губернии Темниковского уезда, а нас партия крестьян переселилась на Кавказ; думали там найти хорошую свободную землю. Тоже много мытарств приняли мы на себя с этим! Провел я мальчика на свои гроши в школу, потом отдал в училище. Кончил он училище, я хотел дальше его вести, а у самого денег уже не было. И вот я подал прошение попечителю Кавказского учебного округа и в этом прошении рассказал все, чем горела моя душа всю жизнь, и как я хочу своему сыну нареченному дать тот свет, которого сам искал. И что же, вы думаете, он мне ответил?» Василий Павлович с волнением и горечью махнул рукой. «На прошении написал резолюцию, что вы-мол добиваетесь правов и привилегий, а потому отказать». Видимо, воспоминание о том, как он искал поддержки у человека, от которого верил, что найдет ее, потому что от кого же еще ее было ждать, и как он горько разочаровался в этом, было самым тяжелым в жизни этого идеалиста. Он помолчал, а потом продолжал. «Что мог, я дал ему, и все-таки он вышел в люди, теперь стал помощником начальника станции. Потерял я свою жену, Бог ее взял к Себе. Не хотелось мне жениться вновь, брать другую на место покойницы, и у себя было оставаться одиноко. Сын мой женился, хорошая у него жена, и пригласили они меня у себя пожить. Я теперь у них гостил, а теперь уехал, что же я буду заедать чужую жизнь. Они — молодые, я — старик. Они — не так образованы, как я, другого круга. Пожил я у них, звали они меня совсем остаться, но я уехал. А теперь еду назад в свое село в Тамбовскую губернию, откуда уже много лет назад выехал, что там увижу, застану ли кого в живых из тех, кого знал, не знаю. Так-то, — заключил Василий Павлыч. — Каждому Господь определяет, что на его долю. И ропщем иногда, а того люди не понимают, что Господь испытывает каждого, и все мы грешны и друг за друга виноваты. Если б поняли это люди, не там бы искали правды, где ее ищут и не находят, не стали бы в насилии и злобе на чужой неправде строить свою неправду». И кончив свою повесть, Василий Павлыч перешел в другое отделение к землякам, которые звали его спать и обещали койку.

Думаю, что никогда я не забуду этой случайной встречи с простым, смиренным и мудрым Василием Павловичем. Сколько грехов темноты бедного невежественного люда простится ради таких праведников. Пусть их немного, но жив тот народ, в котором есть такие подлинно крепкие духом самородки.

Разговор не умолкал в вагоне. Кроме наболевшего вопроса о большевиках, большею частью затрагивались религиозные темы. Видно было, какую глубокую встряску переживает народ, сколько зародилось новых, мучительных запросов, сомнений, которые требовали разрешения. Крайние левые очевидно также учитывали пробуждение религиозных исканий и старались по-своему использовать это настроение. В одном углу слышался приподнятый фальшивый пафос какого-то полуинтеллигентного пропагандиста: «Я — анархист. Хотя я — неверующий, но я уважаю Христа, а что он сказал: если на дереве сухая ветвь, не приносящая плода, отсеките ее и бросьте в огонь. Слышите, что говорит Христос. А разве мы не так поступаем с буржуазией? Ведь она и есть сухая и бесплодная ветвь, а только из других берет соки. Значит, ее надо беспощадно уничтожать, бросать в огонь». Аргумент представляется неотразимым — или по своей убедительности, или по опасности возражать. Слышен был подобострастный, одобрительный смешок аудитории.

Уже ночь. На своей койке на третьем этаже я слышу молодой мужской голос, который говорит с убеждением: «А все-таки, хоть я в церковь хожу, а скажу, что попы много врут. Вот, например, на счет святых. Ведь в Киеве искрошили их большевики, а они за себя не заступились. Значит, какие же это святые? Николая угодника — это я понимаю, а других — это придумали попы на свою пользу». — «Дурак», отзывается откуда то ворчливый голос старухи. «А Христа-то ведь распяли; что же, по твоему, выходит; значит, он — не Бог?» — «Это Ваше слово, бабушка, у места», спешит согласиться мужской голос, видимо, обрадованный сам, что ему так просто разрешили недоумение. «Спи уж, чего там ночью брехать», и в вагоне на короткое время водворяется молчание, но, когда ни проснешься, слышишь то страстный шепот, то увлекающиеся громкие голоса. Не может заснуть Русь и найти себе покоя.

Подъезжая к Москве, возбуждение против большевиков растет. Входят все новые люди. Напротив меня усаживается сельский лавочник, с ним рядом — другой представитель деревенских верхов, видно, оба, побывавшие в городе, видали не одни деревенские виды. Говорят, что так дальше нельзя. «Либо — Николай, либо — Вильгельм, но хозяин нужен. Скоро простой народ поймет, что без образованных людей ему не прожить». — «Да и то сказать, — обращается ко мне лавочник, — пусть народ себя скотиной оказал, да ведь и вы, образованные люди, тоже виноваты. Ведь чему учили народ студенты: Бога нет, икон не нужно. Мужик думал, кому же верить, если не студенту, ему и книги в руки. Теперь, как плохо стало, так студент опять икону повесил, а мужик уже отвык, веру потерял. Теперь нелегко ее снова вернуть».

Почти все едущие с юга — мешочники¹⁷³, которые всякими правдами и неправдами привозят домой муку. Их рассказы полны подробностей о том, как всюду, где могут, красноармейцы отбирают хлеб у народа, творят насилия, разбой, как ежедневно льется кровь из-за куска хлеба и борьбы за существование. Местами происходят форменные сражения. Есть отряды матросов, вооруженных пулеметами, которые за крупное вознаграждение отстаивают поезд с мешочками против красноармейцев. Если им мало заплатит, то они, наоборот, предадут мужиков. В Москве я потом слышал, как незадолго до того пришел целый вагон с трупами мешочников.

Но вот и Москва. Мы боязливо выходим на вокзал, опасаясь проверки документов или пропусков. Ничуть не бывало. Мы свободно выходим со своими пожитками и каждый едет к своим. Мы с Костей — к сестре моей О. Н. [Трубецкой], в Большой Знаменский переулок, неподалеку от Храма Спасителя. 11 дней в дороге, но кажется, что мы давно уже выехали из Новочеркасска. Какая встреча с сестрой Ольгой! Она, конечно, нас не ждала, ничего о нас не знала и волновалась. Какое счастье снова быть в Москве, услышать звон колоколов, увидеть золотые купола; но скребет на душе мысль о своих, оставленных в Новочеркасске.

Мы тотчас отправились в баню. Наши пожитки и платье все вычистили, и все-таки на следующий день сестра Ольга нашла на себе весьма непривлекательное насекомое.

Сестра Ольга занимала небольшую квартирку. Поэтому никто на нее не польстился и ее не тревожили. У нее было положение художницы, которое давало ей некоторое право быть терпимой в большевистском строе. Это же фактически помогало ей жить: она выгодно продавала свои картины *intérieurs* старинных домов. Чем больше разрушали старину и быт, тем больше ценились хотя бы его изображения.

Большинство родных и знакомых должны были сильно сжаться в своих помещениях. Обыкновенно, с парадного хода было какое-нибудь учреждение или жил большевистский чин, а с черного хода, рядом с кухней, ютился хозяин. Дом Бутеневых на Поварской, в котором еще до большевиков поселились Авиновы, уцелел благодаря тому, что в нем поместили чистое учреждение Кооператопы, которым заведывал сам Авинов. Мой *beau-frère* Гагарин только что был выпущен из тюрьмы, где просидел два месяца. Мы были счастливы найти живыми и здоровыми старушек Ильиных — тетушек моей жены, но на них сильно отразилось недоедание.

Я нашел комнату напротив квартиры моей сестры, в квартире кн[язя] Д. Д. Урусова. Мы недолго остались в Москве. Делать там было нечего. Вместе с тем хотелось отдохнуть. Приехали мы 22-го февраля, а 8-го марта уехали к Осоргиным, в их имение Сергиевское¹⁷⁴, Калуж-

ской губернии. После донской весны мы попали в настоящую зиму, еще не предвещавшую весны. Стоял мороз и было много снега.

Мы прожили с Костей у Осоргиных ровно два месяца и наслаждались полным покоем, порой — иллюзией, что ничего не переменилось. Правда, земля и хозяйство были отобраны по распоряжению из центра. Свои крестьяне (восьми окружающих деревень) протестовали против этого, но, конечно, их протеста никто не принял к сведению. Мужики и бабы по-прежнему ежедневно приходили на барский двор, кто лечиться у барышень, кто за советом, а кто просто проведать господ. Отношения были самые патриархальные, которые могли образоваться только долгими годами совместной дружной жизни. Господам несли все, что могли. Хотя вся окрестность жила только мешочниками, — своим хлебом калужане никогда не могли прокормиться, — однако Осоргиным несли муку, сахар, керосин, холст и ни за что не соглашались брать за это деньги. «Прежде вы нас кормили, теперь мы вас должны кормить», — говорили крестьяне. Конечно только особой Божьей милости можно было приписать, что так долго мог сохраниться прежний уклад жизни. В значительной степени этому содействовало взаимное сближение на почве церкви. Вся осоргинская молодежь с малолетства пела на клиросе, отец был церковным старостой. Службы отправлялись с особым благолепием. Крестьяне очень любили это и знали, кому были этим обязаны. Особенно торжественно отправлялось богослужение Великим Постом и на Святой [неделе]. По субботам батюшка с дьяконом и своим сыном-псаломщиком приходили к Осоргиным и на дому служили всенощную. Это был настоящий праздник для всех. Видно было, как это любили и те, кто приходили, и все домашние. Старичок батюшка крестил всех детей, они выросли на его глазах; молодой дьякон с прекрасным голосом, посланный в Сергиевское в знак особого внимания к Осоргиным, был любитель церковной службы и пения. Все они были искренно преданы этой семье. Какой-то особой поэзией дышали эти всенощные в весенние вечера, когда наступали сумерки и еще не зажигалась единственная в доме большая лампа, потому что надо было беречь керосин. Собирались все домочадцы. Вся семья пела, кто-нибудь из них же читал шестопсалмие. Казалось, что благословение Божие почиет на этой патриархальной семье, уцелевшей чудесным обломком среди общей разрухи. Осоргины так сжились с своим Сергиевским, что их трудно было себе представить вне родной для них обстановки, с которой они сплелись глубокими корнями.

Но я хочу для будущего закрепить в памяти милые образы тех, кто жили в это время в Сергиевском. Глава семьи — муж моей сестры. Михаил Михайлович, был еще не стар, ему было 58 лет, но со смерти своего отца он чувствовал себя патриархом. Он отпустил себе непомерно

длинную бороду. Я дразнил его, что эта борода для него — эмблема. До 1905 года он служил, был губернатором. По характеру и убеждениям консерватор, он был, прежде всего, верующий и честный человек; с христианской точки зрения не признавал смертной казни ни в каком случае и после Манифеста 17 октября сказал, что то, что обещано, должно исполниться. Поэтому он вышел в отставку, как только Дурново, ставший министром внутренних дел, стал циркулярами отменять обещания Манифеста¹⁷⁵. С тех пор он поселился в деревне, где жил безвыездно. Неоднократно он делал попытки вернуться на службу, тосковал по привычному делу, но, может быть, на его же счастье, ему так и не удалось найти себе подходящего поста. За эти годы, проведенные в деревне, тихо и незаметно, он сделал конечно настоящего дела гораздо больше, чем мог бы совершить за то же время на какой-нибудь чиновничьей должности. Вся округа видела в нем и признавала безукоризненно чистого и хорошего человека. Он олицетворял тип идеального русского помещика-барина с русской православной душой. К нему шли из далеких деревень крестьяне за советом по самым сложным вопросам своего быта, и его решения принимали к исполнению. Своих близких крестьян он знал почти каждого, знал всю подноготную семейной жизни, следил за воспитанием и судьбою поколений, выросших на его глазах. Когда большевики отменили было Закон Божий в школах, ученики старшего класса Сергиевского училища обратились к нему с просьбой давать им уроки Закона Божия. Конечно, это не могло его не порадовать. Он обязал их, однако, брать по-прежнему уроки у батюшки, чтобы его не обидеть, а сам вел с ними беседы два раза в неделю, и надо было видеть, с какими милыми внимательными лицами все эти мальчики окружали и слушали его. — Неудивительно, что среди крестьян были люди, готовые пойти в огонь и в воду за Михаила Михайловича.

«Старик Мишан»¹, как я его звал, был необыкновенно доверчив, и не раз я пользовался его слабостью, когда был моложе, врал ему про себя всякие небылицы, а он все принимал к сердцу, журил меня и изводился. Я был моложе его на 13 лет. Его легко было заставить спорить, он говорил парадоксы, и я любил, когда он горячился.

Его жена, моя сестра, Елизавета Николаевна, была на восемь лет меня старше и в моем детстве научила меня грамоте. Она, как и моя мать, всю душу свою отдала детям. И отец и мать главное старание свое положили на то, чтобы воспитать своих детей в духе Церкви, и это им удалось вполне. Все вышли верующими не на показ, а глубоко, все с раннего детства пропитались красотой и благолепием богослужения в хра-

---

¹ В эмиграции отец Михаил (в 1931 г. он был рукоположен в сан диакона, а затем — священника). — Примеч. М. Г. Трубецкого.

ме, где начали петь, как только позволял то самый ранний возраст. Моя сестра была очень музыкальна, она восприняла в себя ту атмосферу музыки, в которой прошло ее детство в доме родителей, и в свою очередь передала это детям. Это восполнило недостатки культуры, которые были неизбежны при безвыездной жизни в деревне.

Два птенца в это время уже вылетели из родительского гнезда и каждый вил себе свое гнездышко; это была старшая дочь, Соня Лопухина, уехавшая с мужем в Тюмень от большевиков, хотя потом и туда проникли большевики и муж ее ни за что, ни про что отсидел два-три месяца в тюрьме. Второй сын Сережа, как я уже писал, женился на своей двоюродной сестре Соне Гагариной, и они жили под Новочеркасском, увлеченные своим счастьем, которое никем и ничем не могло быть смущено.

Оставался старший сын Миша. Он был страстный хозяин, потом с увлечением начал служить в калужском земстве. Война заставила его все бросить, он занимал разные нестроевые должности; революция вновь возвратила его в деревню. Вернувшись в родной дом, в свое Сергиевское, он не мог примириться с тем, что застал, с засильем поднявшейся повсюду волны «демократизации». Сергиевское было для него поругано, особенно со времени большевических порядков, когда во флигеле их громадного дома поместился местный комитет и все хозяйство было отобрано. Он чувствовал себя совершенно несчастным человеком, нигде не выходил из своей комнаты, не желая ни с кем встречаться. Это была простая, честная, женственно нежная натура, жившая жизнью сердца и чувства. На него жалко было смотреть, и сам он был счастлив, в конце концов, уехать в Москву, где нашел себе дело и заработок.

Совсем иначе воспринимал перемену обстановки его младший брат Георгий¹, совсем юный и казавшийся еще неоперившимся. Мише должно было минуть летом 31 год, а Георгию — 25 лет. Он успел кончить университет, на войне был в Конногренадерском полку, зарекомендовал себя храбростью и находчивостью. Маленького роста, почти безусый, он казался мальчиком, и к нему сохранилось отношение в семье, как к младшему. В противоположность Мише, Георгий старался как можно легче и веселее относиться к перемене обстановки и делал все возможное, чтобы облегчить своей семье переживаемые невзгоды. Бедный, любящий Миша и хотел и не был в состоянии совладать с собою, чтобы сделать то же. Георгию это давалось просто и легко. Весной он потребовал себе выделения трудовой нормы. Свои крестьяне и комитетчики, которые совестились господ и любили Георгия, были рады отрезать ему

¹ Его расстрел «в Соловках» описан А. И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ» (т. 1). — Примеч. М. Г. Трубецкого.

15 десятин лучшей земли, по его собственному выбору, оставили ему три лошади, две коровы, инвентарь, семена, словом, — все, что фактически он в состоянии был использовать своим трудом.

Георгий проводил весь день в поле — от зари до зари. Ему помогали бывшие служащие и его сестры. Умилительно было видеть, как просто и радостно отдались они непривычной работе и в ней умели находить неизведанное раньше удовлетворение. Георгия хватало при этом и на регентство в семейном церковном хоре, и на поездки по вечерам на тягу. Он был и простым рабочим и кучером своей семьи. Славный, тихий мальчик.

С ним работали его три сестры. Старшая после Сони — Ляна. Ей было 26 лет. Это было прелестное существо; про нее нельзя было сказать, чтобы она была красива, но в ней была та тихая прелесть, которую испытываешь порою в незатейливой, но обвеянной чем то милым и дорогим сердцу русской природе. Часто, глядя на нее, я думал, что она исполняет идеал женщины, начертанный апостолом Петром: «Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно перед Богом» (1 Петра, III, 3 и 4). Ляна могла быть и весела и оживлена. В ней порою загорался огонек, но никогда я не видел ни раньше, ни теперь, чтобы она когда-нибудь тяготилась тем, что молодость ее проходит в деревне, что годы ее безвозвратно уходят. Наоборот, ее никогда нельзя было лишней день удержать в Москве, когда она приезжала из Сергиевского, и никакой концерт, никакое развлечение не могло соблазнить ее, как только она начала думать, что ее ждут в Сергиевском родители и могут хоть день покоиться из-за ее опоздания. Как-то раз она мне сказала, что мечтает кончить жизнь в монастыре, и я не удивлюсь, если так и случится.

Следующая за Ляной, Мария, была похожа на нее только кротким нравом. Высокого роста, стройная, с яркими цветами румянца и чудных золотых волос, она совсем не сознавала себя красивой. В ней были силы, которым еще негде было развернуться и сознать себя, было несомненное дарование к живописи, но не хватало простора и художественного образования. Она была прелестна своей свежестью и голубиной чистотой.

Младшей Тоне минуло 17 лет. Маленькое личико, не красивое, но миловидное, и огромные глаза. Она была умненькая, живая, в ней все начинало бродить — и мысли, и чувства, и желания, но все ее считали еще маленькой.

Вся эта семья жила удивительно дружно, была спаяна крепкой любовью. Они так привыкли жить жизнью сердца и чувства, что, конечно, это выражалось иногда в повышенной чувствительности, над кото-

рой мы, приезжие, подтрунивали. Однако все, кто к ним приезжали, чувствовали себя в Сергиевском, как в душевной санатории.

Свое Сергиевское Осоргины любили так, как можно любить только близкое, родное существо, и особенно чутко ценили прелести природы и местоположения, которые действительно были прекрасны. Они были способны, когда время позволяло, проводить целые часы на обрыве, за парком, откуда на далеком просторе виднелась Ока, которая вся змеилась на поворотах, синяя и уходя вдаль.

«Старик Мишан» не любил «преломления» природы и обыкновенно торопил всех домой. Он признавал прогулки только в поле с хозяйственными целями и стыдился гулять без дела, как это делали мы, горожане, привыкшие относиться к деревне, как к дачному препровождению времени. Вечером, весной, наслушавшись соловьев, мы возвращались домой, в столовую, где шипел самовар. После чая вся семья играла в дурачки с жигулями. Родители горячились не меньше детей во время игры. Расходились рано, по-деревенскому, чтобы рано встать.

Иногда приезжали соседи Мамоновы. Они жили в нескольких верстах от Сергиевского, над самой Окой, в месте, еще более красивом, чем Сергиевское. Семья состояла из старушки Ольги Александровны, которая, несмотря на свои 85 лет, сохранила необыкновенную ясность и живость ума. Она была удивительно образована, перечитала массу книг на всех языках и всем живо интересовалась — и наукой, и искусством, и политикой. Ее дети — Софья Эммануиловна и Александр Эммануилович — были уже немолоды, каждому было за 50 лет. Они унаследовали от матери живость и культурность, но все-таки были, как говорится, «тех же щей, да пожиже влей». Оба были не без смешных для их возраста ужимок детской наивности и восхищались друг другом, за недостатком посторонних ценителей их детскости.

В эту весну мало выпадало влаги, и все с нетерпением ждали дождя. И вот, в один из приездов в Сергиевское Софьи Эммануиловны, небо покрылось тучами. Она заторопилась домой, но надежда оказалась призрачной, небо снова сделалось чистым. Софья Эммануиловна топнула ножкой на Господа Бога и, запустив глазок к небу, как капризный ребенок, воскликнула: «Отчего Ты такой недобрый? Зачем не даешь дождя?» — и тотчас обернулась, чтобы посмотреть, какое впечатление производит ее милая резвость. Но, увы, брата тут не было и никто не восторгнулся пятидесятилетним ребенком!

Семья Мамоновых была воспитана вне Церкви, и это было вечным предметом разговоров в Сергиевском и иногда и увещаний семьи Мамоновых, которые души не чаяли в Осоргиных, любили их, как близких родных, и признавали во многом авторитет родителей Осоргиных.

Жизнь шла обычным размеренным чередом в огромном доме, который построен был еще во время Пугачева генералом Каром. Последний так боялся разбойника, что построил дом, с виду похожий на крепость, и прорыл от него подземный ход до самой Оки.

Как во всех очень старых домах, в Сергиевском водились привидения, слышались порою странные стуки. Когда живы были старики Осоргины, родители Мишана¹⁷⁶, то в доме каждый месяц служили молебн и комнаты кропили святой водой, чтобы выгнать нечисть.

Каждое время года было связано с обычаями, которые свято соблюдались не только хозяевами, но и служащими и прислугой. Пока еще хозяйством владели господа, каждую весну, перед выгоном скота в поле, вся семья шла на скотный двор с вербами и выгоняли скотину. Перед началом пахоты закапывали просвиры и бутылочки со святой водой в землю. Все делалось с молитвой.

Когда комитеты отняли повсеместно хозяйство и та же участь постигла Сергиевское; несмотря на протест своих крестьян, — отец и старший сын лишились главного рычага, осмысливавшего их пребывание в деревне. Я уже говорил о том, как это было тяжело сыну. Нелегко это было и отцу. Он привык вечно о чем-нибудь хлопотать. По-прежнему издалека по дому доносилась его торопливая походка, причем всегда можно было определить, по какой комнате он шел, потому что в каждой комнате, на каждом полу был свой звук, знакомый привычному уху. Но эта ходьба происходила оттого, что не сиделось на месте, а ходить было не для чего. Впрочем, увлеченный общей трудовой повинностью, Мишан брал порою метлу и начинал подметать длинную аллею в саду. Тогда дети устремлялись к метле, вырывали ее у него из рук; они не хотели никак допустить, чтобы отец работал. Я, как всегда, его поддразнивал, и моя сестра помогала мне в этом, а Мишан накидывался на нас и говорил, что «все вы, Трубецкие, — патриции».

Сестра моя от вечных волнений и страхов за детей, особенно во время войны, была очень слаба. В начале весны ее обычно катали в кресле в саду ее дочери, но потом она настолько окрепла, что сама свободно доходила до обрыва. Хотя она была еще не стара, но у нее были совершенно белые волосы, которые, как ореол, окружали ее голову. Все дети наперерыв заботились о том, как ей избежать лишнего утомления и заботы. Но забота в материнском сердце всегда находилась; в это время ее больше всего беспокоило удрученное состояние сына Миши, который не находил себе ни применения, ни покоя.

Ежедневно перед ужином мы садились за карточный стол и играли в бридж, причем и отец и сын горячились страшно и играли с большим азартом. В это время Мария сидела в углу и рисовала чей-нибудь

портрет. Иногда моя сестра с Ляной играли в четыре руки Бетховена, Шумана или русских композиторов. Вся семья увлекалась Римским-Корсаковым.

Вести внешнего мира проникали лишь через газеты или, иногда, через приезжих из Калуги. Жили со дня на день надеждою, что еще через две-три недели или через месяц большевики будут изгнаны. Мишан не упускал случая, чтобы укорять народ за то, что они изменили царю и оттуда пошла вся разруха. Крестьяне любили, когда Михаил Михайлович их журил, и охотно приходили к нему выкладывать все свои заботы. После воскресной обедни обычно собиралось Братство св. Иулиании (Осоргиной)¹⁷⁷. Все члены семьи были братчиками и вместе с крестьянами обсуждали, кому и в каких размерах надо помочь. Так тихо, неторопливо шла жизнь.

Неужели я больше не увижу Сергиевского? — Я не могу с этим помириться. Не могут, не должны исчезнуть такие уголки русской жизни, обвеянные старозаветным, родным и крепким духом. Для скольких простых людей Сергиевское было светлым маяком, где они находили и нравственную и материальную поддержку. А сколько их друзей и знакомых, потерпев от жизненной бури, находили покой под гостеприимным кровом этой мирной обители. Утрата таких очагов, хотя бы они были малочисленны, а может быть, именно потому что их немного, была бы невознаградимой потерей для России, и только одно утешает, что не могут бесследно погибнуть добрые семена, которые долгие годы сеялись на благодатной почве, — «память их из рода в род».

Раз уже пришлось к слову, расскажу о том, как пришлось Осоргиным расстаться с Сергиевским. Большевики давно прислали из Калуги циркуляр о выселении всех помещиков из их усадеб. Крестьяне не решались даже сообщить об этом Осоргиным. Они продолжали мирно жить у себя. Большевики прислали летом отряд, чтобы взыскать с них контрибуцию. Так как Осоргин сказал, что он ни копейки не заплатит, то его арестовали и повели в волость. Тут крестьяне заволновались, потребовали, чтобы его освободили и, сторговавшись с комиссарами, которые требовали 20 000 рублей, внесли 1000 рублей и торжественно вернули Осоргина в усадьбу. Но долго это благополучие не длилось. Калужские большевики осенью категорически потребовали, выселения и дали три дня на размышление. Эти три дня Осоргины провели в посте и говении. Храм был полон молящихся. Когда они выехали на станцию, народ провожал их на всем пути. Крестьяне наняли им вагон, выгнали оттуда всех посторонних, поставили своих сторожей до самой Москвы. — Осоргины переехали в подмосковное имение Самариных Измалково, где еще можно было жить осенью 1918 года. Но вернусь к своему рассказу.

В середине марта в Сергиевское совершенно неожиданно приехала моя жена. Ей пришлось спешно бежать из Новочеркасска. От нее мы получили первые вести о том, что там происходило после нашего отъезда.

В город первым вошел Голубов, — тот самый, которого отпустил из под ареста [Митрофан] Богаевский на слово. Он ворвался в Круг, который продолжал заседать вместе с атаманом, арестовал генерала Назарова и председателя Круга Волошина. Оба были убиты. Назаров мужественно, как солдат, встретил смерть. Волошин упал, сраженный пулей. Его бросили, думая, что он умер. Истекая кровью, он дополз до какого-то домика, где просил встретившуюся ему женщину укрыть его. Вместо того, она его предала.

Вместе с Голубовым появились другие заправилы, которые на первых порах организовали террор. Уходя с Дона, Добровольческая армия не могла захватить с собой раненых. Их пришлось оставить, обеспечив их лишь деньгами. Конечно, легко раненные, вообще — все, кто мог хоть с грехом пополам встать с постели и уйти, ушли. Остались главным образом тяжело раненные и немногие застрявшие по каким-нибудь случайным причинам. Большевики врывались в госпитали, выволакивали раненых офицеров и юнкеров и расстреливали их. Так погибли десятки людей. Моя сестра В. Н. Лермонтова и моя жена делали все, что могли, чтобы спасти несчастных, покупали для них штатское платье, укрывали их, где могли. У нас на квартире перебывало несколько человек офицеров. В разгар расстрелов моя сестра отправилась в Атаманский дворец и настоятельно потребовала разговора с кем-нибудь из руководителей. Ей отказывали, но она стояла на своем, и ее принял один из комиссаров, товарищ Ермашов. При других он обошелся с ней грубо, но потом отвел ее к окну и там сказал скороговоркой: «Я такой же большевик, как Вы, и вошел в дело только для того, чтобы помочь, кому нужно. В чем дело?» Моя сестра спешно сказала про расстрелы и просила дать ей 70 пропусков и документов для лиц, список которых она ему доставит. Ермашов тотчас согласился. Мне рассказывала потом сестра, какое счастье она испытала, когда вдруг, так неожиданно, перед нею открылась возможность стольких спасти. Это было словно Светлый праздник. Конечно, сестра использовала широко поддержку Ермашова, который помог ей во многом. Сам этот Ермашов оказался бывшим мелким служащим Московской городской управы, из которой был в свое время удален по подозрению в том, что нечист на руку. Он записался в левые эсеры и таким образом прошел в состав высшего управления у большевиков. В Новочеркасске он имел наряду с другими главными большевиками особые личные полномочия, но ему приходилось действовать с большой осторожностью, чтобы не на-

влекать на себя подозрения. Ввиду этого он решил там не задерживаться и пробыл всего три-четыре дня после свидания с моей сестрой. Конечно, он не мог предотвратить эксцессов, грубых и бессмысленных. Так был убит ни за то, ни про что граф Василий Петрович Орлов-Денисов. Его сначала арестовали, потом выпустили. Когда он уже был выпущен на свободу, его схватили, увели в соседнюю рощу и расстреляли. Кто это сделал и для чего, так и осталось совершенно невыясненным. Это был человек, привлекательный своим благородством и честностью, он не занимался никакой политикой и не мог никому быть опасен.

После отъезда Ермашова сестра и моя жена продолжали свою деятельность. И вот, в один прекрасный день, очевидно по какому-то доносу, большевики принялись энергично разыскивать мою жену, чтобы ее арестовать. По счастью, они так не умели ни за что приняться, что не сообразили самого простого — навести справки, где ее квартира. Вместо того, они нагрянули на квартиру моей сестры Лермонтовой, произвели у нее обыск и требовали указать, где моя жена. На вопрос сестры, в чем провинилась моя жена, главный большевик торжественно ответил: «Вы отлично знаете. Этот человек сыграл роль Вендена во время франко-прусской войны». — Так мы до сих пор, по нашему невежеству, не знаем, кто такой был Венден и в чем ему уподобилась моя жена¹⁷⁸.

Пока шел обыск, сестра послала спешно предупредить мою жену об угрожавшей опасности, и она переехала к соседям. Большевики проискали весь следующий день, послали людей на вокзал проверить паспорта у отъезжающих женщин, но моя жена, переодевшись в пальто горничной и с фальшивым паспортом, благополучно проехала на север, прямо к Осоргиным, куда она знала, что я собираюсь.

Мы прожили в Сергиевском до 9 мая. Захватив зиму, провели таким образом всю весну, любовались разливом Оки, первым пробуждением природы и с большим сожалением уехали, когда все деревья уже распустились. Весна была поздняя и немного холодная, но вечера стояли дивные. Мы часто ездили на тягу и ежедневно ходили к обрыву.

Иногда приходилось ездить в Калугу, которая мне была дорога по воспоминаниям детства. Я обошел все родные места, был в Загородном саду, где мы прожили столько счастливых лет в старом губернаторском доме¹⁷⁹. Он был неказист, но его незадолго до того отремонтировали для помещения лазарета. Каждая комнатка, и уголок возбуждали во мне настоящее волнение, говорили, как живые, моему воспоминанию. Вот — стеклянный круглый тамбур у подъезда. Из передней — вход в залу-столовую. Оттуда налево — дверь на балкон, а направо — в гостиную, она же — кабинет моего отца. Рядом — комната моей матери, где я брал свои первые уроки и каждое утро входил со страхом, потому что в дет-

стве боялся своей матери. Через маленькую комнату, где жили экономка Елизавета Петровна и горничная моей матери Анна Сергеевна, — выход на темную, узкую лестницу наверх, где наше детское царство. Комната с покатым полом, где я спал с младшей сестрой и где, приставив деревянную лошадку к задней стене, я по отлоному полу скатывался до окон. А эти окна, откуда мы с сестрой смотрели на фейерверки в городском саду, выбегая ночью босыми ногами к окну, как только слышали разрыв первой ракеты. А вот угол, где висела темная икона Николая Угодника, и перед ней горела лампадка, а под ней — постель нашей няни Федосьи Степановны. Боже мой, неужели уже 30 лет прошло с тех пор, как мы выехали из Калуги! Неужто смолкли навсегда дорогие голоса, не откроется дверь и не войдет никто из близких. Ведь это было вчера, сегодня, а не 30 лет назад! Да, кто не испытал этого особого чувства, которое овладевает Вами, когда Вы посещаете места, где прожили счастливое детство! Как будто тени слетаются к Вам навстречу и оживляют стены и природу! И грустно и отрадно на душе!

Я оценил Калугу, то, мимо чего равнодушно проходил в детстве, — красоту и живописность города с мостом, перекинутым через лесистый овраг, прямо над Окой. Вот — присутственные места и площадь с Гостинным двором и рядами, куда мы так любили ходить в детстве покупать фрукты и всякие сладости по воскресеньям! Все эти постройки екатерининского времени. Много живописных церквей. Кое-где сохранились прекрасные дома начала XIX века, успевшие обратить на себя внимание любителей старины. В одном из них, знакомом мне с детства, доме Кологривова, я побывал. Дверь открыла мне старушка, которая тотчас узнала и назвала меня, хотя я уехал из Калуги двенадцатилетним мальчиком, а возвращался уже пожилым, потрепанным от невзгод человеком. Дом Кологривовых у Каменного моста — один из самых красивых остатков старины в Калуге. Удивительно сохранилась живопись на стенах и плафонах, чудные зеркала; прелестна сама архитектура комнат.

Кологривовы, сильно постаревшие, были очень милые, радушные люди. При стариках оставались два сына. Старший сын был за несколько лет до того убит на дуэли. Второму сыну Александру было лет 30. Он играл руководящую роль в противобольшевицкой организации в Калуге. Все старания спасти его из Бутырской тюрьмы оказались тщетны, и его расстреляли.

В Калуге, как и вообще в провинции, гнет большевиков сказывался в некоторых отношениях сильнее, чем в Москве. Власть захватили люди малообразованные и алчные. Во главе калужского Совета стоял какой-то латыш¹⁸⁰, который ежедневно проигрывал десятки тысяч рублей в карты и для покрытия своих долгов облагал буржуазию [поборами]. В качестве

частного «необязательного» мнения он высказывал, что женщины старше 45 лет подлежат уничтожению. Особенно рьяно подвизался некий д-р Образцов, бывший до революции членом Союза русского народа. Он грубо и с наслаждением производил всякие издевательства при обысках; например, залез к какой-то старушке, у которой заведомо не могло найтись ничего недозволенного, запускать грязную лапу в банки с вареньем, потому что на дне, будто бы, может оказаться золото, и потом обтирал руку о чистое белье, которое выворачивал из сундуков. Явно, что свинство, само по себе, доставляло ему удовольствие. Другой комиссар — по делам печати — реалист 6-го класса¹⁸¹, яростно ополчился на букву «Ђ» и твердый знак¹⁸² и объявил, что если обнаружит вывеску с этими контрреволюционными буквами, то конфискует все содержимое магазина. Поэтому на улицах Калуги было трудно разобрать, что написано на вывесках: купцы замарали не только старорежимные буквы, но на всякий случай и другие, в благонадежности коих сомневались. Тот же юный комиссар наложил штраф в 15 000 рублей на одного купца за то, что он вопреки обязательному постановлению не подписался в срок на большевицкий официоз в Калуге.

Странно было проезжать через Калугу, которая сохранила свой мирный, провинциальный вид, и думать, что вся она взбаламучена кучкой негодяев и мошенников, захвативших власть.

Я оставался в Калуге всего два дня, но видел, в каком нервном напряжении жили там «буржуи», каждый час ожидая очередного издевательства над собою.

Глава IV

Москва

В Москву я приехал по настойчивому приглашению моих друзей [из] Правого центра. Политическая обстановка за время моего бегства с Дона сложилась следующим образом. Отступление Добровольческой армии из Ростова совпало с прекращением мирных переговоров между немцами и большевиками и наступлением немцев. Победоносное шествие последних было остановлено капитуляцией большевицкого правительства и миром в Бресте¹⁸³. На Страстной неделе произошел переворот в Украине, провозглашение гетманом Скоропадского¹⁸⁴ и освобождение Новочеркасска и Ростова от большевиков¹⁸⁵. О своих мы ничего не знали и переживали за них тяжелое беспокойство. Будучи в Москве, мы решили пробиваться к ним.

Под влиянием происшедших событий, я застал в Москве в самом разгаре борьбу двух ориентаций — союзническую и германскую.

Наряду с ними существовало третье течение — «политики свободных рук», которое не исключало никаких путей к освобождению России, желало сохранить возможно большую свободу в выборе средств и хотело избежать слишком большой зависимости от иностранных влияний. Все три течения были представлены в Правом центре.

Политика союзников со времени большевицкого переворота в значительной степени охладила симпатии широких общественных кругов. Она была слабой и непоследовательной. Во Франции царило сильное возбуждение против России и русских, причем там не разбирались в том, кто у нас виноват в измене, и делали за нее ответственным весь народ.

Союзные представители в России обнаружили крайнюю растерянность. Лично они были запуганы большевиками и робко проявляли какую бы то ни было деятельность. Когда большевики вступили в переговоры с немцами, посольства покинули Петроград, но потом, уже на пути за границу, в Финляндии, они пересмотрели свое решение и повернули в Вологду. Когда большевики усвоили себе прием обструкции в переговорах с немцами и Троцкий стал говорить о возможности возобновления военных действий против них, союзники близоручко поверили в боевую способность большевицкой армии и начали сближаться с нею. Они готовы были поддерживать ее снабжением и инструкторами и негодовали на русское офицерство и буржуазию, обвиняя их в том, что они ставят классовые интересы выше общенациональных и потому продолжают обструкцию против большевиков. Такое грубое непонимание истинного положения вещей глубоко возмущало тех, кто надеялся именно в союзниках найти поддержку. Союзники восстанавливали против себя как раз те слои общества, которые до конца оставались им верны.

Брестский мир заставил союзников призадуматься, но между ними все же не было единодушия, и продолжалось упорное непонимание того, что совершалось в России. Американский президент Вильсон нашел своевременным прислать свой привет тому самому большевицкому съезду, который ратифицировал Брестский договор¹⁸⁶. Наши европейские союзники повернули в другую сторону, особенно со времени водворения в Москве германского дипломатического представителя графа Мирбаха и правильных отношений, установившихся между большевиками и немцами. Совершенно не разбираясь во внутреннем положении России и в ее деятелях, союзники одновременно ставили ставки на все карты, с расчетом, что авось одна из них выиграет. Но тем самым они подрывали доверие к себе со стороны всех серьезных деятелей, от которых не могла укрыться эта двойная игра. Шаткость политики союзников внушала сомнения в их реальной силе. Немцы в это время готови-

лись к решительному наступлению, которое, как казалось большинству, предвещало им успех. Мы были отделены глухой стеной от Европы, и с каждой из сторон не доходило правильного осведомления о том, что делалось у других.

Украинский переворот произвел повсеместно громадное впечатление. Германия открыто поддержала восстановление буржуазного строя в области, обнимавшей девять богатейших губерний России. Можно было, конечно, не без основания усматривать опасность для общенационального дела в этом утверждении самостоятельности, которая соответствовала началу расчленения России, проведенному немцами в Бресте. Но с другой стороны, восстановление порядка на Украине и на Дону, который также пользовался поддержкой немцев, было крайне существенно, ибо создавались территории, откуда могло пойти собирание русских сил для возрождения России.

Немцы уже давно, как только у них установились отношения с большевистским правительством, старались завязать связи и с представителями буржуазии. Вначале большинство ответственных политических деятелей проявляли к этим авансам, сдержанность. Сразу, по-видимому, откликнулись лишь крайне правые, мечтавшие восстановить самодержавие при помощи военной германской партии. Наши правые в данном случае оставались верны старой традиции своей партии, которая всегда стояла за сближение с Германией на почве общности консервативных принципов — монархического и социального. По рукам ходила записка покойного министра внутренних дел П. Н. Дурново, написанная им в феврале 1914 года, то есть за полгода до войны. Нельзя не признать, что автор проявил в ней замечательную прозорливость. Он не только предсказал неизбежность европейской войны как следствие группировки держав, но и всю международную обстановку ее, указал и на вероятность в этом случае поражения России и той неслыханной смуты, которая явится результатом этого поражения, и которая приведет к расчленению и укреплению всевозможных окраинных сепаратизмов¹⁸⁷.

Немцы выслушивали правых, но им хотелось завязать отношения с более умеренными элементами общества. Постепенно это начало им удаваться. Финансы и промышленность, которые в старое время имели сильное тяготение в сторону Германии, стали поддаваться германофильскому течению. Последнее начало охватывать и другие общественные слои, начали рассуждать так: на победу союзников едва ли возможно рассчитывать; кроме того, от них до сих пор мы не имели никакой поддержки. Не пора ли на них махнуть рукой и столкнуться с немцами, которые засели так прочно, что без них все равно ничего сделать нельзя? — Трудно отграничить те слои, которые захвачены были

германской организацией. В нее входила в значительной части крупная городская буржуазия, земельные собственники, часть военных, духовенства и профессиональных интеллигентских союзов. Кроме того, среди простого народа нередко можно было слышать выражения: нужен хозяин, — либо Николай, либо Вильгельм, все равно, но без хозяина не будет порядка. Были, разумеется, степени тяготения в германскую сторону, от крайнего увлечения до более трезвой и осторожной оценки.

Наряду с германской ориентацией продолжала существовать и союзническая. Как в сторону первой склонялись прежде всего консервативные и буржуазные элементы общества, так, наоборот, наибольшую верность союзникам проявили социалисты. Это было понятно, ибо союзники в той же мере олицетворяли принципы демократии, в какой с немцами многие связывали надежды на реставрацию. Рядом с Правым центром существовал Левый центр¹⁸⁸. В него вошли социалисты разных оттенков, стоявшие в оппозиции большевикам. К нему примыкали и отдельные кадеты. Между обоими центрами был установлен контакт для взаимного осведомления и, по возможности, согласования своих действий. Такой же контакт существовал у Правого центра и с правыми организациями. Весьма скоро для непредубежденных стало ясно, что если с правыми можно столкнуться, то эта задача едва ли осуществима по отношению к левым. Линия водораздела определенно проходила по грани, отделявшей либеральное печение от социалистического. Отдельные социалисты выказывали полное понимание общего положения, проявляли сговорчивость, но социалистические партии и группы не расставались с идеей народоправства и с старыми формулами, потерпевшими крушение во время революции.

Большинство кадетской партии было благоразумно настроено, но левое крыло этой партии неудержимо тяготело к левым. В числе таких неисправимых кадет был член Правого центра Н. И. Астров. Он принадлежал к коренной московской семье, хотя интеллигентского круга, однако набожной и церковной. Брат его Павел Иванович был адвокат и видный член Всероссийского собора. Николай Иванович выдвинулся на службе в Городской управе. По своему культурному уровню и опыту он не превышал типа местного городского деятеля-интеллигента и выдвинулся, как мне кажется, главным образом благодаря безлудью, а такие в силу того политического значения, которое выпало на долю московского городского самоуправления. Он был сладок до бесконечности, совсем — сливочная тянучка, но за этой сладостью скрывалась большая доза честолюбия и хитрости. Астров состоял в контактной группе, поддерживавшей связь с Левым центром, и не унывал, несмотря на неговорчивость левых.

Весною 1918 года совершенно неожиданно образовалось ядро Восточного фронта в Сибири. Как известно, чехословацкие части, находившиеся осенью в Киеве, после заключения мира большевиков с немцами, стали продвигаться на Владивосток, чтобы вернуться на родину. Непонятно почему, большевики, вместо того чтобы оказать им в этом деле полное содействие, стали их задерживать в пути. Озлобленные чехо-словаки оказали вооруженное сопротивление¹⁸⁹. Между ними и большевиками произошли настоящие сражения. Чехо-словаки без особого труда заняли часть железнодорожного пути и очищали от большевиков города, которые были у них на дороге. Тогда союзники решили использовать их силу для образования нового Восточного фронта и задержали их в пути.

В это время проживал в Париже В. А. Маклаков, назначенный послом в октябре 1917 года и приехавший туда почти накануне большевицкого переворота. Через французского консула в Москве он прислал телеграмму моему брату Евгению, указывая на то, что союзники решили помочь России и готовы содействовать образованию Восточного фронта, привлекая к деятельному участию в этом деле Японию, если эта идея встретит сочувствие и поддержку серьезных общественных кругов. По словам французского консула, его правительство ожидало со стороны Правого центра прямого обращения и просьбы о помощи, в каком случае можно рассчитывать, что и Америка согласится на вмешательство Японии в русские дела. Нас уверяли, что Япония не питает никаких захватных стремлений и готова удовольствоваться другими выгодами, которые предоставляют ей союзники.

Так, в общем, сложилась политическая обстановка к десятому мая, когда я приехал в Москву по вызову друзей. Борьба ориентаций создала натянутые отношения между сторонниками разных течений. Во главе бюро Правого центра стоял П. И. Новгородцев, который ставил своей задачей по возможности сглаживать противоречия и трения. Неофициально крупную роль играл А. В. Кривошеин. Он склонялся в сторону переговоров с немцами, но по свойству своего характера был крайне осторожен, избегая всего, что могло слишком связать и чем-либо компрометировать. Совершенно иначе себя держал В. И. Гурко. Это был способный, талантливый, но, безусловно, неуравновешенный человек, кидавшийся из одной крайности в другую. Когда в конце февраля мы вернулись с Дона, и П. Б. Струве первый заговорил о возможности, в силу обстоятельств, вступить в сношения с немцами, Гурко выступил ярким противником германской ориентации и стоял телом и душой за союзников. В начале мая он был неузнаваем: он утратил всякую веру в союзников и хотел, в буквальном смысле слова, броситься в объятия немцев. Члены Правого центра от кадетов — [Н. И.] Астров, [М. М.] Федоров,

[В. А.] Степанов — наоборот, стояли за безусловную верность союзникам и за подчинение тому плану освобождения России, который будет ими подсказан, — в данном случае, при помощи Восточного фронта. В сущности, весь Правый центр склонился к мысли о желательности, не связывая себя какими-либо обязательствами, осведомиться о том, возможно ли рассчитывать на содействие немцев изгнанию большевиков и воссозданию единой неделимой России. Осведомление должно было быть обставлено всеми возможными предосторожностями, так, чтобы немцы не могли нас потом шантажировать. Это щекотливое и деликатное поручение предполагалось возложить на меня.

На досуге, в Сергиевском, я успел много и с разных сторон обсудить положение. Вначале по приезде с Дона, мне также казалось, что нам не остается ничего иного, как попробовать договориться с немцами, считаясь с неустрашимым фактом присутствия военной германской силы в 24 часах от Москвы (в Орше¹⁹⁰). Украинский переворот подавал, как будто, надежду на возможность, если немцы не будут тому препятствовать, организовать на Украине русские силы для похода на Москву и освобождения России. Добровольческую армию на Дону постигла неудача именно вследствие того, что у нее не было заслона, за которым она могла бы спокойно формироваться, не подвергаясь в этой подготовительной стадии ударам врага. Все это говорило в пользу возможности договориться с немцами, если с их стороны мы встретили бы разумное отношение к идее воссоздания России. С разных сторон доходили вести, что в авторитетных военных кругах Германии полагают, что теперь, когда Россия выведена из строя и не может быть опасна в нынешней войне, пора примириться с элементами, способными к государственному строительству. Русский хаос и смута пугали благоразумную и дальновидную часть германского общественного мнения. Примирившись с Россией, немцы могли бы получить у нас экономические выгоды, которые с лихвой окупили бы сомнительные расчеты тех, кто стоял за расчленение России. При этом они могли бы обезопаситься с нашей стороны формальным обещанием, что Россия не будет помогать противникам Германии во время еще не кончившейся войны.

По всем этим соображениям я считал, что начать переговоры с немцами можно будет, если мы раньше уверимся в следующем: 1) что Германия поможет нам собрать на Украине русские силы, ибо освобождение Москвы и России могло быть сделано только самими русскими; 2) что Германия согласится на полный пересмотр Брестского договора и на восстановление единой России, не исключаящей широких местных автономий; наконец, 3) что Германия не будет оказывать никакого давления на установление независимого национального правительства

в Москве. Взамен этого условия, Россия могла обязаться соблюдать, при продолжении войны, строгий нейтралитет и предоставить Германии известные экономические выгоды. За политическую свободу и независимость можно было заплатить и дорожную цену в области экономической, — это было бы все равно неизбежно.

Соображения мои совпали с теми выводами, к которым пришли мои единомышленники в Москве и в Петербурге. Разница была в том, что для меня каждое из этих условий было *conditio sine qua non*¹, ни от одного из них я не считал возможным отступить; между тем большинство из тех, кто стояли на точке зрения желательности переговоров с немцами, заранее уже готовы были идти на уступки. Это были люди, которые так мрачно смотрели на положение, так разуверились в возможности для нас предпринять что-либо без посторонней помощи, что они готовы были всем пожертвовать, лишь бы немцы освободили нас от большевиков. К числу таких открытых германофилов принадлежал барон Розен, бывший посол в Вашингтоне, и его друг князь Алексей Дмитриевич Оболенский, переселившийся в Москву. У него часто собирались и беседовали на эту тему, и сообщались последние вести о настроении немцев. Так же приблизительно оценивал положение барон Б. Э. Нольде, способный, дельный и образованный юрист, знаток международного и государственного права, очень милый и хороший человек, определенно ставший на почву соглашения с Германией, как единственного выхода из положения.

Как я уже сказал, лично я также склонялся к мысли о возможности соглашения с Германией на известного рода определенных условиях, но ко времени приезда в Москву в мае месяце во мне сильно поколебалась надежда, что такое соглашение окажется фактически возможным.

Сомнения мои питались главным образом вестями, приходившими из Украины. Правительство Скоропадского очень скоро определилось, как чисто классовое — «панско-гетманское правительство». Помещики, состоятельные классы поддерживали его, но в деревнях царило сильнейшее возбуждение против него и против немцев. Немцы появились на Украине по зову Грушевского, Винниченко и К°, то есть самостийников, однако это не помешало врагам Скоропадского, хотя и явно против очевидности, упрекать его за то, что это, будто бы, он и его приспешники зазвали немцев на Украину. Большевизм был далеко не изжит в богатой украинской деревне. Мужики не успели еще всласть полакомиться за счет помещиков. А тут пришли немцы и Скоропадский, и не только стали восстанавливать права помещиков и взыскивать

¹ *Conditio sine qua non* (лат.) — неперемное условие, «то, без чего невозможно».

в их пользу за все, что было у них награблено, но и выколачивать у крестьян хлеб и всякую живность для вывоза в Германию. В России ошибочно думали, что немцы изобилуют товарами и заполняют ими по дешевым ценам всю Россию. Оказалось, наоборот, что немцы сами нуждаются во многом, например, в мануфактуре, мыле и других предметах. В самое короткое время они скупили все, что нашли в Киеве, и, разумеется, только подняли дороговизну жизни. На те деньги, которыми они расплачивались, купить ничего нельзя было. Все это усиливало раздражение в крестьянах. Большевики всячески муссировали эти отрицательные стороны германской политики на Украине и успели значительно охладить надежды, возлагавшиеся на них в Центральной России теми многочисленными крестьянами, которые думали, что либо Николай, либо Вильгельм, но хозяин нужен.

Помимо того, что правительство Скоропадского было классовым, оно было, кроме того, самостийным. Переворот, выдвинувший гетмана, был произведен при помощи русских помещиков и правых. Последние, будто бы, заручились формальным обещанием Скоропадского работать на объединение России. Ему приписывали слова, что он «положит Украину к ногам Его Величества». Но очень скоро Шульгин, который был нашим постоянным осведомителем из Киева, писал: «Какого Величества? — Русского или германского императора?»

Дело в том, что в Киеве среди самих немцев обнаружилось два течения; одно из них — среди военных и отчасти придворных германских кругов — очень скоро разочаровалось в самостийности Украины и стало поддерживать идею единой, неделимой России. Одному из главных германских генералов приписывали изречение, что Украина есть государство без настоящего языка, без настоящей национальности и без определенной территории. Нельзя было лучше определить всю искусственность такого государственного образования. При гетмане в качестве личного представителя императора Вильгельма состоял граф Ал[ь]венслебен, который открыто высказывался против самостийности Украины и давал понять, что ему хорошо известен взгляд его повелителя на этот вопрос, а что все прочие течения только терпят до поры до времени.

Между тем как военные, не стесняясь, говорили в этом смысле, германская дипломатия в лице графа Мумма выражалась совершенно иначе и покровительствовала сепаратизму Украины. Еще сильнее то же течение проводилось австрийцами. В Киев был послан пресловутый граф Форгач, один из непосредственных виновников европейской войны, автор ультиматума сербскому правительству, из-за которого и загорелся сырбор. Этот Форгач был искушен в политической интриге. В Киеве он почувствовал себя, как сыр в масле, и стал настойчиво проводить идею само-

стейности Украины. На пропаганду этой цели не щадились средства для поощрения печати и создания благоприятной обстановки вокруг гетмана. Сам Скоропадский был обыкновенный гвардейский офицер¹⁹¹, недалекий, но хитрый. Вино власти ударило ему в голову, и он стал поддерживать самостийность, которая укрепляла его престол. Пособником он нашел себе беспринципного московского адвоката Игоря Кистяковского, циника и совершенно неразборчивого на средства. В августе 1917 года в Москве, Кистяковский выступал сторонником Корнилова, осенью — деятельным работником в пользу возрождения России и помощи Добровольческой армии, а весной 1918 года, в Киеве, он уже говорил, что Россия — пустое место, преследовал русский язык и проявлял крайний украинский шовинизм. В таком же духе говорил председатель Совета министров, бывший земский деятель Лизогуб. И он и гетман, бывший свитский генерал русского императора, говорили о том, что Украина два века стонала под гнетом России. Все это так или иначе поощрялось немцами.

Получалась полная двусмыслица. Создавалось впечатление, что немцы ведут двойную игру: с одной стороны, поддерживают большевиков в Москве, украинцев в Киеве, а с другой — заигрывают с русскими государственными партиями, заманивая их миражем единой неделимой России¹⁹².

С этой неопределенностью следовало покончить и окончательно выяснить истинные намерения немцев, которые иногда оправдывали свою двусмысленную позицию тем, что с ними никто не желает разговаривать и что они поневоле должны поэтому поддерживать отношения далеко не с теми, на кого сами хотели бы опираться. Я полагал, что раньше чем обратиться к немцам следовало совершенно лояльно предупредить об этом союзников, объяснив им, что наши переговоры с немцами, в том случае, если они состоятся, не будут носить никакого опасного для союзников характера и что из них будет решительно исключен всякий элемент враждебности, ибо мы станем на ту точку зрения, что Россия бесповоротно вышла из войны и может соблюдать лишь строгий нейтралитет. Со мной согласились. От частных переговоров с немцами я уклонился, потому что не мог победить в себе недоверия к их результатам и неодолимого чувства, которое претило мне брать на себя эту роль. Я считал, что ее гораздо лучше выполнят те, кто больше, чем я, возлагали надежд на немцев и ждали только от них нашего избавления. Зато я взялся переговорить с французским генеральным консулом. Разговор этот состоялся, но ни к чему не привел. Тщетно я и другие два сочлена Правого центра развивали перед консулом условия, на которых мы считали возможным завязать отношения с немцами, считаясь с неустраняемым фактом, что без их согласия при данных условиях немыслима ни-

какая перемена положения в России; что для самых союзников может быть выгодно в конечном счете вывести Россию из состояния хаоса и быть уверенными, что правительство, которое образуется, не будет германофильским, а наоборот, поставит своей задачей оградить возможно полнее независимость России, — консул твердил одно: «Этого у нас не поймут, и всякое правительство, которое образуется при содействии Германии, не будет нами признано». На этом мы и расстались.

Выполняя поручение Правого центра о негласной разведке намерений немцев, президиум принял соответствующие меры. Некоторые члены его очень конфиденциально вступили в сношения с советником германской миссии, неким Рицлером. Все это приходилось делать с величайшей предосторожностью и конспиративностью. Французская агентура следила за германской миссией и ее сношениями, германская делала то же по отношению к французам. И те, и другие могли каждую данную минуту выдать результаты своих наблюдений большевикам, что, по-видимому, и делалось порою агентами обеих враждебных ориентаций. Было известно, что со всякого, переступающего порог германской миссии, французы ухитрялись на улице снимать фотографии. В силу этого было решено не называть участников переговоров даже в заседаниях Правого центра и сообщать лишь в самых общих чертах результаты этой предварительной разведки.

С моей точки зрения, она не представлялась особенно утешительной. Немцы охотно говорили о возможном содействии свержению большевиков, но отнюдь не шли на разговоры о немедленном восстановлении единой и неделимой России, представляя это дело будущему. Некоторые из сторонников соглашения с Германией во что бы то ни стало были готовы стать на эту точку зрения, но те, кто исходили из «политики свободных рук», в том числе мой брат Евгений, Д. М. Щепкин и я, отнюдь на это не соглашались.

Контакт с немцами установился, и от времени до времени наши делегаты с ними виделись. Особенно деятельно проявляли себя немцы-военные в Москве, которые совместно с нашими военными обсуждали планы переворота в Москве в кратчайший срок. Они чувствовали всю унижительность для Германии и своего императора политики поддержания отношений с бандой мошенников и разбойников.

Разговоры шли в том же духе, не двигаясь вперед. Обе стороны не хотели порывать их, но не могли сообщить друг другу никаких новых предложений. Тем временем произошел ряд событий, существенно изменивших обстановку.

Граф Мирбах поддерживал оживленные сношения с большевиками. Последние приписывали его санкции многие меры, которые при-

нимали, например, национализацию промышленности, запрещение продавать мануфактуру и другие товары. Было ли на то благословение немцев, — неизвестно, но во всяком случае было благосклонное попускательство целому ряду возмутительных фактов, например, арестам и расстрелу многих русских офицеров; немцы и не подумали вступить за них, ибо это было бы «вмешательством во внутренние дела».

Мирбаху пришлось недолго властвовать в Москве. Его убил левый эсер, еврей Блюмкин¹⁹³. В нездоровой атмосфере того времени убийство Мирбаха евреем приветствовалось многими, как признак пробуждения национального русского чувства. Все ждали, что сделают немцы, что скажет Вильгельм. Ждали чуть ли не в 24 часа оккупации Москвы. Но прошел день, другой, третий, неделя, и ничего не случилось. Немцы потребовали миллион золотом в вознаграждение семье убитого. Большевики воспользовались этим, чтобы наложить арест на золото и ювелиров и еще увеличить одиозность немцев. Германский поверенный в делах потребовал права ввести в Москву батальон германских солдат для охраны миссии¹⁹⁴, но большевики наотрез отказали и расклеили об этом плакаты по всему городу.

Это был самый тяжкий удар по престижу Германии. Было ясно, что она не в силах заставить большевиков уважать себя. Ряды сторонников германской ориентации сильно поубавились. К тому же в это время доходили раздутые слухи об успехах чехо-словаков и все взоры обратились в их сторону, ожидая с востока избавления.

Наконец, в середине июля разнесся слух, что Государь убит¹⁹⁵. Слух этот был сначала опровергнут, а потом официально подтвержден в советских газетах и официально оправдан как мера, на которую местный Екатеринбургский совет вынужден будто бы был пойти из соображений государственной необходимости¹⁹⁶. При этом советская печать открыто высказывала свое удовлетворение и в своих оценках сближала покойного государя с его родственниками среди европейских царствующих домов. Все это переполняло чашу. Продолжать отношения с правительством царевубийц Германия не могла безнаказанно и, если хотела перемены курса, она должна была, не обинуясь, это выявить.

Такого взгляда придерживалось большинство Правого центра. Тем более неожиданным был демонстративный уход из него кадетов. Степанов, Астров и Федоров заявили, что не могут далее оставаться в Правом центре, ибо считают недопустимой самую мысль о возможном соглашении с Германией, независимо от условий, на которых оно может состояться. Вместе с ними ушли П. Б. Струве и Белоруссов. Ушедшие образовали «Национальный центр»¹⁹⁷ с той же программой, какая была у Правого центра, но они вступили в более деятельное сотрудниче-

ство с Левым центром, из которого вскоре образовался «Союз Возрождения»¹⁹⁸. Раскол в Правом центре произошел по поводу необходимости ответить союзникам на их предложение о вмешательстве Японии.

Сторонники «политики свободных рук» относились отрицательно к этому вмешательству. Мы не верили, что Япония доведет его до конца. Мы думали, что она лишь воспользуется случаем, чтобы захватить наши территории и оставить за собой Приамурье, а к центру России не подойдет. Мы опасались тех ужасных результатов, которые могут произойти от повсеместного голода в России, когда она с запада будет сжата немцами, а с востока японцами, и когда линия фронта будет проходить посреди России. Кроме того, нас немало смущали лозунги, выкинутые чехословаками и теми центрами, которые возникали при их помощи. Чехословакам необходимо было содействие местных общественных элементов. Фактически, свергая большевиков, они нашли на местах эсеров, членов Учредительного собрания. Последние образовали в Самаре «Всероссийское правительство»¹⁹⁹ и считали себя источником всей власти в России. С их легкой руки, в армии, которая стала набираться, водворились «демократические» порядки, которые, в сущности, были отрицанием настоящего войска, скованного дисциплиной. В земельном вопросе самарское правительство стояло за закрепление фактических захватов, словом, — вносило не порядок и успокоение, а дезорганизацию. По всем этим причинам мы несочувственно относились к Восточному фронту. В то время мы надеялись на возможность разрешения русского кризиса внутренним переворотом. События показали, что это было ошибочным расчетом.

В Москве и других городах существовали тайные военные организации. До нас дошли вести о Добровольческой армии, о том, что она снова окрепла после героического похода, совершенного в невероятных условиях. На привлечение этих сил, на возможность собрать силы на Украине и на Дону, который также был освобожден, мы и стали рассчитывать.

В Москве появился посланец Добровольческой армии, генерал Казанович²⁰⁰. От него мы узнали, что Ставка Добровольческой армии находится в Тихорецкой, что после невероятного похода, во время которого был убит Корнилов, армия оправилась, получила подкрепления и в настоящее время бодро смотрит на предстоящие задачи. Казановича прислали Верховный руководитель армии ген[ерал] Алексеев и главнокомандующий ее, ген[ерал] Деникин, с поручением войти в связь с политическими организациями. Он вез с собою указы от обоих генералов. В этих указах были формулированы основные пункты программы Добровольческой армии. Принимая приказания начальства без рассуждения к исполнению, ген[ерал] Казанович ставил такие же

условия политическим партиям, указывая, что он не уполномочен вносить никаких изменений в полученный им наказ. В числе пунктов был решительный отказ командования Добровольческой армии вступать в какие бы то ни было переговоры с немцами. Кажется, одним из пунктов был созыв Учредительного собрания после освобождения России от большевиков.

Казанович бывал неоднократно в Правом центре еще до происшедшего в нем раскола. Впоследствии он ближе стал к Национальному центру, который столь же решительно отвергал возможность разговоров с немцами, но сам по себе это был весьма «квадратный» генерал. Он твердо держался буквы своей инструкции и не хотел слушать никаких доводов, если они не сходились с этой инструкцией. Впоследствии, когда я спрашивал в штабе в Екатеринодаре, почему на такого человека пал выбор, мне ответили, что им вообще трудно выбирать, а что Казанович заявил себя, как храбрый генерал во время похода.

Хотя заявления ген. Казановича оставляли мало надежды на возможность привлечь на нашу сторону Добровольческую армию, однако мы, т[о] е[сть] сторонники «политики свободных рук», которые обладали в направлении Правого центра, не видели другого лучшего выхода и способа разрешения русского кризиса. Ждать избавления от немцев и принять германскую ориентацию безо всяких условий мы считали невозможным; равным образом, мы отвергали возможность отдаться союзной ориентации без оглядки и призывать к себе Японию на помощь. Единственное приемлемое для нас решение было освобождение Москвы и России русскими силами. Эти силы надо было искать за рубежом Совдепии, — на Украине, на Дону и в Добровольческой армии. Нам нужно было лишь техническое содействие Германии для доставления этих сил в Москву; только на этой почве мы и признавали возможным договориться с немцами, настаивая на условиях, о которых я уже упоминал.

Было признано необходимым послать членов Центра в Киев, Новочеркасск и в Ставку Добровольческой армии. Я предложил свои услуги, ибо уже давно собирался пробраться с женой и сыном к остальным детям, о которых до нас дошли вести, что они живут в Персиановке, дачной местности под Новочеркасском. Их взяла на свое попечение вдова расстрелянного Орлова-Денисова, у которой было три сына приблизительно того же возраста²⁰¹, что и мои сыновья.

Больше месяца прошло в хлопотах, чтобы устроить возможность выезда из Москвы. Требовалось разрешение различных большевистских учреждений, начиная с Центроплана и кончая Комиссариатом по иностранным делам. Без этого разрешения нельзя было получить

визы от германского генерального консульства на въезд в Украину. Между тем мне было рискованно испрашивать разрешение от Комиссариата по иностранным делам, где меня могли арестовать как саботажника, тем более что мое пребывание при Добровольческой армии могло быть известным большевикам. В это время мы узнали, что мою жену разыскивают по обвинению в посылке Добровольческой армии белья и платья еще до первой поездки нашей на Дон осенью 1917 года. Об этом было напечатано в советских «Известиях», но мы узнали об этом две недели спустя; розыск у большевиков был случайный и плохо организованный.

Приходилось снова прибегать к фальшивым паспортам. В это время в Москве так же неожиданно, как и мы, появилась моя сестра В. Н. Лермонтова. Ей тоже пришлось бежать из Новочеркасска; некоторое время она прожила в Эссентуках, потом с четырнадцатилетней дочерью Соней проехала в Москву по Волге, через Царицын. Она тоже оставила своих мальчиков [Николая и Петра] в Новочеркасске и стремилась к ним, устроив свои дела в Москве. Ей и нам помог ее приятель по Новочеркасску Ермашов. Он занимал в Москве довольно видное положение, был помощником командующего Московским военным округом Муралова, начальником авиации и председателем комиссии с сложным названием, — по ликвидации каких-то дел на юге России.

Как ни рационально переломали все существующее большевики, они были бессильны побороть одно из главных зол старого строя — бюрократизм и чиновничество. Наоборот, и то и другое усилилось до невиданных прежде размеров. Расплодилось множество учреждений, главная цель коих состояла в том, чтобы предоставлять хорошие оклады служащим. Так появились «Центротекстиль», «Центрожир» и неисчислимое количество других «центро», не говоря о комитетах. Многие тысячи людей кормились в этих учреждениях. Большевицкий режим заинтересовывал таким образом и в центре и на местах людей, попадавших в материальную от него зависимость. Большие массы стонали под гнетом этих учреждений, плодившихся, как грибы, и высасывавших деньги. Например, наш Веневский уездный комитет имел бюджет в сотни тысяч рублей. Волостные комитеты стоили десятки тысяч. Между тем, никто не знал, как следует компетенции новых учреждений. Ограбив помещиков и буржуазию, комитеты для своего содержания должны были грабить уже просто все население. Когда брожение в деревнях приняло опасные размеры, большевики решили расслоить и деревню. Тогда созданы были комитеты бедноты из малоземельных и неимущих крестьян, зачастую из лодырей и всяких отбросов. Эти комитеты получали права отнимать у более

состоятельных крестьян то, что им казалось излишком. Трудно было дальше идти в том же направлении. Междоусобная война переносилась в самую гущу деревни, между соседями. Но дьявольский план большевиков на этот раз не мог осуществиться. Они скоро поняли, что, если комитеты бедноты разовьют свою деятельность, то никто не будет сеять и вообще работать, зная, что у него все будет отнято бездельниками. Угроза голода давала и без того себя чувствовать слишком реально. Поэтому большевики через некоторое время сократили деревенские комитеты бедноты. Вместо этого они стали восстанавливать прежние помещичьи хозяйства и даже иногда округлять их за счет крестьян, сажая в эти имения своих управляющих. Они поняли, что иначе города не получат хлеба из деревни.

В сущности, большевики насаждали не социализм, а новую буржуазию. Во всех учреждениях крали немилосердно. Красноармейцы, особенно латыши и китайцы, на которых опиралось большевицкое правительство в Кремле, получали огромное содержание, были прекрасно одеты, обуты; их кормили до отвала и, кроме того, им предоставляли частные обыски, которые порою кончались благополучно для людей, но никогда не проходили без похищения денег и драгоценностей.

На бульварах ходила нарядная толпа «товарищей», щегольски одетые красноармейцы с дамами. Они швыряли деньги, катаясь на лихачах, когда не имели возможности кататься на автомобилях, которые получили название «хамовозов», потому что никто, кроме товарищей и дам их сердца, не мог на них ездить. За право пользоваться своей лошадью три раза в неделю надо было платить 800 рублей в месяц, остальное время ею должны были пользоваться большевики. Разумеется, мало кому это было по средствам.

Я уехал из Москвы в июле 1918 года. С тех пор почти каждый месяц оттуда приезжал кто-нибудь; из рассказов приезжавших можно было судить, как становилось все хуже и хуже, как все более сгущалась атмосфера голода и бесправия. Но и та картина, которую мне пришлось наблюдать до отъезда, казалась достаточно яркой в этом отношении. Нам выдавали хлебный паек в $1/8$ фунта¹, и то не каждый день. Когда хлеба не хватало, выдавали селедки или овес. А сам хлеб был самого низкого качества, наполовину с отрубями. Продукты из продовольственных лавок выдавались также самые низкопробные. Мы столовались у сестры Ольги и почти ежедневно в тарелке супа находили несколько червей. Ели, конечно, впроголодь; толстые люди совершенно исчезли из Москвы. И при этом жили под постоянным гнетом, ежеднев-

¹ $1/8$ фунта соответствует 50 граммам.

но узнавая о новом мероприятии для удушения буржуазии или об аресте кого-нибудь из близких. Большинство общественных деятелей запапались подложными паспортами, меняли постоянно ночлег, стараясь изменять свою наружность. Разговоры велись главным образом о том, откуда можно достать что-нибудь съестное. Кроме того, таинственно сообщали друг другу «из самых достоверных источников», что через две недели произойдет переворот. Иногда точно называли число, когда это будет. И хотя проходили все сроки и ничего не случалось, но все продолжали жадно прислушиваться ко всем слухам. Оно и понятно. Без постоянно возобновляющейся надежды нельзя было бы переносить того, что до сих пор переносят обитатели Совдепии. Кто мог, тот, конечно, старался бежать из этого ада.

От Ермашова мы получили фальшивые удостоверения, которые пригодились нам и до отъезда. По ним нам удалось без труда получить полностью деньги с наших текущих счетов в то время, как всем выдавали зараз не свыше тысячи рублей, и притом приходилось простаивать по несколько часов в очередях, так что создалась особая профессия людей, достававших деньги с текущего счета.

В это время, при содействии немцев, в Москве учреждено было украинское генеральное консульство²⁰². В него сразу кинулась масса народа, пожелавшая принять украинское подданство, чтобы избегнуть тяжелой лапы большевиков. Украинцами становились многие, ничего общего не имевшие с Украиной и считавшие себя коренными русскими, полагавшие, что режим Скоропадского есть временная комбинация и не видевшие ничего предосудительного в том, чтобы получить украинский паспорт, иметь возможность выехать из Москвы и оградить свой сейф в банке от взлома. На первых порах переход в украинство был очень легким. Этим мы решили воспользоваться для моей жены, у которой в сейфе хранились драгоценности не только ее, но и Бутеневых. Большевики быстро поняли, какое количество буржуев может таким путем выскользнуть из их лап, и они поставили целый ряд ограничительных условий для принятия украинского подданства.

Во все время пребывания моего в Москве я уклонялся от свиданий с немцами. Но перед самым отъездом я решил пойти на свидание, чтобы сказать все, что находил необходимым им высказать, тем более что опасался, что другие собеседники ведут с ними разговоры в недостаточно определенных тонах.

Я виделся с Рицлером, который стал поверенным в делах после убийства Мирбаха. Он произвел на меня впечатление тщедушного, милого человечка, агента второго разряда, не имевшего личной инициати-

вы, — передатчика разговоров между Москвой и Берлином. Может быть, такая фигура наиболее подходила для неопределенной, нерешительной политики Германии.

После общих вступительных фраз Рицлер спросил, не имеем ли мы что-либо сообщить по поводу плана переворота в Москве, о котором незадолго до того он вызвал наших представителей на обмен мнений. — Тогда я высказал ему точку зрения, которую уполномочен был развить от имени нашей группы: раньше, чем говорить о перевороте, русскими силами, но при содействии Германии, надо было определенно договориться насчет общих условий. Мы не считаем возможным идти на один местный переворот, если он не будет сопряжен с последствиями в общерусском масштабе: полный пересмотр Брестского договора, восстановление единой неделимой России, невмешательство немцев в наши внутренние дела, а за это: строжайший нейтралитет России и экономические выгоды, которые подлежат обсуждению. На меньших условиях мы не можем идти на соглашение с Германией. — «Вы должны отдать себе отчет в том, как упал престиж Германии после попустительства всем мероприятиям большевиков и поддержки, им оказываемой. Мы можем пойти на соглашение с Вами, только если в состоянии будем оправдать его серьезными выгодами, реальной пользой». — Такова была сущность того, что я сказал Рицлеру. Как и следовало ожидать, последний ограничился ответом неопределенным, обещая сообщить содержание беседы в Берлин, но высказывая сомнение, чтобы там приняли нашу точку зрения. «Кто нам поручится, что, когда мы все вам дадим, вы не повернете снова в сторону Англии?» — сказал он. Я ответил, что пока Германия, в свою очередь, не примет определенной политики по отношению к нам, мы, конечно, будем считать себя ничем не связанными. На этом мы расстались.

При помощи общих знакомых нам удалось записаться в украинский санитарный поезд, который должен был провезти в Киев инвалидов. Моя жена ехала под своим настоящим именем, но с украинским паспортом, я же — с видом конторщика Терентьева.

Самой опасной минутой был просмотр документов в Москве на вокзале. У меня не было разрешения ни от одного из большевицких учреждений, и я был записан на поезд в последнюю минуту. Это самое обстоятельство оказалось для меня выгодным, и я проскочил при осмотре вполне благополучно. Мы ехали в вагоне 3-го класса, с полным комфортом²⁰³. В продолжение всего пути нас поили и кормили, у каждого из нас была койка и сенник, так что мы ехали за счет Украины. В Киев мы прибыли на седьмой день, потому что поезд был задержан в Орше на двое суток.

Глава V

Украина

Орша была в руках немцев. Со вздохом облегчения мы покинули почву Совдепии, но смешанное чувство избавления и в то же время унижения мы испытали, увидев первую германскую каску. Как только подошел поезд, у вагонов стали сновать германские солдаты, продававшие под полою вино, папиросы, шоколад. Скоро мы наслышались рассказов о том, как быстро германские солдаты и офицеры применились к российским нравам взяточничества и спекуляции. При переезде через границу в повозках была установлена правильная такса. И, начиная от границы, по всему району военной оккупации немцы пользовались случаем наживаться, где и как могли. Они вносили в это дело привычные им приемы методичности и аккуратности.

Мы приехали в Киев, должно быть, числа 19 июля по старому стилю. Город был переполнен, но нас приютила у себя наш старый друг Александра Владимировна Коссяковская. Она имела большую квартиру (Виноградная, [дом] 20а, кв[артира] 17); на этой квартире на началах коммуны жило несколько человек: Игорь Платонович Демидов, приехавший вначале в Киев в качестве представителя Алексеевской организации, а потом ставший редактором кадетской газеты «Русский Голос». Там же имел комнату П. Н. Милюков. Незадолго до нашего приезда он принужден был временно покинуть Киев, о чем я дальше расскажу. В его комнате мы и остановились. Кроме названных лиц, на той же квартире жила приятельница Дины Коссяковской, Катруся Мейендорф и жена Вас[илия] Андр[еевича] Степанова, Магдалина Владимировна.

Когда мы въехали на Украину, у нас глаза разбежались от непривычного зрелища — белого хлеба, который в обилии продавался на каждой станции. Все мы, беженцы, покупали вдвое больше, чем могли съесть, это лакомое кушанье. На первый обед по приезде Александра Владимировна угостила нас чудным малороссийским борщом, потом варениками с вишнями. Нам казалось, что никогда в жизни мы не ели ничего такого вкусного.

Киев поразил нас резким контрастом с только что покинутой Москвой.

В Москве все общественные отношения были перевернуты вверх дном. Буржуазия, интеллигенция стали париями. Киев был реставрацией недавнего прошлого, но которое, казалось, давно и безвозвратно сдано в архив. Я пошел в Купеческий сад²⁰⁴, который славится своим видом на Днепр. Был будничным день, но гремела музыка, по аллеям гуляли разодетые праздничные толпы беспечных и веселых буржуев.

Я невольно сравнил картину с Пречистенским бульваром¹ в Москве, по которому я проходил всего неделю назад, и где с такой же беспечностью гуляли щеголеватые товарищи, густо припомаженные, со своими дамами. И там и здесь ликующее большинство не думало о завтрашнем дне и спешило сорвать цветы удовольствия и наживы, где и как могло.

Аристократический квартал Липки²⁰⁵ был еще более жутким привидением минувшего. Там собирались Петербург и Москва, — почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось в буквальном смысле слова, что на их улице праздник. Отовсюду доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы. Все, кто имел вход в правительственные учреждения, промышляли всевозможными разрешениями на вывоз и на продажу и на перепродажу всякого товара. Помещики торопились возместить себе за то, что потерпели, и взыскивали, когда могли, вдвое с крестьян за награбленное. Правые и аристократия заискивали перед немцами. Находились и такие, которые открыто ругали их, и в то же время забежали к немцам с заднего крыльца, чтобы выхлопотать себе то или другое.

Все это благополучно держалось на немецких штыках, и каждый день на Липках передавали друг другу последнюю новость, которая либо подтверждала надежду на прочность положения немцев, либо, наоборот, указывала на их намерение не засиживаться на Украине. — Все эти русские круги, должен сказать, были гораздо противнее, чем немцы, которые, против ожидания, держали себя отнюдь не вызывающим образом. Простые рядовые были в большинстве случаев ландштурмисты²⁰⁶, жители Южной Германии, сорокалетние добродушные немецкие мужики, переряженные в военных. В них, однако, была сильна их национальная дисциплина. Офицеры и высшее начальство также держали себя скромно во внешнем обращении, хотя при этом брали взятки, где могли, особенно в провинции. Положение их было нелегкое. На громадной территории Украины полмиллиона войска было распылено и не в состоянии было совладеть с постоянно появлявшимися шайками партизан и покушениями, которые систематически организовывались на союзнические средства.

В Киеве кипела политическая жизнь. Это был настоящий котел, в котором варились все направления, партии и разнородные интересы, враждовавшие между собою. Все это переплеталось сложными международными интригами, враждой между австрийцами и германцами, происками тайных агентов, которых оставили союзники, снабдив их значительными деньгами.

¹ С 1924 г. и по настоящее время — Гоголевский бульвар.

Правительственный курс определялся гласно торжествующей самостийностью, на которой делали карьеру ловкие дельцы. Негласно иногда те же люди уверяли, что все это — необходимый фасад, за которым скрывается будто бы то же стремление к воссозданию единой и неделимой России.

Украинские течения были представлены всевозможными течениями и оттенками. Крайним «украинизатором» проявлял себя беспринципный Кистяковский. Официально он числился кадетом, на самом деле он проводил определенно классовую и реакционную политику. Он хотел таким сочетанием убить двух зайцев: своим украинством угодить германо-австрийцам и парализовать левых самостийников, своей классовой политикой удержать симпатии русских помещиков и правых, которые были главными деятелями переворота. Видным русским бюрократам он втирал очки своей беспринципностью, которая сходила в их глазах за признак деловитости, и намекал на то, что ведь и проводя украинизацию, можно добиться того же объединения России, которая может быть постепенно украинизована, ибо что такое та же Украина, как не заkastюмированная часть подлинной России? — Мне, по крайней мере, приходилось не раз слышать отзвуки бесед с ним в этом духе. Сам я не искал с ним встречи.

Большинство настоящих самостийников принадлежало к левым партиям. Оно и понятно, потому что оправдание самостийности было в симпатии, которую она, будто бы, пользуется в народных массах, чтобы привлечь на свою сторону эти симпатии, самостийники прибегали к грубой демагогии. Так в свое время Грушевский и Винниченко бросили в крестьянство те же большевицкие лозунги. Этим обуславливался успех и то, что он был весьма временный и переходный, ибо крестьянство было весьма равнодушно, а порою и враждебно относилось к самостийности, как таковой, но охотно усваивало себе разрешение грабить помещиков. Но на этой почве самостийники не могли конкурировать с настоящими большевиками.

Считаясь с веяниями времени у себя дома, немцы пытались несколько демократизировать гетманское правительство. Этим обуславливались их сношения с самостийниками и социалистами-федералистами; к тому же, с этими течениями совпадала линия германской политики, которая предпочитала расчленение и ослабление России ее объединению.

Русское направление было выражено также целой гаммой политических партий.

На крайнем фланге стояли непримиренные правые. Их было две группы, враждовавшие между собою по каким-то личным мотивам. Во главе правых стоял бывший [Киевский] губернский предводитель

дворянства Безак, князь А. [Н.] Долгорукий и другие. Эти первые стояли за восстановление самодержавия. Они больше всего ненавидели кадет и считали, что, когда восстановится порядок, то с них надо будет начать вешать, а то потом забудут, что наделали кадеты. Они исключили из будущего государственного строительства всех колеблющихся, всех, кто был как-нибудь замешан в русской революции. При них нельзя было называть имена Родзянки и Гучкова, — это были самые ненавистные для них люди. Крайние правые находили деятельную поддержку митрополита Антония. В Киеве была издавна развита сильная организация объединенных приходов, в духе Союза Русского народа.

Немцы, особенно военные, в душе больше всего сочувствовали правым и поддерживали с ними деятельные отношения, даже субсидировали их пропаганду. Но в то же время они чувствовали себя в силу обстоятельств вынужденными иметь дело и с левыми. Поэтому, конечно, ни те ни другие не могли им всецело довериться, а немцы роптали на коварство русских.

Особое положение занимала группа умеренных правых с редактором «Киевлянина» В. В. Шульгиным во главе. Когда немцы заняли Киев, Шульгин закрыл свою газету, заявив, что не может заниматься публицистической деятельностью, пока для русского направления не обеспечена свобода слова. Немцы тщетно старались примирить его с фактом своего пребывания в Киеве; молчание Шульгина было для них неприятнее его критики. Но Шульгин был непримирим. Он не допускал мысли ни о каком соглашении с немцами, хотя боялся, что оно может стать неизбежным вследствие крайней несостоятельности союзников. Больше всего он боялся восстановления монархии при содействии Германии. Как монархист он вынужден был бы подчиниться этому факту, но говорил, что в этом случае он отказался бы от всякой политической деятельности и отошел бы в сторону.

Совершенно иную позицию заняли в Киеве кадеты. Они не участвовали в гетманском перевороте, но считались с ним, как с совершившимся фактом, оценили его с положительной точки зрения. Восстановление единой России они представляли себе как собирание областей, в коих должен быть предварительно восстановлен порядок.

Поэтому они согласились участвовать в образовании правительства и вошли в него небольшой, но хорошо сплоченной группой. В качественном отношении они представляли, по-видимому, наиболее ценную часть кабинета, особенно Василенко — министр народного просвещения, и Гутник — финансов¹. Регулярно они собирались под предсе-

¹ Правильно: министр торговли и промышленности.

дательством лидера своей партии Григоровича-Барского и намечали согласованный план действий и выступлений. Вскоре с Дона приехал Милюков, который стал на ту же точку зрения в оценке совершившегося переворота. Для киевских кадет одобрение главы партии было тем более ценно, что в этом вопросе они разошлись с московскими кадетами. Последние вынесли типичную для своей партии двусмысленную резолюцию, в которой стояли на почве неизменности союзным обязательствам, но в то же время делали оговорку относительно киевских кадет, что суждение о их отношении к перевороту на Украине, совершенному при содействии немцев, они откладывают до всестороннего ознакомления с местными условиями и мотивами, определившими их поведение. Однако московские кадеты в значительном большинстве были убежденными сторонниками союзной ориентации. Для них было большим ударом узнать, что с ними разошелся глава их партии, с которым они утратили связь со времени большевицкого переворота, вследствие коего Милюкову пришлось скрыться за пределы Совдепии. Как ни высок был авторитет Милюкова в партии, но в данном случае москвичи остались при своем мнении. Его отсутствием воспользовался хитрый и умный интриган еврей Винавер, чтобы повести за собой партию и укрепить за собой роль ее руководителя.

Правый центр был осведомлен о позиции Милюкова в вопросе об ориентациях; едучи в Киев, я имел в виду завязать с ним тесные сношения. Приехав в Киев, я узнал, что Милюков принужден был его покинуть. Причины этого представлялись следующие.

Придя к убеждению, что при данных условиях нельзя не считаться с фактическим положением германской вооруженной силы в русских областях, Милюков полагал так же, как и Правый центр, что в целях скорейшего освобождения от большевиков и восстановления единой неделимой России возможно соглашение с германцами приблизительно на тех же условиях, какие были определены Правым центром. Украинский переворот их он одобрял только как первый этап к воссозданию единой России. Поэтому он оказывал всевозможное воздействие на кадетских министров в гетманском кабинете, чтобы они неуклонно проводили соответствующую линию поведения и противились украинизации.

Прямолинейная позиция Милюкова не пришлась по вкусу ни немцам, ни самостийным карьеристам вроде самого гетмана и Кистяковского. Под влиянием последнего Скоропадский написал председателю Совета министров Лизогубу письмо, в коем приписывал ему принять меры к высылке Милюкова. «Высочайшее» повеление не пришлось по вкусу министрам, они запротестовали, но сам Милюков, не желая, что-

бы из-за личного вопроса были созданы трудности, а может быть, и кризис в министерстве, предпочел временно удалиться из Киева и выехал в имение г-жи Коростовец в Черниговской губернии. Сын ее, молодой человек, служил в Министерстве иностранных дел, и Милюков был хорошо знаком с семьей.

Желая повидаться с ним, я через несколько дней пребывания в Киеве, набравшись первых впечатлений о тамошней обстановке, выехал к нему на пароходе по Десне. На пароходе я набросал письмо в Правый центр, с тем чтобы показать его Милюкову и получить его отзыв по поводу положения дел.

Привожу здесь эти письма, в которых и мной, и Милюковым охарактеризовано в главных чертах общее политическое положение, как оно нам тогда представлялось.

Как видно из письма Милюкова, наши точки зрения совпали даже почти во всех подробностях. Такое совпадение взглядов людей, находившихся в Москве, и человека, приехавшего с юга России, само по себе указывало на то, что тут не может быть случайности, а есть общие серьезные основания. Во всяком случае для характеристики данного момента эти письма представляют известный материал.

[Письмо Г. Н. Трубецкого в Москву в Правый центр]

8 августа 1918 г. (нов. стиля)

Пробыв около недели в Киеве, я выехал на пароходе в деревню, где временно поселился П. Н. Милюков, чтобы повидаться и переговорить с ним о наших делах. В Киеве все время проходило в непрерывных свиданиях и разговорах. Сидя на пароходе, постараюсь разобраться в своих наблюдениях.

Киев производит яркое и сильное впечатление сочетанием контрастов и своей противоположностью только что покинутой Большевиции. Непривычно для москвича обилие белого хлеба и всякого продовольствия на улицах. Впечатление в своем роде более резкое, чем когда бывало зимою вырвешься из снегов и попадешь за границу, куда-нибудь, где летнее солнце. Только при сопоставлении этого нового впечатления с недавно пережитым, понимаешь, как тяжело и ненормально сложился весь уклад жизни на севере.

Второе впечатление — это благополучие и благоденствие тех, кто вкушают этот белый хлеб. Когда попадаешь в Липки или в Купеческий сад, где гремят музыка и гуляет веселая нарядная публика, то как-то не веришь глазам этой реставрации прошлого. Охватывает ощущение определенного класса людей, — сытых, довольных, беспечных, радующихся всему, что произошло; среди них пока только еще начинает

зарождаться беспокойная мысль: насколько прочно это благополучие? Но пережито столько тяжелого, настоящее так приятно, что на Липках мало кто хочет останавливаться на легком обмане, омрачающем синее небо. Только когда темная южная ночь спускается на город и раздаются то выстрелы, то взрывы, докучное сомнение невольно стучится в дверь и портит сон счастливых и беспечных.

Кем охраняется все это благополучие?

От Орши до Киева я не видел ни одного хотя бы небольшого украинского патруля. Украинской силы в природе не существует. Зато на всех станциях и в городе вы видите германского часового в каске. Я готовился к этому и ожидал увидеть эмблему победоносной Пруссии — упитанного пивом и сознанием своего превосходства грубого фельдфебеля. Но впечатление совсем иное. В каске стоит старый ополченец, ландштурмист, обычно добродушный, вовсе не отталкивающий, но и вовсе не символизирующий стальную силу. Они скованы дисциплиной, долгом, они стоят на своих постах, но силы и уверенности в них вовсе не чувствуется. Их служба нелегка, немногим легче, чем на фронте. Они распылены на громадной территории, их не часто сменяют, они несут самые тяжелые караулы, и их подстреливают часто и много; от простого рядового до генерала-фельдмаршала никто из них не может быть обеспечен от выстрела в спину.

Как они на это реагируют?

Когда их достаточно, чтобы проявить силу, они сравнивают деревню с землей. Но еще вопрос: какое впечатление при этом сильнее — устрашения или озлобления? Налагают контрибуции на села и города, где совершились покушения. Но и это мало действительно. Где средства и сел и городов избавиться от злоумышленников? Аппарат власти разрушен и медленно восстанавливается, воинской силы нет, она только у немцев, и против нее не прекращаются покушения, потому что ее немного и потому что те, кто совершают покушения, сумеют укрыться, а результат их покушения только усугубляется тем недовольством, которое производят германские кары на ни в чем неповинных.

Одному из германских генералов приписывают изречение: «Наше положение блестящее, но безвыходное». Эта формула близка к действительности. Благодаря уничтожению помещичьего землевладения, которое далеко не восстановилось еще, и неизвестно, может ли восстановиться, хлеб выкачивать крайне трудно. Вычисляют, что вместо выговоренных 60 миллионов пудов из Украины вывезено всего 24 миллиона, притом большая часть по вольной, а не по твердой цене, чтобы возместить разницу и продавать у себя дома хлеб по дешевой цене, немцы прибегли к двум средствам: они создавали особый род мешочниче-

ства, за который выдают поощрительную премию — чем больше каждый высылает продовольствия своей семье на родину почтовой посылкой, тем больше ему выдают премию по представлении квитанций. С другой стороны, весь привоз товаров из Германии централизован в правительственном германском учреждении; оно облагает этот товар пошлиной, чтобы пускать его по цене того же товара в России за самой небольшой скидкой. Разница идет на возмещение расхода по приобретению хлеба, чтобы дома продавать его дешево. Комбинация очень остроумна для целей данной минуты, но едва ли рассчитана на прочное и благоприятное развитие торговых и добрососедских отношений. Обыватель надеялся получить от немца порядок и дешевые товары. Порядок есть, но надолго ли? Дешевизна есть только в сравнении с Москвою на продовольствие, но здесь оно никогда не было так дорого, как у нас. Зато товары в общем дороже. Одна моя знакомая, вдова офицера, продала две пары его сапог в магазин за 1200 рублей.

Острота отношений между германцами и их союзниками явная, не скрываемая ни теми, ни другими, особенно между немцами и австрийцами. Генерал Лукомский мне рассказывал, что в Одессе австрийский генерал-фельдмаршал¹ Бельц, случайно встретившись с ним у общих знакомых, с первых же слов начал прямо поносить Германию и ее политику. Так же отзываются об австрийцах здесь в германском штабе. Приезжие из Австрии удостоверяют, что положение там сгущается. Железные дороги забиты дезертирами. Станции будто бы напоминают то, что у нас делалось в декабре и январе. Буржуи испуганно жмутся от солдатчины, которая лезет во 2-й и 1-й классы. В Чехии будто бы открыто сепаратистское движение. Интересно, что совершенно одинаковую оценку я слышал от Шульгина и от кадетов германской ориентации. На основании сведений в военных кругах, Лукомский считает возможным, что Австрия выйдет из игры осенью.

Относясь с осторожностью к полной достоверности такой оценки, полагаю, что пройти мимо нее нельзя. Одновременно нельзя не признать значения успехов, одержанных союзниками за последнее время. Австрия на Итальянском фронте, по-видимому, понесла настоящее поражение, Германия — серьезную неудачу и значительную потерю сил. Все это несомненно ставит вопрос о возможности очищения всей Левобережной Украины германскими войсками после снятия урожая, а, может быть, и до этого, ибо реализация урожая — длительная вещь. В случае выбытия Австрии как активного фактора, напряжение германских

¹ Имеется в виду фельдмаршал-лейтенант, что соответствует генерал-лейтенанту в русской армии.

сил должно стать невероятным. Помимо стратегических задач, ей понадобится оккупировать Галицию, чтобы обеспечить сообщение с той же Украиной.

Так рисуется, в общем, положение Германии на основании здешних впечатлений и осведомлений. Нет сомнения, что если оно соответствует действительности и так и сознается самими немцами, то можно ожидать, что они проявят наибольшую уступчивость в переговорах на условиях, признаваемых нами приемлемыми. Казалось бы, что из этого следует сделать только один вывод для нас: быть как можно тверже и неуступчивее в наших требованиях и пойти на соглашение только, если всего добьемся.

Но в решении этой общей проблемы Германия — только одна сторона вопроса. Другие факторы имеют не менее решающее значение.

Первый из них — это все тот же пресловутый Восточный фронт. Нечего мне повторять, что я продолжаю стоять на той же точке зрения отрицательного к нему отношения. Оно усугубляется еще тем, что это все более и более фронт Учредительного собрания, т[о] е[сть] всей этой слякоти, которая неспособна возродить Россию. Пусть призывание союзников и, в частности, японцев, останется на совести кадетских Маниловых и их присных. Все это так; тем не менее, я не могу не считаться с возможностью осуществления этого фронта, как бы к нему не относился.

В связи с успехами союзников и общим ослаблением Германии, Восточный фронт может приобрести значение гораздо большее, чем можно было еще недавно думать. В ту минуту, когда я пишу эти строки, здесь нельзя судить, насколько серьезны приготовления к высадке и сосредоточению значительных сил в Маньчжурии и Сибири. По мнению Лукомского, вопрос этот так или иначе выяснится в течение сентября. Если за это время не будут высажены достаточные первые силы, то всю операцию по климатическим условиям придется отложить до поздней весны будущего года. Это было бы равносильно тому, что мы не можем учитывать в этом случае восточный фронт как серьезный фактор в наших планах.

Если бы, наоборот, восточный фронт получил начало серьезного осуществления, тогда нельзя не поставить вопроса: в каком же положении оказалось бы правительство, опирающееся в Москве на соглашение с слабой Германией и с тылом в той части ныне оккупированных Германией губерний, где при помощи союзных денег вспыхнуло бы восстание? Где та сила, которая бы с этим справилась, и поможет ли в этом случае нам и Германия, хотя бы людям, стоящим у власти, пришлось бы молить ее о помощи?

Вот, что надо выяснить.

Я уже сослался на мнение Лукомского, что картина может выясниться в течение сентября. Это же время не пройдет, Бог даст, даром для укрепления и роста наших сил, — Добровольческой армии и других новых формирований, о которых речь впереди. Есть и другие условия, которых я коснусь дальше, и которые делают желательным некоторую отсрочку до окончательного бесповоротного шага, который связал бы нас с Германией, причем пускай не останавливаются ни переговоры, ни приготовления.

Переворот в Москве может быть совершен только в общероссийском масштабе и произведен только русскими людьми и на русские средства — таковы отправные положения Правого центра. Отсюда — необходимость заручиться содействием таких сил за рубежом Великороссии.

В первую очередь стоит вопрос о положении, которое при известных условиях может быть занято Добровольческой армией. В Киеве я, конечно, не могу рассчитывать на полное выяснение этого вопроса. Могу сообщить лишь некоторые предварительные данные.

Прежде всего я виделся с Н. Н. Львовым. По свойственной ему впечатлительности, он сам пережил уже несколько перемен в вопросе об ориентации. В настоящую минуту он главным образом увлечен самой Добровольческой армией, что и понятно, ибо вместе с нею разделил все тяготы и опасности похода, а два его сына сражаются в ее рядах. По мнению Н. Н. Львова, в Добровольческой армии сосредоточены все задатки возрождения русской армии. Сохранив преемство нашей прежней армии, она одна ни на минуту не согнула шеи перед большевиками и пронесла в чистоте лучшие традиции боевой доблести и чести через все испытания. Так как возрождения России нельзя мыслить без предварительного возрождения армии, то Н. Н. Львову представляется, что в настоящую минуту все другие задачи и усилия общественных деятелей отступают на второй план перед этой главной задачей — укреплением Добровольческой армии. Туда должны ехать все, кто словом или делом могут ей помочь. Если, оторванная от общественной среды, Добровольческая армия приняла бы неверное направление, то вина легла бы, по его мнению, не на нее, а на тех, кто ее предоставил самой себе, кто не хочет делить с ней ее радостей и горя, а видят в ней только орудие для своих целей. Но такие люди не вправе притязать на какое-либо влияние на Добровольческую армию, и она за ними не пойдет. Нужно много работать и отдать сердце на дело, которое ей дорого, и тогда, став сам членом той же организации, можно проводить те идеи, коими дорожишь.

В этих словах много правды. Необходимо более деятельное участие представителей Центра в судьбах Добровольческой армии, более живая работа на месте, приезд свежих сил и постоянная связь, иначе

влияние на Добровольческую армию естественно перейдет в другие руки. Но, конечно, нельзя забывать, что, как ни важна и ни дорога Добровольческая армия, она все же средство, а не цель главных наших усилий.

По приезде на Дон, я конечно прежде всего постараюсь выяснить себе, не связала ли себя уже бесповоротно Добровольческая армия каким-либо обязательством по отношению к союзникам. Думаю, что психологически она очень близка к этому, но надеюсь, что фактически этого еще нет и что ее связь не выражается ни в чем ином, кроме материальной поддержки, которая обязывает лишь на тот срок, пока оказывается.

Моя позиция была бы конечно неизмеримо сильнее, если б я мог сказать: «Вот вам деньги, идите за нами». Теперь же я являюсь с пустыми руками, но наполненный просьбами и советами. В январе этого года я уже успел испытать всю тягостность и фальшь такого положения. Но что же делать? Во всяком случае я намерен говорить приблизительно так: «Сейчас у нас денег нет, но они будут, как только окажется возможным заключить приемлемое для вас и для нас соглашение. Деньги же будут не немецкие, но без соглашения с Германией нельзя заключить займа. В свою очередь, мы не пойдем на соглашение, если не будем уверены, что нас поддержат русские силы. Будьте с нами, при этом тогда не замедлят найтись и средства».

Не знаю, насколько мои аргументы окажутся убедительными. Боюсь, что сейчас еще нельзя рассчитывать на переход Добровольческой армии открыто на нашу сторону. Главные мои усилия будут направлены на то, чтобы удержать ее от разрыва с Германией, который ее бы погубил и тем более осложнил нашу задачу. Надо выиграть время. На этой почве я заручился содействием выехавших на Дон Н. Н. Львова и Лукомского. Это также ратует в пользу указанной мною отсрочки окончательного связывающего шага. Если психология Добровольческой армии клонит ее в сторону союзников, то обстоятельства могут оказаться сильнее в другую сторону.

Во-первых, теперь существуют те же трудности, что и в январе, для материальной помощи со стороны союзников. Как провезти денежные знаки? Я уже не говорю о материальном снабжении. В этом отношении Добровольческая армия стала в невольное противоречие сама с собой непримиримостью к немцам. Она не хочет иметь с ними ничего общего, не допускает и мысли о помощи от них, и в то же время получает снабжение от Донского казачества, которое само получает его от немцев. Стоит последним прекратить это снабжение, и Добровольческая армия сядет на мель. Еще труднее будет положение, если немцы займут Царицын¹. Они уже предлагали казакам свое содействие для взятия это-

---

¹ В 1925 г. город переименован в Сталинград, в 1961 г. — в Волгоград.

го города. Пока казаки отклонили предложение, но если немцы настоят на своем, Добровольческая армия будет фактически отрезана от союзников и от севера. С этой опасностью и с еще большею, а именно, что немцы пойдут на более решительные действия, если усилятся их подозрения на счет ориентации Добровольческой армии, нельзя не считаться. Лукомский вполне сознает это. Он думает, что пока Добровольческая армия очищает Кубань от большевиков, это скорее на руку немцам. Но как скоро она двинется на север, они ждать не будут.

Все это требует выяснения на месте.

В Киеве я узнал о формировании Астраханской армии²⁰⁷, и мне удалось познакомиться с некоторыми представителями организации, которые рассказали мне, как она возникла.

Идея формирования добровольческого отряда с провозглашением определенного монархического принципа зародилась среди офицерства на Румынском фронте. Мои собеседники жаловались на недостаток сочувствия к ним со стороны генерала Щербачева, будто бы боявшегося слишком определенного выявления монархизма. Как бы то ни было, дело пошло вперед благодаря поддержке союзников. Организаторы отряда исходили из убеждения, что восстановление фронта безнадежно и что их отряд должен служить задачам внутреннего возрождения России. Французы настаивали на том, чтобы отряд служил военным целям; они хотели им заткнуть где-то дыру. На этой почве произошла размолвка. Вместо помощи французы стали чинить препятствия. В конце концов, отряд под командой полковника Дроздовского ушел на Дон. По пути пришлось войти в соприкосновение с германцами. Со стороны последних была проявлена полная предупредительность. Они предложили группе, организовавшей отряд, переехать в Киев для продолжения той же работы, обещая полное содействие германского Верховного командования, что на самом деле и осуществилось.

В Киеве началось формирование Астраханской армии. Главным материалом для нее являются калмыцкие станицы. Между астраханским и донским казачеством установлено полное соглашение. Штаб формируемой Астраханской армии находится в Новочеркасске; там же — заместитель Астраханского атамана, князь Тундутов. В сентябре месяце надеются образовать дивизию полного состава. Командование его принял известный кавалерийский генерал Павлов, имеющий боевую репутацию лихого военачальника. В дальнейшем предполагается довести численность армии до 60 тысяч. Ведутся переговоры с одним из наиболее крупных вождей бывшей армии для принятия общего командования армиею.

Все снабжение — материальное и техническое — дают немцы. Они разрешили офицерам Астраханской армии носить в Киеве погонны

и романовские нашивки на рукавах. Вербовочные бюро открыты в целом ряде городов Украины и районах оккупации. Лозунг армии: восстановление монархии и единая неделимая Россия — признается германским Верховным командованием.

Я просил представителей Астраханской армии дать разъяснения по некоторым смущающим меня вопросам: 1) не представляется ли им опасным ввиду их фактической зависимости от немцев, что последнее повернут Астраханскую армию на цели, ей чуждые? и 2) каковы взаимоотношения Астраханской армии с Добровольческой и не хотят ли немцы использовать астраханцев для разложения состава добровольцев, как мне пришлось это слышать?

Мне было отвечено: «1) Мы не боимся, что нас могут использовать против наших целей, ибо когда армия сложится в определенную силу, то мы посмотрим, как можно повернуть ее туда, куда она не захочет пойти. Мы же от своих задач и целей не отступим так же, как это сделал маленький отряд Дроздовского, когда на него давили союзники.

2) Мы искренно желаем и надеемся установить полное соглашение и взаимодействие с Добровольческой армией. На нашем пути следующие препятствия: Добровольческая армия до сих пор не решается открыто провозгласить монархический принцип. Между тем мы полагаем, что время для двусмысленностей прошло, и для нас это основной вопрос. Поведение Добровольческой армии объясняется тем, что при образовании в ее состав попала некоторая доля элементов явно противумонархических, и вожди боятся провозглашением лозунгов произвести раскол в ее рядах. Между тем мы полагаем, что в Добровольческой армии должна быть произведена чистка. Кроме того, в составе командования имеются лица, противящиеся, по существу, провозглашению монархического принципа, например, генерал Романовский^{1 208}.

Добровольческая армия кидает нам, астраханцам, упрек в том, что мы пользуемся материальной поддержкой германцев. Но разве она не делает того же самого, пользуясь снабжением, которое донцы получают и передают им от тех же немцев?»

Я не мог не признать, что в утверждениях моих собеседников много справедливого, но добавил, что я твердо надеюсь, что все эти недоразумения и трения удастся устранить и что это будет поставлено, как основная задача, астраханцами. Новая армия только еще начинает образовываться. Придавая самое серьезное значение ее укреплению и разви-

---

¹ Хорошо зная генерала Романовского, я убежден, что это недоразумение, что и высказывал представителям Астраханской армии. — *Примеч. автора.*

тию, не следует упускать из вида, что Добровольческая армия уже завоевала себе совершенно исключительный нравственный авторитет своей непрерывной доблестной борьбой с большевиками и славными именами своих вождей, известных всей России. Ее нельзя вычеркнуть из дела воссоздания и возрождения России, и надо все сделать, чтобы прийти с ней к соглашению. — Повторив, что они так и понимают свою задачу, мои собеседники сказали, что находятся в постоянных сношениях с Добровольческой армией через Дроздовского и ожидают на этих днях получить от него ответ на очень серьезные свои запросы. Ответ этот они мне обещали показать.

Вслушав сообщение представителей Астраханской армии, я, с своей стороны, ознакомил их с основными задачами Правого центра. У них имелась уже наша программа. Единственный пункт, вызывавший у них сомнения, касался ответственности исполнительной власти перед палатами [парламента]. Они вполне удовлетворились моими разъяснениями и просили меня поставить их в непосредственный контакт с Правым центром в Москве, на что я выразил, конечно, принципиальное согласие. Полагаю, однако, что только в Новочеркасске мне удастся определить удельный вес Астраханской армии и ее взаимоотношения с Добровольческой армией, о чем я постараюсь без замедления оповестить Правый центр.

Одной из основных своих задач в Киеве я ставил освещение вопроса об общих условиях работы, возможной там. Я виделся с Шульгиным, имел с ним самый дружественный обмен мыслей и рад был констатировать, что расхождение в ориентациях не так остро воспринято им, как нашими недавними друзьями в Москве.

Все же на деятельное сотрудничество Шульгина рассчитывать не приходится. Он убежден в верности избранного им пути и, по-видимому, вступил в деятельные сношения с той организацией, которая откололась от Правого центра. Ввиду различия целей, он не считает возможным давать информации в обе организации, и настаивать на этом не приходится.

Думать сейчас об объединении русских течений в Киеве, к сожалению, нельзя. Этому мешает как вопрос об ориентациях, так и партийная грань, которая гораздо резче проходит здесь, чем в Москве. Здесь правые, по-видимому, гораздо непримиримее московских. Правда, они грызутся между собою. — Я сам не входил с ними в сношения, но слышал отзывы, коим имею основание доверять, что наиболее влиятельная группа Безака стоит за восстановление самодержавия и считает, что при реставрации надо исключить всех, кто хоть как-нибудь был прикосновенен к перевороту. Они недовольны гетманом, который, ви-

димо, при своем вступлении во власть пользовался их поддержкой и, может быть, даже дал им некоторые обещания. Правые будируют немцев, но разочарованы их слабостью. Ходят слухи, что они имеют в виду предъявить им ультимативные требования. С другой стороны, военная гетманская партия, несомненно, дорожит отношениями с правыми, в частности, с группой Безака. На этой почве говорят о возможной перемене кабинета. Называют кандидатуру Крыжановского. Перемена означала бы более определенный русский курс.

Лидер здешней кадетской партии, председатель Судебной палаты Григорович-Барский, не отрицал возможности сюрпризов. К.-д. министры, входящие в состав кабинета, действуют очень согласованно и устанавливают программу своих действий в регулярных совещаниях под председательством Григоровича-Барского.

В продолжительной беседе последний ознакомил меня с позицией партии и к.-д. министров. Прежде всего в основных целях можно установить полное совпадение программы киевских кадетов с Правым центром. Григорович-Барский пространно объяснил мне, почему К[онституционно]-д[емократическая] партия сочла нужным не уклониться от участия в перевороте. Отмечая крайне трудные условия для проведения русских идей и отстаивания независимости власти от контроля германцев вследствие полного отсутствия своей вооруженной силы, Григорович-Барский устанавливает, что им удалось, однако, уже достигнуть серьезных результатов. Крайняя украинизация не проводится в целом в правительственных органах, за исключением Ведомства внутренних дел, где хозяйничал Кистяковский, и Министерства путей сообщения, возглавляемого Бутенко. Кистяковский вызывает общее раздражение своей беспринципностью и бесшабашным цинизмом адвоката, на все смотрящего с точки зрения биржевой сделки. В министры внутренних дел он попал с согласия кадет, за неимением других подходящих кандидатов и потому, что по нынешним условиям на этот пост находили нужным поставить человека, не брезгливого в средствах.

Я сказал Барскому, что самый факт переворота в Украине был встречен сочувственно Правым центром, но что последующие события вызывают наше смущение, а частью и осуждение. Публичные заявления гетмана и некоторых министров произвели самое тягостное впечатление. Мы понимаем, что не все можно говорить, но не понимаем, чтобы можно и нужно было говорить так, как это делали Скоропадский, Кистяковский и Лизогуб в том духе, что Украина стонала под игом России и проч. и проч. Подобные заявления роняют достоинство тех, от кого исходят, и создают впечатление, что украинская власть — игрушка в руках немцев. С таким положением мириться нельзя. Я понимаю, какая

трудная обстановка создается для власти, которая не может опереться ни на один свой язык, но надо учитывать и трудности самих немцев, и мне кажется, можно и должно разговаривать с ними смелее, вплоть до постановки вопроса об устранении партии от ответственности власти и переложения на немцев одиума¹ за все, что совершается. Кроме того, мне думается, что если у правительства нет своей вооруженной силы, то тем настойчивее для него необходимость укрепить свой базис на более широких основаниях, чтобы и в массах почувствовались благодетельные последствия местного переворота. Лично мне казалось, что местные условия требуют приступа к некоторым аграрным мероприятиям, которые возвещены, но не получают начала осуществления. Я не знаю, как иначе справиться с брожением в деревне.

Я получил впечатление, что Барский и его партия сами все это сознают. Не повидав пока еще к.-д. министров, что предполагаю сделать, я не могу судить, есть ли в их среде люди не только понимающие, но и достаточно решительные и энергичные. Не мог я также пока выяснить кардинальный вопрос о том, может ли украинское правительство рассчитывать в непродолжительном времени создать сколько-нибудь значительную силу. Первая попытка сформировать отряд всего лишь в 5000 человек из состава хлеборобов делается в настоящее время. Осенью предполагают приступить к более широкому набору. Пока шаги представляются сомнительными. Людей, бывших в разложившейся прежней армии, считают опасным привлекать; имеют в виду производить наборы из молодых возрастов. Главная трудность иметь надежную армию заключается, мне кажется, в том, что готовность пролить кровь можно ожидать и требовать от людей, знающих или чувствующих, за что они ее проливают, а нынешнее правительство есть все-таки двусмысленная комбинация с репутацией представительства классовых интересов и зависимости от немцев. Где же та сильная национальная или монархическая идея или сочетание обоих начал, которое одно способно сплотить здоровые элементы в деле обороны?

Отрицать серьезные результаты, достигнутые новой властью при участии кадетов, нельзя. Постепенно восстанавливается правительственный аппарат, отстаивается в школе и жизни равноправность русского языка, а фактически — его господство, ибо министры и чиновники сами плохо знают по-украински, и законы пишутся и публикуются чаще всего по-русски, с обозначением, что это, будто бы, перевод с украинского; на самом же деле украинского подлинника часто не имеется. Ярый украинизатор Кистяковский в частных разговорах сам смеется

¹ *Odiūm* (лат.) — ненависть, вражда.

над украинским языком. Однако нельзя не признать, что если русский язык допускается, то на нем свободно разрешается высказывать только самостийные, а не русские начала. Самым ярким примером такого положения является то обстоятельство, что П. Н. Милюков был вынужден покинуть Киев. Вопрос об его удалении был резко поставлен гетманом, вероятно под воздействием германцев. Совет министров почти единогласно отказался проводить требование гетмана. Назревал конфликт, и, чтобы избежать на своем личном деле кабинетского кризиса, Милюков решил добровольно покинуть Киев на время. До сих пор ему еще представляется неудобным туда вернуться.

Нельзя не отметить всей двусмысленности поведения немцев и положения в Украине: с одной стороны, немцы дают деньги и средства на оборудование Астраханской армии под лозунгом единой неделимой России, возглавленной монархом, а с другой стороны, Киев должен покинуть лидер к.-д. партии, определенно высказавший эту самую программу на почве соглашения с Германией. Как же тут не закрасться сомнению в последовательности германской политики и степени ее добросовестности; ибо под лозунгом «единой и неделимой» немцы вероятно подразумевают: «кроме тех частей, которые мы не вернем». В переговорах с кем следует необходимо настоять на устранении таких явлений.

Кончаю это затянувшееся послание, ибо пароход приближается к конечной пристани.

Впечатления мои от Киева еще не полны. Постараюсь их сообщить в следующем письме, так же, как и мнение П. Н. Милюкова. Теперь подвожу итоги тем выводам, которые пока могу установить:

1) Я считаю желательным не останавливать переговоров с немцами, постараться достигнуть возможно большей определительности всех нужных для нас гарантий, и вести эти переговоры со спокойной твердостью. Отнюдь не следует идти на местный московский переворот, а только во всероссийском масштабе. Надо бы привлечь к некоторым вопросам и экономистов.

2) Окончательно связать себя можно лишь, выяснив наши средства и силы, а также общую обстановку. Это едва ли возможно ранее половины сентября. Отсрочку можно объяснить теми трудностями, которые созданы были отчасти самими немцами для приступа к работе. Они должны их устранить в Украине и других местах.

3) Раньше, чем выяснится успех задания в связи с общей международной обстановкой, нельзя фактически осуществить призывание монарха. Достаточно провозглашение этого лозунга.

Г. Т.

Глава VI

Письмо Милюкова

Письмо П. Н. Милюкова

11 августа (нов. стиля) 1918 г.

Из сообщения князя Григория Николаевича я вижу, что не только в общих чертах, но и почти во всех подробностях наши взгляды на способы вывести Россию из настоящего положения совпадают. Подобно ему, я считаю восстановление государственности и объединение России первой и главной задачей; нахожу, что необходимо скорейшее осуществление этой задачи, чтобы не увеличились ее трудности; считаю, что такого скорейшего разрешения нельзя достигнуть без контакта с германцами и что предметом такого контакта должно быть создание в Москве не местного только «северного» правительства, а правительства национального, способного объединить Россию и для этого заручившегося согласием Германии на пересмотр *теперь же*, а не по окончании войны, Брестского договора.

Для выяснения возможности этого я — не по моей, а по германской инициативе — вступил в «необязательные» сношения с представителем *Oberkommando*^I и имел (впрочем, очень поверхностный) разговор с Муммом. В их лице я встретился с двумя течениями, которые и в Германии борются по вопросу об объединении России. Одно из них, представленное дипломатами и считавшее себя до сих пор в согласии с Рейхстагом, стояло за разъединение России, создание *Randstaaten*^{II} и сближение с Англией. Другое, представленное влиятельными военными кругами, но теперь распространяющееся и в либеральных и даже в социалистических кругах, стоит за создание из России сильной союзницы в будущем для борьбы с Англией и с этой целью, а также и по принципиальным соображениям (на левом фронте), склоняется к пересмотру Брестского договора. Первое [течение] до сих пор считалось официальным, но перестает им быть после отставки Кюльмана²⁰⁹. Второе имеет серьезные шансы сделаться официальным. Его успех сказывается уже теперь в том, что имеется течение компромиссное, — самое опасное для нас, — соглашающееся на частичный пересмотр Брестского договора и на неполное объединение России.

Германцы, искавшие до сих пор способа создать «совершенное правительство» без всякого пересмотра Брестского договора, будут, ко-

^I *Oberkommando* (нем.) — Верховное командование.

^{II} *Randstaaten* (нем.) — окраинные государства (лимитрофы).

нечно, теперь добиваться соглашения на наиболее выгодных для себя условиях — с наиболее сговорчивыми. Но они понимают, что должны считаться с возможно широким фронтом общественного мнения, включая и неприятных для них к.-д. Этим нужно воспользоваться, чтобы этот наш фронт объединить на одной определенной программе, из которой уже ничего не уступать к моменту, когда переговоры начнутся серьезно.

Я предлагал бы для такой программы следующие положения:

1. Правительство должно быть национальным и объединительным с самого начала, с первых шагов. Для этого необходимо, чтобы оно явилось на свет сразу, как монархическое, и могло бы говорить от имени некоторого ядра объединяемой теперь же, а не в будущем, России. А для этого нужно:

а) теперь же остановиться на определенной личности кандидата на престол и вступить с этим кандидатом в непосредственные сношения, получив его санкцию действовать его именем. Я лично предлагал бы отыскать великого князя Михаила Александровича²¹⁰, местопребывание которого должно быть известно его близким в Москве;

б) так как при создавшемся положении вопрос территориального объединения не может быть предметом одностороннего акта нового правительства, а должен быть решен предварительными переговорами с отдельными образовавшимися теперь правительствами, — успех же этих переговоров может быть обеспечен лишь при определенном отношении к ним германцев, — то я считаю необходимым ввести уже в самые переговоры с германцами условие, что до создания правительства будут выяснены благоприятные ответы, по крайней мере, главнейших из создавшихся правительств и будет выработан акт объединения, который мог бы быть опубликован новым правительством, как национальный, в первые же дни его существования.

2. Исходной точкой переговоров должна быть неприкосновенность всей прежней территории России, за исключением Финляндии (но со стратегическими гарантиями со стороны последней¹) и Польши (в границах прежнего Царства Польского, без Холмщины и с этнографическим обменом севера Августовской губернии на части уездов Сокольского и Вельского). В моих («необязательных») переговорах трудность представляла лишь Курляндия, относительно которой я соглашался на «исправление границ». Не знаю, как мы можем уступить Либаву^{II}. Вопрос о Крыме и Закавказье не был затронут, и я опасаясь, что за умолчанием могут скрываться особые виды Германии на эти опорные пункты

---

^I Если будут настаивать на выходе ее к Ледовитому океану, я предлагал бы (не трогая, конечно, Мурман) обмен ближайшей к Норвегии полосы на Выборгскую губернию. — *Примеч. автора.*

^{II} Важная военно-морская база Балтийского флота. Ныне Лиепая в Латвии (область Курземе).

в будущей борьбе с Англией. Но этих территорий, конечно, мы пожертвовать не можем. При прежнем взгляде трудность представлял также вопрос об особых правах Украины, которую германцы хотели наделить правами Баварии. Я не отрицал возможности идти относительно Украины несколько дальше простой автономии, с тем чтобы это не служило образцом для других объединяемых частей, но не соглашался ни на особую армию, ни на остатки дипломатического представительства, ни на расширенных правах относительно железных дорог, почты и телеграфа и т. д. Основным требованием объединения я считал суверенитет центральных органов, единство территорий и гражданства, а также создание верхней палаты не по типу *Bundesrata*²¹¹.

3. Так как при такой постановке вопроса Германия должна искать своих преимуществ не в территориальных приобретениях, а в экономических выгодах, то необходимо теперь же привлечь наших промышленников к пересмотру этой части Брестского договора и просить их указаний, до каких пределов могут здесь простираться наши уступки, — вообще необходимые. Я обращался с этой просьбой к профессору Савину в Киеве и к А. И. Каминке в Петрограде, но надо, чтобы эта работа была предпринята в Москве — и немедленно.

4. Помимо общих уступок по торговому договору, придется сделать (или санкционировать) и временные — для территорий, ныне занятых германцами. Но при этом необходимо, во-первых, ввести в определенные правовые границы, не предусмотренные, кажется, в учебниках международного права, — власть германцев в области администрации и суда, теперь безграничную фактически даже на Украине, не говоря о Литве, и, во-вторых, оговорить, для ближайшего же времени, полную свободу сообщений и товарообмена для объединенных областей, единство валюты и помочь как вооружением (у нас же отобранном), так и денежным займом при немедленном восстановлении нашей армии.

5. Признание нейтралитета, по необходимости благожелательного, относительно германцев, но с прекращением всяких военных действий на территории восстановленной России. Национальное правительство, кроме единства, должно дать России действительный мир и выход из войны, чего не могли дать большевики: в этом будет его санкция в глазах населения.

Быть может, в Москве считают преждевременным говорить о началах будущей внутренней политики; но, мне кажется, и тут необходимо было бы заблаговременно сговориться; без этого трудно было бы приступить к группировке сочувствующих «правому центру» элементов на местах. Поэтому предлагаю на обсуждение несколько пунктов, которые кажутся наиболее существенными.

1. Устройство коалиционной власти на основе программы «правого центра», но с устранением из ее состава сторонников самодержавия, с одной стороны, и сторонников ориентации «Левое центра» и прежнего Учредительного собрания, с другой стороны.

2. В интересах поддержки демографических слоев (крестьянство и кооперация) и восстановления социального мира, немедленный приступ к аграрной реформе, восстанавливающей все нарушенные права, но имеющей целью найти решения, возможно близкие к сложившемуся фактическому положению землевладения. Восстановление свободы земельных сделок до реформы, без нарушения ее принципов и с принятием немедленных мер против перехода земли в собственность иностранцев.

3. Пересмотр избирательного закона для городских и земских органов самоуправления : введение возрастного ценза и ценза оседлости, двухстепенность выборов в деревне, пересмотр вопроса о волостном земстве, но не возвращение к куриальной системе и не восстановление старых земств.

4. Установление переходного периода до начала функционирования правильного национального представительства. Созыв, в случае необходимости, для переходного периода, совещательного органа, вроде «совета республики», из общественных элементов, стоящих на государственной точке зрения, и вероятно, при его содействии, также и политическом представительстве.

Способов санкции основного Закона, октроированного монархом, я не касаюсь здесь, но обращаю Ваше внимание на то, что долженствующий быть опубликованным от имени монарха основной Закон должен быть готов ко времени создания нового правительства, и было бы очень печально, если бы он оказался похож на временные основные законы Скоропадского и Краснова. Надо теперь же засадить за эту работу наших юристов (Нольде, Лазаревского, К. Н. Соколова, В. М. Гессена).

Письмо князя Г. Н. Трубецкого

12 августа 1918 г. (нов. стиля)

Моя оценка положения в Украине разделяется Павлом Николаевичем. По моей просьбе, он формулировал основные свои положения, которые пересылаются Вам за № II.

Я уже писал Вам, в силу каких условий он должен был покинуть Киев. Есть полное основание думать, что на гетмана было оказано влияние со стороны германцев. Чрезвычайно важно добиться возможности для Милюкова вернуться в Киев. Прежде всего это будет для нас показателем искренности германцев. Всего больше, как я уже писал, следует опасаться, что под лозунгом восстановления России немцы хотят прове-

сти частичное разрешение вопроса, как это отмечает П. Н. Нечего и говорить, что на такое решение мы идти не можем и не должны, а если они будут запрашивать нас, как мы бы отнеслись к другому правительству, которое согласилось бы стать на их точку зрения, то мне кажется, надо оговорить, что мы сохранили по отношению к нему полную свободу оценки, в зависимости от того, насколько его программа будет отвечать нашим целям, от коих мы отступить не можем.

Если немцы стоят за частичное разрешение, тогда понятно, что пребывание Милюкова в Киеве для них весьма неудобно. В той же мере для нас существенно было бы иметь в его лице в Киеве представителя Правого центра. Пока он был в Киеве, он участвовал в регулярных совещаниях к.-д. министров. Его участие служило для них и коррективом и импульсом к более энергичному отстаиванию русской точки зрения. Положение к.-д. партии на Украине — преобладающее между всеми элементами, на которые может опереться власть. Я не особенно верю в удачу попыток составить правительство из правых, ибо для этого нет людей и такая власть рискует выдернуть из под своих ног окончательно всякую опору. Кроме партии, вокруг Милюкова может начаться группировка здесь и других элементов, как справа, так, может быть, и слева.

Не следует забывать, как все переменялось! Ведь, как это ни дико, но для штаба Добровольческой армии, например, позиция Милюкова — слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного собрания, и не высказались еще за монарха. (По доходящим сюда сведениям, подавляющее большинство офицерства там — монархисты, и это обстоятельство заставляет, быть может, штаб высказаться определеннее, но как в этом случае они примкнут к фронту Учредительного собрания?)

По мнению Милюкова, будущая власть должна быть коалиционной. Самый термин сначала смутил меня, ибо с ним связаны воспоминания о недавних экспериментах. Но добавление, что коалиция может быть только с партиями и людьми, принимающими программу Правого центра, отстраняют всякое сомнение, ибо в таком смысле Правый центр сам есть ничто иное, как коалиция. Павел Николаевич полагает, что если б нашлись среди социалистов люди, готовые принять нашу программу, то их желательно было бы включить в состав правительства. Я с этим согласен, ибо если такое чудо случится, то такие социалисты перестанут быть социалистами, и надо будет их расценивать по их личному удельному весу и авторитету их имени.

Милюков касается вопроса о первоочередных реформах при образовании нового правительства. Я не знаю взглядов на этот вопрос Пра-

вого центра, но с своей стороны, учитывая всю обстановку первого периода, считаю этот вопрос весьма существенным.

Надо все время помнить, как долго мы будем слабы. Хорошо, если в нашем распоряжении будет армия в несколько десятков тысяч человек, и то, конечно, не сразу. Но ведь это — капля в русском океане. Ведь у австро-немцев на Украине 600 тысяч, и все-таки это вроде гомеопатии. А когда мы получим такую цифру вполне надежной для внутреннего употребления армии? Можно ли рассчитывать на систему карательных отрядов?

Те, кто мечтают получить это от немцев и готовы ради **этого** поступиться многим другим, глубоко разочаруются. На Украине немцы прибегают к принуждению, чтобы получить хлеб, но они вовсе не расположены восстанавливать своей силой прежний уклад. Они сами настаивают на проведении аграрных реформ.

Можно спорить о целесообразности такой постановки вопроса с точки зрения государственно-экономической, — той, которая формулирована в нашей программе. Но с точки зрения политической, мне кажется гораздо разумнее нам самим взять в свои руки и повести дело, которое заставят нас иначе сделать или немцы или сила вещей.

Украинские наблюдения склоняют к мысли, что на первых же шагах желателен приступ к строительству не только порядка, но и социального мира, что иное мы можем противопоставить пропаганде эсеров в деревне? Пусть здоровые элементы в деревне почувствуют, что от новой власти они получают хотя и меньше того, что им сулят пропагандисты, за то крепче и вернее. Это будет отвечать первой насущной необходимости для новой власти — выйти из тесного классового и интеллигентского окружения и упрочниться на более широком базисе. В ту меру, в какую удастся справиться с этой задачей, она сможет рассчитывать и на надежность и укрепление новой армии. Ведь придется строить разом все заново.

Что касается вопроса о местном самоуправлении, то, по мнению Павла Николаевича, лучше на самых первых порах обойтись вовсе без них, чем реставрировать старые земства с старыми этикетками. Высказал он это в ответ на мою мысль, что трудно составлять новые избирательные законы, когда в стране ничего еще не утряслось, как следует, и всякий эксперимент был бы скачком в неизвестность.

Высказанным предположениям Милюков придает характер первоначального отправного пункта для выработки окончательных положений. Он находит своевременным поставить их без замедления на обсуждение Правого центра.

Вот те немногие дополнения, которые я имею сделать по поводу его сообщения. Он признавал бы желательным, — и я к этому присоеди-

няюсь, — если бы раньше подписания окончательного соглашения сюда мог приехать Н.¹ Может быть, это совпало бы с окончанием намеченного мною объезда и я мог бы к тому времени снова быть в Киеве. Если Вы будете в постоянном контакте с Игорем Платоновичем Демидовым, то последний сообщит мне своевременно, куда следует, об этом.

Приехав к Коростовцам, я предполагал, переговорив обо всем с Милюковым, выехать в Киев обратно на следующий день, но гостеприимные хозяева настояли на том, чтобы я остался. От общей усталости и от чего-то съеденного на пароходе я заболел и задержался у них на несколько дней.

Усадьба Коростовцев была не реставрацией, а подлинным сохранением старого. Она осталась нетронутым оазисом среди общей разрухи. Владельцам усадьбы пришлось немало претерпеть за зиму во время хозяйничания большевиков, а потом самостийников. Рядом с ними была зверски вырезана целая семья помещика.

Когда большевики захватили власть в Киеве и военные части начали расходиться по домам, молодой Коростовец завербовал себе в имение 10 солдат из стоявшего в Киеве Кирасирского полка. Три брата Коростовца, служащие в усадьбе и солдаты составили маленький отряд, который смело отстаивался от грабителей, хулиганов и крупных большевических банд; последние неоднократно пытались овладеть усадьбой. Жены молодых Коростовцев были также вооружены. Когда они садились ужинать, у каждого мужчины рядом была винтовка, а подле своего прибора жены клали револьвер.

Благодаря такой стойкой обороне, усадьба и все хозяйство остались целы и невредимы. Хозяйка усадьбы, старушка мать Коростовцев, немного глухая, была добрейшее существо и олицетворяла гостеприимство. Она не знала, чем ублажить и как потчевать своих гостей. Она с такой доброй улыбкой угощала своими деревенскими изготвлениями, что невозможно было отказаться и приходилось всего попробовать по два раза.

В тот день, что я приехал, кончили убирать хлеб. Бабы с пением и венками из колосьев пришли к барскому дому. По старому обычаю, барыня венчала короной из колосьев женщину, которую выбрали царицей, и начался сельский бал, праздновали дожинок²¹². Поздно, засыпая, я слышал звуки флейты и бубен.

Меня поселили, вместе с Милюковым, в отдельном домике, напротив главного дома, где жили хозяева. В окно комнаты врывались

¹ Барон Б. Э. Нольде, которому поручено было Правым центром вести переговоры с германцами. Он жил летом в Павловске под Петроградом и приезжал в Москву. — *Примеч. автора.*

розы и весь сад был ими полон. Хозяйка особенно любила розы, у нее было громадное их количество и они цвели все лето.

В большой дом мы ходили на трапезы, за которыми собиралась вся семья. Переболев немного, я встал к воскресенью и застал у хозяев целое общество соседей, преимущественно женщин и девушек. Приехала семья известного земского деятеля Хижнякова, графиня Милорадович и другие. — Это была милая нетронутая провинция, такая как могла бы быть 30, 40 или 50 лет тому назад, — быт среднего русского помещичьего общества, одинаковый на севере, в центре и на Юге России. Сначала музицировали. Милюков легко играл на скрипке. Ему аккомпанировала бойкая гимназистка. Потом присоединилась барышня, которая выводила мелодии на гребенке. Затем начался бал. И стар и млад плясали до упаду, от чистого сердца.

Насытившись танцами, начали играть, конечно, в *secrétaire*¹. Посыпались вопросы с лукавыми намеками и всем, что водится в таких случаях и что вызывало взрывы смеха и подстрекало любопытство. На одной бумажке было написано: «Кого Вы больше любите, — Павла Николаевича или Григория Николаевича?» — и с деревенским радушием, так, чтобы всех угостить, было отвечено: «Павла Николаевича я люблю старой любовью, а Григория Николаевича — новой». — Наконец, когда все шутки и остроумие истощились, когда желудки были так полны, что уже не вмещали в себя новых яств, хозяева и гости разошлись спать.

На следующий день я уехал вместе с Милюковым, которого вызывали в Киев. Перед отъездом милая старушка Коростовец, которая видела меня в первый раз, серьезно упрекала меня, отчего я не приехал со всей семьей, и прямо тронула меня, когда, слегка покраснев, стала приглашать меня переехать к ней со всеми на житье. «Вы видите, что у нас всего много, мы вам предоставим весь дом, где Вы живете. Право, Вашим детям будет лучше в деревне, чем где-нибудь в городе. А мне просто стыдно, что мы одни всем этим пользуемся».

Милая, добрая старушка! Что осталось теперь от этой мирной идиллии? — Боюсь, что она не выдержала новых более серьезных испытаний и сметена волной петлюровщины и шедших по ее пятам большевиков. Второе водворение их на прежнем месте всегда обходится хуже первого.

Мы застали в Киеве Вас[илия] Алекс[андровича] Степанова, который проездом в Добровольческую армию хотел повидать Милюкова. Он ехал с французом Gaulquier, которого надо было тщательно прятать от немецкого наблюдения. Последний ехал с польским паспортом, но был очень неосторожен.

---

¹ Секретер (*secrétaire*) — игра, состоящая в угадывании фразы по начальным буквам слов.

Свидание со Степановым, который раньше всегда беспрекословно подчинялся авторитету Милюкова, показало последнему, как разошлась с ним его партия. В Милюкове была ценная черта — его силы воли и самостоятельности суждения. Эта последняя особенность развивалась у него с годами. В более ранние годы его упрекали в заигрывании с левыми, теперь такой упрек был бы положительно несправедлив. Он совершенно не считался с вопросом о личной популярности и с левыми течениями. Ему, конечно, было тяжело остаться в одиночестве, покинутым своей партией, в которой он играл роль непогрешимого папы, но в нем была большая доля упорства и много задора в характере. Это был человек боевой и любивший бороться. Со времени переворота во мне не раз вызывал уважение его самостоятельный образ мысли, но я должен признать, что к этому ценному качеству прибавлялся и сильный недостаток чуткости и такта. Он пересолит и в вопросах об ориентации и был неосторожен. Ибо одно было допускать возможность соглашения с Германией, если бы она пошла на приемлемые для нас условия, а другое это поверить, что оно непременно осуществится, как это, по-видимому, и случилось с Милюковым. А произошло это потому, что он был мозговик и доктринер, и когда он приходил к выводу, что такое решение разумно, он мало учитывал, что в больших решениях последнее слово останется не за мозгом, а за другими факторами. Так было и в вопросе германской ориентации. Во всяком случае, ему, лидеру к.-д. партии, не следовало себя компрометировать слишком определенными открытыми заявлениями о желательности соглашения с Германией, которые производили особенно странное впечатление, после того что немцы выслали его из Киева.

Я пробыл еще некоторое время в Киеве. Новых впечатлений за это время не прибавилось. В Киев приехал из Москвы А. В. Кривошеин. Он скоро стал в самом центре политического водоворота. По его просьбе, я составил записку, в которой изложил главные основы возможного нашего соглашения с Германией. Записка была анонимна. Ее должен был передать немцам Ф. В. Шлиппе, бывший председатель Московской губернской земской управы, которому также пришлось бежать из Москвы. Он и там поддерживал с немцами отношения. Это был очень милый и верный человек, и хотя был убежденным сторонником соглашения с немцами, однако не был способен поступиться ради этого достоинством России. В мою записку, по его просьбе, я внес поправки, усиливавшие ее. Записка была прочитана и Милюковым, ее одоббившим. Впоследствии, когда в Киеве образовался Совет государственного объединения²¹³, он ее принял в качестве своей программы. Прилагаю здесь эту записку.

Записка об основах возможного соглашения с Германией

Нижеизложенное представляет усиленную попытку добросовестно разобраться в преобладающих течениях умеренных кругов московского общества и подвести итоги их взглядам на современное положение вещей. Следует оговориться, что события так быстро чередуются и изменяют общую обстановку, что пишущий эти строки не может быть уверен в том, насколько полно его взгляды отражают в данную минуту настроение Москвы, которую он покинул две недели тому назад.

Сторонники соглашения с Германией в Москве объединены двумя руководящими началами: 1) восстановление единства и территориальной целостности России и 2) создание сильной независимой национальной власти на основе конституционной монархии.

Люди этих взглядов полагают, что многочисленные социальные, экономические и политические факторы создают благоприятную почву для возможно более тесного сближения между Россией и Германией. России нужны долгие годы для внутреннего строительства и водворения прочного социального мира. После всего пережитого, возрождение страны потребует упорной работы, в которой разумные либеральные реформы должны сочетаться со здоровым консерватизмом, и развитие страны согласовалось бы с национальными началами, отвечающими быту, характеру и религии русского народа. Такое направление государственной жизни России, в согласии с ее историческими традициями, сближает ее с теми началами, в которых росла и крепла сама Германия. Сродством этих начал объясняются узы традиционной дружбы между Россией и Германией, уходящие корнями в далекое прошлое. Казалось бы, что в настоящее время после всего пережитого Германией не приходится бояться со стороны России каких-либо опасных воцелений в области внешней политики. Армия нам нужна не для завоеваний, а для обороны и поддержания внутреннего порядка. Пережив безумные эксперименты крайнего социализма, народ увидел, в какую пучину бедствий, голода, анархии толкнули его непрошеные благодетели. Наше оздоровление может скоро начаться, как только сложатся для этого благоприятные внешние условия. Но борьба с крайними левыми течениями и анархией в такой степени представляет необходимость для победоносного германского правительства, как и для России, еще не оправившейся от пережитых испытаний. Здесь заложено внутреннее основание для сближения между обоими народами и государствами. Вот почему убежденные сторонники соглашения с Германией не могут руководиться изменчивыми настроениями, данной минуты. Их убеждение в желательности тесного сближения с Германией построено не на временных комбинациях и даже независимо от исхода войны, а на

сознании длительных руководящих интересов и начал в общем государственном развитии России.

К сожалению, нельзя все же не признать, что за последнее время целый ряд факторов сложился неблагоприятно для общественного течения, возлагающего надежды на возможность соглашения с Германией. Пишущий эти строки, являясь убежденным сторонником такого соглашения, считает себя тем более обязанным не закрывать глаза на факты и с полной откровенностью их высказать.

Брестский договор никогда серьезно не учитывался общественным мнением России как факт окончательный и бесповоротный. С ним не только не мирится национальное чувство, но умеренные круги всегда исходили из убеждения, что сама Германия не может серьезно верить в возможность окончательного расчленения России и в жизнеспособность тех единиц, которые на бумаге признаны самостоятельными государствами. Чем больше времени проходит со дня подписания Брестского договора, тем больше в кругах, расположенных к Германии, возрастают сомнения и колебания. Политика Германии представляется неясной и порою двусмысленной. Сохранение добрых отношений с большевиками после убийства Государя, одобренного советской властью, равнодушное попустительство со стороны Германии массового расстрела русских офицеров — сильно охладило расчеты сторонников соглашения, которые полагали, что для монархической Германии продолжение подобных отношений с партией цареубийц совершенно невозможно.

Тяжелые меры по отношению к русской промышленности, как то: «национализация промышленности», опечатание мануфактуры и проч. с основанием или без основания приписываются в Москве влиянию Германии, извлекающей из этого выгоды, с другой стороны — укрепление самостоятельности Украины, — все это пошатнуло симпатии к Германии в кругах, еще недавно наиболее к ней расположенных.

При таких условиях серьезная политическая группа, которая взяла бы на себя ответственность создания власти на основах соглашения с Германией, не может этого сделать, если не будет иметь возможности, одновременно с образованием нового правительства, оправдать свой образ действий теми несомненными благами, которые даст это соглашение.

Мы обладаем только моральной силой. Мы не можем торговаться о тех или других выгодах с германским правительством, но тем более это обязывает нас только тогда пойти на соглашение с Германией, если мы при этом не потеряем, а укрепим наш моральный авторитет и докажем, что это соглашение есть не результат временной комбинации, а может стать началом новой здоровой ориентации всей государственной жизни России. Исходя из этого убеждения, московские уме-

ренные круги (так называемый Правый центр) полагают, что соглашение с Германией могло бы формулироваться приблизительно в следующих общих чертах.

Установление независимой национальной власти с провозглашением принципа конституционной монархии. Главной задачей нового правительства было бы водворение порядка и упрочнение социального мира при помощи осуществления широких реформ, совместимых с принципом личной собственности. Новая власть должна иметь возможность в первом же акте по своему образованию опубликовать свою программу, в коей будет возведено восстановление территориальной целостности России, пересмотр Брестского договора в полном объеме и строжайший нейтралитет в продолжение нынешней войны.

Для сего необходимо, чтобы предварительно между особо уполномоченными лицами, имеющими войти в состав правительства, и официальными представителями германского правительства было заключено секретное соглашение. Сущность этого соглашения сводилась бы к следующему: прежде всего, как уже сказано, восстановление единства и территориальной целостности России, включая сюда области, занятые Германией и ее союзниками Австрией и Турцией, а также Румынией. Из этого было бы выключено независимое польское государство, в которое вошло бы бывшее Царство Польское, за исключением Холмской губернии. Возможны были бы некоторые исправления границ на основных этнографического принципа по взаимному договору.

Трудность возникла бы в вопросе о Финляндии, независимость коей пока признана Германией. Для нас Финляндия представляет интерес главным образом с точки зрения безопасности Петрограда. Если стратегический вопрос, который должен быть освещен военными экспертами, получил бы благоприятное разрешение, то можно было бы прийти к соглашению и на счет основных условий особого положения Финляндии.

В германских кругах существуют, по-видимому, некоторые виды на Курляндию. Не исключая возможности частичного исправления границы, если бы таковое было признано желательным, позволено поставить вопрос: неужели целесообразно оставлять в русско-германских отношениях тяжелую занозу, которая конечно осталась бы, если от нас потребуется территориальная жертва, связанная с потерей Либавы? Быть может, для Германии было бы выгоднее в данном случае проявить мудрую умеренность и тем облегчить положение первого русского правительства, которое поставит своею задачею сближение с нею.

Если бы для осуществления намеченной программы выяснилось необходимость временного, хотя по возможности менее продолжи-

тельного пребывания германских войск в некоторых ныне оккупированных областях России, то в этом случае представляется целесообразным выработать особое соглашение, регулирующее права и обязанности различных органов власти как оккупирующих держав, так и России, с соблюдением военных интересов первых, и, с другой стороны, возвращение этих областей всецело под власть центральных русских органов управления, как только к этому представится возможность; в период же пребывания германских войск на русской территории соглашение имело бы также целью обеспечить права и обязанности, а также материальные интересы местного населения.

Воссоединению единства России предшествует обособление в настоящее время отдельных областей. С этим фактом нельзя не считаться. В интересах будущего государственного строя — поощрять развитие местной жизни и местного самоуправления. По отношению к Украине в ее этнографических границах и Балтийским провинциям целесообразно установление особого автономного режима, с соблюдением, однако, всех prerogativ верховной власти управления России.

Кроме определения границ, Брест-Литовский договор подлежит пересмотру и в других отношениях, особенно в области экономических интересов. Ничто не может в той же мере способствовать упрочнению добрососедских отношений, как установление правильного товарообмена к выгоде обоих государств. Германия заинтересована в правильном снабжении ее продовольствием, и новая власть приняла бы, конечно, все меры к упорядочению вывоза хлеба и других продуктов в Германию в размерах, совместимых с удовлетворением внутренней потребности самой страны. С другой стороны, Россия рассчитывала бы на содействие германского правительства к получению по нормальным ценам недостающих нам товаров и военного снаряжения. Наконец, чисто политическая сторона соглашения могла бы выразиться в открытом провозглашении новым правительством строжайшего нейтралитета во время настоящей войны. Кроме того, оно могло бы обязаться, что не вступит ни в какое политическое соглашение, направленное против Германии.

Таковы в самых общих чертах основы соглашения, которые конечно должны быть разработаны и частью исправлены согласно указаниям сведущих и ответственных людей. Пишущий эти строки задался лишь целью свести в одно и набросать взгляды, в общем верно отражающие взгляды его единомышленников.

В беседах с германцами иногда приходится наталкиваться на следующее возражение: если мы дадим вам все, что вы хотите, какая гарантия у нас, что через два месяца ваше правительство не переменит ориентацию и не пойдет против нас.

Такое возражение можно делать вообще против всякого соглашения. Пусть одни письменные гарантии признаются недостаточными, но крепость всякого соглашения зиждется в основах, которые в нем заложены. Если оно обеспечивает жизненные интересы договаривающихся сторон, то какие более прочные гарантии могут быть найдены?

Надо отдать ясно отчет в положении: русский народ никогда не примирится со своим расчленением и унижением. Его стремление к воссоединению не может быть уничтожено никакими искусственными образованиями и принудительными мерами, что можно наблюдать уже и теперь, когда так ярко выступила несостоятельность раздробления России.

Россия будет стремиться к возрождению или против Германии, или при ее помощи. Мы верим в возможность и плодотворность второго решения. Если в минуту великого испытания Германия, пока еще не поздно, пойдет нам навстречу, она заложит основание тесного сближения гораздо более прочное, чем всякие гарантии. Соглашение должно быть полное. Нельзя оставить места идеям реванша, нельзя оскорблять национального достоинства и самолюбия несчастного, но великого народа.

Другой вопрос, который иногда слышится в устах германцев: вы хотите все получить, а какую выгоду извлечет из этого Германия?

Мы не в том положении, чтобы мы могли убеждать Германию, в чем ее выгода, но мы сами спросим себя, что для нее выгоднее: Россия в настоящее время — в состоянии анархии, хаоса, очага смуты и пропаганды, и далее, когда прекратится это состояние, которое не может быть вечным, Россия — униженная, расчлененная, затаившая непримиримую вражду к Германии? — или же Россия, возрождение коей пойдет в русле сближения с Германией, Россия, представляющая неисчислимые ресурсы естественных богатств, широкое поле для предприимчивости и приложения сил германских капиталистов и промышленников к обоюдной выгоде обоих народов?

Если искать выгоды в иной плоскости, в том, чтобы выкроить в свою пользу обширную территорию или в том или другом виде получить контрибуцию, то, конечно, сильная Германия может всего этого достигнуть в настоящее время от обессиленной России, но русские люди, думающие о возрождении своей родины под знаменем монархии, на такие жертвы пойти не могут. Они останутся пока зрителями бедствий, обрушивающихся на Россию, с крепкой верой, что попытка расчленив Россию так же не удастся, как в свое время не удалась попытка расчленив Германию. Время за нас — эта вера нас никогда не покинет, но для решения вопроса в русле соглашения с Германией настал, может быть, последний час.

В заключение, пишуший эти строки просит не посетовать на него за ту полную откровенность, с которой он высказал свои взгляды и опасения. Для него, как убежденного сторонника соглашения с Германией, представляется необходимой полная ясность и договоренность мыслей между обеими сторонами. Думать иначе значило бы не верить в правоту основной мысли, что соглашение и сближение с Германией отвечает жизненным интересам обоих государств. Пусть сильная Германия пойдет навстречу слабой сегодня России.

Киев, 8/21 августа 1918 г.

Глава VII

Дон. Атаман Краснов

В этот приезд свой в Киев я остановился у Даруси Горчаковой. Моя жена и Костя уже уехали, первая — в Новочеркасск, второй — в Крым к Бутеневым. 8 августа я выехал в Новочеркасск через Екатеринослав^I. Туда ходили курьерские поезда и так скоро, как раньше никогда не ходили. Расписание было составлено немцами. Поезд качало из стороны в сторону от быстрого хода.

Вдруг, среди ночи, мы были разбужены сильным толчком. Вещи выскочили из сеток. Еще несколько ударов, и поезд остановился. Оказалось, что злоумышленники развинтили гайки из рельсов. По счастью, машинист оказался быстрым на соображение и при первом толчке затормозил поезд. Ехавший с нами инженер говорил, что, видно, в поезде едет счастливый человек, ибо по всем правилам должно было произойти крушение. Между тем пассажиры отделались легким и коротким испугом. Пришлось прождать несколько часов в поле, после чего мы пересели в теплушки²¹⁴ и двинулись в путь и без дальнейших приключений прибыли в Екатеринослав. Оттуда, через Таганрог и Ростов, я прибыл в Новочеркасск и дальше в Персияновку.

Семья моя поместилась на одной даче с Орловыми-Денисовыми. Я тут только узнал, как была добра с моими детьми Ольга Богдановна^{II}. Она почти нас не знала до этого, но после бегства моей жены перевезла наших мальчиков к себе и была к ним заботлива, как к собственным детям. Весной, одно время, большевики покинули Новочеркасск, но потом решили вернуться с новыми силами. Тогда все способные носить оружие ушли из города в партизанские отряды. Ушел и старший

^I Екатеринослав в 1926 г. переименован в Днепропетровск, а в 2016 г. — Днепр; ныне областной центр Украины.

^{II} Автор ошибся — имеется в виду Ольга Феофиловна Орлова-Денисова.

Орлов — Петя и Николай Лермонтов, и бывший при наших детях учитель, Виктор Иванович Ильенко¹, воспитанник Московской духовной академии. Тогда-то Ольга Богдановна и приютила наших ребят, оставшихся без всякого надзора.

Наши мальчишки сдружились с Орлятами так, как это бывает только в эти годы. Орлята были старше их. Петя только что кончил гимназию, Пульке было — 17, Юрке — 15 лет, но летом все развлечения были общие. Было приятно смотреть всю эту лестницу оживленных славных рож, когда по вечерам они усаживались на одну скамью и уплетали за обе щеки кашу^{II}.

Персиановка представляла мало прелести как дачное место. Деревьев было немного, была небольшая речка, в которой полоскались и удили рыбу наши мальчишки. Но им было весело. Они проводили день в общей дружной компании. Там же, в Персиановке, жили Гагарины, Лермонтовы и молодые Осорины.

После Украины Дон произвел на меня приятное впечатление. Здесь, в первый раз, я увидел трехцветный наш флаг, правда, рядом с Донским. Здесь, также, я увидел впервые хорошие дисциплинированные части — результаты энергичной работы атамана Краснова. В Персиановке стоял Атаманский казачий полк, весь исключительно из молодых новобранцев, не испорченных строем после революции. Это была настоящая часть, какие были в доброе старое время.

Новочеркасск сохранил свой прежний облик. Немцев не видно было на улицах. Словом, внешнее впечатление было вполне благоприятное. Я повидал кое-кого из старых знакомых, также министров, и, ознакомившись с внутренним положением, увидал, что не все так хорошо, как кажется.

Все и всех на Дону заслоняла властная фигура Краснова. Он был выбран атаманом весною, когда Новочеркасск был освобожден от большевиков, и наступила естественная реакция. Это был тот самый Краснов, который вместе с Керенским совершил неудачный поход на Петроград после его занятия большевиками. Рассказывали, будто он торговался с большевиками, предлагая им выдать Керенского в обмен на Ленина и Троцкого.

---

^I В эмиграции отец Виктор Ильенко. — *Примеч. автора.*

^{II} Семейство Орловых-Денисовых особенно пострадало. Отец, граф Орлов-Денисов, был один из первых казаков замученных ГПУ. Он был замучен холодным оружием в «Красноярской роще». Несколько месяцев спустя погиб Петр в партизанском отряде. При Краснове погиб Василий (которого мы называли Пулькой) в Лейб-гвардейском казачьем полку. Младший сын, Юрий, потомства не оставил и род знаменитого атамана Орлова-Денисова прекратил свое существование. Сохранились только побочные линии — к ним принадлежит и моя жена. У нас висит портрет атамана, зарисованный в Париже, когда его донцы стояли на Елисейских полях. — *Примеч. М. Г. Трубецкого.*

Краснов был убежденный правый, монархист. Но в общем это был человек умный, честолюбивый, энергичный и неразборчивый в средствах. В сущности, для маленького Дона это был как раз подходящий человек при данных обстоятельствах, когда нужно было изворачиваться с немцами и вести во всю работу по созданию вооруженной силы и освобождению Дона от большевиков.

За несколько месяцев ему удалось достигнуть результатов, которыми он не мог не гордиться. Большая часть Донской области была освобождена. Были подготовлены в тылу новые свежие части на смену старых, сражавшихся с большевиками. Эта мера вскоре доказала всю свою благотворительность, ибо старым фронтовикам надоело воевать, и среди них скоро обнаружились опасные признаки разложения.

Краснову приходилось бороться с крайне неустойчивым настроением казачества. На их пыл никогда нельзя было положиться. Они быстро забывали горькие уроки, которые получили от большевиков. Притом последние недостаточно долго оставались в освобожденных от них южных округах Дона. Поэтому казаки еще не успели тогда вкусить всех прелестей большевицкой власти. Благодаря этому на Дону, как и вообще на юге России, не изжиты были туманные утопии социализма и народничества.

Самовластный режим Краснова раздражал многих местных деятелей, которые сами хотели бы играть роль. Среди военных, предводители партизанских отрядов, вроде Семилетова или Сидорина, чувствовали себя обиженными. Против атамана были восстановлены местные кадеты, с Парамоновым во главе, который привык вершить за кулисами все дела. Ошибка Краснова была в том, что он не сумел привлечь к себе тех и других. Он предпочитал властвовать безраздельно и не брезгал никакими средствами, чтобы устранять нежелательных соперников.

С немцами он вошел в личные тесные сношения, и последние открыто его поддерживали. Краснову пришлось созвать войсковой круг²¹⁵. Я приехал как раз к его открытию.

Краснов был великий мастер пускать пыль в глаза. Он выработал торжественный церемониал открытия круга, извлек из музея старинные регалии — булаву, пернач, бунчуки, закатил парад молодых частей, после которого круг, хотя и собрался в недружелюбном к атаману настроении, произвел его из генерал-майора прямо в полные генералы. Правда, что за публика собралась в этом кругу!

Я получил от председателя Донского кабинета, генерала [А. П.] Богаевского, разрешение посещать круг. Одно зрительное впечатление было удручающим: это была в громадном большинстве серая полуинтеллигентная, а иногда и вовсе не интеллигентная масса; в тужурках за-

щитного цвета, без погон, они напоминали Совет солдатских депутатов и по своему уровню были не выше его. Понятно, что люди эти совершенно не могли и не умели разобраться в политических вопросах и легко поддавались своеобразной демагогии какого-нибудь Агеева, который снова занял руководящую роль. Ораторы льстили им, превознося без меры «Всевеликое войско Донское», — казаки падки на шумиху и самопревозношение. Этим пользовались враги Краснова, указывая на то, что он не признает Круга, а хочет самостоятельно царствовать на Дону.

У казаков не существовало никакого аграрного вопроса. Земли было у них вдоволь, все они были зажиточные хозяева. Но аграрный вопрос получил всю прелесть «ограбного» на Кругу. Было решено отобрать у помещиков без выкупа всю землю, и поделить ее между казаками. Докладчиком был популярный Агеев. Он уже выступил по вопросу о государственном строе Дона, установив принцип народоправства и верховенства круга. Была выработана целая конституция, ограничивавшая власть атамана узкими рамками.

Незадолго до того немцы в Ростове арестовали Парамонова и выслали его из области. Осведомленные люди из состава самого кабинета открыто обвиняли Краснова в том, что этот арест был подстроен им самим. Между тем Краснов официально протестовал и требовал освобождения Парамонова. Противники атамана раздували эти и другие истории и вели сильную интригу против него.

Правда, что Краснов постоянно подавал повод к неудовольствию. По своему темпераменту и беспринципности он во всем пересаливал. Решив опираться на немцев, он не ограничился рамками необходимого, но возымел намерение связаться с самим императором Вильгельмом и написал ему письмо, которое намеревался отправить с герцогом [Николаем] Лейхтенбергским. Последнего он назначил атаманом Зимовой станицы (послом) в Берлине.

Письмо не было послано, но факт и текст его огласились и дали повод председателю Государственной думы Родзянко обратиться к Краснову с резким запросом. Краснов вспылил и после не нашел ничего, как выслать Родзянко из Новочеркасска. В письме предлагалось общее соглашение между Доном и Германией.

У Краснова был маленький чиновник Шульгин, который был посредником его личных переговоров с немцами. Это был ничтожный и сомнительный человек. Один из донских министров предостерегал меня, якобы на всякий случай, что Шульгин шпион. В переговорах с немцами Краснов, несомненно, интриговал и против Добровольческой армии.

Между тем на Царицынском фронте, откуда с часу на час ожидали известия о падении Царицына, произошла внезапно резкая пере-

мена. Казаки были уже в пяти верстах от города, уже отданы были все распоряжения о вывозе оттуда ценного груза. В это время казачьи полки замитинговали, отказавшись драться. На фронте произошел прорыв, и только посылкой молодых частей была предотвращена катастрофа, но фронт отодвинулся больше чем на 50 верст.

Разговоры о народоправстве на Кругу не могли продолжаться при прежнем благодушии. К тому же, немцы категорически заявили, что если Краснов уйдет, то они прекратят всякую помощь казакам. Краснов при таких условиях снова стал хозяином положения и потребовал изменения конституции. Круг принужден был с ним согласиться и просил его остаться атаманом. В сущности, большинство даже тех, кто ругали Краснова, сознавали, что при всех его недостатках он был незаменим. Это была единственная крупная фигура на Дону. Помощник его, генерал Богаевский, был прекрасный человек, но мягкий и нерешительный. Казаки потому и поддерживали его кандидатуру в атаманы, что рассчитывали при нем захватить бразды правления в свои руки. Остальные члены донского «кабинета» были по своему удельному весу не выше обыкновенных губернских чиновников. С самостийностью на Дону, как и всюду, сплетались местные самолюбия, интересы и алчная нажива.

В этой серой провинциальной обстановке неприятно поражал лежавший в основе всех трескучих фраз и всей стряпни узкий шкурный эгоизм. До России мало кому было дела. «Моя хата с краю» — недаром эта поговорка родилась в казачьей среде. Она была беспробудно темная, эта среда, по ней можно было составить себе представление, во что может вылиться принцип народоправства, если он получит применение в России: к засилью полуинтеллигентных вожаков и приспособлению социалистических теорий для удовлетворения низменных инстинктов толпы.

В конце августа я выехал в Екатеринодар¹ и оттуда послал письмо в Центр в Москву, резюмируя мои впечатления от Дона. Вот это письмо.

Екатеринодар, 23 августа 1918 г

[Письмо Г. Трубецкого]

Я надеюсь, что вы получили мои письма из Киева. С тех пор я побывал в Новочеркасске и приехал сюда лишь два дня тому назад. Хотя не успел еще как следует осмотреться, однако не хочу пропустить особого случая, который представляется в Москву.

Прежде всего, о Доне. Все эти маленькие центры отраженно напоминают Киев тем кипением страстей и страстишек, спекуляциями

¹ С 1920 г. — Краснодар.

и интригами, словом, нездоровую атмосферу, которая вызывается новыми условиями политической жизни. Дон выгодно отличается от Украины тем, что в сердце области нет немцев, они только на окраинах, — Ростове, Таганроге и в Донецком бассейне, откуда они полагают вывести на днях войска, о чем заявили Краснову. Такого постоянного повседневного контроля и вмешательства немцев в дела, как на Украине, здесь нет, но все же немецкий глаз и рука все время чувствуются. Всем верховодит умный, энергичный Краснов, честлюбивый, самовластный, неразборчивый в средствах и хамоватый, словом — как раз тип дельца, отвечающего современной большевицкой психике, которая переживает большевиков. Личные свойства Краснова гораздо больше, чем его политика, создали ему непримиримых врагов. По существу дела, Дон не мог не считаться с немцами, как с фактом, и должен был так или иначе определить с ними договорные отношения. Благодаря этому, он сохранил за собою Ростов и Таганрог, который немцы временно занимают. Самое занятие этих пунктов, равно и на севере Донецкого бассейна, дозволило Краснову, пользуясь этим заслоном, заняться форсированием армии, вооружение коей он также получает от немцев. За все эти выгоды Краснов связал себя известными обязательствами, за которые его ругают, — недопущения на территорию Дона врагов, борьбу с общими врагами, — но, в сущности, чего стоят эти обязательства! Как только обстоятельства изменятся и появится иная сила, так полетят и обязательства.

При таких условиях политика Краснова в общем своем направлении не нуждается в оправдании. Но форма, им усвоенная, невозможна. Он перестарался и перехамил. Самый факт письма его к императору Вильгельму хуже его содержания. Письмо было незачем писать, и, в конце концов, оно даже не было передано по назначению, как заявил об этом на круге Богаевский. Вокруг этого письма создалась шумиха, ибо оно послужило причиной высылке из Новочеркасска Родзянки. Не знаю, каким образом текст письма попал в руки противников Краснова, а от них Родзянке. Последний обратился с запросом к Краснову, между ними возникла резкая переписка, и в результате — высылка Родзянки; в этом инциденте обе стороны перещеголяли друг друга в бестактности. Бедный Родзянко переселился в Екатеринодар, где также пользуется весьма относительной популярностью.

С открытием круга противники Краснова связывали больше надежды. За несколько дней до него немцы в Ростове арестовали Парамонова. Общее мнение приписывает этот арест интригам Краснова, который хотел устранить на круге влияние одного из самых опасных по своему уму и положению противников. Наружно Краснов выказал все

признаки протеста и настаивал на освобождении Парамонова, но, по-видимому, тут действительно нет дыма без огня.

При открытии Круга, Краснов произнес очень ловкую речь; чувствуя, что в области растет антинемецкое настроение, он в рассказе о событиях, предшествовавших соглашению с ними, не скрыл все то зло, которое немцы причинили России, но потом с удвоенной силой изобразил бездействие союзников, покинувших Россию на произвол судьбы в отплату за те усилия и жертвы, которые мы ради них понесли в различные периоды войны. Отсюда он ловко обосновал тяжелую необходимость считаться с немцами и указал, что Дон получил взамен того.

Речь Краснова произвела, несомненно, сильное впечатление на круг. Повторяю, политика Краснова вызывает меньше раздражения, чем его приемы. Большинство казаков рады пользоваться результатами его политики и в то же время иметь возможность его ругать.

Обстоятельства, возникшие на Царицинском фронте в первые же дни работы Круга, еще больше укрепили положение Краснова. Целый ряд казачьих полков отказался исполнять приказание о переходе границ области. Началось братание. Большевики прорвали фронт, и только благодаря тому, что их силы недостаточны, не произошло катастрофы. На помощь послана вновь формируемая армия из призыва того же года. Казаки хотели обратиться за помощью к добровольцам, но последние заняты серьезными операциями на Кавказе и раньше, чем их кончат, не могут идти на Дон.

В ту минуту, как я пишу эти строки, еще неизвестно, удастся ли донцам ликвидировать прорыв собственными силами. Если молодые части дрогнут, то Дону останется ждать помощи только от немцев. Последние, вероятно, ее окажут. Им слишком важно занять Царицын, чтобы захлопнуть перед Добровольческой армией дверь на соединение с союзниками.

При таких условиях, заявление, сделанное немцами, что переизбрание Краснова атаманом они ставят условием продолжения прежних отношений с Доном, будет иметь вероятно решающее значение. После смотра новой армии Круг произвел атамана из генерал-майоров прямо в полные генералы. Заслуги Краснова в деле формирования армии несомненно значительны.

Суммируя донские впечатления, я не могу не признать, что положение там весьма мало устойчиво. Казаки воюют с большевиками с прохладцею. Главной приманкою является возможность пограбить убитых большевиков, на которых всегда находят много денег, но в общем война надоела. Не исключена даже возможность новых успехов большевизма в области; большевики ведут умную пропаганду, уверяя казаков, что теперь не тронут их земли и порядков, но что им нужно

только, чтобы в Новочеркасске сидели советские власти, дабы иметь гарантию, что казаков не поведут на чуждые им цели. — Это отвечает слабым сторонам казаков. Я слышал на круге, как один из офицеров говорил, что Дон не должен брать на себя монополию спасения России. Пускай сама себя спасает, тогда и мы поможем. Ему сильно аплодировали, и его успех стал еще значительнее, когда он заявил протест против пропаганды монархизма в «Донском крае» — официозе Краснова. Круг постановил сменить редактора. Один казачий офицер утверждал, что номера «Донского края» приходится прятать на фронте, ибо они действуют сильнее большевицкой пропаганды, вызывая возмущение казаков.

Посудите сами, можно ли рассчитывать на активную роль Дона в деле возрождения России? Самостоятельной силой они во всяком случае не будут, от монополии спасения России «спешат благоразумно отречься». Казаки, как всегда, в далеком и недавнем прошлом, подчинятся той силе, которую сочтут сообразной своим узким шкурным интересам, и скорее даже прогадают в этих своих интересах, чем пойдут на риск. Отечество давно заменилось у них родиной.

Глава VIII

Кубань. Екатеринодар

Екатеринодар, 29 августа 1918 г.

Теперь о Добровольческой армии и Кубани. Численность армии приблизительно за 40 тысяч. Но эту цифру прошу считать *крайне секретной*. К тому же она все время имеет тенденцию к возрастанию. С одной стороны, из Украины, где гораздо больше знают Добровольческую армию, чем в Великороссии, все время идут добровольцы. Немцы за последнее время чинят препятствия, но их много легче обойти, чем большевиков.

Многие записывались в Киеве в Астраханскую армию, потом, переехав за немецкий счет на Дон, отправлялись оттуда в Добровольческую армию. Вследствие этого, немцы, как мне сообщают из Киева, прикрывали вербовку Астраханской армии, но в их распоряжениях нет последовательности. Главный контингент пополнения Добровольческая армия черпает в принудительном наборе, который растет по мере отвоевания новых территорий. — Основное добровольческое ядро армии сравнительно невелико. Поэтому невольно возникает вопрос, насколько остальные части могут быть использованы за пределами области? Это — тот же вопрос, что и на Дону. Я не знаю, как из него выйдут вожди Добровольческой армии. В сущности, чтобы успешно бороться с большевизмом, нужно усвоить его же приемы властвования и диктаторства. Необ-

ходимо не считаться ни с какими гарантиями свободы печати и проч. в военное время, и в то же время уметь оправдать диктаторство реальной пользой. Но для этого нужна железная решимость и умение. Наши военные вожди, бесстрашные в боевом деле, конечно не приспособлены к вопросам политики и управления, и здесь гораздо менее решительны. Рядом с «Россией» [В. В.] Шульгина, открыто проповедующей монархию, здесь издается «Сын отечества» и «Кубанский край», где яростно нападают на Шульгина. Последний вынужден был неоднократно напечатать в своей газете, что он не официоз Добровольческой армии и проводит свои взгляды на свой страх, ибо вожди Добровольческой армии находят несвоевременным выявлять монархические лозунги. Они сами все, конечно, — убежденные монархисты, но считаются с местными настроениями в широких казачьих и интеллигентных кругах, которых вовсе не прельщает монархия, ибо в ней они видят возвращение ко всему старому. Кроме того, вождям Добровольческой армии приходится считаться и с Восточным фронтом, с которым они в ближайшем будущем вступят в связь. Туда через некоторое время проедет Алексеев.

Я имел беседы со всеми генералами. С некоторыми из них, как Деникиным и Романовским, у меня прочные дружеские связи по прошлому. Это мне помогло рассеять сильное предубеждение, с коим меня встретили, как представителя Правого центра, за которым упрочнилась репутация германофильства. Я ознакомил генералов с тем, как обстояло дело ко времени моего отъезда из Москвы, объяснил, почему мы не считали возможным пока связаться ни с одной организацией. В то же время я высказал все сомнения и опасения, связанные с принятием союзной ориентации и Восточного фронта. Основательность этих сомнений сознается вполне и здесь, но вожди Добровольческой армии надеются все же справиться с трудностями. Сюда приезжал с авансами представитель Самарского правительства. Алексеев категорически заявил ему, что ни о каком Учредительном собрании речи не может быть, что их правительство, составленное из неизвестных людей, не может претендовать на авторитет, что армия должна быть построена на началах дисциплины, без заведенных ими комитетов и других «демократизаций». По словам генералов, самарцы ни на что не претендуют, готовы во всем подчиниться и только настаивают на том, что от земельной реформы не могут отказаться. Это «только» достаточно велико, но генералы надеются, что, введя военное управление, и добившись от союзников, чтобы все субсидии шли исключительно через главнокомандующего генерала Алексева всем фронтам, можно будет, не предпреляя коренных вопросов, а занимаясь лишь текущими делами, держать в руках все эти правительства. Вскользь, генерал Алексеев заметил, что некоторые отношения

с правыми эсерами придется иметь. По этому поводу я высказал отрицательное отношение Правого центра ко всякому соглашательству. Кроме того, я старался убедить генералов, что если они решатся в конце концов на соединение с Восточным фронтом, то во всяком случае необходимо им раньше договориться начистоту с союзниками и получить от них гарантию, что они ни с кем иным не будут иметь дело в России, кроме генерала Алексеева, и за ним признают полноту военной и гражданской власти, иначе он попадет в число беспомощных правительств Восточного фронта, а он должен быть над ними и постепенно их ликвидировать. Сам Алексеев решительно высказался против идеи триумvirата и настаивает на объединении полноты военной и гражданской власти в своих руках. Алексеев, видимо, сознает необходимость такого договора, но мне пришлось слышать такое мнение, что время не терпит, что надо ему туда поехать и на месте решить дело. Впрочем, как я уже писал, сентябрь весь уйдет на операции на Кавказе, и до этого Добровольческая армия не тронется на Царицын. А не идти туда же нельзя, ибо только в Царицыне она получит снабжение, которого нельзя найти на Кавказе.

Генералы настроены в общем благоразумно в том смысле, что не желают провоцировать немцев. В числе ближайших предположений Добровольческой армии, отмечу приглашение некоторых лиц из бывшей бюрократии ведать своего рода министерствами при Добровольческой армии. Выбор лиц неодинаково удачен, притом неизвестно, где некоторых найти. Намечены Пильц, Риттих, Феодосьев и, наконец, Сазонов.

Сюда приехал В. А. Степанов, находящийся в деятельных сношениях с Добровольческой армией. Он тоже приглашен в Собрание. С ним же приехал и состоит при Добровольческой армии Gaulquier.

Теперь о личном командном составе. Алексеев произвел на меня тяжелое впечатление своим болезненным видом; надолго его не хватит и, конечно, фактически он не в состоянии быть диктатором. Его помощником и безотлучно на всех приемах присутствует А. М. Драгомиров, свежий, крепкий человек. По убеждениям — монархист, шульгинского толка. С этой точки зрения, хорошо, что ему придется подпирать Алексеева, с которым он в самых лучших отношениях, а впоследствии, быть может, заменит его. Деникин — превосходный боевой генерал, военачальник, олицетворение доблести и чести, с спокойным, здравым смыслом, но не имеющий государственного опыта. Он и начальник штаба Романовский, тоже хороший генерал и прекрасный человек, — по преимуществу военные люди, мало сведущие в гражданских делах¹. Кроме перечисленных

---

¹ Кстати, как я и думал, Романовский, которого почему-то ославили как республиканца, такой же монархист, как и другие. — *Примеч. автора.*

генералов, есть еще Лукомский, ныне командированный в Новочеркасск на круг. Он состоит помощником Деникина. Из генералов Добровольческой армии он больше всех имеет понятия о государственных делах. Это — ясный, легко схватывающий положение ум, и в то же время человек решительный и любящий определенность. В этом отношении его нельзя не ставить выше других, и я надеюсь, что ему удастся сыграть полезную роль в Добровольческой армии; в то же время он в родственных отношениях с Драгомировым, и оба будут вероятно вести общую линию.

30 августа

Теперь приступаю к общим выводам, полученным мною после моего пребывания на Украине, на Дону и на Кубани.

Единственная серьезная сила, с которой нельзя не считаться, — это Добровольческая армия. Она представляет и серьезную материальную и, что еще вернее, нравственную силу, ибо изо всех территорий и образований в России она одна является носителем русской государственной идеи во всей ее чистоте. Без нее и вне нее я совершенно не представляю себе работы по возрождению России. Добровольческая армия, как мне сказал Деникин, гордится тем, что не связала себя пока никакими обязательствами ни с кем, — ни с немцами, ни с союзниками. Она находится накануне решений, которые выведут ее на новую дорогу. Одно решение совершенно исключается, — это невозможность каких-либо соглашений с немцами. Эта тенденция настолько бесповоротна, что об этом не стоит и начинать разговора ни с одним вождем Добровольческой армии. Но я этого не делал и по другим причинам.

Из Киева я вам писал, что всякое решение надо отложить до сентября, когда выяснится, состоится ли Восточный фронт. Если состоится, то я считал соглашение с Германией неосуществимым. Теперь можно считать выясненным, что Восточный фронт состоится, что с ним соединится и Добровольческая армия. Это было бы достаточно, но сюда надо присоединить, что Германия, видимо, также приняла решение. С одной стороны, она подписала с большевиками соглашение, закрепляющее Брестский договор²¹⁶, с другой стороны, обмен тостов между императором Вильгельмом и гетманом в Берлине закрепляет самостоятельность Украины, следовательно, — политику балканизации²¹⁷ России.

Мы добросовестно и осторожно взвешивали все пути возрождения России. Не опасаясь упреков, которые навлекли на себя, останавливались и на возможности соглашения с Германией, как на самом безболезненном решении вопроса. Наша совесть чиста, но упорствовать дальше, настаивая на комбинации неосуществимой, невозможно. Ее надо снять с обсуждения, таково мое убеждение.

Теперь другой вопрос: можно ли и должно ли принять союзную ориентацию? На это ответить гораздо сложнее. Решение надо зрело взвесить и постараться принять его сообща. Можно, конечно, уйти от всякой деятельности и ответственности, но допустимо ли это в такую минуту? Ведь предоставив широкое поле другим и оставив Добровольческую армию с глазу на глаз с «демократией», мы понесем такую же ответственность за бездействие, как и за работу, если от нее не устранимся.

Все это надо взвесить. Напишите мне, что думает Правый центр. Я еду в Крым, где повидаюсь с А. В. [Кривошеиным]. Оттуда также постараюсь вам написать. Мой адрес: Ялта, Симферопольское шоссе, дача Эрлангера, Бутеневым, для меня. Между прочим, не найдете ли возможным прислать сюда поскорее материал, который был выработан по разным вопросам управления. Меня очень об этом просили. Может быть, его даже привез бы сюда Д. М. [Щепкин]. Хорошо бы вступить в контакт с старыми друзьями. Должен сказать, что со стороны Степанова нашел искреннее желание сближения.

Если с рознью в ориентациях будет покончено, одной отравой в нашей жизни будет меньше.

Искренний привет всем.

Г. Т.

***

В Екатеринодар я попал в конце августа. Стояли жаркие душевные дни. Город был переполнен. При помощи коменданта одного из городских районов я нашел себе угол в Кубанском войсковом собрании. Это был угол в буквальном смысле слова, ибо в одной, правда, большой комнате спали 6 человек и комната никогда не убиралась.

Екатеринодар в это время года производил недурное впечатление, хотя для южного города в нем было недостаточно зелени; про него нельзя было сказать, что «город утопает в зелени». Я любил ходить на базар. Приятно и красиво было смотреть на груды овощей, фруктов и винограда, которые ежедневно привозились из деревень. Ярко-красный лук и томаты, лиловые баклажаны, желтые дыни, зеленые грозди винограда и горы арбузов — все это напоминало своими красками восток и живо говорило о богатстве и обилии этого благословенного края.

Это обстоятельство было крайне важно для Добровольческой армии, которая в Кубани имела прекрасную базу в области продовольствия, а также человеческого материала. Кубанские казаки в военном отношении были устойчивее своих донских собратьев.

За эти выгоды, которые она находила на Кубани, Добровольческой армии пришлось, однако, платить дорожную цену. Они создавали для

нее невольную фактическую зависимость от области. К тому же, на первых же порах были допущены роковые ошибки, которые отразились в дальнейшем на всем характере отношений Добровольческой армии и Кубани.

Когда Добровольческая армия освободила Екатеринодар, она могла завести там, какие хотела, порядки. Всего проще было бы назначить генерал-губернатора для управления краем, задаваясь исключительно задачами временного управления в связи с главными военными задачами. В то время освобожденные от большевиков кубанцы не могли притязать ни на что большее. Вместо того, высшее командование решило на первых же порах показать себя освободителями, дать почувствовать всю разницу своей либеральной власти от власти большевиков. Кубанцам было обещано, что им предоставят самим устраивать свои дела, для чего будет создана Рада. Вместе с тем не была даже в общих чертах определена компетенция этой Рады. Правда, в это время у командования совершенно не было людей, с которыми оно могло бы посоветоваться, как направить дело гражданского управления.

Либерализм Добровольческой армии дал свои плоды с самого начала. В Екатеринодаре нашли себе приют местные эсеры, которые сразу повели кампанию против «реакционного» направления высшего командования и, в противовес ему, стали отстаивать кубанскую самостоятельность. Приехавший из Киева Шульгин стал издавать газету «Россия», в которой поместил ряд блестящих статей, раскрывая сущность «народоправства» и противопоставляя ему монархическое начало. Шульгин заявлял, что он не является официозом Добровольческой армии, что он говорит исключительно за свой страх и риск. Это только облегчило эсеровским газетам производить яростные нападки на него, требуя закрытия его газеты.

При первом же свидании с Деникиным я спросил его, почему считают нужным так церемониться со всеми этими проявлениями оппозиции и интригами против Добровольческой армии. «Не трудно, приехав на три дня, критиковать то, что делается, — ответил мне Деникин, — а поживши, Вы увидите, что дело не так просто. Вот Вам пример. Когда мы взяли Ставрополь, я назначил туда военного губернатора. Признаться, выбор оказался неудачен. Он с места в карьер объявил, что отменяются все законы, изданные после февральского переворота 1917 года. Тотчас этим воспользовались враги Добровольческой армии, чтобы повести против нее пропаганду, распространяя слух, что она поставила своей задачей полное восстановление старого строя и чуть не крепостного права. Через неделю полтора уезда было охвачено восстанием. Против нас было 40 000 вооруженных людей. Как же при таких обстоятельствах не соблюдать величайшую осторожность? Надо всех огладить и успокоить и не ставить резко никаких вопросов».

Я не мог не согласиться, что в словах Деникина много справедливости, и не раз вспоминал их впоследствии, когда слышал упреки Добровольческой армии в мягкотелости. До известной степени она была неизбежным последствием численной слабости Добровольческой армии и необходимости, при огромных военных задачах и трудностях, поневоле лавировать между внутренними затруднениями и не ставить вопросов ребром.

Когда я уезжал с Дона, для меня было уже ясно, что вопрос о возможном соглашении с немцами в общероссийском масштабе надо считать конченным в отрицательном смысле. Немцы только что подписали соглашение с большевиками, закреплявшее Брестский договор. Кроме того, в это же время Скоропадский поехал на поклон в Берлин²¹⁸. В тостах между ним и императором самостоятельность Украины получила торжественную санкцию. Пусть германофилы продолжали утверждать, что все это ничего не значит, что это — фасад, а на самом деле немцы, будто бы, хотят совсем другого. Двусмысленная игра Германии и нерешимость с нею покончить делало соглашение с нею невозможным. К тому же в это время стали доходить слухи о том, что на западном фронте далеко не так благополучно для немцев, как это хотели изобразить их официальные представители. Стало известным, что немцы потерпели неудачу в своей третьей по счету попытке идти на Париж. Из немецких же военных кругов стали проникать сведения о колоссальном действии американской техники, о новых приемах наступления, при помощи невероятного количества танков, аэропланов, аппаратов для наведения слепоты на противника при помощи особых зеркал и проч. и проч.

Повторяю, общая обстановка к началу сентября делала ясным вопрос, что о соглашении с Германией не может быть и речи. Но это были соображения утилитарного характера. В Екатеринодаре я встретился и с другой стороной дела.

Генералы, стоявшие во главе Добровольческой армии, мыслили возрождение России и армии в прямой преемственности от той идеологии, которую они перенесли с фронта бывшей русской армии. Немец был враг, и притом нечестный враг, придумавший удушливые газы, а потом и самых большевиков. С этим врагом могла быть только борьба на жизнь и на смерть, и невозможны и недостойны никакие разговоры. Изменить союзникам было бы недостойным малодушием, и на всех, кто были заподозрены в германской ориентации, ложилось пятно.

У меня были старые добрые отношения с генералами, но я почувствовал, что мое поведение требует для них выяснения. Лично меня это мало смущало, и я с первых же слов заявил, что не чувствую никакой

потребности в чем-либо оправдываться и не признаю за собой и своими единомышленниками никакой вины в том, что мы иначе мыслили пути к возрождению России, чем они, и надеялись найти более безболезненные для этого средства. Во всяком случае, все это, на мой взгляд, принадлежало уже прошлому, и в настоящее время ничто не мешало объединению усилий. Все эти взгляды нашли выражение в письме, которое было продолжением другого, в коем я говорил о Доне. В своих воспоминаниях я стараюсь по возможности не повторять того, что сказано в письмах, а только дополнить последние.

Глава IX

Крым. Великий князь Николай Николаевич

Я вернулся из Екатеринодара в Персиановку за детьми, Николаем и Михаилом и выехал с ними на пароходе из Ростова в Ялту, куда прибыл 16/29 сентября. Моя жена с младшими сыновьями Сережей и Петрушей выехала туда же двумя неделями раньше. В Крыму жили Бутеневы, старики и молодые, и мы решили поселиться вместе с ними. Местность, где мы жили, считалась в городской черте, но на самом деле отстояла от города на две версты, на Симферопольском шоссе, на горе над Ялтой. Мы поселились целой колонией, в близком соседстве одни от других: молодые Бутеневы — на просторной даче Эрлангера «Бирджевис», в прекрасном саду. Мы жили наискось от них, через дорогу, на даче Эшлимана, еще поодаль — Гагарины и, наконец, ниже, в сторону Ялты, — старики Бутеневы, в имении Уч-Чам у княгини М. В. Барятинской.

Все мы, поселившиеся на этой горе, были очень довольны своим выбором. Гораздо приятнее было жить там, чем в переполненной жидками и спекулянтами Ялте. Мы жили вдали от всякой политики и сенсационных известий, которыми ежедневно питался город, среди чудной природы. Во все стороны были прелестные прогулки. Погода стояла прекрасная всю зиму, плохих дней было немного, и они были не сплошными. Пройдет накануне дождь, все небо заволочет тучами, и кажется, что наступила безнадежная погода. Но на следующее утро выглянет солнышко, рассеет туман и тучи и высушит грязь на дороге. И дети, и взрослые, и старики — все наслаждались этим климатом и прогулками с чудными видами на море.

В Ялте я застал С. Д. Сазонова, который уехал в Добровольческую армию, где его ждали с нетерпением. Ему не удалось, однако, сразу туда добраться, потому что его задержали немцы в Керчи, но вскоре, благодаря событиям на фронте и в Германии, его выпустили в Екатеринодар.

В Ялте находится и А. В. Кривошеин. Он также скоро ее покинул, направляясь в Одессу. Пока Кривошеин жил в Крыму, он был в частых сношениях с великим князем Николаем Николаевичем. Последний со времени своей отставки, [последовавшей] вскоре после Февральского переворота, жил безвыездно в имении своего брата великого князя Петра Николаевича Дюльбер, рядом с Кореизом. В это время взоры многих были обращены на него. В Москве было решено, что с ним необходимо войти в сношения. Когда Кривошеин собрался уезжать, великий князь не хотел его пускать, не имея никого, с кем бы он мог посоветоваться в случае надобности. Кривошеин указал на меня, и вскоре я получил приглашение приехать в Дюльбер.

Дорога в Дюльбер шла через Ливадию, Орианду, мимо Айтодора. Это — самая красивая дорога на южном побережье Крыма. Все время она вьется вдоль моря, над нею громоздятся скалы, и вдаль — волшебный Ай-Петри, с двумя зубцами на вершине, словно замок какого-то чародея. Не так давно эта дорога была одной из самых оживленных. По ней летели придворные автомобили и экипажи. Простых смертных не пускали через Ливадию. Теперь — все пустынно. Лишь утром и под вечер тянутся линейки и редкие коляски из Алупки в Ялту и обратно.

Дюльбер построен во вкусе татарского замка из ослепительно белого мрамора, похожий на сахарное украшение. Крымские архитекторы много изоцплялись над всевозможными затейливыми дворцами и дачами. За исключением дворца в Алупке, все эти сооружения как будто задаются целью нарушить своим дурным вкусом красоту природы. В сравнении с другими такими же попытками, Дюльбер все-таки сравнительно выигрывает, но при ярком солнце глазам больно от его белых стен.

Я был принят очень радушно обеими семьями, жившими в Дюльбере. Великий князь вспомнил, как я приезжал к нему в Ставку в 1915 году, когда шла речь о занятии Константинополя²¹⁹. Его жена, Анастасия Николаевна, была пожилая толстая женщина, добродушная и мало интересная. Совсем иной была ее сестра Милица Николаевна, жена великого князя Петра Николаевича. Она была всесторонне образована, имела живой, наблюдательный ум. В ней чувствовался сильный темперамент, честолюбие и опытность в интриге, вывезенная ею, вероятно, еще из Черногории, где к этому ее приучили маленький двор и большие претензии. Видно было, что она, будучи умнее всех своих родственников, вертит ими по-своему. Ее муж, великий князь Петр Николаевич, был простой, добрый человек, обожавший жену и старшего брата. У них были дети, — дочери: молодая княгиня Орлова и княжна Марина, миловидная и милая молодая девушка, уже не самой первой молодости, умненькая и способная; она очень недурно рисовала и писа-

ла стихи. Был еще сын, юноша лет двадцати — Роман, красивой и благородной внешности, совсем молодой принц, но слабенький и изнеженный на вид.

Сам вел[кий] кн[язь] Николай Николаевич выглядывал гораздо более свежим и бодрым, чем когда я его видел в Ставке. Хотя ему было за 60 лет (?!), он держался все также прямо и стройно, благодаря чему казался еще более высоким. В нем сохранилась какая-то юношеская быстрота в движениях.

Я приехал до обеда, в седьмом часу вечера, и потом просидел у него в кабинете до 12 часов ночи. Он неутомимо говорил о делах.

Прежде всего он подтвердил мне то, что конфиденциально я знал уже от генерала Лукомского, а именно, что генерал Алексеев достоверно довел до его сведения, что Добровольческая армия мечтает, чтобы в известную минуту он стал во главе ее, и запрашивал его принципиального согласия, с тем чтобы оповестить его, когда такая минута настанет. Поручение дано было князю Петру Михайловичу Волконскому. Великий князь, решивший лично не принимать никого, кто являлся бы к нему с каким-либо политическим предложением, не сделал исключения и в данном случае, но через других лиц дал знать Волконскому, что принципиально он на это согласен, но ввиду особых условий, при коих в свое время состоялась его отставка, он считает нужным, чтобы призвание его к власти состоялось не иначе, как по соглашению Добровольческой армии с достаточно вескими общественными деятелями, и не носило какого-либо партийного характера. По этому поводу он ознакомил меня с этими условиями своей отставки.

Как известно, последним актом перед своим отречением государь назначил великого князя Верховным главнокомандующим. Великий князь тотчас выехал из Тифлиса в Могилев. Сигнал к общему разложению был уже дан из Петрограда, но оно еще не докатилось до провинции. Всюду по пути великому князю устраивались торжественные встречи, иногда овации. Когда он приехал в Могилев, его настигла там телеграмма или письмо от князя [Г. Е.] Львова, которая должна была предупредить его приезд в Ставку. Князь Львов писал, что воля народа не допускает, чтобы ответственные места занимались кем-либо из семьи Романовых, и что поэтому он не сомневается, что великий князь сложит с себя обязанности Верховного главнокомандующего и не поедет в Ставку²²⁰.

Великий князь остался в своем поезде и выехал на следующий день в Крым, ответив Львову, что его любовь к родине известна и, раз благо родины требует его удаления, он уходит и передает исполнение своих обязанностей начальнику штаба генералу Алексееву. — Раз во имя «воли народа» и ради блага родины от него потребовали в свое время удаления,

великий князь считал, что теперь, когда его призовут, приглашение должно быть обставлено возможно более авторитетным указанием на то, что это отвечает благу народа и желаниям широких общественных кругов. Будучи неуверен в том, насколько точно в первый раз был передан его ответ, великий князь просил меня довести обо всем этом, хотя бы в общих выражениях, до сведения Верховного командования, через генерала Лукомского, с которым я был ближе знаком, чем с другими.

«Я лично для себя ничего не ищу, — сказал мне великий князь, — но ко мне постоянно обращаются с разных сторон. Если я могу оказаться полезен для целей объединения, то моя совесть требует, чтобы я выполнял свой долг. Я не могу связывать этого дела с какой-нибудь партией, классовыми или личными интересами. Поэтому я избегаю кого бы то ни было принимать. Если Богу угодно будет, чтобы меня призывали, то я так смотрю на свою задачу: освободить страну от большевиков и стоять у власти вплоть до той минуты, когда народ может свободно высказаться о том, какую форму правления он предпочитает. Тогда я, как человек военный, — руку к козырьку и налево кругом марш, — кончил свое дело и ушел. Я не хочу провозглашать себя диктатором, мне это претит. Это — нерусское слово и нерусское понятие. И еще одно условие: если меня призовет Добровольческая армия, но против меня будет Сибирская армия, то я не пойду на братоубийственную борьбу из-за своей личности. Я считаю возможным вести борьбу только с большевиками».

Заявления великого князя были, конечно, не случайными импровизациями среди разговора. Они носили характер долго и зрело обдуманных исходных положений. С своей стороны, я мог только порадоваться искреннему благородству и лояльности, которые в них чувствовались. Вообще, вынесенное мною от личности великого князя впечатление было более благоприятное, чем я ожидал. В нем много рыцарства. Его первые суждения о людях, о том, как надо поступать в том или ином случае, были всегда просты и верны. В нем было сильно чувство долга и дисциплины. Конечно, в сложных государственных вопросах ему трудно было разбираться, но он останавливался на том, что подсказывало ему непосредственное чувство. Если б ему суждено было сыграть большую ответственную роль, то многое зависело бы от того, кем он был бы окружен. Когда он кому-нибудь доверял, то это было не наполовину, всецело, и отношения его к людям были отношениями честного солдата. В течение моего пребывания в Крыму, мне часто и много приходилось видаться с ним, и последующие впечатления только подтвердили то, которое я вынес при первом свидании. Это была простая натура, которую нетрудно было разгадать. Как-то раз он сказал мне про себя: «Я родился вскоре после смерти императора Николая Павловича, и все мое воспита-

ние прошло в его традициях. Я — солдат, который привык повиноваться и повелевать. Теперь мне некому повиноваться. Я сам должен в известных случаях решить, что должен кому-нибудь повиноваться, например патриарху, если бы он мне сказал, что я что-то должен сделать».

Основная черта великого князя была религиозность. Он ко мне отнесся сразу с полным доверием, потому что узнал от состоявшего при нем моряка, А. А. Свечина, с которым мы вместе были на Московском церковном соборе, что я — член этого Собора и принял некоторое участие в учреждении патриаршества. Религиозность у него порою выражалась во внешних преувеличениях. Он постоянно в разговоре, иногда, как будто, без должного повода, осенял себя крестным знамением, ибо склонен был чуть не в каждом происшествии жизни видеть особое вмешательство Промысла Божия. У него был мистицизм, граничивший с суеверием. Он был способен слепо довериться какому-нибудь, старцу или монахине, не обладая чуткостью и умением разобраться в том, заслуживают ли они доверия. Поэтому он мог подпасть влиянию шарлатана. Обе черногорки — великие княгини имели к этому, может быть, еще более преувеличенную склонность. Через них Распутин получил доступ в царскую семью. Впрочем, я думаю, что как ни прислушивался великий князь к словам черногорок и как ни склонен сам внимать прорицаниям и советам старцев и монахов, однако в нем все же была и сила воли и здравый смысл, который не мог быть затемнен до конца. Я думаю, что он был бы неспособен подчиниться всецело режиму Распутина, как это случилось с покойным государем.

Великий князь очень доверял протопресвитеру о. Шавельскому, который был при нем в Ставке. Шавельский был прекрасный священник, но его вера была простая, солдатская. Может быть, поэтому он находил легко доступ к сердцам солдатской массы. Мистицизма в нем не ночевало, и, как человек прямой, он откровенно предостерегал от него великого князя и напоминал ему пример Распутина. Делал он это раньше и так же говорил и теперь; он приехал в Дюльбер из Киева, куда спасся из Совдепии, и прогостил несколько дней в Дюльбере, по дороге в Екатеринодар.

Мне довольно часто пришлось бывать в Дюльбере. Обыкновенно, великий князь посылал за мной днем лошадей. Я приезжал к обеду и оставался ночевать. Всегда я встречал со стороны всех обитателей Дюльбера самое радушное отношение. Управляющий Двором барон А. И. Сталь[-фон-Гольштейн] был очень милый человек; его дочь в эту зиму стала невестой графа Ферзена. Хотя все было очень просто, однако известный этикет соблюдался и все-таки чувствовалась атмосфера маленького Двора, которая для меня, непривычного человека, отзывалась чем-то архаическим и затхлым. Все застыло в прошлом в маленьком

Дюльбере, в то время как во всем мире бушевала буря, вырывавшая с корнем вековые монархии и учреждения. Не раз эта мысль приходила мне в голову, когда я возвращался из Дюльбера, не раз я думал, как мало такая обстановка придворного монастыря готовит к управлению людьми и событиями после нового всемирного потопа, но в то же время тогда, как и теперь, я не могу себе представить Россию без царя; в виде какой-нибудь радикальной или буржуазной республики, которая выветрит все, что у нас есть русского, дорогого нам, и постарается снять насмарку все наше прошлое. Какими идеалами будет жить такое государство? Идеалами сытого желудка или наживы кулаков под трескучими фразами о равенстве и братстве? Стоит ли мечтать о воссоздании такой России, что в ней будет русского? Если же нам нужен царь, то расчистить почву для монархии мог бы, как мне казалось, всего лучше именно великий князь Николай Николаевич. Теперь, конечно, с вынужденным отъездом его и всей царской семьи¹ из Крыма за границу, с признанием адмирала Колчака Верховным правителем России, обстоятельства изменились и будущее остается темным и полным неизвестности.

Я приехал в Ялту 16 сентября старого стиля. В это время события пошли одно за другим с ошеломляющей быстротой. 24 сентября. В дневнике папа Бутенева записано под этим числом: «Ошеломляющее известие. Вильгельм просит Вильсона передать союзникам свое согласие вступить в мирные переговоры на основании 14 пунктов Вильсона²²¹ и тотчас начать перемирие». Через несколько дней пришло известие о новом министерстве в Германии во главе с принцем Максом Баденским и с участием Шейдемана и других социалистов. В Ялте была германская книжная лавка для немецкого гарнизона — *Feldbuchhandlung*. Я покупал там ежедневно несколько газет различных направлений и читал их с захватывающим интересом. Особенно интересна была резкая перемена настроения с того дня, что Германия пошла на мир. Оно сразу стало революционным. Но Вильгельм сразу пошел на крупные уступки. У него, конечно, перед глазами был пример Государя, и он решил дать сразу и по доброй воле все, что способно было удовлетворить широкие массы. И нельзя не признать, что первые впечатления были в пользу правильности его расчета. Социалистическая *Vorwärts* приняла тон сдержанного официоза, призывала рабочие массы к умеренности и осторожности, возбуждала в них чувство ответственности. Удар монархии в Германии был нанесен извне Вильсоном, когда в одной из своих нот он ясно указал на необходимость не на словах, а на деле доказать, что отны-

---

¹ Автор имеет в виду не царскую семью, расстрелянную в Екатеринбурге, а членов Императорской фамилии.

не Германия — страна, где царит народоправство, а не режим личного произвола. Это было еще яснее повторено в следующей ноте. Когда перед немцами стала дилемма, что спасение Германии возможно лишь при отказе от монархии, участь последней была решена. Вильгельм отрекся и уехал с кронпринцем [Вильгельмом] в Голландию. Но ничего похожего на то, что было у нас, никакого хамского обливания помоями того, перед кем трепетали накануне, ничего этого в Германии не было. Было скорее чувство, что принесена тяжелая жертва для спасения родины и что император так на это и посмотрел и сам не усомнился ее принести. Вот впечатление, не знаю, верное или нет, которое я вынес тогда из чтения газет.

1 октября я поехал в Гаспру, имение графини Паниной²²². Там жил кадетский патриарх и ветеран Иван Ильич Петрункевич, женатый на матери графини Паниной. К ним только что приехали из Киева дочь его жены, Софья Владимировна Панина — известная [общественная] деятельница, и [ее гражданский муж] член к.-д. партии Николай Иванович Астров, — оба по дороге в Екатеринодар. Они пригласили меня к себе, и я совместил это с поездкой в Дюльбер, потому что Гаспра была расположена на горе как раз над Дюльбером. В Гаспре было созвано небольшое совещание. Приехали М. М. Винавер, В. Д. Набоков и Н. В. Тесленко. Все это были кадеты. Из кадет, кроме меня, был приглашен только П. П. Рябушинский, живший в Алушке, да еще с ним приехал Сироткин, председатель Нижегородского биржевого комитета. Говорили о международном положении. У кадетских лидеров были иллюзии насчет программы Вильсона. Они готовы были наивно поверить, что наступает новая эра в международных отношениях, конец войнам, «на земле мир, в человеках благоволение». Самые умные из них были все-таки теоретики и утописты!

Кроме международного положения, говорили и о внутреннем. Из газет стало известно, что в Уфе образовалась какая-то директория из пяти лиц²²³. В нее выбраны были Авксентьев и, между прочим, Н. И. Астров. Последний говорил, что узнал о своем избрании только из газет, но что, судя по этим газетным сведениям, то, что произошло в Уфе, близко подходит к основам соглашения, состоявшегося в Москве между Национальным центром и левыми. Астров высказывал намерение через некоторое время проехать из Екатеринодара в Уфу и там решить, следует ли ему вступать в Директорию. Сам он склонялся, видимо, к этому решению и просил присутствующих, в мере сил, поддержать новую власть. Кадеты, видимо, предварительно спевшиеся, имели в виду провести такого рода резолюцию, хотя собрание было так малочисленно и случайно, что в сущности резолюции его не могли иметь особого значения.

Мы с Рябушинским запротестовали. Рябушинский выразил сомнение, чтобы многоголовая Директория, в которой притом социалисты занимали, по-видимому, господствующее положение, могла стать источником власти для России. Я высказывался в том смысле, что ядром государственного возрождения и строительства может быть только Добровольческая армия, но что ее следовало бы возглавить лицом, авторитет коего был бы бесспорен и в то же время был бы популярен среди самой армии. Я назвал великого князя, добавив, что для союзников его имя могло бы быть популярно хотя бы потому, что он первый провозгласил освободительные лозунги войны в обращении к полякам и австрийским славянам. На мои слова никто не отозвался. Но, к моему удивлению, старик Петрункевич, когда в частном разговоре коснулись того же вопроса, сказал: «Если действительно имя великого князя способно одушевить армию и довести нас до Москвы, то я пошел бы на это». В устах Петрункевича такое признание имело свою цену. Как я потом узнал, за несколько дней до того старику пришлось на примере собственной семьи убедиться в том, какие перемены происходят в настроении молодежи. У него был внук, молодой малый лет 26. В недавнее сравнительно время он был левым, чуть ли не эсером. И вот он приходит и заявляет, что хочет ехать в Екатеринодар и поступает в Добровольческую армию. Дед обрадовался. «Только я поступлю под одним условием, — добавил молодой Петрункевич, — если они хотят царя посадить. Если они этого не хотят, то мне с ними не по дороге». Старик был очень озадачен.

Я только потому несколько дольше, чем это само по себе заслуживало бы, припоминаю маленькое совещание в Гаспре, что оно показывает, как в то время мысль еще бродила впотьмах и каждый искал по-своему выхода из положения. В Гаспре собрались самые видные представители к.-д. партии, но видно было, что они совершенно не знали, на чем остановиться.

Я ночевал в Гаспре, и у меня навсегда врезалась в память лунная ночь и волшебный вид, открывавшийся с верхней террасы на море и в противоположную сторону на горы. Ай-Петри, который с нашей горы виднелся издали, окутанный голубой дымкой, здесь казался близким и нависал прямо над нами.

Днем нас угощали великолепными персиками и таким виноградом, какого я нигде не ел в Крыму.

В октябре месяце состоялась поездка в Яссы русских общественных деятелей разных партий²²⁴. Одно, на чем могли объединиться представители либерального направления и социалисты, это на просьбе к союзникам о скорейшей помощи, а во внутренних делах — на единстве военного командования. Обе группы расходились на вопросе, быть ли

единоличной диктатуре или Директории. Самая постановка вопроса была совершенно отвлеченная, ибо ни у одной из групп не было силы и возможности привести свое решение в исполнение. Украина завоевывалась Петлюрой, этим невольным подставным агентом большевиков. Одесса сама по себе была бессильна, а Екатеринодар не мог по отношению к ней и к Крыму предпринимать в то время никаких реальных действий. При общем бессилии, говорить о формах власти было по меньшей мере академическим занятием. Но само по себе бессилие невольно рождало попытки найти какой-нибудь выход из положения, и за неимением практической деятельности, время проходило в бесплодной, но порой ожесточенной полемике и бесконечных заседаниях. Меня звали и в Одессу, и в Яссы, но я никуда не поехал, не видя для себя настоящего дела.

Оставаясь верным своему правилу писать лишь про то, чему я был свидетелем, я не буду говорить здесь о всем, что произошло зимой. В конце ноября я выехал в Екатеринодар по вызову С. Д. Сазонова. В то время предполагалось устроить под его председательством совещание по вопросам внешней политики. Об этом хлопотал Винавер, желавший играть роль, но вскоре он нашел применение для своего тщеславия, ставши министром иностранных дел, эфемерного Крымского правительства. Напоминаю, кстати, что при немцах в Крыму было образовано правительство генерала Сулькевича. При своем возникновении оно заявило о временном своем характере, впредь до воссоединения с Россией. В Крыму были восстановлены органы самоуправления по старой цензовой системе. Когда в Германии произошел переворот и у власти стали социалисты, то в Крыму решили также сделать свой маленький переворот, заставили Сулькевича уйти и образовали коалиционное правительство из кадет и левых. Во главе стали кадеты: Крым, Винавер и Набоков — цвет партии²²⁵. Те несколько месяцев, что это правительство было у власти, оно представляло жалчайшее зрелище. Оно беспомощно уступало давлению левых, готовило выборы в крымское Учредительное собрание по сложной пропорциональной системе, совершенно не боролось с пропагандой большевизма, которая бесцеремонно развивалась у него на глазах, и цензовые думу и земства заменила самоуправлением по четыреххвостке²²⁶. В этих думах и собраниях говорили все больше о политике и критиковали Добровольческую армию и менее всего занимались вопросами местного хозяйства. Оно и понятно — легче было болтать, чем поправлять дороги и мостовые, когда казна была пуста. Краткий эпизод Крымского правительства ярко иллюстрировал несостоятельность кадетской политики. Украшение к.-д. партии, Винавер, который раньше тешился званием сенатора, полученного им при Керенском, теперь был упоен званием министра, хотя бы крымского. Ему

доставляло детское удовольствие получать от иностранцев конверт с надписью: A Son Excellence¹... и он не отказывал себе в удовольствии произносить речи и делать декларации не только от маленького Крыма, но и от имени России.

Итак, удовлетворенный этой ролью, Винавер забыл о совещании в Екатеринодаре. Другие лица из числа намеченных не приехали, и сожалеть об этом, конечно, не приходилось. Но мне, в сущности, нечего было делать в Екатеринодаре. Сазонов ехал в Париж; решено было, что я поеду вместе с ним ему на помощь. Я выехал неделей раньше его в Ялту, но по дороге заболел «испанкой» и возвратным тифом и так ослаб, что до половины февраля нечего было и думать о путешествии.

Глава X

Екатеринодар.

Генерал Деникин и «союзники»

Во время моего пребывания в Екатеринодаре я набрался впечатлений, которые навели меня на некоторые неутешительные мысли.

Неприятно было, прежде всего, зрительное впечатление. Екатеринодар был полон офицеров. По главной улице, Красной, они слонялись праздные, целыми толпами, наполняли все кофейни и рестораны, сорили бешенные деньги, в то время как получали ничтожное жалованье, легко проигрывали тысячи рублей в карты. Все эти офицеры приезжали с фронта. Екатеринодар был Ставкой, но в то же время — ближайшим тылом для армии, куда приезжали отдохнуть и покутить. Начальство смотрело сквозь пальцы на все эти непорядки. Печально было то, что междоусобная война узаконила нравы грабежа и мародерства. На убитых большевиках находили десятки тысяч рублей. Их считали военной добычей участников сражения. Может быть, поэтому также не любили брать в плен большевиков.

Военные нравы дошли до крайней степени огрубения. Тяжести походной жизни были велики, особенно зимой, когда обувь и одежда совершенно изнашивались, а приходилось воевать порою среди глубоких снегов и сильного мороза на Кавказских горах. Среди этих лишений войска совершали чудеса храбрости. Так они разгромили значительно превосходившую их числом и вооружением большевицкую армию в Терской области. Но подвиги, награждаемые грабежом, зачастую оканчивались для офицеров диким разгулом. Жизнь человеческая утратила свою ценность. По малейшему поводу, иногда без всякого основания

---

¹ Официальное обращение к министру в переписке: Его Превосходительству.

и всего чаще под пьяную руку, офицеры стрелялись между собой, иногда убивали кого-нибудь, кто в такую минуту неудачно подвернулся им на глаза. За две с небольшим недели моего пребывания в Екатеринодаре я слышал о трех таких убийствах.

Партизанская война рождала особые типы войск и вождей. Некоторые полки, например Корниловский, Марковский²²⁷ и другие, имели уже традиции неустрашимости и доблести, которые соблюдались неизменно. Люди в этих полках, когда шли цепью, никогда не ложились, а шли во весь рост. Конечно, они несли порою большие потери, но на смену одним храбрецам находились другие. Корниловским полком командовал офицер, которому не было еще 25 лет, когда его назначили²²⁸. Зато эти же полки были милосердные грабители и отчаянные скандалисты.

Громко прославились партизанские вожди Шкуро, Покровский и другие. Это были молодые люди, которые 26–27 лет попали в генералы, — безумно отважные атаманы разбойников. У Шкуро была особая «волчья сотня» из отчаянных удальцов, готовых пойти за своим командиром в огонь и в воду. Зато он щедро награждал их, не забывая и себя, из награбленной добычи. Это делалось открыто, но не было вождя, более популярного, чем Шкуро. Одно его имя наводило трепет на большевиков и создавало среди них панику. Он был вездесущий, сегодня — на одном фронте, завтра — на другом, всюду, где было жарко и требовалось нагнать страх. В освобожденных городах его забрасывали цветами. Понятно, что такой способ войны, возвращавший людей в Средневековье, имел особую прелесть поэзии для смелых удальцов, как своего рода узаконенное разбойничество. Но с такими людьми и привычками нелегко придется при водворении порядка. И теперь, когда освобождаемые от большевиков города и селения подвергаются порою разграблению со стороны освободителей, едва ли это способствует задаче Добровольческой армии. *(Написано в июне 1919 года.)*

При мне в Екатеринодар приехала английская военная миссия с генералом Пулем во главе. До большевицкого переворота он жил в Петрограде и прекрасно изучил нашу армию и ее нужды. Перед приездом в Екатеринодар он командовал союзными войсками в Архангельске. Англичане были хорошо расположены к нам, но говорили, что на помощь живой силой нельзя рассчитывать ввиду утомления союзников от войны. Зато они обещали в полной мере материальную и техническую поддержку. В общем, следует сказать, что англичане сделали скорее больше, чем обещали. Совершенно иначе держали себя французы, которые в то время не скупились на обещания.

Это было время расцвета надежд на скорую помощь союзников. Французы начали приготовления к посылке десанта в Одессу. Это рисо-

валось, как начало образования большой союзной армии, которая заменит немцев, вышибет большевиков из Украины и обеспечит Добровольческой армии продвижение на Москву.

В Одессе был французский генеральный консул Энно, по всем отзывам — человек не только благожелательно относившийся к России, но и прекрасно ее понимавший. В Екатеринодаре были агенты третьего сорта. После молодого, симпатичного, но неопытного Gaulquier приехал также молодой, юркий и самоуверенный Эрлиш, судя по фамилии, не настоящий француз. Он давал понять, что обладает чрезвычайными полномочиями, приписывая себе особые заслуги в деле спасения России, словом, был маленьким Хлестаковым, довольным играть роль. Наши военные, конечно, не умели разобраться в том, какая кому цена, и, чем больше они поверили, что в награду за их верность союзники окажут им самую действительную помощь, тем сильнее и горче было очень скоро их разочарование и даже негодование.

Союзники, с своей стороны, не могли не обратить внимания на бросавшихся в глаза недостатки Добровольческой армии, на ее распущенность. Англичане предлагали прислать своих инструкторов, но им ответили, что в Добровольческой армии и без того избыток офицеров и что поэтому нет нужды в инструкторах.

С того момента как между союзниками и Добровольческой армией установилась живая связь, можно было наблюдать, как они старались оказать на нас воздействие в смысле демократизации. Видно было, что на Западе демократия подняла голову и союзным правительствам приходилось с этим считаться. Всякие проявления монархизма в армии вызывали их осуждение. Они старались убедить высшее командование, что, чем яснее будет демократический характер Добровольческой армии, тем легче будет союзным правительствам влиять на общественное мнение у себя дома, чтобы оправдать и усилить помощь, которая оказывается. Ничего не понимая в наших внутренних делах, союзники продолжали путать так же, как путали со времени февральского переворота. Для иных, например для французского правительства, быть может, для англичан, нужен был главным образом фасад, но для Вильсона и для тех течений, которые поддерживали его программу в русском вопросе, нужна была сущность; они боялись реставрации монархии в России, возможного в будущем союза ее с Германией. Все эти течения еще яснее обозначились, когда я снова поехал в Екатеринодар, по вызову Нератова, с тем чтобы ехать дальше в Париж. Это было в начале марта.

Я с сожалением покидал начало благоухающей весны в Крыму. Я настолько поправился, что уже сходил вниз в город. Особенно

приятно было бывать на музыкальных вечерах у моей *belle soeur* Александры Владимировны Трубецкой. Ее дочь Люба Оболенская была серьезная пианистка. У них подобрался квартет очень недурной, они прекрасно сыгрались и отлично исполняли классическую музыку. Иногда приезжал муж Любы, Алеша Оболенский, у которого был редкий голос. Все они сами любили музицировать и не заставляли себя просить. В этом году мы слушали много хорошей музыки. Но перед самым отъездом в Екатеринодар я получил настоящее музыкальное наслаждение. У Петрункевичей в Гаспре гостила его племянница, известная певица Ян-Рубан. Это была настоящая серьезная артистка с тонким художественным вкусом и сильным музыкальным темпераментом. Кроме того, она была премилая женщина. Она жила, кажется, в гражданском браке, с неким Влад[имиром] Иван[овичем] Полем, большим оригиналом, тоже очень милым человеком и музыкантом; он аккомпанировал своей жене. Оба они согласились приехать к нам на гору и исполнили концерт в Уч-Чаме у княгини М. В. Барятинской. Репертуар был самый разнообразный. Но Ян-Рубан с таким же мастерством исполняла старинные французские песенки, как русские романсы и Шумана и Шуберта и, наконец, Шопена. Она с таким захватывающим драматизмом исполнила его *Chant polonais*²²⁹, что действительно мурашки пробегали по телу. Такого мастерства в исполнении я не слышал ни у одной певицы. С маленькими голосовыми средствами и голосом, который при меньшем искусстве звучал бы порою скорее неприятно, она достигла верха прекрасного. Это было мое последнее чарующее впечатление от Крыма. На следующий день, кажется, я уехал в Екатеринодар.

Приехав в Екатеринодар, я застал полную перемену отношений к союзникам. В Управлении иностранных дел мне дали прочесть всю переписку за это время с нашими представителями в Париже, по телеграфу, и с союзниками в пределах России.

Англичане сосредоточили свое внимание на Кавказе. В самом начале их пребывания там, их политика не могла не внушать серьезных сомнений и опасений. Они заняли Баку и Батум, и казалось, что больше всего интересуются эксплуатацией наших нефтяных богатств. Совершив победоносный поход в Терской области, добровольцы торопились занять Грозный до англичан, это им удалось. Англичане открыто покровительствовали всем самостоятельным маленьким государствам в Закавказье. Правда, полной последовательности и однообразия в их отношении к разным областям не замечалось. Различные генералы действовали каждый по своему усмотрению. Между английскими властями попадались люди, служившие в Индии и в Персии и вынес-

шие оттуда традиционное недоброжелательство к России. Разница в отношениях была, однако, скорее в степени, чем по существу дела. Английские власти в Закавказье совершенно не признавали Добровольческую армию и заявляли, что ей там нечего делать, что все ее задачи на севере. С легкой руки англичан, грузины заняли определенно враждебную позицию по отношению к русским вообще и Добровольческой армии в частности. Русские в Тифлисе подвергались настоящему гонению. Особенно потерпела русская Церковь. Главариами самостийности и отторжения от России, сначала при помощи немцев, потом — союзников, явились люди, в свое время возглавлявшие революцию у нас, — «вожди российской революции» Церетели, Гегечкори, Чхеидзе и К°. Трудно себе представить более отвратительное зрелище, которое в достаточной мере могло бы вскрыть, насколько наша революция носила национальный характер! Но тут же вспоминается самостийность Свисты Его Величества генерала Скоропадского, и тогда не знаешь, что более тошнотворно!

Действия англичан были настолько неприязненны, что они вызвали со стороны Деникина запрос в той простой солдатской форме, в которой он вообще привык выражать свои мнения. Он просил англичан разъяснить, имеем ли мы дело с союзниками или с врагами? В то же время, вначале, дело снабжения подвигалось крайне туго. Добровольческой армии удалось получить лишь некоторое количество боевого снаряжения, оставшегося в Румынии, но румыны и на это смотрели, как на милость, и хотели, чтобы им было заплачено хлебом. Они предлагали помочь и в борьбе с большевиками, но за это требовали добровольной отдачи нами Бессарабии. Все это в достаточной степени охладило пылкое отношение к союзникам.

Пока англичане занялись обдeldыванием своих делишек на Кавказе, дело обстояло еще более остро с французами в Одессе. Туда были переброшены никуда не годные французские войска с Салоникского фронта. Французское командование само признавало, что с такими солдатами нельзя предпринять ничего серьезного. На помощь себе они взяли греческие, которые, по общим отзывам, выглядели гораздо лучше французов и шли под лозунгом освобождения Православной церкви от гонителей ее. Союзники обещали грекам компенсации за участие в русской экспедиции.

Французы устали и не хотели воевать. Они быстро поддавались большевицкой пропаганде и разлагались. Во главе корпуса, находившегося в Одессе, стоял генерал д'Ансельм, квадратный генерал, ничего не понимавший в русских делах. Начальником его штаба был полковник Фрейденберг, еврей, который руководил всем делом. С самого начала

между военным командованием и генеральным консулом Энно возник резкий конфликт. Энно хорошо знал сложную политическую обстановку, ему доподлинно было известно, например, что петлюровское движение содержалось на германские деньги. Тем не менее первое, что решило предпринять французское командование по прибытии в Одессу, — это войти в сношения с Петлюрой. Можно, по-видимому, с серьезным основанием утвердить, что сам Фрейденберг получил крупную взятку.

С Добровольческой армией у французов сразу установились неприязненные отношения. Французы не хотели признавать Деникина и вовсе не считались с теми, кого он назначил в Одессу. Правда, что и представители Добровольческой армии были генералы, которые, получая распоряжения Деникина в свойственном ему солдатском стиле, заботились только о том, чтобы ничего не изменить в этом стиле. Во главе всей экспедиции был сначала назначен генерал Бертло, находившийся в Румынии, потом генерал Франше д'Эсперэ, главнокомандующий всеми французскими силами на Востоке, который из Салоник переехал в Константинополь.

Между высшим французским командованием и Деникиным шла переписка в таком стиле, что можно было подумать, что обе стороны думают только о том, как вызвать окончательный разрыв между собою. Вместо этой переписки, конечно, самым простым и целесообразным способом положить предел недоразумениям было бы съехаться, столкнуться и размежеваться. Между тем генерал Бертло приезжал в Одессу, но свидания этого не состоялось. Бертло был в общем хорошо расположен к России. Потом его отставили и назначили Франшэ — грубого бурбона. Этот тоже приехал в Одессу, демонстративно отослал генерала Санникова, которого Деникин назначил генерал-губернатором, и Гришина-Алмазова, командовавшего добровольческими войсками. Объявив Одессу на осадном положении, он назначил начальником крепостной обороны генерала Шварца, не спросив согласия Деникина²³⁰. Из Одессы Франшэ проехал в Севастополь, где пробыл несколько часов, потом уехал в Константинополь.

Отношения достигли высшего напряжения. Если французы хотели предпринять серьезную экспедицию в Россию, то свидание между главными вождями было необходимо. Был целый ряд вопросов, по которым требовалось соглашение: разграничение территориальных сфер действий и области ведения французского командования. Французы хотели организовать смешанные франко-русские части с своими инструкторами. Они настаивали на добровольной вербовке армии и на значительном увеличении окладов. Между тем Деникин считал невозможным с этим согласиться. Он признавал необходимым соблюдать

тождественные условия для русских частей, находящихся под французским командованием и в области Добровольческой армии; увеличивать жалование у себя до пределов, которые французы признавали желательными, он не мог и не допускал аукциона, который вызвал бы переброску из одного лагеря в другой. Добровольческая армия, перешедшая уже на систему принудительной воинской повинности, не могла согласиться с ничем не оправдываемой льготой на территории, где действовали французы. По словам генерала Санникова, эта мера не оправдывалась местными условиями. Наоборот, крестьяне близ Одессы, опасаясь, что большевики могут взять верх, говорили, что для них предпочтительнее принудительный набор, а что если они поступят добровольцами, то большевики выместят им за это на их семьях. Кроме этих вопросов, весьма важно было установить отношение гражданского управления в сфере действия французов к Добровольческой армии. Деникин предлагал применение нашего военно-полевого положения, в силу коего военные власти получали самые широкие полномочия и гражданские власти подчинялись им во всем, чего они требовали во имя военного интереса. Французы, видимо, хотели заводить свои порядки, не считаясь вовсе с гражданским управлением Добровольческой армии.

Франшэ д'Эсперэ прислал Деникину телеграмму из Одессы. Как ни раздражен был на него последний, он понимал всю необходимость свидания и ответил в этом смысле в Константинополь, чтобы смягчить остроту вопросов, подготовить почву для возможного соглашения, предполагалось, что я проеду вперед в Константинополь, переговорю с Франшэ и потом вместе с ним проеду в Севастополь, где, как предполагали, состоится свидание между обоими генералами, и затем уже поеду в Париж.

В это время положение на Крымском фронте стало внушать опасения. Для Добровольческой армии Крым не представлял особенного интереса с военной точки зрения. Он был скорее обузой, потому что его приходилось продовольствовать.

Одно время Деникин думал о переселении Ставки в Севастополь. Были уже посланы квартиреры, чтобы наметить помещения, но со стороны французов последовал резкий протест, — они считали, что Крым должен отойти в их сферу действий. С тех пор для Добровольческой армии Крым стал еще более безразличен. Между тем в нем было очень мало добровольческих частей, и те, которые были, не отличались высоким качеством. Они образовались на месте из офицеров, проживавших в Крыму. Многие из них не шли в Добровольческую армию, пока она состояла из горсти героев, а теперь, когда она выросла в серьезную силу, сочли благоразумным оформить свое положение и записаться в ее ряды. Были, конечно, и хорошие офицеры, но большинство примкнуло

к Добровольческой армии, чтобы пристроиться на Крымском фронте, где ни что не предвещало серьезных действий. Много гвардейских офицеров стремились пристроиться к охране великого князя [Николая Николаевича]. Жены и сестры офицеров, спокойно проживавших в Крыму, распространяли всякие небылицы про Добровольческую армию, чтобы укрепить в своих мужьях и братьях удобную отговорку от поступления в «такую» армию, где будто бы только пьянствуют и грабят и где сражаются за Учредительное собрание. Такие элементы не могли усилить те отряды, которые формировались в Крыму.

Штабы были всегда одним из самых слабых мест в организации Добровольческой армии. В Симферополе и Севастополе организовались штабы, в которых сидело масса народа, уклонявшихся от фронтовой службы.

Все эти условия, как и антагонизм между армией и гвардией, привели к тому, что в серьезную минуту не создалось в Крыму настоящей военной силы.

Оборона Крыма облегчалась природными условиями. Если бы вовремя подумали об укреплении узких перешейков, соединяющих полуостров с материком, то для защиты его понадобились бы незначительные силы. Неизвестно чем занимались штабы, но в последнюю минуту за это дело взялся посторонний, энергичный инженер Чаев¹, но было уже поздно. И в эту минуту штабы выразили претензию, это мол, поздно [...] мол, должны были сделать, но не сделали.

Когда положение в Крыму стало угрожающим, французы дали знать: подержитесь еще только всего две недели, и мы поможем. Вследствие этого почти до конца существовала надежда, что Крым удастся отстоять. Французский представитель при Добровольческой армии, полковник Корбейль, не допускал мысли, чтобы французское командование не приняло нужных для того мер, ввиду значения Крыма с военно-морской точки зрения, и необходимости удержать его для обеспечения связи союзников с югом России. Двух дней не хватало до окончания двухнедельного срока, назначенного французами, когда добровольческие части дрогнули и отошли от перешейков. Конечно, не в этих двух днях было дело. Добровольцев было мало и они были деморализованы. Солдаты перебежали к большевикам. Французов было достаточное количество в Севастополе. Туда только что прибыли тюркосы²³¹, ожидалось новые подкрепления, но в Севастополе, как и в Одессе, французы не расположены были воевать.

¹ Талантливый инженер Чаев попал в Париж, как и все «без копейки», но вскоре основал крупное строительное предприятие: «solomite» (прессованная солома). В Парижском пригороде Медон, стоит им построенная из прессованной соломы, чудная православная церковь [Воскресения Христова]. — Примеч. М. Г. Трубецкого

По этому поводу я побывал у Деникина. Я сказал ему, что ознакомился со всей перепиской с союзниками и что ничего подобного по форме мне раньше не приходилось читать. Деникин улыбнулся и сказал: «А вам хотелось бы что-нибудь в Сазоновском стиле?» — Я ответил, что действительно я предпочел бы этот стиль. — «Да ведь это же не переписка между дипломатами, — как бы удивляясь моей наивности, пояснил Деникин, — а между солдатами». — «Простите, — возразил я, — если б я позволил себе что-нибудь сказать по поводу Вашего обращения к кому-либо из Ваших генералов, так это было бы, конечно, неуместно. Но в данном случае идет речь об обращении русского главнокомандующего к французскому, все значение формы определяется международным характером этих отношений. Я хотел бы знать: нужны ли Вам французы или нет? Если нужны, то, хотя я вполне понимаю искреннее негодование, возбуждаемое их поведением, я полагаю, что с своей стороны мы не должны давать повода к разрыву». — «Да, если б я только давал волю своему чувству, — заметил Деникин, — так я давно приказал бы генералу Тимановскому выбросить их в море... Впрочем, их скоро выбросят из Одессы большевики». — «Неужели Вы можете этого желать». — «Нет, мне жаль имущества, находящегося в Одессе». — «Если Вы полагаете, что с французами лучше прийти к какому-нибудь соглашению, — сказал я, — то не следует ли проявить к ним, возможно, большую предупредительность в формах, чтобы с тем большей энергией отстаивать то, что нам нужно по существу?»

Я высказал убеждение, что в Одессе, так же, как и в Париже, дает себя чувствовать настойчивая работа масонов и евреев, которые всячески хотят помешать вмешательству союзников в наши дела и помощи для воссоздания единой сильной России. То, что прежде казалось мне грубым вымыслом, либо фантазией черносотенников, приписывавших всю нашу смуту работы «жидо-масонов», — с некоторых пор, начало представляться мне имеющим, несомненно, действительную почву. Вся история нашей революции и большевизма давала достаточно для того оснований, но я имел некоторое представление и о роли масонства во французской армии и об этом счел долгом сообщить Деникину. Мне казалось, что роль начальника французского штаба в Одессе, еврея Фрейденберга, которого обвиняли в том, что он подкуплен петлюровцами, среди коих в свою очередь немало было германских агентов, — эта роль весьма близко походила к целям масонства. Во Франции и без того сильное течение против вооруженной помощи России. Не следовало облегчать задачи сторонников такого течения.

Деникин не возражал против этого, но он точно и резко определял условия, на которые готов был пойти. «Если Франшэ д'Эсперэ на это

согласится, — хорошо, если нет, то я налево кругом марш». — Меня, конечно волновала перспектива свидания таких двух «носорогов», как прозвал Деникина мой брат после одного посещения. Но всем волнениям не суждено было осуществиться в действительности.

Как снег на голову пришло известие, что французы решили эвакуировать Одессу, оставив желающим 48 часов на приготовления к отъезду. В Екатеринодаре об этом узнали только по прибытии первого транспорта с беженцами в Новороссийск.

Рассказы этих беженцев, вскоре прибывших в Екатеринодар, вызвали чувство всеобщего негодования на предательство французов. Требовалось немало усилий, чтобы сдерживать слишком пылкое выражение этих чувств в общественных собраниях и печати. Одновременно распространялся слух, что Клемансо пал и что во Франции новое министерство с социалистами, чуть ли не революция. Защитники Франции говорили, что она погибла, поддавшись большевизму, как и мы в свое время.

Еще не успели освоиться с первым известием, как пришло второе: большевики заняли Перекоп, и Крым со дня на день будет весь в их власти.

Известие о том, что Перекоп взят, пришло, если не ошибаюсь, в четверг на Вербной неделе. Трудно передать волнение всех, у кого оставались близкие в Крыму. По счастью, высшее командование, которое сначала озаботилось вывозом казенного имущества, пошло навстречу представлению о необходимости принять меры к спасению тех остатков культурного класса, которым удалось бежать в Крым из Совдепии. Каждый час был дорог, и мы пережили немало волнений за всех наших, проживающих в Ялте.

Поведение французов возмущало англичан. Они старались доказать, что не все союзники такие же хамы. Англичане приняли самое деятельное и сердечное участие в вывозе беженцев из Крыма. Они отправили туда свои военные суда, которые оказались перегруженными семьями крымских жителей и их пожитками. Царская семья была направлена в Мальту, оттуда императрица Мария Федоровна выехала, кажется, в Данию, а великий князь Николай Николаевич — в Италию²³². Великий князь оставался на английском военном судне на ялтинском рейде до тех пор, пока не уверился, что все желающие получают возможность покинуть Ялту.

Все наши сели на пассажирский пароход «Посадник»¹, на котором был французский комиссар. Благодаря этому им пришлось испытать

¹ Пароход «Посадник» — русское транспортное судно, конфискованное французами. Французы заставили нас грузить уголь. Грузил уголь и я, 14-летний мальчик, и грузил не только на «Посадник», но и на французские миноносцы. — *Примеч. М. Г. Трубецкого*

различные мытарства в пути. Французские агенты взыскали со всех пассажиров плату за проезд, хотя пароход был предоставлен для бесплатной перевозки беженцев. В пути пришлось закупить команду, дав ей 45 тысяч, иначе матросы угрожали бросить пароход в Севастополе, куда зашли за углем. Пассажиры сами должны были грузить уголь. Брожение с берега передавалось команде. К пароходу подъезжали агенты революционного комитета в Севастополе, подстрекавшие матросов не перевозить буржуев и угрожавшие их семьям. Остановка в Севастополе была чревата опасностями. Наконец, всякими правдами и неправдами удалось уйти из Севастополя. «Посадник» прибыл в Новороссийск в Вербное Воскресенье.

Новороссийск был уже забит беженцами, число коих было около 40 тысяч. В городе не оставалось ни одного свободного места. Нашим семьям предложили поселиться в казенном имении Мысхако в 7 верстах от Новороссийска²³³. В их распоряжение отвели казенную виноградную школу, где были устроены мужской и женский дортуары. Всех родственников набралось человек 70: старые и молодые Бутеневы, моя семья, Ламздорфы, Оболенские, Глебовы, Гагарины — Марина с семьей и Сережа Андреевич, — М. В. Барятинская, масса маленьких детей, нянюшки, домочадцы и проч. С нами был и товарищ Кости, Федя Булгаков, сын московского профессора С. Н. [Булгакова], экономиста, прошедшего эволюцию от социал-демократа до священника; он принял сан год тому назад в Москве. Сам он с женою остался в Крыму, а сына отправил с нами.

Сам Бог привел наших из Крыма в Мысхако, лучше нельзя было выбрать места для временного поселения. Вся местность — открытая, на берегу моря, культуры сравнительно немного, самого недавнего происхождения. В умелых руках побережье давно стало бы благословенным уголком, настоящей жемчужиной. Природные условия и климат в Мысхако совершенно исключительные. Виноград там славится; слабые нуждающиеся в поправке люди в самое скорое время оживают, дети расцветают. Воздух напоен чудной смесью морских испарений и полевых цветов. Нигде я не видел такого обилия и богатства полевой растительности, как в Мысхако и окрестностях весною. Дорога до города была усыпана шиповником и жимолостью. Ярко-красные маки, дикая герань, красные, лиловые, голубые, синие, желтые цветы пестрели со всех сторон. Ветер свободно гулял на просторе, соловьи распевали, — словом трудно себе было представить более прелестного сочетания первобытной природы и моря, а вдаль — новороссийский залив с уходящей вдаль линией гор.

Старики Бутеневы устроились у очень милой старушки Е. В. Ювжик-Компанец, которая жила на своей небольшой, но довольно поместительной даче в фруктовом саду. Вокруг дома шла крытая терраса, где можно было проводить весь день. Туда же переселились и М. В. Ба-

рятинская. В Новороссийске наши познакомились с священником, беженцем-законоучителем гимназии в Феодосии, отцом Соколовым. Они пригласили его в Мысхако. Благодаря этому, на Страстной можно было организовать богослужения, а в ночь на Пасху была устроена заутреня, с крестным ходом вокруг казенного училища. Оповестили население, пришло много народа. В этой импровизированной обстановке, среди чудной природы, среди людей, только что спасшихся с кое-какими пожитками от серьезной опасности, пасхальная заутреня была отслужена с каким-то особенным благолепием и умилением. На всех присутствующих, я думаю, эта служба оставила неизгладимое впечатление, никогда так не чувствовалось светлое духовное торжество победы духа над смертью, и с разных сторон слышались голоса, что эта служба напоминала богослужения христиан первых веков.

Наши женщины постарались сделать все возможное, чтобы больше чувствовался праздник. Были устроены великолепные разговины. Пасху месили в детской ванночке, не шутка была приготовить рóзговины на 70 человек, и всего оказалось вдоволь.

На Святой начали разъезжаться. Моя *belle soeur* А. В. Трубецкая, для которой нашлись комнаты в Новороссийске, поехала в Батум, за ней туда же потянули дочери ее с семьями. Остались Бутеневы, Гагарины и мы. Для нас нашлась маленькая дачка в две комнаты. В Новороссийске достали антиминос и все, что нужно, для богослужения. На даче Е. В. Ювжик, на террасе, соорудили алтарь. Перед Престолом высился крест из полевых цветов. Пели все наши под управлением нашего учителя Виктора Ивановича Ильенко. Прибавилась новая прелесть и новое утешение в пребывании в Мысхако, — всенощные и обедни па террасе, куда врывалось пение птиц и воздух, напоенный весенними запахами.

Мне вскоре пришлось уехать с Полей Бутеневым в Новочеркасск, чтобы устроить наши денежные дела. Поездка в Париж, при новых условиях, была отложена, в ней не представлялось надобности. Мне пришлось делить время между Екатеринодаром и Мысхако.

Первое время после эвакуации Крыма и Одессы общее настроение было довольно угнетенное. Большевики наступали на Торговую, им удалось одержать успехи благодаря тому, что у Торговой были молодые части из наших новобранцев, мало обученных. Эти неудачи в связи с впечатлением, что союзники бросили нас, и создали тяжелое настроение, которое могло гибельно отозваться на Добровольческой армии. Минута была переломной во многих отношениях. Наши части были слишком разбросаны в разных направлениях. По счастью, Деникин быстро овладел положением, сосредоточил сильный удар на Торговой и погнал большевиков. С этой минуты начались непрерывные успехи Доброволь-

ческой армии. Большевики были деморализованы и сдавались целыми частями. Были взяты Харьков, Екатеринослав, Царицын, очищен весь каменноугольный район. Все воспряли духом и вновь уверовали в Добровольческую армию, способную творить чудеса.

Успехам Добровольческой армии сильно содействовала помощь англичан, которые завалили Новороссийск боевыми грузами, — артиллерией, снарядами, ружьями, танками, обмундированием. Особенно сильное действие на большевиков производили танки.

Англичане резко изменили свою политику. В то время как французы ушли, оставив по себе надолго самую скверную память, англичане, наоборот, с весны удвоили энергию в деле оказания всякой помощи. В Закавказье они также оставили политику колебаний, отрешились от всякой двусмысленности по отношению к самостийным образованиям и стали открыто и последовательно поддерживать Добровольческую армию и лозунг единой, неделимой России.

В то время как Добровольческую армию постигли неудачи, адмирал Колчак победоносно шел вперед, приближаясь к Волге. Он уже был на расстоянии каких-нибудь 70 верст от Самары и в таком же, приблизительно, от Казани. В это время на западе началась кампания в пользу признания его единой всероссийской властью. Наши представители в Париже сильно ратовали за то, чтобы Добровольческая армия признала главенство Колчака. Они считали, что это сильно укрепит международное положение России и побудит союзников, признав Колчака, бесповоротно связаться в деле вооруженной помощи ему и Деникину. О Добровольческой армии среди союзников создалось почему-то впечатление, что она реакционна, тогда как правительство Колчака включало в себя социалистов и было более демократически настроено. В это время на Западе и в Америке царило демократическое возбуждение, и в левых кругах сильно опасались, что восстановление единой России принесет с собою реакцию.

Из Парижа были посланы генерал Щербачев, Вырубов и Аджемов в Екатеринодар, чтобы убедить Деникина в необходимости признания адмирала Колчака²³⁴.

Выехав из Парижа под свежим впечатлением известий о неудачах Добровольческой армии и успехах Колчака, посланцы прибыли в Екатеринодар, когда картина совершенно изменилась: на всех фронтах Добровольческой армии шли непрерывные успехи, армия Колчака должна была отойти, и с востока шли к ней неблагоприятные вести. В Екатеринодаре настроение было единодушно против срочности признания Колчака главой всероссийского правительства. И Особое совещание, и общественные круги, за ним стоявшие, полагали, что объединение власти должно последовать, как только состоится смычка между

армиями, и что в этом деле недопустимо давление союзников. Помощи от последних живой силой все равно нельзя было ждать. Припасов, доставленных уже англичанами, могло хватить на четыре месяца интенсивной войны. После предательства французов и одержанных нами успехов в Добровольческой армии возникло бодрое настроение веры в собственные силы и нежелания допускать вмешательства союзников в наши внутренние дела. Подчинение Колчаку представлялось возможным и желательным, но пока несвоевременным. Настроение это, как всем казалось, разделялось и Деникиным. Тем более неожиданным для всех явилось его заявление на обеде в честь уезжавшего английского генерала Бриггса, что им издан приказ, в коем он подчиняется Колчаку, признавая необходимость объединения верховной власти военной и гражданской²³⁵. Впечатление от этого заявления было столь неожиданное, что на минуту все ошалели, но потом общее движение было... неопиcуемый энтузиазм. Все бросились к Деникину, обнимали его, кто-то целовал ему руку. Импонировали благородство и красота его жеста. Деникин признал Колчака в минуту, когда разворачивались блестящие успехи Добровольческой армии, а Колчака постигли неудачи. Он это сделал также в ту минуту, когда вокруг него, на Дону и на Кубани, интриги самостийников, врагов единой России, достигли наибольшего развития и замышлялся южнорусский союз Дона, Кубани и Терека. Свое решение Деникин объяснил, между прочим, необходимостью подать пример патриотизма и жертвы личными интересами в присутствии того предательства, которое разыгрывается в тылу.

Я никогда не видал, чтобы под влиянием решения вождя так быстро и радикально изменилась оценка общего положения. Кадеты, ратовавшие накануне в пользу отсрочки признания Колчака, теперь стали убежденными сторонниками решения, принятого Деникиным. Для меня так и осталось невыясненным, путем каких заключений он к нему пришел; скорее всего, Деникин принял свое решение нутром, а не путем чуждых ему рассуждений, в которых он не любит запутываться.

Как никак, решение было принято. Тотчас представилась необходимость представителям Особого совещания выехать в Париж, откуда легче было вступить по телеграфу в сношения с адмиралом Колчаком, чтобы определить дальнейшие взаимоотношения и программу действий. В Париж выехали генерал Драгомиров, Нератов, Астров и Соколов (начальник Отдела пропаганды).

С этого времени прошли два события в нашей жизни: уехал мой сын Костя, выдержав экзамен зрелости, на фронт, — он поступил в Конно-гренадерский полк вместе с Николаем Лермонтовым.

Второе событие, касающееся меня лично, — мне предложили организовать ведомство исповеданий и войти в состав Особого совещания²³⁶. Этому предшествовало мое участие в Церковном соборе в городе Ставрополе в конце мая. С этого начинается, может быть, новая полоса моей жизни, и поэтому постараюсь с нынешнего времени начать запись вроде дневника, предпослав ему несколько слов о Соборе в Ставрополе.

Мысхако, 15 июля 1919 г.

Глава XI

Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования

Часть 1

Добровольческая армия, непосредственная преемница некогда грозной Русской вооруженной силы, выдержавшей долгую и упорную борьбу с сильным врагом, отвергла всякую мысль о соглашении с прежним противником, оставаясь верной до конца всем договорам с союзными державами.

В середине апреля 1918 года, после окончания 1-го Кубанского похода, когда германцы заняли Ростов и другие пункты Донской области, а Добровольческая армия сосредоточилась в районе юго-восточнее Ростова, вопрос об отношении к немцам, находившимся в столь близком соседстве, стал особенно острым. Все попытки германцев войти в переговоры с командованием Добровольческой армии были категорически отвергнуты, несмотря на то, что этими отказами армия закрывала себе пути к получению до нельзя необходимых ей боевых припасов.

Позднее, высшее германское командование в лице своего представителя при Донском атамане майора Кохенгаузена, тоже неоднократно пыталось завязать сношения. Не находя отклика со стороны главнокомандующего Добровольческой армией, майор Кохенгаузен по одному из вопросов обратился уже с ультимативным требованием к командованию Добровольческой армии, которое также было оставлено без последствий.

Вместе с тем, с занятием германцами Грузии и Сочинского округа и с этой стороны началось давление на Добровольческую армию. Дружественные отношения, установившиеся между Добровольческой армией и грузинскими частями, боровшихся с большевиками в Сочинском округе, резко изменились. Грузины начали готовить оборонительную позицию в Сочинском округе, причем осматривать и руково-

дять работами приезжали германские офицеры. Сзади грузинских войск появились германские войска.

Таковы были отношения Добровольческой армии к врагам России и союзникам ко времени победы держав Согласия.

* * *

10 ноября в Новороссийск прибыла союзная эскадра, а 14 ноября приехали в Екатеринодар представители Англии и Франции,

На официальном приеме, в целом ряде речей, представители Франции подчеркнули, что все деяния, направленные к созданию Единой Великой России, встречают полное сочувствие союзников, признающих лишь Единую Россию, единый русский фронт, единое русское командование; что все борющиеся открыто или путем интриг против этой идеи являются не только врагами России, но и врагами союзников, что русским главнокомандующим является генерал Деникин и что ныне, когда Дарданеллы открыты, союзники всем, чем могут придут на помощь братской и союзнической Добровольческой армии.

Генерал Щербачев, командированный главнокомандующим в качестве представителя Добровольческой армии к главнокомандующему союзными армиями в Румынии, Трансильвании и на Юге России генералу Бертло, в письме своем от 3 ноября из Бухареста писал: «Я посетил генерала Бертло в его Главной квартире в Бухаресте для предварительных переговоров о моем проезде в Главную квартиру генерала Франше д'Эспере и далее в Париж, с целью ускорить прибытие союзных войск и средств войны — в Россию.

В Бухаресте мне удалось достигнуть результатов, которые значительно превзошли мои предположения. Путем непосредственного общения и обмена мнений с генералом Бертло, с коим нас связывала и прежняя общность идей и действий, ныне удалось придать переговорам в Бухаресте форму исчерпывающе решительную настолько, что временно отпала надобность проезда в Париж и к генералу Франше д'Эспере.

Генерал Бертло, имеющий идейную сильную поддержку Ж. Клемансо, председателя союзных совещаний, облечен полною мощью “главнокомандующего армиями союзников в Румынии, Трансильвании и на Юге России” и в качестве такового лица имеет возможность проектировать и осуществлять все вопросы политические и военные, касающиеся Юга России и спасения его от анархии. Мне удалось подвинуть этот вопрос настолько, что ныне уже едва ли остается желать в этом отношении чего-либо сверх предположенного на совещании моем с генералом Бертло.

Решено же нижеследующее:

1) Для оккупации Юга России будет двинуто, настолько быстро, насколько только это возможно, 12 дивизий, из коих одна будет в Одессе на этих же днях.

2) Дивизии будут французские и греческие.

3) Я буду состоять, по предложению союзников и генерала Берто, при последнем и буду участвовать в решении всех вопросов.

4) База Союзников — Одесса; Севастополь будет занять также быстро.

5) Союзными войсками Юга России первое время будет командовать генерал д'Ансельм с Главной квартирой в Одессе, где буду находиться и я с состоящими при мне Вам известными лицами.

6) Генерал Берто, до времени, со своей Главной квартирой остается в Бухаресте.

7) По прибытии союзных войск, кроме Одессы и Севастополя, которые будут несомненно заняты ко времени получения Вами этого письма, союзники займут быстро Киев и Харьков с Криворожским и Донецким бассейнами, Дон и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее соорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций.

8) Под прикрытием союзной оккупации, необходимо немедленное формирование русских армий на Юге России, во имя возрождения Великой Единой России. С этой целью теперь же должен быть решен и разработан вопрос о способах и районах формирований этих армий по мере продвижения союзников. Только при таком условии будет обеспечено скорейшее наступление всех русских южных армий под единым командованием на Москву.

9) В Одессу, как главную базу союзников, прибудет огромное количество всякого рода военных средств, оружия, боевых огнестрельных запасов, танков, одежды, железнодорожных и дорожных средств, авиации, продовольствия и проч..

10) Богатые запасы бывшего Румынского фронта, Бессарабии и Малороссии, равно как и таковые Дона, можно отныне считать в полном нашем распоряжении. Для сего осталось сделать лишь небольшие дипломатические усилия, успех коих обеспечен, так как он опирается на все могущество союзников.

11) Относительно финансовой поддержки нам, у союзников вырабатывается особый, специальный план».

29 октября главнокомандующий союзными силами на Востоке генерал Франше д'Эспере в письме на имя генерала Эрдели, представителя Добровольческой армии, командированного к нему главнокомандующим, писал:

«Г-н генерал. Я был особенно счастлив сегодня Вас принять и познакомиться, таким образом, со столь выдающимся представителем русской армии генерала Деникина.

Будьте уверены, что Франция, которая была всегда верна и лояльна союзникам, достойным этого имени, не забудет истинно русских и не оставит Добровольческую армию.

Тотчас же, как это будет возможно, я прикажу направить в Новороссийск военное судно и прислать боевые припасы и материалы, в коих Вы нуждаетесь и о которых Вы мне говорили.

Я прикажу, кроме того, доставить Вам, немного погодя, все полезные указания по этому поводу, первый очерк коих полковники Энкель и Песоцкий передали генералу Деникину.

Прошу принять, г-н генерал, уверение в моем отличном уважении. Франше д'Эспере».

Таким образом, все, казалось, указывало на то, что союзники будут всемерно оказывать помощь Добровольческой армии.

* * *

С целью наиболее полного ориентирования союзного командования, в середине ноября 1918 года, штабом главнокомандующего был составлен подробный доклад о политическом стратегическом положении на Юге России и об основном плане развертывания русских вооруженных сил для наступления вглубь страны.

В докладе были указаны:

а) Общая задача армий — разбить советские войска и овладеть центром России — Москвой, с одновременным ударом на Петроград и вдоль правого берега Волги.

б) Ближайшие задачи:

1) Не допустить противника занять Украину и Западные губернии и, прикрыв их на протяжении прежней демаркационной линии, Совдепии и австро-германцев, создать плацдарм для будущих формирований и для наступления вглубь России с целью ликвидации большевизма.

2) Использовать фронт, занимаемый Донской и Добровольческой армиями, для наступления в Россию и для окончательная очищения от большевиков Северного Кавказа.

В виду того, что части России, оккупированные немцами и лежащие к западу от бывшей демаркационной линии, уцелели от разгрома большевиками, они приобрели особо важное значение являясь:

1) Плацдармом для нашего наступления внутрь России.

2) Источником комплектовали формируемых здесь частей Добровольческой армии.

3) Районом, обеспечивающим возможность выполнения этих формирований и снабжения их.

Для выполнения общей задачи предположено было вести наступление по восьми операционным направлениям с фронта Псков — Царицын на линию Петроград — Казань, причем было высказано пожелание о необходимости, с целью обеспечения развертывания русских вооруженных сил, занять строго минимальным количеством союзных войск районы, прикрывавшие главнейшие направления и важнейшие в мобилизационном и политическом отношениях.

Силы эти исчислялись в 18 пехотных и 4 кавалерийских дивизий, причем было указано, что они ни в каких активных действиях участвовать не будут и лишь обеспечат операции русских армий.

Одновременно был представлен подробный перечень всего необходимого снабжения для существующих (Добровольческая и Донская) и формирующихся армий.

20 ноября доклад этот со всеми приложениями был послан командующему союзными войсками в Румынии генералу Берто и офицеру для связи с французским командованием Генерального штаба капитану Фуке для передачи генералу Франше д'Эспере.

Ответа на этот доклад не последовало.

* * *

События разыгравшиеся к этому времени на юге России, в связи с очищением германцами занятых ими областей и началом движения Петлюры, диктовали необходимость приступить к проведению намеченного плана в жизнь, хотя бы только в своих основных чертах, — безотлагательно. Поэтому, когда в середине ноября, вновь образовавшееся Крымское правительство, в лице своего председателя [С. С. Крыма], обратилось с просьбой к главнокомандующему Добровольческой армией о присылке на Крымский полуостров небольших отрядов достаточных для обеспечения спокойствия и безопасности в крае, оставляемом германцами, по приказанию главнокомандующего, Крым был занят добровольческими войсками.

В связи с эвакуацией германских войск из Украины и начавшимися там волнениями, становилось крайне важным оградить от большевизма Малороссию, как район, где в будущем должно было быть произведено развертывание Добровольческих армий; поэтому 24 ноября главнокомандующий телеграфировал генералу Франше д'Эспере: «Чтобы сохранить Юг России, богатый продовольствием и военными запасами,

необходимо как можно скорее двинуть хотя бы две дивизии союзных войск в район Харькова и Екатеринослава», а 1 декабря обратился с просьбой к французскому командованию об отдаче надлежащих распоряжений для оставления германских войск в Харькове с целью сохранения порядка.

В ответ на это, офицер для связи с генералом Франше д'Эспере Генерального штаба капитан Фуке вручил главнокомандующему копию телеграммы генерала Франше д'Эспере, в которой указывалось, что одна французская дивизия 5 декабря начнет высаживаться в Одессе.

Ко времени прибытия французских войск, в Одессе обстановка складывалась так: весь город был занят «петлюровцами», за исключением небольшой зоны, прилегавшей к порту, которая была под охраной французского флага. Гетманские войска частью перешли к петлюровцам, частью расплылись в городе. Сосредоточившееся в Одессе русское офицерство еще не успело приобрести нужной организации, поэтому находившийся там генерал Гришин-Алмазов принял на себя командование добровольческими частями и начал приводить их в порядок. Полномочный представитель держав Согласия в г. Одессе французский консул Энно, занимал в отношении украинского вопроса позицию определенную и твердую: украинцы всех направлений признавались им элементом вредным для создания Единой России, а Добровольческая армия считалась единственным здоровым государственным началом на Юге России.

4 декабря в Одессе высадился первый эшелон французских войск, состоящий из четырех рот 156-й дивизии под командой генерала Бориуса. Генерал Бориус вызвал к себе генерала Гришина-Алмазова и передал ему, что он намерен завтра вступить со своими войсками в город с музыкой. На это генерал Гришин-Алмазов возразил, что в виду враждебного настроения петлюровцев, эта операция невозможна и что сперва следует очистить город от петлюровских банд. Генерал Бориус согласился с этим доводом и решил совместно с генералом Гришиным-Алмазовым на следующий день занять весь город французскими и добровольческими войсками.

5 декабря с утра началась операция по овладению городом. Петлюровцы встретили добровольческие отряды ружейным и пулеметным огнем; стоявшие на рейде французские военные суда и транспорты были обстреляны из города артиллерией.

Целый день и всю ночь шел ожесточенный бой между добровольцами и петлюровцами, закончившийся полным поражением последних. Наши потери исчислялись в 24 офицера убитыми и около 100 ранеными.

Таким образом, выполняя в точности предложенные французскому командованию условия о совместных действиях, Добровольче-

ская армия грудью своею проложила путь для союзных войск, которые вступили в Одессу и заняли город — без потерь.

7 декабря г. [В. В.] Шульгин сообщая, что генерал Бориус, с согласия генерала Эрдели и его, Шульгина, возложил на генерала Гришина-Алмазова обязанности военного губернатора Одессы, просил об утверждении этого назначения. Главнокомандующий назначение утвердил.

Генерал Бориус получил приказание от своего Высшего командования занять лишь Одессу и, несмотря на все уверения генерала Гришина-Алмазова о необходимости немедленного выдвижения вперед, с целью занятия важнейших тактических пунктов, обеспечивающих оборону города, и для захвата в сферу своего влияния несколько близлежащих селений, питающих Одессу, генерал Бориус не только сам не продвигался вперед, но категорически запретил это делать и Добровольческим частям. Результатом этого было немедленное вздорожание жизненных продуктов в Одессе и почти полное исчезновение их с рынка.

Таким образом, с первых же шагов наши союзники, с которыми впервые вошли в соприкосновение части Добровольческой армии, не только не оказали им помощи, но и затормозили необходимое развитие их боевого успеха, вызывая тем самым осложнение в тылу и справедливое недовольство населения.

Обо всем изложенном генерал Гришин-Алмазов своевременно доносил главнокомандующему, а 13 декабря вновь поднял этот вопрос перед французским командованием, передавая генералу Бориусу и консулу Энно памятную записку за номером 230, где указывал на необходимость: 1) расширения занимаемой союзными войсками зоны до линии Беляевка — Севериновка — Антоно-Кодинцево и 2) дальнейшего продвижения, к середине января, на линию Тирасполь — Раздельная — Николаев, к каковому времени предполагалось закончить формирование дивизии военного состава Добровольческой армии.

С приездом нового командующего генерала д'Ансельма, генерал Гришин-Алмазов 1 января вторично подал французскому командованию памятную записку за номером 393 о необходимости расширения зоны до линии Тирасполь — Раздельная — Березовка — Николаев — Херсон, указывая, что занятием этой линии достигается связь с Бессарабией и ликвидируется наступивший в Одессе продовольственный кризис.

Выполнение указанной операции предлагалось произвести наличными силами, заняв Тирасполь, Раздельную и Березовку союзными войсками и возложив обеспечение Херсоно-Николаевского района на 15-ю германскую ландверную дивизию²³⁷.

Однако французское командование, склоняясь к предложению представителей партии Петлюры, к «системе мирного ввода французов

на украинскую территорию», и предпочитая в вопросе расширения зоны действовать дипломатическим путем, по-прежнему тормозило выполнение этого мероприятия.

Лишь 3 января [1919 года] генерал Гришин-Алмазов донес главнокомандующему о получении от генерала д'Ансельма ответа в том смысле, что атаману Грекову предложено очистить зону до линии Тирасполь — Раздельная — Березовка — Николаев — Херсон, причем было заявлено, что в случае не исполнения указанного требования, французы заставят петлюровцев подчиниться — силой.

5 января главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России телеграфировал генералу Бертело: «Общее положение на Украине с каждым днем начинает ухудшаться. Вслед за выступлением Петлюры, в разных местах Украины начали организовываться шайки грабителей, руководимые своими главарями. Действия этих шаек носили чисто местный характер, но теперь они начинают объединяться, и их деятельность принимает угрожающий характер. Петлюровское движение выливается постепенно в форму определенного большевизма, в результате чего перед нами может возникнуть новый большевистский фронт, борьба против которого будет уже сложнее. Для подавления этого движения необходима возможно скорейшая присылка союзных войск на Украину, что даст нам возможность перейти к активным действиям и прекратить дальнейшее развитие событий, явно вредных для общего дела и грозящих обратить в пустыню богатейший край».

Ответа на эту телеграмму не последовало.

В то время как в районе Одессы, с таким трудом, встречая целый ряд препятствий со стороны французского командования, осуществлялись ближайшие задачи Добровольческой армии, в Крыму происходило следующее.

Части Добровольческой армии, заняв в середине ноября Крымский полуостров, выдвинулись в район северных уездов Таврии с целью прикрытия от большевиков побережий Черного и Азовского морей, поддержания связи с войсками, занимающими Донецкий каменноугольный бассейн и образования плацдарма для действий вновь формирующихся частей.

28 декабря в Севастополе высадился полк французской пехоты и был оставлен в этом городе.

К середине января регулярные советские войска выдвинулись на фронт Луганск — Гришино — Гуляй Поле. Становилась ясной полная вероятность их дальнейших активных действий в направлении Крымского полуострова и отсюда — крайняя необходимость: а) срочно использовать призывы северных уездов Таврии и занятой части Екатери-

нославской губернии, б) немедленно сосредоточить в Северной Таврии для усиления фронта все части армии, выведя некоторые из Крыма, где они занимали гарнизонами главнейшие пункты. В Крыму велась усиленная большевицкая агитация; настроение всюду было крайне неспокойное и оставить Крымский полуостров — тыл армии, без войск, было невозможно.

Учитывая все это, главнокомандующий 19 января послал телеграмму генералу Бертло: «Регулярные советские войска сосредоточены на фронте Луганск, Бахмут, Гришино, Гуляй Поле и скоро можно ожидать активных действий со стороны противника, чтобы дать отпор большевикам и использовать призыв северных уездов Таврии и занятую часть Екатеринославской губернии, необходимо вывести Добровольческие части из Крыма и сосредоточить их на севере Таврии. Для обеспечения порядка в Крыму после ухода Добровольческих частей прошу срочно занять хотя бы маленькими союзными гарнизонами Мелитополь, станцию Сиваш, Перекоп, Джанкой, Евпаторию, Симферополь, Феодосию и Керчь. О Вашем решении прошу поставить меня в известность».

Генерал Бертло 4 февраля ответил, что в данное время, ввиду малочисленности частей, находящихся в его распоряжении, он не может исполнить эту просьбу, но с прибытием подкреплений обязательно все сделает.

Одновременно генерал Бертло указал, что большим тормозом в деле переброски войск является отсутствие в его распоряжении транспортов, и что, сознавая серьезность положения, он отдал приказ приостановить распоряжение генерала Деникина, относительно запрещения фрахтовки русских пароходов и просил передать таковые ему для перевозки войск.

Три русских парохода — «Император Александр III», «Николай I» и «Петр Великий» — были переданы в Одессе в распоряжение французского командования.

2 февраля главнокомандующий в телеграмме генералу Бертло вновь указал на крайнюю желательность скорейшего занятия союзными гарнизонами указанных выше пунктов, за исключением Мелитополя, в районе которого мобилизация прошла успешно.

Просьбы эти до последних дней исполнены не были, и лишь 15 марта в Симферополь прибыл батальон греков.

Таким образом, значительная часть Крымско-Азовской армии²³⁸ вместо того, чтобы принимать участие в активных операциях против большевиков, вынуждена была занимать гарнизонами главнейшие пункты Крыма, где большевицкая пропаганда все время усиливалась, и настроение населения продолжало быть крайне неспокойным.

При таких совершенно неожиданных и мало благоприятных условиях, Добровольческая армия распространяла свое влияние на Юге России по берегам Черного и Азовского морей, стремясь к выполнению ближайшей задачи, намеченной основным планом.

А между тем большевицкие войска, постепенно проникая в Украину, занимали уже Харьков, Киев и продвигались все глубже. Петлюровское движение, почти полностью, выливалось в форму определенного большевизма и тяготело к власти Советов.

И если, вскоре же после эвакуации германцами Украины и Западного края, все эти громадные области могли быть свободно, без выстрела, заняты ничтожным количеством победоносных войск держав Согласия, то с течением времени эта задача осложнялась все более и более.

Долгое отсутствие на Юге России союзных войск начинало расцениваться большевиками как победа их лозунгов, как начало их влияния на «всемирную революцию», и тем самым, стремясь привлечь на свою сторону общественное мнение, они становились все смелее и упорнее.

* * *

Неприбытие ожидаемой помощи от союзных войск невыгодно отразилось прежде всего на Донском фронте, где казаки, утомленные 12-месячной непрерывной борьбой, напрягая последние усилия, больше всего ее ожидали. Но когда помощь эта не пришла, сила казаков, растлеваемая большевицкой пропагандой, надломилась. Донская армия начала отступать, быстро редая в своем составе.

Уже 9 декабря, чтобы парализовать начавшуюся большевицкую агитацию на Дону, главнокомандующий Добровольческой армией послал генералам Франше д'Эспере и Бертло телеграмму: «Все части Добровольческой армии находятся в боях и не могут приступить к правильной организации. Поэтому из числа дивизий, которые были испрошены ранее в посланной Вам 20 ноября (3 декабря) за № 03955 записке, а также чтобы показать казакам, что они борются за правое дело вместе с союзниками, прошу прислать по одной пехотной дивизии для Донского и Кубанского фронтов. В случае согласия Вашего, дивизии эти могут быть высажены в Новороссийском порту».

Ответа на эту телеграмму не последовало, но 26 декабря была получена телеграмма, подписанная генералом Бертло и скрепленная французским консулом в Киеве г. Энно, адресованная всем войсковым частям, всем учреждениям, газетам и всем жителям Юга России: «Генерал Бертло, главнокомандующий войсками Согласия в Румынии и Южной России, сообщил мне для опубликования во всех газетах и распространения в возможно большем числе экземпляров нижеследующее:

Жители Южной России! Вот уже почти два года, как ваша богатая страна раздирается нескончаемыми гражданскими войнами; истинные злоумышленники захватили местами власть, угрожая жизни и имуществу всех мирных жителей и друзей порядка, создавая таким образом в вашей стране подлинную анархию, ведущую к полному разорению. Ваши союзники, никогда не забывавшие усилий, которые вы приложили во имя общего дела и желающие вновь увидеть вашу страну умиротворенной, процветающей и великой, решили, что наши войска высадятся в Южной России, чтобы дать возможность благонамеренным жителям восстановить порядок. Окажите добрый прием войскам союзников. Они приходят к вам, как друзья. Все державы Согласия идут вам навстречу, чтобы снабдить вас всем, в чем вы нуждаетесь и чтобы дать вам наконец возможность свободно, а не под угрозами злоумышленников, решить какую форму правления вы желаете иметь. Итак, войска союзников направляются к вам только для того, чтобы дать вам порядок, свободу и безопасность. Они покинут Россию после того, как спокойствие будет восстановлено. Дайте решительный отпор дурным советникам, имеющим интерес вызвать смуту в стране, и встречайте державы Согласия с доверием.

Генерал Бертло.

С подлинным верно, консул Франции
в Киеве с особыми полномочиями Энно».

Это сообщение быстро облетело все части донцов, но казаки отнеслись к нему с подозрением, сомневаясь в его подлинности: они уже не верили в то, что союзники им помогут...

4 января, ввиду серьезного положения на Дону и необходимости немедленной моральной поддержки Донской армии, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России обратился к союзному командованию с просьбой спешно перебросить на Дон бригаду или полк с артиллерией, так как иначе положение Донской армии и ее моральное состояние могут стать непоправимыми, что осложнит наше и союзников общее дело.

Ответа на эту телеграмму не последовало.

15 января, не получив ответа на все вышеприведенные телеграммы, главнокомандующий обратился непосредственно к маршалу Фошу, передавая свою телеграмму в копию генералам Франше д'Эспере, Бертло и послу Сазонову: «Пока над еле живым телом России идут споры и дебаты дипломатов, рушатся постепенно наши надежды. В грозной опасности Дон, пал Оренбург и Уральск, накануне анархии Малороссия, а Центральная Россия умирает. Я обращаюсь к Вашему солдатскому сердцу. Скажите союзным правительствам, что время разговоров мино-

вало, что мы истекаем кровью, что необходима немедленная реальная помощь, которой мы не видим. Мы не сложим оружия и ни минуты не сомневаемся в конечной победе. Но эта победа может прийти после гибели русской культуры и после того, как волна кровавой анархии захлестнет не только побежденных, но и победителей».

На эту телеграмму ответа не последовало.

29 января главнокомандующий вновь телеграфировал генералу Франше д'Эспере: «Целым рядом телеграмм я просил оказать содействие союзными войсками на Донском фронте. Значение этого фронта в борьбе с большевиками громадно, как прикрывающего Донецкий каменно-угольный район и пути к богатому Северному Кавказу и портам Азовского и Черного морей. Донские казаки в течение года героически сражались и сопротивлялись превосходным силам врага, но теперь усталые начинают терять веру в поддержку союзников, так как помощь, действительно, не прибывает, а со стороны большевиков идет пропаганда, что этой помощи и не будет. Если союзным командованием решено помочь нам в борьбе с большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поднять дух казаков и сохранить Донскую область».

Так, в течение первых трех месяцев, после установления связи Добровольческой армии с союзными войсками протекла борьба Вооруженных сил Юга России против большевиков и при таких условиях началось выполнение предложенного союзному командованию плана для наступления вглубь страны.

Уже в феврале главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России телеграфировал генералу Франше д'Эспере: «В течение трех месяцев Юг России ждал реальной помощи союзников. Вооруженные силы союзников за это время заняли некоторые пункты территории России, где их присутствие или вовсе не вызывалось русскими интересами, или силы эти могли быть значительно меньше. В частности, я несколько раз просил хоть небольшой отряд для Дона, где помощь именно союзников была психологически необходима. Отказ в этом привел к разложению Дона, к потере им почти половины его территории, к возможности потери всей области, что отбрасывает всю нашу работу на полгода назад. Прошу Вас ориентировать Ваше правительство, что эти обстоятельства вызвали полное недоумение и поворот русского общественного мнения не в пользу Союзников. 2 февраля № 182/П».

Не получив на эту телеграмму ответа, главнокомандующий 19 февраля телеграфировал маршалу Фошу и в копии генералу Бертло: «28 января нового стиля я обращался к Вашему Превосходительству с просьбой немедленной помощи. До сих пор таковая прибывала только на второстепенные театры. На главном направлении на Дону мы не полу-

чили ни одного солдата. Истощение продолжительной двенадцатимесячной борьбой надломило нравственные силы Донских казаков, они бессильны удержать напор врага, занявшего уже большую часть Донской области и приближающегося к столице Новочеркасску. Создается крайне тяжелое положение и для Добровольческой армии, занимающей Донецкий бассейн. Если мы не будем в состоянии удержать угольный район в своих руках, то скоро весь Юг России и флот останутся без топлива. Посему вновь обращаюсь к Вам с просьбой ускорить присылку войск для Дона. Если помощь запоздает, то скоро мы окажемся в том же положении, в каком были год тому назад и все героические усилия, ознаменовавшие эту титаническую борьбу за право и цивилизацию пропадут даром. Промедление в подаче помощи отразится прежде всего на интересах союзных войск, которым придется начинать свои операции с расширения района будущей базы, отвоевывая территории от большевиков вместо того, чтобы закрепить за собою территорию, добытую нами ценою беспримерных 12-месячных усилий. 19 февраля (4 марта) № 275/II».

Ответа не последовало.

Когда обнаружилось наступление большевиков на Крымский полуостров, и для более прочного удержания его главнокомандующий решил перебросить туда часть добровольческих войск, расположенных в Одессе, чтобы усилить слабые численно части Крымско-Азовской армии, то в ответ на отданное распоряжение, генерал Гришин-Алмазов донес: «Херсон после боев очищен союзниками. Николаев эвакуируется ими. Генерал д'Ансельм, считая Одессу угрожаемой заявил мне, что генерал Бертло приказал не выпускать Добровольческую армию из района Одессы. Ожидаю Ваших указаний».

1 марта главнокомандующий телеграфировал генералу Бертло: «В ноябре прошлого года моим штабом была составлена записка с планом формирования, стратегического развертывания и дальнейшего наступления войск Юга России. Записка была послана Вам и генералу Франше д'Эспере. План, изложенный в записке, был рассчитан на помощь союзных войск. Просимая помощь осуществлена не была, но мне не были сообщены и какие либо предположения французского командования, почему я вынужден был начать операции, рассчитывая только на свои силы, К сожалению здесь я встретил затруднения со стороны генерала д'Ансельма. Ввиду создавшегося трудного положения в северной Таврии и в Крыму и считая район Одессы достаточно обеспеченным имеющимися там союзными войсками, я отдал распоряжение о спешной переброске морем в Крым части войск Добровольческой армии из Одессы. На это приказание генерал Гришин-Алмазов мне донес об оставлении союзными войсками Херсона и Николаева, и что Генерал д'Ан-

сельм, считая Одессу угрожаемой, заявил, что Вы приказали не выпускать частей Добровольческой армии из Одессы. Настаивая на выполнении моего приказа, прошу Вашего распоряжения о разъяснении недоразумений, тормозящих переброску войск и мешающих выполнению намеченных мною операций».

Генерал Бертелло на эту телеграмму не ответил.

Таковы были отношения французского Главного командования к операциям русских Вооруженных сил на Юге России. В результате не только не была оказана помощь для осуществления, намеченного главнокомандующим и предложенная союзному командованию, плана борьбы с большевиками, но во многих случаях проведение этого плана в жизнь встречало препятствия.

* * *

Относясь так к операциям Вооруженных сил Юга России, французское командование на местах пыталось разрешить ряд принципиальных вопросов, касающихся организации и системы комплектования русских вооруженных сил.

Решение этих важнейших вопросов, затрагивающих условия русской жизни, представителями иностранных держав помимо главнокомандующего, влекло за собой разрушение единой власти и самой Добровольческой армии.

Французское командование в Одессе упорно противилось объявлению в Одесском районе мобилизации. Мотивом этого, по-видимому, была боязнь беспорядков, которые, якобы, должны были возникнуть из-за непопулярности, как казалось союзникам, Добровольческой армии в населении. Несомненно, что впечатление это создано под большим влиянием партии петлюровцев, преследовавшей свои определенные цели.

Основываясь на таких соображениях, но в то же время признавая необходимость увеличения количества вооруженных сил для борьбы с большевиками, французы в день приезда в Одессу генерала Бертелло подняли вопрос о формировании смешанных бригад (бригад-микст) на следующих основаниях.

- 1) офицерский состав этих бригад назначается властью Добровольческой армии, но комплектуется только из уроженцев Украины;
- 2) солдаты пополняются путем добровольного найма с жалованием 200–300 рублей в месяц при казенном довольствии;
- 3) в каждый полк, в качестве инструкторов, придается небольшое количество французских офицеров и унтер-офицеров,
- 4) в командном отношении эти части Добровольческой армии не подчиняются;

5) форма одежды применительно к французской — без погон.

Так как в таком виде эта мера приобретала характер формирования какой-то другой, не Добровольческой и не Русской армии, то главнокомандующий 8 февраля телеграфировал командующему войсками Юго-Западного края генералу Санникову: «Категорически воспрещаю Вам делать эксперименты с русскими войсками по чужой указке. Передайте, что я, главнокомандующий, не допущу ничьего вмешательства в вопросы формирования русской армии. Если бы кто либо позволил себе сделать это, объявите, что исполнивший незаконное распоряжение будет предан суду».

Позже главнокомандующий писал генералу Бертелло: «Идея формирования бригад из русских людей с иностранными офицерами и подчиненных исключительно французскому командованию не может быть популярна, так как она идет вразрез с идеей воссоздания Русской армии, во имя чего борется лучшее офицерство и наиболее здоровые элементы страны.

Возможно лишь оперативное подчинение французскому командованию русских формирований, возникающих или имеющих в местах преобладающего развертывания союзных войск, в случае если создавшаяся боевая обстановка того требует.

Опасение шовинизма со стороны русского командования по отношению к населению Украины и намерения укомплектовать формируемые части местными украинскими уроженцами, лишний раз подчеркивает насколько недостаточно французское командование в Одессе ориентировано в обстановке. Русское офицерство, ясно отдавая себе отчет в происходящему не может иначе относиться к населению Украины, чем ко всему русскому народу, с которым оно? Население? составляет одно целое. Вместе с тем, в некоторых самостийных кругах, находящихся поддержку в многочисленных австрийских и германских агентах, естественно стремление создания особых украинских войск и, как ни странно, этот план, противный идее воссоздания единой могущественной России, что казалось бы наиболее соответствует интересам французского народа, находит сочувствие и поддержку у французского командования.

Отказ в Юго-Западном районе от принудительной мобилизации разрушит совершенно, созданную с таким трудом, Добровольческую армию, уже перешедшую к принципу обязательной воинской повинности. Из областей, в коих формируются части путем призыва, лица, желающие уклониться от службы, начнут уходить в места, где от этого принципа отказались.

Разовьется дезертирство и начнется развал частей, ибо на смежных русских территориях не может быть двух различных решений по одному и тому же вопросу. Практика же показывает, что при успехе и силе на нашей стороне, мобилизация везде проходит успешно».

Не меньшие затруднения для Добровольческой армии вызвало отношение французского командования в Крыму к вопросу о введении военного положения.

В портовых городах Крыма, в особенности в Севастополе, местные большевики, видя что краевое правительство и союзное командование не принимает против них репрессивных мер, начали постепенно поднимать голову и открыто агитировать за советскую власть, вывод Добровольческой армии из Крыма и т. д.

Дабы в корне пресечь подобное безобразие, главнокомандующий признал желательным ввести в Крыму военное положение, предварительно запросив по этому вопросу командующего Крымско-Азовской армией. На это, последний донес, что французское командование, считаясь главным образом с местным правительством, указывает, что Добровольческая армия находится в Крыму исключительно для поддержания порядка и спокойствия и что оно против введения военного положения, считая однако вполне возможным, чтобы министру внутренних дел были представлены чрезвычайные полномочия по принятию различных мер, равносильных введению военного положения.

Так, французское командование с трудом ориентируясь в создавшейся сложной обстановке на Юге России, но пытаясь идти самостоятельным путем, не считалось с предложениями Главного командования Вооруженных сил на Юге России и, гипнотизируемое различными узко партийными заявлениями, тормозило организационные мероприятия русских вооруженных сил, энергичное и быстрое проведение которых в жизнь являлось крайне необходимыми как обеспечивающее возможность дальнейшего выполнения основного плана.

* * *

Еще менее понятным было отношение французского командования к вопросу материального снабжения Добровольческой армии теми запасами, которые после демобилизации Русской армии, оказались сосредоточенными в некоторых местах.

Как прямая преемница Русской армии, Добровольческая армия несомненно имела на них все права, не говоря уже о том, что нужда в предметах снабжения всякого рода особенно в снарядах и патронах была большая. Отношение это становится тем более досадным, что после отступления союзных войск из района Одессы все огромные материальные запасы, не будучи использованы, достались большевикам.

Наиболее крупные склады военного имущества, собранные при демобилизации Русской армии, находились в Тирасполе, Николаеве и на острове Березань — близ Очакова. На первую просьбу генерала Сан-

никова оказать содействие вывозу имущества из Тирасполя, французское командование письменно уведомило его, что Тирасполь не находится в зоне Добровольческой армии и что имущество впоследствии будет правильно распределено. Такая постановка вопроса вызывала недоумение, так как это имущество, как уже указывалось, целиком составляло собственность Русской армии и о каком бы то ни было распределении его, казалось бы, не должно было быть и речи.

Когда с подобной же просьбой генерал Санников обратился к французскому командованию в отношении Николаева, то в ответ последовало извещение, что имущество это, как не находящееся в зоне Добровольческой армии, принадлежит Директории.

Такой ответ был получен за неделю до эвакуации союзниками Николаева и все ценное и многочисленное имущество складов попало в руки большевиков. Впоследствии, при отступлении из района Одессы, попали в руки большевиков и склады на острове Березани.

Ко всему изложенному надо добавить, что в Одессе союзники захватили в свои руки оставшиеся там германские авиационные ангары, о передаче которых в Добровольческую армию было уже условлено с германским командованием.

Точно также французское командование поступило и с остатками Русского военного флота. Прибыв в Севастополь, французский адмирал Леже заявил, что ни один способный плавать корабль Черноморского флота, даже самый незначительный, не будет передан русским, пока в России не установится окончательный порядок, так как нет уверенности в том, что суда эти не попадут в руки большевиков и не нанесут вреда сообщениям союзников.

В середине декабря все годные суда Черноморского флота были уведены союзниками в Константинополь.

Так, в стремлении обеспечить свои морские сообщения, французское командование неизбежно наносило ущерб Добровольческой армии, потому что впоследствии, когда этой Армии пришлось защищать Крымский полуостров, отсутствие военных судов, могущих содействовать этой защите ощущалось в сильной мере.

Кроме того, когда под натиском превосходных сил противника слабые части Добровольческой армии начали очищение большей части Крыма, французское командование не допустило разрушить железнодорожную линию Симферополь — Севастополь и оставило неповрежденным весь подвижной состав, который в большом количестве и достался большевикам.

При всем этом французы, разделив сферы влияния и снабжения между собой и англичанами, за все эти четыре месяца не только не

доставили Русской армии ни одного пуда груза, но даже заставили русское командование снабжать из Новороссийска части Добровольческой армии, находившиеся в Одессе и в оперативном отношении бывшие в подчинении французского командования.

* * *

Политика французов на Юге России и отношение их к вопросам русской государственности поражали своей запутанностью и неправильным пониманием обстановки.

Выше было указано, что все представители французского Главного командования подтвердили стремление Франции восстановить Единую и Неделимую Россию, но их ближайшие мероприятия сплошь и рядом расходились с этой основной идеей, влекли за собой непоправимые ошибки и волновали русское общество, тревожно задававшее себе вопросы — «с чем пришли к нам Союзники, на помощь ли истекающей кровью России или с целью оккупации со всеми проистекающими из нее тяжчайшими для нас последствиями».

Представитель французского командования в Екатеринодаре капитан Фуке вел довольно своеобразную политику в отношении Дона, политику обещаний и намеков. Сначала вопрос о присылке союзных войск в Донскую область он ставил в зависимость от признания Донским атаманом единого командования в лице главнокомандующего Добровольческой армией. Единое командование было окончательно признано донским атаманом 26 декабря и тогда же об этом был поставлен в известность генерал Бертло. Между тем 27 января, то есть ровно через месяц, капитан Фуке, по каким-то причинам, предложить в письменной форме Донскому атаману подтвердить достигнутое соглашение и признать в лице генерала Франше д'Эспере «высшее командование и власть по вопросам военным, политическим и общего характера». Тогда же капитан Фуке обуславливал присылку союзных войск на Дон соглашением донского атамана на удовлетворение из донской казны лиц и общества французских и союзных подданных Донецкого бассейна, как на территории в пределах Донского войска так и в соседних районах», за погибшие человеческие жизни и за все понесенные убытки, происшедшие от занятия района большевиками. Причем все это было подтверждено следующей телеграммой 28 января № 717 на имя Донского атамана: «...Исполнение военной программы начнется не ранее того, как я буду иметь документы в руках. Капитан Фуке».

Это заявление, облеченное в столь категорическую форму, было предъявлено атаману в ту минуту, когда на Донском фронте создавалось чрезвычайно тяжелое положение: половина области была уже в руках

большевиков, а донские казаки, истомленные боями и постепенно терявшие надежду на помощь союзников, продолжали отступать.

Все эти документы, которые капитаном Фуке были составлены заблаговременно, генерал Краснов подписать отказался и, оставив их у себя, уведомил об этом главнокомандующего, который всецело разделил точку зрения донского атамана.

В Крыму, вскоре после высадки французских войск в Севастополе, представители французского командования, по-видимому, не будучи вполне ориентированы, что крымское правительство является лишь местным, областным, не имеющим общегосударственного значения, сплошь и рядом обсуждало с членами указанного правительства вопросы чисто военные.

Начальник штаба главнокомандующего, в сношении от 19 декабря на имя Генерального штаба капитана Фуке, поставил об этом последнего в известность, дабы он оповестил представителей союзников в Крыму и дал им возможность вполне правильно ориентироваться в современном политическом положении Крыма.

В Одессе до начала 1919 года, политика французского командования не оставляла желать лучшего.

Позиция занятая полномочным представителем держав Соглашения на Юге России французским консулом Энно, хорошо знакомым с Россией, верно оценивавшим украинское движение как наносное, субсидированное австрийскими и германскими деньгами, отличалась твердым стремлением проводить чисто русскую национальную политику и вести борьбу с украинским влиянием. Отношения его к Добровольческой армии были самыми благожелательными, в ее лице он признавал единственное здоровое начало на Юге России.

Генерал Бориус и его штаб совершенно не вмешивались во внутреннюю жизнь Одесского района и в гражданское управление города.

С приездом в Одессу генерала д'Ансельма и его начальника штаба полковника Фрейденберга, консул Энно был устранен от должности и политика французов резко изменилась.

Душой нового политического курса стал полковник Фрейденберг, деятельность которого поразительно совпадала с работой немецких и большевицких агентов.

Высадив в Одессе сравнительно небольшое количество войск, французское командование не считало их положение достаточно прочным и потому стремилось усилить обороноспособность Одесской зоны путем использования местных сил. Несмотря на то что вопрос этот, казалось бы, наиболее естественно разрешался совместной работой с Доб-

ровольческой армией, особенно в случае оказания последней энергичной помощи в деле формирования и организации, французское командование, плохо осведомленное и недостаточно понимающее сущность украинского движения, стало на путь переговоров с Директорией, не имевшей ни силы, ни власти, ни даже, под конец, территории, в надежде при посредстве ее осуществить желаемую цель.

Однако Одесса являлась городом, который за все время украинского движения был к нему наиболее оппозиционно настроенный, поэтому французское командование, вступая в тесное общение с Директорией, сразу же отшатнуло от себя наиболее здоровые элементы населения.

Убежденным сторонником этой политики был полковник Фрейденберг, сильно влиявший на Главное французское командование и отрицавший главенствующую роль Вооруженных сил Юга России, которые в его глазах казались непопулярными среди населения и не рассматривались им, как имеющие право преемства во всех отношениях от старой Русской армии.

Несомненно, что французское командование в Одессе отрицало и право Вооруженных сил Юга России на объединение занятой территории в гражданском управлении, и своей политикой разбивало только что создавшееся с таким трудом объединение власти в лице главнокомандующего Вооруженными силами.

Такая политика французов проводилась в Одессе и Крыму тогда, когда в Екатеринодаре, в Ставке главнокомандующего, представители Франции и Англии, сознавая необходимость концентрации всех сил для борьбы с большевиками и, видя в этом один из главных залогов успеха, напрягали все усилия, чтобы содействовать Вооруженным силам Юга России в достижении этого объединения возможно быстрее и в наиболее полной мере. Получалось необъяснимое и загадочное противоречие между заявлениями и работой представителей Франции, находившихся в Екатеринодаре, и отношением к Вооруженным силам Главного союзного командования, противоречие, которое явилось несомненной и главной причиной потери Николаева, Херсона, Березовки и которое, в конце концов, закончилось катастрофой в Одессе и Крыму.

Полковник Фрейденберг и все французское командование рассчитывало опереться на Украинскую дирекцию¹. Однако именно украинцы, менее всего были жизненны и, конечно, не могли служить опорой в решении вопросов большого государственного масштаба. Несомненно должно бы было настать время, когда эта убогая опора должна была надломиться и вся постройка рухнуть.

¹ Имеется в виду директория.

Это тем более должно было быть ясным, что все более или менее значительные политические партии в Одессе, в большинстве, сознавали беспочвенность петлюровцев и бесплодность политики Фрейденберга, поэтому если последнего и поддерживали единичные лица, то они менее всего были заинтересованы в благе России, а преследовали свои эгоистические цели, часто близкие к авантюризму. К сожалению, полковник Фрейденберг сознательно вел политику разрушения и, когда его ставленник Андро, личность весьма сомнительная, сделался главою нового правительства в Одессе, он оказался один — ни одна политическая партия его не поддержала, а генерал д'Ансельм, обманутый в своих ожиданиях, оказался бессильным провести в жизнь намеченные планы и реформы, касающиеся главным образом формирования новой армии.

Уже с первых дней пребывания в Одессе генерала д'Ансельма, французское командование начало постепенно забирать в свои руки гражданское управление района. Началом этого послужило запрещение ввести русскую администрацию в расширенной Одесской зоне и оставление в ней управления Директории. Результаты не замедлили сказаться. Так, в Николаеве началась полная анархия, потому что власть одновременно принадлежала демократической полубольшевицкой думе, комиссару Украинской директории, Совету рабочих депутатов, Совету депутатов германского гарнизона и наконец французскому коменданту. Очевидно, что подобной обстановке и во всем Одесском районе, трудно было рассчитывать на возможность проведения в жизнь каких бы то ни было мероприятий, связанных с вопросами обороны. Указания на это русского командования успеха не имели.

Постепенно обстановка усложнялась и потребовала приезда в Одессу генерала Бертло. К этому времени командующим войсками Юго-Западного края был назначен генерал Санников. 2 февраля 1919 года генерал Бертло назначил генерала д'Ансельма командующим союзными войсками в Южной России. На генерала д'Ансельма возлагалось руководство всеми вопросами военной политики и администрации. Генерала Санникова в делах политических и административных французское командование подчиняло генералу д'Ансельму, который, однако, не имел права вмешиваться в подробности предпринимаемых мер, а должен был всецело согласовать их с вопросами военного характера.

Генерал Санников признавался командующим русскими войсками, но поскольку дело касалось применения этих войск, генерал Санников был всецело подчинен генералу д'Ансельму.

В связи с введением этой новой системы подчиненности в Одесском округе главнокомандующий, телеграфировал генералу Санникову:

«1. Во всех отношениях: военном, политическом, гражданском Вы подчинены мне и только от меня можете получать приказания.

2. Предлагаю Вам всемерно координировать свои действия с французским командованием.

3. В виду численного преобладания союзнических войск, русские части Одесского района только в оперативном отношении подчиняются французскому командованию.

4. Детально взаимоотношения наши будут установлены при свидании моем с генералом Бертло, который сделал это предложение.

8 февраля № 219 Деникин».

Вскоре после получения донесения из Одессы о неразрешении организации гражданской власти на местах, главнокомандующий писал генералу Бертло: «Несогласованные действия в области гражданского управления приведут к нежелательным результатам. Гражданская власть должна быть в руках лица, назначенного мною, которое даст все гарантии нормальной жизни союзным войскам и будет координировать свои действия с союзным командованием. Вынужденный к сожалению отложить мое личное с Вами свидание, считаю необходимым предупредить Ваше Превосходительство о тех непоправимых и грозных последствиях, который повлекут за собой мероприятия, намеченные французским командованием и надеюсь, что они не получать осуществления до выяснения всего вопроса при личном нашем свидании».

* * *

Уже в конце февраля 1919 года начали сказываться плоды своеобразной политики французов. Союзные войска понесли поражение под Херсоном.

К этому времени гарнизон Херсона состоял из 1 батальона греков и роты французов при двух горных орудиях. Из этих войск одна рота греков занимала станцию, отделенную от города двухверстным открытым полем. Большевики повели наступление на станцию с фронта и правого фланга со стороны Б. Снегиревки. Греки, утомленные бессонницей и томимые жаждой, долго держались, но обойденные справа, под метким артиллерийским огнем противника устоять не могли, и, чувствуя недостаток в патронах, начали отходить к городу. Видя успех советских войск, местное население, большею частью рабочие, выступили с оружием в руках. Прибывшая на поддержку Херсона рота 176-го французского полка сперва не хотела высадиться, а потом вступив в город, отказалась идти в бой и только после угрозы командира и метких разрывов неприятельских снарядов двинулась вперед. С крейсера был открыт огонь по предместьям, в которых начался пожар.

Союзному командованию стало ясно, что при таком положении наличными силами удержать город не удастся и войскам было приказано отходить к кораблям для посадки.

Большевики, видя это, старались отрезать союзников от реки. Положение их было спасено ротой греков, успевшей высадиться с подошедшего из Одессы транспорта. Тогда большевики открыли ураганный огонь по всей площади перед судами и союзникам приходилось под этим огнем грузиться.

Утром 25 февраля (10 марта) последнее судно под огнем отошло в Одессу.

Неудача эта произвела тягостное впечатление на французов. В этом бою союзники потеряли около 400 человек, из них 14 офицеров.

Потерпев неудачу под Херсоном, Союзники по совершенно непонятным причинам решили эвакуировать и Николаев, и вывезли оттуда все свои войска на судах непосредственно в Одессу, отдав без всякого сопротивления весь богатейший район Херсонской губернии между Днепровским и Телигульским лиманами. В этот район входила крепость Очаков и остров Березань, на котором находился громадный склад артиллерийских снарядов. Лишь энергичным выдвижением добровольческих частей в сторону Херсона удалось временно закрепить за собой Очаков и сохранить Березань.

Положение в Одессе становилось все более тревожным, но французское командование, не признавая своих ошибок, продолжало проводить в жизнь свою политику сепаратизма в отношении Вооруженных сил Юга России.

5 марта начальник французской военной миссии в Екатеринодаре полковник Корбейль сообщил главнокомандующему: «Телеграммой переданной Севастопольской радиотелеграфной станцией 17/3-19. Генерал д'Ансельм поручает мне уведомить Вас, что в виду серьезности положения и трудности сношений с Вами, он должен был объявить осадное положение и принять командование, назначив себе помощником по гражданской части Его Превосходство г. Андро Ланжерона. Он просит меня Вас уведомить, что это, разумеется, лишь временные мероприятия.

Примите генерал, уверения моего глубокого почтения и преданности. Начальник французской военной миссии полковник Корбейль».

Таким образом совершился «переворот» и французское командование, вдохновляемое полковником Фрейденбергом, окончательно вышло на самостоятельный путь решения задач борьбы с большевиками, оккупируя Одесский район. Несомненно, что «переворот» этот подготовлялся уже давно и исходил, по-видимому, из стремления французов достичь единства командования и создания энергичной и всецело подчиненной воен-

ному командованию гражданской власти. К представителям Вооруженных сил Юга России в этом отношении они относились критически.

Желая подчеркнуть настоятельную необходимость этого «переворота» и естественность его происхождения, французское командование и в частности полковник Фрейденберг, искусно воспользовались интригами местных политических партий и некоторых общественных кругов. В этом отношении в лице г. Андро полковник Фрейденберг нашел себе подходящего помощника.

Крайние правые и левые политические партии Одессы не вполне доброжелательно относились к Добровольческой армии. Первые (хлебоборобы) мечтали о возвращении своих земель, а вторые (социалисты) находили Добровольческую армию реакционной.

Настроение этих партий и должно было явиться главным козырем в руках Фрейденберга и Андро, которые, стремясь использовать их интриги против Добровольческой армии, мечтали об образовании «кабинета» коалиционного характера, долженствующего, как им казалось, удовлетворить широкие русские общественные круги.

Однако, как уже говорилось, когда Андро вступил в фактическое исполнение своих обязанностей помощника генерала д'Ансельма по гражданским делам, его не поддержал никто. Сразу же обнаружилось, насколько широкие общественные круги были чужды его политики, а крайние правые и левые партии, тоже вышедшие из «кабинета», не усматривали в ней залога своего будущего благополучия.

Получив донесение о введении осадного положения, главнокомандующий 5 марта телеграфировал генералу Бертло: «Сообщаю Вам для сведения телеграмму, посланную мною генералу Санникову по поводу полученной мною депеши генерала д'Ансельма: "Одесса генералу Санникову. Передайте генералу д'Ансельму следующее: я совершенно не допускаю установления никакой гражданской власти, кроме назначенной мною. Поэтому приказываю: 1) Ни в какие сношения с Андро не вступать, никаких распоряжений его не выполнять ни Вам, ни гражданским властям. Какого бы то ни было участия в управлении краем Андро, как лица незаслуживающего доверия, не допускаю. 2) Вам, сохраняя полную гражданскую власть, надлежит всемерно согласовать свои действия с французским командованием в интересах соблюдения порядка и обеспечения союзных армий 3) В интересах борьбы с большевиками Вы, как командующий войсками, исполняете оперативные указания французского командования, но помимо Вас ни одно распоряжение не может быть отдано русским войскам. 4) В случае полного перерыва связи предоставляю Вам принятие чрезвычайных мер от моего имени с соблюдением достоинства России, интересов Добровольческих армий

и края. 5) По поводу действий генерала д'Ансельма делается сношение с французским правительством"».

Если генерал д'Ансельм и полковник Фрейденберг вели свою кампанию против Добровольческой армии все же ошупью и осторожно, то приехавший в Одессу генерал Франше д'Эспере пошел против Добровольческой армии открыто, резко и решительно. Прибыл он, по-видимому, уже с предвзятыми мнениями и готовыми решениями и прежде всего имел беседу с Андро, совершенно не интересуясь мнениями представителей тех кругов, которые стояли на позиции поддержки Добровольческой армии и считали ее единственной основой спасения и возрождения России.

Вскоре генералам Санникову и Гришину-Алмазову было предложено уехать в Екатеринодар, а военным губернатором Одессы был назначен генерал Шварц, ничего общего с Добровольческой армией не имевший и служивший ранее у большевиков. Однако и генерал Шварц, по-видимому, учитывая шаткость своего положения, обратился с просьбой к главнокомандующему об утверждении своего назначения.

14 марта главнокомандующий телеграфировал генералу Франше д'Эспере: «Генерал Шварц донес мне, что он назначен генерал-губернатором и командующим войсками Одесской зоны. Устранение назначенных мною властей повергло меня в полное недоумение. Я убежден, что и Вы признаете необходимость нашей совместной согласованной работы. Полагаю, что в этом деле кроется недоразумение, которое может вызвать серьезные последствия. Поэтому считаю особенно желательным скорейшее свидание. Положение на фронте лишает меня возможности, к крайнему моему сожалению, отлучиться из моей Главной квартиры хотя бы на сколько-нибудь продолжительный срок. Вот почему я предлагаю Вам назначить свидание в одном из портов, не очень отдаленном от Новороссийска, если возможно не далее Севастополя. Если Вы разделяете мое мнение, я прошу Вас назначить место и день свидания».

В то же время начальник штаба главнокомандующего телеграфировал командующему добровольческими войсками в Одессе генералу Мельгунову: «Главномкомандующий ввиду происшедших событий приказал Вам оставаться на месте, занимая выжидательное положение и донося обстановку сюда. В оперативном отношении подчиняться французскому командованию, оберегая добровольческие части».

Одновременно главнокомандующий приказал генералу Драгомирову: «Прошу сделать распоряжение, чтобы все официальные сношения с Одессой делались не с самозванцами, а с лицами, назначенными

ранее командованием, или через Бернадского. В частности, по военным вопросам — с генералами Мельгуновым и Тимановским».

Такая, совершенно не отвечающая обстановке и подрывающая престиж Добровольческой армии, политика французов, несмотря на целый ряд предупреждений и указаний со стороны главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России, не замедлила повлечь за собой неизбежные последствия.

Уже 6 марта произошло неудачное для союзников столкновение с большевиками под Березовкой.

В этом бою участвовали 2-й и 3-й эскадроны Сводного кавалерийского полка Добровольческой армии. По донесениям командиров эскадронов, у союзников было три батальона греков, один батальон зуавов, 6 орудий и 5 танков. Большевики, обстреляв союзные войска из двух орудий — одного легкого и одного тяжелого, развернули жидкую цепь и повели наступление на центр расположения французов. В это время в местечке Березовка, в тылу позиции, раздалась беспорядочная стрельба. Французы и греки дрогнули; начальник отряда капитан Жэ пытался остановить бегущих, но тщетно. При отступлении союзники бросили весь обоз, оружие, снаряжение и даже шинели. Незначительная часть отступающих союзников была остановлена подошедшим из резерва греческим батальоном у ст[анции] Славяно-сербск, остальные отошли прямо на Одессу. Особенно сильна была паника на мосту через реку Березовку, где были оставлены все орудия и все танки.

Вскоре после этого большевики сосредоточили свои войска для наступления на Одессу.

Политика французского командования в Одессе, так настойчиво стремившегося в своем конечном результате к увеличению обороноспособности Одессы и ради этого не брезговавшего никакими путями, в конце концов, в этом отношении ничего не достигла.

Все распоряжения французского командования вносили лишь путаницу и подрывали престиж как Франции, так и Добровольческой армии.

В результате подобной политики генерал д'Ансельм по приказанию генерала Франше д'Эспере, которое якобы последовало из Парижа, 23 марта 1919 года очистил Одессу, эвакуируя французские войска частью морем, частью сухим путем в Румынию. В Румынию же отошли и добровольческие части.

Оставление Одессы произошло внезапно и должно было быть совершено в течение 48 часов, причем главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России не был об этом предупрежден вовсе.

Вскоре Одесса с ее многолюдным населением и огромными запасами, принадлежащими как французским, так и русским войскам, была занята большевиками.

26 марта главнокомандующий телеграфировал генералу Франше д'Эспере: «Только вчера 26 марта я узнал, что французские войска оставляют Одессу, дав невыполнимый срок на ее эвакуацию, а Добровольческая бригада направлена в Аккерман. Французское командование не нашло даже нужным предупредить меня об этом. Теперь трудно предугадать даже огромные исторические последствия этого шага. Во всяком случае полагаю, что Добровольческая бригада имеет нравственное право на всякую помощь и, прежде всего, на немедленную отправку ее морем в полном составе с артиллерией и обозами на присоединение к русской армии в Новороссийск».

Часть 2: эвакуация Одессы

К 22 марта в Одесском районе находились:

а) части Вооруженных сил Юга России: бригада генерала Тимановского — 3350 штыков, 1600 сабель, 18 легких орудий, 8 гаубиц (из них половина шестидюймовых) и 6 броневых машин. Бригада находилась на фронте в 30–40 верстах от Одессы и лишь небольшой отряд, около 400 штыков, был расположен в самом городе;

б) союзные войска: 2 французские, 2 греческие и часть румынской дивизий — всего до 30–35 тысяч штыков и шашек.

Этих сил, как показывал опыт Добровольческой армии, было совершенно достаточно не только для удержания Одесского района, но и для овладения всем Юго-Западным краем с Киевом. Но по заявлению самих французов войска их были не надежны, и у французского командования не было полной уверенности, что боевые приказы будут ими выполняться.

Что же касается греков, то настроены они были отлично, но не имели своей артиллерии, средств связи, находились в подчинении французского командования и были, в общем, совершенно не самостоятельны.

Против этих войск со стороны большевиков действовали лишь два советских полка местного формирования и ряд многочисленных, наскоро организованных отрядов, — всего не более 15 тысяч штыков и шашек.

Благодаря крайней инертности французского командования, большевики одержали ряд частных успехов, несмотря на численное превосходство союзников.

Страшась потерь и неустойчивости своих войск, французское командование решило по опыту Салоникского укрепленного района создать и в Одессе «укрепленный лагерь».

Немедленно после этого было приступлено к инженерным работам.

Таким образом, до 20 марта не было абсолютно никаких признаков, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуации союзных войск из Одесского района.

Вечером 20 марта французское командование в Одессе получило директивы из Парижа.

На следующий день начальнику штаба [войск] Юго-Западного края генералу Мельгунову, французское командование сообщило о перемене политики Франции в русском вопросе, указав на то, что министерство Клемансо пало²³⁹, вследствие отказа парламента в кредитах на восточные операции, и что от Пишона получена телеграмма о выводе всех войск из пределов России в трехдневный срок.

Во исполнение этого распоряжения генерал д'Ансельм, командующий союзными войсками в Южной России, приказал закончить эвакуацию Одессы в 48 часов, каковой срок был также дан для эвакуации расположенных в городе Одессе русских войсковых частей и тыловых учреждений.

Бывшая на фронте бригада генерала Тимановского находилась в подчинении начальника 30-й французской дивизии генерала Нереля. Согласно инструкции Главной квартиры № 2 от 20 марта за № 7486 § 3, войска генерала Нереля должны были отходить к румынской границе, по путям севернее Одессы, минуя самый город. В § 5 той же инструкции было указано, что в случае отступления к Днестру, задача, возложенная на русскую Добровольческую армию, будет дана дополнительно.

Русским частям и учреждениям, расположенным в городе Одессе, французским командованием были назначены три направления: на Новороссийск, Константинополь и Констанцу, причем оба последних пункта должны были явиться лишь этапом для дальнейшего направления их в Сибирь к адмиралу Колчаку, что, по-видимому, совпадало с желанием генерала Шварца и некоторых политических партий, интриговавших против Добровольческой армии.

Для каждого направления было предоставлено по несколько транспортов.

Желая подготовить общественное мнение к факту оставления Одессы союзными войсками, генерал д'Ансельм издал приказ, в котором доводил до сведения населения, что ввиду невозможности подвезти в ближайшее время достаточного количества продовольствия, им принято решение уменьшить в Одессе число жителей путем ее частичной эвакуации. Этот приказ появился в газетах 21 марта. Одновременно все служащие в различных государственных и общественных учреждениях

по требованию французского командования, были спрошены о том, куда бы они хотели выехать из Одессы, причем было предложено на выбор упомянутые три направления.

Есть данные предполагать, что приказ этот не явился полной неожиданностью для французского командования, так, например, полковник Фрейденберг, получив за неделю до эвакуации месячный отпуск, во Францию не уехал, дел своему заместителю полковнику Жермену не сдал и, по получении приказа об эвакуации, фактически взял все дело эвакуации в свои руки.

В первый же день эвакуация города приняла до нельзя беспорядочные формы; произошла полнейшая сумятица, прежде всего потому, что французы захватили себе несколько русских транспортов, ранее ими же самими предназначенных для эвакуации русских. Лица, которым были отведены места на захваченных транспортах, оказались за бортом и устремились на пароходы, оставшиеся еще в распоряжении русских властей. А в то же время управление Андро, не будучи в этом осведомлено, продолжало выдавать билеты на те именно транспорты, которые уже были захвачены французами.

В первый же день, 21 марта, началась эвакуация и французских войск, носившая сумбурный и панический характер.

Состояние французских войск, близкое к полной деморализации, тотчас же подняло дух местных большевиков. Немедленно проявил кипучую деятельность до тех пор существовавший лишь нелегально местный совдеп, который выпустил воззвание к населению, посадил во все банки комиссаров, наложивших запрет на хранившиеся там суммы и развил широкую агитацию среди рабочих.

Психика обывателя, благодаря происшедшим внезапным переменам, была настолько потрясена, что ко всем распоряжениям большевиков, как будущей власти, невольно относились внимательно. Судовые команды, подчинившись распоряжению большевизского штаба, забастовали и сошли на берег, предварительно испортив на большинстве судов машины. Это окончательно осложнило эвакуацию.

В городе начались отдельные случаи убийств большевиками добровольцев и разоружения греческих солдат. Из тюрьмы были выпущены все, как политические, так и уголовные преступники.

С утра 22 марта весь город был запружен беженцами. Все старались попасть на какой-нибудь пароход, безразлично куда бы он ни шел, лишь бы только у него была исправна машина и имелся уголь, чтобы хотя выбраться из порта. Однако таких пароходов было мало, приходилось занимать и совершенно безнадёжные суда. В течение всего дня 23 марта французы выводили такие суда на внешний рейд, где они уси-

лиями самых же пассажиров и при весьма слабой помощи союзников, кое-как чинились и уходили каждый в своем направлении. Вывести все суда из порта все-таки не удалось.

В полдень 23 марта власть в городе перешла в руки Совета рабочих депутатов.

Французское командование и городская дума официально признали его; с этого момента большевики стали полными хозяевами положения. Для того чтобы побудить французов оставить в Одессе русскую торговую флотилию, Совдеп командировал на французский линейный корабль «Жюстис»²⁴⁰ депутацию, вступившую в переговоры с французским морским командованием.

Судя по большевистской радиотелеграмме, переговоры продолжались около двух часов и с обеих сторон носили самый вежливый характер. Впрочем, эти переговоры никаких последствий не имели, так как почти все суда, стоявшие в Одесском порту (более 20), французы предназначили для перевозки своих войск, военных припасов и местных французских и греческих колоний, а те немногие, не успевшие в этот день выбраться на внешний рейд суда, были уже окончательно испорчены самими же большевиками.

Впоследствии для предотвращения помехи эвакуации со стороны большевиков, в городе недалеко от порта была установлена линия зоны, в пределах которой французы оставались до последней минуты полными хозяевами положения. Прочая часть Одессы, в которой находились все банки, общественный и государственные учреждения продолжали оставаться в руках большевиков.

При такой обстановке, эвакуация города с миллионным населением, громадными запасами военного имущества, материалов и массой различных учреждений, конечно, не могла быть закончена в 48-часовой срок: это оказалось фактически не выполненным и последние французские суда покинули рейд Одессы только 26 марта, т[о] е[сть] спустя более чем 72 часа по истечении двухдневного срока.

Таким образом назначенный чрезмерно короткий срок эвакуации отнюдь не вызывался обстановкой ни военной, ни политической и мог быть смело увеличен до недели, в течение которой при спокойных и надлежащих распоряжениях русских властей можно было бы упорядочить эвакуацию, вывезти беженцев и наиболее ценное имущество. А между тем всеми предшествующими своими распоряжениями французское командование лишь дезорганизовало русское управление, лишило власти представителей командования Вооруженных сил Юга России и привело к тому, что предполагаемая планомерная эвакуация вылилась в паническое и постыдное бегство.

При этом тяжело пострадали лояльное население города и в особенности семьи чинов Добровольческой армии. Брошенные на произвол судьбы, потеряв последнее свое достоинство, они в небольшом лишь числе, голодные и нищие, спаслись на транспортах. Большая же часть их была брошена и обречена на все ужасы большевицкого насилия, а может быть, и на гибель в Одессе...

Бывшая на фронте и состоявшая в подчинении генералу Нерелю бригада генерала Тимановского после очищения греками линии железной дороги 23 марта начала отходить из района деревни Малый Буялык к Одессе. У станции Одесса — Сортировочная временно командующий бригадой Генерального штаба полковник Ерофеев получил от французского командования приказание, — не заходя в город, ввиду захвата его рабочими, следовать через Большой Куяльник, Усатово в деревню Дальник, где и расположиться на ночлег. 24 марта временно командующий бригадой не получив ни от кого никаких указаний, направил бригаду в деревню Беляевку, куда прибыл днем 26 марта и приступил совместно с находившимися там польскими войсками, к постройке моста через реку Днестр, предполагая здесь переправиться в Бессарабию.

Начальник бригады генерал Тимановский находился в это время в Одессе. 21 марта ему было сообщено об эвакуации. Генерал д'Ансельм письменно заявил генералу Тимановскому, что не допустит никаких беспорядков в городе, открыв в случае возникновения их артиллерийский огонь со стоящей на рейде эскадры. Однако, как уже говорилось, 22 марта на улицах города появились вооруженные рабочие и еврейские организации, которые расстреливали чинов Добровольческой армии, чему, как это не странно, генерал д'Ансельм совершенно не препятствовал.

Одновременно генерал д'Ансельм сообщил о том, что все чины Добровольческой армии должны получить шестимесячный новый оклад содержания. 22 марта генералу Тимановскому с большим трудом удалось добиться у генерала Шварца разрешения на выдачу аванса из Одесской конторы Государственного банка в размере 75 миллионов рублей. Посланные в этот день лица в банк, по формальным причинам денег получить не могли, причем ни вновь образованная русская администрация во главе с Андро, ни французское командование не оказали в этом случае никакой поддержки. Кроме указанной суммы, генералом Шварц было обещано выдать не менее 800 000 крон для жизни бригады в первые дни ее перехода за границу.

23 марта, когда местные большевики при полном непротивлении французских войск заняли улицы и учреждения Одессы, генерал Тимановский в сопровождении броневого автомобиля проехал к генералу д'Ансельму и изложил тяжелое материальное положение бригады.

Генерал д'Ансельм своим честным словом обещал генералу Тимановскому вечером того же дня выдать около 10 миллионов иностранной валюты, которые должны были быть получены от бывшего начальника штаба полковника Фрейденберга. Несмотря на беспорядки в городе, генерал Тимановский, не желая терять времени, послал вооруженный отряд в Государственный банк за получением денег по ассигновке полученной от генерала Шварца. Отряд встретил сопротивление и, не достигнув банка, едва смог пробиться обратно. Имея в своем распоряжении всего около 400 штыков, бывших в городе, генерал Тимановский не мог ввязаться в бой на улицах города, чтобы добиться получения денег.

Положение этого небольшого отряда постепенно становилось все более и более угрожающим, поэтому после разрешения, полученного от генерала д'Ансельма, генерал Тимановский вечером 23 марта с боем, неся потери, вывел отряд из казарм за город.

В тот же день к генералу д'Ансельму были командированы два броневых автомобиля за получением обещанных денег. В одном из них отправился временно исправляющий должность начальника штаба бригады Генерального штаба капитан Капнин с соответствующей доверенностью, который с боем прошел через город и явился генералу д'Ансельму.

Однако, несмотря на данное последним честное слово, капитан Капнин денег не получил. Генерал д'Ансельм ответил так: «Деньги не могут быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцию, что возьмет два или три дня. Вся Добровольческая бригада должна немедленно отправиться на Фонтаны, — первый пункт назначения, как сегодня утром просил генерал Тимановский, и далее в Овидиополь, где она получит распоряжение относительно погрузки. Крайне важно, чтобы дороги на Аккерман были бы свободны сегодня ночью. Суда, находящиеся в Одесском порту или рейде ни одного военного для погрузки не примут. Условия погрузки русских добровольцев из Овидиополя будут указаны в ближайшем будущем».

800 000 крон, обещанных генералу Тимановскому генералом Шварцем, тоже получить не удалось, так как последний находился уже на пароходе и проникнуть к нему без боя было невозможно. Вскоре генерал Шварц, выдав заблаговременно шестимесячный оклад содержания себе, всем чинам своего штаба и не позаботившись совершенно о добровольцах, дравшихся на фронте, оставив их и их семьи совершенно без средств, отплыл благополучно из Одессы.

Вечером 23 марта генерал Тимановский получил приказание генерала д'Ансельма, переданное ему через генерала Бориуса: «Генерал д'Ансельм поручил мне передать Вам категорический приказ сегодня же

вечером покинуть Одессу и направиться на Аккерман через Большой Фонтан со всеми русскими войсками, еще находящимися в Одессе».

В тот же день части бригады, находившиеся в окрестностях Одессы, перешли в Овидиополь. Вся же бригада генерала Тимановского, сосредоточившаяся к 24 марта в деревне Беляевка, переправиться через построенный мост в Бессарабию не смогла, так как от генерала д'Ансельма было получено следующее приказание: «Части Добровольческой армии, находящиеся теперь в Аккермане будут 8 апреля в течение одного дня на баржах отправлены в Бугас¹ и будут находиться в распоряжении адмирала Куве, находящегося на корабле "Вальдек Руссо"²⁴¹. Части находящаяся в данное время в Овидиополе немедленно отправятся на Бугас левым берегом Днестра».

Для получения подробных указаний о погрузке на транспорты генерал Тимановский вместе со своим начальником штаба и начальником французской 156-й дивизии генералом Бориусом на дрезине прибыл на станцию Бугас, где и получил личное приказание генерала д'Ансельма. Выяснилось, что на транспорты будут погружены лишь люди с винтовками и патронами, пулеметы, телефонное имущество и багаж. Вся же материальная часть артиллерии, автомобильных частей, обозы и лошади должны были быть оставлены французам. При этом генерал д'Ансельм в присутствии многих французских и русских офицеров заявил, что за все оставляемое имущество и лошадей будет уплачено генералу Деникину или генералу Тимановскому. То же самое 26 марта было им подтверждено письменно на имя генерала Тимановского: «Французское командование не уполномочено выдавать денежные авансы войскам русской Добровольческой армии, но ввиду крайней необходимости и принимая во внимание численность этих войск, казалось бы, следовало применить следующий способ: русская Добровольческая армия уведомит о материалах и припасах всех родов, каковые она считает лишним перевозить морем, или которые невозможно будет погрузить (например, лошади). Будет составлен список этим материалам, который союзным командованием будет учтен при получении его от частей русской Добровольческой армии. Генерал Тимановский благоволит уведомить, соглашается ли он на такое решение вопроса, и в случае утвердительного ответа, сообщить как можно скорее сведения об оставляемом им материале».

Одновременно командиру 21-го стрелкового полка 156-й французской дивизии генералом Бориусом было отдано распоряжение: «Командиру батальона Сен-Жюльен 21-го стрелкового полка поручается составление описи и охрана материала оставляемого русской Добровольче-

---

¹ Имеется в виду Бугаз — железнодорожная станция Одесской железной дороги, важный транспортный узел. Создана в 1917 г. и расположена у села Затока на Будацкой косе, между Днестровским лиманом и Черным морем.

ской армией у восточного входа первого моста в Бугас. В зависимости от обстоятельств этот материал надлежит либо перевезти на правый берег Днестра, либо на месте уничтожить. Полковнику, командиру AD¹ 156 надлежит назначить достаточное количество людей для приема и временного размещения на острове Бугас лошадей русской Добровольческой армии. Ему же надлежит одновременно с приемкой лошадей получить от русской Добровольческой армии весь имеющийся еще у них фураж и зерно».

В течение 27 и 28 марта шло сосредоточение бригады на острове у станции Бугас. Движение совершалось по сыпучим пескам, на протяжении семи верст, причем по пути приходилось преодолевать железнодорожный мост с решетчатым настилом, который французы не приспособили к движению повозок сами и не позволили сделать это русским. Мост был занят французским караулом, который по своему произволу, а иногда и по приказу генерала Бориуса, прекращал движение русских повозок, людей и лошадей. Поведение французских начальников в этих случаях было пренебрежительным и вызывающим. Французы думали лишь о спасении своего имущества, которое перевозилось по железной дороге, а русских заставляли бросать и то немного, что ими было взято с собой и с таким трудом тащилось по пескам.

К полудню 28 марта вся бригада сосредоточилась на острове. В ожидании погрузки, более двух суток, бригада находилась в самых печальных условиях: без крыши, без продовольствия и фуража, в состоянии полной неопределенности и дергания взад и вперед.

В ночь с 28 на 29 марта бригада была неожиданно передвинута на правый берег реки Днестра, в районе непосредственно к западу от станции Бугас, причем помещения даже для раненых и больных предоставлено не было. Условия жизни были настолько тяжелы, что генерал Тимановский 29 марта доносил генералу д'Ансельму: «Докладываю: 1) Если сегодня не будет доставлено, хотя бы к вечеру продовольствие на 5000 человек, то я уже завтра не могу отвечать за действия своих частей. 2) На месте бивака всего два колодца. К лиману же за водой, через железную дорогу не пропускают. Необходимо разрешение на пропуск к лиману. 3) Лошади начинают падать от голода. Необходимо немедленная присылка приемной комиссии для их приема. С другой стороны необходимо оставить для всех частей хотя бы 50 лошадей и доставить для них фураж. Необходимо немедленное оказание помощи больным и раненым, находящимся до сих пор на открытом воздухе. Больных уже теперь не менее ста человек. Есть случаи серьезных заболеваний. 5) Прошу письменного разрешения на пропуск в Аккерман интендантской комиссии в составе

¹ AD (arrière division) — тыл дивизии.

10 человек, под начальством бригадного интенданта, для закупки продуктов за деньги. 6) Прошу письменного разрешения на проезд в Бухарест трех моих офицеров, для личного доклада генералу Геруа. 7) Прошу ответить на каждый пункт, ввиду важности каждого».

Не успели еще части перевезти на новый бивак свое имущество, как около 12 часов последовало новое приказание генерала Бориуса об обратном переходе бригады на левый берег реки для немедленной погрузки на транспорты, что и было выполнено.

Погрузка первого транспорта была закончена вечером 30 марта и транспорты начали отходить в Тульчу.

Утром 30 марта к генералу Тимановскому на транспорт прибыл французский офицер с переводчиком князем Гагариным и предложил 150 000 рублей за русскую материальную часть, оставленную на левом берегу Днестра и принятую 156-й пехотной французской дивизией.

Такая ничтожная сумма, за то громадной ценности имущество, которое было оставлено французам, по их же требованию, конечно, принята быть не могла. Отклоняя это унижительное предложение, генерал Тимановский донес генералу д'Ансельму:

«Во время пребывания в Одессе, когда было уже решено оставление ее, мне для бригады в предпоследний день перед уходом, генералом Шварцем было разрешено получить 75 000 000 рублей. Я их не получил, так как при попустительстве французского караула в Государственный банк были допущены депутаты Совета рабочих депутатов (большевики), а на следующий день 23 марта даже их караулы. Взять деньги с боя у меня не было сил.

Генералом Шварцем было обещано 800 000 крон. Я их не получил, так как генерал Шварц с Вашего разрешения сел на пароход, куда пройти за деньгами я без боя также не мог. В результате деньги эти увезены генералом Шварцем, увезены неизвестно куда.

23 марта утром, при свидании со мной у Вас, Вы мне обещали честным словом выдать 10–20 миллионов иностранной валютой, на содержание добровольцев. Деньги должны были быть получены в тот же день вечером у полковника Фрейденберга. Когда же вечером мой начальник штаба капитан Капнин с боем на двух броневиках прибыл к Вам, то в деньгах было отказано и в письменной форме был дан ответ: «Деньги не могут быть выданы немедленно; необходимо произвести казначейскую операцию, что возьмет два или три дня». Бумага эта за Вашей подписью и печатью имеется у меня. Деньги же от Вас так и не получены.

26 марта на мосту у ст. Бугас, когда выяснилось, что посадка на транспорт будет произведена только людей, пулеметов и багажа, а вся

материальная часть и лошади бросаются, — Вами было обещано, за все оставленное имущество, снаряжение и лошадей уплатить мне или генералу Деникину. Во исполнении этого приказа вся материальная часть артиллерии, обоз, лошади, броневые и легковые автомобили мною оставлены на берегу.

Сегодня 30 марта ко мне на транспорт прибыл от генерала Бориуса французский офицер в сопровождении переводчика князя Гагарина. Офицер привез 150 000 рублей русской валютой, не идущей за границей, за нашу материальную часть, принятую 156-й пех[отной] дивизией, считая это совершенно недостаточными такую ничтожную сумму для 6000 человек (имеющихся у меня) принять не могу.

Остаюсь без денег, как на месте, так и на будущем пункте остановки.

Исполняя все Ваши приказания по приказу генерала Деникина, я никогда не мог предполагать тех незаслуженных оскорблений, унижений, который выпали на меня и на подчиненные мне части. Неужели только за то, что Добровольческая армия одна осталась верной Союзникам, когда весь фронт развалился... Вверенные мне части благодаря голодовке, мотаниям по постам взад и вперед, лишению материальной части, которую мы с таким трудом приобретали, настолько были озлоблены, что мне стоило большого труда и спокойствия, чтобы удержать их в рамках подчинения.

Расставаясь теперь с Вами, Ваше Превосходительство, я по долгу совести и чести доношу Вам, что таких унижений и оскорблений Высшего французского командования по моему адресу, по адресу русского генерала, который работает с Францией 5-й год, который погон своих не снимал и лица своего не запачкал — я никогда не ожидал.

Все же льщу себя надеждой, что все это не заслуженное мною, как [и] командующим Добровольческой армией, послужить, быть может, во славу и процветание Франции, которой я никогда не изменил, и не изменяли все те, которые со мной.

Примите уверение в совершенном почтении,
генерал Тимановский».

По прибытии бригады в Тульчу французским командованием было предложено всему составу бригады сдать оружие. Однако, когда генерал Тимановский заявил, что он, считая себя начальником союзной части, может это исполнить не иначе как по приказанию генерала Франше д'Эспере или Бертло, бригада была пропущена в город с оружием в руках, и лишь во время стоянки в городе по распоряжению генерала Тимановского чины бригады ходили без оружия.

Части бригады были размещены в разрушенных домах и казармах без окон и дверей.

Все чины бригады получали лишь половину французского пайка и потому жили впроголодь. Купить [продовольствие] было не на что. Украинские деньги, которые только и имелись в бригаде, не имели определенного курса и почти [никем] не принимались. Варка пищи была затруднена до крайности, так как походные кухни, по приказанию французов были оставлены у Бугаса. Санитарная часть была поставлена очень плохо: город больных и раненых не принимал, а имеющиеся в бригаде средства не позволяли оборудовать лазареты собственным попечением.

По настоянию французского командования, бригада лишилась всей своей материальной части и конского состава. Между Каролина-Бугас¹ и станцией Бугас, благодаря открытому противодействию французских начальников, было оставлено: 18 легких, четыре 48-линейных и четыре шестидюймовых орудий, шесть бронированных автомобилей, 10 грузовых и 25 легковых автомобилей, 40 походных кухонь, 600 парных повозок, 3000 лошадей, не считая при этом цейхгаузов с громадным количеством продовольствия, обмундирования, снаряжения и белья, брошенных в Одессе.

* * *

Части Вооруженных сил Юга России в Одесском районе в продолжении многих месяцев доблестно сражавшаяся бок о бок с союзниками против большевиков, в тяжелое время оставления Одессы и отхода в Румынию не только не получили никакой помощи со стороны французского командования, но, вынеся целый ряд оскорблений от французских начальников, исключительно вследствие распоряжений французского командования вынуждены были оставить почти всю материальную часть, лошадей и обоз, т[о] е[сть] все то, что составляло особенную ценность и было до крайности необходимо Вооруженным силам Юга России.

Часть 3: эвакуация Севастополя

С оставлением союзными войсками Херсона и Николаева, положение частей Вооруженных сил Юга России, действующих в трех северных уездах Таврии²⁴² и защищавших Крымский полуостров, становилось крайне тяжелым. На левом берегу Нижнего Днепра появились регулярные советские войска; бывшие ранее в этом районе многочисленные, но

---

¹ Хутор Каролино (Бургаз) — село Одесского уезда Херсонской губернии, принадлежал до 1918 г. семье Ингистовых.

разрозненные грабительские банды начали принимать правильную организацию; украинские войска атамана Григорьева окончательно перешли на сторону большевиков.

Под давлением превосходных сил противника, слабые части Крымско-Азовской добровольческой армии принуждены были отходить на Крымский полуостров. Удержаться продолжительное время на перешейках не удалось. Под влиянием прорыва фронта у Перекопа и десанта противника произведенного на моторных лодках из Геническа, армия продолжала отходить вглубь полуострова в направлении на Керчь и удержалась лишь на Акманайской позиции, поддержанная судовой артиллерией русских и английских кораблей.

Непрочность положения на перешейках сознавалась как русским командованием, так и прибывшим 13 марта в Севастополь генералом Франше д'Эспере. Генерал Франше д'Эспере указал на необходимость продержаться на перешейках еще две недели, к концу которых обещал оказать помощь. Русские войска простояли более двух недель, но помощи от французов не видели...

В середине марта гарнизон Севастополя состоял из двух батальонов 175-го пехотного французского полка, одного батальона греков, двух батарей 242-го артиллерийского французского полка, небольшого количества вспомогательных французских войск и высаженного на берег экипажа севшего на мель французского линейного корабля «Мирабо».

Второй батальон греков находился в Симферополе, выдвинув одну роту в Таганаш, а другую к станции Джанкой.

Все упомянутые войска подчинялись командующему союзными войсками в Крыму — полковнику Труссону.

На рейде к этому времени находилась союзная эскадра в составе трех французских линейных кораблей: «Жан Бар», «Верньо» и «Мирабо»²⁴³, нескольких французских миноносцев, английского крейсера «Калипсо» и двух греческих миноносцев. Вся эскадра была подчинена командующему 2-й французской эскадрой адмиралу Амету, который вместе с тем являлся и политическим комиссаром Франции на Черном море.

С нетерпением ожидалось прибытие колониальных французских войск, которые, однако, несколько запоздали и высадились в Севастополе лишь в последних числах марта.

Противник численностью до 8–10 тысяч, войдя в Крым, большею частью войск продолжал наступление на Керчь, и те ничтожные силы, которые докатились до Севастополя, несомненно, могли быть уничтожены союзными войсками, уже находившимися в крепости, а с прибытием колониальных войск положение Севастополя, казалось бы, должно было сделаться совершенно прочным.

Однако высадившиеся 30 марта 2000 алжирцев, а 1 апреля столько же сенегальцев, из крепости никуда не выводились и никакой активности не проявили.

А между тем крепость эта имела чрезвычайное значение для Вооруженных сил Юга России, продолжая оставаться морской базой Черноморского флота и вмещающая в себе громаднейшие запасы военного снабжения всякого рода.

В порту находились исправные русские суда, лишь частью нуждавшиеся в незначительном ремонте: 2 крейсера, 6 миноносцев, 7 посыльных судов, 3 подводных лодки; 2 канонерских лодки, 2 тральщика, 8 транспортов, 7 пароходов, 8 буксиров, 9 катеров. Кроме них были суда, нуждавшиеся в капитальном ремонте. Два миноносца, 2 посыльных судна, 6 подводных лодок, 1 канонерская лодка, 2 тральщика и 3 парохода.

Уже в 20-х числах марта положение Севастополя становилось тревожным. 21 марта полковник Труссон пригласил коменданта крепости генерала Субботина, его начальника штаба и начальников артиллерии и инженеров на совещание, на котором заявил, что на случай приближения большевиков, линия обороны крепости им намечается по линии исторических бастионов, за исключением северной стороны. На указание генерала Субботина о чрезвычайной важности именно северной стороны, питающей город водою, полковник Труссон заявил, что он это понимает, но по недостатку сил сделать ничего не может и надеется, что противник появившийся на северной стороне будет сметен судовой артиллерией. Одновременно полковник Труссон предложил генералам Субботину и Рербергу войти в Совет обороны. Об этом был отдан приказ, который однако остался мертвой буквой, так как Совет обороны не собирался ни разу. Несколько позже был выпущен второй приказ, в котором полковник Труссон объявил себя военным губернатором, а генерала Субботина — своим помощником.

Неоднократные уверения французов, что Севастополь ими оставлен не будет, вызывали сомнение. Впечатления Одессы, Николаева, Херсона были еще слишком свежи в памяти, а определенное заявление полковника Труссона о том, что несмотря на решение французов защищать город, все части и учреждения Добровольческой армии должны будут покинуть Севастополь, вызвало полное недоумение у всех. Настроение в городе становилось паническим.

Тем не менее тотчас же была образована эвакуационная комиссия под председательством коменданта крепости, которая должна была выяснить все подлежащее эвакуации и распределить транспортные средства. К работам было приступлено немедленно, однако комиссия заседала всего лишь три раза, так как ввиду объявления французами осад-

ного положения, хождение по улицам позднее 8 часов вечера запрещалось и члены комиссии вечерами собираться не могли, в выдаче же пропусков французы отказали.

Вскоре по приказанию полковника Труссона все дело эвакуации было передано в ведение русского морского штаба. Это неизбежно сразу же внесло путаницу в работу. А между тем с началом эвакуации в Севастополе скопилось много беженцев из Симферополя, Ялты, Евпатории, Балаклавы и других городов. С целью успокоения взволнованного населения и уменьшения продовольственного кризиса представлялось крайне важным скорее освободиться от этого пришлого элемента. Однако французская морская база, выдававшая пропуски, производила это крайне медленно; приемные часы были ограничены, а обращение чинов базы с публикой было надменным и оскорбительными. С другой стороны, всевозможными поверками французское командование тормозило как погрузку судов, так и выход их в море.

Для удовлетворения нужд по эвакуации военных учреждений, а также для уплаты жалования и выдачи пособия чинам Добровольческой армии, комендант крепости потребовал из местного банка, на основании имевшейся ассигновки, полмиллиона рублей. Директор банка оплатить таковую отказался под предлогом неимения денег, что на самом деле было неверно, так как в распоряжении правительства имелось до 11 миллионов рублей.

Об этом обстоятельстве было сообщено полковнику Труссону, который заявил, что в это он не вмешивается и предоставляет генералу Субботину полную свободу действий.

Вызвав по телефону директора банка, генерал Субботин под угрозой ареста добился получения миллиона рублей.

Однако через два дня генерал Субботин получил от полковника Труссон следующее сношение:

«До моего сведения дошло:

1) Что правительство увезло все деньги, оставив городское самоуправление без денег.

2) Что пароход “Волга” груженный зерном ушел, несмотря на отданный мною приказ.

3) Что добровольцы, уходя, грабят материалы.

Вследствие этого я приказываю:

1) Ни одному пароходу не будет дано разрешение на выход, пока все не будет возвращено.

2) Все чины бывшего правительства и главным образом министр финансов будут немедленно задержаны моим распоряжением и препровождены ко мне до полудня. Такая же мера по отношению

адъютанта начальника штаба командующего добровольцами, по фамилии Мурзин.

3) Добровольцы имеют право увозить их личный багаж, ружья, пушки, патроны и снаряды. Безусловно, воспрещается вывоз продовольствия городского или государственного, какого бы происхождения оно ни было, в частности муки, зерна, постельных принадлежностей, мебели и госпитальных материалов.

Вы непосредственно ответственны в исполнении этих приказов».

Для разъяснения всех этих вопросов генерал Субботин в тот же день лично посетил полковника Труссона, который резко заявил, что по имеющимся у него сведениям, в Севостопольском [отделении] Государственного банка было около 11 миллионов рублей, деньги эти исчезли и он не может допустить, чтобы народное хозяйство расхищалось. На это генерал Субботин возразил, что за деятельность министров он не ответствен.

— Почему до настоящего времени они ко мне не доставлены?

— Я понял из Вашего сношения, что это будет сделано Вашим распоряжением.

— Нет, это должны сделать Вы. Я требую чтобы миллион, взятый Вами, был возвращен.

— Это невозможно, так как деньги нужны для расходов по эвакуации, для оплаты жалования и выдачи пособий. По закону я имею право это сделать. Правительство выдало пособие всем, я же выдаю только эвакуирующимся, так как выдачу пособий не эвакуирующимся считаю несправедливой и у меня не хватит денег для удовлетворения претензий этих последних. Денег от офицеров я отобрать не могу, так как многие уже произвели необходимые расходы, а многие уехали. Без денег я не могу продолжать эвакуацию.

— В таком случае я приказываю сдать пятьсот тысяч. У офицеров отобрать все, что возможно. Все вышедшие суда будут возвращены, обысканы моим распоряжением и пока с них не будет снято все, кроме собственных вещей артиллерийского имущества и отысканы деньги, ни одно судно не уйдет. До тех пор пока я не получу пяти миллионов, все министры будут арестованы, а также будете арестованы Вы и начальник штаба.

Дав исчерпывающие объяснения по всем остальным пунктам сношения генерал Субботин на следующий день написал полковнику Труссону:

«Имею честь просить Вас не отказать прислать мне письменное приказание возвратить сумму, полученную мною для уплаты содержания офицерам русской армии за прошлые месяцы и добавок, который согласно русским законам должен быть уплачен в случае эвакуации.

Однако прошу иметь в виду, что я подчинился Вашим приказаниям только в вопросах оперативных, а в вопросах снабжения, будь то денежное довольствие или питание я считаю себя подчиненным генералу Деникину, по приказанию которого я имею честь быть комендантом Севастопольской крепости. Взамен миллиона, который был роздан офицерам и их семьям. находящимся ныне в нужде, без гроша и крова и для нужд самой эвакуации, — крепость располагает запасами и материалами на несколько сот миллионов.

Я хочу довести до Вашего сведения, что свидетельство недостатка доверия ко мне как высшему представителю армии, может быть истолковано, как оскорбление чести русской армии, как бы ни была она мала здесь под моим командованием».

В течение двух дней ответа на это письмо не последовало, несмотря на вторичное письмо генерала Субботина к полковнику Труссо-ну, в котором он, разъясняя положение офицеров и их семей, просил отменить приказ о возврате денег, а также не задерживать эвакуации, отчего страдали невинные женщины и дети и настаивал на разрешении судам выйти в море с грузами, потому что для разгрузки их не было рабочих.

Наконец 1 апреля было получено отношение полковника Труссо-на: «Разрешаю офицерам и служащим уезжать с деньгами, которые они получили. Только деньги, которые Вы смогли возвратить будут сданы Вами в банк под расписку. Во всяком случае — закон, который Вы применили для уплаты содержания вперед, может быть, отнесен лишь к людям, исполнявшим свой долг и уезжающим согласно приказанию. Между тем — многие офицеры Добровольческой армии получили вперед содержание несмотря на то, что они постыдно бежали перед неприятелем, покинув без боя товарищей, имущество, раненых и являя перед всеми самое гнусное зрелище. Я не предполагаю, чтобы закон мог быть применен к этим людям, и против этого-то злоупотребления я и хотел восстать.

Что сделано, то сделано, пусть покидают Севастополь немедленно, но способ, примененный здесь для опустошения Государственной казны, перед бегством будет доведен до сведения кого следует».

В высокой степени наглое рассуждение полковника Труссона о бежавших добровольцах не отвечало действительности и приведено им, по-видимому, лишь с целью оправдания своих поступков.

Полковнику Труссо-ну докладывалось устно и письменно, что пособия выдавались только офицерам, живущим в Севастополе и бросавшим свое имущество. Если в период эвакуации в Севастополе и скопилось довольно значительное количество офицеров, то это были лица, прибывшие из различных пунктов Крымского побережья с предписаниями

отправиться в Новороссийск и, во всяком случае, среди них не было позорно бежавших с полей сражения и бросавших раненых товарищей.

Это были те самые войска, которые через два месяца, свободные от чужого содействия, в две недели очистили весь Крым и левый берег Днепра!..

Что касается заключительной приписки, то к генералу Субботину она тоже не могла иметь отношения, так как деньги были взяты с ведома полковника Труссона и уезжать из Севастополя он не собирался.

Относясь так к обеспечению эвакуирующихся русских офицеров, французы 14 апреля явились на крейсер «Кагул» и забрали с собой хранившуюся там часть ценностей Государственного банка.

По поводу этого адмирал Саблин писал адмиралу Амету:

«Вчера 14 апреля, на крейсер “Кагул”, стоявший под Русским военным флагом, прибыли французский офицер и матрос, взяли часть ценностей Государственного банка, хранящихся там, и увезли их.

Все это было сделано без моего ведома.

Ценности на крейсер “Кагул” были погружены на законном основании.

Ни какого рода злоупотребления с моего ведома, не могут иметь места на судах и частях флота находящихся под моим командованием.

Для раскрытия каких-либо злоупотреблений я всегда пойду на встречу, происшествие же имевшее место вчера на крейсере “Кагул”, меня глубоко оскорбило.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении и такой же преданности Саблин».

Одновременно с работой по эвакуации войсковых частей и учреждений сухопутного ведомства, происходили подготовительные работы по эвакуации судов. Задача эта являлась наиболее сложной, так как весь Севастополь эвакуировался морем и от правильного и планомерного распределения транспортных и буксирных средств зависел ее успех.

Французскому командованию было своевременно сообщено, что собственных буксирных средств для эвакуации всех судов не хватит. Французы определенно обещали помочь и с этой целью почти все суда были выведены на рейд.

Однако в результате французское командование не только не оказало помощи, но, задерживая суда, пыталось отобрать наши последние буксиры, невзирая на то, что главные буксирные средства порта уже находились в их руках и нам не давались, несмотря на целый ряд просьб.

С целью упорядочения эвакуации, штабом адмирала Саблина был выработан определенный план, но провести его в жизнь так и не удалось. Французское командование захватывая и распоряжаясь русски-

ми транспортами и буксирами, нарушило все расчеты и вносило путаницу. Своего же плана французы не дали, а все распоряжения их были вне связи одно с другим и нередко приказания адмирала Амета не согласовались с требованиями полковника Труссона.

Всякое русское судно, уходившее из Севастополя, кроме предписания штаба флота должно было получить пропуск от французской базы, что иногда задерживало его отход на двое и даже трое суток (суда «Терец», «Буг» и др.).

Все это явилось главной причиной, тормозившей эвакуацию. В результате из Севастополя ушли лишь суда первой группы, суда второй группы, которые предполагалось тоже взять на буксир, из-за недостатка буксирных средств были оставлены в Севастополе.

Что касается эвакуации воинских грузов, то она происходила еще с большими трениями. Благодаря инертности французов в охране города, в Севастополе к концу марта образовался большевицкий «военно-революционный комитет», свободно выпускавший свои «Известия» и влиявший на местных рабочих, которые отказывались грузить. Кроме того, на работавших в небольшом числе грузчиков происходили частые нападения большевиков, поэтому требовалась охрана, однако своих людей недоставало, так как они почти все были заняты погрузкой, а французы в охране отказывали.

В результате удалось погрузить лишь немного, главным образом часть огнестрельных припасов, на погрузке которых в качестве грузчиков работали преимущественно офицеры. Все же остальные огромные запасы почти полностью были брошены.

До 30 марта работы по укреплению города производились вяло, сами французы, вероятно, не были уверены в том, что смогут удержаться в Севастополе долго. С нетерпением ожидалось прибытие подкреплений. От генерала Субботина все тщательно скрывалось. Комендант крепости не знал ни обстановки, ни предположений полковника Труссона, не знал даже точного количества войск; все держалось в секрете от него. Возможно, что положение французов было действительно тяжелым, у них шел развал, но в то же время не было заметно и мер, принимаемых ими против этого. Когда французскому командованию указывались факты неоспоримой пропаганды, оно выслушивало это с видимым неудовольствием и их отрицало. Русская контрразведка неоднократно доносила, что некоторые представители французского командования сами находились в оживленных сношениях с местными большевицкими элементами. Был даже допущен приезд большевицкой делегации из Симферополя, которая совещалась с местными большевиками в Союзе Союзов.

При всем этом желая, по-видимому, скрыть свое бессилие, или свои некорректные поступки в отношении русских, как союзников,

французское командование упорно отказывалось входить в положение добровольцев и зачастую отношение его к русским носило характер более чем презрительный. С одной стороны французы требовали скорейшей эвакуации офицеров, а с другой, когда потребовалось назначение охраны на транспорты и таковую пришлось организовать из русских офицеров, то бросались оскорбительные обвинения в том, что офицеры хотят спастись в первую очередь.

Вечером 30 марта в Севастополь прибыли 2000 алжирцев. Настроение французов изменилось. Видно было их определенное решение защищать город. Суда эскадры получили боевые задачи, а часть французских моряков была высажена на берег для несения гарнизонной службы. 1 апреля начали прибывать транспорты с сенегальскими войсками.

В тот же день адмирал Амет в категорической форме потребовал от главного командира Севастопольского порта адмирала Саблина, немедленно эвакуировать из Севастополя всех офицеров Добровольческой армии, а также и штаб крепости. Адмирал Саблин сообщил об этом генералу Субботину: «Уведомляю Ваше Превосходительство, что адмирал Амет требует эвакуации из Севастополя всех офицеров Доброармии в кратчайший срок, включая в то число и офицеров штаба крепости.

Для означенной эвакуации могу предоставить в первую очередь пароход “Моряк”, могущий поднять 600 человек.

Прошу, Ваше Превосходительство, не отказать уведомить меня, когда может быть произведена посадка».

Генерал Субботин не считал себя в праве покинуть крепость без разрешения главнокомандующего Вооруженными силами Юга России и просил полковника Труссона срочно отправить радиотелеграмму в Екатеринодар главнокомандующему: «Адмирал Амет через адмирала Саблина требует немедленной эвакуации из Севастополя всех чинов управлений и штаба крепости, мотивируя тем, что отсутствие в Севастополе добровольцев облегчит Союзникам задержать наступление и задержать вход в город советских войск. Много артиллерийского и телеграфно-телефонного имущества не вывезено. Прошу указаний. Без Вашего приказания выехать отказываюсь 1/14 апреля № 2891».

В тот же день, 1 апреля, генерал Субботин получил письмо от адмирала Амета: «Отъезд войск Добровольческой армии делает присутствие русского Генерального штаба в Севастополе не нужным и я того мнения, что следует также выслать его в Керчь или на Кубань. Я нахожу, что было бы лучше, если бы Вы сами направились туда же, Ваше присутствие в Севастополе даст больше неудобств чем выгод для сохранения города и арсенала.

Во имя русских интересов, я считаю своим долгом Вас просить, как бы ни было Вам тяжело, предоставить полковнику Труссону одному

заботу о защите города и выехать на Кубань, на русском или французском пароходе, который туда направляется в скором времени.

Было бы хорошо оставить в Севастополе офицера или служащего крепости вполне в курсе военных учреждений, их топографического положения, их содержимого, их запасов (казармы, склады и т. д.).

Было бы также необходимо передать полковнику Труссону экземпляров 10 разных карт, которые могут быть в русском Генеральном штабе, карты крупного масштаба самой крепости, карты окрестностей по обводу в 15 километров.

Поверьте мне, дорогой генерал, что я очень сочувствую Вашей горести в эту минуту. Я шлю самые горячие пожелания для возрождения Вашей прекрасной Родины. Будьте уверены, что я приложу для этого все свои усилия. Ваш искренно преданный Амет.

Р. С. Чтобы оправдать Вас перед командующим Добровольческой армией, я Вам пошлю официальное письмо, в котором буду просить Вас покинуть Севастополь со всеми добровольцами».

2 апреля генерал Субботин получил извещение от полковника Труссона: «Честь имею уведомить Вас, что за перерывом беспроволочного телеграфа между Севастополем и Екатеринодаром, я не могу сегодня же передать Ваше донесение за № 2891.

Что касается разрешения, которое Вы просите об отъезде Вашем из крепости, я не вижу препятствий, с тем условием, все же, что в Севастополе останется чиновник вполне знакомый с крепостью всеми военными постройками, их содержанием и их применением».

В 5 часов дня 2 апреля началось наступление большевиков силою около двух батальонов на северную сторону и на Инкерманский водопровод. Французы открыли сильный артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь.

Греческий караул, занимавший водопровод, был окружен большевиками и при помощи подоспевших подкреплений с большими потерями едва смог пробиться в город. К ночи Инкерман был взят и город остался без воды.

С наступлением темноты на рейде началась перестрелка. Адмирал Саблин тотчас же командировал на французский линейный корабль «Жан Бар» к начальнику штаба командующего французским флотом своего офицера с приказанием ориентироваться в создавшемся положении. Начальник штаба устно сообщил следующее:

«Передайте адмиралу, что происшедший сейчас обстрел Северного рейда в части, прилегающей к Черной речке и радиостанции, произведен по ошибке французской артиллерией, а не большевиками, но большевики находятся вблизи Севастополя, главным образом в районе Ин-

кермана. Произведенной нами воздушной разведкой выяснено, что силы их, по-видимому, незначительны, что касается распоряжений по городу и флоту, то мною отдан приказ войскам и флоту быть в боевой готовности. Генералу Субботину мною предложено немедленно оставить город и вывести из него русские войска. Парходам с беженцами советую покинуть Севастополь возможно скорее. Склады боевых припасов и портовые магазины я постараюсь сберечь по мере возможности, но возможно ли это будет сделать, сейчас сказать не могу; т[ак] к[ак] они мною еще не осмотрены, что касается русских военных судов, то адмирал может распоряжаться ими по своему усмотрению и уйти с рейда когда пожелает, я здесь никого не задерживаю. Про себя могу сказать, что я могу твердо держаться на рейде, пока того желаю, но не могу того же сказать про город. Сейчас я только что получил от большевиков просьбу принять их делегацию для переговоров. При переговорах постараюсь сделать все возможное, чтобы извратить город от боя в его пределах и спасти город от бомбардировки.

Около двух часов ночи адмиралу Саблину было передано требование адмирала Амета о немедленном выходе всех судов в море.

«В интересах сохранности арсенала, которую я вполне надеюсь обеспечить, я Вас прошу приказать “Кагулу” и остальным кораблям, которые Вы хотите увести отсюда, сняться в течение текущей ночи и ближайшего утра. Это равносильно тому, что и лично Вы вместе с морскими офицерами, за исключением командира порта и тех офицеров, без которых нельзя обойтись в деле помощи нам по сбережению портовых учреждений, — уйдете отсюда.

Прошу Вас сообщить список остающихся офицеров, чтобы я мог снабдить их охранными свидетельствами, взяв их под свою защиту.

Я считаю также условленным, что тральщики останутся здесь, чтобы очистить минные поля, вместе с авиаторами, которые им помогут.

Выражая свое искреннее сожаление, что мне приходится писать Вам по этому поводу и присоединяя свои самые горячие пожелания о воссоздании русского флота, я прошу Вас, дорогой адмирал, принять уверение в искренней преданности. *Амет*».

В ответ на это адмирал Саблин сообщил:

«Я никак не предполагал, что с момента появления большевиков в окрестностях Севастополя и до входа их в Севастополь пройдет так мало времени. Я полагал, что получу предупреждение об уходе заблаговременно. Меня ставит в очень затруднительное положение еще то, что предупреждение пришло вечером, и я теряю время с 8 часов вечера до 4 часов утра для сбора офицеров, которые были при исполнении своих служебных обязанностей на берегу, ибо передвижение в городе ночью воспрещено.

Оставляю Вам тральщики и гидроавиацию и полагаю, после минования в них надобности, Вы их вышлите ко мне в Новороссийск.

Командиру порта капитану 1-го ранга Никонову я приказал оставаться; что же касается офицеров для связи, то я их теперь ночью не в состоянии отыскать. Прошу принять всех оставшихся офицеров под свое покровительство.

Примите уверение в моем уважении и преданности М. Саблин».

Русский офицер отвозивший это письмо адмиралу Амету, возвратившись с линейного корабля «Жан Бар», донес адмиралу Саблину:

«Доношу Вашему Превосходительству, что пока я ожидал на французском корабле “Жан Бар” ответа на Ваше письмо, переданное мною по приказанию Вашему, адмиралу Амету, к дежурному офицеру вошел сигнальщик с вахты, доложил, что выходит в море русский миноносец на буксире и получил от дежурного офицера приказание послать катер, чтобы задержать буксир, а миноносец выпустить или поставить на бочку, если он не может идти самостоятельно. Об изложенном считаю долгом донести Вашему Превосходительству, опасаясь что такого рода распоряжения французского командования могут сделать эвакуацию наших кораблей фактически невозможной».

Немногие русские суда, способные к самостоятельному ходу, и небольшая часть судов, располагавшая остатками буксирных средств, вышли в море. Все же остальные суда благодаря захвату французами наших буксиров остались в Севастополе.

Генерал Субботин решил, что дальнейшее его пребывание в Севастополе бесцельно и приказал передать, что штаб крепости начнет грузиться в 4 часа утра 3 апреля. Утром и днем 3 апреля было тихо. Около 3 часов дня пароход «Георгий» со штабом крепости вышел в море, взяв курс на Новороссийск. Когда «Георгий» был на высоте Балаклавы, несмотря на встречный ветер, со стороны Севастополя доносился гул канонады...

Вскоре стало известно, что союзные войска в Севастополе, заключили с большевиками перемирие, а затем и совсем покинули город.

Глава XII

Екатеринодар. Ставропольский собор

Екатеринодар, 20 июля 1919 года

Когда приступили к организации гражданского управления при Добровольческой армии, в числе намеченных ведомств значилось Управление исповеданий. Долгое время это ведомство существовало

только в проекте, потому что не было лица, которое было бы силой вещей предназначено стать во главе его, да и дел, относящихся к кругу его ведения, было немного — вся территория управления Добровольческой армии первое время не превышала полторы губернии.

Первым толчком для движения дела была мысль, зародившаяся в церковных кругах, о необходимости создать временный орган высшего церковного управления для объединения епархий впредь до освобождения Москвы и соединения с патриархом. Мысль эта была поддержана Одесским митрополитом Платоном, который прибыл в Екатеринодар после эвакуации Одессы на пути в Америку, куда поехал для пропаганды. Было предположено создать Церковный собор из представителей всех епархий в районе действий Добровольческой армии. Генерал Деникин весьма сочувственно отнесся к этой мысли, дал для этого нужные средства, и в конце мая в Ставрополе собрался Церковный собор. Из Екатеринодара выехал специальный поезд с членами Собора.

После всех виденных мною на юге городов — Ростова, Новочеркасска и, особенно, Екатеринодара, Ставрополь произвел на меня впечатление наиболее русского города. Это была настоящая глухая провинция, с прекрасными церквями, простором, и патриархальностью своего облика. Н. Н. Львов, также участвовавший на Соборе, пришел в восторг от улиц, заросших травой, по которым мирно гуляли свиньи. Мирный сонный Ставрополь был каким-то антиподом беспокойной суеи и кипению мутной воды в разных самостийных центриках, которые думали только о том, как бы им отмежеваться от России. В городе была масса зелени. При архиерейском доме была целая роща, спускавшаяся оврагом. Город был живописен, и на нем действительно лежала печать поэтической лени и прелести захолустной русской провинции, поэзия нетронутой целины, дремлющих под спудом сил и добродушного полудремотного отрицания страстей.

Видно было, что Собор был крупным событием для ставропольцев. Дома были украшены флагами. По улицам стояли толпы народа, которые с любопытством встречали нас, когда мы ехали с вокзала на извозчиках и грузовом автомобиле, с трудом осиливавшим высокий подъем среди города.

Членов Собора разместили в различных духовных учреждениях. В Ставрополе были громадные казенные здания, которые могли вместить сколько угодно народа.

Открытие Собора²⁴⁴ началось с торжественной литургии, которую служил престарелый архиепископ Агафодор Ставропольский в сослужении со всеми съехавшимися епископами и духовенством. Когда-то деятельный, умный и почтенный иерарх, составивший учебники, на которых воспиталось не одно поколение в духовных школах, архиепископ

Агафодор на склоне своих лет впал в совершенное детство. Он не узнавал людей, с которыми имел постоянные сношения, ничего не помнил и с трудом двигался, постоянно нуждаясь в опоре, но старость его была почтенная, в нем чувствовалось угасание чистой незлобивой души, и все с почтением и жалостью смотрели на его старческую беспомощность.

Собор выбрал его своим почетным председателем, а действительным председателем — старшего после него архиепископа Донского Митрофания. Товарищами к нему избрали архиепископа Таврического Димитрия, протопресвитера о. Георгия Шавельского и меня.

На открытие Собора приехал Деникин, произнесший приветствие, на которое ответил Митрофан.

Собор продлился всего 4 дня. За это время был принят проект Временного высшего церковного управления из трех епископов, двух священников и двух мирян, были произведены выборы, составлены послания к пастве и к православным восточным Церквам. Попутно были затронуты и другие вопросы, но в общем они были скомканы. Вообще говоря, Собор производил гораздо больше впечатление делового съезда, чем Собора. Выборы в него были произведены наспех, не от епархий, а от епархиальных советов, куда попали хозяйственные батюшки; меня поражала та плоскость серого обыденного утилитаризма, в которой вращались все их рассуждения, — никакого духовного подъема не замечалось. На фоне материальных интересов сильно давали себя чувствовать самостийные течения и анархические настроения. Представители Дона резко запротестовали против предложения определить местопребывание будущего высшего временного управления городом, где будут находиться гражданские установления Добровольческой армии. Они признались, что на Дону существует столь сильное предубеждение против гражданского управления Добровольческой армии, что, если они вернутся домой с таким постановлением, то они опасаются, что Круг будет отказывать им в кредитах на церковные нужды, отсылая их к Добровольческой армии. С трудом удалось найти примирительную формулу, в том смысле, что местопребывание высшего церковного управления определяется им самим в согласии с высшим командованием Добровольческой армии. В полном одиночестве на Соборе оказался архиепископ Екатеринославский Агапит, хитрый и лукавый хохол, который приветствовал Петлюру по вступлении его в Киев и, как потом стало выясняться, сыграл более чем двусмысленную роль, возглавляя провозглашенную Петлюрой «автокефальную» Украинскую церковь. Он резко запротестовал против предложения Собора выделить из Екатеринославской епархии самостоятельную Ростовско-Таганрогскую епархию, но потом струсил и подчинился.

Вообще, епископат, как и всюду, был слабо представлен. Были почтенные и симпатичные люди, но сильных руководителей не замечалось. Все с уважением относились к председателю Собора архиепископу Митрофанию, но это был старый монах, не любивший и не умевший руководить собраниями. Товарищем его был архиепископ Таврический Димитрий, родом грузинский князь, но пылкий противник грузинской самостийности. Это был красивый старик, ликом напоминавший иконы св. Николая Мирликийского, с чисто южной горячностью и стремительностью. Он был чист и незлобив, как ребенок, но постоянно горячился, весь вспыхивал и неся на кафедру, чтобы против чего-нибудь протестовать. У него был друг, епископ Челябинский Гавриил, с которым я ближе познакомился в вагоне, на обратном пути из Ставрополя, и который произвел на меня наибольшее впечатление из всех, кого я видел на Соборе.

Внешность преосвященного Гавриила отнюдь не соответствовала его внутреннему облику. Толстый, обрюзгший, с большим отвислым животом, он на первый взгляд совершенно не производил духовного впечатления, но, когда мы ехали в вагоне, он очень скоро овладел всеобщим вниманием. Это был тонкий и глубокий богословский ум, и вместе с тем в нем чувствовалась верная церковная струя. Он был знатоком Священного Писания и богослужения, и никого я не видел, кто бы так воспринимал все красоты и того и другого. Он был тонким эстетом Божьего слова. Можно было с наслаждением слушать, например, его комментарии к притче о блудном сыне. Он раскрывал тонкие красоты и глубину мыслей в таких местах Священного Писания, мимо которых громадное большинство проходит с повязкой на глазах, не замечая их. Не было такого вопроса, самого сложного и трудного в области богословия — о смысле творения, сущности зла, будущей загробной жизни, на который он не дал бы обстоятельного ответа в духе чистой церковности. Ему самому доставляло удовольствие беседовать обо всех предметах, он говорил порою с истинным вдохновением, и порою незаметно для него самого, из его глаз текли слезы. Высокое настроение порою сменялось блестящим остроумием. Он обладал замечательной способностью подражать, изображал в карикатурном виде архиерейский хор и голос протодиакона, подчеркивая всю пошлость тех условных «красот», которые заставляют умиленно вздыхать благочестивых старушек, приятно щекоча их нервы. Иногда, чуть заметно изменив тембр голоса, он так подражал кому-нибудь из присутствующих епископов или священников, что трудно было не рассмеяться.

Епископ стоял у открытого окна в коридоре вагона. Вокруг него столпились члены Собора, другие епископы, священники и миряне, и простояли целые часы до глубокой ночи, внимая его вдохновенным речам. Я прослушал его до двух часов ночи. На следующее утро он снова за-

звал меня к себе в отделение, и снова полились речи в ответ на вопросы, которыми его осыпали.

Вернувшись в Новороссийск, я послал к нему своего сына Костю, который перед отъездом в полк должен был поехать в Екатеринодар, чтобы записаться и получить обмундирование. Он этим воспользовался и для того, чтобы поговорить перед походом, и исповедовался у епископа, который был с ним очень мил и гулял вместе с ним, беседуя на интересовавшие Костю вопросы. «Фрателе Константин», добродушно звал его епископ.

Вскоре после Ставропольского Собора вопрос об учреждении в составе гражданского управления особого органа исповеданий снова стал на очередь. Я получил приглашение заняться разработкой положений и штата для небольшой канцелярии Временного управления исповеданий. До этого мне предлагали поехать представителем Добровольческой армии в Константинополь, но с отъездом Кости на фронт и развитием наших военных успехов, вследствие коих генерал Деникин отдал приказ о походе на Москву²⁴⁵, меня потянуло остаться в России и принять участие в общей работе по восстановлению России. Я принял предложение и переехал в Екатеринодар, где и пишу эти строки.

Ростов-на-Дону, 13 августа 1919 года

Приехал сюда вчера, остановился в Московской гостинице²⁴⁶. Только по приезде узнал, что приказ о моем назначении состоялся 7 [августа], но я числюсь начальником Временного управления исповеданий уже с 16 июля. Никого не нахожу на место директора своей канцелярии. Вообще, людей нет, — хоть шаром покати. Я обращался решительно ко всем, кто имеет возможность видеть и знать людей. Во всех управлениях громадный недостаток в людях. Как возможно при таких условиях проведение таких реформ, как, например, аграрная, требующая целой армии хороших исполнителей на местах? При этом, большевики беспощадно расправляются с интеллигенцией. Я слышал, что в одном маленьком уездном городке Богучаре было расстреляно 150 человек¹.

Военные вести неважные. Камышин пришлось сдать, потому что Врангель не получил во время подкреплений, которых требовал. Теперь их посылают, но поздно, и можно было бы избежать больших потерь. Говорят, Врангель взбешен невниманием Главного командования к своим просьбам. Неблестяще и на Донском фронте, в Валуйском направлении, куда вклинились красные, но это наступление рассчитывают ликвидировать движением на Курск, которое обхватит тыл красных. Между тем казачий

¹ По счастью, это оказалось неверно, как я услышал от только что приехавшего из Воронежа губернатора С. Д. Тверского (10 сентября). — *Примеч. автора.*

генерал Мамантов совершил рейд в Тамбов и Козлов и так далеко зашел в тыл красным, что теперь сам оказался отрезанным от наших войск²⁴⁷.

Видел А. А. Лемана — почтенного деятеля Красного Креста. Надеялся, что у него найдутся люди, но что-то не видать.

14 августа [1919 года]

Был вчера в первый раз в Особом совещании. Рассматривался вопрос об образовании трех областей: Одесской, Харьковской и Киевской. Ввиду взятия Одессы вопрос был поставлен в срочном порядке. В предыдущем заседании под председательством Деникина были предreshены главные основания законопроекта. Опасность нового возникновения украинской самостоятельности решено предупредить разделением гетманской Украины на три части, с подчинением каждой главноначальствующему.

Законопроект произвел на меня удручающее впечатление: это жалкая пародия на областную систему, причем тщательно изъяты самые ценные ее особенности — объединение территории по естественным признакам: этнографическому и экономическому. Черниговская губерния присоединена не к Киевской, а к Харьковской области, чтобы не усиливать украинского элемента. К Харьковской области отнесена и Полтавская губерния. В Новороссийскую область включены, кроме Херсонской губернии, Крым и Бессарабия, между собой ничего общего не имеющие. Главноначальствующие подчинены непосредственно главнокомандующему, им назначаются и только перед ним отвечают. Им присвоен такой объем власти, что это заставило задуматься Совещание, ибо, в конце концов, выходит не автономия областей, а автономия сатрапов. Впрочем, при нынешних веяниях очевидно можно ожидать наряду с самовластным помпадуром — в соседней области радикальствующего генерала. Вместо федерации совдепов получится федерация генералов²⁴⁸.

Текст законопроекта не был отпечатан и роздан. Обсуждение — самое смешное и бессистемное: два часа потратили на одну статью, все остальное проголосовали почти без прений. Признаюсь, мне было неприятно оказаться невольным участником такого дела, причем, не ознакомившись ни с основаниями, которые были раньше выработаны, ни с самим законопроектом, я не считал возможным пускаться в прения.

15 августа [1919 года]

Заседание под председательством приехавшего в Ростов для этого Деникина. Пересмотрен вопрос о границах областей. По предложению Деникина, в Киевскую область включена Черниговская губерния, что улучшает законопроект. Объем власти главноначальствующих еще не окончательно установлен.

Утром Маслов вместе с начальником Управления финансов Бернацким имел доклад у Деникина по вопросу об отпуске 450 миллионов рублей на оплату хлеба, взимаемого по хлебной повинности по 5 пудов с десятины²⁴⁹. Бернацкий, раньше согласившийся на уплату частью деньгами, частью квитанциями на срок в 3 месяца, с правом залога их в Государственном банке, теперь категорически отказался от этой комбинации, сославшись на громадное расширение расходов в связи с увеличением территории. Между тем на местах уже опубликованы основания предстоящей сделки. Маслов считает, что вся операция с хлебом потерпит крах. Деникин согласился с Бернадским, который пригрозил отставкой. В свою очередь, Маслов решил подать в отставку, не желая брать на себя ответственности за дело.

Деникин прочел телеграмму от Май-Маевского, в которой говорится о том, насколько настоятельно скорейшее проведение оснований аграрной реформы для успокоения населения. Деникин выразил желание, чтобы обсуждение земельной реформы было ускорено, если не для немедленного приступа к полному ее осуществлению, то, по крайней мере, для того, чтобы самим себе выяснить основы земельной политики и, в соответствии с этим, приступить хотя бы к некоторым мерам, которые внесли бы успокоение в население.

27 августа [1919 года]

Давно не писал сюда, а между тем кое что стоит отметить. — 17 августа было экстренное заседание Особого совещания. На предыдущей неделе, еще до моего приезда, обсуждался вопрос о земском избирательном праве. Комиссия под председательством начальника Управления внутренних дел Носовича положила в основу его то положение, что избирательным правом пользуется всякий плательщик земского налога, независимо от его размера. Хотя четыреххвостка таким образом отпадает, однако по существу дела результат может оказаться совершенно тот же, ибо в будущем земства могут установить сбор с каждого лица, проживающего на данной территории. Но даже если этого не будет, устанавливаемый ценз не обеспечивает от крайнего понижения культурного уровня земств. Расслоение, внесенное большевиками в деревню между хозяйственными мужиками — «средняками», как их называл, Ленин, и сельским пролетариатом, без сомнения, скажется на выборах, и голытьба не пропустит средняков. Между тем в будущем, при ликвидации помещичьего землевладения, государству необходимо опереться на сильное хозяйственное крестьянство. Ввиду этого Савич предложил разделить избирателей на две курии: в первую внести всех, владеющих землею в размере двойного надела или платящих соответствующий на-

лог, зато во вторую курию отнести всех, т[о] е[сть] и не платящих земских сборов. Первая курия выбирает три пятых, вторая — две пятых гласных. В Особом совещании за куриальную систему высказалось 15 человек, за проект Комиссии — 5. Деникин пожелал пересмотреть вопрос в расширенном составе. Каждой из сторон было предоставлено право вызвать экспертов. Это заседание и состоялось 17 августа. Носович пригласил Тройского — кадета-теоретика, который разумеется отстаивал проект комиссии. Маслов и Савич пригласили Кривошеина. В прениях были повторены каждой из сторон прежние аргументы, и, разумеется, вопрос остался столь же мало выясненным для Деникина, но стало ясно, что его симпатии на стороне меньшинства. Он открыл заседание вопросом: как оберечь привлечение культурных элементов в земство, не прибегая к «одиозной» системе курий? На это кадеты ничего не ответили, а сторонники куриальной системы ответили, что без курий этого сделать нельзя. Мне тоже пришлось высказаться на эту тему, и я подал особое мнение.

Кривошеин мягко, но ядовито поставил общий вопрос: для чего нужны земские выборы в настоящую минуту, и как совместима четыреххвостка с диктатурой. Когда ее провозгласили, он ее приветствовал, но, к сожалению, оказалось, что диктатура лишь словесный термин, а на деле ее нет. Деникин ответил, что диктатура не есть самодурство и что он не может не считаться с общественным мнением, которое влияет на военные успехи.

В тот день состоялось другое заседание Особого совещания совместно с промышленниками. Была составлена громоздкая программа вопросов, обнимающая все интересы экономические и финансовые; речей было сказано много, но сути мало, как у представителей ведомств, так и у промышленников.

5 сентября [1919 года]

Я положительно забросил дневник; от этого, когда записываю, то уже многое выветрилось, и скучно писать.

Что за это время произошло? Вернулись члены Особого совещания во главе с генералом Драгомировым, делегированные в Париж. Их послали туда в начале июня в связи с приказом Деникина, в коем он заявлял о своем подчинении адмиралу Колчаку. Сношения наши с Сибирью по телеграфу идут через Париж и притом очень медленно. Поэтому решили послать делегацию в Париж, чтобы оттуда скорее завязать отношения с Колчаком. Их поездка совпала с успехами Добровольческой армии и отступлением армии Колчака в дальний тыл. Вероятно, благодаря этому, на свои телеграммы они так и не получили ответа в Париже, и только Нератов, задержавшийся на несколько дней в пути, привез из

Константинополя ответ Колчака на постановленные ему вопросы об объеме власти, которую он предоставляет Деникину.

В своем ответе Колчак предоставляет Деникину полноту власти, но ограничивает его в том отношении, чтобы здесь не получали разрешения вопросы, касающиеся основных законов и коренных реформ, валютной и земельной политики. Одновременно была получена телеграмма адмирала Колчака по украинскому вопросу, в коей он предлагает не вступать в борьбу с Петлюрой, а разграничиться временно с ним по линии фактического занятия теми или иными войсками городов. Эта последняя телеграмма разошлась как с принятым уже бесповоротным решением рассматривать Петлюру как врага, так и с телеграммами, посланными отсюда в этом смысле.

Что касается ограничений области ведения здешнего правительства, то сразу со стороны представителей всех ведомств посыпались возражения, сводившиеся к невозможности из Сибири править и налагать ограничения на здешние мероприятия. Все это происходило в среду 4 сентября, в заседании под председательством Деникина.

Ограничение компетенции деникинского правительства проводится в пользу правительства «Всероссийского», как его называет Колчак. Это дало мне повод высказать мнение, что когда Деникин подчинился Колчаку, то это было ему лично, а вовсе не какому то Всероссийскому правительству, которого в сущности сейчас и быть не может. На мой взгляд, объединение надо понимать пока, как персональную унию под главенством Колчака Сибири и Южной России, впредь до смычки обеих армий. Оба правительства, сибирское и наше, должны быть равноправны, и ни одно из них не должно предпринимать коренных реформ, которые могут пойти вразрез с тем, что делает другое. Я добавил, что, по-моему, необходимо отправить посольство к Колчаку, дабы защищать перед ним нашу точку зрения.

Особое совещание согласилось с моей точкой зрения. Решено составить телеграммы Колчаку, в коих будут развиты общий взгляд на взаимоотношения и соображения по отдельным ведомствам. Проекты будут слушаться на будущей неделе.

Одновременно с этой телеграммой Колчака получена другая от него же по малороссийскому вопросу. В ней Колчак говорит, что «желательно найти почву соглашения с Петлюрой (!). Оставляя принципиальный вопрос об Украине решению Учредительного собрания, желательна временная форма содействия украинства»... Практически он предлагает размежевание с Петлюрой «проводить по линии фактического занятия территории теми или иными войсками, не тратя сил на овладение городами, уже взятыми Петлюрой». В заключение Колчак просит сообщить соображения по этому вопросу, «...чтобы мы избежали

инициативы со стороны держав. Последние на этот раз, вероятно, не будут так слепо поощрять украинство, как ими делалось прежде, а примкнут ко всякому разумному решению, которое, не поступаясь с правами России, основывалось на фактическом положении вещей. Вековой русско-украинский вопрос неминуемо потеряет остроту, когда восстанет Русское государство». Эта телеграмма не подвергалась даже обсуждению Особого совещания. Нам сообщили, что она скрестилась с ранее посланной Деникиным телеграммой, в коей он просит довести до сведения союзников, что он считает Петлюру врагом. Коротко и ясно.

Оглашена резолюция Деникина по вопросу земского избирательного права: соглашается с меньшинством, но с тем, чтобы в выборах в уездное и губернское земства было обеспечено участие культурных элементов.

Я ничего не писал здесь о своих делах по Ведомству исповеданий. Мне пришлось быть на сессии Высшего церковного управления в Новочеркасске, где находится его председатель, архиепископ Донской Митрофаний. Обсуждали вопрос о последствиях беспорядочных разводов и браков в Совдепии. Вопрос крайне сложный. Неправильных браков множество, образовались новые семьи. Этот вопрос нельзя решать только в плоскости формального права. Он интересует и гражданскую власть.

Возник тоже вопрос по поводу распубликования Временного управления исповеданий. Когда я составлял положение об этом, то у меня не было под рукой никаких справок и никакого помощника. Я взял положение о Министерстве исповеданий²⁵⁰ и заимствовал оттуда статью о компетенции министра исповеданий, которая временно определялась как обнимающая собою власть обер-прокурора и министра внутренних дел (по делам инославных исповеданий) в полном объеме, впредь до коренного пересмотра отношений государства к Церкви. Так как я сам считал, что учреждение, которое создается так же временное, как самое название на то указывает (Временное управление исповеданий), то я взял и перенес на начальника ведомства тот же объем прав и обязанностей. Теперь я сталкиваюсь с совершенно справедливым протестом членов Временного церковного управления, что после учреждения Министерства исповеданий произошла существенная перемена — состоялся Всероссийский Поместный собор, на котором определена была свобода церковного самоуправления.

Тем не менее сразу вовсе не так просто определить права и обязанности начальника Временного управления исповеданий, пока не выработаны новые законоположения, определяющие правовое положение Церкви в государстве. Я полагаю, что это должно быть результатом совместной работы Управления исповеданий и Высшего церковного управления. Пока для успокоения умов, думаю, предложить на подпись Деникина приказ по моему ведомству.

Любопытно, что те самые члены Высшего церковного управления, которые не мирятся (и совершенно основательно) с восстановлением обер-прокурорской власти и с малейшей возможностью толковать об этом смысле закона, — они же постоянно толкают меня на практике на меры в старом духе, например на удаление светской властью архиепископа Екатеринославского Агапита, который при Петлюре возглавлял «автокефальный» украинский Синод. Мне приходится предостерегать их от возвращения на старый путь и указывать на то, что Церковь теперь автономна и может сама распорядиться, как хочет в этом деле. Велика сила слов, но еще больше сила привычек.

7 сентября [1919 года]

Вчера по окончании повестки Особого совещания генерал Драгомиров заявил, что соглашение с Доном, Кубанью и Тереком — вопрос ближайших трех недель. Он указал на то, как оно глубоко изменит существующее положение и какими опасностями, по его мнению, оно чревато. Будет законосовещательное учреждение. Оно будет стремиться захватить законодательную власть. От него нельзя уже будет ожидать той безраздельной поддержки, которую главнокомандующий находил в Особом совещании. Потребуются новые люди. Он, Драгомиров, не чувствует себя способным оставаться председателем Совета начальников управлений. Прежнее милитаризованное положение заменится бóльшим выдвижением гражданского элемента. Сам он назначается в Киев главноначальствующим, а председателем Особого совещания временно будет Лукомский. Драгомиров был сильно взволнован и даже прослезился. Говорят, будто председателем Совета начальников управлений намечается Челищев, очень милый, порядочный человек, но правоверный кадет. Уклон влево как будто определенно чувствуется, между тем вчера же была нарисована картина на местах самая удручающая, — бессилие вновь образующейся власти и растущий бандитизм. В Екатеринославской губернии растут тайные большевистские организации, а мы хотим от диктатуры перейти к парламентаризму!

12 сентября [1919 года]

Вчера вечером под председательством Деникина разбирались основные положения аграрной реформы. Это были похороны 1-го разряда среднего и крупного помещичьего землевладения. Максимум владения в одних руках полевой земли не будет превышать 600 десятин, в исключительных случаях. Правда, установлены, кроме того, изъятия для культурных имений, — этого вопроса еще не касались. Не могу не отметить той легковесной быстроты, с которою решаются самые крупные вопросы.

У членов [Особого] совещания не было под рукою даже тезисов. Были приглашены эксперты, разумеется, почти все — сторонники реформы, кроме Риттиха, который, однако, не обронил ни одним словом, очевидно, считая это бесполезным. Прений по общему вопросу не было допущено, ибо реформа предрешена декларацией Деникина. Я взял себе слово только для очистки совести и указал, что, по моему мнению, в основах реформы можно видеть сбивчивое смешение и противоречие между самыми различными и порою противоположными мотивами: желанием оградить принцип наибольшей производительности, заботой о малоземельных и, наконец, — и это главное основание реформы — заботой удовлетворить психологии масс. На мой взгляд, в том виде, как реформа спроектирована, она не удовлетворит ни одной из этих целей, ибо, во-первых, понизит производительность хозяйства, во-вторых, даст каплю в море для удовлетворения малоземельных, и, в третьих, психологии этих малоземельных, конечно, не ответит, ибо мужику, у которого надела полторы десятины, очень мало утешения от сознания, что у помещика будет не 1000, а хотя бы 200 десятин.

Перед аграрной реформой обсуждался вопрос о том, не следует ли повсеместно в России наметить деление на области и соответствующее самоуправление. Вопрос поставил Деникин, находящий необходимым ныне же наметить ту схему, которая должна предноситься перед глазами. Он склонен создавать даже нечто вроде областных парламентов. Большинство, даже кадеты, находят постановку преждевременной.

20 сентября [1919 года]

Съездил на прошлой неделе в Мысхако к своим, отпраздновал с ними 14-го день рождения. Потом, в понедельник 16-го был уже в Новочеркасске на сессии Высшего церковного управления, а Маша с Костей и двумя младшими [Петром и Сергеем] переехала на следующий день в Новочеркасск, где временно мы и поселимся. Мне придется ездить между Новочеркасском и Ростовом. Очень неудобно, но квартиры в Ростове почти нет надежды найти.

На последнем заседании обсуждался вопрос о переговорах с казачьими областями. Переговоры эти тянутся уже все лето, и конца их не видно. Деникиным на ведение переговоров уполномочены Челищев, Носович, М. М. Федоров и Н. В. Савич. Он готов дать казачьим областям самую широкую, даже слишком широкую автономию, — такую, какой свет не видал. Атаманы выбирают на Дону Кругом, на Кубани — Радой, без утверждения Деникина. Последний не имеет права распустить Раду и Круг, но казакам всего этого мало. Они исходят из утверждения, что они создают заново Россию, поэтому им не приходится получать какие-

либо вольности от общегосударственной власти, а, наоборот, они уступают ей права в том объеме, каким признают возможным. Казачьи области хотят отстоять государственный характер своих образований и недовольны предположениями представителей Деникина, хотя последние предлагают им автономию, которая уже идет дальше возможного и разумного на мой взгляд, ибо предоставляет, например, областям свободу решения земельного вопроса. — Решено переговоры дальше не затягивать, ограничиться лишь установлением взглядов и разногласий обеих сторон.

Мне лично казалось, что нам нечего бояться затяжки в переговорах, что время — в нашу пользу и что если дождаться Москвы, то обстановка для власти сложится гораздо благоприятнее, чем теперь; но Деникин другого мнения. Он полагает, что бесплодные переговоры умаляют авторитет власти, и что в Москве казаки не станут сговорчивее. Скорее, теперь стратегическая обстановка складывается в нашу пользу. Нажим большевиков дает себя чувствовать как раз против казачьих областей, без существенного ущерба общим военным заданиям главного командования.

Говорили о желательности выйти из казачьих областей, перенести правительственный центр из Ростова дальше на север. Деникин полагает, что с этим надо повременить, ибо Харьков не является еще вполне обозначенным тылом; но он думает, что когда будет взята Москва, туда нельзя будет переехать зимою, благодаря главным образом ужасающему недостатку там топлива. Тогда придется обосноваться в Харькове.

По слухам, немцы снарядили три больших парохода с товарами для Добровольческой армии по очень льготным условиям. Пароходы эти стоят в Константинополе. Деникин поставил вопрос: как отнестись к этому, если слух окажется верным. После прений, в коих большинство отнеслось подозрительно к политике Германии, которая ищет завязать с нами отношения и в то же время дружит и с большевиками, было решено отклонить пока торговые отношения с немцами, но поставить на вид союзникам, что их пассивное отношение к нашим нуждам может вынудить нас завязать торговую связь с Германией.

Деникин отметил, между прочим, что союзники, которые так ратовали за признание власти Колчака весной, теперь настаивают, что нелогично, на признании Деникиным тех решений, какие конференция найдет нужным вынести по нашим окраинным вопросам, — о Латвии, Эстонии, Бессарабии и проч.

26 сентября [1919 года]

Вчера, в день первой годовщины по смерти М. В. Алексеева, состоялось собрание, посвященное его памяти, в Национальном центре. Выступил и я вместе с М. М. Федоровым и Струве, вернувшимся из Парижа.

Декларация, определяющая отношение власти к Православной Церкви и другим исповеданиям, подписана Деникиным, в форме письма на имя председателя Особого совещания²⁵¹. По этому поводу я написал статью в «Великую Россию», без подписи.

2 октября [1919 года]

Был у своих в Новочеркасске, пользуясь праздниками. Здесь невозможно найти помещение ни для канцелярии, ни для семьи. Мы так помещены, что никакой серьезной работы наладить невозможно. Одна надежда, что скоро переедем в Харьков. — Третьего дня взяты Орел и Чернигов. Зато банды Махно пробрались к нам в тыл, захватили Бердянск, где была главная база артиллерийских снарядов из Англии, и взорвали их. Потеря — незаменимая. Это — нечто противовеса рейду Мамонтова, разрушившего советские базы. Вчера пришло также известие о взрыве артиллерийских снарядов в Новороссийске. По счастью, потери невелики; думают, что злого умысла не было.

Вчера отнес в редакцию «Великой России» статью: «Политическая программа Добровольческой армии и психология».

Послесловие М. Г. Трубецкого

В 1923 году мой отец получил от генерала Деникина 2-й том его исторического труда «Очерки русской смуты». Ответил следующим письмом:

24 февраля 1923 г.

Глубокоуважаемый Антон Иванович,
я только что кончил второй том Ваших «Очерков», за присылку которого приношу Вам самую искреннюю, горячую благодарность. Эта книга останется для меня навсегда самой дорогой памятью о Вас и о тех богатырях духа, которым Вы ее посвятили.

Когда читаешь про Первый Кубанский поход в Вашем изложении, которое неполно только в том отношении, что автор старается, как можно меньше рассказать про себя, — то крепнет убеждение, что вся эта пролитая кровь, эти подвиги, достойные народного эпоса — все это совершенно не даром и не бесцельно. Если б не выявлено было это самоотвержение, это великое в своей простоте, дерзание в деле освобождения Родины, — тогда на Россию пришлось бы поставить крест. А Вы и Ваши спутники пронесли чистым и незапятнанным образ Родины, своею кровью омыли и очистили его ризы.

Пусть Добровольческая борьба не достигла той цели, которую себе поставила. Причины неудачи многообразны и сейчас еще не наступил час для суда истории, но на Кубани был зажжен святой огонь перед Престолом Всевышнего, и все мы беженцы, а главное — вся та молодежь, которая бросила тогда учебники, чтобы взять ружья, а теперь доучивается во всех городах белого света, — все они, как богомольцы у нас на Страстной, зажгли от этого огня свои свечки и унесли его с собой на чужбину. Наступит день, — увидим ли мы с Вами его или нет, — но от этих свечек снова разгорится настоящий огонь, который они донесут до Кремлевских святынь. С этой верой легче живется, и я хочу с нею умереть, если не суждено будет самому сказать: Ныне отпускаеши...

От всей души благодарю Вас за те минуты умиления, волнения и национальной гордости, которые я пережил, благодаря Вашей прекрасной книге, и за те воскресшие передо мной дорогие мне образы — Корнилова, Маркова, Алексеева, которые встали передо мной, как живые. Вечная им память.

Как и многие другие, я потерял сына в этой борьбе. Но у меня нет горького чувства, что это напрасная потеря. Не нам знать времена и сроки и меру искупления, которая нужна, чтобы омыть грехи поколений.

Да будет воля Господня благословенна.

Сердечно Вам преданный

Григорий Трубецкой.

* * *

Мой брат Константин домой не вернулся. Ему только что минуло восемнадцать лет, когда он был ранен на Перекопе, при отступлении армии Врангеля. Его полк трижды посылал за ним лошадей, но мой брат, каждый раз уступал свое место, более тяжело раненным. С последним раненым он послал письмо своим родителям:

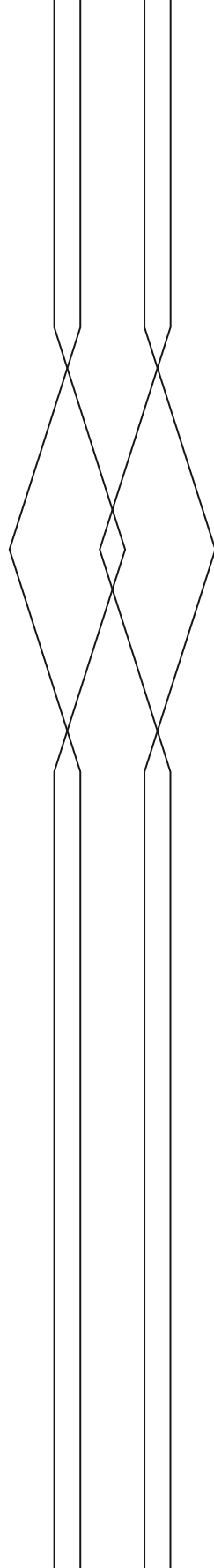
«Милые Папа и Мама, спасибо Вам за все что Вы мне дали. Ради Бога не плачьте обо мне. Все в руках Божиих.

Я страшно рад за такое дело положить жизнь. Верю я в Царство Небесное. Последняя моя просьба, — не печальтесь обо мне, — но радуйтесь, вспоминайте меня и главное молитесь и служите заупокойные обедни и панихиды обо мне. Господь с Вами. Счастливо оставаться Вам. До скорого свидания. Желаю Всем счастья».

* * *

Вся молодежь того времени, была одушевлена патриотизмом и пламенной верой. Поэтому это письмо, я не считаю чисто семейным, но привожу его в память о всех тех молодых беспримерных героях погибших жертвами в ужасной Гражданской войне.

КРАСНАЯ РОССИЯ И СВЯТАЯ РУСЬ

Посвящаю памяти моего покойного брата
князя Е. Н. Трубецкого

О книге князя Трубецкого^{I II}

Книга князя Григория Трубецкого есть, прежде всего, отображение его самого. В ней с поразительной ясностью отразился его внутренний мир, мир глубоко духовный, умиротворенный, точно тихим светом осиянный, мир, безусловно, прекрасный. Его труд это его исповедание России, в которой он был так глубоко укоренен, это его в нее вера, к ней во Христе любовь. Светлой радостью веет от этой небольшой, так просто, я бы сказала «естественно» написанной книги. Ничего особенно нового, с фактической стороны, она не дает и вместе с тем дает очень много; она дает почувствовать Россию, как вечно и подлинно живую Святую Русь, которую в борьбе тщится, но никак не может одолеть ополчившаяся на нее красная Россия. Для князя Трубецкого Святая Русь не только и не столько чаяние, мечта, туманное будущее; для него она подлинная, реальная действительность, ибо она живет, она укоренена в русской душе. Она именно и есть та часть души русского человека, которой он устремлен к Богу с его вечной правдой. Материального осуществления этой Божественной правды и справедливости на земле взыскует русская душа и в наивной вере ищет ее в каком то неведомом никому клочке земного шара. Отсюда и странничество, уход от своего насиженного; отсюда и старчество, с его отказом от чисто земных благ; в Святой Руси корни этих двух особенностей русского духовного быта. От нее же и та поразительная мудрость простолюдина праведника, которую автор иллюстрирует слышанными им ночными беседами в вагоне железной дороги и, в особенности, замечательным рассказом своего случайного спутника, простого крестьянина — самородка Василия Павловича.

^I Печатается по изданию: Трубецкой Г. кн. Красная Россия и Святая Русь. Paris: YMKA Press, 1931.

^{II} Рецензия напечатана: Возрождение. № 2074. 5 февраля 1931 г.

Перед читателями проходит целый ряд картин из жизни революционной России, в которых скрытая в глубине души Святая Русь выходит победительницей над Россией красной. Вот крестный ход в день Святого Николая 9 мая, на который многие шли причастившись, как на смерть, и где сам Ленин, стоя на балконе, «насчитал» свыше 400 тысяч народу. Вот верные узнавшие о готовящемся, после его резкого против большевиков выступления патриарха Тихона, и решившие его не дать, ударить в набат, и его отстаившие. Вот русский крестьянин, который на Соборе, перед выборами патриарха, так формулировал от имени крестьян их стремления сохранить единую Русь. «У нас уж нет больше царя. Нет отца, которого бы мы любили. Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим патриарха». Вот картина религиозного диспута, где старенький священник тремя словами «Братья, Христос Воскрес!» побеждает многоречивого безбожника и т. д. По всей книге рассеяны эти живые доказательства основной мысли автора, его основной веры. Не одни вершины захватила вера, до самых низин крестьянского быта проникла она, Церковью осватила всю жизнь, всюду русскому человеку сопутствуя. И хоть и способен он в момент буйства все забыть, в самую бездну кинуться («так и тянет его в нее заглянуть», говорил Достоевский во «Власе»), но редко, когда он не опомнится и не принесет столь же великого покаяния, как велик был грех.

Князь Трубецкой, следуя за Достоевским, которого он часто цитирует, не идеализирует русский народ. Он считает, что много в нем темного, тяжелого, греховного, но жива в нем Святая Русь и не переводятся те неведомые никому праведники, которыми Россия и спасется. Обратив свой взор от России к Европе, автор и в ней не видит успокоения. Наоборот, тяжелые тучи нависли над ней, тяжело в ней дышать и хочется верить (автор верит вместе с Достоевским), что может быть, именно Россия своим страданием принесет очищение и Европе.

Князь Трубецкой твердо верит во вселенскость Православной церкви. Для Православной церкви он, как и его брат князь Евгений Трубецкой, письмо которого он приводит, не боится (а как бы даже желает) преследований. Он знает, что Церковь от них лишь крепнет, очищается, растет. Настроенный миролюбиво и любовно к инославным, в особенности к католичеству, князь Трубецкой мечтает о соединении Церквей, скорбит о духе непримиримости, который долго господствовал в отношении вероисповеданий друг к другу и радуется всякому проявлению добрых чувств. В деле некоторого сближения Церквей, которое приходится теперь наблюдать, несомненно, значительную роль сыграл князь Трубецкой своим влиянием. Его мечта, которой он заключает книгу,

была о том, как на возглас Восточной Церкви «Христос Воскресе!» Западная Церковь радостно ответит «Воистину Воскресе!».

Подводя итог, можно словами автора, который воспоминанием о легенде о Граде Китеже начинает книгу, сказать: «Нам, оторванным от родины и выброшенным на чужбину, нужно так же, как китежским па-ломникам самим очиститься и наперечь свой духовный слух: тогда мы явственно услышим благовест Святой Руси».

Книга князя Григория Трубецкого написана еще в 1922 году, но она нам интересна в особенности тем, что жизнь, события и их развитие ее не опровергли, а наоборот, как то удивительно подтверждали, придав ей не только жизненный, но в какой-то мере и пророческий смысл.

Т. Н. Тимашева

О князе Г. Н. Трубецком

В области религиозной жизни и религиозного наставления важны не слова только, важно *свидетельство*. Всякое слово в области религиозной жизни, которое не является свидетельством, не имеет силы. Чтобы иметь силу, оно должно быть рожденным из опыта Истины, быть живым свидетельством об Истине, т[о] е[сть] *свидетельством* жизни.

В том большая сила и значительность личности и слов покойного князя Григория Николаевича Трубецкого (1873 — 6 января 1930), что он был укоренен в высшей действительности. То, что он говорил и писал об этих предметах, не было поэтому только интересной беседой, лекцией, статьей, исследованием, которые оставляют нас однако холодными, оно было живой вестью о высшей жизни. Не только своим словом, устным и письменным, еще больше — своей всей личностью и жизнью, тем, что он был среди вас, свидетельствовал он о ней. В этом и состоит его огромное воспитательное влияние, поэтому и тянулись к нему люди разных взглядов, оттенков, возрастов, положений, потому что они чувствовали, что здесь было что-то подлинное, не стереотипно-заученные слова, не литературные упражнения: чувствовался Источник Жизни, изливающийся в жизнь праведника и питающий ее. И струи эти общались и другим и поднимали их над мелкой злободневностью. «Кто верует в Меня, из чрева того потекут реки воды живой». Эти слова Господа исполнялись на смиренном и преданном рабе Его.

Князь Григорий Николаевич Трубецкий был представитель великой духовной традиции, или вернее — он жил в этой духовной традиции, в этом потоке жизни Духа, который объемлет нас и который есть жизнь Церкви Христовой. Много было у князя Г. Н. Трубецкого горячей любви и пре-

данности и верности — в отношении к родному народу, к величию России, к славным страницам ее прошлого (в частности, ее императорского прошлого), особенно же к лучшим сторонам духовного облика русского народа, ценностям его духовной культуры, но высшая его преданность и верность и любовь принадлежала из всех ценностей сверхличного порядка — Церкви Христовой и единому Господу и Владык Церкви. Ему была посвящена эта жизнь, в своем конечном идеале и в своей действительности. Это делает ее такой привлекательной и придает силу убедительности тому, что кн. Григорий Николаевич говорил и писал. Не литературные упражнения, а свидетельство о жизни, в которой он сам был укоренен, которой сам был охвачен.

Тема о судьбе Русской церкви особенно была близка князю Г. Н. Трубецкому, была вообще самая близкая для него тема: в ней органически соединены жизнь Церкви и духовная жизнь русского народа. Князь Г. Н. Трубецкой был глубоко убежден, внутренним убеждением всего существа своего, что духовные богатства русского народа вытекают из Церкви.

Ибо Г. Н. Трубецкой всем существом сросся со своим народом. Не только в Высшей Жизни, в благодатном потоке жизни Церкви был укоренен Г. Н. Трубецкой, он был также и верный и подлинный сын своего народа, по самому рождению и воспитанно своему, по личным свойствам своим — истинный представитель и выразитель лучших сторон его духовной традиции. Достойный представитель духовных традиций рода Трубецких — достойный брат своих братьев, великих русских религиозных мыслителей и деятелей на ниве религиозного просвещения, религиозной проповеди, примером и словом, князей Сергея и Евгения Николаевичей, сын Н. П. Трубецкого, одного из основателей Московской консерватории, друга Рубинштейнов. Внутренняя музыкальность души соединялась в Григории Николаевиче с лучшими заветами русского прошлого, с тем, что можно назвать органической культурой и что так сияло во многих представителях семьи Трубецких.

В наше время упадка русской культуры, нам так важны живые подлинные носители органической культуры, жизнью свидетельствующие о ней, живые, подлинные носители духовного лица нашего народа в лучших ценнейших его чертах. И как раз в эти тяжелые годы, когда как бы прерывается, растеривается русское духовное достояние, князь Г. Н. Трубецкой был носителем этой живой связи. К нему шли, чтобы ощутить эту связь. Нужно к этим зафиксированным на бумаге словам звать нашу молодежь, чтобы она шла теперь к князю Григорию Николаевичу, который зовет ее и своим посмертным словом к духовным истокам родной культуры.

И вместе с тем одно, еще большее: в наше время усталости — да и во всякое время — важен голос праведника и облик праведника, жизнью своей свидетельствующего об Истине.

* * *

Внутренним светом охватывает нас от этой небольшой книжки покойного князя Григория Николаевича Трубецкого. Внутренним светом полна она и горячей любовью к своему народу. Написанная в 1922 году, она, несмотря на еще более трагическое, более ужасное, постигшее Россию с тех пор — именно на последовательные, *систематические* попытки большевиков окончательно искоренить религию, не потеряла всю свежесть свою; более того, она еще выиграла для нас в остроте и значительности. Вопрос о судьбе веры в Россию и о грядущих духовных судьбах русского народа самыми событиями становится сегодня еще острее, еще мучительнее, чем 8 лет тому назад. Возможно ли, чтобы русский народ мог быть когда-нибудь до корня переделан большевиками, совершенно оторван от веры? Неужели все русское народное благочестие — лишь случайное, преходящее явление, или это есть действительно питающий, основоположный фактор, без которого русский народ теряет свое лицо, без которого отмирает русская народная душа? Выживет ли она духовно? Григорий Николаевич Трубецкой дает нам ответ, полный бодрости и веры — из глубины своей любви к родному народу, согретой верою.

Эта книжка представляет и немалый исторический интерес: она овеяна воспоминаниями первых лет русского лихолетья, она полна чертами автобиографического характера — автор принимал видное участие в событиях этой борьбы за Россию, за душу русского народа.

Эта книжка вместе с тем полна педагогического значения и волевого импульса: *берегите святыню вашего народа! Будьте укоренены в святыне! Боритесь за святыню — и прежде всего в вашей собственной душе!* Этот импульс служения святыне и борьбы за святыню прошел красной нитью чрез жизнь князя Григория Николаевича Трубецкого.

Н. С. Арсеньев

I

Есть известная русская легенда, относящаяся к эпохе нашествия татар на Россию. Татары приближались к городу Китежу, который славился своими церквями и в котором жили благочестивые праведные люди. Услышал Господь молитву этих праведников и не попустил татар захватить Китеж. Он скрыл его от врага Христова Имени в глубоких чистых водах озера Светлояра²⁵². Там он стоит и по сие время. — Ежегодно летом, накануне того дня, когда, по преданию, Китеж скрылся в водах, к озеру Светлояру стекаются отовсюду толпы паломников. Ночью, на берегу, горят костры, люди молятся, и в тишине ночной напрягают свой

слух, — не услышат ли звона колоколов китежских церквей. — Народ верит, что этот звон слышат чистые сердцем.

Эта легенда скрывает в себе глубокий смысл. Когда татары завладели Россией, они наложили руку на внешние формы жизни, подчинив их себе; они грабили и опустошали города и селения, но внутренняя, подлинная Россия ушла от них, скрылась из их кругозора, и продолжала жить своей особенной жизнью, схоронив где-то глубоко, на дне, свои святыни.

Нам, оторванным от родины и выброшенным на чужбину, нужно так же, как китежским паломникам самим очиститься и напрячь свой духовный слух: тогда мы явственно услышим благовест Святой Руси. Большевики тщетно хотят заглушить его пением интернационала, а самый образ задержать красной тряпкой, как они это проделывают, во время своих празднеств, с иконами на Кремлевских воротах.

Святая Русь схоронилась глубоко, в лачугах и церквях на родине, и здесь, за рубежом, среди рассеянных по белу свету русских скитальцев. Там, в низах народных, прошел угар соблазна и народ отошел от большевиков. Свои несчастья он рассматривает, как кару за содеянный грех, все шире распространяются в нем апокалипсические ожидания конца мира.

Все это отвечает исторически сложившемуся укладу и психологии Святой Руси.

Русская религиозность всегда носила мистический характер. Черту эту мы унаследовали от древней Церкви на Востоке, от которой Русь приняла крещение. Она подошла к особенностям нашего, национального характера. Отсюда возникновение многочисленных монастырей в России, которые были в свое время главными рассадниками просвещения и пролагали пути к заселению самых диких окраин. Отсюда характер церковных обрядов, церковного пения, и особенно церковной живописи.

В то время, как Западная Европа в XV столетии переживала эпоху Возрождения, в России, жившей своей особенной жизнью был тоже подъем религиозного искусства. Но его вдохновляли совершенно иные идеалы. На иконах того времени лежит печать мистического аскетизма. Вы видите в них сочетание необыкновенной силы и духовности выражения с яркими красками, из которых излучается свет. Духовное начало поглощает телесное, свет — материю. Русский иконописец видел все земное так, как видят землю, поднявшись на большую высоту — это скорее карта земли, чем реальное изображение явлений. За то вся сила творчества переносится в движение одухотворенной плоти. Лучшие изображения принадлежат наиболее мистическим сюжетам Нового Завета, — Преображению, Воскресению, Страшному Суду, и т. д., наконец, Софии — Премудрости Божьей. Последней посвящены некоторые замечательные древнерусские храмы, как то в Киеве и в Новгороде.

Не менее замечательна архитектура древних русских храмов. И здесь византийская традиция была совершенно переработана, и зодчество получило своеобразный русский характер, достигая такого смелого и причудливого полета, как, например, в церкви Василия Блаженного в Москве. Вспомним, какую красоту старых русских городов представляют золотые купола и маковки церквей, которые горят, как свечи на небе, малиновый звон колоколов. Когда в самое крикливое время нашей революции, бывало, не знаешь, куда уйти, и казалось, что почва бежит из-под ног, каким успокоением звучал порою вечерний благовест московских церквей, заглушавших всю эту человеческую суету, словно над нею, в небе совершалось торжественное славословие: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

А Страстная и Пасха, в Москве, в былое время: Кремлевские соборы с их полумраком, освещаемом восковыми свечами, которые вспыхивают и мерцают, как звезды, перед темным золотом икон, строгое песнопение Великого поста...

В эти древние своды как будто впитались слова молитвы. Столетия одухотворили их. И когда в Успенском соборе раздается дивное пение: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою», то вы видите, как в синем фимиаме возносится молитва к Престолу Всевышнего. — И здесь наяву творится другая молитва Великой Субботы: «Да молчит всяка плоть человека и да стоит со страхом и трепетом и ничто же земное в себе да помышляет». — Со всех сторон вас окружают лики угодников Божьих, со взором, устремленным на небо. В них давно умолкла плоть, и все земное, но они продолжают стоять со страхом и трепетом, ибо их коснулся свет Христова Преображения.

Прав был Соловьев, говоривший, что православное богослужение творили ангелы, — православный человек верит и чувствует, что они в нем участвуют. Разве они не с нами, когда поется: «Ныне силы небесные с нами невидимо служат»? Разве они не шествуют впереди нас, в ночь на Пасху, когда запертые двери храмов внезапно раскрываются настежь, и в них вливается толпа с радостным пением: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси, и нас сподоби чистым сердцем Тя славити»?

II

Но не в одном богослужении и обряде сказывается благочестие русских людей.

Остановимся на своеобразном явлении русской монашеской жизни, которую так живо воспроизвел Достоевский — на старчестве. Что такое старец?

Старец — это монах, прошедший все ступени аскетического искусства. С благословения настоятеля он принимает иногда на себя особое предварительное испытание — затвор. Он затворяется в своей келье и пребывает в полном молитвенном уединении, прерывая его только для принятия Святых Таинств. В таком добровольном заключении он остается иногда целые годы. Это есть высшее осуществление монашеского обета — отказ от всего земного, совлечение с себя ветхого человека. Умерщвление плоти есть, конечно, лишь средство к восхождению по небесной лестнице. Отрешение от всего личного, всецелое подчинение своей воли Богу приводит, противно поверхностным критикам монашеской жизни, к высшему расцвету человеческой индивидуальности. Как свет солнечный, преломляясь в горнем хрустале, играет в нем всеми цветами радуги, так душу, очищенную от страстей, свет Божий заполняет всей гаммой красок, какая светится нам из старинной иконы.

«Старец» является руководителем молодых иноков, которые дают обет полного повиновения и подчинения ему своей воли. Там, где есть такой старец, туда сейчас же пробивается и народная тропа. Прочтите «Братьев Карамазовых» Достоевского, где так ярко воспроизведен облик старца и всех, кто приходит к нему, иногда пешком за тысячу верст, чтобы получить благословение. Глубокий духовный опыт, проникновение в сокровенные тайны человеческой души вместе с благодатным даром пробуждения в этой душе новых сил для жизненного подвига — вот что составляет неотразимую силу смиренного старца, всегда радостного и светлого, какими бы немощами он ни страдал от своих аскетических упражнений, «ибо для счастья созданы люди», как говорит старец Зосима у Достоевского, «и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать о себе: я выполнил завет Божий на земле. Все праведные, все святые мученики были все счастливы».

Церковь держится святыми. Благодаря Богу, несмотря на тяжелые и во многом ненормальные условия своего существования, в Русской церкви никогда не переводились святые. В 30-х годах минувшего столетия, на памяти людей, которые еще могут быть живы, Русская церковь сподобилась иметь одного из величайших своих святых преподобного Серафима Саровского. Глубоко народный облик этого сына простого народа совпадает с самыми высокими мистическими озарениями. От него сохранились некоторые записанные беседы с ним о действии Святого Духа на человека, которые представляют один из замечательнейших памятников русской церковной письменности.

Жажда святости, вера в осуществление всей правды Божией на земле составляет одну из особенностей русской религиозности. Чем меньше окружающая действительность отвечает этому идеалу, тем

сильнее у религиозного русского человека стремление уйти из нее, искать этой правды в монастыре, у святынь, которыми богата Россия.

«...Для смиренной души русского простолюдина, измученной трудом и горем, а главное всегдашнею несправедливостью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню или святого, пасть пред ним и поклониться ему: — Если у нас грех, неправда и искушение, то все равно есть на земле там-то, где то святой и высший; у того за то правда, тот за то знает правду: значит не умирает она на земле, а стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано».

Неудовлетворенным душам тесно в национальных рамках, они идут искать Правды и Святости по всему белому свету. Ежегодно, пока было можно, тысячи паломников отправлялись в Иерусалим, на Афон, в Рим и в Бари²⁵³. Однажды мне пришлось встретить группу таких паломников в Константинополе. Они побывали во всех этих местах, добрались даже до берегов Красного моря. Они всюду искали, где воплотилась вся Правда Божия, где совершенные люди живут в совершенной Церкви. Они не нашли того, что искали, но это не ослабило их веры, что где-то, скорее всего на острове, осуществилось это Царствие Божие на земле, новый Иерусалим. «Вот вернемся к себе домой на побывку, а потом опять пойдем искать», сказали они мне.

III

«Странничество» — одна из форм народной религиозной жизни, весьма характерная для русских людей. Религиозный русский человек чаще чувствует себя странником, чем оседлым жителем земли. Для себя он относится безразлично к внешним условиям земной действительности, мир лежит во зле и он не приемлет его, и идет искать Правды Божией, стараясь найти ее в молитве, подвигах и лишениях.

В нашей народной религиозной литературе есть одна небольшая книжка, выдержавшая несколько изданий, весьма любимая многими благочестивыми русскими людьми. Это «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» (3-е изд. Казань, 1884²⁵⁴). От книги этой веет глубокой подлинностью и народным духом. Она напечатана с рукописи, найденной у одного старца — схимника на Афоне, который в свое время записал, по-видимому, то, что ему рассказывал странник. Ничто не даст нам более верного представления о народной религиозной психологии, создавшей странничество, чем некоторые выдержки из этой книги.

«Я по милости Божией человек-христианин, по делам великий грешник, по званию бесприютный странник, самого низкого сословия, скитающийся с места на место. Имение мое следующее: за плечами сумка сухарей, да под пазухой Священная Библия; вот и все. В 24-ю неделю после Троицына дня пришел я в церковь к обедне помолиться; читали Апостол из Послания к Солунянам, в котором сказано: *непрестанно моли-теся*. Сие изречение особенно вперилось в ум мой, и начал я думать, как же можно беспрестанно молиться, когда необходимо нужно каждому человеку и в других делах упражняться для поддержания своей жизни».

С этих пор целью своих походов Странник поставил найти человека, который разъяснил бы ему недоуменный вопрос. В конце концов, он встречается старца, от которого получает наставление, и некоторое время остается под его руководством. «Непрестанная внутренняя Иисусова молитва», учил старец, «есть непрерывное, никогда не престающее призывание Божественного имени Иисуса Христа устами, умом и сердцем при воображении всегдашнего Его присутствия, и прошении Его помилования, при всех занятиях, на всяком месте, во всяком времени, даже и во сне. Она выражается в таковых словах: Господи, Иисусе Христе, помилуй мя. И если кто навькнет сему призыванию, то будет ощущать великое утешение и потребность творить всегда сию молитву, так, что уж без молитвы и быть не может, и она уже сама собою будет в нем изглашаться».

Странник последовал наставлению старца и убедился на внутреннем опыте в его правде. Он стал тому же учить и других, с кем приходилось ему ближе соприкасаться во время пути. Чтение Библии и Добротолюбия (свода писаний Святых Отцов Церкви, по преимуществу аскетов), которое ему удалось приобрести, укрепляли его молитвенное настроение; из них извлек он руководство о «памятовании о Боге во всякое время, на каждом месте и при всякой вещи. Если ты что-нибудь делаешь, должен иметь в памяти Творца вещей; если видишь свет, помни Даровавшего тебе оный; если видишь землю, небо, море и все находящееся в них, удивляйся и прославляй Создавшего оные; если надеваешь на себя одежду, вспомни, чей это дар, и благодари Промышляющего о твоей жизни. Кратко сказать, всякое движение да будет тебе причиною к памятованию и прославлению Бога, и вот ты непрестанно молишься, от сего всегда будет радоваться душа твоя». Внутренняя молитва доступна каждому человеку; «стоит только побезмолвнее углубиться в свое сердце, да побольше призывать просвещающее имя Иисуса Христа, то сейчас же каждый почувствует внутренний свет и ему будет все понятно, даже и некоторые тайны царствия Божия он увидит в свете сем. Да уж и это глубокая, просветительная тайна, когда человек узнает сию способность самоуглубляться, видеть себя внутри, наслаждаться самосознанием, умиляться и сладостно плакать о своем падении

и испорченной воле... В том-то и дело, что мы далеки от самих себя, да и мало желаем, чтобы приблизиться к себе, а все убегаем, чтобы не встретиться самим с собою, и промениваем истину на безделушки, да и думаем: рад бы заняться духовным делом, или молитвою, да некогда, хлопоты и заботы о жизни не дают времени к сему занятию»...

Вот почему странник упрямо отказывается переменить свой образ жизни. Он странствует, выбирая свой путь на Одессу и далее в Иерусалим. В это время «молитва сердца столько меня услаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в Царствии Небесном. Не только чувствовал сие внутри души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, и все влекло к любви и благодарению Бога; люди, деревья, растения, животные, все было мне, как родное, на всем я находил изображение имени Иисуса Христа. Иногда чувствовал такую легкость, как бы не имел тела, и не шел, а как бы отрадно плыл по воздуху; иногда входил весь сам в себя и ясно видел все мои внутренности, удивляясь премудрому составу человеческого тела; иногда чувствовал такую радость, как будто сделан я царем и при всех таковых утешениях желал, когда бы Бог дал поскорее умереть и изливаться в благодарности у подножия Его в мире духов».

Глубокое смирение странника не позволяет ему думать, что он может учительствовать. Но его встречи с людьми всех состояний и положений дают ему повод либо извлекать для себя новые поучения, либо делиться с ними своим опытом, и на всем пути от Тобольска до Одессы зажигать искры святого огня в людях. На пути ему приходится встречаться и с дикими зверями и разбойниками, подвергаться опасностям, терпеть побои и тяжкие болезни, — и все это он принимает как проявление пекущегося о нем Провидения Божия; простой рассказ его об этих происшествиях воспроизводит перед нами живую картину русского народного быта, которая дышит убедительной правдой.

Вот один из таких рассказов. Зашел раз странник в такое глухое место в Сибири, что три дня не встретилось ни одной деревни. Сухари все вышли, и он приуныл, как бы не умереть с голоду. Наконец, на дороге, возле огромного леса, он увидел собаку. Странник поспешил за нею, надеясь, что она наведет его на жилье. «Вот из-за толстого дерева выходит мужик, худой, бледный, средних лет. Он спросил меня, как я сюда зашел. Я его спросил, зачем он тут находится. И мы ласково разговорились. Мужик позвал меня в свою землянку и объявил мне, что он полесовщик и стережет этот лес, проданный на сруб. Он предложил мне хлеба и соль, и завелась между нами беседа». Прельстившись лесным уединением, странник на некоторое время остается жить у нового знакомого, который открывает ему свою жизнь и свои мысли. Он был раньше мастером,

и «жил в довольстве, хотя и не без греха: много обманывал по торговле, божился понапрасну, ругался, напивался и дрался. Был в нашем селе старый дьячок», рассказывал полесовщик, у которого была старинная книжка о Страшном Суде. Он бывало ходит по православным, да читает; а ему за это дают деньги; хаживал и ко мне. Бывало, дашь ему копеек 10, да поднесешь стакан вина, так и будет читать с вечера да вплоть до петухов. Вот я бывало и слушаю, сидя за работой, а он читает, какие нам будут муки в аду, как изменятся живые, и мертвые воскреснут, как Бог сойдет судить, как ангелы в трубы затрубят, и какой огонь, смола будут, и как червь грешников будет есть. В одно время, когда я слушал это, мне стало страшно, я подумал, уж муки мне не миновать. Постой, примусь душу спасать, может быть и отмолю мои грехи. Подумал-подумал, да и бросил мой промысел, избу продал, и, как был одинок, пошел в лесовщики с тем, чтобы мир давал мне хлеб, одежду, да восковые свечи на богомолье».

«Вот так и живу здесь более 10 лет; ем только по разу в день, и то один хлеб с водою; каждую ночь встаю с первых петухов и до свету кладу земные поклоны; когда молюсь, затепливаю по семи свечек перед образами. Днем же, когда обхаживаю лес, ношу вериги в два пуда на голом теле. Не бражусь, вина и пива не пью, и не дерусь ни с кем, баб и девок от роду не знаю».

«Сначала мне так жить было охотнее, а под конец, нападают на меня неотступные мысли. Бог знает, грехи-то отмолишь ли, а жизнь-то трудная. Да и правда ли в книжке написана? Где кажется воскреснуть человеку. Иной уже умер лет сто, или более, его уже и праху нет. Да и кто знает, будет ли ад, нет ли? Ведь никто с того света не приходил; кажется, как человек умрет, да сгниет, то так и пропадет без вести. Может быть, книжку-то написали попы, да начальники сами, чтобы устроить нас, дураков, чтобы мы жили поскромнее. И так на земле то живешь в трудах и ничем не утетишься, и на том свете ничего не будет, — так что же из этого? Не лучше ли хоть на земле-то пожить попрохладнее и веселее? — Сии мысли, борют меня, продолжал он, и боюсь, не принятьсь бы опять за прежний мастеровой промысел».

«Слушая это, странник жалел о нем и думал сам себе: говорят, что одни ученые и умные бывают вольнодумцами и ничему не верят, а вот и наша братия — простые мужики какие замышляют неверия!» Достал Добротолубие²⁵⁵ и «начал ему растолковывать, что воздержание от грехов, страха ради мук, неуспешно и непродуктивно, и невозможно душе освободиться от мысленных грехов ничем иным, кроме хранения ума и чистоты сердца. И так все это приобретается внутреннею молитвою, и не только, прибавил я еще, страха ради адских мук, но даже и желания ради Царства Небесного, если кто станет совершать спасительные подвиги, то и это св. отцы называют делом наемническим. Они говорят,

что боязнь муки — есть путь раба, а желание награды в царствии есть путь наемника. А Бог хочет, чтобы мы шли к Нему путем сыновним, т[о] е[сть] из любви и усердия к Нему, вели себя честно и наслаждались бы спасительным соединением с Ним в душе и сердце».

«Сколько ни изнуряй себя — какие хочешь проходи телесные труды и подвиги; но, если не будешь иметь всегда Бога в уме, да непрестанной Иисусовой молитвы в сердце, то ты никогда не успокоишься от помыслов и всегда будешь удобопреклонен к греху, при малейших даже случаях. Примись-ка, брат, беспрестанно творить Иисусову молитву, ведь тебе это можно и удобно в сем уединении; ты скорую увидишь пользу. Не будут и помыслы безбожные приходить, откроется тебе и вера и любовь к Иисусу Христу; узнаешь, как и мертвые воскреснут и страшный суд покажется тебе так, как истинно он будет. А в сердце-то будет такая легкость и радость от молитвы, что ты удивишься и не будешь уже скучать, да смущаться спасительным житьем твоим».

«Далее, как мог, я растолковал ему, как начать и как продолжать беспрестанно Иисусову молитву и как заповедует о сем Слово Божие, и поучают св. отцы. Он, по-видимому, как бы изъявлял на то согласие и поуспокоился. После сего, расставшись с ним, я затворился в указанной им мне ветхой землянке... Она представлялась мне великолепным царским чертогом, исполненным всякого утешения и веселия».

Месяцев пять продолжалось уединение Странника, «в отрешении от сует и познании сладости внутренней жизни». Потом настало время рубки леса, начал стекаться народ, пришла пора и ему пуститься в путь. «Поблагодаривши полесовщика, я помолился, поцеловал тот клочок земли, на котором Бог удостоил меня недостойного Своей милости, надел сумку с книгами и пошел».

Такими перерывами, по большей частью более краткими, сопровождалось все время его странствия, с тех пор, как старец научил его беспрестанной Иисусовой молитве.

«Вот теперь так и хожу, да беспрестанно творю Иисусову молитву, которая мне драгоценнее и слаще всего на свете. Иду иногда верст по 70 и более в день, и не чувствую, что иду; а чувствую только, что творю молитву. Когда сильный холод прохватит меня, я начну напряженнее говорить молитву, и скоро весь согреюсь. Если голод начнет меня одолевать, я стану чаще призывать имя Иисуса Христа и забуду, что хотелось есть. Когда сделаюсь болен, начнется ломота в спине и ногах, стану внимать молитве, и боли не слышу. Кто когда оскорбит меня, я только вспомню, как насладительна Иисусова молитва; тут же оскорбление и сердитость пройдет и все забуду. Сделался я какой-то полоумный, нет у меня ни о чем заботы, ничто меня не занимает, ни на что бы суетливое не гля-

дел, и был бы все один в уединении; только по привычке одного и хочется, чтобы беспрестанно творить молитву, и когда ею занимаюсь, то мне бывает очень весело. Бог знает, что такое со мною делается... Итак, хотя я не достиг непрестанной, самодействующей, духовной молитвы в сердце; но слава Богу теперь ясно понимаю, что значит изречение, слышанное мною в Апостоле: *Непрестанно молитесь*».

* * *

Я остановился несколько дольше на «Откровенных рассказах Странника» ввиду малой известности их широкой публике, а между тем подобные произведения содержат порою истинные жемчужины русского религиозного творчества и жизнепонимания.

Созерцательность возводит иногда на вершины религиозных достижений, но она же иногда увлекает человека и в обратные крайности. Положительная сторона ее — способность отрешиться от всего земного, почитая все блага его за суету сует, предаваясь исключительно жизни духа, исканию Бога и вечной Его Правды, не одним отвлеченным рассудком, а всеми живыми силами души, всем существом. Эта психология создает святых отшельников, странников, юродивых, не приемлющих мира, лежащего во зле. Их, конечно, нельзя упрекать в «эгоизме самоспасения», ибо в основе русской религиозной психологии лежит, прежде всего, сознание нравственной круговой ответственности: все мы виноваты друг за друга. Эта идея была выражена с особой силой Достоевским, Владимиром Соловьевым и многими другими русскими писателями. Она, несомненно, отвечает народному религиозному сознанию. Из нее же вытекает другое убеждение: подвиг самосовершенствования не есть дело только личного спасения: чем сильнее разгорается внутренний свет в душе праведного, тем ярче освещает он греховную тьму мира, и зажигает огонь в душах грешных и слабых людей. Уединение русского отшельника никогда не бывает долгим, ибо к нему, как растения к свету, тянутся со всех сторон люди, требующие поддержки и наставления. Так создавались монастыри в глухих тущобах и к ним прочищался путь через леса и болота. Эти люди, по словам Достоевского, «образ Христов хранят пока в уединении своем благолепно и неискаженно, в чистоте правды Божией, от древнейших отцов, апостолов и мучеников, и, когда надо будет, явят его поколебавшейся правде мира»... — Не приблизилась ли ныне эта минута?

Хранимое живым преданием, духовное наследие Православной Церкви, не есть какой то мертвый груз, сданный в архив, как в том укоряют ее порою враги. Если это духовное достояние вдохновляет на подвиг и беспрерывно обогащается плодами глубокого умозрения и святости, то значит в нем содержится источник живой воды.

Заканчивая эти предварительные замечания, я оговариваюсь, что не притязая на исчерпывающую картину русской религиозной психологии, а хотел отметить лишь те черты ее, которые помогут хоть несколько осветить, как произошла встреча Святой Руси с Красной Россией.

IV

Я позволю себе поделиться некоторыми личными впечатлениями, вынесенными мною из путешествия по России, зимою 1918 года¹. С тех пор прошло четыре года. Краски, конечно, сгустились, но суть едва ли могла измениться. Мне пришлось долго ехать с юга на север, в вагоне 4-го класса, спасаясь от преследований большевиков.

В вагонах не было никакого освещения. Они были битком набиты народом; каждый устраивался, как мог. Мы ехали со скоростью 10 километров в час, останавливаясь иногда по несколько часов на какой-нибудь станции. Несмотря на грязь, темноту, спертый воздух и массу насекомых, путешествие это было одним из самых интересных и поучительных для меня, за все время смуты в России.

Разговор не умолкал; общее настроение было уже тогда резко антибольшевистского характера. Недавний угар от революции прошел бесследно. Гнет и произвол большевиков вызывали общее озлобление. Говорили о порядках, и шло много разговоров на религиозные темы. Видно было, что мысль и совесть крестьянина взбудоражены и неустанно работают над выяснением мучительных вопросов. Вагоны 4-го класса, в которых целыми неделями едут и сближаются между собою люди, сделались какими то передвижными народными клубами, где страстно обсуждается все на свете и подготавливается общее мнение.

Мы проезжали Царицын: большой промышленный город на Волге. В наш вагон сел молодой, бойкий малый — рабочий. Как и другие, он, видимо, пережил эпоху безраздельного увлечения большевизмом; он признавал его отрицательные стороны, но ему не хотелось расстаться с мечтой, что народ может сам устроить свою жизнь по-новому и хорошему. Грехи большевизма он объяснял новизною дела и верил, что все может исправиться. Большинство было скептически настроено, признавало, что из попыток самим устроиться ничего не вышло. Были люди, потерявшие веру в то, что вообще что-нибудь образуется, потому что и от прошлого у них накопилось столько горечи, что они не могли желать его возвраще-

¹ Часть IV практически дословно повторяет фрагмент 3-й главы книги Трубецкого «Годы смут и надежд». Тем не менее, чтобы сохранить авторский стиль изложения, издательство сочло возможным оставить этот повтор.

ния. Рядом со мною сидел уже пожилой мужик с большой, окладистой бородой, не богато одетый, но его соседи относились к нему с уважением и звали его «Василий Павлович». Молодой рабочий с увлечением говорил о свободе и равенстве, о том, что в конце концов воцарится справедливость. Василий Павлович слушал эти речи; когда рабочий замолк, он сказал: «И все-то ты твердишь с чужих слов, а сам ничему не образован. Говоришь о свободе, а читал ты что сказано в Писании: истина сделает вас свободными? — А какая у большевиков может быть свобода, когда все у них построено на лжи, а не на истине? Вот тоже и на счет равенства. Ну скажем, нас с тобой сравнивают, — и у тебя все возьмут и у меня. Но ты дурак, а я умный человек. Какое между нами может быть равенство? Завтра же на мне штаны будут, а на тебе ничего. Вот тебе и равенство». Малый смешался и не нашел что ответить. Мы разговорились с Василием Павловичем. Не веря ни в какие утопии, он отлично понимал, отчего масса так кинулась им навстречу. Слишком много горечи накопилось от прошлого. Он рассказал при этом свою собственную жизнь. «Самое замечательное событие в моей жизни случилось, когда мне было 9 лет», так начал он, «я шел по дороге и вдруг вижу что-то лежит. Нагнулся и поднял. Это была книжка в бандероли крест на крест. Тогда-то я этого, конечно, не знал, но я одно понял: что тут знаками обозначено то, что можно прочесть, если научиться грамоте. Это меня всего перевернуло. Я взял бандероль, и спрятав ее, как самую дорогую для меня вещь, и дал себе зарок, что я выучусь читать, и тогда прежде всего прочту, что в этой бандероли сказано. Бог мне помог. Я упросил своего дядю, грамотного, учить меня читать. Старался я что было сил. Выучился читать и первым делом достал бандероль. Что было в ней напечатано, я, конечно, не мог понять, как следует, но уже одно то, что я мог прочесть, доставило мне такую радость, какой раньше никогда не чувствовал. Мне было ясно, что для того, чтобы понять, что пишут, надо еще учиться. И во мне загоралась жажда найти свет. Каких трудов мне стоило уговорить своих родителей отдать меня в школу — этого не пересказать. Все-таки удалось их уговорить. Я только и жил тем, чтобы поскорее и получше всему обучиться. В начале был хороший учитель. Он видел, как я стараюсь и какие успехи я делаю, и хотел после школы вести меня дальше, в уездное училище. На грех его сменили. Его место заступила учительница. Эта относилась ко мне совсем иначе. Когда я по вечерам в школе хотел читать, она не давала, говорила: зачем попусту керосин тратить? — Отец говорил, что грамоте не надо учиться, что от нее только пьянство идет. Словом, когда я школу кончил, мне не позволили поступить в уездное училище, а послали скотину сторожить, потом в поле работать. Годы шли, для учения срок был пропущен. Жизнь проходила в работе, потом я сам женился, стал хозяином. Но все деньги, какие мог,

я тратил на книги, и читал все, что попадалось под руку. Я много прочел, но чем становился старше, тем больше приходил к одному — что всем книгам книга — Священное Писание, что в нем вся правда, и что чем больше его читать, тем больше познаешь истину. Детей нам Бог не дал, и мы усыновили сироту мальчика. О нем я думал так: если Господь не сподобил меня просветиться так, как горело к тому сердце, то, по крайней мере, из этого мальчика я человека сделаю, пусть он получит все образование. Был я крестьянином Тамбовской губернии, Темниковского уезда, а нас партия крестьян переселилась на Кавказ; думали там найти хорошую свободную землю. — Тоже много мытарств приняли мы на себя с этим. — Провел я мальчика на свои гроши в школу, потом отдал в училище. Кончил он училище, я хотел дальше его вести, а у самого денег уже не было. И вот я подал прошение попечителю Кавказского учебного округа, и в этом прошении рассказал все, чем горела моя душа всю жизнь, и как я хочу своему сыну нареченному дать тот свет, которого сам искал. И что же вы думаете, он мне ответил?...» Василий Павлович с волнением и горечью махнул рукой. — «На прошении написал резолюцию, что вы мол, добиваетесь прав и привилегий, а потому мол, отказать». Видимо, воспоминание о том, как он искал поддержку у человека, от которого верил, что найдет ее, потому что от кого же еще ее было ждать? — и как он горько разочаровался в этом, было самым тяжелым в жизни этого идеалиста. Он помолчал, и потом продолжал: «Что мог, — я дал ему, и все-таки он вышел в люди, теперь стал помощником начальника станции. Потерял я свою жену, Бог ее взял к себе. Не хотелось мне жениться вновь, брать другую на место покойницы, у себя оставаться было одиноко. Сын мой женился, хорошая у него жена, и пригласили они меня к себе пожить. Я теперь у них гостил, а сейчас уехал. Что же я буду заедать чужую жизнь? — Они молоды, я старик. Они не так образованы, как я, другого круга. Пожил я у них, звали они меня совсем остаться, но я уехал. А теперь еду назад, в свое село, в Тамбовскую губернию, откуда уже много лет назад выехал. Что-то там увижу, застану ли кого из тех, кого знал? — не знаю. — Так то, — закончил Василий Павлович, — каждому Господь определяет, что на его долю. И ропщем иногда, а того люди не понимают, что Господь испытывает каждого, и все мы грешны и друг за друга виноваты. Если бы поняли это люди, не там бы стали искать правды, где ее ищут и не находят, не стали бы в насилии и злобе на чужую неправду строить свою неправду». И кончив свою повесть, Василий Павлович перешел в другое отделение, к землякам, которые его звали спать, и обещали койку.

Думаю, что никогда я не забуду этой случайной встречи с простым смиренным и мудрым Василием Павловичем. Сколько грехов темноты бедного невежественного люда простится ради таких праведни-

ков! Пусть их немного, но жив тот народ, в котором есть такие подлинные крепкие духом самородки.

Разговор не умолкал в вагоне. Кроме наболевшего вопроса о большевиках, большею частью затрагивались религиозные темы. Видно было, какую глубокую встряску переживает народ, сколько зародилось новых мучительных запросов, сомнений, которые требовали разрешения. Крайние левые, очевидно, также учитывали пробуждение религиозных исканий, и старались по-своему использовать это настроение. В одном углу слышался приподнятый фальшивый голос какого то полунинтеллигентного пропагандиста: «Я анархист. Хотя я не верующий, но я уважаю Христа, а что Он сказал? — если на дереве сухая ветвь, не приносящая плода, отсекайте ее и бросьте в огонь. — Слышите, что говорит Христос? — А разве мы не так поступаем с буржуазией? — Ведь она и есть сухая и бесплодная ветвь, и только из других берет соки. Значит ее надо беспощадно уничтожать, бросать в огонь». Аргумент представлялся неотразимым, или по своей убедительности, или по опасности возражать. Слышен был подобострастный одобрителный смешок аудитории.

Уже ночь. На своей койке, на третьем этаже, я слышу молодой мужской голос, который говорит с убеждением: «А все-таки, хоть я в церковь хожу, а скажу, что попы много врут. Вот например, насчет святых. Ведь в Киев искрошили их большевики, а они за себя не заступились. Значит, какие же это святые? — Николая Угодника, — это я понимаю, а других, это придумали попы на свою пользу». — «Дурак, — отзывается откуда то ворчливый голос старухи. — А Христа-то ведь распяли, что же по-твоему выходит. Значит Он не Бог»? — «Это ваше слово, бабушка, у места», спешит согласиться мужской голос, видимо, обрадованный сам, что ему так просто разрешили недоумение. — «Спи, уж чего там ночью брехать», — и в вагон на короткое время водворяется молчание, но когда ни проснешься, слышишь, то страстный шепот, то увлекающиеся громкие голоса. Не может заснуть Русь и найти себе покой...

Те же настроения я нашел в селе Сергиевском, в Центральной России, где я прожил два месяца, в постоянном общении с крестьянами. Я жил у одного бывшего помещика, которого буду звать Михаил Михайлович¹. Согласно общему положению, он был лишен всего, чем раньше владел, но оставался жить, благодаря исключительно хорошим отношениям его с крестьянами. Он много лет безвыездно жил с семьею в деревне, и отношения с крестьянами сложились главным образом вокруг церкви, ктитором коей он состоял, заслужив такое доверие и любовь крестьян, что они пережили все встряски революции. Было трогательно видеть, как еже-

¹ Имеется в виду М. М. Осоргин.

дневно крестьяне несли на двор бывшего помещика муку, яйца, полотно, керосин и ни за что не хотели принимать вознаграждения, говоря: «раньше вы нас кормили, когда бывал голод, теперь примите от нас». Пришел декрет об упразднении Закона Божия в школе. Тогда ученики старшего класса пришли к своему любимому Михаилу Михайловичу просить его, чтобы он давал им эти уроки у себя на дому, на что он с радостью согласился. Надо было видеть этих милых мальчиков, с датскими серьезными и восторженными глазами, когда они приходили на эти уроки.

Все это пронюхали советские власти в городе, и они всполошились. Им почуялась контрреволюция, и они потребовали, чтобы помещик в три дня покинул свою дедовскую усадьбу. Эти три дня он и его семья провели в храме, в молитве, и с ними крестьяне, переполнявшие церковь. И когда они уехали, то до последнего времени крестьяне продолжали тайно, с большой опасностью для себя, посылать все, что могли, своему Михаилу Михайловичу, пока им самим не пришлось от голода покинуть деревню и забить свои избы. Большинство направилось в Сибирь, но многие ли из них добрались туда — это другой вопрос. Так и стоит покинутая помещичья усадьба и избы с заколоченными окнами, — символ жизни, отлежавшей из этого мирного уголка. Я отнюдь не хочу обобщать. Такие примеры являются, конечно, не правилами, а исключениями, ибо, в противном случае, нам не пришлось бы переживать революции, но я счел не лишним интереса рассказать то, чему я был свидетель. Если этот пример может что-нибудь доказать, то лишь следующее: там, где Церковь и совместная молитва послужили основой отношений между людьми, там эта нравственная спайка оказалась сильнее революции и классовой вражды.

Нельзя было без живого сострадания смотреть в это время на крестьян. Все они сознавали, что были сбиты с толку, чувствовали, как все крепче стягивается у них на шее петля, и не знали, как ее сбросить. Большинство принимало выпадавшую на их долю тяжесть, как наказание за свой грех.

V

Через некоторое время, я переехал в Москву и там возобновил участие в работах Церковного Собора, членом коего я состоял. Если в гуще народной мне довелось наблюдать искания «алчущих и жаждущих правды», как мой Василий Павлович в вагоне, или крепкую привязанность к своему родному храму, как в Сергиевском, то здесь в Москве, на Соборе, у меня могла только еще более укрепиться вера, что не иссякли ключи живой воды в России.

За полтора года до войны мой покойный брат князь Евгений Трубецкой (да будет дозволено мне упомянуть его имя, как одного из известных религиозных наших деятелей) писал одному из своих французских друзей по поводу религиозного оживления, которое стало наблюдаться во Франции. «Вы обязаны этим, конечно, прежде всего Господу Иисусу Христу, а затем *преследованиям*, которые, как это всегда и всюду бывает, пробудили у вас религиозный дух. В этом отношении, быть может, вы счастливее нас: ибо русская Церковь, наоборот, страдает от чрезмерного покровительства государства, что всегда является источником деморализации. Она ждет еще своего Комба для грядущего возрождения, которое рано или поздно придет у нас, как и у вас, после революции, которая опрокинет нынешний порядок вещей».

Автору этих строк пришлось не только дожить до исполнения своего предсказания, но и принять деятельное участие в обновлении церковной жизни в России, но, конечно, он не мог предугадать, какого масштаба достигнет гонение на Церковь в результате революции. — Трудно сопоставлять политику Комба с нашей революцией и большевиками.

Положение церкви в государстве изменилось в корне, с революцией, вызвавшей отречение Государя от престола.

Как известно, Петр Великий произвел реформу Высшего церковного управления под влиянием протестантского уклада. Он упразднил патриаршество и заменил его Синодом епископов по своему выбору и назначению. Это вторжение гражданской власти в дела Церкви было каноническим нарушением ее свободы, и под видом особого покровительства унижало ее. Это зло, о котором упоминает в приведенном письме мой брат, вызывало горячие протесты людей самых различных направлений, как например, Ю. Ф. Самарина, Аксаковых, Вл. Соловьева и других.

Официальный характер Церкви, как государственного учреждения, отчуждил от нее не мало симпатий и был виновником распространения многих сект, куда уходили люди, отшатнувшиеся от внешнего формализма Церкви. Он был также причиной отчуждения от Церкви так называемой интеллигенции, которая либо стала равнодушна, либо принесла в народ проповедь неверия.

С падением старого строя, Церкви была возвращена ее свобода. Впервые, после более чем двухвекового перерыва, в Москве был созван Церковный Собор.

Его открытие состоялось 15 августа 1917 года, в эпоху революционного угара, когда все страсти обращены были в область политической борьбы. Наоборот, выборы в Собор привлекли к себе внимание людей исключительно религиозных и церковных. Это было крайне важно, ибо к участию в Соборе, наряду с епископами, были привлечены и выборные от духовенства

и мирян, с той однако, разницею, что епископы были решающею инстанцией, они могли принять или отвергнуть каждое постановление общего собрания, тогда как миряне имели лишь право предварительного обсуждения.

В Собор вошли, во-первых, все епархиальные епископы русской церкви, затем представители духовных семинарий, и наконец, выборные члены от духовенства и мирян каждой епархии. Рядом со специалистами канонического права и богословия сидели и простые крестьяне, и сплошь да рядом, в самых серьезных вопросах одерживало верх мнение не людей науки, а простых смиренных крестьян. Так было, например, с вопросом о восстановлении патриаршества, который возбудил оживленные прения. Партия профессоров академии, опасалась усиления клерикализма. Помню, как на кафедру взошел простой крестьянин, который объяснил по-своему, почему крестьяне хотят, чтобы был патриарх. Он сказал: «У нас нет больше царя; нет отца, которого мы бы любили. Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим патриарха».

Эти простые слова верно изобразили господствовавшее на Соборе настроение. С падением царской власти Россия лишалась реального символа народного единства. Революционный водоворот создал центробежные силы. В отдельных окраинах проявился сепаратизм. В такую минуту распада государственной власти и внешнего единства, естественно, проявилось стремление утвердить духовное единство России. Никто лучше патриарха не мог олицетворить это последнее. В этом сказалась верная историческая традиция, ибо Церковь была той силой, которая в самом начале нашей истории помогла объединению России.

Выборы патриарха совпали с большевистским переворотом, что только побудило Собор поспешить с этим делом. Мы с братом жили довольно далеко от здания, где происходили заседания. На многих улицах шли бои. На перекрестке одной из улиц мы сначала должны были спросить, еле высунувши голову, можно ли пройти: — «можно», крикнули нам с обеих сторон, «но скорей». Едва успели мы перебежать улицу, как засвистели пули. В другом месте нам пришлось перелезть через стену, во двор, приставив лестницу. Под гром пушек, происходили выборы патриарха: с начала выбирались три кандидата, затем три записки с именами опускались в ковчег; после особого богослужения в Соборе жребий должен был вытянуть старец, который был избран на Собор от монахов и, подчиняясь общей воле, покинул свое затворничество. Выбор пал на Московского митрополита Тихона. Его избрание удовлетворило всех. Сложилось общее убеждение, что он действительно Божий избранник.

С наступлением большевистского режима Собор усилил свои занятия. Были выработаны новая схема высшего управления Церкви, реорганизация епархий и приходов и проведена реформа учебных заве-

дений. Последнюю, впрочем, не пришлось осуществлять, ибо большевики закрыли все духовные заведения, реквизировали все типографии и церковные книжные магазины и вскоре открыли настоящее гонение на Церковь.

В основу всех преобразований было положено то самое начало, которое олицетворялось Собором: начало соборности. О нем много говорили в последние годы до созыва Собора. Одним из наиболее горячих его истолкователей был покойный Ф. Д. Самарин. «Соборность не есть какая либо внешняя норма, — писал он, — и никакими внешними мерами не может быть осуществлена... Ею характеризуется не внешняя сторона церковного строя, а внутренняя связь между всеми членами Церкви, связь, которая может проявляться самыми различными способами». Вопрос идет не о равноправном положении пастырей и пасомых, но об органическом их объединении, сознании каждым из членов Церкви своей доли ответственности за церковное дело. Для этого требовалась, по словам Самарина, «некоторая внутренняя перемена во взаимных отношениях между пастырями и пасомыми и во взгляде тех и других на церковное дело».

Тесное общение епископов, клира и мирян на Соборе, способствовало упрочению этого внутреннего начала, которое и нашло себе выражение в постановке указанных выше преобразований.

В числе их одно из наиболее назревших было преобразование первой ячейки церковной жизни — прихода.

Под гнетом тяжелых испытаний, в недрах приходов, особенно в больших центрах, закипела жизнь. Люди, вчера еще между собою незнакомые, сплывались в тесный союз, под руководством своего священника. Не только забота о храме, но целый ряд других функций духовной и материальной взаимопомощи стал осуществляться приходами. Особенно деятельное участие в делах благотворения приняли женщины, образовавшие сестричества в составе приходов. — Храмы лишились возможности содержать, как раньше, хоры. Во многих церквях они были заменены общенародным пением.

Приходы объединяются в общий союз, представляющий внушительную моральную силу и сыгравший уже раз серьезную роль в деле защиты патриарха.

Дело происходило так. После убийства царя, патриарх произнес в одном из соборов проповедь, в которой говорил, что как бы ни судить политику Государя, его убийство, после того, как он отрекся и не делал ни малейшей попытки вернуться к власти, является ничем не оправданным преступлением, а те, кто его совершили, должны быть заклеимены, как палачи. «Недостаточно только думать это, — добавил патриарх, — не надо бояться громко утверждать это, какие бы репрессии ни угрожали вам».

Вскоре после этого, патриарх получил от одного из советских учреждений повестку, вызывающую его на допрос. Патриарх оставил повестку без ответа. Ему предстояло испытать на себе применение силы. При особе патриарха уже и раньше находились 18 человек — представителей приходов, которые сменялись каждую неделю. Хотя и безоружные, они охраняли патриарха, готовые, во всяком случае, разделить с ним его участь.

Узнав об опасности, угрожающей патриарху, Совет приходов решил, что, как только за ним придут, его телохранители должны немедленно ударить в колокол в любой ближайшей церкви. По этому знаку, все церкви должны начать звон, духовенство и прихожане со всей Москвы собираются крестным ходом и идут туда, где будет патриарх, и не уйдут без него. Решение Совета стало известно большевикам. С презрением относясь к Церкви, они все-таки не решились вызвать взрыв народного чувства, и отказались от вызова патриарха.

VI

Чем дальше шло время, тем яростнее делалась борьба большевиков против Церкви. Чтобы справиться с людьми, им надо распылить их, мешать всякой организации. На словах объявив свободу совести, они, под предлогом «контрреволюционного» направления, беспощадно преследуют духовенство и церковных деятелей. В свое время особенно жестокий характер религиозное преследование приняло в местностях, охваченных гражданской войной, а где ее не было? — Только когда прекратится режим террора в России, и падет советская власть, которая на нем держится, только тогда можно будет определить число жертв и опустошений, произведенных в Церкви большевиками. Пока мы знаем о 28 убитых епископах²⁵⁶, из коих некоторые зверски замучены, например епископ Пермский Андроник. Ему вырезали щеки, уши, выкололи глаза и в таком виде водили по городу. Потом достаточно надругавшись над этим мучеником, который до конца мужественно исповедовал свою веру, его бросили в реку. Количество убитых священников не поддается никакому подсчету. По строго проверенным данным, в одной Харьковской губернии за 6 месяцев, с конца декабря 1918 по июнь 1919 года, было убито 70 священников. Казни сопровождалась мучениями и издевательствами: архимандриту Родиону, 75 лет, перед убийством сняли скальп, 80-летнего иеромонаха Амвросия перед казнью несколько раз избивали прикладами. Священника Гавриила Маковского, изрубили за то, что он попробовал заступиться за крестьянина, которого красноармейцы вели на казнь. Когда жена его пришла просить разрешения похоро-

ронить мужа, большевики зарубили и ее, перерубив ей сначала руки и ноги и изранив грудь. Иеромонаха Афанасия, в Спасовом монастыре, в 12 часов дня, вывел из кельи во двор за конюшню один большевик, там прочел какую то бумажку, после чего иеромонах стал на колени, помолился, перекрестился, затем встал благословил большевика и поднял руки вверх. Двумя выстрелами в упор палач убил благословившего его пастыря²⁵⁷. В этой фигуре смиренного монаха как будто воплотилась вся Святая Русь и отношение ее к постигающим ее страданиям.

Иностранцы верят, или притворяются, что верят в эволюцию большевизма. Но возобновившееся весной 1922 года гонение на Церковь не свидетельствует о перемене в настроении большевиков. Мы знаем, каким кощунственным надругательством над святынями сопровождалось изъятие из храмов богослужебных предметов, какие расправы чинились над священнослужителями и мирянами, оказывавшими попытки сопротивления. В ту минуту, как я пишу эти строки, пришло известие о предании суду самого патриарха, и о новом проекте большевиков совсем упразднить высшую иерархию Церкви. Они как будто пробуют, до какой меры измученный голодом и лишениями, поработанный произволом и устрашенный террором, народ утратил всякую способность сопротивления.

Конечно, нам трудно измерять всю степень деморализации внешней ими в народ. Разве можно закрыть себе глаза на систематически разврат детей, растущих в атмосфере спекуляции, разнузданности и пороков, на общее падение нравов среди интеллигенции, на утрату образа человеческого под влиянием голода и нищеты, вплоть до пожирания родителями своих детей. Все это так, — но все же этим не исчерпывается русский народ, не весь он заражен этим злом и отдался ему. И наряду с ужасами падения, каждому из нас известны и подвиги самоотвержения и бесчисленные примеры самой высокой христианской стойкости, веры и терпения.

Этими людьми жива Русь, в них она воплощается и сберегает свои семена для лучшего будущего. И несмотря на гонения на Церковь и ее служителей, большевикам не удастся истребить веру в народ.

VII

Обосновав власть на терроре, большевики поставили своей задачей истребить не только людей, но и самые идеи, которые могли бы возрождаться. Подвергая гонению служителей Церкви, они надругались и над святынями, наиболее чтимыми в России, вскрывали мощи святых, производили кощунства в храмах. В первый же год, был издан осо-

бый декрет об ассоциациях, которые притязают на сношения с сверхъестественными силами, — в таких приблизительно выражениях обобщалось понятие обо всех религиях и вероисповеданиях. Декрет этот был злой карикатурой на известный закон *associations cultuelles*²⁵⁸ во Франции, вызвавший в свое время такие протесты со стороны католической церкви. Несмотря на все это, религиозная жизнь не только не умерла, но усилилась. Никогда не было столько молящихся и жаждущих утешения и света. В Москве происходили грандиозные крестные ходы, хотя большевики пытались запрещать их. Интересен повод первого из них. В первый год своего владычества большевики решили отпраздновать с особой пышностью день 1 Мая. Москва была декорирована флагами, надписями. Весь Кремль был задрапирован красной материей²⁵⁹.

И вот, в день праздника, на глазах толпы, собравшейся перед Никольскими воротами произошел странный случай, произведший на присутствовавших большое впечатление. Красная материя внезапно разорвалась, как раз на месте, где на воротах находится старинный образ Святого Николая. Известно, как чтится этот Святой в России. Толпа заволновалась и признала в совершившемся чудо. Несколько дней подряд большевики отгоняли людей приходивших смотреть на происшедшее и молиться иконе. Самое празднество 1 Мая совпало со средой на Страстной неделе и потому народ шел не охотно, и оно вышло вялым и натянутым. Но 9 мая, в день праздника Святого Николая, по требование народа был совершен крестный ход из всех церквей к Никольским воротам. Ленин смотрел на него со стены Кремля, где стояли китайские часовые. Он поинтересовался узнать, сколько могло быть народу на площади, которая вся была запружена, — и, по приблизительному подсчету самих большевиков, оказалось около 400 000 людей. Многие из участников раньше приобщались и готовились, как к смерти. Они шли с пасхальным пением: Да воскреснет Бог и да расточатся врази Его.

Многие духовные заведения были отобраны большевиками для своих надобностей, из школ были изгнаны иконы и преподавание Закона Божия; зато образовались курсы в самих церквях. Люди, прежде скорее равнодушные к вере, теперь вернулись к ней и стали в первых рядах ее исповедников. В нетопленной церкви, освещаемой одной лучиной, происходили зимой религиозные беседы, на которые приходят и интеллигенты и рабочие.

Большевики, со своей стороны, стараются вести пропаганду атеизма, не жалея на это ни средств, ни усилий, но можно сказать с уверенностью, что, достигая частичных успехов в разрушении и деморализации в городских школах, на большие массы их слова не действуют. Мне пришлось услышать следующий рассказ от одной женщины, побывавшей в 1920 году на Пасху в Москве. В одной из самых обширных аудито-

рий Москвы большевики устроили митинг. Говорил один из вожаков большевизма. Речь его была вариацией на тему: религия — опиум народа. Когда он кончил, он предложил желающим возражать ему. Из рядов поднялся старенький священник в скромной поношенной рясе. «Предупреждаю вас, что я не могу вам дать больше пяти минут», сказал недовольный председатель. — «Да мне и ненужно столько, мне всего три слова сказать», ответил священник, и с этими словами поднялся на кафедру: «Братья, Христос Воскресе!», провозгласил он. — «Воистину воскресе!», ответила в один голос аудитория. Священник сошел с кафедры. Митинг кончился, ибо что может против этого красноречие большевиков?

VIII

О том, как живут люди в России, я не буду говорить. Это слишком [хорошо] известно.

Над городами и полями реет смерть, но никогда церкви не были так переполнены молящимися, никогда духовная жизнь не проявлялась с тою силою, как порою теперь среди этих ужасов и страданий. В зарубежную печать проникают письма из России, не предназначавшиеся для печати, и тем более убедительные своей подлинной правдивостью. Некоторые из них поражают своим высоким настроением. Так могли писать своим близким христиане, собиравшиеся в катакомбах, которые готовились к тому, что каждый день их могут взять и бросить на растерзание диким зверям.

Эти бесконечно дорогие нам оставшиеся в России подвижники, своею жизнью осуществляют завет Апостола: «Кто отлучит нас от любви Божьей: скорбь, или теснота, или гонение, или нагота, или опасность, или меч?» Только полное оскудение этой любви позволяет другим людям, сытым и живущим в безопасности, равнодушно проходить мимо всех этих страданий, предоставляя времени изжить большевистский «опыт».

Так живут те, кто остались там, а около двух миллионов русских покинули пределы своей родины. Над ними не витает призрак тюрьмы и пытки, но положение многих из них, выброшенных на чужбину без всяких средств к существованию, иногда с большими семьями, поистине ужасное. К тому же эмиграция не редко бывает сопряжена и с другими отрицательными сторонами: эти люди перенесли уже столько испытаний, что у многих парализуется воля, и они не находят себя в непривычной обстановке.

Но кроме них русская катастрофа выбросила на чужбину многие тысячи здоровых и деятельных людей и массу детей и молодежи. Все эти люди живут, как жили евреи в Египте, со взором вечно обращенным на землю обетованную.

Час возвращения еще не пробил, но, конечно, пробьет. Сколько из этих людей с радостью отдали бы жизнь для освобождения родины, сколько положили уже свою голову ради этого дела! Во многих из них горит та же вера, которая согревает и тех, кто остался там в катакомбах. Вот для примера, одна из тысячи, история одного мальчика¹, ушедшего сражаться в Добровольческой армии на юг России. С 13-летнего возраста он рвался туда, где можно положить свою жизнь ради Родины и ближних. Его, как и многих его сверстников одушевлял огонь чистой пламенной веры. Сколько детей, показавших беспрецедентный героизм, погибло жертвами ужасной Гражданской войны. Уходя в поход и не зная, что его ожидает, он пишет своим родителям: «Милые Папа и Мама. Спасибо Вам большое за все, что вы мне сделали. Ради Бога не плачьте обо мне, все в руках Божьих. Я страшно рад за такое дело положить свою жизнь и получить Царство Небесное. Последняя моя просьба не печальтесь обо мне, но возрадуйтесь, вспоминайте, как можно чаще меня и главное почаще молитесь и служите заупокойные обедни и панихиды обо мне. Господь с Вами. Счастливо оставаться Вам. До скорого свидания, желаю всем счастья».

Этот мальчик не вернулся с похода... Легко раненый, он уступил свою лошадь тяжело раненому солдату, а сам остался, исполняя заповедь: «Больше сия любви никто же имеет, да кто душу свою положить за други своя». (Ев. Иоанна, XV, 13). А сколько его товарищей, таких же как он, милых, чистых мальчиков остались живы и должны были прекратить борьбу и были эвакуированы с армией Врангеля! Они жили в Галлиполи, во Фракии, на побережье Адриатики, подчас в ужасных условиях²⁶⁰. Вот например, что писали про условия жизни в Галлиполи: «Люди живут в пещерах, выдолбленных в скалах, в водоемах, землянках, мавзолеях, среди могил, в полуразрушенных домах, в заброшенных мечетях, банях, в склепах». И несмотря на это, бодрость не покидает этих людей. «Нет кроватей, — делают их из ветвей. За 7–8 верст тащат кирпичи и сооружают печи. Устроены походные самодельные церкви. Из консервных банок и противогозлов сделаны люстры и предметы церковной службы. Офицерами-художниками нарисованы стилиные образа. Созданы прекрасные церковные хоры». И когда в Галлиполи приехал главнокомандующий барон Врангель, то все эти люди, которых никто насильно не заставлял жить в таких ужасных условиях, из которых многие могли бы устроиться много лучше, если бы думали только о себе, — все они встретили своего вождя с величайшим энтузиазмом, ожидая только минуты, когда им дадут возможность снова бороться за освобождение родины.

¹ Имеется в виду сын автора — князь Константин Григорьевич Трубецкой. Текст письма также приведен в книге «Годы смуты и надежд».

IX

Все, что случилось в России, естественно, приводит к переоценке многих ценностей, пересмотру коренных устоев нашей жизни.

Для верующего человека это не страшно. Чем больше сдвинулись государственные и общественные идеалы, тем ярче сияют перед ним незыблемые духовные начала, освещающие земной мрак.

Правда единой Христовой Церкви ни мало не поколеблена, и, по-прежнему, врата ада не одолеют ее. И в общем русском крушении, единственное, что большевикам оказалось невозможным сломить и растоптать — была и остается Церковь. Она уцелела, как стержень, который поможет России выпрямиться и возродиться к новой жизни.

Но, разбираясь в случившемся, не будем смешивать во единое живое ядро со скорлупой, сущность с формой. Если слово Божие, как в притче о сеятеле, не всегда дает равномерный плод, то виновато не оно, а та почва, или те условия, в которые оно попадает.

Религиозность русского народа носит определенно духовный характер, — это роднит его с укладом древней Восточной Церкви, и вместе с тем она впитала в себя чисто народные русские особенности.

Этот дух создал величайшие достижения, прежде всего в области святости и подвижничества. Лики Святого Сергия Радонежского и преподобного Серафима Саровского, — на заре и на зените русской государственной мощи — освещают каким-то бесконечно родным и дорогим для нас теплом всю историю русского народа. То, что можно назвать высшей народной культурой — русская философия, русское искусство и русская литература, — в лучшей своей части также пропитаны религиозным духом.

Но свет веры осиял не только вершины. Он проник в глубины народной жизни, дал ей содержание, цель и опору. Церковь неизменно освещала суровую трудовую жизнь русского крестьянина. Она помогла ему безропотно переносить самые тяжелые лишения, приучила его просто и бесстрашно встречать смерть в борьбе с суровым климатом и природою, и на полях сражений. Русское царство создавалось тяжелой вековой борьбой с кочевниками, татарами, немцами, ляхами, шведами, турками, и борьба эта наложила тяжелую руку на все развитие народа. Церковь была могучим рычагом народного объединения; она освещала и государственное строительство и личную жизнь русского человека. Она внедрила в него сознание личного ничтожества и умиления перед бесконечной благодатью Божьей, внушила сознание общей круговой ответственности за грехи, сострадание и жалость к павшим.

Как мог этот добрый кроткий народ превратиться в зверя, потеть на время образ Божий?

Ключ к пониманию случившегося мы всего вернее найдем в про- роческом проникновении в душу русского народа у Достоевского. В своем очерке «Влас» (Дневник писателя за 1873 год) он говорит про «два народ- ные типа, — в высшей степени изображающие нам весь русский народ в его целом. Это, прежде всего, забвение всякой мерки во всем (и, заметьте, всегда почти временное и преходящее, являющееся, как бы, каким-то на- ваяждением). Это потребность хватить через край, потребность в замираю- щем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее на половину, заглянуть в самую бездну и — в частных случаях, но весьма нередких — броситься в нее, как ошалелому, вниз головой. Это — потребность отрицания в чело- веке, иногда самом неотрицающем и благоговеющем, отрицания всего, са- мой главной святыни сердца своего, самого полного идеала своего, всей народной святыни во всей ее полноте, перед которой сейчас лишь благого- вел и которая вдруг как будто стала ему невыносимым каким-то бременем. Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которой русский человек спешит иногда заявить себя в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем, или поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречь- ся от всего: от семьи, обычая, Бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни. Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою само- сохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, т[о] е[сть], ко- гда идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего отрицания и саморазрушения. То есть то бывает всегда на счету, как бы мелкого малодушия; тогда, как в восстановление свое русский человек ухо- дит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе».

***

Глубокая неуравновешенность, способность перекидываться из одной крайности в другую — вот отличительные черты русского харак- тера, отмеченные Достоевским. Эти резкие переходы имеют аналогию разве только с колебаниями нашего климата от летнего зноя к 30-гра- дусному морозу. Суровая природа имела, конечно, значительную долю влияния на образование русского характера.

Чем неуравновешеннее человек, тем легче подвергается он пагубным влияниям.

У русской интеллигенции большая вина перед народом. Сколько передовых ее бойцов шли к простым, темным людям с пламенной проповедью нигилизма и призыва к борьбе, подстрекаемой низменными инстинктами! Крепкие устои народной жизни расшатывались и народная душа опустошалась. И когда эта проповедь возымела успех, и нигилизм был воспринят народом, не как отвлеченное построение, а как простое разрешение: *все дозволено*, — тогда в значительной части самой интеллигенции возник запоздавший ужас перед делом рук своих. Сколько вчерашних неверующих и врагов Церкви потянулись в ее ограду, как блудный сын в дом отчий. Но дело было уже сделано. Мне пришлось в 1918 году слышать такой отзыв одного крестьянина: «И то сказать: много греха на вашей душе, образованных людей. Ведь приходили к нам в деревню ученые люди и студенты и твердили: “Бога нет, образов не нужно”. — Теперь как плохо стало, так они небось себе иконы опять повесили, а наш брать мужик не так легко назад раскачается».

Во всем происшедшем сказалось глубокое противоречие между коренными духовными основами и повседневным укладом жизни русского человека. Высшее достижение гармонии есть удел святости, когда лев и ягненок мирно покоятся у ног подвижника. В душе русского человека всегда жили рядом зверь и ягненок. Они уживались, пока зверь был на цепи, но когда эта цепь порвалась, только произведенное им же полное опустошение умирало зверя.

Лучшие русские писатели, наиболее правдиво изобразившие народную жизнь, все вместе с Достоевским отмечали это противоречие и эту стихийность народной души.

И все же Достоевский по следам славянофилов твердо верил, что русский народ богоносец, и что он спасет не только себя, но и мир.

«Боже, кто говорит, и в народе грех, — учил старец Зосима у Достоевского, — а пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идет», но все-таки «из народа спасение выйдет, из веры и смирения его».

В основе этого убеждения лежит признание, что как бы ни пал русский человек, как бы ни погряз он в грубой борьбе за существование, или в погоне за удовлетворением низких страстей, в глубине его души таится искра Христовой веры. Это убеждение Достоевский вынес из каторги, из общения с преступниками «Мертвого дома»²⁶¹. Здесь он понял отношение к арестантам простого народа, который видит в них прежде всего несчастных людей, и не столько осуждает, сколько жалеет их, подавая им милостыню во Имя Христа.

Достоевский отмечал, что русский человек, когда прошел угар, чувствует свой грех и преклоняется пред Правдой Божией и верит, что Господь не погнушается его, грешника. «Пусть я проклят, пусть я низок и подл», говорит Дмитрий Карамазов, «но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть».

Западному европейцу трудно понять такие противоречия, такое совмещение двух бездн. По природе своей идейный верующий русский человек максималист. Отсюда требования его к жизни, по существу, не допускают компромисса. Все, или ничего. Здесь расхождение двух полюсов — подвижников и революционеров. Одни отрясают от себя прах всего земного, бегут в уединение, затворяются в монастырях. Из них выходят святые, старцы, странники, или юродивые.

Из той же закваски самоотвержения создавались воины, радостно отдающие жизнь за Веру, Царя и Отечество, врачи и учителя, шедшие в народ, и, наконец, революционеры, отрицающие и Христа и Церковь, но порою служившие неведомому им Богу, с убеждением следуя своеобразной логике, которую за них формулировал Владимир Соловьев: «Человек произошел от обезьяны; поэтому люби ближнего, как самого себя».

Религиозность, как основная черта русской психологии, часто наблюдается у людей, отрицающих религию: для них происхождение человека от обезьяны, или законы Маркса являются символом веры, и нет никакого рассудочного соответствия между этими догматами и их, хотя и худо понятой альтруистической деятельностью.

Все это бойцы, хотя и разных ратей, но сходные порою между собой, как Савл был похож на Павла, сильные люди, отдающие себя и свою жизнь всецело служению своей идей. А общая людская масса, слабые люди не чувствуют себя в силах ринуться в борьбу с окружающим злом. Подпадая его действию, они все же в душе не признают зло, которому служат, за добро. У них также стремление, хотя бы на короткое время отрешиться от грешного мира, почувствовать себя в царстве беспримесной Правды, слиться с ее источником.

Эта глубокая религиозная потребность выработала тот богослужебный обряд, равного которому нет в мире. Он является вдохновенным созданием русского религиозного гения; мы, беженцы, как скинию завета, вынесли его в своих скитаниях, на чужбину. Что, как не храм, поддерживало нас в изгнании? Где в другом месте мы чувствуем себя на духовной родине, испытываем чувство ребенка, прижимающегося к груди своей матери. Где прекращаются наши раздоры и утихает сердце?

В храме человек находит Царство Божье: оно заключено в его стенах, но должно бы распространиться на весь мир Божий, обнять всю нашу жизнь. Вся она должна бы быть сплошным богослужением, исполнением литургической молитвы: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа, Троицу единосущную и нераздельную».

Но от храма к жизни не совершился еще переход. И переступив обратно его порог, человек куда-то глубоко прячет испытанное переживание. Между христианином, который только что на коленях творил горячую молитву, сердце которого трепетало раскаянием, умилением и любовью, — и грубым язычником в повседневной жизни, каким становится тот же человек, выходя из храма, — казалось бы нет ничего общего. Но не вовсе бесследно проходит совместная молитва и не бездейственно совершаемое в храме Таинство. Живое семя Божие таится, глубоко зарытое, где-то на самом дне души, но не утратившее своей растительной силы. Храмовое благочестие есть, конечно, лишь первая ступень. Настоящая церковная жизнь, объемлющая и сопровождающая человека во всех его отношениях семейных, общественных и государственных, есть пока лишь удел немногих.

Между тем задача истинного христианства, верных сынов Церкви — это распространить ее на все человеческие отношения, на весь мир. Это не есть теократия, ибо в понятии власти заключается, хотя бы и оправдываемое необходимостью принуждение, а Церковь есть совершенная свобода. В постановке этой задача — внешней теократии сказалось в свое время крушение средневекового папства.

Задачи христианства и Церкви по существу внутренние, а не внешние. В этом глубокое их различие с методами государственными и революционными.

В своих речах, посвященных памяти Достоевского, Владимир Соловьев указал на это различие, которое он считал существенным элементом жизнепонимания великого русского писателя. «Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело. Можно себе представить, что люди работают вместе над какой-нибудь великой задачей, и к ней сводят и ей подчиняют все свои частные деятельности, но если эта задача им навязана, если она для них есть нечто роковое и неотступное, если они соединены слепым инстинктом или внешним принуждением, то, хотя бы такое единство распространялось на все человечество, это не будет истинным всечеловечеством, а только огромным «муравейником».

Таков идеал социализма. Он «принимается независимо ни от какой внутренней работы самого человека, — он состоит только в некотором заранее определенном и извне принудительном экономическом и соци-

альном строе жизни; поэтому, все, что может человек сделать для достижения этого *внешнего* идеала, сводится к устранению внешних же *препятствий* к нему. Таким образом сам идеал является исключительно только в будущем, а в настоящем человек имеет дело только с тем, что противоречит этому идеалу, и вся его деятельность от несуществующего идеала обращается всецело на разрушение *существующего*, а так как это последнее держится людьми и обществом, то все это дело обращается в насилие над людьми и целым обществом. Незаметным образом общественный идеал подменяется противообщественной деятельностью. На вопрос: что делать, получается ясный и определенный ответ: убивать всех противников будущего идеального строя, т[о] е[сть] всех защитников настоящего».

Читая эти строки, можно подумать, что Соловьев, как будто, имел перед глазами эволюцию большевизма.

* * *

Мы видели, что Всероссийский Церковный Собор положил начало обновлению нашей церковной жизни. Важны те новые формы, которые он выработал, но еще важнее дух, который одушевлял членов этого Собрания и который был, как бы, предвестником общего религиозного подъема. Собор наметил вехи, установил программу, — осуществление ее впереди. Необходимо, прежде всего, заложить самую малую ячейку — приход, который должен лечь в основу церковной пирамиды. Не менее нужно завершение приходской жизни оживлением епархии, приближением епископа к своей пастве, установлением между ними живой непосредственной связи, как это было в древней Церкви, как это можно и теперь кое-где наблюдать на Востоке. Для этого требуется дробление существующих обширных епархий, умножение их числа. И всему этому двигателем и будителем должен быть периодически собирающийся Поместный собор. Конечно, это лишь внешние рамки. Они получают весь свой смысл, только изнутри, озарившись пламенем любви и веры.

Расцвет местной Церкви требует деятельного братского общения с другими поместными Церквями. Православный Восток давно застыл в своей неподвижности. Вселенская идея обросла национальными наслоениями. Отдельные Церкви замкнулись в своем одиночестве. Я приведу здесь отрывок из письма ко мне, одного весьма осведомленного наблюдателя жизни на Балканах, живо интересующегося церковными вопросами: «К глубокой нашей скорби, мы должны признать, что единства этого (т[о] е[сть] Православной церкви) нет вовсе, а есть «Православие Русское», «Православие Сербское», «Православие Греческое», «Православие Румынское», и «Православие Болгарское». Всюду Церковь Православная является «во-первых, проводником национальных стрем-

лений, оставляя совершенно на втором плане сторону высшую, духовную. Я твердо верю, что пока мы не объединим действительно в одну Вселенскую православную церковь все ныне врозь существующие национальные Православные церкви, — до тех пор православие будет слабо, а народы, ему подпадающие, станут легкой добычей всякой пропаганды, даже самой отвратительной, как например, ныне в России».

В приведенных словах много правды. Печальное положение церковной жизни на Балканах, религиозное равнодушие широких масс, связанных к обряду, скорее, как к национальному символу, находит себе объяснение в тяжелых условиях развития Поместных Церквей, в прошлые века под двойным гнетом — турок и, к сожалению, также порою не высоко стоявшего греческого духовенства. Но в той же Греческой церкви, под наслоением вековой пыли, сохранились источники живой и глубокой веры.

Дремлющие силы Православного Востока, к которому принадлежит и Россия, должны пробудиться, и с Востока должно раздаться слово жизни и любви. Лучшие русские люди всегда жили этой святой мечтой и мы не утратили ее ни в нашем унижении, ни в нашем изгнании. Она одушевляет наши сердца, когда мы думаем о возвращении в Россию.

В упомянутых выше речах о Достоевском, Соловьев писал: «Не смущаясь антихристианским характером всей нашей жизни и деятельности, не смущаясь безжизненностью и бездействием нашего христианства, Достоевский верил и проповедовал христианство живое и деятельное, Вселенскую церковь, всемирное православное дело. Он говорил не о том, только, что есть, а о том, что должно быть. Он говорил о вселенской Православной церкви не только, как о божественном учреждении, неизменно пребывающем, но и как о задаче всечеловеческого и всесветного соединения во имя Христова и в духе Христовом — в духе любви и милосердия, подвига и самопожертвования. Истинная Церковь, которую проповедовал Достоевский, есть всечеловеческая, прежде всего в том смысле, что в ней должно в конец исчезнуть разделение человечества на соперничающие и враждебные между собою племена и народы. Все они, не теряя своего национального характера, а лишь освобождаясь от своего национального эгоизма, могут и должны соединиться в одном общем деле всемирного возрождения. Поэтому Достоевский, говоря о России, не мог иметь в виду национального обособления. Напротив, все значение русского народа, он полагал в служении истинному христианству, в нем же нет ни эллина, ни иудея. Правда, он считал Россию избранным народом Божиим, но избранным не для соперничества с другими народами и не для господства и первенства над ними, а для свободного служения всем народам и для осуществления в братском союзе с ними истинного всечеловечества или Вселенской церкви».

«Достоевский никогда не идеализировал народ и не поклонялся ему, как кумиру. Он верил в Россию и предсказывал ей великое будущее, но главным задатком этого будущего была в его глазах именно слабость национального эгоизма и исключительности в русском народе. Две в нем черты были особенно дороги Достоевскому. Во-первых, необыкновенная способность усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций — черта, которая особенно выразилась в поэзии Пушкина. Вторая еще более важная черта, которую Достоевский указывал в русском народе, это — сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем, отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвига. Без этого нет истинной деятельности ни для отдельного лица, ни для целого народа. Как бы глубоко ни было падение человека или народа, какою бы скверною ни была наполнена его личная жизнь, он может из нее выйти и подняться, если хочет, т[о] е[сть] если признает свою дурную действительность только за дурное, только за факт, которого не должно быть, и не делает из этого дурного факта неизменный закон и принцип, не возводит своего греха в правду. Но если человек или народ не мирится со своей дурной действительностью, и осуждает ее как грех, это уже значит, что у него есть какое-нибудь представление, или идея, или, хотя бы, только предчувствие другой лучшей жизни, того, что должно быть. Вот почему Достоевский утверждал, что русский народ, несмотря на свой видимый звериный образ, в глубине души своей носит другой образ — образ Христов, и, когда придет время, покажет его в явь всем народам и привлечет их к Нему, и вместе с ними исполнит всечеловеческую задачу».

Х

Нынешнее положение наше ужасно, и, конечно, тому, кто приезжает из Совдепии на Запад, кажется, что он вырвался из ада в рай.

Но, по мере того, как глаз привыкает не встречать на каждом шагу призрака террора, он скоро начинает распознавать, что не все светло в этом раю, и что здесь нет недостатка в тени и тучах.

Пролиты потоки крови, а стало ли счастливее человечество, уменьшились ли причины и поводы к потрясениям, торжествуют ли великие начала, ради которых принесены жертвы?

Разве Европа не переживает жестокий социальный, экономический и международный кризис, и прежде всего моральный кризис? Где же новые живые люди, новые живые идеи? Не видны ли вместо них безмерная усталость и общее разочарование? — Мир внешний не при-

нес мира внутреннего. Пушки умолкли, а яд взаимной вражды не только не ослабел, но как будто все усиливается. К ненависти между бывшими врагами прибавилась острая социальная борьба за личное существование. Понижение нравственного уровня, падение честности, общее огрубение нравов — таковы повсеместно последствия войны. Эгоизм, как движущее начало жизни, — вот зло и опасность современной жизни на Западе, печальная реакция после эпохи высокого самоотвержения.

Конечно, не все так настроены, но те, кто иначе чувствуют и думают, — христианская Европа, христианское человечество, разъединены и обессилены своим разъединением. В то время как в целой половине Европы происходит неслыханное торжество зла и насилия, в то время как те же темные силы ведут свою подземную работу во всех европейских странах и умеют объединяться для осуществления своих стремлений, — христиане не находят общего языка, не хотят, или не умеют объединиться.

Враги христианства могут торжествовать победу. Они могут говорить о поражении христианского начала в мире, применяя к нам слова Апостола: «вера без дел мертва есть».

Между тем то, что мы видим в Советской России, у большевиков, есть лишь яркое выявление на практике тех начал, которые составляют предмет вождения их единомышленников на Западе.

Но большевизм не только законное порождение социализма. Последний, в свою очередь, является не менее законным, хотя и не всегда признанным ею детищем нынешней европейской цивилизации. Разве не приняла она за последнее столетие характер исключительной погони за материальными благами? Разве, в свою очередь, не это направление обострило классовую и социальную борьбу, соперничество наций и государств, милитаризм, — и в конечном счете грандиозную катастрофу минувшей войны. Ибо, как иначе могут назвать эту войну все народы, и есть ли между ними действительные, а не мнимые победители?

Какой непредубежденный человек скажет, что эта борьба, стоившая миллионы жизней, приведшая к полному разорению одних, к небывалому экономическому кризису всех остальных, — кто скажет, что эта война не является осуждением порядка вещей, ее фатально породившего и оказавшегося бессильным, как предотвратить ее, так и построить после ее окончания новую прочную базу для мира? Разве главную свою силу социализм не черпает в этом бессилии старого мира найти выход из глубоких международных и социальных противоречий?

В свое время Достоевский устами старца Зосимы ясно предусмотрел, куда приведут эти противоречия:

«Провозгласил мир свободу, в последнее время особенно, и что же видим в этой свободе ихней: одно лишь рабство и самоубийство. Ибо

мир говорит: имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. И что же выходит? — У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали... У бедных неутоление потребностей и зависть пока заглушаются пьянством. Но вскоре вместо вина упьются кровью, к тому их ведут. Спрашиваю я вас: свободен ли такой человек?»

Один из замечательных современных германских мыслителей, Эйкен, замечает, что одна из больших приманок социализма обусловливается жаждой единства, которую уже давно испытывает человечество. Социализм утверждает, что он нашел разрешение этой задачи, а большевики переложили это утверждение на практику, с неумолимой последовательностью. В этом отношении крах большевизма в России есть, в сущности, крах одного из основных начал идеологии социализма: веры в возможность осуществить полное единство насильственным путем.

И мир остается при своей прежней неудовлетворенной тоске по единству. Ни средневековая теократия, ни диктатура пролетариата не могли его осуществить. Единство авторитета и единство насилия могут лишь внешним образом спаивать людей. Реальное единство может быть только внутренним и свободным.

Это единство пророчески возвещали те лучшие русские писатели, которых мы уже упоминали. Они черпали свой идеал в последней молитве Спасителя перед крестными Его страданиями: «Да будут едино, как и Мы едино», и связывали его осуществление с религиозным назначением России.

Все мы христиане, объединенные почитанием заветов Христа, не можем в переживаемое нами время не вспомнить с особой силой этого Его завета, ибо мы видим, куда привело нас возникшее, вследствие его забвения, разделение.

Силы зла множатся и объединяются в мире. Враг силен нашим разъединением. Между тем если тоска по единству дает себя чувствовать во всем человечестве, то особенно сильна она должна быть в христианском мире. Мы видим участвовавшие за последнее время попытки представителей христианских вероисповеданий вступить во взаимное общение. В этих попытках мы черпаем веру, что движение это будет расти, и что его сторонники не дадут ему заглухнуть.

Начнем с малого и более легкого, с взаимного ознакомления в целях сближения. Пусть каждый из нас не столько помнит то, что его отделяет от другого, сколько пускай старается любящим сердцем постичь, что есть самого дорогою и ценного в веровании другого.

Иного пути к объединению нет и не может быть. Пусть нам русским поможет та черта, которую, как мы видели, особенно ценил Достоев-

ский — способность перевоплощаться в духовную суть всех наций, оставаясь самими же собою, сохраняя ту твердую опору, которую мы находим в нашей Матери-Церкви. Того же самого мы ждем от других по отношению к себе. Пусть наше внешнее унижение, пусть грехи, за которые мы терпим кару, не будут источником и поводом превозношения над нами наших более счастливых западных братьев. Пусть не забудут они, что христианская Истина и Любовь имеют другое мерило, и что порою сила совершается в немощи.

Нам не дано знать времена и сроки. Быть может еще много воды утечет и много слез прольется, пока христианский мир приблизится к вожделенному единству. Но пусть не смущает нас океан зла, предрассудков и предубеждений, стоящих на нашем пути. Когда совершится воля Божия, то не наши ничтожные усилия сотворят это, но для того, чтобы Бог пошел навстречу человеку, надо, чтобы и человек всем сердцем встал на Его сретение.

В беседе со мной по вопросу о соединении церквей, один из авторитетных представителей Ватикана выразился следующим образом: «Последняя война показала возможность таких величайших сдвигов в жизни человечества, что с Божьей помощью невозможное может стать возможным». Другой видный представитель богословской католической науки признавал, что дело соединения Церквей могут совершить не ученые богословы, а святые. Да даст их Господь Церкви!

И на самом деле, что дали тома ученых исследований по этому вопросу? Не способствовали ли они закреплению разделения, внушая каждой из сторон, что правда всецело на ее стороне, и что поэтому на другой стороне лежит вся вина за происшедшее разделение, и вся обязанность принести покаяние и присоединиться к Истине. Не мудрено, что вопрос с веками окаменел в своей неподвижности. Только сильное религиозное течение, деятельная любовь и общая пламенная молитва сдвинуть его с мертвой точки.

Несчастье России, в особенности постигший ее ужасный голод, как будто, пробудили мир к состраданию. Наши бедствия за последние годы и в результате их временное переселение миллионов русских беженцев по всему белому свету, могли бы поспособствовать делу сближения и взаимного ознакомления. Нас так мало знают и понимают на Западе! Те, кто проявляют снисходительный интерес к России, за немногими исключениями, смотрят на нас свысока, как старшие смотрят на младших, которым еще надо много и много учиться.

И в этом они правы. Велика темнота и отсталость нашего народа, и много бед и грехов наших этим и объясняемся. Но Западу не приходится кичиться перед нами. Опередив нас во внешней культуре, он в лихорадочной погоне за нею принял средство за цель и поработил себя этому исканию. Между тем русский человек, стоящий на пороге между

Западом и Востоком, усвоивший многие черты и того и другого, носит в своей душе оторванность от земного жилища, и гораздо больше тоскует о небесной родине. Эта его тоска дала не всегда понятный, или скорее не всегда доступный Западу, мистический уклад души и веры.

Теперь, когда погоня за внешней культурой привела Запад к разочарованию, не пора ли ему обратить более глубокое внимание на Восток и поискать в нищей, несчастной России то, чего ему не хватает?

* * *

Возвращаясь к вопросу о сближении между собою христианских исповеданий и, прежде всего, Православной и Католической церквей, нельзя не признать, что нынешние обстоятельства придают ему особенное актуальное значение.

Мы уже отметили участвовавшие за последнее время попытки представителей различных христианских исповеданий вступить во взаимное общение. Сюда относится съезд этих представителей в Женеве, летом 1920 года, на котором принимали участие представители и Православных церквей. Инициатива съезда принадлежала представителям Епископальной церкви в Америке. В Константинополе мне удалось ознакомиться с весьма замечательным посланием тамошней патриархии ко всем христианским Церквам. В нем содержится целая программа, имеющая целью взаимное ознакомление и сближение.

В июле 1920 года, в Ламбете, под председательством архиепископа Кентерберийского [Р. Дэвидсона] состоялось созываемое через каждые 10 лет собрание епископов Англиканской церкви. Вопрос о соединении Церквей составил предмет особого обсуждения, и епископы обратились к христианам всего мира с воззванием, в котором, между прочим, говорится следующее: «Мы признаем, что все, кто веруют? в Спасителя нашего Иисуса Христа и крещены во Имя Святой Троицы, принадлежат вместе с нами к Вселенской Церкви Христовой, которая есть Его Тело. Мы веруем, что Дух Святой торжественно и нарочито побуждает нас присоединиться в покаянии и молитве ко всем, кто скорбит о разделениях между христианами, и кто вдохновлен надеждою, что утвердится явное единство всей Церкви, мы признаем, что разрыв общения противен воле Божьей, и мы хотим открыто исповедовать нашу долю ответственности в этой вине, которая парализует тело Христа и препятствует действию Его духа».

«Эпоха, в которую мы живем, требует от нас новой точки зрения и новой линии поведения. Вера не может быть как следует сохранена и борьба за достижение Царствия Божия, не может вестись с успехом, если тело разделено, а потому не способно возрастать в полноту жизни Христа. Мы верим, что наступило время, когда все разъединенные христианские

общины должны прийти к соглашению, чтобы забыть все прошлое и стремиться к общей цели — единой примиренной католической Церкви».

«Мы полагаем, что для всех самый справедливый способ достичь объединения — это относиться со взаимным уважением к совести каждого. В этих видах, те, кто обращаются с настоящим призывом хотят заявить, что, если предстоятели других исповеданий выразят к тому желание, то они, со своей стороны, убеждены, что как скоро условия соединения будут ясно установлены по другим пунктам, епископы и клир нашего исповедания охотно согласились бы принять от этих церковных властей определение, или формальное признание, которое указало бы их общине, что наше служение имеет свое место в семейной жизни... Поступая таким образом никто из нас не может быть обвинен в том, что отрекается от своего прежнего служения. Мы будем, наоборот, добиваться открыто и формально дополнительного признания нового призвания, которое призовет нас к более расширенному служению в объединенной Церкви, и будем молить, чтобы милость Божья дала нам силы для его выполнения»^I.

Автор французской книги о соединении Церквей, у которого я заимствую это замечательное воззвание, аббат Кальве, делает вывод, что англиканские епископы, как будто, склонны признать возможность дополнительного посвящения для англиканского духовенства. Как известно, вопрос о преемственности рукоположения был одним из камней преткновения в переговорах о соединении Церквей между англиканами и католиками. Если бы в глазах католиков пало это препятствие, то для Англиканской церкви осталось бы другое препятствие к соединению с католиками, сближающее их, однако, с нами, православными. Так же, как и мы, они не могут признать догмата «безошибочности папы»^{II}.

Православная церковь, свято хранящая начало соборности, с первых веков нашей эры, никогда не согласится на умаление его в пользу единоличного авторитета папы, хотя первенство в чести Римского первоиерарха не подвергается сомнению, и за ним могли бы быть признаны некоторые prerogatives дисциплинарного характера. Во всяком случае, соединение Церквей, конечно, не умалило бы, а возрастало бы реальное влияние папы в мире, хотя бы католикам и пришлось пересмотреть акты Ватиканского собора.

Обстоятельства сложились так, что все, казалось бы, указывает на необходимость пересмотра отношений между Православной и Като-

^I К сожалению я не имею под рукою подлинного обращения, и привожу из него выдержку из французского перевода: *Abbé J. Calvet. Le problème catholique de l'Union des Eglises. Paris, De Gigord, 1921.*

^{II} Я принимаю этот перевод термина *infallibilitas*, предложенный покойным о. протоиереем А. П. Мальцевым, вместо не точно передающего русского слова «непогрешимость», вошедшего у нас в употребление.

лической церквами, и расчищает путь к сближению между ними. К сожалению, до сих пор сторонники соединения Церквей, как православные, так и католики, всегда стояли на почве не соединения, а *присоединения* другой стороны к себе. Понятно, что вопрос оставался на той же мертвой точке. Нет сомнения, что в коренных основах веры компромиссы не возможны, но существующая трудности гораздо более церковного, чем вероучительного, догматического характера.

Конечно, и здесь разногласие крайне существенно. Через папскую «безошибочность» перешагнуть невозможно, в этом католики должны отдать себе отчет. Это одинаково отделяет их от нас, как и от других христианских исповеданий. В самой католической среде сомнения заглушаются только навыком покорности, но время точит камень. Рано или поздно католикам придется сбросить этот балласт и отказаться от фиктивного единоличного внешнего авторитета, во имя укрепления внутреннего, духовного, свободно признаваемого авторитета Церкви в ее целокупности. Тогда наступит вожделенный день соединения.

В упомянутой выше французской брошюре о соединении Церквей мы все еще видим прежний скрытый мотив присоединения, но мы рады отметить хотя и робкий шаг в одном направлении. Автор признает, что пропаганда, имеющая целью индивидуальные обращения, едва ли служит делу соединения Церквей. Оставаясь на почве полного уважения к свободе личной совести и, следовательно, возможности перехода из одного исповедания в другое, мы убеждены, однако, что деятельность пропаганды должна сосредоточиваться на обращении нехристиан. Зазывание в свою лавочку христиан других исповеданий, обычно отзывается скорее профессиональным интересом, чем апостольским рвением, и не сближает, а усиливает взаимные предубеждения между исповеданиями. Нам, православным, особенно претят приемы униатства, чуждые откровенности и рассчитанные именно на заманивание, а не на свободно и сознательно совершаемый переход в католичество. Это какое-то своеобразное «отделение для некурящих», которое шокирует совесть.

Во всяком случае, надо выбрать одну из целей: сближение в дух любви и взаимного уважения, с конечной целью соединения Церквей, или индивидуальные и групповые обращения «еретиков». Вместе они не уживаются. Мы переживаем слишком серьезное время, чтобы уклоняться от постановки вопросов по существу.

И православие, и католичество были скованы многими историческими путями, которые создали для каждого из них свое отдельное русло, и воздвигли между ними толстую стену интересов, предрассудков, самолюбия и гордости, но земная человеческая основа подверглась и здесь и там неумолимому разрушению. Государственная мирская ос-

нова папства рухнула безвозвратно. Только что рухнуло и мощное здание Русской империи, «Третьего Рима», которое представлялось несокрушимым оплотом православия.

Ни Католическая, ни Православная церковь не увлечены, однако, в падении этих внешних опор. Наоборот, испытания и несчастья возвращают каждую из них к ее чистой духовной сущности.

Святая Русь была передовым оплотом Восточного православия. Где же она теперь! Какой позор и унижение терпят ее святыни! И где же народ, который попустил совершиться такому греху? Не терпим ли мы наказание, За недостаток рвения нашего к пересозданию внешнего мира, к улучшению нравственного и материального быта «малых сих»? Чем заполнена была пропасть между вершиной молитвенного созерцания и болотом, в котором продолжала копошиться жизнь миллионов, предоставленных самим себе? Не пострадали ли мы и от гордости, успокоившись на сознании, что обладаем полнотою истины, хранимой нами в нерушимой чистоте?

Мы готовы отдать должное христианскому Западу, в деле созидания и стремления претворить христианские начала в жизни. Но, отдавшись этому делу, не погрешил ли он в обратную сторону? Забота о практических результатах не затемнила ли самый источник, ее движущий? Удалось ли Западу христианизировать мир, или наоборот, в этой повседневной работе, христианское начало незаметно материализировалось, и в силу этого утратило в значительной степени свою действенность. Разве современная цивилизация отражает на себе христианские начала? Где они? Слышен ли голос Церкви, не скован ли христианский мир параличом?

Если в этом очерке я не закрывал глаза на наши грехи и недостатки, то да не подумает читатель, что я не вижу их, и быть может гораздо больше, на христианском Западе. Кто, однако, поставил нас судьями над нашими разъединенными братьями? Предоставим эти грехи их совести. Об этом ли памятовать нам, когда мы стремимся к объединению, или о словах молитвы, произносимой в Православной церкви перед приобщением Св. Тайне: «Еще верую, яко Ты еси Христос. Сын Бога Живого, пришедший в мир грешный спасти, от них же первый есмь аз»?

Думая о Православной и Католической церквях, невольно вспоминаешь образ двух евангельских сестер, Марии и Марфы. Каждая из них нужна, и дополняет дело одна другой. Их обеих вместе посетил Господь, воскресивший их брата Лазаря. И может быть только общие их молитвы помогут и ныне умолить Господа воскресить религиозную жизнь в человеческом мире, про который можно сказать словами Марфы: «Господи уже смердит: четверодневен бо есть».

В любопытных диалогах «На пиру богов», (София 1921), один из самых искренних наших церковных деятелей отец С. Н. Булгаков затраги-

вает, в свете всего совершившегося, и вопрос о соединении Церквей. Об этом говорит у него «беженец»: «православие со времен Константина имело всемирно-историческое задание: установить православную теократию — единую, как едина и церковь. Вот куда метила идея Второго (Византии) и Третьего Рима (Москвы). К тому же стала стремиться и папская власть своей волей к миродержавству. На этой почве произошел и великий раскол церковный. На путях теократии встретились соперниками первосвященник-царь и царь-первосвященник. Здесь вовсе не о честолюбиях пап и не о замашке цезаропапизма идет речь, но о плане строительства Града Божья. Неумолимая история одинаково поставила крест и на западных и на восточных замыслах; крушение западной иерократии произошло уже давно, восточной же, совершилось только теперь. Великий спор Востока и Запада ныне исчерпан и упразднен. В 1917 году окончилась Константиновская эпоха в истории церкви и началась следующая, имеющая аналогию в эпохе гонений и катакомбном периоде Церкви... Вот почему теперь с какой то новой свежестью и пленительностью встает перед нами старый вопрос о соединении церквей, к которому зовет и нудит нас грозный исторический час, надвигающийся для всего христианства».

«Надвигается общий враг на все христианство, перед лицом которого православие и католичество уже нечего становится делить. Догматические различия никогда здесь не имели решающего значения, они могут и должны быть сглажены при искреннем и любовном желании понять друг друга. В сущности, и католичество становится уже не то, как и православие. Нечто происходит здесь, видимое пока немногим единицам: рождается новое ощущение Вселенской церкви. Если это чувство расширится и углубится, то потеряют, сами собою, силу все бесконечные пререкания, целые библиотеки, по этому поводу написанные. Все обессилеет перед стихийным влечением к единению во Христе».

Остаются пережитки, которые продолжают служить помехами делу братского объединения.

Пережитком притязаний Католической церкви является догмат о «безошибочности папы».

Мы уже видели, что разногласие в этом вопросе, к сожалению, крайне существенно; оно представляется главной преградой на пути сближения, но последнее должно начаться не с пересмотра разногласий, а с укрепления внутреннего единства, которое продолжает пребывать между нами во храме, несмотря на все, что внешним образом разделяет нас и каковы бы ни были личные мнения по этому вопросу отдельных членов Церкви.

«И сколько же было идей на земле в истории человеческой», учил старец Зосима, «которые даже за десять лет немыслимы были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их и проно-

сились по всей земле. И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что затрет он дело ваше и не даст ему совершиться, не говорите: силен грех, сильно несчастье, сильна среда скверная, и мы одиноки и бессильны. Одно тут спасение: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься и на Бога возропщешь».

Прошлой Святой Руси ушло глубокими своими корнями в Церковь. К ней возвращает нас и настоящее наше безвременье. И у Запада нет другого выхода из противоречий, в коих он запутался, из эгоизма, который приводит к саморазрушению, — как возврат к чистому источнику веры.

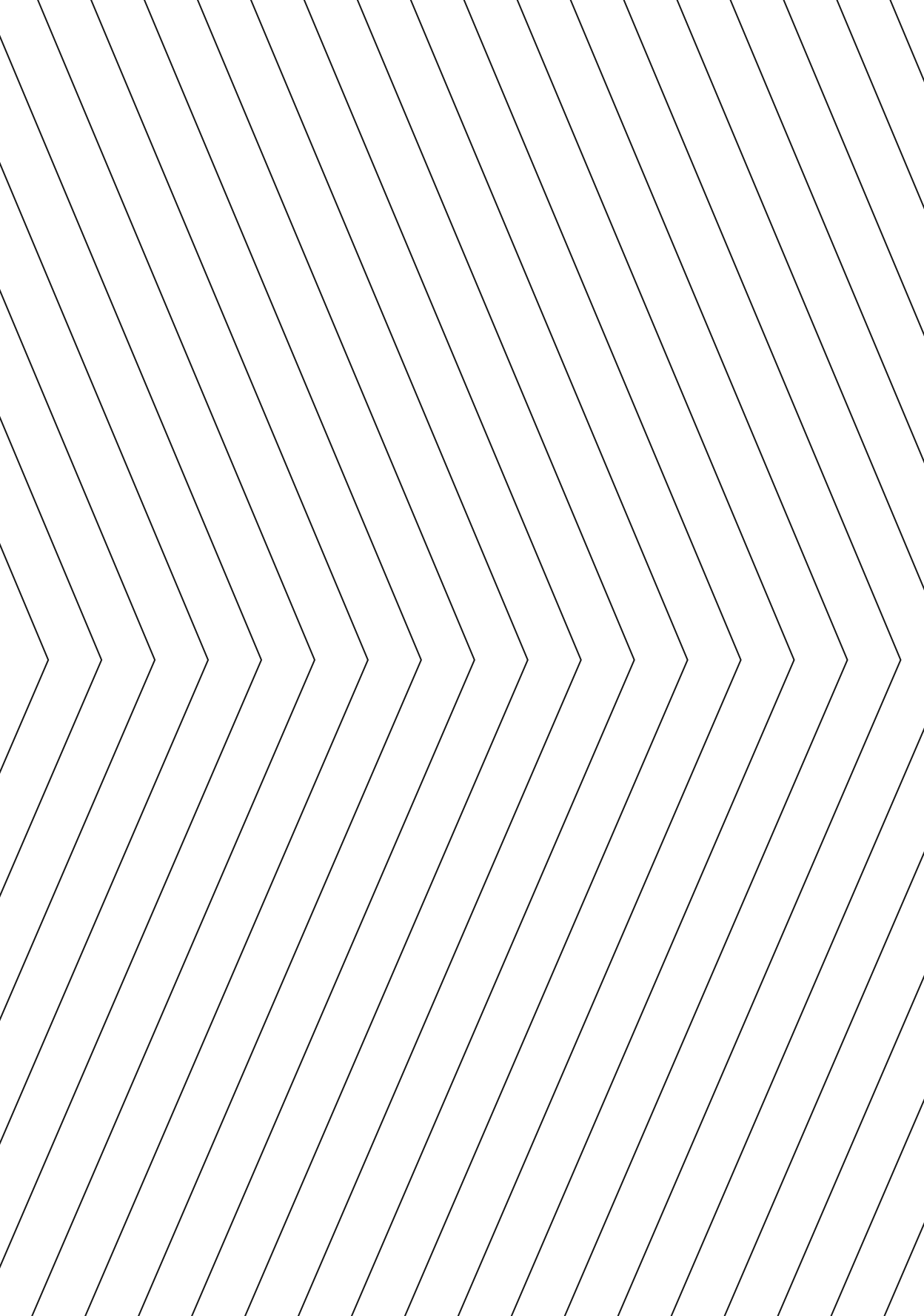
Мы видим, что никакими санитарными и кордонными мерами Запад не может уберечься от заражения большевизмом и, при всем своем желании, не может отгородиться от России. Если так сильно влияние зла, то неужели не сильнее должно быть влияние добра? — Уже и теперь Достоевский считается одним из вдохновителей нового поколения на Запад, особенно в Германии. Осуществление его заветов в России было бы силой, которая неухватимо повлияет на Запад.

Возвращение к Церкви есть возвращение к ее Основателю, к тому, кто сказал: «И будет едино стадо и един Пастырь». Этот Пастырь не патриарх и не папа, а Христос. Он есть мерило истины, и того, какого духа держатся те или другие исповедания. «Вероисповедные перегородки не доходят до неба», сказал один из наших иерархов.

Наше поколение окажется, вероятно, недостойным увидеть обетованную землю. Но и мы должны неустанно работать, подготавливая наступление этого дня. Ведь он будет нашим общим праздником, ибо Церковь объемлет живых и умерших.

Тот день, когда осуществится соединение Церквей, когда в общем порыве Восток и Запад протянут друг другу руки, поделятся сокровищами своей благодатной жизни, пополняя и исправляя взаимно односторонности своего исторического развития, тот день, когда глубина мистического созерцания Востока соединится с живым началом строительства Божья на земле религиозного Запада, — этот день будет началом величайшей эры в жизни Церкви и человечества. Кто доживет до этого дня, тот может со спокойной совестью сказать: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром».

И этот день наступит, такова пламенная вера и молитва всех членов единой Христовой церкви на Востоке и на Западе. Этот день будет радостным, как Светлый день Пасхи, когда на наш восточный возглас: «Христос Воскресе!» мы услышим с Запада ответ «Воистину Воскресе!».

Примечания

- 1 Книга выдержала большое количество публикаций, например: *Достоевский Ф. М. Дневник писателя*. М., 1989. Электронную версию см. URL: http://rulibrary.ru/dostoevskiy/dnevnik_pisatelya/1 (дата обращения: 13.03.2018).
- 2 *Трубецкой Е. Н. Из прошлого*. М., 1917. Электронную версию см. URL: http://dugward.ru/library/trubetskoy/trubetskoy_iz_proshlogo.html (дата обращения: 13.03.2018).
- 3 Автор ошибается: князь Петр Иванович Трубецкой скончался 22 мая 1871 г.
- 4 Имеется в виду графиня Эмилия Петровна Витгенштейн (1801–1869). Современники вспоминали ее как женщину властную и суровую. Так известный общественный деятель Б. Н. Чичерин писал: «Эмилия славилась своим сильным характером. Она всю семью держала в руках; но в свет не ездила и у себя не принимала» (Чичерин Б. Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы 1826–1856. М., 1990. С. 254). А упоминавшийся автором писатель Н. С. Лесков, лично знавший чету Трубецких, описывал ее следующим образом: «Супруга князя Петра Ивановича Трубецкого, урожденная Витгенштейн, была сама очень грозного характера, любила властвовать без раздела. Ее гневность и силу знали не только в городе Орле, но и на почтовых станциях, где ее боялись все ямщики. Необыкновенное воспитание этой знатной дамы составляло для всех неразделимую загадку...» (Лесков Н. С. Умершее сословие. СПб., 1903. С. 119–131).
- 5 У П. И. Трубецкого было четверо сыновей: Петр (1822–1892), Иван (1825–1887), Николай (1828–1900) — отец автора — и Александр (1830–1872).
- 6 Пажеский корпус являлся привилегированным военно-учебным заведением, куда принимались дети и внуки лиц первых трех классов (то есть не младше генерал-лейтенанта и тайного советника) или же представители фамилий, занесенных в 5-ю и 6-ю части родословных книг (титулованное и древнее столбовое дворянство). Трубецкие удовлетворяли обоим требованиям.
- 7 На самом деле, в браке у Петра Петровича и Варвары Юрьевны Трубецких родилось не две, а три дочери: Татьяна (1848–?), Елена (1849–1934) и Мария (1863–1933). Елена вышла замуж за маркиза Поля де Гонтэ-Бирона (Gontaut-Biron; 1845–1873), Мария — за князя Александра Александровича Прозоровского-Голицына (1853–1914).

- 8 Князь П. П. Трубецкой приобрел поместье (ок. 90 тысяч м²) в Гиффе (Карьяго) с видом на озеро Лаго Маджоре, где был возведен роскошный дом, названный князем в честь жены Виллой Ада.
- 9 Памятник императору Александру III работы Паоло Трубецкого был установлен на Знаменской площади у Николаевского вокзала в мае 1909 г.; в 1937 г. он был демонтирован и убран в запасники Русского музея. В 1953 г. памятник перенесен во внутренний двор Русского музея, а в 1994 г. установлен перед входом в Мраморный дворец (Санкт-Петербург).
- 10 Имеется в виду памятник Данте Алигьери работы Паоло Трубецкого, установленный в 1919 г. в Сан-Франциско (США).
- 11 Скорее всего, имеется в виду Николай Тимофеевич Аксаков, который занимал пост Симбирского губернского предводителя дворянства в 1847–1859 гг.
- 12 Вдовый дом был открыт в Москве в 1803 г., в нем содержались вдовы военных и гражданских чинов, получавшие пенсию (всего — 600 человек). Для него по проекту архитектора И. Жиллярди было возведено особое здание на Кудринской улице (ныне Баррикадная улица, д. 2/1).
- 13 У князя Ивана Петровича Трубецкого были пять сыновей: Петр (1856–1859); Николай (1858–1875); Сергей (1859–1885); Иван (1861–1884), Алексей (1867–1906), а также дочь Елизавета (1855–1859).
- 14 Автор ошибается: князь А. П. Трубецкой был женат на Надежде Михайловне Веселовской.
- 15 На самом деле, у князя А. П. Трубецкого были сын (Сергей) и не две, а три дочери: Эмилия (1857–1878), Мария в замужестве фон дер Лауниц (1863–1922) и Вера в замужестве Гудим-Левкович (1865–?).
- 16 А. А. Хвостов лишился слуха и частично зрения в результате покушения, когда 1 января 1906 г. в него, тогда Черниговского губернатора, боевики из Боевой организации партии эсеров бросили бомбу. Взрыв дачи П. А. Столыпина на Аптекарском острове произошел позже, в августе того же года.
- 17 Имеется в виду старший сын Хвостовых Алексей (1893–1960), который служил в Белой армии, в ОСВАГе, затем жил в эмиграции в Югославии. В 1945 г. он был захвачен органами контрразведки СМЕРШ, вывезен в СССР и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. После освобождения уехал во Францию. Их младший сын — Сергей (1896–1920) — был расстрелян в Ялте большевиками.
- 18 Движение протестантского христианства, близкого к баптизму, его приверженцы именуются евангельскими христианами, а по названию основателя секты в России — В. А. Пашкова (1831–1902) — пашковцами.
- 19 Имеется в виду сын Александра Александровича Пушкина (старшего сына поэта) Сергей (1874–1898). По официальной версии он сватался к ней, но родители не дали согласия на брак и 21 августа 1898 г. он застрелился. По воспоминаниям, уже будучи замужем за Святополк-Мирским, Мария Александровна с детьми посещала его могилу. См.: Русаков В. М. Рассказы о потомках А. С. Пушкина. Л., 1992. С. 164–166.

- 20 Эмилия скончалась в 1917 г., скорее всего, не от сыпного тифа, поскольку эпидемии начались несколько позже. Мария Святополк-Мирская была убита большевиками в Кишиневе в январе 1920 г., а Александр Карлович Бельгард скончался в ноябре 1921 г. в Берлине и также не от сыпного тифа.
- 21 Принадлежавший князьям Трубецким в 1808–1882 гг. дом существует и сегодня, он расположен по адресу Большой Знаменский переулок, дом 8 и находится в ведении Министерства обороны РФ.
- 22 На самом деле дом был куплен в 1882 г. его отцом — купцом И. В. Шукиным, который в 1886 г. подарил его своему сыну.
- 23 По завещанию П. А. Муханова оставила по 50 тысяч рублей Мариинской больнице, Московской духовной академии и Московской духовной семинарии, по 20 тысяч — Московской глазной больнице, православной общине «Утоли моя печали», Братолюбивому обществу, женскому Филаретовскому училищу и Обществу распространения книг духовного содержания.
- 24 Имеется в виду замок и отель д'Уши (*Château d'Ouchy*) в Лозанне на берегу Женевского озера.
- 25 Светлейший князь Л. П. Витгенштейн в 1848 г. приобрел в Пруссии развалины родового замка Сайн, вложив большие средства (он был наследником колоссальных земельных владений Радзивиллов), отстроил новый замок, а в 1861 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм IV даровал ему титул владетельного князя Сайн-Витгенштейн-Сайн (*Sayn-Wittgenstein-Sayn*).
- 26 Козьма (не Кузьма) Петрович Прутков — коллективный литературный псевдоним поэтов А. К. Толстого, братьев Алексея, Александра и Владимира Михайловичей Жемчужниковых.
- 27 Имение Меньшово находится на берегах реки Рожай недалеко от Подольска. В настоящее время входит в состав сельского поселения Лаговское Подольского района Московской области. В семью Лопухиных Меньшово принесла княжна Варвара Александровна Оболенская (1819–1873), вышедшая замуж за Алексея Александровича Лопухина (1813–1872). Их дочь Софья — вторая жена князя Н. П. Трубецкого и мать автора.
- 28 На самом деле А. А. Лопухин окончил Школу гвардейских подпрапорщиков и начал службу в 1858 г. юнкером 1-го класса.
- 29 История была не совсем ясная и существуют другие ее версии. Более реалистичной представляется версия, что с Ольгой Федоровной Добровольской А. А. Лопухин сошелся уже в Варшаве, куда был назначен председателем окружного суда. Поскольку от жены разрешения на расторжение брака он не получил, Лопухин и Добровольская обвенчались во время поездки в Болгарию. Узнав об этом императора отправил Лопухина в отставку. В противном случае предполагается, что Лопухин был назначен председателем суда уже будучи двоеженцем, что крайне сомнительно.
- 30 Княжна Ольга Ивановна Оболенская (1891–1984) в 1912 г. вышла замуж за князя Петра Александровича Оболенского. В 1924 г. они развелись. В июне 1924 г. она была арестована, 1 августа приговорена к 3 годам концлагеря и отправлена в Соловецкий лагерь

особого назначения. Заболела там тяжелой формой туберкулеза, по ходатайству ПКК освобождена с ограничением проживания на 3 года. В 1929 г. она вышла замуж за Николая Николаевича Звегинцова (1894–1941); он погиб в лагерях. В 1942 г. Ольга бежала за границу и в 1948 г. эмигрировала в США.

- 31 А. А. Лопухин был назначен Эстляндским губернатором 4 марта 1905 г., а смещен уже 8 ноября за попустительство революционному движению.
- 32 Государственная дума 1-го созыва была распущена 9 июля 1906 г., после 72 дней работы, поскольку депутаты «вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от Нас местных властей, к указаниям Нам на несовершенства Законов Основных, изменения которых могут быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение от лица Думы к населению» (из Манифеста императора Николая II).
- 33 Интересующихся деталями истории выдачи Лопухиным Азефа отсылаем к книге В. Шубинского «Азеф» (М.: Молодая гвардия, 2016); автором подробно рассмотрены мотивы действий Лопухина, его связи с масонами через брата его жены князя Урусова, а также история с похищением Варвары Лопухиной.
- 34 1 мая 1909 г. А. А. Лопухин был приговорен к 5 годам каторжных работ (затем замененных ссылкой в Минусинск) с лишением всех прав состояния. В 1911 г. ему разрешено переехать в Красноярск, а 4 декабря 1912 г. он был помилован и восстановлен в правах. Позже занимал пост вице-директора Сибирского торгового банка.
- 35 В книге Б. П. Краевского «Лопухины в истории Отечества» (М.: Центрполиграф, 2001) указано, что Лопухин «В 1923 выпустил книгу “Отрывки из воспоминаний”. Затем, получив разрешение советского правительства, выехал во Францию» (с. 610) и «...эта книжка оказалась последним, что он сделал на Родине. Вскоре после ее выхода он обратился к властям за разрешением выехать за границу. Времена были еще либеральные, и разрешение было дано. Лопухины — он сам, его жена и две дочери — уехали во Францию. Через пять лет, в начале 1928 года Алексей Александрович Лопухин скончался в Париже» (с. 465).
- 36 Скорее всего, в данном случае имеется в виду апостол Варнава (франц. и англ. *Barnabas*) — основатель Кипрской церкви, один из мужей апостольских, который был одним из первых левитов (евреев из колена Левия), принявших христианство.
- 37 На момент поступления Д. А. Лопухина в полк он именовался 44-м драгунским Нижегородским Его Величества короля Вюртембергского полком. Позже полк несколько раз менял названия и именовался: с 1891 г. — 44-м драгунским Нижегородским полком, с 1892 г. — 44-м драгунским Нижегородским Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича полком, с 1894 г. — 44-м драгунским Нижегородским Его Величества полком, и, наконец, с 1907 г. — 17-м драгунским Нижегородским Его Величества полком.
- 38 Во время Русско-японской войны Д. А. Лопухин с 28 марта 1904 по 18 июня 1905 г. занимал пост старшего адъютанта штаба находившейся на Дальнем Востоке Кавказской

конной бригады, которой командовал генерал-майор князь Г. И. Орбелиани. После войны Лопухин 18 июня 1905 г. возглавил штаб (в качестве штаб-офицера при управлении) Приамурской сводной казачьей бригады, а затем — 11 марта 1907 г. — 36-й пехотной дивизии. 20 апреля 1911 г. Лопухин был назначен командиром 9-го уланского Бугского, а 4 февраля 1914-го — лейб-гвардии Конно-гренадерского полка.

39 Корнет Г. Д. Лопухин погиб 6 августа 1914 г. в бою в деревне Каушен в Восточной Пруссии.

40 Генерал-майор Д. А. Лопухин был смертельно ранен 20 ноября 1914 г. в бою у Белхатова и скончался 23 ноября в госпитале в Варшаве.

41 В. А. Лопухин был первым браком женат на Нине Исидоровне (1868–1929), дочери управляющего Днестровской линией Русского общества пароходства и торговли Израиля Юделевича Гессена.

42 По службе у В. А. Лопухина все шло в целом нормально и с поста Тульского губернатора он был 6 декабря 1915 г. назначен членом Совета министра внутренних дел, что было формально повышением, однако фактически означало конец карьеры. После Февральской революции он был немедленно уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией.

43 Вторично В. А. Лопухин женился 6 июля 1920 г. на Надежде (1887–1927), дочери купца 1-й гильдии Николая Петровича Бахрушина (1854–1927) и его жены Любови Сергеевны, урожденной Перловой (1864–1912).

44 В большинстве источников указывается, что Вера Ивановна была урожденная не Бутурлина, а Протасьева (Протасова).

45 С. А. Лопухин был унтер-офицером (офицерский чин получил позднее), чем и объясняется то, что он был награжден не орденом Святого Георгия, а Знаком военного ордена («солдатским Георгием»). Его имя значится в списке нижних чинов полка, получивших Георгиевские кресты за войну 1877–1878 гг. в кратком очерке истории полка, написанном поручиком П. П. Голодолинским.

46 Имеется в виду небольшое (26 десятин) имение Хилково в Крапивенском уезде Тульской губернии на левом берегу р. Уперта. В 1915 г. имелось 25 дворов, в которых в селе проживало 278 человек. Ныне села не существует.

47 Граф Ф. Л. Соллогуб был женат на фрейлине баронессе Наталье Михайловне Боде-Колычевой (1851–1915), от которой имел двух дочерей: Елену (1874 года рождения) и Веру (1875 года рождения), в замужестве Левшину.

48 Постановка комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» впервые была осуществлена обитателям «Ясной поляны», при активном участии самого писателя, который почти ежедневно вносил правки в рукопись. Спектакль состоялся 30 декабря 1889 г.

49 «Союз 17 октября» (его члены именовались октябристами) был одной из крупнейших в России партий в 1905–1917 гг. Союз являлся право-либеральным и умеренно-монархическим, и представлял, прежде всего, интересы землевладельцев и предпринимателей, а также чиновничества. Свое название получил от Манифеста 17 октября 1905 г. Создан в октябре 1905 — феврале 1906 г. Лидером Союза являлся А. И. Гучков.

- 50 Право-либеральная центристская Партия мирного обновления была создана в июле 1906 г. графом П. А. Гейденом, Д. Н. Шиповым, М. А. Стаховичем, Н. Н. Львовым, князем Е. Н. Трубецким и др. и стала позже одной из основ думской фракции прогрессистов. Партия за конституционную монархию, стандартные либеральные права и свободы личности, за ограничение крупного землевладения и наделение земель малоземельного и безземельного крестьянства.
- 51 Общественно-политический журнал «Московский еженедельник» издавался братом автора воспоминаний князем Е. Н. Трубецким в 1906–1910 гг. на деньги известной меценатки М. К. Морозовой. В каждом номере выходила статья Е. Н. Трубецкого, кроме него также в журнале достаточно часто публиковались князь Г. Н. Трубецкой (автор воспоминаний), С. Н. Булгаков, А. Ф. Фортунатов, М. Н. Гернет, П. Б. Струве и др.
- 52 Собственно, Особое совещание при главкоме и выполняло функции правительства при генерале М. В. Алексееве, а затем при генерале А. И. Деникине. Было создано 31 августа 1918 г. как высший орган гражданского управления на территориях, подконтрольных войскам Добровольческой армии (позже ВСЮР). 15 февраля 1919 г. было утверждено Положение об Особом совещании, которое стало выполнять объединенные функции Совета министров и Государственного совета. 30 декабря 1919 г. Особое совещание было преобразовано в правительство при Главкоме ВСЮР. Маслов в Особом совещании возглавлял Управление продовольствия.
- 53 С. А. Лопухин скончался 18 февраля 1911 г.
- 54 М. А. Лопухина, двоюродная бабка автора, скончалась когда ему было около 4 лет, поэтому помнить ее он практически не мог.
- 55 Автор ошибается, матерью А. С. Озерова была не Екатерина, а Наталья Андреевна Озерова, урожденная княжна Оболенская (1812–1902).
- 56 На самом деле граф А. П. Капнист был избран предводителем дворянства Мглинского уезда Черниговской губернии.
- 57 Автор не совсем точен. После возвращения на службу граф А. П. Капнист 25 января 1916 г. был назначен офицером для поручений и и. д. помощника начальника Морского штаба Верховного главнокомандующего. В июле 1916 г. Капнист был назначен начальником Управления Беломоро-Балтийским районом с правами командующего неотдельной армией. 27 июля 1917 г. — и. о. начальника Морского генштаба, с 8 сентября 1-й помощник морского министра.
- 58 Князь Н. П. Трубецкой был выпущен из камер-пажей 14 августа 1847 г. коллежским секретарем и воспитывался дома. 24 мая 1849 г. он был определен на службу в прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка, из которого уволен капитаном в 1856 г. См.: Фрейман О. Р. Пажи за 185 лет: Биографии и портреты бывших пажей с 1711 по 1896 г. Фридрихсгамн, 1894–1897. С. 422.
- 59 Имеется в виду медаль «За усмирение Венгрии и Трансильвании», 1849 г. В то же время надо отметить, что эта медаль в бронзе не выдавалась, а была серебряной. Либо же, имеется в виду памятная настольная медаль (серебро и бронза), которая, впрочем, выдавалась лишь генералам и старшим штаб-офицерам.

- 60 Князь Н. П. Трубецкой состоял адъютантом командующего запасными частями Гвардейского корпуса (наименование должности неоднократно менялось: командующий запасными батальонами, инспектор запасных гвардейских, резервных и запасных гренадерских батальонов, командующий гвардейским резервным пехотным корпусом и др.). А. И. Барятинский был переведен на Кавказ 22 июля 1856 г., именно тогда Трубецкой и оставил военную службу.
- 61 Имеется в виду Русское музыкальное общество (с 1868 г. — Императорское), открытое в 1859 г.
- 62 Князь П. Н. Трубецкой был назначен Калужским вице-губернатором 5 ноября 1876 г.
- 63 Имеется в виду миссионерское братство Калужской епархии, носившее название Братство Святого Апостола Иоанна Богослова. Открытие братства состоялось 25 февраля 1879 г. Согласно Устава, оно ставило перед собой задачи: «а) разъяснение истин веры и правил благочестия; б) заботливость об искоренении предрассудков, суеверий и маловерия; в) возвращение на путь истинной православной церкви заблудших и уклонившихся от нее наших ближних, главным образом, так называемых старообрядцев; г) оказание христианской благотворительности, благоустройство и устройство церковно-приходских школ». В первый состав Совета братства вошли ректор семинарии архимандрит Мисаил (председатель), член Калужского окружного суда В. И. Станкевич и инспектор семинарии Д. Е. Лужецкий (товарищи председателя), кафедральный протоиерей А. М. Колыбелин, вдова полковника С. А. Загряжская, княгиня С. А. Трубецкая (мать автора воспоминаний), протоиерей калужской Предтеченской церкви И. Д. Любимов, Калужский уездный предводитель дворянства Н. С. Яновский, преподаватель семинарии И. И. Никольский, супруга товарища прокурора Калужского окружного суда В. В. Сперанская, управляющий Калужской контрольной палатой Ф. Н. Щеглов и дочь статского советника Е. С. Унковская.
- 64 Имеется в виду гравюра с картины Н. Е. Сверчкова «Николай I в санях» (1895).
- 65 Мыло с добавлением эфирного масла из опопонакса, имеющего сладковато-древесный аромат с насыщенными пряными и бальзамными нюансами. Масло широко использовалось в парфюмерии и стоило довольно дорого. В данном случае, скорее всего, имеется в виду мыло, выпускавшееся фирмой Брокера.
- 66 Дом Кологривовых (усадьба купца Золотарева) — памятник русского классицизма, сегодня — одна из главных достопримечательностей Калуги. Построен в начале XIX в. От Золотарева дом перешел по наследству к купцам Черновым, в конце XIX в. он был куплен нотариусом Александром Ивановичем Кологривовым. До 1919 г. в здании располагалась нотариальная контора, а с 1922 г. и поныне — Калужский областной краеведческий музей (улица Пушкина, д. 14).
- 67 Герой походов в Среднюю Азию генерал М. Г. Черняев, издававший в Санкт-Петербурге журнал «Русский мир», в 1876 г. недолго занимал пост главнокомандующего сербской армией, поднявшейся против Османской империи. Хотя под давлением русской дипломатии Черняев и был вынужден вскоре покинуть Сербию, его имя было чрезвычайно популярно в России, где он стал символом славянского единства и братства.

- 68 Третьеэлементщик, то есть представитель «третьего элемента», так в России называли разночинную интеллигенцию, служившую по найму в земских учреждениях, в отличие от первого (правительственные и административные чиновники) и второго (земского выборного) элементов. Большинство представителей третьего элемента было настроено либерально или даже антиправительственно.
- 69 М. Ф. Шиллинг окончил юридический факультет Московского университета и в 1894 г. поступил на службу в Министерство иностранных дел. С 1897 г. 3-й секретарь канцелярии министра иностранных дел, с 1899 г. 2-й секретарь посольства в Вене. В 1902–1908 гг. представитель российского консульства в Ватикане. В 1908–1911 гг. 1-й секретарь российского посольства в Париже. В 1911 г. назначен директором Канцелярии министра иностранных дел. С 1 июля 1914 г. советник (начальник) 1-го политического отдела Министерства иностранных дел и начальник Канцелярии министра. 21 июля 1916 г. освобожден от должности и назначен сенатором, однако 20 сентября 1916 г. также назначен состоять по ведомству Министерства иностранных дел.
- 70 1 июля 1914 г. Трубецкой был назначен советником (начальником) 2-го (ближневосточного) политического отдела Министерства иностранных дел.
- 71 Имеется в виду Георгий Яковлевич Извеков (1874–1937), позже — протоиерей, духовный композитор. 23 ноября 1937 г. он был приговорен к расстрелу «тройкой» при УНКВД СССР по Московской области за «контрреволюционную фашистскую агитацию» и 27 ноября расстрелян на Бутовском полигоне. 24 декабря 2004 г. определением Священного Синода причислен к лику священномучеников.
- 72 Имеется в виду XV Всероссийская художественно-промышленная выставка, для которой были специально выстроены павильоны на 30 гектарах на Ходынском поле в Москве. Общее количество участников достигло 5813. Уникальная экспозиция, насчитывавшая 6852 партии предметов, была тематически разбита на 14 отделов и 121 группу. Выставка открылась 20 мая и закрылась 1 октября 1882 г.
- 73 Графиня С. В. Толстая унаследовала в 1875 г. Узкое после смерти мужа, графа В. П. Толстого, вместе с его племянницей графиней Марией Егоровной Орловой-Давыдовой, урожденной графиней Толстой (1843–?). По разделу наследства между ними единоличной владелицей Узкого стала С. В. Толстая. Она, в свою очередь, в апреле 1883 г. передала Узкое своему племяннику и воспитаннику князю Петру Николаевичу Трубецкому. Официально была составлена купчая крепость: имение площадью 214 десятин с господским домом, флигелями и большими и многочисленными хозяйственными постройками было оценено всего в 3500 рублей.
- 74 Церковь Бориса и Глеба на Поварской была возведена в 1802 г. в стиле классицизма. Церковь была закрыта в начале 1930-х гг. по постановлению Моссовета и в 1936 г. разрушена. На ее месте сейчас находится здание Российской академии музыки имени Гнесиных.
- 75 Антон Степанович Апраксин (1817–1899), граф, флигель-адъютант (1856–1860), генерал-майор Свиты Е. И. В. (1860); известен как один из первых в России воздухоплателей.

- 76 Мраморная статуя пророка Моисея (высотой 235 м) работы Микеланджело занимает центральное место в скульптурной гробнице папы Юлия II в римской базилике Сан-Пьетро-ин-Винколи. Это одна из самых известных работ скульптора.
- 77 Частная гимназия, основанная С. Н. Фишер в 1872 г. и устроенная по образцу мужских. С 1874 г. располагалась в доме А. И. Дерожинской во 2-м Ушаковском (ныне Хилков) переулке, дом 3.
- 78 Имеется в виду проведенная в 1837–1841 гг. по инициативе министра государственных имуществ П. Д. Киселева реформа управления казенными имуществами и государственными крестьянами. Целью реформы было создание на местах системы крестьянского самоуправления, размежевание земель (для борьбы с малоземельем и уравнивания возможностей крестьянских хозяйств), систематизация начисления и сбора налогов в деревне, строительство в деревнях (за счет самих крестьян) больниц, школ, церквей, дорог. Результатом реформы стало увеличение чиновничьего аппарата, содержать который приходилось самим крестьянам, установление полного контроля полицейского-бюрократического аппарата за деревнями и, как следствие, чиновничий произвол и коррупция, резкий рост налогов, вызвавший крестьянские бунты в государственных деревнях в 1841–1843 гг.
- 79 Литературный персонаж, созданный И. П. Мятлевым в его сатирической поэме «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границу, дан л'этранже», представляющей собой сборник рифмованных путевых очерков, написанных от имени тамбовской помещицы Акулины Курдюковой, путешествующей по Европе и изысканной на смеси русского языка с иностранными, зачастую искаженными, словами и выражениями.
- 80 В 1892 г. князь В. Н. Гагарин был назначен членом совета Строгановского училища.
- 81 Имеется в виду Виктор Вильгельмович фон Валь (1840–1915), петербургский градоначальник в 1892–1895 гг. Подчиненным отца Семена Унковского фон Валь был, когда занимал в 1876–1878 гг. пост ярославского вице-губернатора, а И. С. Унковский 1861–1877 гг. был ярославским губернатором.
- 82 В Уголовном уложении Российской империи (1903 г.) ростовщичество считалось преступлением. В нем приводятся следующие признаки ростовщических сделок: 1) если заемщик вынужден своими известными займодавцу стеснительными обстоятельствами принять крайне тягостные условия ссуды; 2) сокрытие чрезмерности роста включением его в капитальную сумму под видом неустойки, платы за хранение; 3) ссуда в виде промысла на чрезмерно обременительных условиях «сельским обывателям» за вознаграждение частью хлебом, а также скупка хлеба у крестьян по несоразмерно низкой цене при заведомо тяжелых обстоятельствах продавца (этим обычно занимались еврейские факторы). Согласно закону, чрезмерным признавался рост выше 12% годовых. Ростовщики, чья вина была доказана, наказывались тюрьмой или исправительным домом.
- 83 Имеется в виду знаменитая картина «Девочка с персиками» (1887 г.), на которой изображена дочь Саввы Мамонтова Вера Саввишна (1875–1907), в замужестве — Самарина (ее муж — Александр Дмитриевич Самарин, впоследствии обер-прокурор Синода).

- 84 Князь А. Д. Оболенский был вице-председателем Русского музыкального общества, а его супруга — членом правления Пензенского отделения этого общества.
- 85 Пять сыновей Марии Дмитриевны и Андрея Григорьевича Гагариных: Андрей (1886–1937), Сергей (1887–1941), Лев (1888–1921), Григорий (1896–1963), Пётр (1904–1938), а также дочь Софья (1892–1979).
- 86 Брат австрийского императора Франца Иосифа Максимилиан был провозглашен императором марионеточной «Мексиканской империи» (1864–1867), созданной французским императором Наполеоном III. После вывода из Мексики французских войск «император» Максимилиан был взят в плен мексиканскими республиканцами и расстрелян в окрестностях города Сантьяго-де-Керетаро.
- 87 Аграфена Михайловна Панютина, урожденная княжна Оболенская, во втором браке была за Леонтием Михайловичем Дубельтом (1855–1894), капитаном 2-го ранга, внуком шефа жандармов Л. В. Дубельта и А. С. Пушкина. См.: Русаков В. М. Уважены за имя...: Рассказы о потомках А. С. Пушкина. М., 1987.
- 88 В 1929 г. курс французского франка к доллару составлял 25,536 к 1, таким образом 40 000 франков равнялись 1566 долларам США (курс в 1897 г. 0,51533 доллара за рубль).
- 89 Имеется в виду возглавлявшаяся Осман-пашой продолжительная оборона Плевны (с 8/20 июля по 28 ноября / 10 декабря 1877 г.) османскими войсками от осаждавшей ее русской армией в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За военные успехи Осман-паша был удостоен почетных прозвищ «Гази» (Победоносный) и «Лев Плевны».
- 90 С 1863 г. греческий престол занимал король Георг I, по рождению датский принц Кристиан — второй сын датского короля Кристиана IX из Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургской династии. Одна его сестра, Александра, была женой наследника британского престола — будущего короля Эдуарда VII, другая, Дагмара (после перехода в православие — Мария Федоровна) — женой российского императора Александра III и матерью Николая II; а сам Георг женат на внучке российского императора Николая I — великой княжне Ольге Константиновне. Старший сын и наследник Георга I — Константин — был женат на германской принцессе Софии, сестре кайзера Вильгельма II.
- 91 Гартвиг умер 10 июля 1914 г. «Поехавший к австрийскому посланнику Владимиру Гизлю фон Гизленгену русский дипломат Н. Г. Гартвиг скончался от удара, пытаясь убедить своего австрийского коллегу в непричастности сербского правительства к событиям в Сараево. В Белграде немедленно поползли слухи о том, что Н. Г. Гартвиг был отравлен». См.: Айрапетов О. Р. Россия в Первой мировой войне 1914–1917. 1914. Начало. М., 2014.
- 92 В ультиматуме в том числе значилось: «Чтобы предать этим обязательствам формальный характер, Королевское Правительство Сербии должно 26 (13) июля опубликовать на первой странице своего официального печатного органа следующую декларацию: “Королевское Правительство Сербии осуждает всякую пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, то есть всю совокупность усилий, направленных на отторжение от Австро-Венгерской монархии территорий, которые ей принадлежат, и выражает искренние сожаления, что эти преступные действия привели к ужасным последствиям”».

“Королевское Правительство Сербии сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеуказанной пропаганде, и поставили, таким образом, под угрозу дружеские и добрососедские отношения, которые Королевское правительство обязалось в своей декларации от 31 марта 1909 поддерживать”.

“Королевское правительство, которое не одобряет и отвергает любую попытку вмешательства в судьбы жителей любой части Австро-Венгрии, считает своей обязанностью категорически обратить внимание офицеров, чиновников и всего населения королевства на тот факт, что в будущем оно будет крайне сурово преследовать каждого виновного в подобных действиях; действиях, на предотвращение и подавление которых, направлены все усилия Правительства”

Одновременно данная декларация должна быть доведена до внимания Королевской Армии приказом Его Величества Короля и публикацией в официальном органе армии. Королевское Правительство Сербии, кроме того, должно принять на себя следующие обязательства:

1. Препятствовать всем публикациям, в которых разжигается ненависть и неуважение к (А.-В.) Монархии, общая направленность которых нарушение территориальной целостности последней.
2. Сразу распустить общество “Народная Защита” (*Narodna Odbrana*) и конфисковать все средства пропаганды, принадлежащие ему. Также поступить со всеми союзами и организациями в Сербии, посвятившими себя пропаганде против Австро-Венгрии. Королевское Правительство должно также принять необходимые меры, чтобы указанные союзы и организации не возобновили свою деятельность под новыми наименованиями.
3. Исключить из народного образования Сербии все, что служит или может служить пропаганде против Австро-Венгрии; это относится и к учительскому корпусу и к учебным пособиям.
4. Уволить с государственной и военной службы всех чиновников и офицеров, виновных в ведении пропаганды против Австро-Венгрии, имена которых Имперское и Королевское Правительство сообщит Королевскому Правительству позднее.
5. Согласиться на то, что органы Имперского и Королевского Правительства будут заниматься в Сербии подавлением подрывных движений, направленных против целостности (А.-В.) Монархии.
6. Начать преследование всех скрывающихся в Сербии участников событий 28 июня; делегаты органов Имперского и Королевского Правительства будут участвовать в расследовании.
7. Незамедлительно арестовать майора Воислава Танкосича и Милана Цигановича, чья виновность подтверждается результатами следствия.
8. Принять эффективные меры против контрабанды оружия и взрывчатки через границу; уволить со службы и сурово наказать тех служащих пограничной службы из Шабаци и Лошницы (*Schabatz und Losnitz*), кто помогал авторам преступления в Сараево при пересечении границы.

9. Дать объяснения Имперскому и Королевскому Правительству недопустимых высказываний, сделанных высшими должностными лицами Сербии в самой Сербии и за границей, кто, вне зависимости от политической позиции, не смущаясь, выражал враждебность по отношению к Австро-Венгрии после 28 июня.

10. Без промедления информировать Имперское и Королевское Правительство о мерах, принятых во исполнение вышеуказанных пунктов.

Имперское и Королевское Правительство ждет ответ Королевского Правительства самое позднее в Субботу 25 числа в 6 часов вечера».

93 Сербское правительство с рядом оговорок приняло практически все положения австро-венгерского ультиматума; именно эти оговорки не устроили Австро-Венгрию. Текст ответа в том числе гласил:

«Королевское правительство обязуется далее:

1. Во время ближайшего очередного заседания Скупщины воплотить в законы о печати статью, сурово наказывающую подстрекательство к ненависти к Австро-Венгерской монархии, а также любую публикацию, общая тенденция которой направлена против территориальной целостности Австро-Венгрии. Оно обязуется пересмотреть конституцию, чтобы внести поправки к XXII статье Конституции, которая разрешает конфискацию таких изданий, что в настоящее время невозможно в соответствии с четким определением XII статьи Конституции.

2. Правительство не обладает доказательствами — и сведения Императорско-королевского правительства их тоже не содержат — что общество «Народна Одбрана» и другие подобные общества совершили, к настоящему времени, какие-либо преступления руками одного из своих членов. Несмотря на это, Королевское правительство подчиняется требованию Императорско-королевского правительства и распустит общество «Народна Одбрана» и любое другое общество, которое действовало бы против Австро-Венгрии.

3. Королевское правительство Сербии обязуется незамедлительно исключить из народного просвещения в Сербии все то, что служит или могло бы служить пропагандой против Австрии-Венгрии, при условии, что Императорско-королевское правительство даст фактические доказательства этой пропаганды.

4. Королевское правительство также готово уволить из военной службы и из администрации офицеров и чиновников, в отношении которых судебное следствие докажет, что они были виновны в действиях против территориальной целостности Австро-Венгерской монархии, и оно ожидает, что Императорско-королевское правительство сообщит имена этих офицеров и чиновников и факты, с которыми будут предъявлены обвинения.

5. Королевское правительство признает, что ему не ясны смысл и объем требования Императорско-королевского правительства, по которому сербское королевское правительство обязано принять на сербской территории сотрудничество органов Императорско-королевского правительства, но оно заявляет, что оно готово принять любое сотрудничество, которое не противоречит нормам международного и уголовного права, а также дружественных и добрососедских отношений.

6. Королевское правительство, разумеется, считает своим долгом начать расследование в отношении всех лиц, участвовавших в заговоре 15/28 июня и оказавшихся на территории Королевства. Что же касается сотрудничества в этом расследовании специально посланных должностных лиц Императорско-королевского правительства, то Королевское правительство не может этого принять, так как это является нарушением Конституции и уголовно-процессуального законодательства. Тем не менее в некоторых случаях результаты расследования могут быть переданы австро-венгерским органам.

7. Королевское правительство приказало приступить с самого вечера передачи ноты к аресту майора Воислава Танкосича. Однако, что касается насколько Милана Цыгановича, который является подданным Австро-Венгерской монархии и который работал до 15/28 июня в Железнодорожном управлении, до сих пор невозможно установить его местонахождение, хотя был выписан ордер. Императорско-королевскому правительству направлена просьба сообщить как можно скорее, с целью проведения расследования, существующие основания для подозрений и доказательства вины, полученные в ходе расследования в Сараево.

8. Правительство Сербии усилит меры против контрабанды оружия и взрывчатых веществ. Разумеется, оно поручит провести расследование и накажет должностных лиц пограничной службы на линии Шабач — Лозница, нарушивших свои обязанности и пропустивших через границу участников преступления в Сараево.

9. Королевское правительство готово дать объяснения о высказываниях, которые его должностные лица в Сербии и за рубежом сделали в интервью после покушения, и которые, по утверждению Императорско-королевского правительства, враждебны к монархии. Как только Императорско-королевское правительство укажет, где эти выражения были сделаны, и докажет, что эти высказывания были действительно сделаны указанными чиновниками, Королевское правительство само позаботится о дальнейшем сборе доказательств.

10. Королевское правительство будет уведомлять Императорско-королевское правительство, если это не было уже сделано в данной ноте, об исполнении вышеуказанных мер».

- 94 В 1912 г. генерал Ф. Бернгарди выпустил широко обсуждавшиеся в военных кругах как Германии, так и др. стран работы «Deutschland und der nächste Krieg» («Германия и следующая война») и «Vom heutigen Kriege» (т. 1-2; в рус. переводе — «Современная война», СПб., 1912), в которых в том числе писал: «Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без меча». Считал, что для приобретения «положения, которое соответствует мощи нашего народа», война необходима; война должна стать обеспечением будущего развития Германии, а ее цель — добиться мирового могущества и создать колониальную империю. Бернгарди опровергал тезис А. фон Шлиффена о том, что война может быть только скоротечной. Он был сторонником жестких методов ведения войны — не останавливаться ни перед чем, чтобы нанести поражение противнику и принудить его к капитуляции. В целом выступал против «Канн» Шлиффена, считая, что более перспективная форма действий — прорыв фронта обороны.

- 95 Наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц Фердинанд был убит вместе со своей супругой герцогиней С. Гогенберг в Сараево 28 июня 1914 г. в результате покушения, организованного боевой группой организации «Новая Босния»; непосредственно убийство совершил Г. Принцип.
- 96 Имеется в виду внешнеполитическое ведомство Австро-Венгрии, которое до 1918 г. располагалось в Вене по адресу Баллахауплац, 2. Ныне здесь находится ведомство федерального канцлера Австрии.
- 97 Скорее всего речь идет о проекте Манифеста, поскольку Манифесты Александра I (от 6 июля 1812 г.) и Николая II (от 20 июля 1914 г.) не имеют совпадающих фраз.
- 98 Поддержка правительства со стороны либералов (Партия народной свободы), трудовиков и социал-демократов была отнюдь не полной и даже двусмысленной. Подробнее см.: Айрапетов О. Р. Россия в Первой мировой войне 1914–1917. 1914. Начало. М., 2014.
- 99 Червоная Русь — историческая область, расположенная на западе современной Украины и юго-востоке современной Польши, в широком смысле — синоним Галиции; на тот момент эти земли находились в составе Австро-Венгрии (королевство Галиции и Лодомерии).
- 100 В результате военного переворота 29 мая (11 июня) 1903 г., организованного группой офицеров, недовольных проавстрийской политикой короля Александра Обреновича, были убиты сам король и его жена, на престол вернулась династия Карагеоргиевичей.
- 101 Отцом Марии, супруги короля Румынии Фердинанда, был Альфред Саксен-Кобургский, герцог Эдинбургский, сын британской королевы Виктории, а матерью — дочь российского императора Александра II великая княжна Мария Александровна.
- 102 Единственная дочь Вильгельма II, принцесса Виктория Луиза (1892–1980) 24 мая 1913 г. сочеталась браком с герцогом Эрнестом Августом Брауншвейг-Люнебургским (1887–1953). Для российского императора это был семейный визит — Вильгельм II и Николай II были родственниками сразу по нескольким линиям: прабабка Николая императрица Александра Федоровна (Шарлотта Прусская) была сестрой деда Вильгельма, а бабушка Вильгельма — Августа Саксен-Веймарская — внучкой российского императора Павла I по матери, то есть двоюродной сестрой деда Николая II.
- 103 5–9 ноября 1914 г. на борту линкора Bulwark («Бастион») в Портсмуте состоялось рассмотрения дела Трубриджа. Трибунал оправдал его, так как принял во внимание полученный им приказ не вступать в бой с превосходящими силами противника; однако карьера его была уже сломана.
- 104 Карл Румынский принадлежал к династии Гогенцоллерн-Зигмаринген — старшей ветви Дома Гогенцоллернов, от которой еще в XIII в. отделилась младшая ветвь, представители которой занимали прусский и германский престолы.
- 105 Имеется в виду Народная радикальная партия (*Народна радикална странка*) — крупнейшая историческая партия Сербии и Югославии националистического направления, основанная Н. Пашичем в 1881 г.
- 106 Имеется в виду существовавшая в 1881–1896 и 1906–1925 гг. Сербская прогрессивная партия (*Српска напредна странка*), члены которой назывались напредняками.

- 107 Николай Пашич был женат на дочери богатого торговца зерном Джурчине Дукович; в браке родились сын Радомир и дочери Дара и Пава.
- 108 Королевич Георгий в 1909 г. был лишен титула престолонаследника за убийство слуги, которого, согласно официальной версии, он забил до смерти. После этого наследником был объявлен его младший брат Александр, ставший королем после смерти их отца Петра I.
- 109 Монастырь Свете Петке Иверице расположен в ущелье Сичевачка был основан в XIV в. грузинскими монахами. Современная церковь построена в 1898 г. в память чудесного спасения короля Александра I Обреновича во время кораблекрушения; ок. 1900 г. монастырь получил название монастыря святых сербских военных.
- 110 Дарданелльская операция (Галлиполийская кампания) проводилась англо-французскими войсками с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г.; наземные действия проходили на полуострове Галлиполи. Операция завершилась неудачно для стран Антанты: не добившись поставленных целей командование в конце 1915 г. начало эвакуацию войск.
- 111 Фанар — исторический район Константинополя, на южной стороне Золотого Рога. Традиционно являлся местом, где жили константинопольские греки, здесь же располагалась (и располагается ныне) резиденция предстоятеля православной Константинопольской церкви архиепископа Константинополя — Нового Рима, который носил также титул Вселенского патриарха.
- 112 Н. Н. Янушкевич был назначен начальником Генерального штаба 5 марта 1914 г.
- 113 Крепость Ковно (ныне Каунас) капитулировала перед германской армией 5 (18) августа 1915 г. после недолгой осады. Потеря Ковно была очень болезненной, так как крепость являлась ключевым пунктом русской обороны северного фланга стратегического фронта; кроме того, при сдаче Ковно русские войска понесли значительные потери в людях, технике, снаряжении и др.
- 114 24 августа (6 сентября) 1915 г. в Софии В. Радославовым и Г. Михаэлисом был подписан Договор о дружбе и союзе между Германией и Болгарией, по которой стороны обязались не заключать соглашений и не вступать в альянс, направленный против другой стороны. 2-я статья гласила, что Германия гарантирует «всеми средствами политическую независимость и территориальную целостность Болгарии... от любого нападения или посягательства со стороны любой страны». Болгария обязалась начать военные действия «как только к ней обратятся», если «Германия вторгнется в страну, граничащую с Болгарией независимо от причины». Одновременно был подписан секретный договор — военная конвенция между Болгарией, Австро-Венгрией и Болгарией. По договору Германия обязалась оказывать Болгарии финансовую и материальную поддержку, в том числе предоставить заем размером в 200 млн марок. Болгарии гарантировалась передача по результатам войны Македонии и территорий, потерянных ею по Бухарестскому миру 1913 г. (в случае вступления Румынии и Греции в войну на стороне Антанты). В соответствии с конвенцией Болгария обязалась выставить 4 дивизии (союзники — не менее 6) для нанесения удара по Сербии. Мобилизация болгарской армии была объявлена 23 сентября 1915 г.

- 115 Политический кризис, вызванный конфликтом между королем Константином I и Э. Венизелосом, получил в Греции название Национального раскола (Национальной схизмы). Настроенный прогермански король женатый на сестре императора Вильгельма II, выступал за сохранением Грецией нейтралитета во время Первой мировой войны, а лидер Либеральной партии Венизелос и его сторонники настаивали на вступлении в войну на стороне Антанты. 24 сентября 1915 г. Венизелос ушел с поста премьер-министра, но до 7 октября оставался министром иностранных дел.
- 116 Группировка генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена (14 германских и австро-венгерских и 6 болгарских дивизий) 7 октября 1915 г. начала форсирование р. Савы на участке Шабач — Рама. 9 октября они взяли Белград.
- 117 Министр иностранных дел С. Д. Сазонов поручил 20 сентября (3 октября) 1915 г. русскому посланнику в Софии А. А. Савинскому предъявить болгарскому правительству ультиматум. Приведенному автором тексту предшествовали следующие слова: «События, происходящие в Болгарии, свидетельствуют об окончательном решении правительства Фердинанда отдать судьбу страны в руки Германии. Присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и штабах армии, сосредоточение войск в пограничной Сербии области, широкая финансовая помощь, принимаемая софийским кабинетом от наших врагов, не оставляют сомнения в том, против кого направлены нынешние военные приготовления болгарского правительства. Державы Соглашения, принявшие близко к сердцу обеспечение чаяний болгарского народа, неоднократно предостерегали г. Радославова, что всякое враждебное действие против Сербии будет сочтено ими как направленное против них самих. Уверениям, расточавшимся в ответ на эти предупреждения главою кабинета, противоречат факты».
- 118 В связи с болезнью А. А. Савинского ультиматум был вручен В. Радославову 21 сентября (4 октября). Ночью 22 сентября (4 октября) последовал ответ правительства В. Радославова: «Судьбы Болгарии всегда были заботливо охраняемы болгарским народом и направляемы ответственными правительствами. Царское правительство самым энергичным образом протестует против приписываемого ему обвинения, что оно передало судьбу страны в германские руки. Болгарское правительство отрицает самым категорическим образом присутствие германских и австрийских офицеров в военном министерстве и разных штабах армии, хотя и убеждено, что отдельные случаи приема на службу в армию иностранных офицеров ни в каком случае не могли быть сочтены ни за неприязненный акт, ни за такой, который посягал бы на независимость и нарушал суверенные права Болгарии. После данных уже объяснений касательно мобилизации болгарской армии заключение, выведенное ультиматумом из того обстоятельства, что болгарское правительство прибегало к кредиту частных, будто и германских, банков для выполнения — в трудные для страны минуты при неимоверно тяжелых условиях кредита, — долговых обязательств за границей и по отношению к Императорскому Правительству, — не только неосновательно, потому что это вменяется в долг всякому правительству, которое дорожило бы добрым именем Болгарии, но и явно тенденциозно. Угрожая покинуть Болгарию, если в 24-часовой срок болгарское прави-

тельство не порвет открыто сношений с противною России группою воюющих держав, Императорский посланник призывает Болгарию выйти из нынешнего ее нейтралитета, воздействие которого в пользу союзников России бесспорно. Нет сомнения, что, продолжая свою настоящую политику, Болгария совершенно не в силах воздействовать на отмену принятого Императорским Правительством решения. Ей остается с сокрушенным сердцем искренно пожалеть, что положенные до сих пор болгарским народом и правительством усилия к тесному единению с братской Россией рушатся не по ее почину и инициативе». Державы Антанты ответ не удовлетворил и русский, французский и британский дипломаты в тот же день затребовали свои паспорта.

- 119 С. Д. Сазонов занимал пост советника посольства в Лондоне с февраля 1904 по март 1906 г., причем с 4 января по 4 марта 1906 г. он временно управлял посольством. К 1904 г. он уже 21 год как служил по дипломатическому ведомству.
- 120 С. Д. Сазонов занимал в Ватикане посты секретаря миссии (с июля 1894 по июнь 1904 г.), министра-резидента (с марта 1906 по декабрь 1907 г.) и чрезвычайного посланника и полномочного министра (с декабря 1907 по май 1909 г.).
- 121 Имеется в виду 2-я русская армия генерала от кавалерии А. М. Самсонова, потерпевшая поражение в августе 1914 г. в Восточной Пруссии; под Сольдау бои вели части I армейского корпуса генерала от инфантерии Л. К. Артамонова.
- 122 Скорее всего, имеется в виду лагерь Бланкенбург, поскольку во время пребывания в нем генерал Н. Н. Мартос «подавал жалобу немецкому командованию на плохое обращение с русскими пленными» (Гущин Ф. А., Жебровский С. С. Пленные генералы Российской императорской армии 1914–1917. М., 2010. С. 251).
- 123 Имеется в виду мужской монастырь Высокие Дечаны, ныне главный сербский православный монастырь в Косово, а его собор — крупнейший средневековый храм на Балканах. Он был основан королем Стефаном Дечанским (который был там позже погребен) в 1327 г.
- 124 Автор, скорее всего, имеет в виду епископа Рашско-Призренского Никифора (Перича), который, впрочем, в 1911 г. ушел на покой и оставил кафедру (при этом Никифор в России не учился). Его преемником стал Гавриил (Дожич).
- 125 Принадлежавший Османской империи город Скутари (Шкодер) был одной из главных целей Черногории. Черногорские войска во время 1-й Балканской войны безуспешно его осаждали, а в 1912 г. он вошел в состав Албании. В июне 1915 г. город был занят черногорскими войсками. 21 января 1916 г. Шкодер был взят австро-венгерскими войсками. В 1919 г. город был возвращен Албании.
- 126 Корлевич Александр был не кузеном, а племянником принца Мирко, который был младшим братом его матери Зорки (1864–1890); дядя был старше племянника всего на 9 лет.
- 127 Пренк-паша (Prenk Paşa) — титул главы албанского клана католиков-мирдитов; которые жили на территории санджака Скуттари. С XIX в. титул был наследственным в семье Гьомаркай.
- 128 Имеется в виду наиболее известная картина швейцарского художника Арнольда Бёклина; в 1880–1886 гг. он написал пять ее вариантов.

- 129 Имеется в виду Ахиллеон — дворец на острове Керкира (Корфу), построенный в 1890 г. для императрицы Австрии Елизаветы; в 1907 г. его приобрел император Германии Вильгельм II. Во время Первой мировой войны Ахиллион использовался как военный госпиталь французскими и сербскими войсками. После войны перешел в собственность Греции в качестве репараций. Ныне во дворце размещается музей.
- 130 Отец генерала Ж. де Мондезира был инженером, работал в Российской империи (строил железную дорогу между Варшавой и Петербургом), сам будущий генерал родился в Гатчине.
- 131 Имеется в виду Народно-демократическая партия (*Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne*), существовавшая в 1897–1919 гг.; ее единственным руководителем был Р. Дмовский.
- 132 Имеется в виду Нарочская операция, проведенная 5–17(18–30) марта 1916 г. 2-й армией русского Западного фронта. Русские войска понесли большие потери (ок. 78 тысяч человек убитыми, ранеными и обмороженными), поставленные цели достигнуты не были, хотя германские войска и были вынуждены на две недели приостановить наступление под Верденом.
- 133 Герман, в миру Георгиос Кабакопулов, под давлением недовольной части верующих, обвинявших его в отказе защищать их от турок и соглашательстве, отрекся от престола и уехал в Халкидон, где скончался в декабре 1920 г.
- 134 Султан Абдул-Хамид II был 27 апреля 1909 г. свергнут с престола младотурками, он получил известность благодаря жестокости с которой по его приказу осуществлялись подавления выступлений христиан, особенно жестокими были армянские погромы в 1894 г., в которых пострадало более полумиллиона армян.
- 135 Вселенский Патриарх Григорий V во время восстания за независимость Греции был на Пасху, 10 (22) апреля 1921 г., низложен турками (хотя и не выступал в поддержку восстания) и повешен ими на воротах патриархии. Канонизирован как свящennomученик, получил в народе имя Этномартирас («мученик нации»).
- 136 Крест на Св. Софии — имеется в виду освобождение восточных христиан от власти Османской империи, восстановление Восточной православной империи с центром в Константинополе и возрождение православного храма Св. Софии в Константинополе, превращенного турками в мечеть.
- 137 По результатам тайного голосования членов Поместного собора 31 октября 1917 г. кандидаты набрали следующее количество голосов: Антоний архиепископ Харьковский — 159; Арсений архиепископ Новгородский — 148; Тихон митрополит Московский — 125; Платон митрополит Кавказский — 111; Кирилл архиепископ Тамбовский — 102; Анастасий архиепископ Кишиневский — 77; Владимир митрополит Киевский — 59; Сергей архиепископ Владимирский — 14 и др.
- 138 Автор допускает ошибку в дате. «Жеребьевка состоялась 5 (18) ноября 1917 года в Храме Христа Спасителя. Жребий предстояло вытащить старцу Зосимовой пустыни Алексею (Соловьеву). Выглядело это так: перед чудотворной иконой Владимирской Божией Матери поставили запечатанную коробочку с тремя записками (жеребьями), на которых написали имена кандидатов.

После литургии и молебна коробочку при всех распечатали, старец Алексей достал записку и передал ее митрополиту Киевскому Владимиру (Богоявленскому). Последний вслух зачитал имя: “Тихон, митрополит Московский и Коломенский”. Оставшиеся две записки члены Собора вытащили из коробки и проверили написанные на них имена. Когда митрополиту Тихону объявили результат, в ответном слове среди прочего он сказал: “Ваша весть об избрании меня в Патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано ‘плач, и стон, и горе’, и каковой должен был съесть пророк Иезекииль (Иез 2:10; 3:1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину!”» См.: Баглай К. Жребий патриарха Тихона // Фома. № 2 (176). Декабрь 2017.

- 139 Владимир митрополит Киевский и Галицкий был убит грабителями 25 января (7 февраля) 1918 г., а митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин был расстрелян 13 августа 1922 г. по приговору Петроградского ревтрибунала.
- 140 7 февраля Русская православная церковь празднует Собор новомучеников и исповедников Русской церкви (традиционно с 2000 г. этот праздник отмечается в первое воскресенье после 7 февраля). На сегодняшний день в составе Собора — более 1700 имен.
- 141 Объединение, получившее название Правый центр, было создано в ноябре 1917 г. в Москве. В него вошли представители различных монархических групп, а также кадетов (в мае 1918 г. вышли из состава центра), Совета общественных деятелей, Торгово-промышленного комитета, Союза земельных собственников и др. Своей целью Центр, считая единственной приемлемой для России формой правления монархию, ставил объединение всех несоциалистических сил для борьбы с большевиками. В конце 1918 г. центр распался, большая часть его членов вошла в состав Национального центра.
- 142 Генерал М. В. Алексеев 7 (20) октября 1917 г. начал создание в Петрограде так называемой Алексеевской организации — кадра новой армии, построенной на добровольческом принципе. После Октябрьского переворота Алексеев 30 октября (12 ноября) отдал приказ тем, кто готов продолжить борьбу, пробиться на Дон. Сам генерал прибыл в Новочеркасск 2 (15) ноября. Через месяц, 2 (15) декабря, он опубликовал воззвание к офицером и с согласия Донского атамана генерала А. М. Каледина приступил к формированию добровольческих частей. 25 декабря 1917 г. (7 января 1918 г.) эти вооруженные части стали официально именоваться Добровольческой армией.
- 143 После Февральской революции А. Тома в составе делегации европейских социалистов ездил в Россию с целью демонстрации поддержки Временному правительству и недопущения выхода России из войны. Принимал активное участие в попытках добиться компромисса между Временным правительством и Петросоветом.
- 144 Т. Киз в конце 1917 г. был сотрудником военного атташата британского посольства в Петрограде, а военным атташе (агентом) был генерал Альфред Нокс.
- 145 Фурштатская улица находится в центре Санкт-Петербурга (в 1923–1991 гг. носила название улица Петра Лаврова) и идет от Литейного проспекта до Потемкинской улицы. В начале XX в. в доме № 20 в квартире № 9 жил М. В. Родзянко; здесь часто проходили совещания думцев.

- 146 Автор отсылает к занимаемому ранее М. В. Родзянко посту председателя Государственной думы.
- 147 Военно-промышленный комитет (ВПК) — местная организация предпринимателей, официальной целью которой была мобилизация промышленности на нужды войны, а главной — отстаивание интересов отечественной промышленности в деле, прежде всего, получения военных заказов и распределения казенных средств. Фактически ВПК взял на себя функцию посредника между правительством и широкими слоями предпринимателей.
- 148 Имеется в виду «Международное общество спальных вагонов и скорых европейских поездов» (*Compagnie Internationale des Wagons-Lits et des Grands Express Européens*), занимавшееся организацией маршрутов фирменных поездов между европейскими столицами и использовавшее вагоны повышенной комфортности.
- 149 В Красной армии формально не существовало офицеров и генералов: воинские звания и категории чинов были упразднены, как контрреволюционные. В РККА были красные командиры (краскомы). Звание офицера в РККА было восстановлено в 1943 г., одновременно с погонами, звание генерала — несколько раньше, в 1940 г.
- 150 В родовом особняке Гагариных в советское время располагалась Книжная палата. Во время Великой Отечественной войны, в 1941 г., во время авианалета в здание попала бомба и оно было разрушено. Позже усадьба была снесена, сейчас на ее месте стоит дом № 18 по Новинскому бульвару.
- 151 Такое лицо действительно существовало, хотя и сведений о ней практически нет: есть документ подтверждающий, что вольноопределяющаяся, числящаяся в 4-м Уральском казачьем полку баронесса Александра Николаевна Ланская-Розен поступила 18 июня 1917 г. в 1-й городской им. Н. И. Пирогова больницы госпиталь (Москва) с диагнозом бронхит.
- 152 Черный (коренной) передел — система полного перераспределения земли в крестьянских общинах, когда вся общинная земля делилась заново на участки приблизительно сходного качества и определения числа земельно-раздаточных единиц. Однако в терминологии народников в частности и социалистов вообще под черным переделом подразумевалось, в том числе, и полное уничтожение помещичьего землевладения.
- 153 Имеются в виду Партия социалистов-революционеров (ПСР), от которой в ноябре — декабре 1917 г. откололась Партия левых социалистов революционеров, и существовавшая в 1914–1918 гг. группа «Единство», которую Г. В. Плеханов создал, в основном, из меньшевиков-оборонцев.
- 154 На самом деле М. П. Богаевский имел не педагогическое, а университетское образование: он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Он преподавал историю, географию и латынь в Новочеркасской гимназии, а затем был назначен директором мужской классической гимназии в станице Каменской, а не реального училища.
- 155 Автор не совсем точен (хотя данные в различных источниках незначительно расходятся): население Дона к 1917 г. составляло 3,53 млн человек, из них 42,3 % казаков и 25,5 % «коренных» крестьян, и лишь остальные 32 % являлись иногородними.

- 156 Съезд иногородних 8 января 1918 г. потребовал «разоружения и роспуска Добрармии, борющейся против наступающего войска революционной демократии».
- 157 Имеются в виду 272-й и 373-й запасные пехотные полки, расквартированные на хуторе Хортунок. Описанная ниже операция была проведена в ночь на 22 ноября 1917 г.: автор несколько смешивает события, не соблюдая их хронологию.
- 158 26 ноября 1917 г. по приказу атамана А. М. Каледина в Ростове-на-Дону силами ростовского гарнизона был разогнан местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Однако 29 ноября красногвардейцы разогнали казаков и арестовали начальника ростовского гарнизона генерала Д. Н. Потоцкого. 2 декабря добровольцам удалось полностью выбить большевиков из Ростова.
- 159 В тюрьме города Быхова Могилевской губернии с 11 сентября 1917 г. содержались высокопоставленные военные (генералы и офицеры, всего 30 человек, в том числе 1 штатский), принимавшие наиболее активное участие в выступлении генерала Л. Г. Корнилова. 18 ноября по распоряжению председателя Следственной комиссии И. С. Шабловского все узники, кроме пятерых (Л. Г. Корнилова, А. С. Лукомского, И. П. Романовского, А. И. Деникина и С. Д. Маркова) были освобождены. Оставшиеся пятеро были освобождены 19 ноября по распоряжению и. о. Верховного главнокомандующего генерала Н. Н. Духонина. Большинство «быховцев» вступило в Добровольческую армию, образовав костяк ее командного состава.
- 160 Имеется в виду Союз защиты Родины и свободы, подпольная организация, основанная Б. В. Савинковым в марте 1918 г. Ей удалось в июне 1918 г. организовать антибольшевистские восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме (также готовились выступления в Москве и Казани), после подавления которых она перестала существовать.
- 161 В своих воспоминаниях Гучков писал: «...Я написал тогда Алексееву, что предлагаю уступить Корнилову командование Петербургским округом, перевести его на фронт и по таким-то соображениям думал перевести его в Псков. Алексеев ответил мне, что на уход Рузского согласен, но, вместе с тем, указал, что считает недопустимым назначение Корнилова на этот пост, и с той обстоятельностью, с которой он всегда излагал свои мысли, этот отказ был мотивирован целым рядом пунктов. Во-первых, Корнилов не прошел все стадии, которые необходимы для занятия этой должности. Его служебная карьера была такова — он в боях командовал только дивизией; командование корпусом, откуда я взял его в Петербург, происходило в условиях отсутствия вооруженных столкновений. Поэтому такой скачок от командования корпусом до командования фронтом считался недопустимым. Он не обладает стажем, который нужен. Во-вторых, есть в пределах фронта много генералов, которые старше его по производству и которые имеют весь необходимый стаж». См.: Гучков А. И. Заговор против Николая II. Как мы избавились от царя. М., 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://books.google.ru...> (дата обращения: 1 февраля 2018 г.).
- 162 «Когда мы приехали, генерал Алексеев нам рассказал, что кто-то из чинов контрразведки предупредил о готовящемся покушении на Савинкова, а последнему сообщили, что готовится покушение и на него — Алексеева; что во всем этом надо разобраться

совместно с Савинковым, который должен сейчас приехать. <...> Приехавший Савинков подтвердил то, что было сказано генералом Алексеевым. Вызванный офицер контрразведки, от которого были получены эти сведения, ничего определенного сказать не мог. <...> Савинков вскоре после этого уехал в Москву, а расследование этого случая не привело ни к каким результатам» (Лукомский А. Воспоминания // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 224). Поскольку Корнилов в разговоре пообещал повесить его в случае предательства («Ладно, — вдруг прервал Корнилов, — вы меня знаете!.. (Савинков мотнул головой в знак того, что он-то уж Корнилова знает.) В случае нового предательства вас ожидает...» — «Смерть! — закончил Савинков. — Я знаю». — «Да, — подтвердил Корнилов, — я вас повешу»). (Аринштейн Л. М. Во власти хаоса [Современники о войнах и революциях 1914–1920]: Савинков в Новочеркасске. Из воспоминаний А. П. Брагина. Цит. по изданию: Брагин А. П. Смешное в страшном: Материалы для характеристики генерала Л. Г. Корнилова // Белое дело: летопись белой борьбы. № 3. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 63–65.) Савинков увязал этот разговор с известиями о готовящемся на него покушении и обвинил в этом покушении Корнилова.

163 А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» дает следующую информацию о составе и численности Добровольческой армии в этот период: «Формирование армии вначале носило поневоле случайный характер, определяясь зачастую индивидуальными особенностями тех лиц, которые брались за это дело. К началу февраля в состав армии входили:

1. Корниловский ударный полк (подполковник Неженцев).
2. Георгиевский полк — из небольшого офицерского кадра, прибывшего из Киева (полковник Кириенко).
3. 1-й, 2-й, 3-й офицерские батальоны — из офицеров, собравшихся в Новочеркасске и Ростове (полковник Кутепов, подполковники Борисов и Лаврентьев, позднее полковник Симановский).
4. Юнкерский батальон — главным образом из юнкеров столичных училищ и кадет (штабс-капитан Парфенов).
5. Ростовский добровольческий полк — из учащейся молодежи Ростова (генерал-майор Боровский).
6. Два кавалерийских дивизиона (полковников Гершельмана и Глазенапа).
7. Две артиллер[ийские] батареи — преимущественно из юнкеров артиллерийских училищ и офицеров (подполковники Миончинский и Ерогин).
8. Целый ряд мелких частей, как то “морская рота” (капитан 2-го ранга Потемкин), инженерная рота, чехословацкий инженерный батальон, дивизион смерти Кавказской дивизии (полковник Ширяев) и несколько партизанских отрядов, называвшихся по именам своих начальников.

Все эти полки, батальоны, дивизионы были по существу только кадрами, и общая боевая численность всей армии вряд ли превосходила 3–4 тысячи человек, временами, в период тяжелых ростовских боев, падая до совершенно ничтожных размеров. Армия обеспеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться,

и драться, неся большие потери и иногда разрушая только что сколоченную с большими усилиями часть». См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. Т. 2: Борьба Генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. Париж, 1921. Глава XVII: Формирование Добровольческой армии. Ее задачи. Духовный облик первых добровольцев. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/2_17.html (дата обращения: 12 февраля 2018 г.).

- 164 По распоряжению штаба красных войск и его начальника Н. М. Голубова шахтеры-красногвардейцы 17 февраля в Краснокутской роще под Новочеркасском расстреляли атамана А. М. Назарова, председателя Войскового круга Е. А. Волошинова, генерал-майоров К. Я. Усачева, П. М. Груднева, А. Н. Исаева, подполковника Генерального штаба Н. А. Рота, войскового старшину И. И. Тарарина.
- 165 Проспект, названный в честь героя Кавказской войны донского генерала Я. П. Бакланова, в Новочеркаске идет от Троицкой площади на запад и служит въездом в город со стороны Ростова-на-Дону.
- 166 «26 января (8 февраля) генерал Каледин прислал телеграмму, прося генералов Алексеева и Корнилова немедленно приехать в Новочеркасск, чтобы присутствовать на заседании, которое он устраивает вечером того же дня с членами донского правительства и Донского Круга, вернувшимися после объезда станиц. Генерал Каледин указал в телеграмме, что этому совещанию он придает чрезвычайное значение и что на нем должен быть принят план дальнейшей борьбы с большевиками. Но положение под Ростовом было настолько серьезно, что ни генерал Корнилов, ни генерал Алексеев не сочли возможным выехать в Новочеркасск. Поехал я — как их представитель». См.: Лукомский А. Воспоминания // Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 230.
- 167 По штатам мирного времени в пехотном полку русской армии состояло 70 офицеров и 1818 нижних чинов, 7 классных чиновников и 81 нестроевой нижний чин. По штатам военного времени число офицеров увеличивалось до 79, строевых нижних чинов — до 3867, нестроевых — 110, что составляло в общем 4063 человека.
- 168 28 января (10 февраля) 1918 г. генерал Л. Г. Корнилов известил А. М. Каледина, что принято окончательное решение об отступлении Добровольческой армии на Кубань. В тот же день атаман обратился к казакам с призывом к защите, указывая, что «развал строевых частей достиг последнего предела... в некоторых полках Донецкого округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение».

На следующий день Каледин собрал экстренное заседание Донского правительства, на котором зачитал телеграмму Корнилова и сообщил, что на его призыв для защиты Донской области откликнулось всего 147 штыков. Атаман заявил, что положение безнадежно, а «население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно» и чтобы избежать ненужных жертв и кровопролития он слагает с себя полномочия войскового атамана. В 14:32 Каледин застрелился в Атаманском дворце в Новочеркасске. За 20 минут до смерти он закончил писать предсмертное письмо, адресованное генералу М. В. Алексею: «Многоуважаемый генерал Алексеев, волею

судьбы и желанием казачества, Тихий Дон Вам вверил судьбу казачества и предложил избавить Дон от ненавистников свободного и здорового казачества, от врагов всякого национального самоопределения, от большевиков. Вы, с Вашим горячим темпераментом и боевой отвагой, смело взялись за свое дело и начали преследование большевистских солдат находящихся на территории Войска Донского. Вы отчаянно и мужественно сражались, но не учли того обстоятельства, что казачество идет за своими вождями до тех пор пока вожди приносят лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого проводителя своих интересов отходят от него.

Так случилось со мной, и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага; но мне дороги интересы казачества и я прошу щадить их и отказаться от мысли разбить большевиков по всей России. Казачеству необходимы вольность и спокойствие; избавьте Дон от змей, но дальше не ведите на бойню моих милых казаков. Я ухожу в вечность и прощаю Вам все обиды, нанесенные мне Вами с последнего Вашего появления в нашем кругу. Уважающий вас Каледин».

169 Дом был построен в 1914 г. в стиле неоклассицизм по проекту архитектора Л. Ф. Эберга для Н. Е. Парамонова. Ныне здесь (Пушкинская улица, д. 148) размещается Зональная научная библиотека имени Ю. А. Жданова Южного федерального университета.

170 А. П. Богаевский вспоминал: «Под вечер 9 февраля, уничтожив все канцелярские дела и погрузив кое-какие вещи на два штабных автомобиля, мы двинулись по Садовой улице к Нахичевани. Третий автомобиль оказался за час до выступления испорченным его шофером, скрывшимся в городе. Был тихий зимний вечер. Накануне выпал снег. Пустынны и мрачны были ростовские неосвещенные улицы. Вдали, на Темернике и в районе вокзала, слышны были редкие ружейные выстрелы.

Наскоро попрощавшись по пути с семьей, приютившейся на окраине Ростова, почти без надежды когда-нибудь увидеть ее, я снова сел в автомобиль и догнал колонну добровольцев у выхода из города по пути на станицу Аксайскую». См.: Богаевский А. П. Ледяной поход. Воспоминания 1918 г. Нью-Йорк, 1963. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/bogaevsky_ap/02.html (дата обращения: 12 февраля 2018 г.).

171 Партия мирного обновления — праволиберальная политическая партия, стоявшая левее октябристов и правее кадетов. Партия выступала за конституционную парламентскую монархию, где правительство назначалось бы парламентом. Программа партии предполагала наделение земель малоземельного и безземельного крестьянства, за счет государственной земли, а также принудительного выкупа частновладельческих земель, и установления максимума земельной площади, которая может находиться во владении одного лица. Одним из создателей партии был брат автора — Евгений.

172 Вагоны IV класса были самыми дешевыми и самыми неудобными, увеличение вместимости, в том числе введение трехъярусных полок, позволяло существенно снизить стоимость проезда. Это были жесткие двуосные вагоны, которые красили в серый цвет. При длине кузова 20,06 м в таком вагоне мог разместиться 81 пассажир (или же 106 на местах для сидения); в боковой стене находилось 13 окон.

- 173 Мешочники занимались мелкой торговлей продовольствием (товар они возили с собой в мешках). В условиях голода, вызванного политикой большевиков, сделавших ставку на уничтожение в городах частной торговли, многие люди ехали в деревню, где покупали или выменивали на ценные вещи хлеб, муку и др. продовольствие. Большевики всеми силами боролись с мешочниками, объявив их «спекулянтами».
- 174 Ранее село именовалось Карово (по фамилии владельцев Каров), но позже было переименовано в Сергиевское. В 1843 г. поместье (8 деревень) было приобретено за 600 тысяч. рублей Осоргинами, сделавшими Сергиевское центром обширного хозяйства с фермой, паровой мельницей, винодельней, церковью и приходской школой. После революции село было переименовано в Кольцово в честь поэта А. В. Кольцова, ныне — в Ферзиковском районе Калужской области. В господском доме разместилась сельскохозяйственную артель имени Дня урожая и коллективизации, а в 1923 г. большая часть поместья сгорела, позже также была разрушена Покровская церковь. До наших дней дошло здание приходской школы и колокольня.
- 175 М. М. Осоргин занимал пост Гродненского губернатора с 15 февраля 1903 по 16 мая 1905 г. он был переведен на аналогичный пост в Тульскую губернию. П. Н. Дурново был назначен министром внутренних дел 22 октября 1905 г., а уже 2 декабря Осоргин оставил службу губернатора, при этом в отставку он не вышел и до 1917 г. состоял причисленным к Министерству внутренних дел.
- 176 Михаил Михайлович Осоргин был полным тезкой своего отца, также Михаила Михайловича (1834–1910). Его мать — Мария Александровна Осоргина (1837–1904), урожденная княжна Волконская.
- 177 В память Св. Иулиании Лазаревской (Муромской) — Иулиании Иустиновны Осоргиной, урожденной Недюревой (нач. 1540-х гг. — 1604). Супруга праведного Георгия Васильевича Осоргина. Вместе с супругом — местночтимая (Муромская) праведница, но в XVIII в. ее почитание получило широкое распространение.
- 178 Что имели в виду большевики определить не возможно. Быть может, так был назван генерал граф Август фон Вердер, который стремительным ударом в январе 1871 г. опрокинул французскую армию Шарля Бурбаки и заставил ее перейти швейцарскую границу, где она была интернирована.
- 179 Отец автора — князь Н. П. Трубецкой в 1876–1886 гг. занимал пост Калужского вице-губернатора, соответственно, автор провел в Калуге все детство — с 3 до 13 лет. Здание губернаторского дома было построено в 1811 г. по проекту местного архитектора И. Д. Ясыгина. В 1917 г. он был переименован в Дом свободы, поскольку в него въехал калужский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При советской власти в доме размещались местные партийные органы, затем областной и районный суды. В конце 1930-х гг. здание вошло в комплекс зданий Дома пионеров, ныне — Дом творчества юных; дом находился на Золотой улице, ныне улица Карла Маркса, д. 6. В 2015 г. подписано соглашение с Эрмитажем о размещении в этом здании выставочного зала, но 1 августа 2016 г. в здании произошел пожар и оно закрылось на реставрацию.

- 180 С февраля по июнь 1918 г. Калуга была центром Калужской советской республики. В данном случае имеется в виду председатель Совнаркома республики с февраля 1918 г. латыш Петерис Витолиньш (Петр Янович Витолин; 1892–1938), который одновременно являлся председателем Калужского губкома РКП(б). Витолин был отстранен от должности 26 апреля, после того как разгромил со товарищи Свято-Тихоновский монастырь, устроив там пьянку, сопровождавшуюся расстрелами монахов, грабежом местного населения, «изъятием ценностей без описи» и др. В 1938 г. Витолин был расстрелян.
- 181 Имеется в виду ученик 6-го класса реального училища.
- 182 Реформа орфографии русского языка, в ходе которой была ликвидирована буква Ъ (ять) объявлена циркулярами Временного правительства летом 1917 г. и начала действовать в школе с сентября. Она была подтверждена декретом СНК РСФСР от 23 декабря 1917 г., делопроизводство и газеты были переведены на новое правописание декретом 1918 г. Поскольку противники реформы стали использовать вместо ять твердый знак, то большевики начали гонения и на него: в типографиях литеры с твердым знаком изымались и вместо него стали использовать апостроф (').
- 183 После того, как советская делегация 28 января (10 февраля) 1918 г. прервала переговоры, немецкая стороны проинформировала советское правительство, что с 12:00 18 февраля перемирие прекращается, и немецкие войска в оговоренные сроки перешли в наступление. В этих условиях советское правительство под давлением В. И. Ленина было вынуждено согласиться на все условия Центральных держав и 3 марта 1918 г. советские представители подписали Брестский мир.
- 184 29 апреля 1918 г. немецкие войска разогнали украинскую Центральную раду, одновременно делегаты Всеукраинского съезда хлеборобов избрали генерал-лейтенанта П. П. Скоропадского гетманом Украины, были обнародованы «Грамота ко всему украинскому народу» и «Законы про временное устройство Украины», что положило начало существованию нового государства — Украинской державы.
- 185 Новочеркасск был освобожден от большевиков 25 апреля донцами и частями полковника М. Г. Дроздовского, а 4 мая большевики бежали из Ростова-на-Дону, изъязв из кладовых Госбанка в ночь на 1 мая все донские дензнаки (в том числе бракованные и недопечатанные), облигации разных займов и весь «металлический фонд».
- 186 Имеется в виду Чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в марте 1918 г. Телеграмма В. Вильсона, зачитанная на этом съезде, гласила: «Пользуясь Съездом Советов, я хотел бы от имени народа Соединенных Штатов выразить искреннее сочувствие русскому народу, в особенности теперь, когда Германия ринула свои вооруженные силы вглубь страны, с тем, чтобы помешать борьбе за свободу, уничтожить все ее завоевания и вместо воли русского народа осуществить замыслы Германии. Хотя правительство Соединенных Штатов, к сожалению, в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую оно желало бы оказать, я хотел бы уверить русский народ через посредство настоящего Съезда, что правительство Соединенных Штатов использует все возможности обеспе-

чить России снова полный суверенитет и полную независимость в ее внутренних делах и полное восстановление ее великой роли в жизни Европы и современного человечества.

Народ Соединенных Штатов всем сердцем сочувствует русскому народу в его стремлении освободиться навсегда от самодержавия и сделаться самому вершителем своей судьбы».

- 187 Авторство П. Н. Дурново относительно записки не доказано. Поступление данной записки нигде в государственных органах, придворном ведомстве или канцеляриях не зафиксировано. Кроме того, хождение записка (в списках) получила лишь после смерти Дурново, а кроме того Дурново, по складу своего характера и уровню подготовки, вряд ли являлся тем человеком, который мог бы вообще данную записку составить. Поэтому сомнения в его авторстве очень велико. Во время войны в списках среди оппозиции ходили многочисленные апокрифы, происхождение которых установить невозможно.
- 188 Созданный в 1918 г. Левый центр состоял из эсеров, энесов, левых кадетов и отдельных меньшевиков (В. Н. Розанов и В. О. Левицкий-Цедербаум). Этот центр был ориентирован на Антанту и получал от нее материальную помощь.
- 189 26 марта 1918 г. было подписано Пензенское соглашение между СНК РСФСР и Чехословацким национальным советом, по которому советская стороны гарантировала частям Чехословацкого корпуса (ок. 50 тысяч человек) беспрепятственную доставку во Владивосток, откуда они должны были убыть море в Европу. Однако уже в апреле советское правительство начало чинить чехословакам препятствия. 16 мая 1918 г. был образован Временный исполком корпуса, который принял решение прекратить сдачу оружия и двигаться «собственным порядком» во Владивосток. В ответ Наркомат по военным и морским делам 23 мая отдал распоряжение: «Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, разоружению и расформированию всех эшелонов и частей чехословацкого корпуса как остатка старой регулярной армии». В ответ чехословацкие части подняли восстание.
- 190 Немецкие войска находились в Орше с февраля по октябрь 1918 г.
- 191 Генерал-лейтенант П. П. Скоропадский начал службу в 1893 г. в Кавалергардском полку и оставался в гвардейских частях до января 1917 г. (с перерывом в 1904–1905 и 1915–1916 гг.), последний пост — начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В 1905 г. он также состоял в Свите Е.И.В., с 1905 г. как флигель-адъютант, с 1912 по январь 1916 г. — как генерал-майор Свиты.
- 192 Принцип «Россия единая и неделимая» содержался еще в законах Российской империи, а после революции Белое движение приняло в качестве своего главного лозунга борьбу за «Россию единую, великую и неделимую», что кроме восстановления «поруганной» большевиками страны подразумевало непременно сохранение ее территориальной целостности в границах 1917 г.
- 193 Немецкий посол граф Вильгельм фон Мирбах был убит 6 июля 1918 г. в здании германского посольства в Москве (Денежный переулок, д. 5) сотрудниками ВЧК левыми эсе-

рами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым (считается, что смертельный выстрел был сделан именно Андреевым). Убийство было совершено по решению руководства левых эсеров и стало одним из звеньев организованного ими восстания в Москве.

- 194 Ультиматум с требованием о введении в Москву воинского батальона для охраны посольства был передан советскому правительству К. Рицлером 14 июля 1918 г. Однако на следующий день на Западном фронте началось 2-е сражение на Марне, в связи с чем Германия просто не имела сил, чтобы предпринять какие-либо активные действия на Востоке.
- 195 Император Николай II был расстрелян большевиками вместе с супругой императрицей Александрой Федоровной, всеми детьми, а также четырьмя лицами из их окружения в ночь на 17 июля 1918 г. в подвальном помещении дома Ипатьева в Екатеринбурге.
- 196 Официально об убийстве Николая II было сообщено в газетах «Известия» и «Правда» 19 июля, где был опубликован Бюллетень бюро печати при ВЦИК № 106, который начинался следующими словами: «Расстрел Николая Романова. В последние дни столице Красного Урала Екатеринбург угрожала опасность приближения чехо-словацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контр-революционеров, имевший целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача. В виду этого Президиума Уральского Областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение шестнадцатого июля. Жена и сын Николая Романова отправлены в надёжное место».
- 197 Всероссийский национальный центр был организован в мае — июне 1918 г. в Москве, имел многочисленные отделения во многих городах, в 1919 г. ВЧК были разгромлены Петроградское и Московское отделения, ВНИЦ просуществовал до 1920 г.
- 198 Союз возрождения России был создан в 1918 г. и объединил кадетов, энесов, эсеров, а позже также независимых социал-демократов, меньшевиков (группа «Единство»). Декларируемые цели: непризнание Брестского мира, восстановление России в границах 1914 г. (без Польши и Финляндии), возрождение русской государственности, передача власти Директории до созыва Учредительного собрания.
- 199 Имеется в виду Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), принявший на себя функции всероссийского правительства. Он был создан 8 июня 1918 г. в освобожденной от большевиков чехословацкими войсками Самаре. В него первоначально вошли пять эсеров, членов Учредительного собрания: Владимир Вольский (председатель), Иван Брушвит, Прокопий Климушкин, Борис Фортунатов и Иван Нестеров.
- 200 После излечения от полученных в бою ранений, генерал-майор Б. И. Казанович был в мае 1918 г. отправлен генералами М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным с секретной миссией в Москву. Его главной задачей было связаться с финансовыми и промышленными кругами и решить вопросы финансирования Добровольческой армии. Казанович встретился с представителями Всероссийского национального центра. Свою поездку он описал в воспоминаниях: *Казанович Б. И. Поездка из Добровольческой армии в Красную Москву // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922.*

- 201 У графа Василия Петровича и графини Ольги Феофиловны Орловых-Денисовых было три сына: Петр (1900–1918), расстрелян большевиками; Василий (1901–?), вольноопределяющийся лейб-гвардии Казачьего полка, пропал без вести в марте 1920 г.; Юрий (Георгий) (1903–1965), уехал с матерью в эмиграцию.
- 202 12 июня 1918 г. представители Украинской Народной Республики и РСФСР подписали прелиминарный договор о перемирии. Каких-либо принципиальных вопросов, в том числе о границах и принадлежности спорных территорий, он не затрагивал, а касался, в основном, обеспечения возможности гражданам обеих государств беспрепятственно вернуться домой, введения консульств, торговли и железнодорожного сообщения. В соответствии с договором в июле 1918 г. были открыты украинские генеральные консульства в Москве и Петрограде, а также 30 консульских агентств в других городах (10 — 1-го, 20 — 2-го разряда). Советские консульства открылись в Киеве, Одессе, Каменце-Подольском, Чернигове, Житомире и Полтаве.
- 203 Трехосные вагоны 3-го класса красили в зеленый цвет, они состояли из четырехместных купе с жесткими диванами и полками (с отличии от 2-го класса, где они были мягкие).
- 204 Купеческий парк находился в Киеве на склоне Днепра вдоль части Александровской улицы. При советской власти — Пионерский парк, ныне — Крещатый парк.
- 205 Липки — исторический район в центре Киева, ограниченный улицами Александровской (ныне Михаила Грушевского), Банковой, Лютеранской, Виноградной (ныне Академика Богомольца), Виноградным и Крепостным переулками. Входят в состав Печерского района. Здесь располагались особняки сановников и аристократии, состоятельных киевлян и др., в том числе и особняк гетмана П. П. Скоропадского.
- 206 Ландштурмисты, то есть бойцы ландштурма (*Landsturm*) — в Германии ополчения, категория военнообязанных старших возрастов, которые призывались только во время войны, физически годные, но уже отбывших срок службы или освобожденные ранее по льготе. К осени 1918 г. боеспособные части немецкой армии были выведены из России на Западный фронт и, в значительной степени, заменены ландштурмом и ландвером (второочередными воинскими формированиями).
- 207 Астраханская армия формировалась с июля 1918 г. на Дону, в районе станицы Великокняжеской при активной поддержке германских войск. Первое вербовочное бюро было открыто в том же месяце в Киеве, позже также в других городах Юга России. 13 октября 1918 г. армия ввиду ее малочисленности (1,5–2 тысяч чел.) была преобразована в Астраханский корпус Особой Южной армии. Корпус на февраль 1919 г. имел следующий состав:
- 1-я Астраханская казачья дивизия: генерал-майор Сергей Петрович Зыков (123 офицера, 1760 казаков, 19 пулеметов, 2 орудия);
  - 1-я стрелковая бригада: полковник Евгений Исаакович Достовалов (101 офицер, 211 стрелков, 15 пулеметов, 5 орудий);
  - 2-я стрелковая бригада: генерал-лейтенант Давид Константинович Гунцадзе (60 офицеров, 75 стрелков, 2 пулемета);

— 1-я пластунская бригада: генерал-майор Иван Иванович Патрикеев (11 офицеров, 60 бойцов).

Приказом главнокомандующего ВСЮР от 25 апреля 1919 г. Астраханский корпус расформировывался с 13 марта, а его личный состав включался в состав ВСЮР.

- 208 Таковую же точку зрения, что и автор высказывает и хорошо знавший И. П. Романовского генерал Н. Н. Шиллинг: «Говорили, что генерал Романовский масон, республиканец, враг монархистов, Гвардии и тому подобную чепуху. Все это — наглая ложь, распространявшаяся в то время некоторыми безответственными лицами, стремящимися к власти в Добровольческой армии.

Так как у нас легко подхватывались и распространялись всякие неблагоприятные толки относительно людей, занимавших видное положение, то, естественно, и пущенные небывлицы, касавшиеся генерала Романовского повторялись и многими офицерами, которые, видимо, сами того не сознавая, не отдавая себе ясного отчета во вредности подобных разговоров, подрывали престиж не только одного лица, но и всей идеи Добровольческой армии, бессознательно играя в руку врагу — большевикам.

Генерал Романовский был истинным, высоковерующим христианином, а, следовательно, безукоризненно честным человеком, горячо любившим свою Родину и всей душой преданным Белой идее Добровольческой армии, которой он нелицемерно служил, отдав всего себя работе, как начальник штаба Главнокомандующего. В разговоре со мной генерал Романовский с горькой иронией коснулся вопроса о том, что, как ему пришлось слышать, в офицерской среде, многие считают его человеком республиканского направления и вот его, хорошо врезавшиеся в мою память, подлинные слова: “Меня, почему-то, считают республиканцем, но подумайте сами, разве я могу им быть?.. Бог даст, придет время, глубоко верю, что такое время придет, когда весь русский народ, сознательно, от всей души запоем „Боже Царя храни“, а пока, не с такими выходками, а с осторожной заботой и лаской надо подходить к идее Монархии у нас в России”».

Из неопубликованных воспоминаний Н. Н. Шиллинга. [Электронный ресурс] URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=424638>

- 209 Рихард фон Кюльман был снят с поста главы внешнеполитического ведомства Германии 16 июня 1918 г., после того как 11 июня в своей речи в Рейхстаге заявил, что невозможно выиграть войну лишь одними военными средствами.
- 210 К моменту написания письма великого князя Михаила Александровича уже не было в живых: он был расстрелян пермскими большевиками без суда и следствия в Малой Язовой, близ Перми. При этом официально было объявлено, что он был похищен неизвестными.
- 211 Бундесрат — представительный орган германских земель в Германской империи в 1871–1918 гг. Представительство не было равным: каждая земля имела оговоренное количество представителей (Пруссия — 17, мелкие земли — по одному).
- 212 Дожинки — в белорусских и украинских землях праздник последнего дня жатвы. В этот день собиралась *толока*. Самая уважаемая женщина распределяла всех по ниве,

затем сама брала серп и начинала жать с песней, которую все подхватывали, в конце каждая жнея откладывала по колосу для общего *дожиночного снопа*. Девушки выбирали «Багину» и все во главе с ней, неся дожиночный сноп отправлялись к дому помещика. Хозяева выходили встречать их с хлебом-солью, дожиночный сноп ставился под образа с жажиночным, после чего начинались гуляния (танцы и музыка).

- 213 Совет государственного объединения (СГО) России был создан в Киеве в конце 1918 г. членами Правого и Национального центров и Союза возрождения России под лозунгом «Великая, единая и неделимая Россия». Председателем был избран октябрист барон В. В. Меллер-Закомельский, которого позже сменил А. В. Кривошеин. Кроме того, важную роль в деятельности СГО играли П. Н. Милюков, С. Н. Маслов, князь Е. Н. Трубецкой, граф В. А. Бобринский, А. М. Масленников, А. С. Хрипунов, М. С. Маргулиес и др.
- 214 Теплушка — нормальный товарный вагон (НТВ), переоборудованный под перевозку людей или лошадей. Такие вагоны оборудовались двух- или трёхъярусными нарами, стены, двери и пол утеплялись, в загрузочные люки вставлялись рамы, в центре устанавливалась печка-буржуйка. Вместимость теплушки составляла 40 человек или 8 лошадей.
- 215 Имеется в виду Большой войсковой круг Всевеликого войска Донского, состоялся в Новочеркасске 15 сентября 1918 г. (выборы проходили в июне — августе), избрано 360 депутатов (см.: *Пащинский В. Большой войсковой круг 1918 г. Алфавитный список депутатов, цифры о них и диорамы. Новочеркасск, 1918*). 1-я сессия длилась 35 дней, круг утвердил провозглашенную 18 мая 1918 г. Донскую республику, принял новую редакцию Основных законов, утвердил флаг, герб и гимн Донской республики.
- 216 Имеется в виду так называемый советско-германский добавочный договор к Мирному договору между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, подписанный 27 августа 1918 г. с советской стороны — А. Иоффе, с германской — контр-адмиралом П. фон Хинце и тайным советником Й. Криге. Договор регулировал условия работы демаркационных и пограничных комиссий с последующим выводом, после демаркации границ, немецких войск с чужой территории. Кроме того, Германия обязалась, что «никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях» (ст. 4).

Со своей стороны РСФСР обязалась:

- «применить все имеющиеся в распоряжении средства, чтобы для соблюдения своего нейтралитета удалить боевые силы государств Согласия из северо-русских областей» (ст. 5);
- полностью отказаться от Эстляндии и Лифляндии и отказаться от «от всякого вмешательства в их внутренние дела» (ст. 7) и восстановить в полном объеме торговлю;
- соглашается на признание Германией Грузии самостоятельным государством (ст. 13) и др.

См.: *Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1959. № 319.*

- 217 Под балканизацией подразумевается процесс распада государства на как можно большее количество мелких политических субъектов, осложненный территориальными спорами между ними и военными конфликтами вплоть до широкомасштабной гражданской войны.
- 218 Гетман Украины П. П. Скоропадский выехал в Берлин из Киева 2 сентября 1918 г., по приглашению императора Вильгельма II для официальной личной встречи с ним. Отъезд готовился немецким командованием на Украине в обстановке полной секретности. Гетмана, который выехал ночью в штатском, сопровождали только граф Ф.-И. фон Альвенслебен, ординарец А. Захидов, адъютант Г. Зеленовский и заместитель министра иностранных дел А. А. Палтов.
- 3 сентября поезд гетмана прибыл в Потсдам, 4-го — в Берлин; украинская делегация разместилась в отеле «Adlon». В тот же день делегация (в сопровождении посла Украины в Берлине барона Ф. Штейнгеля) имела встречу с рейхсканцлером графом Г. фон Гертингом, который вечером дал обед в честь гетмана. 5 сентября гетман осмотрел картинную галерею в Касселе, а затем был принят Вильгельмом II (в замке Вильгельмсхее, близ Касселя), который вручил гетману Большой крест ордена Красного Орла. Император дал завтрак украинской делегации. 6 сентября гетман посетил оперу, 8 сентября — Ставку Верховного командования (ОНЛ) в Спа, где состоялись завтрак и встреча с начальником Полевого Генштаба генерал-фельдмаршалом П. фон Гинденбургом, В тот же день гетман посетил барона Г. Круппа фон Болен унд Гальбаха (на его вилле Кугель), а затем осмотрел заводы Круппа в Эссене. 9 сентября гетман вернулся в Берлин, 10 сентября состоялась его встреча в Киле с gross-адмиралом принцем Генрихом Прусским, а затем торжественный обед в Морском собрании. После этого гетман отбыл в Киев.
- 219 18 марта 1915 г. Россия, Франция и Великобритания достигли секретного соглашения, по которому Великобритания и Франция дали согласие о передаче Константинополя и Черноморских проливов Российской империи в обмен на земли в азиатской части Османской империи. После этого в Ставке озаботились разработкой планов десантной операции на Босфоре.
- 220 Великий князь Николай Николаевич был назначен Николаем II Верховным главнокомандующим одновременно с назначением князя Г. Е. Львова главой Временного правительства 2 марта 1917 г. От своего поста он отказался 11 марта, в тот же день был официально отчислен от должности и уволен от службы.
- 221 Четырнадцать пунктов — выдвинутый президентом США В. Вильсона проект принципов мирного урегулирования Первой мировой войны. Оглашен Вильсоном 8 января 1918 г. Включал в себя сокращение вооружений, вывод немецких войск из России и Бельгии, создание независимой Польши и Лиги Наций и др.
- 222 Имеется в виду так называемый Голицынский дворец в поселке Гаспра (Крым). Это имение в 1865 г. приобрел граф В. В. Левашов, женатый на графине О. В. Паниной. В конце XIX в. имение было передано в управление племяннице последней — графине С. В. Паниной. С 1922 г. здесь размещается санаторий, ныне санаторий матери и ребенка «Ясная поляна».

- 223 Имеется в виду так называемая Уфимская директория или Временное Всероссийское правительство, избранное 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе. Было объявлено, что директория «впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания является единственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российского». Также депутаты приняли декларацию, в которой главными и неотложными задачами правительства являются: освобождение России от большевиков; возвращение отторгнутых областей России; отказ от признания Брестского и прочих подобных договоров; продолжение войны на стороне Антанты. Членами Директории были избраны: Н. Д. Авксентьев, Н. И. Астров, В. Г. Болдырев, П. В. Вологодский и Н. В. Чайковский, а также каждому заместитель. В связи с тем, что Астров находился на Юге России, а Чайковский в Архангельске, реально их места в Директории заняли В. А. Виноградов и В. М. Зензинов.
- 224 В Яссах (Румыния) 16–23 ноября 1918 г. прошло совещание российских политических антибольшевистских деятелей, представителей Добровольческой армии и представителей Антанты. В резолюции участники совещания выступили за получение военной помощи от Антанты, за восстановление «Единой и неделимой России» (в границах 1914 г., без Польши), за непризнание странами Антанты всех новообразованных на территории Российской империи квазигосударств.
- 225 Второй состав Крымского краевого правительства (окончательно сформированного к концу ноября 1918 г.) был следующим: С. С. Крым (кадет; премьер-министр, министр земледелия и краевого имущества); М. М. Винавер (кадет; министр внешних сношений); Н. Н. Богданов (кадет; министр внутренних дел); адмирал В. А. Канин (морской министр); генерал-лейтенант М. М. Будчик (управляющий Военным министерством); В. Д. Набоков (кадет; министр юстиции); П. С. Бобровский (меньшевик; министр труда, краевой секретарь и контролер, и. о. управляющего делами Совета министров); А. П. Барт (беспартийный; министр финансов); А. А. Стевен (беспартийный; министр продовольствия, торговли и промышленности, и. о. министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественной работы); С. А. Никонов (эсер; министр народного просвещения и вероисповеданий, председатель Медицинского совета при МВД); Н. Н. Колышневич (управляющий Краевой канцелярией).
- 226 Под четыреххвосткой имеется в виду всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.
- 227 Имеются в виду, так называемые цветные полки Белой армии, то есть носившие имена своих вечных шефов, к тому времени уже погибших. В Добровольческой армии были Корниловские (в честь генерала Л. Г. Корнилова), Марковские (в честь генерала С. Л. Маркова), Дроздовские (в честь генерала М. Г. Дроздовского) и Алексеевские (в честь генерала М. В. Алексева) части. Все они имели особую униформу и собственные значки различия, отличавшие их от остальных белых частей.
- 228 Имеется в виду Николай Владимирович Скоблин (1893–1937/38), генерал-майор (1920). В 1917 г. командир батальона 1-го ударного Корниловского полка. В декабре 1917 г., вступил в Алексеевскую организацию. В ноябре 1918 г., то есть в 25 лет, принял командова-

ние Корниловским полком. С сентября 1919 г. командир 2-й бригады, с октября 1919 по октябрь 1920 г. — Корниловской дивизии. В эмиграции был завербован советской разведкой, участвовал в организации похищения председателя РОВС генерала Е. К. Миллера (1937), после чего пропал без вести (по наиболее распространенной версии он был убит агентами НКВД).

- 229 Имеются в виду Польские песни оп. 74 (*Chant polonais*) Ф. Шопена — сборник из 19 (первоначально 17) произведений, написанных композитором в 1827–1847 гг. на слова польских поэтов-романтиков (в основном С. Витвицкого).
- 230 Поскольку назначение А. В. фон Шварца военным генерал-губернатором Одессы и командующим русскими войсками в Одесском районе не было согласовано французами с командованием ВСЮР, то А. И. Деникин выразил протест и отказался подтвердить это назначение, представители и сторонники ВСЮР в Одессе также отказались подчиняться распоряжениям Шварца. В апреле 1919 г. французские войска были эвакуированы и Шварц покинул Одессу вместе с ними.
- 231 Тюркосы (*фр. turcos*) или зуавы — неофициальное название стрелков французских колониальных алжирских частей, комплектуемых из туземцев (арабов и кабилы).
- 232 Члены Императорской фамилии, оказавшиеся в Крыму, были эвакуированы 7 апреля 1919 г. на британском крейсере «Мальборо». В Ялте крейсер взял на борт еще ряд беженцев. Утром 11 апреля крейсер отбыл из Ялты, имея на борту вдовствующую императрицу Марию Федоровну, великого князя Николая Николаевича с супругой, великую княгиню Ксению Александровну с мужем великим князем Александром Михайловичем и сыновьями Федором, Никитой, Дмитрием, Ростиславом и Василием, чету Юсуповых-старших, князя Феликса Юсупова с супругой Ириной Александровной и дочерью, великого князя Петра Николаевича с супругой и детьми, княгиню Оболенскую, адмирала Вяземского и др. (всего 70 человек). 13 апреля корабль прибыл в Константинополь. 16 апреля великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич с семьями покинули «Мальборо» и, пересев на линкор «Лорд Нельсон», отбыли в Геную. Императрица Мария Федоровна отбыла на Мальту, а оттуда в Великобританию.
- 233 Поселок Мысхако расположен на побережье Черного моря в 5 км от центра г. Новороссийск, на восточных склонах горы Колдун. С середины XIX в. здесь находились принадлежавшие казне виноградники для производства вин. Поселок возник в 1903 г.
- 234 В «Очерках русской смуты» А. И. Деникин дал описание визита этой делегации: «27 мая [1919 г.] по поручению “Парижского совещания” в Екатеринодар приехали: генерал Щербачев, Аджемов и Вырубов, как писал князь Львов, для того, чтобы “облегчить (мне) трудную задачу ориентировки в сложной мировой политической жизни”. Конкретно вопрос был поставлен о необходимости немедленного подчинения моего адмиралу Колчаку. Со мной беседовали отдельно генерал Щербачев и потом Аджемов с Вырубовым. К удивлению своему, я не чувствовал в их речах никакого пафоса, скорее некоторое смущение — то ли в силу пошатнувшегося положения Восточного фронта наряду с развивающимися успехами армий Юга, то ли потому, что принятая на себя миссия казалась им исключительно трудной и щекотливой. Генерал Щербачев был

вообще краток и, передав сущность вопроса, сослался на предстоящее более детальное выяснение его своими спутниками.

Мотивы, которые они приводили в пользу подчинения, сводились в общем к следующему: 1) мощь сибирских армий и огромная, освобожденная ими от большевиков территория, подчиненная адмиралу Колчаку; 2) впечатление, произведенное на правительства и общественное мнение Европы быстрым выходом сибирских войск к Волге; 3) ожидающееся официальное признание союзными правительствами адмирала Колчака при условии объединения в его лице всей Верховной власти; 4) наконец, признание Всероссийской власти сделает невозможным признание власти советской и облегчит нам борьбу с сепаратными течениями.

О признании адмирала Колчака союзниками, в случае подчинения ему Юга, Аджемов и Вырубов заявили в форме категорической, генерал Щербачев — с большей осторожностью: «Союзные представители делали намеки...» (Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. Париж, 1926. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. Глава II: Признание Югом власти адмирала Колчака. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/5_02.html).

- 235 Имеется в виду отданный А. И. Деникиным приказ № 145 от 30 мая 1919 г., гласивший: «Безмерными подвигами Добровольческих армий, кубанских, донских и терских казаков и горских народов освобожден Юг России, и русские армии неудержимо движутся вперед к сердцу России.

С замиранием сердца весь русский народ следит за успехами русских армий с верой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успехами в глубоком тылу зреет предательство на почве личных честолюбий, не останавливающихся перед расчленением Великой, Единой России.

Спасение нашей Родины заключается в единой Верховной власти и нераздельном с нею едином Верховном командовании.

Исходя из этого глубокого убеждения, отдавая свою жизнь служению горячо любимой Родине и ставя превыше всего ее счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русского Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армий». См.: Деникин А. И. Очерки русской смуты: в 5 т. Париж, 1926. Т. 5: Вооруженные силы Юга России. Глава II: Признание Югом власти адмирала Колчака. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/denikin_ai2/5_02.html

- 236 Территориально до августа 1919 г. Особое совещание располагалось в Екатеринодаре, а затем было переведено в Ростов-на-Дону. С октября 1918 г. его председателем был генерал А. М. Драгомиров, с сентября 1919 г. — генерал А. С. Лукомский.

К июлю 1919 г. Особое совещание имело следующий состав:

- 1) генерал от кавалерии А. М. Драгомиров (беспартийный, правый), председатель;
- 2) генерал-лейтенант А. С. Лукомский (беспартийный, правый), начальник Военного управления;
- 3) вице-адмирал А. М. Герасимов (беспартийный, правый), начальник Морского управления;

- 4) генерал-лейтенант И. П. Романовский (беспартийный, либерал), начальник штаба главнокомандующего ВСЮР;
- 5) генерал-лейтенант А. С. Санников (беспартийный, правый), главный начальник снабжений;
- 6) генерал-лейтенант Н. М. Тихменев (правый, член Совета государственного объединения), главный начальник военных сообщений;
- 7) А. А. Нератов (правый, член Совета государственного объединения), и. д. начальника Управления иностранных дел;
- 8) Н. Н. Чебышев (правый, член Национального центра и Совета государственного объединения), начальник Управления внутренних дел;
- 9) В. Н. Челищев (либерал, член Национального центра), начальник Управления юстиции;
- 10) В. Г. Колокольцов (правый), начальник Управления земледелия;
- 11) М. В. Бернацкий (беспартийный, бывший революционный демократ), начальник Управления финансов;
- 12) В. А. Лебедев (беспартийный), начальник Управления торговли и промышленности;
- 13) С. Н. Маслов (правый, октябрист), начальник Управления продовольствия;
- 14) Э. П. Шуберский (беспартийный, член Национального центра), начальник Управления путей сообщения;
- 15) И. М. Малинин (либерал, член Национального центра), начальник Управления народного просвещения;
- 16) князь Г. Н. Трубецкой (правый, член Совета государственного объединения), начальник Управления исповеданий (названо позже);
- 17) В. А. Степанов (кадет, член Национального центра), государственный контролер;
- 18) К. Н. Соколов (кадет, член Национального центра), управляющий Отделом законодательства и пропаганды;
- 19) С. В. Безобразов (беспартийный, правый), управляющий делами Особого совещания;
- 20) Н. И. Астров (кадет, член Национального центра), член Особого совещания без портфеля;
- 21) М. М. Фёдоров (кадет, председатель Национального центра), член Особого совещания без портфеля;
- 22) И. П. Шипов (правый), член Особого совещания без портфеля;
- 23) Д. И. Никифоров (правый), член Особого совещания без портфеля;
- 24) Н. В. Савич (октябрист, член Совета государственного объединения), член Особого совещания без портфеля.

К этому времени вышел из состава член Особого совещания В. В. Шульгин; генерала Санникова сменил позже генерал Кортацци; Чебышева — В. П. Носович; Колокольцова — А. Д. Билимович; Лебедева — А. И. Фенин; Шуберского — В. П. Юрченко. См.: Журналы заседаний особого совещания при Главнокомандующем вооруженными

- Силами на Юге России А. И. Деникине. Сентябрь 1918-го — декабрь 1919 года. М., 2008. С. 13–14.
- 237 15-я немецкая ландверная дивизия (12-й, 53-й и 55-й ландверные пехотные, 15-й ландверный полевой артиллерии полки, 1-й эскадрон 5-го Померанского гусарского полка), которой командовал генерал-лейтенант Эрнст Зак, оставалась на Украине до 16 марта 1919 г.
- 238 Крымско-Азовская армия была сформирована 10 января 1919 г. в составе ВСЮР на базе Крымско-Азовского корпуса. В составе армии находились 5-я пехотная и Сводная конная дивизии — обе неполного состава; командовал армией генерал-лейтенант А. А. Боровский. 22 мая она была переформирована в III армейский корпус.
- 239 Эта информация не соответствовала действительности: кабинет Ж. Клемансо просуществовал еще около 10 месяцев и пал только 20 января 1920 г.
- 240 «Жюстис» (*La Justice* — «Справедливость») — французский эскадренный броненосец типа «Демократия». Заложен в 1903 г., спущен на воду в 1904 г., введен в эксплуатацию в 1908 г. Главный калибр — 2 по 2 305-мм орудия; экипаж ок. 800 человек.
- 241 «Вальдек-Руссо» (*Waldeck-Rousseau*) — французский броненосный крейсер одноименного типа. Заложен в 1905 г., спущен на воду в 1908 г., введен в эксплуатацию в 1910 г. Главный калибр — 14 194-мм орудий, экипаж 860–890 человек.
- 242 Имеются в виду три уезда Таврической губернии (Бердянский, Днепровский и Мелитопольский), расположенные на материковой части Юга России; остальные уезды и градоначальства губернии находились на территории Крымского полуострова.
- 243 Официально «Жан Бар» (*Jean Bart*) считался линейным кораблем типа «Ришелье», а «Мирабо» (*Mirabeau*) и «Верньо» (*Vergniaud*) — эскадренными броненосцами типа «Дантон».
- 244 Собор проходил в Ставрополе Кавказском с 19 по 24 мая 1919 г. В нем приняли участие представители епархий Юга России, члены Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг., представители военного духовенства, Добровольческой армии и Войскового круга Всевеликого войска Донского. В Соборе приняли участие 11 архиереев: архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Симашкевич), архиепископ Кавказский и Ставропольский Агафодор (Преображенский), архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе), архиепископ Екатеринославский и Мариупольский Агапит (Вишневский), епископ Владикавказский и Моздокский Макарий (Павлов), епископ Приазовский и Таганрогский Арсений (Смоленец), епископ Кубанский и Екатеринодарский Иоанн (Левицкий), епископ Аксайский Гермоген (Максимов), епископ Александровский Михаил (Космодамианский), епископ Сухумский Сергей (Петров), епископ Челябинский и Троицкий Гавриил (Чепур).
- 245 Имеется в виду так называемая Московская директива (Директива № 08878), подписанная генералом А. И. Деникиным 3 июля 1919 г. в Царицыне. Она открывалась сло-

вами «Имея конечной целью захват сердца России — Москву, приказываю» и в ней были поставлены ближайшие задачи для составных частей ВСЮР.

246 Здание «Большой Московской гостиницы» в Ростове-на-Дону было построено в 1893–1896 гг. и ныне находился по адресу Большая Садовая улица, д. 62; с 2007 г. здание закрыто и планируется проведение реконструкции.

247 Имеется в виду знаменитый рейд IV Донского корпуса К. К. Мамантова (6 тысяч сабель, 3 тысячи штыков, 12 орудий) 10 августа — 19 сентября 1919 г. по тылам советского Южного фронта. Как указывал командующий Южным фронтом РККА А. И. Егоров, Мамантов отвлек на себя значительные силы, чем способствовал общему наступлению белых; «коренным образом нарушил управления Южным фронтом»; Мамантову удалось нанести серьезный ущерб железнодорожной сети в советском тылу, а также разгромить большое количество красных складов и баз.

248 Главноначальствующими были назначены: в Харьковскую область — генерал-лейтенант В. З. Май-Маевский, в Новороссийскую — генерал-лейтенант Н. Н. Шиллинг, в Киевскую — генерал от кавалерии А. М. Драгомитров.

249 Урожайность зерновых в России в 1917 г. 6,4 ц/га (640 кг/га), установленная на территории ВСЮР повинность, в переводе на метрические меры: 0,72 ц/га (72 кг/га).

250 Имеется в виду Министерство исповеданий Временного правительства, существовавшее с 5 августа по 26 ноября 1917 г. А. В. Карташев вспоминал: «Положение об учреждении министерства исповеданий было вчерне спроектировано по моему заданию в Синоде опытными чиновниками П. В. Гурьевым и С. Г. Рункевичем, преимущественно последним. Но когда я его лично привез в Мариинский дворец в нашу законодательную лабораторию, в так называемое “Юридическое совещание” при Временном правительстве, где сидели такие наши блистательные юристы, как В. Д. Набоков и барон Б. Э. Нольде, то проект принял следующий сжатый и дельный вид:

“Для заведывания делами всех вероисповеданий учреждается министерство исповеданий. 2) В это министерство передаются: а) дела, касающиеся ведомств православного исповедания, временно в том объеме, в каком они подлежат, по действующим законам, компетенции обер-прокурора св. Синода, и б) дела инославных и иноверных исповеданий, составляющие, по закону, предмет ведения министерства внутренних дел по департаменту духовных дел иностранных исповеданий. 3) Должности обер-прокурора св. Синода и товарища обер-прокурора упраздняются. В составе министерства учреждаются министр исповеданий и два товарища министра... 5) Министр исповеданий в отношении дел, предусмотренных статьей 2-ю, соединяет к своему лицу временно всю полноту власти обер-прокурора и министра внутренних дел по принадлежности, впредь до утверждения, в законодательном порядке, выработанных всероссийским поместным собором реформ церковного управления и коренного пересмотра отношений русской государственной власти к исповеданиям при новом строе”. См.: Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Современные записки. 1933. № 52. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vremennoe-pravitelstvo-i-russkaja-tserkov/ (дата обращения: 1 марта 2018 г.).

- 251 Декларация генерала А. И. Деникина звучала следующим образом: «В твёрдом убеждении, что возрождение России не может совершиться без благословения Божия и что в деле этом Православной Церкви принадлежит первенствующее положение, подobaющее ей в полном соответствии с исконными заветами истории, признаю необходимым установить нижеследующее:
- В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора, Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления.
- Впредь до выработки особых по сему предмету законоположений, учрежденному ныне Временному Управлению исповеданий надлежит иметь наблюдение за соответствием постановлений власти Православной Церкви в делах, соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений, с существующими общими государственными узаконениями. Через его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви в ее материальных и иных нуждах.
- В своих отношениях к инославным и иноверным исповеданиям Временное Управление исповеданий должно руководствоваться началами свободы, совести и веротерпимости, предоставляя каждому признанному в государстве исповеданию, в полном соответствии с общими государственными началами свободу самоуправления в делах внутреннего, чисто религиозного характера, не соприкасающихся с областью государственных и гражданских правоотношений. В борьбе с общим врагом, разрушающим начала государственности и нравственности, все эти исповедания призываются содействовать, среди своих последователей, общей задаче оздоровления и воссоздания России». См.: публикацию В. Ж. Цветкова. [Электронный ресурс] URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=54571> (дата обращения: 1 марта 2018 г.).
- 252 Озеро Светлояр расположено в междуречье левых притоков Волги — рек Керженец и Ветлуга, примерно в 130 км к северо-востоку от Нижнего Новгорода и в 1–1,5 км западнее села Владимирское (ныне Воскресенского района Нижегородской области).
- 253 В Бари (Италия) в базилике Святого Николая хранятся мощи Святого Николая Чудотворца.
- 254 В предисловии к изданию 1948 г. «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу», вышедших в парижском издательстве YMCA-Press, было указано: «Написанные во второй половине прошлого столетия, они распространялись и в рукописном виде, и печатно. Переписаны они были на Афоне настоятелем Черемисского монастыря Казанской епархии, игуменом Паисиим, и им же изданы, иждивением этого монастыря. В 1884 г. в Москве вышло уже четвертое издание. Рассказы были дважды переизданы и за границей, издательством YMCA-Press, в Париже» ([Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/fiction/otkrovennye-rasskazy-strannika-duhovnomu-svoemu-otcu/> (дата обращения: 1 марта 2018 г.). В постсоветской России книга переиздавалась неоднократно, последнее издание: М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015.

- 255 «Добролюбие» (греч. *Филокалия*) — сборник духовных произведений православных авторов IV–XV вв., составленный митрополитом Коринфским Макарием и Никодимом Святогорцем; первая публикация (на греческом) в 1782 г. в Венеции.
- 256 Данные взяты автором, скорее всего, из книги Мельгунова, а тот, в свою очередь, ссылается на профессора Сароле и его статью в эдинбургской газете «The Scotsman» (№ 7, ноябрь 1923), где указано, что за все время Красного террора были убиты 28 епископов и 1219 священников: Мельгунов С. Красный террор. М., 2008. С. 139.
- 257 Имеются в виду события 28 декабря 1918 г., когда отряд под командованием П. Е. Дыбенко расстрелял в Спасовом скиту (Святогорского мужского монастыря) близ Змиева Харьковской епархии 101 монаха, 6 настоятелей окрестных храмов и 20 офицеров, находящихся на лечении при монастыре.
- 258 Имеется в виду принятый в 1905 г. французский закон об отделении церквей от государства — закон о *associations cultuelles* (религиозных объединениях). Он расширил число «религиозных объединений», распространив на всех них нормы, которые ранее касались только католической, лютеранской и реформатской церквей, а также иудейских общин.
- 259 «Известия ВЦИК» от 3 мая 1918 г. так описывали празднование 1 Мая в Москве: «...Кремлевская стена от Никольских до Спасских ворот увешана флагами. Над братской могилой жертв Октябрьской революции высится обелиск, обтянутый красными и черными холстами. Ближе к Спасским воротам устроена трибуна, где разместились Члены ЦИК и представители Московского Совета. Лобное место обтянуто черным холстом, а сверху реет громадный алый флаг...»
- 260 Эвакуация Русской армии генерала П. Н. Врангеля была проведена 13–16 ноября 1920 г. из портов Крыма — Севастополя, Евпатории, Керчи, Феодосии и Ялты. Она была проведена без какой-либо паники и крайне успешно: на 126 кораблях было вывезено ок. 146 тысяч человек, не считая команд. Личный состав Русской армии был размещен в бывших военных лагерях в районе Галлиполи, в Чаталджи и на острове Лемнос, главнокомандующий и его штаб — в Константинополе; флот (Русская эскадра) — в Бизерте. В ноябре — декабре 1921 г. остатки Русской армии были перевезены в Болгарию и Сербию, а 1 сентября 1924 г. Русская армия была преобразована в Русский общевоинский союз (РОВС).
- 261 Отсылка автора к «Запискам из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, где таковым он называет Омский острог.

Именной указатель

Berard Jack, французский политик — 422

Bienaimé, m-lle, гувернантка Шиллингов — 104

Carolus Duran, см. П. Карольюс-Дюран

Citroën, см. А. Ситроен

Des Gras, Des Graz, см. Ч. Де-Гра

Duburguet, см. Дюбюрге

Flers Robert de, см. Р. де Флер

Gaulquier, французский дипломат на Юге России (1918) — 549

Häusser, см. Л. Хойссер

Herbette, см. Ж. Эрбет

Абдул-Хамид II (Абдул-Гамид) (1842–1918), султан Османской империи (1876–1909) — 208, 444

Абруццкий герцог, см. Луиджи Амедео

Авиновы — 481

Агапит, в мире Антоний Иосифович Вишневский (1867–1925/26), с 1911 г. епископ, с 1918 г. архиепископ Екатеринославский и Мариупольский; уклонился в раскол и возглавил Синод Украинской православной автокефальной церкви, но принес покаяние

и вернулся к управлению епархией; остался в Советской России, умер в заключении — 626, 634

Агафодор, в миру Павел Флегонтович Преображенский (1837–1919), с 1893 г. епископ, с 1907 г. архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский, с 1918 г. архиепископ, с 1919 г. митрополит Кавказский и Ставропольский — 625, 626

Агеев Павел Михайлович (1881–1930), меньшевик, член Донского войскового круга и правительства (1917–1918), член Южнорусского правительства по земледелию и землеустройству (1920); остался в Советской России, повесился в тюремной камере — 456, 460, 465, 543

Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1953), кадет, депутат Государственной думы (1907–1917). С 1918 г. во Франции, активно участвовал в политической деятельности — 575

Адлер (Adler), австрийский финансист — 220

- Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), один из руководителей партии эсеров и ее Боевой организации, информатор Департамента полиции, раскрыт А. А. Лопухиным — 46
- Акимов Михаил Григорьевич (1847–1914), действительный тайный советник (1907), министр юстиции (1905–1906), председатель Государственного совета (1907–1914) — 119
- Акимова Мария Николаевна (1855 — после 1944), дочь Н. Д. Делянова, жена М. Г. Акимова — 119
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), общественный деятель, один из лидеров славянофилов — 64
- Аксаковы, известные писатели и общественные деятели, славянофилы: Константин (1817–1860) и Иван (1823–1886) Сергеевичи — 660
- Александр (1888–1934), сербский королевич, из династии Карагеоргиевичей, сын короля Петра I; наследник сербского престола (с 1909), принц-регент (1914–1921) и Верховный главнокомандующий (с 1914); король сербов, хорватов и словенцев (1921–1929) и Югославии (1929–1934); убит террористом — 267, 286–288, 315, 319, 320, 384, 388, 391–392, 399, 403–404, 410, 413, 423
- Александр I (1876–1903), король Сербии (1889–1903) из династии Обреновичей; убит во время государственного переворота — 276
- Александр I Павлович (1777–1825), император Всероссийский (с 1801) из династии Романовых — 39, 226, 286
- Александр II Николаевич (1818–1881), император Всероссийский (с 1855) из династии Романовых; убит террористом — 28, 42, 51, 107, 127, 147
- Александр III Александрович (1845–1894), император Всероссийский (с 1881) из династии Романовых — 29, 32, 71, 198, 260
- Александра Николаевна, см. А. Н. Розен-Ланская
- Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), генерал от инфантерии (1914); главнокомандующий армиями Северо-Западного и Западного фронтов (1915), начальник штаба (1915–1917) Верховного главнокомандующего и Верховный главнокомандующий (11.03–21.05.1917); Верховный руководитель Добровольческой армии (31.08–8.10.1918) — 420, 426, 447–450, 453, 456–460, 463, 467–468, 503, 548–549, 556, 636
- Алексий Зосимовский, в миру Федор Алексеевич Соловьев (1846–1928), иеросхимонах, старец Зосимовой пустыни; остался в Советской России; прославлен в лике преподобного — 108, 446
- Алтынович П. И., внештатный драгоман российской миссии в Сербии — 285

- Альвенслебен-Нойгаттерслебен (Alvensleben-Neugattersleben) Вернер фон (1875–1947), граф, немецкий офицер, флигель-адъютант и личный представитель императора Вильгельма II при гетмане П. П. Скоропадском — 499
- Амброзетти Мария Алексеевна, см. М. А. Лопухина
- Амвросий (1938–1918), иеромонах Спасова мужского монастыря Харьковской епархии; убит большевиками — 663
- Амет (Amet) Жан Франсуа (1861–1940), французский вице-адмирал (1918); с октября 1918 г. командир 2-й эскадры и командующий ВМС союзников в Дарданеллах, с ноября также верховный французский комиссар Константинополя — 614, 619–624
- Анастасий, в миру Александр Алексеевич Грибановский (1873–1965), архиепископ Кишинёвский и Хотинский (1915–1919), митрополит Восточно-американский и Нью-Йоркский (1959–1964), первоиерарх Русской православной церкви за границей (1936–1964) — 447
- Анастасия Николаевна (1868–1935), великая княгиня; дочь короля Черногории Николая I, сестра великой княгини Милицы Николаевны; 2-м браком (с 1907) замужем за великим князем Николаем Николаевичем (младшим); в эмиграции — 555
- Анатолий, в миру Александр Алексеевич Потапов (1855–1922), иеросхимонах, насельник Оптиной пустыни — 432–434
- Андро де Ланжерон Дмитрий Федорович (1870–?), действительный статский советник (1911), депутат Государственной думы (1906), в 1918 г. Волынский губернский староста, в феврале — апреле 1919 г. помощник по гражданской части генерала Ф. д'Ансельма (Одесса); в эмиграции — 599–601, 605, 607
- Андроник, в миру Владимир Александрович Никольский (1870–1918), с 1914 г. епископ, с 1915 г. архиепископ Пермский и Соликамский (с 1916 г. — Пермский и Кунгурский); убит большевиками; прославлен в лике святых — 347, 663
- Андроников Г. З., князь, инженер, член военно-стачечного комитета Читы от Союза союзов (1905), затем в эмиграции — 347
- Анна Сергеевна, горничная Трубецких (1880-е гг.) — 93, 100, 491
- Антоний, в миру Алексей Павлович Храповицкий (1863–1936), архиепископ (с 1917 митрополит) Харьковский, митрополит Киевский и Галицкий (1918–1927), первоиерарх Русской православной церкви за границей (1920–1936) — 130, 446, 512
- Аппельрот Владимир Германович (1865–1897), учитель греческого языка 5-й московской гимназии — 158

- Апраксина Мария Дмитриевна (1845–1932), урожденная Рахманова, графиня, жена генерал-майора графа А. С. Апраксина; в эмиграции — 127
- Аргунов Андрей Александрович (1866–1939), один из лидеров правых эсеров. С 1921 г. в эмиграции — 457
- Арсений, в миру Авксентий Георгиевич Стадницкий (1862–1936), архиепископ (с 1917 митрополит) Новгородский и Старорусский (1910–1933), митрополит Ташкентский и Туркестанский (1933–1936); остался в Советской России — 446
- Арсеньев Алексей Александрович (1849–1914), Тульский губернский предводитель дворянства (1886–1905), член Государственного совета (с 1905) — 62
- Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), философ, историк религии и культуры, приват-доцент Московского университета (1916–1917), сотрудник Политического отделения Добровольческой армии (1918); в эмиграции — 18, 19, 461, 463, 471–473
- Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942), генерал-майор (1915); военный агент в Сербии (1909–1918); представитель ВСЮР в Белграде (1919–1920); в эмиграции — 367, 368, 385
- Астров Николай Иванович (1868–1934), кадет, Московский городской голова (март — июнь 1917); один из руководителей Правого центра, Союза возрождения России и Национального центра. В 1918–1919 гг. член Директории и Особого совещания при А. И. Деникине; в эмиграции. Гражданская жена — графиня С. В. Панина — 16, 495, 496, 502, 560, 563, 576
- Астров Павел Иванович (1866–?), юрист, брат Н. И. Астрова; член Поместного собора РПЦ (1917–1918); остался в Советской России — 495
- Афанасий (ум. 1918), иеромонах Спасова мужского монастыря Харьковской епархии; убит большевиками — 664
- Баденский** Максимилиан (Макс) (1867–1929), принц, германский генерал-майор (1911); правнук императора Николая I; в октябре — ноябре 1918 г. рейхсканцлер Германии и министр-президент Пруссии — 559
- Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), революционер, один из теоретиков анархизма — 276
- Бантыш Ольга Федоровна, см. О. Ф. Капнист
- Бантыш Федор Александрович (1865–1919), действительный статский советник (1911), Херсонский (1908–1911) и Иркутский губернатор (1911–1913); расстрелян большевиками — 157
- Барабошкин, врач — 304, 305
- Баранов Николай Павлович (1852–1911), граф, статский советник; сын графа П. Т. Баранова — 56

- Баранов Павел Трофимович (1814–1864), граф, генерал-майор (1856), Тверской губернатор (1857–1862) — 51
- Баранова Софья Александровна (Соня) (1870–1946), урожденная Евреинова, дочь А. П. *Евреинова*, первая любовь автора, жена Ф. А. *Бантыша*. — 157
- Баранова Александра Павловна, см. А. П. *Лопухина*.
- Баранова Анна Александровна (1874–1953), урожденная Оленина, замужем за графом Н. П. *Барановым*; эмиграции — 56
- Баранова Екатерина Павловна, см. Е. П. *Бутенева*.
- Барк Петр Львович (1869–1937), тайный советник (1915); министр финансов (1914–1917), член Государственного совета (с 1915); в эмиграции — 427
- Барятинская Леонилла Ивановна, см. Л. И. *Витгенштейн*.
- Барятинская Мария Владимировна (1851–1937), княгиня, благотворительница; жена князя И. В. *Барятинского* (1857–1915). В 1909–1920 гг. руководительница Ялтинской общины сестер милосердия; в эмиграции — 554, 566, 573, 574
- Барятинские, князья — 39, 191
- Барятинский Александр Иванович (1815–1879), князь, генерал-фельд-маршал (1859), наместник на Кавказе (1856–1862), член Государственного совета (с 1860); брат княгини Л. И. *Витгенштейн* — 39, 73
- Басов Василий Петрович (1841–1887), действительный статский советник (1883), директор 5-й московской гимназии (1876–1887) — 134
- Бежчевы — 111
- Безак Федор Николаевич (1865–1940), шталмейстер (1911), в 1907 и 1912–1913 гг. член Государственной думы, в 1913–1916 гг. — Государственного совета (по выборам), в 1912–1917 гг. Киевский губернский предводитель дворянства. В 1918 г. председатель Союза русских национальных общин (Украина); в эмиграции — 511, 522, 523
- Бёклин (Böcklin) Арнольд (1827–1901), швейцарский художник-символист — 407
- Белорусов (наст. фам. Белевский) Алексей Степанович (1859–1919), кадет, литератор, журналист, сотрудник «Русских ведомостей»; в 1918 г. член Правого и Национального центров, затем — в Сибири; умер от тифа — 449, 502
- Бельгард Александр Карлович (1854–1921), тайный советник (1916), Полтавский губернатор (1896–1902), сенатор (с 1916); в эмиграции. Жена — Э. П. *Бельгард* — 35, 36
- Бельгард Мария (Маня) Александровна, см. М. А. *Святополк-Мирская*
- Бельгард Эмилия Александровна* (1882–1917), дочь А. К. и Э. П. *Бельгард* — 36
- Бельгард Эмилия Павловна (1859 — после 1929), дочь П. В. и М. П. *Зиновьевых*, кузина князя Г. Н. *Трубецкого*; жена А. К. *Бельгарда*; в эмиграции — 35, 36

- Бельц (Böltz) Эдуард Эдлер фон (1864–1918), австрийский фельдмаршал-лейтенант (1915), командир дивизии; с марта 1918 г. военный губернатор Одессы. 9 ноября покончил жизнь самоубийством — 516
- Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918), русский генерал, последний военный министр Российской империи — 267
- Беляев, ученик Калужской гимназии — 115
- Бенедикт XV, в миру маркиз Джакомо дела Къеза (1854–1922), папа Римский (1914–1922) — 39
- Бенкендорф Александр Константинович (1849–1916), граф, гофмейстер (1903); посол в Великобритании (1902–1916) — 231, 418, 424
- Бердяев Николай Александрович (1874–1948), религиозный философ — 20, 22
- Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943), кадет, министр финансов Временного правительства (сентябрь — ноябрь 1917); член Национального центра, начальник Управления финансов Одессы (1919), Особого совещания (1919–1920) и Южнорусского правительства (1920); в эмиграции — 630
- Бернгарди (Bernhardi) Фридрих фон (1849–1930), германский генерал кавалерии (1908) военный писатель; командир армейской группы (1916) и 55-го генерального командования (1916–1918) — 219, 602, 630
- Бертелло, см. А. Бертло
- Бертло (Berthelot) Анри (1861–1931), французский дивизионный генерал (1915); с октября 1918 по май 1919 г. командующий Дунайской армией, одновременно до марта 1919 г. главнокомандующий войсками Союзников на Балканах и Юге России — 568, 578, 579, 581, 585–589, 591, 592, 594, 597, 598, 600, 612
- Берхтольд (Berchtold), Берхтольд фон унд цу Унгаршиц, Фрэттлинг унд Пюллюц, Леопольд фон (1863–1942), граф, министр иностранных дел и императорского Двора и председатель Совета министров по объединенным делам Австро-Венгрии (1912–1915) — 221, 222
- Бибиков Михаил Михайлович (1848–1918), действительный статский советник (1896), Воронежский губернатор (1906–1909) — 197
- Бибикова Варвара Дмитриевна (1848–1927), урожденная княжна Оболенская, супруга М. М. Бибикова — 197
- Бибикова Варвара Михайловна, см. В. М. Татищева.
- Бисмарк-Шёнхаузен (Bismarck-Schönhausen) Отто фон (1815–1898), князь, политик, первый канцлер Германской империи — 417
- Блондель (Blondel) Жан Камиль (1854–1935), французский посланник в Мексике (1900–1907) и Румынии (1907–1916) — 257, 258
- Бобринская Вера Владимировна (1878–1967), графиня, дочь кня-

- зя В. М. *Голицына*, жена графа Л. А. Бобринского (1878–1922) — 180
- Бобринский Владимир Алексеевич (1867–1927), граф, политик, один из лидеров умеренно-правых и неославянского движения, депутат (1907–1917) и товарищ председателя (1916–1917) Государственной думы (1907–1917); в эмиграции — 234
- Бобчев Стефан Савов (1853–1940), президент Ассоциации болгарских публицистов и писателей (1901–1921), председатель Славянского общества (1903–1940), министр образования (1911–1912), посол Болгарии в России (1912–1913) — 241, 245
- Богаевский Африкан Петрович (1872–1934), генерал-майор (1915). В январе 1918 г. командующим войсками Ростовского района, затем командир Партизанского полка, 2-й бригады Добровольческой армии. В февраля 1919 г. избран войсковым атаманом войска Донского, одновременно в 1920 г. председатель Южнорусского правительства; в эмиграции — 468, 543
- Богаевский Митрофан Петрович (1881–1918), заместитель Донского атамана (с мая 1917), председатель Донского правительства (декабрь 1917 — январь 1918); расстрелян большевиками — 453, 454, 456, 457, 462, 489
- Бойович (Бојовић) Петар (1858–1945), сербский воевода (1918); командующий 1-й армией (1914, 1918), и. о. начальника штаба Верховного командования (1915–1918); начальник Генштаба (1921) — 407
- Большаков, калужский купец, владелец кондитерского магазина в Калуге (1880-е гг.) — 93, 94
- Бопп (Ворре) Огюст (1862–1921), французский посланник в Сербии (1914–1916) и Китае (1917–1921) — 284, 341, 367, 375, 376, 378, 399–401, 404, 406, 410
- Бориус (Borius) Альбер (1863–?), французский бригадный генерал; командир 156-й пехотной дивизии (май 1918–1919) — 582, 583, 585, 608–611
- Бородин — 153
- Бошко, черногорец, капитан парохода — 378
- Братиано, Брэтиану (Brătianu) Ионель (1864–1927), лидер румынской Национал-либеральной партии, председатель Совета министров Румынии (1908–1910, 1914–1918, 1918–1919, 1922–1926, 1927) — 237, 257, 258, 263–266, 315, 337, 413
- Бриан (Briand) Аристид (1862–1932), член Палаты депутатов Франции (1902–1932); премьер-министр (1909–1911, 1913, 1915–1917, 1921–1922, 1925–1926, 1929) и министр иностранных дел (1915–1917, 1925–1932) — 413–414, 422
- Бриггс (Briggs) Чарльз (1865–1941), британский генерал-лейтенант; в 1916–1918 гг. командир корпуса (Салоники), в феврале — июне 1919 г. глава британской военной миссии при ВСЮР — 576

- Брюс Яков Александрович (1752–1791), граф, генерал-аншеф (1773); Петербургский генерал-губернатор (1786–1791) и главнокомандующий в Москве (1784–1786), сенатор (с 1779) — 92
- Буассона (Boissonas) Жан (1870–1953), французский поверенный в делах в Сербии (1916), член Совета Османского банка (Париж) — 399, 410
- Будберг Андрей Федорович фон (1817–1881), барон, действительный тайный советник (1867), посол во Франции (1862–1868), тесть князя В. Н. Гагарина — 171
- Будберг Мария Андреевна, см. М. А. Гагарина
- Будберг Мария Петровна (1819–1913), урожденная Убри, баронесса, гофмейстерина двора великой княгини Марии Павловны, бабушка князя Н. В. Гагарина, мужа сестры автора — 14, 201
- Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944), философ, экономист, депутат Государственной думы (1907); с 1918 г. священник, в 1922 г. выслан за границу — 16, 22, 573, 682
- Булгаков Федор Сергеевич (1902–1991), художник, сын С. Н. Булгакова; остался в Советской России, был репрессирован — 573
- Булгарис, графы — 411
- Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919), обер-шенк (1916); Калужский (1887–1893) и Московский (1893–1902) губернатор, министр внутренних дел (январь — октябрь 1905), член Государственного совета (с 1905); расстрелян большевиками — 119
- Булыгина Ольга Николаевна (1854–1924), урожденная Делянова, дочь Н. Д. Делянова, в 1-м браке за А. П. Хвоцинским, жена А. Г. Булыгина — 119
- Буржуа (Bourgeois) Леон (1851–1925), один из руководителей французской Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов; член Палаты депутатов (1888–1905), сенатор (1905–1932); министр иностранных дел (1896, 1906, 1914), государственный министр (1915–1916), министр труда и социального страхования (1917) — 414
- Бутенев (граф Хребтович-Бутенев) Аполлинарий (Поля) Константинович (1879–1946), сын К. А. Хрептовича-Бутенева и брат М. К. Трубецкой — 15, 574
- Бутенев (граф Хрептович-Бутенев) Константин Аполлинариевич (1848–1933), получил в 1899 г. титул графа Хрептовича; отец М. К. Трубецкой; 2-я жена — Е. П. Бутенева — 15, 59, 60, 171
- Бутенева (Хептович-Бутенева) Екатерина Павловна (1858–1945), графиня, дочь графа П. Т. Баранова, замужем за графом К. А. Хрептовичем-Бутеневым — 59
- Бутеневы (графы Хрептовичи-Бутеневы), «молодые», А. К. Бутенев и его жена Мария Сергеевна (1888–1934), урожденная княжна Трубецкая, племянница князя Г. Н. Трубецкого, и их дети — 507, 554, 573

- Бутеневы (графы Хрептовичи-Бутеневы), «старики», К. А. и Е. П. Бутеневы — 54, 573, 574
- Бутенко Борис Аполлонович (ум. 1926), инженер путей сообщения, действительный статский советник (1916), в 1918 г. член Украинской народной громады, в мае — ноябре 1918 г. министр путей сообщения Украинской державы; в эмиграции — 523
- Бутурлины, семья — 159
- Бьюкенен (Buchanan) Джордж (1854–1924), английский дипломат, посол в Петербурге (1910–1917) — 229
- Бьюкенен (Buchanan) Джорджиана (1863–1922), супруга (с 1885) Дж. Бьюкенена, дочь Аллена Бетхерста 6-го графа Бетхерста — 448
- Бэкс-Айронсайд (Вах-Ironside) Гери (1859–1929), британский посланник в Чили (1907–1909), Швейцарии (1909–1910) и Болгарии (1911–1915) — 325
- Бэкстон (Buxton) Ноэль (1869–1948), 1-й барон Ноэль-Бэкстон (1930), британский политик и борец за гражданские права, лейборист, член Палаты общин (1905–1906, 1910–1918, 1922–1930) — 292
- Бэкстон (Buxton) Чарльз Роден (1875–1942), британский политик и борец за гражданские права, лейборист, член Палаты общин (1910, 1922–1923, 1929–1931) — 292
- Валь** (в тексте Вальц) Виктор Вильгельмович фон (1840–1915), генерал от кавалерии (1904), Петербургский градоначальник (1892–1895), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1902–1904), член Государственного совета (с 1904) — 175
- Ванновский Глеб Максимилианович (1862–1943), генерал-лейтенант (1915); командующий 1-й армией (июль — сентябрь 1917); в 1918 г. в Добровольческой армии; в эмиграции — 456
- Варнава Гефсиманский, в миру Василий Ильич Меркулов (1831–1906), иеромонах, духовник Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры; в 1994 прославлен в лице местночтимых святых Московской епархии — 33
- Варнава, в миру Василий Семенович Клыков (1875–1938), иеромонах, насельник Оптиной пустыни, келейник преподобного Анатолия; расстрелян большевиками — 432, 434
- Варсонофий, монах Дечанского монастыря — 370–372
- Варя, сестра, см. В. Н. Лермонтова
- Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935), кадет, товарищ министра народного просвещения Временного правительства (август — октябрь 1917); в 1918 г. — в правительстве Украинской державы и. о. председателя Совета министров, министр вероисповеданий и иностранных дел (апрель — май), министр просвещения (май — октябрь); остался в Советской России — 512

- Васильчиков Борис Александрович (1860–1931), князь, шталмейстер (1903); Псковский губернатор (1900–1903), член Государственного совета (с 1906) — 150
- Васильчикова Софья Николаевна (1867–1942), урожденная Мещерская, княжна, жена князя Б. А. Васильчикова — 150
- Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856–1933), художник — 190
- Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), художник — 190–192
- Велепольский Сигизмунд Иосифович (1863–1919), граф, маркиз на-Мирове-Гонзаго-Мышковский, шталмейстер, член Государственного совета по выборам от Западных губерний (1916–1917) — 233, 414
- Вендзегольский Кароль Михайлович (1886–1974), польский социалист, после Февральской революции комиссар 8-й армии (1917), соратник Б. В. Савинкова, представитель Национального центра в Киеве — 460
- Вендрих Альфред Альфредович фон (1845 — после 1917), военный инженер, генерал-лейтенант (1905); член Инженерного совета Министерства путей сообщения (с 1893), сенатор (с 1908) — 146
- Веневитинов Михаил Алексеевич (1844–1901), гофмейстер (1889), Воронежский губернский предводитель дворянства (1889–1895) — 148
- Веневитинова Ольга Александровна (1861–1892), дочь князя А. А. Щербатова, жена М. А. Веневитинова — 148
- Вениамин, в миру Василий Павлович Казанский (1873–1922), архиепископ (с 13.08.1917 митрополит) Петроградский и Гдовский (1917–1922); расстрелян большевиками; прославлен в лике святых — 447
- Венизелос (Βενιζέλος) Элефтериос (1864–1936), руководитель Либеральной партии Греции; премьер-министр (1910–1915, 1915, 1917–1920, 1924, 1928–1932, 1932, 1933), военный министр (1910–1915, 1917–1918) и министр иностранных дел (1914–1915, 1915), глава правительства Национальной обороны (1916–1917) — 240, 241
- Веселкин Михаил Михайлович (1871–1918), контр-адмирал (1915); командир линкора «Бородино» (1913–1914), начальник Экспедиции особого назначения на Дунае (1914–1916), комендант Севастопольской крепости (1916–1917); расстрелян большевиками — 267, 270, 303
- Веснич (Веснић) Миленко (1863–1921), сербский посланник во Франции (1905–1920) — 335
- Вешович (Вешовић) Радомир (1871–1938), черногорской бригадир; командир Старосербского отряда (1914–1915), военный министр Черногории (1915–1916) — 381
- Виктория (1819–1901), королева Великобритании (с 1837) и императрица Индии (с 1876) из Ганноверской династии — 203, 363

- Вильгельм (1882–1951), кронпринц Германский и Прусский, генерал пехоты (1917), старший сын императора Вильгельма II. В 1914–1916 гг. командующий 5-й армией, в 1915–1918 гг. — группой армий; в эмиграции (до 1923) — 560
- Вильгельм II (1859–1941), император Германский и король Прусский (1888–1918) из династии Гогенцоллернов, с 1918 г. в эмиграции — 39, 221, 223, 225, 230, 248, 286, 407, 495, 502, 559, 560
- Вильсон (Wilson) Вудро (1856–1924), 28-й президент США (1913–1921) от Демократической партии, лауреат Нобелевской премии мира (1919) — 493, 559, 565
- Вильтон (Wilton) Роберт (1868–1925), британский журналист, корреспондент «Times» в Петрограде — 424
- Винавер Максим Моисеевич (1863–1926), один из лидеров кадетов, член Государственной думы (1906), в 1917 г. сенатор, в 1919 г. министр внешних сношений Крымского краевого правительства; в эмиграции — 560, 562, 563
- Винанс (Winans) Ада (1835–1917), американская пианистка, певица — 28
- Винклер Александр Эрнестович фон (1838–1909), жена — Е. П. фон Винклер — 33
- Винклер Елизавета Петровна фон (1838–1906), дочь князя П. И. Трубецкого, тетка князя Г. Н. Трубецкого; жена А. Э. фон Винклера — 33
- Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951), заместитель председателя украинской Центральной рады (1917), председатель Генерального секретариата (1917) и Директории (1918–1919) УНР, заместитель председателя СНК и нарком иностранных дел УССР; в эмиграции — 498, 511
- Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк-медиевист и правовед, ординарный профессор Московского университета — 13, 164
- Виталий, в миру Василий Иванович Максименко (1873–1960), архиепископ Североамериканский и Канадский (1934–1935), Восточно-Американский и Джерзейский (1947–1960); в эмиграции — 441
- Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн) Леонилла Ивановна (1816–1918), урожденная княжна Барятинская, светлейшая княгиня, фрейлина, сестра князя А. И. Барятинского; замужем за светлейшим князем Л. П. Витгенштейном — 39
- Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн-Берлебург) Мария цу, см. М. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст.
- Витгенштейн Лев Петрович (1799–1866), светлейший князь (с 1834); сын князя П. Х. Витгенштейна — 39
- Витгенштейн Петр Христианович (1768–1843), граф, светлейший князь (с 1834), генерал-фельдмаршал (1826), главнокомандующий

- 2-й армией и член Государственного совета (1818–1829) — 10, 26, 92
- Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф (с 1905), действительный тайный советник (1899); председатель Комитета министров (1903–1905) и Совета министров (1905–1906), член Государственного совета (с 1903) — 54, 68, 229, 260, 449
- Владимир, в миру Василий Никифорович Богоявленский (1848–1918), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1912–1915), Киевский и Галицкий (1915–1918); первенствующий член Святейшего синода (1912–1917); убит большевиками; прославлен в лике святых как священномученик — 427
- Воейков Владимир Николаевич (1868–1942), генерал-майор (1909), дворцовый комендант (1913–1917); в эмиграции — 427
- Волжин Александр Николаевич (1860–1933), действительный статский советник (1910), обер-прокурор Святейшего Синода (1915–1916), член Государственного совета (с 1916); в эмиграции. Жена — О. А. Волжина — 33
- Волжина Ольга Алексеевна (1867–1946), дочь князя А. Ю. Долгорукова, кузина князя Г. Н. Трубецкого; жена А. Н. Волжина; в эмиграции — 33
- Волконская Мария Дмитриевна (1802–1891), урожденная Кутузова, княгиня, жена А. Д. Волконского — 123
- Волконский Петр Михайлович (1861–1947), князь, статский советник, работал во Всероссийском земском союзе; в эмиграции — 556
- Волошинов (у Трубецкого — Волошин) Евгений Андреевич (1881–1918), войсковой старшина (1914); с марта 1917 г. товарищ председателя Донского областного исполкома и начальник его военного отдела; в феврале 1918 г. председатель Донского войскового круга; захвачен красными и расстрелян — 462, 489
- Воронцов-Дашков Илларион Иванович (1837–1916), граф, генерал от кавалерии (1890); наместник на Кавказе и наказной атаман Кавказских казачьих войск (1905–1915), главнокомандующий Кавказской армией (1914–1915); состоял при Особе Его Величества (1915–1916) — 250
- Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, генерал-лейтенант (1918). С 1918 г. на Юге России: командир 1-й конной дивизией, I конного корпуса, Добровольческой и Кавказской добровольческой армиями. С 22.03.1920 г. главнокомандующий ВСЮР, с 11 мая — Русской армией; в ноябре вместе с армией эвакуировался в Турцию — 19, 66, 628, 638, 667
- Врубель Михаил Александрович (1856–1910), художник — 190
- Всеволожская Екатерина Николаевна (ум. 1914), дочь князя Н. И. Трубецкого, двоюродная тетка князя Г. Н. Трубецкого; замужем за

- камергером Д. А. Всеволожским (1821–1902) — 38
- Вырубов Василий Васильевич (1879–1963), предприниматель, член Главного комитета Земгора, в 1917 г. товарищ министра внутренних дел Временного правительства. С 1918 г. во Франции, управляющий делами Особого совещания в Париже, затем председатель Временного всероссийского земского союза за границей — 575
- Гавриил**, в миру Григорий Маркелович Чепур (1874–1933), епископ Аккерманский (1911–1918), Челябинский и Троицкий (1918–1919); в эмиграции — 627
- Гагарин Андрей Григорьевич (1855–1920), князь, статский советник, директор Петербургского политехнического института (1900–1907); жена — М. Д. Гагарина — 197
- Гагарин Виктор Николаевич (1847–1912), князь, в 1865–1869 служил в лейб-гвардии Кавалергардском полку, поручик; в дальнейшем служил в Департаменте исполнительной полиции МВД — 171
- Гагарин Николай Викторович (1873–1925), князь, художник-любитель, коллекционер, муж княгини М. Н. Гагариной (Трубецкой); в эмиграции — 12, 14, 149, 166, 170, 171, 172, 182, 188, 481
- Гагарин Сергей Андреевич (1887–1941), князь; в эмиграции — 573
- Гагарин, князь, переводчик при французских войсках — 611
- Гагарина Александра Викторовна (Лина), см. А. В. Эпифани
- Гагарина Марина Николаевна (1877–1924), княгиня, урожденная княжна Трубецкая, сестра князя Г. Н. Трубецкого, жена князя Н. В. Гагарина; первая председательница общества Скрыбина; в эмиграции — 12, 29, 71, 79, 80, 85–89, 91, 97, 98, 100, 113, 116, 133, 136, 140, 141, 147, 180–187, 194
- Гагарина Мария Андреевна (1847–1917), урожденная баронесса Будберг, княгиня, фрейлина, жена князя В. Н. Гагариным — 171, 172
- Гагарина Мария Викторовна (Мари) (1870–?), княжна, дочь князя В. Н. Гагарина — 170, 172
- Гагарина Мария Дмитриевна (1864–1946), княгиня, урожденная княжна Оболенская, жена (с 1885) князя А. Г. Гагарина — 197
- Гагарина Софья Андреевна (1892–1979), княжна, дочь А. Г. Гагарина — 463, 484
- Гагарина Софья Викторовна (Софи) (1872–?), княжна, дочь князя В. Н. Гагарина — 170, 172
- Гагарина Софья Николаевна, см. С. Н. Осоргина
- Гагарина Татьяна Сергеевна (1834–1920), княжна; в эмиграции — 73
- Гагарины, князья — 38, 151, 170, 187, 541, 554
- Гагарины, семья князя Н. В. и М. Н. Гагариных — 450–451, 463, 467, 573–574
- Гадон Владимир Сергеевич (1860–1937), генерал-майор (1903) Свиты Е. И. В. (с 1905); адъютант

- великого князя *Сергея Александровича* (1891–1903), командир лейб-гвардии Преображенского полка (1904–1906); остался в Советской России, расстрелян — 174
- Гартвиг Александра Павловна (1863–1944, Сербия), урожденная Карцева, в 1-м браке фон Визен, жена Н. Г. Гартвига — 300
- Гартвиг Николай Генрихович (1857–1914), гофмейстер (1904), посланник в Персии (1906–1908) и Сербии (1909–1914) — 18, 217, 239, 287
- Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954), меньшевик, депутат Государственной думы (1907–1912); в 1917–1918 гг. 1-й председатель Закавказского комиссариата, в 1918–1921 гг. министр иностранных дел Грузии; в эмиграции — 567
- Гедон, см. П. де Гейдон
- Гейден Петр Александрович (1840–1907), граф, тайный советник (1890), президент Вольного экономического общества (с 1895), один из лидеров Союза 17 октября и Партии мирного обновления (с 1906) — 66
- Гейдон (Gueydon; ошибочно Гедон) Поль Альбер де (1857–1929), граф, французский вице-адмирал (1916); командир 1-й легкой дивизии (1915–1916) на Черном море, 1-й эскадры (1916–1918), морской префект Лорьяна (1918–1919) — 66, 409
- Генадиев (ошибочно Геннадиев) Никола Иванов (1868–1923), депутат Народного собрания Болгарии (1899–1908, 1911–1920), член Народно-либеральной партии; министр иностранных дел (1914); убит террористом — 247
- Генрих (1862–1929), принц Прусский, германский гросс-адмирал (1909); из дома Гогенцоллернов, брат императора *Вильгельма II*; командующий ВМС на Балтике (1914–1918) — 230
- Генчич (Генчић) Лазар, сербский военный хирург, полковник; начальник Военно-санитарного управления Верховного командования (1912–1916) — 347
- Георг V (1865–1936), король Великобритании и Ирландии (1910–1936) из Саксен-Кобург-Готской (с 1917 Виндзорской) династии — 230, 326
- Георгий (1887–1972), королевич Сербский; из дома Карагеоргиевичей, старший сын короля *Петра I*; наследник престола (1903–1909), лишен права наследования из-за убийства слуги (1909) — 286, 287
- Георгий Александрович (1871–1899), великий князь, третий сын *Александра III*, в 1894–1899 гг. наследник престола — 167
- Герман V, в миру Георгиос Кабакопулос (1835–1920), патриарх Константинопольский (1913–1918) — 444
- Геруа Александр Владимирович (1870–?), генерал-лейтенант (1917), в 1917 г. командир корпуса; с 1918 г. — на Юге России, начальник русской военной миссии в Бухаресте; в эмигра-

- ции; в 1944 г. арестован органами СМЕРШ и вывезен в СССР — 611
- Герье Владимир Иванович (1837–1919), историк и общественный деятель, профессор Московского университета — 13, 16, 165
- Гешов Иван Евстати́ев (1849–1924), лидер Народной партии Болгарии; премьер-министр, министр иностранных дел и вероисповеданий (1911–1913) — 240, 247
- Гизль фон Гизлингер (Giesl von Gieslingen) Владимир (1860–1936), барон, австро-венгерский генерал кавалерии (1914); в 1909–1914 посланник в Черногории, в 1913–1914 — в Сербии — 18, 218
- Гирс Александр Александрович (1850–1923), тайный советник; посланник в Черногории (1912–1915); в эмиграции — 378
- Гирс Михаил Николаевич (1856–1932), гофмейстер (1905); сын Н. К. Гирса; посол в Австро-Венгрии (1910–1912), Османской империи (1912–1914), Италии (1915–1917); в эмиграции, председатель Совета послов (1919–1920) и представитель П. Н. Врагнеля при странах Антанты — 250, 308, 315, 391, 417
- Гирс Николай Карлович (1820–1895), действительный тайный советник (1878); министр иностранных дел (1882–1895) — 190
- Гиссль, см. В. Гизль фон Гизлингер
- Глебова Софья Николаевна (1854–1936), дочь Н. П. и Л. В. Трубецких, сестра князя Г. Н. Трубецкого, жена В. П. Глебова (1850–1926) — 11, 73
- Глебовы, семья В. П. Глебова и С. Н. Глебовой — 11
- Гогенлоэ-Шиллингсфюрст Мария (1829–1897), княгиня; урожденная Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн-Берлебург), двоюродная сестра князя Н. П. Трубецкого; жена князя Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста — 40
- Гогенлоэ-Шиллингсфюрст (Hohenlohe-Schillingsfürst) Хлодвиг цу (1819–1901), князь, принц фон Ратибор и Корвей, министр-президент Баварии (1866–1870), германский рейхсканцлер и министр-президент Пруссии (1894–1900). Жена — урожденная М. цу Витгенштейн — 40.
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), писатель — 62, 81, 99
- Голицын Александр Михайлович (1838–1919), князь, управлял именьями своих родственников — 177, 180
- Голицын Владимир Михайлович (1847–1932), князь, тайный советник (1898); Московский губернатор (1887–1891) и городской голова (1897–1905); остался в Советской России — 178–180
- Голицын Иван Михайлович (1835–1896), князь, обер-гофмейстер (1896); состоял при императрице Марии Федоровне — 177
- Голицын Михаил (Миша) Владимирович (1873–1942), князь, гласный Московской городской думы (1912–1917); остался в Советской

- России; жена — А. С. Голицына — 52, 60, 179, 180
- Голицын Михаил Михайлович (1840–1918), князь, генерал от кавалерии (1912), историк-любитель, составитель родословной Голицыных; расстрелян большевиками — 178
- Голицын Николай (Никс) Владимирович (1874–1942), князь, сын В. М. Голицына — 177, 180,
- Голицына Анна Сергеевна (1880–1972), дочь С. А. и И А. П. Лопухиных; жена князя М. В. Голицына. Осталась в Советской России — 52
- Голицына Вера Владимировна, см. В. В. Бобринская
- Голицына Елизавета Владимировна, см. Е. В. Трубецкая
- Голицына Марина Петровна (1892–1981), княжна, старшая дочь великого князя *Петра Николаевича* и великой княгини *Милицы Николаевны*. В эмиграции. Жена (с 1927) князя А. Н. Голицына (1886–1974) — 555
- Голицына Надежда Михайловна (1866–1920), княжна, дочь князя М. М. Голицына — 178
- Голицына София Владимировна, см. С. В. Львова
- Голицына Софья Николаевна (1851–1925), княгиня, дочь С. А. Деляновой, жена князя В. М. Голицына — 119, 178–180
- Голицына Татьяна Владимировна, см. Т. В. Лопухина
- Голубов Николай Матвеевич (1881–1918), есаул; в 1918 г. командующий войсками Донского ВРК; вступил в конфликт с большевиками, попытался поднять восстание, но был убит — 462, 489
- Гораций, Квинт Гораций Флакк (65 до н. э. — 8 до н. э.), древнеримский поэт — 159
- Горбова София Николаевна (1891–1982, Франция), сестра милосердия — 295, 304, 364
- Горбунов Иван Федорович (1831–1895), актер, прозаик, мемуарист — 66, 67
- Горчаков Сергей Дмитриевич (1861–1927), князь, действительный статский советник (1910); Вятский (1906–1909) и Калужский (1909–1915) губернатор; остался в Советской России, умер от тифа — 117
- Горчакова Дарья (Даруся) Михайловна (1883–1962), светлейшая княгиня, фрейлина, урожденная Бибикова, жена светлейшего князя А. К. Горчакова (1875–1916); в эмиграции — 197, 540
- Горчакова София Сергеевна (Софи), княжна, тетка князя С. Д. Горчакова — 117
- Горчакова Юлия Сергеевна (Жюли), княжна, тетка князя С. Д. Горчакова — 117
- Горяйнова Марианна Владимировна, сестра милосердия Иверской общины, старшая сестра санитарного отряда княгини Трубецкой — 295
- Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855), историк-медиевист, декан историко-филологического факультета Московского университета — 147, 164, 179

- Грей (Grey) Эдуард (1862–1933), 1-й виконт Грей Фаллодонский (с 1916), британский государственный секретарь по иностранным делам (1905–1916) — 230, 231, 274, 317, 322, 345
- Греков Александр Петрович (1875–1959), генерал-хорунжий; в ноябре 1918 г. главнокомандующий полевыми армиями Директории, затем атаман (командующий войсками) Директории в Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерниях, в январе — феврале 1919 г. военный министр УНР, в феврале — марте 1919 г. наказной атаман (командующий) армии УНР; в эмиграции — 584
- Григорий V, в миру Георгий Ангелопулос (1745/46–1821), патриарх Константинопольский (1797–1798, 1806–1808, 1818–1821); прославлен в лике святых как священномученик — 444
- Григорович-Барский Дмитрий Николаевич (1871–1958), кадет и масон, старший председатель Киевской судебной палаты (1917–1919); с 1917 г. председатель Всеукраинской партии конституционных демократов; в эмиграции — 513, 523, 524
- Григорьев Николай Александрович (1885–1919), полковник армии УНР (1919); эсер (1917–1918) и боротьбист (1919). С декабря 1918 г. атаман повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии в составе армии УНР. В феврале 1919 г. со своим отрядом перешел на сторону РККА, командир дивизии. В апреле — мае поднял мятеж и присоединился к Н. И. Махно, которым и был убит — 614
- Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907), редактор «Московских ведомостей», один из основателей и главных идеологов Черной сотни — 183
- Гришин-Алмазов (наст. фам. Гришин) Алексей Николаевич (1880–1919), генерал-майор (1918); в 1918 г. главный начальник Омского военного округа, командующий Западно-Сибирской армией, военный министр Временного Сибирского правительства; военный губернатор Одессы (декабрь 1918 — март 1919); застрелился — 568, 582–584, 589, 601
- Груич (Грујић) Славко (1871–1937), представитель сербского МИД, посланник в Швейцарии (1916–1918), США (1919–1922), Великобритании (1935–1937) — 353
- Груша, тетя, см. княжна А. А. Оболенская
- Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), украинский историк и политик, председатель Центральной рады (1917–1918); в эмиграции, в 1924 г. вернулся в Советскую Россию — 498, 511
- Гулькевич Константин Николаевич (1865–1935), советник (начальник) 2-го (ближневосточного) отдела МИД (1914–1916), посланник в Норвегии (1916–1917) и Швеции (1917); в эмиграции — 259, 346

- Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1862–1927), действительный статский советник (1903), товарищ министра внутренних дел (1906–1907), выборный член Государственного совета (1912–1917); в 1918 г. один из руководителей Правого центра, затем на Юге России; в эмиграции — 496
- Гутник Сергей Михайлович (1868–?), кадет, министр торговли и промышленности Украинской державы (май — октябрь 1918) — 512
- Гучков Александр Иванович (1862–1936), лидер Союза 17 октября, член (1907–1912) и председатель (1910–1911) Государственной думы, председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917), военный министр Временного правительства (2.3–30.4.1917); в эмиграции — 66, 458, 512
- д'Ансельм** (d'Anselme) Филипп (1864–1936), французский дивизионный генерал (1918). В январе — апреле 1919 г. командующий оккупационными войсками Антанты (греческо-французскими) на Юге России — 567, 583, 584, 589, 595, 597, 599–602, 604, 607–611
- Давидович (Давидовић) Любомир (Люба) (1863–1940), один из создателей Народной радикальной партии Сербии; мэр Белграда (1910–1914), министр народного просвещения и церковных дел (1914–1917, 1918); председатель Совета министров Югославии (1919–1920, 1924) — 278, 403
- Давыдов Василий Васильевич (1843–1896), дядя (по матери) княгини П. В. Трубецкой — 131
- Давыдов Николай (Кокоша) Васильевич (1848–1920), прокурор (с 1878) и председатель (1890–1896) Тульского и Московского (1896–1908) окружных судов; жена — Е. М. Давыдова — 55, 56, 58, 158
- Давыдова Екатерина Михайловна, урожденная Карпак, бывшая танцовщица, жена Н. В. Давыдова — 55, 56
- Давыдова София (Соняша) Николаевна (1871–1942), дочь Н. В. и Е. М. Давыдовых — 55
- Данев Стоян Петров (1858–1949) председатель Народного собрания Болгарии (1911–1913), премьер-министр (1902–1903, 1913), министр иностранных дел (1901–1903, 1913) — 238, 240, 241, 245, 247
- Данила (1871–1939), королевич Черногорский, старший сын и наследник короля Николая I; генеральный инспектор черногорских вооруженных сил (1914–1916); в 1921 провозгласил себя королем Черногории Данилой III — 287, 288
- Данилов (Белый) Антон Васильевич (1861–?), генерал-лейтенанта (1916); начальник штаба Кронштадтской крепости (1909–1917) — 313
- Данилов (Рыжий) Николай Александрович (1867–1934), генерал от инфантерии (1914); главный на-

- чальник снабжений армий Северо-Западного фронта (1914–1916), командир X армейского корпуса (1916–1917), командующий 2-й армией (1917); с 1918 г. в РККА — 313
- Данилов (Черный) Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937), генерал от инфантерии (1914); генерал-квартирмейстер Генштаба (1909–1914) и штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915); командир XXV армейского корпуса (1915–1916), начальник штаба армий Северного фронта (1916–1917), командующий 5-й армией (1917); . в 1918–1920 гг. в РККА, затем в эмиграции — 251, 312, 313
- Де-Гра, де Гра (des Graz), Чарльз Луис (1860–1940), британский посланник в Перу (1908–1913) и Сербии (1914–1919) — 284, 363, 365, 368, 373–376, 378, 380, 393, 401, 404, 406
- Делькассе (Delcassé) Теофиль (1852–1923), член Палаты депутатов Франции (1889–1919), посол в России (1913–1914), военный министр (1914), министр иностранных дел (1914–1915) — 334, 335, 413
- Десянов Николай Давыдович (1816–1897), граф, тайный советник (1880); директор Лазаевского института восточных языков — 119
- Десянова Елена Абрамовна (ум. 1907), урожденная Хвощинская, супруга Н. Д. Десянова — 119, 178
- Десянова Мария Николаевна, см. М. Н. Акимова
- Демидов Игорь Платонович (1873–1946), кадет, член Государственной думы (1912–1914), комиссар Временного правительства в Министерстве земледелия и на Юго-Западном фронте (1917); руководитель отделения Национального центра в Киеве (1918–1919); в эмиграции — 460, 509
- Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант (1916). главнокомандующий армиями Западного фронта (1917); командующий Добровольческой армией (1918–1919), главнокомандующий ВСЮР (1919–1920); в эмиграции — 67, 456, 459, 467, 503, 548, 550, 552, 553, 563–577, 580, 585, 598, 609, 612, 618, 626, 628–637
- Джемал-паша (Семал Паşa) Ахмет (1872–1922), турецкий генерал-лейтенант; морской министр (1914–1918) и член правящего триумvirата; командующий 4-й армией (1914–1917); убит — 254
- Джуверович А., помощник Сироткина — 295
- Диль (Diehl) Шарль (1859–1944), французский историк, автор работ по истории и искусству Византии — 162
- Димитрий, в миру Давид Ильич Абашидзе (1867–1942), с 1912 г. епископ, в 1915–1921 гг. архиепископ Таврический и Симферопольский; остался в Советской России, в 2011 г. канонизирован Украинской православной церковью — 626, 627
- Дмитриев, см. Радко-Дмитриев
- Дмитриев-Мамонов Александр Эммануилович (1867–1933), сын О. А. Дмитриевой-Мамоновой;

- в эмиграции; управляющий Русским банком в Пекине — 486
- Дмитриевна-Мамонова Ольга Александровна (1834–1918), урожденная Рачинская, жена художника-портретиста Э. А. Дмитриева-Мамонова — 486
- Дмитриевна-Мамонова Софья Эммануиловна (1860–1946), дочь О. А. Дмитриевой-Мамоновой — 486
- Дмитрий Ольгердович (ум. 1399), удельный князь Брянский (1370–1375), Стародубский и Трубчевский (1370–1379) из дома Гедиминовичей; родоначальник князей Трубецких — 10
- Дмитрий, в миру Димитрие Павлович (1846–1930), сербский священник, епископ Нишский (1884–1889), митрополит (1905–1920) и патриарх (1920–1930) Сербский — 282
- Дмовский (Dmowski) Роман (1864–1939), польский политик, основатель и руководитель Народно-демократической партии (с 1897), член Государственной думы (1907–1909); председатель Польского национального комитета (с 1914); министр иностранных дел Польши (1923) — 414–417
- Добринский (Добрынский) И. А., врач, член владикавказского отделения Союза георгиевских кавалеров; имел связи в Ставке (1917), пользовался доверием Л. Г. Корнилова — 459
- Долгоруков (Долгорукий) Александр Николаевич (1872–1948), князь, генерал-лейтенант (1917), командир кавалерийского корпуса (1917). В 1918 г. в Киеве; в ноябре — декабре главнокомандующий гетманской армией; в 1919 г. — во ВСЮР; в эмиграции — 198, 512
- Долгоруков Алексей Юрьевич (1831–1888), князь, камер-юнкер, штабс-ротмистр; жена — княгиня О. П. Долгорукова — 33
- Долгоруков Владимир Андреевич (1810–1891), князь, генерал от кавалерии (1867), Московский генерал-губернатор (1865–1891) — 135, 178
- Долгорукова Ольга Петровна (1838–1886), княгиня, дочь князя П. И. Трубецкого, тетка князя Г. Н. Трубецкого; жена князя А. Ю. Долгорукова — 33
- Долгорукова Эмилия Алексеевна, см. Э. А. Хвостова
- Дорофей, священник в сербском госпитале — 304
- Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922), журналист и публицист; остался в Советской России — 246
- Досифей, в миру Драгутин Васич (1877–1945), сербский священник, епископ Нишский (1913–1932), митрополит Загребский (1932–1945) — 281–283, 299–302, 304, 346, 347, 352, 359
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель, мыслитель, философ, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1877) — 25, 118, 647, 648, 654, 669–677, 684

- Доу (Dawe) Джордж (1781–1829), английский художник-портретист, с 1828 г. 1-й художник Российского императорского двора — 26
- Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии (1916). Сын М. И. Драгомирова. Командующий 5-й армией (1916–1917), главнокомандующий армиями Северного фронта (29.04–1.06.1917); помощник Верховного руководителя Добровольческой армии (с 20.08.1918), председатель Особого совещания при главнокомандующем (1918–1919), главноначальствующий и командующий войсками Киевской области (1919–1920); в эмиграции — 460, 549, 550, 576, 601, 631, 634
- Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), генерал от инфантерии (1891), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1897–1903) и командующий войсками Киевского военного округа (1889–1903), член Государственного совета (с 1903) — 68
- Драшкович (Драшковић) Милорад (1873–1921), сербский политик, министр строительства и путей сообщения (1914–1917); министр внутренних дел (1920–1921); убит террористом — 278, 325, 326, 382
- Дроздовский Михаил Гордеевич (1881–1919), генерал-майор (1918). С декабря 1917 г. командир 1-й бригады русских добровольцев, во главе которой совершил поход Яссы — Дон. С июня 1918 г. командир 3-й дивизии Добровольческой армии. Умер от ран — 520–522
- Дудышкевич Владимир Феофилович (1861–1922), галицко-русский общественный и политический деятель, организатор и председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси (1914–1915) — 234
- Дурново Петр Николаевич (1842–1915), действительный тайный советник (1906), статс-секретарь (1906), министр внутренних дел (1905–1906), член Государственного совета (с 1906) — 54
- Душан Сильный, Стефан Урош IV Душан (1308–1355), король Сербии (1331–1346), царь сербов и греков (1346–1355) — 372
- Дэвидсон (Davidson) Рэндалл (1848–1930), 1-й барон Дэвидсон Ламбертский (с 1928), архиепископ Кентерберийский (1903–1928) — 679
- Дюбюрге (Duburguet), гувернантка в семье Трубецких — 181, 182
- Евгений**, брат, см. князь Е. Н. Трубецкой
- Евлогий, в миру Василий Семенович Георгиевский (1868–1945), епископ (с 1903) и архиепископ (с 1912) Холмский и Люблинский, с 1914 г. — Волынский и Житомирский; в 1907–1912 депутат Государственной думы. В эмиграции, управляющий русскими Западно-Европейскими приходами (1921–1930), митрополит и экзарх Западно-Европейских православных церквей (с 1945) — 59

- Евреинов Александр Павлович (1840–1903), действительный статский советник — 157
- Евреинов Владимир — 110
- Евреинов Сергей — 184
- Евреинова Софья Александровна (Соня) (1870–1946), дочь А. П. *Евреина*, первая любовь автора — 157
- Евреиновы — 109, 110
- Езерский Николай Федорович (1870–1938), кадет, депутат Государственной думы (1906), помощник главноуполномоченного благотворительного комитета; в эмиграции — 303
- Екатерина II Великая (1729–1796), императрица Всероссийская (с 1762) — 411
- Елизавета (Зиси) Баварская (1837–1898), супруга императора Австрии Франца Иосифа I, императрица Австрии (с 1854) и королева Венгрии (с 1867); убита террористом — 407
- Елизавета Петровна, экономка Трубецких (1880-е гг.) — 93, 100, 491
- Елизавета Федоровна, урожденная принцесса Елизавета Гессенская и Прирейнская (1864–1918), великая княгиня, жена великого князя *Сергея Александровича* — 152
- Емельянов Николай Алексеевич вице-консул в Призрене (Сербия; 1913–1914), консул в Белграде (1915) — 270, 368, 378
- Емилька, см. Э. А. *Капнист*
- Ермашов, левый эсер, комиссар в Новочеркасске — 489, 505, 507
- Ерофеев Григорий Кириллович (1878–?), полковник (1916); в 1918 г. в РККА, бежал, затем на Юг России: начальник штаба дивизии, командир бригады; в эмиграции — 607
- Ершов Валериан Владимирович (1889–1919), младший сын В. И. *Ершова* и Е. М. *Ершовой* — 156
- Ершов Владимир Иванович (1844–1899), генерал-майор (1887); московский губернский предводитель дворянства (1890–1893), Оренбургский губернатор и наказной атаман Оренбургского казачьего войска (1892–1899) — 155, 156, 184
- Ершова Варвара Сергеевна, урожденная княжна Вяземская — 154, 184
- Ершова Елена Михайловна (1854–1929), урожденная Леонтьева, жена В. И. *Ершова* — 156
- Ершова Вера Ивановна (1849–?) — 154
- Ершова Мария Владимировна, см. М. В. *Шателен*
- Ершовы, семья — 154
- Жеков** Никола Тодоров (1864–1948), болгарский генерал-лейтенант (1916); военный министр (1915), главнокомандующий действующей армией (1915–1918) — 332
- Женя, брат, см. князь Е. Н. *Трубецкой*
- Жермен, французский полковник, заместитель начальника штаба генерала д'Ансельма (1919) — 605
- Жилинская Варвара Михайловна (1858–1917), урожденная Осоргина, сестра М. М. *Осоргина* (старшего), жена Я. Г. *Жилинского* — 113, 123, 193

Жилинский Яков Григорьевич (1853–1918), генерал от кавалерии (1910); начальник Генштаба (1911–1914); Варшавский генерал-губернатор (1914), главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта (1914); глава представительства при Союзном совете во Франции (1915–1916); расстрелян большевиками — 123, 193, 251, 312

Жоффе (Joffre) Жозеф (1852–1931), маршал Франции (1916); начальник Генштаба (1911–1914); главнокомандующий армиями Севера и Северо-Востока (август 1914 — декабрь 1915), главнокомандующий войсками Франции (декабрь 1915 — декабрь 1916) —

Жэ, французский капитан, командир отряда (1919) — 393, 413, 414, 420

Загоскин Митя, гимназический приятель автора — 136, 137

Зарин Леонид Сергеевич, 2-й секретарь дипломатической миссии в Сербии (1913–1915) — 270

Звегинцов Дмитрий Иванович (1880–1967), полковник (1916); жена — Мария Ивановна *Звегинцева* (1882–1947), дочь князя И. М. Оболенского; в эмиграции — 45

Звегинцова Мария Ивановна (1882–1947), княжна, урожденная Оболенская, жена (с 1906) Д. И. Звегинцова (1880–1967) — 199

Зеелер Владимир Феофилович (1874–1954), кадет, председатель Донского отдела партии. С марта 1917 г. комиссар Временного правительства и городской голова

Ростова-на-Дону. В 1919–1920 гг. министр внутренних дел Южно-русского правительства; в эмиграции — 468

Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917), действительный тайный советник (1895), посол в Константинополе (1897–1909), член Государственного совета (с 1909) — 31, 32

Зиновьев Николай Павлович, сын П. В. и М. П. *Зиновьевых*, кузен князя Г. Н. Трубецкого — 35

Зиновьев Павел Васильевич (1818–1871), попечитель Харьковского учебного округа (1856–1860); жена — М. П. *Зиновьева* — 34

Зиновьева Мария Петровна (1824–1913), дочь князя П. И. Трубецкого, тетка князя Г. Н. Трубецкого; жена П. В. *Зиновьева* — 31, 33–37, 39

Иван, «дядя брат», см. князь И. П. Трубецкой

Игнатъев Алексей Алексеевич (1877–1954), граф, генерал-майор (1917); военный агент во Франции (1912–1917), одновременно представитель русской армии при французском Генеральном штабе; после 1917 г. сотрудничал с большевиками, с 1937 г. в СССР, генерал-лейтенант (1943) — 418

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф (с 1877), генерал от инфантерии (1878); дядя графа А. А. *Игнатъева*; посол в Китае (1859–1861) и Османской империи (1864–1877), министр внутренних дел (1881–1882) — 198, 235

- Извеков Георгий Яковлевич, священник, настоятель Свято-Георгиевского собора (Калуга) — 105
- Извольский Александр Петрович (1856–1919), гофмейстер (1906); министр иностранных дел (1906–1910), посол в Париже (1910–1917); в эмиграции — 117, 220, 229, 413, 414, 417, 418, 421
- Ильенко Виктор Иванович (1894–1989), учитель детей князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции протоиерей, настоятель Князь-Владимирской церкви в Тараско-не-на-Арежье (с 1929), затем глава приходов Западно-Американской епархии — 541, 574
- Ильина Любовь Дмитриевна (Люба) (1879–1958), сестра Е. Д. Свербеевой, в 1-м браке за морским офицером А. Ф. Даниловым, во 2-м — за Н. Н. Новосильцевым, в 3-м — за Н. Н. Ильиным — 192
- Ильины, сестры матери княгини М. Н. Трубецкой графини Веры Ильиничны Хрептович-Бутеневой, урожденной Ильиной — 481
- Иоанн Альберт (1857–1920), герцог Мекленбургский, генерал пехоты; регент герцогств Мекленбург-Шверин (1897–1901) и Брауншвейг (1907–1913); в 1915 г. направлен с дипмиссией в Болгарию — 331
- Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев; 1829–1908), митрофорный протоиерей, проповедник и духовный писатель; канонизирован в лике праведных (1964) — 75, 177
- Йованович (Јовановић) Любомир (Люба; 1865–1928), один из руководителей Радикальной партии Сербии, вице-президент (1906–1907) и президент (1907–1909) Народной скупщины; министр внутренних дел (1909–1910, 1914–1918), народного просвещения и церковных дел (1911–1914) — 278
- Йованович, см. Йованович
- Йованович-Пижон (Јовановић Пижон) Йован (1869–1939), сербский посланник в Австро-Венгрии (1912–1914), помощник министра иностранных дел (1914–1915); посланник в Великобритании (1915–1916) и США (1919–1920) — 279
- Ионеску (Ionescu) Таке (наст. имя Думитру Гицэ Иоан) (1858–1922), румынский политик; министр иностранных дел (1912–1913, 1920–1921), министр без портфеля (1916–1917), вице-председатель (1917–1918) и председатель (1921–1922) Совета министров — 263
- Истомин Владимир Константинович (1848–1914), директор канцелярии московского губернатора князя В. А. Долгорукова (1887–1904) — 135, 176
- Истомин Дмитрий Владимирович (Мимра) (1871–1927), сын В. К. Истомина, гимназический приятель автора, впоследствии действительный статский советник, помощник секретаря Императорского Православного Палестинского общества — 135, 136, 141, 173, 176

- Истомин Петр Владимирович (1879–1937), брат Д. В. Истомина, статский советник, товарищ обер-прокурора Синода (1915), директор канцелярии наместника Кавказа великого князя *Николая Николаевича* (1915–1917); расстрелян — 136
- Казанович** Борис Ильич (1871–1943), генерал-лейтенант (1918), с 1918 г. — в Добровольской армии, командир Партизанского полка, 2-й бригады, 1-й пехотной, дивизии, 1-го армейского корпуса; в эмиграции — 503, 504
- Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии (1916), командующий 8-й армией (1916–1917), войсковой атаман Донского казачьего войска (1917–1918); застрелился — 449, 452–457, 462–464, 467, 468
- Кальве (Calvet) Жан (1874–1965), аббат, французский католический богослов — 680
- Каминка Август Исаакович (1865–1941), юрист, кадет, один из редакторов журнала «Вестник Партии народной свободы» (1906–1917); в эмиграции — 528
- Капнин Константин Львович (1890–?), полковник (1920), с 1918 г. в Добровольческой армии, в 1919 г. начальник штаба Одесской бригады, с ноября 1919 г. — Корниловской дивизии; в эмиграции — 608, 611
- Капнист Алексей Павлович (1871–1918), граф, контр-адмирал (1917). Сын П. А. и Э. А. *Капнистов*. В 1917 г. и. о. начальника Морского генштаба и 1-й помощник морского министра; расстрелян большевиками — 70, 71, 98, 134, 136, 140, 174, 194
- Капнист Дмитрий Алексеевич (1837–1904), граф (с 1876), тайный советник. Брат графов Пет. А. и Пав. А. *Капнистов*. Директор Азиатского департамента МИД (1891–1896), сенатор (с 1897) — 70, 71, 189, 190, 192, 195, 201
- Капнист Дмитрий Павлович (1879–1926), граф, октябрист, депутат Государственной думы (1912–1917). Сын П. А. и Э. А. *Капнистов*; в эмиграции — 71, 72, 98, 141, 194
- Капнист Ольга Федоровна (1895–1946), урожденная Бантыш, жена Д. П. *Капниста* — 72
- Капнист Павел Алексеевич (1842–1904), граф (с 1876), тайный советник (1888), попечитель Московского учебного округа (1880–1895), сенатор (с 1895); жена — графиня Э. А. *Капнист* — 13, 14, 70, 71, 138, 139, 189, 194, 195
- Капнист Петр Алексеевич (1839–1904), граф (с 1876), действительный тайный советник (1899). Брат графов П. А. и Д. А. *Капнистов*. Сенатор (с 1892), посол в Австро-Венгрии (с 1895); жена — графиня Н. А. Стенбок-Фермор (1864–1947) — 70, 190, 193
- Капнист Софья Павловна (1873–1880), графиня, дочь П. А. и Э. А. *Капнистов* — 70

- Капнист Эмилия Алексеевна (1848–1904), графиня, дочь Ал. А. Лопухина, сестра княгини С. А. Трубецкой, тетка князя Г. Н. Трубецкого; жена графа П. А. Капниста — 70, 71, 72, 87, 185, 194
- Капнист Эмилия Алексеевна, см. Э. А. Татищева
- Кар Василий Алексеевич (1730–1806), генерал-майор (1770), командовал первой карательной экспедицией, направленной против Е. И. Пугачева; владелец имения Карово (Сергиевское) — 122
- Карагеоргиевичи, сербская княжеская (1842–1859), затем королевская сербская и югославская династия (1903–1941) — 236, 276, 277
- Карл (1893–1953), принц Румынский из династии Гогенцоллерн-Зигмаринген; старший сын короля Фердинанда, в 1930–1940 гг. король Румынии под именем Кароля II — 237
- Кароль (Карл) I (1839–1914), господарь (князь) Валахии и Молдавии (1866–1881), король Румынии (1881–1914) из династии Гогенцоллерн-Зигмаринген — 237, 257–259, 263
- Каролус-Дюран (Carolus-Duran) Пьер (1876–1901), французский композитор и дирижер — 422
- Карпович Варвара, соседка Трубецких по Ахтырке — 94
- Каульбарс Александр Васильевич (1844–1929), барон, генерал от кавалерии (1901); член Военного совета (с 1909), заведующий организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта (1914–1915); в эмиграции — 312, 313
- Кашкин Николай Сергеевич (1829–1914), петрашевец, был осужден, помилован, в 1874–1908 гг. товарищ председателя Калужского окружного суда — 118
- Кевенгюллер, см. Р. фон Хефенхюллер-Меч
- Кемпфер (Kämpfer), гувернантка в доме князей Щербатовых — 149
- Керенский Александр Федорович (1881–1970), депутат Государственной думы (1912–1917), министр юстиции (3.03–18.04.1917), военный и морской министр (5.05–1.09.1917) и министр-председатель (7.07–26.10.1917) Временного правительства; в эмиграции — 452, 453, 541
- Киджи Альбани дела Ровере (Chigi Albani della Rovere) Антуанетта Львовна (1839–1918); замужем за Марио Киджи Альбани дела Ровере князем Кампаньяно (1832–1914); дочь княгини Л. И. Витгенштейн — 39
- Киз (Keyes) Теренс (1877–1939), британский бригадир (1932); в 1917 г. прикомандирован к русской армии в Румынии, сотрудник военного атташата; заместитель начальника британской военной миссии на Юге России (1918–1919), и. д. верховного комиссара на Юге России (1919–1920) — 448
- Киллинг, секретарь британской дипломатической миссии в Сербии — 373, 374

- Кирилл, в миру Абрамов, иеросхимонах, инок Белозерского, Афонского Хиландар, с 1903 г. Дечанского монастырей — 370
- Киселев Павел Дмитриевич (1788–1872), граф (с 1839), генерал от инфантерии (1834); министр государственных имуществ (1837–1856), посол во Франции (1856–1862) — 166
- Кислинский Николай Андреевич (1864–?), дачный приятель братьев автора — 111, 113, 153, 154
- Кистяковский Игорь Александрович (1876–1940), кадет и крупный масон, в 1918 г. государственный секретарь (май — июнь) и министр внутренних дел (июнь — октябрь) Украинской державы; в эмиграции — 500, 523
- Китченер (Kitchener) Герберт (1850–1916), 1-й граф Китченер (с 1914), 1-й виконт Китченер Хартумский (с 1902), британский фельд-маршал (1909); представитель Его Величества и генеральный консул в Египте (1911–1914); государственный секретарь по военным делам (с августа 1914); погиб на корабле «Хэмпшир» — 413, 426
- Клемансо (Clemenceau) Жорж (1841–1929), член Палаты депутатов Франции (с 1876), сенатор (с 1902); председатель Совета министров (1906–1909, 1917–1920) — 578, 604
- Климентова-Муромцева Мария Николаевна (1857–1946), певица (сопрано), солистка Большого театра и театра С. И. Зимина; жена С. А. Муромцева; в эмиграции — 77
- Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, тайный советник; профессор Московского университета (с 1882), академик Петербургской Академии наук (с 1900) — 165–169
- Коген (Cohen) Герман (1842–1918), философ-идеалист, глава Марбургской школы неокантианства — 145
- Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), граф (с 1914), действительный тайный советник (1905); министр финансов (1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914), член Государственного совета (с 1905); в эмиграции — 232, 249
- Кологривов Александр Александрович (ок. 1887–1918), руководитель подпольной антисоветской организации в Калуге; расстрелян большевиками — 491
- Кологривов Александр Иванович, действительный статский советник (1904), сын А. П. Кологривовой — 103
- Кологривова Анна Петровна, урожденная фон Энгельгардт, мать С. И. Унковской — 103, 105
- Кологривова Екатерина Ивановна (1852–?), урожденная Храповицкая, жена А. И. Кологривова — 103
- Кологривовы, нотариус Александр Иванович и его супруга Екатерина Ивановна — 12, 88, 90, 99, 103, 133

- Колчак Александр Васильевич (1874–1920), адмирал (1918); командующий флотом Черного моря (1916–1917); в Гражданскую войну — в Сибири, Верховный правитель Российского государства и Верховный главнокомандующий (ноябрь 1918 — 4 января 1920); выдан чехословаками Иркутскому ВРК и расстрелян — 559, 575, 576, 604, 631, 632, 636
- Комаровская Мария Петровна (1884–?), дочь П. Н. и М. П. Шамшевых, жена графа С. Л. Комаровского — 37
- Комаровская, графиня — 156
- Комаровский Леонид Алексеевич (1846–1912), граф, юрист-международник, заслуженный профессор (с 1869) и декан (с 1909) юридического факультета, и. о. ректора Московского университета (1911), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1910) — 37
- Комаровский Сергей Леонидович (1877–1953), граф, член Совета Московско-Казанской железной дороги. Сын графа Л. А. Комаровского; жена — М. П. Шамшева; в эмиграции — 37
- Комба (Combaz) Жан-Клод (1856–1926), французский католический прелат, миссионер, епископ Нагасаки (1912–1926) —
- Константин I (1868–1923), король Греции (1913–1917, 1920–1922) из династии Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбург; в июне 1917 г. отрекся от престола под давлением Антанты — 335, 337–339, 344
- Константин I Великий (273–337), римский император (с 306) — 269, 683
- Константин, лакей Трубецких — 97
- Константинович (Константиновић) Наталия (1882–1950), супруга (с 1902) принца Мирко (с 1917 в разводе) — 388
- Корбейль (Corbeil), французский полковник, глава французской миссии связи при штабе Добровольческой армии — 570, 599
- Корелин Михаил Сергеевич (1855–1899), историк, профессор Московского университета (с 1890) — 169
- Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), генерал от инфантерии (1917); Верховный главнокомандующий (июль — август 1917); главнокомандующий Добровольческой армией (1917–1918); погиб при штурме Екатеринодара — 451, 456–459, 467, 504
- Коростовец Владимир Константинович (1888–1953), чиновник МИД, затем секретарь П. Н. Милюкова. Сын Л. А. Коростовец — 514
- Коростовец Лидия Александровна (1864–1919), урожденная Случевская, жена генерал-лейтенанта К. В. Коростовца (1857–1919) — 513
- Корш Федор Адамович (1852–1923), театральный деятель, создатель театра, носившего его имя — 146
- Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), филолог-классик, славист, востоковед, академик Петербургской академии наук (с 1900); профес-

- сор Московского университета (с 1877) — 13, 166
- Коссяковская Александра (Дина) Владимировна, жительница Киева (1918) — 509
- Костинеску (Costinescu) Эмиль (1844–1921), румынский министр финансов (1902–1904, 1907–1910, 1914–1916) — 264
- Костя, см. К. Г. Трубецкой
- Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939), историк, теоретик права, общественный деятель, редактор перевода Марка Аврелия — 393
- Кохенгаузен (Cochenhausen) Фридрих фон (1879–1946), немецкий майор, представитель германского командования при Донском атамане (1918); позже генерал авиации (1938) — 577
- Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал от кавалерии (1918); войсковой атаман войска Донского (1918–1919); в эмиграции; в 1945 г. выдан англичанами СССР; приговорен к смертной казни и повешен — 529, 541–547, 595
- Крестовниковы, купеческая семья — 191
- Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921), гофмейстер (1909), член Государственного совета (с 1906), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915). В 1918 г. один из руководителей Правого центра, в мае — октябре 1920 г. председатель правительства при генерале П. В. Врангеле; в эмиграции — 223, 226, 384, 448, 496, 534, 551, 555, 631
- Кристи, урожденная княжна Трубецкая, Мария Николаевна (1860–1926), дочь Н. П. и Л. В. Трубецких, сестра князя Г. Н. Трубецкого, замужем Григорием Ивановичем Кристи (1856–1911) — 11, 73
- Крыжановский Сергей Ефимович (1862–1935), тайный советник (1907), статс-секретарь (1916), государственный секретарь (1911–1916) и член Государственного совета (1917). В 1918 г. получил приглашение гетмана П. П. Скоропадского войти в правительство, но отказался; в эмиграции — 428, 523
- Крылов, русский консул, тесть Л. Миушкевича — 284
- Крым Соломон Самойлович (1867–1936), депутат Государственной думы (1906, 1912–1917), с ноября 1918 по апрель 1919 г. премьер-министр и министр земледелия Крымского краевого правительства; в эмиграции — 562, 581
- Крюппи (Cruppi) Жан (1855–1933), член Палаты депутатов Франции (1898–1919), сенатор (1920–1924); министр торговли и промышленности (1908–1909) и иностранных дел (1911); жена — Луиза Крэмье — 422
- Ксенофонт (около 430 г. до н. э. — не ранее 356 до н. э.), древнегреческий писатель и историк афинского происхождения, полководец и политический деятель — 137

- Куве, французский адмирал (1919) — 609
- Кудашев Николай Александрович (1868–1921), князь, действительный статский советник (1906); директор Дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего (1914–1916), посланник в Китае (1916–1917); в эмиграции — 306, 311, 312, 314
- Кудрявцев, калужский купец, владелец книжного магазина в Калуге (1880-е гг.) — 93
- Кулаков Василий, иерей, настоятель храма Святителя Николая в Бари (1914–1920) — 406
- Курциус (Curtius) Эрнст (1814–1896), немецкий археолог, эпиграфист, историк Древней Греции — 162
- Кюльман (Kühlmann) Рихард фон (1873–1948), немецкий дипломат, с августа 1917 по июнь 1918 г. статс-секретарь по иностранным делам (министр иностранных дел) Германии — 526
- Лавров** Петр Лаврович (1823–1900), революционер, философ, публицист — 276
- Ладыженский — 460
- Лазаревский Николай Иванович (1868–1921), юрист, кадет; расстрелян — 529
- Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907), граф, действительный тайный советник (1901), товарищ министра (1897–1900), министр иностранных дел (1900–1906) — 193, 229, 242
- Ламсдорфы, семья графа Николая Константиновича Ламздорфа-Галагана (1881–1951) и его супруги Софьи Петровны, дочери П. Н. и А. В. Трубецких — 573
- Ланг Вера Петровна, дочь П. О. Ланга — 120
- Ланг Павел Петрович, сын П. О. Ланга — 120
- Ланг Петр Осипович, действительный статский советник (1894); прокурор Калужского (1881–1891) и Смоленского (1891–1894) окружных судов — 120
- Лауниц Владимир Федорович фон дер (1855–1906), генерал-майор (1905), Тамбовский губернатор (1902–1905), Петербургский градоначальник (1905–1906); убит террористом — 32
- Лауниц Мария Александровна фон дер (1863–1922), дочь князя А. П. Трубецкого, жена В. Ф. фон дер Лауница, кузина князя Г. Н. Трубецкого — 32
- Лебедева Лидия Арсеньевна, сестра милосердия — 301
- Лебеденко Николай Николаевич (1879–1948), инженер, конструктор одного из первых российских танков; член Правого центра (1918); в эмиграции — 448
- Леже (Lejaу) Гюстав (1862–1944), французский контр-адмирал (1917), в 1917–1919 гг. командир броненосца «Жюстис», в 1919 г. также французского отряда флота в Севастополе — 593
- Лейхтенбергский Николай Николаевич (1868–1928), герцог, генерал-

- майор (1917). Сын князя Н. М. Романовского, герцога Лейхтенбергского от морганатического брака. В 1918 г. атаман Зимовой станицы (посол) в Берлине; в эмиграции — 543
- Леман Александр Андреевич (1872–1932), подполковник, с 1907 г. сотрудник Главного управления Российского общества Красного Креста (РОКК), с 1910 г. заведующий его мобилизационным отделом. С 1916 г. особоуполномоченный РОКК; в эмиграции — 629
- Ленин (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), лидер большевиков, член Политбюро ЦК РКП(б) (1919–1924), председатель СНК РСФСР (1917–1924) и СССР (1923–1924) — 541
- Ленский (наст. фам. Вервициотти) Александр Павлович (1847–1908), актер Малого театра — 55
- Лермонтов Геннадий Геннадиевич (1865–1908), дипломат, камер-юнкер, 1-й секретарь Российского посольства в Риме — 12
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт, прозаик — 68
- Лермонтов Николай Геннадьевич (1901–1965), сын В. Н. Лермонтовой; в эмиграции — 505, 541, 576
- Лермонтов Петр Геннадьевич (1902–1950), сын В. Н. Лермонтовой; в эмиграции — 505, 541
- Лермонтова Варвара (Варя) Николаевна (1870–1933), сестра князя Г. Н. Трубецкого, жена Г. Г. Лермонтова (1865–1908); в эмиграции — 12, 89, 91, 93–95, 100, 102, 107, 108, 117, 133, 141, 150, 153, 173, 174, 470, 489, 490, 505
- Лермонтова Софья Геннадьевна (1904–1957), дочь В. Н. Лермонтовой, жена К. А. Усова — 505
- Лермонтовы (В. Н. Лермонтова и ее дети) — 463, 541
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), писатель — 26, 55
- Ливен Александр Александрович (1860–1914), светлейший князь, вице-адмирал (1912); начальник Морского генштаба (1911–1914) — 261
- Ливен Елена Александровна (1842–1915), светлейшая княжна, начальница Московского Елизаветинского института благородных девиц (1889–1895) и Смольного института благородных девиц (1895–1915) — 132
- Лиза, сестра, см. Е. Н. Осоргина
- Лизогуб Федор Андреевич (1851–1928), украинский политик, в 1918 г. министр внутренних дел (май — октябрь) и председатель Совета министров (май — ноябрь) Украинской державы; в эмиграции — 500, 513, 523
- Лиман фон Сандерс (Liman von Sanders) Отто (1855–1929), германский генерал кавалерии (1914); глава германской военной миссии в Османской империи и генерал-инспектор османской армии (с 1914), командующий армией (1914–1918) и группой армий «Ф» (1918–1919) — 249
- Лимпус (Limpus) Артур (1863–1931), британский адмирал (1918); гла-

- ва британской военно-морской миссии в Османской империи (1912–1914), адмирал-суперинтендант Мальтийских верфей (с 1914) — 253
- Лина (Александра), сестра, см. А. Н. Трубецкая.
- Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824–1896), князь, действительный тайный советник (1879), чрезвычайный и полномочный посол в Вене (1882–1895) министр иностранных дел (1895–1896) — 190, 192, 193, 195
- Логофети П. С., таганрогский судовладелец — 410
- Лодыженский Николай Николаевич (1842—1916), в 1872–1908 гг. на дипломатической службе, консул в различных городах, в 1910–12 и 1914–1916 гласный Тверского губернского земства, в 1912–1914 гг. Кашинский уездный предводитель дворянства — 304
- Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), философ-идеалист и психолог, профессор Московского университета (с 1892) — 144–146
- Лопатин Михаил Николаевич (1823–1900), тайный советник, председатель департамента Московской судебной палаты (с 1883), отец Л. М. Лопатина — 145
- Лопухин Александр Алексеевич (1839–1895), действительный статский советник (1874), председатель Варшавского окружного суда (с 1882). Старший сын Ал. А. Лопухина (1813); жена — Е. Д. Лопухина — 42
- Лопухин Алексей (Алеша) Александрович (1864–1928), действительный статский советник, директор Департамента полиции (1902–1905); сын А. А. и Е. Д. Лопухиных — 44–47, 50, 111
- Лопухин Алексей Александрович (1813–1872), действительный статский советник (1864); жена — В. А. Лопухина. Дед князя Г. Н. Трубецкого — 12, 43, 44
- Лопухин Борис (Боря) Александрович (ум. 1919), слущкий уездный Минской губернии предводитель дворянства (1907–1910); сын А. А. и Е. Д. Лопухиных. Расстрелян большевиками — 49, 50, 130, 136, 137, 150
- Лопухин Борис Алексеевич (1844–1915), председатель Ярославского окружного суда (1878–1889); сын Ал. А. Лопухин (1813); жена — В. И. Лопухина — 49, 50, 196
- Лопухин Виктор (Вика) Александрович (1868–1933), действительный статский советник (1911); сын А. А. и Е. Д. Лопухиных. Пермский (с 1909), Новгородский (с 1911), Тульский (с 1912) и Вологодский (1914–1915) губернатор. Остался в Советской России; умер в тюрьме — 49, 50
- Лопухин Владимир Борисович (1871–1941), действительный статский советник, сын Б. А. Лопухина и В. И. Лопухиной; директор 1-го (общего) департамента МИД (1917). 1-я жена — княжна Урусова, 2-я — Н. М. Поливанова. Остался в Советской России; умер от голода — 50

- Лопухин Георгий Дмитриевич (1892–1914), корнет лейб-гвардии Конно-гренадерского полка; сын Д. А. Лопухина и Е. М. Султан-Гирей. Погиб в бою — 48, 49
- Лопухин Дмитрий (Митя) Александрович (1865–1914), генерал-майор (1914), командир 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии; сын А. А. и Е. Д. Лопухиных. Жена — княжна Е. М. Лопухина. Погиб в бою — 44, 47–50, 111, 196
- Лопухин Евгений (Женька) Борисович (1878–?), статский советник; сын Б. А. и В. И. Лопухиных. В 1900–1903 гг. преподаватель гимназии, затем чиновник Министерства финансов. Остался в Советской России. Жена — Ольга Николаевна, урожденная Аничкова (1881–1949) — 50, 51
- Лопухин Сергей Александрович (дядя Сережа; 1853–1911), тайный советник (1907), сенатор (с 1907); сын Ал. А. Лопухина (1813), дядя князя Г. Н. Трубецкого — 51–56, 60, 61, 65, 67, 87
- Лопухин Юрий (Юша) Александрович (ум. 1919), товарищ прокурора Витебского и Московского окружных судов; сын А. А. и Е. Д. Лопухиных. Расстрелян большевиками — 49
- Лопухина Александра Павловна (тетя Саша; 1854–1934), урожденная Баранова графиня, дочь графа П. Т. Баранова, замужем за С. А. Лопухиным; в эмиграции — 51, 56, 59
- Лопухина Анна Сергеевна, см. А. С. Голицына
- Лопухина Варвара Александровна (1819–1873), урожденная княжна Оболенская, бабка князя Г. Н. Трубецкого по материнской линии, замужем за А. А. Лопухиным, мать княгини С. А. Трубецкой — 40, 127, 154, 196
- Лопухина Варвара Алексеевна, см. В. А. Чичерина
- Лопухина Вера Ивановна, урожденная Протасьева, жена Б. А. Лопухина — 50
- Лопухина Екатерина Дмитриевна (1868–1930), княжна, сестра С. Д. и Д. Д. Урусовых; жена Ал. А. Лопухина — 44
- Лопухина Елизавета (Лили) Михайловна, урожденная княжна Султан-Гирей, жена Д. А. Лопухина, 2-м браком — за И. В. Стеценко; в эмиграции — 48, 49
- Лопухина Елизавета Дмитриевна (1841–1909), урожденная Голохвастова, жена Ал. Ал. Лопухина — 43, 44
- Лопухина Лидия Алексеевна (тетя Лидя; 1842–1895), дочь Ал. А. Лопухина (1813), сестра княгини С. А. Трубецкой, тетка князя Г. Н. Трубецкого — 68, 69, 82, 185
- Лопухина Мария (Маруся) Алексеевна, дочь А. А. и Е. Д. Лопухиных, была трижды замужем — в 3-м браке за Амброзетти — 47
- Лопухина Мария Александровна (тетя Маша-старушка) (1802–1877), сестра Ал. А. Лопухина (1813), двоюродная бабка князя Г. Н. Трубецкого — 68, 69

- Лопухина Мария Алексеевна (тетя Маша), дочь Ал. А. Лопухина (1813), сестра княгини С. А. Трубецкой, тетка князя Г. Н. Трубецкого — 68, 69, 82
- Лопухина Мария Дмитриевна (1871–1963), урожденная Урусова — 50
- Лопухина Софья Михайловна (1890–1977), дочь М. М. и Е. Н. Осоргиных, жена Н. С. Лопухина; в эмиграции — 484
- Лопухина Татьяна Владимировна (1892–1920), княжна, дочь князя В. М. Голицына, жена (с 1914) П. С. Лопухина (1885–1962) — 180
- Луиджи Амедео (1873–1933), герцог деи Абруцци, итальянский адмирал (1918); двоюродный брат короля Италии Виктора Эммануила III; командующий Адриатическим флотом (1914–1917), генерал-инспектор ВМФ (с 1917) — 400, 401
- Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), генерал-лейтенант (1914); начальник штаба Верховного главнокомандующего (1917), Добровольческой армии (1917–1918), помощник главнокомандующего и начальник Военного и Морского управления ВСЮР (1918–1919), председатель Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (октябрь — декабрь 1919), глава правительства при главнокомандующем ВСЮР (1919–1920); в эмиграции — 456, 459, 463–465, 467, 516–517, 519, 550, 557, 634
- Львов Владимир (Володичка) Николаевич (1872–1930), гимназиче-ский приятель автора, впоследствии обер-прокурор Святейшего синода в первом и втором (первом коалиционном) составах Временного правительства — 136, 137
- Львов Владимир Константинович (ум. 1919), корнет (1919), вольноопределяющийся Кавалергардского полка; в Белой армии — в Сводно-гвардейском полку во ВСЮР; погиб в бою — 450
- Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), князь, прогрессист, председатель Всероссийского земского союза (1914–1917) и объединенного Земгора (1915–1917); министр-председатель Временного правительства (март — июль 1917); в эмиграции — 60, 159, 267
- Львов Николай Николаевич (1865–1940), кадет, в 1906 г. один из основателей Партии мирного обновления, депутат Государственной думы (1906, 1907–1918). В Гражданскую войну — во ВСЮР; в эмиграции — 16, 66, 232, 518, 519
- Львова София Владимировна (1875–1952), княгиня, дочь князя В. М. Голицына, жена (с 1895) князя К. Н. Львова — 180
- Люциус, Люциус фон Штёдтен (Lucius von Stoedten), с 1932 — барон Люциус фон Бальхаузен (Lucius von Ballhausen) Гельмут (1869–1934), советник германского посольства в России (1911–1914), дипломатический агент и генеральный консул в Дураццо (Албания; 1914–1915), посланник в Швеции (1915–1920) — 219

- Маджаров** Михаил Иванов (1854—1944), болгарский дипломат, посланник в Великобритании (1912–1913, 1913–1914) и России (1914–1915) — 256
- Мазуренко Семен Петрович (1868–1937), эсер, один из руководителей Всероссийского крестьянского союза (1905), член КП(б) Украины (с 1920). Остался в Советской России. Расстрелян — 456, 460
- Май-Маевский Владимир Зенонович (1867–1920), генерал-лейтенант (1917); командир I гвардейского корпуса (1917). В Гражданскую войну — на Юге России, командир дивизии (1918–1919), II армейского корпуса (с февраля 1919), Добровольческой армии (май — ноябрь 1919), главноначальствующий Харьковской областью (с июня 1919) — 630
- Майореску (Maiorescu) Титу (1840–1917), румынский министр иностранных дел (1910–1913) и председатель Совета министров (1912–1914) — 237
- Маклаков Александр Константинович (1838–1910), генерал-лейтенант (1900); командир 5-го гренадерского Киевского полка (1878–1888), командир 2-й бригады 29-й пехотной дивизии (1890–1896) — 117, 118, 121
- Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), кадет, член Государственной думы (1907–1917), в 1917 г. председатель Юридического совещания при Временном правительстве; с октября 1917 г. посол во Франции — 164, 496
- Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), гофмейстер (1913); министр внутренних дел (1912–1915), член Государственного совета (1915–1917); расстрелян большевиками — 232, 233, 312, 415
- Маковский Гавриил (ум. 1918), священник; убит большевиками — 663
- Мальцев Алексей Петрович (1854–1915), протоиерей, настоятель русской церкви в Берлине — 281
- Мама, см. княгиня С. А. Трубецкая
- Мамантов Константин Константинович (1869–1920), генерал-лейтенант (1919); в 1917 г. командир бригады. В Гражданскую войну на Дону: командир различных донских частей, в 1919 г. — IV Донского отдельного корпуса и конной группы. Умер от тифа — 629
- Мамонов Николай Евграфович (1829–1888), врач, основатель Московского общества русских врачей — 174
- Мамонов, врач, сын Н. Е. Мамонова — 174
- Мамоновы, см. Дмитриевы-Мамоновы
- Мамонтов Всеволод Саввич (1870–1951), сын С. И. Мамонтова, один из основателей советского охотничьего и служебного собаководства — 192
- Мамонтов Савва Иванович (1841–1918), предприниматель, меценат и покровитель художников и артистов — 190, 191

- Мамонтова Вера Саввишна, см.
В. С. Самарина
- Мамонтова Елена Дмитриевна (Лена)
(1876–1971), жена В. С. Мамонтова — 192
- Мамонтова Елизавета Григорьевна
(1847–1908), урожденная Сапожникова, жена С. И. Мамонтова — 191
- Мамулов Иосиф Гаврилович, драгоман российской дипломатической миссии в Сербии — 270, 352, 360, 365, 369, 374, 376, 392, 404, 406, 411–412
- Мандельштам Андрей Николаевич,
1-й драгоман российского посольства в Турции — 250
- Мансуров Алик (Александр?), сын
П. Б. Мансурова — 209
- Мансуров Павел Борисович (1860–1932), дипломат, секретарь посольства в Стамбуле, директор Московского Главного архива МИД (1913–1915) — 209–213
- Мансурова Мария Федоровна (1894–1976), племянница Г. Н. Трубецкого, жена С. П. Мансурова — 210
- Маргилومان (Marghiloman) Александру (1854–1925), руководитель Консервативной партии Румынии (с 1914), сенатор (1914–1922); председатель Совета министров, министр сельского и местного хозяйства (1918) — 263, 264
- Маржери (Margerie) Пьер де (1861–1942), французский посланник в Чили (1909–1912), директор Политического департамента МИД (1914–1919), посол в Бельгии (1919–1922) и Германии (1922–1931) — 334
- Марина Петровна, см. М. П. Голицына
- Марина, сестра, см. княгиня М. Н. Галгарина
- Маринкович (Маринковић) Войя (Воислав; 1876–1935), председатель Прогрессивной партии Сербии (с 1915), депутат Народной скупщины (1906–1935), министр народного хозяйства (1914–1917) и финансов (1915) — 278, 279, 405
- Мария Павловна (старшая), урожденная принцесса Мария Мекленбург-Шверинская, (1854–1920), великая княгиня, супруга (с 1874) великого князя Владимира Александровича — 201
- Мария Румынская (1875–1938), дочь герцога Альфреда Эдинбургского и Саксен-Кобург-Готского и великой княжны Марии Александровны; супруга (с 1893) престолонаследника (с 1914 короля Румынии) Фердинанда — 237
- Мария Федоровна, урожденная Мария София Фредерика Дагмара (1847–1928), императрица Всероссийская, жена Александра III (с 1866), мать императора Николая II — 260, 572
- Мария Федоровна, урожденная принцесса София Мария Доротея Вюртембергская, (1759–1828), императрица Всероссийская, 2-я супруга (с 1776) Павла I, мать Александра I и Николая I — 69, 131, 177
- Марк Аврелий (121–180), римский император (с 161) — 393
- Марко (1335–1395), сербский королевич, сын короля Вукашина — 372

- Марков Сергей Леонидович (1878–1918), генерал-лейтенант (1917); начальник штаба Юго-Западного фронта (1917), в 1918 г. — в Добровольческой армии: командир 1-го Офицерского пехотного полка, 1-й пехотной бригады, 1-й пехотной дивизии; смертельно ранен в бою — 456, 470
- Мартенс Федор Федорович (1845–1909), дипломат, действительный статский советник (1881), профессор Петербургского университета (1876–1905), неперенный член Совета Министерства иностранных дел (1881–1909) — 194
- Мартимьян, насельник Оптиной пустыни, заведующий монастырской гостиницей — 434
- Мартос Николай Николаевич (1858–1933), генерал от инфантерии (1913); командир XV армейского корпуса (1911–1914); в августе 1914 г. взят в плен немцами, освобожден в 1918 г.; в эмиграции — 356
- Марцинкевич Н. В., женщина-врач — 295, 299, 300, 304
- Марья Яковлевна, жительница Калуги — 120
- Марья, служанка, албанка — 379
- Маслов Сергей Николаевич (1867–1925), октябрист, действительный статский советник, председатель Орловской земской управы (1900–1917), начальник Управления продовольствия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1919); в эмиграции — 67, 630, 631
- Маха, см. М. В. Ершова
- Махмуд II (1785–1839), султан Османской империи (1808–1839) — 444
- Махно Нестор Иванович (1888–1934), анархист, с 1918 г. командир группы повстанческих отрядов на Украине, в феврале — июне 1919 г. — бригады РККА. В 1919–1921 гг. председатель РВС Объединенной революционной повстанческой армии; в эмиграции — 637
- Маша, см. М. К. Трубецкая
- Маша, тетя, см. М. П. Зиновьева
- Медем Мария Федоровна (Муса) (1880–1925), дочь Ф. Д. и Е. М. Чертковых, жена А. О. Медема — 199
- Мейендорф Екатерина (Катруся) Федоровна (1879–1940-е гг.), баронесса, дочь барона Ф. Е. Мейендорфа (1842–1911); в эмиграции — 509
- Мельгунов Михаил Эрастович (1869–1926), генерал-лейтенант (1917); командир XLI армейского корпуса (1917). В Гражданскую войну — на Юге России, в феврале 1919 г. начальник штаба, затем и. д. командующего войсками Юго-Западного края; в эмиграции — 601, 602, 604
- Мещерская Мария Николаевна, см. М. Н. Толстая
- Мещерская Софья Николаевна, см. С. Н. Васильчикова
- Микеланджело (в тексте Микель Анджело) Буонаротти (1475–1564) итальянский скульптор, художник, архитектор, поэт и мыслитель — 144

- Милан I (1854–1901), князь (1868–1882) и король Сербии (1882–1889) из династии Обреновичей — 236, 269, 275–277
- Милица Николаевна (1866–1951), великая княгиня. Из дома Петровичей-Негошей; дочь короля Черногории *Николая I*, сестра великой княгини Анастасии Николаевны. Жена (с 1889) великого князя *Петра Николаевича*; в эмиграции — 555
- Милованович (Миловановић) Милован (1863–1912), один из основателей Народной радикальной партии Сербии; министр иностранных дел (1908–1912), премьер-министр (1911–1912) — 328
- Милорадович Ольга Кирилловна (1862–1945), урожденная Катеринич, жена графа Г. А. Милорадовича (1834–1905) — 533
- Милюков Павел Николаевич (1859–1943), историк и политический деятель, приват-доцент Московского университета, депутат Государственной думы (1907–1917), лидер кадетов; министр иностранных дел Временного правительства (март — май 1917); в эмиграции — 46, 165, 167, 168, 384, 456, 457, 460, 462, 509, 513, 514, 525, 530–534
- Милютин Николай Алексеевич (1818–1872), тайный советник (1860), сенатор (с 1861) и член Государственного совета (с 1865) — 64
- Мимра, см. Д. В. Истомин
- Мирбах-Харфф (Mirbach-Harff) Вильгельм фон (1871–1918), граф, глава германской дипмиссии (1917–1918) и германский посол в Петрограде (с апреля 1918); убит левыми эсерами — 501, 502
- Мирко (1879–1918), черногорский принц, 2-й сын князя (с 1910 короля) Черногории *Николая I* — 388
- Мисаил, в миру Михаил Иванович Крылов (1837–?), с 1878 г. и. о. ректора Калужской духовной семинарии, в 1879–1883 ректор Тифлисской духовной семинарии. С 1883 г. епископ, в 1908–1917 гг. управляющий ставропигиальным Симоновым монастырем (Москва) — 77
- Митрофан, в миру Митрофан Васильевич Симашкевич (1845–1928), с 1915 г. архиепископ, с 1919 г. митрополит Донской и Новочеркасский, глава Временного высшего церковного управления на Юге России. Остался в Советской России, в 1926 г. уклонился в григорианский раскол — 626, 627, 633
- Митхад-паша (1822–1884), великий визирь Османской империи (1872, 1876–1877), губернатор Ниша (1861–1864) и Дунайского вилайета (1864–1876); убит — 283
- Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, генерал-лейтенант (1916); младший брат императора *Николая II*. В марте 1918 г. выслан в Пермь; расстрелян большевиками — 527
- Михаил Николаевич (1832–1909), великий князь, генерал-фельдмар-

- шал (1878), сын *Николая I* — 69
- Мишотт де Вель (*Michotte de Welle*)
Морис (1856–1938), бельгийский
посланник в Сербии — 284
- Мищенко Павел Иванович (1853–1918),
генерал от артиллерии (1910); ко-
мандир отдельной Закаспийской
бригады (1903–1905), Урало-За-
байкальской сводной казачьей
дивизии (1905), войсковой наказ-
ной атаман войска Донского (1911–
1912) и командир XXXI корпуса
(1915–1917); застрелился — 48
- Миюшкович (Мијушковић) Лазарь
(1867–1936), черногорский по-
сланник в Белграде (1913–1915),
председатель Совета министров
и министр иностранных дел
(1905–1906, 1915–1916) — 364, 370,
398, 399
- Млодзиевский Болеслав Корнелиевич
(1858–1923), профессор Москов-
ского университета, учитель кос-
мографии 5-й московской гимна-
зии — 158
- Молоствова Любовь Владимировна,
см. *Л. В. Хитрово*
- Мольский Виталий Константинович
(1829–1892), генерал-лейтенант
(1888); командир 1-й бригады
2-й гренадерской дивизии (1882–
1886), 2-й бригады 25-й пехотной
дивизии (с 1886), комендант Бо-
бруйской крепости (с 1887) — 120
- Моммзен (*Mommsen*) Теодор (1817–
1903), немецкий историк, фи-
лолог, историк Древнего Рима;
иностраннный член Петербург-
ской Академии наук; лауреат Но-
белевской премии по литературе
(1902) — 162
- Мондесир, Пьяррон де Мондесир
(*Piarron de Mondésir*), Жан
(1857–1943), французский дивизи-
онный генерал (1914); командир
дивизии (1914), VIII армейского
корпуса (1914–1915); глава фран-
цузской военной миссии в Алба-
нии (1915–1916); командир XXXVI
(1916) и XXXVIII (1916–1919) ар-
мейских корпусов — 396, 409, 410
- Морни Софья Сергеевна де (1838–
1898), урожденная княжна Тру-
бецкая, герцогиня; предполагае-
мая дочь императора *Николая I*;
замужем за герцогом Шарлем де
Морни, сводным братом импера-
тора Наполеона III — 92
- Морозов Савва Тимофеевич (1862–
1905), предприниматель, меце-
нат, благотворитель — 190, 191
- Морозова Маргарита Кирилловна
(1873–1958), урожденная Мамон-
това, замужем за М. А. Морозо-
вым (1870–1903) — 15
- Морозовы, купеческая семья — 191
- Мостовой Борис Владимирович
(1882–1937), поручик; жена —
Э. П. Мостовая *Остался в Совет-
ской России* — 37
- Мостовая Эмилия Петровна, дочь
П. Н. и М. П. *Шамшевых*; жена
Б. В. *Мостового* — 37
- Мостовская (во 2-м браке Муханова)
Юзефа (1801–1846), графиня, мать
княгини М. П. *Щербатовой* — 147
- Мумм фон Шварценштейн (*Mumm
von Schwarzenstein*) Альфонс
(1859–1924), барон, немецкий
дипломат, посол в Японии (1909–

- 1911), представитель Германии в Киеве (март — ноябрь 1918) — 499
- Муравьев Валериан Николаевич (1885–1930), начальник балканского сектора (1916–1917), начальник Политического комитета (1917) МИД; член Национального центра и Тактического центра (1918–1920); остался в Советской России, умер в ссылке — 195, 252, 461, 463, 470
- Муравьев Николай Валерианович (1850–1908), действительный тайный советник (1901); министр юстиции и генерал-прокурор Сената (1894–1905), посол в Италии (с 1905) — 45
- Муралов Николай Иванович (1877–1937), большевик, в 1917–1919 гг. комиссар Московского военного округа с правами командующего войсками. В 1936 г. арестован; расстрелян — 505
- Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910), юрист, профессор Московского университета (с 1877), член ЦК партии кадетов (с 1905), председатель I Государственной думы (1906); жена — М. Н. Климентова-Муромцева — 77
- Муфка, см. М. Н. Мещерская
- Муханова Прасковья Алексеевна (1811–1894), дочь А. И. Муханова и княжны В. Н. Трубецкой, сестры деда князя Г. Н. Трубецкого — 37, 147
- Мясоедов Александр Дмитриевич (1852–1900) — 119
- Мясоедова Екатерина Николаевна, дочь Н. Д. Делянова, супруга
- А. Д. Мясоедова — 119
- Набоков** Владимир Дмитриевич (1869–1922), член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы (1906); управляющий делами Временного правительства (1917); министр юстиции Крымского краевого правительства (1918); погиб во время покушения на П. Н. Милюкова — 560, 562
- Надя, служанка в доме Трубецких в Калуге (1880-е гг.) — 91, 100
- Назаров Анатолий Михайлович (1876–1918), генерал-майор (1915); командир 8-й Донской казачьей и Кавказской кавалерийской дивизий (1917); походный (с декабря 1917) и войсковой (с января 1918) атаман войска Донского; расстрелян — 462, 469
- Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский полководец, 1-й консул (1799–1804), император французов (1804–1814, 1815) — 68, 114, 154
- Наталия, урожденная Наталья Петровна Кешко (1859–1941), сербская княгиня (1875–1882) и королева (1882–1903), супруга Милана I Обреновича, князя (1869–1882) и короля (1882–1889) Сербии — 269
- Наумовы, семья — 182
- Негуш-Петрович, см. Б. Петрович Негуш
- Нейфардт Александр, дирижер московских балов — 150
- Нелидов Александр Иванович (1835–1910), действительный тайный советник (1896); посол в Ос-

- манской империи (1883–1897), Италии (1897–1903) и Франции (1907–1910) — 193
- Ненюков Дмитрий Всеволодович (1869–1929), вице-адмирал (1916); начальник Военно-морского управления Верховного главнокомандующего (1914–1917); командир отряда в устье Дуная (1915), Экспедиции особого назначения (1916–1917), Дунайской флотилии (1917), всех речных сил на Дунае (1917); командующий Черноморским флотом ВСЮР (1919–1920); в эмиграции — 252
- Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938), гофмейстер (1911), товарищ министра иностранных дел (1910–1916), член Государственного совета (1916–1917); в 1918 г. управляющий Политическом отделом Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР; в эмиграции — 193, 219, 328, 330, 342, 429, 565, 576, 631
- Нерель (Nérel) Антуан (1859–1952), французский дивизионный генерал (1923); командир 30-й пехотной дивизии (1918–1919) — 604
- Никифор, в миру Никола Перич (Перић; 1862–1918), сербский митрополит Рашско-Призренский (1901–1911); в 1915–1918 гг. интернирован болгарами — 372
- Николай I (1841–1921), князь (1860–1910) и король (1910–1918) Черногории из династии Петровичей Негошей, генерал-фельдмаршал российской армии (1910) — 364, 367, 377, 378, 388, 395–399
- Николай I Павлович (1796–1855), император Всероссийский (с 1825) из династии Романовых — 260–262
- Николай II Александрович (1868–1918), император Всероссийский (с 1894) из династии Романовых; 2 марта 1917 г. свергнут с престола; расстрелян большевиками — 8, 20, 23–27, 32, 37, 38, 44, 45, 48, 51, 52, 60–63, 86, 146, 189, 190, 311, 326, 392, 425, 426, 428, 495, 503
- Николай Михайлович (1859–1919), великий князь, историк, генерал от инфантерии (1913); внук императора Николая I; расстрелян большевиками — 312
- Николай Николаевич (младший) (1856–1929), великий князь, генерал от кавалерии (1900); внук императора Николая I; с июля 1914 г. Верховный главнокомандующий, с августа 1915 по март 1917 г. наместник на Кавказе, главнокомандующий Кавказской армией и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск; в эмиграции. Жена — великая княгиня *Милица Николаевна* — 136, 226, 233, 251, 260, 306, 311–314, 555, 556, 559, 570, 572
- Николай, см. князь Н. В. Гагарин
- Никольсон (Nicolson) Артур (1849–1928), 1-й барон Кернок (с 1916), британский посол в России (1906–1910), постоянный заместитель секретаря по иностранным делам (1910–1916) — 424
- Никонов Владимир Владимирович (1885–1960), капитан 1-го ранга (1918), командир Севастопольско-

- го порта (1919); в эмиграции — 624
- Новакович (Новаковић) Стоян (1842–1915), лидер Прогрессивной партии Сербии — 276, 280, 289
- Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), кадет, директор Московского коммерческого института (1906–1918), один из руководителей Правого центра (1918); в эмиграции — 496
- Новиков Леонид Митрофанович (1869–?), подполковник (1912); комендант железнодорожного и водного участка «Воронеж» (1904–1915), офицер Управления военных сообщений в Греции (1916) — 303, 364
- Новосильцев Николай Иванович, муж княжны Е. Д. *Новосильцевой* — 198
- Новосильцева Елизавета Дмитриевна (1853–1926), урожденная Оболенская, — 198
- Новосильцева Мария Александровна (1858–1930), дочь князя А. А. *Щербатова*, — 148
- Нольде Борис Эммануилович (1876–1948), барон, кадет, статский советник, директор 2-го департамента МИД (1916–1917), в марте — мае 1917 г. товарищ министра иностранных дел Временного правительства, член Правого центра; в эмиграции — 17, 498, 529, 532
- Носович Владимир Павлович (1864–1936), тайный советник (1917), в 1917 г. сенатор. В Гражданскую войну — на Юге России, командующий Государственной стражей (1918), помощник начальника, в 1919 г. начальник Управления внутренних дел Особого совещания; в эмиграции — 630, 631, 635
- Нюничка, гувернантка М. М. *Осоргина* (старшего) и его сестры — 123
- О’Конор** (O’Conor) Николас Родерик (1843–1908), британский посол в России (1895–1898) и Османской империи (с 1898) — 228
- Обнорский Николай Александрович, секретарь (1911–1915) и поверенный в делах (1915–1916) дипломатической миссии в Черногории, 1-й секретарь дипмиссии в Сербии (1916–1917) — 332, 378
- Оболенская Аграфена (тетя Груша) Александровна (1823–1891), княжна — 127, 128, 130, 157, 184, 200
- Оболенская Александра Николаевна, урожденная Топорнина, княгиня, замужем за князем И. М. *Оболенским* — 199
- Оболенская Анна Александровна (1861–1917), урожденная Половцева, княгиня, замужем (с 1881) за князем А. Д. *Оболенским*, пианистка, композитор-любитель — 196
- Оболенская Варвара Самсоновна (1821–1894), урожденная Баранова, жена (с 1846) князя Е. П. *Оболенского* — 120
- Оболенская Дарья Петровна, (тетя Доля), урожденная княжна Трубецкая, княгиня, жена князя Д. А. *Оболенского*, брата бабки автора — 196, 198

- Оболенская Елизавета Владимировна (1866–1923), княжна, дочь князя В. А. Оболенского; в эмиграции — 127, 130, 142, 157
- Оболенская Елизавета Николаевна (1868–1957), урожденная светлейшая княжна Салтыкова, княгиня, фрейлина двора (1888), жена (с 1893) князя А. Д. Оболенского — 197
- Оболенская Любовь Петровна (1888–1980), урожденная княжна Трубецкая, княгиня, пианистка, дочь П. Н. и А. В. Трубецких, жена (с 1909) князя А. А. Оболенского; в эмиграции — 566
- Оболенская Мария Ивановна, см. М. И. Звегинцова
- Оболенская Наталья Петровна (1809–1887), княгиня, сестра князя Е. П. Оболенского, супруга князя А. П. Оболенского — 120
- Оболенская Нина Николаевна (1866–1932), княжна, дочь князя Н. С. Оболенского — 133
- Оболенская Ольга Александровна (ум. 1895), урожденная княжна Стурдза, княгиня, мать князя И. М. Оболенского — 199
- Оболенская Ольга Евгеньевна (1860–?), княжна, дочь князя Е. П. Оболенского — 120
- Оболенская Ольга Ивановна (1891–1984), княжна, дочь князя И. М. Оболенского, в первом браке (1912) замужем за князем П. А. Оболенским (развод в 1924) — 199
- Оболенская Софья Владимировна (1858–?), княжна, дочь князя В. А. Оболенского — 127, 130
- Оболенские, князья — 40, 42, 96, 127, 130, 131, 133, 157, 196, 197, 260, 573
- Оболенские, семья А. А. и Л. П. Оболенских — 566, 573
- Оболенский Александр Дмитриевич (1847–1917), князь, шталмейстер (1893). Сын Д. А. Оболенского. С 1889 г. обер-прокурор 2-го, затем 1-го департаментов Сената; сенатор (1899) и член Государственного совета (1902). Жена — А. А. Оболенская — 196, 498
- Оболенский Александр Петрович (Алик) (1915–2002), князь, сын П. А. и О. И. Оболенских — 199
- Оболенский Алексей Александрович (1883–1942), князь, жена (с 1909) — Л. П. Оболенская; в эмиграции — 566
- Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933), князь, шталмейстер и тайный советник (1901), управляющий Государственным дворянским земельным и крестьянским поземельным банками (1895–1897), обер-прокурор Синода (1905–1906), член Государственного совета (с 1905). Двоюродный брат матери автора. С 1920 г. в эмиграции — 121, 196, 260
- Оболенский Владимир Андреевич (1814–1877), князь, отец княгинь А. В. и П. В. Трубецких, тесть князей П. Н. и С. Н. Трубецких — 127
- Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881), князь, действительный тайный советник, брат Е. А. Лопухиной — бабки автора. Жена — княгиня Д. П. Оболенская — 196

- Оболенский Евгений Петрович (1796–1865), поручик (1821), декабрист, 14.12.1825 г. избран командующим восставшими войсками; в 1826 г. приговорен к вечной каторге, в 1839 г. переведен на поселение, в 1856 г. восстановлен в правах — 120
- Оболенский Иван Михайлович (1853–1910), князь, генерал-лейтенант по адмиралтейству, Херсонский (1897–1902) и Харьковский (1902–1903) губернатор, Финляндский генерал-губернатор (1904–1905) — 45, 198, 199
- Оболенский Иван Петрович (1913–1975), князь, сын П. А. и О. И. Оболенских — 199
- Оболенский Николай Дмитриевич (Котя) (1860–1912), князь, флигель-адъютант, сын князя Д. А. Оболенского — 197
- Оболенский Николай Сергеевич (1823–1914), князь, генерал от инфантерии (1892), действительный тайный советник (1893), почетный опекун (с 1893) — 13, 133
- Оболенский Петр (Петрик) Александрович (1889–1969), князь, композитор, дирижер, с 1929 г. в эмиграции; жена (1912–1924) — Ольга (1891–1984), дочь князя И. М. Оболенского — 199
- Оболенский-Нелединский-Мелецкий Валериан Сергеевич (1848–1907), князь, шталмейстер (1895); директор канцелярии министра внутренних дел (с 1886), товарищ министра иностранных дел (1900–1906), член Государственного совета (1906) — 198
- Образцов, доктор, один из руководителей Калужской советской республики (1918) — 491, 492
- Обреновичи, сербская княжеская (с 1882 королевская) династия, правившая в 1815–1842 и 1858–1903 гг. — 236, 276
- Овсянников Николай Николаевич (1834–1912), действительный статский советник, директор народных училищ Нижегородской губернии, директор Калужской и Тверской гимназий — 114
- Озеров Андрей Сергеевич (1845–1897), генерал-майор (1890), управляющий Двором великого князя Михаила Николаевича (1892–1897); жена — О. А. Озерова — 69
- Озеров Сергей Сергеевич (1852–1920), генерал-лейтенант (1917); брат А. С. Озерова; двоюродный брат (по матери) княгини П. В. Трубецкой; командующий 1-й гвардейской пехотной дивизией (1905–1906) — 69
- Озерова Наталья Андреевна (1812–1902), урожденная княжна Оболенская, фрейлина, мать А. С. Озерова — 69
- Озерова Ольга Алексеевна (1845–1883), дочь Ал. А. Лопухина (1813), сестра княгини С. А. Трубецкой, тетка князя Г. Н. Трубецкого; жена А. С. Озерова — 69
- Озерова Софья Сергеевна (1838–1919), фрейлина, сестра А. С. Озерова — 69
- Оленина Анна Александровна. см. А. А. Баранова

- Олив Михаил Сергеевич (1881–1956), ротмистр Кавалергардского полка, камер-юнкер; в эмиграции — 286, 288
- Олсуфьев Алексей Васильевич (1831–1915), граф, генерал от кавалерии (1892); почетный опекун (с 1884), член Александровского комитета о раненых (1896–1906 и с 1908), попечитель Московского вдовьего дома (с 1908) — 132
- Олсуфьев Михаил (Миша), приятель старшего сына автора — 431
- Ольга, сестра, см. княжна О. Н. Трубецкая
- Ольга, тетя, см. О. А. Озерова
- Ону, супруги — 427
- Орлов Сергей (ум. 1944), протоиерей, настоятель русского Крестовоздвиженского собора в Женеве — 281
- Орлова Надежда Петровна (1898–1988), княгиня, урожденная княжна императорской крови. Дочь великого князя *Петра Николаевича* и великой княгини *Милуцы Николаевны*. Жена (1917–1940) князя Н. В. Орлова (1891–1961); в эмиграции — 555
- Орлова-Денисова Любовь Васильевна, см. Л. В. Трубецкая
- Орлова-Денисова Ольга Феофиловна (1878–1959), урожденная баронесса Мейендорф, графиня, жена графа В. П. Орлова-Денисова; в эмиграции — 504, 540, 541
- Орлов-Давыдов Анатолий Владимирович (1837–1905), граф, генерал-лейтенант (1881), обер-шталмейстер (1902) — 132
- Орлов-Денисов Василий (Пулька) Васильевич (1901–1920), граф, вольноопределяющийся лейб-гвардии Казачьего полка. Сын В. П. и О. Ф. Орловых-Денисовых. Пропал без вести — 11, 504, 541
- Орлов-Денисов Василий Петрович (1876–1918), граф, церемониймейстер Двора (1912); убит большевиками — 490, 504, 541
- Орлов-Денисов Петр Васильевич (1900–1918), граф, офицер Донской армии. Сын В. П. и О. Ф. Орловых-Денисовых; расстрелян большевиками — 504, 541
- Орлов-Денисов Юрий (Георгий) Васильевич (1903–1965), граф, вольноопределяющийся лейб-гвардии Казачьего полка. Сын В. П. и О. Ф. Орловых-Денисовых; в эмиграции — 504, 541
- Осман-паша (1832–1885), маршал, военный министр Османской империи (1878–1880, 1880–1881, 1881–1885 и 1891) — 205
- Осоргин Георгий Михайлович (1893–1929), штабс-ротмистр. Сын М. М. и Е. Н. Осоргиных. Остался в Советской России; арестован, отправлен в лагерь на Соловки, а затем расстрелян — 484, 485
- Осоргин Михаил Михайлович (1834–1910), отец М. М. Осоргина, мужа сестры автора Е. Н. Трубецкой — 123, 487
- Осоргин Михаил Михайлович (1861–1939), действительный статский советник (1903), Гродненский (1903–1905) и Тульский (1905–1907) губернатор; жена —

- Е. Н. Осоргина (Трубецкая). Осталась в Советской России, с 1931 г. в эмиграции — 12, 13, 45, 113, 114, 120, 123, 124, 126, 141, 193, 482, 483, 486, 658, 659
- Осоргин Михаил Михайлович (младший) (1887–1950), участник Первой мировой войны. Старший сын М. М. и Е. Н. Осоргиных. В эмиграции, один из создателей Сергиевского подворья — 15, 124, 484, 487
- Осоргин Сергей Михайлович (1888–1957), корнет 5-го гусарского Александрийского полка. Сын М. М. и Е. Н. Осоргиных. В Гражданскую войну — на Юге России; жена — княжна С. Н. Гагарина; в эмиграции — 142, 463, 466, 484
- Осоргина Антонина Михайловна (1901–1985), дочь М. М. и Е. Н. Осоргиных. Осталась в Советской России, с 1931 г. в эмиграции, в 1974 г. пострижена в схиму с именем Серафима — 485
- Осоргина Диди, внучка княгини М. Н. Гагариной — 97
- Осоргина Елизавета (Лиза) Николаевна (1865–1935), урожденная княжна Трубецкая, сестра Г. Н. Трубецкого, жена М. М. Осоргина. Осталась в Советской России, с 1931 г. в эмиграции — 12, 113, 114, 126, 142, 483, 484
- Осоргина Мария Алексеевна (1837–1904), урожденная княжна Волконская, мать М. М. Осоргина (мужа сестры автора) — 123
- Осоргина Мария Михайловна (1897–1977), дочь М. М. и Е. Н. Осоргиной — 485, 487
- Осоргина Софья Николаевна (1893–1970), княжна, дочь М. Н. и Н. В. Гагариных; жена С. М. Осоргина; в эмиграции — 463, 484
- Осоргина Ульяна Михайловна (Ляна), см. У. М. Самарина
- Осоргины — 481–486, 541
- Остен-Сакен фон дер Федор Романович (1832–1916), барон, действительный тайный советник (1899), директор Департамента внутренних сношений МИД (1870–1897); с 1907 г. в отставке — 194
- Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург — 191
- Отец, см. князь Н. П. Трубецкой
- Пабст** Павел Августович (1854–1897), композитор и пианист, профессор Московской консерватории — 77
- Павел I Петрович (1754–1801), российский император (с 1796) из династии Романовых — 11, 123, 131
- Павел, см. князь П. П. Трубецкой
- Павлов Александр Александрович (1867–1935), генерал-лейтенант (1914), с июля 1918 по март 1919 г. командующий Астраханской армией (затем корпусом; к августу был сформирован только один батальон). С января 1920 г. командир IV Донского корпуса, в феврале — конной группы; в эмиграции — 520
- Павлович (Павловић) Живко (1871–1938), сербский генерал (1919); помощник начальника штаба

- Верховного командования (1914–1916)), командир Шумадийской дивизии (1916–1917) — 266, 320, 349
- Пален Константин Иванович (1833–1912), граф, действительный тайный советник (1878); министр юстиции (1867–1878), член Государственного совета (с 1878) — 72
- Палеолог (Paleologue) Морис (1859–1944), французский дипломат; директор Политического департамента МИД (1912–1914); посол в России (1914–1917); генеральный секретарь МИД (1920–1921) — 417
- Панафье (Panafileu) Андрэ де (1865–?), французский посланник в Болгарии (1912–1920) и Польше (1920–1925) — 248
- Панина Анастасия Сергеевна (1850–1932), урожденная Мальцева, в 1-м браке за графом В. В. Паниным (1842–1872), во 2-м (с 1882) — за И. И. Петрункевичем. Мать С. Ф. Паниной; в эмиграции — 560
- Панина Софья Владимировна (1871–1956), графиня, дочь А. С. Паниной, жена (с 1890, развод) А. А. Половцова-младшего (1867–1944), с 1918 г. гражданская жена Н. И. Астрова — 560
- Панютин Федор Петрович (1858–1886), гусар, муж княжны А. М. Оболенской — 200
- Панютина Аграфена Михайловна (1860–1936), дочь князя М. А. Оболенского, двоюродная сестра княгини П. В. Трубецкой, жена Ф. П. Панютина; в эмиграции — 130, 199, 200
- Парамонов Николай Елпидифорович (1876–1951), предприниматель и меценат, совладелец товарищества «Е. Т. Парамонова сыновья в Ростове-на-Дону»; управляющий отдела торговли и промышленности Донского правительства (1918–1919), отдела пропаганды при ВСЮР (1919); в эмиграции — 449, 457, 543
- Паскевич Иван Федорович (1782–1856), граф Эриванский (с 1828), светлейший князь Варшавский (с 1831), генерал-фельдмаршал (1829) — 262
- Патев Павел, советник болгарской миссии в России (1914) — 256
- Пачу Лазарь (1885–1915), один из руководителей Народной радикальной партии Сербии; министр финансов (1904–1905, 1906–1908, 1912–1915) — 277, 278, 353
- Паша, см. княгиня П. В. Трубецкая
- Пашич (Пашић) Никола (1846–1926), основатель и председатель Главного комитета Народной радикальной партии Сербии (1881); премьер-министр (1891–1892, 1904–1905, 1906–1908, 1909–1911, 1912–1918). Жена — Дж. Пашич — 239, 241, 255, 263, 267, 270, 271, 276–280, 285, 287, 291, 294, 315–321, 323–326, 328, 329, 332, 349, 353, 354, 365, 366–368, 371, 381, 382, 386–389, 392, 394, 396–405, 411, 425, 435
- Пашич (Пашић), урожденная Дукович (Дуковић), Джурчина, жена Н. Пашича — 300, 405
- Пелехин Борис Павлович (1883–1943), 1-й секретарь дипломатической

- миссии в Черногории (с июля 1915), временный поверенный в делах России в Сербии (1916–1917); в эмиграции — 352, 363, 406
- Перов, пиротехник — 82, 83, 101
- Песоцкий Василий Дмитриевич (1864–?), полковник (1916), в Гражданскую войну — на Юге России; в эмиграции — 580
- Петинин Сергей Сергеевич, инженер — 460
- Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), один из руководителей УНР: военный министр (июнь — декабрь 1917), главный атаман армии и флота (1918–1919), председатель Директории УНР (1919–1926); в эмиграции, убит анархистом — 562, 568, 626, 632–634
- Петр (Петар) I (1844–1921), король Сербии (с июня 1903) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (с декабря 1918) из династии Карагеоргиевичей — 267, 268, 286, 319, 391
- Петр I Великий (1672–1725), царь Всея Руси (с 1682) и император Всероссийский (с 1721) из династии Романовых — 660
- Петр Николаевич (1864–1931), великий князь, генерал-лейтенант (1908), генерал-адъютант (1908), брат великого князя Николая Николаевича; в эмиграции — 555
- Петрович Негош (Петровић Његош) Божо (1846–1929), черногорский воевода; председатель Сената (1867–1879), председатель Совета министров (1879–1905); губернатор Шкодера (1915) — 381
- Петрово-Соловово Софья Александровна (1856–1928), дочь князя А. А. Щербатова — 148
- Петрункевич Иван Ильич (1843–1928), один из основателей и в 1909–1915 гг. председатель ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы (1906); жена (с 1882) — графиня А. С. Панина; в эмиграции — 561
- Петрункевич Иван Михайлович, штабс-ротмистр, участник Гражданской войны, с 1920 г. в эмиграции — 560, 561
- Петряев Александр Михайлович (1874–1933), генеральный консул и комиссар в европейской контрольной комиссии в Албании (1914–1916) — 309
- Петя, брат, см. князь П. Н. Трубецкой
- Петя, дядя, см. П. Ф. Самарин
- Пехачек, инспектор 5-й московской гимназии — 137
- Пилсудский (Piłsudski) Юзеф (1867–1935), маршал Польши (1920); организатор польских частей в составе австро-венгерской армии (1914–1916); в 1918–1922 гг. начальник государства (Польши), военный министр и генеральный инспектор армии (1926–1935), премьер-министр (1926–1928, 1930) — 415, 416
- Пильц Александр Иванович (1870–1944), действительный статский советник (1911); Иркутский генерал-губернатор (1916–1917); в Гражданскую войну — на Юге России, гражданский губернатор Одессы (1918–1919); в эмиграции — 549

- Писарев Владимир Рафаилович (1886–1923), сын Р. А. и Е. П. *Писаревых*; в эмиграции — 66
- Писарев Рафаил Алексеевич (1850–1905), сосед и знаковый графа Л. Н. *Толстого*; жена — Е. П. *Писарева* — 59, 60
- Писарева Евгения Павловна (тетя Женья; 1860–1936), дочь графа П. Т. *Баранова*, жена Р. А. *Писарева*; в эмиграции — 59, 60
- Пишон (Pichon) Стефан (1857–1933), французский политик, член Партии республиканцев, радикалов и радикальных социалистов; член Палаты депутатов (1885–1893), сенатор (1906–1924); министр иностранных дел (1906–1911, 1913, 1917–1920) — 604
- Пламенац Петр (1872–1954), черногорский поверенный в делах в Османской империи (1910–1912), министр иностранных дел Черногории (1913–1915) — 377
- Платон (между 429 и 427 до н. э. — 347 до н. э.), древнегреческий философ — 161
- Платон, в миру Порфирий Федорович Рождественский (1866–1934), митрополит Тифлисский и Бакинский, экзарх Кавказский (с 1917), митрополит Херсонский и Одесский (1918–1923); в эмиграции, управляющий Северо-Американской епархией (1921; с 1924 — самоуправляемая) — 625
- Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904), действительный тайный советник (1896); сенатор (с 1884), министр внутренних дел и шеф Отдельного корпуса жандармов (1902–1904); убит террористом — 45, 46, 65
- Победоносцев Константин Петрович (1827–1907), действительный тайный советник; обер-прокурор Святейшего Синода (1880–1905), сенатор (с 1868), член Государственного совета (с 1872) — 198
- Погорелов Петр Иванович (1855–?), генерал-майор (1906), командир 4-го гренадерского Несвижского полка (1904–1907) — 118
- Подтелков Федор Григорьевич (1886–1918), подхорунжий, с января 1918 г. председатель Донского казачьего ВРК, с апреля — председатель СНК Донской советской республики; взят в плен белоказаками и повешен — 462
- Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович (1868–1939), действительный статский советник (1907); посланник в Румынии (1914–1916); в эмиграции — 257, 258, 263
- Покровский Виктор Леонтьевич (1889–1922), генерал-лейтенант (1919); в 1918 г. командир Кубанского правительственного отряда и командующий войсками Кубанской области, затем Кубанской казачьей бригадой и дивизией в Добровольческой армии; командир I Кубанского корпуса (1919), командующий Кавказской армией (1919–1920); в эмиграции; убит — 564
- Покровский Николай Николаевич (1865–1930), тайный советник

- (1913); сенатор (с 1909), член Государственного совета (с 1914), государственный контролер (1916), министр иностранных дел (с ноября 1916 по март 1917); в эмиграции — 430, 431
- Поль Владимир Иванович (1875–1962), композитор и пианист, директор Музыкального института им. императрицы Марии (1911–1917); жена — А. М. Ян-Рубан; в эмиграции — 566
- Померанцев Митя, гимназический приятель автора — 136
- Попович (Поповић) Ристо (1871–?), министр финансов Черногории (1913–1915) — 364, 365
- Порталэс (Portalès), швейцарка, гувернантка Трубецких в Калуге — 92
- Порфирий, в миру Константин Александрович Успенский (1804–1885), духовный писатель, начальник русской духовной миссии в Иерусалиме (1847–1854), епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии (1865–1877) — 284
- Правдин Осип Андреевич, настоящее имя Оскар Августович Трейлебен (1849–1921), актер и театральный педагог — 180
- Пренк Биб Дода (1860–1919), пренк-паша, глава клана миртидов; заместитель премьер-министра Албании (1914) — 394
- Пренк-паша, см. *Пренк Биб Дода*
- Принцип Гаврило (1894–1918), сербский террорист, член организации «Млада Босна», убийца эрцгерцога Франца Фердинанда; приговорен к 20 годам тюрьмы, где и умер — 220
- Пугачев Емельян Иванович (1742–1775), вождь Крестьянской войны 1773–1775 гг.; казнен — 122, 124
- Пуль (Poole) Фредерик Катберт (1869–1936), британский генерал-майор (1917); командующий британскими войсками на Севере России (май — октябрь 1918), глава британской военной миссии на Юге России (декабрь 1918 — январь 1919) — 564
- Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), один из лидеров Союза русского народа и Русского народного союза им. Михаила Архангела, депутат Государственной думы (1907–1917); умер от тифа — 311
- Пурталес (Pourtalès) Фридрих фон (1853–1928), граф, германский посол в России (1907–1914); начальник русского отдела МИД (1914–1918) — 210, 220, 224, 225, 228
- Путник Радомир (1847–1917), сербский воевода (1912); начальник Главного Генштаба (1903–1905, 1908–1917), военный министр (1904–1905, 1906–1908, 1912) — 266, 320, 349
- Пушкин Сергей Александрович (1874–1898), племянник А. С. Пушкина — 36
- Пэджет (Paget) Артур (1851–1928), британский полный генерал; главнокомандующий в Ирландии (1912–1914), командующий Южной армией метрополии (1916–1918) — 288, 289
- Пэджет, богатый англичанин — 380

- Радко-Дмитриев** Радко Дмитриевич (1859–1918), генерал от инфантерии (1914); во время Балканских войн командовал армией и был помощником главнокомандующего; болгарский посланник в России (1913–1914); с 1914 г. в русской армии командовал VIII армейским корпусом (1914), 3-й (1914–1915) и 12-й (1916–1917) армиями; расстрелян большевиками — 244, 245, 248, 256
- Радославов Васил Христов (1854–1929), лидер Либеральной партии Болгарии (1887–1918); премьер-министр (1886–1887, 1913–1918), министр иностранных дел (1913–1918), внутренних дел и народного здоровья (1913–1915, 1916–1918) — 247
- Раевские — 110
- Раевский Григорий Иванович (1875–1903), брат И. И. и П. И. Раевских, троюродный брат автора — 173
- Раевский Иван Иванович (1871–1931), брат П. И. и Г. И. Раевских, троюродный брат автора, поклонник его сестры Веры; окончил физико-математический факультет Московского университета по отделению естественных наук (ботаника) — 173
- Раевский Петр Иванович (1872–1920), брат И. И. и Г. И. Раевских, троюродный брат автора. Окончил медицинский факультет Московского университета. Работал в Старо-Екатерининской больнице, затем ординатор клиники при Московском университете. Жена (с 1900) — О. И. Раевская — 173
- Унковская Ольга Ивановна, см. О. И. Раевская
- Раевская Ольга Ивановна (1822–1886), дочь И. С. Унковского, жена П. И. Раевского — 136, 141
- Раевский Петр Иванович (1872–1920), сотрудник Тульского земства. Умер от тифа — 60
- Распутин, с 1915 г. — Распутин-Новый, Григорий Ефимович (1869–1916), крестьянин Тобольской губернии, старец, личный друг Царской семьи; убит группой монархистов — 431, 558
- Репингтон (Repington) Чарльз (1858–1925), британский полковник, военный обозреватель газеты Times — 382, 383
- Рерберг Федор Петрович (1868–1928), генерал-майор (1912), в 1915–1917 гг. и в 1918–1919 начальник штаба Севастопольской крепости; в эмиграции — 615
- Риттих Александр Александрович (1868–1930), гофмейстер (1913), министр земледелия (1916–1917); в Гражданскую войну — на Юге России; в эмиграции — 549
- Рицлер (Riezler) Курт (1882–1955), немецкий дипломат, в 1918 г. советник, с июля поверенный в делах немецкого посольства в России — 501, 507, 508
- Робертс, мисс, гувернантка — 110
- Робертсон (Robertson) Уильям (1860–1933, Лондон), британский фельдмаршал (1920); генерал-квартирмейстер (1914–1915) и начальник штаба (1915) Британских экспедиционных сил; начальник

- Имперского генштаба (с декабря 1915 по февраль 1918) — 414
- Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), гофмейстер (1899), лидер партии Союз 17 октября (1905–1917), председатель Государственной думы (1911–1917) и ее Временного комитета (27 февраля — 6 октября 1917); в эмиграции — 449, 512, 543
- Родион (1943–1918), архимандрит, настоятель Спасова мужского монастыря Харьковской епархии; замучен большевиками — 663
- Родионов Сергей Константинович (1859–1925), архитектор; остался в Советской России; жена — княжна С. Н. Шаховская — 38
- Родионова, сестра милосердия — 304
- Рождественский, учитель русского языка в московской гимназии — 127
- Розен Роман Романович (1847–1922), барон, гофмейстер (1903), посланник в Сербии (1895–1897), Японии (1897–1899, 1902–1904), Греции (1901–1902), США (1904–1911), член Государственного совета (с 1911); в эмиграции — 260, 280
- Розен-Ланская Александра Николаевна, баронесса, вольноопределяющаяся 4-го Уральского казачьего полка — 450, 451, 463–465, 470
- Роман Петрович (1896–1978), князь императорской крови, подпоручик; сын великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны; в эмиграции — 555, 556
- Романовский Иван Павлович (1877–1920), генерал-лейтенант (1919), 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (июнь — август 1917); начальник штаба Добровольческой армии (1918–1919) и ВСЮР (1919–1920); входил в состав Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР. Убит членом тайной монархической организации — 456, 467, 512, 548, 549
- Россети Александра Осиповна, см. А. О. Смирнова-Россет(ти)
- Ростиславов Александр Иванович (1821–1889), протоиерей, священник Градо-Калужской Воскресенской церкви (с 1858), законоучитель Калужской мужской гимназии (с 1865) — 106
- Рубинштейн Антон Григорьевич (1829–1894), пианист и дирижер, основатель Петербургской консерватории — 74, 183
- Рубинштейн Николай Григорьевич (1835–1881), пианист и дирижер, основатель Московской консерватории — 74, 76, 77, 94
- Рудницкий Эдмунд-Болеслав Иванович (1849–?), генерал-майор (1907), командир 136-го пехотного Таганрогского полка (1902–1909), 2-й бригады 28-й пехотной дивизии (1909–1910) — 118
- Рябушинский Павел Павлович (1871–1924), октябрист, предприниматель и банкир, один из руководителей старообрядческой общины Москвы, член Государственного совета по выборам (1916–1917).

В Гражданскую войну — на Юге России; в эмиграции — 560, 561
Рязанов, врач — 302

Саблин Михаил Петрович (1869–1920), вице-адмирал (1916); командующий Черноморским флотом (1918), главный командир судов и портов Черного моря (1919), начальник Севастопольской военно-морской базы; командующий Черноморским флотом ВСЮР (1919, 1920) — 619, 621–624

Савин (Саввин) Александр Николаевич (1873–1923), историк-медиевист, профессор Московского университета (с 1908) — 115

Савин, юрист, профессор Киевского университета Св. Владимира (1918) — 528

Савинков Борис Викторович (1879–1925), один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации, товарищ военного министра Временного правительства (июль — август 1917). В 1924 г. захвачен большевиками, приговорен к смертной казни, замененной 10 годами заключения; покончил жизнь самоубийством — 456, 457, 459, 460

Савинов, калужский купец, владелец книжного магазина в Калуге (1880-е гг.) — 93

Савинский Александр Александрович (1868–1934), посланник в Болгарии (1913–1915); в эмиграции — 248, 315, 332

Савич Никанор Васильевич (1869–1942), октябрист, депутат Госу-

дарственной думы (1907–1917), в 1919 г. член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР; в эмиграции — 630, 631, 635

Савов Михаил Попов (1857–1928), болгарский генерал-лейтенант (1908); военный министр (1891–1894 и 1903–1907) посол во Франции (1920–1922) и Бельгии (1922–1923) — 242, 243, 331

Савримович, сестра милосердия — 302, 401

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), гофмейстер (1910); министр иностранных дел (1910–1916); посол в Великобритании (январь — март 1917); в эмиграции — 17, 18, 104, 218–220, 222–224, 228, 229, 231–233, 241, 250, 251, 256, 258, 261, 262, 306, 307, 312, 322, 342–346, 391, 394, 415, 417, 418, 424, 426–428, 549, 554, 562, 563, 587

Саид-Халим-паша (1863–1921), великий визирь Османской империи (1913 – 1917); убит террористом — 254

Саландра (Salandra) Антонио (1853–1931), член Палаты депутатов Италии (1886–1925), сенатор (1928–1931); премьер-министр и министр внутренних дел (1914–1916) — 391

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), действительный статский советник (6.12.1908); Московский губернский предводитель дворянства (1908–1915), обер-прокурор Святейшего синода (1915), член Государственного

- совета (с 1912); остался в Советской России, неоднократно арестовывался — 109, 136, 384
- Самарин Петр Федорович (дядя Петя; 1830–1901), родственник и крестный князя Г. Н. Трубецкого; Тульский губернский предводитель дворянства (1874–1880); жена — А. П. Самарина — 61–64, 110, 130, 152, 183, 184
- Самарин Федор Дмитриевич (1858–1916), славянофил, племянник Ю. Ф. Самарина, член Государственного совета по выборам (1906–1908); жена — А. Н. Самарина — 12, 108, 121, 163, 430, 662
- Самарин Юрий Федорович (1819–1876), славянофил, публицист, философ — 61, 660
- Самарина Александра Павловна (тетя Лина; 1836–1905), урожденная Евреинова, жена П. Ф. Самарина, двоюродная сестра княгини С. А. Трубецкой — 59, 62–65, 86, 97, 110, 130, 131, 152, 181, 184
- Самарина Антонина (Тоня) Николаевна (1864–1901), урожденная княжна Трубецкая, сестра князя Г. Н. Трубецкого; замужем за Ф. Д. Самариным — 12, 108, 109, 121
- Самарина Вера Саввишна (1875–1907), дочь С. И. Мамонтова, жена А. Д. Самарина — 191
- Самарина Мария Федоровна, см. графиня М. Ф. Соллогуб
- Самарина Мария Федоровна, см. М. Ф. Мансурова
- Самарина Софья Дмитриевна (1885–1922), дочь Ф. Д. и А. Н. Самариных — 434
- Самарина Ульяна Михайловна (Льяна) (1892–1977), дочь М. М. и Е. Н. Осоргиных, жена С. Д. Самарина — 485, 488
- Самарины — 56, 61–65, 69, 86, 105, 108, 114, 147, 170, 180, 186, 190–192
- Санников Александр Сергеевич (1866–1931), генерал-лейтенант (1914). В 1917–1918 главный начальник снабжений армий Румынского фронта. В июне — августе 1918 г. городской голова Одессы. В январе — марте 1919 г. главнокомандующий войсками Юго-Западного края (Одесса), затем начальник снабжений ВСЮР; в эмиграции — 568, 569, 593, 597, 600, 601
- Сапари (Szapáry), Сапари фон Мурасомбат, Сехисигет и Сапар, Фридрих (1869–1935), граф, австро-венгерский посол в России (1913–1914) — 218, 225
- Сапожниковы, купеческая семья — 191
- Саррайль Морис, см. М. Саррель
- Саррель (Sarrail) Морис (1856–1929), французский дивизионный генерал (1911); командующий 3-й армией (1914–1915), Восточной армией (1915–1916), войсками союзников на Востоке (1916–1917) — 349, 366, 368, 413
- Свербеева Елена Дмитриевна, см. Е. Д. Мамонтова
- Свербеева Любовь Дмитриевна, см. Л. Д. Ильина
- Свечин Алексей Алексеевич (1877–1933), контр-адмирал (1918), командир судна «Колхида» (1914–

- 1915). В 1918 г. состоял при великом князе *Николае Николаевиче*; в эмиграции — 558
- Святополк-Мирская Мария Александровна (1878–1920), дочь А. К. и Э. П. *Бельград*; жена князя Д. Н. *Святополк-Мирского*; *расстреляна большевиками* — 36
- Святополк-Мирский Дмитрий Николаевич (1874–1950), князь, депутат Государственной думы (1907–1917); жена — М. А. *Святополк-Мирская*; в эмиграции — 36
- Святополк-Мирский Михаил Николаевич (1870–1938), брат князя Д. Н. *Святополк-Мирского* — 36
- Севастопуло Матвей Маркович (1868–1943), действительный статский советник (1913); советник посольства (с 1913) и поверенный в делах (1917) во Франции — 421, 422
- Семилетов Эммануил Федорович (1872–1919), генерал-майор (1918); командир партизанского отряда на Дону (1917–1918); командующий всеми партизанскими отрядами Донской армии (1919), командир Сводно-Партизанской дивизии (1919); умер от тифа — 542
- Семяникова В. В., врач — 295, 303, 364
- Серафим Саровский, в миру Прохор Исидорович Мошнин (1754–1833), иеромонах Саровского монастыря, основатель Дивеевской женской обители; прославлен Русской православной церковью в 1903 г. в лике преподобных — 668
- Серафима, в миру А. М. *Осоргина*
- Сербин, казак — 463
- Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, генерал-лейтенант (1896); сын императора *Александра II*; Московский генерал-губернатор (1891–1905) и командующий войсками Московского военного округа (с 1896), член Государственного совета (с 1894); убит террористом — 70, 78, 173, 174, 178, 179, 188
- Сергей, брат, см. князь С. Н. *Трубецкой*
- Сергий Радонежский игумен земли Русской, всея России чудотворец, в миру Варфоломей (1314/22–1392), иеромонах, основатель ряда монастырей, в т. ч. *Свято-Троицкого монастыря*; с XV в. почитается Русской православной церковью святым в лике преподобных — 168, 668
- Серебрянский Егор Егорович, секретарь Московского губернского дворянского собрания — 156
- Серов Валентин Александрович (1865–1911), художник-портретист, живописец — 190, 191
- Серра, итальянский военный атташе в Сербии — 393
- Сетон-Уотсон (Saton-Watson; Сэтон-Ватсон) (1879–1951), британский историк и журналист — 292
- Сечен де Темерин (Szécsen deTemerin) Миклош (1857–1926), австро-венгерский посол во Франции (1911–1914), гофмаршал венгерского Двора (1916–1918) — 218
- Сидорин Владимир Ильич (1882–1943), генерал-лейтенант (1919),

- в 1917 г. заместитель председателя Главного комитета Союза офицеров армии и флота; в 1918 г. начальник штаба войскового атамана, походного атамана, Донской армии; командующий Донской армией (1919–1920), Донским корпусом (1920); в эмиграции — 542
- Сироткин Дмитрий Васильевич (1864–1953), старообрядец, предприниматель и судовладелец, председатель Совета Общества страховая судов, Нижегородский городской голова (1913–1917). В Гражданскую войну — на Юге России; в эмиграции — 560
- Сироткин С. И., хирург, начальник отряда Славянского благотворительного общества — 295, 305
- Ситроен (Citroën; Ситроэн) Андре (1878–1935), французский промышленник, создатель концерна Citroën (1919) — 418
- Сквитти (Squitti) Никола (1853–1933), барон Палермити-э-Гуарна (с 1886), итальянский посланник в Черногории (1908–1916) и Сербии (1912–1916), сенатор (с 1920) — 218, 284, 315, 322, 361, 406
- Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал-лейтенант (1916), в 1917 г. командир XXXIV (I Украинского корпуса); глава военных формирований Центральной Рады (октябрь — декабрь 1917); гетман Украины (апрель — декабрь 1918); в эмиграции — 498–500, 523, 567
- Смирнов Николай Михайлович (1807–1870), тайный советник, Калужский (1845–1851) и Санкт-петербургский (1855–1861) губернатор, сенатор (с 1861); жена — А. О. Смирнова-Россет(ти) — 99
- Смирнов Сергей Григорьевич, учитель русского языка 5-й московской гимназии — 137, 158
- Смирнов, морской офицер — 306
- Смирнова-Россет(ти) Александра Осиповна (1809–1882), фрейлина, жена Н. М. Смирнова — 99
- Соколов Константин Николаевич (1882–1927), кадет, член Национального центра, в 1919 г. управляющий Отделом законодательства и пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР — 529, 576
- Соколов, священник, преподаватель Закона Божьего в Феодосийской гимназии (1919) — 574
- Сократ (470/469 до н. э. — 399 до н. э.), древнегреческий философ — 161
- Соллогоуб Наталья Михайловна (1851–1915), урожденная Боде-Колычева, графиня — 56, 57
- Соллогоуб Вера Федоровна (1875–?), дочь Ф. Л. и Н. М. Соллогоуб — 57
- Соллогоуб Елена Федоровна (1874–?), дочь Ф. Л. и Н. М. Соллогоуб — 57
- Соллогоуб Мария Федоровна (1821–1888), урожденная Самарина, графиня, сестра Ю. Ф. Самарина, жена графа Л. А. Соллогоуба — 56
- Соллогоуб Федор Львович (1848–1890), граф, юрист, художник, актер, поэт; сын графини М. Ф. Соллогоуб — 56–59, 111

- Соловьев Владимир Сергеевич (1863–1900), философ и мыслитель, основатель христианской философии, почетный академик Петербургской Академии наук (1900) — 144, 146, 233, 660, 671–674
- Соловьев Михаил Сергеевич (1862–1903), педагог, переводчик, сын известного историка С. М. Соловьева, брат, друг и единомышленник философа В. С. Соловьева и издатель его сочинений — 168
- Сорокина Павла Ивановна — 117
- Софотеров Сергей Квинтилианович (1879–1949), врач, с 1914 г. консультантом всех русских санитарных отрядов в Сербии; в 1915 г. руководил санитарной организацией в г. Ниш; в эмиграции — 295, 297, 300, 351, 359
- Спасский Николай Сергеевич, приват-доцент Томского университета, один из руководителей отряда Московской Александровской общины Красного Креста — 302
- Сталь-фон-Гольштейн Алексей Иванович (1859–1941), барон, генерал-лейтенант (1913). В 1889–1917 гг. официально, с 1917 г. неофициально заведующий Двором великого князя Петра Николаевича; в эмиграции — 558
- Сталь-фон-Гольштейн Мария Алексеевна, см. М. А. Ферзен.
- Станкевич Николай Владимирович (1813–1840), писатель, поэт, публицист, мыслитель — 164, 179
- Станкевичи — 104, 105
- Стахович Михаил Александрович (1861–1923), шталмейстер, Орловский губернский предводитель дворянства (1896–1908), в марте — сентябре 1917 Финляндский генерал-губернатор, с октября 1917 г. посол в Испании; в эмиграции — 65–67
- Степанов Василий Александрович (1872–1920), кадет и крупный масон, член Государственной думы (1907–1917), в 1917 г. управляющий Министерством торговли и промышленности, в 1918 г. один из руководителей Правого центра, Союза возрождения России и Национального центра, затем на Юге России; в эмиграции — 497, 502, 509, 533, 549, 551
- Степанов, жандарм — 77
- Степанова Магдалина Владимировна, жена В. А. Степанова — 509
- Степанович (Степановић) Степа (1856–1929), сербский воевода (1914); заместитель начальника штаба Верховного командования (1914); командующий 2-й армией (1914–1919), в 1916 г. ему подчинены также Тимошские войска и 1-я армия — 367
- Стефан Урош III Дечанский (ок. 1276 или после 1284–1331), король Сербии (с 1322); убит; в 1339 г. канонизирован Сербской православной церковью — 364
- Стеценко Елизавета Михайловна, см. Е. М. Лопухина.
- Стид (Steed) Уикхем (1871–1956), британский журналист и историк,

- главный редактор *The Times* (1919–1922) — 292
- Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), гофмейстер (1906), министр внутренних дел и председатель Совета министров (с 1906); смертельно ранен террористом — 33, 46, 342
- Струве Глеб Петрович (1898–1985), поэт и переводчик. Сын П. Б. Струве. С 1918 г. в Добровольческой армии; в эмиграции — 450, 466–471
- Струве Нина Александровна (1867–1943), урожденная Герд, жена П. Б. Струве; в эмиграции — 466
- Струве Петр Бернгардович (1870–1944), академик Российской академии наук (1917, исключен в 1928), главный редактор журнала «Русская мысль» (1906–1918); член Правого центра (1918); начальник управления иностранных дел правительства при П. Н. Врангеле (1920); в эмиграции. Жена — Н. А. Струве — 16, 232, 450, 452, 463, 464, 466, 467, 470, 472, 473, 496, 502, 636
- Струков, адъютант — 174
- Субботин Владимир Федорович (1874–1937), генерал-майор (1915); начальник инженеров 11-й (1916) и Дунайской (1916–1917) армий, Румынского фронта (1917); в Гражданскую войну — на Юге России, комендант Севастопольской крепости (1919–1920); начальник инженеров Русской армии (1920); в эмиграции — 615–624
- Сукин, сотрудник российской миссии в Сербии — 352, 360
- Султан-Гирей Елизавета (Лили) Михайловна, см. Е. М. Лопухина.
- Сулькевич Магомет Сулейманович (1865–1920), генерал-лейтенант (1916); командир XXXVII корпуса (1917); премьер-министр, министр внутренних дел и военный министр Крымского краевого правительства (июнь — ноябрь 1918); и. о. начальника Генштаба армии Азербайджана (1919–1920); расстрелян большевиками — 562
- Супило (Supilo) Франо (1870–1918), хорватский политик и публицист, сооснователь Югославянского комитета (1915) — 289, 291, 292
- Сухозанет Евдокия Владимировна (1801–1895), урожденная княжна Яшвиль, вдова генерала Н. О. Сухозанета — 117
- Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926), генерал от кавалерии (1906); военный министр (1909–1915); приговорен к бессрочной каторге (1917), амнистирован (1918); в эмиграции — 226, 312
- Сытин Александр Владимирович, сын В. А. и О. И. Сытиных — 102
- Сытин Аполлон Владимирович, сын В. А. и О. И. Сытиных — 102, 103
- Сытин Владимир Аполлонович, Калужский губернский нотариус (1880-е гг.); жена — О. И. Сытина — 102, 103, 105
- Сытин Владимир Владимирович, сын В. А. и О. И. Сытиных — 102, 154

- Сытин Леонид Владимирович, сын В. А. и О. И. *Сытиных* — 102
- Сытин Николай Владимирович, сын В. А. и О. И. *Сытиных* — 102, 105
- Сытина Анна Владимировна, дочь В. А. и О. И. *Сытиных* — 102, 153, 154
- Сытина Ольга Ивановна, урожденная Кологривова, жена В. А. *Сытина* — 102
- Сытины — 102–104, 108
- Сычев Н. И., старший врач отряда Славянского благотворительного общества — 293
- Сэтон-Ватсон, см. У. Р. *Сетон-Уотсон*
- Талаат-паша** (Tâlât Paşa) (1874–1921), генеральный секретарь ЦК турецкой партии «Единение и прогресс»; министр внутренних дел (1909–1912, 1913–1918) и финансов (1914–1917), великий визирь (1917–1918); член правящего триумvirата; убит — 251, 252
- Татищев Борис Алексеевич (1876–1940), статский советник; советник (начальник) 1-го политического отдела и начальник Канцелярии министра иностранных дел (1916–1917); жена — В. М. *Татищева*. — 197
- Татищев Иван Дмитриевич (1830–1913), граф, генерал от инфантерии (1893), помощник главноначальствующего гражданской частью на Кавказе и командующего войсками Кавказского военного округа (1890–1897), член Государственного совета (с 1904) — 31
- Татищев Илья Леонидович (1859–1918), генерал-лейтенант (1916); личный представитель *Николая II* при императоре *Вильгельме II* (1910–1914); сопровождал Царскую семью в Екатеринбург; расстрелян большевиками — 223, 286–288
- Татищева Варвара Михайловна (Варуся), дочь М. М. Татищева, жена (с 1903) Б. А. *Татищева*. — 197
- Татищева Эмилия Алексеевна (1908–1996), дочь графа А. П. *Капниста*, замужем за графом Д. С. Татищевым — 135
- Татя, см. княгиня А. В. *Трубецкая*
- Теотокис (Θεοτόκης) Георгиос (1844–1916), премьер-министр Греции (1899–1901, 1903, 1903–1904, 1905–1909) — 339
- Терещенко, предприниматель, оборудовал на свои средства госпиталь Александрийской общины в Москве — 302, 350, 351
- Терзич (Терзић) Божидар (1867–1939), сербский генерал (1916); начальник штаба 1-й армии (1914–1915), военный министр (1915–1918) — 409
- Тесленко Николай Васильевич (1870–1942), кадет и крупный масон, депутат Государственной думы (1907–1912), член ЦК Всероссийского союза городов. В 1918 г. член Национального центра и Особого совещания; в эмиграции — 560
- Тимановский Николай Степанович (1889–1919), генерал-лейтенант (1919); командир Георгиевского батальона при Ставке Верховного главнокомандующего (1917). С декабря 1917 г. в Добровольческой армии, командир Офицерского

- полка, бригады, дивизии (1918); командир Одесской стрелковой бригады, 1-й пехотной дивизии, начальник обороны Крыма, Офицерской генерала Маркова дивизии (1919); умер от тифа — 571, 602, 604, 607–612
- Тимашева Татьяна Николаевна (1891–1950), урожденная Рузская, поэтесса, публицист; замужем за юристом и социологом Н. С. Тимашевым. В 1921 г. бежала из Советской России — 643
- Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920), специалист по физиологии растений, крупный исследователь фотосинтеза, один из первых в России пропагандистов идей Ч. Дарвина, заслуженный профессор Московского университета — 169
- Тит Ливий (59 до н. э. — 17 н. э.), древнеримский историк — 159
- Тихон, в миру Василий Иванович Беллавин (1865–1925), архиепископ Виленский и Литовский (1913–1917), митрополит Московский и Коломенский (1917), патриарх Московский и всея России (1917–1925); прославлен в лике святителей — 21, 102, 446, 447, 642, 661
- Тобизен Герман Августович фон (1845–1917), действительный тайный советник (1910); Томский (1890–1895) и Харьковский (1895–1902) губернатор, сенатор (с 1902) — 117
- Тобизен Зинаида Семеновна (1848–?), дочь С. П. Яковлева, замужем за Г. А. фон Тобизеном — 117
- Тобизен Ольга Германовна, см. О. Г. Юркевич
- Толстая Мария Николаевна (Муфка) (1866–1948), графиня, сестра С. Н. Мещерской; жена графа Н. М. Толстого (1857–1915) — 150
- Толстая Софья Васильевна (1817–1885), урожденная графиня Орлова-Денисова, графиня, сестра княгини Л. В. Трубецкой, замужем за графом В. П. Толстым — 73, 89, 107
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), граф, писатель — 29, 60, 61, 65–67, 147
- Толстой Михаил Анатольевич (?–1951), инженер путей сообщения — 50
- Тома (Thomas) Альбер (1878–1932), французский социалист, член Палаты депутатов (1910–1921), один из лидеров правого крыла французских социал-демократов и один из руководителей масонской ложи Великий Восток Франции; министр вооружений (1916–1917) — 448
- Тоня, сестра, см. А. Н. Самарина
- Трейтер, преподаватель географии в Калужской гимназии — 114, 115
- Трепов Александр Федорович (1862–1928), действительный тайный советник (1902), егермейстер (1905); сенатор (с 1906), член Государственного совета (с 1914), министр путей сообщения (1915–1916), председатель Совета министров (ноябрь — декабрь 1916); в эмиграции — 427
- Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906), генерал-майор (1900),

- Московский обер-полицмейстер (1896–1905), Петербургский генерал-губернатор (11.01–26.10.1905), товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командующий отдельным корпусом жандармов (май — октябрь 1905), дворцовый комендант (с 1905) — 46
- Тройский, см. П. П. Гронский
- Троцкий (наст. фам. Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940), большевик, председатель Исполкома Петросовета (07.09–13.12.1917), нарком по иностранным делам РСФСР (1917–1918), нарком по военным делам РСФСР (1918–1923), нарком по военным и морским делам СССР (1923–1925), председатель Реввоенсовета Республики (1918–1925). В эмиграции. Убит агентом НКВД — 448, 493, 541
- Трубецкая Александра (Татя) Владимировна (1861–1939), урожденная княжна Оболенская, княгиня, замужем за князем П. Н. Трубецким (1858–1911), невестка князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 11, 127, 566, 574
- Трубецкая Александра Николаевна, см. А. Н. Черткова.
- Трубецкая Варвара Юрьевна (1828–1901), урожденная Трубецкая (однофамилица автора), княгиня, замужем (развод в 1870) за князем П. П. Трубецким — 28
- Трубецкая Вера Александровна (1867–1942), урожденная княжна Щербатова, жена (с 1888) князя Е. Н. Трубецкого, братом автора — 12, 146, 147
- Трубецкая Екатерина Петровна (1836–1903), урожденная Мельгунова, княгиня, жена князя И. П. Трубецкого — 30
- Трубецкая Елизавета Владимировна (1889–1943), княгиня, дочь князя В. М. Голицына, жена (с 1912) князя В. С. Трубецкого (1892–1937), племянника автора — 180
- Трубецкая Любовь Васильевна (1828–1860), урожденная графиня Орлова-Денисова, княгиня, 1-я жена князя Н. П. Трубецкого — 11, 73
- Трубецкая Мария (Маша) Константиновна (1881–1943), урожденная графиня Хребтович-Бутенева, жена (с 1901) князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 488–490, 507, 508, 540, 554, 635
- Трубецкая Мария Григорьевна (1841–1889), урожденная Иловойская, княгиня, жена князя П. П. Трубецкого — 32
- Трубецкая Надежда Борисовна (1812–1909), урожденная княжна Святотопolk-Четвертинская, княгиня, жена князя А. И. Трубецкого — 37
- Трубецкая Надежда Михайловна, урожденная Веселовская, княгиня, жена князя А. П. Трубецкого — 32
- Трубецкая Ольга Николаевна (1867–1947), княжна, художница, сестра князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 28, 33, 481–482
- Трубецкая Прасковья (Паша) Владимировна (1860–1914), урожденная княжна Оболенская, жена (с 1887) князя С. Н. Трубецкого — 12, 124, 127–131, 133, 149, 162, 186, 200

- Трубецкая Софья Алексеевна (Мама) (1841–1901), урожденная Лопухина, княгиня, 2-я жена князя Н. П. Трубецкого, мать князя Г. Н. Трубецкого — 12, 49, 79–88, 91–96, 98, 100, 106, 109, 115
- Трубецкая Эмилия Александровна (1857–1878), княжна, дочь князя А. П. Трубецкого, кузина князя Г. Н. Трубецкого — 35
- Трубецкая Эмилия Петровна (1801–1869), урожденная графиня Витгенштейн, княгиня, жена князя П. И. Трубецкого, бабка князя Г. Н. Трубецкого. Дочь князя П. Х. Витгенштейна — 26, 30, 38, 39
- Трубецкой Александр Петрович (1830–1872), князь, действительный статский советник. Сын князя П. И. Трубецкого, дядя князя Г. Н. Трубецкого. В 1861–1872 гг. Харьковский губернский предводитель дворянства. Жена — Н. М. Трубецкая — 34
- Трубецкой Алексей Иванович (1806–1855), князь, брат деда князя Г. Н. Трубецкого — 37
- Трубецкой Алексей Иванович (1806–1855), князь, действительный статский советник, двоюродный дед князя Г. Н. Трубецкого — 37
- Трубецкой Владимир (Володя) Петрович (1885–1954), князь, сын князя П. Н. Трубецкого, жена — М. С. Лопухина; в эмиграции — 68
- Трубецкой Евгений (Женя) Николаевич (1863–1920), князь, кадет, процессор энциклопедии и истории философии права Московского университета. Брат князя Г. Н. Трубецкого. В 1907–1908 и 1915–1917 гг. член Государственного совета. В Гражданскую войну — на Юге России. Умер от тифа — 12, 15, 16, 26, 40, 44, 68, 76, 82, 83, 89, 95, 98, 118, 131, 142–144, 146, 147, 186, 496, 501, 642
- Трубецкой Иван (Женька) Иванович (1861–1884), князь, сын князя И. П. Трубецкого, кузен князя Г. Н. Трубецкого — 31, 32
- Трубецкой Иван Петрович (1825–1887), князь, сын князя П. И. Трубецкого, дядя князя Г. Н. Трубецкого; жена — Е. П. Трубецкая — 30, 31
- Трубецкой Константин (Костя) Григорьевич (1902–1920), князь, старший сын князя Г. Н. Трубецкого. Смертельно ранен в боях на Перекопе — 15, 431, 433, 463, 471, 481, 540, 576, 628, 635, 638, 667
- Трубецкой Луиджи (Джиджи) (1867–1959), инженер-электрик. Сын князя П. П. Трубецкого от 2-го брака с А. Винанс — 28
- Трубецкой Михаил Григорьевич (1905–1989), князь, 3-й сын князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 7, 15, 554
- Трубецкой Николай Григорьевич (1903–1961), князь, 2-й сын князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 15, 554
- Трубецкой Николай Иванович (1796–1827), князь, брат деда князя Г. Н. Трубецкого — 38
- Трубецкой Николай Петрович (1828–1900), князь, гофмейстер, музыковед и меценат, соучредитель

- Московской консерватории. Отец князя Г. Н. Трубецкого — 32
- Трубецкой Павел Петрович (1836–1914), князь, действительный статский советник (1886). Сын П. И. Трубецкого, дядя князя Г. Н. Трубецкого; жена — княгиня М. Г. Трубецкая — 187
- Трубецкой Паоло (Павел) (1866–1938), скульптор и художник. Сын князя П. П. Трубецкого от 2-го брака с А. Винанс — 28, 29, 152, 184
- Трубецкой Петр Григорьевич (1909–1965), князь, младший сын князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 15, 450, 554, 635
- Трубецкой Петр Иванович (1798–1871), князь, генерал от кавалерии; Слободско-Украинский (1833–1835), Смоленский (1837–1841) и Орловский (1841–1849) военный губернатор, сенатор (с 1849). Дед князя Г. Н. Трубецкого — 10, 26
- Трубецкой Петр Николаевич (1858–1911), князь, егермейстер, Московский губернский предводитель дворянства (1892–1906). Сын Н. П. и Л. В. Трубецких, старший сводный брат князя Г. Н. Трубецкого; жена — княжна А. В. Оболенская (1861–1939) —
- Трубецкой Петр Петрович (1822–1892), князь, сын П. И. Трубецкого, дядя князя Г. Н. Трубецкого — 28, 29
- Трубецкой Пьер (Петр) (1864–1936), художник-портретист; сын князя П. П. Трубецкого от 2-го брака с А. Винанс — 28
- Трубецкой Сергей (Сережа) Николаевич (1862–1905), князь, философ, профессор (с 1902) и ректор (1905) Московского университета. Брат князя Г. Н. Трубецкого; жена — княгиня П. В. Трубецкая — 12, 15, 68, 80, 87, 89, 111, 113, 124–127, 129, 130, 133, 142–144, 149, 153, 160–162, 167, 168, 173, 183, 186, 187, 200
- Трубецкой Сергей Григорьевич (1906–2003), князь, 4-й сын князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 15, 554, 535
- Трубридж (Troubridge) Эрнест (1862–1926), британский адмирал (1919); командиром эскадры крейсеров Средиземного моря (1913–1914); глава британской военно-морской миссии в Сербии (1915–1918), президент Дунайской комиссии (1919–1920) — 252, 253, 402, 404
- Труссон (Trousson) Эжен (1872–1938), французский дивизионный генерал (1934). В 1918 г. полковник, заместитель начальника штаба Восточной армии, в марте 1919 г. командующий союзными войсками в Крыму — 614–622
- Тундутов Дмитрий (Данзан) Давидович (1889–1923), князь, генерал-майор (1918). С сентября 1917 по февраль 1919 г. атаман Калмыцкого казачьего войска и 2-й помощник (по калмыцкой части) войскового атамана Астраханского казачьего войска. В эмиграции. В 1922 г. вернулся в Советскую Россию, был арестован и расстрелян — 520
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель — 41, 66, 180
- Тухолка Лев Федорович (1841–1899), тайный советник (1886), директор

- Департамента таможенных сборов
Министерства финансов (1882–
1894), сенатор (с 1894) — 77, 78
- Тухолка Сергей Владимирович (1874–
1954, Франция), статский совет-
ник; консул в Косовской-Митро-
вице (1907–1911), Басре (1911–1912),
Скопье (1912–1913) и Варне (1912–
1915) — 429
- Тхоржевский Иван Иванович (1878–
1951), статский советник; управ-
ляющий Канцелярии главно-
управляющего землеустройством
и земледелием (до 1916); началь-
ник Канцелярии, управляющий
делами Совета министров пра-
вительства Юга России (1920);
в эмиграции — 226
- Унковская** Авдотья Семеновна, дочь
С. Я. Унковского — 104
- Унковская Анна Ивановна, см.
А. И. Хвостова
- Унковская Анна Николаевна (1848–
1927), урожденная Коровкина,
жена (с 1865) И. С. Унковского
(1822–1886) — 134
- Унковская Варвара Ивановна (1867–
1894), дочь И. С. Унковского —
136
- Унковская Екатерина Ивановна (1873–
1935), дочь И. С. Унковского — 136,
141
- Унковская Софья Ивановна (1839–?),
урожденная Кологривова, дочь
А. П. Кологривовой, жена Я. С. Ун-
ковского — 103
- Унковские — 103, 136, 141, 150
- Унковский Дмитрий Семенович (1831–
1901), сын С. Я. Унковского — 103
- Унковский Иван Семенович (1822–
1886), адмирал (1879), морепла-
ватель и исследователь, сенатор
(с 1873) — 134
- Унковский Семен Иванович (ок. 1870–
1921), морской офицер, помещик
Калужской губернии, гимнази-
ческий приятель автора — 72,
134–137, 141, 174, 175
- Унковский Семен Яковлевич (1788–
1882), Калужский губернский
предводитель дворянства (1854–
1856) — 82, 103, 134, 135
- Унковский Яков Семенович (1828–
1898), действительный статский
советник, сын С. Я. Унковского,
жена — С. И. Унковская — 135
- Урусов Дмитрий Дмитриевич (1873–
1935), князь, брат С. Д. Урусова,
депутат и товарищ председа-
теля Государственной думы
(1912–1913), прогрессист. Остался
в Советской России, в 1930 г. от-
правлен в ссылку — 481
- Урусов Сергей Дмитриевич (1862–
1937), князь, депутат Государ-
ственной думы (1906), видный
масон, товарищ министра
внутренних дел (март — июнь
1917); член Правого центра (1918).
Остался в Советской России — 46,
449
- Урусова Екатерина Дмитриевна, см.
Е. Д. Лопухина
- Фашьотти** (Фашиотти) (Fasciotti)
Карло (1870–1958), барон, италь-
янский посланник в Румынии
(1911–1919) и Испании (1919–
1922) — 265, 266

- Федоров Михаил Михайлович (1858–1949), управляющий Министерством торговли и промышленности (1906), руководитель Земско-городского комитета по обеспечению армии (1914–1917); член Правого центра (1918); в эмиграции — 449, 457, 496, 502, 635, 636
- Федосья Степановна, няня Трубецких в Калуге (1880-е гг.) — 51, 91, 96
- Феланида Александровна, жительница Калуги, сестра жены С. П. Яковлева — 116
- Феодосьев Сергей Григорьевич (1880–1937), действительный статский советник (1915); государственный контролер (1916–1917); в Гражданскую войну — на Юге России и в Сибири; в эмиграции — 549
- Фердинанд I Саксен-Кобург-Готский (1861–1948), князь (1887–1908), царь Болгарии (1908–1918); в 1918 г. отрекся от престола — 237, 241–243, 245, 247, 248, 256, 258, 259, 288, 333, 427, 435–437
- Ферзен Мария Алексеевна (1893–1941), баронесса, дочь барона А. И. Сталь-фон-Гольштейна, жена графа П. Н. Ферзена; в эмиграции — 558
- Ферхмины — 401, 402
- Фетхи-бей, турецкий поверенный в делах в России (1914–1915) — 254, 255, 260
- Филатов Нил Федорович (1847–1902), врач, основатель русской педиатрической школы — 140
- Филиппеску (Filipescu) Николае (1862–1916), румынский политик, мэр Бухареста (1893–1895), военный министр (1910–1912) — 263
- Филиппов Тертий Иванович (1825–1899), действительный тайный советник (1889), сенатор (с 1883); государственный контролер (1889–1899) — 107, 198
- Филипс (Philips), английский полковник, военный атташе при британском посольстве в Сербии; начальник международного управления в Скутари — 379, 393
- Философовы — 111
- Фильд (Field) Джон (1782–1837), ирландский композитор и пианист-виртуоз — 74
- Фичев Иван (1858–1931), болгарский генерал-лейтенант (1914); начальник Генштаба (1910–1914) и военный министр (1914–1915) — 332
- Фишер Софья Николаевна (1836–1913), педагог, основательница и руководитель частной женской классической гимназии в Москве — 158
- Флер (Fler), Пельве де ля Мотт Анго, Рорбер де (1872–1927), маркиз де Флер, французский журналист и драматург, член Французской академии (1920) — 422
- Флеров Василий Иванович, студент, репетитор автора — 124
- Форгач (Forgách), Форгач фон Гимес унд Гач, Янош (1870–1935), граф, австро-венгерский посланник в Сербии (1907–1911), начальник 2-й секции МИД (1913–1917), в марте — ноябре 1918 — на Украине, глава торговой делегации, затем посланник — 221, 499

- Фортунатов Степан Федорович (1850–1918), историк, читал курс по истории европейских государств и США в XIX в. в Московском университете (1886–1911) — 163
- Фош (Foch) Фердинанд (1851–1929), маршал Франции (1918); помощник главнокомандующего (1914–1915), командующий Северной группой армий (1914–1916), начальник Генштаба (1917–1918); с апреля 1918 г. главнокомандующий армиями союзников во Франции; в 1919–1920 гг. президент Высшего военного совета Франции — 588
- Франц Иванович, учитель немецкого языка 5-й московской гимназии — 138
- Франц Фердинанд (1863–1914), эрцгерцог Австрийский; из дома Габсбургов-Лотарингских; племянник императора Франца Иосифа; с 1896 г. наследник австро-венгерского престола; убит боснийским террористом — 220, 341
- Франше д'Эспере (Franchet d'Esperey) Луи (1856–1942), маршал Франции (1921); командующий 5-й армией (1914–1916), Северной группой армий (1916–1918), войсками Союзников на Востоке (с июня 1918); верховный комиссар Франции на Юге России (1919) — 568, 569, 571, 578–582, 586–589, 594, 601, 602, 612, 614
- Фрейденберг (Freidenberg) Анри (1866–1975), французский полковник; в 1919 г. начальник штаба франко-греческих оккупационных войск на Юге России — 567, 671, 595–597, 599–601, 605, 608, 611
- Фуке (Fouquet), французский капитан, офицер связи при штабе Добровольческой армии (1918) — 581, 582, 594, 595
- Фурнье (Fournier) Пьер (1867–1945), французский бригадный генерал (1917); военный атташе при посольстве в Сербии и Черногории (1915–1916) — 368
- Фюрстенберг (Fürstenberg), 1-й секретарь посольства Австро-Венгрии в России (1914) — 227
- Хвостов** Алексей Алексеевич (1858–1940), тайный советник (1906), Черниговский губернатор (1903–1906), сенатор (с 1906); в эмиграции — 33
- Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918), действительный статский советник (1914); товарищ председателя Русского собрания (1913–1915), депутат Государственной думы (1912–1917); министр внутренних дел (1915–1916); расстрелян большевиками — 384
- Хвостов Венямин Михайлович (1868–1920), русский философ, доктор римского права — 145
- Хвостов Сергей Алексеевич (1855–1906), общественный и государственный деятель, действительный статский советник (1904); жена — А. И. Хвостова — 33, 136, 384
- Хвостова Анна Ивановна (1866–1938), дочь И. С. Унковского, жена С. А. Хвостова — 33, 136

- Хвостова Эмилия Алексеевна (1871–1949), княжна, дочь князя А. Ю. Долгорукова, кузина князя Г. Н. Трубецкого; жена А. А. Хвостова; в эмиграции — 33
- Хвощинский Абрам Петрович (1853–1894) — 119
- Хефенхюллер-Меч (Khevenhüller-Metsch; ошибочно Кевенгюллер) Рудольф фон (1844–1910), граф, австрийский посланник в Сербии (1881–1886), Бельгии (1886–1903), Франции (1903–1910) — 276
- Хижняков Василий Васильевич (1871–1949), земский деятель, в 1917 г. товарищ министра внутренних дел Временного правительства. Остался в Советской России — 533
- Хитрово Любовь Владимировна (1865–1923), урожденная Молостова, жена С. К. Хитрово — 154
- Хитрово Мария Ивановна, урожденная Ершова, дочь В. С. Ершовой, мать С. К. Хитрово и М. К. Хитрово (в замужестве Голицыной) — 111, 154
- Хитрово Мария Константиновна (1866–1930-е гг.), дочь М. И. Хитрово, замужем за князем Б. Б. Голицыным — 111
- Хитрово Сергей Константинович (1865–1931), брат М. К. Хитрово — 111
- Хмелев Н. Н., учитель греческого языка 5-й московской гимназии, впоследствии гласный Московской городской думы — 137
- Хойссер (Häusser) Людвиг (1818–1867), немецкий историк — 184
- Хрущов Александр Григорьевич (1872–1932), депутат Государственной думы (1906), кадет, товарищ министра финансов (май — октябрь 1917), управляющий Министерством финансов Временного правительства (июль 1917); член Правого центра (1918); остался в Советской России — 449, 450
- Цвиич** (Цвијић) Йован (1865–1927), сербский географ и этнограф, ректор Белградского университета (1906–1907, 1919–1920), председатель Сербской академии наук и искусств (1921–1927) — 273, 274
- Церетели Ираклий Георгиевич (1881–1959), князь, меньшевик, депутат Государственной думы (1907); министр почт и телеграфов, а также внутренних дел Временного правительства (1917); в 1918–1919 гг. один из лидеров Социал-демократической партии Грузии; в эмиграции — 567
- Чаев** Сергей Николаевич (1863–1944), инженер путей сообщения, изобретатель. В Гражданскую войну — на Юге России, в 1919 г. главноуполномоченный Крымского краевого правительства по снабжению армии; в эмиграции — 570
- Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор — 86, 152, 183
- Чапрашников, болгарский посланник в Сербии — 272, 273, 285
- Челищев Виктор Николаевич (1870–1952), кадет, в 1917 г. председа-

- тель правления Всероссийского союза юристов, в 1918–1919 гг. начальник Управления юстиции Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, представитель главнокомандующего в Конференции казачьих войск (1919); в эмиграции — 634, 635
- Черкасская Екатерина Алексеевна (1825–1888), урожденная Васильчикова, княгиня, жена князя В. А. Черкасского — 65
- Черкасский Владимир Александрович (1824–1878), князь, Московский городской голова (1869–1871); жена (с 1850) — княгиня Е. А. Черкасская — 62
- Чернин (Czernin), Чернин фон унд цу Худениц, Отто (1875–1962), граф, советник австрийского посольства в России (1914) посланник в Болгарии (1917–1918) — 226
- Черняев Михаил Григорьевич (1828–1898), генерал-лейтенант (1882); главнокомандующий сербской армией (1876), Туркестанский генерал-губернатор (1882–1884) — 94
- Чертков Михаил Федорович, сын Ф. Д. и Е. М. Чертковых, муж княжны А. Н. Трубецкой, сестры автора — 12, 199
- Чертков Федор Дмитриевич (1845–1899), воронежский помещик — 199
- Черткова Александра Николаевна (1872–1925), княжна, сестра князя Г. Н. Трубецкого; замужем за М. Ф. Чертковым — 89, 172, 173
- Черткова Елена Михайловна (1855–1924), дочь князя М. А. Оболенского, жена Ф. Д. Черткова — 199
- Черткова Мария Федоровна, см. М. Ф. Медем.
- Чириоль (Chiröl) Валентин (1852–1929), британский журналист, писатель и дипломат; заведующий иностранным отделом Times (1899–1912) — 317, 318
- Чиршский, Чиршки унд Бёгендорф (Tschirschky und Bögendorff) Генрих (1858–1916); германский посол в Австро-Венгрии (1913–1916) — 221
- Чичерин Борис Николаевич (1828–1904), правовед, философ, историк, публицист и педагог — 147, 164, 233
- Чичерина Варвара Алексеевна (1889–?), дочь А. А. и Е. Д. Лопухиных — 47
- Чолак-Антич (Чолак-Антић) Бошко (1871–1949), сербский посланник в Болгарии, Румынии, Италии и Швеции, маршал Двора (1935–1941) — 285, 361, 366
- Чуковский Корней Иванович (1882–1969), журналист, литературный критик — 424
- Чхеидзе Николай Семенович (1864–1926), меньшевик, депутат Государственной думы (1907–1917); председатель Петросовета (февраль — сентябрь 1917) и Всероссийского ЦИК (июнь — октябрь); в 1918 г. председатель Закавказского сейма — 567
- Шавельский** Георгий Иванович (1871–1951), с 1911 г. протопресвитер военного и морского духовенства, одновременно с 1913 г.

- настоятель Федоровского собора в Царском Селе, в 1915–1917 гг. присутствующий член Св. Синода. С 1918 г. протопресвитер военного и морского духовенства Добровольческой армии; в эмиграции — 314, 558, 626
- Шадурская Ольга Александровна, дочь А. Э. фон Винклера, кузина князя Г. Н. Трубецкого; в эмиграции — 33
- Шалапин Федор Иванович (1873–1938), оперный и камерный певец, имел звания солиста Его Величества (1912) и народного артиста Республики (1918, присвоено впервые) — 190
- Шамшев Петр Николаевич (1868–1943), генерал-майор, в Гражданскую войну — на Юге России; жена — М. П. Шамшева; в эмиграции — 36
- Шамшев Петр Петрович, сын П. Н. и М. П. Шамшевых — 37
- Шамшева Мария Павловна, дочь П. В. и М. П. Зиновьевых, кузина князя Г. Н. Трубецкого; жена П. Н. Шамшева — 35, 36
- Шамшева Мария Петровна, см. М. П. Комаровская.
- Шамшева Эмилия Петровна, см. Э. П. Мостовая.
- Шапинац, майор сербской армии — 301
- Шателен Мария Владимировна (1879–1923), старшая дочь В. И. Ершова и Е. М. Ершовой, фрейлина двора (1898), с 1910 г. замужем за В. А. Шателеном (1864–1935), управляющим двором великого князя Александра Михайловича — 156
- Шаховская Софья Николаевна, см. С. Н. Родионова.
- Родионова Софья Николаевна, княжна, дочь Н. И. и Н. А. Шаховских, троюродная сестра князя Г. Н. Трубецкого; жена С. К. Родионова — 38
- Шаховская Наталья Алексеевна (1834–1918), княгиня, дочь князя А. И. Трубецкого, жена Н. И. Шаховского — 38
- Шаховские — 38
- Шаховской Николай Иванович (1823–1890), князь, тайный советник (1871), сенатор (с 1871). Жена — княгиня Н. А. Шаховская — 38
- Шварц Александр Николаевич (1848–1915), действительный тайный советник (1910); директор 5-й Московской гимназии (1887–1897), министр народного просвещения (1908–1910), член Государственного совета (с 1907) — 13, 134, 138, 139, 158, 159, 163
- Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953), генерал-лейтенант (1917). В 1914–1915 гг. комендант Ивангородской, в 1915–1916 гг. — Карсской крепостей. В 1918 г. — в РККА, затем уехал в Одессу. В марте 1919 г. военный генерал-губернатор Одессы; в эмиграции — 568, 601, 604, 607, 608, 611
- Швимбах, доктор в Калуге — 115
- Швимбах, ученик Калужской гимназии — 115
- Шебеко Николай Николаевич (1863–1953), посланник в Румынии

- (1912–1913) и Австро-Венгрии (1913–1914); в эмиграции — 222
- Шевалье, полковник французской армии — 418
- Шевич Иван Егорович (1838–1912), действительный тайный советник (1905); Калужский (1871–1882) и Лифляндский (1882–1885) губернатор, сенатор (с 1885), член Государственного совета (с 1903) — 116
- Шейдеман (Scheidemann) Филипп (1865–1939), немецкий социал-демократ, депутат Рейхстага (с 1903), член правительства без портфеля (октябрь — ноябрь 1918); с ноября 1918 г. глава переходного правительства, в феврале — июне 1919 г. рейхсканцлер — 559
- Шереметев Сергей Алексеевич (1836–1896), генерал от кавалерии (1891), начальник Кубанской области (1882–1884), главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующим войсками Кавказского военного округа (1890–1896), член Государственного совета (с 1896) — 31
- Шиллинг Генриетта (Рита) Фабиановна (1874–?), дочь Ф. Г. Шиллинга — 104
- Шиллинг Маврикий (Мориц) Фабианович (1872–1934), гофмейстер (1916), директор Канцелярии министра иностранных дел (1911–1916), сенатор (с 1916); сын Ф. Г. Шиллинга; в эмиграции — 104, 226, 262, 346
- Шиллинг Фабиан Густавович (1830–1917), Калужский уездный воинский начальник; жена — графиня Екатерина Михайловна Нирод (1850–1874) — 17, 104
- Шимкевич Мария Самуиловна (1882–1964), с 1901 замужем за П. Каролус-Дюраном, хозяйка салона (Париж) — 422
- Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920), один из лидеров Союза 17 октября и Партии мирного обновления (с 1906); в Гражданскую войну — один из руководителей Национального центра. Умер в тюрьме — 66
- Шишкин Николай Иванович (1840–1906), педагог, физик, математик, автор философских трудов, приват-доцент Московского университета — 150
- Шишкин Николай Павлович (1826–1902), тайный советник (1882), с 1891 товарищ министра иностранных дел; с 1895 — временный управляющий МИД; министр иностранных дел (1896–1897) — 192
- Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947), генерал-лейтенант (1919). В 1918 г. командир белого партизанского отряда на Кубани, командир дивизии и бригады, в 1919 г. — III Кубанского конного корпуса, в январе — феврале 1920 г. командующий Кубанской армией. В эмиграции. В 1945 г. выдан англичанами СССР; приговорен к смертной казни и повешен — 564
- Шлиппе Федор Васильевич (1873–1951), председатель Московской

- губернской земской управы (1913–1915), товарищ главноуполномоченного Всероссийского земского союза (1914); в эмиграции — 534
- Шрамм Константин Федорович (1835–?), генерал от инфантерии (1905), начальник Тульского (1887), Лифляндского (1887–1891) и Московского (1891–1905) губернских жандармских управлений — 118, 121
- Штрاندман (Штрандтман) Василий Николаевич фон (1877–1963), коллежский советник (1912) 1-й секретарь российской дипломатической миссии в Белграде (1911–1915) и Италии (1917); посланник белого Всероссийского правительства в Югославии (1919–1924) — 270, 308
- Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), обер-камергер (1916); председатель Совета министров (январь — ноябрь 1916), министр иностранных (июль — ноябрь 1916) и внутренних (март — июль 1916) дел; умер в тюрьме — 427–431
- Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), националист, депутат Государственной думы (1907–1917); в Гражданскую войну на Юге России, затем в эмиграции. В 1944 г. вывезен в СССР и осужден. В 1956 г. освобожден — 499, 512, 516, 522, 543, 548, 552, 583
- Щекин**, столоначальник 7-го класса в Министерстве иностранных дел — 193
- Щепкин Дмитрий Митрофанович (1879–1937); товарищ министра внутренних дел Временного правительства (март — август 1917), председатель Совета общественных деятелей (1917–1920), один из руководителей Правого центра; остался в Советской России, расстрелян — 447, 448, 501, 551
- Щербатов Александр Алексеевич (1829–1902), князь, действительный статский советник (1869), московский городской голова (1863–1869) — 147, 174
- Щербатов Николай Борисович (1868–1943), князь, действительный статский советник (1913); управляющий государственным коннозаводством (1913–1915) и Министерством внутренних дел (июнь — сентябрь 1915); в эмиграции — 384
- Щербатов Сергей Александрович (1875–1962), князь, художник, коллекционер и меценат; в эмиграции — 149, 179
- Щербатова Мария Павловна (1836–1892), урожденная Муханова, княгиня, жена (с 1855) князя А. А. Щербатова — 147
- Щербатовы, князья — 96, 146–149, 170, 186, 189
- Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857–1932), генерал от инфантерии (1914); командующий 11-й армией (с 1915), помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта (1917–1918); в 1919 г. военный представитель ВСЮР при союзных правительствах

- и союзном Верховном командовании; в эмиграции — 520, 575, 578
- Щербина Григорий Степанович (1868–1903), российский дипломат, вице-консул в Скутари (Шкодер) с 1907 г.; убит — 362
- Шукин Сергей Иванович (1854–1936), московский купец и коллекционер; в эмиграции — 37
- Эбергард** Андрей Августович (1856–1919), адмирал (1913), командующий флотом Черного моря (1911–1916) — 313
- Эдуард (1894–1972), принц Уэльский и наследник британского престола (с 1910); в 1936 король Великобритании и Ирландии Эдуард VIII (отрекся); с 1937 г. герцог Виндзорский — 423
- Эдуард VII (1841–1910), король Великобритании и Ирландии (с 1901) из Саксен-Кобург-Готской династии — 229, 242
- Эйкен (Eucken) Рудольф Кристоф (1846–1926), немецкий писатель и философ — 677
- Элиот, см. Г. Бэкс-Айронсайд
- Энвер-паша (1881–1922), турецкий полный генерал; военный министр (1913–1918), член правящего триумвирата; погиб в бою — 253, 254
- Энгельгардт, сестра милосердия — 302, 401
- Энкель Оскар Карлович (1878–1960), полковник (1912); военный агент в Италии (1914–1917); с 1919 г. в финской армии, генерал-лейтенант (1924) — 580
- Энно (Henno) Эмиль, французский разведчик, капитан; вице-консул в Киеве (1917) и генеральный консул в Одессе (1918–1919) — 565, 568, 586, 587, 595
- Эпифани Александра Викторовна (Лина) (1875–1930), княжна, дочь князя В. Н. Гагарина, замужем за Гуго Эпифани — 172
- Эрбет (Herbette) Жан (1878–1960), французский журналист и дипломат — 422
- Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939), генерал от кавалерии (1917); командующий Особой армией (1917); главноначальствующий и командующий войсками Северного Кавказа (1919–1920); в эмиграции — 456, 579, 583
- Эрлангер Антон Максимович (1839–1910), предприниматель и меценат, один из крупнейших мукомолов России — 551, 554
- Эрлиш (Erlich) Жан (1884–1965), французский политик, лейтенант, член Объединенной социалистической партии; в 1918 г. французский агент в Екатеринодаре; член (1919–1924) и секретарь (1919–1921) Палаты депутатов — 565
- Эссад-паша Топтани (1863–1920), турецкий генерал, командир турецкого гарнизона г. Скутари; глава правительства Албании (1914–1916) — 388
- Эссен Антоний Оттович фон (1863–1919), егермейстер (1912); помощник генерал-губернатора Варшавы по гражданской части (1910–1914), сенатор (с 1914); расстрелян большевиками — 233

- Эшлиман Карл Иванович (1808–1893), архитектор Южного берега Крыма (с 1834), архитектор-строитель сооружений в Ореанде (с 1850) — 554
- Ювжик-Компанец** Е. В., владелица дачи в Мысхако (1919) — 573, 574
- Юркевич Ольга Германовна фон (1869–?), дочь Г. А. фон Тобизена, жена П. Н. Юркевича — 117
- Юсупов Феликс Феликсович (1856–1928), князь (с 1891), граф Сумароков-Эльстон (с 1856), генерал-лейтенант (1915); главный начальник Московского военного округа и главноначальствующий над Москвой (1915); в эмиграции — 287
- Яблочкин** Павел Николаевич (1847–1894), инженер-электротехник, изобретатель дуговой лампы («свеча Яблочкова») — 107
- Яковлев Семен Павлович, житель Калуги — 116
- Яковлева Софья Семеновна, дочь С. П. Яковлева — 116
- Яковлевы — 89, 116
- Якушев, секретарь российского консульства в Белграде (1914) — 270, 352
- Янов Георгий Петрович (1875–1924), генерал-майор войска Донского; в январе 1918 г. войсковой есаул и член Донского правительства, председатель Круга спасения Дона и Временного Донского правительства (1918), начальник Донской войсковой стражи (1918–1919); в эмиграции — 467, 468
- Ян-Рубан (наст. фам. Петрункевич) Анна Михайловна (1874–1955), камерная певица (сопрано), племянница И. И. Петрункевича, жена В. И. Поля; в эмиграции — 566
- Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918), генерал от инфантерии (1914); начальник Николаевской военной академии (1913–1914), начальник Генштаба (1914) и начальником штаба при Верховном главнокомандующем (1914–1915), помощник по военной части Наместника на Кавказе (1915–1917) и главный начальник снабжений Кавказской армии (1916–1917); убит — 222, 224, 312–314

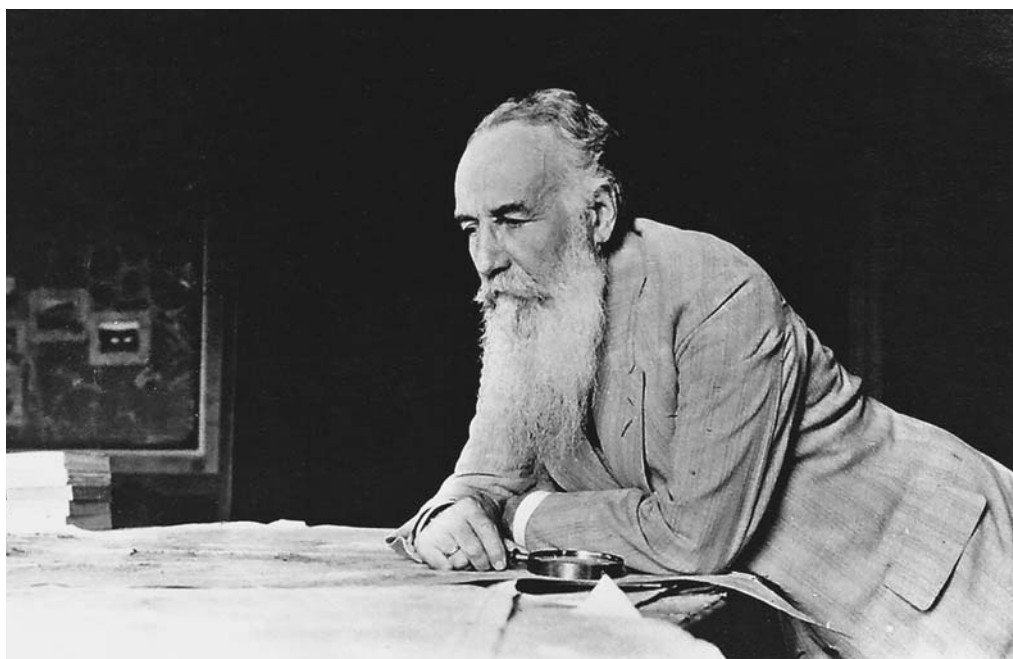

Григорий Николаевич
Трубецкой.

Крагуевац, Сербия. 1914 г.

Наследный принц Сербии Александр
(в центре) и Григорий Николаевич
Трубецкой (крайний справа) с сотрудниками
госпиталя Русской миссии.

Ниш, Сербия. 1914 г.

Король Сербии Петр I
Карагеоргиевич

Никола Пашич, премьер-министр
Сербии (1912-1918)

Митрополит Сербский Дмитрий
и епископ Нишский Досифей,
по инициативе которого был открыт
детский приют при Русской миссии,
с сотрудниками.

Ниш, Сербия. 1915 г.

Сотрудники госпиталя
Русской миссии на прогулке.

Ниш, Сербия. 1915 г.

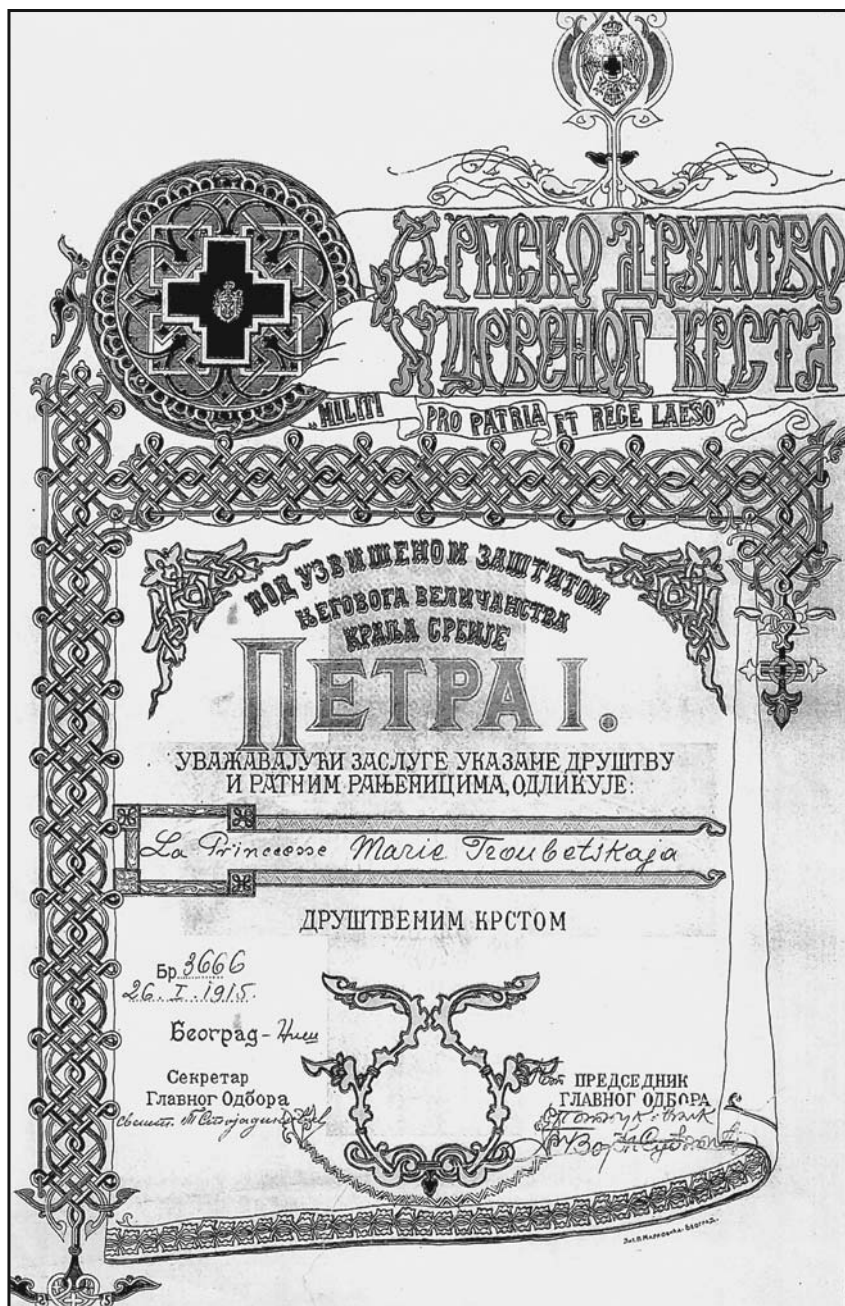

Перевязочная для раненых солдат в госпитале Русской миссии.

Ниш, Сербия. 1915 г.

Карантинные бараки для заразных пациентов, организованные Комитетом помощи Сербии при Русской миссии.

Ниш, Сербия. 1915 г.

Благодарственна грамота короля
Сербии Петра I княгине Марии
Константиновне Трубецкой,
супруге Григория Николаевича
Трубецкого за заслуги перед
обществом и помощь раненым

Благотворительная столовая
Комитета помощи Сербии
при Русской миссии.
Ниш, Сербия. 1915 г.

Полевая кухня московского
госпиталя Александринской общины
сестер милосердия в Сербии.
Ниш, Сербия. 1915 г.

Детский приют при Русской миссии.
Ниш, Сербия, 1915 г.

Санаториј за дјеце болних
туберкулезом у манастиру
Светог Петки.

Ниш, Србија. 1915 г.

Девочки в сербских
национальных костюмах

Сербский мальчик
в военной форме

Продавец кваса на рыночной
площади в Нише

Продавец ракии на рыночной
площади в Нише

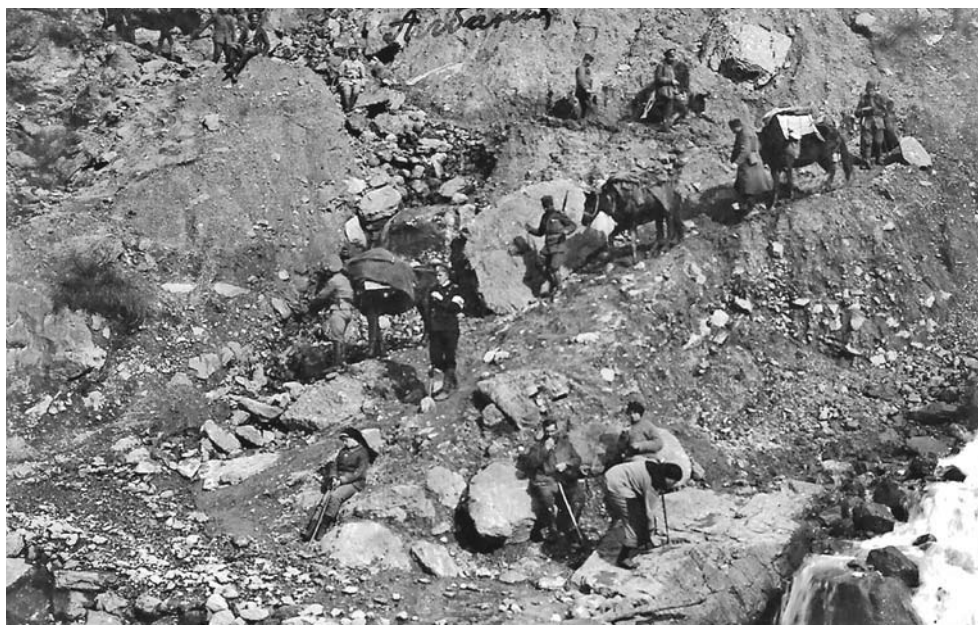

Албанские рекруты
в сербской армии

Сербский солдат из отряда снабжения.
Скутари (Шкодер), Сербия. 1915 г.

Сербский военный лагерь
в Скутари (Шкодер).
1915 г.

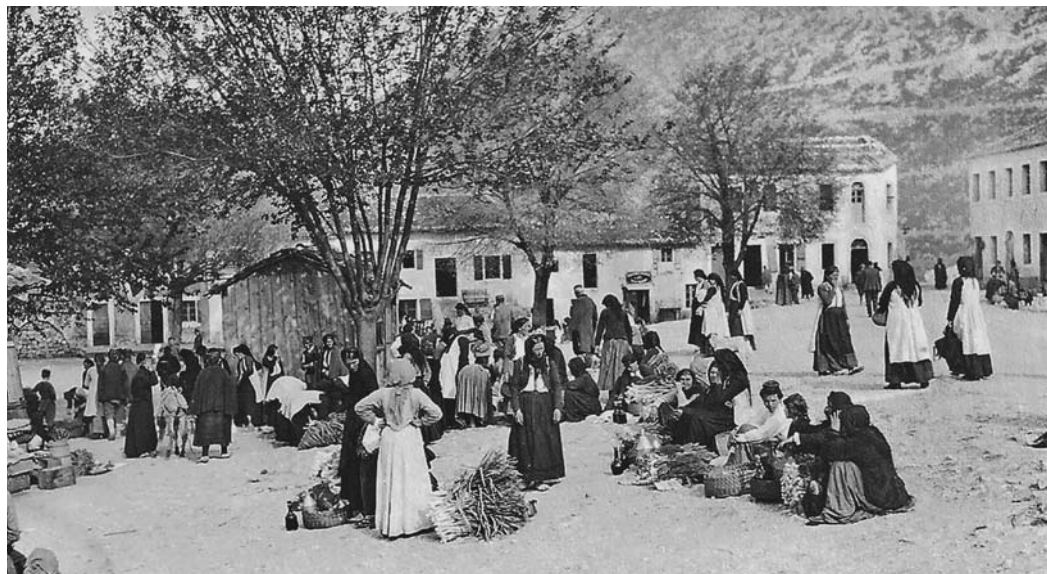
Переход сербской армии через горы
Чакор на границе Сербии и Черногории.
1915 г.

Привал в горной хижине — хане —
во время перехода через горы Чакор.
1915 г.

Горный перевал на пути в Андриевицу
(Албания) во время отступления
сербской армии в 1915–1916 гг.

Переправа через горную
реку на пути в Андриевицу
(Албания)

**Сербские беженцы
ожидают эвакуации.**

Вирпазар, Черногория. Конец 1915–1916 гг.

**Эвакуация из Вирпазара
(Черногория).**

1916 г.

**Эвакуация сербских беженцев
из Вирпазара (Черногория).**
1916 г.

**Эвакуация на греческий
остров Корфу (Керкира).**
1916 г.

Григорий Николаевич Трубецкой
ВОСПОМИНАНИЯ РУССКОГО ДИПЛОМАТА

Ответственный редактор *Е. Р. Секачева*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Л. А. Куртова*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 07.08.2020.
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 50.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-907171-13-8

